

БИБЛИОТЕКА ЭКОНОМИСТОВЪ.

ДЖОНЪ СТЮАРТЪ МИЛЛЬ.

ОСНОВАНІЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ

СЪ

нѣкоторыми изъ ихъ приложений къ общественной
философiи.

ПЕРЕВОДЪ

Александра Миклашевскаго.

ИЗДАНИЕ К. Т. СОЛДАТЕНКОВА.

Цѣна 1 рубль.

ВЫПУСКЪ IV.

МОСКВА.

Типо-Лит. О. И. Лашкевичъ и К^о. Москва, Тверская. д. Саввинскаго подворья.

1895.

Внѣбскіе педагогическіе
институты им. С. К. КИРИЛЛОВА

1923

Джонъ-Стюартъ Милль.

Фототипія Шереръ, Набгольць и К^о въ Москвѣ.

ДЖОНЪ СТУАРТЪ МИЛЛЪ.

БИБЛИОТЕКА ЭКОНОМИСТОВЪ.

РЕДАКЦІЯ: *М. ЩЕПКИНЪ. — И. ВЕРНЕРЪ.*

ВЫШЛИ:

Адамъ Смитъ.

Давидъ Рикардо.

Т. Р. Мальтусъ.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Іеремія Бентамъ.

Д. Юмъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ*).

	<i>Стр.</i>
Джонъ Стюартъ Милль, біографическій очеркъ, составленный А. Миклашевскимъ.	VII—LXXI
Предисловіе Д. С. Милля	LXXII—LXXV
<i>Вступленіе.</i> Предметомъ политической эконо- номіи служить богатство	1—39

КНИГА I.

Производство.

Глава I.— <i>Элементы производства.</i> Значеніе или функція труда въ производствѣ	40—46
Глава II.— <i>Трудъ, какъ дѣятель производ-</i> <i>ства</i>	47—50
Глава III.— <i>О трудѣ непроизводительномъ.</i> Трудъ не производитъ продуктовъ, но	

---

*) Въ этомъ оглавленіи указаны только параграфы, сохраненные почти вполнѣ, но въ отмѣчаемыхъ главахъ затронуты (въ сокращеніи) и другіе разбираемые Миллемъ вопросы. См. полное оглавленіе въ концѣ книги. Настоящее русское изданіе составлено и переведено нами съ послѣдняго англійскаго изданія „Основаній“ (1892), составляющаго точнѣйшую перепечатку 6-го изданія, начиная съ котораго авторъ уже не дѣлалъ болѣе никакихъ измѣненій. Французскимъ изданіемъ Роке

полезности. Полезности бываютъ трехъ видовъ. Производительнымъ трудомъ называется такая дѣятельность, которая создаетъ полезности, содержащіяся и воплощенныя въ матеріальныхъ предметахъ	58—61
Глава IV. —Капиталь	62—64
Глава V. — <i>Основныя теоремы относительно капитала.</i> Размѣръ промышленности ограниченъ размѣромъ капитала. Возрастаніе капитала даетъ для труда увеличеніе занятій, не имѣющее границъ. Капиталь—результатъ сбереженія. Всякій капиталъ потребляется. Капиталь поддерживается не черезъ сохраненіе, а черезъ постоянное воспроизводство. Отчего страны быстро оправляются послѣ опустошеній? Спросъ на товары не есть спросъ на трудъ	65—101
Глава VI — <i>О капиталѣ основномъ и оборотномъ.</i> Что такое основной капиталъ? Возрастаніе основного капитала за счетъ оборотнаго можетъ вредно отражаться на интересахъ рабочихъ. Вредное вліяніе усовершенствованій, хотя и встрѣчается, но весьма рѣдко	102—118

мы почти не пользовались и внесли въ наше изданіе тѣ части трактата Д. С. Милля, которыя казались намъ наиболѣе важными. Недостатокъ отведеннаго намъ мѣста побуждалъ многое опустить, многое дать только въ сжатомъ изложеніи, пользуясь при этомъ, однако, почти исключительно подлинной фразеологіей самаго Д. С. Милля. Примѣч. перевод. А. М.

КНИГА II.

Распределение.

- Глава I.** — *Собственность.* Критика коммунизма. Критика Сень-Симонизма и Фурьеризма. Продолжение о томъ же предметѣ. Наслѣдованіе. Завѣщаніе. Еще нѣкоторыя соображенія . . . . . 119—171
- Глава III.** — *Классы, между которыми раздѣляется продуктъ.* Иногда продуктъ раздѣляется между тремя классами. Иногда продуктъ достается одному классу, а иногда и двумъ . . . . . 172—177
- Глава IV.** — *Соперничество и обычай.* Соперничество не является единственнымъ регуляторомъ раздѣла продукта. Вліяніе обычая на ренты и на наемъ земли. Вліяніе обычая на цѣны . . . . . 178—187
- Глава XI.** — *О заработной платѣ.* Заработныя платы зависятъ отъ предложенія труда и спроса на него или отъ отношенія между населеніемъ и капиталомъ. Разборъ нѣкоторыхъ распространенныхъ мнѣній относительно заработной платы. Надлежащая задержка въ размноженіи населенія является единственнымъ средствомъ упрочить благосостояніе рабочихъ классовъ . . . . . 188—201
- Глава XV.** — *О прибыляхъ.* Прибыль распадается на три части. Прибыль стремится къ равенству. Прибыль не зависитъ отъ цѣнъ и не составляетъ результата покупокъ и продажъ. Затраты

капиталиста заключаются въ платежѣ заработныхъ платъ. Норма прибыли зависитъ отъ стоимости труда	202—225
Глава XVI. — <i>О рентѣ.</i> Рента — результатъ естественной монополіи. Какая земля даетъ ренту? Рента не входитъ въ стоимость производства земледѣльческаго продукта	226—235

КНИГА III.

Обмѣнъ.

Глава I. — <i>О цѣнности.</i> Предварительныя замѣчанія	236—239
Глава VI. — <i>Краткій обзоръ теоріи цѣнностей.</i> Какъ измѣняется теорія цѣнности, когда работники занимаются производствомъ лишь для собственнаго существованія	240—249
Главы XVII и XVIII. — <i>Международная торговля и международныя цѣнности.</i> Стоимость производства не служитъ регуляторомъ международныхъ цѣнностей. Цѣнность товаровъ международного рынка зависитъ отъ условій уравненія международного запроса	250—256
Глава XXI. — <i>Распредѣленіе золота и серебра по торговому свѣту . . . . .</i>	257—263

КНИГА IV.

Вліяніе прогресса общества на производство и распредѣленіе .

Глава I. — *Характерныя черты общества, ко-*

	Стр.
<i>торое обогащается. Предварительныя замѣчанія . . . . .</i>	264—271
Глава IV. — <i>Тенденція прибыли къ минимуму.</i>	
Отчего зависитъ минимумъ прибыли	272—277
Глава IV. —Неподвижное состояніе	278—283
Глава VII. — <i>Вѣроятная будущность рабочихъ классовъ. Теорія зависимости и покровительства не приложима къ современному состоянію общества. Будущее благосостояніе рабочихъ классовъ главнымъ образомъ зависитъ отъ ихъ умственного развитія. Вѣроятныя послѣдствія умственного развитія. Въ современныхъ обществахъ обнаруживается стремленіе къ устраненію отношеній, которыя заключаются въ наймѣ съ одной стороны и въ выполненіи работы въ качествѣ наемника съ другой. Соперничество не вредно, но полезно и необходимо . . . . .</i>	283—307

КНИГА V.

О вліяніи правительства.

Глава I. — <i>О функціяхъ правительства вообще.</i>	
Характеръ необходимыхъ функцій правительства весьма разнообразенъ. Раздѣленіе предмета	308—313
Главы VIII и IX. — <i>Обыкновенныя правительственныя функціи со стороны экономическаго ихъ вліянія. Послѣдствія недостаточной обеспеченности личности и собственности . . . . .</i>	314—316

Глава X.— О вмѣшательствѣ правительства, основанномъ на ложныхъ теоріяхъ . . .	317—318
Глава XI.— Основанія и границы принципа <i>laissez faire</i> или невмѣшательства. Пра- вительственное вмѣшательство можно раздѣлить на два вида: повелительное и неповелительное. Главнѣйшіе случаи, гдѣ правительственное вмѣшательство не можетъ быть допущено. Общее пра- вило <i>laissez faire</i> — подлежитъ однако широкимъ ограниченіемъ. Правительст- венное вмѣшательство можетъ быть необходимо при недостаткѣ частной дѣятельности, гдѣ эта послѣдняя могла бы быть болѣе полезною	319—330
Полное оглавленіе „Основаній“	331—342

Джонъ Стюартъ Милль.

Извѣстный авторъ „Исторіи цивилизаціи въ Англии“ Генри Томасъ Бокль въ одной изъ своихъ статей справедливо сказалъ, что Д. С. Милль былъ одинъ изъ тѣхъ писателей, которые наиболѣе всего содѣйствовали успѣхамъ знанія въ 19 вѣкѣ. Сила Д. С. Милля заключалась, впрочемъ, не столько въ творческой оригинальности, сколько въ умѣніи воспользоваться всѣмъ наличнымъ запасомъ знаній, привести ихъ въ систему, переработать, дополнить, освѣтить и представить въ живой и ясной формѣ. При изученіи всѣхъ вопросовъ, которыми занимается Д. С. Милль, онъ приводитъ свои взгляды въ связь съ учениями предшественниковъ, обнаруживая при этомъ, по мѣткому замѣчанію Д. Э. Кернса, если не оригинальность, то не менѣе рѣдкія и цѣнныя для мыслителя качества: скромность, широту ума и глубокую начитанность. Всякому, кто занимался хоть сколько нибудь общественными науками, приходилось замѣчать, что нѣтъ почти ни одного трактата, въ которомъ прямо или косвенно не упоминалось - бы имя Д. С. Милля. По всѣмъ почти отдѣламъ общественныхъ наукъ онъ

успѣлъ сказать свое вѣское и продуманное слово и несомнѣнно имѣлъ громадный успѣхъ. Книги его выдержали громадное количество изданій и можно смѣло сказать, что онъ долгое время господствовалъ подъ умами. „Для того, чтобы господствовать надъ умами, говоритъ Н. Х. Бунге*) въ своей статьѣ о Д. С. Миллѣ, надо имѣть много таланта, но и этого мало: надо обладать способностью удовлетворять потребностямъ мыслящаго общества, проникнуться его завѣтными стремленіями и надо умѣть поставить себя такъ, чтобы быть для всѣхъ своимъ“. Именно этимъ искусствомъ въ высокой степени обладалъ Д. С. Милль. Изъ всего нижеслѣдующаго читатель увидитъ, какъ отзывчиво относился Милль ко всѣмъ вопросамъ, которые волновали его современниковъ. Живя въ переходную эпоху, онъ измѣнялся съ ея преобразованиемъ, всегда стараясь оставаться справедливымъ человекомъ и истиннымъ ученымъ. Вліяніе его было сильно не только, какъ мыслителя, но и какъ человека своеобразныхъ, не всегда опредѣленно выраженныхъ, но стойкихъ политическихъ и философскихъ убѣжденій. Можно безъ ошибки сказать, что онъ былъ однимъ изъ лучшихъ и симпатичнѣйшихъ представителей англійскаго философскаго и политическаго радикализма, вліяніе котораго еще далеко не исчезло и въ наше время. Его жизнь и труды надолго еще сохранятъ неумирающій интересъ. Въ настоящемъ очеркѣ мы имѣемъ намѣреніе коснуться лишь главнѣйшихъ сторонъ жизни

---

*) См. Н. Х. Бунге. Очерки политико-экономической литературы. Спб. 1895, стр. 313, ст. Д. С. Милль, какъ экономистъ.

и ученой дѣятельности этого человѣка, котораго В. Э. Гладстонъ справедливо назвалъ „святымъ рационализма“.

Въ своей автобіографіи *) Д. С. Милль просто и искренно разсказалъ намъ исторію своей жизни, которая, по его собственнымъ словамъ, не блещетъ особыми событіями. Нельзя сказать, чтобы, выражаясь такимъ образомъ, Милль былъ особенно справедливъ къ самому себѣ. Жизнь его прошла не только въ постоянномъ общеніи съ лучшими людьми и общественными теченіями его времени, но и въ почти непримѣрной, напряженной научной работѣ и практической дѣятельности. Жизнь такого человѣка нельзя называть жизнью „безъ событій“, когда всякій трудъ и всякое слово его что-нибудь вносили въ сокровищницу человѣческаго знанія. Д. С. Милль можетъ служить прекраснымъ примѣромъ писателя-экономиста, который всю свою жизнь проповѣдывалъ, что народное благосостояніе создается только умственнымъ и физическимъ трудомъ и свято проводилъ это начало въ своей дѣятельности, стараясь собственнымъ, въ большинствѣ случаевъ чрезмѣрнымъ, трудомъ принести посильную пользу не только своему народу, но и всему человѣчеству. Исторія его жизни — исторія цѣлаго поколѣнія, которое вступило въ жизнь съ строго определенными и выраженными воззрѣніями, но которому пришлось въ концѣ концовъ сильно измѣнить свои взгляды подъ давленіемъ новыхъ фактовъ и необыкновеннаго роста знанія, которое такъ характерно для первой половины 19 вѣка. Нѣсколько

---

*) Autobiography London, 3 изд. 1874 г.

неопредѣленное положеніе, которое занималъ Д. С. Милль, какъ въ практической жизни, такъ и въ наукѣ, а также нѣкоторая непослѣдовательность во взглядахъ, всецѣло объясняется переходнымъ характеромъ эпохи, въ которую онъ жилъ и дѣйствовалъ. Онъ ясно видѣлъ, что возвратъ къ старому во многихъ отношеніяхъ дѣло невозможное, но можно ли его упрекнуть въ томъ, что онъ не могъ точно или ясно указать то направленіе, къ которому стремится наше общественное развитіе, если и для насъ самихъ оно все еще остается неяснымъ: ни новыя научныя открытія, ни преобразованія въ общественной жизни и нравственности не совершаются внезапно.

Въ научной карьерѣ и личной судьбѣ этого человѣка, который по его собственнымъ словамъ, „всегда стремился впередъ, одинаково готовый учиться, такъ и разучиваться въ тѣхъ идеяхъ, которыя принадлежатъ ему лично или были заимствованы имъ отъ другихъ“ *)—есть что-то чарующее. Всю жизнь свою онъ стремился къ истинѣ и справедливости, полагая, что религія долга, которой онъ, также какъ и его отецъ, придерживались, требуетъ отъ человѣка, чтобы онъ неустанно работалъ надъ великимъ дѣломъ усовершенствованія знанія и общественной жизни. „Мысли тѣхъ, кто не удовлетворяется современной жизнью, говоритъ онъ въ той-же автобіографіи**), кто стремится къ радикальному ея преобразованію, обыкновенно сосредоточиваются на двухъ областяхъ. Мысли однихъ всецѣло заняты конечными стремленіями, тѣмъ, что составляетъ высшую основу идеала, который можетъ быть осуществленъ въ

---

*) I. c. Autob., стр. 2. **) I. c. 189.

человѣческой жизни; мысли другихъ поглощены тѣмъ, что непосредственно полезно и осуществимо въ ближайшее-же время“. Д. С. Милль причисляетъ себя къ людямъ второй категоріи. Какъ въ наукѣ, такъ и въ своихъ практическимъ предложеніяхъ онъ не былъ человѣкомъ рѣзкихъ мнѣній, по крайней мѣрѣ съ нашей современной точки зрѣнія. Не умиравшее въ немъ благородное стремленіе къ истинѣ дѣлало изъ него смѣлаго критика, который не удовлетворялся и боролся съ господствующими мнѣніями, но прирожденная объективность и укоренившееся нѣсколько странное убѣжденіе, что истина лежитъ по срединѣ между двумя крайними мнѣніями, неизбѣжно приводило къ своеобразнымъ послѣдствіямъ. Въ своихъ научныхъ построеніяхъ онъ допускалъ массу оговорокъ, часто даже непослѣдовательностей, и въ практическихъ предложеніяхъ ограничивался полумѣрами. Такая душевная раздвоенность была, впрочемъ, отчасти также результатомъ его воспитанія, построеннаго на крайне одностороннихъ началахъ. Заглянемъ же ближе въ исторію этой прекрасной жизни. Въ ней, какъ въ зеркалѣ отражается, какъ вся эпоха, въ которую жилъ и дѣйствовалъ Д. С. Милль, такъ и его благородная и справедливая душа.

Д. С. Милль родился въ Лондонѣ 20 мая 1806 г. и былъ сыномъ извѣстнаго экономиста и философа Джемса Милля (род. 1773, ум. 1836 года). Послѣдній происходилъ изъ бѣдной шотландской семьи. Отецъ Джемса Милля былъ сапожникомъ, мать — дочерью фермера. Благодаря покровительству сэра Джона Стюарта Феттеркэна онъ былъ

зачисленъ стипендіатомъ въ Единбургскій Университетъ для приготовленія къ духовному званію. По окончаніи университета планы его измѣнились и онъ рѣшилъ посвятить себя литературной дѣятельности, придя къ окончательному убѣжденію, которое всецѣло потомъ передалъ и старшему сыну Джону, что человѣкъ не можетъ знать ничего опредѣленнаго о происхожденіи міра. Джемсъ Милль рано женился, имѣлъ большую семью и потому ему пришлось вести довольно суровую борьбу за существованіе. Съ 1802 по 1819 г. ему пришлось почти исключительно жить перомъ. Только съ 1819 г., когда первоначальное воспитаніе старшаго сына Джона было почти закончено, онъ получилъ мѣсто въ компаніи Восточныхъ Индій, которое обезпечило благосостояніе его семьи, а впослѣдствіи и сына Джона.

Джемсъ Милль *) во всѣхъ отношеніяхъ былъ замѣчательнымъ человѣкомъ и его друзья не даромъ отзывались о немъ, говоря: это былъ характеръ! Онъ былъ настоящимъ продуктомъ философіи 18 вѣка, человѣкомъ, соединявшемъ въ себѣ стойкость и опредѣленность разъ навсегда сложившихся, хотя и крайне одностороннихъ убѣжденій, съ неумолимой логикою и суровостью характера. Онъ былъ главою кружка радикаловъ-индивидуа-

---

*) Джемсъ Милль былъ авторомъ значительнаго количества научныхъ работъ, изъ которыхъ главнѣйшія слѣд.: 1) многотомная „Исторія Индіи“ (напеч. 1817 г.); 2) „Элементы политической экономіи“ (1821 г.); 3) „Анализъ человѣческаго ума“ (1829 г.). Последняя его статья, напечатанная незадолго до смерти (1836) посвящена доказательству практической полезности политической экономіи. Д. С. Милль особенно цѣнилъ „Анализъ“ отца и въ 1869 году выпустилъ его въ свѣтъ новымъ изданіемъ.

листовъ и лучшей другъ такихъ людей, какъ І. Бентамъ, лордъ Брумъ, Д. Рикардо, Іосифъ Юмъ и Франсисъ Плэсъ. Всякій, даже поверхностно знакомый съ новѣйшей исторіей Англии, знаетъ, что въ значительной мѣрѣ только благодаря дѣятельности этихъ лицъ въ названной странѣ осуществился цѣлый рядъ демократическихъ реформъ, начавшихся съ устраненія всякихъ стѣснительныхъ законовъ противъ стачекъ и рабочихъ союзовъ (1825 г.) и достигшихъ уже крупнаго значенія осуществленіемъ парламентарной реформы 1832 г., которая сломала господство землевладѣльческой аристократіи и доставила, при дружномъ содѣйствіи рабочихъ классовъ, доступъ къ власти коммерческимъ классамъ.

Философія этого кружка лицъ была проста и опредѣленна. Мы должны сказать о ней нѣсколько словъ, ибо отецъ Джона Милля, ревностный ея поклонникъ, положилъ ея въ основу воспитанія своего сына и она оказала на него крупнѣйшее вліяніе.

Джемсъ Милль, какъ и всѣ его друзья, былъ индивидуалистомъ, демократомъ и человѣкомъ, глубоко и исключительно вѣровавшимъ въ разумъ и свободу. Все знаніе имѣетъ опытное происхожденіе, вся совокупность сложнѣйшихъ явленій человѣческой дѣятельности разъясняется простымъ ея сведеніемъ къ первоначальному и основному мотиву, который выражается въ стремленіи къ счастью. Человѣкъ стоитъ подъ господствомъ двухъ силъ: наслажденія и страданія, они указываютъ ему путь. Качество наслажденій не имѣетъ для человѣка значенія; наибольшее количество счастья со-

стоитъ въ наибольшемъ количествѣ наслажденій и въ наименьшемъ—страданій. Все въ жизни—здоровье, деньги и даже самая добродѣтель существуютъ лишь для этой верховной цѣли. Задача разума заключается въ томъ, чтобы надлежащимъ образомъ употребить всѣ наличныя силы и средства для пріобрѣтенія наибольшаго счастья. Цѣль всякой общественной организаціи такая-же—„наибольшее счастье—для наибольшаго количества человѣческихъ существъ“, которыя всѣ имѣютъ совершенно одинаковыя права на жизнь и счастье. Только тѣ поступки и дѣйствія человѣческихъ существъ заслуживаютъ одобренія и нравственны, каковы бы мотивы или побужденія ихъ ни были, отъ которыхъ сумма общаго счастья увеличивается. Въ основу психологіи и мыслительныхъ процессовъ Джемсъ Милль и его друзья полагали принципъ ассоціаціи представленій, въ основу нравственности—полезность или принципъ величайшаго счастья. Никто не дѣйствуетъ въ противность своему разумно понимаемому интересу, всѣ равно стремятся къ наибольшей массѣ наслажденія—вотъ ихъ основное положеніе: отсюда они настаивали на наибольшемъ просторѣ для индивидуальной дѣятельности, на свободѣ мысли въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова; а въ дѣлѣ управленія прежде всего требовали, чтобы всѣ основныя цѣли его достигались самимъ народомъ, при посредствѣ правильной организаціи представительства, основанной на всеобщемъ голосованіи. Все должно быть достигнуто личностью собственными силами, а въ дѣлѣ управленія, полагали они, интересы народа будутъ лишь тогда соблюдены, если онъ самъ станетъ ихъ хо-

зьяиномъ. Построеніе правильной теоріи общественной жизни, казалось имъ дѣломъ легкимъ. Они построили ее совершенно абстрактнымъ путемъ, исходя, подобно Руссо и другимъ, изъ „естественныхъ правъ“ человѣка и не озабочиваясь много различіемъ въ національныхъ, историческихъ и культурныхъ особенностяхъ народовъ.

Джемсъ Милль, какъ мы уже сказали, былъ ревностнымъ сторонникомъ этой философіи и вся система его воспитанія сводилась къ тому, чтобы заставить сына проникнуться этими идеями. Философія эта удивительно, какъ совпадала съ самимъ характеромъ Джемса Милля. Онъ былъ строгимъ, серьезнымъ и рѣзкимъ человѣкомъ. Онъ любилъ своихъ дѣтей, но не умѣлъ ласкать ихъ и радоваться ими. Дѣти всегда боялись отца. Типичный доктринеръ и необыкновенно талантливая мыслящая машина, если можно такъ выразиться, человѣкъ, который не вѣрилъ въ высокія побужденія, не находилъ никакого наслажденія въ музыкѣ, поэзіи и искусствѣ, страсть считалъ одной изъ формъ помѣшательства, а всѣ чувства называлъ „сантиментальностью“. Проповѣдникъ философіи счастья, онъ самъ не вѣрилъ въ наслажденіе. Онъ походилъ на тѣхъ людей, которыя, постигнувъ жизнь, въ ея грубой наготѣ, безъ всего, что скрашиваетъ ее, дѣлаютъ пріятной и даже прекрасной, находятъ удовольствіе только въ абстрактномъ анализѣ и стараются, по выраженію Кавелина, топить жизнь въ упорномъ трудѣ. Такіе люди всегда бываютъ отличными логиками и умѣютъ передавать свои мысли, производя сильно впечатлѣніе на слушателей. „Я никогда не встрѣчалъ человѣка, говоритъ

Д. С. Милль объ отцѣ*), который лучше его умѣлъ въ разговорѣ проводить свои мысли. Его полное само обладаніе, точность и выразительность мысли, строгая серьезность и сила аргументаціи дѣлали изъ него одного изъ самыхъ неотразимыхъ діалектиковъ своего времени. Его сила заключалась не только въ умѣніи чисто логическимъ путемъ убѣждать слушателей: онъ обладалъ искусствомъ воодушевлять своихъ собесѣдниковъ тѣмъ же горячимъ стремленіемъ къ истинѣ и справедливости, которыми онъ былъ проникнутъ самъ“. Естественно, что такой отецъ цѣлью воспитанія примѣнительно къ своему сыну поставилъ желаніе—сдѣлать изъ него: логика и реформатора.

Воспитаніе, построенное на такихъ началахъ, какъ увидимъ ниже, имѣло одновременно успѣхъ и неудачу. Оно сдѣлало изъ Д. С. Милля крупнаго

---

*) Прекрасную характеристику отца Д. С. Милль даетъ на стр. 46 и слѣд. своей автобіографіи. „Мой отецъ, говорилъ онъ, былъ одновременно стоикомъ, эпикурейцемъ и циникомъ, но, конечно, не въ новѣйшемъ, а древнемъ значеніи этихъ словъ. Въ его личныхъ свойствахъ преобладалъ стоикъ. По своей нравственности онъ былъ эпикурейцемъ, ибо онъ былъ утилитаристомъ и единственнымъ основаніемъ для сужденія о добрѣ и злѣ считалъ стремленіе поступковъ приносить пользу или вредъ. На циниковъ онъ походилъ потому, что не вникалъ въ наслажденіе. Онъ не былъ нечувствителенъ къ удовольствіямъ, но полагалъ, что по крайней мѣрѣ при современномъ состояніи общества они не стоятъ той цѣны, которою ихъ приходится оплачивать. Жизненные неудачи, по его мнѣнію, по большей части зависятъ отъ чрезмѣрнаго значенія, придаваемого удовольствіямъ. Соотвѣтственно съ этимъ умѣренность въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, какъ ее понимали греческіе философы, была для него основнымъ правиломъ воспитанія... Онъ иногда говорилъ, впрочемъ, что жизнь могла бы имѣть цѣну, если бы она была сдѣлана тѣмъ, чѣмъ должна быть—вліяніемъ хорошаго правительства и надлежащаго воспитанія“.

мыслителя и неутомимаго работника, но изломало его натуру, лишило его дѣтскихъ увлеченій и не дало многого, чѣмъ красна человѣческая жизнь, а прежде всего оно внесло въ его душу тотъ червь рефлексіи и анализа, который точетъ въ корнѣ свѣжесть и силу чувства. Изъ такихъ людей рѣдко выходятъ реформаторы; душою послѣднихъ обыкновенно владѣетъ не знаніе съ его объективностью, оговорками, а единое чувство, которое можетъ всецѣло поглотить человѣка.

Съ ранняго дѣтскаго возраста Джонъ привыкъ сидѣть за письменномъ столомъ отца и за чтеніемъ книгъ, отрываясь отъ нихъ лишь для бесѣдъ съ отцомъ. На третьемъ году своей жизни онъ уже былъ обученъ отцемъ читать по гречески. Съ этихъ поръ онъ каждое утро приходилъ въ кабинетъ отца и сидя за однимъ съ нимъ столомъ переводилъ съ греческаго, за каждымъ неизвѣстнымъ словомъ обращаясь къ отцу, который въ это время писалъ свою исторію Индіи. Вечеромъ отецъ давалъ сыну уроки ариѳметики. Но даже и внѣ дома Джонъ не зналъ отдыха. Во время прогулокъ съ отцомъ онъ рассказывалъ, что успѣлъ прочесть и выслушивалъ по этому предмету поясненія отца, а съ 9 лѣтняго возраста отецъ поручаетъ ему къ тому же еще и обученіи младшихъ сестеръ и братьевъ. Къ 9 годамъ онъ уже успѣлъ прочесть въ подлинникѣ басни Эзопа, Анабазисъ, Воспоминанія о Сократѣ и Киропедію Ксенофонта, пять діалоговъ Платона и многое другое. По англійски онъ прочелъ, въ числѣ прочихъ, Робертсона, Юма, Гиббона, Ватсона и Миллара (объ англійской конституціи). Отецъ тщательно слѣдилъ за чтеніемъ сына, стараясь уже въ

эту эпоху сдѣлать его сторонникомъ демократіи и предохраняя его отъ чтенія „ненужныхъ“ произведеній легкой литературы. Бѣдный Джонъ случайно нашель Робинзона Крузо и много разъ перечитываль его безъ вѣдома отца. Арабскія ночи, Донъ-Кихоть, рассказы миссъ Еджуортъ и романъ Брука „Достойный Сумасшедшій“ — вотъ все, что въ это время прочель Д. С. Милль изъ области легкой литературы. Ребенку приходилось удовлетворять своему чувству, только читая у разныхъ историковъ описанія подвиговъ выдающихся людей. Съ 1814 г. и по 1818 г. т. е. съ 8 и до 12 лѣтняго возраста онъ изучаетъ латинскій языкъ, продолжаетъ свои занятія по гречески и математикѣ. Въ это время онъ съ большей или меньшей полнотою прочель по латынски: Виргилія, Горація, Саллюстія, Овидія, Цицерона, Лукреція, Теренція, Федра; по гречески: — Гомера, Софокла, Еврипида, Ксенофонта, Демосфена, Фукидида, Платона, Аристотеля и друг. Ему пришлось по требованію отца даже составить синоптическія таблицы для риторики Аристотеля. По математикѣ онъ прошелъ высшую алгебру и собственными усиліями изучилъ дифференціальное исчисленіе. Кромѣ того было прочитано множество серьезныхъ произведеній по естествознанію. На 12 году онъ уже пробуетъ самъ написать исторію Рима и является здѣсь сторонникомъ римской демократіи. Въ 12 лѣтъ отецъ сталъ заниматься съ нимъ логикой, обращая особое вниманіе на теорію силлогизма. 13 лѣтъ Джонъ уже изучаетъ политическую экономію. Джемсъ Милль, бесѣдуя съ сыномъ излагаль ему политическую экономію; послѣдній тщательно записываль эти бесѣды и изъ записокъ

впослѣдствіи составилъ трудъ, напечатанный подъ заглавіемъ „Элементы П. Э.“ Въ это же время вышло сочиненіе Д. Рикардо о „Началахъ П. Э.“, отецъ передалъ его для прочтенія сыну, давъ и „Богатство народовъ“ А. Смита и указавъ на слабыя стороны послѣдняго сравнительно съ первымъ. По наступленіи 14 лѣтняго возраста отецъ пришелъ къ убѣжденію, что воспитаніе сына окончено и съ этого момента предоставилъ его собственнымъ силамъ.

Таково было это воспитаніе. Впослѣдствіи Д. С. Милль говорилъ, что только благодаря той работѣ, которую заставилъ продѣлать его отецъ, онъ получалъ громадное преимущество въ знаніяхъ предъ сверстниками. Но и самъ онъ отлично понималъ недостатки этого воспитанія. Оно сводилось лишь къ развитію логическихъ способностей и сопровождалось чрезмѣрнымъ напряженіемъ всѣхъ силъ. За массой прочитаннаго Джонъ не успѣвалъ запомнить и продумать многого, свѣдѣнія по многимъ важнѣйшимъ вопросамъ были отрывочны и односторонни. На воспитаніе чувствъ и вкуса къ изящному не было обращено никакого вниманія. Милль росъ одиноко, въ классной комнатѣ и за книгами, не зная родительской ласки. Съ этого времени у него выработалась привычка довѣрять только своему разуму, но онъ былъ склоненъ пріобрѣтать свои знанія не изъ наблюденія, а изъ книгъ и размышленія по поводу прочитаннаго. Онъ охотно вступалъ въ споры по самымъ сложнымъ вопросамъ, рѣзко отстаивая свое мнѣніе. Сверстники считали его самонадѣяннымъ и высокомернымъ. Въ обыденной жизни мальчикъ былъ вялъ, разсѣянъ, не имѣлъ склонности

къ физическимъ движеніямъ, неэнергиченъ и непрактиченъ. Въ своей автобіографіи Д. С. Милль искренно говоритъ, что все воспитаніе отца сводилось какъ бы къ стремленію сдѣлать изъ него человѣка, который „знаетъ, но не умѣетъ дѣйствовать“. *)

Въ 1820 году (15 Мая), когда Д. С. Миллю было 14 лѣтъ, ему удалось въ первый разъ покинуть родительскій домъ и онъ отправился гостить къ генералу Бентаму, брату юриста, который жилъ съ семьей на югѣ Франціи. По дорогѣ туда онъ побывалъ въ Парижѣ, гдѣ познакомился съ экономистомъ Ж. Б. Сэ, С. Симономъ и ихъ друзьями. У Бентамовъ онъ пробылъ до іюля 1821 г. Семья встрѣтила его очень радушно и г-жа Бентамъ пыталась было сдѣлать изъ него болѣе свѣтскаго и подвижнаго чловѣка, но безуспѣшно. Какъ видно изъ оставленнаго Миллемъ дневника, онъ проводилъ наибольшее количество времени за чтеніемъ книгъ. Пребываніе во Франціи не прошло, однако безслѣдно. Южная природа произвела на него свое дѣйствіе и суровый книжникъ въ одномъ изъ мѣстъ своего дневника восклицаетъ. „*mais jamais je n'oublierai pas la vue du côté meridionale.*“ За это же время онъ успѣлъ сильно пополнить свое образованіе и ознакомился впервые съ исторіей французской революціи, о которой ему не пришлось даже слышать отъ своего отца. „Пребываніе во Франціи, пишетъ онъ **), было для меня особенно полезно потому, что доставило возможность провести цѣлый годъ въ свободной и радостной атмосферѣ континен-

*) l. c. Autob., стр. 37 (to know, but not to do).

***) l. c. Autob., стр. 61.

тальной жизни. Изъ своего знакомства съ французскимъ обществомъ я вынесъ глубокой и постоянный интересъ къ континентальному либерализму, за успѣхами котораго я также усердно слѣдилъ, какъ и за Англійской политикой. Это, въ свою очередь, оказало самое лучшее вліяніе на мое умственное развитіе, избавило меня отъ всегда господствующей въ Англии привычкѣ, отъ которой не могъ освободиться и мой отецъ, судить обо всѣмъ по англійской мѣркѣ“.

По возвращеніи изъ Франціи Д. С. Милль сразу сдѣлался общественнымъ дѣятелемъ. Жизнь его до 1826 года текла по руслу, которое приготовилъ для него отецъ. 21 Мая 1823 г. онъ также получилъ мѣсто въ компаніи Восточныхъ Индій, которое обезпечило его дальнѣйшую жизнь *). Молодой Милль совершенно поглощенъ идеями І. Бентама. Онъ сотрудничаетъ и пишетъ рѣзкія статьи въ „Вестминстерскомъ Обозрѣніи“ (1824 г.), увлекается чтеніемъ философіи Бентама въ изложеніи Дюпона и является виднымъ членомъ „Утилитарнаго кружка“, который поставилъ своей цѣлью проповѣдь идей Бентама и незамѣтнымъ руководителемъ котораго былъ Джемсъ Милль. Благодаря существованію этого кружка, Д. С. Милль сблизился съ Ости-

---

*) Онъ вступилъ сюда сначала клеркомъ съ жалованіемъ въ 300 руб., впослѣдствіи оно постепенно возвышалось; послѣ смерти отца въ 1836 г. онъ сдѣлался однимъ изъ главныхъ директоровъ съ жалованіемъ въ 20,000 рублей. Послѣ закрытія компаніи до конца жизни онъ получалъ пенсію 15,000 р. Въ защиту этой компаніи, въ которой служилъ и онъ, и его отецъ, Д. С. Милль написалъ петицію парламенту, которая отличалась исчерпывающею силою аргументовъ, но, написанная не въ пользу праваго дѣла, она ничего не прибавила къ славѣ Д. С. Милля, какъ справедливо говоритъ Кэннингэмъ.

номъ, Маколеемъ и многими изъ молодыхъ людей, которые потомъ играли видную роль въ исторіи Англии. Въ 1825 г. онъ готовитъ къ печати сочиненіе Бентама о „судебныхъ доказательствахъ“ и работаетъ усиленно въ кружкѣ, который поставилъ своей цѣлью изученіе экономіи и логики, и смѣнилъ собой закрывшееся въ 1826 г. утилитарное общество. Успѣхъ послѣдняго побудилъ Милля преобразовать это общество — въ „общество публичныхъ преній“, которое существовало около 4-хъ лѣтъ и пользовалось большимъ сочувствіемъ публики, собиравшейся слушать споры молодыхъ консерваторовъ съ молодыми радикалами. Участіе во всѣхъ этихъ кружкахъ произвело очень сильное вліяніе на Д. С. Милля. Оно не только болѣе подготовило его къ общественной дѣятельности, но и перевернуло его убѣжденія. Милль всегда легко поддавался чужому вліянію. Встрѣча со Стерлингомъ, Морисомъ и другими послѣдователями Кольриджа, стоявшими на почвѣ метафизическаго радикализма и старавшимися примирить религію съ наукой, оказалась роковой для Милля. Впечатлѣнія этого періода привели Д. С. Милля къ тому душевному кризису въ 1826 г., который такъ краснорѣчиво имъ описанъ и затѣмъ отразился на всей его жизни.

Авторъ прекрасной біографіи Д. С. Милля и извѣстный психологъ Александръ Бэнъ, хорошо познакомившійся впоследствии съ Д. С. Миллемъ, объясняетъ этотъ пережитый молодымъ писателемъ душевный кризисъ простымъ переутомленіемъ силъ послѣ долгой и напряженной работы. Но едва-ли здѣсь дѣйствовала только эта причина. Напряженіе силъ связывалось съ глубокимъ и искреннимъ ра-

зочарованіемъ въ прежнихъ убѣжденіяхъ. Чувство взяло верхъ надъ разумомъ и стойкость воспитанныхъ убѣжденій показала односторонностью. Въ этотъ періодъ Миллю пришлось впервые и по личному опыту убѣдиться, что одна наука, одно знаніе и дѣятельность, хотя бы и на пользу ближнихъ, не создаютъ еще личнаго счастья. Вотъ какъ Д. С. Милль самъ описываетъ свое состояніе.

„Съ того момента, какъ я въ первый разъ прочелъ Бентама (зимою 1821 г.), у меня была цѣль въ жизни: я хотѣлъ быть реформаторомъ. Представленіе о личномъ счастьи вполне отождествлялось съ этою цѣлію. Я искалъ дружбы и сочувствія у тѣхъ, на кого смотрѣлъ, какъ на соратниковъ въ томъ же дѣлѣ... и я поздравлялъ себя съ тѣмъ, что въ борьбѣ за осуществленіемъ этого идеала мнѣ предстоитъ найти счастливую, интересную и полную одушевленія жизнь. Но настало время, когда я очнулся отъ этого, какъ отъ сна. Это случилось осенью 1826 г. Я былъ въ мрачномъ настроеніи духа, которое знакомо по временамъ каждому; ничто не доставляло мнѣ удовольствія и наслажденія; вообще я находился въ такомъ настроеніи, когда все, къ чему раньше относился съ удовольствіемъ, становится отвратительнымъ или не производитъ впечатлѣнія. Въ подобномъ состояніи, вѣроятно, находятся методисты отъ сознанія своей грѣховности. Тогда я задалъ себѣ вопросъ: предположимъ, что всѣ мои желанія въ жизни осуществятся, что всѣ измѣненія въ учрежденіяхъ и мнѣніяхъ, къ которымъ я стремлюсь, дѣйствительно произойдутъ въ ближайшее же время — будетъ ли это для меня величайшимъ счастьемъ

и радостью? и неумолимый голос совести явственно отвѣтилъ мнѣ; нѣтъ! Сердце мое упало. Все основаніе жизни моей рухнуло; все мое счастье заключалось въ преслѣдованіи одной цѣли. Цѣль эта перестала меня привлекать; какой же интересъ могли представлять для меня средства къ ея достиженію? Мнѣ казалось, что у меня ничего не осталось въ жизни и что я не проживу такъ даже въ теченіи одного года“.

Привычка къ труду, однако, не покидала его. Съ постоянной мыслью о самоубійствѣ, вяло, безъ энергіи, безъ надежды на плодотворность своего труда,—онъ все же работалъ. Только чрезъ полъгода онъ сталъ мало по малу оправляться и только чрезъ два года окончательно освободился отъ овладѣвшаго имъ кошмара. Случайно прочтенныя мемуары Мармонтеля, гдѣ описываются чувства одного молодого человѣка, который, послѣ смерти отца, сдѣлался опорой несчастной семьи, положили начало выздоровленію. Милль былъ растроганъ до слезъ. Онъ понялъ, что и онъ можетъ быть кому нибудь нуженъ. У него обнаружился неожиданный и сильный интересъ къ прекрасному въ жизни, къ музыкѣ, поэзіи и искусству. Уордсвортъ, Карлейль, Гете, Кольриджъ, Шелли сосредоточили на себѣ его вниманіе и прекрасное, хотя выборъ его, какъ у человѣка съ неразвитымъ къ нему чувствомъ и не былъ всегда удаченъ, сдѣлало свое дѣло. Часто впослѣдствіи онъ говорилъ друзьямъ: „такіе поэты, какъ Уордсвортъ вамъ не нужны во время борьбы, но когда побѣда будетъ одержана, люди болѣе, чѣмъ когда либо будутъ нуждаться въ тѣхъ ощущеніяхъ, которыя поддерживаются и питаются

чтеніемъ поэтовъ“. Суровый логикъ съ этого времени сталъ любить природу, любилъ собирать полевые цвѣты, говорить о жизни насѣкомыхъ, птицъ. Пусть читатель проглядитъ главу „о неподвижномъ состояніи“ въ настоящемъ изданіи. На ней ярко отразилось преобразование въ душѣ абстрактнаго писателя и индивидуалиста.

Душевный кризисъ сдѣлалъ свое дѣло. Д. С. Милль временно даже отсталъ отъ общенія съ прежними друзьями, а появившіяся въ это время статьи о Бентамѣ, Токвилѣ, мысли о поэзіи и друг. побудили его друзей смотрѣть на него, какъ на ренегата. Стройность его прежняго міровоззрѣнія поколебалась; въ его трудахъ съ этого времени мы замѣчаемъ болѣе чувства, но и болѣе душевной раздвоенности. Съ особой ясностью сказалось это преобразование на статьяхъ о Бентамѣ и о трудѣ Токвиля „Демократія въ Америкѣ“. Рѣзкій утилитаристъ и демократъ — смѣняется въ нихъ человекомъ среднихъ мнѣній съ сильными склонностями къ тому, что называется прекраснымъ. Бѣдный Милль! Съ этого момента судьба его рѣшена: онъ не могъ быть болѣе реформаторомъ. Такихъ людей, какимъ Милль сталъ съ этихъ поръ, любятъ, уважаютъ и безъ нихъ некрасна была бы наша жизнь. Они являются лучшимъ примѣромъ справедливости, объективнаго знанія, но не реформаторами. Для послѣднихъ нужна душевная сила, отсутствіе всякой раздвоенности и колебаній, а иногда, къ сожалѣнію, въ часы борьбы имъ нѣтъ времени и думать о справедливости!

Всякій, кто прочтетъ статьи о Бентамѣ и о трудѣ Токвиля, легко пойметъ, почему они вы-

звали такое негодованіе и разочарованіе среди друзей. Бывшій страстный поклонникъ Бентама пишетъ: „Бентамъ былъ однимъ изъ самыхъ сухихъ и ограниченныхъ людей Англїи..., онъ видѣлъ въ человѣкѣ не болѣе того, что можетъ подмѣтить самое обыденное око, не признавалъ никакого разнообразія въ характерахъ личностей и народовъ... Вѣроятно, никто изъ тѣхъ, кто въ наше образованное время пытался найти правила для поведенія людей, не имѣлъ столь ограниченного пониманія относительно мотивовъ, которыми *руководится* и *долженъ* руководиться человѣкъ“. Милль признаетъ за Бентамомъ, однако, крупныя заслуги, какъ за мыслителемъ, который обладалъ критическимъ талантомъ разрушенія установившихся заблужденій, который былъ основателемъ опытнаго метода, но рѣзко и опредѣленно отмѣчаетъ въ немъ полное отсутствія чувствъ: симпатїи и воображенія. Немудрено, поэтому, полагаетъ Милль, что въ основу жизни онъ полагалъ только грубыя побужденія эгоизма и наслажденія и не признавалъ значенія за высшими мотивами и безкорыстными стремленіями къ общему благу; онъ не могъ видѣть что эстетическія и эмоціональныя инстинкты также служатъ основаніемъ нравственности. Недостаточное знакомство съ психологіей и исторіей народовъ произвело также то, что теорія управленія Бентама оказалась негодной. Разумное правительство онъ обосновывалъ лишь на организаціи подсчета большинства голосовъ, но развѣ нѣтъ предѣловъ для власти большинства надъ правами меньшинства? Въ своемъ опытѣ о книгѣ Токвиля онъ выражается еще опредѣленнѣе. Бывшій демократъ говоритъ

о тираніи большинства, признаетъ необходимость ученаго класса, а также и того, который пользуется досугомъ и избавленъ отъ матеріальнаго труда. „Несомнѣнное и ничѣмъ незамедляемое нынѣ поглощеніе того класса, который былъ когда то во главѣ общей массой народа, побѣда силы простого числа надъ всѣми другими силами—вотъ что возбуждаетъ опасенія, говоритъ онъ, даже среди тѣхъ, для которыхъ сама по себѣ демократія не представляетъ собою ничего устрашающаго. Ужасно — не возникновеніе безграничнаго народо-властія, а упроченіе всякой крупной новой силы. Нѣтъ ни одной силы въ обществѣ, вліяніе которой не становилось бы вредной, если она царствуетъ безконтрольно. Чтобы возникновеніе этой силы было безопасно, необходимо, чтобы вліяніе ея было обставлено разными коррективами и противовѣсами, которые обладаютъ свойствами противостоятъ характернымъ недостаткамъ этой силы“. Отцемъ онъ былъ приученъ видѣть все въ политическомъ устройствѣ и соціальныхъ учрежденіяхъ. Теперь онъ сталъ утверждать, что преобразование самаго человека, которое онъ въ высокой степени считалъ возможнымъ, должно составлять первѣйшую основу всѣхъ общественныхъ реформъ *). Бентамисты и

---

*) См. Autobiog., I. e., стр. 232 — 3. „Мы стали ясно видѣть, говоритъ онъ, что для осуществленія любого изъ возможныхъ и желательныхъ общественныхъ преобразованій необходима прежде всего соответствующая переменна въ характерѣ, какъ того необразованнаго стада, изъ котораго состоитъ теперь рабочій классъ, такъ и въ характерѣ громаднаго большинства ихъ предпринимателей. Оба эти класса должны сначала привыкнуть самой практикой жизни къ совмѣстной работѣ для благородныхъ, и во всякомъ случаѣ общественныхъ и соціальныхъ цѣлей, а не

радикалы его времени утверждали, что преобразование человека должно придти отъ учреждений, извнѣ (from without, какъ говорятъ англичане), христіанскіе соціалисты его времени настаивали на томъ, что преобразование учреждений можетъ совершиться лишь съ видоизмѣненіемъ человека (from within). Д. С. Милль пошелъ средней дорогой, полагая, что оно одно временно должно идти «и from without, и from within». Другими словами, выражаясь терминомъ нѣмецкой исторической школы, онъ съ этого времени сталъ смотрѣть на всѣ явленія съ относительной точки зрѣнія и не побоялся даже довести свои взгляды до парадокса, утверждая, что истина лежитъ *идь-то* между двумя крайними мнѣніями. Ниже мы еще увидимъ, какъ это отразилось на всѣхъ его послѣдующихъ трудахъ, но теперь будетъ уместно, забѣжавъ нѣсколько впередъ, показать, какъ измѣнились его политическія взгляды. Въ этомъ отношеніи полезно заглянуть въ его трудъ „Разсужденія о представительномъ правленіи“, напечатанный въ 1861 г. *). Онъ по прежнему думаетъ, что идеально лучшей образъ правленія будетъ такой, въ которомъ верховная власть или право государственнаго контроля принадлежитъ всему обществу.

для тѣхъ только, которыя порождаются личными интересами. Но способность къ такой работѣ всегда существовала въ человѣчествѣ и ужъ, конечно, нѣтъ основаній ожидать, чтобы она заглохла теперь... Интересъ къ общему благу такъ слабъ въ настоящее время въ чувствахъ общей массы людей не потому, что иначе и не можетъ быть, но потому, что умъ привыкъ дѣйствовать и дѣйствуетъ съ утра и до ночи надъ предметами, цѣль которыхъ заключается исключительно въ личныхъ выгодахъ“.

*) См. русскій переводъ, изданіе Яковлева, Спб. 1863 г., стр. 45, 1, 60, 61, также главы VI, VII, X и друг. Очень жаль, что эта прекрасная книга до сихъ поръ не переиздана.

Но въ-тоже время, полагаетъ онъ, найти лучшую форму правленія, увѣрить другихъ, что она дѣйствительно лучшая и побудить ихъ къ ея осуществленію дѣло невозможное. Правительства не могутъ быть построены по предвзятому плану; они не „дѣлаются, а растутъ“. Представительная форма, какъ и всякая другая, должна почитаться неудовлетворительною во всѣхъ случаяхъ, гдѣ нельзя ожидать отъ нея прочнаго существованія. Это бываетъ, когда нѣтъ трехъ условій; а именно: 1) когда народъ несогласенъ ея принять, 2) когда народъ не имѣетъ желанія и способности сое шить все необходимое для ея сохраненія; 3) когда онъ не имѣетъ желанія и способности выполнять обязательства и отправлять обязанности, какія она на него налагаетъ. Даже тамъ, гдѣ эта демократическая форма установилась, онъ считаетъ нужнымъ ввести для предотвращенія ея опасностей представительство меньшинства по системѣ Гэра, высказывается противъ наслѣдственной палаты, но наряду съ представительствомъ ставить немногочисленную законодательную комиссію изъ лучшихъ политически-образованныхъ умовъ націи, высказывается противъ тайной подачи голосовъ и проч.

Успокоенный нравственно и окончательно сложившійся умственно Д. С. Милль послѣ этого кризиса совершилъ все то, что прославило его имя. Прежде чѣмъ перейти къ общему обзору его трудовъ, и къ тому какъ протекала и закончилась его послѣдующая жизнь, скажемъ нѣсколько словъ объ эпизодѣ въ его жизни, который не мало содѣйствовалъ тому, что онъ сталъ считать себѣ человѣкомъ, узнавшимъ лучшія стороны человѣческаго счастья. Мы хотимъ

сказать нѣсколько словъ объ его отношеніяхъ къ г-жѣ Тэйлоръ.

Въ 1831 г., Д. С. Милль, еще недавно оправившійся отъ пережитаго душевнаго кризиса, встрѣтился съ мистрисъ Тэйлоръ, которую сразу горячо полюбилъ и которая, какъ онъ увѣряетъ въ своей автобіографіи, согрѣла и вдохновила всю послѣдующую его жизнь. Вплоть до смерти ея мужа онъ находился въ тѣсномъ, дружескомъ общеніи съ нею. Ей онъ повѣрялъ всѣ свои мысли и чувства. Послѣ смерти г. Тэйлора она сдѣлалась въ 1849 г. его женой, но счастливая супружеская жизнь была прервана смертью г-жи Милль очень скоро. 1851 г. она была погребена въ Авиньонѣ. Личныя отношенія человѣческихъ существъ составляютъ ихъ тайну и въ нихъ лучше всего не заглядывать. Мы знаемъ, что и самъ Д. С. Милль не любилъ, когда касались его отношеній къ г-жѣ Тэйлоръ. Ради нея онъ разошелся съ матерью и многими близкими друзьями, которыя осмѣлились прикоснуться къ этимъ отношеніямъ. Отношенія ихъ, несомнѣнно, были не изъ обыкновенныхъ: здѣсь была чистая и высокая любовь, а что же какъ не это чувство намъ скрашиваетъ жизнь! Послѣ смерти жены Д. С. Милль писалъ къ одному изъ друзей: „не думаю, чтобы я былъ теперь въ состояніи дѣйствовать на какомъ-нибудь поприщѣ. Жизнь моя подточена въ самомъ корнѣ, но я всѣми силами буду стремиться выполнить ея всегдашнее желаніе и ради ея памяти буду продолжать работать на пользу людей“. И дѣйствительно Милль далъ еще не мало прекрасныхъ трудовъ. Повторяемъ, мы не намѣрены касаться этихъ отношеній,

но не можетъ не сказать нѣсколько словъ о томъ вліяніи, которое жена оказывала на труды мужа. Во многихъ мѣстахъ своей автобіографіи Милль говоритъ, что всѣ его труды принадлежатъ столько-же ему, какъ и женѣ. Въ этомъ послѣднемъ позволено усомниться, да и самъ Д. С. Милль въ другихъ же мѣстахъ своей автобіографіи неоднократно замѣчаетъ, что „абстрактная, теоретическая часть всѣхъ его трудовъ принадлежала ему. Г-жа Тэйлоръ обращала вниманіе лишь на стиль; ей же принадлежалъ „гуманный элементъ“. Несомнѣнно, что г-жа Милль была радикальнѣе мужа; быть можетъ подъ ея вліяніемъ онъ сталъ болѣе симпатизировать Сень-Симонистамъ и Фурьеристамъ, но произведенія этихъ писателей произвели на него уже давно глубочайшее впечатлѣніе, а кровавыя событія 1830 и 1848 г. на континентѣ и въ Англіи должны были оказать на справедливую душу Милля больше вліянія, чѣмъ добросердечіе умной женщины и подруги. Судя по отзывамъ брата Милля, Бэна, г-жи Фоксъ и другихъ, г-жа Милль во все не была тѣмъ идеальнымъ совершенствомъ, какимъ ее изображаетъ Милль. Да развѣ любовь сильнаго человѣка необходимо должна встрѣтиться съ противоположной стороны такую-же силу? Не ищемъ-же мы часто въ женщинѣ того, чего у насъ не достаетъ? Повидимому, г-жа Тэйлоръ дала Миллю то, чего у него не доставало: нервность, впечатлительность, способность глубоко чувствовать, любить прекрасное и понимать его.

Многіе считали ее аффектированной и высоко-мѣрной; Карлейль, осыпая ее комплиментами, однако-же говоритъ о ней: „она была женщиной

живой и раздражительной, блѣдной, способной волноваться“, „a living romance heroine of the royalest volition and questionable destiny“. Последнюю фразу трудно перевести, ее можно только понять. По видимому она обладала всѣми чарами женщины. Только при составленіи двухъ трудовъ Милля она принимала несомнѣнное участіе. Съ нею вмѣстѣ были написаны труды о „Свободѣ“ и о „Подчиненности женщины“, но и высказанныя здѣсь взгляды Милля остаются тѣмъ-же результатомъ индивидуалистической и демократической философіи, которую онъ усвоилъ отъ отца. Скорѣе всего идеализація Милля объясняется чисто психологическими причинами. Милль жилъ одиноко, подъ суровой наружностью у него скрывалась чуткая и любвеобильная душа, ему нуженъ былъ другъ и, встрѣтившись съ г-жею Тэйлоръ, съ нимъ произошло то, что часто бываетъ съ чисто „абстрактными людьми“, если можно такъ выразиться, и называется „эмоціональной лихорадкой“. Въ біографіи Д. С. Милля В. Л. Куртнэй даетъ прекрасное объясненіе отношеніямъ этихъ двухъ взаимно-любящихъ и взаимно дополняющихъ другъ друга существъ. „Исторія, говоритъ онъ, даетъ намъ хорошіе примѣры слабостей философовъ. О. Контъ имѣлъ свою Клотильду, Декартъ—принцессу Елизавету и хотя эти примѣры не вполне аналогичны съ примѣромъ въ исторіи жизни Милля, но они могутъ служить обыкновеннымъ образцомъ подобныхъ отношеній. Для человѣка, мысли котораго обыкновенно вращаются въ чисто абстрактной и логической области—есть что-то странно чарующее въ способности живо представлять конкретное и практическое. Отсут-

ствіе послѣдней способности такъ часто отмѣчаютъ у него, что онъ начинаетъ придавать ей чрезмѣрную важность. Ему представляется, какъ нѣкоторое откровеніе изъ другого міра, когда женщина, остроумная и одаренная воображеніемъ, способна придавать тѣмъ абстрактнымъ скелетамъ, которымъ постоянно заняты его мысли, жизнь и осязаемую плоть... Когда человекъ приходитъ въ столкнове- ніе съ умной женщиной, часто возникаетъ своего рода самообманъ. Когда такая женщина выражаетъ мнѣнія, которыя у мужчины представляютъ продуктъ суроваго процесса мышленія, то послѣднему пред- ставляется, что и она пришла къ нимъ чрезъ по- добный же процессъ мысли. Мужчина обыкновенно неспособенъ подмѣчать быстроту женскаго пони- манія и ея умѣніе проникнуться и заинтересоваться тѣми проблемами, которыми онъ занимается. Можно считать, по крайней мѣрѣ, фактомъ, что женскій умъ удивительно быстро воспринимаетъ и способенъ воспроизводить мысли и идеи отъ существа, кото- рое передаетъ ихъ съ симпатіей. Мужчина начи- наетъ поклоняться такой женщинѣ въ полномъ со- отвѣтствіи съ силой собственной логики совершен- но независимо отъ ея природныхъ силъ“.

Вліяніе г-жи Тэйлоръ на умственное развитіе Милля врядъ-ли слѣдуетъ считать сколько-нибудь значительнымъ. Скорѣе всего исторія его отноше- ній съ женой подтверждаетъ то, что онъ самъ пи- салъ: „для мыслителя ничто не можетъ быть по- лезнѣе, какъ совершать *свой* трудъ въ обществѣ и подъ критическимъ надзоромъ умной и любящей женщины“ *):

*) Autobiography, стр. 190, 242, 245, 247, 252, также W. L. Cour- tney Life of D. S. Mill, стр. 110 — 123, Bain. Life of D. S. Mill, стр. 163 и слѣд. Dr. Garnett, Life of Carlill, стр. 76.

II.

Какъ мы уже сказали, въ періодъ съ 1830 по 1848 г. Д. С. Милль, успокоенный нравственно, окончательно умственно сложившійся и согрѣтый дружбой и чувствомъ г-жи Тэйлоръ написалъ то, что наиболѣе прославило его имя. Въ 1843 г. онъ выпустилъ въ свѣтъ „Систему логики“ и въ 1848 г. „Основанія Политической экономіи“. Громадное напряженіе, потребовавшееся въ это время, сказалось на здоровьи и умственной энергіи Милля и послѣ женитьбы въ 1849 г. почти на семь лѣтъ наступаетъ затишье въ его литературной дѣятельности. Все время Милль проводилъ съ женою и даже съ друзьями видѣлся очень рѣдко. Только послѣ смерти жены онъ снова принимается за кипучую литературную дѣятельность и въ это время напечатаны всѣ остальные главнѣйшіе его труды: о „Свободѣ“ (1859 г.), о „Представительномъ правленіи“ (1860), Утилитаризмъ (1861), о „Философіи сэра Гамильтона“ (1865), „Огюсть Контъ и позитивная философія“ (1864), о „Подчиненности женщинъ“ (1869). Уже послѣ его смерти были напечатаны: „Автобіографія“, которая написана была частью въ 1860, частью послѣ 1870 г., и „О природѣ, полезности религіи и теизмѣ“. Онъ собирался еще написать книгу о социализмѣ, но изъ нея ему удалось написать только нѣсколько главъ, которыя были напечатаны въ 1879 г., уже послѣ его смерти, въ „Fortnightly Review“ подъ заглавіемъ „Chapters on socialism“ *). О нѣкоторыхъ заключительныхъ

*) Всѣ сочиненія Д. С. Милля за исключеніемъ двухъ послѣднихъ были переведены и на русскій языкъ. Логика—Резенеромъ, Основанія—Чернышевскимъ, о Свободѣ и Утилитаризмѣ—Невѣдомскимъ; Предста-

моментахъ жизни Д. С. Милля мы еще скажемъ ниже. Теперь же намъ предстоитъ нелегкая задача въ краткихъ чертахъ представить основныя ученія Д. С. Милля по вопросамъ, имѣющимъ непосредственное соприкосновеніе съ политической экономіей. Мы не имѣемъ ни намѣренія, ни возможности вдаваться въ подробный обзоръ всѣхъ его произведеній, логическихъ, теологическихъ и метафизическихъ его возрѣній; коснемся лишь насколько, насколько это необходимо, чтобы у читателя составилось болѣе опредѣленное представленіе о Д. С. Миллѣ, какъ мыслителѣ-экономистѣ.

Главной задачей своихъ трудовъ—Милль ставилъ построеніе соціальной науки. Вліяніе раннихъ занятій съ отцемъ сказалось и на томъ, съ чего онъ началъ эту многотрудную работу. Отецъ хотѣлъ сдѣлать изъ него логика и онъ посвятилъ свое первое и крупнѣйшее произведеніе изученію логическихъ процессовъ, наукѣ о доказательствѣ или очевидности. Въ этомъ трактатѣ онъ въ частности далъ лучшую теорію методовъ научнаго изслѣдованія въ общественныхъ наукахъ. 3-я книга, въ которой Милль даетъ анализъ пріемовъ индуктивнаго изслѣдованія, и послѣдняя, названная „логикой нравственныхъ наукъ“, составляютъ необходимѣйшій предметъ изученія для всѣхъ, кто приступаетъ къ ознакомленію съ общественными науками. Философская система, положенная Д. С. Миллемъ въ основу общественныхъ наукъ, какъ и все у Милля,

---

вительное правленіе—издано Яковлевымъ, Огюсть Контъ и Гамильтонъ—Тибленонъ. Автобіографія была переведена лишь въ извлеченіи. Почти всѣ эти переводы уже вышли изъ продажи. Пр. А. М.

переходнаго характера и составилась подъ значительнымъ вліяніемъ Огюста Конта. Онъ позитивистъ и эмпирикъ, но своеобразно сочетавшій элементы того и другого. Онъ остановился на полъдорогѣ между Юмомъ и Спенсеромъ въ однихъ отношеніяхъ, въ другихъ онъ старается быть посредникомъ между школой Декарта и Локка. Согласно Юму—всѣ наши истины зависятъ отъ индивидуальнаго опыта, ибо всѣ наши ощущенія, испытываемыя подъ вліяніемъ различныхъ причинъ, и образуютъ то, что мы называемъ фактами. Въ сущность вещей мы никогда не проникнемъ и всѣ подобнаго рода попытки тщетны. По Спенсеру нѣкоторыя истины принадлежатъ индивидуумамъ *à priori*, а *à posteriori*—расѣ. Для Милля все наше знаніе также имѣетъ только опытное происхожденіе, врожденныхъ идей онъ не признаетъ (*à priori*). Отсюда онъ старается доказать, что даже геометрическія аксіомы имѣютъ опытное происхожденіе; послѣдніе, какъ извѣстно, имѣютъ дѣло съ идеально прямыми линіями и кругами, каковыхъ, безъ сомнѣнія, опытъ намъ обнаружить не можетъ. Милль долженъ согласиться съ идеалистами, что воспроизведеніе геометрическихъ фигуръ въ воображеніи совершенно замѣняетъ геометрической опытъ. Онъ старается согласить это кажущееся противорѣчіе простотой и несложностью нашихъ пространственныхъ воспріятій и тѣмъ, что постоянно испытываемыя впечатлѣнія такого рода лучше воспроизводятся нами въ воображеніи, но это конечно не разрѣшаетъ вопроса. Столь же двойственно у него обсужденіе вопроса о связи между причиной и слѣдствіемъ. Идеалистическая школа, начиная съ

Декарта, исходя изъ безусловнаго и неизмѣннаго характера этой связи, настаивала, что связь эта априорна, абстрактна, существуетъ лишь въ мысли и не вытекаетъ изъ опыта. Милль, ученикъ Юма и Локка, полагаетъ, что отношеніе между причиной и слѣдствіемъ нами устанавливается изъ опыта. Эта связь опредѣляется нами изъ цѣлаго ряда опытовъ и мы считаемъ, что она можетъ и должна быть только неизмѣнной и безусловной. Но какъ изъ опыта возойти къ установленію необходимости и неизмѣнности? Очевидно, мы имѣемъ дѣло здѣсь лишь съ вѣроятностью, приближающейся къ полной достовѣрности. Сознавая все это, Д. С. Милль допускаетъ, что въ другихъ частяхъ нашей солнечной системы, куда нашъ опытъ не проникаетъ, можетъ быть, совершаются безпричинныя явленія. Уступка сдѣлана напрасно; для насъ вполне достаточна вѣроятность, которая приближается къ достовѣрности. До послѣдняго времени экономисты мало обращали вниманіе на философскую сторону ученій обоснователей этой науки, а между тѣмъ не скрывается ли разъясненіе того, что первые экономисты были индивидуалистами отчасти и въ томъ, что они стояли въ тѣсной связи съ эмпириками, которые все знаніе сводили къ индивидуальному опыту, требовали безграничнаго простора для личной инициативы, все богатство считали результатомъ индивидуальныхъ усилій и т. д., забывая объ опытѣ, требованіяхъ и накопленіяхъ расы, націи, общества отдѣльныхъ семействъ...

Положеніе объ опытномъ происхожденіи знанія—краеугольный камень всей философіи—Милля и разъясненіе этой истины его величайшая заслуга.

Въ основу изученія природы и общественныхъ явленій онъ полагаетъ *единообразіе* природы; это положеніе составляетъ основу индукціи и отличается отъ другихъ наблюденій только громаднымъ количествомъ самихъ подтверждающихъ наблюденій. Два основныхъ метода познанія находятся въ нашемъ распоряженіи. Восходя отъ частныхъ случаевъ къ общему положенію, совершая обообщеніе частныхъ случаевъ, мы изслѣдуемъ явленія при помощи индукціи *) Восходя изъ общаго положенія для объясненія частныхъ случаевъ—мы изслѣдуемъ явленія при помощи *дедукціи*. Въ связи съ индуктивными методами—дедуктивный методъ долженъ считаться главной опорой изслѣдованій въ общественныхъ наукахъ. Всѣ общественныя явленія и факты тѣсны связаны между собою. Сложность ихъ такъ велика, что ихъ нельзя объяснить во всей совокупности; а такъ какъ разные роды

---

*) Такихъ приѣмовъ наведенія или индукціи Милль насчитываетъ четыре: 1) *методъ согласія*, основное правило котораго заключается въ слѣдующемъ: „если двумъ или большему числу случаевъ изслѣдуемаго явленія природы обще одно лишь обстоятельство, то обстоятельство, въ которомъ всѣ случаи согласуются, есть причина, производящая данное явленіе; 2) *методъ разницы* его правило: „если случай, въ которомъ изслѣдуемое явленіе природы имѣетъ мѣсто, и случай, въ которомъ оно не имѣетъ мѣста, представляютъ всѣ условія общія, за исключеніемъ лишь одного, и это одно условіе встрѣчается только въ первомъ случаѣ, то условіе, въ которомъ оба случая разнятся другъ отъ друга, есть дѣятель и причина, или необходимая составная часть причины; 3) *методъ остатковъ*—его правило: „если мы выдѣлимъ изъ даннаго явленія природы ту часть его, которая, какъ мы убѣдились изъ прежнихъ наведеній, есть слѣдствіе извѣстныхъ предшествовавшихъ причинъ, то оставшаяся часть, остатокъ явленія природы, будетъ слѣдствіемъ остальныхъ причинъ; 4) *методъ сопутствующихъ измѣненій*—его правило: „Если измѣненія въ двухъ какихъ нибудь явленіяхъ не-

явленій и фактовъ зависятъ непосредственно отъ разныхъ родовъ причинъ, то дедуктивный методъ въ примѣненіи къ общественнымъ наукамъ заключается въ томъ, что составные элементы общественныхъ явленій изучаются порознь. Каждая отдѣльная, дѣйствующая въ общественныхъ явленіяхъ причина изучается особо; выяснивъ дѣйствія всѣхъ причинъ въ отдѣльности, затѣмъ при помощи вывода или дедукціи стараются открыть, какъ онѣ будутъ дѣйствовать въ совокупности. Если результаты дедукціи соотвѣтствуютъ наблюдаемымъ фактамъ, значитъ выводъ сдѣланъ вѣрно и мы открыли причину явленій. Такимъ образомъ дедуктивный методъ, который съ такимъ талантомъ изложилъ и употреблялъ въ своихъ изслѣдованіяхъ Д. С. Милль, состоитъ изъ трехъ частей: индуктивнаго изслѣдованія, вывода или умозаключенія и повѣрки. Заслуга Милля заключается еще, однако, и въ томъ, что, слѣдуя О. Конту, онъ указалъ на необходимость созданія на ряду съ отдѣльными общественными науками еще общей соціальной науки, или, какъ говорилъ Контъ, соціологіи, которая ставитъ своей задачей открытіе законовъ соціальнаго развитія. Послѣдніе не мо-

---

премѣнно сопутствуютъ другъ другу, то одно изъ нихъ составляетъ причину, а другое слѣдствіе и оба они стоятъ въ какой нибудь причинной связи“; методъ остатковъ уже въ сущности является дедуктивнымъ методомъ. Слѣдуетъ помнить, что *причиной* Милль называетъ всякое неизмѣнно предшествовавшее явленіе, *слѣдствіе* неизмѣнно послѣдующее. Причина — есть сумма всѣхъ условій, положительныхъ и отрицательныхъ, взятыхъ вмѣстѣ, наступленіе которыхъ неизмѣнно и безусловно сопровождается слѣдствіемъ. Приложение этихъ методовъ въ общественныхъ наукахъ очень хорошо изложено въ логикѣ А. Бэна, см. его Логика общественныхъ наукъ, Москва, 1882 г., стр. 27 и слѣд-

могутъ быть открыты при помощи простой дедукціи. Человѣческій умъ не можетъ прослѣдить всю совокупность общественныхъ явленій на протяженіи тысячелѣтій, поэтому приходится измѣнить простой дедуктивный методъ и въ этомъ преобразованномъ видѣ Д. С. Милль называетъ его—обратно-дедуктивнымъ или историческимъ. Прежде всего изслѣдователь долженъ найти единообразіе или правильность въ послѣдовательности историческихъ явленій. Другими словами, факты и явленія дѣйствительности, которыя при простой дедукціи служили лишь для повѣрки, становятся исходнымъ пунктомъ изслѣдованія и только обобщивъ, такимъ образомъ наблюденныя явленія, мы при помощи вывода или умозаключенія должны показать, что сдѣланныя историческія обобщенія согласуются съ законами человѣческой природы. Заимствовавъ построеніе этого метода отъ Конта, Милль, однако, сильно разошелся съ нимъ. Соціологію Контъ построилъ на біологіи, стараясь восходить отъ фізіологическаго организма къ соціальному. На мѣсто психологіи Контъ въ основу общественныхъ наукъ полагалъ церебральную фізіологію т. е. фізіологію мозга. Милль также признавалъ, что отъ психологическихъ основъ человѣческой души нельзя сразу перейти къ законамъ, управляющимъ человѣческими обществами. Посредствующимъ звеномъ между тѣми и другими, по его мнѣнію, должна служить *этологія* или наука о характерахъ, занимающаяся подборомъ качествъ, проявляющихся въ національномъ характерѣ, и изученіемъ законовъ, управляющихъ ихъ дѣйствіемъ.

Какъ ни бился, однако, Милль, но основать

такую науку ему не удалось. Разочаровавшись въ возможности построить такую науку, Д. С. Милль и написалъ свой трактатъ „объ основаніяхъ политическихъ экономіи“, часть котораго въ извлеченіи и составляетъ настоящую книгу. Первой и основной заслугой этого трактата и является то, что въ немъ Милль, оставаясь вполнѣ сторонникомъ дедуктивнаго психологическаго метода, попытался внести въ экономическую науку необходимыя поправки и рассмотреть всѣ экономическія явленія не только такъ, какъ они есть, но въ процессѣ ихъ развитія и въ связи съ философіей его времени. Слѣдуя Контю, онъ изучаетъ порядокъ и прогрессъ, статику и динамику экономическихъ явленій, старается обсуждать многія явленія не съ узко экономической, а съ болѣе широкой соціальной точки зрѣнія. До какихъ бы то ни было обобщеній, дающихъ законы экономического развитія, онъ не дошелъ, но громадная его заслуга, сравнительно съ Мальтусомъ и Рикардо напр, заключается въ томъ, что онъ сталъ смотрѣть, по крайней мѣрѣ, хотя на нѣкоторыя экономическія явленія, какъ на нѣчто подлежащее измѣненію. Ему не удалось, конечно, быть новымъ Ад. Смитомъ. Для этого у него не хватало строгаго единства въ его философской системѣ.

Объ этомъ трактатѣ мы теперь и должны поговорить болѣе подробно, чтобы затѣмъ коснуться еще вкратцѣ политической и этической философіи Д. С. Милля, ибо трудно понимать хорошо трактатъ Милля объ основаніяхъ политической экономіи, не ознакомившись съ этой стороной его философіи, какъ она изложена въ изслѣдованіяхъ о „Свободѣ“ и

„Утилитаріанизмъ“. Д. С. Милля часто называютъ простымъ продолжателемъ Мальтуса и Рикардо, но такое утвержденіе не будетъ вполнѣ вѣрно, даже въ томъ случаѣ, если мы ограничимся лишь изученіемъ однихъ „Основаній“. Сопоставивъ „Основанія“ съ сочиненіями о „Свободѣ“ и „Утилитаріанизмъ“, мы еще болѣе убѣдимся, что количество внесенныхъ ими поправокъ было значительно больше, чѣмъ думаютъ, и онъ по праву могъ называть школу Рикардо „старой“, отличая тѣмъ себя отъ нея, какъ челоѣка новаго направленія. Только въ своихъ пяти опытахъ о нѣкоторыхъ неразрѣшенныхъ вопросахъ П. Экономіи, написанныхъ въ 1830—31 г. и опубликованныхъ въ 1844 г., онъ еще остается прямолинейнымъ ученикомъ Рикардо.

Безъ сомнѣнія методъ и всѣ основныя положенія Милля, таковы же какъ и у Рикардо. Уже въ пятомъ изъ своихъ опытовъ, а впоследствии съ большой полнотой въ Логикѣ нравственныхъ наукъ, Милль точно и ясно формулировалъ своеобразную точку зрѣнія, съ которой была построена и должна быть построена абстрактная политическая экономія, желающая изучать экономическія явленія въ условіяхъ свободнаго соперничества. Основная экономическая предпосылка, общая ему, также какъ и Рикардо, и всей классической школѣ П. Э., можетъ быть формулирована такъ: „такъ какъ природа одарила челоѣка многообразными духовными и матеріальными потребностями, для удовлетворенія которыхъ онъ долженъ перерабатывать и присвоивать себѣ матерію и силы природы, такъ какъ въ то-же время она дала ему краткую жизнь и мало силъ, то, чтобы обезпечить себѣ наилуч-

шимъ образомъ удовлетвореніе потребностей, человекъ въ своей дѣятельности долженъ всегда имѣть въ виду балансъ выгодъ и пожертвованій при своемъ трудѣ; или иначе: люди всегда стремятся и должны стремиться получить богатство съ наименьшей затратой труда“. Подобно Рикардо, онъ построяетъ, исходя изъ этого психологическаго предположенія, всю политическую экономію, приходитъ во многихъ отношеніяхъ къ тѣмъ же выводамъ, но обнаруживаетъ гораздо большую широту взгляда и осторожность. По справедливому замѣчанію Д. Э. Кернса, Рикардо доставилъ Миллю скелетъ науки— онъ снабдилъ еѣ связками, кровью и мускулами; безъ сомнѣнія, трактатъ Д. С. Милля и доселѣ еще остается лучшимъ руководствомъ для занимающихся изученіемъ экономической науки. Мы увидимъ еще, какія широкія видоизмѣненія въ этой общей психологической предпосылкѣ сдѣлалъ Милль, какъ въ своихъ „Основаніяхъ“, такъ и въ другихъ трудахъ.

Изъ приложеннаго къ настоящему изданію полнаго оглавленія трактата Д. С. Милля читатель легко усмотритъ планъ всего сочиненія и ту громадную массу вопросовъ, которые оно затрогиваетъ. Первая книга трактуетъ о производствѣ, вторая о распредѣленіи, третья—объ обмѣнѣ, четвертая—о вліяніи прогресса общества на производство и распредѣленіе и, наконецъ, пятая—о вліяніи правительства на экономическую жизнь. Критика уже давно показала недостатки и достоинства этого трактата и мы коснемся и тѣхъ и другихъ только въ самыхъ общихъ чертахъ.

Уже во введеніи, а въ особенности въ третьей книгѣ, ясно видно стремленіе Д. С. Милля при-

дать П. Э. болѣе историческій и менѣе абстрактный характеръ. Мы знаемъ теперь гораздо болѣе о томъ, какъ слагались экономическія явленія въ историческомъ процессѣ, но для своего времени—вступленіе и главы о рабствѣ, крестьянахъ-собственникахъ, половникахъ, коттерахъ были одной изъ первыхъ попытокъ внести въ теоретическую экономію историческій элементъ и соединить теорію съ политикой. Главы о формахъ землевладѣнія были внесены подъ непосредственнымъ вліяніемъ трудовъ Джонса, на котораго теперь смотрятъ, какъ на одного изъ родоначальниковъ историческаго направленія. Въ этихъ главахъ Д. С. Милль является горячимъ защитникомъ мелкой крестьянской собственности, не считая ее, однако, конечной формой человѣческаго развитія. Въ числѣ аргументовъ въ пользу ея, онъ выдвигаетъ два главнѣйшихъ: необыкновенное трудолюбіе, бережливость и трезвость крестьянъ-собственниковъ (дайте человѣку въ прочное владѣніе голую скалу и онъ превратитъ её въ садъ, говоритъ онъ, дайте ему по девятилѣтнему контракту садъ, и онъ обратитъ его въ пустыню) и развитіе среди этого класса благоразумія, самообладанія и воздержанности отъ чрезмѣрнаго размноженія. Въ послѣднемъ аргументѣ съ особой силой сказывается старая закваска Рикардіанства и Мальтузіанства. Все существенное въ ученіи о заработной платѣ, прибыли, рентѣ построено въ полномъ соотвѣтствіи съ ученіями этихъ писателей. Милль является горячимъ сторонникомъ заработнаго фонда *) и Мальтусовой

*) Слѣдуетъ отмѣтить, что въ одной изъ статей, написанныхъ по поводу сочиненія Торнтона, о „Трудѣ и его правахъ“ Д. С. Милль от-

теоріи населенія. Здѣсь онъ мало оригиналенъ; въ отличіе отъ Рикардо онъ настаиваетъ, впрочемъ, съ большей силой, но и только, на томъ, что минимумъ заработной платы опредѣляется не только физическими, но и *нравственными* причинами; въ отличіе отъ Мальтуса, настаиваетъ на нравственномъ воздержаніи сочетающихся бракомъ существъ. Главнѣйшее достоинство абстрактной части его трактата сравнительно съ Рикардо заключается въ необыкновенной ясности изложенія и гораздо большей систематичности и широтѣ построенія. Самой характерной чертой всего трактата является, однако, двойственное подраздѣленіе законовъ экономіи.

Подъ вліяніемъ О. Конта Д. С. Милль пришелъ къ убѣжденію въ необходимости изучать статику и динамику экономическихъ вліяній; быть можетъ подъ вліяніемъ жены, а главнымъ образомъ С. Симона и Фурье, онъ въ то-же время раздѣлилъ законы П. Э. на неизмѣнныя и измѣняемыя и сообразно съ этимъ на ряду съ абстрактной теоріей далъ цѣлый рядъ практическихъ указаній. Въ настоящемъ изданіи мы сохранили почти всецѣло относящіяся къ этой сторонѣ взгляды Милля и отсылаемъ читателя непосредственно къ нимъ. Въ нихъ много, очень много спорнаго, но они представляютъ прекрасный

казался отъ теоріи заработнаго фонда. Мы сохранили въ настоящемъ изданіи эту сторону его ученій въ первоначальномъ видѣ, ибо въ связи съ его ученіями о формулахъ капитала — она представляетъ лучшій образецъ силы и слабости дедуктивнаго метода, лучшую школу экономического мышленія. Книга Торнтонна переведена на русскій языкъ и въ приложеніи къ ней напечатана и указываемая статья Д. С. Милля. А. М.

матеріаль для размышленій. Коснемся только раздѣленія законовъ политической экономіи на два вида. Законы производства, говоритъ Милль*), неизмѣнны, законы распределенія—дѣло чисто чело-вѣческаго учрежденія. Это раздѣленіе законовъ—въ свое время оказало на экономистовъ большое вліяніе, но позволительно сомнѣваться, чтобы оно было цѣлесообразно съ научной точки зрѣнія. Да и самъ Д. С. Милль не въ состояніи былъ послѣдовательно провести это раздѣленіе, которое не согласуется съ фактами дѣйствительной жизни. Собственные его главы о производствѣ полны указаній, что законы производства находятся въ такой же тѣсной зависимости отъ исторической обстановки, какъ и законы распределенія. Абстрактные законы производства, говорящія намъ о выгодности или невыгодности того или иного техническаго приѣма производства, совершенно парализуются исторической обстановкой существующихъ экономическихъ отношеній. Въ свое время извѣстный нашъ критикъ Н. Г. Чернышевскій указалъ уже, что Милль незамѣтно для себя принужденъ принимать во вниманіе эту историческую обстановку. Такъ въ главѣ 2-й первой книги**) онъ включаетъ въ разрядъ косвенно-производительнаго труда—трудъ, затраченный на производство пищи для работниковъ, и говоритъ, что существующая историческая обстановка требуетъ включенія въ издержки производства—особаго вознагражденія за эту пищу. Въ главѣ о капиталѣ онъ утверждалъ, что та-же исто-

*) Ср. стр. 119 и слѣд. настоящаго изданія.

**) Ср. стр. 48 и 53 наст. изд.

рическая обстановка требует затрачивать на производство больше капитала, чѣмъ сколько требуется самой сущностью дѣла. Въ отдѣлѣ же о производствѣ онъ говоритъ о неизмѣнномъ законѣ населенія, настаивая на его неизмѣняемости во всѣхъ послѣдующихъ главахъ. Такихъ примѣровъ можно было-бы набрать не мало. Говоря объ измѣняемости законовъ распределенія онъ въ то-же время говоритъ: „хотя правительство и націи имѣютъ власть опредѣлять, какія учрежденія должны существовать, но они не могутъ произвольно опредѣлять, въ какомъ направленіи эти учрежденія будутъ дѣйствовать“*). Безъ всякаго сомнѣнія вліяніе человека на распределеніе шире и въ указаніи этого огромная заслуга Д. С. Милля. Главы его о вліяніи обычая, учрежденій, собственности и наслѣдованія и друг. факторовъ на распределеніе полны интереса, но онъ и самъ видитъ, что разъ дана извѣстная историческая обстановка—результаты ея сказываются *spronte acta* — сами собой. Родбертусъ правильнѣе взглянулъ на дѣло, справедливо утверждая, что законы производства и распределенія взаимно зависятъ другъ отъ друга и что тѣ и другіе равно не могутъ быть неизмѣнными, а представляются лишь нѣкоторыми „историческими категоріями“. Условія баланса выгодъ и пожертвованій,—это исходная предпосылка П. Э., а слѣдовательно и законы производства и распределенія, никогда не остаются одинаковыми и зависятъ не только отъ всей совокупности условій внѣшней природы (климатъ, почва, извѣстныя ору-

*) Ср. стр. 39 наст. изд.

дія производства и проч.), но и отъ исторической обстановки человѣческой среды*).

Ни на чемъ, быть можетъ, эта неправильность въ разъясненіи законовъ не сказалось съ такой силой, какъ въ книгѣ объ обмѣнѣ, которая составляетъ лишь дальнѣйшее развитіе ученія о распредѣленіи. Рикардо училъ, что цѣнность товаровъ зависитъ отъ количества труда, затраченнаго на ихъ производство въ наилучшихъ условіяхъ.

Предположимъ, что продуктъ А производится въ 300 дней при рабочей платѣ 2 и прибыли на затраченный 5%; продуктъ В производится въ 500 дней при той же заработной платѣ и прибыли; тогда стоимость продукта А равна: $300 \times 2 + 5\%$

на 300×2 или $\frac{300 \times 2}{20}$; стоимость продукта В рав-

на потому же: $500 \times 2 + \frac{500 \times 2}{20}$. Отношеніе цѣнностей А и В будетъ таково: $A : V = (300 \times 2 +$

$\frac{300 \times 2}{20}) : (500 \times 2 + \frac{500 \times 2}{20})$ или $A : V = 300(2 + \frac{2}{20}) :$

$500(2 + \frac{2}{20})$ или $A : V = 300 : 500$.

Всѣ стремленія Рикардо и направлены къ тому, чтобы доказать, что въ обществѣ, гдѣ соперничество постоянно стремится уравнивать прибыли и заработныя платы при сравненіи стоимостей продуктовъ, они, такъ сказать, взаимно сокращаются и могутъ быть приняты за единицу; отсюда слѣдуетъ, что въ такомъ обществѣ цѣнности продуктовъ от-

*) См. по этому поводу первую главу нашего труда „Деньги“ Москва, (1895)—„Политическая экономія и естественные законы“.

носятся другъ къ другу, какъ количество затраченнаго на нихъ труда. Неравенства въ прибыляхъ, обусловливаемые неравнымъ размѣромъ затраченнаго капитала, Рикардо считалъ возможнымъ игнорировать. De minimis non curat praetor, т. е. о малозначительномъ вліяніи не стоитъ говорить.

Д. С. Милль не могъ согласиться съ этимъ. Какъ видно изъ 8 пункта его обзора цѣнности на мѣсто общей формулы Рикардо, онъ ставитъ формулу издержекъ производства, утверждая, что въ современномъ народномъ хозяйствѣ цѣнность опредѣляется суммою заработныхъ платъ и прибылей, какъ всеобщихъ элементовъ издержекъ производства. Необходимость получать прибыль соотвѣтственно затраченному капиталу вызываетъ по Д. С. Миллю три послѣдствія въ законѣ цѣнности *).

Во-первыхъ. Предположимъ, что товаръ А. произведенъ трудомъ стоимостью въ 1,000 рублей, товаръ В. произведенъ непосредственнымъ трудомъ въ 500 рублей и изнашивающейся отъ употребленія въ одинъ годъ машиною той же стоимости. Прибыль на капиталъ равна 20%. Очевидно продукты этихъ различныхъ производствъ по роду затратъ не могутъ обмѣниваться одинъ на другой. Машина сдѣлана трудомъ стоимостью въ 500 рублей и потому при прибыли въ 20% естественная ея стоимость 600 р.; такимъ образомъ фабрикантъ товара В. сдѣлалъ на 100 рублей болѣе затратъ, чѣмъ фабрикантъ товара А. Отсюда стоимость товара $A=1000$ р. (заработная плата) + 200 (прибыль на эту затрату); стоимость товара В потому же

*) См. Основанія, книга III, §. 4, 5 и 6-й.

равна: 600 (стоимость машины) + 120 (прибыль на эту затрату) + 500 (зар. пл.) или что тоже А—стоитъ 1200 руб, В—1320. Ясно замѣчаетъ Д. С. Милль, что товары обмѣниваются не по простой соразмѣрности количествъ требующагося на ихъ производства труда, если въ этомъ процессѣ участвуетъ неравное количество капитала въ разныхъ его формахъ.

Во-вторыхъ. Второе послѣдствіе по Миллю еще оригинальнѣе и выражается въ положеніи, что отъ общаго повышенія или пониженія прибылей цѣнности товаровъ, произведенныхъ при помощи разныхъ видовъ капитала, измѣнятся неизбежно. Если два товара, производимые равнымъ количествомъ труда, имѣютъ неодинаковую цѣнность по той причинѣ, что одинъ долженъ давать прибыль за большій промежутокъ времени, чѣмъ другой, то эта разница цѣнностей увеличится при повышеніи прибылей и уменьшится при ихъ пониженіи. Такъ наши товары А и В продавались: первый за 1,200 руб., второй за 1,320 руб.; предположимъ, что прежняя норма прибыли понизилась до половины т. е. пала до 10⁰/₆: тогда первый товаръ А. будетъ продаваться за 1,100 р., товаръ В—за 1,115 руб. Такъ какъ прибыль, по предположенію Рикардо, къ которому примыкаетъ и Д. С. Милль, измѣняется только отъ повышенія или пониженія заработной платы, то это положеніе онъ выражаетъ въ другой формѣ такъ: *отъ повышенія заработной платы поднимается цѣнность товаровъ, производимыхъ трудомъ, относительно товаровъ, производимыхъ машинами.*

Въ-третьихъ, наконецъ третье послѣдствіе выражается въ томъ, что капиталисты въ современ-

номъ хозяйствѣ могутъ получать прибыль внѣ всякой зависимости отъ затраченнаго труда. Два капиталиста, напр., произвели вино; одинъ изъ нихъ немедленно продалъ его за 120 рублей, другой выдержалъ такое-же вино пять лѣтъ въ погребахъ. Очевидно, онъ продастъ его за 120 р. плюсъ прибыль за пять лѣтъ.

Теорія Д. С. Милля произвела большее впечатлѣніе, но уже непосредственный ученикъ его Д. Э. Кернсъ развилъ ее далѣе, постарался исправить, но потерпѣлъ неудачу. Съ современной точки зрѣнія представляется несомнѣнно, какъ нѣчто совершенно правильное, что заработная плата составляетъ всеобщій элементъ цѣнности. Въ самомъ дѣлѣ, какое мнѣ дѣло до количества затрачиваемаго труда, если я просто знаю, что товаръ А. стоитъ 1000 рублей въ видѣ выплаченной заработной платы. Цѣнность его, очевидно, должна совпадать съ количествомъ денегъ, выданныхъ въ видѣ заработныхъ платъ и истраченныхъ на покупку матеріаловъ. На этотъ именно пунктъ, прежде всего, и обратилъ вниманіе Д. Э. Кернсъ. По его мнѣнію, положеніе, согласно которому заработная плата составляетъ часть издержекъ производства, выработано съ исключительной точки зрѣнія капиталиста-предпринимателя. Для послѣдняго заработная плата, дѣйствительно, составляетъ часть издержекъ. Но съ общей точки зрѣнія плата рабочихъ является вознагражденіемъ за ихъ трудъ и колеблется совершенно независимо отъ цѣнности предметовъ; такъ, съ возрастаніемъ производительности труда цѣнности понижаются, а заработныя платы могутъ повыситься, рабочіе будутъ получать большее ко-

личество продуктовъ въ оплату своего труда. Выраженіе это сдѣлано вполне послѣдовательно съ Рикардіанской точки зрѣнія *). Но онъ не остается столь послѣдовательнымъ въ вопросѣ о прибыли **). Ему приходилось объяснить ничѣмъ не доказанное утвержденіе Д. С. Милля, что прибыль *неизбѣжно* входитъ въ цѣнность продукта. Онъ рассуждаетъ такъ: издержки производства состоятъ въ *пожертвованіяхъ* (sacrifice), которыя выражаются въ затратѣ труда и капитала; первыя измѣряются числомъ дней, часовъ и т. д. труда; пожертвованіе капиталиста заключается въ воздержаніи (abstinence) и прибыль является вознагражденіемъ за таковое. Капиталь необходимъ для производства, а между тѣмъ только прибыль т. е. извѣстный вычетъ изъ цѣны продукта въ пользу капиталиста, побуждаетъ людей къ сбереженіямъ для употребленія сохраненнаго въ качествѣ капитала. Нельзя предполагать, думаетъ Кернсъ, что процессъ сбереженія пріятенъ самъ по себѣ; быть можетъ для капиталистовъ высшаго полета самоограниченіе (selfdenial) въ видѣ сбереженія и невелико, но по общему правилу это образующее капиталы самоограниченіе бываетъ серьезнымъ и суровымъ пожертвованіемъ. Значеніе этого самоограниченія и потребное вознагражденіе за него опредѣляется по среднему размѣру пожертвованій (average sacrifice) при воздержаніи (abstinence). Отсюда Кернсъ, а за нимъ и безконечный рядъ экономистовъ, слагаютъ издержки производ-

---

*) Ср. ученіе Рикардо въ изданіи той же экономической библіотеки, пер. Н. Фабриканта. **) См. Some Leading Principles of Political Economy newly expounded L. 1874. Теорія воздержанія впервые была обоснована Небеніусомъ, затѣмъ Сеніоромъ и его продолжителемъ Д. Э. Кернсомъ.

ства: изъ рабочихъ дней + воздержаніе. Но основательность этого приѣма подлежитъ возраженіямъ. Прежде, всего тоже, что сказалъ Д. Э. Кернсъ о платѣ можно сказать и о прибыли. Кромѣ того никто изъ сторонниковъ этой теоріи не пояснилъ, какъ можетъ въ дѣйствительности происходить это странное сложеніе въ издержкахъ производства труда съ абстрактнымъ понятіемъ—воздержаніемъ; къ тому-же и опредѣлить среднее значеніе этого воздержанія положительно невозможно. Объясненіе прибыли, даваемое Д. С. Миллемъ сообразно точкѣ зрѣнія Рикардо, гораздо правдоподобнѣе. Включать прибыль въ издержки производства мы не имѣемъ никакого права. Она не влагается, а получается по окончаніи производства. Она составляетъ просто доходъ капиталиста, реализуемый послѣ того, какъ продуктъ изготовленъ. Въ этомъ отношеніи еще Р. Мальтусъ даетъ ясное и точное опредѣленіе того, что мы должны понимать подъ прибылью. „Прибыль, говоритъ онъ, состоитъ въ разницѣ между цѣнностью затратъ, которыя необходимы для производства товаровъ, и цѣнностью готоваго продукта; норма прибыли состоитъ въ нѣкоторомъ отношеніи между цѣнностью затратъ и цѣнностью готоваго продукта“. Очевидно, внесенная Д. С. Миллемъ поправка не улучшила теоріи цѣнности Рикардо. Историческая обстановка, въ которой протекаютъ нынѣ экономическія явленія, а именно раздѣленіе продуктовъ между тремя классами, не даетъ намъ права слагать издержки производства изъ доходовъ. Здѣсь съ особой силой сказывается то обстоятельство, что при данныхъ условіяхъ распредѣленія все же существуетъ нѣкто-

рый общій и неизмѣнный законъ, отъ котораго зависитъ это распредѣленіе. Здѣсь не мѣсто входить въ обсужденіи вопроса, насколько правильна теорія Рикардо. Намъ пришлось-бы коснуться тогда всего зданія абстрактной экономіи *). Выставленныя этой школой положенія служатъ фундаментомъ всей теоретической экономіи и вокругъ нихъ будутъ постоянно вращаться всѣ споры. Слѣдуетъ благодарить Д. С. Милля, что онъ въ своемъ трактатѣ постарался указать рядъ отступленій, которыя вполне согласуются съ общей правильностью абстрактной теоріи, но въ тоже время нельзя признать правильности той „реальной теоріи“ издержекъ производства, которую онъ хотѣлъ поставить на мѣсто абстрактнаго закона Рикардо.

Четвертая и пятая книги затѣмъ представляютъ наибольшій интересъ. Въ нихъ Д. С. Милль является горячимъ защитникомъ индивидуализма и самостоятельности рабочихъ классовъ. Для послѣднихъ онъ особенно рекомендуетъ организацію производительныхъ и потребительныхъ товариществъ, но очеркъ исторіи этихъ товариществъ не отличается полнотою и для настоящаго времени уже устарѣлъ. Исходя изъ формулы „общаго блага“, онъ отводитъ правительственному вмѣшательству уже гораздо болѣе обширное мѣсто, настаивая, однако, на томъ, что теорія *laisse faire* должна быть общимъ правиломъ. Всѣ данныя современности, однако, убѣждаютъ его, что развитіе сотрудничества будетъ продолжаться. Въ дополненіе къ со-

---

*) Ср. нашъ трудъ „Деньги“, опытъ изученія основныхъ положеній экономической теоріи классической школы (Москва 1895).

храненному въ текстѣ мы должны теперь еще коснуться нѣсколько подробнѣе его воззрѣній, какъ индивидуалиста и этика—утилитариста.

Сочиненіе о „Свободѣ“ *) является прекраснымъ дополненіемъ къ книгѣ о вліяніи правительства. Въ немъ заключается блестящая защита индивидуализма. По красотѣ и силѣ языка, по глубинѣ чувства, по краснорѣчію въ немъ положительно есть что то Цицероновское. Извѣстный христіанскій соціалистъ и романистъ Кингслей рассказываетъ, что тотчасъ по выходѣ книги о „Свободѣ“ онъ зашелъ въ книжную лавку; ему подали эту книгу и онъ тутъ же сѣлъ и прочелъ ее, не отрываясь. И дѣйствительно, такую книгу стоитъ прочесть не отрываясь. Никто послѣ Милля не написалъ еще такой книги и какимъ пигмеемъ сравнительно съ нимъ представляется Спенсеръ въ своей защитѣ личности противъ государства. Подобно тому какъ въ своихъ „Основаніяхъ“ Д. С. Милль является самымъ справедливымъ защитникомъ частной собственности, такъ и въ трактатѣ о „Свободѣ“ онъ даетъ самую лучшую защиту индивидуализма. По духу трактатъ о „Свободѣ“ скорѣе долженъ быть отнесенъ къ началу 19 вѣка, чѣмъ къ концу, но мысли, высказанныя, въ немъ имѣютъ глубочайшее значеніе и для нашего времени. По собственнымъ словамъ Д. С. Милля цѣль его изслѣдованія о „Свободѣ“, состоитъ въ томъ, чтобы установить тотъ принципъ, на основаніи котораго должны быть опредѣлены какъ тѣ принудительныя и контролирующія

---

*) Книга эта имѣется на русскомъ языкѣ въ прекрасномъ переводѣ А. Н. Невѣдомскаго.

дѣйствія общества по отношенію къ личности, которыя совершаются при помощи физической силы въ формѣ легальнаго преслѣдованія, такъ и тѣ дѣйствія, которыя заключаются въ нравственномъ насиліи надъ личностью чрезъ общественное мнѣніе. Принципъ этотъ, по его мнѣнію, заключается въ томъ, что люди, индивидуально или коллективно, могутъ вмѣшиваться въ дѣйствія личности только ради самосохраненія. Каждый членъ цивилизованнаго общества только въ томъ случаѣ можетъ быть справедливо подвергнутъ какому нибудь принужденію, если это нужно для того, чтобы предупредить съ его стороны такія дѣйствія, которыя вредны для другихъ людей, — личное же благо самого индивидуума, физическое или нравственное, не составляетъ достаточнаго основанія для какого бы то ни было вмѣшательства. Въ тѣхъ дѣйствіяхъ, которыя касаются лично его самого, индивидуумъ долженъ быть абсолютно независимъ надъ самимъ собой, — надъ своимъ духомъ и тѣломъ онъ неограниченный господинъ. Личное его благо можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы поучать индивидуума, уговаривать, усовѣщать, убѣждать, но ни какъ не для того, чтобы принуждать или дѣлать какое нибудь возмездіе за то, что онъ поступилъ не такъ, какъ желали...

По существу книга состоитъ изъ трехъ главнѣйшихъ частей; въ первой Милль является горячимъ сторонникомъ свободы обсужденія, во второй онъ доказываетъ, какъ важно для общества развитіе разнообразія въ характерахъ, въ третьей попытается опредѣлить предѣлы власти общества надъ личностью.

Наибольшей силой аргументации отличается первая часть; вкратцѣ аргументации Д. С. Милля въ пользу свободы мысли сводятся къ слѣдующимъ четыремъ положеніемъ: 1) мнѣніе, которое заставляютъ молчать, можетъ быть истиной. Отрицать возможность этого, значитъ признавать себя непогрѣшимымъ; 2) хотя мнѣніе, лишенное возможности высказываться, и есть заблужденіе, но оно можетъ заключать въ себѣ часть истины, какъ это по большей части и бываетъ;—и такъ какъ общепринятое или господствующее мнѣніе рѣдко или почти никогда не заключаетъ въ себѣ всей истины, то только при столкновеніи между собой различныхъ мнѣній остатальная непризнанная часть истины и можетъ достигнуть признанія; 3) если даже общепринятое мнѣніе, не только истинно, а заключаетъ въ себѣ всю истину, но если при этомъ оно не дозволяетъ себя оспаривать и на самомъ дѣлѣ не подвергается серьезному и искреннему оспариванію, то оно въ сознаніи или чувствѣ большей части людей утрачиваетъ свою разумность и превращается въ предразсудокъ; 4) мало того, дѣлая себя недоступной критикѣ, доктрина подвергаетъ себя опасности утратить самый свой смыслъ, ослабить свое вліяніе на характеръ и поступки людей и даже совершенно лишиться этого вліянія; догма превращается въ пустую, совершенно безплодную формальность, которая препятствуетъ зарожденію дѣйствительныхъ искреннихъ убѣжденій, исходящихъ изъ разума или изъ личнаго опыта“.

Не всѣ эти аргументы обладаютъ равной силой и примѣры, которыми Милль старается ихъ подтвердить, не всегда удачно подобраны. Наибольшей силой

отличается первый аргументъ, наибольшей слабостью второй и третій. Есть что-то парадоксальное въ утвержденіи, что истина лежитъ гдѣ то между двумя противоположными мнѣніями и будто общепризнанная истина нуждается въ опроверженіи. Законъ тяготѣнія составляетъ несомнѣнную истину, которая будетъ господствовать надъ умами и не нуждается въ томъ, чтобы какое нибудь противоборствующее утвержденіе оживляло эту истину въ умахъ людей. Даже въ этическихъ и политическихъ истинахъ не можетъ быть такой двойственности, при которой невозможно бы была ни стройность, ни стойкость убѣжденій. Наконецъ, истины часто теряютъ смыслъ не потому, что нѣтъ оппонентовъ, а потому, что собранный запасъ данныхъ и разумъ отказываются признать ихъ состоятельность. Вильгельмъ Гумбольдтъ, къ которому безусловно примыкаетъ и Д. С. Милль, безъ сомнѣнія, правъ, что два условія существенно необходимы для развитія человѣка, ибо только при существованіи этихъ условій только и возможно, чтобы люди не походили другъ на друга, а именно: свобода и разнообразіе положеній. Онъ останавливается съ ужасомъ предъ повсемѣстно замѣчаемымъ стремленіемъ подвести людей подъ одинъ типъ. Если все живое, говоритъ онъ, будетъ подведено подъ одинъ типъ, тогда уже поздно будетъ сопротивляться, тогда отступленіе отъ общаго типа сдѣлается чудовищностью, безнравственностью, противоестественностью. Если люди не будутъ имѣть разнообразія предъ глазами, то они потеряютъ скоро способность къ разнообразію. Разсуждая далѣе Милль отождествляетъ энергію съ оригинальностью и ге-

ніальностью, геній съ экцентричностью. Все это очень вѣрно, безусловно необходимо, но бѣда въ томъ, что самый основной принципъ, на которомъ покоится все построеніе, почти невозможно установить точно и опредѣленно. Въ самомъ дѣлѣ, какія дѣйствія индивидуума вредны только для него одного, какія пагубны для общества? Гдѣ та грань, которая отдѣляетъ первыя дѣйствія отъ вторыхъ? Индивидуалисты всегда полагаютъ, что личность логически предшествуетъ обществу, но такъ ли это? Кто сильнѣе личность или общество, кто обладаетъ большимъ количествомъ правъ? Что полезно для общества, гдѣ должно остановиться вмѣшательство, если общее благо, это неопредѣленнѣйшее начало, служить указателемъ границъ этого вмѣшательства? Врядъ ли возможно разрѣшить этотъ вопросъ теоретически, но существуетъ несомнѣнный фактъ, что общество, какъ цѣлое, было всегда творцемъ всякаго права и права личности предъ нимъ уступали и терпѣли нарушеніе. И только *борьба* личностей, какъ членовъ общезитія, а не абстрактныя ихъ абсолютныя права опредѣляли эту грань. Теперь мы защищаемъ тѣ-же положенія, исходя не изъ естественныхъ правъ, а изъ соображеній общественной цѣлесообразности, всегда сознавая, однако, что общество и его организація сильнѣе насъ, какъ личностей и до извѣстной степени во всякое данное время владѣютъ нами.

Уже въ собственномъ трактатѣ объ „Утилитаризмѣ“, а еще болѣе въ послѣдующихъ сочиненіяхъ *), Милль обнаружилъ слабость своей фи-

---

*) См. Chapters on Socialism въ „Fortnightly Review,“ 1879.

лософіи утилитарнаго индивидуализма и естественныхъ правъ личности. Бентамъ былъ дѣйствительно послѣдователемъ. Человѣкъ, по его мнѣнію, всегда остается эгоистомъ и только потому предпочитаетъ добродѣтель пороку, что она доставляетъ ему большее количество удовольствій, большую сумму наслажденій. Въ трактатѣ Д. С. Милля объ „Утилитаризмѣ“ замѣчается вся та-же обычная раздвоенность мысли, характерная для индивидуалиста и утилитариста, познавшаго значеніе общественныхъ силъ и идеальныхъ побужденій. Благодаря этому, получается большая неясность въ самыхъ существенныхъ опредѣленіяхъ, что такое счастье и въ томъ, дѣйствительно ли человѣкъ существо исключительно эгоистическое. По справедливому замѣчанію А. Бэна на этотъ небольшой трудъ можно возражать множествомъ томовъ и будучи попыткой примирить утилитаристовъ и идеалистовъ, онъ не удовлетворилъ ни тѣхъ, ни другихъ. Иногда подъ счастьемъ, въ полномъ согласіи съ Бентамомъ, Милль разумѣетъ удовольствіе и отсутствіе страданія *). Въ другихъ мѣстахъ книги **) онъ прямо говоритъ, что не слѣдуетъ отождествлять счастье съ довольствомъ. Натуры низшаго характера могутъ достигнуть болѣе полного удовлетворенія своихъ потребностей, т. е. получить болѣе наслажденій. Человѣкъ, высоко одаренный, не желаетъ быть довольной свиньей и несовершенства его внѣшней жизни замѣняются сознаніемъ „собственнаго достоинства“. Кромѣ того, по его мнѣнію, утилитаріанскій принципъ ставитъ цѣлью человѣка не

*) Пер. стр. 18 р. пер.; **) стр. 23, 27, 33 и *passim*.

личное величайшее счастье, а величайшую сумму общаго счастья всѣхъ. Затѣмъ указывается, что счастье имѣетъ свои составные элементы, что оно немислимо безъ умственнаго, нравственнаго и эстетическаго развитія. Но что важнѣе всего — это то, что Милль проводитъ крупное различіе между *качествами* наслажденій. Бентамисты послѣдовательно говорили только о *количествѣ* наслажденій и если предпочитали умственныя наслажденія предъ чувственными, то только потому, что первыя прочнѣе, надежнѣе, дешевле и т. п. Д. С. Милль утверждаетъ, что подобно тому, какъ при оцѣнкѣ всякаго предмета, такъ и при оцѣнкѣ наслажденій мы должны принимать во вниманіе количество и качество. Общее чувство и общее мнѣніе, говоритъ онъ, но, скажемъ, не доказываетъ, утверждаютъ намъ, что удовольствія, удовлетворяющія нашимъ высшимъ потребностямъ, для насъ наиболѣе цѣнны. Такимъ образомъ мало по малу представленіе о счастіи, какъ о наслажденіи, замѣняется представленіемъ о такой жизни, къ которой мы относимся съ наибольшимъ предпочтеніемъ, а „величайшее счастье“ — обращается въ сознательное осуществленіе въ жизни идеала, высокаго и требующаго отъ человѣка напряженія всѣхъ силъ. Утилитаріанская нравственность, говоритъ онъ, признаетъ въ человѣкѣ способность жертвовать величайшимъ своимъ счастьемъ для блага другихъ; она отрицаетъ только, чтобы эта жертва могла сама по себѣ служить цѣлью; она утверждаетъ, что безплодна та жертва, которая не увеличиваетъ или не стремится увеличить общую сумму счастья. Но противорѣчія здѣсь еще не оканчиваются. Ис-

ходя изъ указаннаго положенія, онъ послѣдовательно полагаетъ, что *мотивы* дѣйствія имѣютъ значеніе для нравственной оцѣнки дѣйствующаго лица, но не имѣютъ никакого значенія для оцѣнки самаго дѣйствія. Большая часть хорошихъ поступковъ совершается, по его мнѣнію, вовсе не изъ стремленія къ міровой пользѣ, а просто изъ стремленія къ индивидуальнымъ пользамъ, изъ которыхъ и слагается міровое благо. Во главѣ третьей „о верховной санкціи принципа пользы“ и четвертой „о связи между справедливостью и пользой“ мы, однако, встрѣчаемся и съ другой точкой зрѣнія. Милль смѣло ставитъ вопросъ, можно ли считать человѣка существомъ исключительно эгоистическимъ и отвѣчаетъ: и да, и нѣтъ. Внутреннюю санкцію нравственной обязанности *) составляетъ наше собственное чувство, то мученіе, болѣе или менѣе сильное, которое мы чувствуемъ при неисполненіи нами долга и которое въ *правильно* развитыхъ натурахъ доходитъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ до такой силы, что нарушеніе долга дѣлается для нихъ совершенной невозможностью. Это чувство совершенно *безкорыстное*, истекающее изъ чистой идеи долга безъ всякой примѣси постороннихъ элементовъ, и есть то, что называется *совѣстью*. Правда, согласно Д. С. Миллю, чувство совѣсти не есть что нибудь врожденное, какъ полагаютъ идеалисты, но, по его мнѣнію, въ человѣческой природѣ существуетъ могущественное *естественное* чув-

---

*) См. стр. 63 р. пер., курсивъ нашъ.

ство общительности. Отсюда неизбежно вытекает дѣйствіе сообща и тутъ цѣли человѣка отождествляются съ цѣлями другихъ и основаніемъ поступковъ человѣка служитъ уже не индивидуальный, а коллективный интересъ. Самые незначительные зародыши этого чувства могутъ окрѣпнуть, подъ вліяніемъ симпатіи и воспитанія, а могущественное средство внѣшнихъ санкцій (порицаніе и наказаніе со стороны другихъ) можетъ оплестъ ихъ цѣлью сѣтью условій, способствующихъ ихъ развитію. Такимъ образомъ и здѣсь Милль стремится согласить трудно связующіяся ученія. Происхожденіе нравственныхъ чувствъ изъ эгоизма замѣщается гораздо болѣе правильнымъ объясненіемъ ихъ изъ соціальныхъ чувствъ человѣчества.

Такимъ образомъ, вся политическая, философская и экономическая система Д. С. Милля представляетъ собою что-то переходное, непрочное и лучший приговоръ о себѣ онъ даетъ въ собственной автобіографіи:

„Главная польза, говоритъ онъ *) извлеченная мною изъ того склада мыслей, который возбудили во мнѣ Сень-Симонисты и О. Контъ, заключалась въ болѣе ясномъ сознаніи всѣхъ особенностей переходной эпохи, вслѣдствіи чего я пересталъ ошибочно принимать характеристическія умственные и нравственные черты подобной эпохи за нормальные атрибуты человѣчества. Я смотрѣлъ впередъ, не останавливаясь на настоящемъ вѣкѣ громкихъ споровъ, но слабыхъ убѣжденій и устремляя взоры въ будущее, которое соединитъ лучшія свой-

*) См. Autobiogr. I. с. стр. 165 и слѣд.

ства критическаго и органическаго періодовъ, полную свободу мысли и индивидуальной дѣятельности, насколько послѣднія не приносятъ вреда другимъ, — съ правильными убѣжденіями въ томъ, что касается добра и зла, полезнаго и вреднаго, которыя воспитаніе столь глубоко вкоренить въ сознаніе, въ потребностяхъ жизни и въ общемъ строѣ чувствъ, что ихъ не придется періодически бросать и замѣнять другими“. Во всѣхъ отношеніяхъ Д. С. Милль былъ писателемъ переходной эпохи. Онъ стоитъ на границѣ между старой экономической школой и новой, той, которая именуется историко-этической, обладаетъ большимъ запасомъ историческихъ знаній и болѣе правильной философской и этической теоріей.

III.

Намъ остается теперь сказать немного о личной жизни Д. С. Милля вплоть до его кончины. Что поражаетъ насъ въ этой жизни, это колоссальная масса совершеннаго труда и необыкновенная скромность, справедливость и благородство характера. Кромѣ вышеуказанныхъ трудовъ Д. С. Милль написалъ еще громадное количество статей политическаго и полемическаго характера *). Какъ критикъ, онъ обладалъ рѣдкими способностями. Онъ умѣлъ правильно понять и истолковать мысли разбираемаго писателя и почти никогда не руководился личнымъ пристрастіемъ и раздраженіемъ.

---

*) Главнѣйшія изъ этихъ статей собраны и изданы въ четырехъ томахъ подъ заглавіемъ „Dissertations and Discussions“ (L. 1859—75). Нѣкоторыя изъ этихъ статей переведены на русскій языкъ и изданы въ 2-хъ томахъ В. Ковалевскимъ.

Онъ искалъ во всякомъ новомъ писателѣ таланта и лучшимъ его желаніемъ было всегда стремленіе помочь начинающему писателю, выдвинуть его и рекомендовать вниманію общества. Только благодаря его энергіи и поддержкѣ были напр., напечатаны первыя труды Спенсера и Бэна. Онъ обратилъ вниманіе читающей публики, какъ въ Англии, такъ и другихъ странахъ на произведенія О. Конта и Карлейля. Первый былъ обязанъ Д. С. Миллю не только той популярностью, которою пользовались его доктрины, но и возможностью работать въ теченіи нѣкотораго времени. Послѣ того, какъ О. Контъ лишился мѣста, друзья Милля въ теченіи нѣкотораго времени выдавали ему субсидію. Всякій, кто знакомъ съ біографіей О. Конта, съ его высокоуміемъ, неразборчивостью въ средствахъ, будетъ пораженъ той благородностью характера, которую всегда обнаруживалъ Милль. Всегда просто одѣтый въ черный сюртукъ и съ чернымъ шелковымъ галстукомъ, съ глубокими темносиними глазами, смотрящими даже въ старческіе годы бодро и весело, съ открытымъ свѣжимъ лицомъ, съ громаднымъ высокимъ и выпуклымъ лбомъ—онъ производилъ одновременно впечатлѣніе крупнаго мыслителя съ неустанной внутренней работой и ребенка, для котораго чужды всякіе своекорыстные мотивы.

Д. С. Милль былъ въ періодъ всей своей жизни популярнѣйшимъ человѣкомъ Англии. По поводу всѣхъ общественныхъ и политическихъ событій онъ находилъ время высказать свое мнѣніе. Въ 1865 г., наконецъ, ему было предложено сдѣлаться членомъ парламента. Своимъ избирателямъ онъ прямо заявилъ, что не станетъ отвѣчать предъ ними на

вопросы о своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, не будетъ защищать мѣстныхъ интересовъ и не приметъ на себя никакихъ издержекъ по избирательной агитаціи. Другой при такихъ условіяхъ несомнѣнно не былъ-бы выбранъ, но избиратели Вестминстера наградили его своимъ довѣріемъ. Въ своей кратковременной парламентской дѣятельности онъ обнаружилъ тѣже высокія достоинства. По природѣ онъ не былъ ораторомъ и не могъ быть хорошимъ парламентскимъ бойцемъ и вождемъ партіи, но къ его рѣчамъ, которыя по словамъ В. Гладстона скорѣе походили на проповѣди, прислушивались всѣ. Въ нихъ было глубокое знаніе и искренняя вѣра въ правоту защищаемаго дѣла. Онъ смѣло боролся уже въ эту эпоху за необходимость коренныхъ преобразованій ирландскихъ земельныхъ отношеній, настаивая на законодательномъ регулированіи отношеній фермеровъ къ землевладѣльцамъ. Въ 1866 г. онъ произнесъ въ парламентѣ блестящую рѣчь, требуя преданія суду губернатора Эйра съ необыкновенной и неоправдываемой обстоятельностью жестокостью, расправившагося съ повстанцами на Ямаикѣ. Парламентъ не согласился предать Эйра суду и Д. С. Милль съ друзьями въ теченіи двухъ лѣтъ велъ агитацію противъ Эйра, которая хотя и не привела къ желанному результату, но заставила колониальныя власти осторожнѣе относиться къ своимъ обязанностямъ. Во время волненій по случаю отверженія парламентомъ билля объ избирательной реформѣ 1867, только рѣчь Милля предъ собравшимися въ Гайдъ-Паркѣ рабочими, быть можетъ, предупредила кровопролитіе. Въ 1868 г. онъ былъ избранъ ректоромъ уни-

верситета с. Андрея въ Шотландіи, но его актовая рѣчь, по словамъ А. Бэна, была неудачна. Въ 1868 г. были назначены выборы, въ которыхъ Д. С. Милль потерпѣлъ пораженіе. Религіозные избиратели Вестминстера не могли ему простить участіе въ подпискѣ для покрытія избирательныхъ издержекъ извѣстнаго атеиста г. Брэдло.

Послѣдніе годы жизни Д. С. Милль прожилъ вмѣстѣ съ дочерью своей покойной жены въ Авиньонѣ. Къ трудамъ этого періода его жизни относится, въ числѣ прочихъ, и опубликованіе труда о „Подчиненности женщины“, который написанъ подъ сильнымъ вліяніемъ его жены и съ непосредственной помощью ея дочери и является горячимъ воззваніемъ въ пользу равноправности половъ.

Жизнь Милля въ Авиньонѣ протекала спокойно. По прежнему онъ много читалъ, ходилъ гулять, собирать цвѣты и съ особымъ увлеченіемъ занимался ботаникой. За три дня до смерти онъ еще пространствовалъ около 15 миль, совершая ботаническую экскурсію. Заболѣлъ онъ внезапно какой-то заразной болѣзнію и 8 Мая 1873 г. тихо отошелъ въ вѣчность. Когда ему сообщили, что на выздоровленіе нѣтъ надеждъ, онъ съ полнымъ правомъ сказалъ: „мое дѣло сдѣлано“. Похороненъ онъ въ Авиньонѣ рядомъ съ женою; еще и теперь посѣщающіе эту могилу нерѣдко осыпаютъ ее цвѣтами*).

Москва,
1 іюня 1895 г.

А. Миклашевскій.

*) Громадная масса труда, совершеннаго Д. С. Миллемъ, дѣйстви-тельно поразительна, въ особенности, если принять во вниманіе, что до 1855 г. онъ около 6 часовъ въ сутки былъ занятъ въ бюро Компаніи

ПРИМЪЧАНІЕ.

Почти всѣ сочиненія Д. С. Милля переведены на главнѣйшія Европейскіе языки; лучшій нѣмецкій переводъ „Основаній П. Э.“ принадлежитъ Адольфу Зетберу (4 изд. Leipzig, 1885), лучшій французскій—Курсель—Сенелю и Дюссару;—русскій—Н. Г. Чернышевскому, выдержавшій два изданія (послѣднее, 2-е 1874 г.) принадлежитъ А. Н. Шыпину и издаю съ предисловіемъ Ю. Ж. Желаяющихъ ознакомиться съ біографіей Д. С. Милля слѣдуетъ отослать къ слѣд. трудамъ: 1) Autobiography, London, 3 изд., 1873 (русское, сокращенное изданіе вышло изъ продажи): 2) A Bain J. S. Mill, a criticism, 1882 г., 3) W. Courtney Life of J. S. Mill. L. 1889. 3) М. И. Туганъ-Барановскій. Д. С. Милль, его жизнь и учено-литературная дѣятельность. Спб. 1894 г. Изъ русскихъ писателей, занимавшихъ экономической системой Д. С. Милля, слѣдуетъ прежде всего указать: на перваго русскаго его переводчика и автора значительнаго количества примѣчаній и статей, помѣщенныхъ въ Современникѣ 2) Н. Рождественскаго—„О значеніи Д. С. Милля въ ряду современныхъ экономистовъ Спб. 1867 3) Н. Х. Бунге. Д. С. Милль какъ экономистъ—статья написанная въ 1868 и перепечатанная нынѣ въ „Очеркахъ политико-экономической литературы (Спб. 1895) 5. Н. И. Зибер. Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ (1885) 6) А. И. Чупрова—дающаго въ своемъ курсѣ лекцій П. Эб. (Москва, 1892) полное изложеніе его методологическихъ приѣмовъ, также Левитскаго „Задачи и методы науки о народномъ хозяйствѣ“ (Яросл. 1890 г.). 7) И. И. Янжула Англійская свободная торговля, т. II. Почти всѣ русскіе экономисты, такъ или иначе касались ученій Д. С. Милля, а въ учебникахъ П. Э. система раздѣленія матеріала въ большинствѣ случаевъ заимствована у него. Много очень полезныхъ указаній можно поэтому найти въ курсахъ проф. Л. Ходскаго, И. Иванюкова, А. Исаева „На-

---

Восточной Индіи. Кромѣ того здоровье его было вообще слабо. Постоянное умственное переутомленіе сказывалось внѣшнимъ образомъ въ судорожномъ подергиваніи лица. Когда переутомленіе достигало высшаго предѣла Д. С. Милль обыкновенно отправлялся путешествовать. Такъ онъ объѣздилъ почти всю Европу. Братья Милля умерли раньше его отъ чахотки. Изъ дѣтей Джемса Милля никто кромѣ Джона не игралъ выдающейся роли ни въ наукѣ, ни въ обществѣ.

чала политической экономии (Спб. 1895) и другихъ, у В. В. „Очерки теоретической экономии“ (Спб. 1895). Во всѣхъ исторіяхъ Политической Экономии также всегда оцѣнивается система Д. С. Милля, а отдѣльные затронутые имъ вопросы обсуждаются въ цѣломъ рядѣ специальныхъ сочиненій. Позволимъ себѣ также указать нашъ трудъ: „Деньги“, опытъ изученія основныхъ положеній экономической теоріи классической школы въ связи съ исторіей денежнаго вопроса (Москва, 1895 г.). Изъ иностранныхъ писателей, касавшихся экономической системы Д. С. Милля и методологическихъ приѣмовъ его въ этой области отмѣтимъ въ особенности 1) L. Reybaud. J. S. Mill et l' Economie politique en Angleterre *Revue des deux Mondes* (1855), его же *Economistes Modernes* (1862) 2) F. A. Lange Mill's Ansichten über die sociale Frage und die angebliche Umwälzung der Socialwissenschaften durch Carey (1865). 3) Труды непосредственнаго ученика Д. С. Милля Джона Эллиота Кернса: а) *Character and Logical Method of P. E.* (2 изд. 1875) и *Some Leading Principles of P. E.* (L. 1874). 4) Лучшія изъ новѣйшихъ сочиненій по методологии. П. Э.: J. Keynes. *Scope and Method of P. E.* (L. 1891) и Карла Менгера. *Изслѣдованія о методахъ социальныхъ наукъ и политической экономии* въ особенности Спб. 1894 г., пер. подъ ред. Гурьева. 5) James Bonar, *Philosophy and Political Economy* (1893), статья о Д. С. Миллѣ.

Предисловіе Д. С. Милля.

Появленіе трактата, подобнаго настоящему, и по предмету, относительно котораго написано много заслуживающихъ вниманія книгъ, можетъ быть, требуетъ нѣкоторыхъ объясненій. Пожалуй можно сказать, что ни одно изъ существующихъ изслѣдованій по политической экономіи не содержитъ въ себѣ тѣхъ послѣднихъ усовершенствованій, которыя сдѣланы въ теоріи этого предмета. Много новыхъ идей, новое ихъ приложеніе порождено спорами за послѣднія немного лѣтъ. Въ особенности это можно сказать относительно вопросовъ о деньгахъ, о международной торговлѣ и о всѣхъ важныхъ предметахъ, связанныхъ болѣе или менѣе съ колонизаціей. Кажется, есть основанія для того, чтобы вновь пересмотрѣть во всемъ его цѣломъ все поле политико-экономическихъ изслѣдованій, хотя бы только для одного того, чтобы свести къ одному всѣ ихъ результаты и привести въ согласіе съ началами, которыя уже прежде обоснованы лучшими мыслителями по этому предмету.

Однако, пополненіе недостатковъ предшествовавшихъ изслѣдованій, имѣющихъ аналогичное заглавіе, не являлося единственной, ни даже главною цѣлью, которую авторъ имѣлъ въ виду. По задачѣ книга

отличается ото всѣхъ изслѣдованій, которыя появились въ Англіи послѣ труда Адама Смита.

Самымъ характернымъ свойствомъ настоящаго труда и именно тѣмъ, которымъ онъ наиболѣе всего отличается отъ нѣкоторыхъ другихъ изслѣдованій, равныхъ или даже превосходящихъ его въ простомъ изложеніи общихъ началъ предмета, служитъ то, что въ немъ авторъ неизмѣнно связуетъ общія начала съ ихъ приложеніями. Само собой, что благодаря этому въ политическую экономію ему приходится включать гораздо болѣе обширный кругъ идей и вопросовъ, чѣмъ это дѣлала политическая экономія, рассматриваемая какъ одна изъ отраслей абстрактнаго мышленія. Въ практическихъ своихъ приложеніяхъ политическая экономія неразрывно переплетается съ другими отраслями общественной философіи. За исключеніемъ чисто детальнаго сторонъ политич. экон., едва ли можно указать хоть одинъ практическій вопросъ, даже изъ тѣхъ, которые по своему характеру ближе всего относятся къ чисто экономическимъ предметамъ, который могъ-бы быть разрѣшенъ, исходя только изъ экономическихъ основаній. Только потому, что Адамъ Смитъ никогда не упускаетъ этой истины изъ виду, а, прилагая положенія политической экономіи къ жизни, постоянно прибѣгаетъ къ другимъ, гораздо болѣе широкимъ соображеніямъ, чѣмъ чисто экономическія—только потому книга его создаетъ прочное умѣніе прилагать начала науки къ практикѣ. Благодаря этой особенноти „Богатство Народовъ“—единственная книга изъ всѣхъ трактатовъ по политической экономіи, которая охотно читалась не только обыкновенными читателями, но произвела

прочное впечатлѣніе на умы практическихъ людей и законодателей.

Автору представляется, что политическая экономія именно и нуждается въ настоящее время въ такомъ трудѣ, который по предмету и общимъ началамъ близокъ къ труду Смита, но въ тоже время болѣе соотвѣтствуетъ расширившимся знаніямъ и болѣе цѣлесообразнымъ представленіямъ настоящаго вѣка. „Богатство Народовъ“ во многихъ своихъ частяхъ устарѣло и, во всѣхъ отношеніяхъ, неудовлетворительно. Политическая экономія, въ собственномъ смыслѣ, бывшая при А. Смитѣ въ періодѣ дѣтства, теперь возмужала; а общественная философія, отъ которой практически этотъ выдающійся мыслитель никогда не отдѣлялъ изученіе своей спеціальной задачи, хотя и теперь еще находится въ весьма раннемъ періодѣ своего развитія, но все же подвинулась на много шаговъ впередъ сравнительно со временемъ А. Смита. Однако, еще не было произведено попытки связать его практической методъ изученія предмета съ возросшимъ знаніемъ, добытымъ по теоріи предмета или представить экономическія явленія общества въ томъ отношеніи, въ которомъ они стоятъ къ лучшимъ соціальнымъ идеямъ нашего времени, т. е. сдѣлать тоже, что онъ съ такимъ замѣчательнымъ успѣхомъ выполнилъ относительно философіи своего вѣка.

Такова задача, которую себѣ ставилъ авторъ этого труда. Возможность осуществить ее, хотя даже отчасти, была бы уже достаточнымъ побужденіемъ для автора, чтобы подвергнуться добровольно всѣмъ шансамъ не успѣха. Слѣдуетъ, впрочемъ, приба-

вить, что, хотя желаніе автора было написать книгу практическую и, насколько это согласуется съ самою природою предмета, — общедоступную, но онъ не пытался покупать эти выгодныя стороны изслѣдованія, жертвуя для этого точностью научнаго разсужденія. Хотя авторъ и желаетъ, чтобы его изслѣдованіе было чѣмъ нибудь болѣе, кромѣ изложенія абстрактныхъ положеній политической экономіи, онъ, однако, хочетъ и того, чтобы подобное изложеніе было также найдено въ его книгѣ.

ОСНОВАНИЯ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ.

Основанія политической экономіи.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности практическое знаніе предшествовало научному. Систематическое изученіе способовъ дѣйствія силъ природы—является позднимъ продуктомъ длиннаго ряда усилій, которыя были произведены для того, чтобы воспользоваться этими силами въ практическихъ цѣляхъ. Въ виду этого самое представленіе о политической экономіи, какъ объ отрасли научнаго знанія, явленіе въ высшей степени новое, а между тѣмъ предметъ, съ которымъ связаны ея изысканія, неизбѣжно составлялъ во всѣ вѣка важнѣйшій практическій интересъ для человечества, который по временамъ, пріобрѣталъ даже несоотвѣтствующее своему значенію вліяніе.

Предметомъ политической экономіи служитъ богатство.

Экономисты ставятъ своей задачей—давать знаніе или изслѣдованіе о природѣ богатства и о законахъ его производства и распредѣленія. Прямо или косвенно, они включаютъ въ свою задачу изслѣдованіе всѣхъ причинъ, отъ которыхъ зависитъ

хорошее или дурное положеніе человѣчества или любаго союза человѣческихъ существъ относительно предмета общаго желанія людей — богатства. Ни одинъ трактатъ по политической экономіи не можетъ, конечно, ни разобрать подробно, ни даже перечислить всѣхъ этихъ причинъ, но онъ долженъ дать попытку начертать все, что намъ извѣстно относительно законовъ и принциповъ, согласно которымъ они дѣйствуютъ.

Почти всякій имѣетъ нѣкоторое представленіе, достаточно правильное для обыденныхъ цѣлей, что слѣдуетъ понимать подъ богатствомъ. Изслѣдованія, имѣющія своимъ предметомъ богатство, врядъ ли кто смѣшаетъ съ изслѣдованіями, касающимися какого либо другого интереса человѣчества. Всѣ знаютъ, что быть богатымъ — дѣло одного рода, быть просвѣщеннымъ, мужественнымъ или гуманнымъ, — дѣло другого рода, что вопросы о томъ, отчего страны становятся богатыми, составляютъ предметъ совершенно разныхъ изслѣдованій сравнительно съ тѣми, задача которыхъ сводится къ изученію того, отчего страна становится свободной, добродѣтельной, славной въ литературѣ, въ изящныхъ искусствахъ, пріобрѣтаетъ знаменитость своимъ оружіемъ или политическими учрежденіями. Несомнѣнно, что всѣ эти изслѣдованія косвенно связаны и оказываютъ другъ на друга взаимное вліяніе. Страна пріобрѣтала иногда свободу отъ того, что прежде разбогатѣла, иногда она пріобрѣтала богатство потому, что прежде сдѣлалась свободной. Вѣра и законы народа оказываютъ могущественное вліяніе на его экономическое положеніе; послѣднее, въ свою очередь, благодаря своему

воздѣйствию на умственное развитіе и общественныя отношенія народа, оказываетъ вліяніе на его вѣру и законы. При всей своей связи эти предметы, однако, совершенно различны и никто не сомнѣвался въ противномъ.

Въ настоящемъ изслѣдованіи я не имѣю намѣренія заботиться о метафизической точности опредѣленій, ибо здѣсь представленія, порождаемыя терминами, имѣютъ ту ясность, которая необходима для практическихъ цѣлей. Казалось бы трудно ожидать, что возможно существованіе вредной неясности представленій относительно столь простаго предмета, каковымъ является богатство. Исторія показываетъ, однако, противное. Такая неясность существовала; мыслители и практическіе дѣятели одинаково страдали ею. Было время, когда всѣ страдали ею поголовно и въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній это обстоятельство придавало совершенно ложное направленіе экономической политикѣ Европы. Я имѣю здѣсь въ виду ту совокупность ученыхъ, которая, со времени Адама Смита, получила наименованіе меркантильной системы.

Въ періодъ господства этой системы, явно или скрыто, но надъ всей экономической политикой народовъ господствовало предположеніе, будто богатство заключается единственно въ деньгахъ или въ благородныхъ металлахъ, которые во всякое данное время можно по желанію превратить въ деньги.

По господствовавшимъ тогда взглядамъ — все, что благопріятствовало накопленію денегъ или вообще занасовъ въ благородномъ металлѣ, способствовало увеличенію богатства; наоборотъ всякій вывозъ металла рассматривался, какъ явленіе, ве-

дущее къ обѣднѣнію. При отсутствіи собственныхъ золотыхъ или серебряныхъ рудниковъ, по этимъ представленіямъ, всякая такая страна могла обогащаться только отъ одной отрасли промышленности—внѣшней торговли, которая при такихъ условіяхъ только и могла вносить въ нее деньги. Всякая отрасль промышленности, относительно которой существовало предположеніе, будто она уноситъ болѣе денегъ, чѣмъ вноситъ въ страну, рассматривалась, какъ дѣло убыточное, какъ бы велики и цѣнны ни были результаты ея производства въ другой формѣ. Вывозъ товаровъ находилъ поддержку и поощреніе (даже при помощи средствъ весьма обременительныхъ для вѣрныхъ источниковъ богатства страны) и по той причинѣ, что тогда ожидали, будто уплата за вывозные товары, цѣнность которыхъ опредѣлена въ денежныхъ знакахъ, дѣйствительно будетъ произведена золотомъ или серебромъ. Ввозъ чего то бы ни было, кромѣ драгоценныхъ металловъ, рассматривался, какъ національная потеря и на всю сумму цѣнъ, ввезенныхъ товаровъ; выгоднымъ, какъ исключеніе, считался ввозъ товаровъ, которые могли быть впослѣдствіи снова вывезены обратно съ прибылью, а также ввозъ матеріаловъ и инструментовъ, потребныхъ для какой бы то ни было существующей въ странѣ промышленности, если онъ даетъ возможность производить продукты для вывоза съ меньшими издержками и тѣмъ увеличиваетъ самый вывозъ. Международная торговля представлялась, какъ борьба народовъ, стремящихся захватить въ свою пользу наибольшую долю наличнаго мірового запаса въ золотѣ и серебрѣ; казалось, что въ этомъ со-

стяжаніи изъ за благороднаго металла любой народъ можетъ выиграть, только въ равной мѣрѣ нарушая интересы другого или, по крайней мѣрѣ, не давая ему возможности пріобрѣсти свою долю выгоды.

Часто случается, что всеобщее убѣжденіе одного вѣка, — убѣжденіе, отъ котораго никто не *былъ* и даже не *могъ* быть свободенъ въ свое время безъ чрезвычайныхъ усилій генія и мужества, впоследствии становится столь осязательною нелѣпостью, что трудно и представить себѣ, какъ подобная вещь могла заслуживать довѣрія. Тоже произошло и съ ученіемъ, согласно которому деньги и богатство — одно и то же. Теперь нельзя смотрѣть на подобную несообразность, какъ на серьезное мнѣніе. Оно кажется похожимъ на элементарную фантазію дѣтства, мгновенно разрушаемую однимъ словомъ взрослого человѣка. Но пусть никто не утверждаетъ, что онъ избѣжалъ бы этого заблужденія, если бы жилъ въ то время, когда оно было господствующимъ. Всѣ представленія, порождаемыя совмѣстною жизнью и обычнымъ ходомъ дѣлъ каждаго, благопріятствовали господству этого заблужденія. Пока эти представленія были единственнымъ основаніемъ, съ точки зрѣнія котораго смотрѣли на предметъ, казалось безспорной истиной то, что является теперь грубѣйшею нелѣпостью. Правда, какъ только задумались надъ этимъ заблужденіемъ, стали провѣрять его, оно исчезло, но никому и въ голову не могло проникнуть желаніе подвергать его анализу, пока умъ не свыкся съ нѣкоторыми приѣмами изслѣдованія экономическихъ явленій, которые сдѣлались достояніемъ мыслящихъ людей

только благодаря вліянню Адама Смита и его толкователей.

На обыденномъ языкѣ богатство всегда оцѣнивается на деньги. На вопросъ, какъ богатъ такой то, вамъ отвѣтятъ: у него столько-то тысячъ фунтовъ. Всѣ доходы и расходы, выгоды и потери, всѣ измѣненія въ сторону богатства или бѣдности считаются пріобрѣтеніемъ или утратой извѣстнаго количества денежныхъ знаковъ. Въ счетъ имущества cadaго челоуѣка вносятъ, конечно, не только деньги, которыя онъ имѣетъ въ наличности или долженъ получить, но и всѣ другіе предметы, обладающіе цѣнностью; послѣдніе считаются, однако, не сами по себѣ, но по тому количеству денегъ, за которое ихъ можно продать; еслибы эти вещи стали продаваться дешевле, ихъ владѣлецъ считался бы менѣе богатымъ, хотя по своему составу онъ и остались бы безъ измѣненія. Безъ сомнѣнія вѣрно также, что люди богатѣютъ не тѣмъ, что держатъ деньги безъ употребленія; ихъ нужно расходовать для пріобрѣтенія прибыли. Тѣ, которые обогащаются торговлей, пріобрѣтаютъ богатство тѣмъ, что, отдавая товары за деньги, передаютъ также и деньги за товары; первая сторона въ этомъ процессѣ столь же необходима, какъ и послѣдняя. Всякое лицо, покупающее товары для пріобрѣтенія прибыли, снова продаетъ ихъ на деньги въ ожиданіи получить болѣе денегъ, чѣмъ сколько оно истратило на ихъ покупку. Поэтому полученіе денегъ даже и ему самому кажется цѣлью всего процесса. Часто случается, что онъ получаетъ платежъ не деньгами, а чѣмъ нибудь другимъ. Онъ купилъ нѣкоторое количество товаровъ

извѣстной цѣнности; равнымъ образомъ онъ опредѣляетъ и цѣнность товаровъ, которыми ему совершенъ платежъ; но онъ принимаетъ ихъ въ уплату по денежной оцѣнкѣ и въ увѣренности, что они принесутъ ему больше денегъ, чѣмъ за сколько они переданы ему. Торговецъ, который имѣетъ обширные дѣла и капиталъ котораго быстро обрачивается, во всякое данное время держитъ въ наличной монетѣ только незначительную часть своего капитала. Но онъ цѣнитъ свой капиталъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой можетъ обратить его въ деньги; всякую свою торговую операцію онъ считаетъ законченной только тогда, когда полный размѣръ ея стоимости оплаченъ деньгами или записанъ, какъ долгъ на комъ нибудь, также исчисленный въ деньгахъ. Заключая свои дѣла, онъ обращаетъ весь свой капиталъ въ деньги и ему представляется, что, только совершивъ подобную реализацію, онъ окончательно получаетъ свой барышъ: кажется, будто деньги, дѣйствительно, являются единственнымъ богатствомъ и будто деньги цѣнны, только какъ орудіе пріобрѣтенія денегъ же. Поборникъ меркантильной системы отнюдь не будетъ поставленъ въ затрудненіе, если ему будетъ предложенъ вопросъ въ такой формѣ: не составляютъ-ли деньги всю цѣль желаній только потому, что служатъ средствомъ для удовлетворенія собственныхъ потребностей или другихъ людей. Онъ допуститъ, что назначеніе богатства—служить именно этимъ цѣлямъ и отнесетъ къ нимъ съ одобреніемъ, ибо во всѣхъ подобныхъ случаяхъ на полную сумму того, что вы расходуете, вы обогащаете другихъ своихъ согражданъ. Расходуйте ваше богатство, если это

вамъ нравится, на удовлетвореніе любыхъ своихъ прихотей, но ваше богатство не состоитъ въ этомъ удовлетвореніи; оно заключается въ той суммѣ денегъ или въ томъ годовомъ денежномъ доходѣ, при посредствѣ которыхъ вы приобрѣтаете это удовлетвореніе.

Хотя имѣется вообще множество данныхъ, предполагающихъ допускать утвержденіе, которое служить основаніемъ меркантильной системы, но среди нихъ, кромѣ того, слѣдуетъ отмѣтить одно слабое и въ высшей степени недостаточное логическое основаніе для проведенія различія между деньгами и товарами, на которомъ съ такимъ рвеніемъ настаиваютъ сторонники этой системы. Мы на самомъ дѣлѣ и по справедливости считаемъ человѣкомъ, наиболѣе пользующимся выгодами богатства, не того, кто въ нѣкоторой степени и въ данный моментъ пользуется полезными и пріятными вещами, которыми обладаетъ, но того, который имѣетъ наибольшую возможность распоряжаться по произволу этими полезными и пріятными вещами изъ общаго наличнаго ихъ запаса; богатство человѣка измѣряется размѣромъ имѣющейся у него возможности удовлетворять всякой своей надобности и желанію. Деньги создаютъ эту возможность; онѣ обладаютъ этой силой непосредственно, тогда какъ всѣ другіе предметы въ цивилизованномъ обществѣ даютъ ее только вслѣдствіе присущаго имъ свойства или способности быть обмѣненными на деньги. Владѣть какимъ-нибудь цѣннымъ предметомъ — значитъ владѣть только имъ и ничѣмъ болѣе; если вы желаете вмѣсто него другой предметъ, вы должны сначала продать его или подвергаться неудоб-

ству и промедленію (а можетъ быть и самой невозможности) его продать, отыскивая человѣка, который обладалъ бы вещью вамъ нужною и хотѣлъ бы промѣнять ее на вашъ предметъ. Владѣть деньгами—это значитъ обладать прямою возможностью пріобрѣтать всѣ предметы, изъ которыхъ состоитъ богатство, не имѣя необходимости предварительно промѣнивать какой нибудь предметъ на деньги или на безконечное множество предметовъ, обладаніе которыми необходимо для удовлетворенія потребностей или желаній человѣка, считающагося богатымъ. Наибольшее значеніе, которое имѣетъ богатство, за исключеніемъ развѣ небольшой его части, заключается не въ томъ удовлетвореніи потребностей, которое оно доставляетъ, а въ возможности, которую сохраняетъ владѣлецъ богатства, пользоваться имъ для своихъ цѣлей по желанію. Ни одинъ изъ другихъ видовъ богатства не доставляетъ этой возможности столь непосредственно и столь вѣрно, какъ деньги. Деньги — единственная форма его, годная не для одной какой нибудь надобности. Онѣ во всякое время могутъ быть употреблены въ любыхъ цѣляхъ. Весьма вѣроятно, что именно это различіе произвело впечатлѣніе на правительства разныхъ странъ, ибо оно имѣетъ для нихъ наиболѣе важное значеніе. Цивилизованное правительство можетъ пользоваться удобно налогами только тогда, если оно собираетъ ихъ въ деньгахъ; и едва-ли можно какими нибудь другими предметами, кромѣ денегъ, производить крупные и внезапные платежи, въ особенности если ихъ надо совершать за-границей, на военные расходы или на субсидіи, для завоевательныхъ цѣлей или для

предотвращенія себя отъ порабощенія (а эти двѣ цѣли до послѣдняго времени были предметомъ главной заботы національной политики).

Вся совокупность этихъ причинъ располагала, какъ частныхъ лицъ, такъ и правительства, при оцѣнкѣ своихъ средствъ придавать исключительное значеніе наличнымъ деньгамъ или даже только предстоящимъ къ полученію, а всѣ другіе предметы съ точки зрѣнія этого разчета средствъ, цѣнить лишь какъ орудіе, которое въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ дастъ возможность пріобрѣтать то, что, какъ деньги, имѣетъ всеобщую и въ тоже время непосредственную силу покупать все, что угодно, и потому ближе всего соотвѣтствуетъ понятію богатства.

Нелѣпость остается однако нелѣпостью, хотя бы мы и объяснили тѣ основанія, которыя ей придали характеръ вѣроятности. Истинный характеръ меркантильной теоріи былъ подмѣченъ тотчасъ-же, когда люди начали изслѣдовать, первоначально даже весьма несовершеннымъ образомъ, сущность вещей и искать для нихъ объясненія изъ основныхъ фактовъ, а не изъ формъ и выраженій обыкновенной рѣчи. Какъ только люди спросили себя, что такое деньги на самомъ дѣлѣ, въ чемъ ихъ существенный характеръ, въ чемъ заключается истинная природа тѣхъ функцій, которыя онѣ выполняютъ, они тотчасъ же поняли, что деньги, подобно другимъ вещамъ, нужны намъ только потому, что годятся для какого нибудь употребленія; имъ стало ясно, что деньги пригодны не для всякаго употребленія, а напротивъ имѣютъ очень определенное и ограниченное назначеніе, а именно: онѣ

должны содѣйствовать распредѣленію продукта промышленности соотвѣтственно желаніямъ тѣхъ, которые являются владѣльцами продуктовъ. Дальнѣйшее разсмотрѣніе предмета показало, что полезное значеніе денегъ вовсе не возрастаетъ отъ увеличенія количества денегъ, наличнаго и обращающагося въ странѣ; велико или мало общее количество денегъ, оно одинаково выполняетъ свое назначеніе. Два милліона кварталовъ хлѣба не прокормятъ столько людей, какъ четыре милліона, но съ двумя милліонами фунтовъ стерлинговъ можно совершить столько же торговыхъ оборотовъ, купить и продать столько же товаровъ, какъ и съ четырьмя милліонами, только по болѣе низкимъ номинальнымъ цѣнамъ. Деньги, какъ таковыя, не удовлетворяютъ никакой потребности; онѣ имѣютъ цѣнность для всякаго человѣка потому, что онѣ удобная форма для полученія всяческихъ доходовъ, которые онѣ впоследствии, когда ему потребуется, обращаетъ въ тѣ формы, въ которыхъ онѣ могутъ быть ему полезны. Страна, обладающая монетой, отличается отъ страны, вовсе не имѣющей ея, только тѣмъ, что обороты въ ней совершаются съ большимъ удобствомъ, что сберегается время и уменьшаются хлопоты. Здѣсь получается такое же сбереженіе времени и труда, какъ и при замѣнѣ ручной мельницы водяною. Прибѣгнувъ къ примѣру, взятому Адтмомъ Смитомъ, можно сказать, что деньги столь же полезны, какъ и пути сообщенія; считать деньги за богатство, это значитъ совершать такую же ошибку, какъ принимать дорогу, по которой всего удобнѣе доѣхать до вашего дома или помѣстья, за самый вашъ домъ или помѣстье.

Деньги, составляя важное орудіе для удовлетворенія надобностей государства и частныхъ лицъ, справедливо считаются богатствомъ; но въ составъ богатства слѣдуетъ включать также и всѣ другія вещи, удовлетворяющія любымъ человѣческимъ потребностямъ и не доставляемыя природою безвозмездно, даромъ. Быть богатымъ—значитъ обладать большимъ количествомъ полезныхъ вещей или имѣть средства пріобрѣтать ихъ, а потому составною частью богатства служитъ всякая вещь, которая даетъ возможность пріобрѣтать что-то ни было, въ обмѣнъ за которую дадутъ что-нибудь полезное или пріятное. Вещи, за которыя ничего не дадутъ въ обмѣнъ, при всей своей полезности или необходимости, не составляютъ богатства въ томъ смыслѣ, какой имѣетъ этотъ терминъ или понятіе въ политической экономіи. Воздухъ, напр. при всей своей полнѣйшей необходимости для чело-вѣка, не имѣетъ ни какой цѣны на рынкѣ и потому, что получается даромъ; отъ собиранія его въ запасъ никто не получитъ прибыли или выгоды; законы его производства и распредѣленія не составляютъ предмета политической экономіи. Это дѣло совсѣмъ другой науки. Но хотя воздухъ и не можетъ быть включенъ въ составъ богатства, послѣднее значительно увеличивается тѣмъ, что люди получаютъ воздухъ даромъ, ибо время и трудъ, которые пришлось бы посвятить на удовлетвореніе этой настоятельнѣйшей изъ нашихъ надобностей, могутъ быть благодаря этому употреблены для какихъ-нибудь другихъ цѣлей. Возможно представить себѣ такое положеніе вещей, при которомъ воздухъ будетъ составною частью

богатства. Если-бы возникъ обычай жить въ такихъ мѣстахъ, куда воздухъ не проникаетъ естественнымъ образомъ, напр. въ подводныхъ колоколахъ, опущенныхъ въ море, то доставленіе туда искусственнымъ путемъ воздуха, подобно доставленію воды въ дома, имѣло-бы цѣну. Если-бы подъ вліяніемъ какого нибудь переворота въ природѣ, атмосферическаго воздуха стало недостаточно для потребленія, или если-бы воздухъ могъ сдѣлаться предметомъ монополіи, онъ могъ - бы пріобрѣсти очень высокую рыночную цѣнность. При подобномъ положеніи вещей, обладаніе воздухомъ въ размѣрѣ, превышающемъ личныя потребности, было-бы богатствомъ для его собственника; и на первый взглядъ могло-бы казаться, что общее богатство человѣчества возрасло отъ этого видоизмѣненія обстоятельствъ, которое было-бы столь великимъ несчастіемъ для людей. Ошибка произошла - бы отъ того, что не было принято въ соображеніе слѣдующее обстоятельство: какъ-бы ни разбогатѣлъ владѣлецъ воздуха за счетъ остальнаго общества, всѣ другіе люди стали - бы бѣднѣе на всю ту сумму, которую они принуждены были платить за то, что прежде получали бесплатно.

Послѣднее замѣчаніе заставляеть насъ отмѣтить важное различіе, которое имѣется въ словѣ богатство, если мы употребляемъ его примѣнительно къ имуществу частнаго лица, или къ имуществу націи и человѣчества. Въ составъ богатства человѣчества включаютъ только вещи, которыя имѣютъ какую нибудь полезность или доставляютъ удовольствіе. Для отдѣльнаго человѣка богатствомъ бываетъ все, что, хотя и бесполезно само по себѣ,

но даетъ ему возможность требовать отъ другихъ какую нибудь часть изъ ихъ запаса полезныхъ или пріятныхъ вещей. Подходящимъ примѣромъ можетъ служить долговая записъ въ тысячу фунтовъ, данныхъ подъ залогъ имѣнія. Записъ эта составляетъ богатство для лица, которому оно приноситъ доходъ и которое быть можетъ, продать ее на рынкѣ за полную сумму долга. Но она не богатство для націи, и, еслибы это обязательство уничтожилось, страна не стала-бы отъ того ни бѣднѣе, ни богаче. Кредиторъ потерялъ-бы тысячу фунтовъ, собственникъ имѣнія выигралъ-бы ихъ. Если мы будемъ говорить съ національной точки зрѣнія, то долговая записъ не была богатствомъ; она только давала *A* право на часть богатства *B*. Она была богатствомъ для *A*, которое онъ могъ передать любому третьему лицу; но при этомъ онъ, собственно говоря, передавалъ-бы право своего участія въ размѣрѣ 1.000 фунтовъ въ собственности, номинальнымъ владѣльцамъ которой былъ одинъ *B*. Таково-же положеніе лицъ, являющихся собственниками обязательствъ государственнаго долга. Они кредиторы за счетъ общаго богатства страны. Уничтоженіе долга не было-бы разрушеніемъ богатства, а только передачей его въ другія руки: незаконнымъ отнятіемъ богатства у однихъ членовъ общества въ пользу правительства или плательщиковъ податей. Поэтому собственность, состоящая въ государственныхъ долговыхъ обязательствахъ не можетъ считаться частью богатства страны. Это не всегда помнятъ составители статистическихъ выкладокъ. Напримѣръ, при исчисле-

ніи валового дохода, опредѣляемаго по суммѣ подоходнаго налога, не всегда вычитаютъ изъ счета доходовъ то, что получается по платежамъ за государственныя обязательства; а между тѣмъ налогу этому подлежитъ весь номинальный доходъ плательщиковъ податей безъ вычета той его части, которая взимается съ нихъ разными налогами для образованія дохода владѣльцевъ государственныхъ обязательствъ (или такъ называемыхъ фондовъ). Такимъ образомъ, въ этомъ вычисленіи одна часть общаго дохода страны считается дважды, и вся сумма дохода націи выходитъ, на примѣръ, въ Англіи для 1843 года на 30 милліоновъ больше. Но націи въ правѣ причислять къ своему богатству всѣ капиталы, которые имѣютъ ея граждане въ фондахъ иностранныхъ государствъ, равно и всѣ другіе долги, которые они считаютъ на иностранцахъ; впрочемъ и это богатство только потому составляетъ реальное явленіе, что даетъ ей часть богатства, принадлежащаго другимъ націямъ. Оно не составляетъ части въ общемъ богатствѣ человѣческаго рода; это элементъ распределенія, но не вносящій никакой составной части въ общую массу богатства.

И такъ, можно дать слѣдующее опредѣленіе понятію богатства. Можно сказать, что въ составъ его входятъ всѣ полезныя или пріятныя вещи, которыя обладаютъ мѣншею цѣнностью; или другими словами, въ его составъ входятъ всѣ полезныя или пріятныя вещи, кромѣ тѣхъ, которыя могутъ быть получены въ любомъ потребномъ количествѣ (*in the quantity desired*), безъ труда и безъ пожертвованій. Единственное возраженіе противъ

этого опредѣленія заключается, какъ кажется, въ томъ, что оно не содержитъ въ себѣ отчетливаго отвѣта на вопросъ, который вызывалъ много споровъ: должны ли считаться богатствомъ такъ называемые невещественные продукты? Слѣдуетъ-ли, на примѣръ, называть ловкость работника или вообще природныя силы тѣла и ума—богатствомъ? Вопросъ этотъ, однако, не особенно важенъ и его удобнѣе отложить и рассмотреть, на сколько онъ заслуживаетъ обсуждения, въ другой части настоящаго труда*).

Сдѣлавъ эти предварительныя замѣчанія о богатствѣ, мы должны немедленно обратить вниманіе на необыкновенное различіе по богатству между разными странами и въ разныя эпохи міровой исторіи. Это различіе замѣчается какъ по количеству богатства, такъ и по его характеру и по способу его распредѣленія между членами общества.

Едва-ли найдется теперь какой-нибудь народъ или община, которые существуютъ исключительно за счетъ продуктовъ растительности, вырастающихъ сами собою, но имѣется еще много такихъ племенъ, которыя живутъ исключительно или почти исключительно, питаясь дикими животными, продуктами охоты и рыбной ловлей. Одежда ихъ состоитъ изъ звѣриныхъ шкуръ; жилищами служатъ грубые шалаши, создаваемые изъ корней и вѣтвей деревьевъ. Они строятъ эти жилища въ нѣсколько часовъ и покидаютъ ихъ при первой же надобности. Пища, которую они употребляютъ, не можетъ быть сохранена надолго, они не имѣютъ запасовъ ея

---

*) См. книга I, глава 3.

и часто подвергаются большимъ лишеніямъ. Богатство подобнаго племени состоитъ исключительно въ шкурахъ, въ которыя оно одѣвается, въ незначительномъ количествѣ украшеній, вкусъ къ которымъ замѣчается у многихъ дикихъ народовъ, въ небольшомъ количествѣ грубыхъ орудій. Въ составѣ его богатства можно отмѣтить еще: оружіе для охоты и для борьбы съ враждебными соперниками по пріобрѣтенію средствъ существованія, челноки для переѣзда рѣкъ и озеръ или для рыбной ловли на морѣ и еще, быть можетъ, мѣха и другія продукты дикой страны, собранные для промѣна съ цивилизованными народами на разные бездѣлушки, на водку и табакъ, часть которыхъ также можетъ храниться непотребленной, въ запасѣ. Къ этому скудному счету матеріальнаго богатства дикарей слѣдуетъ добавить еще ихъ землю; землей, какъ орудіемъ производства, они мало пользуются сравнительно съ болѣе установившимися обществами, но она всетаки служитъ источникомъ ихъ существованія и даже имѣетъ рыночную цѣнность, если имѣется по сосѣдству земледѣльческое общество, которому потребно большее количество земли сравнительно съ наличнымъ у него.

Подобные народы находятся въ положеніи самой крайней бѣдности, въ какой только существовали извѣстные намъ цѣлые союзы человѣческихъ существъ, но имѣются и общества гораздо болѣе богатая, въ которыхъ нѣкоторыя части населенія находятся по отношенію къ обладанію средствами существованія и житейскими удобствами въ положеніи столь же мало завидномъ, какъ и дикари.

1923

Видеонаблюдение
ИСТОРИЯ И С. В. КИРИЛ

Первый великій шагъ впередъ изъ этого состоянія выражается въ томъ, что наиболѣе полезныя животныя дѣлаются домашними; такъ возникаетъ пастушеское или кочевое состояніе, въ періодъ котораго люди уже не живутъ продуктомъ охоты, а молокомъ, продуктами изъ него изготовляемыми и годичнымъ приращеніемъ своихъ стадъ. Это положеніе не только представляетъ само по себѣ нѣчто болѣе желательное, но и болѣе способствуетъ дальнѣйшему усовершенствованію общественной жизни. При немъ накапливается болѣе значительный запасъ богатствъ. Пока обширныя природныя пастбища еще не настолько заняты, чтобы даваемый ими продуктъ потреблялся быстрѣе, нежели онъ производится естественнымъ процессомъ произростанія, до тѣхъ поръ можно собирать, постоянно сохранять и увеличивать запасъ средствъ къ существованію съ ничтожнымъ количествомъ труда, который приходится затрачивать лишь для охраненія скота отъ нападенія дикихъ животныхъ и отъ насилія и предательской хитрости грабителей. Такимъ образомъ въ это время частныя лица пріобрѣтаютъ большія стада собственною дѣятельностію и бережливостію, а главы семействъ и племенъ дѣятельностію и трудомъ тѣхъ, кто находится отъ нихъ въ зависимости. Отсюда ясно, что въ пастушескомъ состояніи возникаетъ неравенство имуществъ—явленіе, почти не существующее среди дикарей, гдѣ никто не имѣетъ болѣе того, что безусловно необходимо для жизни и гдѣ въ случаѣ недостатка приходится даже необходимымъ дѣлиться со своимъ племенемъ. Въ пастушескомъ состояніи у нѣкоторыхъ скопляется въ рукахъ такъ много

скота, что они могут прокормить множество народа, у других—не достало умѣнія присвоить и удержать за собою сколько нибудь лишнее количество скота сверхъ ихъ потребностей или даже они остались и совсѣмъ безъ всякаго скота. Но средства къ существованію перестали быть дѣломъ невѣрнымъ, ибо людямъ трудящимся успѣшно, нечего дѣлать съ своимъ избыткомъ, кромѣ того какъ кормить имъ менѣе счастливыхъ, зная, что всякое увеличеніе въ числѣ лицъ, связанныхъ съ ними, служитъ приращеніемъ ихъ собственной безопасности и могущества. Такимъ образомъ они получаютъ возможность сложить съ себя всякій трудъ, кромѣ труда управленія и надзора, и пріобрѣтаютъ подвластныхъ, сражающихся за нихъ во время войны и служащихъ имъ въ мирное время. Одной изъ характерныхъ чертъ этого состоянія общества является то обстоятельство, что часть и въ нѣкоторой степени даже все общество обладаетъ досугомъ. Только нѣкоторая доля времени потребна для пріобрѣтенія пищи, а остальное время не омрачается тревожными заботами о завтрашнемъ днѣ или необходимостью отдыха для возстановленія силъ. Такая жизнь весьма благопріятствуетъ возникновенію новыхъ потребностей и открываетъ возможность для ихъ удовлетворенія. Возникаетъ желаніе имѣть лучшую одежду, посуду и орудія сравнительно съ тѣми, которыми человѣкъ удовлетворяется въ дикомъ состояніи; избытокъ пищи даетъ возможность посвятить часть племени для удовлетворенія подобныхъ цѣлей. У всѣхъ или у большинства кочующихъ обществъ мы находимъ домашнюю выдѣлку фабрикатовъ грубаго, а у нѣкоторыхъ и высокаго

качества. Имѣется достаточное количество свидѣтельствъ, что уже въ то время, когда страны, бывшія колыбелью новой цивилизаціи, еще находились въ пастушескомъ состояніи, у нихъ достигли значительной степени искусства въ пряденіи, тканьѣ и окраскѣ шерстяной матеріи, въ выдѣлкѣ кожъ и даже въ обработкѣ металловъ, которая, кажется, была изобрѣтеніемъ болѣе труднымъ; даже отвлеченная наука возникла въ это время подъ вліяніемъ наличности досуга, который характеренъ для этой стадіи общественнаго развитія. Первые астрономическія наблюденія по сохранившимся преданіямъ, которымъ слѣдуетъ придавать много вѣроятія, приписываются Халдейскимъ пастухамъ.

Переходъ изъ этого состоянія общества къ земледѣльческому, безъ сомнѣнія, не легокъ. Всякая перемѣна въ привычкахъ человѣчества—дѣло трудное и по общему правилу бываетъ или тягостна, или весьма медленна. Но переходъ къ земледѣльческому состоянію происходитъ, такъ сказать, подъ вліяніемъ естественнаго развитія явленій. Возрастающее количество скота и людей начинаетъ въ это время оказывать вліяніе на землю: продуктъ, который она доставляла доселѣ, какъ естественное пастбище, становится все болѣе недостаточнымъ. Эта причина, безъ сомнѣнія вызвала первоначальное воздѣлываніе земли, точно также, какъ въ послѣдующій періодъ таже причина заставляла избытокъ населенія въ племенахъ, оставшихся кочевыми, нападать на племена, которыя уже сдѣлались земледѣльческими; но это могло продолжаться только до той поры, пока земледѣльческіе народы не стали достаточно сильны для отраженія граби-

тельскихъ вторженій кочевниковъ; лишившись этой возможности, вторгающіяся племена также вынуждены были обратиться въ земледѣльческія общества.

Но послѣ того какъ былъ совершенъ этотъ великій шагъ, послѣдующій процессъ развитія чело-вѣчества не шель такъ быстро, какъ можно было бы, пожалуй, предполагать. Количество чело-вѣческой пищи, которое можетъ давать земля даже при самой плохой системѣ земледѣлія, значительно пре-восходитъ размѣръ пищи, получаемой въ чисто пастушескомъ состояніи; неизбѣжнымъ результа-томъ этого является значительное возрастаніе на-селенія. Но это добавочное количество пищи по-лучается только крупнымъ прибавленіемъ въ ко-личествѣ затрачиваемаго труда; благодаря этому земледѣльческое населеніе не только имѣетъ менѣе досуга сравнительно съ пастушескимъ, но при не-совершенствѣ орудій и при неумѣлой обработкѣ (отъ которыхъ не отстали еще и теперь на боль-шей части земли) оно не въ состояніи, за исклю-ченіемъ развѣ случаевъ необычныхъ удобствъ отно-сительно почвы и климата, производить сверхъ своего личнаго потребленія столь значительный избытокъ пищи, чтобы за его счетъ могъ содер-жаться обширный классъ работниковъ, занятыхъ въ другихъ отрасляхъ промышленности. Но какъ бы великъ или незначителенъ этотъ избытокъ ни былъ, онъ обыкновенно захватывается у произво-дителей или правительствомъ, которому они под-властны, или частными лицами, которые, опира-ясь на большую свою силу или пользуясь рели-гіозными и унаслѣдованными чувствами, внушаю-щими согражданамъ подчиненіе имъ, упрочили свое положеніе, сдѣлавши себя владѣльцами земли.

Первый изъ этихъ способовъ присвоенія, совершаемый правительствомъ, характеренъ для тѣхъ обширныхъ монархій, которыя съ незапамятныхъ для исторіи временъ занимали равнины Азіи. Въ этихъ странахъ правительство, свойства котораго мѣняются по случайнымъ особенностямъ личнаго характера управителей, рѣдко тѣмъ не менѣе оставляетъ земледѣльцамъ что нибудь сверхъ безусловно необходимаго; часто оно отнимаетъ у нихъ и это необходимое: иногда такое правительство, взявъ у своихъ подданныхъ все, что они имѣли, принуждено бываетъ давать имъ взаимы часть взятаго, которая необходима на посѣвъ и для прокормленія населенія до слѣдующей жатвы. При такомъ порядкѣ главная масса населенія плохо снабжена всѣмъ необходимымъ; но правительство, взимая свои сборы малыми долями съ большаго количества людей, получаетъ возможность при сколько нибудь сносомъ управленіи блистать богатствами, совершенно не согласующимися съ общимъ положеніемъ дѣлъ въ странѣ. Вотъ источникъ закоренѣлаго впечатлѣнія, отъ котораго европейцы отдѣлались только въ послѣднее время— о будто бы великомъ благосостояніи восточныхъ странъ. Въ раздѣлѣ этого богатства, за исключеніемъ той его доли, которая прилипаетъ къ рукамъ, занимающимся собираніемъ его, принимаетъ участіе множество лицъ даже кромѣ тѣхъ, которыя непосредственно состоятъ въ придворномъ штатѣ государя. Значительная доля его распределяется между сановниками государства и между лицами, которыя служатъ предметомъ ласки и забавы для монарха. Иногда нѣкоторая часть этого богатства

употребляется на общепользные сооружения: резервуары, колодези и каналы для орошенія, безъ которыхъ во многихъ тропическихъ странахъ земледѣліе было-бы едва-ли возможно; набережныя, ограждающія отъ разлива рѣкъ, базары для торговцевъ, караванъ-сарай для путешественниковъ, — всѣ эти сооружения, о созданіи которыхъ своими собственными скудными средствами не могли-бы и думать пользующіеся ими, всѣ эти сооружения обязаны своимъ существованіемъ щедрости и просвѣщенному своекорыстію лучшихъ изъ восточныхъ государей, а иногда и благотворительности и тщеславію богатыхъ людей, состояніе которыхъ при внимательномъ изслѣдованіи, всегда оказывается произшедшимъ, прямо или косвенно, изъ государственнаго дохода, чаще всего черезъ прямой подарокъ доли этого дохода отъ государя.

Правитель подобнаго общества, хорошо снабдивъ себя и всѣхъ, къ кому чувствуетъ интересъ, всѣмъ необходимымъ и истративъ долю своихъ средствъ на содержаніе столькихъ солдатъ, сколько кажется ему необходимымъ для упроченія собственной безопасности и государства, имѣетъ остатокъ, которымъ онъ можетъ располагать, и съ удовольствіемъ это дѣлаетъ, обмѣнивая его на предметы роскоши соотвѣтственно съ своимъ вкусомъ; такой же остатокъ имѣютъ и люди, обогащенные его благосклонностію или нажившіеся въ качествѣ сборщиковъ государственныхъ доходовъ. Такимъ образомъ возникаетъ спросъ на изысканныя и дорого стоящіе продукты фабрикаціи, требованіе на ограниченный, но въ то-же время богатый рынокъ. Этотъ спросъ часто удовлетворяется почти исклю-

чительно торговцами изъ болѣе развитыхъ обществъ, но часто также порождаетъ и въ самой странѣ возникновеніе сословія мастеровъ, усиліями которыхъ нѣкоторые фабрикаты достигаютъ до столь высокой степени совершенства, какая только можетъ производиться терпѣніемъ, ловкостію, сообразительностію и наблюдательностію, а также искусствомъ рукъ безъ значительныхъ знаній о свойствахъ предметовъ: таковы напр. хлопчато-бумажныя фабрикаты въ Индіи. Эти мастера содержатся на счетъ той излишней пищи, которая взята правительствомъ и его агентами, какъ принадлежащая имъ доля продукта. Это описаніе вполне соотвѣтствуетъ дѣйствительности: въ нѣкоторыхъ странахъ работникъ не беретъ работы на домъ и не получаетъ платы послѣ ея окончанія, а, напротивъ, прямо отправляется въ домъ своего заказчика и получаетъ содержаніе отъ послѣдняго вплоть до той поры, пока не окончитъ работы.

Необезпеченность всякаго имущества при подобномъ положеніи общества располагаетъ, однако, даже самыхъ богатыхъ покупателей отдавать предпочтеніе такимъ предметамъ, которые, не подвергаясь по самой своей природѣ порчѣ и содержа въ себѣ при маломъ объемѣ значительную цѣнность, могутъ быть, поэтому, удобно спрятаны или унесены съ собою. Въ силу этого золото и драгоценныя камни составляютъ значительную часть богатства этихъ націй и многіе изъ богатыхъ азіатцевъ носятъ почти все свое состояніе на собственной особѣ или на женщинахъ своего гарема. Никто, кромѣ монарха, не думаетъ въ этихъ странахъ обращать свое богатство въ такой видъ, въ которомъ его

нельзя унести. Государь, если чувствует себя прочнымъ на престолѣ и надѣется передать его своимъ потомкамъ, обнаруживаетъ, правда, по временамъ вкусъ къ долговѣчнымъ зданіямъ и сооружаетъ Пирамиды, Таджъ-Мегаль или Секундрскій мавзолей.

Грубые продукты фабрикаціи, назначаемые для земледѣльцевъ, выдѣлываюся сельскими мастеровыми, которые вознаграждаются землею, отдаваемою имъ въ пользованіе безъ платежа арендной платы, или съ платежемъ натурою изъ той доли жатвы, которая оставлена земледѣльцу правительствомъ. Но и при подобномъ состояніи, общество не лишено, однако, торговаго класса; послѣдній состоитъ изъ двухъ разрядовъ купцовъ: одинъ торгуетъ хлѣбомъ, другой — деньгами. Хлѣбные торговцы обыкновенно покупаютъ хлѣбъ не отъ производителей его, но отъ агентовъ правительства, которые, собирая доходъ натурою, съ удовольствіемъ перелагаютъ на другихъ заботу доставлять его въ тѣ мѣста, гдѣ проживаютъ государь, главные его гражданскіе и военные сановники, главная масса его войскъ и мастеровые, удовлетворяющіе потребностямъ этихъ разнообразныхъ лицъ. Торговцы деньгами даютъ ихъ взаймы для поддержанія жизни и для продолженія обработки тѣмъ несчастнымъ земледѣльцамъ, которые разорены неурожаями или казенными поборами; послѣ новой жатвы они получаютъ уплату съ громадными процентами; тѣ же торговцы еще въ болѣе широкомъ размѣрѣ ссужаютъ деньги правительству или лицамъ, которымъ оно уступило часть своего дохода; вознагражденіе они получаютъ платежами отъ чиновниковъ, собирающихъ доходы,

или полученіемъ въ свое завѣдываніе нѣкоторыхъ округовъ, доходами съ которыхъ они могутъ погашать сами себѣ свой долгъ; для этого имъ обыкновенно одновременно передается значительная доля правительственной власти, которою они и пользуются до тѣхъ поръ, пока отданные имъ округа не будутъ выкуплены или пока доходами съ нихъ не погашенъ совершенный заемъ. Такимъ образомъ торговля операциі этихъ двухъ классовъ имѣютъ отношеніе къ той долѣ продуктовъ страны, которая составляетъ доходъ правительства. Изъ этого дохода ихъ капиталъ періодически возстанавливается съ прибылью; онъ же былъ источникомъ, изъ котораго почти всегда возникалъ ихъ первоначальный оборотный фондъ или капиталъ.

Таково въ общихъ чертахъ экономическое положеніе наибольшаго количества азіатскихъ странъ, въ которомъ они пребывали еще въ періоды, предшествовавшіе началу достовѣрной исторіи и которое и донынѣ существуетъ въ тѣхъ изъ нихъ, гдѣ оно не поколеблено вліяніемъ иностранцевъ.

Въ земледѣльческихъ обществахъ древней Европы, раннее положеніе которыхъ намъ лучше извѣстно, ходъ явленій совершался иначе. Послѣдніе по общему правилу при своемъ возникновеніи были маленькими городскими общинами; при основаніи ихъ въ незанятой еще странѣ или въ такой, изъ которой были изгнаны прежніе обитатели, захваченная земля раздѣлялась равными или почти равными участками между семействами, составлявшими общину. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ здѣсь выросталъ не одинъ городъ, а союзъ нѣсколькихъ городовъ, населенныхъ людьми, которые считали себя принадлежа-

щими къ одной расѣ и которые, какъ предполагалось, поселились въ странѣ почти въ одно и тоже время. Каждая семья производила сама свою пищу и матеріалы для своей одежды, которые обрабатывались въ предѣлахъ самой же семьи и обращались обыкновенно женщинами въ грубыя издѣлія, которыми удовлетворялся этотъ вѣкъ. Налоговъ не было никакихъ, потому-что или не существовало чиновниковъ, получавшихъ жалованье, или вознагражденіе этихъ чиновниковъ производилось съ особой предназначенной для этого доли земли, которая обрабатывалась рабами для потребностей государства; войско состояло изъ всего общества согражданъ. Полный продуктъ земли принадлежалъ, поэтому, безъ всякаго вычета семьѣ, которая обрабатывала землю.

Пока ходъ событій допускалъ возможность сохраненія такого положенія собственности, состояніе общества для большинства свободныхъ земледѣльцевъ не было, по всей вѣроятности, чѣмъ нибудь нежелательнымъ; въ этотъ счастливый періодъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ успѣхъ человѣчества въ умственномъ развитіи былъ необыкновенно быстръ и блистателенъ. Это въ особенности происходило тамъ, гдѣ при выгодныхъ качествахъ племени и климата и при наличности разныхъ благопріятныхъ случайностей, всякій слѣдъ которыхъ потерянъ, имѣлось еще къ тому-же выгодное положеніе у береговъ большого внутренняго моря, другія побережья котораго были уже заняты болѣе развитыми обществами.

При такомъ положеніи знакомство съ иностранными произведеніями, легкой доступъ иноземныхъ

идей и изобрѣтеній ослабляли въ этихъ обществахъ ту цѣпь рутины, которая вообще такъ крѣпко сковываетъ необразованные народы. Даже обращая вниманіе только на ихъ промышленное развитіе, можно замѣтить, что благодаря пріобрѣтенному разнообразію потребностей и желаній, они стремились извлекать изъ своей земли все, что умѣли взять изъ нея; если земля ихъ была безплодна или если они достигали высшаго изъ возможныхъ полученій отъ нея, то они становились часто торговцами, покупали продукты чужихъ земель для продажи съ прибылью въ собственной странѣ.

Такое состояніе общества съ самаго начала и по своему существу было непрочно. Эти маленькія общины жили въ состояніи почти непрерывной войны. Поводовъ къ войнамъ было достаточно. Въ болѣе грубыхъ и чисто земледѣльческихъ обществахъ частою причиною войнъ былъ недостатокъ земли для возрастающаго въ размѣрахъ населенія, который увеличивался еще болѣе неурожаями, при грубомъ состояніи ихъ земледѣлія и при зависимости ихъ въ своемъ продовольствіи отъ одной и при томъ небольшой земельной площади. При такомъ положеніи вещей, община часто переселялась всею своею массою или высылала толпу молодежи съ оружіемъ въ рукахъ искать менѣе воинственнаго народа, чтобы изгнать его изъ его земли или удержать на ней въ качествѣ рабовъ для обработки ея въ пользу побѣдителей. То, что менѣе развитыя общества дѣлали отъ нужды, болѣе счастливыя племена совершали по честолюбію или воинственности; въ результатѣ всѣ эти городскія общины стали завоевателями или завое-

ванными. Иногда завоевавшее государство удовлетворялось наложеніемъ дани на побѣжденныхъ, которые, неся это бремя и потому освобождаясь отъ хлопотъ и издержекъ по защитѣ себя морскими и сухопутными силами, могли пользоваться и подъ своимъ игомъ значительной долей экономического благосостоянія, а побѣдившее общество получало избытокъ богатства, который могло употреблять на дѣла общественной роскоши и великолѣпія. Изъ такихъ избытковъ были построены Парѳенонъ и Пропилеи, дана плата за статуи Оидія и производились торжества, для которыхъ писали свои драмы Эсхиль, Софокль, Эврипидъ и Аристофанъ.

Но подобное положеніе политическихъ отношеній, бывшее, пока оно продолжалось весьма полезнымъ для развитія и высшихъ интересовъ человѣчества, не содержало въ себѣ элементовъ долговѣчности. Небольшое завоевательное общество, которое не соединяетъ въ одно цѣлое свои завоеванія, всегда оканчиваетъ тѣмъ, что само подвергается завоеванію. Такимъ образомъ всеобщее владычество досталось тому народу, который, какъ римляне, умѣлъ создавать свое единство съ побѣжденными. Каковы-бы ни были мотивы войнъ, которыя вели римляне, они всегда начинали или оканчивали ихъ тѣмъ, что захватывали наибольшую часть земель для обогащенія своихъ именитѣйшихъ гражданъ и принимали въ составъ своего правящаго сословія главныхъ владѣльцевъ побѣжденной и захваченной земли.

Нѣтъ надобности останавливаться на печальной по характеру экономической исторіи римской импе-

ріи. Неравенство богатствъ, разъ возникнувъ въ обществѣ, въ которомъ несправедливости удачи не поправляются обычнымъ ходомъ промышленныхъ дѣлъ, всегда достигаетъ громадныхъ размѣровъ: крупныя богатства поглощаютъ мелкія. Римская имперія въ концѣ концовъ обратилась въ страну съ громадными поземельными владѣніями небольшого количества семей, для роскошныхъ удовольствій, а еще болѣе для удовлетворенія тщеславія которыхъ выдѣлывались самыя дорогіе продукты, тогда какъ обрабатывающіе землю были рабами или мелкими фермерами, находившимися въ состояніи, близкомъ къ рабскому. Съ этого времени богатства имперіи постепенно падаютъ. Первое время общественные доходы и богатства частныхъ лицъ служили еще достаточнымъ источникомъ, изъ котораго можно было покрывать Италію великолѣпными общественными и частными зданіями; но мало-по-малу подъ изнуряющимъ вліяніемъ дурного управленія, доставляемыя этими источниками средства, изсякли на столько, что остатки ихъ оказывались недостаточными для поддержанія зданій отъ разрушенія. У цивилизованнаго міра тогдашняго времени перестало хватать силы и богатства для предохраненія себя отъ наплыва кочующихъ племень, бродившихъ вокругъ сѣверной границы имперіи; племена эти вторглись въ имперію и наступилъ иной порядокъ вещей.

Въ томъ новомъ видѣ, который съ этого времени приняло европейское общество, составъ населенія каждой страны можно разсматривать, какъ раздѣленный на двѣ неравныя доли соотвѣтственно различнымъ національностямъ или расамъ: на завое-

вателей и завоеванныхъ. Завоеватели сдѣлались собственниками земли, завоеванные—ея воздѣльвателями. Послѣднимъ дозволялось владѣть землею на условіяхъ, которыя, какъ продуктъ насилія, хотя и были всегда обременительны, но рѣдко достигали размѣровъ полного рабства. Уже въ послѣднія времена римской имперіи значительное число приписанныхъ къ землѣ рабовъ перешло на положеніе, подобное крѣпостному состоянію; римскіе „колоны“ были скорѣе крѣпостными, чѣмъ настоящими рабами; варварамъ, завоевавшимъ имперію, при ихъ неспособности и при отсутствіи у нихъ охоты къ личному управленію промышленными дѣлами, оставался единственный исходъ, такъ и на такихъ условіяхъ передать воздѣльвателямъ землю, чтобы они находили нѣкоторое поощреніе своему труду и дѣйствительно интересовались обработкой земли. Такъ, если они работали три дня въ недѣлю въ пользу того, чью землю они обрабатывали, продуктъ труда остальныхъ дней все же доставался имъ. Они доставляли въ замокъ разные продукты, потребные здѣсь для потребленія; часто эти реквизиціи бывали чрезмѣрны, но всегда, по исполненіи требуемыхъ поставокъ, имъ позволялось располагать всѣмъ продуктомъ, какой они могли собрать, кромѣ переданнаго владѣльцамъ земли. При такой системѣ крѣпостные люди въ средніе вѣка не были лишены возможности пріобрѣтать собственность; въ такомъ же положеніи находились крѣпостные въ новой Россіи, гдѣ, до недавняго освобожденія крестьянъ, господствовала система по существу сходная съ средневѣковою; и дѣйствительно, накопленные крѣпостными сбереженія составляютъ

первоначальный источникъ богатства новой Европы.

Въ эти вѣка насилій и безпорядка первое употребленіе, какое дѣлалъ крѣпостной изъ своего маленькаго сбереженнаго запаса, состояло въ томъ, что онъ покупалъ себѣ свободу и переселялся въ какой нибудь городъ или укрѣпленную деревню, которыя остались неразрушенными со временъ римской имперіи; часто онъ старался укрыться сюда и не выкупивъ своей свободы. Въ этомъ убѣжищѣ, окруженный людьми своего класса, онъ пытался жить, защищаясь собственными усиліями и помощію своихъ согражданъ отъ притѣсненій и вымогательствъ военной касты. Эти освободившіеся крѣпостные въ большинствѣ случаевъ становились ремесленниками и жили обмѣномъ продукта своего промысла на избытокъ пищи и матеріаловъ, которые земля доставляла феодалнымъ собственникамъ. Такимъ образомъ въ Европѣ возникло нѣчто подобное экономическому положенію азіатскихъ странъ, но съ тою разницею, что, вмѣсто одного монарха съ его постоянно измѣняющейся толпою фаворитовъ и чиновниковъ, здѣсь созданъ многочисленный и въ значительной мѣрѣ устойчивый по составу классъ крупныхъ землевладѣльцевъ; эти землевладѣльцы, располагая каждый гораздо меньшимъ избыткомъ продукта, обнаруживали менѣе блеска и долгое время издерживали наибольшую часть своихъ средствъ на содержаніе тѣлохранителей, которые были необходимы для охраненія ихъ личности при господствовавшихъ тогда воинственныхъ обычаяхъ общества и при недостаточности охраны со стороны правительства. Большая устойчивость и прочность личнаго положенія, существовавшая при та-

кой организаціи общества сравнительно съ азіатской системой, которой экономически эта организація вполнѣ соответствовала, была также одною изъ главныхъ причинъ того, что эта послѣдняя оказалась болѣе благопріятной для дальнѣйшаго развитія. Съ этого времени экономическое развитіе общества болѣе не прерывалось. Безопасность личности и собственности, хотя и медленно, но постоянно возростала; полезныя искусства постоянно развивались; грабежъ пересталъ быть главнымъ источникомъ накопленія богатствъ, и феодальная Европа мало-по-малу обратилась въ торговую и мануфактурную. Въ послѣднюю половину среднихъ вѣковъ города Италіи и Фландріи, вольные города Германіи, а также нѣкоторые города Франціи и Англіи имѣли въ своемъ составѣ обширное и энергическое населеніе ремесленниковъ и много богатыхъ гражданъ, составившихъ себѣ состояніе или мануфактурной промышленностью, или торговлей продуктами ея. Общины Англіи, третье сословіе во Франціи и буржуазія или капиталистическій классъ континента вообще составились изъ потомковъ этого класса. Этотъ классъ умѣлъ сберегать, наоборотъ потомки феодальной аристократіи отличались расточительностію и потому буржуазія мало по малу замѣстила аристократію и сдѣлалась собственницею земель, принадлежавшихъ послѣднимъ. Это естественное стремленіе къ переходу земель въ ея руки въ нѣкоторыхъ случаяхъ замедлялось законами, составленными съ цѣлью удерживать землю за фамиліями владѣльцевъ ея, въ другихъ ускорялось политическими переворотами. Постепенно, хотя и съ меньшей быстротою, непосред-

ственные воздѣльватели земли вышли во всѣхъ болѣе культурныхъ странахъ изъ рабскаго или полурабскаго состоянія; ихъ юридическое и экономическое положеніе отличалось значительнымъ разнообразіемъ у различныхъ націй Европы и въ тѣхъ великихъ обществахъ, которыя были основаны потомками европейцевъ за Атлантическимъ океаномъ.

Теперь въ мірѣ существуетъ много разныхъ обширныхъ странъ, обладающихъ разнообразными предметами богатства въ такой степени изобилія, о которой прежніе вѣка не могли даже и вообразить. Безъ наличности труда, основаннаго на принужденіи, ежегодно извлекается изъ земли громадное количество пищи, за счетъ которой содержится, кромѣ непосредственныхъ производителей ея, равное, а иногда и большее количество работниковъ, занятыхъ производствомъ разнообразныхъ предметовъ надобностей и роскоши или перевозкою ихъ изъ одного мѣста въ другое. За счетъ той же пищи содержится множество лицъ, управляющихъ этими работами и надзирающихъ за правильнымъ ихъ выполненіемъ, а сверхъ того еще одинъ классъ, болѣе многочисленный, чѣмъ въ древнихъ обществахъ съ самою большою роскошью, занятія котораго не могутъ быть названы прямо производительными и значительное число лицъ котораго не имѣетъ даже и совсѣмъ занятій. Пища, производимая теперь, кормитъ гораздо болѣе многочисленное населеніе съ одного и того же пространства (по крайней мѣрѣ въ тѣхъ же странахъ). Кромѣ того при современныхъ условіяхъ производства этой пищи исчезли періодически повторявшіеся случаи голодовокъ, столь частые въ преж-

ней исторіи Европы и до сихъ поръ не рѣдкіе въ восточныхъ странахъ. Но не только обнаружилось крупное возрастаніе пищи; она значительно улучшилась по качеству и разнообразію; предметы удобства и роскоши уже не служатъ достояніемъ небольшого и богатаго класса, а проникаютъ въ большомъ изобиліи въ обширные и постепенно расширяющіеся слои менѣе богатыхъ классовъ. Вся совокупность средствъ каждаго изъ этихъ обществъ, когда оно желаетъ обратить его на какія нибудь неожиданныя цѣли, наличная у нихъ возможность содержать флоты и арміи, производить общественныя работы для пользы или украшенія, совершать національные акты благотворительности въ родѣ выкупа вестъ-индскихъ невольниковъ, основывать колоніи, давать образованіе своему населенію—другими словами выполнять все, что требуетъ издержекъ и при томъ, не жертвуя предметами необходимости или удобства своего населенія—все это обнаруживаетъ размѣръ небывалый для прежняго времени.

Но при всѣхъ этихъ свойствахъ, характерныхъ для современнаго промышленнаго развитія, эти общества крупнѣйшимъ образомъ отличаются одно отъ другого. Изобилуя бѣльшимъ богатствомъ сравнительно съ прежними вѣками, они, однако, сильно различаются по степенямъ этого изобилія. Нѣкоторыя изъ тѣхъ странъ, которыя по справедливости считаются богатѣйшими, съ большею полнотою воспользовались своими производительными средствами и получили сравнительно съ территоріей, занимаемой ими, большую долю продукта, чѣмъ другія. Страны различаются не только по

количеству богатства, но и по быстротѣ его возрастанія. Различій въ распредѣленіе его еще больше, нежели въ производствѣ. Въ положеніи бѣднѣйшаго класса различныхъ странъ замѣтно крупное разнообразіе; богатства и пропорціональный составъ классовъ, стоящихъ по положенію выше этого бѣднѣйшаго класса, столь же разнообразны. Даже въ характерѣ и положеніи классовъ, между которыми раздѣляется продуктъ земли, замѣчается по разнымъ мѣстамъ не мало отличій.

Въ нѣкоторыхъ странахъ земледѣльцы составляютъ классъ почти вполнѣ обособленный отъ классовъ, занятыхъ промышленностью, въ другихъ собственникомъ земли является почти всегда ея воздѣлыватель, владѣющій плугомъ и часто непосредственно работающій имъ. Тамъ, гдѣ собственникъ не воздѣлываетъ землю лично, иногда между нимъ и непосредственнымъ работникомъ становится посредствующее звено въ видѣ фермера, который дѣлаетъ предварительныя затраты по содержанию работниковъ, снабжаетъ ихъ орудіями труда и, уплативъ ренту земледѣльцу, становится собственникомъ оставшагося за этими вычетами продукта. Въ другихъ мѣстахъ продуктъ раздѣляется между собственниками, ихъ наемными агентами и работниками.

Въ мануфактурной промышленности замѣтны тѣ же различія; иногда ея продукты производятся отдѣльными лицами, которыя сами владѣютъ инструментами и орудіями или занимаютъ ихъ у другихъ, и почти не употребляютъ на работу большее количество труда, чѣмъ воплощающееся въ силахъ ихъ семьи. Въ другихъ случаяхъ производство

ведется значительнымъ числомъ работниковъ, трудящихся совмѣстно въ одномъ зданіи и при помощи сложныхъ и дорого стоящихъ машинъ, принадлежащихъ богатымъ мануфактуристамъ.

Подобное-же различіе существуетъ и въ торговомъ дѣлѣ. Оптовая операція повсемѣстно, безъ сомнѣнія, ведутся крупными капиталами, если таковые имѣются въ наличности; но розничная торговля, занимающая по общей своей массѣ весьма значительную сумму капитала, часто совершается въ мелкихъ лавкахъ и главнымъ образомъ личною дѣятельностію торговца, его семьи, а иногда одного или двухъ подручныхъ. Иногда, напротивъ, торговля ведется въ обширныхъ заведеніяхъ, на капиталъ, доставленный какимъ нибудь богатымъ лицомъ или компаніей и при помощи наемныхъ приказчиковъ и приказчицъ.

Кромѣ этихъ различій въ экономическомъ складѣ различныхъ частей того, что называется цивилизованнымъ міромъ, въ тѣхъ или другихъ областяхъ міра вплоть до нашего времени продолжалось также существованіе и тѣхъ первичныхъ стадій развитія, краткій обзоръ которыхъ мы дали въ предшествовавшемъ. Охотническія общества еще и теперь существуютъ въ Америкѣ, кочевыя— въ Аравіи и степяхъ Сѣверной Азіи. Восточное общество остается по существу тѣмъ-же, какимъ оно было и прежде. Обширная Русская Имперія и теперь еще остается лишь немного видоизмѣненнымъ подобіемъ Феодальной Европы. Всѣ великіе типы человѣческаго общества продолжаютъ существовать въ видѣ высшихъ его формъ и вплоть до Ескимосовъ и Патагонцевъ.

Всѣ эти замѣчательныя различія въ положеніи отдѣльных частей человѣческой расы по отношенію къ производству и распредѣленію богатства должны, подобно всѣмъ другимъ явленіямъ, зависѣть отъ причинъ. Объяснять ихъ исключительно, въ разное время и въ разныхъ мѣстахъ, различіемъ въ степеняхъ знанія о законахъ природы и физическихъ искусствахъ жизни, значило бы давать объясненіе слишкомъ недостаточное. Много причинъ здѣсь дѣйствуетъ совмѣстно; и даже самое развитіе и неравное распредѣленіе знаній являются отчасти причинами, отчасти слѣдствіемъ того, какъ производится и распредѣляется богатство.

На сколько экономическое положеніе націи зависитъ отъ состоянія физическихъ знаній, оно составляетъ предметъ естественныхъ наукъ и искусствъ, основанныхъ на нихъ. Но на сколько оно зависитъ отъ нравственныхъ или психологическихъ причинъ, проистекающихъ изъ учрежденій, общественныхъ отношеній или особыхъ началъ человѣческой природы, — на столько изслѣдованіе о немъ принадлежитъ не естественной, а нравственной или соціальной наукѣ и составляетъ предметъ того, что называется политической экономіей.

Производство богатства, извлеченіе средствъ для человѣческаго существованія и для полученія наслажденій изъ матеріаловъ, доставляемыхъ земнымъ шаромъ, очевидно, не можетъ быть дѣломъ, зависящимъ отъ одного произвола. Оно совершается въ нѣкоторыхъ необходимыхъ условіяхъ. Изъ этихъ послѣднихъ нѣкоторыя принадлежатъ міру физическому, зависятъ отъ качествъ матеріи и отъ размѣра знаній даннаго времени и мѣста о

ея свойствахъ. Этихъ условій политическая экономія не изслѣдуетъ, но принимаетъ какъ нѣчто данное, отсылая интересующихся за объясненіями къ естественной наукѣ и къ свидѣтельству опыта каждаго. Соединяя съ этими фактами внѣшней природы другія истины относительно человѣческой природы, она старается найти вторичные или производные законы, отъ которыхъ зависитъ производство богатства, различіе въ богатствахъ и бѣдности прошлаго и настоящаго времени и въ которыхъ лежитъ основаніе для того приращенія богатствъ, которое возможно для будущаго.

Въ отличіе отъ законовъ производства, законы распределенія богатства зависятъ отчасти отъ человѣческихъ учрежденій. Способы распределенія богатства въ каждомъ данномъ обществѣ зависятъ отъ держащихся въ немъ законоположеній и обычаевъ. Хотя правительства и націи имѣютъ власть опредѣлять, какія учрежденія должны существовать, но они не могутъ произвольно опредѣлять, въ какомъ направленіи эти учрежденія будутъ дѣйствовать. Условія, отъ которыхъ зависитъ власть, принадлежащая имъ надъ распределеніемъ богатствъ, а также тотъ характеръ, подъ вліяніемъ котораго находится распределеніе въ зависимости отъ различныхъ родовъ дѣятельности, устанавливающихся въ обществѣ, составляютъ такой же предметъ научнаго изслѣдованія, какъ и изученіе естественныхъ законовъ природы.

Законы производства и распределенія, а также нѣкоторые изъ ихъ практическихъ послѣдствій, составляютъ предметъ настоящаго трактата.

КНИГА I.

ПРОИЗВОДСТВО.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Элементы производства *).

Для производства необходимы два элемента: трудъ и соотвѣтственные естественные дары природы.

Трудъ бываетъ двухъ родовъ: физическій и умственный, или, точнѣе выражая эту разницу — мускульный и нервный. Въ понятіе труда слѣдуетъ включать не только самую дѣятельность, но и всѣ непріятныя ощущенія, всякое физическое утомленіе или умственное обремененіе, связанныя съ употребленіемъ мыслей и мускуловъ или того и другого вмѣстѣ на какую нибудь работу.

Что касается до другого элемента производства — соотвѣтственныхъ естественныхъ даровъ природы, то слѣдуетъ замѣтить, что сама природа даетъ намъ предметы, которые существуютъ, произрастаютъ естественно и при томъ въ формѣ, непосредственно пригодной для удовлетворенія человѣческихъ нуждъ. Такъ имѣются напр. пещеры и дупла, могущія служить кровомъ; плоды, коренья, дикій

---

*) т. е. объ условіяхъ, при которыхъ совершается производство.

медь и другіе естественные продукты, при посредствѣ которыхъ человѣкъ можетъ существовать; но даже здѣсь нужно по общему правилу значительное количество труда, конечно, не для созданія или производства этихъ даровъ природы, но для того, чтобы найти и присвоить ихъ. Почти всегда, за исключеніемъ этихъ немногихъ и неважныхъ случаевъ, имѣющихъ нѣкоторое значеніе развѣ при самомъ началѣ человѣческаго общества, предметы, даваемые природой, становятся пригодными для удовлетворенія человѣческихъ потребностей, лишь испытавъ преобразование при помощи человѣческаго труда. Дикія животныя и рыбы, служащія источникомъ существованія охотничьихъ и рыболовныхъ племенъ, достаются человѣку при посредствѣ труда, который главнымъ образомъ состоитъ въ томъ, что требуется произвести рядъ усилій для овладѣнія ими; но кромѣ того, прежде чѣмъ обратить ихъ въ пищу, ихъ нужно убить, разрѣзать на куски, почти въ большинствѣ случаевъ подвергнуть какимъ нибудь кулинарнымъ процессамъ; т. е. совершить рядъ дѣйствій, требующихъ нѣкотораго труда.

Преобразование предметовъ при посредствѣ человѣческаго труда имѣетъ самыя многообразныя формы. Иногда предметъ, приспособленный трудомъ для удовлетворенія человѣческихъ потребностей, мало чѣмъ разнится отъ своей первоначальной формы, иногда это преобразование такъ велико, что не остается никакого слѣда отъ первоначальной формы и структуры предмета. Кусокъ руды, находимый въ землѣ, мало походитъ на плугъ, топоръ или пилу. Фарфоръ не имѣетъ ничего общаго съ вывѣтрившемся гранитомъ, изъ котораго онъ сдѣ-

ланъ, стекло не походитъ на смѣсь песка съ поташемъ, изъ которой оно готовится. Разница между овечьимъ руномъ и горстью хлопчато-бумажныхъ зеренъ еще больше сравнительно съ сукномъ и коленкоромъ; сама овца, само хлопчато-бумажное зерно не вырастаютъ только при участіи естественныхъ силъ природы; нѣтъ, для этого требуется предварительная затрата человѣческаго труда и заботливости. Во всѣхъ этихъ разнообразныхъ случаяхъ окончательный продуктъ настолько различенъ отъ вещества, доставляемаго природою, что въ обычной рѣчи природа считается только поставщицей матеріала для труда.

Но природа доставляетъ труду болѣе, чѣмъ одни матеріалы, она даетъ ему еще и силы. Матерія, составляющая земной шаръ, не является пассивнымъ воспринимателемъ формъ и свойствъ, придаваемыхъ ей человѣческимъ трудомъ. Она обладаетъ сама дѣятельными силами, которыя совместно работаютъ съ трудомъ и могутъ быть даже употребляемы на замѣну послѣдняго... Всѣ знаютъ, что во многихъ случаяхъ вѣтеръ, тяжесть воды и другіе естественные дѣятели выполняютъ ту часть труда, которая раньше выполнялось непосредственнымъ человѣческимъ трудомъ (напр. вѣтряныя и водяныя мельницы).

Значеніе или функція труда въ производствѣ.

Подобные случаи, въ которыхъ человѣкъ освободился отъ нѣкоторой доли труда, замѣнивъ его дѣйствіемъ какой нибудь естественной силы природы, могутъ вызвать ложное представленіе о

сравнительномъ значеніи труда и силъ природы въ производительной дѣятельности; можно полагать, что содѣйствіе этихъ силъ человѣческой промышленности, ограничивается лишь случаями, гдѣ онѣ употреблены на выполненіе того, что иначе производилось бы трудомъ и будто бы въ предметахъ, сдѣланныхъ (какъ любятъ выражаться) руками человѣка, природа доставляетъ только пассивный матеріалъ. Это не болѣе, какъ самообманъ. Силы природы столь же дѣятельно работаютъ въ этомъ, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Работникъ беретъ стебель льна или пеньки, раздѣляетъ его на отдѣльныя волокна и сплетаетъ ихъ своими пальцами при посредствѣ простого орудія, называемаго веретенномъ; надѣлавъ такимъ образомъ нитокъ, онъ слагаетъ рядомъ множество ихъ и совываетъ поперекъ подобныя же нитки и при томъ такъ, чтобы каждая поперечная шла подъ прямымъ угломъ и поочередно сверху одной и снизу другой продольной; эта часть его труда облегчается орудіемъ, именуемымъ челнокомъ; такимъ образомъ, онъ производитъ льняную или пеньковую ткань, смотря по матеріалу, надъ которымъ работалъ. Говорятъ, что онъ сдѣлалъ ее руками и что никакая сила природы будто бы не работала совмѣстно съ нимъ. Но какая же сила дѣлала возможнымъ каждый последовательный шагъ этихъ операцій и послѣ выдѣлки ткани сдерживала ее въ цѣлости? Все это зависѣло отъ крѣпости волоконъ или отъ силы сцепленія ихъ частицъ, т. е. отъ одной изъ силъ природы, и мы можемъ съ точностью измѣрять ея значеніе сравнительно съ другими механическими силами, опредѣлять, какое количество каждой изъ

нихъ достаточно для нейтрализованія или уравновѣшиванія этой силы сцѣпленія.

Силы природы, или другими словами, качества матеріи исполняютъ все дѣло, разъ только предметы приведены въ нужное положеніе. Человѣкъ только придвигаетъ одну вещь къ другой, или раздѣляетъ ихъ. Онъ вкладываетъ зерно въ землю, а естественныя растительныя силы производятъ постепенно корень, стебель, листья, цвѣты и плодъ. Онъ направляетъ удары топора по стволу дерева и оно падаетъ естественною силою тяжести; онъ особеннымъ образомъ заставляетъ двигаться свою пилу поперекъ срубленнаго дерева и оно раздѣляется на доски по физическому закону, подъ дѣйствіемъ котораго болѣе мягкая вещь вытѣсняется отъ напора болѣе твердой; онъ располагаетъ эти доски въ извѣстномъ порядкѣ, сбиваетъ ихъ гвоздями или кладетъ между ними склеивающую матерію и производитъ такимъ образомъ столъ или домъ.

И такъ въ матеріальномъ мірѣ, трудъ всегда и исключительно употребляется на приведеніе предметовъ въ движеніе. Все остальное дѣлается матеріей и законами природы. Искусство и изобрѣтательность человѣка главнымъ образомъ направлены на открытіе цѣлесообразныхъ по ихъ силамъ движеній, которыя пригодны для полученія желаемыхъ результатовъ. Но если движеніе и составляетъ единственное дѣйствіе, которое можетъ непосредственно и прямо производиться человѣческими мускулами, то отсюда еще не слѣдуетъ, что человѣкъ непосредственно долженъ совершать имивсѣ движенія, которыя ему нужны. Первою и са-

мою простою замѣною дѣйствія его мускуловъ служить работа мускуловъ животныхъ; затѣмъ постепенно человекъ сталъ пользоваться для той же цѣли неодушевленными силами природы: вѣтромъ и водою, силами, находящимися въ движеніи, стараясь сообщить часть присущаго имъ движенія колесамъ, которыя до этого изобрѣтенія обращались силою мускуловъ.

Эта услуга вынуждается у силъ вѣтра и воды рядомъ дѣйствій, состоящихъ, подобно выше указанному, также въ томъ, что человекъ ставитъ предметы въ извѣстное положеніе, въ которыхъ они составляютъ то, что называется машиною; но дѣйствіе мускуловъ, необходимое для этого, не возобновляется постоянно, а совершается разъ и навсегда и въ результатѣ получается большое сбереженіе труда.

Участіе природы въ любой человеческой работѣ неопредѣлимо и несоизмѣримо. Невозможно рѣшить, что въ одномъ дѣлѣ природа работаетъ больше, нежели въ другомъ; нельзя этого даже сказать и о трудѣ. Для даннаго дѣла, быть можетъ, потребуется большее количество труда; но если требуемое количество безусловно необходимо, то произведенный продуктъ—столь же результатъ природы, какъ и труда. Если два условія равно необходимы для произведенія результата, то нельзя говорить, что столько-то произведено однимъ и столько-то другимъ; это все равно, что пытаться опредѣлить, которая изъ двухъ половинокъ ножницъ наиболѣе важна для разрѣзыванія, или какой изъ двухъ множителей, 5 или 6, болѣе способствуетъ полученію произведенія въ цифрѣ 30.

Количество однихъ силъ природы неограничено, другихъ—ограничено. Подъ неограниченнымъ количествомъ понимается практическая неограниченность, т. е. то, что наличное количество больше того, какое мы можемъ употребить для нашихъ цѣлей когда нибудь, или по крайней мѣрѣ при настоящихъ обстоятельствахъ.

Мы покажемъ впоследствии, какъ сильно зависитъ общественная экономія отъ того обстоятельства, что многіе важнѣйшія естественныя силы природы существуютъ въ ограниченномъ количествѣ; въ особенности это обстоятельство имѣетъ значеніе примѣнительно къ землѣ. Теперь я замѣчу только, что пока количество естественныхъ силъ природы практически неограничено, онѣ не могутъ сдѣлаться предметомъ искусственной монополіи и потому имѣть рыночную цѣнность, ибо никто не дастъ чего нибудь за вещь, которую можетъ получить даромъ. Но съ того момента, когда ограниченіе становится практически возможнымъ, и когда любая вещь не находится въ томъ количествѣ, въ какомъ хотѣли бы обладать или пользоваться ею при желаніи, обладаніе или пользованіе этой естественной силой пріобрѣтаетъ мѣновую цѣнность.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Трудъ, какъ дѣятель производства.

Трудъ, оканчивающійся производствомъ предмета, потребнаго для нуждъ человѣка, употребляется прямо на производство его или на приготовительные процессы. Напримѣръ, при изготовленіи хлѣба—трудомъ, непосредственно обращеннымъ на его изготовленіе, служитъ трудъ пекаря; но трудъ мельника, хотя и обращенный прямо лишь на производство муки, также составляетъ часть общей массы труда, при помощи котораго изготовляется хлѣбъ; тоже можно сказать о трудѣ сѣяшаго хлѣбъ и о работѣ жнеца. Кузнецъ, дѣлавшій плугъ, участвовалъ въ результатѣ еще болѣе отдаленнымъ образомъ. Такимъ образомъ вычислить трудъ, результатомъ котораго является извѣстный продуктъ, дѣло далеко не простое. Цыфры, входящія въ расчетъ, очень многочисленны: ибо, если частью труда, употребленнаго на производство хлѣба, мы должны считать работу кузнеца, сдѣлавшаго плугъ, то почему не считать также труда, потраченнаго на выдѣлку инструмента кузнеца и орудій, употребленныхъ на выдѣлку этихъ инструментовъ и т. д. до возникновенія всѣхъ вещей... Въ результатѣ исчисленій можетъ получиться, что на

выдѣлку инструментовъ истрачена одна тысяча — двухсотая или что нибудь въ этомъ родѣ изъ общей массы труда, пошедшей на одну жатву одной фермы, а когда эту дробь придется распредѣлять по различнымъ мѣшкамъ пшеницы и по фунтамъ хлѣба, сразу станетъ понятно, что такихъ количествъ не стоитъ брать въ расчетъ при оцѣнкѣ предмета на практикѣ.

Изъ различныхъ видовъ непрямого или косвенно-производительнаго труда слѣдуетъ назвать:

1) Трудъ, употребляемый на производство пищи, необходимой для содержанія работниковъ. Всѣ люди получаютъ вознагражденіе за свой трудъ окончательнымъ образомъ изъ продукта, изготовленнаго ими. Требованіе вознагражденія, основанное на владѣніи пищей, нужной работникамъ, имѣетъ другой характеръ; вознагражденіе дается не за трудъ, а за воздержаніе. Если кто либо отдастъ наличную у него пищу производительнымъ работникамъ на содержаніе ихъ во время дѣла, онъ не будетъ доволенъ простымъ возвращеніемъ въ уплату взятаго. Онъ будетъ ожидать, что его предварительная затрата въ пищу вернется къ нему обратно съ нѣкоторымъ увеличеніемъ, которое на обычномъ коммерческомъ языкѣ называется прибылью, и только это послѣднее будетъ служить для него побудительной причиной, склоняющей накоплять запасъ пищи, экономничая или обнаруживая воздержаніе въ собственномъ потребленіи.

2) Трудъ, употребляемый на производство матеріаловъ, которые должны быть предметомъ дальнейшей обработки.

3) Трудъ, необходимый на выдѣлку инструментовъ, необходимыхъ для производства.

4) Трудъ, употребляемый на охраненіе производства, который необходимъ для того, чтобы ходъ производства не нарушался, чтобы продукты не портились отъ разрушительныхъ силъ природы и не подвергались дѣйствию человѣческаго насилія и хищничества.

5) Трудъ, затрачиваемый на перевозку или на доставленіе продукта потребителямъ.

6) Трудъ на воспитаніе и обученіе работниковъ. Отдѣльные люди подвергаются этому труду и расходамъ, вызываемымъ ими по мотивамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ полученіемъ въ будущемъ выгоды, и политическая экономія часто не причисляетъ этого расхода къ издержкамъ производства. Но техническое и промышленное воспитаніе, трудъ употребляемый на обученіе и изученіе въ производительныхъ искусствахъ — совершается обыкновенно для того, чтобы черезъ него достигъ большаго или болѣе цѣннаго производства. Поэтому трудъ, придающій большую производительную силу рукамъ или уму человѣка, долженъ считаться частью труда, которымъ общество выполняетъ свои производительныя операціи, другими словами частью стоимости продукта для общества.

7) Умственный и физическій трудъ открывателей и изобрѣтателей. Съ національной или всеобщей точки зрѣнія, трудъ ученаго или отвлеченнаго мыслителя составляетъ часть производства въ томъ же тѣснѣйшемъ смыслѣ, какъ и трудъ человѣка, дѣлающаго практическія изобрѣтенія, ибо послѣднія были прямымъ послѣдствіемъ теоретическихъ открытій и каждое расширеніе знаній относительно силъ природы находило полезное примѣ-

неніе въ житейскихъ дѣлахъ. Во всякомъ чисто-умственномъ трудѣ, если онъ вызываетъ какой нибудь внѣшній результатъ, напр. писаніе, говореніе и т. д. имѣется и физическій элементъ.

8. Трудъ земледѣльческій и мануфактурный.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О трудѣ непроизводительномъ.

Трудъ не производитъ продуктовъ, но только полезности.

Трудъ необходимъ для производства, но послѣднее не всегда бываетъ его результатомъ. Имѣется много видовъ труда и при томъ высокой степени полезности, предметомъ котораго не является производство. Соотвѣтственно этому трудъ былъ подраздѣленъ на два вида: производительный и непроизводительный, экономисты не мало спорили о томъ, какіе виды труда слѣдуетъ именовать непроизводительными, не всегда замѣчая, что по существу у нихъ не имѣется фактическихъ основаній для разногласія.

Многіе писатели неохотно относили въ разрядъ производительнаго труда всякую работу, если она не воплощалась въ какомъ нибудь матеріальномъ предметѣ, удобно передаваемомъ отъ одного лица къ другому. Другіе, въ ихъ числѣ Маккуллохъ и Ж. Б. Сэ, считающіе слово „непроизводительный“ наименованіемъ унижительнымъ, возстаютъ противъ приложенія его ко всякому роду труда, который рассматривается, какъ полезный и прино-

сящій пользу или удовольствіе, равное его расходу. Трудъ чиновниковъ, военныхъ, сухопутныхъ и морскихъ войскъ, врачей, адвокатовъ, профессоровъ, музыкантовъ, танцовщицъ, актеровъ и т. п., когда эти лица выполняютъ то дѣло, за которое получаютъ вознагражденіе, по словамъ этихъ писателей не долженъ именоваться позорнымъ именемъ „непроизводительнаго“; слово—непроизводительный — имъ представляется равнозначущимъ словамъ: бесполезный и неимѣющій цѣны. Такое утвержденіе происходитъ, какъ кажется, изъ неправильнаго пониманія того, о чемъ по существу идетъ споръ.

Производство не является единственною цѣлью человѣческаго существованія; слово, „непроизводительный“ не заключаетъ въ себѣ необходимо чего нибудь позорящаго. Здѣсь все сводится къ вопросу о формѣ выраженія или классификаціи, которая, однако, не лишена значенія, если даже она и не основывается на различіи мнѣній; потому мы нѣсколько займемся разными значеніями, которыя можно придавать словамъ: „производительный“ и „непроизводительный“, рассуждая о трудѣ.

Прежде всего, слѣдуетъ напомнить, что даже въ такъ называемомъ производствѣ матеріальныхъ предметовъ, создается вовсе не матерія, составляющая ихъ. Весь трудъ всѣхъ человѣческихъ существъ не въ состояніи создать ни одной частицы матеріи. Соткать сукно—это значитъ только расположить извѣстнымъ образомъ частицы шерсти; растить хлѣбъ—это значитъ помѣстить частицу матеріи, называемую зерномъ, въ такое положеніе, въ которомъ это зерно могло бы стягивать раз-

ныя частицы матеріи изъ земли и воздуха для составленія новой комбинаціи, именуемой растеніемъ.

Хотя мы и не въ состояніи создавать матеріи, но мы можемъ придавать ей такія свойства, въ которыхъ изъ бесполезной для насъ, она станетъ полезной. То, что мы производимъ, или желаемъ произвести, пользуясь справедливымъ выраженіемъ Сэ, заключается лишь въ изготовленіи полезностей. Трудъ не создаетъ предметовъ, онъ создаетъ лишь *полезности*. Точно также мы не потребляемъ и не разрушаемъ самого существа предметовъ; матерія, изъ которой они состояли, сохраняется, болѣе или менѣе измѣнившись лишь по формѣ; потребляются въ дѣйствительности только свойства, благодаря наличности которыхъ они предназначались къ извѣстнымъ цѣлямъ. Поэтому Сэ и нѣкоторые другіе писатели послѣдовательно спрашиваютъ: если мы не производимъ продуктовъ, а только полезности, то почему не считать всякій трудъ производительнымъ, если онъ производитъ полезности? Ради чего мы станемъ отвергать производительное значеніе за трудомъ хирурга, направляющаго руку, за трудомъ законодателя или судьи, вносящаго безопасность въ общество, и придавать это значеніе труду ювелира, гранящему и шлифующему алмазь. Какъ отказывать въ этомъ наименованіи труду учителя, обучающаго меня мастерству, которое будетъ меня кормить, и давать его кондитеру, дѣлающему конфеты для минутнаго удовлетворенія чувства вкуса.

Совершенно справедливо, что всѣ виды труда производятъ полезности; вопросъ, занимающій насъ, не существовалъ бы совершенно, если бы пред-

ставленіе о производствѣ полезностей было бы достаточно для характеристики того, что люди понимаютъ подъ производительнымъ трудомъ. Производительный трудъ—это значить: трудъ, создающій богатство. Такимъ образомъ мы должны снова вернуться къ вопросу и спросить себя: *что такое богатство?*

Полезности бываютъ трехъ видовъ.

Полезности, производимые трудомъ, бываютъ трехъ видовъ.

Во первыхъ, полезности, содержащіяся и воплощенныя во внѣшнихъ предметахъ; онѣ создаются трудомъ, придающимъ внѣшнимъ матеріальнымъ вещамъ свойства, благодаря которымъ онѣ становятся пригодными для человѣческихъ существъ. Это обыкновенный случай и онъ не требуетъ объясненій.

Во вторыхъ, полезности, выраженные и воплощенныя въ человѣческихъ существахъ; трудъ въ этомъ случаѣ употребляется на выработку въ людяхъ качествъ, которыя дѣлаютъ ихъ полезными существами, какъ для самихъ себя, такъ и для другихъ. Къ этому разряду принадлежитъ трудъ всѣхъ занятыхъ воспитаніемъ; не только учителей, гувернеровъ, профессоровъ, но и правительствъ, если они обнаруживаютъ плодотворныя заботы объ усовершенствованіи своего народа; трудъ моралистовъ и духовенства, на сколько онъ приноситъ пользу, трудъ докторовъ, если содѣйствуютъ сохраненію жизни, физическихъ и умственныхъ силъ, трудъ учителей гимнастики, различныхъ промыс-

ловъ, наукъ и искусствъ вмѣстѣ съ трудомъ учениковъ, обучающихся всему этому; вообще всякій трудъ, потраченный въ жизни человѣкомъ на улучшение знанія и развитіе физическихъ и умственныхъ способностей, какъ въ самомъ себѣ, такъ и въ другихъ.

Въ третьихъ и, наконецъ, полезности, не содержащіяся и не воплощенныя во внѣшнихъ предметахъ, а состоящія только въ какой нибудь совершенной услугѣ: въ доставленномъ удовольствіи, въ отвращенномъ на извѣстное время неудобствѣ или страданіи. Эти полезности не оставляютъ какого нибудь постоянного слѣда и не выражаются въ улучшеніи качествъ лица или вещи. Трудъ здѣсь употребляется непосредственно на производство полезностей, а не на приспособленіе какого нибудь предмета къ производству полезности, какъ въ первыхъ двухъ случаяхъ. Таковъ, на примѣръ, трудъ музыканта, актера, декламатора или чтеца и всякаго человѣка, дающаго представленіе передъ публикой. Безъ сомнѣнія, подобная дѣятельность можетъ имѣть полезное вліяніе на чувства, расположеніе духа и на общее счастливое настроеніе зрителей и не только въ моментъ своего обнаруженіе, но и долгое время спустя; иногда, напротивъ, таже дѣятельность вмѣсто добра приноситъ вредъ; но ни то, ни другое не служитъ цѣлью лица, выставляющаго предметы на показъ и зрителя, который ему платитъ. Ихъ цѣль сводится къ непосредственному полученію наслажденія. Трудъ арміи и флота имѣетъ подобный же характеръ; лучшее, что они могутъ сдѣлать, это предохранить страну отъ покоренія, отъ обидъ и отъ оскорб-

лений. Такова ихъ услуга, но она оставляетъ страну безъ всякой перемѣны къ лучшему или худшему.

Производительныи трудомъ называется такая дѣятельность, которая создаетъ полезности, содержащіяся и воплощенныя въ материальныхъ предметахъ.

Теперь намъ предстоитъ рассмотреть, какой изъ этихъ трехъ разрядовъ труда можно считать производящимъ богатство. Въ предшествовавшемъ, мы уже отмѣтили, что слово „производительный“, употребляемое само по себѣ, можетъ въ политической экономіи имѣть значеніе лишь въ смыслѣ — производящій богатство.

Только сознательно выражаясь метафорически, мы можемъ назвать богатствомъ полезности третьяго разряда, которыя состоятъ въ удовольствіяхъ и услугахъ, существующихъ лишь въ моментъ вкушаемаго наслажденія и выполняемаго дѣйствія. Существенной стороной нашего представленія о богатствѣ является его накопленіе; вещи, которыя послѣ окончательнаго ихъ производства не могутъ быть хранимы сколько нибудь времени до момента ихъ потребленія, никогда, какъ мнѣ кажется, не считаются богатствомъ, ибо сколько бы ихъ произведено и потреблено ни было, всякое лицо, воспользовавшееся ими, не стало отъ этого богаче и ни сколько не улучшило своего положенія. Но нарушеніе обычнаго словоупотребленія относительно понятія „богатство“ не происходитъ такъ явно и положительно, когда богатствомъ считаютъ всякій предметъ одновременно и полезный, и годный для

накопленія. Ловкость, энергія и настойчивость работниковъ считаются такимъ же богатствомъ страны, какъ и орудія, и машины *). Согласно съ этимъ опредѣленіемъ, мы должны считать производительнымъ тотъ трудъ, который употребляется на созданіе прочныхъ полезностей, воплощенныхъ въ человѣческихъ существахъ и любыхъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ предметахъ.

Когда слово богатство примѣняется къ промышленнымъ способностямъ людей, всегда, однако, подразумевается, что рѣчь идетъ о созданіи матеріальныхъ продуктовъ. Искусство ремесленника называется богатствомъ только потому, что служитъ средствомъ для пріобрѣтенія его въ матеріальномъ

*) Нѣкоторые писатели считаютъ существеннымъ элементомъ нашего представленія о богатствѣ то обстоятельство, что оно должно быть пригодно не только для накопленія, но и допускать возможность передачи, а такъ какъ личныя свойства и производительныя способности человѣческаго существа не могутъ быть отдѣлены отъ него и переданы другому, то, основываясь на этихъ соображеніяхъ, они отказываются включать въ составъ богатства эти свойства и способности и называютъ трудъ, потраченный на ихъ пріобрѣтеніе, производительнымъ. Мнѣ кажется, однако, что искусство ремесленника, напримѣръ, служитъ желательнымъ предметомъ обладанія и составляетъ, кромѣ того, явленіе, существующее съ нѣкоторой устойчивостью. Отвергать за ними право на причисленіе къ богатству, основываясь на томъ, что свойства эти связаны съ человѣкомъ, столь же не убѣдительно, какъ отрицать то же по отношенію каменноугольной копи или фабрики, потому что онѣ привязаны къ извѣстному мѣсту. Кромѣ того, если нельзя передать покущику само искусство, то можно передать употребленіе его, если е.о нельзя продать, можно отдать въ наемъ; оно можетъ быть отчуждено и дѣйствительно совсѣмъ пролается въ странахъ, гдѣ законъ разрѣшаетъ продажу человѣка вмѣстѣ со всѣми его свойствами. Если эта невозможность передачи не находитъ осуществленія, то это зависитъ

видѣ; свойства, не ведущія явнымъ образомъ къ этой цѣли, едва ли будутъ разсматриваться съ этой точки зрѣнія. Какъ бы драгоценны для страны ни были наличные у ней гени, добродѣтели, или совершенства ея обитателей, но врядъ ли кто ее назоветъ въ нашемъ смыслѣ богатой, если только не будетъ выражаться метафорически, или тогда, если будетъ смотрѣть на эти свойства, какъ на продажные предметы, которыми можно извлекать матеріальное богатство изъ другихъ странъ, какъ это дѣлали древніе Греки и нѣкоторые народы новаго времени. Если бы я выработывалъ новый техническій языкъ, я предпочелъ бы взять, какъ основаніе для подраздѣленія, способность сохранять, а не матеріальный характеръ продуктовъ. Но, при употребленіи терминовъ, сдѣлавшихся общимъ достояніемъ, не мѣшаетъ пользоваться ими въ томъ смыслѣ, который менѣе всего противорѣчитъ привычному значенію. Улучшеніе терминологіи, получаемое извращеніемъ принятаго смысла разговорныхъ фразъ, вообще покупается слишкомъ дорого, потому что изъ смѣшенія новыхъ понятій со старыми возникаетъ темнота.

Поэтому, когда я въ настоящемъ трактатѣ буду говорить о богатствѣ, подъ этимъ словомъ я стану

не отъ естественныхъ препятствій, а отъ юридическихъ и нравственныхъ. Самое человѣческое существо, какъ выше замѣчено, я не отношу къ составу богатства, оно составляетъ цѣль, для которой существуетъ богатство, но его приобрѣтенныя способности, существующія только какъ средства и вызванныя къ бытію—трудомъ, вполнѣ подходятъ, какъ мнѣ представляется, въ составъ того, что обозначается наименованіемъ—богатство. Прим. автора.

разумѣть только то, что называется матеріальнымъ богатствомъ, а подъ производительнымъ трудомъ только такого рода дѣятельность, которая создаетъ полезности, воплотившіяся въ матеріальныхъ предметахъ; но ограничивъ смыслъ терминовъ этимъ значеніемъ, я буду пользоваться имъ въ полномъ размѣрѣ этого тѣснаго значенія и не откажу въ названіи производительнаго такому труду, который, хотя и не имѣетъ непосредственнымъ своимъ результатомъ матеріальнаго продукта, но какъ конечное послѣдствіе котораго получается возрастаніе матеріальнаго продукта. Такимъ образомъ, я считаю производительнымъ трудъ, употребленный на приобрѣтеніе фабричнаго искусства, давая ему это названіе не за самое искусство, а за производимые при его посредствѣ матеріальные предметы, для созданія которыхъ, равно полезенъ и трудъ обученія этому дѣлу. Трудъ чиновниковъ правительства, доставляющихъ охрану, которая въ той или другой формѣ, но необходима для успѣшнаго хода промышленности, долженъ быть также сочтенъ производящимъ матеріальное богатство, ибо безъ него оно не могло бы существовать въ томъ изобиліи, въ какомъ оно имѣется въ настоящее время. Такой трудъ можно называть *не прямо или косвенно производительнымъ* въ противоположность труду землепашца или хлопчато-бумажнаго ткача, которые являются непосредственно производительными работниками. Сходство между ними въ томъ, что они одинаково способствуютъ увеличенію матеріальнаго благосостоянія страны, они увеличиваютъ или стремятся увеличить ея матеріальное богатство.

Непроизводительнымъ трудомъ на языкѣ поли-

тической экономии называется, напротивъ, такой трудъ, который оканчивается непосредственнымъ наслажденіемъ, не увеличивая накопленнаго запаса средствъ къ его удовлетворенію. Непроизводительный трудъ можетъ быть столь же полезенъ, какъ и производительный. Но ни отъ одного изъ непроизводительныхъ занятій, которыя вкратцѣ указаны выше, общее богатство человѣчества не увеличилось. Услуги непроизводительныхъ работниковъ, если были полезны, то получались за счетъ матеріальнаго богатства, принадлежащаго міру; при бесполезности ихъ дѣятельности, потребленіе этихъ работниковъ было простымъ расточеніемъ богатства.

Было бы большою ошибкой сожалѣть о томъ, что значительная доля годичнаго продукта идетъ въ богатой странѣ на непроизводительное потребленіе, т. е. на такое, которое не содѣйствуетъ поддержанію или увеличенію производительныхъ средствъ страны и вполнѣ соотвѣтствуетъ по значенію непроизводительному труду, который ни прямо, ни косвенно не содѣйствуетъ производству, а служитъ лишь источникомъ для полученія предметовъ потребленія.

Это значило бы печаловаться о томъ, что общество имѣетъ значительный излишекъ за удовлетвореніемъ первыхъ потребностей для употребленія на удовольствія и на высшія цѣли. Эта доля продукта служитъ фондомъ, изъ котораго удовлетворяются всѣ другія потребности общества, кромѣ тѣхъ, которыя порождаются необходимостью простого поддержанія жизни, эта доля служитъ мѣрою средствъ и силъ, которыми обладаетъ общество для полученія наслажденій и для совершенія всѣхъ

дѣль, не имѣющихъ отношенія къ производству. Слѣдуетъ только радоваться, что общество располагаетъ избыткомъ для подобныхъ цѣлей. Предметомъ сожалѣнія, допускающимъ, однако, возможность исправленія, слѣдуетъ считать ту поражающую неравномѣрность, съ которой этотъ избытокъ распределяется, тѣ ничтожныя цѣли, на которыя идетъ наибольшая его часть, а также и то, что значительная его доля достается людямъ, которые не оказываютъ за нее въ обмѣнъ равноцѣнныхъ услугъ обществу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Капиталь.

По мнѣнію людей, совершенно не привыкшихъ къ размышленію по вопросамъ политической экономіи, капиталъ отождествляется съ деньгами. Разоблачать это заблужденіе, это значило-бы повторять то, что уже сказано во введеніи. Деньги, по своему значенію, не составляютъ явленія, совпадающаго какъ съ капиталомъ, такъ и съ богатствомъ. Сами по себѣ деньги не могутъ выполнять ни одной изъ функцій капитала, ибо онѣ не могутъ содѣйствовать производству. Чтобы содѣйствовать ему, деньги должны быть промѣнены на другія вещи и все, что можетъ быть обмѣнено на другія вещи, въ равной же мѣрѣ содѣйствуетъ производству. Работа капитала въ производствѣ выражается въ томъ, что онъ даетъ удобное помещеніе, охрану, орудіе и матеріалы, нужныя для выполненія работы, даетъ пищу и другія средства къ жизни работникамъ въ періодъ труда. Въ этомъ заключаются услуги, требуемыя настоящимъ трудомъ отъ прошедшаго труда и его продуктовъ. Все, что предназначено къ такому употребленію, все,

что снабжает производительный трудъ различными предварительными условіями, называется капиталомъ.

Другими словами, всѣ продукты страны, вся сумма цѣнностей, назначаемая на производство, составляетъ капиталъ страны и, говоря на-оборотъ, весь капиталъ страны употребляется на производство.

Это второе положеніе, однако, должно быть принято не безъ ограниченій и объясненій. *Первый случай.* Извѣстная сумма цѣнностей можетъ искать производительнаго употребленія, но не находить его; сумма эта будетъ представлять капиталъ, но ненаходящій употребленія. *Второй случай.* Товары, непригодные для производительныхъ цѣлей, пока они не распроданы потребителямъ, составляютъ такой же капиталъ безъ употребленія. *Третій случай.* Искусственные и случайныя обстоятельства часто заставляютъ употреблять предварительно и предъ началомъ производства большую долю капитала сравнительно съ той, которая требуется самой сущностью дѣлъ. Такъ, плата за землю не принадлежитъ, какъ увидимъ къ издержкамъ производства и необходимость предварительно выплачивать ее изъ капитала приводитъ къ тому, что требуется имѣть большій капиталъ, большій предварительный запасъ прежняго труда сравнительно съ размѣромъ, требуемымъ естественною необходимостью. Этотъ избыточный капиталъ, хотя и назначается его владѣльцами на производство, но въ сущности употребляется непроизводительно и ежегодно воспроизводится не изъ результатовъ собственнаго производства, а изъ продуктовъ труда,

добываемыхъ остальной частью капитала фермера. Вотъ еще другой примѣръ. Значительная доля производительнаго капитала, употребляемаго на выдачу заработанныхъ платъ, очевидно, не является чѣмъ-нибудь строго и безусловно необходимымъ для производства. Тотъ излишекъ заработной платы, который превышаетъ размѣръ ея, необходимый для жизни и здоровья, расходуется не на содержаніе его, а на вознагражденіе. Обычай уплачивать впередъ вознагражденіе за трудъ въ размѣрѣ, превышающемъ тотъ, который необходимъ для жизни, могъ возникнуть только тогда, когда накопился значительный капиталъ, ибо такой излишекъ платы тратится въ сущности не на производство, а на непроизводительное потребленіе производительныхъ работниковъ. Крупный капиталистъ содержится за счетъ средствъ, запасенныхъ заранѣе. Если онъ самъ управляетъ своими дѣлами, то та доля его личнаго или семейнаго расхода, которая не превышаетъ справедливаго вознагражденія за подобный трудъ, должна считаться такой же частью затрачиваемаго на производство капитала, какъ и всѣ другія. И та часть его личнаго потребленія, которая состоитъ изъ насущныхъ для его жизни вещей, составляетъ производительное употребленіе.

Такимъ образомъ, капиталъ есть богатство, употребляемое для воспроизводительныхъ операцій, но въ нашихъ обществахъ часто посвящается производству большая доля капитала сравнительно съ той, которая требуется самою природою вещей.*)

---

*) Глава эта сильно сокращена.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Основные теоремы относительно капитала.

*Размѣръ промышленности ограниченъ
размѣромъ капитала.*

Первая изъ основныхъ теоремъ относительно капитала можетъ быть формулирована слѣдующимъ образомъ: размѣръ промышленности ограниченъ размѣромъ капитала. Эта истина столь очевидна, что она принимается, какъ таковая, во многихъ случаяхъ обыденныхъ разговоровъ; но видѣть истину случайно, различать ее по общему правилу и не допускать положеній, съ нею несогласныхъ, — все это различныя вещи. Эта истина до послѣдняго времени почти повсемѣстно не обращала на себя вниманія законодателей и публицистовъ, а ученія, несогласующіяся съ нею еще и до настоящаго времени находятъ пропагандистовъ и слишкомъ ревностныхъ защитниковъ.

Вотъ обыденныя фразы, въ которыхъ выражается признаніе этой истины. Употребленіе промышленныхъ силъ на какое-нибудь дѣло выражается

фразой: приложить капиталъ. Употреблять капиталъ на обработку земли—это значитъ прилагать капиталъ къ землѣ. Тѣ же выраженія мы употребляемъ, говоря и объ обрабатывающей промышленности. Всѣ онѣ предполагаютъ, что промышленность не можетъ принять размѣра, не соответствующаго суммѣ затраченнаго капитала. Въ самомъ дѣлѣ, разъ это положеніе отчетливо понято, оно должно быть принято. Выраженіе „прилагать капиталъ“, конечно, слѣдуетъ лишь понимать въ метафорическомъ смыслѣ: въ сущности прилагается трудъ, а капиталъ лишь служитъ необходимымъ условіемъ для этого приложенія. Въ томъ-же смыслѣ мы часто говоримъ „о производительныхъ силахъ“ капитала. Это выраженіе неполнѣ правильно. Единственными производительными силами являются трудъ и силы природы; если, расширяя смыслъ этого выраженія, мы станемъ говорить, что какая нибудь доля капитала имѣетъ присущую ей производительную силу, то сказать это будетъ возможно только относительно орудій и машинъ, которыя, подобно вѣтру и водѣ, такъ сказать, совмѣстно работаютъ съ трудомъ. Пища работниковъ и матеріалы не имѣютъ производительной силы, но трудъ не можетъ проявлять своихъ производительныхъ силъ, пока не снабженъ ими. Для выполненія всякой работы требуются матеріалы и пища, и промышленность не можетъ имѣть размѣра, не соответствующаго запасу ихъ. Какъ оно не очевидно, но часто упускаютъ изъ виду то обстоятельство, что люди въ странѣ содержатся и удовлетворяютъ своимъ потребностямъ не изъ продукта настоящаго, а

прошедшаго труда. Потребляютъ то, что уже произведено, а не то, надъ производствомъ чего еще работаютъ. Далѣе изъ того, что произведено, только нѣкоторая доля употребляется на содержаніе производительнаго труда, и количество употребленнаго труда не можетъ быть болѣе того, чѣмъ сколько на эту долю, которая составляетъ капиталъ страны, можно прокормить и снабдить работниковъ потребными матеріалами и орудіями производства.

Однако, несмотря на всю очевидность факта, склонны были долгое время вѣрить, что законы и правительства могутъ, не создавая капитала, содѣйствовать появленію промышленности и при томъ совсѣмъ иными способами, а не тѣми, которые заключаются въ стараніи сдѣлать народъ трудолюбивымъ и повысить успѣшность его труда. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи правительства могутъ до извѣстной степени оказывать нѣкоторое косвенное вліяніе. Полагали, что правительство въ состояніи, не создавая капиталовъ, все таки создать большее количество промышленныхъ дѣлъ. Все это могло произойти, по предположенію, безъ увеличенія искусства или энергіи работниковъ и безъ привлеченія къ работѣ тѣхъ, кто раньше проживалъ въ праздности. Предполагалось, что правительство можетъ запретить ввозъ какого нибудь товара; заставивъ этимъ производить товаръ дома, оно могло-бы ставить себѣ въ заслугу, что обогатило страну новой отраслью промышленности и, ссылаясь на составленные напоказъ статистическія таблицы относительно размѣровъ выработаннаго продукта и занятаго труда, могло выставлять

все это, какъ выгоды, которыя доставлены ей черезъ запретительный законъ. Этотъ родъ политической ариѳметики въ Англіи уже нѣсколько потерялъ кредитъ, но у націй континентальной Европы онъ еще и теперь процвѣтаетъ. Если бы законодатели понимали, что размѣръ промышленности ограниченъ наличнымъ капиталомъ, они замѣтили бы, что вся масса капитала страны ни сколько не увеличилась; и всякая доля капитала, которая подъ вліяніемъ ихъ законовъ была употреблена на вновь вызванную къ жизни промышленность, была отнята отъ какой нибудь прежней промышленности, которая давала занятія почти такому же количеству труда, какъ и это новое дѣло *).

---

*) Слѣдуетъ признать, что здѣсь возможно исключеніе, если промышленность, создаваемая и поддерживаемая запретительнымъ закономъ, принадлежитъ къ разряду, такъ называемыхъ, домашнихъ или кустарныхъ промысловъ. Эти промыслы совершаются людьми, уже имѣющими продовольствіе отъ другого дѣла, семьями, работающими въ промежуткѣ отъ другихъ занятій, поэтому здѣсь часто не приходится заботиться о перенесеніи изъ другихъ отраслей промышленности капитала кромѣ того, который заключается въ стоимости матеріаловъ и орудій и общая цѣнность котораго часто весьма незначительна.

Желая придать разсмотрѣнному положенію характеръ полной непогрѣшимости, мы должны были сдѣлать это частное исключеніе, но оно не имѣетъ никакого практическаго отношенія къ ученію о свободной торговлѣ. Кустарные промыслы, по самой сущности вещей, не могутъ нуждаться въ покровительственныхъ пошлинахъ, ибо благодаря тому, что пища работниковъ, занятыхъ въ этихъ промыслахъ, получается изъ другихъ источниковъ, поэтому какъ бы ни понижалась цѣна продукта, она почти вся составляетъ чистую выгоду. Если поэтому кустари начинаютъ уступать въ соперничествѣ съ другими производителями, то это никогда не совершается по необходимости, но потому, что продуктъ не стоитъ употребляемаго на

Возрастаніе капитала даетъ для труда, увеличеніе занятій, неимѣющее границъ.

Если размѣръ промышленности ограниченъ капиталомъ, то отсюда слѣдуетъ, что всякое его увеличеніе даетъ или можетъ давать добавочное дѣло промышленности и притомъ, не имѣющее предѣла. Я не думаю отрицать, что капиталъ или часть его, заключающаяся въ машинахъ, постройкахъ, въ земледѣльческихъ улучшеніяхъ и т. п., затрачивается такъ, что онъ не въ состояніи содержать работниковъ. При всякомъ увеличеніи капитала, значительная доля его и употребляется подобнымъ образомъ и только работаетъ совмѣстно съ работниками, но не содержитъ ихъ. Я желаю утверждать только, что доля капитала, назначенная на содержаніе работниковъ, можетъ при неизмѣнности условій, увеличиваться безгранично, не создавая невозможности находить для нихъ занятіе; другими словами, если имѣются на лицо человѣческія существа, способныя къ работѣ, и пища для ихъ прокормленія, то они могутъ быть всегда употреблены на производство чего нибудь.

На этой теоремѣ слѣдуетъ остановиться нѣсколько подробнѣе. Она принадлежитъ къ числу тѣхъ, съ которыми весьма легко соглашаются, когда она вы-

---

него труда, по мнѣнію лучшихъ судей этого вопроса, т. е. тѣхъ, кто производитъ продуктъ и тѣхъ, кто имъ пользуется. Они предпочитаютъ скорѣе совершить затрату на покупку платья, чѣмъ производить его. Они не станутъ продолжать работу, если общество не будетъ платить имъ болѣе того, чѣмъ сколько по ихъ собственному мнѣнію продуктъ стоитъ. Прим. автора.

сказывается въ общихъ словахъ, но относительно которой часто бываетъ трудно разобратъся въ неясной массѣ дѣйствительныхъ фактовъ общественной жизни. Теорема эта, кромѣ того, сильно противорѣчитъ общепринятымъ доктринамъ. Врядъ ли найдется болѣе распространенное среди человѣчества мнѣніе сравнительно съ тѣмъ, согласно которому непродизводительные расходы богатыхъ необходимы для того, чтобы давать работу бѣднымъ. До Адама Смита такой взглядъ едва ли вызывалъ сомнѣніе; и даже послѣ него нѣкоторые писатели съ крупнымъ именемъ и большими заслугами¹⁾ утверждали, что если бы потребители стали сберегать и обращать въ капиталъ болѣе чѣмъ обычную сумму ихъ дохода, не обращая на непродизводительное потребленіе сумму средствъ, находящуюся въ извѣстномъ отношеніи къ капиталу страны, то этотъ избытокъ сбереженія былъ бы простой потерей для общества, ибо не существовало бы рынка для товаровъ, произведенныхъ такимъ капиталомъ. Я считаю подобное мнѣніе за одну изъ многихъ ошибокъ, которыя, происходятъ въ политической экономіи благодаря тому, что, не начиная изслѣдованія съ простѣйшихъ случаевъ, мы сразу бросаемся въ сложный комплексъ реальныхъ явленій.

Всякій можетъ видѣть, что если бы добросердечное правительство обладало всею пищею, всѣми орудіями и матеріалами общества, то оно могло бы требовать производительнаго труда отъ всякаго способнаго къ ней, кому оно разрѣшаетъ пользоваться долей пищи. Такое правительство не могло-

---

¹⁾ Напр. Р. Мальтусъ, докторъ Чомерсъ, С. Сисмонди и друг.

бы находить затрудненія въ томъ, чтобы найти поприще для употребленія этого производительнаго труда, пока оставалась-бы хоть одна потребность любого лица, могущая быть удовлетворенною материальными предметами, но неудовлетворенная; до тѣхъ поръ, общественный трудъ можно было-бы обращать на производство того, что пригодно для удовлетворенія этой потребности. Ясно, что частные владѣльцы капитала, увеличивая его свѣжими сбереженіями, дѣлаютъ безусловно тоже самое, что по нашему предположенію совершалось-бы и добросердечнымъ правительствомъ. Пользуясь правомъ дѣлать гипотезы, представимъ себѣ два крайнихъ возможныхъ случая. Предложимъ, каждый капиталистъ пришелъ къ убѣжденію, что, не имѣя никакихъ особыхъ заслугъ предъ работникомъ, онъ не долженъ жить лучше послѣдняго и, соотвѣтственно такому внушенію совѣсти, сталъ сберегать весь излишекъ своей прибыли; или предложимъ, подобное воздержаніе вызвано не собственнымъ ихъ желаніемъ, а возложено на всѣхъ капиталистовъ, и земледѣльцевъ закономъ или общественнымъ мнѣніемъ. Непроизводительное потребленіе, при такихъ условіяхъ, доведено до послѣдняго своего предѣла; теперь спрашивается: какимъ образомъ возросшій капиталъ найдетъ себѣ употребленіе? Кто станетъ покупать продукты, которые этотъ капиталъ произведетъ? Нѣтъ болѣе теперь покупателей на товары, которые производились прежде, а, слѣдовательно, скажутъ, товары останутся непроданными; они будутъ погибать въ кладовыхъ до тѣхъ поръ, пока капиталъ не уменьшится до своего прежняго размѣра или вѣрнѣе

не станетъ даже меньше, потому что спросъ потребителей понизился. Но разсуждая такъ, мы замѣчаемъ только одну сторону дѣла. Въ предположенномъ случаѣ у капиталистовъ и землевладѣльцевъ не замѣчалось бѣльшаго спроса на предметы роскоши. Но когда эти классы обращаютъ свой доходъ въ капиталъ, они тѣмъ самымъ не уничтожаютъ своихъ потребительныхъ способностей, они переносятъ ихъ только въ руки работниковъ, которымъ даютъ занятіе. Относительно послѣднихъ можно сдѣлать два предположенія; а именно происходитъ или не происходитъ увеличеніе числа работниковъ, соответствующее возростанію капитала. Если—да, случай не представляетъ затрудненій. Производство предметовъ необходимости для новаго населенія замѣнитъ собою производство предметовъ роскоши для части прежняго населенія и доставитъ буквально такое-же количества занятія, какое было утрачено. Предположимъ, далѣе, что возростанія населенія не произошло. Все, что прежде истрачивалось на роскошь капиталистами и землевладѣльцами, станетъ распредѣляться между личнымъ количествомъ работниковъ въ формѣ добавочныхъ заработанныхъ платъ. Предположимъ, что эти работники уже ранѣе имѣли всѣ необходимыя средства къ существованію. Что-же произойдетъ? Работники станутъ потребителями предметовъ роскоши; капиталъ, прежде употреблявшійся на производство предметовъ роскоши, по прежнему можетъ быть затраченъ на то же дѣло: разница будетъ только въ томъ, что въ потребленіи предметовъ роскоши будетъ участвовать все общество, тогда какъ прежде ими пользовались только немно-

гіе. Возросшее накопленіе и увеличившееся производство могло-бы, строго-говоря, продолжаться до тѣхъ поръ, пока всякій работникъ не достигъ-бы обладанія всѣми удобствами богатства, которыя совмѣстимы съ продолженіемъ труда и согласуются съ предположеніемъ, что сила труда этихъ работниковъ фактически достаточна для произведенія всей массы этихъ удобствъ для общаго числа работниковъ; такимъ образомъ, ограничивающимъ предѣломъ для богатства никогда не служитъ недостатокъ потребителей, а только производителей и производительныхъ средствъ. Всякое приращеніе въ капиталъ даетъ труду или добавочное занятіе, или увеличившееся вознагражденіе, т. е. обогащаетъ или страну, или работниковъ. При наличности новыхъ рукъ, способныхъ къ труду, возросшій капиталъ умножаетъ общій размѣръ производства; при отсутствіи такихъ рукъ онъ даетъ прежнимъ большую долю продукта и, быть можетъ, даже и въ этомъ случаѣ содѣйствуетъ возрастанію производства, побуждая работниковъ къ проявленію большей энергіи.

Капиталь-результатъ сбереженія.

Источникъ, изъ котораго капиталъ проистекаетъ, даетъ основаніе для установленія второй теоремы относительно капитала, которая гласитъ, что онъ составляетъ результатъ сбереженія. Все, что уже было сказано выше, служитъ достаточнымъ доказательствомъ справедливости этого положенія, но оно нуждается въ нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ разъясненіяхъ.

Если-бы всѣ люди расходовали на личные удобства все, что производятъ сами, и весь тотъ доходъ, который получаютъ отъ другихъ, капиталъ не могъ-бы возрасти. Весь капиталъ, (за ничтожными псключеніями), былъ первоначально результатомъ сбереженія. Я говорю за ничтожными псключеніями, ибо лицо, которое работаетъ за свой собственный счетъ, можетъ расходовать на себя полную сумму произведеннаго продукта, не становясь отъ этого въ бѣдственное положеніе; запасъ средствъ, за счетъ котораго онъ существуетъ, пока онъ во второй разъ соберетъ свою жатву, или вновь продастъ свое издѣліе, хотя и служить для него въ дѣйствительности капиталомъ, но о последнемъ нельзя сказать, что онъ (т. е. этотъ капиталъ или запасъ), былъ чѣмъ-то сбереженнымъ, ибо онъ всецѣло употребляется на надобности такого человѣка и потребляется, быть можетъ, съ такою-же быстротою, съ какою онъ расходовался-бы въ праздности. Мы можемъ представить себѣ нѣкоторое количество лицъ или семей, живущихъ каждое на собственномъ участкѣ земли, продуктами своего личнаго труда и потребляющихъ все, что произведено. Но даже и они должны сберегать (т. е. сохранять отъ личнаго потребленія) такую долю продукта, которая необходима на посѣвъ. Такимъ образомъ, даже и въ этомъ простѣйшемъ состояніи экономическихъ отношеній должны были существовать кое-какія сбереженія: эти люди должны были произвести болѣе, чѣмъ сколько потребили, или потребить меньше, чѣмъ произвели. Ихъ сбереженія должны быть еще больше, если они хотятъ нанять другихъ работниковъ

или увеличить свое производство до размѣра, который не можетъ совершаться трудомъ ихъ собственныхъ рукъ. Все, что употребляется человекомъ на содержаніе и организацію чьего нибудь труда, кромѣ собственнаго, должно было первоначально составиться изъ сбереженій. Кто нибудь долженъ былъ произвести этотъ запасъ продуктовъ и отказаться отъ его потребленія. Не дѣлая, существенной неточности, мы можемъ сказать, слѣдовательно, что всякій капиталъ, и въ особенности, всякое пророженіе его составляетъ результатъ сбереженій.

Въ грубомъ и необезпеченномъ состояніи общества постоянно случается, что лицо, владѣющее капиталомъ, не совпадаетъ съ тѣмъ лицомъ, результатомъ сбереженій котораго явился этотъ капиталъ. Часто онъ попадаетъ въ руки болѣе сильнаго, или принадлежащаго къ болѣе могущественному обществу или достается ему путемъ грабежа. Даже при такомъ положеніи вещей, когда собственность получила обезпеченіе, возростаніе капитала обыкновенно и долгое время происходило изъ лишеній, которымъ подвергали себя люди и которыя, хотя и равнозначущи по характеру съ сбереженіями, но не называются этимъ именемъ потому, что не совершаются добровольно. Дѣйствительными производителями были рабы, принужденные производить столько, сколько можно было вынудить у нихъ силой, и потреблять не болѣе того, что оставляла имъ расчетливость и сомнительная сострадательность ихъ владѣльцевъ. Это принудительное сбереженіе не вызвало-бы однако возрастанія капитала, если-бы часть сбереженнаго ими не

была вновь добровольно сохранена ихъ владѣльцемъ. Если-бы все, что производятъ и оставляютъ непотребленнымъ его рабы, потреблялось имъ на личныя удобства, онъ не увеличилъ-бы своего капитала и не приобрѣлъ-бы возможности содержать большаго количества рабовъ. Чтобы приобрести возможность содержать какое-бы то ни было количество рабовъ, приходилось предварительно сберегать, заготовлять впередъ, хотя по крайней мѣрѣ нѣкоторый запасъ пищи. Это сбереженіе, само собой, могло вовсе, не быть результатомъ лишеній, добровольно возможныхъ на себя хозяиномъ; вѣроятно, что оно было сдѣлано работниками, когда они были еще свободны, а потомъ грабежъ и война, лишившая ихъ личной свободы, перенесла ихъ сбереженія въ руки побѣдителя.

Въ другихъ случаяхъ терминъ „сбереженіе“, — вызывая обычную для него ассоціацію идей, не прилагается съ точностью къ процессу, при помощи котораго увеличивается капиталъ. Если-бы, напримеръ, кто-нибудь сказалъ, что единственное средство ускорить возрастаніе капитала заключается въ увеличеніи сбереженій, то, вѣроятно, возникло-бы представленіе объ этомъ процессѣ, какъ о большемъ воздержаніи и умножившихся лишеніяхъ. Но очевидно, что все, что способствуетъ увеличенію производительной силы труда, создаетъ добавочный фондъ для совершенія сбереженій и даетъ возможность увеличивать капиталъ не только безъ умножившихся лишеній, но съ соответственнымъ расширеніемъ личнаго потребленія. Тѣмъ не мѣнѣе съ научной точки зрѣнія, мы и въ этомъ случаѣ можемъ говорить объ увеличеніи сбереженій:

хотя здѣсь болѣе потреблено, за-то и болѣе сохранено. Здѣсь имѣется большій избытокъ производства надъ потребленіемъ, и потому съ полнымъ основаніемъ мы можемъ говорить о большихъ сбереженіяхъ. Хотя терминъ „сбереженіе“ можетъ быть употребляемъ не безъ возраженій, но его нельзя замѣнить болѣе подходящимъ. Сберегать— это значитъ потреблять менѣе, чѣмъ производить, и только при помощи этого процесса капиталъ возрастаетъ, а отнюдь не необходимо отъ абсолютно уменьшеннаго потребленія. Не слѣдуетъ до того быть рабомъ словъ обыденнаго языка, чтобы, употребляя слово сбереженіе въ указанномъ выше смыслѣ, забывать о томъ, что для увеличенія капитала имѣется еще другой путь, кромѣ сокращенія потребленія, а именно: увеличеніе самого производства.

Всякій капиталъ потребляется.

Третья основная теорема относительно капитала, стоящая въ непосредственной связи съ той, о которой мы только что говорили, можетъ быть формулирована такъ: *хотя капиталъ сберегается и составляетъ результатъ сбереженія, тѣмъ не менѣе всякій капиталъ потребляется.* Слово сбереженіе не употребляется въ томъ смыслѣ, что все сбереженное не потребляется. Оно не означаетъ даже того, что потребленіе отсрочено. Оно говоритъ только, что, если оно потребляется немедленно, то это совершается не тѣмъ лицомъ, которое сберегаетъ. О продуктѣ, потребленіе котораго отложено до будущаго времени, говорятъ, что онъ спрятанъ и,

пока спрятанъ, онъ, конечно, не потребляется совсѣмъ. Продуктъ, употребляемый какъ капиталъ, потребляется совершенно, но не капиталистомъ. Часть его обмѣнивается на орудія и машины, изнашивающіяся отъ употребленія; часть идетъ на сѣмена и матеріалы, которые уничтожаются, какъ таковые, посѣвомъ или переработкой и окончательно исчезаютъ въ процессѣ потребленія ихъ въ видѣ окончательнаго продукта. Остатокъ выдается въ видѣ заработной платы производительнымъ работникамъ, которые употребляютъ его для удовлетворенія своихъ обыденныхъ нуждъ; если же работники въ свою очередь сберегутъ часть своихъ платъ, то она, говоря вообще, не будетъ спрятана, но черезъ средство сберегательныхъ кассъ, дружескихъ обществъ и т. п. учреждений снова поступитъ на рынокъ въ видѣ капитала, который будетъ вновь потребленъ.

Теорема, нами изложенная, служитъ сильнымъ указаніемъ необходимости относиться со вниманіемъ къ самымъ элементарнымъ истинамъ нашей науки; несмотря на всю банальность этой простѣйшей истины, она обыкновенно неизвѣстна лицамъ, мало думавшимъ по вопросамъ политической экономіи, и многіе даже при первомъ знакомствѣ съ нею не желаютъ признавать ея истинности. Для обыкновеннаго смертнаго вовсе не очевидно, что все сбереженное потребляется. Для него всякое сберегающее лицо представляется въ видѣ чловѣка, который что нибудь прячетъ; онъ можетъ допускать или даже относиться съ одобреніемъ къ такому поведенію, если цѣль его заключается въ обезпеченіи семейства или въ чемъ нибудь подобномъ. Но онъ не имѣетъ и представленія о томъ, что, поступая

такимъ образомъ, берегающій челоѡкъ приноситъ пользу и другимъ людямъ: берегать—это значитъ для него—сохранять вещь для собственной пользы, тратить—это значитъ—распредѣлять свои продукты между другими. Лицо, расточающее свое имущество на непроизводительное потребленіе, представляется такимъ профанамъ въ видѣ благодѣтеля для всѣхъ окружающихъ; такой расточитель часто пользуется такимъ расположеніемъ общества, что нѣкоторой долей его популярности пользуются даже такіе люди, которые расточаютъ то, что имъ не принадлежитъ, кто не только уничтожаетъ свой, иногда едва-ли и существовавшій капиталъ, но подѣ видомъ займа и съ обѣщаніемъ возврата становится владѣльцемъ капитала, принадлежащаго другимъ, и также уничтожаетъ его.

Это обыкновенная ошибка проистекаетъ по той причинѣ, что обращается вниманіе только на одну ничтожную сторону тѣхъ послѣдствій, которыя являются результатомъ береженія или траты. Послѣдствія, не бросающіяся непосредственно въ глаза не воспринимаются мыслью. Глазъ слѣдуетъ за тѣмъ, что бережено въ воображаемый крѣпкій сундукъ, куда оно кладется, и затѣмъ теряетъ его изъ виду; за тѣмъ, что тратится глазъ слѣдуетъ до той поры, пока оно попадаетъ въ руки торговцевъ и причастныхъ къ нимъ; но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ онъ не въ состояніи услѣдить, въ чемъ заключается конечное употребленіе береженаго и истраченнаго продукта. Береженіе (на производительное употребленіе) и трата весьма близко подходятъ другъ къ другу въ первой стадіи своего употребленія. Послѣдствія того и другого начинаютъ

обнаруживаться съ момента потребленія или разрушенія нѣкоторой доли богатства; разница здѣсь только въ использованныхъ вещахъ и употребляющихъ людяхъ. Въ одномъ изъ этихъ случаевъ обнаруживается потребленіе орудій, разрушеніе матеріаловъ, потребленіе пищи и одежды, доставленныхъ работникамъ; въ другомъ случаѣ уничтоженію подвергаются вина, экипажи, предметы домашнихъ удобствъ. Первоначально, такимъ образомъ, обнаруживается совершенно однохарактерное послѣдствіе для національнаго богатства: одинаковая доля богатства подверглась уничтоженію въ обоихъ этихъ случаяхъ. Но при тратѣ или расточеніи первая стадія процесса служитъ одновременно и конечной: нѣкоторая доля продукта труда исчезла, не оставивъ послѣ себя никакихъ слѣдовъ; совершенно наоборотъ при сбереженіи—сберегающее лицо во все время, пока продолжается процессъ разрушенія, держало на работѣ людей, возстановлявшихъ уничтожаемые продукты; въ конечномъ результатѣ все потребленное было возстановлено и не только въ равной мѣрѣ, но еще и съ нѣкоторымъ избыткомъ. Подобный процессъ можетъ повторяться безконечное число разъ, не вызывая необходимости въ новыхъ сбереженіяхъ; разъ совершенное сбереженіе становится фондомъ, изъ котораго содержится соответствующее количество работниковъ въ теченіи безконечнаго времени: эти работники ежегодно воспроизводятъ стоимость собственнаго содержанія съ нѣкоторою прибылью.

Только участіе денегъ нѣсколько замѣняетъ для ума, непривыкшаго разбираться въ этихъ сложныхъ явленіяхъ, истинный характеръ сдѣлки. Почти всѣ

расходы совершаются при посредствѣ денегъ и потому представляется, что онѣ составляютъ главное въ этой сдѣлкѣ; а такъ какъ деньги не подвергаются уничтоженію, а только переходятъ изъ рукъ въ руки, то люди склонны забывать о томъ разрушеніи, которое имѣетъ мѣсто при всякомъ непроизводительномъ расходѣ. Замѣчая, что деньги только передаются, они думаютъ, что богатство только перешло отъ расточителя въ другія руки. Разсуждать такъ, это значитъ просто совершать обычное смѣшеніе денегъ съ богатствомъ. Богатство, которое подверглось уничтоженію, заключалось не въ деньгахъ, а въ винахъ, экипажахъ и мебелировкѣ, которые было куплены на эти деньги. Эти вещи разрушены безвозвратно и общество, во всемъ его цѣломъ стало бѣднѣе на полную сумму ихъ стоимости.

Можно сказать, что вина, экипажи и мебелировка—не представляютъ собою орудій и матеріаловъ и потому во всякомъ случаѣ не могли пойти на содержаніе труда, что подобные продукты пригодны только для непроизводительнаго потребленія и что ущербъ богатству общества былъ нанесенъ уже въ моментъ ихъ производства, а отнюдь не тогда, когда они поступили въ потребленіе. Я допускаю возможность подобной аргументаціи, но это замѣчаніе имѣло-бы значеніе лишь тогда, если-бы дорогіе предметы роскоши брались изъ наличнаго запаса, который никогда не восполняется. Но такъ какъ, совершенно наоборотъ, они будутъ постоянно воспроизводиться, пока будутъ находиться для нихъ потребители и будутъ даже производиться въ большемъ количествѣ при всякомъ увеличеніи спроса

на нихъ, то отсюда слѣдуетъ, что, если потребитель рѣшится употреблять 5,000 фунтовъ на предметы роскоши, онъ тѣмъ самымъ будетъ содержать изъ года въ годъ соответственное количество работниковъ, занятыхъ въ производствѣ вещей, которыя не будутъ имѣть значенія для дальнѣйшаго производства. Трудъ, совершенный ими, теряетъ значеніе какъ средство умноженія національнаго богатства, а орудія матеріалы и пища, которыя они станутъ ежегодно потреблять, будутъ взяты безвозвратно изъ того общаго запаса средствъ, который общество посвящаетъ на производительныя цѣли. Въ зависимости отъ размѣра расточительности или роскоши любого класса, промышленность стремится производить предметы для подобнаго употребленія и, благодаря этому, не только уменьшается число занятыхъ производительныхъ работниковъ, но и производятся въ меньшемъ количествѣ средства къ существованію и инструменты, которые являются необходимымъ источникомъ, изъ котораго эти работники могутъ получать занятіе.

Сбереженіе, такимъ образомъ, обогащаетъ не только отдѣльныхъ лицъ, но и общество, расточительность дѣйствуетъ въ обратномъ направленіи, другими словами, общество обогащается за счетъ того, что оно употребляетъ на содержаніе и на организацію производительнаго труда и бѣднѣетъ на всю сумму того, что потребляетъ для удовлетворенія своихъ удовольствій.

Капиталь поддерживается не через сохранение, а через постоянное воспроизводство.

Возвратимся къ нашей основной теоремѣ. Все, что производится—потребляется, и при томъ какъ то, о чемъ мы говоримъ, какъ о сбереженіи, такъ и то, что, какъ говорятъ, истрачивается; первое потребляется съ такою-же быстротою, какъ и послѣднее. Всѣ выраженія разговорнаго языка, какъ-бы стремятся скрыть справедливость этого положенія. Когда толкуютъ о прежнемъ богатствѣ страны, о богатствахъ, унаслѣдованныхъ отъ предковъ, эти и всѣ подобныя выраженія создаютъ у насъ представленіе, что переданныя богатства произведены давнымъ давно и въ то время, когда онѣ были первоначально приобрѣтены и будто никакая доля капитала страны не произведена въ нынѣшнемъ году кромѣ той, которая прибавилась въ этомъ году къ общему запасу. Въ дѣйствительности имѣеть мѣсто совершенно другое. Наибольшая доля цѣнныхъ богатствъ, существующихъ въ данный моментъ въ Англіи, создана человѣческими руками въ послѣдніе двѣнадцать мѣсяцевъ; только ничтожная часть этихъ богатствъ существовала десять лѣтъ тому назадъ; а изъ наличнаго производительнаго капитала страны едва-ли существовало что-нибудь, кромѣ того, что воплощается въ фермерскихъ домахъ, фабрикахъ, немногихъ корабляхъ и машинахъ. Даже изъ всѣхъ этихъ предметовъ очень немногіе могли-бы существовать такъ долго, если-бы не употреблялось новаго труда на ихъ поправку. Земля существуетъ постоянно и она является единственной

вещью, существованіе, которой продолжается безконечно. Все, что производится, погибает и въ большинствѣ случаевъ весьма быстро. Почти всѣ роды капитала, по самой своей природѣ, не могутъ долго сохраняться.... Сущестующій капиталъ передается отъ одного вѣка къ другому не тѣмъ, что сохраняется, но тѣмъ, что постоянно воспроизводится: всякая его часть составляетъ, весьма скоро послѣ того, какъ она произведена, предметъ потребленія и разрушенія. Но люди, потребляющіе его, одновременно воспроизводятъ его еще въ большемъ размѣрѣ. Возростаніе капитала подобно увеличенію населенія. Всякій рожденный умираетъ, но ежегодно число новорожденныхъ превышаетъ число умершихъ: населеніе, такимъ образомъ, постоянно умножается, хотя ни одно изъ лицъ, его составляющихъ, не можетъ сказать, что существованіе его началось въ очень отдаленное время.

Отчего страны быстро поправляются послѣ опустошенія?

Это постоянное потребленіе и воспроизведеніе капитала даетъ объясненіе той чрезвычайной и часто возбуждавшей удивленіе быстротѣ, съ которой страны оправлялись отъ опустошеній. Всѣ слѣды бѣдствій, нанесенныхъ землетрясеніями, наводненіями, ураганами и военнымъ нашествіемъ, исчезаютъ быстро. Эта *vis medicatrix naturae*, (цѣлебная сила природы) часто бывала предметомъ бесплоднаго изумленія и проводилась въ примѣръ чудодѣйственной силы сбереженій, при средствѣ которыхъ столь громадныя потери вознаграждаются въ

столь кратчайшій промежутокъ времени; но тутъ не чему удивляться. То, что разрушилъ, напрімѣръ непріятель, было-бы уничтожено въ краткій промежутокъ времени самими жителями. Въ сущности ничто не терпитъ здѣсь измѣненія кромѣ того, что во время воспроизведенія они не имѣли-бы наслажденія потреблять то, что ими самими было произведено прежде. Возможность быстро возстановленія уничтоженнаго бѣдствіями, зависитъ, главнымъ образомъ, отъ того, сохранилось-ли населеніе страны. Если ея рабочее населеніе не было въ то время истреблено и не вымерло впоследствии отъ голода, то, при прежнихъ своихъ занятіяхъ и искусствѣ, на прежней землѣ съ ея неразрушимыми прочими улучшеніями, при наличности многихъ старыхъ, неповрежденныхъ или только отчасти разрушенныхъ прочныхъ зданій, страна имѣетъ почти все, что необходимо для возможности продолженія производства въ прежнемъ его размѣрѣ. Если у жителей осталось столько пищи или столько цѣнностей, чтобы купить ее для того, чтобы имѣть возможность, хотя и при всяческихъ лишеніяхъ, просуществовать и быть въ состояніи работать, они въ краткій промежутокъ времени произведутъ прежнее количество продукта и соберутъ общимъ трудомъ такой-же крупный запасъ богатства и капитала, какимъ обладали раньше. И все это произойдетъ при обычной затратѣ усилій, которыя они привыкли полагать на свои занятія. Здѣсь вовсе не обнаруживается великая сила принципа сбереженія: тутъ дѣйствуетъ воспроизведеніе.

Спросъ на товары не есть спросъ на трудъ.

Переходимъ къ четвертой основной теоремѣ относительно капитала; о ней забываютъ или имѣютъ ложное преставленіе чаще, чѣмъ относительно предшествовавшихъ. Вотъ формула этой теоремы: поддерживаетъ и даетъ работу производительному труду лишь капиталъ, затраченный въ дѣло, а не спросъ покупателей на окончательный продуктъ труда. Спросъ на продукты не является спросомъ на трудъ. Спросъ на товары опредѣляетъ ту отрасль производства, въ которую трудъ и капиталъ будутъ вложены; онъ опредѣляетъ только то направленіе, въ какое обратится трудъ, но не то или иное содержаніе и вознагражденіе его. Количество труда и его вознагражденіе зависятъ отъ общей массы капитала или другихъ фондовъ, непосредственно затрачиваемыхъ на содержаніе и вознагражденіе труда.

Предположимъ, напр., что имѣется спросъ на бархатъ, и сумма, которая можетъ быть обращена на покупку бархата, но нѣтъ капитала для устройства бархатной мануфактуры. Какъ-бы ни былъ великъ спросъ на этотъ матеріаль, вплоть до той поры, пока капиталъ не будетъ привлеченъ въ эту отрасль, бархатъ не будетъ фабриковаться, а слѣдовательно его нельзя будетъ и купить. Обстоятельства сложатся иначе только въ томъ случаѣ, если покупатель бархата обнаружитъ столь сильное желаніе его имѣть, что станетъ давать авансы или ссуды работникамъ на тотъ предметъ, чтобы они могли заняться выдѣлкой бархата, другими словами, — если онъ обратитъ часть своего дохо-

да въ капиталъ и затратить его на производство въ этой отрасли промышленности.

Сдѣлаемъ обратное предположеніе и допустимъ, что на лицо много капитала готоваго выдѣлывать бархатъ, но нѣтъ спроса на него. Бархатъ не будетъ выдѣлываться; но для капитала нѣтъ основаній предпочитать выдѣлку бархата чему нибудь другому. Фабриканты и ихъ работники производятъ товары не для удовольствія своихъ покупателей, но для удовлетворенія собственныхъ потребностей. Имѣя въ рукахъ капиталъ и рабочихъ т. е. все то, что существенно необходимо для производства, капиталисты могутъ производить какой нибудь товаръ, на который есть спросъ или при отсутствіи его у другихъ, они могутъ заняться удовлетвореніемъ собственнаго спроса и производить товары, необходимыя имъ для удовлетворенія надобностей собственнаго потребленія. Такимъ образомъ работа, даваемая труду, зависитъ не отъ покупателей, а отъ капитала. Само собою разумѣется, я не принимаю во вниманіе послѣдствій, вызываемыхъ внезапной переменой; если спросъ внезапно прекращается, а между тѣмъ продуктъ уже изготовленъ, то это вноситъ особый элементъ при разрѣшеніи вопроса: капиталъ уже употребленъ на производство, въ которомъ никто не нуждается; слѣдовательно, капиталъ погибъ и работа, которую онъ доставлялъ труду, прекратилась, но не потому, что не существуетъ болѣе спроса, а потому, что уничтожился капиталъ. Этотъ случай такимъ образомъ не служитъ подтвержденіемъ доказываемаго положенія. Убѣдиться въ его справедливости удобнѣе всего при предположеніи, что

измѣненіе совершается постепенно и сознательно, что оно не сопровождается растратой капитала и что самая фабрикація продукта прекращается только потому, что не возобновляются износившіяся отъ употребленія машины и не влагаются вновь въ дѣло деньги, вырученныя отъ продажи продукта. Капиталь, такимъ образомъ, готовъ обратиться въ новое занятіе, гдѣ онъ будетъ давать работу такому-же количеству труда, какъ и прежде. Фабрикантъ и его работники понесутъ потери въ тѣхъ выгодахъ, которыя имъ доставляли пріобрѣтенныя въ прежнемъ занятіи знанія и опытность; быть можетъ они только отчасти пригодятся имъ въ новомъ дѣлѣ. Въ этомъ будетъ заключаться потеря, приносимая обществу, перемѣной въ занятіяхъ. Но работники всетаки могутъ трудиться и капиталъ, который прежде давалъ имъ дѣло, оставаясь въ тѣхъ-же рукахъ или отданный въ займы другимъ, будетъ давать работу или прежнимъ работникамъ или равному ихъ количеству въ какихъ-нибудь другихъ занятіяхъ.

Теорема, согласно которой покупать продуктъ — это еще не значитъ давать работу труду, что спросъ на трудъ заключается въ заработныхъ платахъ наличныхъ до начала производства, а не въ какомъ-бы то ни было спросѣ, существующемъ на произведенный продуктъ, — въ высшей степени нуждается во всѣхъ разъясненіяхъ, которыя можно представить. Для обыкновеннаго ума — она представляется парадоксомъ и даже изъ всѣхъ пользующихся извѣстностью экономистовъ, я едва-ли могу указать кого-нибудь, кромѣ Рикардо и Сэ, кто постоянно и неукоснительно принималъ-бы ее въ

соображеніе. Почти всѣ другіе экономисты иногда высказываются въ томъ смыслѣ, что лицо, покупающее продукты, даетъ работу труду и создаетъ фактически спросъ на него и при томъ такой-же, какой имѣлъ-бы мѣсто, если-бы онъ покупалъ трудъ непосредственной выдачею ему заработныхъ платъ. Что-же удивительнаго, если политическая экономія, оставляя неразрѣшенными такіа коренныя вопросы первостепенной важности, развиваетъ медленно. *Я утверждаю, что, если понимать подъ спросомъ на трудъ такой спросъ, которымъ возвышается заработная плата и число занятыхъ работниковъ умножается, то спросъ на товары не составляетъ спроса на трудъ *)*. Я полагаю, что человекъ, покупающій и потребляющій товары, не приноситъ никакой пользы рабочему классу; только воздерживаясь отъ потребленія и только затрачивая свои средства на прямые платежи рабочимъ за ихъ трудъ, онъ доставляетъ выгоды рабочему классу и увеличиваетъ сумму наличныхъ для нихъ занятій.

Для лучшаго разъясненія этого вопроса, возьмемъ слѣдующій случай: потребитель можетъ истратить свой доходъ на покупку личныхъ услугъ или товаровъ, онъ можетъ употребить часть дохода на наемъ каменщиковъ для постройки дома, или землекоповъ для устройства искусственныхъ прудовъ, или для разведенія парковъ и другихъ мѣстъ для прогулокъ; вмѣсто этого онъ можетъ израсходовать такую-же сумму на покупку бархата и кружевъ. Спрашивается, окажетъ-ли

---

*) Курсивъ принадлежитъ переводчику А. М.

вліяніе такое различіе въ употребленіи дохода на интересы рабочаго класса? Ясно, что въ первомъ изъ этихъ двухъ случаевъ, онъ даетъ занятіе работникамъ, которые останутся безъ приложенія своихъ силъ или по крайней мѣрѣ безъ работы во второмъ случаѣ. Но лица, съ которыми у меня обнаруживается разногласіе во мнѣніяхъ, говорятъ, что это не будетъ имѣть никакихъ послѣдствій, ибо, покупая бархатъ и кружева, всякій тѣмъ самымъ даетъ работу тѣмъ, кто производитъ эти товары. Я настаиваю однако, что въ послѣднемъ случаѣ покупатель не даетъ занятія труду, а только опредѣляетъ тотъ родъ промысла, въ которомъ они будутъ получать работу отъ того или иного предпринимателя. Потребитель не выплачиваетъ изъ своихъ средствъ поденныхъ платъ ткачамъ и рабочимъ, занятыхъ выдѣлкой кружевъ, онъ покупаетъ готовый продуктъ, который былъ произведенъ трудомъ и капиталомъ, при чемъ трудъ получилъ вознагражденіе и капиталъ былъ доставленъ не имъ, а фабрикантомъ. Предположимъ, что покупатель обыкновенно тратилъ долю своего дохода на наемъ каменщиковъ, тратившихъ свои заработныя платы на покупку пищи и одежды, которыя также производились трудомъ и капиталомъ. Онъ рѣшается, однако, предпочитать бархатъ и создаетъ, такимъ образомъ, на него необычный запросъ. Этотъ спросъ не можетъ быть удовлетворенъ безъ доставленія на рынокъ большаго количества бархата, а это послѣднее можетъ быть произведено лишь добавочнымъ размѣромъ капитала; спрашивается, откуда-же возмется этотъ капиталъ? Переменна въ намѣреніяхъ потребителя

не содержитъ въ себѣ ничего такого, что могло-бы содѣйствовать возрастанію капитала сравнительно съ прежнимъ его запасомъ. Отсюда слѣдуетъ, что запросъ на большее количество бархата нельзя было-бы удовлетворить въ данный моментъ, если-бы обстоятельство вызвавшее спросъ не освободило-бы такую сумму капитала, которая должна быть употреблена на удовлетвореніе этого запроса. Именно, та самая сумма, которую теперь потребитель употребляетъ на покупку бархата, раньше шла въ руки каменщиковъ, тратившихъ ее на пищу и другіе предметы необходимости, а теперь остающихся или совсѣмъ безъ нихъ, или старающихся заполучить ихъ изъ долей продукта другихъ рабочихъ, становясь ихъ соперниками. Трудъ и капиталъ, слѣдовательно, который производилъ предметы необходимости для каменщиковъ потерялъ свой обычный рынокъ и долженъ искать помѣщенія гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. И онъ находитъ его въ отрасляхъ промышленности по изготовленію бархата для удовлетворенія новаго спроса. Я не думаю утверждать, что именно тотъ самый капиталъ и трудъ, который производилъ предметы необходимости, обращается на производство бархата; но тѣмъ или другимъ изъ сотни способовъ, они занимаютъ мѣсто капитала и труда, который затрачивается на изготовленіе бархата. Въ наличности былъ капиталъ для выполненія двухъ промысловъ: — для выдѣлки бархата и для изготовленія предметовъ необходимости каменщиковъ; участвовать въ производствѣ того и другого они не могли. Отъ выбора потребителя зависѣло, что должно было произойти; избравъ предметомъ по-

купокъ бархатъ, онъ тѣмъ самымъ пріостановилъ производство предметовъ необходимости.

Для лучшаго разъясненія рассмотримъ тотъ же случай въ обратномъ видѣ. Потребитель обыкновенно покупалъ бархатъ, но теперь рѣшается прекратить этотъ расходъ и употреблять ежегодно прежнюю сумму его на наемъ каменщика. Если справедливо обычное мнѣніе, то такое измѣненіе въ способѣ расхода не даетъ добавочнаго занятія труда, а только переноситъ работу бархатниковъ къ каменщикамъ. При ближайшемъ разсмотрѣніи, однако, окажется, что въ общей суммѣ, употребляемой на вознагражденіе труда, произошло увеличеніе. Фабрикантъ бархата, который, по нашему предположенію, замѣтилъ сокращеніе спроса на свой товаръ, уменьшаетъ производство и, такимъ образомъ, освобождаетъ соотвѣтствующую долю капитала отъ употребленія. Этотъ капиталъ, взятый изъ средствъ, которыя посвящались на содержаніе рабочихъ бархатнаго дѣла, не является тѣмъ же самымъ фондомъ, который покупатель употребляетъ на содержаніе каменщика; это совсѣмъ другой фондъ. Такимъ образомъ, теперь мы имѣемъ двѣ суммы, употребляющіяся на содержаніе и вознагражденіе труда; тогда какъ прежде была всего одна такая сумма. Здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ простой передачей работы отъ бархатниковъ къ каменщикамъ, но съ возникновеніемъ новаго занятія для каменщикомъ и съ передачей работы бархатниковъ какимъ нибудь другимъ рабочимъ, вѣроятно же всего къ такимъ, которые производятъ пищу и другія необходимыя для каменщиковъ.

На это возражаютъ, что хотя деньги, расходу-

емя на покупку бархата и не капиталъ, но они замѣщаютъ капиталъ; хотя онѣ и не создаютъ новаго спроса на трудъ, но онѣ необходимы для поддержанія существующаго уже спроса. Могутъ сказать, что средства фабриканта, пока они заключаются въ наличномъ у него запасѣ бархата, не могутъ составлять спроса на трудъ; они начинаютъ составлять спросъ на трудъ только тогда, когда бархатъ проданъ и капиталъ, истраченный на изготовленіе его, замѣщенъ суммой полученной отъ покупателя; такимъ образомъ можно утверждать, что производитель бархата и его покупатель имѣютъ въ сущности не два различныхъ капитала, а только одинъ, который актомъ покупки переносится отъ покупателя къ фабриканту, или, что если вмѣсто покупки бархата покупатель станетъ нанимать трудъ, то онѣ просто переноситъ этотъ капиталъ въ какое нибудь другое употребленіе, уничтожая въ одной отрасли промышленности столько же спроса на трудъ, сколько онѣ создаетъ въ другой.

Основныхъ посылокъ въ этой аргументаціи я не отрицаю. Освободить капиталъ, которой иначе былъ-бы воплощенъ въ формѣ непригодной для содержанія труда, безъ сомнѣнія знаменуетъ собой для интересовъ рабочихъ тоже, что и созданіе новаго капитала. Совершенно справедливо, что, расходуя 1000 фунтовъ на покупку бархата, я даю возможность фабриканту его употреблять эту тысячу на содержаніе труда, который получитъ занятіе въ этой отрасли промышленности только тогда, если бархатъ будетъ проданъ; если-бы бархатъ остался непроданнымъ, то, измѣняя мои намѣренія и нанимая каменщиковъ, я конечно не создаю новаго

спроса на трудъ; потому что, употребляя 1000 фунтовъ на наемъ труда, я одновременно навсегда уничтожаю 1000 фунтовъ, составлявшихъ капиталъ бархатнаго производителя. Но разсуждая такъ, смѣшиваются послѣдствія, происходящія подъ вліяніемъ самой внезапности переменъ съ послѣдствіями самой переменъ. Если-бы при прекращеніи покупокъ капиталъ, затрачивавшійся на производство бархата для удовлетворенія потребностей покупателя, долженъ былъ необходимо погибнуть, тогда равноцѣнные ему траты на наемъ каменщиковъ не были-бы созданиемъ, а только простой передачей работы. Но я утверждаю, что трудъ получитъ новое занятіе только тогда, если капиталъ производителя бархата *можетъ* освободиться и возрастаніе въ количествѣ занятій получится только тогда, если этотъ капиталъ дѣйствительно *освободится*. Но всякій знаетъ, что капиталъ, затраченный въ дѣло можетъ быть извлеченъ изъ него лишь въ достаточно продолжительный срокъ. Если фабрикантъ бархата, не имѣя обычныхъ заказовъ, получитъ, такимъ образомъ, надлежащее предупрежденіе и произведетъ на 1000 фунтовъ меньше бархата, тѣмъ самымъ соотвѣтствующая доля капитала уже будетъ освобождена. Не имѣя такого предупрежденія, фабрикантъ станетъ замѣчать, что товары остаются у него на рукахъ, и онъ сократитъ или прекратитъ свое производство, пока не сбудетъ съ рукъ избыточный товаръ. Когда подобный ходъ дѣла получитъ завершеніе, фабрикантъ останется столь же богатымъ, какъ и прежде; наличная у него возможность употреблять средства на наемъ труда въ общемъ останется безъ переменъ, хотя нѣкоторая доля его капитала

теперь и употребляется на содержаніе труда въ какой-нибудь другой отрасли промышленности; пока этотъ процессъ приспособленія еще только совершается, спросъ на трудъ только измѣнится, но не возрастетъ: по завершеніи его, обнаружится возрастаніе спроса на трудъ. Прежде существовалъ лишь одинъ капиталъ, затраченный на содержаніе ткачей, выдѣлывавшихъ на тысячу фунтовъ бархата; теперь тотъ же самый капиталъ употребленъ на какое нибудь другое занятіе, а кромѣ того тысяча фунтовъ распредѣляется между каменщиками. Такимъ образомъ, теперь на лицо два капитала, затрачиваемые на вознагражденіе двухъ родовъ рабочихъ; тогда какъ прежде одинъ изъ этихъ капиталовъ, принадлежавшій покупателю, служилъ только колесомъ въ механизмѣ при посредствѣ котораго капиталъ фабриканта давалъ изъ года въ годъ работу труду.

Положеніе, которое я доказываю, можетъ для однихъ показаться простымъ трюизмомъ, для другихъ—парадоксомъ и въ сущности сводится къ слѣдующему: человекъ приноситъ пользу работникамъ не тѣмъ, что потребляетъ самъ, а только тѣмъ, что отказывается отъ потребленія. Если, отказавшись отъ тратъ на вино и шелкъ въ размѣрѣ ста фунтовъ, я истрачиваю ихъ на платежъ заработныхъ платъ, то спросъ на продукты въ обоихъ случаяхъ совершенно равенъ: въ первомъ случаѣ требуется на 100 фунтовъ шелка и вина, во второмъ на такую же сумму—хлѣба, пива, одежды, топлива и прочихъ предметовъ, необходимыхъ для работниковъ; но въ послѣднемъ случаѣ между работниками распредѣляется на 100 фунтовъ болѣе

изъ общаго продукта страны. Мое потребленіе было меньше на эту сумму и я передалъ часть моей покупательной способности рабочимъ. Утверждать противоположное, это значило-бы говорить: я потребилъ меньше прежняго и тѣмъ не менѣе не осталось большаго количества продуктовъ для потребленія другихъ, что составляетъ очевидное противорѣчіе. Если производство не уменьшается, то непотребленное однимъ лицомъ неизбѣжно присоединяется къ доли тѣхъ, кому онъ передаетъ свою покупательную способность. Въ предположенномъ случаѣ мое потребленіе вовсе не уменьшается необходимо, ибо работники, которымъ я плачу, строятъ для меня домъ, или вообще дѣлаютъ для удовлетворенія будущихъ моихъ потребностей. Но, во всякомъ случаѣ, я отложилъ свое потребленіе и передалъ долю принадлежащаго мнѣ въ настоящее время продукта всей совокупности работниковъ. Если черезъ нѣсколько времени я получу вознагражденіе, то оно послѣдуетъ не изъ существующаго продукта, а изъ будущей прибавки къ нему. Я, такимъ образомъ, изъ наличнаго продукта оставилъ большую долю для употребленія другихъ и передалъ рабочимъ возможность потреблять эту долю.

Законы о бѣдныхъ служатъ едва ли не лучшимъ образчикомъ того, какъ противоположное ученіе доходить до абсурда. Если для интересовъ рабочихъ классовъ совершенно безразлично, потребляю ли я свои средства на покупку вещей для собственнаго употребленія или откладываю долю ихъ, въ видѣ заработной платы или милостыни для непосредственнаго потребленія рабочихъ, то чѣмъ, спрашивается, оправдывается рекомендуемая этими за-

конами раздача моихъ денегъ для поддержанія бѣдныхъ? моя непроизводительная трата, вѣдь, также пошла-бы имъ на пользу, но и я получилъ-бы удовольствіе отъ нея. Если общество можетъ одновременно ѣсть и имѣть принадлежащій ему пирогъ, то почему не доставить ему этого двойного удовольствія? Но здравый смыслъ научаетъ каждыя, когда ему приходится судить о дѣлѣ примѣнительно къ самому себѣ, о томъ, что онъ не ясно видитъ въ широкомъ масштабѣ: налогъ на бѣдныхъ составляетъ прямой вычетъ изъ его собственнаго потребленія, и никакая перестановка платы впередъ или назадъ не дастъ возможности двумъ людямъ ѣсть одну и ту же пищу. Если-бы онъ не платилъ налога и, слѣдовательно, могъ употребить его сумму для самого себя, бѣднякъ получилъ-бы на столько же меньшую долю общаго продукта страны, на сколько онъ самъ потребилъ больше.

Отсюда ясно, что спросъ, отложенный до окончанія дѣла и не дѣлающій никакихъ предварительныхъ затратъ на производство, а только перемѣщающій затраты другихъ, ни сколько не содѣйствуетъ возникновенію спроса на трудъ; всякая расходуемая такимъ образомъ сумма по своимъ послѣдствіямъ по отношенію къ доставленію занятій труду все равно, что вовсе не существуетъ; она не можетъ и не создаетъ никакой работы иначе, какъ чрезъ уменьшеніе того ея количества, которое существовало раньше.

Хотя спросъ на бархатъ и имѣетъ лишь значеніе опредѣлителя того, какое количество труда и капитала, прежде занятаго въ извѣстныхъ отрасляхъ, будетъ перемѣщено въ ту или другую от-

расль, но для производителей, уже занятыхъ выдѣлкою бархата и не собирающихся оставлять своего дѣла, это обстоятельство имѣетъ огромную важность. Для нихъ паденіе спроса составляетъ реальную потерю и она, если въ конечномъ результатѣ ни одинъ изъ изготовленныхъ ими товаровъ не пропадетъ, какъ непроданный, можетъ достигнуть до такого размѣра, что имъ придется выбрать какъ меньшее зло—прекращеніе своего дѣла. Напротивъ, возрастаніе спроса даетъ имъ возможность развивать свои операціи, получать прибыль на большій капиталъ, собственный или, если тако-го нѣтъ, заемный; подвергая свой капиталъ болѣе быстрому обороту, они дадутъ болѣе постоянное занятіе своимъ работникамъ, или станутъ употреблять ихъ больше прежняго. Такимъ образомъ, возрастаніе спроса на товаръ на самомъ дѣлѣ производитъ часто въ какой нибудь данной отрасли увеличеніе въ количествѣ работы, даваемой трудутѣмъ-же капиталомъ. Ошибка, — и этого именно не замѣчаютъ — здѣсь состоитъ въ томъ, что въ предположенномъ случаѣ выгода, получаемая трудомъ и капиталомъ въ одной отрасли промышленности, совершается за счетъ выгодъ другой; и выгода эта сама собой падаетъ послѣ того, когда эта пере-мѣна произвела свое естественное послѣдствіе, т. е. привлекла къ дѣлу добавочное количество капитала, соотвѣтственное увеличенію спроса.

Основанія какого нибудь положенія, разъ они хорошо поняты, обыкновенно даютъ достаточно ясныя указанія на потребныя въ немъ ограниченія. Общее положеніе, только что установленное нами, заключается въ томъ, что спросъ на товары оп-

редѣляетъ только направленіе труда и родъ производимаго богатства, но вовсе не количество и успѣшность труда или общую массу богатства, но тутъ имѣются два исключенія. Во первыхъ, если трудъ содержится, но неполнѣ занять, то новый спросъ на что нибудь, что онъ можетъ произвести, можетъ вызвать въ такомъ трудѣ стремленіе къ усиленію дѣятельности, результатомъ котораго явится увеличеніе богатства, полезное какъ самимъ работникамъ, такъ и другимъ. Трудъ, который можетъ быть выполненъ въ часы досуга, получающими средства къ существованію изъ другого источника, можетъ совершаться, какъ мы уже замѣтили выше, безъ отвлеченія капитала отъ другихъ занятій, кромѣ того часто весьма ничтожнаго размѣра его, который требуется на покрытіе издержекъ по пріобрѣтенію орудій и матеріала; часто даже этотъ расходъ, можетъ совершаться за счетъ сбереженій, специально къ тому предназначенныхъ. Такимъ образомъ, основанія нашей теоремы здѣсь не приложимы, она теряетъ смыслъ и работа, порождаемая при такихъ условіяхъ спросомъ на товаръ, можетъ возникнуть, не лишая труда соответствующей суммы занятій ни въ какой другой отрасли промышленности. Но даже въ этомъ случаѣ, спросъ дѣйствуетъ на трудъ не иначе, какъ чрезъ посредство наличнаго капитала; онъ даетъ побужденіе и капиталъ подъ вліяніемъ его приводитъ въ движеніе большее количество труда, чѣмъ прежде.

Второе исключенія состоитъ въ извѣстномъ послѣдствіи, вызываемомъ отъ расширенія рынка для сбыта товара и допускающемъ развитіе большаго раздѣленія труда, а, слѣдовательно, и вызывающемъ

болѣе цѣлесообразное распредѣленіе производительныхъ силъ общества. Это исключеніе, подобно первому, является исключеніемъ только болѣе по видимости, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Вовсе не изъ денегъ, платимыхъ покупателями, получаетъ трудъ вознагражденіе; онъ пріобрѣтаетъ его изъ капитала производителя: спросъ только опредѣляетъ, какое употребленіе долженъ получить этотъ капиталъ и какой родъ труда онъ станетъ вознаграждать; но если спросъ опредѣляетъ, что товаръ долженъ быть произведенъ въ большемъ количествѣ, то это даетъ возможность тому-же капиталу произвести большее количество товара и приводитъ, можетъ быть, черезъ косвенное послѣдствіе возрастанія капитала даже къ конечному увеличенію вознагражденія работника.

Спросъ на товары, собственно говоря, важнѣе разсмотрѣть въ ученіи объ обмѣнѣ, чѣмъ о производствѣ. Разсматривая вещи въ ихъ постоянномъ взаимодействіи, слѣдуетъ сказать, что вознагражденіе производителя зависитъ отъ производительной силы его капитала. Продажа продукта за деньги и послѣдующее ихъ расходованіе на покупку товаровъ, является простымъ обмѣномъ равноцѣнностей для взаимнаго размѣна полезностей. Вѣрно, что раздѣленіе труда, является важнѣйшимъ средствомъ для увеличенія производительной силы и что возможность сбыта порождаетъ увеличеніе производства; но даже и въ такихъ условіяхъ производство, но не обмѣнъ, вотъ что вознаграждаетъ трудъ и капиталъ. Желая получить строго правильное представленіе объ обмѣнѣ, какъ-бы онъ не совершался мѣною товара на товаръ (barther — натуральный

обмѣнъ) или товара на товаръ черезъ посредство денегъ, мы всегда должны смотрѣть на него, какъ на простой механизмъ, при посредствѣ котораго каждое лицо обращаетъ вознагражденіе, полученное имъ за свой трудъ или капиталъ, въ ту форму, въ которой онъ желаетъ имъ обладать, но мы ни въ какомъ случаѣ не должны смотрѣть на обмѣнъ, какъ на источникъ, изъ котораго получается это вознагражденіе.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О капиталѣ основномъ и оборотномъ.

Что такое основной и оборотный капиталъ?

Изъ всякаго затраченнаго на производство капитала, нѣкоторая его доля, будучи разъ употреблена въ дѣло, перестаетъ существовать, какъ капиталъ. Эта доля не можетъ уже болѣе содѣйствовать производству или по крайней мѣрѣ не можетъ оказывать прежняго содѣйствія и въ той-же самой отрасли производства. Такова, на примѣръ, доля капитала, заключенная въ матеріалахъ. Сало и поташъ, изъ которыхъ готовится мыло, разъ поступивъ въ дѣло, уничтожаются, какъ поташъ и сало; въ производствѣ мыла они уже не пригодны, но могутъ еще послужить матеріаломъ и средствомъ въ другихъ отрасляхъ промышленности. Къ тому-же роду капитала должна быть отнесена и та доля его, которая выдается въ видѣ заработныхъ платъ и потребляется, какъ средство къ существованію работниками; доля, потребленная ими, перестаетъ существовать, какъ капиталъ и если даже они сберегутъ кое-что, то эту часть слѣду-

еть считать скорѣе новымъ капиталомъ, результатомъ второго акта накопленія. *Капиталъ, выполняющій этимъ способомъ все свое дѣло въ производствѣ, идѣ затраченъ, и при томъ въ одинъ только разъ (т. е. уничтожаясь при первомъ же употребленіи) — называется оборотнымъ капиталомъ**). Этотъ не вполне подходящій терминъ вошелъ въ употребленіе потому, что воплощенная въ оборотномъ капиталѣ доля требуетъ постояннаго возобновленія чрезъ продажу оконченнаго продукта; вслѣдъ за тѣмъ, она снова и постепенно поступаетъ на покупку матеріаловъ и выдачу заработныхъ платъ; *такимъ образомъ она выполняетъ свое дѣло, переходя изъ рукъ въ руки, а не оставаясь неподвижной.*

Другая большая доля капитала заключается въ орудіяхъ производства болѣе или менѣе прочнаго характера; эти послѣднія выполняютъ свое дѣло не тѣмъ, что передаются, но тѣмъ, что содержатся въ сохранности; пригодность ихъ не уничтожается отъ одного употребленія. Къ этому роду капитала принадлежатъ строенія, машины и всѣ или почти всѣ вещи, извѣстныя намъ подъ именемъ орудій и инструментовъ. Прочность нѣкоторыхъ изъ этихъ предметовъ весьма значительна; они выполняютъ въ качествѣ производительныхъ орудій свое дѣло, употребляясь много разъ на повтореніе однихъ и тѣхъ-же производительныхъ операцій. Къ тому-же роду капитала слѣдуетъ отнести всѣ затраты на постоянное улучшеніе земли, а также и капиталъ, употребленный при началѣ дѣла разъ и навсегда для приготовленія возможности послѣдующихъ

операций; таковы, напрімѣръ, затраты на открытіе рудника, на прорытіе каналовъ, на проведеніе дорогъ, устройство складочныхъ мѣстъ и т. п. *Капиталъ, который существуетъ въ одной изъ этихъ прочныхъ формъ и уничтожается въ сравнительно продолжительное время — называется основнымъ капиталомъ.*

Нѣкоторые виды основного капитала требуютъ возобновленія по временамъ или даже періодически. Таковы всѣ орудія и строенія: по временамъ они требуютъ частичнаго возобновленія черезъ поправку, а въ концѣ концовъ они совершенно изнашиваются и, становясь совершенно непригодными въ качествѣ орудій и строеній, попадаютъ снова въ разрядъ матеріала. Въ другихъ случаяхъ основной капиталъ, не подвергаясь послѣдствіямъ какого-нибудь необычнаго происшествія, не требуетъ полнаго возобновленія, но всегда для поддержанія этого капитала требуется постоянно или по временамъ нѣкоторый расходъ. Складочное мѣсто или каналъ, разъ они выстроены, не нуждаются какъ машина въ новой постройкѣ, если они не будутъ преднамѣренно разрушены, засыпаны землетрясеніемъ или подвергнутся другому подобному происшествію; тѣмъ не менѣе на поддержаніе складочныхъ мѣстъ и каналовъ приходится часто и регулярно дѣлать расходы. Самымъ прочнымъ изъ всѣхъ видовъ основного капитала является тотъ, который употребляется на увеличеніе производительности естественнаго дѣятеля: на улучшеніе земли. Затраты на осушеніе наводнявшихся мѣстъ или болотъ, пріобрѣтеніе доли почвы отъ захватовъ моря при посредствѣ плотинъ, дренажъ почвы и т. п., всѣ эти улучше-

нія совершаются на вѣчное время, но въ то же время требуютъ частыхъ расходовъ на исправленіе.

Всѣ эти улучшенія, какъ видно изъ самаго ихъ названія, производятъ увеличеніе результатовъ производства, т. е. за покрытіемъ всѣхъ издержекъ, потребныхъ для ихъ поддержанія, остается еще нѣкоторый излишекъ. Этотъ послѣдній служитъ вознагражденіемъ за капиталъ, поглощенный на первоначальную работу; полученіе его не прекращается, какъ это бываетъ при обветшаніи машинъ, но длится вѣчно; земля, производительность которой возросла отъ улучшеній, имѣетъ на рынкѣ соотвѣтственно увеличенную цѣнность; поэтому часто полагаютъ, что капиталъ, который былъ затраченъ или поглощенъ на усовершенствованіе земли, продолжаетъ существовать въ увеличенной цѣнности земли. Не слѣдуетъ, однако, впадать въ ошибку. Этотъ капиталъ, подобно всякому другому, подвергнется потребленію. Онъ былъ потребленъ на содержаніе рабочихъ, работавшихъ надъ улучшеніемъ и на орудія, которыя были необходимы имъ для работы и постепенно изнашивались. Но онъ былъ потребленъ производительно и оставилъ прочный слѣдъ въ увеличившейся производительности обращеннаго въ собственность естественнаго дѣятеля т. е. земли. Произшедшее увеличеніе продукта мы можемъ назвать общимъ результатомъ земли и капитала, вложеннаго на ея улучшеніе. Такъ какъ этотъ капиталъ въ сущности потребленъ и не можетъ быть извлеченъ изъ земли, то отсюда слѣдуетъ, что его производительность отнынѣ неразрывно связана съ естественными свойствами почвы. Вознагражденіе за пользованіе имъ зависитъ съ этого времени не

отъ тѣхъ законовъ, которые управляютъ вознагражденіемъ труда и капитала, но отъ тѣхъ, отъ которыхъ зависитъ вознагражденіе естественныхъ дѣятелей. Въ чемъ они заключаются, мы увидимъ впоследствии *).

Возрастаніе основнаго капитала за счетъ оборотнаго можетъ вредно отражаться на интересахъ рабочихъ.

Вліяніе оборотнаго и основнаго капитала на валовой доходъ странъ весьма различно.оборотный капиталъ уничтожается, какъ таковой, или по крайней мѣрѣ, пропадаетъ для прежняго владѣльца отъ одного употребленія; продуктъ, являющійся результатомъ его разоваго употребленія служитъ единственнымъ источникомъ, изъ котораго собственникъ можетъ возстановить свой капиталъ и получить вознагражденіе за его производительное употребленіе. Продуктъ долженъ быть конечно достаточенъ для этого, или другими словами, результатъ одного употребленія оборотнаго капитала долженъ воспроизвести равную ему сумму и еще нѣкоторую прибыль. Для основнаго капитала такой необходимости не имѣется. Такъ какъ, напримѣръ, машины не потребляются всецѣло отъ одного употребленія, то не представляется необходимости въ томъ, чтобы капиталъ возстановился всецѣло изъ продукта одного употребленія.

Машина удовлетворяетъ намѣреніямъ своего владѣльца, если приносить въ извѣстныя промежутки

---

*) См. книга II, глава 14; о рентѣ.

времени столько, чтобы покрыть издержки по поправкѣ и по потерѣ въ цѣнности, которая машина потерпѣла за то же время, а сверхъ того еще нѣкоторый избытокъ, составляющій обычный процентъ на полную стоимость машины.

Отсюда слѣдуетъ, что всякое возрастаніе основного капитала, если оно совершается за счетъ оборотнаго можетъ отразиться вредно, по крайней мѣрѣ, временно на интересахъ рабочихъ. И это справедливо не только по отношенію къ затратамъ на машины, но и по отношенію ко всѣмъ улучшениямъ, которыми поглощается капиталъ; другими словами такой капиталъ навсегда становится непригоднымъ для содержанія и вознагражденія труда. Предположимъ, что нѣкоторое лицо употребляетъ для веденія собственнаго хозяйства капиталъ въ 2000 кварталовъ хлѣба, истрачиваемыхъ въ теченіи года на содержаніе работниковъ (для краткости не будемъ принимать во вниманіе расходовъ на сѣмена и орудія). Трудъ этихъ работниковъ приноситъ ему ежегодно 400 кварталовъ т. е. даетъ прибыль въ 20%. Предположимъ далѣе, что онъ ежегодно потребляетъ эту прибыль и ведетъ свои операціи изъ году въ годъ на первоначальный капиталъ въ 2000 кварталовъ. Представимъ себѣ теперь, что затратой половины своего капитала, онъ совершаетъ прочное улучшение въ своей землѣ. Оно выполняется половиной его прежнихъ рабочихъ и въ теченіе одного года, послѣ чего для надлежащей обработки земли онъ будетъ нуждаться только въ половинномъ числѣ прежнихъ рабочихъ. Остатокъ своего капитала онъ затѣмъ употребляетъ по прежнему. Въ теченіи перваго года въ положе-

ни его работников не обнаружится изменений; разница будет лишь в томъ, что половина работников получить свое вознаграждение не за пахату, посѣвъ и жнитво, а за работу по усовершенствованію земли. Въ концѣ года однако владѣлецъ улучшенной земли уже не будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи какъ прежде капиталъ въ 2000 кварталовъ.

Только 1000 кварталовъ изъ его капитала воспроизведено обычнымъ путемъ; и у него въ распоряженіи будетъ: 1000 кварталовъ и улучшение. На второй годъ и во всѣ слѣдующіе онъ будетъ употреблять только половину прежнихъ работниковъ и распредѣлитъ между ними только половинное количество средствъ къ существованію. Потеря скоро будетъ возставлена для нихъ, если улучшаемая земля при меньшемъ количествѣ затрачиваемаго труда станетъ давать какъ прежде 2400 кварталовъ хлѣба, ибо весьма вѣроятно, что такое громадное увеличеніе прибыли побудитъ владѣльца сберегать часть ея, присовокуплять ее къ капиталу и тѣмъ становиться болѣе крупнымъ работодателемъ; но возможно, что этого и не произойдетъ, ибо въ томъ случаѣ, если совершенное улучшение, будетъ существовать вѣчно или требовать столь ничтожныхъ расходовъ, что о нихъ и говорить не стоитъ, владѣлецъ пріобрѣтетъ отъ улучшения крупную выгоду даже при доходѣ не въ 2400, а въ 1500 кварталовъ. Въ этомъ случаѣ за вычетомъ 1000 кв. на возстановленіе его оборотнаго капитала онъ получитъ прибыль не въ 20, какъ прежде, а въ 25⁰/₀ на весь свой оборотный и основной капиталъ. Отсюда видно, что совершенное улуч-

шеніе можетъ быть очень выгодно для него и очень вредно отражаться на интересахъ рабочихъ.

Предположеніе въ томъ видѣ, какъ мы его взяли, даетъ случай вполнѣ идеальный и приложимый развѣ при обращеніи пастбища въ пахотное поле. Прежде подобное обращеніе было въ большомъ ходу, но теперь оно разсматривается агрономами скорѣе за ухудшеніе, чѣмъ за улучшеніе. Послѣдствія всякаго земледѣльческаго улучшенія, по край-мѣрѣ, того изъ нихъ, которое дѣйствуетъ на самую почву, выражается въ увеличеніи, а не въ уменьшеніи чистаго дохода *)

Сдѣланное замѣчаніе однако не служитъ опроверженіемъ для установленнаго выше положенія. Предположимъ, что улучшеніе не дѣйствуетъ такъ, какъ мы полагали т. е. не даетъ возможности уменьшить количество труда, которое раньше прилагалось къ землѣ, а лишь даетъ возможность прежнимъ трудомъ добывать большее количество продукта. Предположимъ также, что это большее количество про-

---

*) Изгнаніе мелкихъ фермеровъ съ сѣвера Шотландіи, имѣвшее мѣсто въ началѣ настоящаго вѣка, совершалось однако при подобныхъ условіяхъ; можно сказать тоже и относительно происшедшаго въ Ирландіи послѣ картофельнаго голода и отмѣны хлѣбныхъ законовъ. Замѣчательное уменьшеніе валового дохода ирландскаго земледѣлія, привлекшее послѣднее время столько вниманія, должно, вѣроятно, объясняться тѣмъ, что земля, которая прежде кормила людей, стала давать пищу скоту; и это обстоятельство не могло произойти безъ исчезновенія значительной доли ирландскаго населенія черезъ эмиграцію или простое вымираніе. Такимъ образомъ—вотъ два случая земледѣльческихъ улучшеній, которыя произвели то, что страна стала менѣе способной кормить свое населеніе. Во всякомъ случаѣ, улучшенія въ земледѣльческомъ хозяйствѣ, производимыя современной наукой, сводятся къ увеличенію валового дохода или, по крайней мѣрѣ, не уменьшаютъ его.

дукта, получаемое благодаря улучшенію прежнимъ трудомъ, составляетъ потребное количество и найдетъ покупателей. Въ такомъ случаѣ нашъ улучшатель будетъ нуждаться въ прежнемъ количествѣ рабочихъ и за прежнюю ихъ плату. Но откуда онъ возьметъ средства для платежа имъ? Онъ не имѣетъ для этого первоначальнаго своего капитала въ 2000 кварталовъ. Одна тысяча уже потеряна и потреблена на производство улучшения. Если ему придется употреблять прежнее количество работниковъ, выплачивая имъ прежнюю же плату, то, очевидно, онъ можетъ это сдѣлать, только совершивъ заемъ или добывъ 1000 кварталовъ для покрытія недочета лишь изъ какого нибудь другого источника. Но эти занятыя 1000 кварталовъ уже содержали равное количество труда, или предназначались къ тому. Они не созданы вновь, ихъ назначеніе только перешло отъ одного употребленія къ другому; хотя такимъ образомъ земледѣлецъ пополнилъ недочетъ въ своемъ оборотномъ капиталѣ, но уменьшеніе въ оборотномъ капиталѣ всей страны осталось существующимъ фактомъ.

Доказательство, на которое ссылаются многіе писатели, утверждающіе, что введеніе машинъ не можетъ вредно отражаться на интересахъ рабочихъ сводится къ слѣдующему. Они говорятъ: машины, удешевляя производство, на столько увеличиваютъ спросъ на товары, что скоро возникаетъ возможность давать работу большому количеству труда. Мнѣ кажется, что это положеніе не имѣетъ той доказательной силы, которую ему обыкновенно придаютъ. Самый фактъ, на которомъ основано это положеніе, хотя и характеризуетъ явленіе слиш-

комъ обще, но безъ сомнѣнія, часто справедливъ. Переписчики, потерявшіе работу послѣ изобрѣтенія книгопечатанія, безъ сомнѣнія скоро замѣнились гораздо большимъ числомъ наборщиковъ и типографщиковъ. Число занятыхъ на хлопчато-бумажныхъ фабрикахъ послѣ изобрѣтеній Харгривса и Аркрайта, конечно, во много разъ превосходитъ число занятыхъ въ этой отрасли промышленности до этого; все это показываетъ, что кромѣ громаднаго увеличенія затратъ основнаго капитала въ этой отрасли обнаружилось столь же крупное, сравнительно съ прежнимъ временемъ, возростаніе оборотнаго капитала. Но если этотъ капиталъ былъ взятъ изъ другихъ отраслей, если средства, потраченные вмѣсто капитала, поглощеннаго дорогими машинами, доставлены не изъ тѣхъ добавочныхъ сбереженій, возможность совершать которыя была дана улучшеніемъ, а изъ общаго капитала страны, то спрашивается, какую пользу могли получить рабочіе отъ этого простаго перенесенія капитала?

Всѣ попытки доказать, что рабочіе классы *не могутъ* временно пострадать отъ введенія машинъ или отъ употребленія капитала на прочныя улучшения по моему мнѣнію неизбѣжно ошибочны. Всѣ допускаютъ, что работники страдаютъ въ той отрасли промышленности, въ которой совершается перемѣна; но часто утверждаютъ, что, хотя нѣкоторое количество работы потеряно въ одной отрасли промышленности, за то въ другой—открывается равное же ему количество и по той простой причинѣ, что потребители, сберегая вслѣдствіе значительнаго удешевленія товаровъ въ одной отрасли промышленности, получаютъ возможность потреб-

лять больше въ другихъ, т. е. увеличиваютъ спросъ на другіе виды труда. Подобная аргументація имѣетъ кажущуюся вѣроятность, но, какъ показано въ предшествовавшей главѣ, она основана на заблужденіи: спросъ на товары—дѣло совсѣмъ другого порядка сравнительно съ спросомъ на трудъ. У потребителей, конечно, появилось добавочное количество средствъ на покупку другихъ вещей, но это обстоятельство само по себѣ не создаетъ вещей, если нѣтъ на лицо капитала для производства ихъ, а между тѣмъ улучшение не освободило никакой доли капитала, а можетъ быть даже поглотило его изъ другихъ отраслей. Предполагаемое увеличение производства и количества работы въ другихъ отрасляхъ, такимъ образомъ, вовсе не произойдетъ, а возрастаніе спроса со стороны потребителей уравнивается прекращеніемъ его съ другой стороны, а именно со стороны рабочихъ, которые потеряли занятіе отъ улучшения: они теперь или вовсе останутся безъ содержанія, или получаютъ его черезъ усиленное соперничество изъ того, что прежде потреблялось другими, или изъ благотворительныхъ суммъ.

Вредное вліяніе усовершенствованій хотя и встрѣчается, но весьма рѣдко.

Тѣмъ не менѣе, я не думаю, что при современномъ положеніи вещей усовершенствованія въ производствѣ могутъ быть часто и даже временно вредны для рабочихъ классовъ во всей ихъ массѣ. Сомнительно, чтобы они оказывали такое вліяніе. Они отражались-бы вредно на этихъ интересахъ, если-бы

происходили внезапно и въ значительномъ размѣрѣ, ибо въ такомъ случаѣ приходилось-бы неизбежно замѣщать поглощенный капиталъ изъ средствъ, уже затраченныхъ въ качествѣ оборотнаго капитала. Усовершенствованія всегда вводятся весьма постепенно и рѣдко, или почти никогда не совершаются чрезъ извлеченіе оборотнаго капитала изъ наличнаго производства; они дѣлаются чрезъ употребленіе на производство годичнаго прироста капитала. Почти нѣтъ примѣровъ крупнаго возрастанія основнаго капитала, когда бы одновременно и въ томъ же мѣстѣ не обнаруживалось-бы столь же быстро возрастанія оборотнаго капитала. Крупныя и дорогія усовершенствованія въ производствѣ не совершаются въ бѣдныхъ и отсталыхъ странахъ. Влагать капиталъ въ землю, вводить дорогія машины—все это дѣйствія, которыя требуютъ непосредственныхъ жертвъ въ цѣляхъ отдаленнаго будущаго и которыя показываютъ, во первыхъ, что имѣется на лицо достаточно полная обеспеченность собственности, во вторыхъ: значительная энергія въ промысловой предпріимчивости и въ третьихъ: высокая степень развитія того, что называется „дѣятельнымъ стремленіемъ къ накопленію“. Всѣ эти три обстоятельства являются необходимыми условіями, при которыхъ общество обнаруживаетъ быстрое развитіе въ дѣлѣ накопленія капитала. Хотя, поэтому, рабочіе классы и должны страдать не только въ тѣхъ случаяхъ, когда совершается возрастаніе основнаго капитала за счетъ оборотнаго, но даже и тогда, если это возрастаніе совершается въ такихъ крупныхъ размѣрахъ и съ такой быстротою, что замедляетъ обычное возрастаніе капитала, къ ко-

торому ростъ населенія обыкновенно приспособляется, тѣмъ не менѣе, весьма невѣроятно, что эти страданія въ дѣйствительности обнаружатся. Нѣтъ страны, въ которой основной капиталъ возрасталъ-бы въ пропорціи болѣе крупной, чѣмъ оборотный. Это невѣроятное обстоятельство могло-бы произойти, если-бы на примѣръ всѣ желѣзныя дороги, которыя получили утвержденіе парламента, во время спекулятивной маніи 1845 года, были выстроены въ сроки, назначенныя для ихъ окончанія. Но происшедшее въ то время даетъ поразительный примѣръ тѣхъ трудностей, которыя встрѣчаются при всякомъ обращеніи на новое дѣло значительной доли капитала, затраченнаго въ старомъ. Эти трудности, по общему правилу, достаточно сильны для того, чтобы не давать возможности предпріятіямъ, вновь поглощающимъ капиталъ, развиваться съ быстротою, совершенно уничтожающей источники для содержанія труда въ прежнихъ занятіяхъ.

Къ этимъ соображеніямъ слѣдуетъ еще прибавить, что если усовершенствованія и уменьшаютъ даже на время общую массу общественнаго продукта и оборотнаго капитала, то въ долгій срокъ стремленіе ихъ будетъ направлено къ увеличенію того и другого. Усовершенствованія увеличиваютъ выручку отъ капитала, а увеличеніе выгодъ неизбежно выражается или въ повышенныхъ прибыляхъ капиталиста, или въ пониженныхъ цѣнахъ для потребителя; въ обоихъ случаяхъ умножается фондъ, изъ котораго дѣлаются сбереженія, а повышенныя прибыли служатъ новымъ поводомъ къ накопленію. Во взятомъ нами ранѣе примѣрѣ, когда непосред-

ственнымъ результатомъ усовершенствованія явилось уменьшеніе валового продукта съ 2400 до 1500 кварталовъ, прибыль капиталиста все же увеличилась съ 400 до 500 кв; прибавка въ 100 кварталовъ, сдѣлавшись постояннымъ источникомъ сбереженія, въ нѣсколько лѣтъ возстановитъ вычетъ въ 1000 кварталовъ изъ оборотнаго капитала страны. Расширеніе дѣла, слѣдующее почти всегда вслѣдъ за введеніемъ усовершенствованія въ любой отрасли промышленности, служитъ сильнымъ побужденіемъ для занятыхъ въ этомъ дѣлѣ, увеличивать свой капиталъ; а потому при медленной постепенности, съ которой обыкновенно вводится усовершенствованіе, значительная доля капитала, въ конечномъ результатѣ поглощаемая имъ, берется изъ возросшихъ прибылей и умножившихся сбереженій, которыя порождены этимъ же усовершенствованіемъ.

Это стремленіе усовершенствованій порождаетъ умноженіе накопленій, а слѣдовательно, въ результатѣ, и увеличеніе валового продукта даже временно уменьшавшагося, приметъ еще болѣе выраженный характеръ, если окажется, что имѣются опредѣленные границы, какъ для накопленія капитала, такъ и для увеличенія продукта, получаемаго отъ земли. Когда эти границы достигнуты, всякое возростаніе продукта должно пріостановиться. но въ томъ то и дѣло, что всѣ усовершенствованія въ производствѣ, каковы-бы ни были ихъ другія послѣдствія, стремятся отодвинуть эти границы въ обоихъ указанныхъ случаяхъ. Эти истины представляются намъ въ болѣе ясномъ свѣтѣ въ дальнѣйшемъ ходѣ нашего изслѣдованія. Мы увидимъ, что количество капитала, которое будетъ, или даже можетъ быть

накоплено въ странѣ и валовой продуктъ, который будетъ и можетъ быть въ ней полученъ, находится въ зависимости отъ состоянія производительныхъ способностей страны въ данное время; мы увидимъ, что всякое усовершенствованіе, даже временно уменьшающее оборотный капиталъ и валовой продуктъ, въ конечномъ результатѣ способствуетъ такому возростанію того и другого, которое не могло бы имѣть мѣста при отсутствіи подобныхъ усовершенствованій. Въ этихъ соображеніяхъ заключается рѣшительный отвѣтъ на возраженіе противъ машинъ; вытекающее изъ нихъ доказательство конечной благодѣтельности для рабочихъ механическихъ усовершенствованій даже при настоящемъ положеніи общества представится намъ ниже вполне безспорнымъ *) Но это не освобождаетъ правительства отъ обязанности облегчать и, если возможно, предотвращать бѣдствія, которымъ могутъ подвергнуться существующія поколѣнія отъ обстоятельствъ, могущихъ въ послѣдствіи принести даже благо. Если поглощеніе капитала или обращеніе его въ машины и другія полезныя предпріятія станутъ совершаться съ быстротой, значительно уменьшающей средства на содержаніе труда, то на законодателяхъ лежитъ прямая обязанность принять мѣры для замедленія этой быстроты, а такъ какъ усовершенствованія, даже не уменьшающія общей массы занятій, почти всегда лишаютъ работы отдѣльныя классы работниковъ, то не можетъ быть болѣе основательнаго предмета для заботъ законодателя, какъ попеченіе объ интересахъ тѣхъ лю-

---

*) См. книгу IV, главу 5-ую.

дей, которыя приносятся такимъ образомъ въ жертву для выгодъ своихъ согражданъ и потомства.

Вернемся теперь къ установленному нами теоретическому различію между основнымъ капиталомъ и оборотнымъ. Всякій видъ богатства, употребляемый на воспроизводительную дѣятельность, долженъ быть отнесенъ въ понятіе капитала. Тѣмъ не менѣе имѣются виды капитала, которыя не могутъ быть подведены подъ данныя нами опредѣленія относительно оборотнаго и основного капитала; такъ, на примѣръ, подъ это опредѣленіе трудно подвести запасъ оконченныхъ продуктовъ, который мануфактуристъ или торговецъ имѣетъ непроданными въ своихъ складахъ. Этотъ запасъ, хотя и служитъ капиталомъ по своему назначенію, но не является таковымъ въ данный моментъ; онъ не затрачивается на производство: для этого его прежде надо продать или обмѣнять, т.-е. обратить въ другіе товары, равной ему цѣнности; такимъ образомъ, онъ не является еще покамѣстъ ни оборотнымъ, ни основнымъ капиталомъ; онъ обратится въ одну изъ этихъ формъ капитала или распределится между этими двумя назначеніями. Изъ выручки, полученной отъ продажи своихъ изготовленныхъ товаровъ, мануфактуристъ частью выдастъ заработныя платы, частью пополнитъ свой запасъ матеріаловъ, частью снабдитъ себя новыми машинами и строеніями или поправитъ старыя; какая доля этой выручки будетъ истрачена на то или иное изъ этихъ назначеній, это зависитъ отъ характера самаго промысла и отъ потребностей данной минуты.

Слѣдуетъ также замѣтить, что доля капитала, затрачиваемая въ формѣ сѣмянъ или матеріаловъ,

хотя и не можетъ быть отнесена къ основному капиталу, но въ то же время должна быть сразу возмѣщена изъ валового продукта и стоитъ въ томъ же отношеніи по части доставленія занятій труду, какъ и основной капиталъ. Все, что затрачено на матеріалы, не можетъ также служить на содержаніе и вознагражденіе работниковъ, какъ и то, что поглощено машинами; и если капиталъ, затрачивавшійся ранѣе на выдачу заработныхъ платъ, пойдетъ на пріобрѣтеніе матеріаловъ, то это обстоятельство можетъ столь же вредно отразиться на интересахъ рабочихъ, какъ и обращеніе капитала въ основной. Подобная перемѣна, однако, почти никогда не происходитъ. Стремленіе усовершенствованій въ производствѣ всегда выражается въ сбереженіи, а отнюдь не въ увеличеніи затратъ на сѣмена или матеріалы для полученія даннаго продукта. Нѣтъ основаній предполагать, что рабочіе понесутъ потери съ этой стороны *).

---

*) Затѣмъ слѣдуютъ главы: седьмая, восьмая, девятая, десятая, одиннадцатая, двѣнадцатая и тринадцатая, опускаемая въ настоящемъ изданіи. Содержаніе этихъ главъ подробно указано въ приложенномъ въ концѣ книги полномъ оглавленіи трактата Милля.

КНИГА II.

РАСПРЕДЕЛЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Собственность.

Начала, изложенныя въ первой части этого трактата въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сильнѣйшимъ образомъ отличаются отъ тѣхъ, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь приступаемъ. Законы и условія производства близки по характеру къ истинамъ естественныхъ наукъ. Въ нихъ нѣтъ ничего зависящаго отъ нашего усмотрѣнія, въ нихъ нѣтъ ничего произвольнаго. Все, что производитъ человечество, должно быть производимо тѣми способами и подъ тѣми условіями, которыя налагаются природою внѣшнихъ вещей и внутренними свойствами физической и умственной природы самого человѣка. Хочетъ или не хочетъ человѣкъ, но его производство будетъ ограничено размѣромъ его предварительнаго накопленія и при данномъ его размѣрѣ будетъ пропорціонально его энергіи и ис-

кусству, совершенству его машинъ и разумному пользованію выгодами соединеннаго труда. Хочетъ или не хочетъ человѣкъ, но двойное количество затраченнаго труда не принесетъ ему съ даннаго пространства земли удвоеннаго количества пищи, если не произойдетъ улучшенія въ обработкѣ земли. Хочетъ или не хочетъ человѣкъ, но непроизводительный расходъ отдѣльныхъ лицъ будетъ вести къ соотвѣтственному обѣдненію общества и только отъ производительныхъ расходовъ оно будетъ обогащаться. Мнѣнія или желанія, какія могутъ существовать по этимъ различнымъ предметамъ, не могутъ оказать вліянія на самыя вещи. Мы не можемъ, конечно, предугадать тѣхъ предѣловъ, въ которыхъ возможно измѣненіе способовъ производства или возростаніе въ производительности труда подъ вліяніемъ расширенія нашихъ знаній о законахъ природы. Эти знанія могутъ дать намъ представленіе о новыхъ процессахъ производства, о которыхъ мы теперь не имѣемъ ни малѣйшаго понятія. Каковы бы ни были наши успѣхи въ расширеніи предѣловъ, полагаемыхъ намъ свойствами вещей, мы знаемъ, что такіе предѣлы должны существовать. Мы не можемъ измѣнить конечныхъ свойствъ ни матеріи, ни духа, но въ состояніи только съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ употреблять эти качества на произведеніе явленій, необходимыхъ для насъ.

Не то—съ распредѣленіемъ богатствъ. Распредѣленіе дѣло чисто человѣческаго учрежденія. Когда вещи имѣются на лицо, то люди, какъ частныя лица или какъ общество могутъ поступать съ ними, какъ хотятъ. Они могутъ отдать ихъ въ распоря-

женіе любого лица и на любыхъ условіяхъ. Далѣе при всякомъ общественномъ порядкѣ, за исключеніемъ развѣ состоянія полного одиночества, распоряжаться вещами можно только съ согласія общества или лучше сказать съ согласія тѣхъ, которыя располагаютъ наличными общественными силами; даже то, что отдѣльное лицо произвело собственными усиліями и безъ помощи другихъ, оно не можетъ сохранять для себя безъ общественнаго согласія. Общество не только можетъ взять ихъ у него, но ихъ могли бы взять и взяли бы другіе, еслибы общество только отнеслось къ этому равнодушно, еслибы оно въ полномъ своемъ составѣ не вмѣшивалось въ это дѣло и не содержало бы людей, получающихъ плату за то, что они охраняютъ его право владѣнія этими вещами. Распредѣленіе богатствъ слѣдовательно зависитъ отъ законовъ и обычаевъ общества. Правила, которыми оно опредѣляется, зависятъ отъ мнѣній и чувствованій правящей части общества, которая ихъ создаетъ, и весьма различаются въ разныя эпохи и въ разныхъ странахъ. Если человѣчество захочетъ, эти правила могутъ быть измѣнены еще сильнѣе.

Безъ сомнѣнія мнѣнія и чувствованія людей не представляютъ собой чего нибудь случайнаго. Они проистекаютъ изъ основныхъ законовъ человѣческой природы въ связи съ существующимъ положеніемъ знаній, опыта, а также общественныхъ учрежденій и всего состоянія умственнаго и нравственнаго развитія. Изученіе законовъ, отъ которыхъ зависитъ происхожденіе человѣческихъ мнѣній, не входитъ въ задачу настоящаго изслѣдованія. Оно

составляютъ часть общей теоріи человѣческаго развитія, изслѣдованіе болѣе широкое и болѣе трудное, чѣмъ политическая экономія.

Мы въ настоящемъ изслѣдованіи должны рассмотретьъ не причины, но послѣдствія тѣхъ правилъ, согласно которымъ распредѣляются богатства. Эти послѣднія столь же мало произвольны и по характеру столь же близки къ законамъ физическимъ, какъ и законы производства. Человѣческія существа могутъ руководить своими дѣйствіями, но не тѣми послѣдствіями, которыя проистекаютъ изъ нихъ, какъ для ихъ самихъ, такъ и для другихъ. Общество можетъ подчинить распредѣленіе богатства особымъ правиламъ, какія считаетъ лучшими; но какія практическія послѣдствія вытекутъ изъ этихъ правилъ, это какъ и всѣ другія физическія или отвлеченныя истины — должно быть открыто при помощи наблюденія и размышленія.

Мы переходимъ такимъ образомъ къ рассмотрѣнію различныхъ способовъ распредѣленія продукта земли и труда, которые существуютъ въ дѣйствительности или могутъ быть себѣ представлены теоретически; изъ нихъ наше вниманіе прежде всего привлекаетъ то первоначальное и основное учрежденіе, на которомъ, кромѣ развѣ весьма рѣдкихъ и ограниченныхъ случаевъ, всегда покоилось экономическое устройство общества, хотя въ своихъ вторичныхъ формахъ, это учрежденіе измѣнялось и можетъ подвергаться измѣненіямъ. Ясно, что я хочу говорить объ институтѣ частной собственности.

Частная собственность, какъ учрежденіе, вызвана къ жизни вовсе не вліяніемъ тѣхъ сообра-

женій о ея полезности, которыя говорятъ въ ея пользу послѣ того, какъ она установилась. Исторія и изученіе аналогичныхъ стадій общественнаго развитія въ наше время съ достаточной ясностью обнаруживаютъ, что въ эпохи грубаго варварства суды (всегда предшествующіе законамъ) первоначально учреждались не для опредѣленія правъ, а для возмездія насиліямъ и для прекращенія ссоръ. Имѣя въ виду это главное дѣло, они естественно давали законную защиту первому завладѣнію, рассматривая, какъ нападающее, всякое лицо, которое первое прибѣгло къ насилію съ тѣмъ, чтобы изгнать или сдѣлать попытку изгнанія другого съ его владѣній. Сохраненіе мира, которое было первичной задачей гражданскаго правительства, было такимъ образомъ достигнуто. Утверждая за владѣльцами даже то, что не было плодомъ ихъ усилій, охрана судовъ простиралась одновременно и на то, что было добыто трудомъ.

Разсматривая учрежденіе собственности, лишь какъ вопросъ общественной философіи, мы должны оставить безъ вниманія исторію ея дѣйствительнаго происхожденія у любого изъ народовъ, населяющихъ Европу. Мы можемъ представить себѣ общество, не обладающее никакимъ предварительнымъ завладѣніемъ, а просто группу колонистовъ, впервые занимающихъ незаселенную страну; пусть наши колонисты не несутъ ничего съ собою, что не принадлежало бы имъ сообща и имѣютъ полную возможность для установленія такихъ учрежденій и такой политики, которыя кажутся имъ наиболее подходящими; другими словами, наше воображаемое общество можетъ по произволу избрать, на какихъ

началахъ оно будетъ вести производство: на началахъ-ли частной собственности или на началахъ какой-нибудь общей собственности и совмѣстнаго труда.

Если они примутъ систему частной собственности, то мы должны сдѣлать еще дальнѣйшее предположеніе, что установленіе ея не сопровождалось такими первоначальными неравенствами и несправедливостями, которыя такъ вредятъ благодѣтельному дѣйствию этой системы въ старыхъ обществахъ. Всякій взрослый мужчина и каждая взрослая женщина, предположимъ, ограждены въ свободномъ пользованіи и распоряженіи, своихъ физическихъ и умственныхъ силъ; орудіе производства: земля и машины распределены между ними весьма равномерно и такимъ образомъ всѣ приступаютъ къ работѣ при равныхъ условіяхъ по отношенію ко внѣшнимъ средствамъ. Можно допустить также, что при этомъ первоначальномъ распределеніи возмѣщеніе дано за особенно неблагоприятное природное условіе и равновѣсіе установлено тѣмъ, что менѣе сильные члены общества получили при этомъ распределеніи выгоды, ставящія ихъ на равную ногу съ другими. Но разъ произведенное распределеніе не подлежитъ болѣе измѣненіямъ, отдѣльные лица будутъ предоставлены собственнымъ усиліямъ и обычнымъ шансамъ на успѣхъ въ дѣлѣ выгоднаго употребленія того, что имъ досталось. Если напротивъ наши колонисты отвергли систему частной собственности, то имъ придется установить такую систему, при которой земля и орудія производства составляютъ общую собственность и все дѣло ведется за общій счетъ. Завѣдываніе

общественнымъ трудомъ будетъ возложено на начальника или группу ихъ, которая, какъ можно предположить, станетъ избираться подачей голосовъ. Всѣ лица въ обществѣ будутъ добровольно повиноваться этимъ начальникамъ. Раздѣленіе продукта составитъ также общественное дѣло, при чемъ въ основу его можетъ быть положено или полное равенство или соотвѣтствіе съ потребностями и заслугами каждаго. Любая изъ этихъ системъ можетъ быть принята въ зависимости оттого, какая болѣе изъ нихъ соотвѣтствуетъ представленіямъ о справедливости и общественномъ устройствѣ, господствующимъ въ обществѣ.

Примѣрами такихъ товариществъ въ небольшомъ размѣрѣ служатъ монастырскія ордена, моравскія братья, послѣдователи Раппа и другія общества. Надежды, которыя они питали на устраненіе несчастій и несправедливостей распредѣленія, породили системы болѣе широкаго характера, стремящіяся осуществить тѣ же идеи. Они пріобрѣтали особую популярность въ періоды дѣятельнаго обсужденія основъ общежитія. Во всѣ эпохи, подобныя настоящей, когда общій пересмотръ коренныхъ началъ чувствуется какъ дѣло неизбежное и когда болѣе, чѣмъ въ какой нибудь періодъ человѣческой исторіи, страдающія части общества получили голосъ въ обсужденіи, стало дѣломъ невозможнымъ, чтобы подобныя идеи не получили широкаго распространенія.

Противники частной собственности могутъ быть раздѣлены на два вида. Система однихъ основана на полномъ равенствѣ въ распредѣленіи физическихъ средствъ жизни и удовольствій. Системы другихъ допускаютъ неравенства, но обосновыва-

ють его на нѣкоторыхъ началахъ справедливости или цѣлесообразности, не зависящихъ, подобно многимъ нынѣ существующимъ неравенствамъ, только отъ одного случая. Во главѣ первыхъ слѣдуетъ поставить Роберта Овена и его послѣдователей, какъ лицъ, ранѣе всѣхъ другихъ, заговорившихъ объ этой системѣ среди настоящихъ поколѣній. Въ новѣйшее время Луи Бланъ и Кабэ приобрѣли извѣстность, какъ проповѣдники подобной же доктрины. Первый изъ нихъ, однако, настаиваетъ на необходимомъ неравенствѣ распредѣленія только какъ на переходной стадіи къ высшему порядку справедливости, при которомъ всѣ будутъ работать соразмѣрно съ своими силами, а получать сообразно съ потребностями. Характернымъ наименованіемъ этой системы служить слово „коммунизмъ“. Слово социализмъ, употребляющееся теперь на континентѣ, имѣетъ еще болѣе обширный смыслъ. Подъ нимъ понимаются такія системы, которыя не настаиваютъ на осуществленіи коммунизма и на устраненіи частной собственности, а требуютъ только, чтобы земля и орудія производства были собственностью не частныхъ лицъ, а обществъ, ассоціацій или правительствъ. Среди такихъ системъ особенно высокія научныя претензіи имѣютъ двѣ, называемыя по именамъ людей, которымъ принадлежитъ или приписывается ихъ составленіе, Сень - Симонизмомъ и Фурьеризмомъ.

Критика колмунизма.

Каковы бы ни были достоинства или недостатки этих системъ, нельзя по справедливости сказать, что они неосуществимы. Ни одинъ разсудительный человѣкъ не можетъ сомнѣваться, что сельская община изъ нѣсколькихъ тысячъ жителей, обрабатывающихъ на началахъ общей собственности такое количество земли, которое питаетъ нынѣ это количество населенія, и производящее при помощи самыхъ усовершенствованныхъ способовъ потребное мануфактурное издѣліе, въ состояніи изготовить достаточное количество предметовъ для того, чтобы жить съ удобствомъ. Такая община найдетъ, если понадобятся, средства для полученія необходимаго для этихъ цѣлей труда отъ каждаго изъ тѣхъ членовъ ея, которые способны къ труду.

Обычное возраженіе противъ системы общей собственности и равнаго распредѣленія продукта состоитъ въ томъ, что каждый постоянно будетъ занятъ стремленіемъ уклониться отъ выпадающей на его долю части труда. Это соображеніе намѣчаетъ дѣйствительныя затрудненія, но дѣлающіе подобныя возраженія забываютъ, въ какомъ огромномъ размѣрѣ существуетъ тоже затрудненіе въ той системѣ, при которой совершается въ настоящее время $\frac{9}{10}$ всѣхъ промысловъ въ обществѣ. Возраженіе предполагаетъ, что добросовѣстный и хорошій трудъ можно получить только отъ тѣхъ, кто лично пользуется плодами своихъ усилій. Какъ ничтожна часть всего количества труда Англии, отъ самыхъ низшихъ и до самыхъ высшихъ формъ

его, выполняемая лицами, работающими на собственную пользу. Всѣ виды общественнаго труда, начиная съ труда ирландскаго жнеца или черно-рабочаго и до труда главнаго судьи или министра, вознаграждаются поденными платами или опредѣленнымъ жалованьемъ. Фабричный рабочій, гораздо менѣе лично заинтересованъ въ своемъ трудѣ, чѣмъ членъ коммунистической ассоціаціи, потому, что онъ не трудится на пользу товарищества, членомъ котораго является онъ самъ. Можно безъ сомнѣнія сказать, что хотя работники въ большинствѣ случаевъ и не заинтересованы лично въ своемъ трудѣ, но что они находятся подъ надзоромъ и управленіемъ, что трудъ ихъ получаетъ надлежащее руководство, а умственную часть дѣла выполняютъ лица, прямо въ немъ заинтересованныя. Но даже и такое положеніе вещей далеко не всегда совпадаетъ съ дѣйствительностью. Почти во всѣхъ общественныхъ и во многихъ крупныхъ и хорошо поставленныхъ частныхъ предпріятіяхъ не только ручной трудъ, но и контроль, и наблюденіе находится въ рукахъ получающихъ жалованье служащихъ. И хотя польза хозяйскаго глаза, когда хозяинъ бдителенъ и знаетъ дѣло, засвидѣтельствована пословицей, но должно помнить, что на общественной фермѣ или мануфактурѣ, каждый рабочій будетъ находиться подъ надзоромъ не одного хозяина, но всего общества. Въ крайнихъ случаяхъ упорнаго нежеланія выполнить надлежащую долю работы, общество будетъ обладать тѣми же средствами, которыми оно пользуется и теперь для понужденія того, чтобы были соблюдаемы необходимыя условія общежитія. Единственное налич-

ное въ настоящее время средство, а именно расчетъ работника ни сколько не помогаетъ дѣлу, если другой нанятой рабочей работаетъ не лучше своего предшественника. Возможность расчета помогаетъ получать отъ своего работника только обычную норму труда, но этотъ послѣдній можетъ быть въ высокой степени непроизводителенъ. Даже работникъ, теряющій занятіе вслѣдствіе лѣности или небрежности, при самомъ неблагоприятномъ оборотѣ дѣла не подвергается никакимъ особымъ страданіямъ, кромѣ тѣхъ, которыя вызываются заключеніемъ въ рабочемъ домѣ. Если желаніе избѣжать подобнаго заключенія служитъ достаточнымъ стимуломъ къ труду въ одной системѣ, то оно можетъ быть таковымъ же и въ другой. Я не склоненъ мало цѣнить силу побужденія, даваемого труду въ томъ случаѣ, когда весь или значительная доля избытка, произведеннаго увеличеніемъ усилій, достается трудящемуся. Но при нынѣшней системѣ производства это побужденіе въ значительномъ большинствѣ случаевъ не существуетъ. И если общественный трудъ можетъ быть менѣе энергиченъ, чѣмъ трудъ крестьянина-собственника, или работника, трудящагося за свой собственный счетъ, то вѣроятно онъ обнаруживалъ бы большую силу сравнительно съ трудомъ наемнаго работника, который совершенно не заинтересованъ въ дѣлѣ. Небрежность, обнаруживаемая необразованными классами рабочихъ при исполненіи обязанностей, для выполненія которыхъ они наняты, при настоящемъ общественномъ устройствѣ всѣмъ рѣзко бросается въ глаза. Въ коммунистической системѣ всѣ получаютъ образованіе, а при такомъ предпо-

ложеніи обязанности, возлагаемыя на членовъ общества, будутъ несомнѣнно выполняемы съ болѣею ревностью, чѣмъ это совершается теперь среди наемныхъ служащихъ среднихъ и высшихъ классовъ. Никто не подозрѣваетъ этихъ служащихъ въ томъ, что они неизбѣжно дѣлаются недобросовѣстными, и по той причинѣ, что вознагражденіе ихъ вплоть до той поры, пока они не получаютъ разчета, остается въ одной и той же нормѣ, какъ бы они не выполняли своихъ обязанностей. Несомнѣнно, вознагражденіе посредствомъ опредѣленнаго жалованья, по общему правилу, не вызываетъ ни въ одномъ изъ классовъ служащихъ, наибольшей степени рвенія; тоже, но не болѣе, по справедливости можно сказать и относительно коммунистическаго труда.

Но если подобное пониженіе рвенія должно неизбѣжно обнаружиться, то это вовсе не такъ вѣроятно, какъ это представляется тѣмъ, кто мало привыкъ думать о предметахъ, выходящихъ за предѣлы обычнаго положенія вещей. Человѣчество можетъ обнаруживать гораздо большее количество общественныхъ стремленій, чѣмъ то, которое мы привыкли въ настоящемъ вѣкѣ считать возможнымъ. Исторія даетъ примѣры того, съ какимъ успѣхомъ крупные союзы человѣческихъ существъ могутъ быть приучены отождествлять общественный интересъ со своимъ собственнымъ. Коммунистическая ассоціація была-бы наиболѣе благопріятной почвой для роста такихъ чувствъ, ибо все честолюбіе, вся тѣлесная и умственная дѣятельность, которыя теперь затрачивается на достиженіе личныхъ и своекорыстныхъ цѣлей, должны были-бы

искать другой сферы дѣйствія и естественно нашли-бы ее въ преслѣдованіи общепользыхъ цѣлей. Та же причина, на которую часто указываютъ для объясненія привязанности католическаго священника или монаха къ интересамъ его ордена, — а именно, отсутствіе интересовъ внѣ его, — могла-бы при коммунизмѣ столь-же сильно привязать челоуѣка къ обществу. Независимо отъ наличности у всякаго общественныхъ стремленій, каждый членъ союза находился-бы подъ господствомъ наиболѣе универсальнаго и сильнѣйшаго изъ личныхъ мотивовъ, а именно того, который создается общественнымъ мнѣніемъ. Сила этого мотива, въ устраненіи всѣхъ поступковъ или несообразныхъ дѣйствій, рѣшительно осуждаемыхъ обществомъ, на столько велика, что ея никто не возьмется отрицать. Но сила соревнованія, вызывающая наибольшую энергію усилій для пріобрѣтенія одобренія и удивленія другихъ, имѣетъ столь-же важное значеніе, какъ это подтверждается свидѣтельствомъ опыта во всѣхъ положеніяхъ, когда челоуѣческія существа публично соперничаютъ другъ съ другомъ. Соціалисты вовсе не отвергаютъ соперничества такого рода, когда споръ идетъ о возможно большемъ общественномъ благѣ. До какой степени, слѣдовательно, энергія труда уменьшится отъ такой организаціи и уменьшится-ли она даже сколько-нибудь въ продолжительный періодъ времени — все это вопросы, которые слѣдуетъ считать еще нерѣшенными.

Другое возраженіе протівъ коммунизма, подобно тому, которое часто приводится протівъ законовъ о бѣдныхъ. Говорятъ, что, если-бы всякій чело-

вѣкъ получилъ обезпеченное содержаніе для себя и для неограниченнаго количества людей подъ однимъ условіемъ совершать охотно работу, то благоразумное воздержаніе отъ размноженія чело-вѣчества исчезло-бы и населеніе стало-бы приростать съ такой быстротой, которая привела-бы общество чрезъ рядъ послѣдовательныхъ стадій увеличивающихся неудобствъ къ настоящей голодовкѣ. Конечно, это опасеніе имѣло-бы болѣе основаній, если-бы коммунизмъ не создавалъ мотивовъ къ воздержанію равныхъ по значенію тѣмъ, которые онъ устранилъ. Но коммунизмъ и является именно такимъ положеніемъ вещей, при которомъ можно ожидать, что общественное мнѣніе будетъ высказы-ваться съ наибольшей силою противъ случаевъ эгоистической невоздержанности. Всякое увеличе-ніе числа людей, уменьшающее удобство или увеличивающее трудъ, будетъ въ этомъ случаѣ вызы-вать то, чего не дѣлаетъ теперь, а именно: не-посредственное и ясное неудобство для всякаго члена ассоціаціи; и эти неудобства нельзя будетъ приписать жадности предпринимателей или неспра-ведливымъ привиллегіямъ богатыхъ. При такомъ измѣненіи обстоятельствъ, общественное мнѣніе непременно относилось-бы ко всякой вредной для общества невоздержанности съ неодобреніемъ, а если-бы его не доставало, оно могло-бы бороться противъ него какими-нибудь наказаніями. Подобная организація такимъ образомъ не только не под-вержена съ особой силой возраженіямъ, вытека-ющимъ изъ опасности перенаселенія, но напро-тивъ обладаетъ преимуществами въ высокой сте-пени полезными для устраненія этого зла.

Болѣе серьезное затрудненіе заключается въ равномерномъ распредѣленіи труда между всѣми членами общества. Виды труда очень различны и спрашивается: какимъ образомъ установить нѣкоторую сравнительную шкалу между ними? Кто будетъ судить о томъ, какое количество труда въ хлопчатомъ - бумажномъ пряденіи, въ распредѣленіи продуктовъ изъ складовъ или въ кирпичномъ дѣлѣ и т. п. равно нѣкоторому количеству труда паханія? Затрудненія, вызываемыя необходимостью правильного распредѣленія труда разныхъ качествъ, на столько велики, что многіе изъ коммунистическихъ писателей считали необходимымъ организовать трудъ такъ, чтобы каждый по очереди работалъ во всѣхъ видахъ полезнаго труда; другими словами, они настаивали на такой организаціи, которая, полагая конецъ раздѣленію занятій, принесла-бы въ жертву всѣ выгоды соединеннаго труда и сильно уменьшила-бы его производительность. Кромѣ того, даже въ тѣхъ-же видахъ труда номинальное его равенство будетъ въ дѣйствительности столь очевиднымъ неравенствомъ, что чувство справедливости возмутилось-бы противъ подобнаго отождествленія. Всѣ люди неодинаково приспособлены къ труду и тоже количество труда, возложенное на слабого и сильнаго, на смѣлаго и робкаго, на быстраго и медленнаго, на тупого и одареннаго умомъ, ляжетъ на нихъ далеко неравнымъ бременемъ.

Затрудненія эти дѣйствительно существуютъ, но они не составляютъ чего-нибудь совершенно непреодолимаго. Распредѣленіе труда по силамъ и способностямъ личностей, смягченіе общаго пра-

вила въ тѣхъ случаяхъ, когда оно оказывается слишкомъ тяжкимъ—все это не такія задачи, для рѣшенія которыхъ не былъ-бы пригоденъ человѣческій умъ, руководимый чувствомъ справедливости. И даже самая плохая и несправедливая организація подобнаго рода при системѣ, стремящейся къ равенству, обнаруживала-бы на столько меньшее неравенство и несправедливость сравнительно съ тѣми, при которыхъ нынѣ распредѣляется и вознаграждается трудъ, что даже проводить между ними сравненіе едва-ли было-бы основательно. Мы должны помнить также, что коммунизмъ, какъ общественная система, существуетъ только въ идеѣ, затрудненія относительно его осуществленія для насъ теперь понятнѣе, чѣмъ его хорошія стороны и человѣческій умъ только начинаетъ придумывать средства для организаціи его въ деталяхъ, чтобы съ одной стороны побѣдить затрудненія и воспользоваться въ наибольшей степени выгодами его съ другой.

Если-бы поэтому пришлось выбирать между коммунизмомъ, со всѣмъ его рискомъ и между настоящимъ положеніемъ общества съ его страданіями и несправедливостями, если-бы институтъ частной собственности неизбѣжно обусловливалъ существующее распредѣленіе продукта труда, которое почти обратно пропорціонально затраченнымъ усиліямъ и при которомъ наибольшія доли достаются людямъ, вовсе не трудящимся, слѣдующія доли по величинѣ тѣмъ, чей трудъ почти номинальный и т. д., по уменьшающейся пропорціи: по мѣрѣ того, какъ вознагражденіе уменьшается, трудъ становится все тяжелѣе и непріятнѣе и, наконецъ, са-

мый утомительный и изнурительный физическій трудъ не можетъ даже разсчитывать на вѣрное пріобрѣтеніе необходимаго для жизни. Если - бы пришлось выбирать между такимъ положеніемъ и коммунизмомъ, то какъ-бы велики или малы ни были затрудненія послѣдняго, они были-бы песчинкой на вѣсахъ сравненія. Желая сдѣлать сравненіе подходящимъ, мы должны однако сравнивать коммунизмъ въ его лучшемъ видѣ съ частной собственностью не въ настоящемъ ея видѣ, но въ томъ, въ который она можетъ быть приведена. Начала частной собственности еще никогда не были испробованы надлежащимъ образомъ ни въ какой странѣ и въ Англии менѣе, чѣмъ въ какой-бы то ни было изъ нихъ. Общественный распорядокъ новой Европы начинается съ такого распредѣленія собственности, которое не было результатомъ справедливаго раздѣла или пріобрѣтеній на началахъ труда, оно было результатомъ завоеванія и насилія. Не смотря на то, что въ теченіи многихъ вѣковъ спокойный ходъ промышленности стремился видоизмѣнить совершенное насиліе, тѣмъ не менѣе вся настоящая общественная система до сихъ поръ сохраняетъ многіе и глубокіе слѣды своего происхожденія. Законы о собственности никогда не сообразовались съ началами, на которыхъ покоится оправданіе этого института. Они установили собственность на вещи тамъ, гдѣ такая собственность не могла быть допущена и ввели абсолютное начало собственности, гдѣ оно должно было быть условнымъ. Они не установили надлежащаго равновѣсія въ правахъ человѣческихъ обществъ, но возложили рядъ обремененій на однихъ

къ выгодѣ другихъ; они умышленно обострили неравенства и не предоставили возможности начинать, такъ сказать, скачку или соперничество въ правильно уравновѣшанныхъ условіяхъ. Съ принципомъ частной собственности, конечно, не согласуется такое положеніе вещей, при которомъ всѣ начинаютъ жизнь съ совершенно одинаковыми средствами. Но если-бы на смягченіе неравенства было употреблено столько-же заботъ, сколько было употреблено на обостреніе неравенствъ шансовъ, вытекающихъ изъ естественнаго дѣйствія самого принципа и при томъ заботъ, не колеблящихъ самого принципа частной собственности, если-бы стремленія законодательства покровительствовали распространенію, а не сосредоточенію богатства, поощряли раздробленіе крупныхъ массъ его вмѣсто того, чтобы содѣйствовать ихъ сложенію, то тогда начала частной собственности не стояли-бы необходимо въ связи съ физическими и общественными бѣдствіями, въ связи, на которой настаиваютъ почти всѣ соціалистическіе писатели.

Защитники частной собственности всегда указываютъ въ ея пользу то, что она служитъ средствомъ для обезпеченія за лицомъ продукта его труда и воздержанія. Обезпечивать за нимъ право на продуктъ труда и воздержаніе другихъ и передавать его безъ всякихъ со стороны этого лица заслугъ и усилій, вовсе не составляетъ сущности учрежденія собственности, а является лишь случайнымъ послѣдствіемъ, которое, достигая извѣстной высоты, не только не способствуетъ, но противодѣйствуетъ тѣмъ цѣлямъ, ради которыхъ частная собственность признается явленіемъ правомѣрнымъ. Для

того, чтобы составить себѣ представленіе о конечномъ назначеніи института собственности, мы должны предположить, что устранены всѣ обстоятельства, служащія причиной дѣйствія учрежденія въ направленіи противоположномъ справедливымъ началамъ пропорціональнаго отношенія между вознагражденіемъ и трудомъ, началамъ, на которыхъ зиждется вся дѣйствительно основательная аргументація въ его пользу. Мы должны предположить также, что осуществились два условія, безъ которыхъ ни коммунизмъ, ни всѣ другіе законы и учрежденія не въ состояніи держать положеніе массъ въ другихъ условіяхъ, кромѣ тѣхъ, которыя именуется жалкими и бѣдственными. Первымъ изъ этихъ условій является всеобщее обученіе, другимъ — надлежащее ограниченіе въ размноженіи населенія. При наличности этихъ двухъ условій, даже при существующихъ общественныхъ учрежденіяхъ, бѣдность не могла-бы существовать, и тогда вопросъ о социализмѣ, какъ теперь это утверждаютъ представители этого ученія, не представлялся бы единственнымъ спасеніемъ отъ бѣдствій, угнетающихъ нынѣ человѣческой родъ, а просто вопросомъ о сравнительной выгодности, рѣшеніе котораго предстоитъ будущему. Мы совершенно не знаемъ, что можетъ лучше выполнить, индивидуальная самодѣятельность или социализмъ въ ихъ лучшихъ формахъ для того, чтобы рѣшать, кто изъ нихъ послужитъ конечной формой развитія человѣческаго общества.

Если рѣшиться на предположеніе, то, вѣроятно, что рѣшеніе главнымъ образомъ будетъ зависѣть отъ одного соображенія, а именно отъ того, ка-

кая изъ этихъ двухъ системъ наиболее согласуется съ свободой и самодѣятельностью человѣка. Послѣ обезпеченія средствъ къ существованію, самая сильная изъ личныхъ потребностей человѣка — свобода. Физическія потребности по мѣрѣ развитія цивилизованной жизни становятся все болѣе умѣренными и подверженными контролю. Потребность въ свободѣ, напротивъ, все болѣе возрастаетъ въ интенсивности съ развитіемъ умственныхъ и нравственныхъ свойствъ личности. Идеаломъ общественнаго устройства и жизненной нравственности могъ-бы служить такой порядокъ вещей, при которомъ всякое лицо обладало-бы полнѣйшей независимостію и свободою и было подвержено только одному ограниченію: обязанности не вредить другимъ. Любое воспитаніе и любыя общественныя учрежденія, которыя научали-бы или заставляли людей мѣнять свободу распоряженія своею дѣятельностью на какое-бы то ни было количество удобствъ или изобилія, отказываться отъ свободы ради равенства, лишили-бы человѣческую природу ея лучшихъ чертъ. Остается еще узнать, на сколько сохраненіе этихъ чертъ характера совмѣстимо съ коммунистической организаціей общества. Нѣтъ сомнѣнія, что это возраженіе противъ социалистическихъ системъ, подобно всѣмъ другимъ, также сильно преувеличено. Члены подобной ассоціаціи вовсе не должны жить совмѣстной жизнью болѣе того, чѣмъ это дѣлается теперь. Нѣтъ надобности также подвергать ея членовъ контролю въ индивидуальной долѣ продукта и въ правѣ распоряженія значительнымъ количествомъ досуга, которымъ они, вѣроятно, будутъ обладать, если ограничатъ

размѣры своего производства вещами, дѣйствительно заслуживающими труда. Нѣтъ надобности приковывать общество къ опредѣленному занятію или мѣсту жительства. Ограниченія, налагаемыя коммунизмомъ, были-бы свободой сравнительно съ настоящимъ положеніемъ большинства людей. Общая масса работниковъ, какъ въ Англии, такъ и въ другихъ странахъ, имѣетъ мало свободы при выборѣ занятія или мѣста жительства и фактически зависитъ отъ опредѣленныхъ правилъ и воли другихъ; меньшей свободой они могли-бы пользоваться развѣ при системѣ рабства. Я уже не говорю ничего о полномъ подчиненіи въ семьѣ одной половины человѣческаго рода другой, которой овеизмъ и другіе виды социализма—и это имъ надо поставить въ крупную заслугу, даютъ равныя права и при томъ во всѣхъ отношеніяхъ съ той, которая, какъ мужской полъ, до сихъ поръ считается господствующей. Но нельзя оцѣнивать притязаній коммунизма на сравненіяхъ съ настоящимъ дурнымъ положеніемъ общества; недостаточнымъ аргументомъ въ его пользу послужить также обѣщаніе дать большую личную и нравственную свободу, чѣмъ та, каковою теперь пользуются люди, которыхъ въ дѣйствительности нельзя назвать свободными. Вопросъ въ томъ, оставитъ-ли коммунизмъ какое нибудь прибѣжище для индивидуальности характера, не подвергнется-ли при немъ общественное мнѣніе тираническому гнету и не приведетъ-ли безусловная зависимость всѣхъ другъ отъ друга и постоянное взаимное самонаблюденіе къ подавленію всѣхъ мыслей, чувствъ и дѣйствій до состоянія полнѣйшаго однообразія. Это однообра-

зіе уже и теперъ составляетъ одинъ изъ очевидныхъ недостатковъ настоящаго положенія общества, несмотря на гораздо большее различіе по воспитанію, цѣлямъ и по меньшей зависимости личности отъ массы, которая существуетъ въ современномъ обществѣ, сравнительно съ той, которая будетъ при коммунизмѣ. Общество, въ которомъ оригинальность служитъ предметомъ порицанія, нельзя назвать здоровымъ. Предстоитъ опредѣлить, могутъ-ли коммунистическія системы согласоваться съ тѣмъ многообразнымъ развитіемъ человѣческой природы, съ многоразличными несходствами, съ разницей вкусовъ, талантовъ и точекъ зрѣнія, которые не только составляютъ значительную долю интересовъ человѣческой жизни, но, приводя умы въ возбуждающее столкновеніе и, создавая въ каждомъ изъ нихъ представленіе, какъ бы не составилъ-бы онъ самъ, служатъ главнѣйшимъ источникомъ умственнаго и нравственнаго прогресса.

Критика Сенъ-Симонизма и Фурьеризма.

Въ предшествовавшемъ я говорилъ только о коммунистическомъ ученіи, составляющимъ крайній предѣлъ социализма; согласно этому ученію, какъ мы видѣли, не только орудія производства, земля и капиталъ, составляютъ совмѣстную собственность общества, но и продуктъ труда раздѣляется, а работа распределяется, на сколько это возможно, поровну. Всѣ возраженія, основательныя или неосновательныя, которымъ подверженъ социализмъ,

прилагаются къ этой его формѣ съ наибольшей силой. Другія разновидности социализма главнымъ образомъ отличаются отъ коммунизма тѣмъ, что не полагаются исключительно на одно чувство чести или добросовѣстности (point of honour) въ промышленности, какъ выражается Луи Бланъ, но удерживаютъ большее или меньшее число побужденій къ труду, проистекающихъ изъ стремленій къ личной денежной выгодѣ. Такимъ образомъ мы имѣемъ дѣло съ видоизмѣненіемъ строгой теоріи коммунизма, когда въ основу ученія полагается начало пропорціональнаго вознагражденія труда. Наибольшее число попытокъ осуществить практически во Франціи социализмъ при посредствѣ ассоціацій рабочихъ, трудящихся за свой собственный счетъ, начались съ установленія равнаго вознагражденія и не принимали во вниманіе количества труда, выполненнаго рабочимъ. Но почти во всѣхъ случаяхъ этотъ планъ приходилось скоро оставить и перейти къ системѣ поштучнаго вознагражденія. Первое начало требуетъ высшаго представленія о справедливости и приложимо только при высокомъ нравственномъ развитіи человѣческой природы. Вознагражденіе, соразмѣряющееся съ количествомъ работы, въ дѣйствительности бываетъ справедливымъ только тогда, если отъ воли самого человѣка зависитъ выборъ большаго или меньшаго количества работы; но въ томъ случаѣ, если такой выборъ опредѣляется естественнымъ различіемъ въ силахъ и способностяхъ, подобное начало вознагражденія является настоящей несправедливостью; она даетъ тѣмъ, кто уже и такъ имѣетъ, назначаетъ болѣе тѣмъ, кто самой при-

родой уже поставленъ въ лучшія условія. Но если мы будемъ смотрѣть на эту систему какъ на компромиссъ съ эгоистическимъ характеромъ, создаваемымъ современнымъ уровнемъ нравственности и поощряемымъ наличными общественными учрежденіями, то она окажется въ высшей степени цѣлесообразной. И до тѣхъ поръ, пока система воспитанія не получитъ полного преобразованія, весьма вѣроятно, что эта система непосредственно обнаружитъ гораздо скорѣе свою цѣлесообразность, чѣмъ всѣ другія попытки провести въ жизнь болѣе высокій идеаль.

Двѣ весьма развитыя формы некоммунистическаго социализма, извѣстныя подъ именемъ Сень-Симонизма и Фурьеризма, вполне свободны отъ возраженій, направляемыхъ обыкновенно противъ коммунизма. Не смотря на то, что и эти, какъ и всѣ другія системы, подвержены возраженіямъ, но по справедливости ихъ слѣдуетъ считать самыми замѣчательными произведеніями прошедшаго и настоящаго времени по той умственной силѣ, съ которой во многихъ отношеніяхъ онѣ построены и по широкому и философскому разсмотрѣнію нѣкоторыхъ основныхъ вопросовъ нравственности и общественной жизни.

Система Сень-Симона не стремится установить равное, но неравное раздѣленіе продукта; она не желаетъ, чтобы люди занимались всѣми занятіями, но распредѣляетъ ихъ работу по призванію и способностямъ cadaго; функціи cadaго опредѣляются какъ должности въ полку, по выбору управляющей власти. Самое вознагражденіе выдается въ видѣ жалованья, размѣръ котораго, по опредѣленію той

же власти, сообразуется съ значеніемъ функціи и съ достоинствами лица, которое ее выполняетъ. Соотвѣтственно съ сущностью создаваемой системы могутъ быть приняты разные планы для организаціи управляющаго органа. Возможно, что члены его будутъ опредѣляться всеобщимъ голосованіемъ. По плану первоначальныхъ авторовъ этой системы предполагалось, что управителями будутъ лица особой геніальности и добродѣтельности, которымъ всѣ остальные члены общества станутъ добровольно повиноваться въ силу умственного превосходства этихъ лицъ. Нельзя считать невѣроятнымъ, что подобная система не будетъ дѣйствовать успѣшно при наличности нѣкоторыхъ своеобразныхъ условій. Исторія даетъ примѣръ удачнаго опыта въ подобномъ родѣ, а именно примѣръ Парагвайскихъ іезуитовъ. Раса дикарей, принадлежавшая къ той части человѣчества, которая, болѣе чѣмъ какая-бы то ни была изъ извѣстныхъ, обнаруживала отвращеніе къ послѣдовательному выполненію труда въ видахъ будущихъ цѣлей, подверглась умственному господству цивилизованныхъ и образованныхъ людей, которые были соединены между собою общностью имущества. Эти дикари почтительно подчинялись абсолютной власти этихъ лицъ, а послѣдніе научили ихъ искусствамъ цивилизованной жизни и пріучили ихъ трудиться на пользу общества, тогда какъ ранѣе не находилось побужденій, чтобы заставить ихъ работать для самихъ себя. Эта общественная система существовала недолго; она была преждевременно разрушена дипломатическими постановленіями и внѣшней силой. Возможность привести ее въ дѣйствіе, вѣроятно, зависѣла отъ

громаднаго различія въ степени знанія и умственнаго развитія, которое раздѣляло немногочисленную группу управителей и все подвластное имъ общество, при чемъ не существовало никакихъ посредствующихъ степеней, какъ по общественному положенію, такъ и по умственному развитію. При другихъ обстоятельствахъ подобная система потерпѣла-бы, вѣроятно, полнѣйшее крушеніе. Она предполагаетъ наличность безусловнаго деспотизма въ рукахъ главарей ассоціаціи, который, вѣроятно, (въ противность мнѣнію основателей этой системы) нисколько-бы не улучшился по характеру, если-бы деспоты стали по временамъ смѣняться посредствомъ народныхъ выборовъ. Но предполагать, что одинъ или нѣсколько человекъ, какимъ-бы способомъ они выбраны не были, могутъ, посредствомъ той или иной организаціи второстепенныхъ органовъ, быть пригодны къ тому, чтобы назначать всякому дѣло по его способностямъ и распределять вознагражденіе по заслугамъ—т. е. быть завѣдующими распредѣлительной справедливостью по отношенію ко всѣмъ членамъ общества, предполагать, что всякое употребленіе этой власти будетъ создавать всеобщее довольство и не будетъ нуждаться въ воздѣйствіи силы—все это предположенія слишкомъ химеричныя для того, чтобы спорить противъ нихъ. Люди могутъ привыкнуть къ опредѣленному правилу, устанавливающему, на примѣръ, равенство, также какъ они подчиняются случаю или внѣшней необходимости; но чтобы кучка человѣческихъ существъ получила право судить такъ или иначе о каждомъ и давать одному больше, другому меньше въ зависимости

отъ своего усмотрѣнія и желанія, этого люди не потерпятъ, если они не считаютъ своихъ управителей какими-то высшими существами и не трепещутъ предъ ними отъ сверхъестественнаго ужаса.

Изъ всѣхъ формъ социализма самымъ искуснымъ образомъ и съ наибольшей предусмотрительностью противъ возраженій построень такъ называемый Фурьеризмъ. Эта система не стремится къ уничтоженію не только частной собственности, но даже наслѣдованія. Напротивъ, въ качествѣ элементовъ, оказывающихъ вліяніе на распредѣленіе продукта, она умышленно принимаетъ не только трудъ, но и капиталъ. Она предлагаетъ, чтобы всѣ промышленныя операціи совершались ассоціаціями по количеству душъ числомъ около 2000 и на пространствѣ въ размѣрѣ одной квадратной мили. Во главѣ ассоціаціи—она ставитъ выборныхъ. При распредѣленіи опредѣленный минимумъ прежде всего назначается для удовлетворенія насущныхъ потребностей каждаго, не взирая на то, способенъ-ли онъ къ труду или нѣтъ. Остатокъ продукта раздѣляется въ опредѣленной и напередъ назначенной пропорціи между трудомъ, капиталомъ и талантомъ. Капиталъ, наличный у общества, можетъ принадлежать отдѣльнымъ лицамъ въ разныхъ доляхъ, при чемъ они и здѣсь, какъ во всякой акціонерной компаніи, получаютъ дивиденды, пропорціональные паямъ. Право каждаго лица на долю продукта, отчисляемую на вознагражденіе таланта, зависитъ отъ степени или положенія, занимаемаго работникомъ или работницей въ различныхъ отрасляхъ приложенія труда; степени эти даются не иначе, какъ по выбору работниковъ и работницъ. Полу-

ченное вознагражденіе не должно быть потребляемо необходимо совмѣстно; каждый желающій можетъ завести себѣ отдѣльное хозяйство и общность жизни будетъ выражаться лишь въ томъ, что всѣ члены ассоціаціи будутъ жить въ одномъ зданіи. Последнее (т. е. жительство въ одномъ зданіи) предположено организовать не только для сбереженій въ расходѣ на трудъ построенія, но и для сокращенія издержекъ во всѣхъ сторонахъ домашней жизни, а также и для того, чтобы всѣ продажи и покупки производились однимъ агентомъ и чтобы такимъ образомъ сократилась громадная доля продукта, поглощаемая прибылью обыкновенныхъ торговцевъ—распредѣлителей товара, до возможно болѣе низкаго предѣла.

Эта система въ отличіе отъ коммунизма, по крайней мѣрѣ въ теоріи, не лишаетъ общества ни одного изъ тѣхъ побужденій къ труду, которыя существуютъ въ современномъ обществѣ. Напротивъ, если-бы установленный порядокъ дѣйствовалъ соотвѣтственно намѣреніямъ его учредителей, эта система могла-бы даже усилить эти побужденія, ибо всякое лицо имѣло-бы большую увѣренность лично воспользоваться плодами усиленнаго употребленія умственной и нравственной энергіи и искусства, чѣмъ при нынѣшнемъ общественномъ устройствѣ можетъ имѣть кто-нибудь кромѣ людей, поставленныхъ въ наиболѣе благопріятное положеніе или пользующихся особой удачей случая. Фурьеристы, однако, имѣютъ еще одинъ источникъ для укрѣпленія своей системы.

Они убѣждены, что они разрѣшили великую и основную проблему: сдѣлать трудъ привлекатель-

нымъ. Что ихъ предположенія допускаютъ возможность осуществленія, это они доказываютъ весьма сильными доводами; изъ нихъ особой силою отличается тотъ, на которомъ они настаиваютъ вмѣстѣ съ послѣдователями Овэна, а именно: едва-ли, по ихъ мнѣнію, трудъ, совершаемый людьми для удовлетворенія потребностей существованія, какъ бы тяжель онъ ни былъ, превосходитъ по степени тотъ, которому добровольно предаются для удовольствій люди съ уже обеспеченными средствами къ существованію. Само собою это фактъ весьма знаменательный и изъ него занимающійся общественной философіей можетъ получить важныя указанія. Но доводъ, на немъ построенный, можетъ быть проведенъ слишкомъ далеко. Если работы, полныя неудобствъ и утомленія, охотно выполняются людьми какъ удовольствіе, то кто же не пойметъ, что онѣ составляютъ удовольствіе именно потому, что совершаются добровольно и что во всякое время могутъ быть прекращены по произволу? Свобода покинуть занятіе часто составляетъ основу сужденія о томъ, какое изъ нихъ считаютъ тягостнымъ или пріятнымъ. Многіе люди остаются на жительствѣ въ томъ-же городѣ, улицѣ или домѣ съ января по декабрь, не обнаруживая ни желанія, ни мысли о переѣздѣ; но привяжите ихъ къ этому правительственнымъ распоряженіемъ и они будутъ считать свою жизнь безусловно невыносимымъ тюремнымъ заключеніемъ.

Согласно Фурьеристамъ, почти не существуетъ такихъ родовъ полезнаго труда, которые были-бы неизбежно и по самому своему существу непріятны. Трудъ считается непріятнымъ только въ томъ случаѣ, если онъ признается унижительнымъ, дове-

день до чрезмѣрности или лишенъ стимуловъ, создаваемыхъ привлекательностью и соревнованіемъ. Чрезмѣрный трудъ, утверждаютъ Фурьеристы, не будетъ ни на кого падать въ такомъ обществѣ, гдѣ не существуетъ нетрудящихся классовъ, гдѣ не растрачивается столько труда какъ теперь, на изготовленіе совершенно бесполезныхъ вещей и гдѣ вполне воспользуются значеніемъ ассоціацій, какъ въ дѣлѣ увеличенія производительности, такъ и въ сбереженіяхъ въ потребленіи. Другія условія, необходимыя для приданія труду привлекательности, по ихъ мнѣнію, будутъ заключаться въ томъ, что всѣ работы станутъ совершаться общественными группами; каждое лицо, къ какому бы полу оно ни принадлежало, будетъ имѣть возможность вступить въ любую группу по своему выбору, а положеніе его въ ней будетъ опредѣляться степенью услугъ, которыя это лицо можетъ оказывать по оцѣнкѣ, совершаемой голосованіемъ его товарищей. Основываясь на различіи вкусовъ и талантовъ, Фурьеристы полагаютъ, что всякій членъ общества будетъ принадлежать къ различнымъ группамъ, занимаясь въ нихъ разными родами умственного и физическаго труда и находясь въ болѣе или менѣе высокомъ по степени положеніи. Практическимъ результатомъ такого порядка будетъ дѣйствительное равенство, или, по крайней мѣрѣ, нѣчто гораздо болѣе близкое къ нему, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. И при томъ это равенство будетъ послѣдствіемъ не стѣсненія, а возможно болѣе широкаго развитія различныхъ естественныхъ превосходствъ каждой отдѣльной личности.

Изъ этого краткаго очерка должно быть очевидно, что эта система не насилуетъ ни одного изъ общихъ законовъ, которыми опредѣляются даже при современномъ несовершенномъ умственномъ и нравственномъ развитіи человѣческаго дѣйствія; а потому было-бы чрезвычайно поспѣшно утверждать, что она не имѣетъ шансовъ на успѣхъ и не можетъ осуществить значительной доли надеждъ, возлагаемыхъ на нее ея сторонниками. По отношенію къ Фурьеризму, также какъ и ко всѣмъ формамъ социализма, надобно пожелать, чтобы онѣ получили возможность (а этого они по справедливости и требуютъ) доброй провѣрки на опытѣ. Всѣ онѣ могутъ быть испытаны въ скромныхъ размѣрахъ и безъ риска, личнаго или денежнаго, для всѣхъ, кромѣ самихъ участвующихъ. Опытъ долженъ рѣшиться, когда, на сколько и какъ скоро какая нибудь изъ возможныхъ системъ общности смѣнитъ собою ту организацію промышленности, которая покоится на началахъ частной собственности на землю и на капиталъ. Пока же не полагая границъ конечному развитію свойствъ человѣческой природы, мы можемъ утверждать, что политико-экономы на долгій срокъ въ будущемъ всегда будутъ заняты изученіемъ условій существованія и развитія обществъ, основанныхъ на частной собственности и на соперничествѣ личностей и что при современномъ положеніи общественнаго развитія главною цѣлью всѣхъ стремленій можетъ служить не устраненіе частной собственности, а улучшенія въ ней и полнѣйшее участіе каждаго члена общества, въ приносимыхъ ею выгодахъ.

Продолженіе о томъ же предметѣ.

Теперь намъ предстоитъ рассмотреть, что включается въ составъ понятія о частной собственности и какими ограниченіями слѣдуетъ обставить приложеніе этого принципа.

Институтъ частной собственности, если мы станемъ разсматривать его лишь въ существенныхъ элементахъ, состоитъ въ признаніи за каждымъ лицомъ права исключительно распоряжаться тѣмъ, что онъ или она произвели собственными усиліями, или что получили въ подарокъ, или по справедливому договору, безъ насилія и обмана отъ тѣхъ, кто произвелъ передаваемыя имъ вещи. Основаніе всего института, такимъ образомъ, лежитъ въ правѣ производителей на произведенное ими самими. Конечно, могутъ возразить, что этотъ институтъ или учрежденіе въ современномъ его видѣ признаетъ за отдѣльными лицами право собственности на вещи, которыя они не произвели. Можно сказать, напирмѣръ, что фабричныя рабочіе создаютъ своимъ трудомъ и искусствомъ весь продуктъ, а между тѣмъ онъ не принадлежитъ имъ всецѣло; законъ даетъ имъ только право на выговоренную наемную плату; весь же продуктъ передаетъ въ руки тѣхъ, кто только доставилъ потребныя для производства капиталы и кто, быть можетъ, нисколько не участвовалъ въ непосредственномъ трудѣ даже, хотябы, въ качествѣ лица надзирающаго. Отвѣтомъ на это можетъ служить соображеніе, что трудъ фабричныхъ рабочихъ является лишь однимъ изъ тѣхъ условій, при сочетаніи которыхъ возможно производство

продукта. Трудъ не можетъ осуществляться безъ наличности матеріаловъ и машинъ, а также безъ заготовленнаго напередъ запаса предметовъ, необходимыхъ для содержанія работниковъ во время производства. Всѣ эти продукты являются результатомъ предшествовавшаго труда. Если-бы работники обладали ими, не было-бы надобности раздѣлять продуктъ съ кѣмъ-бы то ни было; но такъ какъ они ихъ не имѣютъ, то соотвѣтствующее вознагражденіе должно быть дано тѣмъ, кто имѣетъ ихъ и не только за предшествовавшій трудъ, но и за *воздержаніе*, *) посредствомъ котораго продуктъ этого труда вмѣсто того, чтобы быть издержаннымъ на удовольствія, сохраненъ для производительнаго употребленія. Капиталь можетъ не быть, и въ большей части случаевъ, не бываетъ созданъ трудомъ и воздержаніемъ наличнаго владѣльца; но капиталъ этотъ былъ произведенъ трудомъ и воздержаніемъ какого нибудь предшествовавшаго лица, которое конечно могло быть противозаконно лишено своей собственности, но которое, при современномъ положеніи дѣлъ, гораздо вѣроятнѣе передало свои права нынѣшнему капиталисту въ даръ или по добровольному договору: такимъ образомъ, воздержаніе должно было совершаться цѣлымъ рядомъ послѣдовательныхъ собственниковъ вплоть до того, который теперь обладаетъ капиталомъ. Можно сказать, и не безъ основаній, что люди, получившіе въ наслѣдство сбереженія другихъ, имѣютъ совершенно незаслуженное преимущество предъ производителями, ко-

---

*) Курсивъ переводчика А. М.

торымъ предки не оставили ничего. Я не только допускаю, но я настойчиво требую, чтобъ это незаработанное ничѣмъ преимущество было сокращено, на сколько это согласуется съ справедливостью по отношенію къ тѣмъ, кто желалъ распорядиться со своими сбереженіями, отдавая ихъ потомкамъ. Но хотя и справедливо, что работники поставлены въ менѣе благопріятное положеніе сравнительно съ тѣми, предшественники которыхъ сберегали, но столь же вѣрно и то, что работники находятся въ лучшемъ положеніи сравнительно съ тѣми, въ которомъ были-бы, если-бы эти предшественники не сберегали. Они также участвуютъ въ выгодѣ, но конечно не въ равной долѣ съ наследниками. Условіе сотрудничества между настоящимъ трудомъ и плодами прежняго труда и сбереженія составляютъ предметъ соглашенія между сторонами. Каждая сторона составляетъ равно необходимый элементъ. Капиталисты ничего не могутъ дѣлать безъ работниковъ, работники—безъ капитала. Если работники соперничаютъ въ поискахъ за работой, то капиталисты также соперничаютъ въ поискахъ по найму труда и на полную сумму оборотнаго капитала страны. Часто говорятъ о соперничествѣ, какъ о причинѣ неизбѣжной нищеты и униженія рабочаго класса; но высокія заработанныя платы такой-же результатъ соперничества, какъ и низкія. Вознагражденіе труда—такой-же результатъ соперничества въ Соединенныхъ Штатахъ, какъ и въ Ирландіи; въ Соединенныхъ Штатахъ соперничество это дѣйствуетъ пожалуй еще сильнѣе, чѣмъ въ Англіи.

Право собственности включаетъ въ себѣ понятіе о свободѣ пріобрѣтенія по договору. Право

собственности на произведенное личными усилиями включает въ себѣ и право на произведенное другими, если послѣднее пріобрѣтено съ ихъ свободнаго согласія, ибо въ данномъ случаѣ производители передали принадлежавшее имъ или по своей доброй волѣ, или промѣняли на то, что считали равноцѣннымъ; препятствовать имъ въ правѣ поступать такимъ образомъ—это означало-бы нарушать право собственности на результаты ихъ собственнаго труда.

По прошествіи извѣстнаго срока, право собственности пріобрѣтается также по давности владѣнія. По основной идеи собственности, конечно, не слѣдовало бы признавать собственностію того, что пріобрѣтено насиліемъ, обманомъ или по незнанію предшествовавшаго правомѣрнаго собственника; но для безопасности правомѣрныхъ владѣльцевъ необходимо, чтобы ихъ не тревожили претензіями о противозаконномъ пріобрѣтеніи въ такое время, когда свидѣтели погибли или утрачены изъ виду, а реальный характеръ сдѣлки не можетъ быть выясненъ. Если собственность и была пріобрѣтена неправильно, то отнятіе ее по прошествіи цѣлаго ряда поколѣній отъ добросовѣстныхъ владѣльцевъ и возстановленіе долго бездѣйствовавшей претензіи было бы по общему правилу еще большей несправедливостью и приносило бы почти всегда гораздо болѣе вреда частнымъ лицамъ и обществу, чѣмъ оставленіе первоначальной несправедливости безъ исправленія.

Едва-ли нужно, однако, замѣчать, что эти соображенія относительно необходимости не нарушать несправедливости прежняго времени, не от-

носятся къ несправедливымъ системамъ и учреждениямъ, ибо дурной законъ или обычай не является вреднымъ фактомъ отдаленнаго прошедшаго, но постояннымъ повтореніемъ его до той поры, пока этотъ законъ или обычай существуетъ.

Наслѣдованіе.

Право собственности не включаетъ въ себя ничего, кромѣ права каждаго лица обоего пола распоряжаться своими способностями и тѣмъ, что онъ или она могутъ произвести ими, или справедливо получить за нихъ на рынкѣ, а также въ правѣ отдавать полученныя вещи любому лицу и право послѣдняго получать вещи и пользоваться ими.

Отсюда слѣдуетъ, что хотя право завѣщанія или даренія послѣ смерти и составляетъ часть понятія о собственности, но самое право наслѣдованія въ отличіе отъ права завѣщанія не входитъ въ него. Что собственность лицъ, не сдѣлавшихъ распоряженій при жизни, должна переходить къ дѣтямъ, а за отсутствіемъ ихъ къ ближайшимъ родственникамъ, можетъ быть разумнымъ или неразумнымъ учрежденіемъ, но оно не является послѣдствіемъ права частной собственности. Хотя рѣшеніе подобныхъ вопросовъ зависитъ отъ многихъ соображеній, не входящихъ въ составъ политической экономіи, но по плану моего труда не мѣшаетъ представить на разсмотрѣніе мыслителей точку зрѣнія на предметъ, которой я лично придерживаюсь.

Свидѣтельствомъ въ пользу существующихъ идей не можетъ служить ихъ древнее происхожденіе.

Въ первоначальную эпоху исторіи человѣчества собственность покойнаго переходила къ его дѣтямъ или ближайшимъ родственникамъ. И это совершалось такъ естественно и просто, что иного пути не было возможности себѣ и представить. Прежде всего при всякомъ переходѣ имущества наследники были на лицо: они были владѣльцами и если не имѣли какого-нибудь особаго титула собственности, то имѣли тотъ, который дается первымъ завладѣніемъ. Во вторыхъ, они уже были въ своемъ родѣ собственниками при жизни прежняго владѣльца. Если собственность заключалась въ землѣ, то она скорѣе всего давалась государствомъ семьѣ, чѣмъ отдѣльному лицу. Если она состояла изъ скота и движимой собственности, то вѣроятно она была пріобрѣтена и уже несомнѣнно охранялась совокупными усиліями всѣхъ членовъ семьи, которые были способны къ труду или къ войнѣ. Исключительная частная собственность, въ новѣйшемъ смыслѣ этого слова, едва-ли составляла часть представленій тогдашняго времени; умирая, первый представитель ассоціи въ сущности не оставлялъ ничего кромѣ доли, поступавшей ему при раздѣлѣ, и она поступала тому лицу въ семьѣ, которое наследовало его власть. Иной порядокъ наследованія разрушилъ-бы эту маленькую республику, соединенную общностью идей, интересовъ, привычекъ, и разсѣялъ-бы ее по свѣту. Эти соображенія, которыя скорѣе чувствовались, чѣмъ являлись продуктомъ сознательнаго пониманія, имѣли столь сильное вліяніе на умы людей, что породили идею о врожденномъ правѣ дѣтей на владѣніе своихъ предковъ. Каза-

лось, что самъ предшествовавшій владѣлецъ не могъ нарушать этого права. Завѣщаніе въ первобытныя эпохи человѣческаго развитія рѣдко признавалось дѣломъ законнымъ. И въ этомъ было-бы для насъ ясное доказательство, если-бы, впрочемъ, не было еще и другихъ, что представленіе о собственности того времени кореннымъ образомъ отличались отъ нашихъ.

Феодальная семья, послѣдняя историческая форма патріархальной жизни, уже давно исчезла и основной общественной единицей служить теперь не семья или родъ, состоящій изъ всѣхъ предполагаемыхъ нисходящихъ отъ общаго предка, но личность, или по крайней мѣрѣ супружеская чета съ неотдѣленными дѣтьми. Собственность принадлежитъ теперь не личностямъ, а семьямъ: дѣти, по достиженіи зрѣлаго возраста не слѣдуютъ занятіямъ и не идутъ по пути родителей; если они и участвуютъ въ денежныхъ средствахъ родителей, то это зависитъ отъ желанія отца или матери; это участіе не опредѣляется ихъ правомъ на общую собственность, а лишь на долю, которой могутъ распоряжаться ихъ родители. Въ Англіи родители имѣютъ даже право лишать дѣтей наслѣдства и отдавать свое имущество постороннимъ. Это правило терпитъ ограниченіе лишь при субституціяхъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. Болѣе далекіе родственники почти вполне выдѣлены изъ семьи и ея интересовъ и при томъ такъ, какъ будто-бы они не связаны съ ней никакимъ образомъ. Единственное право, которое, какъ предполагается, они имѣютъ къ своимъ болѣе богатымъ родственникамъ заключается въ томъ,

что имъ предпочтительно предъ прочими оказывается вниманіе и помощь въ случаяхъ дѣйствительной необходимости.

Такое крупное видоизмѣненіе въ общественномъ устройствѣ должно вызывать значительное различіе въ тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ зиждется право пріобрѣтенія собственности чрезъ наслѣдованіе. Основанія, обыкновенно приводимыя новѣйшими писателями въ пользу передачи собственности умершихъ къ ихъ дѣтямъ или близкимъ родственникамъ, заключается въ слѣдующемъ: во первыхъ, по ихъ предположенію, вводя такое постановленіе, законъ скорѣе всего поступаетъ такъ, какъ поступилъ-бы собственникъ, если-бы ему удалось обнаружить свою волю; и во вторыхъ, жестоко повергать бѣдности и лишеніямъ тѣхъ, кто жилъ вмѣстѣ съ родителями, участвовалъ въ ихъ богатствѣ и пользовался его благами.

Нѣкоторая доказательная сила въ этой аргументаціи имѣется. Законъ, безъ сомнѣнія, долженъ выполнить по отношенію къ дѣтямъ и къ зависѣвшимъ отъ лица, не оставившаго послѣ себя завѣщанія, то, что входило въ обязанность родителя или покровителя, но лишь въ той мѣрѣ, на сколько о характерѣ этой обязанности могутъ судить посторонніе люди. А такъ какъ, законъ не можетъ примѣняться къ отдѣльнымъ случаямъ, но долженъ создавать общія правила, то намъ и надлежитъ перейти къ разсмотрѣнію послѣднихъ.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что за отсутствіемъ какихъ нибудь личныхъ причинъ, по отношенію къ какому нибудь отдѣльному лицу, никто не обязанъ оставлять денежное обезпеченіе

боковымъ родственникамъ. Никто изъ нихъ не надѣется на наслѣдство, если у лица имѣются прямыя наслѣдники; такихъ надеждъ не существовало-бы даже при отсутствіи дѣтей, если-бы ожиданіе не возбуждалось постановленіями закона на случай смерти безъ завѣщанія. Я, поэтому, не вижу совершенно основаній для существованія наслѣдованія боковыхъ лицъ. Бенгамъ много времени тому назадъ высказалъ предположеніе и многіе изъ высшихъ авторитетовъ согласились съ его мнѣніемъ, что слѣдовало-бы установить переходъ собственности къ государству въ томъ случаѣ, если не имѣется родственниковъ по нисходящей или восходящей линіи. Едва-ли кто станетъ оспаривать основательность этого предложенія по отношенію къ отдаленнымъ степенямъ боковой линіи. Немного найдется людей, которые станутъ утверждать, что имѣется какое нибудь разумное основаніе, чтобы имущество какого нибудь бездѣтнаго скряги шло послѣ его смерти на обогащеніе отдаленнаго родственника, который никогда не видѣлъ его и не зналъ даже о существованіи своихъ родственныхъ связей, пока не сталъ рассчитывать на наслѣдство, другими словами, чтобы наслѣдство шло къ лицу, которое имѣетъ не болѣе нравственныхъ правъ на него, чѣмъ и всякое постороннее лицо. Но тоже основаніе равнымъ образомъ прилагается къ наслѣдникамъ боковыхъ линій болѣе близкихъ степеней. Боковые наслѣдники не имѣютъ какихъ нибудь реальныхъ преимуществъ, какими не обладаютъ въ равной же степени и неродственники, и какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ существуютъ вѣскія

основанія для того, чтобы имущество переходило по завѣщанію.

Права дѣтей совершенно иного рода: они имѣютъ реальное значеніе и неопровержимы. Но постановленія, относящіяся даже къ правамъ послѣднихъ, мнѣ кажутся ошибочными; то, что по праву принадлежитъ дѣтямъ, какъ мнѣ кажется, въ однихъ случаяхъ опредѣляется слишкомъ узко, въ другихъ преувеличивается. Въ жизни не обращаютъ вниманія, а въ теоріи относятся съ легкомысліемъ, недостойнымъ человѣческаго ума, къ одной изъ самыхъ важнѣйшихъ обязанностей человѣка, которая требуетъ производить на свѣтъ дѣтей только тогда, если имѣются средства для надлежащаго воспитанія ихъ въ дѣтствѣ и при томъ такого, которое даетъ вѣроятность пріобрѣтать средства къ существованію по достиженіи зрѣлаго возраста. Но права дѣтей на собственность, если родители имѣютъ ее, мнѣ кажется служить предметомъ ошибки другого рода. Я не могу допустить, чтобы отецъ, какимъ-бы способомъ онъ не пріобрѣлъ или унаслѣдовалъ свою собственность, могъ передавать ее дѣтямъ только потому, что они его дѣти и такимъ образомъ дѣлать ихъ богатыми безъ всякой необходимости въ трудѣ. Я возражалъ-бы противъ подобнаго порядка даже въ томъ случаѣ, если-бы такое наслѣдство всегда и навѣрно приносило пользу для самихъ дѣтей, но это въ высшей степени сомнительно. Все зависитъ отъ индивидуальнаго характера. Не прибѣгая къ наиболее крайнимъ случаямъ, можно сказать, что въ большинствѣ случаевъ интересы не только общества, но и отдѣльныхъ личностей

будутъ лучше соблюдены, если дѣти будутъ получать не крупное, а умеренное наслѣдство. Это положеніе, ставшее общимъ мѣстомъ у моралистовъ древняго и новаго міра, признается истиннымъ многими интеллигентными родителями и приводилось-бы въ исполненіе гораздо чаще, если-бы они обращали больше вниманія на то, что дѣйствительно полезно ихъ дѣтямъ, а не на то, что полезно для нихъ по мнѣнію другихъ.

Обязанности родителей къ дѣтямъ неразрывно связаны съ тѣмъ фактомъ, что они дали имъ жизнь. Родитель обязанъ предъ обществомъ сдѣлать изъ своего ребенка хорошаго и достойнаго члена общества, для чего онъ долженъ доставить, насколько это въ его силахъ, своимъ дѣтямъ такое воспитаніе, такія знанія и средства, при помощи которыхъ они могли-бы начать жизнь, имѣя надлежащія шансы успѣшно устроить свою жизнь собственнымъ трудомъ. Такое право принадлежитъ всякому ребенку, но я не могу допустить, чтобы онъ могъ требовать чего нибудь больше. Есть случай, въ которомъ эти обязательства представляются въ истинномъ свѣтѣ и не затемняются никакими внѣшними обстоятельствами; это случай относительно незаконнорожденныхъ. Всѣ чувствуютъ, что родитель долженъ доставить такому ребенку запасъ средствъ, съ которыми онъ могъ бы устроить свою жизнь такъ, чтобы она была явленіемъ желательнымъ. Я полагаю, что всякое дитя, какъ таковое, не обладаетъ бѣльшими правами сравнительно съ тѣми, которыя признаются за незаконнорожденными, и что дитя, получившее такую долю, не имѣетъ права жаловаться во всѣхъ случаяхъ,

за исключеніемъ тѣхъ, когда у нихъ неосновательно возбуждены иныя ожиданія, на то, что оставшаяся доля родительскаго имущества поступаетъ на общественныя надобности или вручается лицамъ, которымъ по мнѣнію родителямъ это болѣе приличествуетъ.

Для того, чтобы дать дѣтямъ вѣрный шансъ желательнаго существованія, на которое они имѣютъ право, по общему правилу необходимо, чтобы съ дѣтства они не воспитывались въ роскоши, на которую они не будутъ имѣть средствъ въ послѣдующей жизни. Эта обязанность часто самымъ явнымъ образомъ нарушается людьми съ пожизненными доходами, которые имѣютъ очень мало имущества могущаго перейти по наслѣдству. Если дѣти богатыхъ родителей жили, какъ это естественно и должно происходить, въ условіяхъ соответствующихъ размѣру расходовъ ихъ родителей, то послѣдніе обязаны оставить имъ больше сравнительно съ тѣмъ, что было-бы достаточно для дѣтей, воспитанныхъ иначе. Я говорю вообще, ибо даже здѣсь на вопросъ можно взглянуть съ другой стороны. Можно доказывать какъ положеніе, что для сильной природы, борющейся за существованіе въ условіяхъ весьма тягостныхъ, бываетъ весьма полезно испытать въ ранній періодъ жизни нѣкоторыя изъ ощущеній, доставляемыхъ богатствомъ. Это полезно не только для образованія характера, но и для пониманія житейскаго счастья. Допустимъ даже, что дѣти воспитанные въ условіяхъ роскошной жизни, на которую впоследствии они вѣроятно не могутъ рассчитывать, имѣютъ полное основаніе жаловаться, а слѣдовательно и право требовать над-

лежащаго обезпеченія, соотвѣтствующаго условіямъ ихъ воспитанія. Тѣмъ не менѣе такое требованіе весьма часто можетъ быть доводимо до предѣловъ, превышающихъ размѣры, оправдываемые основаніями, на которыхъ оно покоится. Съ подобнымъ случаемъ, мы имѣемъ, дѣло на примѣръ, въ порядкѣ наслѣдованія аристократіи и земельнаго дворянства, наибольшая масса имущества которыхъ переходитъ къ старшему сыну. Другіе сыновья, обыкновенно весьма многочисленные по числу, воспитываются въ тѣхъ-же привычкахъ роскошной жизни, какъ и будущій первонаслѣдникъ и получаютъ, какъ младшіе братья, по общему правилу такую долю, которая, сообразно съ каждымъ даннымъ случаемъ, доставляетъ имъ лично возможность вести привычную жизнь, но не даетъ средствъ для содержанія жены и дѣтей. Право, никто не имѣетъ основаній жаловаться, если для женитьбы и содержанія дѣтей онъ долженъ пріобрѣтать средства собственнымъ трудомъ.

Такимъ образомъ я полагаю, что всѣ родители должны давать своимъ дѣтямъ только такую долю имущества, которая считается достаточной для незаконнорожденныхъ или младшихъ дѣтей. Во всякомъ случаѣ, такую норму слѣдуетъ признать совершенно достаточной, если принимаются лишь требованія справедливости и реальные интересы отдѣльныхъ личностей и общества. Тотъ-же размѣръ наслѣдства государство обязано признавать за дѣтьми тѣхъ, которые умерли безъ завѣщанія. Весь наличный избытокъ, я полагаю, съ полнымъ основаніемъ можетъ быть отданъ на удовлетвореніе общественныхъ потребностей. Не слѣдуетъ

думать, будто я рекомендую, что родители никогда не должны давать дѣтямъ болѣе того, на что, какъ дѣти, они имѣютъ нравственное право. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ необходимо, въ другихъ—похвально и во всѣхъ—допустимо давать больше. Средства къ этому однако даются свободой завѣщанія. Не дѣти, но родители должны обладать возможностью обнаруживать расположеніе, вознаграждать услуги и жертвы и вообще распоряжаться своимъ богатствомъ, руководствуясь при этомъ тѣмъ или инымъ предпочтеніемъ и сужденіемъ о цѣлесообразности.

Завѣщаніе.

Слѣдующимъ вопросомъ чрезвычайной важности является вопросъ о томъ, слѣдуетъ-ли подвергать какимъ нибудь ограниченіямъ право завѣщанія. Въ отличіе отъ наслѣдованія безъ завѣщанія, основной принадлежностью права собственности слѣдуетъ признать—завѣщаніе. Собственность не можетъ разсматриваться какъ нѣчто полное, если ее нельзя передать въ другія руки при жизни или послѣ смерти по волѣ собственника. И всѣ доводы, говорящіе въ пользу сохраненія частной собственности, требуютъ одновременно и расширенія этого права въ указанномъ смыслѣ. Собственность есть только средство къ цѣли, но не сама цѣль. Правомъ завѣщанія можно пользоваться, во вредъ постояннымъ интересамъ человѣческаго рода, гораздо болѣе чѣмъ всѣми другими правами, происходящими изъ права собственности. Завѣщатель нарушаетъ эти интересы, если недовольствуясь

отказомъ имѣнія въ пользу А, онъ въ то же время предписываетъ, что послѣ смерти А, имущество должно перейти къ его старшему сыну и въ той-же послѣдовательности до безконечности. Безъ сомнѣнія, отдѣльныя лица иногда усерднѣе стремились къ пріобрѣтенію состоянія въ надеждѣ обособовать семью, существующую вѣка; но вредъ, приносимый такими постановленіями на вѣчныя времена для общества гораздо болѣе той пользы, которая создается побужденіями къ особой старательности въ пріобрѣтеніи; у тѣхъ, которые имѣютъ возможность составить хорошее состояніе, имѣется и безъ того достаточно побужденій къ дѣятельности. Подобное злоупотребленіе правомъ завѣщанія имѣется и въ томъ случаѣ, когда лицо, совершающее почтенный актъ оставленія собственности для общественныхъ цѣлей, въ то-же время предписываетъ на вѣчное время всѣ способы ея употребленія. Когда, на примѣръ, учреждая воспитательное заведеніе, собственникъ предписываетъ, какія ученія должны преподаваться въ немъ на вѣчное время. Такъ какъ невозможно знать, какія ученія черезъ сотни лѣтъ послѣ его смерти могутъ служить предметомъ преподаванія, то законъ не долженъ давать признанія подобнымъ завѣщательнымъ распоряженіямъ иначе, какъ подъ условіемъ пересмотра черезъ извѣстныя промежутки времени программъ преподаванія со стороны авторитетной власти.

Эти ограниченія, и ихъ необходимость, составляютъ дѣло очевидное. Но даже простѣйшая форма пользованія этимъ правомъ, а именно право опредѣлять лицо, къ которому собственность должна перейти непосредственно послѣ смерти завѣ-

щателя, всегда разсматривалась какъ одна изъ привиллегій, которая можетъ быть ограничена или видоизмѣнена сообразно съ требованіями цѣлесообразности. До сихъ поръ ограниченія эти устанавливались лишь исключительно въ пользу дѣтей. Въ Англіи право завѣщанія по принципу не ограничивается ничѣмъ; единственнымъ стѣсненіемъ служить распоряженіе, сдѣланное предшествовавшимъ собственникомъ; но въ этомъ случаѣ временный владѣлецъ конечно не можетъ завѣщать своего имущества потому, что онъ не имѣетъ ни какихъ правъ на завѣщаніе, а только пожизненное владѣніе. По Римскому закону, на которомъ основано главнымъ образомъ гражданское законодательство Европы, завѣщаніе первоначально не было совсѣмъ дозволено, и даже послѣ его установленія нѣкоторая законная доля должна была поступать въ пользу каждаго ребенка; такой законъ держится еще и теперь у нѣкоторыхъ націй континента. По Французскому закону, со времени великой революціи, родитель можетъ распоряжаться по произволу только такой долей, своего имущества которая равна долѣ одного изъ своихъ дѣтей, при чемъ всѣ дѣти считаются получающими равную долю. Этотъ фидеи-комиссъ, какъ его можно было-бы назвать, на всю массу собственности лица въ пользу его дѣтей, кажется мнѣ столь-же мало достойнымъ по принципу защиты, какъ и фидеи-комиссъ въ пользу одного ребенка. Первый только по внѣшности не противорѣчитъ такъ непосредственно представленіямъ о справедливости. Я не могу признать, чтобы можно было принуждать родителей давать дѣтямъ даже то, на

что, какъ дѣти, и какъ я выше указалъ, они имѣютъ нравственное право. Дѣти могутъ потерять такое свое право въ силу своей непорядочности, или въ силу особенно непозволительнаго отношенія къ родителямъ; они могутъ имѣть другіе источники или надежды на полученіе средствъ къ существованію. Полученное воспитаніе и положеніе въ жизни, доставленное имъ прежде, могутъ вполне удовлетворить ихъ нравственному требованію. А кромѣ того, по сравненію съ ними, другіе могутъ имѣть еще и большія права.

Чрезвычайное ограниченіе въ правѣ завѣщанія по французскому закону было принято какъ демократическое средство, при помощи котораго надѣялись сокрушить право первородства и воспрепятствовать стремленію наследственной массы сливаться въ большія имущества. Я вполне согласенъ, что такое дѣло въ высшей степени желательно, но средства, выбранныя для его осуществленія, мнѣ не кажутся цѣлесообразными. Если-бы мнѣ пришлось составить кодексъ законовъ на основаніяхъ, которыя я считалъ-бы наилучшими и которыя не принимаютъ въ расчетъ существующія мнѣнія и чувствованія, я предпочелъ-бы ввести ограниченіе не относительно того, что можно завѣщать, а относительно того, что можно приобрѣтать по завѣщанію или чрезъ наследованіе. Всякое лицо должно было-бы имѣть право распоряжаться по произволу его или ея собственностью, но не могло-бы расточать свое имущество на обогащеніе нѣкоторыхъ личностей, свѣше извѣстнаго предѣла, который долженъ быть вполне достаточенъ для доставленія средствъ, обеспечи-

вающихъ благосостояніе и независимость. Неравенства въ собственности, проистекающія изъ различія въ трудолюбіи, воздержанности, настойчивости, талантовъ и до извѣстной степени изъ различія въ благопріятности условій, неразрывно связаны съ принципомъ частной собственности, а допуская его, мы должны принять и послѣдствія его. Но я не вижу возраженій противъ опредѣленія нормы того, что каждый можетъ пріобрѣсти безъ всякаго употребленія своихъ способностей чрезъ простое доброжелательство другихъ людей. Если онъ хочетъ еще увеличить свое состояніе, пусть работаетъ для этого. Я не думаю, чтобы такое ограниченіе въ правѣ завѣщанія чувствовалось, какъ тягостное, завѣщателями, которые цѣнятъ значительное состояніе по его настоящему значенію, а именно по тѣмъ выгодамъ и удовольствіямъ, которыя можно купить за него; и даже при самой поверхностной оцѣнкѣ для всякаго станетъ ясно, что различіе между счастіемъ владѣльца средствъ, дающимъ скромную независимость, и владѣльцемъ въ пять разъ большаго имущества совершенно ничтожно, если мы станемъ сопоставлять его съ той массой счастья, удовольствія и выгодъ, которыя могли-бы осуществиться при иномъ употребленіи четырехъ/пятыхъ. До тѣхъ поръ, конечно, пока въ жизни господствуетъ убѣжденіе, что нѣтъ лучшаго средства обнаружить расположеніе, какъ осыпать лицо до пресыщенія тѣми по существу бесполезными вещами, на которыя въ большинствѣ случаевъ теперь истрачивается богатство, до тѣхъ поръ мало смысла создавать такой законъ, если можно надѣяться даже на то, что онъ получитъ осуще-

ствленіе, ибо гдѣ есть желаніе, тамъ всегда найдется и возможность обходить законъ. Законъ оставался-бы безсильнымъ, если-бы общественное мнѣніе не поддерживало его энергично; при извѣстномъ положеніи общества и составѣ правительства, такая поддержка общественнаго мнѣнія возможна, что подтверждается отчасти сильной привязанностью во Франціи къ закону о принудительномъ раздѣлѣ. Однако въ настоящее время въ Англіи такой поддержки ждать нельзя, но если-бы можно было провести въ жизнь это ограниченіе, послѣдствія были-бы благодѣтельны. Богатство, которое нельзя было-бы употреблять на чрезмѣрное обогащеніе немногихъ, пошло-бы на общепользныя цѣли, или, доставаясь частнымъ лицамъ, распредѣлялось-бы между большимъ ихъ числомъ. При такомъ положеніи вещей громадныя богатства, въ которыхъ никто не нуждается для личныхъ и разумныхъ цѣлей, а лишь для тщеславія и вреднаго могущества, сдѣлаются менѣе многочисленны; такимъ образомъ сильно увеличится количество лицъ, живущихъ въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, пользующихся выгодами досуга и всѣми истинными наслажденіями, которыя можетъ доставить богатство, кромѣ тщеславія; возникнетъ классъ, который будетъ воздѣйствовать на общество непосредственно или чрезъ вліяніе, оказываемое на чувствованія и вкусы, и услуги котораго будутъ гораздо болѣе благодѣтельны, чѣмъ услуги подобнаго же класса, пользующагося досугомъ теперь. Точно также значительное число накопленій изъ успѣховъ промышленности вѣроятно будетъ посвящено на общественныя цѣли: прямымъ отказомъ въ пользу государства, или пожертвова-

ніями на учрежденія. Такъ и дѣлается уже весьма часто въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ идеи и обычаи въ вопросѣ о наслѣдованіи необыкновенно разумны и благодѣтельны.

Еще нѣкоторыя соображенія.

Существеннымъ началомъ собственности является стремленіе обезпечить за каждымъ лицомъ то, что оно произвело своимъ трудомъ или накопило путемъ воздержанія; это начало не можетъ прилагаться къ тому, что не произведено трудомъ, а именно къ сырому матеріалу земли. Если-бы земля вполнѣ получала свою производительную силу отъ природы и никакую ея долю отъ труда, или если-бы была возможность опредѣлить, что создается каждымъ изъ этихъ источниковъ, то не только было-бы необходимо, но и въ высшей степени справедливо не допускать присвоеніе частными лицами даровъ природы. Но если земля и не продуктъ труда, то почти всѣ цѣнныя свойства ея продуктъ такового. Трудъ не только нуженъ для употребленія этого орудія, но почти въ той-же мѣрѣ и для приведенія этого орудія въ состояніе, въ которомъ оно можетъ быть полезно. Часто нужно затратить предварительно значительное количество труда для очистки земли подъ обработку. Во многихъ случаяхъ даже послѣ такой очистки, производительность земли всецѣло продуктъ труда и его искусства.

Плоды труда не могутъ быть пожаты въ краткій періодъ времени. Трудъ и затраты дѣлаются сразу, а полученіе выгодъ распредѣляется на длинный

рядъ лѣтъ, а можетъ быть и на все будущее. Человѣкъ, владѣющій землею, не станетъ затрачивать на нее свой трудъ и дѣлать расходы, если результатами ихъ воспользуется не онъ, а посторонніе. Если онъ дѣлаетъ рядъ улучшеній, онъ долженъ имѣть достаточный періодъ времени для полученія выгодъ; быть-же увѣреннымъ въ томъ, что у него будетъ такой періодъ времени, онъ можетъ лишь при признаніи его владѣнія вѣчнымъ. Таковы основанія, служащія оправданіемъ права земельной собственности съ экономической точки зрѣнія, но ясно, что онѣ имѣютъ значеніе лишь тогда, если собственникъ земли заботится о ея улучшеніи. Во всякой странѣ, гдѣ собственники, говоря вообще, перестаютъ быть улучшателями своихъ земель, политическая экономія ничего не можетъ сказать въ ихъ защиту. Никакая разумная теорія частной собственности никогда не воображала, что собственникомъ земли можетъ быть человѣкъ, пользующійся ею какъ синекурой. Слѣдуетъ помнить, что какое-бы количество движимаго имущества не пріобрѣталъ человѣкъ, это не мѣшаетъ другимъ дѣлать подобныя-же пріобрѣтенія; по самому существу дѣла, собственникъ земли лишаетъ другихъ возможности пользоваться ею. Привиллегія-же, или монополія подлежитъ защитѣ лишь, какъ необходимое зло; она становится несправедливостью, если зло не вознаграждается благомъ, создаваемымъ этой монополіей.

Кромѣ права собственности на продукты труда и земли—имѣются и другія вещи, которыя являлись или были предметомъ собственности, хотя таковая не должна была-бы существовать совершенно. Первый изъ такихъ случаевъ—право собственности на человѣческую личность. Почти излишне замѣчать,

что подобное учрежденіе не можетъ имѣть мѣста въ обществѣ, которое желаетъ быть основано на началахъ справедливости и на добромъ отношеніи человѣческихъ существъ между собою. Другимъ примѣромъ служитъ право собственности, которое не слѣдовало создавать, на общественныя должности и на наслѣдственную юрисдикцію, переходящую къ человѣку вмѣстѣ съ землей въ странахъ, еще не совершенно освободившихся отъ феодализма и т. п. Иногда собственность создается еще передачей права облагать налогомъ публику, напримѣръ, при установленіи монополій или исключительныхъ привилегій. Эти злоупотребленія существуютъ преимущественно въ полуварварскихъ странахъ, но примѣры ихъ встрѣчаются и въ странахъ, которыя считаются самыми образованными. Во Франціи нѣкоторые важнѣйшіе промыслы и профессіи могутъ имѣть только определенное закономъ число лицъ. Таковы профессіи нотаріусовъ, повѣренныхъ по дѣламъ, маклеровъ, оцѣнщиковъ, типографщиковъ и до послѣдняго времени булочниковъ и мясниковъ. *Brevet* или *patent* на одно изъ такихъ дозволенныхъ мѣстъ имѣетъ по этому высокую рыночную цѣну.

Вотъ, что мы хотѣли сказать по вопросу о собственности, котораго нельзя не коснуться въ политической экономіи, но при разсмотрѣніи котораго, нельзя удовлетворяться одними экономическими соображеніями. Теперь мы должны заняться изслѣдованіемъ, на какихъ началахъ и съ какими послѣдствіями происходитъ распределеніе продукта труда и земли въ условіяхъ, которыя создаются учрежденіемъ собственности для различныхъ членовъ общества *).

---

*) Этотъ параграфъ сильно сокращенъ. Пр. пер. А. М.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Классы, между которыми раздѣляется продуктъ.

Иногда продуктъ раздѣляется между тремя классами.

Признавъ частную собственность какъ существующій фактъ, мы должны теперь указать на то число различныхъ классовъ, которые порождаются этимъ учрежденіемъ, указать тѣ классы, содѣйствіе или по крайней мѣрѣ разрѣшеніе которыхъ необходимо для производства и которые по этому имѣютъ право выговаривать себѣ долю въ продуктѣ. Мы должны разсмотрѣть, по какимъ законамъ продуктъ распредѣляется между этими классами при естественномъ содѣйствіи заинтересованныхъ сторонъ. Послѣ этого намъ придется остановиться еще на дальнѣйшемъ вопросѣ и разсмотрѣть, какія послѣдствія вытекаютъ и могутъ происходить отъ замѣны или видоизмѣненія этого процесса распредѣленія воздѣйствіемъ законовъ и учреждений, а также мѣропріятій правительства. Какъ мы уже неоднократно говорили тремя необходимыми элементами производ-

ства служатъ: трудъ, капиталъ и земля, подъ капиталомъ мы понимаемъ средства и созданныя для труда условія, которыя являются накопленнымъ результатомъ предшествовавшаго труда, а подъ землею разумѣются матеріалы и силы, доставляемыя природою и находящіяся или на поверхности ея или въ нѣдрахъ. Такъ какъ каждый изъ этихъ элементовъ можетъ быть обособленно обращенъ въ собственность, то и промышленное общество можно представлять себѣ раздѣленнымъ на три класса: землевладѣльцевъ, капиталистовъ и производительныхъ работниковъ. Каждый изъ этихъ классовъ, какъ таковой получаетъ долю продукта. Всякое другое лицо или классъ можетъ получить продуктъ лишь въ томъ случаѣ, если онъ будетъ уступленъ ему какимъ нибудь изъ вышеуказанныхъ классовъ. Все остальное общество въ сущности содержится за ихъ счетъ, не оплачивая получаемое равноцѣнностями, или давая въ обмѣнъ только то, что выражается въ непроизводительныхъ услугахъ. Поэтому въ политической экономіи все общество представляется, какъ состоящее лишь изъ этихъ трехъ классовъ.

*Иногда продуктъ достается одному классу,
а иногда и двумъ.*

Эти три класса существуютъ иногда, какъ нѣчто обособленное и раздѣляютъ продуктъ между собою. Но это имѣетъ мѣсто не всегда и не неизбежно. Въ дѣйствительности можно указать только два или три общества, гдѣ подобное обособленіе классовъ служитъ общимъ правиломъ. Англія и Шотландія

и нѣкоторыя части Бельгіи и Голландіи—вотъ почти единственные страны въ мірѣ, гдѣ земля, капиталъ и трудъ, затрачиваемые въ земледѣліи, принадлежатъ разнымъ собственникамъ. Самымъ распространеннымъ явленіемъ служитъ такой порядокъ, когда лицо обладаетъ двумя или всѣми тремя элементами производства.

Случай, когда одно лицо обладаетъ всѣми тремя элементами производства, касается двухъ крайнихъ состояній человѣческаго общества, если разсматривать его съ точки зрѣнія независимости и достоинства рабочихъ классовъ. Во первыхъ, это бываетъ въ томъ случаѣ, когда работникъ самъ является собственникомъ. Въ такомъ положеніи по общему правилу находятся рабочіе въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Столь-же часто подобное явленіе встрѣчается во Франціи, Швейцаріи, трехъ Скандинавскихъ государствахъ и въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи; рѣже въ нѣкоторыхъ частяхъ Италіи и Бельгіи. Во всѣхъ этихъ странахъ, безъ сомнѣнія имѣется и крупная земельная собственность, а въ особенности такая, которая, не будучи крупной по размѣрамъ, тѣмъ не менѣе нуждается въ случайныхъ или постоянныхъ услугахъ наемныхъ рабочихъ. Значительное количество земли раздѣлено однако на столь мелкіе участки, что едва-ли требуетъ большаго количества труда, чѣмъ тотъ, который можетъ доставить крестьянинъ и его семья; иногда участокъ земли на столько малъ, что не въ состояніи дать занятія и этому труду. Затраченный капиталъ не всегда принадлежитъ крестьянину-собственнику; значительная доля мелкихъ участковъ послѣднихъ за-

ложена для приобрѣтенія орудій обработки; но капиталъ вложенъ подъ собственнымъ рискомъ крестьянина, который, хотя и платитъ проценты, но котораго никто не можетъ лишить права распоряжаться своей собственностью, пока земля не переходитъ во владѣніе заимодавца въ случаѣ неплатежа процентовъ.

Съ другимъ случаемъ, когда трудъ, земля и капиталъ принадлежатъ одному лицу, мы имѣемъ дѣло въ странахъ съ существованіемъ рабства, гдѣ работники служатъ предметомъ собственности для землевладѣльцевъ. Наша Восточная Индія до освобожденія и „сахарныя“ плантаціи въ колоніяхъ странъ, которыя еще и до сихъ поръ не выполнили подобнаго акта справедливости, служатъ обращикомъ крупныхъ, земледѣльческихъ и фабричныхъ заведеній, (въ производствѣ сахара и рома земледѣліе и фабрикація равно имѣютъ мѣсто), гдѣ земля, фабрики (если можно такъ выразиться о нихъ), машины и несчастные работники являются собственностью капиталиста. Въ этомъ, какъ и въ прямо противоположномъ случаѣ—крестьянской собственности—раздѣленіе продукта не существуетъ.

Если три элемента производства не принадлежатъ одному и тому же лицу, то часто бываетъ, что ему принадлежатъ только два. Иногда лицо является собственникомъ земли и капитала, но не труда. Землевладѣлецъ прямо вступаетъ въ договоръ съ работникомъ и доставляетъ ему капиталъ потребный для обработки. Эта система часто встрѣчается въ тѣхъ частяхъ континентальной Европы, гдѣ работники не рабы, но и не собственники. Она была очень распространена во Франціи до

революціи и теперь еще встрѣчается въ тѣхъ частяхъ этой страны, гдѣ земля не принадлежитъ земледѣльцу. Она вообще господствуетъ на равнинахъ Италіи, за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, гдѣ, какъ, въ мареммахъ Тосканіи и въ Римской кампаніи—главнымъ образомъ распространено скотоводство. При такой системѣ продуктъ раздѣляется между землевладѣльцемъ и работникомъ.

Въ другихъ случаяхъ работникъ не обладаетъ землею, а только небольшимъ капиталомъ и не въ обычаѣ получать его отъ землевладѣльца. Такая система господствуетъ въ Ирландіи; она-же почти повсемѣстно распространена въ Индіи и во всѣхъ странахъ Востока, независимо отъ того, удерживаетъ-ли правительство, какъ это чаще всего и бываетъ, собственность на землю въ своихъ рукахъ, или раздаетъ ее частями отдѣльнымъ лицамъ въ собственность безусловно или подъ условіемъ. Въ Индіи, однако, положеніе дѣль гораздо лучше, чѣмъ въ Ирландіи, ибо собственникъ земли въ Индіи дѣлаетъ обыкновенно ссуды земледѣльцу, если послѣдній не въ состояніи обрабатывать земли безъ нихъ. За эти ссуды частный землевладѣлецъ требуетъ высокихъ процентовъ, но главный землевладѣлецъ—правительство дѣлаетъ ихъ безвозмездно, взыскивая ссуды послѣ жатвы вмѣстѣ съ рентою. Продуктъ здѣсь раздѣляется между двумя классами: между землевладѣльцемъ и рабочимъ.

Таковы главныя черты классификаціи тѣхъ, между которыми распредѣляется продуктъ земледѣльческаго труда. Въ фабричной промышленности никогда не встрѣчается болѣе двухъ классовъ: рабочихъ и капиталистовъ. Первоначальными ремес-

ленниками во всѣхъ странахъ были или рабы, или женщины, принадлежавшія къ семьѣ. Въ фабричныхъ заведеніяхъ древнихъ, были-ли они крупнаго или мелкаго типа, работники были собственностью капиталиста. Съ достоинствомъ свободнаго чело-вѣка, если и считался совмѣстимымъ какой-нибудь трудъ, то только земледѣльческій. Противоположная система, когда капиталъ является собственностью работника, появилась однако съ возникно-веніемъ свободнаго труда; и въ эту эпоху были произведены первые крупные успѣхи въ фабричномъ производствѣ. Ремесленникъ обладалъ рабочимъ станкомъ, немногими потребными орудіями, но за то и работалъ за свой счетъ. Онъ по крайней мѣрѣ кончалъ этимъ, хотя начиналъ обыкновенно съ работы на другого, сначала какъ ученикъ, по-томъ какъ подмастерье и только чрезъ извѣстное количество лѣтъ онъ дѣлался мастеромъ. Но средне-вѣковые цехи и гильдіи не имѣли въ своемъ со-ставѣ подмастерьевъ, всю жизнь остающихся на-емниками и ничего болѣе. Въ деревняхъ, гдѣ плот-никъ и кузнецъ не можетъ жить и содержать ра-ботниковъ за счетъ своего промысла, они теперь еще остаются собственными и единственными работни-ками; при подобныхъ же условіяхъ купецъ остает-ся своимъ же прикащикомъ. Но гдѣ размѣръ рынка это допускаетъ, тамъ уже вполне установилось различіе между классомъ капиталистовъ, нанима-ющихъ трудъ и между классомъ работниковъ, про-дающихъ его. Капиталисты по общему правилу не выполняютъ другого труда, кромѣ надзора и управ-ленія.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Соперничество и обычай.

Соперничество не является единственнымъ регуляторомъ раздѣла продукта.

При господствѣ индивидуальной собственности, раздѣленіе продукта является результатомъ двухъ опредѣляющихъ силъ: соперничества и обычая. Важно опредѣлить значеніе, которое принадлежитъ вліянію каждой изъ этихъ причинъ и какимъ образомъ дѣйствіе одной изъ нихъ видоизмѣняется вмѣшательствомъ другой.

Экономисты вообще, а англійскіе въ особенности, привыкли придавать исключительное значеніе первой изъ этихъ причинъ; они преувеличиваютъ силу соперничества и мало принимаютъ во вниманіе значеніе другого и противоборствующаго ему начала. Они склонны выражаться такъ, какъ будто думаютъ, что во всѣхъ случаяхъ соперничество дѣйствительно выполняетъ всё, къ чему направлены его стремленія. Такая точка зрѣнія сдѣлается от-

части намъ понятной, если мы примемъ во вниманіе, что только благодаря соперничеству, политическая экономія можетъ требовать признанія, какъ наука. Если ренты, прибыли, заработныя платы и цѣны опредѣляются соперничествомъ, то мы можемъ найти для нихъ законы. Допустивъ, что соперничество является ихъ единственнымъ опредѣлителемъ, мы тѣмъ самымъ можемъ найти законы, которымъ они подчиняются, и они будутъ имѣть обширнѣйшее приложеніе и научную точность. Экономистъ справедливо полагаетъ, что въ этомъ въ сущности и заключается его задача и какъ абстрактная или гипотетическая наука, политическая экономія не обязана и не можетъ дѣлать ничего болѣе. Но это значило-бы совершенно не понимать истиннаго хода человѣческихъ дѣлъ, допуская предположеніе, будто соперничество имѣетъ въ жизни такое неограниченное вліяніе. Выражаясь такъ, я не говорю о естественныхъ или искусственныхъ монополіяхъ и о вмѣшательствѣ правительства въ свободу производства и обмѣна. Подобныя нарушающія вліянія всегда принимались во вниманіе экономистами. Я говорю о случаяхъ, гдѣ дѣйствіе соперничества неограничено, гдѣ не имѣется ни природныхъ, ни искусственныхъ препятствій, но гдѣ тѣмъ не менѣе конечный результатъ зависитъ не отъ соперничества, а опредѣляется привычкой или обычаемъ; здѣсь соперничество или не дѣйствуетъ совсѣмъ, или производитъ послѣдствія, совершенно различныя съ тѣми, которыя обыкновенно считаются естественными для него.

Вліяніе обычая на ренты и на наемъ земли.

Соперничество въ дѣйствительности стало руководящимъ началомъ договоровъ и при томъ въ сколько нибудь значительной степени лишь въ новѣйшее время. Чѣмъ далѣе заглядываемъ мы въ глубь исторіи, тѣмъ яснѣе для насъ, что всѣ сдѣлки и договоры совершались подъ непосредственнымъ вліяніемъ опредѣленныхъ обычаевъ. Причина тому очевидна. Обычай является сильнѣйшимъ покровителемъ слабого противъ сильнаго. Онъ является ихъ единственнымъ покровителемъ. гдѣ нѣтъ законовъ или правительства, достаточно сильныхъ для того, чтобы оказывать защиту. Даже при самомъ угнетенномъ состояніи людей, обычай является преградой, которую тиранія до извѣстной степени должна уважать. Для трудящагося населенія, при безпокойномъ военномъ состояніи общества, свобода соперничества—пустая фраза. Трудящіеся никогда не въ состояніи заключать договоры въ его условіяхъ; всегда найдется господинъ, который положитъ свой мечъ на чашу вѣсовъ и условія договора будутъ такіа, какія онъ пожелаетъ. Но хотя, при такомъ положеніи вещей, право сильнаго рѣшаетъ, но не въ интересахъ и не въ обычай сильнѣйшихъ бываетъ доводить это право до его крайнихъ предѣловъ, а всякое послабленіе его имѣетъ стремленіе сдѣлаться обычаемъ, а обычай становится правомъ. Возникающія, такимъ образомъ, права, а отнюдь не соперничество, опредѣляютъ при грубомъ состояніи общества ту долю продукта, которою пользуются производители его. Въ особен-

ности отношенія между землевладѣльцемъ и земледѣльцемъ и платежи, совершаемые первымъ послѣднему, при всѣхъ положеніяхъ общества и до новѣйшаго времени, опредѣлялись обычаями страны. Никогда до самого послѣдняго времени условія пользования землей не опредѣлялись, какъ общее правило, соперничествомъ. Арендаторъ обыкновенно считался имѣющимъ право удерживать въ своихъ рукахъ обрабатываемый участокъ при выполненіи обычныхъ обязательствъ; онъ дѣлался до извѣстной степени сособственникомъ. Даже тамъ, гдѣ арендаторъ не добился постоянства пользования, условія аренды часто были точно опредѣлены и неизмѣнны.

Въ Индіи и въ другихъ сходно построенныхъ Азиатскихъ странахъ, райоты или крестьяне-фермеры никогда не разсматривались какъ арендаторы, съ которыми возможно нарушить договоръ въ любой моментъ (*tenants at will*) или по истеченіи извѣстнаго срока (*tenants by lease*). Во многихъ деревняхъ, конечно, были райоты съ такимъ непрочнымъ положеніемъ, но они принадлежали къ числу тѣхъ лицъ или ихъ потомковъ, которые поселились здѣсь во время еще памятное и сравнительно недавнее. Всѣ тѣ, на кого смотрѣли, какъ на нисходящихъ или представителей первоначальныхъ обитателей, а также арендаторы съ незапамятныхъ временъ, считались имѣющими право пользоваться землей вплоть до той поры, пока платятъ обычныя аренды. Размѣръ этихъ обычныхъ рентъ въ большинствѣ случаевъ съ теченіемъ времени сдѣлался дѣломъ весьма сомнительнымъ; узурпація, тиранія и иностранное нашествіе въ значи-

тельной мѣрѣ уничтожили слѣды, по которымъ можно было бы опредѣлить ихъ старинный размѣръ. Но во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда древняя и чисто индусская область подпадаетъ подъ власть Британскаго правительства или его управленіе и когда начинается точное изслѣдованіе системы доходовъ, то обыкновенно оказывается, что хотя требованіе главнаго землевладѣльца, т. е. государства, доведены фискальнымъ хищничествомъ до предѣловъ, не обращающихъ вниманія уже на самую правомѣрность взиманія, но для всякаго увеличенія обложенія считалось необходимымъ давать отдѣльное наименованіе и указывать особый поводъ. Къ этому замаскированному способу увеличенія платежей навѣрно не прибѣгли бы, если бы землевладѣлецъ пользовался признаннымъ правомъ возвышать ренту.

Въ новой Европѣ рабы постепенно возвышались до положенія свободныхъ фермеровъ, имѣвшихъ землю на правахъ вѣчнаго пользованія и при неизмѣнныхъ условіяхъ, которыя были иногда весьма тягостны, а самое положеніе народа весьма плачевно. Но обязательства его опредѣлялись обычаемъ или закономъ страны, но не соперничествомъ. Тамъ, гдѣ земледѣльцы не находились въ личномъ рабствѣ, возникла система такъ называемаго половничества, которая впоследствии была часто распространяема и на освобождаемыхъ рабовъ. При этой системѣ половину или двѣ трети беретъ землевладѣлецъ, но эта доля неизмѣнна и соперничество не опредѣляетъ величины ренты.

Вліяніе обычая на цѣны.

Тамъ, гдѣ не было монополій, цѣны ранѣе всего подверглись вліянію соперничества; цѣны по общему правилу гораздо болѣе подвержены его вліянію, чѣмъ ренты. Но даже при современной силѣ торговаго соперничества оно не имѣетъ столь безусловнаго значенія, которое ему часто приписывается. Изъ всѣхъ положеній политической экономіи намъ чаще всего приходится сталкиваться со слѣдующимъ: не можетъ быть двухъ цѣнъ на одномъ и томъ же рынкѣ. Такое вліяніе неограниченное соперничество, безъ сомнѣнія, должно имѣть, тѣмъ не менѣе всякій знаетъ, что почти всегда на одномъ рынкѣ бываетъ двѣ цѣны. И не только въ любомъ крупномъ городѣ и почти во всякомъ торговомъ промыслѣ—мы найдемъ дорогія и дешевыя лавки, но даже изъ одного и того же магазина часто продаютъ предметъ разнымъ покупателямъ по различнымъ цѣнамъ. По общему правилу всякій розничный торговецъ приспособляетъ разцѣнку своихъ товаровъ къ средствамъ и роду покупателей, съ которыми онъ надѣется имѣть дѣло. Оптовая торговля главными товарами дѣйствительно стоитъ подѣ господствомъ соперничества. Въ этомъ случаѣ, какъ продавцы, такъ и покупатели—являются настоящими коммерсантами и фабрикантами и ихъ торговыя сдѣлки не находятся подѣ вліяніемъ беззаботности, обыденнаго тщеславія и не определяются мелкими мотивами личныхъ удобствъ, а совершаются, какъ настоящее коммерческое дѣло. Къ оптовой торговлѣ, поэтому, съ полнымъ осно-

ваніемъ примѣняется общее положеніе, что на одномъ рынкѣ и на одинъ и тотъ же предметъ не можетъ быть двухъ цѣнъ; на каждомъ рынкѣ и во всякое данное время можно указать для товара рыночную цѣну, которую обозначаютъ въ прейскурантахъ. Но розничная цѣна, платимая настоящимъ потребителемъ, чувствуетъ давленіе соперничества весьма медленнымъ и несовершеннымъ образомъ; и даже при существованіи соперничества послѣднее часто не понижаетъ цѣнъ, а только способствуетъ тому, что выгоды отъ высокихъ цѣнъ распредѣляются между большимъ числомъ торговцевъ. Отсюда слѣдуетъ, что въ цѣнѣ, платимой потребителемъ, значительная доля поглощается доходомъ розничныхъ торговцевъ и тотъ, кто захочетъ узнать, какая доля цѣны попадаетъ въ руки настоящихъ производителей, часто принужденъ будетъ удивиться ея ничтожности. Правда, если рынокъ какого-нибудь, напр., большого города служить достаточной приманкой для крупныхъ капиталистовъ заниматься розничною торговлей, то по общему правилу считается болѣе цѣлесообразнымъ привлечь къ себѣ возможно большее количество кліентовъ, продавая дешевле другихъ и не довольствуясь простымъ раздѣломъ рынка сбыта. Такое вліяніе соперничества даетъ все болѣе и болѣе себя знать во всѣхъ главныхъ отрасляхъ розничной торговли крупныхъ городовъ; а быстрота и дешевизна перевозки, ослабляя зависимость потребителей отъ ближайшихъ торговцевъ ихъ мѣстности, стремится ко все большему уподобленію всей страны большому городу. Но до настоящаго времени только въ крупныхъ торговыхъ центрахъ роз-

ничныя сдѣлки главнымъ образомъ или даже вполнѣ опредѣлялись соперничествомъ. Во всѣхъ другихъ случаяхъ дѣйствіе соперничества, если только оно проявляется, обнаруживается, какъ вліяніе случайное, нарушающее обычный порядокъ; обыкновеннымъ регуляторомъ цѣнъ является обычай, а изменение въ нихъ обуславливается время отъ времени представленіями, существующими въ умахъ продавцевъ и покупателей, о правильности и справедливости данной цѣны.

Во многихъ промыслахъ условія торговыхъ сдѣлокъ опредѣляются положительнымъ договоромъ заинтересованныхъ сторонъ, которыя всегда имѣютъ средства и пользуются ими для того, чтобы сдѣлать положеніе лица, отступающаго отъ опредѣленныхъ обычаевъ, неудобнымъ или непріятнымъ. Хорошо извѣстно, что до недавняго времени книжная торговля находилась въ такомъ положеніи и, несмотря на дѣятельный духъ соревнованія въ этой отрасли, соперничество не въ состояніи было произвести своего естественнаго дѣйствія и побороть установившіяся въ торговлѣ правила. Вознагражденіе всѣхъ такъ называемыхъ профессиональныхъ классовъ также опредѣляется обычаемъ. Платежи докторамъ, фельдшерамъ, адвокатамъ, частнымъ повѣреннымъ почти не измѣняются. Это происходитъ, разумѣется, не отъ недостатка соперничества въ этихъ профессіяхъ, но оттого, что соперничество уменьшаетъ шансы заинтересованныхъ лицъ на вознагражденіе, но не самое вознагражденіе.

Убѣдившись въ томъ, что обычай въ значительной мѣрѣ отстаивалъ свое значеніе предъ сопер-

ничествомъ даже тамъ, гдѣ духъ соперничества особенно дѣятеленъ въ силу наличности множества соискателей и той энергіи, съ которой они преслѣдуютъ свои выгоды, мы тѣмъ болѣе должны быть увѣрены, что значеніе обычая еще сильнѣе тамъ, гдѣ люди довольствуются небольшими выгодами и оцѣниваютъ свои денежные интересы сравнительно меньше, чѣмъ свое удобство и удовольствіе. Я увѣренъ, что на континентѣ Европы цѣны и таксы на всякаго рода предметы въ однихъ мѣстахъ сравнительно съ другими гораздо выше. И это обстоятельство нельзя объяснить другими причинами кромѣ той, что такія цѣны существовали всегда: покупатели привыкли къ нимъ и успокоились. Предпріимчивый конкурентъ съ достаточнымъ капиталомъ могъ-бы понизить эти ставки для цѣли и нажить состояніе; но такихъ предпріимчивыхъ людей не находится. Владѣльцы капитала оставляютъ его тамъ, гдѣ онъ затраченъ, или предпочитаютъ получать даже меньшую прибыль, но болѣе спокойнымъ путемъ.

Эти соображенія слѣдуетъ считать общей поправкой ко всѣмъ выводамъ которые сдѣланы въ послѣдующихъ частяхъ этого трактата и ихъ необходимо въ надлежащихъ мѣстахъ имѣть въ виду, не взирая на то—указаны они или нѣтъ. Вообще наши разсужденія должны идти такъ, какъ будто извѣстныя и естественныя послѣдствія соперничества всегда проистекаютъ, если имъ не противостоятъ какое нибудь положительное препятствіе. Тамъ, гдѣ соперничество можетъ существовать, но не существуетъ или тамъ, гдѣ при наличности его, естественныя послѣдствія его преодолеваются

какой-нибудь другой силой, наши заключенія болѣе или менѣе неприложимы. Желая избѣжать ошибокъ, мы должны при приложеніи выводовъ политической экономіи къ дѣйствительной жизни принимать во вниманіе не только то, что произойдетъ при наибольшемъ дѣйствиіи соперничества, но и каковы будутъ результаты, если соперничество падетъ до наиболѣе низкаго предѣла*).

---

*) Затѣмъ слѣдуетъ главы 5, 6, 7, 8, 9 и 10-я, опускаемыя въ настоящемъ изданіи; см. оглавленіе.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

О заработной платѣ.

Заработныя платы зависятъ отъ предложенія труда и спроса на него или отъ отношенія между населеніемъ и капиталомъ.

Въ главѣ о заработной платѣ слѣдуетъ разсмотрѣть: во первыхъ, причины, которыя опредѣляютъ или вліяютъ на положеніе заработныхъ платъ вообще и во вторыхъ, различіе существующее въ платахъ за разныя работы. Эти два вопроса удобнѣе разсмотрѣть отдѣльно и при обсужденіи закона платъ вести разсужденіе сначала такъ, какъ будто не существуетъ никакого другого труда кромѣ обыкновеннаго чернорабочаго труда средней обременительности и непріятности.

Заработныя платы, подобно всѣмъ другимъ экономическимъ явленіямъ, могутъ опредѣляться или соперничествомъ или обычаемъ. Въ Англии найдется мало родовъ труда, въ которыхъ вознагражденіе не было-бы ниже, если-бы предприниматель воспользовался вполнѣ соперничествомъ. Тѣмъ не менѣе при современномъ положеніи общества, со-

перничество слѣдуетъ признать главнѣйшимъ опредѣлителемъ заработной платы, а обычай или личный характеръ лишь измѣняющимъ обстоятельствомъ и при томъ сравнительно въ слабой степени.

Заработныя платы такимъ образомъ зависятъ по преимуществу отъ спроса и предложенія на трудъ, или какъ часто выражаются отъ отношенія между населеніемъ и капиталомъ. Подъ населеніемъ здѣсь понимаютъ лишь общее число рабочаго класса или скорѣе тѣхъ, кто работаетъ за наемную плату; а подъ капиталомъ — только оборотный капиталъ и при томъ не въ полной его массѣ, а лишь той долѣ, которая употребляется на непосредственную покупку труда. Къ ней, впрочемъ, слѣдуетъ прибавить всѣ средства, которыя, не составляя части капитала, употребляются на покупку труда солдатъ, прислуги и другихъ непроизводительныхъ работниковъ. Къ сожалѣнію не имѣется какого нибудь общеупотребительнаго термина для обозначенія того, что мы могли-бы назвать во всей его совокупности фондомъ заработной платы. Плата, получаемая производительнымъ трудомъ, почти всецѣло поглощаетъ этотъ фондъ и потому обыкновенно, не принимая во вниманіе меньшей и менѣе важной части фонда, принято говорить, что заработныя платы зависятъ отъ отношенія между населеніемъ и капиталомъ. Слѣдуетъ пользоваться этимъ выраженіемъ, памятуя однако, что оно нѣсколько недостаточно и неполнѣ соответствуетъ истинѣ.

Давъ такое опредѣленіе взятымъ терминамъ, мы можемъ сказать, что заработная плата не только зависитъ, но и не можетъ не зависеть въ усло-

віяхъ соперничества отъ чего нібудь иного кромѣ отношенія между величиной населенія и капитала. Заработная плата (т. е. средняя ея норма) можетъ возрасти лишь при увеличеніи фондовъ, посвящаемыхъ на наемъ труда или при уменьшеніи числа, стремящихся получить наемную плату. Упасть плата можетъ лишь при уменьшеніи фондовъ или при увеличеніи числа нанимаемыхъ рабочихъ.

Разборъ нѣкоторыхъ распространенныхъ мнѣній относительно заработной платы.

Существуютъ однако нѣкоторые факты, стоящіе въ явномъ противорѣчїи съ этимъ ученіемъ и мы должны разсмотрѣть и объяснить ихъ.

Напримѣръ часто говорятъ, что заработныя платы высоки, если промышленность находится въ хорошемъ положеніи. Спросъ на трудъ въ отдѣльныхъ отрасляхъ бываетъ тогда сильнѣе и платятъ болѣе высокое вознагражденіе за трудъ, если замѣчается оживленный спросъ на производимый товаръ. Наоборотъ, въ тѣ періоды, когда обнаруживается такъ называемый застой промышленности, хозяева отпускаютъ однихъ работниковъ, а остающіеся должны покориться пониженію платъ. Въ обоихъ этихъ случаяхъ между тѣмъ размѣръ капитала остался таковымъ-же, какъ и прежде, онъ не увеличился и не уменьшился. Это правда, и случаи взятые нами служатъ обрачикомъ тѣхъ сложныхъ сплетеній въ конкретныхъ явленіяхъ, которыя затемняютъ и запутываютъ наше пониманіе относительно дѣйствія общихъ причинъ; но на самомъ дѣлѣ они вовсе не противорѣчатъ началамъ

изложеннымъ въ 1-мъ параграфѣ. Капиталь, который не употребляется собственникомъ на наемъ труда, а лишь безплодно сохраняется въ его рукахъ, все равно, что не существуетъ для работниковъ. Всякій капиталъ, въ зависимости отъ состоянія торговли бываетъ временами въ такомъ положеніи. Фабрикантъ, замѣчая, что спросъ на его продуктъ слабѣетъ, перестаетъ употреблять рабочихъ на увеличеніе запаса, сбытъ который ему будетъ затруднительно; если-же онъ продолжаетъ работать вплоть до той поры, когда весь его капиталъ воплощается въ непроданныхъ товарахъ, то во всякомъ случаѣ въ этотъ моментъ онъ долженъ пріостановиться, пока не распродастъ хоть какой нибудь части запаса. Но никто не надѣется, что любое изъ этихъ положеній останется навсегда; если бы такое предположеніе существовало, всякій хозяинъ, при первомъ-же удобномъ случаѣ, перевелъ-бы свой капиталъ въ другое дѣло, гдѣ онъ могъ-бы по прежнему давать занятіе труду. Капиталь остается безъ употребленія въ теченіи всего времени, пока рынокъ переполненъ и заработныя платы падаютъ. Вслѣдъ за тѣмъ спросъ оживаетъ, становясь можетъ быть даже необыкновенно сильнымъ, и это даетъ возможность фабриканту сбывать товары скорѣе, чѣмъ онъ производитъ ихъ. Въ этомъ случаѣ весь капиталъ приводится въ полное дѣйствіе и фабрикантъ, если можетъ, беретъ еще въ заемъ добавочный капиталъ, который безъ того пошелъ-бы на другое дѣло. Въ такое время заработныя платы въ его отрасли производства повышаются. Если мы сдѣлаемъ предположеніе, которое по существу

нельзя считать безусловно невозможнымъ, что одно изъ этихъ усиленій или застоевъ промышленности окажетъ вліяніе на всѣ роды труда въ одно и то-же время, то заработныя платы повсемѣстно могутъ подняться или упасть. Но всѣ эти колебанія, однако, дѣло временное. Капиталь, лежащій въ данный моментъ безъ употребленія, на слѣдующій годъ будетъ въ дѣятельномъ оборотѣ; другой капиталъ, который въ текущемъ году не въ состояніи удовлетворить всѣмъ требованіямъ спроса, въ будущемъ будетъ запертъ въ переполненномъ товарномъ складѣ; заработныя платы въ этихъ разныхъ отрасляхъ приложенія труда, будутъ колебаться подобно приливу и отливу. Но ничто не въ состояніи измѣнить общей нормы заработныхъ платъ безъ увеличенія или уменьшенія самого капитала (понимая подъ нимъ—всѣ виды фондовъ, предназначенныхъ на оплату труда) сравнительно съ количествомъ рабочихъ, предлагающихъ себя въ наемъ.

Обыкновенно думаютъ также, что высокія цѣны обусловливаютъ собой высокія заработныя платы и потому, что производители и купцы будучи при подобномъ положеніи въ лучшихъ дѣлахъ, могутъ платить больше и своимъ рабочимъ. Я уже сказалъ, что усиленный спросъ, вызывающій временное повышеніе цѣнъ, столь-же временно повышаетъ и платы. Но высокія цѣны сами по себѣ лишь въ томъ случаѣ повысятъ платы, ежели купцы, получая болѣе, пріобрѣтутъ новое побужденіе къ сбереженіямъ и затѣмъ увеличатъ свой капиталъ, или по крайней мѣрѣ ту его долю, которая употребляется на покупку труда. Вслѣдствіе

вѣроятно, что это произойдетъ, и если-бы высокія цѣны пришли какъ-бы съ неба или даже въ силу иностраннаго спроса, то рабочіе классы могли-бы получить выгоду не отъ самихъ высокихъ цѣнъ, но отъ увеличенія капитала, произведеннаго ими. Тоже послѣдствіе однако часто приписывается высокимъ цѣнамъ, которыя являются результатомъ ограничительныхъ законовъ и которыя такъ или иначе, но уплачиваются остальными членами общества, не имѣющими для ихъ оплаты бѣльшаго количества средствъ сравнительно съ прежнимъ. Высокія цѣны такого рода могутъ давать выгоды одному классу работниковъ только за счетъ другого, ибо купцы, получающіе повышенныя платы, могутъ, конечно, дѣлать больше сбереженій и другимъ образомъ увеличивать количество покупаемаго ими труда, но за то всѣ, оплачивающіе эти повышенныя платы, чувствуютъ соотвѣтствующее же уменьшеніе въ возможности сберегать или покупать трудъ; какое изъ этихъ измѣненій произведетъ наибольшее вліяніе на рабочій рынокъ—это зависитъ отъ случая. Вѣроятно, что заработныя платы временно повысятся въ тѣхъ отрасляхъ труда, гдѣ цѣны возрасли, и нѣсколько понизятся въ другихъ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ первая половина явленія обращаетъ на себя вниманіе, тогда какъ вторая вообще упускается изъ виду, а если и замѣчается, то не объясняется причиной, которая въ дѣйствительности вызвала ее. Кромѣ того это одностороннее повышение заработныхъ платъ не будетъ длиться долго; ибо, хотя купцы въ какой нибудь отрасли и получаютъ больше, но отсюда еще не слѣдуетъ, что они могутъ

употреблять въ собственномъ дѣлѣ большее количество сбереженій. Ихъ возрастающій капиталъ вѣроятно направится въ другія отрасли труда и здѣсь уравниваетъ прежнее уменьшеніе въ спросѣ на трудъ, которое было вызвано сокращеніемъ сбереженій другихъ классовъ.

Часто утверждаютъ далѣе, что заработныя платы (т. е. конечно денежныя) видоизмѣняются соотвѣтственно съ цѣною пищи: возвышаются при ея увеличеніи и падаютъ при ея пониженіи. Такое мнѣніе, какъ мнѣ кажется, только отчасти справедливо; и на сколько оно правильно, на столько же оно отнюдь не противорѣчитъ зависимости заработныхъ платъ отъ отношенія между капиталомъ и трудомъ. Цѣна пищи, когда она оказываетъ вліяніе на заработныя платы, дѣйствуетъ на нихъ черезъ этотъ законъ. Дороговизна или дешевизна пищи, вызываемая положеніемъ дѣлъ въ разныя времена года, не оказываетъ вліяніе на платы, если они искусственно не приспособливаются къ этимъ переменамъ вмѣшательствомъ закона или благотворительности. Можно сказать, что эти перемены имѣютъ стремленіе дѣйствовать въ направленіи противоположномъ тому, которое обыкновенно предполагается. Въ періодъ недостатка люди вообще съ большей силой соперничаютъ другъ съ другомъ при подысканіи труда и такимъ образомъ оказываютъ понижающее вліяніе на цѣны рабочаго рынка. Дороговизна или дешевизна пищи, становясь явленіемъ постояннымъ и подлежащимъ предварительному исчисленію, можетъ оказывать вліяніе на платы. Во первыхъ, если рабочіе, какъ это часто бываетъ, не имѣютъ болѣе того, что достаточно

для сохраненія ихъ рабочей способности и на простое прокормленіе обыкновеннаго числа дѣтей, то отсюда слѣдуетъ, что при постоянномъ возвышеніи цѣны пищи безъ соотвѣтствующаго возвышенія платъ, значительное количество дѣтей преждевременно умретъ и такимъ образомъ въ конечномъ результатѣ платы будутъ выше, но только потому, что число людей станетъ меньше, чѣмъ было-бы, если-бы пища оставалась дешевою. Но во вторыхъ, если даже заработныя платы будутъ достаточно высоки для того, чтобы допустить возможность возрастанія цѣны пищи безъ соотвѣтствующаго лишенія рабочихъ и ихъ семействъ необходимаго къ существованію, если говоря физически питаніе ихъ могло-бы быть гораздо хуже, то быть можетъ рабочіе не согласятся на такое ухудшеніе. У нихъ могутъ быть привычки къ удобству, которыя стали уже необходимостью, и скорѣе чѣмъ отказаться отъ нихъ, они станутъ употреблять добавочное количество усилій для ограниченія своей способности къ размноженію; такимъ образомъ платы возрастутъ не отъ увеличенія смертности, а отъ уменьшенія рождаемости. Въ этихъ случаяхъ, платы приспособляются къ цѣнѣ пищи, но не иначе, какъ въ періодъ времени, соотвѣтствующій почти поколѣнію. По мнѣнію Давида Рикардо, эти два случая охватываютъ собою и всѣ остальные. Онъ утверждаетъ, что повсемѣстно существуетъ минимальная норма платъ, равняющаяся или низшей ея величинѣ, при которой возможно физическое существованіе населенія, или низшей, при которой только соглашается оно работать. Онъ утверждаетъ, что къ этому минимуму

постоянно стремится общая норма платъ. Онъ полагаетъ, что платы никогда не могутъ быть ниже этой величины въ столь долгій срокъ, когда можетъ обнаруживаться вліяніе уменьшеннаго возрастанія населенія, но за то никогда не могутъ быть онѣ и выше. Въ этомъ утвержденіи заключается достаточно цѣнная истина, чтобы признать ее вѣрной для цѣлей абстрактной науки. Выводъ, который Рикардо дѣлаетъ изъ этого положенія, а именно, что заработныя платы растутъ и падаютъ въ зависимости отъ прочно установившагося повышенія или пониженія цѣны пищи вполне правиленъ гипотетически, какъ и почти всѣ положенія Рикардо, т. е. при наличности предположеній, изъ которыхъ онъ исходитъ. Но необходимо отмѣтить, что минимумъ, о которомъ онъ говоритъ, въ особенности, если онъ опредѣляется не физическими, а нравственными причинами, въ приложеніи къ жизни весьма подверженъ измѣненіямъ. Если заработныя платы прежде были на столько высоки, что допускали пониженіе, противодѣйствіе которому заключалось въ привычкѣ рабочихъ къ высокому уровню житейскихъ удобствъ, то повышеніе цѣны пищи или всякое другое видоизмѣненіе обстоятельствъ въ неблагопріятную сторону можетъ дѣйствовать въ двухъ направленіяхъ: возвышеніе цѣны можетъ или уравниваться возвышеніемъ платъ, вызваннымъ черезъ постепенное дѣйствіе благо-разумнаго воздержанія отъ размноженія; или же произвести прочное пониженіе въ условіяхъ жизни рабочаго класса, если его прежнія привычки по части размноженія дѣйствуютъ сильнѣе, чѣмъ тѣ же привычки къ удобствамъ. Въ послѣднемъ случаѣ

вредъ, нанесенный рабочему классу, будетъ явленіемъ постояннымъ, и ухудшившіяся условія жизни станутъ новымъ минимумомъ, который будетъ стремиться увѣковѣчиться, какъ и прежній не столь низкій минимумъ. Весьма справедливо опасеніе, что изъ этихъ двухъ способовъ дѣйствія, послѣдній бываетъ явленіемъ наиболее частымъ. Во всякомъ случаѣ, послѣдній способъ достаточно силенъ для того, чтобы всѣ утвержденія, настаивающія на возможности самоисправленія бѣдствій, постигающихъ рабочій классъ, можно было признать не имѣющими значенія. Имѣется много фактовъ, доказывающихъ, что положеніе земледѣльческихъ рабочихъ въ Англіи претерпѣвало крупное и постоянное ухудшеніе отъ причинъ, вызывавшихъ пониженіе спроса на трудъ. Если-бы населеніе умѣло поддерживать свою численность на уровнѣ прежнихъ привычекъ къ условіямъ жизни, то такое ухудшеніе могло-бы имѣть только временный характеръ; къ несчастью бѣдность, въ которой пребывалъ этотъ классъ въ теченіи долгаго ряда лѣтъ, заставила позабыть о прежнемъ образѣ жизни и слѣдующее поколѣніе, выросшее, не зная условій подобнаго комфорта, стало размножаться, не дѣлая никакихъ попытокъ возвратиться къ прежнимъ условіямъ жизни.

Противоположный случай бываетъ тогда, если улучшениями въ земледѣліи отъ отмѣны хлѣбныхъ зако-ковъ или отъ другихъ подобныхъ причинъ, средства къ существованію рабочихъ удешевляются и они получаютъ возможность за ту же плату покупать большее количество удобствъ, чѣмъ прежде. Заработныя платы не упадутъ немедленно, возможно

даже, что онѣ возрастуть; но онѣ упадутъ по крайней мѣрѣ лишь до такой нормы, что положеніе рабочихъ станетъ не лучше прежняго, если въ промежуточный періодъ благопріятнаго времени, не произойдетъ возвышенія въ условіяхъ жизни, которыя будутъ разсматриваться какъ нѣчто необходимое. Къ несчастью на подобное благодѣтельное послѣдствіе трудно разсчитывать; гораздо труднѣе повысить, чѣмъ понизить уровень условій жизни, который рабочіе разсматриваютъ какъ нѣчто болѣе необходимое, чѣмъ вступленіе въ бракъ и рожденіе дѣтей. Если рабочіе станутъ пользоваться большимъ благосостояніемъ только до той поры, пока оно продолжается, но не научатся пріобрѣтать его, то скоро они размножатся до прежней нормы и попадутъ въ прежнія условія жизни. Если въ виду бѣдности они прежде недостаточно кормили или плохо выкармливали своихъ дѣтей, то теперь они будутъ воспитывать большее количество дѣтей, а послѣднія, достигнувъ зрѣлаго возраста, понизятъ заработныя платы своимъ соперничествомъ на рабочемъ рынкѣ до нормы, соотвѣтствующей удешевленію пищи. Если подобное послѣдствіе не будетъ вызвано этимъ способомъ, то оно произойдетъ вслѣдствіе болѣе раннихъ и многочисленныхъ браковъ или отъ увеличенія числа рожденій отъ каждаго изъ нихъ. Всѣ данныя опыта свидѣтельствуютъ, что крупное увеличеніе числа браковъ неизмѣнно слѣдуетъ за періодами дешевизны пищи и полнаго употребленія рабочихъ силъ. Я поэтому не согласенъ признавать важнаго значенія за отмѣной хлѣбныхъ законовъ для благосостоянія рабочихъ, которое часто имъ приписывается. Я не

придаю также значенія ни одной изъ тѣхъ системъ, о которыхъ постоянно бываютъ толки и при помощи которыхъ желаютъ улучшить положеніе рабочихъ классовъ. Всѣ они оказываютъ на нихъ очень незначительное вліяніе, не производятъ прочнаго воздѣйствія на ихъ привычки и потребности и рабочіе скоро опускаются до прежняго положенія. Для того, чтобы доставить рабочимъ прочное улучшение, временная причина, дѣйствующая на нихъ, должна быть достаточно сильной для значительнаго видоизмѣненія въ условіяхъ ихъ жизни. Видоизмѣненіе должно давать себя знать въ теченіи многихъ лѣтъ и быть сильнѣе стимула къ размноженію населенія, который оно можетъ давать въ періодъ жизни одного поколѣнія. Если улучшение будетъ столь прочнаго характера, если такимъ образомъ выростетъ новое поколѣніе, привыкшее къ лучшимъ условіямъ жизни, то лишь тогда привычки этого поколѣнія къ высшему минимуму укрѣпятся и улучшение въ условіяхъ жизни сдѣлается постояннымъ. Самымъ замѣчательнымъ примѣромъ подобнаго рода служитъ Франція послѣ революціи. Большинство населенія внезапно перешло отъ нищеты къ независимому и сравнительно благопріятному образу жизни; непосредственнымъ послѣдствіемъ этого явилось то, что населеніе, не смотря на разрушительныя войны этого періода, стало размножаться съ безпримѣрной быстротой; это отчасти происходило потому, что улучшившіяся условія давали возможность воспитывать большее число дѣтей, которыя раньше должны были умирать, а отчасти отъ увеличенія числа рожденій. Слѣдующее поколѣніе однако выросло съ значительно измѣненными привычками и хотя

Франція никогда не находилась въ столь цвѣтущемъ состояніи, какъ теперь, тѣмъ не менѣе годовичное число рожденій почти не возрастаетъ и увеличеніе населенія совершается чрезвычайно медленно.

Надлежащая задержка въ размноженіи населенія является единственнымъ средствомъ упрочить благосостояніе рабочихъ классовъ.

Заработныя платы такимъ образомъ зависятъ отъ отношенія между числомъ трудящагося населенія и размѣромъ капитала и другихъ фондовъ, употребляемыхъ на покупку труда (для краткости будемъ просто говорить: капиталъ). Если заработныя платы въ одномъ мѣстѣ выше, чѣмъ въ другомъ, если средства къ существованію и къ доставленію удобствъ рабочему сословію болѣе обильны, то это зависитъ только отъ той причины, что капиталъ находится въ большей пропорціи къ населенію. Для рабочаго класса не имѣетъ значенія абсолютная масса накопленія или производства. Такого значенія не имѣютъ даже средства, предназначенныя для раздачи рабочимъ. Для рабочихъ важно отношеніе между капиталомъ и количествомъ лицъ, между которыми онъ раздѣляется. Положеніе рабочаго класса можетъ быть улучшено только черезъ измѣненіе этого отношенія къ ихъ выгодѣ; всякая система, стремящаяся улучшить положеніе рабочихъ, но не исходящая изъ этого основанія, составляетъ обольщеніе и не можетъ дать никакихъ прочныхъ результатовъ...

Къ несчастью, рассуждая относительно этого

предмета, люди скорѣе привыкли руководиться сентиментальностью, чѣмъ здравымъ смысломъ; растеть сочувствіе къ страданіямъ бѣдныхъ и готовность признавать ихъ права на добровольную помощь со стороны другихъ людей, но никто не хочетъ видѣть реальной причины ихъ бѣдствій. Никто не хочетъ обратить вниманія на условія, которыя по законамъ природы необходимы для улучшенія ихъ матеріальнаго быта. Разсужденія объ условіяхъ жизни рабочихъ, сожалѣнія о ихъ бѣдственности, обвиненія, сыпаяся на всѣхъ, кто считается равнодушнымъ къ этому вопросу, проекты того или иного рода для улучшенія этихъ условій—нигдѣ и никогда въ цѣломъ мірѣ не было ихъ столько, какъ въ Англии въ періодъ жизни настоящаго поколѣнія. Но при всѣхъ этихъ разсужденіяхъ существуетъ какъ-бы молчаливое соглашеніе совершенно игнорировать законъ заработныхъ платъ, или желаніе отдѣлаться отъ него подобными фразами, какъ: „безжалостный мальтузіанизмъ“. Какъ будто-бы не въ тысячу разъ безжалостнѣе говорить людямъ, что они могутъ рождать множество существъ, которыя по всей вѣроятности будутъ несчастнѣйшими и почти навѣрно порочными; гораздо честнѣе говорить людямъ, что они не должны этого дѣлать. Забываютъ, что привычка, порицать которую считается жестокостью,—въ отцѣ составляетъ унижительное подчиненіе животнымъ инстинктамъ, а у матери въ большинствѣ случаевъ бываетъ безпомощной покорностью возмутительному злоупотребленію власти*).

*) Сравни ученіе Мальтуса въ изданіи той-же серьи. Д. С. Милль вполне примыкаетъ къ этому ученію, но вводитъ въ него еще одно требованіе. Мальтусъ настаивалъ лишь на позднихъ бракахъ, Милль же

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

О прибыляхъ.

Прибыль распадается на три части: процентъ, страховую премію и плату за управление.

Разсмотрѣвъ какую долю продукта получаетъ рабочій, мы теперь должны перейти къ долѣ капиталиста, къ его прибыли на капиталъ или сбереженный запасъ. Другими словами, мы займемся изслѣдованіемъ пріобрѣтеній лица, которое дѣлаетъ затрату на издержки производства, т. е. выплачиваетъ изъ наличныхъ у него средствъ платы работниковъ или содержать ихъ въ періодъ труда, кто доставляетъ требуемыя для производства строенія, матеріалы, орудія или машины. Такому ка-

---

въ главѣ 13-й говоритъ: „почти всѣ согласны, что человѣкъ можетъ откладывать моментъ вступленія въ бракъ и жить воздержанно до женитьбы. Но никому не приходитъ въ голову, что отъ воли состоящихъ въ бракѣ зависитъ имѣть или не имѣть дѣтей, или имѣть известное количество ихъ“. Затѣмъ слѣдуютъ главы 12, 13 и 14, опускаемыя въ настоящемъ изданіи. Пр. пер. А. М.

питалисту по обычнымъ условіямъ договора принадлежитъ продуктъ, которымъ онъ можетъ располагать по произволу. За покрытіемъ сдѣланныхъ имъ издержекъ у него обыкновенно остается избытокъ, который и составляетъ его прибыль, — чистый доходъ на капиталъ, который онъ можетъ употреблять на удовлетвореніе своихъ потребностей или удовольствій, или-же путемъ дальнѣйшихъ сбереженій за счетъ его — умножать свое богатство.

Подобно тому, какъ заработныя платы служатъ вознагражденіемъ работника, такъ и прибыли, по прекрасному выраженію Сеніора, служатъ вознагражденіемъ за воздержаніе. Прибыли составляютъ тотъ барышъ, который получаетъ капиталистъ за то, что онъ отказался употреблять свой капиталъ на собственныя надобности и предоставилъ производительнымъ работникамъ для удовлетворенія ихъ потребностей. За это воздержаніе онъ требуетъ вознагражденія. Очень часто онъ выигралъ-бы въ личномъ наслажденіи, растрчивая свой капиталъ, потому что этотъ послѣдній болѣе суммы прибылей, которыя онъ можетъ получить въ теченіи періода лѣтъ его вѣроятной жизни. Но, сохраняя свой капиталъ въ неприкосновенности, онъ всегда можетъ употребить его въ случаѣ желанія или надобности; онъ можетъ завѣщать капиталъ свой послѣ смерти другимъ, а до той поры можетъ получать отъ него доходъ, которымъ, не бѣднѣя, можетъ пользоваться для удовлетворенія своихъ потребностей и наклонностей.

Изъ дохода, который владѣлецъ капитала можетъ получить, только одна часть, однако, является вознагражденіемъ за пользованіе капиталомъ; это

лишь та сумма его, которую всякое другое состоятельное лицо согласится уплатить за ссуду капитала. Эта часть, какъ всякій знаетъ, называется процентомъ и она составляетъ все, что можетъ получить человѣкъ, воздерживаясь отъ непосредственнаго потребленія своего капитала и отдавая его въ пользованіе для производительныхъ цѣлей. Вознагражденіе, получаемое въ странѣ за простое воздержаніе, измѣряется обычнымъ уровнемъ процента подъ наиболѣе вѣрное обезпеченіе, т.-е. подъ такое обезпеченіе, при которомъ нѣтъ никакихъ основаній ожидать потери капитала. Выгода, которую надѣется получить человѣкъ, лично завѣдывающій употребленіемъ своего капитала, всегда больше и вообще значительно больше, чѣмъ процентъ. Уровень прибыли всегда значительно выше уровня процента. Часть избытка служитъ вознагражденіемъ за рискъ. Отдавая капиталъ въ ссуду подъ вѣрнѣйшее обезпеченіе, капиталистъ мало или почти совсѣмъ не подвергается риску. Тогда какъ, принимая дѣло за свой собственный счетъ, онъ подвергаетъ свой капиталъ нѣкоторымъ, а во многихъ случаяхъ, и весьма большимъ опасностямъ полной или частичной утраты. Онъ долженъ получить вознагражденіе за эту опасность, иначе онъ не захочетъ подвергнуться ей. Точно также онъ долженъ получить вознагражденіе за свой трудъ и время. Надзоръ за ходомъ промысла обыкновенно принадлежитъ лицу, которое доставляетъ всѣ или значительную долю средствъ, посвященныхъ на дѣло, и которое по обыкновенному порядку дѣль или исключительно, или главнымъ образомъ прямо заинтересовано въ результатахъ. Для выполненія

этого надзора съ успѣхомъ, въ особенности въ крупномъ и сложномъ дѣлѣ, требуется большое усердіе, а часто и искусство не изъ обыкновенныхъ. За это усердіе и искусство вознагражденіе также должно быть получено.

Валовая прибыль отъ капитала, доходъ полученный тѣми, кто доставляетъ потребныя средства производства, должна быть достаточна для уплаты этихъ трехъ вознагражденій. Прибыль должна дать вознагражденіе за воздержаніе, за рискъ и за трудъ и искусство, потребныя для управленія. Вознагражденіе можетъ достаться или одному лицу или нѣсколькимъ. Весь капиталъ, или часть его, можетъ быть полученъ въ кредитъ, принадлежать лицу, не принимающему на себя ни риска, ни заботъ по веденію дѣла. Въ этомъ случаѣ вѣритель или собственникъ является лицомъ, совершающимъ воздержаніе; онъ получаетъ вознагражденіе въ видѣ процента, а разница между процентомъ и валовою прибылью вознаграждаетъ трудъ и рискъ предпринимателя. Иногда весь капиталъ или часть его доставляется такъ называемымъ „спящимъ участникомъ“ (sleeping partner), (т. е. занимающимся веденіемъ дѣла), который несетъ рискъ дѣла, но не трудъ и хлопоты, вызываемыя имъ и который, благодаря этому, получаетъ не только процентъ, но и нѣкоторую условленную долю валовой прибыли. Иногда капиталъ доставляется тѣмъ же лицомъ, которое принимаетъ на себя весь рискъ и отъ имени котораго и ведется все дѣло, но хлопоты, связанныя съ управленіемъ поручаются другому лицу, которое получаетъ за это определенное жалованье. Вошло въ пословицу однако,

какъ небрежно управленіе при посредствѣ наемныхъ служащихъ, не имѣющихъ другого интереса въ дѣлѣ, кромѣ сохраненія своего жалованья, если надъ ними не стоитъ надзирающее око или контролирующая рука лица, непосредственно заинтересованнаго. Благоразуміе почти всегда внушаетъ давать управителю, неподчиненному контролю, вознагражденіе, которое отчасти зависитъ отъ прибылей; въ подобномъ случаѣ организація дѣла сходна съ той, которая имѣется при незанимающемся дѣломъ партнерѣ. Или, наконецъ, лицо можетъ обладать капиталомъ и вести дѣло лично, прибавляя, если можетъ или желаетъ къ своему капиталу средства тѣхъ собственниковъ, которые склонны довѣрять ему. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ тѣ же три обстоятельства требуютъ вознагражденія и должны получить его изъ валовой прибыли: воздержаніе, рискъ, управленіе. А соотвѣтственно этому и тѣ три части, на которыя распадается прибыль, могутъ быть названы: процентомъ, страховой преміей, платой за управленіе.

Наименьшая величина прибыли, на какой она можетъ долго держаться, есть та, которая даетъ только достаточное на данномъ мѣстѣ и въ данное время вознагражденіе за воздержаніе, рискъ и труды по употребленію капитала. Минимумъ прибыли однако величина чрезвычайно измѣнчивая и стоитъ въ зависимости отъ дѣятельнаго стремленія къ накопленію, которое весьма различно проявляется при разныхъ состояніяхъ общества и въ разныя эпохи цивилизованной жизни. Обезпеченность собственности оказываетъ большое вліяніе на уровень прибыли. Вознагражденіе за капиталъ въ различ-

ныхъ занятіяхъ видоизмѣняется значительно болѣе, чѣмъ вознагражденіе за трудъ въ зависимости отъ обстоятельствъ, которыя дѣлаютъ занятіе болѣе привлекательнымъ или непривлекательнымъ. Прибыли, на примѣръ, розничнаго торговца на затраченный капиталъ выше той, которую получаютъ оптовые торговцы или фабриканты. Одной изъ причинъ этого является то обстоятельство, что розничная торговля разсматривается какъ дѣло менѣе почетное. Но главная разница въ вознагражденіи производится неравенствомъ риска. Прибыль фабриканта пороха должна быть значительно выше средней нормы, чтобы вознаградить его за особенный рискъ, которому онъ и его собственность постоянно подвергаются. Но если, какъ на примѣръ въ мореплаваніи особая рискованность дѣла можетъ быть возмѣщена и обыкновенно возмѣщается определеннымъ платежомъ, то страховая премія дѣлается правильной статьей издержекъ производства; вознагражденіе, получаемое собственникомъ судна или груза за этотъ платежъ, не входитъ въ счетъ его прибылей, а включается въ расходы, сдѣланные имъ изъ капитала. Доля валовой прибыли, которая составляетъ вознагражденіе за трудъ и искусство управителя, также весьма различна въ разныхъ занятіяхъ. Нѣкоторыя занятія требуютъ значительнаго научнаго или техническаго приготовленія и могутъ быть только въ рукахъ лицъ, которыя соединяютъ съ знаніемъ значительный капиталъ. Таковы занятія инженеровъ и машиностроителей и онѣ всегда бываютъ самыми прибыльными. Подобную же разницу въ прибыли на капиталъ производятъ всѣ естественныя монополіи,

производимыя не закономъ, а обстоятельствами и порождающія или усиливающія неравенства въ вознагражденіи за разные роды труда. Напримѣръ, въ промыслахъ, требующихъ большаго капитала или сосредоточивающихся въ очень немногихъ рукахъ, прибыль можетъ быть выше обыкновенной и поддерживаться на этой нормѣ стачкою торговцевъ или производителей.

Прибыль стремится къ равенству во всѣхъ занятіяхъ.

Когда мы сдѣлаемъ надлежащую поправку и исключимъ вліяніе разнообразныхъ причинъ, производящихъ неравенство въ уровнѣ прибыли, а именно неравенства, зависящія отъ рискованности, привлекательности разныхъ занятій, естественныхъ и искусственныхъ монополій, то можно утверждать, что уровень прибыли на капиталъ во всѣхъ занятіяхъ стремится къ равенству. Всѣ политико-экономы обыкновенно признаютъ правильность этого положенія и съ извѣстными объясненіями оно дѣйствительно истинно. Та доля прибыли, которая составляетъ процентъ и служитъ настоящимъ вознагражденіемъ за воздержаніе, буквально одна и та-же на данномъ мѣстѣ и въ данное время, какой-бы ни былъ родъ дѣла. Уровень процента при одинаковой вѣрности обезпеченія не находится въ зависимости отъ того назначенія, которое дается капиталу, но сильно измѣняется время отъ времени, смотря по положенію рынка. Нѣтъ занятія, гдѣ-бы при современномъ положеніи промышленности соперничество оказывало болѣе сильное и

непрестанное вліяніе, какъ въ промышлѣ займа денегъ и ссудъ. Всѣ торговые люди бываютъ по временамъ, а многіе изъ нихъ и постоянно, должниками; всѣ люди, не занимающіе промышленностію, но владѣющіе деньгами, бываютъ заимодавцами. Посредникомъ между этими обширными классами служитъ многочисленный, смѣлый и зоркій классъ банкировъ, маклеровъ, дисконтеровъ и друг. Они подмѣчаютъ малѣйшую вѣроятность наживы. Мельчайшее обстоятельство, или самое мимолетное впечатлѣніе на публику, могущее повести къ увеличенію или къ уменьшенію спроса на займы, въ настоящемъ или будущемъ, немедленно отражается на уровнѣ процента. Въ общихъ условіяхъ веденія торговли всегда имѣются обстоятельства, стремящіяся вызвать различіе въ спросѣ. Иногда эти различія бываютъ столь сильны, что процентъ подъ самые лучшіе торговые векселя колеблется, какъ извѣстно, въ продолженіи одного года въ предѣлахъ 4—8 и 9% и, это безъ наличности какого нибудь крупнаго потрясенія, именуемаго торговымъ кризисомъ. Но въ данное время и на данномъ мѣстѣ процентъ совершенно одинаковъ для всѣхъ лицъ, могущихъ представить обезпеченіе равнаго достоинства. Рыночный уровень процента во всякое время составляетъ величину извѣстную и опредѣленную.

Совершенно другое слѣдуетъ сказать о валовой прибыли, которая, хотя (какъ увидимъ ниже) и не различается сильно въ разныхъ занятіяхъ, но существенно видоизмѣняется у разныхъ людей и едва-ли бываетъ одинаковой даже у двухъ изъ нихъ. Она зависитъ отъ знанія, талантовъ, бережливости и

энергіи самаго капиталиста и его служащихъ; она зависитъ не только отъ случайныхъ личныхъ связей, но даже отъ удачи. Врядъ-ли два торговца въ одномъ и томъ-же промыслѣ, даже въ томъ случаѣ, если ихъ товары одинаково доброкачественны и дешевы, ведутъ свое дѣло съ одинаковыми издержками и обрачиваютъ капиталъ въ одно и то-же время. Утвержденіе, что равные капиталы приносятъ равную прибыль, высказанное въ качествѣ общей торговой истины, будетъ столь-же ложно, какъ и то, которое гласитъ, будто равный возрастъ или ростъ создаютъ одинаковую физическую силу или что одинаковое чтеніе и опытъ даютъ равное знаніе. Результатъ зависитъ не отъ одного изъ указанныхъ условій, а отъ двадцати другихъ.

Но, не смотря на такое колебаніе прибылей, равенство ихъ въ разныхъ занятіяхъ, при отсутствіи какихъ-бы то ни было естественныхъ или искусственныхъ монополій, поддерживается и это имѣетъ нѣкоторое опредѣленное и важное значеніе. Въ среднемъ (каковы-бы ни были случайныя колебанія) разныя употребленія капитала находятся другъ къ другу въ такомъ отношеніи, которое обуславливаетъ собою не равныя прибыли, но, для лицъ среднихъ способностей и преимуществъ— равныя шансы на полученіе прибыли. Подъ равной прибылью я разумѣю такой ея размѣръ, при которомъ уже дано вознагражденіе за особую непріятность или рискованность дѣла. Если-бы обстоятельства слагались иначе, если-бы по указаніямъ опыта, для всѣхъ очевиднымъ, существовали промыслы съ бѣльшими шансами на денежный успѣхъ сравнительно съ другими, то многія лица стали-бы

вкладывать свой капиталъ въ это дѣло, или причать къ веденію его своихъ сыновей. Въ дѣйствительности такъ всегда и бываетъ во всякомъ дѣлѣ, которое подобно инженерному въ настоящее время или всякому вновь возникающему и развивающемуся дѣлу, считающемуся подающимъ надежды и выгоднымъ. Если, напротивъ, дѣло не считается выгоднымъ, если шансы на прибыль въ немъ считаются менѣе вѣрными, то капиталъ постепенно уходитъ изъ этого дѣла или по крайней мѣрѣ въ него не вкладываются новые капиталы. Этимъ видоизмѣненіемъ въ распредѣленіи капитала между болѣе или менѣе прибыльными занятіями устанавливается нѣчто въ родѣ равновѣсія. Надежды на прибыль, поэтому, въ разныхъ занятіяхъ не могутъ на долгое время различаться; онѣ стремятся къ нѣкоторой средней, хотя по общему правилу и колеблются то въ одну, то въ другую сторону отъ нея.

Этотъ уравнивающій процессъ, обыкновенно называемый перенесеніемъ капитала изъ одного занятія въ другое, не слѣдуетъ считать, какъ это часто дѣлаютъ, процессомъ необходимо тяжелымъ, медленнымъ и почти неисполнимымъ. Прежде всего, онъ не всегда требуетъ фактическаго перемѣщенія капитала, уже затраченнаго въ дѣлѣ. При быстро развивающейся капитализаціи равновѣсіе часто устанавливается тѣмъ, что новыя ежегодныя накопленія предпочтительно употребляются на болѣе выгодные промыслы. Даже, когда фактическое перенесеніе капитала является необходимостью, то отсюда еще не слѣдуетъ, что занятія въ невыгодномъ дѣлѣ должны оставить его и разрушить

свое предпріятіе. Равновѣсіе устанавливается при посредствѣ тѣхъ многочисленныхъ и многообразныхъ способовъ кредита, при помощи которыхъ незанятой капиталъ у коммерческихъ націй разливается на рынкѣ, стремясь въ большемъ изобиліи туда, гдѣ уровень ниже. Процессъ этотъ сводится къ тому, что какой нибудь классъ продавцевъ или производителей ограничиваетъ, а другой расширяетъ размѣръ операцій, которыя ведутся на заемный капиталъ. Едва-ли найдется какой нибудь значительный торговецъ или производитель, который ограничивалъ-бы размѣръ своего дѣла наличностью собственныхъ средствъ. Если дѣло идетъ хорошо, онъ не только пользуется всѣмъ своимъ капиталомъ, но и пускаетъ въ дѣло и весь кредитъ, который доставляетъ ему этотъ капиталъ. Если-же вслѣдствіе перепроизводства или какого нибудь уменьшенія въ спросѣ на его товаръ, онъ замѣчаетъ, что продажа идетъ медленнѣе и платятъ болѣе низкую цѣну, то онъ сокращаетъ свои операціи, перестаетъ обращаться къ банкиру или другимъ денежнымъ людямъ за возобновленіемъ ихъ ссудъ въ той-же нормѣ, какъ и прежде. Развивающееся дѣло, напротивъ, даетъ надежду на выгодное употребленіе въ немъ большаго оборотнаго капитала сравнительно съ прежнимъ и занятые въ немъ обращаются къ денежнымъ людямъ за большими ссудами, которыя и получаютъ безъ затрудненій въ силу своихъ улучшившихся обстоятельствъ. Видоизмѣненіе въ распредѣленіи оборотнаго капитала между двумя занятіями, имѣетъ то-же вліяніе на установленіе равенствъ въ прибыли, какъ и перенесеніе собственниками рав-

ной суммы капитала изъ одного промысла въ другой. Этотъ легкій и самопроизвольный способъ соразмѣренія производства со спросомъ вполне достаточенъ для исправленія неравенствъ, проистекающихъ изъ колебаній въ ходѣ торговли и другихъ обыкновенныхъ причинъ. Если промыселъ совершенно падаетъ, если необходимо не только видоизмѣнить временно производство, но крупно или прочно уменьшить его или даже, быть можетъ, приостановить совершенно, то безъ сомнѣнія процессъ извлеченія капитала бываетъ медленъ, труденъ и почти всегда сопровождается серьезными потерями. Значительная доля капитала въ машинахъ, строеніяхъ и прочныхъ затратахъ или совершенно не пригодна для другихъ цѣлей или можетъ быть приспособлена къ нимъ только послѣ дорого стоящихъ видоизмѣненій. Рѣдко дается время на производство этихъ видоизмѣненій такъ, чтобы потери были наименьшія. т. е. простымъ невозобновленіемъ основного капитала, который изнашивается. Кромѣ того, полная перемѣна въ назначеніи капитала сопровождается со столь крупными пожертвованіями въ установившихся промышленныхъ связяхъ, въ пріобрѣтенномъ искусствѣ и опытности, что люди всегда очень не скоро рѣшаются на нее и врядъ-ли принимаютъ подобное рѣшеніе ранѣе того времени, когда измѣненіе въ положеніи становится дѣломъ совершенно безнадежнымъ. Но такіе случаи являются очевиднымъ исключеніемъ и даже въ нихъ въ концѣ концовъ равновѣсіе устанавливается. Часто бываетъ также, что возвратъ къ равновѣсію совершается весьма медленно и это бываетъ тог-

да, если ранѣе, чѣмъ успѣло устраниться одно неравенство, уже возникаетъ другое. Подобное явление, какъ утверждаютъ, постоянно имѣло мѣсто въ теченіи длиннаго ряда лѣтъ въ производствѣ хлопка въ Южныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Товаръ (хлопокъ) держался въ цѣнѣ, которая по существу была монополюющей, ибо увеличеніе спроса вслѣдствіе постепеннаго улучшенія въ хлопчатобумажной фабрикаціи развивалось съ быстротою, которая превосходила всяческія ожиданія; благодаря этому въ теченіи многихъ лѣтъ снабженіе не могло никогда вполне покрывать спроса. Но не часто бываетъ подобное совпаденіе нарушающихъ причинъ, дѣйствующихъ при томъ въ одномъ направленіи и почти безъ перерыва. Гдѣ нѣтъ монополіи, тамъ прибыли иногда выше, иногда ниже обычнаго уровня, но онѣ всегда стремятся возвратиться къ нему подобно колебаніямъ маятника.

Такимъ образомъ, если прибыль и бываетъ вообще весьма различна для отдѣльныхъ лицъ и для тѣхъ-же лицъ въ разные годы, то не можетъ существовать большого различія въ одно и то-же время и въ одномъ и томъ-же мѣстѣ въ среднихъ прибыляхъ различныхъ занятій. Само собою разумѣется, что мы не принимаемъ здѣсь во вниманіе разницы для уравновѣшиванія различій въ привлекательности разныхъ промысловъ. Неравенство въ прибыляхъ можетъ существовать только въ небольшіе промежутки времени, или при какомъ нибудь крупномъ переворотѣ въ нѣкоторой отрасли промышленности. Если и существуетъ иногда распространенное убѣжденіе, что нѣкоторые роды промысловъ выгоднѣе, и это зависитъ не отъ моно-

полій, или отъ рѣдко встрѣчающагося совпаденія обстоятельствъ, которыя были указаны выше относительно хлопковаго промысла, то по всей вѣроятности такое убѣжденіе ошибочно. Если-бы его раздѣляли люди, имѣющіе наибольшее количество средствъ, знаній и поводовъ узнавать истинное положеніе дѣлъ, то въ эту отрасль промышленности произошелъ такой наплывъ капитала, который понизилъ-бы прибыль до обычнаго уровня. Справедливо, что для лицъ съ одинаковымъ запасомъ первоначальныхъ средствъ часто бываетъ легче составить себѣ состояніе въ одномъ дѣлѣ, чѣмъ въ другомъ. Но можно убѣдиться также въ томъ, что въ тѣхъ-же промыслахъ банкротства происходятъ гораздо чаще и что шансы большого успѣха балансируются большей вѣроятностью полнаго крушенія. Очень часто такіе шансы балансируются даже съ избыткомъ. Мы уже замѣчали въ другомъ случаѣ, что возможность получить большую цѣну, дѣйствуетъ съ большей силой и привлекаетъ соискателей болѣе, чѣмъ въ арифметической пропорціи. Я не сомнѣваюсь, что среднія выгоды въ промыслѣ, въ которомъ можно составить себѣ большое состояніе, меньше чѣмъ въ тѣхъ, гдѣ выгоды ниже, но сравнительно вѣрнѣе, и въ которыхъ въ конечномъ результатѣ нельзя рассчитывать ни на что болѣе, какъ на простую состоятельность...

Въ подобныхъ промыслахъ многое зависитъ отъ національнаго характера, отъ наклонности людей къ риску или, какъ выражаются, порицатели этого свойства, отъ наклонности къ азарту и спекуляціи. Эта наклонность сильнѣе развита въ Со-

единенныхъ Штатахъ чѣмъ въ Великобританіи, а въ послѣдней сильнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ континента. Въ нѣкоторыхъ изъ континентальныхъ странъ господствуетъ противоположная склонность и дѣла безопасныя и спокойныя вѣроятно приносятъ менѣе средней прибыли на капиталъ, чѣмъ въ тѣхъ, гдѣ имѣется возможность большихъ выигрышей при сравнительно большемъ рискѣ.

Не слѣдуетъ однако забывать, что даже въ странахъ съ наиболѣе развитымъ соперничествомъ обычай также имѣетъ серьезное вліяніе на опредѣленіе уровня прибыли въ промыслѣ. Такъ, въ одной изъ предшествовавшихъ главъ*), мы говорили, что соперничество имѣетъ слабое вліяніе на розничныя цѣны, а потому и доля общаго продукта земли и труда страны, которая поглощается вознагражденіемъ простыхъ распредѣлителей товара, продолжаетъ быть чрезмѣрной. И въ хозяйствѣ народа нѣтъ ни одной функціи, которая содержала бы число лицъ, столь несоотвѣтствующее количеству выполняемой работы.

Прибыль не зависитъ отъ цѣнъ и не составляетъ результата покупокъ и продажъ.

Предшествующія замѣчанія, надѣюсь, разъяснили, что слѣдуетъ понимать подъ общеупотребительной фразой: обычный уровень прибыли, а также и то, въ какомъ смыслѣ и съ какими ограниченіями въ дѣйствительности существуетъ такая прибыль. Въ

---

*) См. выше книга II, глава 4-я.

настоящее время остается рассмотреть, какими причинами определяется величина прибыли.

По распространенному представлению прибыли зависят от цен. Производитель или торговец, как кажется, получает прибыль, продавая свой товар за большую цену, чем какую он стоит ему. Прибыль, как привыкли думать люди, является вполне результатом или послѣдствием купли и продажи. По их предположенію производитель может только потому приобрести прибыль, что имеются покупщики на его товар. Спросъ—покупатели—рынокъ для товара—вотъ что служитъ необходимымъ условіемъ приобретения прибыли для капиталиста. Только продажей своихъ товаровъ они возмѣщаютъ свой капиталъ и достигаютъ его приращенія.

Такой взглядъ, однако, скользитъ лишь по поверхности экономической организаціи общества. Ни въ какомъ случаѣ мы не найдемъ, что только деньги, переходящія изъ однихъ рукъ въ другія, составляютъ сущность любого экономического явленія. Если мы присмотримся ближе къ операціямъ производителя, то убѣдимся, что деньги, получаемыя имъ за товаръ, отнюдь не служатъ причиной полученія прибыли, а только тѣмъ способомъ, при помощи котораго эта прибыль ему выплачивается.

Причиной прибыли служитъ то обстоятельство, что трудъ производитъ больше, чѣмъ сколько необходимо для его содержанія*). Земледѣльческій капиталъ приноситъ прибыль потому, что человекъ мо-

---

*) Курсивъ переводчика А. М.

жетъ вырастить болѣе пищи, чѣмъ сколько необходимо для его содержанія, пока эта пища растеть, пока приготавливаются потребныя орудія и совершаются необходимыя предварительныя работы. Отсюда слѣдуетъ, что если капиталистъ возьметъ кормить рабочихъ на условіяхъ принадлежности продукта ему, то онъ получитъ еще нѣкоторый избытокъ кромѣ надлежащаго возмѣщенія за свой капиталъ. Тоже положеніе въ другой формѣ можетъ быть выражено такъ: капиталъ приноситъ прибыль потому, что пища, одежда, матеріалы и орудія служатъ человѣку болѣе времени, чѣмъ сколько требуется на ихъ производство; такимъ образомъ, если капиталистъ снабжаетъ нѣкоторое число рабочихъ всѣми этими продуктами, но подъ условіемъ, что все, что они произведутъ, будетъ принадлежать ему, то эти рабочіе часть своего времени употребятъ на воспроизведеніе предметовъ для собственной необходимости и орудій, а другую, остальную часть своего времени будутъ работать на капиталиста. Мы видимъ, что прибыль происходитъ не отъ случайности обмѣна, а отъ производительной силы труда, и общій размѣръ прибылей въ странѣ всегда зависитъ отъ производительной силы труда и для него безразлично, имѣетъ ли обмѣнъ мѣсто или нѣтъ. Если бы не было раздѣленія занятій, то не существовало бы ни покупки, ни продажи, но прибыль все-таки была бы. Если работники страны общимъ своимъ трудомъ производятъ на 20% больше своихъ заработныхъ платъ, то и прибыль будетъ въ 20%, каковы бы ни были цѣны. Случайности въ колебаніи цѣнъ могутъ давать временно одному разря-

ду производителей болѣе 20%, другому менѣе; это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда товаръ продается выше или ниже своей естественной цѣны и длится до тѣхъ поръ, пока цѣны не придутъ къ своему среднему уровню. Но въ общей сложности при взятомъ предположеніи, производители всегда будутъ получать ровно 20% въ качествѣ прибыли. Перехожу къ болѣе подробному развитію этихъ вкратцѣ изложенныхъ соображеній.

Затраты капиталиста въ конечномъ результатѣ заключаются въ платежѣ заработныхъ платъ.

Я предполагаю исключительное господство такого положенія вещей, при которомъ, за малыми исключеніями, работники и капиталисты составляютъ разные классы; капиталисты несутъ всѣ предварительныя издержки, включая сюда и полное вознагражденіе за трудъ работниковъ. По существу дѣла въ этомъ нѣтъ безусловной необходимости; работникъ можетъ ждать до полного окончанія производства всю ту часть заработной платы, которая превосходитъ размѣръ необходимаго; онъ можетъ ждать даже полученія всей платы, если имѣетъ средства, достаточныя для того, чтобы прожить до окончанія производства. Но въ послѣднемъ случаѣ работникъ въ сущности становится до нѣкоторой степени капиталистомъ, влагающимъ капиталъ въ предпріятіе, для веденія котораго онъ даетъ часть необходимыхъ средствъ. Даже въ первомъ случаѣ можно смотрѣть на него какъ на капиталиста, ибо въ этомъ случаѣ онъ продаетъ свой

трудъ менѣе чѣмъ по рыночной цѣнѣ и на него можно смотрѣть какъ на человека, который даетъ ссуду предпринимателю и получаетъ возвратъ изъ продукта предпріятія съ процентами, вычисленными по какому нибудь условію.

Капиталистъ такимъ образомъ, по нашему предположенію, дѣлаетъ всѣ затраты и получаетъ весь продуктъ. Его прибыль заключается въ избыткѣ продукта надъ затратами; норма прибыли является отношеніемъ этого избытка ко всей затраченной суммѣ. Но въ чемъ же состоятъ его затраты?

Пока намъ необходимо предположить, что капиталистъ не платитъ ренты, т.-е. не покупаетъ пользованія ни одного изъ обращенныхъ въ собственность естественныхъ дѣятелей. На самомъ дѣлѣ едва-ли такое предположеніе вполне справедливо. Капиталистъ-земледѣлецъ всегда или почти всегда платитъ ренту, если не является собственникомъ земли, которую обрабатываетъ. Даже въ фабричной промышленности всегда уплачивается рента. Она платится за мѣсто, занимаемое фабрикою, а въ той или иной стадіи производства навѣрно уплачена рента и за потребляемые матеріалы. До сихъ поръ мы не принимали во вниманіе значеніе ренты; впоследствии мы увидимъ, что не совершили, при обсужденіи настоящаго вопроса, никакой фактической ошибки, совершенно игнорируя существованіе ренты.

Если такимъ образомъ, оставивъ ренту въ сторонѣ, мы станемъ изслѣдовать въ чемъ заключаются затраты капиталиста въ цѣляхъ производства, то окажется, что онѣ состоятъ изъ заработныхъ платъ.

Значительная доля затрат всякаго капиталиста заключается въ прямомъ платежѣ заработныхъ платъ. Все остальное идетъ на матеріалы и орудія, включая сюда и строенія. Но матеріалы и орудія произведены трудомъ; а такъ какъ нашъ капиталистъ служитъ представителемъ не единичнаго предпріятія, а какъ бы типомъ производительной промышленности всей страны, то мы можемъ допустить, что онъ производитъ самъ свои орудія и добываетъ свои матеріалы. Онъ достигаетъ этого при помощи предварительныхъ затратъ, которыя опять таки заключаются всецѣло въ платахъ. Предполагая, что онъ не производитъ, а покупаетъ свои орудія и матеріалы, мы тѣмъ самымъ ни сколько не измѣнимъ обстоятельствъ дѣла, ибо тогда онъ только оплачиваетъ предшествовавшему производителю заработныя платы, которыя тотъ ранѣе затратилъ. Совершенно справедливо, что онъ выплачиваетъ эту плату съ прибылью и еслибы онъ самъ производилъ эти вещи, онъ самъ долженъ былъ бы получать прибыль на всю сумму своихъ затратъ, также какъ и всякій другой производитель. Фактъ однако остается фактомъ и можно сказать, что въ теченіе всего процесса производства, начинающагося съ изготовленія матеріаловъ и орудій и заключающагося полнымъ производствомъ продукта, всѣ затраты капиталиста заключаются лишь въ заработныхъ платахъ; при этомъ нѣкоторые капиталисты, участвовавшіе въ производствѣ, получали свою долю прибыли до окончанія всей операціи и это было сдѣлано въ видахъ общаго удобства. Все въ окончательномъ продуктѣ, что не составляетъ прибыли, служитъ возмѣщеніемъ за выплаченныя заработныя платы.

Норма прибыли зависит отъ стоимости труда.

Отсюда слѣдуетъ, что барыши капиталиста, зависятъ отъ двухъ, и только отъ двухъ обстоятельствъ: во первыхъ, отъ размѣра полученнаго продукта или, другими словами, отъ производительной силы труда, и во вторыхъ—отъ доли продукта, получаемой самими работниками, т.-е. отъ отношенія, существующаго между вознагражденіемъ работниковъ и полною массою произведеннаго продукта. Эти два элемента составляютъ данныя для опредѣленія общей массы, раздѣляемой какъ прибыль между капиталистами всей страны. Но норма прибыли, процентное отношеніе ея къ капиталу, зависитъ только отъ второго изъ этихъ двухъ элементовъ, отъ того, какую долю продукта получаетъ рабочій, но не отъ общей массы продукта. Еслибы продуктъ труда удвоился, а рабочіе получали бы ту же пропорціональную долю его какъ и прежде, т.-е. если бы ихъ вознагражденіе также удвоилось, то капиталисты, конечно, также получали бы вдвое; но такъ какъ ихъ затраты одновременно же возрасли вдвое, то норма прибыли останется безъ измѣненія.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ тому же выводу какъ Рикардо и другіе, которые утверждаютъ, что норма прибыли зависитъ отъ заработныхъ платъ и падаетъ съ ихъ возрастаніемъ, повышается съ ихъ пониженіемъ. Принимая это ученіе, я буду однако настаивать на безусловной необходимости внести измѣненіе въ ея формулировку. Въсто

того, чтобы говорить, прибыль зависит отъ заработныхъ платъ: скажемъ, она зависитъ отъ стоимости труда. Такъ именно и думалъ Рикардо.

Рабочая плата и стоимость труда—то, что получаетъ работникъ за трудъ, и то, что стоитъ этотъ трудъ капиталисту, эти два понятія совершенно различныя и помнить это весьма важно. А потому, чтобы не смѣшивать ихъ, не слѣдуетъ обозначать ихъ однимъ терминомъ, какъ это дѣлаютъ почти всегда. Въ устныхъ и печатныхъ преніяхъ на заработную плату смотрятъ гораздо чаще съ точки зрѣнія платящихъ, а не получающихъ. Постоянно говорятъ о высокихъ и низкихъ платахъ, подразумѣвая подъ этимъ высокую или низкую стоимость труда. Въ большинствѣ случаевъ было бы правильнѣе выражаться какъ разъ наоборотъ: стоимость труда часто наивысшая при низшей заработной платѣ. Это можетъ зависѣть отъ двухъ причинъ. Во первыхъ, дешевый трудъ можетъ быть непроизводителенъ. Ни въ одной странѣ заработныя платы не стоятъ или по крайней мѣрѣ не стояли на столь низкой нормѣ, какъ въ Ирландіи. Вознагражденіе за трудъ земледѣльческаго работника Запада Ирландіи не поднимается выше половины самой низкой платы Дорсетширскаго работника въ Англии. Но если вслѣдствіе меньшаго искусства и усердія, Ирландецъ въ два дня не выполнитъ столько работы, сколько Англичанинъ въ день, то трудъ Ирландца стоитъ столько-же, какъ и трудъ Англичанина, хотя и приноситъ первому вдвое менѣе. Прибыль капиталиста опредѣляется первымъ изъ этихъ обстоятельствъ, а не вторымъ. Что это различіе дѣйствительно объясняется производительностью труда,

это доказывается не только обильными свидетельствами, но и тѣмъ фактомъ, что несмотря на низкій уровеньъ заработныхъ платъ, прибыль на капиталъ никогда не считалась выше въ Ирландіи сравнительно съ Англіей.

Другая, причина, вслѣдствіе которой заработная плата не можетъ служить мѣрою труда, лежитъ въ измѣнчивой стоимости продуктовъ, потребляемыхъ работникомъ. Если они дешевы, то заработная плата въ томъ смыслѣ, какой важенъ для работниковъ, можетъ быть высока, а между тѣмъ стоимость труда можетъ быть низкой. Если они дороги, то работникъ можетъ находиться въ очень плохомъ положеніи и въ то же время его трудъ стоитъ очень дорого и капиталисту. Въ такомъ положеніи находится страна съ чрезмѣрнымъ населеніемъ сравнительно съ наличной у ней землей; въ ней пища дорога и ничтожность реального вознагражденія работника не препятствуетъ тому, что трудъ стоитъ дорого покупателю; отсюда низкія платы и низкія прибыли—явленіе сосуществующее. Противуположный случай имѣетъ мѣсто въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Работникъ тамъ пользуется большими удобствами, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ цѣломъ свѣтѣ, за исключеніемъ развѣ новыхъ колоній; но благодаря дешевизнѣ, съ которой эти удобства могутъ быть получаемы, а также необыкновенной производительности труда, стоимость труда не выше, а норма прибыли не ниже, чѣмъ въ Европѣ.

Стоимость труда скажемъ, выражаюсь математическимъ языкомъ, является функціей трехъ измѣняемыхъ: производительности труда, заработной

платы, подразумѣвая подъ этимъ реальное вознагражденіе рабочаго, и большей или меньшей стоимости, по которой предметы, составляющіе реальное вознагражденіе рабочаго, могутъ быть произведены или доставлены. Ясно, что стоимость труда для капиталиста должна стоять въ зависимости отъ этихъ трехъ обстоятельствъ, но не отъ другихъ. Они же слѣдовательно опредѣляютъ и норму прибыли. И послѣдняя можетъ зависѣть только отъ нихъ. Если бы трудъ сдѣлался повсемѣстно болѣе производительнымъ, не получая при этомъ большаго вознагражденія; или если бы, сдѣлавшись менѣе производительнымъ, вознагражденіе упало, а стоимость предметовъ, составляющихъ это вознагражденіе, не возрасла бы; или если эти послѣдніе предметы сдѣлаются дешевле, но рабочій не будетъ получать большаго ихъ числа, то въ каждомъ изъ этихъ трехъ случаевъ прибыль возвысится. Если наоборотъ трудъ сдѣлается менѣе успѣшнымъ (отъ уменьшенія физической силы народа, отъ уничтоженія основнаго капитала, или отъ ухудшившагося воспитанія), или если работникъ будетъ получать большее вознагражденіе безъ уменьшенія стоимости вещей, составляющихъ его вознагражденіе; или если онъ и не будетъ получать больше, но стоимость вещей повысится, то во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ прибыль подвергнется уменьшенію. Кромѣ этихъ случаевъ нѣтъ другой комбинаціи обстоятельствъ, при которой общій уровень прибыли въ странѣ во всѣхъ промыслахъ безъ различія могъ бы подняться или упасть.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

О р е н т ъ.

Рента — результатъ естественной монополии.

Для производства необходимы трудъ, капиталъ и силы природы; кромѣ работника и капиталиста существуетъ только одно лицо, согласіе котораго необходимо для производства и которое можетъ за него требовать нѣкоторую долю продукта; это лицо по существующимъ общественнымъ установленіямъ обладаетъ исключительнымъ правомъ надъ какимъ-нибудь естественнымъ дѣятелемъ. Земля является главнѣйшимъ изъ всѣхъ естественныхъ дѣятелей, которыя могутъ быть обращены въ собственность и вознагражденіе, платимое за пользованіе ею называется *рентой*. Земельные собственники составляютъ единственный сколько-нибудь многочисленный и важный классъ, который имѣетъ право на долю въ распредѣленіи продукта по праву обла-

данія тѣмъ, что произведено не ими и ни кѣмъ другимъ.

Очевидно съ перваго взгляда, что рента результатъ монополіи и при томъ такой, которая является продуктомъ естественныхъ условій; существованіе ея нельзя уничтожить, но можно регулировать или предоставить въ распоряженіе общества. Землевладѣльцы могутъ требовать ренту за свою землю, потому что земля служитъ предметомъ желаній для многихъ, а получить ее можно только отъ землевладѣльцевъ. Если-бы земля страны принадлежала одному лицу, онъ могъ-бы опредѣлять размѣръ ренты по произволу. Весь народъ зависѣлъ-бы въ дѣлѣ удовлетворенія необходимыхъ потребностей своей жизни отъ него и онъ могъ-бы ставить имъ любыя условія. Таково дѣйствительное положеніе вещей въ тѣхъ восточныхъ царствахъ, гдѣ земля считается собственностью государства. Рента сливается тамъ съ налогомъ и деспотъ вымогаетъ отъ несчастныхъ земледѣльцевъ все, что можетъ. Результатъ былъ-бы тотъ же, если-бы земля принадлежала немногочисленной группѣ людей, которые могли-бы дѣйствовать и дѣйствовали-бы какъ одинъ человекъ, опредѣляя ренту взаимнымъ соглашеніемъ. Такого положенія вещей, какъ извѣстно, нигдѣ не существуетъ; остается значить предположить, что землевладѣльцы зависятъ отъ свободнаго соперничества и слишкомъ многочисленны, чтобы составлять стачку.

Никакая земля не может давать ренты, если не принадлежит по плодородію или по положенію къ сортамъ ея, существующимъ въ меньшемъ количествѣ сравнительно со спросомъ.

Вещь, имѣющаяся въ ограниченномъ количествѣ даже въ томъ случаѣ, если собственники не дѣйствуютъ солидарно, будетъ предметомъ монополіи. Но составляя даже предметъ монополіи, вещь, даруемая природой и не требующая ни труда, ни издержекъ для своего существованія, при наличности соперничества, получить цѣну лишь тогда, если она существуетъ въ количествѣ меньшемъ сравнительно со спросомъ. Если-бы вся земля въ странѣ была потребна для обработки, то всякая ея доля приносила-бы ренту. Но нѣтъ ни одной такой страны, гдѣ-бы потребности населенія требовали того, чтобы воздѣлывалась вся земля, годная къ обработкѣ. Пища и другіе земледѣльческіе продукты, въ которыхъ народъ нуждается и за которые они соглашаются и могутъ платить цѣну, вознаграждающую земледѣльца, могутъ быть получаемы безъ обращенія всей земли подъ обработку. Иногда для этого требуется обработка лишь небольшой доли ея. Земли, обрабатывать которыя болѣе легко, предпочитаютъ въ раннія стадіи общественнаго развитія, болѣе плодородныя и удобнѣе расположенныя въ позднѣйшую болѣе прогрессивную эпоху. Такимъ образомъ всегда имѣются земли, которыя при существующихъ обстоятельствахъ не платятъ ренты; рента платится

лишь за такую землю, которая по плодородію или по положенію принадлежитъ къ высшимъ сортамъ, спросъ на которые больше предложенія.

Худшая земля, которая можетъ быть обрабатываема лишь для пропитанія и которая не платитъ ренты, будетъ такой, которая возвращаетъ лишь сѣмена и пищу, воздѣлывающихъ ее работниковъ съ ихъ дополнительными расходами, какъ выражается Чомерсъ, т. е. съ прибавкой продуктовъ, необходимыхъ для снабженія ихъ орудіями и другими предметами необходимости. Можетъ-ли земля давать больше количества продукта это не составляетъ вопроса политической экономіи, а дѣло факта. Согласно нашему предположенію, подобная земля не приноситъ прибыли и не даетъ работникамъ ничего кромѣ самаго необходимаго; она, слѣдовательно, можетъ воздѣлываться только самими работниками, а во всякомъ другомъ случаѣ будетъ давать денежные потери; если такъ, то конечно тѣмъ менѣе она будетъ давать ренту. Самая худшая земля, которая можетъ быть обрабатываема при участіи капитала и для полученія прибыли, возмѣщаетъ не только сѣмена и не только кормитъ земледѣльческихъ работниковъ и ихъ подручныхъ, но даетъ имъ такія заработныя платы, которыя даютъ имъ возможность пріобрѣтать гораздо болѣе самаго необходимаго. Въ тоже время она оставляетъ тѣмъ, кто сдѣлалъ предварительныя затраты на плату для этихъ двухъ классовъ рабочихъ, еще нѣкоторый избытокъ, равный прибыли, получаемой во всѣхъ другихъ употребленіяхъ капитала. Можетъ-ли приносить земля еще больше, это уже вопросъ не только физическаго

факта, но и зависящій отъ того, какова рыночная цѣна земледѣльческаго продукта. Само собой разумѣется, что вопросъ о томъ, сколько можетъ дать земля для работниковъ и капиталистовъ кромѣ прокормленія всѣхъ прямо или косвенно занятыхъ ея обработкою, находится въ зависимости отъ цѣны, по которой остатокъ продукта можетъ быть проданъ. Чѣмъ выше рыночная цѣна продукта, тѣмъ ниже сортъ земли, до котораго обработка можетъ спускаться, давая при этомъ на затраченный капиталъ обыкновенный уровень прибыли.

Разныя степени плодородія земли обнаруживаютъ однако незамѣтную постепенность перехода. Различіе въ доступности или въ разстояніи отъ рынковъ въ общемъ столь-же незамѣтно по постепенности перехода. Въ то же время имѣется рядъ столь бесплодныхъ земель, что воздѣлываніе ихъ не можетъ окупиться ни при какихъ цѣнахъ. Изъ этого очевидно, что какова бы ни была цѣна, въ каждомъ обширномъ районѣ должна найтись земля, которая при данной цѣнѣ оплачиваетъ вполнѣ заработныя платы рабочихъ и даетъ обыкновенную прибыль на затраченный капиталъ, но не болѣе. До тѣхъ поръ, слѣдовательно, пока цѣна на продуктъ не возрастетъ или пока какое-нибудь улучшение не подниметъ земли на высшую степень плодородія, она не можетъ приносить ренты. Ясно, однако, что общество нуждается въ продуктѣ, добываемомъ съ земли такого качества, ибо если-бы болѣе плодородныя и лучше расположенныя земли были достаточны для удовлетворенія общественныхъ потребностей, то цѣна не достигла-бы та-

кого возвышенія, при которомъ обработка становится прибыльной. Такая земля, поэтому, поступить въ обработку; и потому мы можемъ утверждать, какъ положеніе, что пока имѣется въ странѣ земля, которая, будучи пригодной къ обработкѣ и не устраняясь отъ нея юридическими и другими искусственными препятствіями, не воздѣлывается, то худшая земля по плодородію и мѣстоположенію (изъ воздѣлываемыхъ) не платитъ ренты.

Такимъ образомъ, рента, даваемая какой-нибудь землею, представляетъ собою излишекъ продукта надъ тѣмъ его количествомъ, которое можно получить на капиталъ, затраченный на обработку худшаго сорта изъ воздѣлываемыхъ земель, или другими словами рента на землю измѣряется излишкомъ полученій со всего затраченнаго на нее капитала, кромѣ того, что необходимо для возмѣщенія капитала съ обыкновенной прибылью, т. е. излишекъ надъ суммою, которую далъ-бы капиталъ, если-бы онъ былъ весь затраченъ въ условіяхъ, столь же невыгодныхъ, въ какихъ употребляется наименѣе производительная часть его. Этотъ излишекъ — сумма, которую фермеръ можетъ заплатить въ качествѣ ренты землевладѣльцу. Если-бы онъ не платилъ этого излишка, онъ пріобрѣталъ-бы прибыль болѣе обыкновенной и соперничество другихъ капиталистовъ, всегда уравнивающее прибыль на разные виды употребленія капитала, дало-бы землевладѣльцу возможность взять этотъ излишекъ. Такова теорія ренты, изложенная въ концѣ прошлаго столѣтія Андерсономъ, забытая и только черезъ двадцать лѣтъ снова открытая почти одновременно Уэстомъ, Мальтусомъ и Рикардо.

Никто не утверждаетъ, что факты каждаго конкретнаго случая совпадаютъ съ безусловной точностью съ тѣмъ или инымъ научнымъ принципомъ. Мы никогда не должны забывать, что истины политической экономіи правильны только въ общихъ чертахъ. Таковъ же и законъ ренты. Онъ имѣетъ къ дѣйствительнымъ фактамъ такую же близость, какую имѣютъ вообще всѣ абстрактные законы политической экономіи; въ отдѣльныхъ случаяхъ, онъ конечно видоизмѣняется или нарушается прежними договорами людей, ошибками въ ихъ расчетахъ, вліяніями обычая и даже чувствованіями и расположеніями, участвующихъ въ дѣлѣ лицъ.

Многіе, напримѣръ, доказывали нелѣпость Рикардовой теоріи ренты, указывая, что неразумно утверждать, будто *обработка* земли низшаго качества служитъ причиной ренты земли высшаго качества. Рикардо вовсе и не говоритъ, что такой причиной служитъ обработка земли низшаго качества; онъ говоритъ, что этой причиной—является *необходимость обработки* худшей земли, вслѣдствіе недостаточности продукта лучшей земли для прокормленія возрастающаго населенія. Между его утвержденіемъ и тѣмъ, которое ему приписывается, существуетъ такое-же различіе, какъ между спросомъ и предложеніемъ. Другіе приводятъ также противъ Рикардо то возраженіе, что даже при равенствѣ плодородія земля все же могла-бы приносить ренту. Но Рикардо именно это и утверждаетъ. Онъ говоритъ, что если бы всѣ земли были равнаго плодородія, то тѣ изъ нихъ, которыя ближе къ рынкамъ чѣмъ другія, а потому и менѣе обременены издержками перевозки, давали-бы ренту и

размѣръ ея опредѣлялся - бы степенью выгоды ихъ положенія, и что земля, не приносящая въ такихъ условіяхъ ренты, была бы не та, которая наименѣе плодородна, но та, которая расположена наименѣе выгодно изъ общей массы земель, воздѣлываніе которыхъ обусловливается общественными нуждами. Теорія Рикардо ясно утверждаетъ, что даже при отсутствіи различій въ положеніи и плодородіи земель, они могли платить-бы ренту. Это происходило-бы въ томъ случаѣ, если-бы общественный спросъ требовалъ обращенія всей земли въ обработку и воздѣлываніе совершалось-бы съ приложеніемъ средствъ въ размѣрѣ большемъ того, когда всякій новый капиталъ начинаетъ давать выручку въ меньшей пропорціи *).

Рента не входитъ въ стоимость производства земледѣльческаго продукта.

Разсмотрѣвъ сущность и причины ренты, вернемся теперь къ вопросу о прибыли и снова пересмотримъ одно изъ положеній, высказанныхъ въ предшествовавшей главѣ. Мы показали тамъ, что затраты капиталиста, или другими словами издержки производства состоятъ исключительно въ платахъ за трудъ; что всякая затрата, не заключающаяся въ платахъ, составляетъ прибыль, выплачиваемую впередъ, и все, что не составляетъ такой уплаты прибыли служитъ заработной платой. Рента

---

*) Въ главѣ 12, опущенной въ настоящемъ изданіи, Милль доказываетъ, что увеличеніе труда и капитала, прилагаемыхъ къ землѣ, сопровождается не пропорціональнымъ, а меньшимъ увеличеніемъ продуктовъ, получаемыхъ съ этой земли. Прим. пер. А. М.

однако является элементомъ, который нельзя причислить ни къ прибыли, ни къ заработной платѣ. Мы должны были тогда утверждать, что капиталистъ не вынужденъ платить ренты и не даетъ платы за пользованіе естественнымъ дѣятелемъ, обращеннымъ въ собственность. Я обѣщаль показать въ надлежащемъ мѣстѣ, что такое допущеніе позволительно и что рента въ дѣйствительности не составляетъ никакой части издержекъ производства или затратъ капиталиста. Основаніе, по которымъ было сдѣлано это утвержденіе, теперь становится очевиднымъ. Совершенно справедливо; что всѣ арендаторы земли и другіе классы производителей платятъ ренту. Но мы теперь видѣли, что всякій, обрабатывающій землю и платящій ренту за нее, получаетъ въ обмѣнъ за ренту орудіе большей силы сравнительно съ орудіями того же рода, которыя не платятъ ренты. Превосходство орудія находится въ точномъ соотвѣтствіи съ платимой рентой. Если-бы нѣкоторые лица имѣли паровыя машины высшаго достоинства сравнительно со всѣми другими существующими, но при этомъ по физическому закону число ихъ было-бы меньше сравнительно съ спросомъ, то рента, которую согласился-бы платить фабрикантъ за одну изъ этихъ машинъ, не могла-бы считаться прибавленіемъ къ его расходу. Пользованіе этою машиною давало-бы ему сбереженіе въ другихъ расходахъ, равное платѣ за машину. Безъ нея онъ не могъ-бы выполнить тоже количество работы, не совершая добавочныхъ издержекъ, равныхъ по стоимости выплаченной рентѣ. Также справедливо и по отношенію къ землѣ. Дѣйствительными издержками производ-

ства на ней являются тѣ, которыя совершаются на худшей землѣ или съ капиталомъ, затраченнымъ въ наименѣе благопріятныхъ условіяхъ. Такая земля и такой капиталъ, какъ мы видѣли, не платятъ ренты; но издержки, совершаемыя здѣсь служатъ причиной того, что всякая другая земля или земледѣльческій капиталъ несетъ равныя издержки въ видѣ ренты. Всякій, платящій ренту, получаетъ обратно полную ея цѣнность въ видѣ особыхъ преимуществъ, которыми пользуется; рента, уплачиваемая имъ, не ставитъ его въ худшее положеніе сравнительно съ тѣмъ производителемъ, который не платитъ ренты, но владѣетъ орудіемъ меньшей производительности.

Мы закончили изложеніе законовъ, отъ которыхъ зависитъ распредѣленіе продукта труда и капитала, на сколько это было возможно безъ обсуждения того механизма обмѣна и цѣнъ, при помощи которыхъ это распредѣленіе совершается въ цивилизованномъ обществѣ. Болѣе полное разъясненіе и окончательное доказательство вышеизложенныхъ законовъ, а также полученіе важнѣйшихъ выводовъ изъ нихъ можетъ быть выполнено лишь при изученіи сущности и способа дѣйствій этого механизма. Этотъ предметъ такъ обширенъ и многосложенъ, что ему необходимо посвятить особую книгу.

КНИГА III.

О БМЪНЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О цѣнности.

Предварительныя замѣчанія.

Предметъ, къ которому мы приступаемъ нынѣ, занимаетъ въ политической экономіи столь важное и видное мѣсто, что по мнѣнію нѣкоторыхъ мыслителей границы его сливаются съ границами самой науки. Одинъ выдающійся писатель предлагалъ называть политическую экономію „каталактикой“ или наукой объ обмѣнахъ; другіе называли ее наукой о цѣностяхъ. Если-бы эти названія казались мнѣ логически правильными, я долженъ былъ-бы заняться обсужденіемъ основныхъ законовъ цѣнности въ самомъ началѣ своего изслѣдованія, не отлагая его до третьей части моего трактата; одна возможность отлагать обсужденіе этого вопроса такъ долго служитъ достаточнымъ подтвержденіемъ того, что взглядъ на природу поли-

тической экономии, подобный вышеуказанному, слишком суживает ее задачу. Справедливо, что в предшествующих книгах нам пришлось по необходимости касаться некоторых сторон теории ценности, имеющих отношение в особенности к ценности труда и земли. Тем не менее очевидно, что из двух главных отделов политической экономии: о производствѣ богатства и о его распределеніи, вопросъ о ценности имѣетъ отношеніе только къ послѣднему. Да и къ самому распределенію ценность имѣетъ отношеніе лишь въ той мѣрѣ, въ какой распределяющей силой является соперничество, а не обычай или установившаяся практика. Условія и законы производства остались бы такими-же, какъ они существуютъ и теперь, если-бы общественный порядокъ не зависилъ отъ обмѣна или не допускалъ его. Даже при современныхъ условіяхъ промышленной жизни, когда занятія раздѣлены такъ дробно и всѣ участвующие въ производствѣ получаютъ вознагражденіе изъ цѣны какого нибудь продукта, даже и здѣсь обмѣнъ не является основнымъ закономъ распределенія продукта. Дороги и повозки нельзя, вѣдь, признать основными законами движенія; онѣ просто составляютъ лишь часть механизма, посредствомъ котораго выполняется это движеніе. Смѣшивать эти идеи, это значитъ по моему мнѣнію совершать не только логическую, но и практическую ошибку, которая часто встрѣчается въ политической экономіи по той причинѣ, что не умѣютъ различать условій необходимо вытекающихъ изъ природы вещей отъ тѣхъ, которыя порождаются общественнымъ устройствомъ. Такая ошибка, по моему мнѣнію,

всегда вызываетъ два прямо противоположныхъ и вредныхъ послѣдствія; съ одной стороны, экономисты часто относятъ временныя истины своего предмета въ разрядъ постоянныхъ и всеобщихъ законовъ; съ другой стороны, по той-же причинѣ многіе ошибочно принимаютъ постоянныя законы производства (напр. тѣ законы, на которыхъ основана необходимость сдерживать размноженіе населенія) за временныя послѣдствія, вытекающія изъ существующей общественной организаціи, — однимъ словомъ, послѣдствія, которыя можетъ произвольно игнорировать всякій, составляющій новый планъ общественнаго устройства.

Однако въ томъ состояніи общества, гдѣ промышленная система вполнѣ покоится на продажѣ и покупкѣ, каждое лицо въ большинствѣ случаевъ живетъ не пользуясь для этого вещами, въ производствѣ которыхъ оно само принимало участіе; оно существуетъ, пользуясь вещами, получаемыми черезъ двойной обмѣнъ, черезъ продажу и затѣмъ покупку. При такомъ положеніи общества вопросъ о цѣнности становится основнымъ. Почти всякое разсужденіе относительно экономическихъ интересовъ общества, такимъ образомъ организованнаго, предполагаетъ наличность нѣкоторой теоріи цѣнности. Малѣйшая ошибка въ ней вызываетъ соотвѣтствующую ошибочность во всѣхъ другихъ нашихъ заключеніяхъ. Неясность или туманность нашихъ представленій о цѣнности порождаетъ спутанность и неопредѣленность во всѣхъ другихъ нашихъ экономическихъ представленіяхъ. Къ счастью въ законахъ цѣнности въ настоящее время не остается ничего такого, что приходилось-бы разъяснять послѣдую-

щимъ писателямъ; теорія предмета выработана вполне; единственная трудность заключается въ необходимости изложить ее такъ, чтобы заранѣе разрѣшить главныя затрудненія, которыя встрѣчаются при ея примѣненіи. Для это требуется нѣкоторая подробность изложенія, а отъ читателя значительное терпѣніе. Но если читатель еще не былъ знакомъ съ этимъ предметомъ, то за свое терпѣніе онъ будетъ вполне вознагражденъ—той легкостью и быстротою, съ какою онъ станетъ отлично понимать почти всѣ остальные вопросы политической экономіи *).

---

*) Въ настоящемъ изданіи отчасти за недостаткомъ мѣста, отчасти же, руководствуясь тѣмъ соображеніемъ, что поправки въ теоріи цѣнности Рикардо, сдѣланныя Д. С. Миллемъ, не были признаны наукою, мы опускаемъ всѣ послѣдующія главы и переходимъ непосредственно къ главѣ, дающей краткій обзоръ теоріи цѣнности. Существенныя черты теоріи цѣнности Д. С. Милля уже намѣчены въ отдѣлѣ о распределеніи, который сохраненъ нами почти вполне. Въ примѣчаніяхъ къ „краткому обзору теоріи цѣнности“, даваемому Д. С. Миллемъ, мы постараемся еще болѣе рѣзко отбѣнить его точку зрѣнія. Читатель, желающій ближе ознакомиться съ теоріей цѣнности, долженъ обратиться къ сочиненіямъ Рикардо и Маркса въ изданіи той-же экономической бібліотеки. Примѣч. переводчика А. М.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Краткій обзоръ теоріи цѣнностей.

Полож. I. Цѣнность понятіе относительное. Цѣнность предмета—это значитъ количество какого нибудь другого предмета или количество предметовъ вообще, за которое онъ обмѣнивается. Цѣнности всѣхъ предметовъ поэтому не могутъ одновременно ни падать, ни возвышаться. Общее повышение или пониженіе цѣнностей дѣло невозможное *).

Полож. II. Временная или рыночная цѣнность предмета зависитъ отъ спроса и предложенія; она повышается при возрастаніи спроса и падаетъ при возрастаніи предложенія. Спросъ однако измѣняется вмѣстѣ съ цѣнностью, становясь вообще больше при дешевизнѣ предмета сравнительно со спросомъ, который существуетъ при дороговизнѣ пред-

---

*) Всѣ товары могутъ подняться въ денежной цѣнѣ, но общаго возвышенія цѣнностей быть не можетъ, ибо всѣ товары не могутъ подняться относительно другъ друга.

мета; и цѣнность приспособляется при этомъ такъ, что спросъ бываетъ равенъ предложенію *)).

Полож. III. Кромѣ рыночной или временной цѣнности товары имѣютъ постоянную или, какъ можно ее назвать, естественную цѣнность, къ которой рыночная цѣнность послѣ cadaго колебанія стремится возвратиться и эти колебанія взаимно балансируются, такъ что въ среднемъ предметы обмѣниваются по ихъ естественной цѣнности.

Полож. IV. Естественная цѣнность нѣкоторыхъ предметовъ есть цѣнность недостачи, но большая часть предметовъ естественно обмѣнивается другъ на друга соотвѣтственно ихъ стоимостямъ производства или по цѣнности, которую можно назвать цѣнностью издержекъ (cost value).

Полож. V. Предметами, естественно и постоянно имѣющими цѣнность недостачи или рѣдкости (scarcity value), называются такіе, снабженіе которыми не можетъ быть увеличено совсѣмъ или не можетъ

---

*) Предложеніе товара—это значитъ количество, предлагаемое на продажу, спросъ—это значитъ требуемое количество, соединенное со средствами купить. Отношеніе между спросомъ и предложеніемъ есть пропорція, существующая между предлагаемымъ количествомъ и количествомъ, на которое существуетъ спросъ. Предположимъ, что въ такое время спросъ превышаетъ предложеніе, т. е. что имѣются люди, желающіе купить по рыночной цѣнѣ болѣе того количества, какое предлагается на продажу. Со стороны продавцевъ, говоритъ Милль, начинается соперничество и цѣнность поднимается, но насколько? Могутъ предположить, что она поднимается пропорціонально недостатку товара; если спросъ превосходитъ предложенія на $\frac{1}{3}$, то и цѣнность повысится на $\frac{1}{3}$. Но это не такъ, ибо, если цѣнность поднялась на $\frac{1}{3}$, то спросъ все еще можетъ превосходить предложеніе. Можетъ быть даже, что при этой возвысившейся цѣнности явится требованіе на большее количество товара, чѣмъ какое можно достать; такимъ образомъ соперничество покупе-

быть достаточно для полного удовлетворения спроса, который существовалъ бы на нихъ по цѣнности ихъ издержекъ.

Полож. VI. Монопольная цѣнность значитъ цѣнность недостачи. Монополія не можетъ придавать цѣнности предмету иначе, какъ черезъ ограниченіе снабженія.

Полож. VII. Каждый товаръ, снабженіе котораго можетъ быть безгранично увеличено трудомъ и капиталомъ, обмѣнивается на другіе товары соотвѣтственно издержкамъ, необходимымъ для производства и доставленія на рынокъ той части требуемаго снабженія, которая обходится по наибольшей

лей будетъ продолжаться. Если товаръ предметъ необходимости, и люди предпочитаютъ платить за него любую цѣну, чѣмъ отказаться отъ него, то отъ недостатка товара на третью долю, товаръ можетъ удвоиться, утроиться или учетвериться въ цѣнѣ. Наоборотъ соперничество можетъ прекратиться ранѣе, чѣмъ цѣнность подыметъ пропорціонально недостачу. Возвышеніе менѣе чѣмъ на $\frac{1}{3}$ можетъ сдѣлать товаръ на цѣлую треть выше средствъ или наклонностей покупателей. На какомъ-же пунктѣ остановится возвышеніе? На томъ, который, каковъ-бы онъ ни былъ, уравниваетъ спросъ и предложеніе, другими словами, на цѣнѣ, которая уменьшаетъ лишнюю треть спроса или привлекаетъ добавочныхъ продавцевъ, которые могутъ доставить на рынокъ потребное количество товара. Когда тѣмъ или другимъ путемъ или обоими этими путями вмѣстѣ спросъ сдѣлается равнымъ и не болѣе какъ равнымъ, повышеніе цѣнности приостановится. Столь-же простъ и противоположный случай, когда не спросъ больше предложенія, а предложеніе болѣе спроса. Такимъ образомъ мы видимъ, что понятіе *пропорціи* между спросомъ и предложеніемъ неумѣстно и что математическая аналогія этому ихъ отношенію представляется въ *уравненіи*. Спросъ и предложеніе, требуемое и предлагаемое количество должны уравниваться и соперничество выполняетъ это соотвѣтственнымъ измѣненіемъ цѣнности товара. Особое значеніе законъ спроса и предложенія имѣетъ въ международной торговлѣ.

стоимости. Естественная цѣнность совпадаетъ съ цѣнностью стоимости, а послѣдняя означаетъ цѣнность стоимости той части снабженія, стоимость которой наиболѣе высока.

Полож. VIII. Стоимость производства состоитъ изъ нѣсколькихъ элементовъ, нѣкоторые изъ нихъ постоянны и всеобщы, другіе случайны. Всеобщіе элементы стоимости производства: заработная плата за трудъ и прибыль на капиталъ. Къ случайнымъ элементамъ относятся налоги и всякая лишняя затрата, производимая цѣнностью недостачи какихъ нибудь принадлежностей производства:

Полож. IX. Рента не составляетъ элемента въ стоимости производства товара, дающаго ее. Исключеніемъ служатъ случаи скорѣе возможные въ теоріи, чѣмъ дѣйствительно существующіе, когда рента бываетъ результатомъ и представляется какъ цѣнность недостачи. Но если земля, могущая давать ренту въ земледѣліи, употребляется для другой цѣли, то рента, которую она могла давать, служить элементомъ въ стоимости производства товара, на производство котораго обращена эта земля.

Полож. X. Оставляя въ сторонѣ случайные элементы цѣнности, мы можемъ сказать, что предметы, количество которыхъ подлежитъ неограниченному возрастанію, естественно и постоянно обмѣниваются другъ на друга соотвѣтственно сравнительному или относительному (comparative) количеству заработныхъ платъ, которыя надо выплатить для ихъ производства и соотвѣтственно сравнительному или относительному количеству прибылей, которыя

должны быть получены капиталистами, выдающими эти платы*).

Полож. XI. Сравнительное или относительное количество заработных плат не зависит от безотносительной величины ихъ. Высокій уровень заработных плат не обуславливаетъ собой высокихъ цѣнностей. И низкій уровень тѣхъ же платъ не обуславливаетъ низкихъ цѣнностей. Сравнительное количество заработных платъ зависитъ отчасти отъ сравнительнаго количества затраченнаго труда, отчасти отъ сравнительнаго размѣра его вознагражденія.

Полож. XII. Точно также сравнительная доля прибыли не зависитъ отъ безотносительной величины прибыли. Высокія или низкія прибыли не обуславливаютъ собою высокихъ или низкихъ цѣнностей. Прибыли зависятъ отчасти отъ сравнительной продолжительности времени, въ теченіи котораго бываетъ затраченъ капиталъ, и отчасти отъ сравнительнаго уровня прибылей въ различныхъ занятіяхъ.

---

*) Это положеніе неизбѣжно вытекаетъ изъ перваго. Если цѣнность—явленіе относительное, то взаимное отношеніе цѣнностей предметовъ не можетъ измѣняться отъ причины, дѣйствующей одновременно и одинаково на предметы. По ученію Д. С. Милля цѣнность предметовъ равно опредѣляется, какъ относительнымъ количествомъ или размѣромъ заработанныхъ платъ, такъ и относительнымъ количествомъ затраченнаго труда. Если бы одновременно и одинаково измѣнилось количество, затрачиваемое на производство предметовъ, то цѣнности не измѣнились бы. Предположимъ, что два товара производились трудомъ въ 10 дней и слѣдовательно цѣнности ихъ были равны; если съ теченіемъ времени для производства ихъ придется тратить 20 дней, то это не измѣнитъ ихъ цѣнности и оба товара будутъ обмѣниваться по прежнему другъ за друга. Тоже равно приложимо къ заработной платѣ и прибыли. Пр. пер. А. М.

Полож. XIII. Если два предмета производятся одинаковымъ количествомъ труда и если этотъ трудъ оплачивается одинаково и заработныя платы затрачиваются на одинаковое время, а характеръ занятія не требуетъ постоянной разницы въ прибыли, то эти два предмета, все равно высоки или низки будутъ рабочія платы и прибыли и велико или мало количество расходуемаго труда, станутъ въ среднемъ обмѣниваться другъ за друга.

Полож. XIV. Если изъ двухъ предметовъ одинъ въ среднемъ имѣетъ большую цѣнность, то это должно зависѣть отъ того, что на его производство истрачивается бѣльшее количество труда или родъ труда, постоянно получающій высшее вознагражденіе или потому, что надобно затрачивать капиталъ или часть его, идущую на содержаніе труда, на болѣе долгій періодъ времени, или наконецъ производство его совершается въ условіяхъ, требующихъ особаго вознагражденія въ постоянно повышенномъ уровнѣ прибыли.

Полож. XV. Изъ этихъ элементовъ количество труда, потребное для производства, факторъ наиболѣе важный; вліяніе другихъ элементовъ менѣе значительно, но ни одинъ изъ нихъ не безъ значенія.

Полож. XVI. Чѣмъ ниже прибыль, тѣмъ слабѣе становится вліяніе второстепенныхъ элементовъ стоимости производства и тѣмъ меньше отклоняются товары отъ той цѣнности, которая пропорціональна количеству и качеству труда, необходимаго для ихъ производства.

Полож. XVII. Но всякое паденіе прибылей понижаетъ до извѣстной степени цѣнность стоимости

предметовъ, въ выдѣлкѣ которыхъ употребляется или значительное число машинъ, или прочныя машины, и повышаетъ цѣнность предметовъ, дѣлаемыхъ ручнымъ трудомъ. Всякое повышение прибылей дѣйствуетъ въ обратномъ направленіи *).

Какъ измѣняется теорія цѣнности, когда работники занимаются производствомъ лишь для собственнаго существованія.

Такова общая теорія мѣновой цѣнности. Слѣдуетъ однако замѣтить, что эта теорія предполагаетъ наличность такой системы производства, которая ведется капиталистами для прибыли, а не работниками для пріобрѣтенія средствъ къ существованію. Принявъ послѣднее предположеніе, а для большинства странъ по крайней мѣрѣ для земледѣльческаго продукта, мы должны признать его въ значительной мѣрѣ правильнымъ, намъ придется видоизмѣнить изложенныя выше теоремы относительно зависимости цѣнности отъ стоимости производства. Всѣ эти теоремы основаны на предположеніи, что задача и цѣль производителя заключаются въ полученіи прибыли на свой капиталъ. Изъ подобнаго допущенія слѣдуетъ, что онъ долженъ продавать свой продуктъ по цѣнѣ, которая даетъ ему обычную норму прибыли, другими словами, этотъ продуктъ долженъ обмѣниваться на другіе продукты по цѣнности стоимости. Но крестьянинъ-собственникъ, половинщикъ и даже фер-

---

*) Отступленіе, которое дѣлаетъ Д. С. Милль отъ теоріи цѣнности Рикардо, объяснено переводчикомъ во введеніи. А. М.

меръ и арендаторъ усадебнаго участка, работникъ какого бы то ни было имени, производящій на самого себя, ищутъ не приложенія своего ничтожнаго капитала, а выгоднаго употребленія своего времени и труда. Ихъ расходы на дѣло кромѣ содержанія самихъ и семьи такъ малы, что почти вся выручка отъ продажи продукта является просто заработной платой. Когда такой производитель и его семья кормится изъ продукта своей фермы (а можетъ быть и одѣвается изъ матеріаловъ, выработанныхъ на этой фермѣ и обработанныхъ трудомъ его семьи), то относительно добавочнаго вознагражденія, получаемаго отъ продажи излишка продукта, его можно сравнить съ тѣми работниками, которые, получая содержаніе изъ другого источника, могутъ продавать свой трудъ по всякой цѣнѣ, которая по ихъ мнѣнію достаточно вознаграждаетъ ихъ стараніе. Крестьянинъ, который содержитъ себя и свою семью одною частью своего продукта, очень часто продаетъ остатокъ по цѣнѣ, которая была бы гораздо ниже цѣнности стоимости для капиталиста.

Однако даже въ этомъ случаѣ существуетъ минимумъ или низшая граница цѣнности. Продуктъ, который крестьянинъ доставляетъ на рынокъ, долженъ оплачивать ему цѣнность всѣхъ предметовъ необходимости, которые онъ принужденъ покупать, а также давать возможность платить ренту. Рента при обработкѣ земли крестьянами не опредѣляется по началамъ, изложеннымъ въ предшествовавшихъ главахъ, а обычаемъ, какъ на примѣръ у половниковъ; если же она и подвержена вліянію соперничества, то зависитъ отъ отношенія между количествомъ населенія и земли. Рента слѣдовательно

Въ этомъ случаѣ является элементомъ стоимости производства. Крестьянинъ долженъ работать, пока онъ не добудетъ средствъ для оплаты ренты и для покупки всѣхъ предметовъ собственной необходимости. Затѣмъ онъ станетъ работать лишь въ томъ случаѣ, если можетъ продавать продукты по цѣнѣ, преодолѣвающей его нежеланіе трудиться.

Этотъ вышеуказанный минимумъ крестьянинъ только и долженъ получать въ обмѣнъ за весь избытокъ своего продукта, но этотъ избытокъ однако не является опредѣленнымъ количествомъ; онъ можетъ быть больше или меньше въ зависимости отъ степени трудолюбія крестьянина, а потому минимальная цѣнность всего избытка не опредѣляетъ еще минимальной цѣнности для опредѣленнаго количества предметовъ. При такомъ положеніи вещей слѣдовательно едва-ли можно сказать, что цѣнность хоть сколько нибудь зависитъ отъ стоимости производства. Цѣнность опредѣляется здѣсь почти исключительно спросомъ и предложениемъ, т.-е. отношеніемъ между количествомъ избыточнаго продукта, которое желаютъ производить крестьяне, и количествомъ неземледѣльческаго или вѣрнѣе некрестьянскаго населенія. Если окружающее населеніе многочисленно, а классъ, производящій хлѣбъ, лѣнивъ, то пища можетъ постоянно продаваться по цѣнѣ недостачи. Я не имѣю свѣдѣній, чтобы подобный случай имѣлъ гдѣ нибудь мѣсто. Если классъ, производящій хлѣбъ, энергиченъ и трудолюбивъ, а число покупателей ничтожно, то пища будетъ чрезвычайно дешева. Этотъ случай также рѣдко встрѣчается; впрочемъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Франціи быть можетъ и

имѣется нѣчто подобное. Обыкновенно бываетъ одно изъ двухъ: или, какъ это было въ Ирландіи до послѣдняго времени, крестьянское сословіе лѣнливо и число покупателей немногочисленно, или какъ въ Бельгіи, въ Сѣверной Италиіи и въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи крестьянское население трудолюбиво, а городское население многочисленно и богато. Цѣна продукта будетъ приспособляться къ этому разнообразію въ условіяхъ, если только она не будетъ видоизмѣняться соперничествомъ производителей не изъ крестьянскаго сословія или цѣнами на международныхъ рынкахъ.

Дальнѣйшее приложеніе теоріи цѣнности къ разнообразнымъ условіямъ существующихъ или возможныхъ промышленныхъ системъ можно съ большимъ удобствомъ предоставить сообразительности самого читателя. Монтескье дѣлаетъ отличное замѣчаніе. „Не слѣдуетъ, говоритъ онъ, всегда исчерпывать предметъ до того, чтобы читателю уже ничего не оставалось дѣлать. Важно не доставлять читателю чтеніе, а возбуждать въ немъ желаніе мыслить“ *).

---

*) Esprit des Lois, liv. XI.

ГЛАВЫ XVII и XVIII.

Международная торговля и международныя цѣнности.

Стоимость производства не служитъ регуляторомъ международныхъ цѣнностей.

Причины, благодаря которымъ товаръ привозится издалека, вообще понимаются довольно поверхностнымъ образомъ. Нѣкоторые предметы физически невозможно производить нигдѣ кромѣ какъ въ особыхъ условіяхъ температуры, почвы и воздуха. Но имѣется много предметовъ, которые привозятся издалека, хотя ихъ можно производить на мѣстѣ и въ любомъ количествѣ. Предметъ можетъ иногда продаваться дешевле, если онъ производится въ другомъ мѣстѣ, а не въ томъ, гдѣ его можно было производить съ наименьшимъ количествомъ труда и воздержанія. Англія можетъ ввозить хлѣбъ изъ Польши и платить за него полотномъ даже въ томъ случаѣ, если Англія имѣетъ рѣшительное преимущество предъ Польшей въ производствѣ полотна и хлѣба. Этого не могло-бы произойти между сосѣдними мѣстностями. Если-бы

сѣверный берегъ рѣки Темзы имѣлъ преимущество надъ южнымъ въ производствѣ обуви, то на южномъ берегу вовсе не производилось-бы обуви. Производители обуви перешли-бы сами и со своими капиталами на сѣверный берегъ или поселились-бы тамъ съ самаго начала. Будучи соперниками на одномъ и томъ-же рынкѣ съ производителями сѣвернаго берега, они не могли-бы вознаградить себя за свое невыгодное положеніе за счетъ потребителя. Вся невыгода пала-бы на ихъ прибыль и имъ не было-бы расчета довольствоваться меньшей прибылью, если простымъ переходомъ на другую сторону рѣки они могли-бы увеличить ее. Но между отдаленными мѣстами и въ особенности между разными странами, прибыли могутъ *долгое время* оставаться различными: люди обыкновенно не переселяются и не переносятъ своихъ капиталовъ въ отдаленныя мѣстности безъ весьма сильныхъ побужденій. Можетъ существовать большое неравенство въ выручкѣ за трудъ и капиталъ, не вызывая передвиженія съ ихъ стороны въ такомъ размѣрѣ, чтобы сгладилось это неравенство.

Вслѣдъ за Рикардо я доказываю, что для международнаго обмѣна важно различіе не въ *абсолютной* величинѣ стоимости производства, но разница въ *сравнительной* стоимости ея. Намъ можетъ быть выгодно получать желѣзо изъ Швеціи въ обмѣнъ за хлопокъ даже въ томъ случаѣ, если рудники и фабрики Англии производительнѣе Шведскихъ. Если мы имѣемъ преимущество надъ Швеціей въ производствѣ хлопка на половину расходовъ, а въ производствѣ желѣза только на одну четверть и можемъ продавать нашъ хлопокъ въ

Швецію по цѣнѣ, которую эта страна должна была-бы платить, если-бы производила его сама, то мы получимъ наше желѣзо и нашъ хлопокъ съ выгодой на цѣлую половину. Торгуя съ иностранцами, мы можемъ получать ихъ товары съ меньшимъ расходомъ труда и капитала, чѣмъ сколько они стоятъ иностранцамъ. Торговля тѣмъ не менѣе будетъ выгодна иностранцу, ибо товаръ, который онъ получаетъ въ обмѣнъ, хотя и стоитъ намъ меньше, но ему стоилъ-бы дороже.

Желая разъяснить случаи, въ которыхъ будетъ или не будетъ происходить обмѣнъ между двумя странами, мой отецъ Джемсъ Милль дѣлаетъ предположеніе, что Польша имѣетъ преимущество надъ Англіей въ производствѣ какъ полотна, такъ и хлѣба. Прежде всего онъ предполагаетъ, что преимущество въ производствѣ этихъ товаровъ совершенно одинаково. Производство полотна и хлѣба, требующее 100 дней труда въ Польшѣ, требуетъ 150 дней въ Англии. „Отсюда будетъ слѣдовать, что полотно, производимое 150 днями труда въ Англии, будучи послано въ Польшу, будетъ равняться 100 днямъ труда въ Польшѣ; по этому при промѣнѣ на хлѣбъ, оно обмѣняется тамъ на хлѣбъ только производимый 100 днями труда. Но хлѣбъ ста дней труда въ Польшѣ, по нашему предположенію, составляетъ то-же количество, какъ и хлѣбъ 150 дней труда въ Англии. Такимъ образомъ за 150 дней труда въ полотнѣ, Англія получить только столько-же хлѣба изъ Польши, сколько она можетъ получить 150 днями труда въ собственной странѣ и при ввозѣ хлѣба изъ Польши, она кромѣ того должна будетъ опла-

тить стоимость перевозки. При такихъ обстоятельствахъ международный обмѣнъ происходитъ не станетъ“. Въ этомъ случаѣ сравнительная стоимость двухъ товаровъ въ Англіи и Польшѣ по нашему предположенію одинакова, хотя абсолютная стоимость различна. При такомъ предположеніи мы видимъ, не было-бы сбереженія ни въ той странѣ, ни въ другой отъ того, что она ограничила свое производство однимъ продуктомъ и стала ввозить другой.

Совершенно иначе будетъ обстоять дѣло, если будетъ разница въ сравнительныхъ, а не только въ абсолютныхъ стоимостяхъ двухъ продуктовъ въ двухъ различныхъ странахъ. „Если, продолжаетъ тотъ-же писатель, количество полотна, производимое 100 днями труда въ Польшѣ, производится 150 днями труда въ Англіи, а количество хлѣба, производимое 100 днями труда въ Польшѣ не можетъ быть произведено въ Англіи меньше, какъ 200 днями труда, то сейчасъ-же возникаетъ надлежащее побужденіе къ обмѣну. Тѣмъ количествомъ полотна, которое производится въ Англіи 150 днями труда, она будетъ въ состояніи покупать въ Польшѣ количество хлѣба, производимое тамъ 100 днями труда; но количество хлѣба, производимое въ Польшѣ 100 днями труда будетъ въ данномъ случаѣ равняться тому количеству хлѣба, которое сама Англія можетъ произвести только въ 200 дней“. Такимъ образомъ ввозя хлѣбъ изъ Польши и уплачивая ей полотномъ, Англія получитъ за 150 дней труда столько-же хлѣба, какое ей стоило-бы 200 дней труда, если-бы она сама производила хлѣбъ; при каждомъ повтореніи такой

сдѣлки обмѣна, происходитъ сбереженіе 50 дней труда, и такое сбереженіе совершается не только для Англии, но и абсолютно и по той причинѣ, что это сбереженіе совершается не за счетъ и къ невыгодѣ Польши, ибо послѣдняя своимъ хлѣбомъ, стоящимъ ей 100 дней труда, пріобрѣтаетъ полотно, которое стоило-бы ей столько-же, если-бы она сама произвела его. Польша слѣдовательно при такомъ предположеніи не теряетъ ничего, но зато она и не пріобрѣтаетъ никакихъ выгодъ отъ торговли, такъ какъ ввозимое полотно стоитъ ей столько-же, сколько стоило-бы оно, если-бы она сама производила его. Польша получить выгоду отъ обмѣна только тогда, если что нибудь будетъ отнято отъ выигрыша Англии: хлѣбъ, производимый въ Польшѣ 100 днями труда, долженъ покупать въ Англии болѣе полотна, чѣмъ сколько-бы произвела Польша тѣмъ-же самымъ количествомъ труда. Другими словами больше полотна, чѣмъ сколько производитъ Англія въ 150 дней труда, а Англія должна получать хлѣбъ, стоившій ей 200 дней труда, по стоимости, превышающей 150 дней труда, но менѣе 200. Такимъ образомъ Англія не будетъ выигрывать всю сумму труда, который сберегается одновременно какъ для Англии, такъ и для Польши ихъ общею торговлею“.

Изъ изложеннаго ясно, въ чемъ заключаются выгоды международнаго обмѣна или другими словами иностранной торговли. Не говоря о томъ, что при посредствѣ такой торговли, страны могутъ получать такіе товары, которые они не могли-бы совсѣмъ производить сами, выгодная сторона такой торговли состоитъ въ болѣе успѣшномъ употреб-

лений производительныхъ силъ всего міра. Если-бы двѣ страны, торгующіе между собою, порѣшили, на сколько это физически возможно, производить для самихъ себя все, что онѣ теперь ввозятъ одна изъ другой, то трудъ и капиталъ этихъ странъ не былъ-бы столь производителенъ; обѣ онѣ вмѣстѣ не стали-бы получать отъ своей промышленности такого количества товаровъ, какъ теперь, когда каждая изъ нихъ занята производствомъ, какъ для себя, такъ и для другой страны тѣхъ товаровъ, въ которыхъ ея трудъ сравнительно болѣе успѣшенъ. Эта прибавка въ продуктѣ обѣихъ странъ составляетъ выгоду торговли.

Цѣнность товаровъ международнаго рынка зависитъ отъ условій уравненія международнаго запроса.

Цѣнность товаровъ, производимыхъ въ одномъ мѣстѣ, опредѣляется стоимостью ихъ производства. Но цѣнность товара, привозимаго издалека, а въ особенности изъ за-границы, не зависитъ отъ стоимости его производства тамъ, откуда онъ привезенъ. Чѣмъ-же опредѣляется цѣнность такого товара?

Если Англія ввозитъ вино изъ Испаніи, давая за пипу вина по тюку полотна, то мѣновая цѣнность пипы вина въ Англіи не будетъ зависѣть отъ того, сколько стоило производство вина въ Испаніи, но опредѣляться тѣмъ, сколько стоило производство полотна въ Англіи. Въ Испаніи вино могло стоить, быть можетъ, только десять дней труда. Если полотно стоитъ въ Англіи 20 дней, то вино, доставленное въ Англію, будетъ обмѣниваться на

продуктъ 20 дней Англійскаго труда — стоимость перевозки, включая сюда и обыкновенную прибыль на капиталъ импортера вина за время, пока его капиталъ былъ воплощенъ въ винѣ и лишенъ возможности имѣть другое занятіе. И такъ цѣнность иностраннаго товара во всякой странѣ опредѣляется количествомъ собственнаго продукта, какое страна должна отдать въ обмѣнъ другой. Другими словами цѣнность иностранныхъ товаровъ опредѣляется условіями междунаго обмѣна. Последнія-же зависятъ отъ кореннаго закона уравненія запроса и снабженія. Можно считать доказаннымъ, что если двѣ страны торгуютъ двумя товарами, то мѣновая цѣнность этихъ товаровъ относительно другъ друга приспособится къ наклонностямъ и средствамъ потребителей съ обѣихъ сторонъ и при томъ такъ, что количества товаровъ, требуемыхъ каждой страной и ввозимыхъ изъ сосѣдней, будетъ равно достаточны для уплаты другъ за друга. Наклонности и средства потребителей нельзя подвести ни подъ какое правило, а потому нельзя указать пропорціи, въ которыхъ товаръ будетъ обмѣниваться другъ за друга. Въ зависимости отъ уравненія запроса и снабженія бываютъ неодинаковы и пропорціи, въ которыхъ выгоды торговли раздѣлятся между обмѣнивающимися странами. Какими обстоятельствами опредѣляется въ конечномъ результатѣ соотвѣтственная доля каждой страны — это можно указать лишь въ самыхъ неопредѣленныхъ выраженіяхъ *).

---

*) Въ настоящемъ изданіи мы можемъ дать только самое краткое представленіе о международной торговлѣ. Читатель, желающій ознакомиться съ этимъ сложнымъ вопросомъ ближе, долженъ обратиться къ подлинному трактату Д. С. Милля. Прим. переводчика А. М.

ГЛАВА XXI.

Распределение золота и серебра по торговому свѣту.

Изслѣдовавъ механизмъ, при посредствѣ котораго совершается въ дѣйствительности торговья сношенія между націями, мы должны теперь разсмотрѣть, происходитъ-ли отъ этого способа ихъ веденія какое нибудь различіе въ тѣхъ выводахъ относительно международныхъ цѣнностей, къ какимъ мы выше пришли, предполагая, что обмѣнъ совершается какъ натуральный т. е. какъ товаръ за товаръ.

Ближайшая аналогія заставляетъ насъ предположить отрицательное. Мы не пришли къ убѣжденію, что вмѣшательство денегъ и замѣщающихъ ихъ средствъ производитъ какое нибудь различіе въ законѣ цѣнности, на сколько онъ прилагается къ сосѣднимъ мѣстамъ. Предметы, которые имѣли бы одинаковую цѣнность при натуральномъ обмѣнѣ, стоятъ одинаковыхъ суммъ денегъ. Введеніе денегъ въ обмѣнъ есть простая прибавка еще одного товара, цѣнность котораго опредѣляется тѣми

же самыми законами, какъ и всѣхъ другихъ предметовъ. Мы не должны поэтому удивляться, если найдемъ, что международныя цѣнности при денежной и вексельной системѣ зависятъ отъ тѣхъ же причинъ, какъ и при системѣ натурального обмѣна; деньги почти не оказываютъ на обмѣнъ никакого вліянія; онѣ представляютъ собою только удобное средство для сравненія цѣнностей.

Всякій обмѣнъ по своему существу и послѣдствіямъ—простая мѣна. Продающій предметы за деньги и покупающій за деньги другіе предметы въ сущности покупаетъ эти предметы за свои товары. Тоже можно сказать и о націяхъ: ихъ торговля—просто обмѣнъ вывоза за ввозъ; употребляются-ли здѣсь деньги или нѣтъ, но обмѣнъ только тогда находится въ своемъ прочномъ состояніи, когда вывозъ и ввозъ точно оплачиваютъ другъ друга. Въ подобномъ случаѣ каждая страна должна другой равныя суммы денегъ, долги равно балансируются передачей векселей и не приходится ничего уплачивать благородными металлами. Торговля находится въ такомъ положеніи, которое въ механикѣ называется состояніемъ прочнаго равновѣсія.

Но процессъ, при помощи котораго обмѣнъ приводится къ этому состоянію равновѣсія, если обнаружится отклоненіе отъ него, по крайней мѣрѣ по внѣшности не таковъ при денежной системѣ, какъ при мѣновой. Въ послѣднемъ случаѣ страна, которой нужно больше ввозныхъ товаровъ, чѣмъ сколько она можетъ оплатить своимъ вывозомъ, должна предлагать свои вывозные товары дешевле и это является единственнымъ средствомъ для соз-

данія спроса на нихъ, который достаточенъ для возстановленія равновѣсія. При употребленіи денегъ, страна поступаетъ повидимому совсѣмъ не такъ. Она беретъ добавочное количество ввоза по той же цѣнѣ, какъ и прежде, и такъ какъ ея вывозъ неравноцѣненъ ввозу, то балансъ платежей обращается противъ нея; обмѣнъ становится неблагоприятенъ для нея и разницу она должна уплатить деньгами. По внѣшности эта операція весьма отличается отъ первой. Посмотримъ-же, различается-ли она по самому существу или только по механизму, которымъ совершается.

Предположимъ, Англія та страна, которая должна уплатить по балансу, который получаетъ Франція. Этой передачей благородныхъ металловъ количество денегъ въ Англіи уменьшается и увеличивается во Франціи. Я въ правѣ это предположить. Впослѣдствіи мы увидимъ, что подобное утвержденіе было-бы весьма ошибочно, если-бы оно прилагалось ко *всѣмъ* платежамъ по международнымъ балансамъ. Балансъ, который приходится уплатить лишь разъ и по особому случаю, на примѣръ, при платежѣ за чрезвычайный ввозъ хлѣба въ неурожайный годъ, можетъ быть оплаченъ изъ денегъ, хранящихся въ видѣ сокровищъ или изъ банкирскихъ резервовъ безъ всякаго воздѣйствія на количество обращающихся денегъ. Но, согласно нашему теперешнему предположенію, имѣется избытокъ ввоза надъ вывозомъ, который проистекаетъ изъ того факта, что уравненіе международного запроса еще не установилось. При обыкновенныхъ цѣнахъ въ данномъ случаѣ въ Англіи имѣется постоянно бѣльшій спросъ на французскіе

товары сравнительно съ тѣмъ, который можетъ быть оплаченъ Франціей по тѣмъ-же обыкновеннымъ цѣнамъ англійскими товарами. Въ подобномъ случаѣ, если не произойдетъ измѣненія въ цѣнахъ будетъ постоянно возобновляться необходимость уплачивать балансъ деньгами. Необходимо или прочно уменьшить ввозъ или увеличить вывозъ, а это можетъ произойти только чрезъ измѣненіе цѣнъ. Отсюда слѣдуетъ, что если балансъ въ первое время уплачивался даже изъ сокровищъ или чрезъ вывозъ слитковъ, то въ концѣ концовъ это отразится на количествѣ обращающихся денегъ, ибо до этого момента ничто не въ состояніи остановить вывоза благородныхъ металловъ.

Такимъ образомъ, если положеніе цѣнъ таково, уравненіе международнаго запроса не можетъ установиться само собой и по той-же причинѣ, что страна требуетъ больше ввоза, чѣмъ сколько можетъ заплатить вывозомъ; это означаетъ, что страна имѣетъ въ обращеніи бѣльшее количество благородныхъ металловъ или знаковъ, ихъ замѣчающихъ, чѣмъ сколько можетъ въ ней постоянно обращаться, а потому эта страна неизбежно должна разстаться съ ними и только тогда возстановится балансъ. Сообразно съ этимъ, количество денегъ въ обращеніи сокращается: цѣны падаютъ и въ числѣ другихъ падаютъ и цѣны вывозныхъ товаровъ, на которые по той-же причинѣ за-границей бѣльшій спросъ. Весьма возможно, что ввозимые товары поднялись въ цѣнѣ отъ наплыва монеты въ другую страну. И во всякомъ случаѣ общее паденіе цѣнъ на нихъ не отразилось. Но пока, возросшая дешевизна англійскихъ товаровъ не по-

будить иностранныя государства покупать ихъ на большую денежную стоимость или до тѣхъ поръ, пока возросшая дороговизна (положительная или сравнительная) иностранныхъ товаровъ не понудитъ Англiю покупать на меньшую денежную стоимость, вывозъ Англiи по прежнему будетъ недостаточенъ для оплаты за ввозъ и начавшiйся отливъ благородныхъ металловъ изъ Англiи будетъ по прежнему продолжаться. Отливъ металла будетъ продолжаться до той поры, когда пониженiе цѣнъ въ Англiи сдѣлаетъ доступнымъ для заграничнаго рынка какой нибудь товаръ, который Англiя ранѣе не вывозила, или когда пониженныя цѣны ранѣе вывозившихся товаровъ на столько увеличатъ заграничный спросъ на нихъ, что проданное ихъ количество будетъ достаточно для платежа за ввозъ; тому-же, быть можетъ, будетъ содѣйствовать пониженiе спроса Англiи на иностранныя товары, которое будетъ обуславливаться положительнымъ или сравнительнымъ возвышенiемъ цѣнъ этихъ товаровъ.

Но при нашемъ первоначальномъ предположенiи относительно натурального обмѣна процессы обмѣна совершались точно такимъ же способомъ. Не только слѣдовательно международная торговля стремится къ тому же равновѣсiю между вывозомъ и ввозомъ какъ и при употребленiи денегъ, такъ и безъ нихъ, но даже способы, которыми устанавливается это равновѣсiе по существу однохарактерны. Страна, вывозъ которой недостаточенъ для оплаты ввоза, должна продавать товары дешевле до тѣхъ поръ, пока сумѣетъ возбудить необходимый запросъ; *другими словами уравненiе*

международного запроса какъ при денежномъ, такъ и при натуральномъ обмѣнѣ служитъ закономъ иностранной торговли. Каждая страна ввозитъ и вывозитъ такіе же товары и такое же количество ихъ, какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ. При натуральномъ обмѣнѣ торговля тяготеетъ къ тому, чтобы ввозъ точно обмѣнивался за вывозъ; при денежномъ обмѣнѣ торговля стремится къ тому, чтобы сумма ввоза и вывоза обмѣнивалась за то-же количество денегъ. А двѣ вещи, одинаково равныя третьей, равны между собою; поэтому ввозъ и вывозъ одинаковой денежной стоимости ровно обмѣнивались-бы другъ на друга, если-бы деньги и не были въ употребленіи*).

---

*) Слѣдуетъ помнить, что Д. С. Милль является сторонникомъ *количественной* теоріи денегъ, которая вкратцѣ можетъ быть формулирована такъ: золото и серебро подобно всѣмъ другимъ товарамъ имѣютъ внутреннюю цѣнность, которая не отличается характеромъ случайности, но зависитъ отъ количества труда и капитала, употребленныхъ на ихъ производство въ самыхъ худшихъ условіяхъ добыванія за данное время. Употребляемая въ качествѣ денегъ благородные металлы не приобретаютъ вслѣдствіе этого добавочной цѣнности. Разница между стоимостью чеканной монеты и слитковъ не можетъ быть велика. Цѣнность денегъ въ конечномъ результатѣ всегда, а при свободномъ чеканѣ почти мгновенно сообразуется съ цѣнностью металла, изъ котораго онѣ сдѣланы. Когда деньги дороже слитковъ, то создается стремленіе обращать эти послѣдніе въ монету, если слитки дороже монеты, значительное число ихъ обратится въ монету. Такимъ образомъ, въ странахъ, гдѣ монетный дворъ открытъ для всѣхъ и гдѣ издержки чекана падаютъ на государство, цѣнность денегъ и слитковъ совпадаетъ. Цѣнность денегъ—есть ихъ покупательная сила и цѣнность предметовъ, выраженная въ деньгахъ, составляетъ цѣну ихъ. Деньги и товары стремятся ко взаимному обмѣну. Всѣ находящіяся на рынкѣ товары составляютъ запросъ на деньги, а всѣ находящіяся въ обращеніи деньги спросъ на товары. По этому во всякой странѣ всегда обращается такое количество денегъ,

которое равно суммѣ товарныхъ цѣнъ, раздѣленное на среднее число покупокъ, сдѣланныхъ каждою монетою или на такъ называемую *быстроту обращенія*. Кроме того на количество и цѣнность денегъ имѣетъ еще вліяніе степень экономіи въ употребленіи наличныхъ денегъ и замѣна ихъ кредитными знаками для совершенія платежей. Игнорируя два послѣднихъ элемента, можно сказать, что количество обращающихся въ странѣ денегъ тогда находится въ нормальномъ положеніи, если оно опредѣляется суммою цѣнности обращающихся товаровъ, оцѣненной на ихъ металлическую цѣнность. Изъ предшествовавшаго положенія слѣдуетъ, что при данномъ количествѣ товаровъ и продажъ цѣнность денегъ обратно пропорціональна количеству ихъ помноженному на быстроту обращенія; но въ окончательномъ результатѣ, утверждаетъ Д. С. Милль, цѣнность денегъ не опредѣляется однимъ количествомъ; по отношенію къ деньгамъ это послѣднее имѣетъ только болѣе важное значеніе, чѣмъ по отношенію къ товарамъ. Для послѣднихъ одна возможность перемѣны въ снабженіи уже измѣняетъ цѣнность. Цѣнность денегъ, количество которыхъ громадно въ міровомъ запасѣ, можетъ измѣниться только тогда, если количество денегъ дѣйствительно возрастетъ. Но въ конечномъ результатѣ цѣнность денегъ зависитъ отъ издержекъ производства металла и въ среднемъ выводѣ цѣны предметовъ будутъ такія, чтобы деньги обмѣнивались на другіе товары по стоимости своего производства; *„и по той самой причинѣ, что отъ количества денегъ необходимо зависитъ цѣнность ихъ, само количество какъ бы автоматическою силою будетъ держаться въ величинѣ, требуемой этою нормою цѣнъ,—въ величинѣ, необходимой для совершенія требуемаго количества покупокъ по этимъ цѣнамъ“*. См. нашъ трудъ „Деньги“. (Москва 1895, стр. 289—291) Прим. пер. А. М.

КНИГА IV.

Вліяніе прогресса общества на производство и распределеніе.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Характерныя черты общества, которое обогащается.

Предварительныя замѣчанія.

Три предшествующія части заключаютъ въ себѣ, на сколько это было для насъ возможно, тщательный обзоръ той области политической экономіи, которую, пользуясь счастливымъ обобщеніемъ математическаго термина, назвали статикой этой науки. Мы обозрѣли поле экономическихъ фактовъ и исследовали ихъ временное отношеніе какъ причинъ и слѣдствій. Мы старались открыть, чѣмъ определяется размѣръ производства и количество занятій для труда, капитала и населенія; какіе законы управляютъ рентой, прибылями и заработной платой, въ какихъ условіяхъ и въ какихъ пропорціяхъ товары обмѣниваются между отдѣльными личностями и странами. Такимъ образомъ мы получили

общій взглядъ на экономическія явленія общества, разсматриваемыя какъ нѣчто существующее одновременно. Мы опредѣлили до извѣстной степени начала ихъ взаимной зависимости и когда положеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ элементовъ извѣстно, то мы можемъ въ настоящее время дѣлать общее заключеніе относительно соотвѣтственнаго положенія въ то-же время почти всѣхъ другихъ элементовъ. Но все это познакомило насъ съ экономическими законами только неподвижнаго и неизмѣняющагося общества. Мы теперь должны разсмотрѣть экономическія условія, въ которыхъ живетъ человѣчество, какъ нѣчто подлежащее измѣненію. Безъ всякаго сомнѣнія во всѣхъ передовыхъ группахъ нашей расы и во всѣхъ областяхъ, куда ея вліяніе проникаетъ, экономическое положеніе во всѣ времена претерпѣваетъ постепенное видоизмѣненіе. Мы должны разсмотрѣть въ чемъ заключаются эти видоизмѣненія, каковы ихъ законы и къ чему направлено ихъ конечное стремленіе. Такимъ образомъ къ нашей теоріи равновѣсія прибавится теорія движенія, къ статикѣ политической экономіи—ея динамика.

Одна изъ чертъ характеризующихъ прогрессъ экономическаго движенія цивилизованныхъ націй, прежде всего обращаетъ на себя вниманіе вслѣдствіе своей тѣсной связи съ явленіями производства. Она заключается постоянно и на сколько можетъ простираться человѣческая предусмотрительность въ безграничномъ возрастаніи власти человека надъ природой... Выполненіе великихъ научныхъ изобрѣтеній на практикѣ не представляетъ нынѣ затрудненій почти нигдѣ. Теперь не трудно

найти или воспитать достаточное количество рабочих рукъ съ ловкостью, которая потребна для выполненія наиболее тонкихъ процессовъ для приложенія науки къ практическимъ цѣлямъ. Отъ такого соединенія условій невозможно не ожидать въ будущемъ крупнаго увеличенія длиннаго ряда послѣдовательныхъ улучшеній для экономизаціи труда и умноженія продукта. Нельзя не ожидать также широкаго распространенія и увеличенія полезности этихъ изобрѣтеній.

Другое видоизмѣненіе, которое до настоящаго времени характеризовало и будетъ характеризовать прогрессъ цивилизованныхъ обществъ выражается въ постоянномъ увеличеніи безопасности личности и собственности, которая въ каждой изъ европейскихъ странъ, какъ въ самой отсталой, такъ и болѣе развитой, съ каждымъ поколѣніемъ все лучше ограждается отъ насилія и хищничества другихъ и это происходитъ, благодаря болѣе цѣлесообразной организаціи суда и полиціи, дѣйствующихъ противъ преступленій частныхъ лицъ; а также вслѣдствіе исчезновенія и уничтоженія тѣхъ вредныхъ привилегій, которыя позволяли однимъ классамъ общества безнаказанно грабить другіе. Каждое поколѣніе точно также все болѣе получаетъ обезпеченіе отъ насилій правительственной власти... Во всѣхъ странахъ Европы налоги стали менѣе произвольны и обременительны какъ сами по себѣ, такъ и по способу взиманія. Войны и производимыя ими разрушенія теперь почти во всѣхъ странахъ имѣютъ мѣсто только въ тѣхъ отдаленныхъ владѣніяхъ, гдѣ цивилизованные народы приходятъ въ соприкосновеніе съ дикарями. Даже невѣрности благосостоя-

нія, проистекающія отъ неизбѣжныхъ естественныхъ несчастій, ослабляются въ своей силѣ относительно тѣхъ, кого постигаютъ, благодаря постоянному развитію благодѣтельной привычки къ страхованію.

Однимъ изъ непремѣнныхъ послѣдствій этого увеличенія безопасности служитъ возрастаніе производства и накопленія. Трудолюбіе и бережливость не могутъ существовать тамъ, гдѣ нѣтъ настоящей увѣренности, что трудолюбивымъ и берегающимъ будетъ дана возможность воспользоваться плодами ихъ дѣятельности. И чѣмъ болѣе эта вѣроятность приближается къ достовѣрности, тѣмъ болѣе трудолюбіе и бережливость становятся отличительными качествами народа. Опытъ показалъ, что крупная доля результатовъ труда и воздержанія можетъ быть взята опредѣленнымъ налогомъ, не только не ослабляя, но иногда даже усиливая тѣ качества, подѣ влияніемъ которыхъ происходитъ большее производство и возникаетъ большее изобиліе капитала. Но эти качества не въ состояніи будутъ противостоять отсутствію безопасности, доведенной до высокой степени. Правительство можетъ брать часть, но должна существовать увѣренность, что оно не прикоснется само къ остатку и не позволитъ этого сдѣлать другимъ.

Другое изъ видоизмѣненій, которое почти всегда сопровождаетъ прогрессъ новаго общества, заключается въ улучшеніи дѣловыхъ способностей общей массы людей. Я не хочу сказать, что практическая сообразительность отдѣльныхъ человѣческихъ существъ теперь больше, сравнительно съ прежнимъ. Я склоненъ вѣрить, что экономическій прогрессъ до настоящаго времени имѣлъ даже противо-

положное дѣйствіе. Лицо, съ хорошими природными дарованіями въ грубомъ состояніи общества, можетъ довольно хорошо выполнить значительное количество дѣлъ, имѣетъ большее умѣніе приспособлять средства къ цѣлямъ, умѣетъ лучше освободить себя и другихъ отъ непредвидѣнныхъ затрудненій. Въ этомъ отношеніи ему уступятъ 99 человѣкъ изъ 100, узнавшихъ такъ называемую цивилизованную форму жизни. На сколько балансируются эти недостатки и какими средствами они могутъ быть возмѣщены болѣе полно въ цивилизованномъ человѣкѣ, какъ въ индивидуальномъ существѣ—это вопросъ, относящійся къ другому роду изслѣдованій сравнительно съ настоящимъ. Но для цивилизованныхъ существъ, взятыхъ вмѣстѣ, возмѣщеніе вполне достаточно. То, что потеряно каждымъ въ способности къ дѣятельности, далеко возмѣщается возросшей способностью къ соединенному дѣйствію. По мѣрѣ того, какъ люди теряютъ качества, присущія дикарямъ, ихъ становится легче дисциплинировать; они становятся способны держаться плана заранѣе выработаннаго и въ созданіи котораго они сами не участвовали. Они легче подчиняютъ свой личный капризъ заранѣе принятому рѣшенію и выполняютъ по одиночкѣ тотъ родъ дѣятельности, который имъ назначенъ въ соединенномъ предпріятіи. Работы всякаго рода, невыполнимыя для дикарей или полувиллизованныхъ, каждодневно выполняются цивилизованными націями и это зависитъ не отъ того, чтобы въ дѣйствительныхъ исполнителяхъ была крупная сила дарованій, но просто потому, что каждый можетъ съ увѣренностью ожидать, что вся-

кій выполнить долю работы, принятую на себя. Короче говоря, отличительной характеристикой цивилизованных существъ является способность къ сотрудничеству; а эта способность, подобно всѣмъ другимъ, стремится улучшиться практикою и можетъ приобрѣтать все большую сферу дѣйствія.

Поэтому самымъ вѣрнымъ признакомъ прогрессивнаго видоизмѣненія общества является постоянное возрастаніе принципа и практики сотрудничества. Сообщества отдѣльныхъ личностей, добровольно соединяющихъ свои небольшіе взносы, выполняютъ нынѣ работы какъ промышленнаго, такъ и другого характера, которыя были бы не по средствамъ одному лицу или небольшому ихъ количеству; за выполненіе подобной дѣятельности, многіе пригодныя къ ней лица требовали прежде самое чрезмѣрное вознагражденіе. По мѣрѣ увеличенія богатства и улучшенія дѣловой способности людей, мы можемъ ждать, что значительно расширится кругъ учрежденій какъ промысловаго, такъ и другого характера, которые создаются совокупными взносами значительнаго числа людей. Къ такимъ учрежденіямъ слѣдуетъ отнести такъ называемыя акціонерныя компаніи и общества, организованныя на менѣе формальныхъ началахъ, для какихъ нибудь общественныхъ или филантропическихъ цѣлей и наконецъ товарищества рабочихъ для производства или покупки товаровъ для собственнаго потребленія, которыя нынѣ извѣстны подъ спеціальнымъ названіемъ кооперативныхъ обществъ.

Прогрессъ, котораго можно ожидать въ физическихъ наукахъ и искусствахъ, возрастаніе безопасности собственности и большая свобода въ

распоряженіи ею, которыя составляютъ такую бросающуюся въ глаза черту цивилизаціи современныхъ націй, а также болѣе широкое и искусное примѣненіе акціонернаго принципа, всѣ эти обстоятельства въ ихъ совокупности даютъ возможность и просторъ для безграничнаго увеличенія капитала и производства, а также и для размноженія населенія, которое его обыкновенно сопровождаетъ. Нѣтъ основаній опасаться, что ростъ населенія превзойдетъ увеличеніе производства. Нельзя даже утверждать, что возрастаніе населенія и производства будетъ идти равномернo, ибо оно не согласуется съ предположеніемъ о какомъ нибудь существенномъ улучшеніи положенія бѣднѣйшихъ классовъ. Однако весьма возможно, что обнаружится значительный прогрессъ въ промышленныхъ усовершенствованіяхъ и всѣ признаки того, что называется національнымъ процвѣтаніемъ, а именно: крупное увеличеніе общей массы богатства и даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ лучшее его распредѣленіе; не только богатые дѣлаются богаче, но и бѣдняки нѣсколько улучшатъ свое положеніе, такъ что посредствующій классъ можетъ сдѣлаться болѣе многочисленнымъ и могущественнымъ и средства къ болѣе пріятной и удобной жизни сдѣлаются достояніемъ большаго числа людей, но въ то-же время огромный общественный классъ, служащій фундаментомъ всего, можетъ возрасти только въ количествѣ и не обнаруживать успѣха въ удобствахъ жизни и въ образованіи. Поэтому при разсмотрѣніи послѣдствій, истекающихъ изъ развитія промышленности, мы должны допустить предположеніе, которое мы мо-

жемъ въ высшей степени не одобрять какъ фактъ, что возрастаніе населенія можетъ продолжаться столь же долго, быть столь же безгранично и вѣроятно столь же быстро, какъ и увеличеніе производства и накопленія.

Сдѣлавъ эти предварительныя замѣчанія, относительно причинъ измѣненій дѣйствующихъ въ обществѣ, которое экономически прогрессируетъ, я приступаю къ болѣе детальному изученію самихъ этихъ видоизмѣненій.*)

---

*) Читатель, усвоившій хорошо общую теорію Д. С. Милля, легко можетъ представить себѣ разсматриваемыя имъ случаи, а потому мы опускаемъ главы 2 и 3-ю. Прим. пер. А. М.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Тенденція прибыли къ минимуму.

Отчего зависитъ минимумъ прибыли.

Во всякое данное время и въ каждой мѣстности существуетъ нѣкоторая норма прибыли, которая считается самой низкой. Если прибыль будетъ ниже, то люди перестанутъ дѣлать сбереженія и употреблять ихъ производительно. Этотъ минимумъ прибыли измѣняется въ зависимости отъ разныхъ обстоятельствъ. Онъ зависитъ отъ двухъ причинъ. Во первыхъ отъ силы дѣятельнаго стремленія къ накопленію, т. е. отъ того сравнительнаго значенія, которое люди данной мѣстности и времени придаютъ будущимъ выгодамъ сравнительно съ настоящими. Эта причина главнымъ образомъ оказываетъ вліяніе на склонность къ сбереженію. Другая причина, не столько опредѣляющая желаніе сберегать, сколько склонность къ производительному употребленію сбереженій, заключается въ той степени безопасности, въ которой находится капиталъ, занятой промышленными операціями. Безъ сомнѣнія общая

небезопасность дѣйствуетъ и на склонность къ сбереженіямъ. Спрятанное сокровище можетъ быть источникомъ новой опасности для его владѣльца. Но тоже сокровище можетъ служить могущественнымъ средствомъ для отвращенія опасностей, а потому вліяніе сокровища въ этихъ двухъ отношеніяхъ можно признать взаимно балансирующимся. Но во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда человекъ употребляетъ свои средства какъ капиталъ на свои обороты, или даетъ займы для тѣхъ же цѣлей, всегда имѣется нѣкоторый добавочный рискъ сверхъ того, которому онъ подвергается, когда онъ держитъ свои средства спрятанными подъ собственной охраной. Этотъ добавочный рискъ возрастаетъ въ зависимости отъ общаго положенія общественной безопасности. Этотъ рискъ можетъ оцѣниваться въ 20, 30 и 50% или же только въ 1 и 2%. Во всякомъ случаѣ рискъ долженъ оцѣниваться нѣкоторой величиною и вѣроятная прибыль должна быть достаточна для его возмѣщенія.

Достаточныя побужденія дѣлать нѣкоторыя сбереженія существовали бы даже тогда, если бы капиталъ не приносилъ никакой прибыли. Всегда обнаруживалось бы стремленіе откладывать въ хорошія времена запасъ на черный день, дѣлать кое-какія сбереженія на случай болѣзни и инвалидности, для пріобрѣтенія досуга и независимости въ послѣднюю половину жизни, или на помощь дѣтямъ въ началѣ ихъ карьеры. Однако сбереженія, преслѣдующія только эти цѣли, имѣютъ мало тенденціи увеличивать запасъ капитала, постоянно существующій въ наличности. Эти побужденія склоняютъ только людей сберегать въ одинъ періодъ

ихъ жизни то, что они располагаютъ потребить въ другомъ, или что потребятъ ихъ дѣти, пока не начнутъ сами себя вполнѣ обеспечивать. Тѣ сбереженія, при помощи которыхъ совершается умноженіе національнаго капитала, обыкновенно происходятъ изъ желанія людей улучшить то, что называется ихъ положеніемъ въ жизни или приготовить обезпеченіе дѣтямъ и другимъ, независающее отъ ихъ усилій. Сила этихъ наклонностей весьма существенно зависитъ однако отъ того, въ какой мѣрѣ желаемая цѣль достигается даннымъ размѣромъ и продолжительностью самоограниченія; послѣднее въ свою очередь зависитъ отъ величины прибыли. Въ каждой странѣ имѣется нѣкоторая величина или норма прибыли, ниже которой люди по общему правилу не станутъ находить достаточныхъ побужденій къ сбереженіямъ только для своего обогащенія и для предоставленія другимъ лучшаго положенія сравнительно съ тѣмъ, въ которомъ находятся сами. Всякое сбереженіе, слѣдовательно, которымъ увеличивается общій капиталъ, требуетъ какъ необходимое условіе нѣкоторой нормы прибыли, а именно: прибыль должна имѣть такой размѣръ, чтобы давать человѣку среднихъ свойствъ вознагражденіе за воздержаніе съ нѣкоторой прибавкой, служащей достаточной страховой преміей за рискъ. Всегда найдутся люди, у которыхъ дѣятельное стремленіе къ накопленію выше средняго и для которыхъ норма прибыли „даже меньшая“ служила бы достаточнымъ побужденіемъ къ сбереженіямъ. Но такія люди только уравниваютъ собою другихъ, пристрастіе которыхъ къ тратамъ и наслажденіямъ выше средняго и которыя вмѣсто

того, чтобы сберечь, быть может, даже расточают полученное.

Я уже замѣтилъ, что эта минимальная норма прибыли, согласующаяся съ дальнѣйшимъ возрастаніемъ капитала въ разныхъ состояніяхъ общества, бываетъ ниже въ одномъ изъ нихъ сравнительно съ другимъ; я могу добавить, что характеръ общественнаго развитія современной цивилизаціи стремится понизить прибыль до минимума. Во первыхъ однимъ изъ признанныхъ послѣдствій общественнаго развитія является увеличеніе безопасности; вторымъ послѣдствіемъ цивилизацій является и то, что люди становятся все меньше и меньше рабами настоящаго и все болѣе и болѣе привыкаютъ расширять свои желанія и цѣли на отдаленное будущее. По этимъ двумъ причинамъ, вслѣдствіе уменьшенія риска и благодаря увеличенію предусмотрительности, прибыль или процентъ въ 3, 4 служитъ столь-же достаточнымъ мотивомъ къ увеличенію капитала въ Англии настоящаго времени, какъ 30 или 40% въ Бирманской имперіи или въ Англии времянь Іоанна Безземельнаго.

Но есть причина еще другого рода... При умноженіи капитала, населеніе будетъ возрастать или не будетъ возрастать. Если оно не будетъ возрастать, заработная плата возрастетъ и болѣе капиталъ будетъ распредѣленъ въ видѣ платъ между тѣмъ же количествомъ работниковъ. Такъ какъ количество труда не увеличилось сравнительно съ прежнимъ и не произведено никакихъ изобрѣтеній, дѣлающихъ трудъ болѣе успѣшнымъ, то не будетъ и возрастанія продукта. Какъ бы сильно не возросъ капиталъ, онъ будетъ получать преж-

ною валовую выручку, а потому и сбереженія каждаго года будутъ составлять одинаковый вычетъ ихъ прибылей слѣдующаго и всѣхъ будущихъ годовъ. Едва ли нужно говорить, что при такомъ положеніи вещей, прибыль скоро падетъ до нормы, при которой остановится дальнѣйшее возрастаніе капитала. Увеличеніе капитала, значительно большее, чѣмъ возрастаніе населенія, должно скоро достигнуть своего крайняго предѣла, если оно не будетъ сопровождаться увеличеніемъ успѣшности труда, проистекающей изъ новыхъ открытій и изобрѣтеній или отъ улучшенія умственнаго и физическаго воспитанія рабочихъ, или, если нѣкоторые изъ праздныхъ людей и непроизводительныхъ работниковъ не обратятся въ производительныхъ.

Если населеніе будетъ возрастать соразмѣрно съ возрастаніемъ капитала, паденіе прибыли будетъ по прежнему неизбѣжно. Увеличеніе населенія обусловливаетъ собою большій запросъ на земледѣльческій продуктъ. При отсутствіи промышленныхъ улучшеній этому запросу нельзя удовлетворить иначе, какъ черезъ увеличеніе издержекъ производства, переходя для этого къ обработкѣ худшихъ земель или болѣе тщательно и съ большими затратами воздѣлывая землю, уже находящуюся въ обработкѣ. Такимъ образомъ стоимость содержанія работниковъ увеличится и если они не желаютъ подчиниться ухудшенію въ условіяхъ жизни, прибыль должна упасть. Въ такихъ странахъ какъ Англія прибыль быстро упала бы до минимума и всякое дальнѣйшее накопленіе капитала прекратилось бы, если бы нынѣшній годичный размѣръ сбереженій продолжался и не было бы противодѣйствующихъ об-

стоятельствъ, которыя въ настоящее время задерживаютъ естественную тенденцію этихъ сбереженій понижать прибыль.

Но если минимумъ прибыли подлежитъ видоизмѣненію и если даже невозможно съ точностью опредѣлить его величину во всякое данное время, то все-таки нѣкоторый минимумъ прибыли долженъ существовать. И какъ бы высокъ или низокъ не былъ этотъ минимумъ, но разъ онъ достигнутъ, то въ такое время возрастаніе капитала уже не будетъ имѣть мѣста. Страна тогда достигла того положенія, которое извѣстно экономистамъ подъ названіемъ: неподвижнаго состоянія.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Неподвижное состояніе.

Предшествовавшія главы содержатъ общую теорію экономическаго прогресса общества въ томъ смыслѣ, въ какомъ эти термины обыкновенно понимаются, а именно въ смыслѣ умноженія капитала, возрастанія населенія и развитія производительныхъ искусствъ. Но когда разсматриваютъ развивающееся движеніе, но не безпредѣльное по самой своей природѣ, то умъ не удовлетворяется изображеніемъ однихъ законовъ этого движенія. Онъ невольно долженъ поставить вопросъ: куда мы идемъ? Къ какой конечной цѣли стремится общество, промышленно развиваясь? И когда это развитіе закончится, спрашивается, въ какомъ положеніи будетъ тогда находится человѣчество?

Я не могу смотрѣть на неподвижное состояніе въ развитіи капитала и богатства съ тѣмъ неподдѣльнымъ отвращеніемъ, которое такъ часто обна-

руживалось къ нему экономистами *старой школы**)). Я даже увѣренъ, что оно въ цѣломъ было-бы значительно лучше нынѣшняго положенія; признаюсь, меня не очаровываетъ идеаль жизни, даваемый писателями, которые думаютъ, что нормальное положеніе человѣческихъ существъ—борьба для своего возвышенія; что толкаться, карабкаться, расталкивать толпу локтями, ступать другъ другу на ноги, что этотъ нынѣшній типъ современной общественной жизни—прекраснѣйшая участь для людей, а не просто одинъ изъ непріятныхъ симптомовъ извѣстной фазы промышленнаго развитія....

Самое лучшее состояніе для человѣческой природы то, въ которомъ никто не бѣденъ, никто не желаетъ быть богаче и не имѣетъ основаній опасаться, что онъ будетъ оттолкнутъ назадъ усиліями другихъ пробраться впередъ..

..... Можно предполагать, что это лучшее распределеніе собственности можетъ быть достигнуто чрезъ соединенное дѣйствіе благоразумія и бережливости личностей вмѣстѣ съ законодательной системой, благопріятствующей равенству состояній, на сколько оно согласуется съ справедливымъ требованіемъ каждаго лица, мужчины или женщины, чтобы имъ принадлежали плоды ихъ собственнаго труда, какъ-бы велики или малы они не были. Мы можемъ предположить, на примѣръ, какъ мы уже это сдѣлали въ одной изъ предшествовавшихъ главъ, что установлено ограниченіе суммы, которую можетъ лицо пріобрѣтать дареніемъ или наслѣдова-

---

*) Всѣ нижеслѣдующія главы показываютъ, какъ сильно отличаются взгляды Д. С. Милля отъ таковыхъ же Рикардо, Мальтуса и другихъ, которыхъ онъ именуетъ представителями старой школы. Прим. пер. А. М.

ніемъ и ограниченіе это опредѣлено размѣромъ достаточнымъ для скромной независимости. Подъ этимъ двоякимъ вліяніемъ общество стало-бы обнаруживать слѣдующія характерныя особенности. Оно состояло-бы изъ хорошо оплачиваемаго и вліятельнаго класса рабочихъ. Въ немъ не было-бы громаднѣхъ состояній кромѣ тѣхъ, которыя заработаны и накоплены въ теченіи одной жизни. Зато былъ-бы болѣе обширный классъ людей чѣмъ теперь, который былъ-бы не только избавленъ отъ грубѣйшихъ видовъ работы, но имѣлъ-бы достаточный досугъ, физическій и умственный, отъ механическихъ деталей всякаго рода. Этотъ досугъ давалъ-бы ему возможность свободно предаваться лучшимъ задачамъ жизни и служить примѣромъ для классовъ, которые поставлены въ менѣе благопріятное положеніе и не могутъ предаваться развитію въ себѣ столь изящной жизни. Такое положеніе общества, которое гораздо лучше нынѣшняго, не только совмѣстимо съ неподвижнымъ состояніемъ, но кажется болѣе естественно связано съ нимъ, чѣмъ со всякимъ другимъ.

Безъ всякаго сомнѣнія въ мірѣ имѣется еще много мѣста, даже въ старѣхъ странахъ, для крупнаго увеличенія населенія, при томъ предположеніи, что полезныя для жизни искусства улучшаются и капиталъ возрастаетъ. Но признаюсь, если это возрастаніе населенія даже безвредно, то я не вижу причинъ считать его желательнымъ. Во всѣхъ самыхъ населенныхъ странахъ уже достигли той густоты населенія, которая даетъ возможность пользоваться въ высшей степени всѣми выгодами сотрудничества и общественныхъ сношеній. Населе-

не можетъ быть слишкомъ многочисленно, хотябы каждый и былъ вполне снабженъ пищею и одеждою. Не хорошо человѣку быть по-неволѣ и всегда среди себѣ подобныхъ. Мірѣ, изъ котораго изгнано уединеніе, весьма плохой идеаль. Уединеніе, т. е. частое пребываніе наединѣ съ самимъ собою существенно важно для глубокаго размышленія и для выработки глубины характера. Уединеніе предъ лицомъ естественной красоты и величія природы—колыбель мыслей и стремленій, которыя хороши не только для отдѣльной личности, но безъ которыхъ не хорошо было-бы и обществу. Мало удовольствія созерцать мірѣ, гдѣ ничего не было-бы оставлено естественной дѣятельности природы, гдѣ всякій клочекъ земли обращенъ въ пашню, если только онъ можетъ давать пищу для человѣческихъ существъ, гдѣ вспахано все, на чемъ росли дикіе цвѣты или было естественное пастбище; истреблены, какъ соперники человѣка въ пищи, всѣ четвероногіе и птицы, не сдѣланные домашними на его пользу, вырублены всѣ роши и лишнія деревья и едва-ли осталось мѣсто, гдѣ-бы могъ расти дикій кустъ или цвѣтокъ, не будучи вырванъ какъ сорная трава во имя улучшеннаго земледѣлія. Если земля должна потерять ту значительную долю своей привлекательности, которая придается ей вещами, осужденными на уничтоженіе благодаря безграничному возрастанію богатства и населенія — и все это для того, чтобы дать возможность жить бѣльшему количеству людей, но не лучшему и болѣе счастливому населенію, то я искренно надѣюсь для блага потомства, что оно удо-

влетворится неподвижнымъ состояніемъ гораздо ранѣе, чѣмъ къ тому принудить необходимость.

Едва-ли необходимо замѣчать, что неподвижное состояніе капитала и населенія не предполагаетъ неподвижности человѣческаго развитія. При немъ оставалось-бы не менѣе чѣмъ прежде простора для всякихъ видовъ умственнаго образованія и нравственнаго и общественнаго развитія. Столь-же простора было-бы и для улучшенія искусства жить и еще болѣе поводовъ къ его улучшенію. При такомъ положеніи, когда мысль перестала озабочиваться стремленіемъ пробиться впередъ другихъ, даже промышленныя искусства могли-бы развиваться съ такой-же глубиной и успѣхомъ, но только съ тѣмъ различіемъ, что вмѣсто того, чтобы служить для увеличенія богатства, промышленныя усовершенствованія стали-бы производить свое надлежащее дѣйствіе, а именно сокращать количество труда. Для настоящаго времени еще сомнительно, облегчали-ли всѣ механическія усовершенствованія, доннынѣ сдѣланныя, дневной трудъ любого человѣческаго существа? Они дали возможность большому количеству населенія жить той-же самой тяжелой и острожно замкнутой жизнью, и большому количеству фабрикантовъ и ихъ сподвижниковъ дѣлать состоянія. Они увеличили комфортъ среднихъ классовъ, но они до сихъ поръ еще не начали производить тѣ великія видоизмѣненія въ человѣческой судьбѣ, которыя по самой своей природѣ они должны вызвать въ будущемъ. Только тогда, когда при наличности справедливыхъ учрежденій размноженіе людей будетъ найдется подъ сознательнымъ руководствомъ разум-

ной предусмотрительности, только тогда побѣды, совершенныя надъ силами природы—разумомъ и энергіей научныхъ открывателей, сдѣлаются общей собственностью нашей расы и средствомъ для улучшенія и возвышенія судьбы всѣхъ людей.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Вѣроятная будущность рабочихъ классовъ.

Теорія зависимости и покровительства не приложила къ современному состоянію общества *).

Соображенія, высказанныя въ предшествовавшей главѣ, имѣли своей главной цѣлью опровергнуть ложный идеаль относительно человѣческаго общества. Приложение этихъ соображеній на практикѣ въ наше время заключается въ стремленіи умѣрить ненадлежащее значеніе, которое придавалось простому возрастанію производства и обратить вниманіе на улучшеніе распредѣленія и бѣльшее вознагражденіе труда, какъ на двѣ главныхъ цѣли.

---

*) Въ своей автобіографіи Д. С. Милль говоритъ: (см. Autobiography, 3 изд., L. 1874. стр. 245). „Глава моего трактата о будущемъ рабочихъ классовъ произвела на общественное мнѣніе наибольшее вліяніе, чѣмъ все остальное въ книгѣ. Эта глава не входила въ первоначальный планъ моей книги и была написана подъ исключительнымъ вліяніемъ г-жи Тэйлоръ, которая впоследствии сдѣлалась моей женой. Главная часть этой главы

Возрастаетъ или не возрастаетъ абсолютно продуктъ—разъ нѣкоторое количество его добыто, это предметъ, къ которому не долженъ питать большого интереса ни законодатель, ни филантропъ; но величайшее значеніе имѣетъ вопросъ—возрастаетъ-ли количество продукта сравнительно съ числомъ лицъ, между которыми оно дѣлится; а это зависитъ какъ при неподвижномъ состояніи богатства, такъ и при быстрѣйшемъ его возрастаніи, какое когда-либо было извѣстно въ старой странѣ, отъ мнѣній и привычекъ многочисленнѣйшаго класса простыхъ рабочихъ. Когда я говорю здѣсь и въ другихъ мѣстахъ о рабочихъ классахъ или о работникахъ, какъ о классѣ, я употребляю эти выраженія, „подчиняясь обычаю“ для изображенія существующаго, но отнюдь не необходимаго или постояннаго положенія общественныхъ отношеній.... Но пока существуетъ нерабочій классъ..., работники также составляютъ классъ и о нихъ можно, хотя только и временно, говорить какъ о классѣ.

состоитъ въ непосредственномъ воспроизведеніи ея идей и часто даже въ выраженіяхъ, которая я получалъ изъ ея устъ. Не отъ нея я узналъ то, что составляетъ теоретическую сторону моего трактата, но подъ ея вліяніемъ моя книга пріобрѣла то направленіе, которое отличаетъ ея отъ предшествовавшихъ трактатовъ по политической экономіи. Это особое направленіе сказалось на томъ различіи, которое я провелъ между законами производства богатства, которые въ дѣйствительности являются законами природы и зависятъ отъ свойства вещей, и способами распределенія богатства, которые при извѣстныхъ условіяхъ опредѣляются человѣческой волей. Нѣкоторые экономисты смѣшиваютъ эти два рода законовъ съ тѣми общими экономическими законами, которые по ихъ мнѣнію никакая человѣческая воля не можетъ ни уничтожить, ни видоизмѣнить; они считаютъ столь-же необходимыми законы, опредѣляющіеся неизмѣнными законами нашего земного существованія, наравнѣ съ тѣми, которые являются необходимыми послѣдствіями извѣстнаго

Положеніе рабочаго народа, съ нравственной его стороны, въ послѣднее время подвергалось гораздо большимъ изслѣдованіямъ и обсужденіямъ, чѣмъ прежде; убѣжденіе, что это положеніе не таково, какимъ ему слѣдуетъ быть, сдѣлалось почти всеобщимъ. Предположенія, которыя были по этому поводу обнародованы, и споры, вызванные впрочемъ гораздо болѣе частностями вопроса, чѣмъ его существомъ, съ очевидностью обнаружили, что существуютъ двѣ противоположныя теоріи относительно желательнаго общественнаго положенія простыхъ рабочихъ. Одну изъ нихъ можно назвать теоріей зависимости и покровительства, а другую теоріей самостоятельности.

Согласно первой теоріи участь бѣдныхъ во всѣхъ отношеніяхъ, которыя касаются ихъ совмѣстно, должна быть опредѣлена *для нихъ*, но не *ими самими*. Не слѣдуетъ требовать отъ нихъ, чтобы они думали за самихъ себя и поощрять ихъ въ этомъ;

общественнаго устройства... При господствѣ извѣстныхъ учрежденій и обычаевъ заработныя платы, прибыли и рента будутъ опредѣляться извѣстными причинами; но экономисты забываютъ принять во вниманіе одно необходимое соображеніе и утверждаютъ, что эти причины, какъ послѣдствіе внутренней необходимости, противъ которой ничего не означаютъ любыя человѣческія усилія, будутъ опредѣлять доли, выпадающія при распредѣленіи продуктовъ работникамъ, капиталистамъ и земельнымъ собственникамъ. Въ моемъ трактатѣ о политической экономіи я не менѣе, чѣмъ мои предшественники, употребилъ усилій для научнаго опредѣленія дѣйствія причинъ при наличности условій ихъ вызывающихъ; только въ настоящей книгѣ я не рассматриваю эти причины, какъ нѣчто неизмѣнное... Эти взгляды возникли у меня отчасти подъ вліяніемъ доктринъ Сенъ-Симонизма, но только подъ вліяніемъ моей жены они сдѣлались живой струей, которая проникаетъ чрезъ всю мою книгу". Прим. пер. А. М.

въ опредѣленіи ихъ судьбы не надобно давать ихъ мыслямъ или предусмотрительности вліятельнаго голоса. По предложенію этой теоріи, высшіе классы должны думать за нихъ, принимая на себя отвѣтственность за ихъ судьбу подобно тому, какъ это дѣлаютъ военноподполковники и офицеры арміи относительно входящихъ въ ея составъ солдатъ. Къ этой обязанности, какъ утверждаютъ, высшіе классы должны добровѣстно приготавливаться и всѣмъ своимъ образомъ дѣйствій возбуждать въ бѣдныхъ увѣренность, что, пассивно или активно повинаясь предписаннымъ для нихъ правиламъ, они во всѣхъ отношеніяхъ могутъ предаваться довѣрчивой *беззаботности* и спокойно проживать подъ покровомъ своихъ защитниковъ. Отношеніе между бѣднымъ и богатымъ, согласно этой теоріи, которая равно прилагается къ мужчинамъ и женщинамъ, должно имѣть только отчасти характеръ власти: оно должно быть дружескимъ, нравственнымъ и добросердечнымъ; съ одной стороны должно быть нѣжное попеченіе, съ другой — почтительное и признательное послушаніе. Богатые должны быть чѣмъ-то вродѣ родителей (*in loco parentis*) для бѣдныхъ, стараясь руководить и удерживать ихъ какъ дѣтей. Самостоятельной дѣятельности бѣдные не должны проявлять. Отъ нихъ не слѣдуетъ требовать ничего болѣе кромѣ выполненія ихъ необходимаго дневного труда, а также того, чтобы они были нравственными и религіозными. Нравственность и религію они должны получать отъ старшихъ, которые должны давать имъ въ томъ соотвѣтственное обученіе и всячески заботиться, чтобы бѣдные въ вознагражденіе за ихъ трудъ и привязанность полу-

чали надлежащую пищу, одежду, жилище, духовное развитие и невинныя развлечения.

Таковъ идеаль будущаго въ представленіяхъ людей, у которыхъ недовольство настоящимъ принимаетъ форму любви къ прошлому и сожалѣніе о немъ*). Подобно всякимъ другимъ идеаламъ, онъ имѣетъ безсознательно вліяніе на мнѣнія и чувства значительнаго числа людей, которые никогда не руководятся никакимъ идеаломъ сознательно. Сходство этого идеала съ другими заключается также въ томъ, что онъ никогда не осуществлялся въ дѣйствительной жизни. Онъ взываетъ къ нашимъ воображаемымъ симпатіямъ и старается возстановить добрыя времена нашихъ прадедовъ. Но нельзя указать ни одного времени, какъ въ исторіи Англии, такъ и другихъ странъ, въ теченіи котораго высшіе классы выполняли бы роль даже лишь отдаленнымъ образомъ сходную съ той, которая назначается для нихъ этой теоріей. Послѣдняя основана на идеализаціи образа дѣйствій и характера отдѣльныхъ личностей иногда встрѣчающихся. Всѣ привилегированные и богатые классы, какъ таковые, пользовались своею властью въ интересахъ собственнаго своекорыстія, а собственнымъ могуществомъ они пользовались не для того, чтобы съ любовью заботиться о тѣхъ, которые принуждены работать на ихъ пользу, но для того, чтобы презирать этихъ людей, какъ униженныхъ. Я не утверждаю, что разъ бывшее такъ всегда и должно быть, я не говорю, что человѣческое развитие не имѣетъ стремленія исправлять интен-

---

*) Подробно ознакомиться съ этой точкой зрѣнія читатель получитъ возможность чрезъ изданіе сочиненій Лэ-Плэ въ той же экономической библіотекѣ. Прим. пер. А. М.

сивность своекорыстныхъ чувствованій, порождаемыхъ властью; но хотя зло и можетъ быть уменьшено, его нельзя искоренить, пока сама власть не отнята. По крайней мѣрѣ нельзя отрицать, кажется мнѣ, что гораздо ранѣе, чѣмъ высшіе классы возвысятся до того, чтобы управлять въ такомъ покровительственномъ смыслѣ, низшіе классы слишкомъ разовьются для того, чтобы подчиняться такому управленію.

Я хорошо чувствую, какъ обольстительна картина того общества, какъ ее изображаетъ эта теорія. Хотя факты, на которыхъ основана эта теорія, не существовали въ прошедшемъ, за то были подобныя чувствованія. Въ послѣднихъ заключается вся реальность этой теоріи. Мысль объ обществѣ, связаннаго лишь отношеніями и чувствованіями, вытекающими изъ денежныхъ интересовъ, по самому своему существу отвратительна, а потому есть нѣчто привлекательное въ такомъ обществѣ, которое изобилуетъ сильными личными привязанностями и безкорыстнымъ самопожертвованіемъ. Слѣдуетъ признать, что отношенія между покровителемъ и покровительствуемымъ въ свое время были богатѣйшимъ источникомъ такихъ чувствъ. Сильнѣйшую привязанность по общему правилу люди чувствуютъ къ такимъ вещамъ и лицамъ, которыя ограждаютъ ихъ отъ какого-нибудь угрожающаго зла. Въ вѣкъ беззаконнаго насилія и не безопасности, общей жестокости и грубости нравовъ, когда жизнь на каждомъ шагу подвержена опасностямъ и страданіямъ для тѣхъ кто не имѣетъ лично ни могущественнаго положенія, ни права на покровительство отъ человѣка, имѣющаго по-

добное положеніе—въ такой вѣкъ благородная задача покровительства и признательное принятіе его заключаетъ въ себѣ сильнѣйшія связующія узы для человѣческихъ существъ; энтузіазмъ и нѣжность наиболѣе чувствительныхъ человѣческихъ натуръ сосредотачиваются вокругъ этихъ отношеній; преданность считается закономъ съ одной стороны и рыцарское покровительство—съ другой и эти начала доходятъ до степени страстей. Я не желаю умалять значенія этихъ качествъ. Ошибка заключается въ томъ, что не замѣчаютъ, что эти добродѣтели и чувства подобно племенному чувству и гостепріимству кочевого араба, служатъ яркой характеристикой лишь грубаго и несовершеннаго состоянія общественнаго союза. Отношеніе между покровителемъ и покровительствуемымъ, будетъ-ли то правитель и подданный, богатый и бѣдный, мужчина или женщина, не могутъ имѣть этого привлекательнаго и обольстительнаго характера тамъ, гдѣ уже нѣтъ серьезныхъ опасностей, противъ которыхъ нужно было-бы покровительство. Имѣется-ли что нибудь въ современной общественной организаціи, чтобы человѣкъ обыкновенной силы и смѣлости долженъ былъ испытывать горячее чувство благодарности и преданности взаменъ за покровительство? Бѣдняки находятъ покровительство въ законахъ, если послѣдніе преступно не измѣняютъ своему дѣлу. Быть подъ властью кого-бы то ни было—прежде было единственнымъ способомъ доставить себѣ безопасность,—теперь, говоря вообще, такое положеніе подвергаетъ человѣка тягостной несправедливости. Такъ называемыми покровителями теперь являются люди, противъ

которыхъ при обыкновенныхъ обстоятельствахъ нужно покровительство. Грубость и насиліе, которыми переполнены полицейскіе отчеты, касаются отношеній мужей къ женамъ и родителей къ дѣтямъ. Что законъ не предупреждаетъ этихъ жестокостей и только теперь дѣлаетъ первую робкую попытку прекратить ихъ и ввести наказаніе за нихъ, — вовсе не объясняется необходимостью, а составляетъ глубокій позоръ для тѣхъ, кто составляетъ законы и приводитъ ихъ въ исполненіе. Ни одинъ мужчина и никакая женщина, которая могутъ добывать или научиться добывать независимо средства къ жизни, не нуждаются въ другомъ покровительствѣ кромѣ того, которое имъ можетъ и долженъ давать законъ. Признавая это, считать за доказанное, что отношенія основанныя на покровительствѣ должны всегда существовать, это значитъ обнаруживать глубокое незнаніе человѣческой природы и не замѣчать, что принятіе на себя роли покровителя и власти безъ всякой оправдывающей необходимости должно породить чувства, прямо противоположныя преданности.

Можно съ увѣренностью сказать о рабочихъ людяхъ, по крайней мѣрѣ въ наиболѣе развитыхъ странахъ Европы, что они не захотятъ вновь подчиниться патріархальной или отеческой системѣ управленія. Этотъ вопросъ былъ окончательно рѣшенъ въ тотъ моментъ, когда они научились читать и получили доступъ къ газетамъ и политическимъ брошюрамъ. Когда ихъ собрали для совместной работы подъ однимъ кровомъ, когда желѣзныя дороги доставили имъ возможность переноситься съ мѣста на мѣсто и перемѣнять своихъ

патроновъ и работодателей также легко, какъ и платѣе, когда ихъ стали поощрять къ участию въ управленіи, давая имъ избирательныя права, рабочіе классы взяли свои интересы въ свои руки и стали постоянно показывать, что ихъ интересы не совпадаютъ съ интересами предпринимателей. Нѣкоторые среди высшихъ классовъ льстятъ себя надеждой, что этимъ стремленіямъ можно противостоять моральнымъ и религіознымъ воспитаніемъ, но они уже пропустили время. Я говорю такъ въ особенности объ Англіи, о ея городскомъ и о сельскомъ населеніи въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, какъ въ Шотландіи и на сѣверѣ Англіи, земледѣліе ведется на наиболѣе научныхъ началахъ и рабочія платы высоки. Въ Южныхъ графствахъ нашей страны, гдѣ земледѣльческое населеніе наиболѣе инертно и менѣе подверглось новѣйшимъ вліяніямъ, возможно, что сельское дворянство еще удержитъ на нѣкоторое время это населеніе въ древней почтительности и покорности, если будетъ давать имъ высокія платы и постоянное занятіе, поддержку и не станетъ требовать отъ нихъ ничего, чего они не желаютъ дѣлать. Но эти два условія никогда не встрѣчаются и не могутъ на долгое время встрѣчаться совмѣстно. Обезпечить средства къ жизни на практикѣ возможно лишь тогда, если на населеніе будетъ возложена обязанность работать и сдерживать излишнее размноженіе по крайней мѣрѣ путемъ нравственнаго воздержанія. Возстановители старины, которой они сами не понимаютъ, тогда почувствуютъ на практикѣ за какое безнадежное дѣло они принялись. Все зданіе патріархальнаго и владѣльческаго вліянія, попытку построить которое они

хотятъ на основаніяхъ любезнаго обращенія съ бѣдными, разобьется о необходимость подвергнуть ихъ строгому закону объ общественномъ призрѣніи (poor law).

Будущее благосостояніе рабочихъ классовъ главнымъ образомъ зависитъ отъ ихъ умственнаго развитія.

Благосостояніе и счастье рабочихъ классовъ должно основываться отнынѣ на совершенно иныхъ началахъ. Бѣдные уже выросли на столько, чтобы ихъ можно было водить на помочахъ. Съ ними нельзя распоряжаться и обращаться какъ съ дѣтьми. Забота о ихъ судьбѣ должна быть предоставлена собственной самодѣятельности. Новѣйшимъ народамъ надо познать, что благосостояніе населенія должно основываться на справедливости и самоуправленіи, на *dikaioσύνη* и *σωφροσύνη* каждаго гражданина. Теорія зависимости стремится обойтись безъ необходимости этихъ качествъ въ зависимыхъ классахъ. Но теперь, когда эти классы становятся все менѣе и менѣе зависимыми и когда мысли ихъ все менѣе и менѣе довольны той степенью зависимости, которая еще остается, обнаруживается потребность въ добродѣтеляхъ независимости. Давая совѣтъ, убѣжденіе или руководство рабочимъ классамъ, надо обращаться отнынѣ къ нимъ какъ къ равнымъ и желать, чтобы они принимали совѣты сознательно. Будущность рабочихъ зависитъ отъ того въ какой мѣрѣ они станутъ разумными существами.

Будущее ихъ полно надеждъ. Прогрессъ правда шель и идетъ еще медленно, но среди рабочихъ массъ замѣчается стремленіе къ самообразованію, которое можетъ быть въ высокой степени ускорено и улучшено искусственной помощью. Образование, получаемое изъ газетъ и политическихъ брошюръ, нельзя считать слишкомъ солиднымъ, но и оно гораздо лучше, чѣмъ отсутствіе всякаго образованія. Публичныя лекціи и споры, собранія для разрѣшенія вопросовъ общаго интереса, рабочіе союзы, политическая агитація—все это служитъ для возбужденія общественнаго духа, распространяетъ въ массахъ разнообразныя идеи, будеть мысль и приучаетъ къ размышленію наиболее образованныхъ рабочихъ. Хотя слишкомъ раннее полученіе политическихъ (избирательныхъ) правъ наименѣе образованными классами можетъ скорѣе замедлить, чѣмъ ускорить ихъ развитіе, тѣмъ не менѣе едва-ли сомнительно, что попытки завоевать эти права значительно содѣйствовали ихъ развитію. Въ настоящее время однако рабочіе составляютъ часть націи; во всѣхъ обсужденияхъ по вопросамъ общественныхъ интересовъ они, или по крайней мѣрѣ нѣкоторая доля ихъ, принимаютъ участіе; каждый, кто пользуется прессою какъ орудіемъ распространенія свѣдѣній, можетъ найти въ нихъ вниманіе; тѣ способы, при помощи которыхъ средніе классы приобрѣтаютъ идеи, доступны и массамъ или по крайней мѣрѣ городскимъ рабочимъ. При такихъ условіяхъ работники безъ сомнѣнія будутъ улучшать свое образованіе даже только при средствѣ собственныхъ усилій и безъ чужой помощи. Но можно надѣять-

ся, что крупныя улучшения въ качествахъ и количествахъ школъ произойдутъ благодаря заботамъ правительства и частныхъ лицъ и что прогрессъ массъ въ дѣлѣ умственнаго развитія и въ качествахъ, которыя зависятъ отъ него, пойдетъ гораздо быстрее и съ меньшими задержками и отклоненіями, чѣмъ онъ шелъ самъ по себѣ до сихъ поръ.

Отъ этого увеличенія сознательности можно съ увѣренностью ждать нѣкоторыхъ послѣдствій. Во первыхъ: работники будутъ все меньше желать, чтобы ими руководили, управляли и указывали путь, по которому они должны идти, руководствуясь властью или престижемъ старшихъ. Если уже и теперь они не имѣютъ, то еще меньше они будутъ имѣть въ послѣдствіи почтительной робости и религіознаго послушанія, которое держитъ ихъ въ умственномъ подчиненіи высшимъ классамъ. Теорія зависимости и покровительства будетъ все нестерпимѣе для нихъ и они потребуютъ, чтобъ ихъ образъ дѣйствій и положеніе было предоставлено по самому своему существу личному руководству. Въ то же самое время весьма вѣроятно, что они во многихъ случаяхъ, ложно понимая свои интересы, потребуютъ вмѣшательства законодательства въ ихъ дѣла и юридическаго опредѣленія многихъ предметовъ къ нимъ относящихся. Но все таки они будутъ требовать при этомъ выполненія собственной воли, идей и предположеній, а не правилъ, составленныхъ для нихъ другими. Съ этимъ будетъ вполне согласоваться однако и то, что они обнаружатъ уваженіе къ людямъ большаго развитія и знанія и по многимъ предметамъ будутъ ссылаться на мнѣнія людей, которые по ихъ убѣж-

денію хорошо знакомы съ дѣломъ. Такое подчиненіе мнѣніямъ глубоко лежитъ въ самой чело-вѣческой природѣ, но рабочіе будутъ сами судить, кто достоинъ или недостоинъ такого подчиненія.

Вѣроятныя послѣдствія умственнаго разви-тія скажутся въ болѣе нормальномъ раз-множеніи населенія.

Мнѣ представляется невозможнымъ, чтобы уве-личеніе сознательности, образованія и любви къ независимости среди рабочихъ классовъ, не сопро-вождалось соотвѣтственнымъ возрастаніемъ здраваго смысла, обнаруживающагося въ привычкѣ къ преду-смотрительности въ поведеніи. А потому количе-ство населенія будетъ составлять постепенно все меньшую пропорцію по отношенію къ капиталу и количеству труда. Это въ высшей степени жела-тельное послѣдствіе проявится значительно скорѣе подѣ вліаніемъ другой переменны, которая состав-ляетъ одну изъ лучшихъ и непосредственно осу-ществляющихся стремленій нашего времени, а именно: открытіе въ промышленныхъ занятіяхъ равной свободы для обоихъ половъ. По тѣмъ же основаніямъ, по которымъ отпадаетъ необходимость существованія зависимости бѣдняка отъ богатаго, прекращается необходимость зависимости женщины отъ мужчины. Наименьшее, чего требуетъ спра-ведливость въ этомъ отношеніи, заключается въ томъ, чтобы законъ и обычай не налагали на жен-щинъ (когда покровительство, вытекающее изъ не-совершеннолѣтія, стало излишнимъ) той зависимости, которая обуславливаетъ собой, что женщина, ко-

торой не посчастливилось приобрести средствъ чрезъ наследство, не имѣетъ другого исхода въ жизни: иначе какъ становясь женою и матерью. Предоставьте женщинамъ, предпочитающимъ подобное дѣло, принимать его, но то обстоятельство, что женщины не имѣютъ выбора, что для большинства ихъ нѣтъ никакой другой карьеры кромѣ той, которая состоитъ въ выполненіи скромныхъ обязанностей домашней жизни — это очевиднѣйшая общественная несправедливость. Идеи и учрежденія, благодаря которымъ случайное обстоятельство — полъ-служить важнѣйшимъ основаніемъ въ неравенствѣ юридическихъ правъ и вынужденнаго различія въ общественныхъ функціяхъ, скоро будутъ признаны величайшимъ препятствіемъ для нравственнаго, общественнаго и даже умственнаго развитія. Въ данный моментъ я укажу только на одно изъ вѣроятныхъ послѣдствій промысловой и общественной независимости женщинъ, которое скажется въ сильномъ уменьшеніи зла, порождаемаго перенаселеніемъ. Только обреченіемъ цѣлой половины человѣческаго рода исключительно функціи рожденія, только сдѣлавъ ее цѣлью жизни одного пола и приведя ее въ связь почти со всякой дѣятельностью другого пола, — мы вызвали то, что животный инстинктъ сталъ развиваться и приобретать совершенно не соответствующее преобладаніе сравнительно съ тѣмъ, какимъ онъ пользовался въ человеческой жизни до сихъ поръ.

Въ современныхъ обществахъ обнаруживается стремленіе къ устраненію отношеній, которыя заключаются въ наймѣ съ одной стороны и въ выполненіи работы въ качествѣ наемника—съ другой.

Политическія послѣдствія возрастающаго вліянія и значенія рабочихъ классовъ, а также увеличивающаяся сила того количества лицъ, которыя даже въ Англіи и при существующихъ учрежденіяхъ даютъ большинству по крайней мѣрѣ отрицательный голосъ во всѣхъ правительственныхъ мѣропріятіяхъ, составляетъ слишкомъ обширный предметъ, чтобы подвергать его обсужденію въ данной книгѣ. Ограничиваясь лишь экономическими соображеніями и не принимая во вниманіе тѣхъ послѣдствій, которыя могутъ вызвать измѣненіе въ распредѣленіи продукта къ выгодѣ рабочихъ классовъ, ихъ сознательность на ряду съ наличностью справедливыхъ законовъ, я не могу думать, что рабочіе удовольствуются навсегда своимъ положеніемъ, которое часто разсматривается какъ конечное. Они могутъ стремиться къ тому, чтобы, начавъ съ положенія наемника, но не оставаясь имъ всю жизнь, стать со временемъ хозяиномъ. Начинать жизнь въ качествѣ работника, затѣмъ нѣсколько лѣтъ работать за свой счетъ и наконецъ давать работу другимъ—вотъ нормальное положеніе работниковъ въ новой странѣ съ быстро возрастающимъ богатствомъ и населеніемъ. Таково положеніе дѣлъ въ Америкѣ и въ Австраліи. Но въ старой и густо населенной странѣ тѣ, которые начинаютъ жизнь

въ качествѣ работниковъ по найму, по общему правилу, остаются таковыми до конца дней своихъ, если не падаютъ еще ниже до получающихъ общественное призрѣніе. Въ настоящій моментъ общественнаго развитія, когда съ каждымъ днемъ идеи равенства получаютъ все болѣе широкое распространеніе среди рабочихъ классовъ и когда нельзя ихъ удержать ничѣмъ, кромѣ полного ограниченія свободы слова и печати, нельзя ожидать чтобы, удержалось раздѣленіе человечества на хозяевъ и рабочихъ. Это отношеніе столь же неудовлетворительно какъ для платящаго заработную плату, такъ и для ея получателя. Если богатые смотрятъ на бѣдныхъ какъ на людей, назначенныхъ своего рода закономъ природы быть ихъ слугами и подчиненными, то въ свою очередь бѣдные смотрятъ на богатыхъ, какъ на добычу, какъ на предметъ исполнѣ безграничныхъ требованій и ожиданій, возрастающихъ въ размѣрѣ съ каждой сдѣланной уступкой. Совершенный недостатокъ справедливости и честности въ отношеніяхъ обѣихъ сторонъ, столь же замѣтенъ какъ со стороны рабочихъ, такъ и со стороны предпринимателей. Напрасно мы будемъ искать среди общей массы рабочихъ классовъ справедливой гордости, которая заставляетъ давать хорошую работу за хорошія платы: единственное стремленіе рабочихъ заключается въ томъ, чтобы получить какъ можно больше, а возратить работою возможно меньше. Рано или поздно, но классу работодателей станетъ невыносимо жить въ тѣсномъ и постоянномъ соприкосновеніи съ людьми, интересы и чувствованія которыхъ имъ враждебны. Капиталисты почти столько-же, сколько работники

заинтересованы въ томъ, чтобы дать своему промыслу такую организацію, при которой работающіе на ихъ пользу будутъ питать такой же интересъ къ труду какъ и тѣ, которые работаютъ за свой собственный счетъ.

Высказанное въ первой части этого трактата мнѣніе относительно мелкой земельной собственности и о крестьянахъ - собственникахъ, можетъ быть дало читателю поводъ предполагать, что значительное раздробленіе земельной собственности представляется мнѣ какъ лучшее средство, на которое я возлагаю надежды, что оно уничтожитъ по крайней мѣрѣ для земледѣльческихъ рабочихъ исключительную зависимость отъ работы по найму. Однако, я такъ не думаю. Я полагаю, правда, что эта форма сельскаго хозяйства, раскритикованная самымъ неосновательнымъ образомъ, по своему общему вліянію на человѣческое счастье въ высокой степени предпочтительнѣе, чѣмъ наемный трудъ въ какой-бы формѣ онъ ни существовалъ въ настоящее время и это по слѣдующимъ причинамъ. Прежде всего благоразумная задержка размноженія дѣйствуетъ здѣсь прямѣе и, какъ показываетъ опытъ, съ большей силою. Кромѣ того, по обеспеченности, независимости и по употребленію всѣхъ другихъ свойствъ человѣческой природы кромѣ животной, положеніе крестьянина-собственника гораздо выше, чѣмъ положеніе земледѣльческаго работника какъ въ Англіи, такъ и въ другихъ странахъ, гдѣ система мелкой земельной собственности уже существуетъ и дѣйствуетъ въ цѣломъ удовлетворительно; но при настоящемъ положеніи человѣческаго развитія я сталъ бы сожалѣть о ея уничтоженіи для

замѣны наемнымъ трудомъ, которая совершается подь господствомъ педантическаго мнѣнія, будто-бы улучшеніе въ сельскомъ хозяйствѣ неизбѣжно одинаково при всякомъ разнообразіи обстоятельствъ. При отсталомъ состояніи промысловаго развитія, какъ въ Ирландіи, я сталь бы настаивать на введеніи этой системы предпочтительно передь исключительной системой наемнаго труда, какъ на наиболее могущественномъ средствѣ для поднятія населенія изъ полудикой небрежности и беззаботности къ настойчивому трудолюбію и разумной разчетливости.

Но народъ, который уже принялъ систему крупнаго производства, какъ въ земледѣліи, такъ и въ промышленности, едва-ли отступитъ отъ нея. Если же населеніе будетъ стоять въ должномъ отношеніи къ средствамъ существованія, то отступленіе и нежелательно. Безспорно, трудъ бываетъ производительнѣе при крупномъ размѣрѣ промышленныхъ предпріятій; здѣсь продуктъ, если не больше абсолютно, то больше сравнительно съ количествомъ занятаго труда: то же количество лицъ можетъ съ одинаковымъ удобствомъ содержаться здѣсь съ меньшимъ количествомъ труда и съ большимъ количествомъ досуга; и это преимущество скажется съ новой силой, когда цивилизація и развитіе подвинутся на столько, что выгода, получаемая всѣмъ обществомъ, будетъ одинаково полезна и для лицъ его составляющихъ. Съ нравственной стороны вопроса, которая даже важнѣе экономической, цѣлью промышленнаго развитія слѣдуетъ считать нѣчто лучшее, чѣмъ разбрасываніе человѣчества по поверхности земли отдѣльными семействами, которыя подобно совре-

меннымъ семьямъ находятся во внутренней своей жизни подъ управленіемъ патріархальнаго деспота и едва-ли имѣютъ общность интересовъ и необходимое умственное общеніе съ другими человѣческими существами. Господство главы семьи надъ ея членами при такомъ положеніи вещей абсолютно, а такъ какъ мысли этого главы сосредоточены на интересахъ семьи, которую онъ считаетъ лишь частью самого себя, то всѣ страсти сосредоточиваются на исключительности владѣнія, всѣ заботы на охраненіи и приобрѣтеніи. Можно не безъ удовольствія смотрѣть на такое нравственное состояніе, какъ на первый шагъ отъ чисто животнаго состоянія къ человѣческому, какъ на переходъ отъ грубости инстинктовъ къ разумной предусмотрительности и самодѣятельности. Но если, какъ желательную цѣль, мы поставимъ существованіе общественныхъ интересовъ, благородныхъ чувствъ или истинной справедливости и равенства, то общность, а не обособленіе интересовъ—вотъ школа, въ которой воспитываются эти качества. Цѣлью общественнаго развитія не можетъ служить только достиженіе такого положенія, въ которомъ человѣкъ можетъ обходиться безъ другихъ, но такое, чтобы они могли трудиться другъ съ другомъ или другъ для друга въ отношеніяхъ, не обуславливающихъ зависимости. До сихъ поръ для людей, живущихъ трудомъ, не было другой альтернативы, какъ работать или для себя, или для предпринимателя. Но цивилизующее и развивающее вліяніе общенія, производительность и экономность производства въ крупныхъ размѣрахъ можетъ быть получена безъ раздѣленія производителей на двѣ стороны

съ враждебными интересами и чувствами, какъ теперь, когда многіе работаютъ въ качествѣ простыхъ наемниковъ подъ управленіемъ лица, доставляющаго орудія и средства производства, и которые сами не имѣютъ другого интереса въ предпріятіи кромѣ того, который заключается въ желаніи получить заработную плату съ наименьшимъ количествомъ труда. Разсужденія и споры послѣднихъ 50-ти лѣтъ, а также событія послѣднихъ 20-ти даютъ обильное количество подтвержденій по этому предмету. Если развитіе, которое торжествующій военный деспотизмъ только задержалъ, но не остановилъ, будетъ продолжаться, то мало основаній сомнѣваться, что положеніе наемныхъ работниковъ, будетъ постепенно прилагаться лишь къ тому роду рабочаго народа, низкія нравственныя качества котораго дѣлаютъ его неспособнымъ къ чему-нибудь болѣе независимому. Отношеніе между рабочимъ и предпринимателемъ постепенно замѣнится отношеніями участія въ предпріятіи и въ двухъ формахъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, это будутъ союзы рабочихъ съ капиталистами, въ другихъ, и это быть можетъ будетъ конечной стадіею развитія, это будутъ союзы рабочихъ между собою.

Соперничество не вредно, но полезно и необходимо.

. . . . Я совершенно несогласенъ съ наиболее ясной и сильной стороною ученія социалистовъ, а именно съ ихъ декламаціями противъ соперничества. Имѣя нравственное представленіе въ многихъ отношеніяхъ, стоящее выше существующихъ обще-

ственныхъ учреждений, они по общему правилу имѣютъ весьма смутныя и ошибочныя понятія относительно ихъ дѣйствія на практикѣ. Одна изъ ихъ главнѣйшихъ ошибокъ, по моему мнѣнію, заключается въ томъ, что они сваливаютъ на соперничество всѣ экономическія бѣдствія, которыя теперь существуютъ. Они забываютъ, что тамъ, гдѣ нѣтъ соперничества, господствуетъ монополія. А послѣдняя во всѣхъ ея формахъ ничто иное, какъ обложеніе трудящихся въ пользу лѣности, если даже не грабежа. Они забываютъ также, что за исключеніемъ соперничества между рабочими, всѣ другіе виды соперничества служатъ ко благу рабочихъ, удешевляя продукты, которые они потребляютъ; соперничество даже на рабочемъ рынкѣ служитъ причиной не низкихъ, но высокихъ платъ тамъ, гдѣ соперничество за трудъ превышаетъ, какъ въ Америкѣ, въ колоніяхъ и въ специальныхъ отрасляхъ—предложеніе труда. Соперничество никогда не можетъ быть причиной низкихъ платъ, если рабочій рынокъ не переполненъ большимъ количествомъ рабочихъ семействъ. Если число рабочихъ избыточно, то даже социализмъ не въ состояніи предупредить того, чтобы заработныя платы не были низки, кромѣ того, если бы ассоціаціи были дѣломъ всеобщимъ, не было бы соперничества между работниками. Соперничество же между ассоціаціями шло бы къ выгодѣ потребителей, т. е. ассоціаціи или общей массы трудящихся классовъ.

Я не настаиваю на томъ, что въ соперничествѣ нѣтъ неудобствъ и что нравственныя возраженія, высказываемыя противъ него социалистическими писателями, какъ объ источникѣ зависти и враждеб-

ности среди людей одного промысла, совершенно лишены основанія. Но если соперничество имѣетъ свои худыя стороны, то оно предохраняетъ насъ отъ еще большаго зла. Фегере справедливо говорить: „глубочайшій корень зла и несправедливости, которыя имѣются въ промышленномъ мірѣ, заключается не въ соперничествѣ, но въ подчиненіи труда капиталу и въ чрезмѣрности доли, получаемой владѣльцами орудій производства изъ продукта... Если соперничество, какъ крупная сила, порождаетъ зло, то приноситъ оно и не менѣе добра, особенно въ дѣлѣ развитія личныхъ способностей и въ успѣшности нововведеній“. Обычная ошибка социалистовъ забывать о естественной лѣности человѣчества, о стремленіи людей быть пассивными, рабами привычки и оставаться безъ конца на разѣ избранномъ пути. Люди достигнутъ извѣстнаго состоянія, которое считаютъ сноснымъ, и сейчасъ же является опасность, что они предадутся застою, не станутъ заботиться объ улучшеніи своего положенія, дадутъ заглохнуть своимъ способностямъ и потеряютъ даже энергію, которая необходима для предохраненія ихъ положенія отъ ухудшенія. Соперничество можетъ быть и не является лучшимъ стимуломъ, но необходимымъ для настоящаго времени, и никто не можетъ предвидѣть того времени, когда оно станетъ ненужнымъ для развитія. Даже ограничиваясь одною промышленною стороною, гдѣ болѣе, чѣмъ въ какой бы то ни было другой, можно предположить, что большинство является хорошимъ судьей всякихъ улучшеній, можно замѣтить, какъ трудно склонить общее собраніе ассоціаци подвергнуться хлопотамъ и неудобствамъ измѣненія привычной дѣятель-

ности введеніемъ новаго и обѣщающаго изобрѣтенія, если не побудитъ ихъ къ тому знаніе, что, существуютъ соперничающія ассоціаціи и что, если они не согласятся на нововведеніе, другіе это сдѣлаютъ и они останутся позади въ состязаніи.

Вмѣсто того, чтобы смотрѣть на соперничество, какъ на подлежащій изгнанію и противообщественный принципъ, а это дѣлаютъ почти всѣ социалисты, я полагаю, что даже при современномъ положеніи общества и промышленности всякое ограниченіе его является зломъ, напротивъ всякое расширеніе его, даже въ томъ случаѣ, если временно отражается вредно на нѣкоторыхъ классахъ работниковъ, въ конечномъ результатѣ всегда приноситъ добро. Охранять отъ соперничества—это значитъ охранять лѣность, умственную тупость, избавлять отъ необходимости быть столь же дѣятельнымъ и разумнымъ, какъ другіе; если такая охрана избавляетъ работниковъ отъ опасности потерять работу, вслѣдствіе соперничества хуже оплачиваемаго класса рабочихъ, то это бываетъ только тамъ, гдѣ старинный обычай, или мѣстная и особая монополія поставила какой нибудь классъ работниковъ въ привилегированное положеніе сравнительно со всѣми другими. Настало нынѣ время, когда въ интересахъ общаго усовершенствованія не требуется продленія привилегій немногихъ. Если торговцы готовымъ платьемъ и другіе люди того-же класса понизили заработныя платы портныхъ и нѣкоторыхъ другихъ работниковъ, поставивъ соперничество на мѣсто установившагося обычая, тѣмъ лучше въ конечномъ результатѣ. Теперь вовсе не

нужно заботиться объ укрѣпленіи старыхъ обычаевъ, благодаря которымъ немногочисленные классы рабочихъ получаютъ особыя выгоды, которыя заставляютъ ихъ интересоваться сохраненіемъ существующей организаціи, но слѣдуетъ ввести новое общее устройство, благотѣльное для всѣхъ. Слѣдуетъ радоваться всему, что даетъ почувствовать привилегированнымъ классамъ образованныхъ рабочихъ объ общности ихъ интересовъ съ интересами всего рабочаго сословія. Пусть они знаютъ, что вознагражденіе за ихъ трудъ зависитъ отъ тѣхъ же общихъ причинъ и что они должны для улучшенія своего положенія прибѣгать къ тѣмъ же средствамъ, какъ и вся масса ихъ менѣе счастливо обставленныхъ и сравнительно безпомощныхъ товарищей.

КНИГА V.

О ВЛІЯНІИ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О функціяхъ правительства вообще.

Въ нашу эпоху однимъ изъ самыхъ сложныхъ вопросовъ государственной науки и практики является вопросъ объ опредѣленіи соотвѣтственныхъ границъ функціямъ и дѣятельности правительствъ. Въ былое время спорили относительно того, какъ должны быть организованы правительства и по какимъ правиламъ и началамъ они должны пользоваться своей властью, но въ настоящее время почти столько-же говорятъ о томъ, на какія области человѣческихъ дѣлъ должна простираться эта власть. При настойчивомъ стремленіи къ измѣненіямъ въ правительствѣ и законодательствѣ, при помощи которыхъ надѣются улучшить человечество, слѣдуетъ ожидать, что этотъ споръ не только не потеряетъ интереса, но станетъ обращать на себя еще большее вниманіе. Съ одной

стороны нетерпѣливые реформаторы, думающіе, что легче и проще завладѣть правительствомъ, чѣмъ умами и расположеніемъ публики, находятся подъ постояннымъ искушеніемъ расширять сферу правительственнаго вліянія далѣе надлежащихъ границъ. Съ другой стороны, человечество на столько приучено правителями къ вмѣшательству, не имѣющему цѣлью общее благо или совершаемому при ошибочномъ представленіи о требованіяхъ этого блага, кромѣ того дѣлается столь много поспѣшныхъ предложеній со стороны искреннихъ сторонниковъ улучшеній, стремящихся принудительнымъ регулированіемъ достигнуть такихъ цѣлей, которыя могутъ быть съ пользой и дѣйствительнымъ успѣхомъ выполнены лишь при помощи общественнаго мнѣнія и споровъ, что возникъ духъ сопротивленія самому существованію правительственнаго вмѣшательства и предложеніе ограничить сферу правительственнаго вліянія самыми узкими предѣлами. Въ зависимости отъ различій въ историческомъ развитіи отдѣльныхъ націй, о которомъ здѣсь намъ нѣтъ надобности говорить, первая крайность т. е. чрезмѣрное расширеніе правительственнаго вліянія, какъ въ теоріи, такъ и на практикѣ господствуетъ у континентальныхъ народовъ, вторая крайность — противоположная — до сихъ поръ преобладала въ Англіи . . . . .

Слѣдуетъ прежде всего сказать о функціяхъ нераздѣльныхъ отъ самой идеи правительства и обыкновенно выполняемыхъ безъ возраженій всѣми правительствами и провести различіе между ними и тѣми, относительно которыхъ существуетъ споръ —

должны-ли правительства выполнить ихъ или нѣтъ. Первыя можно назвать *необходимыми*, а вторыя— *возможными* функціями правительства. Употребляя терминъ *возможный*, я не хочу сказать, что правительство должно относиться къ нимъ безразлично или что оно должно рѣшать по произволу, принимать или нѣтъ на себя эти функціи. Я хочу этимъ только сказать, что потребность выполненія ихъ не простирается до необходимости и составляетъ предметъ, по которому можетъ или не можетъ существовать различіе во мнѣніяхъ.

Характеръ необходимыхъ функцій правительства весьма разнообразенъ.

Стараясь исчислить необходимыя функціи правительства, мы найдемъ, что онѣ гораздо многочисленнѣе, чѣмъ это съ перваго взгляда представляется многимъ. Эти функціи нельзя подвести подъ тѣ весьма опредѣленныя границы, которыя часто пытаются установить для нихъ на почвѣ популярныхъ разсужденій и споровъ. Мы слышимъ иногда напримѣръ, что правительство должно ограничиваться охраненіемъ противъ насилія и обмана..... Но почему народы должны охраняться правительствомъ, т. е. своею коллективною силою, противъ насилія и обмана, если не потому, что цѣлесообразность охраненія здѣсь болѣе очевидна? Если правительство ничего не должно дѣлать для людей такого, что они могутъ дѣлать сами, то отъ людей можно было-бы потребовать и того, чтобы они охраняли себя отъ насилія собственнымъ искусствомъ и храбростью или даже выпрашивая и по-

купающа охраненіе, какъ они это дѣлается тамъ, гдѣ правительство не можетъ охранить ихъ, а противъ обмана каждый имѣетъ охрану въ собственномъ умѣ. Существованіе законовъ о наслѣдствѣ, о характерѣ имущественныхъ правъ, о договорахъ, забота о малолѣтнихъ и о неспособныхъ относиться къ своимъ дѣйствіямъ сознательно, выполненіе многихъ функцій, которыя могутъ быть выполнены правительствомъ гораздо удобнѣе, на примѣръ, чеканъ монеты, установленіе нормальныхъ вѣсовъ и мѣръ, устройство пристаней, маяковъ и проч. — всѣ эти функціи выполняются правительствомъ и это показываетъ, что установленная выше формула не рѣшаетъ вопроса.... Безспорныя функціи правительства обнимаютъ такое широкое поле, что ихъ нелегко включить въ кольцо какого-нибудь ограничивающаго опредѣленія. Едва-ли можно найти для всѣхъ этихъ функцій общее оправданіе кромѣ того, которое заключается въ многозначительной формулѣ всеобщей пользы. Нельзя положить границъ правительственному вмѣшательству какимъ-нибудь всеобщимъ правиломъ. Можно установить лишь простое и неопредѣленное начало: правительственное вмѣшательство должно быть допускаемо лишь тогда, когда полезность его очевидна *).

Раздѣленіе предмета.

Можно сдѣлать однако нѣсколько полезныхъ замѣчаній относительно характера соображеній,

---

*) Несомнѣнно принципъ, установленный Д. С. Миллемъ, столь-же неопредѣленъ. Въ главѣ XI онъ ближе подходитъ къ рѣшенію вопроса. Прим. пер. А. М.

при помощи которыхъ чаще всего разсматривается вопросъ о правительственномъ вмѣшателствѣ и о способѣ сравнительной оцѣнки той или иной важности этихъ соображеній.... Вотъ на какія части мы раздѣлимъ разсмотрѣніе этого предмета.

Прежде всего мы разсмотримъ экономическія послѣдствія того способа, при помощи котораго правительство выполняетъ свои необходимыя и безспорныя функціи.

Затѣмъ мы перейдемъ къ разсмотрѣнію правительственнаго вмѣшательства, которое я называю *возможнымъ* (т. е. такимъ, которое переступаетъ границы всѣми признанныхъ функцій) и которое совершалось прежде, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ совершается и теперь подъ вліяніемъ ложныхъ общихъ теорій.

Въ концѣ концовъ намъ останется изслѣдовать независимо отъ ложныхъ теорій и въ соотвѣтствіи съ правильнымъ взглядомъ на законы, управляющіе человѣческими дѣлами, существуютъ ли случаи *возможнаго* вмѣшательства, въ которыхъ это вмѣшательство дѣйствительно слѣдуетъ рекомендовать и каковы эти случаи.....

Первый изъ этихъ отдѣловъ имѣетъ въ высшей степени разнообразное содержаніе: необходимыя функціи правительства и тѣ, полезность которыхъ такъ очевидна, что никогда или почти никогда не спорили противъ нихъ, какъ мы уже сказали, слишкомъ разнообразны, чтобы подойти подъ какую нибудь простую классификацію. Тѣмъ не менѣе важнѣйшія изъ нихъ, которыя слѣдуетъ разсмотрѣть въ настоящей книгѣ, можно подвести подъ слѣдующія общія рубрики.

Во первыхъ, средства, употребляемые правительствами для собиранія дохода, который составляетъ необходимое условіе ихъ существованія.

Во вторыхъ, характеръ законовъ, устанавливаемыхъ по двумъ великимъ предметамъ: о собственности и о договорахъ.

Въ третьихъ, достоинство или недостатки тѣхъ способовъ, при помощи которыхъ правительства по общему правилу обезпечиваютъ исполненіе своихъ законовъ, а именно: при помощи суда и полиціи.

Мы начнемъ съ перваго отдѣла, т. е. съ теоріи налоговъ *).

---

*) Въ настоящемъ изданіи мы опускаемъ теорію налоговъ, какъ она изложена у Д. С. Милля. Отсылаемъ читателей, интересующихся четырьмя основными началами налогового обложенія къ книгѣ Ад. Смита въ изданіи той-же экономической библіотеки въ переводѣ М. П. Щепкина. Напомнимъ, что вкратцѣ онѣ формулированы Ад. Смитомъ такъ: 1) Каждый подданный долженъ платить на содержаніе правительства соразмѣрно своимъ средствамъ; въ этомъ состоитъ равномерность налоговъ. 2) Величина налога и всѣ относящіяся къ его уплатѣ обстоятельства должны быть съ точностью опредѣлены и извѣстны платящему. 3) Налогъ долженъ взиматься въ такое время и такимъ способомъ, когда и какъ удобнѣе всего уплачивать его. 4) Способъ взиманія налога долженъ быть такой, чтобы онъ бралъ у народа какъ можно меньше сверхъ той суммы, какую доставляетъ казнѣ и чтобы слишкомъ значительная часть собираемой суммы не поглощалась расходами на самое взиманіе ея. Налогъ не долженъ также препятствовать экономическимъ силамъ страны направляться къ выгоднѣйшимъ занятіямъ, не долженъ развивать контрабанды и всѣхъ другихъ способовъ обманывать государство.

ГЛАВА VIII и IX.

Обыкновенныя правительственныя функціи со стороны экономического ихъ вліянія *).

Послѣдствія недостаточной обезпеченности собственности и личности.

Прежде чѣмъ разсматривать предѣлы разграниченія между предметами, въ которые правительство должно или не должно вмѣшиваться, слѣдуетъ изслѣдовать тѣ дурныя или хорошія экономическія послѣдствія, которыя происходятъ отъ образа дѣйствій правительства, выполняющаго обязанности, возложенныя на него во всѣхъ обществахъ и не оспариваемыя никѣмъ.

Первой изъ такихъ обязанностей заключается въ охранѣ личности и собственности. Нѣтъ надобности распространяться относительно вліянія на

---

*) Въ этихъ двухъ главахъ Милль подвергаетъ обсужденію послѣдствія чрезмѣрности налоговъ, несовершенства законовъ и судовъ, законы о наслѣдствѣ и проч. См. полное оглавленіе его трактата. Прим. переводчика А. М.

экономическіе интересы общества, которое оказываетъ на нихъ та или иная степень совершенства въ выполненіи этой обязанности. Необезпеченность личности и собственности это значитъ неопредѣленность связи между человѣческими усиліями и пожертвованіями и достиженіемъ цѣли, для которыхъ они предпринимаются. При такомъ положеніи вещей неизвѣстно, пожнетъ-ли плоды сѣющихъ, будетъ-ли потребителемъ производитель и будутъ-ли сберегающіе сегодня пользоваться плодами своихъ сбереженій завтра. Это значитъ, что не трудъ и бережливость ведутъ къ приобрѣтенію, а одно насиліе. Когда личность и собственность не обезпечены въ извѣстной степени, все, чѣмъ обладаетъ слабый, находится во власти сильнаго. Никто не можетъ сохранить то, что произвелъ, если не обладаетъ бѣльшей силой для защиты своего имущества сравнительно съ тою, которою обладаютъ люди, не отдающіе своего времени и труда полезной дѣятельности. Въ тѣхъ случаяхъ, когда необезпеченность превышаетъ извѣстные предѣлы, производящіе классы, не имѣя возможности защищаться отъ населенія разбойниковъ, принуждены бывають подчиниться какому-нибудь классу этихъ разбойниковъ съ тѣмъ, чтобы онъ имѣлъ интересъ защищать ихъ отъ всякаго другого грабежа кромѣ собственнаго. При помощи такого именно процесса въ средніе вѣка аллодіальная собственность обратилась въ феодальную и бѣдные, но свободные люди сами и со всѣмъ своимъ потомствомъ сдѣлались крѣпостными какого нибудь военнаго дворянина....

Притѣсненіе правительствъ, могуществу которыхъ никакая личность не можетъ противостоятъ,

имѣетъ самое пагубное вліяніе на то, что служить источникомъ національнаго благосостоянія и это притѣсненіе бываетъ гораздо вреднѣе, чѣмъ любое беззаконіе и смута при свободныхъ учрежденіяхъ. Народы пріобрѣли нѣкоторыя богатства и сдѣлали кое-какой прогрессъ при наличности столь несовершенныхъ общественныхъ связей, что общество какъ бы находилось почти въ состояніи анархіи; но въ странахъ, въ которыхъ народъ подвергался безграничнымъ и произвольнымъ вымогательствамъ агентовъ правительства, не оставалось ни промышленной дѣятельности, ни богатства. Подобное правительство въ нѣсколько поколѣній уничтожаетъ и то, и другое. Прекраснѣйшія и когда-то наиболее богатая области земли подъ римскимъ и впоследствии турецкимъ владычествомъ отъ одной этой причины обратились въ пустыню. Я говорю только отъ одной этой причины, ибо при ея отсутствіи они съ поразительной быстротой оправились бы, какъ это бываетъ всегда со странами послѣ военнаго опустошенія или другихъ временныхъ несчастій. Затрудненія и несчастія часто служатъ лишь побужденіемъ къ дѣятельности, но гибельнѣйшее вліяніе на нее оказываетъ убѣжденіе, что не дадутъ возможности этой дѣятельности принести плода.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

О вмѣшательствѣ правительства, основанномъ на ложныхъ теоріяхъ.

Отъ вопроса о необходимыхъ функціяхъ правительства и о экономическихъ послѣдствіяхъ ихъ надлежащаго или дурного выполненія мы переходимъ къ функціямъ, которыя принадлежатъ, какъ я выразился за недостаткомъ лучшаго термина, къ *возможнымъ*, т. е. къ тѣмъ, которыя иногда выполняются правительствомъ, иногда нѣтъ и которыя не всѣ признаютъ за такія, которыя правительства должны выполнять. Прежде чѣмъ излагать общія начала этого вопроса, слѣдуетъ очистить нашъ путь устраненіемъ случаевъ, въ которыхъ правительственное вмѣшательство вредно, ибо оно вытекаетъ изъ ошибочныхъ представлений относительно предмета, къ которому оно относится. Эти случаи не имѣютъ никакого отношенія къ общей теоріи относительно границъ правительственнаго вмѣшательства. Есть предметы, въ которые правительство должно и не

должно вмѣшиваться; но полезное или вредное вмѣшательство, по самому своему существу, можетъ принести дурные результаты, если правительство, не понимая предмета, въ который оно вмѣшивается, хочетъ своимъ вмѣшательствомъ достигнуть того, что окажется вреднымъ.... Здѣсь намъ можно удовольствоваться немногими и короткими замѣчаніями *).

---

*) Въ этой главѣ Милль подвергаетъ обсужденію вопросы: о протекціонизмѣ, ростовщичествѣ, монополіяхъ, стачкахъ рабочихъ и проч., а также является ревностнымъ защитникомъ открытаго печатнаго или другого изложенія мнѣній по политическимъ, нравственнымъ, юридическимъ и др. вопросамъ. Всѣ эти вопросы подвергаются столь частому обсужденію, что мы считаемъ возможнымъ опустить за недостаткомъ мѣста и эту главу. Прим. пер. А. М.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Основанія и границы принципа *laisser faire* или невмѣшательства.

Правительственное вмѣшательство можно раздѣлить на два вида: повелительное и неповелительное *).

Такимъ образомъ мы пришли къ концу нашего трактата. Теперь мы должны разсмотрѣть на какія области можетъ или должно простираться правительственное вмѣшательство кромѣ тѣхъ, гдѣ это вмѣшательство необходимо. Школа такъ называемаго принципа *laisser faire* пыталась дать точное опредѣленіе области правительственнаго вмѣшательства, ограничивая его охраной отъ насилія и обмана. Какъ мнѣ кажется, теорія предмета не допускаетъ одного общаго рѣшенія. Но я попытаюсь представить нѣкоторые матеріалы для рѣшенія этого вопроса.

---

*) Глава эта сильно сокращена и потому переводъ не отличается буквальною. Прим. пер. А. М.

Мы должны начать съ установленія различія, существующаго между двумя видами правительственнаго вмѣшательства. Это вмѣшательство можетъ простирается до контролированія свободы дѣятельности частныхъ лицъ. Правительство можетъ запрещать всѣмъ совершать извѣстныя дѣйствія, или не совершать ихъ безъ его разрѣшенія; оно можетъ предписать дѣлать людямъ то или другое, или дѣлать или не дѣлать извѣстнымъ образомъ то, выполненіе чего оно предоставляетъ ихъ свободному желанію. Это *повелительное* вмѣшательство правительства. Но есть и другое. Оно бываетъ *неповелительнымъ*, если правительство вмѣсто изданія распоряженій, применяемыхъ подъ страхомъ наказанія, рѣшится на образъ дѣйствій, столь рѣдко употребляемый правительствами, но которымъ можно было-бы пользоваться съ значительной выгодой, а именно, если правительство станетъ давать совѣты и обнародывать свѣдѣнія, или, предоставляя частнымъ лицамъ возможность свободно пользоваться ихъ средствами для достиженія общественныхъ цѣлей, правительство, не вмѣшиваясь въ ихъ дѣятельность, но не оставляя дѣла исключительно ихъ заботѣ, на ряду съ ихъ учрежденіями, устанавливаетъ собственныя для подобныхъ-же цѣлей.

Главнѣйшіе случаи, гдѣ правительственное вмѣшательство не можетъ быть допущено.

Случай 1-й. Какую-бы теорію мы не приняли относительно основаній общественнаго союза и при какихъ политическихъ учрежденіяхъ мы не жили бы, для всякаго человѣческаго существа имѣется об-

ласть, куда любое правительство не должно проникать. Въ этой области должна царствовать личность человѣка, не подвергаясь ни частному, ни общественному контролю. Эта область должна обнимать внутреннюю и внѣшнюю жизнь человѣка, которая или касается его лично, не затрогивая интересовъ другихъ, или касается этихъ послѣднихъ только чрезъ нравственное вліяніе примѣра. Всякій человѣкъ обладаетъ правомъ имѣть и распространять собственное мнѣніе и убѣжденіе. Если послѣднее даже касается интересовъ другихъ, то запрещеніе выражать его должно обуславливаться полнѣйшей необходимостью и даже одной полезности запрещенія здѣсь не достаточно.

Случай 2-й. Другое возраженіе противъ правительственнаго вмѣшательства основывается на необходимости сохранить потребное раздѣленіе труда. Всякая новая обязанность, взятая на себя правительствомъ, составляетъ новое бремя на учрежденіе, которое, какъ правительство, уже и такъ обременено дѣломъ. Въ результатъ все выполняется плохо, а многое и совсѣмъ не выполняется и это еще болѣе усиливается при дурной организаціи правительства. Улучшеніе правительственной организаціи, предоставленіе подчиненнымъ органамъ большей свободы дѣйствія подъ условіемъ отвѣтственности ихъ предъ судомъ за результаты ихъ дѣятельности, привлеченіе къ правительственной службѣ людей наиболѣе честныхъ и способныхъ, установленіе соревнованія между ними—все это ослабляетъ это возраженіе, но не устраняетъ его. Увеличеніе занятій и отвѣтственности правительства всегда дѣло опасное и это ведетъ къ необходимости указать еще третье соображеніе.

Случай 3-й. Огромное большинство дѣлъ выполняется правительствомъ хуже, чѣмъ частными лицами, которые прямо заинтересованы въ дѣлѣ. Правительство, исключая или уменьшая частную дѣятельность, замѣняя однимъ способомъ все разнообразіе въ веденіи дѣлъ, которое было-бы испробовано значительнымъ числомъ равно опытныхъ частныхъ лицъ, тѣмъ самымъ вводитъ однообразнѣйшую систему на мѣсто соперничества, которое, во многихъ отношеніяхъ, гораздо болѣе способствуетъ прогрессу улучшеній.

Случай 4-й. Крайне важно также, чтобы въ народѣ обнаруживалась способность къ свободной и дружной совмѣстной работѣ. Этотъ аргументъ имѣетъ особенно сильное значеніе. Свободная промысловая жизнь—существенный элементъ воспитанія народа. У народа, среди котораго не обнаруживается привычки къ свободной дѣятельности въ общихъ интересахъ, который привыкъ ждать почина или приказанія во всѣхъ случаяхъ общаго дѣйствія, который ждетъ, что все будетъ сдѣлано для него кромѣ того, что выполняется по привычкѣ или рутинѣ, способности развиваются только на половину. Если у правительства сосредоточивается вся инициатива и управленіе, а частныя лица думаютъ и привыкаютъ дѣйствовать подъ его постоянной опекой, то въ такомъ народѣ даже демократическія учрежденія развиваютъ не любовь къ свободѣ, а безграничную погоню за мѣстами и властью. Такимъ образомъ мысли и дѣятельность страны отвлекаются отъ главныхъ ея цѣлей и сосредоточиваются на гнусномъ соперничествѣ за своекорыстными отличіями и суетными стремленіями для пріобрѣтенія оффиціального положенія.

Всѣ эти доводы достаточно показываютъ, что необходимы сильныя доводы въ пользу правительственнаго вмѣшательства. *Laisser faire**), т.-е. невмѣшательство должно быть общимъ правиломъ и всякое отступленіе отъ него, если оно не оправдывается какой-нибудь великою пользою, всегда является зломъ.

Общее правило подлежитъ однако широкимъ ограниченіямъ и не должно примѣняться въ слѣдующихъ главнѣйшихъ случаяхъ.

Случай 1-й. Утвержденіе, что потребитель хорошій судья о достоинствахъ товара, подлежитъ значительнымъ ограниченіямъ. Необразованные люди не могутъ судить о качествахъ образованія, которое для нихъ необходимо. Вѣроятно предположеніе, что разумное и заботящееся о судьбѣ своего народа правительство является здѣсь болѣе подходящимъ судьей. Особенное значеніе это соображеніе имѣетъ въ народномъ образованіи и правительство хорошо дѣлаетъ, возлагая на родителей юридическую обязанность давать воспитаніе дѣтямъ. Все общество сильно страдаетъ отъ невѣжества и необразованности своихъ согражданъ. Такъ какъ родители изъ бѣдныхъ классовъ не включаютъ въ число необходимыхъ своихъ тратъ издержки на воспитаніе дѣтей, такъ какъ рабочая плата, поэтому, не достаетъ на этотъ расходъ, то я считаю обязанностью правительства пополнять этотъ недостатокъ изъ

---

*) Или по англійски: *letting alone*, по русски: предоставьте дѣла свободному ихъ теченію.

другого источника и давать народнымъ школамъ такія денежныя субсидіи, которыя достаточны, чтобы сдѣлать обученіе доступнымъ для дѣтей бѣднаго класса или дѣлая обученіе бесплатнымъ, или съ платою, которая по своей незначительности совершенно необременительна. Хотя такимъ образомъ во многихъ случаяхъ правительство должно устраивать школы и гимназіи, но оно не должно требовать обязательнаго ихъ посѣщенія, запрещать открывать школы частнымъ лицамъ, давать особыя преимущества частнымъ школамъ. Правительство не должно присвоивать себѣ монополіи обученія ни въ высшихъ, ни въ низшихъ школахъ. Тоже соображеніе, что всякій является лучшимъ судьей своихъ интересовъ, равно непримѣнимо къ больнымъ волею и разумомъ, дѣтямъ, несовершеннолѣтнимъ, къ животнымъ, этимъ несчастнымъ рабамъ и жертвамъ наиболѣе грубой части человѣческаго общества. Правительство должно имѣть по этому предмету разумныя и справедливыя законы.

Случай 2-й. Вмѣшательство правительства допустимо и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ рѣшается своимъ сужденіемъ опредѣлить въ отдаленномъ будущемъ то, что по его мнѣнію полезно. Практическое требованіе охранять свободу договоровъ непримѣнимо безъ большихъ ограниченій въ обязательствахъ, имѣющихъ характеръ вѣчныхъ. Законъ долженъ относиться къ нимъ въ высшей степени недовѣрчиво и долженъ отказывать имъ въ утвержденіи, если договаривающаяся сторона не можетъ быть основательнымъ судьей принимаемыхъ на себя обязательствъ. Правительство должно всячески заботиться о томъ, чтобы они со-

вершались разсудительно и съ предусмотрительностью. Не разрѣшая сторонамъ нарушать самостоятельно заключенныхъ обязательствъ, правительство должно въ возмѣщеніе за подобную охрану договора, предоставить сторонамъ право отступить отъ обязательства по приговору безпристрастной власти. Эти соображенія имѣютъ особое приложение къ самому важному договору на всю жизнь, а именно къ браку.

Случай 3-й. Если человекъ можетъ вести дѣло только чрезъ повѣренныхъ, какъ это бываетъ во всѣхъ случаяхъ акціонерныхъ и другихъ компаній, которыя къ тому же почти всегда имѣютъ монополюный характеръ, то правительство можетъ вмѣшаться и установить для этого дѣла условіе, соответствующее общей выгодѣ и сохранить за собою такое право распоряженія надъ предприятиемъ, чтобы общество не теряло по крайней мѣрѣ тѣхъ выгодъ, которыя даетъ монополія. Это соображеніе особенно касается каналовъ и желѣзныхъ дорогъ. Слѣдуетъ замѣтить кромѣ того, что государство можетъ быть собственникомъ каналовъ и дорогъ, не управляя ихъ дѣйствіемъ самостоятельно. Почти всегда управленіе будетъ лучше, находясь въ рукахъ компаніи, арендующей дорогу или каналъ на опредѣленный срокъ времени.

Случай 4-й. Правительственное вмѣшательство часто бываетъ необходимо для того, чтобы дать силу желаніямъ заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ. Часто эти лица могутъ привести свои желанія въ исполненіе только общимъ соглашеніемъ, каковое можетъ осуществиться только въ томъ случаѣ, если получить утвержденіе и защиту со стороны

закона. Возьмемъ для примѣра вопросъ объ уменьшеніи числа рабочихъ часовъ съ 12 до 10. Предположимъ, что каждому рабочему было бы выгодно работать вмѣсто 12—10 часовъ, если бы онъ зналъ, что всѣ другіе будутъ работать такое же количество часовъ и за прежнюю плату. Я не высказываюсь здѣсь въ пользу такого мнѣнія, но беру его лишь какъ подходящий примѣръ того, на сколько отдѣльные классы личностей нуждаются въ помощи закона для того, чтобы привести въ исполненіе общее рѣшеніе, принимаемое въ личныхъ выгодахъ. Только получивъ гарантію, что его соперники будутъ держаться однообразнаго правила, рабочій можетъ рассчитывать, что ему придется работать не больше 10 часовъ *).

Случай 5-й. Если частное лицо совершаетъ дѣйствіе не въ свою пользу, а въ пользу другихъ, то правительственное вмѣшательство также необходимо. Сюда относятся, въ числѣ прочихъ примѣровъ, важный и много разъ подвергавшійся обсужденію вопросъ объ общественномъ призрѣніи. Хотя по общему правилу слѣдуетъ предоставить частнымъ лицамъ свободу дѣйствія во всемъ, къ чему, какъ предполагается, они способны, но если они должны получать помощь отъ другихъ, то является вопросъ, будетъ ли цѣлесообразно, если они исключительно будутъ получать эту помощь отъ частныхъ лицъ, которая всегда невѣрна и случайна, или отъ организованныхъ учрежденій,

---

*) Все современное фабричное законодательство не было бы возможно, если бы правительство своими законами не ставило, какъ фабрикантовъ, такъ и рабочихъ въ одинаковыя условія относительно соперничества. Прим. переводчика А. М.

при помощи которыхъ общество дѣйствуетъ чрезъ свой органъ—государство.

Можно было бы указать еще много другихъ случаевъ, на примѣръ: на организацію переселеній, постройку каналовъ, маяковъ, покровительство ученымъ и друг. изысканіямъ и проч., гдѣ правительственное вмѣшательство слѣдуетъ одобрить. Можно вообще сказать, что все, выполненіе чего желательно въ общихъ интересахъ человѣчества или будущихъ поколѣній, все, что въ настоящихъ интересахъ членовъ общества требуетъ помощи, но не можетъ по самой своей природѣ быть выполнено съ достаточнымъ вознагражденіемъ частными лицами или ассоціаціями ихъ, должно быть совершено правительствомъ. Но прежде чѣмъ принимать на себя это дѣло, правительство должно всегда разсмотрѣть, есть ли разумная вѣроятность въ томъ, что дѣло это можетъ быть выполнено на такъ называемыхъ добровольныхъ началахъ и, если можетъ, то слѣдуетъ ли ожидать, что оно будетъ выполнено лучше и успѣшнѣе правительственной дѣятельностью, чѣмъ щедростью и ревностью частныхъ лицъ.

Правительственное вмѣшательство можетъ быть необходимо при недостаткѣ частной дѣятельности, гдѣ эта послѣдняя могла-бы быть болѣе полезною.

Предшествовавшіе параграфы обнимаютъ собой, на сколько я могу судить, всю совокупность исключеній изъ того практическаго правила, что всѣ общественныя дѣла могутъ выполняться лучше

частной и добровольной дѣятельностью. Необходимо однако добавить, что вмѣшательство правительства не можетъ всегда останавливаться въ дѣйствительности на тѣхъ предѣлахъ, которыя опредѣляются самою внутренней необходимостью этого вмѣшательства. Въ зависимости отъ особыхъ условій, въ которыхъ находится страна въ данное время, едва ли можно указать какое нибудь важное для общественныхъ интересовъ дѣло, относительно котораго не слѣдовало-бы желать или считать необходимымъ, чтобы правительство взяло его на себя и не потому, что частныя лица не могутъ съ успѣхомъ выполнить его, а потому что не хотятъ. Бываютъ такія времена и мѣста, гдѣ не будетъ ни дорогъ, ни доковъ, ни гаваней, ни каналовъ, ни оросительныхъ работъ, ни больницъ, ни народныхъ и высшихъ школъ, ни типографій, если правительство не устроитъ ихъ: общество или такъ бѣдно, чтобы найти къ тому средства, или такъ неразвито, чтобы оцѣнить ихъ назначеніе, или не достаточно привыкло къ соединенной дѣятельности для достиженія этихъ цѣлей. Это болѣе или менѣе справедливо для всѣхъ странъ, привыкшихъ къ деспотизму и въ особенности для тѣхъ, въ которыхъ существуетъ крупное различіе по образованію между народомъ и правительствомъ. Такое положеніе дѣлъ обыкновенно замѣчается въ странахъ покоренныхъ, гдѣ населеніе находится въ подчиненіи болѣе энергичнаго и образованнаго народа. Во многихъ странахъ міра народъ не въ состояніи дѣлать для себя ничего, что требуетъ крупныхъ средствъ и соединенной дѣятельности. Всѣ предпріятія, подобныя вышеуказаннымъ, оста-

нутя невыполненными, если не совершить ихъ государство. Въ этихъ случаяхъ, правительство можетъ вѣрнѣе всего обнаружить искренность, съ которой стремится къ наибольшему благу своихъ подданныхъ, только выполняя дѣла, возлагаемыя на него безпомощностью общества и дѣйствуя при этомъ такимъ образомъ, чтобы всѣ стремленія его сводились не къ увеличенію или увѣковѣченію этой безпомощности, а къ ея ослабленію. Хорошее правительство станетъ оказывать здѣсь свою помощь такимъ образомъ, чтобы возбудить и воспитать всякій зародышъ, который обнаружится въ проявленіяхъ частной самодѣятельности. Оно будетъ ревностно заботиться объ устраненіи препятствій и разочарованій въ частной предпримчивости, давая въ случаѣ нужды помощь, указанія и руководство. Оно станетъ употреблять свои денежные средства, если это возможно, на помощь частнымъ усиліямъ, но отнюдь не на подавленіе ихъ. Въ ходъ оно пуститъ для возбужденія такихъ усилій и систему вознагражденій и отличій. Правительственную помощь, даваемую въ случаѣ недостатка частной предпримчивости, надо оказывать такъ, чтобы она служила своего рода воспитательнымъ средствомъ для народа въ искусствѣ выполненія великихъ дѣлъ при помощи индивидуальной энергіи и добровольныхъ союзовъ.

Я не считалъ нужнымъ настаивать въ этой части моего сочиненія на той сторонѣ правительственной дѣятельности, которая всѣми считается необходимой и которая заключается въ воспрещеніи и наказаніи такого образа дѣйствій личностей, пользующихся своей свободою, которая очевидно

вредна для другихъ лицъ, по какимъ-бы причинамъ не происходили эти послѣдствія—въ силу-ли насилія, обмана или небрежности. Даже въ томъ лучшемъ состояніи, котораго теперь достигло общество, прискорбно думать, какъ много усилій и талантовъ въ мірѣ затрачивается на нейтрализованіе вредной дѣятельности другихъ. Истинная цѣль правительства заключается въ уменьшеніи этой пагубной растраты до наименьшаго размѣра; оно должно принимать мѣры, чтобы энергія, расходуемая нынѣ человечествомъ на нанесеніе вреда другъ другу или на предохраненіе себя отъ обидъ, пошла для цѣлей надлежащаго употребленія человѣческихъ способностей, а именно на то, чтобы вся энергія была направлена на подчиненіе силъ природы, на то, чтобы послѣднія все болѣе и болѣе служили цѣлямъ физическаго и нравственнаго блага.

ПОЛНОЕ ОГЛАВЛЕНИЕ.

„ОСНОВАНІЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ“

Д. С. МИЛЛЯ.

Предисловіе автора.—Вступленіе.

КНИГА I.

ПРОИЗВОДСТВО.

ГЛАВА I. Элементы производства. 1. Изъ какихъ элементовъ состоитъ производство.— 2. Значеніе труда въ производствѣ.— 3. Во всѣхъ-ли отрасляхъ промышленности природа въ одинаковой степени помогаетъ труду, или въ однихъ больше, чѣмъ въ другихъ.— 4. Количество однѣхъ силъ природы ограничено, а другихъ практически неограничено.

ГЛАВА II. Трудъ, какъ дѣятель производства. 1. Трудъ бываетъ обращенъ или прямо на производство изготавливаемой вещи, или на приготовительные процессы.— 2. Трудъ, употребляемый на производство пищи, нужной для содержанія работниковъ.— 3. Трудъ, употребляемый на производство матеріаловъ.— 4. Трудъ, употребляемый на выдѣлку инструментовъ, нужныхъ для производства.— 5. Трудъ, употребляемый на охраненіе производства.— 6. Трудъ, употребляемый на перевозку и на доставленіе продукта потребителямъ.— 7. Трудъ воспитанія и обученія человѣческихъ существъ.— 8. Трудъ открывателей и изобрѣтателей.— 9. Трудъ земледѣльческій, фабричный и торговый.

ГЛАВА III. Непроизводительный трудъ. 1. Трудъ не производитъ продуктовъ, но только полезности.— 2. Эти полезности бываютъ трехъ

видовъ.—3. Производительнымъ трудомъ называется такая дѣятельность, которая создаетъ полезности, содержащіяся и воплощенныя въ матеріальныхъ предметахъ.—4. Всякій другой трудъ, какъ бы онъ ни былъ полезенъ, считается непроизводительнымъ.—5. Производительное и непроизводительное потребленіе.—6. Трудъ для производительнаго потребленія и трудъ для непроизводительнаго потребленія.

ГЛАВА IV. Капиталь. 1. Капиталь — богатство, обращающееся на воспроизводство.—2. На производство обращается больше капитала, чѣмъ сколько нужно на самомъ дѣлѣ.—3. Нѣсколько примѣровъ для разъясненія понятія капитала.

ГЛАВА V. Основныя теоремы относительно капитала. 1. Размѣръ промышленности ограниченъ размѣромъ капитала.—2. — но промышленность не всегда достигаетъ и этой границы.—3. Возрастаніе капитала даетъ увеличеніе занятій для труда, не имѣющее границъ.—4. Капиталь — результатъ сбереженія.—5. Всякій капиталъ потребляется.—6. Капиталь поддерживается не чрезъ сохраненіе, а чрезъ постоянное воспроизводство.—7. Отчего страны быстро поправляются послѣ опустошеній.—8. Послѣдствія государственныхъ займовъ, идущихъ на правительственные расходы.—9. Спросъ на товары—не спросъ на трудъ.—10. Предразсудокъ относительно налога на доходы.

ГЛАВА VI. Оборотный и основной капиталъ. 1. Что такое оборотный и основной капиталъ.—2. Увеличеніе основного капитала за счетъ оборотнаго можетъ вредно отражаться на интересахъ работниковъ.—3. — но это бываетъ рѣдко, если только бываетъ когда-нибудь.

ГЛАВА VII. Условія производительности элементовъ производства. 1. Земля, трудъ и капиталъ имѣютъ различную производительность въ разное время и въ разныхъ странахъ.—2. Причины высшей производительности: естественныя преимущества;—3. бѣльшая энергія труда;—4. Высшее искусство и знаніе;—5. высшее умственное и нравственное развитіе и честность во всемъ обществѣ;—6. бѣльшая безопасность.

ГЛАВА VIII. Сотрудничество или сочетаніе труда. 1. Сочетаніе труда — главная причина высшей производительности.—2. Вліяніе раздѣленія занятій на производство.—3. Сочетаніе труда земледѣльческаго населенія съ трудомъ населенія городского.—4. Высшія степени раздѣленія труда.—5. Разъясненіе выгодъ, проистекающихъ отъ большаго раздѣленія занятій.—6. Ограниченія въ возможности раздѣленія труда.

ГЛАВА IX. Производство въ большомъ и производство въ маломъ размѣрѣ. 1. Выгоды большихъ размѣровъ производства въ мануфактурной промышленности.—2. Выгоды и невыгоды акціонерныхъ компаній.—3. Условія, необходимыя для веденія производства въ большихъ размѣрахъ.—4. Сравненіе большихъ и малыхъ земледѣльческихъ фермъ.

ГЛАВА X. Законъ возрастанія труда. 1. Законъ возрастанія производства зависитъ отъ законовъ возрастанія трехъ элементовъ: труда, капитала и производительности земли.—2. Законъ возраста-

нія населенія. 3. Какими задержками практически ограничивается возрастаніе населенія.

ГЛАВА XI. Законъ возрастанія капитала. 1. Средства и побужденія къ сбереженію.—2. Причины, производящія различіе въ дѣятельной силѣ стремленія къ сбереженію.—3. Примѣры недостатка силы въ этомъ стремленіи.—4. Примѣры излишка этой силы.

ГЛАВА XII. Законъ возрастанія продукта отъ земли. 1. Ограниченность пространства земли и ограниченность ея производительности полагаютъ дѣйствительный предѣлъ возрастанію производства.—2. Законъ производительности земли; увеличеніе труда и капитала, прилагаемыхъ къ землѣ, сопровождается не пропорциональнымъ, а меньшимъ увеличеніемъ продуктовъ, получаемыхъ съ этой земли.—3. Принципъ, противодѣйствующій указанному закону уменьшенія выручки отъ земли; прогрессъ улучшеній въ производствѣ.

ГЛАВА XIII. Послѣдствія предъидущихъ законовъ. 1. Средства, помогающія въ тѣхъ случаяхъ, когда расширеніе производства останавливается отъ недостаточнаго стремленія къ накопленію.—2. Необходимость сдерживать возрастаніе населенія существуетъ всегда, а не есть слѣдствіе неравномѣрнаго распредѣленія собственности.—3. Эта необходимость не устраняется ни свободнымъ привозомъ пищи изъ-за границы.—4. — ни колонизаціей.

КНИГА II.

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ.

ГЛАВА I. Собственность. 1. Предварительныя замѣчанія.—2. Положеніе вопроса о собственности.—3. Критика коммунизма.—4. Критика Сенъ-симонизма и Фурьеризма.

ГЛАВА II. Продолженіе. 1. Принципъ собственности заключаетъ въ себѣ право приобрѣтенія по договору;—2. право приобрѣтенія собственности по давности владѣнія;—3. право завѣщанія; но право наследства не заключаетъ въ принципъ собственности. Разсмотрѣніе вопроса о наследствѣ.—4. Можетъ-ли быть ограничиваемо право завѣщанія и какъ?—5. Основанія правъ собственности на землю отличны отъ правъ собственности на движимое имущество.—6. Эти основанія дѣйствительны только при извѣстныхъ условіяхъ, которыя не всегда соблюдаются, ограниченія въ правѣ собственности на землю.—7. Право собственности на злоупотребленія.

ГЛАВА III. Классы, между которыми раздѣляется продуктъ.—1. Продуктъ иногда раздѣляется между тремя классами.—2. Иногда онъ достается нераздѣльно одному классу.—3. Иногда же раздѣляется между двумя классами.

ГЛАВА IV. Соперничество и обычай.—1. Соперничество не является единственнымъ регуляторомъ раздѣла продукта.—2. Вліяніе обычая на ренты и на наемъ земли.—3. Вліяніе обычая на цѣны.

ГЛАВА V. Рабство.—1. Рабство и его вліяніе на рабовъ.—2. Вліяніе его на производство.—3. Дѣйствіе эманципаціи на интересы рабовладельцевъ.

ГЛАВА VI.—Крестьяне-собственники.—1. Разница между английскими и континентальными мнѣніями о крестьянахъ-собственникахъ.—2. Процвѣтаніе земледѣлія и благосостояніе у крестьянъ-собственниковъ въ Швейцаріи.—3. Процвѣтаніе земледѣлія и благосостояніе у крестьянъ-собственниковъ въ Норвегіи.—4. Процвѣтаніе земледѣлія и благосостояніе у крестьянъ-собственниковъ въ Германіи.—5. Процвѣтаніе земледѣлія и благосостояніе у крестьянъ-собственниковъ въ Бельгіи.—6. Процвѣтаніе земледѣлія и благосостояніе у крестьянъ-собственниковъ на островахъ Британскаго канала.—7. Процвѣтаніе земледѣлія и благосостояніе у крестьянъ-собственниковъ во Франціи.

ГЛАВА VII. Продолженіе.—1. Вліяніе принадлежности земли крестьянамъ на энергію промышленности;—2. на народное воспитаніе;—3. на развитіе предусмотрительности и самообладанія.—4. Значеніе ея въ дѣлѣ размноженія населенія.—5. Значеніе ея въ дѣлѣ раздробленія полевыхъ участковъ.

ГЛАВА VIII. Половники.—1. Сущность и различные виды системы половничества.—2. Выгоды и невыгоды ея.—3. Разъясненіе дѣйствія ея въ различныхъ странахъ.—4. Желательно ли ея уничтоженіе?

ГЛАВА IX. Коттеры.—1. Сущность системы коттерства.—2. Въ странахъ съ чрезмѣрно размножающимся населеніемъ необходимымъ послѣдствіемъ коттерства бываютъ только номинальныя ренты съ земли.—3. Послѣднее обстоятельство не даетъ возможности развиваться ни трудолюбію, ни бережливости, ни задержкѣ въ размноженіи населенія.—4. Способъ пользованія землею райотами въ Индіи.

ГЛАВА X. Средства къ уничтоженію коттерства.—1. Ирландскихъ коттеровъ слѣдовало бы обратить въ земледѣльцевъ-собственниковъ.—2. Непримѣнимость этой мѣры при настоящихъ обстоятельствахъ.

ГЛАВА XI. Заработная плата.—1. Заработныя платы зависятъ отъ предложенія труда и спроса на него или отношенія между населеніемъ и капиталомъ.—2. Разборъ нѣкоторыхъ распространенныхъ мнѣній о заработной платѣ.—3. За исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, высокая заработная плата бываетъ только тамъ, гдѣ есть задержки размноженію населенія;—4. въ нѣкоторыхъ странахъ эти задержки установлены положительнымъ закономъ;—5. въ другихъ такой задержкой бываютъ обычаи.—6. Надлежащая задержка въ размноженіи населенія является единственнымъ средствомъ упрочить благосостояніе рабочихъ классовъ.

ГЛАВА XII. Популярныя средства противъ пониженія заработной платы.—1. Определенный закономъ или обычаемъ мѣншимъ заработной платы съ гарантіей работы.—2. Необходимымъ условіемъ этой мѣры должны были бы быть определенныя закономъ задержки размноженію.—3. Благотворительная прибавка къ заработной платѣ.—4. Участковая система.

ГЛАВА XIII. Продолженіе.—1. Вредное направленіе общественнаго мнѣнія относительно принципа населенія.—2. Есть основанія надѣяться, что рабочіе классы исправятъ свои понятія о размноженіи и поймутъ зависимость заработной платы отъ количества населенія.—

3. Есть два средства для улучшения привычекъ рабочаго населенія: воспитаніе;—4. и обширныя мѣры для непосредственнаго возвышенія благосостоянія рабочихъ, состоящія въ колонизаціи: заграничной и внутренней.

ГЛАВА XIV. Различіе заработной платы въ разныхъ занятіяхъ. — 1. Различія въ заработной платѣ, происходящія отъ различныхъ степеней пріятности или привлекательности труда въ разныхъ занятіяхъ. — 2. Различія въ заработной платѣ, происходящія отъ такъ называемыхъ естественныхъ монополій. — 3. Вліяніе на заработную плату класса людей, получившихъ даровое воспитаніе. — 4. Вліяніе на заработную плату соперничества лицъ, имѣющихъ независимое состояніе. — 5. Причины, почему заработная плата женщинамъ бываетъ обыкновенно ниже платы мужчинамъ. — 6. Различія въ заработной платѣ, происходящія отъ ограничивающихъ законовъ и союзовъ между работниками. — 7. Отрасли труда, въ которыхъ плата опредѣляется обычаемъ.

ГЛАВА XV. Прибыль. — 1. Прибыль распадается на три части: процентъ, страховую премію и плату за управленіе. — 2. Минимумъ прибыли и возможные въ немъ колебанія. — 3. Разница прибыли на капиталъ, происходящая отъ различнаго свойства предпріятій, на которыя онъ обращается. — 4. Прибыли стремятся къ равенству во всѣхъ занятіяхъ. — 5. Прибыль не зависитъ отъ цѣнъ и не составляетъ результата покупокъ или продажъ. — 6. Затраты капиталиста состоятъ единственно въ платежѣ заработныхъ платъ. — 7. Норма прибыли зависитъ отъ стоимости труда.

ГЛАВА XVI. Рента. — 1. Рента — результатъ естественной монополіи. — 2. Никакая земля не можетъ давать ренты, если не принадлежитъ по плодородію или по положенію къ сортамъ ея, существующимъ въ меньшемъ количествѣ, сравнительно со спросомъ на нихъ. — 3 и 4. Рента съ какой-нибудь земли есть тотъ излишекъ, которымъ доходъ съ нея превышаетъ доходъ, получаемый съ самой худшей обрабатываемой земли или получаемый съ капитала, употребленнаго въ самыхъ худшихъ обстоятельствахъ. — 5. Плата за капиталъ, употребленный на землю, есть ли рента или прибыль? — 6. Рента не входитъ въ стоимость производства земледѣльческаго продукта.

КНИГА III.

ОБМѢНЪ.

ГЛАВА I. Цѣнность. 1. Предварительныя замѣчанія. — 2. Опредѣленіе внутренней цѣнности, мѣновой цѣнности и цѣны. — 3. Что разумѣется подъ общею покупательною силой? — 4. Цѣнность — понятіе относительное. Общее повышеніе или паденіе цѣнности есть логическая несообразность. — 5. Законы цѣнности сильно видоизмѣняются въ приложеніи ихъ къ розничной торговлѣ.

ГЛАВА II. Отношеніе спроса и предложенія къ цѣнности. — 1. Чтобы вещь имѣла цѣнность, необходимы два условія: полезность вещи и трудность ея полученія. — 2. Трудность полученія вещи

бываетъ трехъ родовъ. — 3. Вещи, количество которыхъ безусловно ограничено. — 4. Законъ цѣнности этихъ вещей, равенство спроса съ предложениемъ. — 5. Различные случаи, подходящіе подъ этотъ законъ.

ГЛАВА III. Стоимость производства и ея отношеніе къ цѣнности.—1. Товары, количество которыхъ можетъ увеличиваться безгранично безъ возрастанія ихъ стоимости. Законъ цѣнности такихъ товаровъ — стоимость ихъ производства. — 2. Ихъ цѣнность опредѣляется не дѣйствительнымъ, но только возможнымъ измѣненіемъ размѣра предложенія.

ГЛАВА IV. Окончательный анализъ стоимости производства.—1. Главный элементъ въ стоимости производства — количество труда, затраченнаго на производство. — 2 и 3. Стоимость производства не можетъ опредѣляться величиною заработной платы, —исключая тѣ случаи, когда въ однихъ занятіяхъ плата бываетъ выше или ниже, чѣмъ въ другихъ.— 4 и 5. Стоимость производства опредѣляется величиною прибыли только въ тѣхъ случаяхъ, когда разные занятія даютъ различную прибыль,—или когда прибыль въ разныхъ занятіяхъ требуется за неодинаковые сроки времени.—6. Случайные элементы въ стоимости производства: налоги и цѣнность недостачи разныхъ матеріаловъ.

ГЛАВА V. Отношеніе ренты къ цѣнности.—1. Товары, количество которыхъ можетъ увеличиться безгранично, но съ возрастаніемъ ихъ стоимости. Законъ ихъ цѣнности — стоимость ихъ производства при самыхъ худшихъ обстоятельствахъ.—2. Такіе товары, если они производятся въ болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, даютъ ренту равную разницѣ стоимости ихъ производства. — 3. Рента съ рудниковъ, рыбныхъ ловель и земель, находящихся подъ строеніями.—4. Разные случаи, когда получается излишекъ прибыли, подобный рентѣ.

ГЛАВА VI. Краткій обзоръ теоріи цѣнности. — 1. Найденные принципы цѣнности, перечисленные въ видѣ ряда краткихъ положеній.—2 и 3. Какъ измѣняется теорія цѣнности, когда работники занимаются производствомъ лишь для собственнаго существованія или когда производство ведется невольническимъ трудомъ.

ГЛАВА VII. Деньги—1. Качества, которыя требуются отъ вещи, могущей служить орудіемъ обмѣна.—2. Золото и серебро имѣютъ въ себѣ эти качества.—3. Деньги служатъ лишь средствомъ для облегченія обмѣна и не измѣняютъ законовъ цѣнности.

ГЛАВА VIII. Цѣнность денегъ въ зависимости отъ уравненія запроса и снабженія.—1. „Цѣнность денегъ“—есть выраженіе двусмысленное.—2. Цѣнность денегъ, при неизмѣнности остальныхъ обстоятельствъ, зависитъ отъ ихъ количества.—3. и вмѣстѣ отъ быстроты ихъ обращенія.—4. Разъясненіе и ограниченіе этого закона.

ГЛАВА IX. Зависимость цѣнности денегъ отъ стоимости производства.—1. Цѣнность денегъ, при свободномъ чеканѣ, соотнобразуется съ цѣною металлическаго слитка, изъ котораго онѣ сдѣланы.—

2. Цѣна металлическихъ слитковъ опредѣляется стоимостью ихъ производства.—3. Какъ относится этотъ законъ къ тому, который изложенъ въ предыдущей главѣ.

ГЛАВА X. Двойная норма и вспомогательная система.—

1. Возраженіе противъ двойной нормы.—2. Какъ можно употреблять два металла для монеты, не дѣлая ихъ обоихъ законнымъ платежнымъ средствомъ (legal tender).

ГЛАВА XI. Кредитъ, какъ замѣна денегъ.—1. Кредитъ не создаетъ, а лишь переноситъ средства.—2. Какимъ образомъ кредитъ помогаетъ производству.—3. Кредитъ уменьшаетъ употребленіе денегъ.—4. Коммерческіе векселя.—5. Долговые росписки.—6. Депозиты и чеки.

ГЛАВА XII. Вліяніе кредита на цѣны.—1. Банковые билеты, векселя и чеки имѣютъ вліяніе на цѣны не сами по себѣ, а какъ кредитъ вообще.—2. Кредитъ есть покупательная сила, подобная деньгамъ.—3. Слѣдствія сильнаго расширенія и уменьшенія кредита. Анализъ явленій коммерческаго кризиса.—4. Векселя сильнѣе дѣйствуютъ на возвышеніе цѣнъ, чѣмъ кредиты по книгѣ, а банковые билеты еще сильнѣе векселей.—5. Но эта разница между ними не имѣетъ большой практической важности.—6. Чеки или записки на банкировъ представляютъ столь же сильное орудіе для возвышенія цѣнъ, какъ и банковые билеты.—7. Банковые билеты должны ли считаться деньгами?—8. Между банковыми билетами и другими формами кредита нѣтъ существенной разницы.

ГЛАВА XIII. Неразмѣнные бумажные деньги.—1. Цѣнность неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ, зависящая отъ ихъ количества, можетъ быть опредѣляема произвольно.—2. Если неразмѣнные бумажные деньги регулируются цѣною золота и серебра, то онѣ безвредны, но и не даютъ никакихъ выгодъ.—3. Опроверженіе мнѣнія, будто неразмѣнные бумажные деньги безвредны, если онѣ представляютъ собою дѣйствительное имущество.—4. Опроверженіе мнѣнія, будто бы увеличеніе количества денегъ оживляетъ промышленность.—5. Упадокъ цѣнности денегъ есть налогъ на товары и грабежъ кредиторовъ.—6. Опроверженіе доводовъ, высказываемыхъ въ пользу этого грабежа.

ГЛАВА XIV. Излишекъ снабженія.—1. Возможенъ ли вообще излишекъ снабженія товарами.—2. Снабженіе товарами вообще никогда не можетъ превысить покупательной силы.—3. Также не можетъ превысить и желанія потреблять ихъ.—4. Источникъ мнѣнія объ излишкѣ снабженія и опроверженіе его.

ГЛАВА XV. Мѣра цѣнности.—1. Въ какомъ смыслѣ возможна мѣра мѣновой цѣнности.—2. Мѣра стоимости производства.

ГЛАВА XVI. Частные случаи, относящіеся къ нѣкоторымъ предметамъ.—1. Цѣнность товаровъ, которые имѣютъ общую стоимость производства.—2. Цѣнность разныхъ сортовъ земледѣльческихъ продуктовъ.

ГЛАВА XVII. Международная торговля.—1. Стоимость производства не служитъ регуляторомъ международныхъ цѣнностей.—2. Международный обмѣнъ товаровъ между различными странами опредѣляется не абсолютною стоимостью ихъ производства, но сравнительною.—

4. Прямая выгода международной торговли состоитъ въ томъ, что она даетъ успѣшнѣйшее занятіе производительнымъ силамъ всѣхъ странъ,—4. а не въ томъ, что она представляетъ путь для вывоза или даетъ барыши купцамъ.—5. Непрямыя выгоды международной торговли, экономическія и моральныя, еще больше, чѣмъ прямыя.

ГЛАВА XVIII. Международныя цѣнности.—1. Цѣнность ввозимыхъ товаровъ зависитъ отъ условій международного обмѣна.—2. А эти условія зависятъ отъ уравненія международного запроса.—3. Вліяніе стоимости провоза на международныя цѣнности.—4. Законъ цѣнности, имѣющій силу между двумя странами и относительно двухъ товаровъ, вполне прилагается и къ большому числу странъ и товаровъ.—5. Вліяніе улучшеній въ производствѣ на международныя цѣнности.—6. Изложенная теорія неполна.—7. Международныя цѣнности зависятъ не только отъ количества требуемыхъ въ каждой странѣ ввозныхъ товаровъ, но и отъ средствъ производства, какія она имѣетъ для снабженія иностранныхъ рынковъ.—8. Практическіе результаты мало измѣняются отъ вліянія этого дополнительнаго элемента.—9. Отъ чего зависитъ стоимость, по какой извѣстная страна получаетъ ввозные товары.

ГЛАВА XIX. Деньги какъ ввозный товаръ.—1. Деньги ввозятся двумя способами: какъ товаръ и какъ орудіе обмѣна.—2. Какъ товаръ, онѣ подчиняются тѣмъ же законамъ цѣнности, какъ и прочіе ввозимые товары.—Цѣнность ихъ не зависитъ исключительно отъ стоимости ихъ производства въ рудникахъ.

ГЛАВА XX. Заграничныя обмѣны.—1. Цѣли, для которыхъ деньги пересылаются изъ одной страны въ другую какъ орудіе обмѣна.—2. Способъ производства международныхъ платежей посредствомъ векселей.—3. Различіе между тѣми колебаніями въ вексельномъ курсѣ, которыя уравниваются сами собою, и тѣми, которыя уравниваются только измѣненіемъ цѣны.

ГЛАВА XXI. Распредѣленіе золота и серебра по торговому свѣту. — Употребленіе денегъ при обмѣнѣ не производитъ измѣненій въ ввозѣ и вывозѣ, ни въ законѣ международныхъ цѣнностей.—2. Дальнѣйшее разъясненіе предшествующей теоремы.—3. Драгоценныя металлы въ видѣ денегъ имѣютъ ту же цѣнность и распредѣляются по тому же закону, какъ и благородные металлы въ видѣ товара.—4. Международныя уплаты, происходящія не изъ торговли.

ГЛАВА XXII. Вліяніе денежной системы на обмѣны и на внѣшнюю торговлю.—1. Колебанія въ обмѣнѣ, происходящія отъ денегъ.—2. Послѣдствія внезапнаго умноженія звонкой монеты или внезапнаго выпуска въ большомъ количествѣ банковыхъ билетовъ, или другихъ бумагъ, замѣняющихъ деньги.—Послѣдствія увеличенія количества неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ. Реальный и номинальный вексельный курсъ.

ГЛАВА XXIII. О величинѣ процента.—1. Величина процента зависитъ отъ спроса и предложенія на ссуды.—2. Обстоятельства, опредѣляющія постоянный спросъ и предложеніе на ссуды.—3. Обстоятельства, опредѣляющія колебанія въ этомъ спросѣ и предложеніи.—4. Величина процента не связана съ цѣнностью денегъ, но часто

смѣшивается съ нею.—5. Отъ величины процента зависятъ цѣны на землю и на процентныя бумаги.

ГЛАВА XXIV. Регулированіе размѣниваемыхъ бумажныхъ денегъ.—1. Двѣ противоположныя теоріи о вліяніи банковыхъ билетовъ.—2. Разборъ каждой изъ нихъ.—3. Актъ 1844 г. о регулированіи бумажныхъ денегъ дѣйствительно производитъ часть благодѣтельныхъ послѣдствій, какія онъ имѣетъ въ виду.—4. Но невыгодъ отъ него гораздо больше.—5. Нужно ли предоставить выпускъ банковыхъ билетовъ только одному учрежденію.—6. Нужно ли охранять владѣльцевъ банковыхъ билетовъ какимъ нибудь особымъ способомъ отъ послѣдствій прекращенія банками платежей.

ГЛАВА XXV. Соперничество разныхъ странъ на одномъ рынкѣ.—1. Причины, почему одна сторона можетъ продавать свои товары дешевле, чѣмъ другая.—3. Низшая заработная плата—одна изъ этихъ причинъ,—4. но только тогда, когда она бываетъ низка въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ отрасляхъ промышленности,—4. а не тогда, когда она бываетъ низка вообще во всѣхъ отрасляхъ.—5. О нѣкоторыхъ ненормальныхъ случаяхъ веденія торговли обществами.

ГЛАВА XXVI. Распредѣленіе подъ вліяніемъ обмѣна.—1. Отъ обмѣна и денегъ не измѣняется законъ заработной платы.—2. не измѣняется и законъ ренты.—3. и законъ прибыли.

КНИГА IV.

ВЛІЯНІЕ ПРОГРЕССА ОБЩЕСТВА НА ПРОИЗВОДСТВО И РАСПРЕДѢЛЕНІЕ.

ГЛАВА I. Характерныя черты общества, которое обогащается.—1. Предварительныя замѣчанія.—2. Прогрессивное движеніе общества увеличиваетъ власть человѣка надъ силами природы, его безопасность и способность къ соединенному дѣйствованію.

ГЛАВА II. Вліяніе прогресса промышленности и населенія на цѣнности и цѣны.—1. Тенденція къ уменьшенію цѣнности и стоимости производства всѣхъ товаровъ,—2. исключая земледѣльческихъ продуктовъ и матеріаловъ, добываемыхъ изъ рудниковъ; эти товары напротивъ возрастаютъ въ цѣнности отъ увеличенія стоимости ихъ производства.—3. Но это возрастаніе по временамъ задерживается улучшеніями въ производствѣ.—4. Прогрессъ общества умѣряетъ колебанія цѣнностей.—5. Вліяніе на цѣнности и цѣны спекулянтовъ и въ частности хлѣбныхъ торговцевъ.

ГЛАВА III. Вліяніе прогресса промышленности и населенія на ренту, прибыль и рабочую плату.—1. Первый случай: населеніе возрастаетъ, а капиталъ неподвиженъ.—2. Второй случай: капиталъ возрастаетъ, а населеніе неподвижно.—3. Третій случай: населеніе и капиталъ возрастаютъ въ одинаковой пропорціи, а производительное искусство неподвижно.—4. Четвертый случай: производительное искусство идетъ прогрессивно, а капиталъ и населеніе неподвижны.—5. Пятый случай: всѣ три элемента идутъ прогрессивно.

ГЛАВА IV. Тенденція прибыли къ минимуму. — 1. Доктрина Адама Смита о соперничествѣ капитала. — 2. Доктрина Уэкфильда о пользѣ занятія. — 3. Отчего зависитъ минимумъ прибыли. — 4. Въ богатыхъ странахъ прибыль обыкновенно близка къ минимуму. — Дальнѣйшему же паденію прибыли мѣшаютъ: коммерческіе кризисы, — 6. улучшения въ производствѣ, — 7. ввозъ дешевыхъ предметовъ необходимости и инструментовъ, — 8. эмиграція капитала.

ГЛАВА V. Результаты тенденціи прибыли къ минимуму. — 1. Вычетъ изъ капитала не всегда бываетъ національной потерей. — 2. Въ богатыхъ странахъ умноженіе машинъ не убыточно, а выгодно для рабочихъ классовъ.

ГЛАВА VI. Неподвижное состояніе. — 1. Политико-экономы боятся неподвижнаго состоянія богатства и населенія и не желаютъ его наступленія. — 2. Но само по себѣ оно было бы желательно.

ГЛАВА VII. Вѣроятная будущность рабочихъ классовъ. — 1. Теорія зависимости и покровительства неприменима къ современному состоянію общества. — 2. Будущее благосостояніе рабочихъ классовъ главнымъ образомъ зависитъ отъ ихъ умственнаго развитія. — 3. Вѣроятныя послѣдствія умственнаго развитія скажутся въ болѣе расчетливомъ размноженіи населенія, — чему будетъ содѣйствовать и общественная независимость женщинъ. — 4. Въ современныхъ обществахъ обнаруживается стремленіе къ устраненію отношеній, которыя заключаются въ наймѣ съ одной стороны и въ выполненіи работы въ качествѣ наемника съ другой. — 5. Примѣры ассоціацій работниковъ съ капиталистами. — 6. Примѣры ассоціацій однихъ работниковъ между собою. — 7. Соперничество невредно, но полезно и необходимо.

КНИГА V.

ВЛІЯНІЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

ГЛАВА I. О функціяхъ правительства вообще. — 1. Различіе между необходимыми и возможными функціями правительства. — 2. Многообразный характеръ необходимыхъ функцій правительства. — 3. Раздѣленіе предмета.

ГЛАВА II. Общія принципы системы налоговъ. — 1. Четыре основныя правила налогового обложенія. — 2. Принципъ равенства налоговъ и его основанія. — 3. Нужно ли брать въ качествѣ налога одинаковый процентъ со всякаго количества доходовъ. — 4. Нужно ли брать одинаковый процентъ съ вѣчныхъ и временныхъ доходовъ. — 5. Увеличеніе поземельной ренты, происходящее отъ естественныхъ причинъ, должно подлежать особому налогу. — 6. Поземельный налогъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ не — налогъ, а плата аренды въ пользу публики. — 7. Налогъ на капиталъ не всегда вреденъ.

ГЛАВА III. Прямые налоги. — 1. Прямые налоги берутся или съ дохода или съ расхода. — 2. Налогъ на ренту. — 3. Налогъ на прибыль. — 4. Налогъ на заработную плату. — 5. Налогъ на доходы. — 6. Налогъ на дома.

ГЛАВА IV. Налоги на товары. — 1. Налогъ на всѣ товары падалъ бы на прибыль. — 2. Но налогъ только на нѣкоторые товары падаетъ на потребителей. — 3. Особенныя послѣдствія налоговъ на пред-

меты необходимости. — 4. Какъ измѣняются эти послѣдствія тенденціею прибыли къ минимуму. — 5. Вліяніе пошлинъ, налагаемыхъ не на товаръ, а на какой нибудь способъ его полученія. — 6. Вліяніе на международный обмѣнъ пошлинъ съ вывоза и съ ввоза.

ГЛАВА V. Нѣкоторые другіе налоги. — 1. Пошлина съ договоровъ или контрактовъ. — 2. Налоги на средства сообщенія. — 3. Судебныя пошлины. — 4. Налоги на покрытіе мѣстныхъ издержекъ.

ГЛАВА VI. Сравненіе между прямыми и косвенными налогами. — 1. Доказательства за и противъ прямыхъ налоговъ. — 2. Какія формы косвенныхъ налоговъ лучше. — 3. Практическія правила для косвенныхъ налоговъ.

ГЛАВА VII. Національный долгъ. — 1. Полезно ли прибѣгать къ займамъ для покрытія чрезвычайныхъ государственныхъ издержекъ? — 2. Невыгодно погашать національный долгъ посредствомъ общей контрибуціи. — 3. Въ какихъ случаяхъ выгодно удерживать излишекъ доходовъ для погашенія долга.

ГЛАВА VIII. Обыкновенныя правительственныя функціи со стороны своего экономическаго вліянія. — 1. Послѣдствія несовершенной обеспеченности личности и собственности. — 2. Послѣдствія чрезмѣрныхъ налоговъ. — 3. Послѣдствія несовершенноства законовъ и судовъ.

ГЛАВА IX. Продолженіе. — 1. Законы о наслѣдствѣ. — 2. Законъ и обычай первородства. — 3. Субституціи. — 4. Законъ обязательнаго раздѣленія наслѣдства поровну. — 5. Законы о товариществѣ. — 6. Товарищества съ ограниченою отвѣтственностью. — 7. Товарищества коммандитныя. — 8. Законы о несостоятельности.

ГЛАВА X. Случаи правительственнаго вмѣшательства, происходящаго отъ ложныхъ теорій. — 1. Доктрина покровительства естественной промышленности. — 2. Законы о процентахъ. — 3. Попытка регулировать цѣны товаровъ. — 4. Монополіи. — 5. Законы противъ соглашеній между работниками. — 6. Стѣсненіе общественнаго мнѣнія и права его выраженія.

ГЛАВА XI. Основанія и границы системы *laissez-faire* или принципа невмѣшательства. — 1. Раздѣленіе правительственнаго вмѣшательства на повелительное и неповелительное. — 2. Возраженія противъ правительственнаго вмѣшательства: принудительный характеръ самаго вмѣшательства, или принудительное взиманіе денегъ на содержаніе его. — 3. Другія возраженія: увеличеніе занятій и отвѣтственности правительства. — 4 и 5. Большая успѣшность частной дѣятельности, происходящая отъ большей заинтересованности въ дѣлѣ; важность развитія въ народѣ способностей къ соединенной дѣятельности. — 6. *Laissez-faire* должно быть общимъ правиломъ. — 7. Но оно подлежитъ широкимъ ограниченіямъ; и подъ него не подходятъ слѣдующія случаи. Случаи, въ которыхъ потребитель не можетъ быть лучшимъ судьей потребляемыхъ товаровъ. Воспитаніе. — 8. Случаи, гдѣ одно лицо имѣетъ власть надъ другими. Покровительство дѣтямъ и несовершеннолѣтнимъ; законы объ обращеніи съ животными. Женщины не подходятъ подъ эти случаи. — 9. Договоры на вѣчность. — 10. Управление черезъ повѣренныхъ. — 11. Случаи, въ которыхъ общественное вмѣшательство

необходимо для того, чтобы дать силу желаніямъ заинтересованныхъ лицъ. Примѣры: условія о числѣ рабочихъ часовъ; заселеніе колоній.—12. Случаи, гдѣ извѣстное лицо совершаетъ дѣйствія не въ свою пользу, а въ пользу другихъ. Законы о бѣдныхъ.—13. Колонизація.—14. Другіе различные примѣры.—15. Правительственное вмѣшательство можетъ быть необходимо при недостаткѣ частной дѣятельности въ такихъ случаяхъ, гдѣ бы эта частная дѣятельность вообще могла быть болѣе успѣшною.

Приложеніе.

Извлеченіе изъ трехъ статей Morning Chronicle (1847), служившихъ возраженіемъ Мунье и Робишону, а также и журналу Quarterly Review, по вопросу о раздробленности поземельной собственности во Франціи. Въ послѣдующихъ изданіяхъ это приложеніе опущено.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

стр.	стр.	св.	<i>напечатано</i>	<i>слѣдуетъ читать</i>
1	13		по временамъ,	по временамъ
50	5		мануфактурный	фабричный
69	2		неимѣющее	не имѣющее
71	19		предложимъ	предположимъ
77	27		оно	капиталъ
84	18		поправляются	оправляются
99	30		исключенія	исключеніе
122	12		другихъ	другихъ
294	14		будеть	будить

ЖАНЪ БАТИСТЪ СЭ.

БИБЛІОТЕКА ЭКОНОМИСТОВЪ.

РЕДАКЦІЯ: *М. Щепкинъ.—И. Вернеръ.*

ВЫШЛИ:

Адамъ Смитъ.

Давидъ Рикардо.

Томасъ Мальтусъ.

Джонъ Стюартъ Милль.

Давидъ Юмъ.

Геремія Бентамъ.

Франсуа Кенэ.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Ж. Тюрго и физиократы.

Ф. Лешлэ.

Симондъ де-Сисмонди.

Мано-Тамистъ Сс.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Отъ редакціи	I—X
Жизнь и труды Ж.-Б. Сэ	I—XI

Трактатъ политической экономіи.

I. Польза политической экономіи	1
II. Что такое производство	12
III. Операціи, общія всѣмъ отраслямъ промышленности . .	17
IV. Употребленіе машинъ	26
V. Теорія сбыта	35
IV. Свойство и употребленіе денегъ	50
VII. Прибыль съ капитала и заработная плата	58
VIII. Частное потребленіе	80
IX. Потребленіе общественное	99

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Посвящая настоящій выпускъ „Библиотеки“ вы-
браннымъ мѣстамъ изъ сочиненій двухъ старѣй-
шихъ и выдающихся французскихъ экономистовъ,
пользовавшихся въ свое время наибольшимъ влі-
яніемъ, редакция считаетъ не бесполезнымъ пред-
послать здѣсь этому выпуску нѣсколько объясни-
тельныхъ словъ.

Вообще, французскіе экономисты утратили у насъ
свою репутацію. Какъ въ прежнее время прида-
вали имъ настолько выдающееся значеніе, что при-
глашали въ Москву даже наименѣе важныхъ изъ
ихъ представителей, для водворенія публичными
лекціями *здравыхъ экономическихъ понятій* въ рус-
скомъ обществѣ; такъ, наоборотъ, теперь низвер-
гаются съ пьедесталовъ даже такіе писатели, ко-
торые по своимъ несомнѣннымъ заслугамъ достойны
особой признательности. Вотъ два довольно яркіе
примѣра такого болѣе чѣмъ страннаго обращенія
съ писателемъ, справедливо считавшимся когда-то
первокласснымъ служителемъ экономической науки.

Когда Ж.-Б. Сэ издалъ свой „Трактатъ поли-
тической экономіи“, то Д. Рикардо, самый глубо-
кій изслѣдователь экономическихъ явленій, поло-
жившій своимъ строго дедуктивнымъ методомъ из-
слѣдованія незыблемое основаніе науки, далъ та-

кой отзывъ объ этомъ „превосходномъ“ сочиненіи. „Сэ былъ первымъ, или однимъ изъ первыхъ писателей на континентѣ, вѣрно излагавшимъ и примѣнявшимъ начала Адама Смита, и болѣе чѣмъ кто-нибудь изъ иностранныхъ писателей, вмѣстѣ взятыхъ, содѣйствовалъ разъясненію европейскимъ народамъ общихъ началъ этой прекрасной и благодѣтельной системы и въ особенности успѣлъ расположить отдѣльныя части этой науки въ логическомъ и поучительномъ порядкѣ и обогатить ее многими оригинальными, точными и глубокими изслѣдованіями *). Но уваженіе, которое я питаю къ трудамъ этого писателя, не помѣшало мнѣ однако, въ интересахъ науки, сдѣлать свои замѣчанія на тѣ мѣста его сочиненія, которыя представлялись мнѣ несогласными съ моими собственными выводами“ **). Такой простой, искренній отзывъ одного изъ корифеевъ науки не понравился его русскому переводчику, который призналъ его недостойнымъ такъ-сказать олимпійскаго величія Рикардо. И вотъ къ приведенному отзыву знаменитаго экономиста г. Зиберъ дѣлаетъ отъ себя такое примѣчаніе: „въ виду того, что Рикардо почти нигдѣ въ своихъ сочиненіяхъ не соглашается съ мнѣніями Сэ, а напротивъ, относится къ нимъ болѣею частью иронически, настоящій диѳирамбъ автора французскому экономисту слѣдуетъ приписать гораздо болѣе соображеніямъ въжливости, чѣмъ дѣйствительной

---

*) „Гл. XV, ч. 1—„О сбытѣ“—Des débouchés, въ особенности содержитъ въ себѣ многія весьма важныя начала, которыя, какъ мнѣ кажется, въ первый разъ изложены этимъ выдающимся писателемъ“.

**) См. II выпускъ нашей „Библіотеки“, посвященный Давиду Рикардо, стр. XXXIV.

высокой оцѣнкѣ“ *). Только нежеланіе быть безпристрастнымъ и справедливымъ къ несимпатичному писателю могло побудить русскаго переводчика заподозрить даже такой высоко-научный авторитетъ, какъ Рикардо, въ томъ, что онъ, при обсужденіи научныхъ трудовъ, руководился недостойными его высокаго значенія соображеніями французской салонной вѣжливости. Необдуманно направивъ свой ударъ на *ничтожнаго* писателя, русскій переводчикъ оказался не особенно бережнымъ и осмотрительнымъ по отношенію къ тому авторитету, который взялся оберечь отъ неосторожной похвалы французскому экономисту. Ударъ г. Зиберы попалъ не въ ту цѣль, на которую онъ мѣтилъ.

Другой русскій публицистъ, не изъ числа самостоятельныхъ и оригинальныхъ двигателей науки, г. Жуковскій, посвятилъ Ж.-Б. Сэ особую главу въ своемъ обширномъ сочиненіи по исторіи политической литературы. Отрицая за авторомъ „Трактата политической экономіи“ всякое научное значеніе и даже отвергая въ немъ способность наблюденія, свойственную первокласснымъ писателямъ, русскій публицистъ даетъ о немъ такой отзывъ:

„Но вмѣстѣ съ отсутствіемъ первоклассныхъ внутреннихъ достоинствъ Сэ въ значительной степени обладалъ тѣми *внѣшними* качествами, которыя дѣлаютъ писателя привлекательнымъ для читающаго большинства. Легкій слогъ, поверхностное изложеніе предмета, отсутствіе всякой потребности вду-

---

*) См. „Сочиненія Давида Рикардо“. Пер. Н. Зиберы. С.-Пб. 1882. Примѣчаніе къ „Предисловію“ Рикардо. Стр. III.

мываться въ глубину вещей и вопросовъ и готовность всегда замѣнить фразой дѣло тамъ, гдѣ разсмотрѣніе самаго дѣла повело-бы къ трудностямъ, все это весьма приходится по сердцу читателю, который видитъ возможность знакомиться съ наукой на довольно льготныхъ условіяхъ. Все это и сдѣлало изъ Сэ того милаго, свѣтскаго, прекраснаго человѣка, котораго всякій встрѣчаетъ съ радужной улыбкой и всякій-же готовъ превозносить какъ человѣка, въ которомъ каждая черта характера льститъ нашимъ личнымъ вкусамъ и склонностямъ. Сэ сталъ такимъ образомъ популяризаторомъ экономическаго направленія, сдѣлалъ изъ экономической науки науку гостинную, свѣтскую. Въ то время какъ большинство образованныхъ людей не преодолѣетъ изъ Рикардо трехъ страницъ сряду, почти нѣтъ свѣтскаго полуобразованнаго франта, который не прочель-бы Сэ, неотрываясь и подъ-рядъ, который не вынесъ-бы изъ него, правда, поверхностныхъ, но ясныхъ свѣдѣній о воззрѣніяхъ школы“. Въ то-же время г. Жуковскій великодушно допускаетъ, что „оба сочиненія“ Сэ, т. е. и „Трактатъ“, и „Полный курсъ“ политической экономіи, „представляютъ сами по себѣ весьма полезный сводъ воззрѣній экономическаго направленія, въ которомъ нашли свое дополнительное разсмотрѣніе тѣ болѣе уже частныя, хотя и не менѣе любопытныя части экономической науки, которыя оставлены были или совершенно въ сторонѣ въ трудахъ такихъ спеціальныхъ изслѣдователей, какъ Рикардо или Мальтусъ, или о которыхъ было упомянуто только вскользь“ *).

*) „См. Исторія политической литературы XIX-го столѣтія“. Т. I. С.-ПБ. 1871. Гл. VIII. Стр. 391—392.

Какой странный, исполненный противорѣчій отзывъ. Прежде всего недоумѣваешь, какимъ образомъ писатель, не обладающій ни способностью наблюдать, ни даже потребностью вдумываться въ свое дѣло, а умѣющій только легко и привлекательно писать и, гдѣ нужно, фразой замѣнять сущность дѣла, т. е. скорѣе развращающій, чѣмъ обогащающій знаніями публику, — какимъ образомъ такой писатель можетъ быть признанъ популяризаторомъ экономическаго направленія, такъ что не было свѣтскаго франта, который-бы не прочелъ этого писателя и не вынесъ изъ него ясныхъ свѣдѣній о воззрѣніяхъ школы; — наконецъ, какимъ образомъ такой, можно сказать, убогій писатель можетъ быть признанъ по нѣкоторымъ своимъ изслѣдованіямъ отдѣльныхъ частей науки дополнителемъ столь сильныхъ авторитетовъ, какъ Рикардо и Мальтусъ.

Издавая въ краткомъ извлеченіи Сэ, редакція не сочла себя въ правѣ умолчать о подобныхъ отзывахъ. Но не будемъ смущаться ими, такъ какъ болѣе близкое знакомство съ исторіей приведетъ всякаго безпристрастнаго читателя къ инымъ заключеніямъ. Въ этомъ отношеніи не бесполезно было-бы для нашихъ читателей заглянуть въ „Исторію политической экономіи“ Бланки, гдѣ въ короткой XXXIX главѣ, посвященной характеристикѣ Ж.-Б. Сэ и „его доктринѣ“, они найдутъ отзывъ прямо противоположный двумъ вышеприведеннымъ мнѣніямъ русскихъ публицистовъ. Мы охотно ссылаемся на этого писателя потому, что его, по нѣкоторой социалистической окраскѣ направленія, менѣе чѣмъ кого-либо можно заподозрить въ односторон-

ней приверженности къ такъ-называемой чистой экономической доктринѣ, а также и потому, что названное сейчасъ сочиненіе его настойчиво рекомендуется для прочтенія составителямъ „Программы“ для домашняго чтенія по политической экономіи. Какъ-же относятся Бланки къ старѣйшему изъ французскихъ экономистовъ? Не вдаваясь ни въ какія подробности, приводимъ здѣсь на справку лишь слѣдующія мѣста изъ его „Исторіи“.

„Изданіемъ „Трактата политической экономіи“ созданъ дѣйствительно въ Европѣ простой строго научный методъ для изученія политической экономіи... Главная заслуга этого сочиненія состоитъ въ томъ, что въ немъ точно опредѣлены основанія науки. Ж.-Б. Сэ отдѣлилъ ее отъ политики, съ которою постоянно смѣшивали ее экономисты XVIII стол., и отъ администраціи, съ которою нѣмцы считали ее нераздѣльною... Сколько возраженій ни возникало потомъ по нѣкоторымъ отдѣльнымъ пунктамъ его ученій, а теперь всѣми признано превосходство его метода надъ всѣми другими современными ему методами“. Перечисляя заслуги Сэ по отдѣльнымъ частямъ его изслѣдованія, и въ особенности въ теоріи сбыта, Бланки замѣчаетъ, между прочимъ, что Сэ приходилось вступать въ жаркій споръ съ самыми славными учеными экономистами своего времени. „Мальтусъ, Рикардо, Сисмонди, Шторхъ опровергали важныя положенія его по многимъ пунктамъ его ученія; но всѣ они согласно признавали въ немъ неутомимаго борца науки и самаго выдающагося популяризатора ея, послѣ Адама Смита“.

Наконецъ, намъ пріятно привести здѣсь дословно

еще слѣдующій отзывъ нашего заслуженнаго профессора политической экономіи въ московскомъ университетѣ, А. И. Чупрова, горячаго поклонника Рикардо, „какъ величайшаго теоретика“ въ этой наукѣ, и приверженца впервые примененнаго имъ дедуктивнаго метода извѣдованія. Вотъ что читалъ онъ своимъ слушателямъ въ 1889—90 академическомъ году:

„Во Франціи самымъ крупнымъ распространителемъ идей Адама Смита и главою ранней школы французскихъ экономистовъ былъ извѣстный Ж.-Б. Сэ, авторъ двухъ большихъ трактатовъ (*Traité d'économie politique* 1803 г. и *Cours d'économie pratique*, 1828 г.). Сэ первый по времени систематикъ въ области политической экономіи; въ своемъ *Traité d'économie politique* онъ впервые переработалъ всю область науки въ стройное, легко доступное обзорѣнію цѣлое; развилъ нѣкоторыя положенія, исправилъ отдѣльныя ученія и въ то-же время обогатилъ науку нѣкоторыми самостоятельными ученіями и оригинальными изслѣдованіями (особенно извѣстны его теорія рынковъ и теорія кризисовъ). Сочиненія Сэ, имѣвшія въ свое время такой огромный успѣхъ, что знакомство съ ними считалось едва-ли не необходимою принадлежностью хорошаго воспитанія, не представляютъ, конечно, той глубины и оригинальности мысли, какія мы встрѣчаемъ у Смита и Рикардо; но они обнаруживаютъ несомнѣнно значительную наблюдательность автора, ясность мысли, замѣчательную талантливость и изящество изложенія“ *).

*) См. курсъ политической экономіи А. И. Чупрова, читанный въ 1889—90 гг., стр. 305. Къ сожалѣнію, болѣе поздняго курса мы подъ руками не имѣемъ.

Итакъ, на все свое время и всякому свое мѣсто во времени. Чтобы справедливо судить о писателяхъ, отжившихъ свой вѣкъ, но еще продолжающихъ жить въ своихъ потомкахъ, нельзя руководствоваться только современными теоріями и воззрѣніями, а надо принимать въ соображеніе всю совокупность условій мѣста и времени, среди которыхъ приходилось дѣйствовать этимъ писателямъ. Это—слишкомъ простая и давно извѣстная истина, невѣдѣніе которой и вызываетъ тѣ крупныя ошибки, тѣ слишкомъ односторонніе и предвзятые приговоры, которыми погрѣшили наши русскіе публицисты, такъ легко отвергающіе наставленія исторіи. Не забудемъ, что „Трактатъ политической экономіи“ Сэ былъ изданъ въ первый разъ въ 1803 г., т.-е. 92 года тому назадъ и лишь черезъ 22—23 года послѣ изданія знаменитаго творенія Смита, когда самое названіе науки едва проскользнуло въ немъ въ видѣ исключенія и никакого общаго, цѣльнаго образа ея еще не представлялось. Ж.-Б. Сэ, какъ ближайшій истолкователь и распространитель Смита, первый вырисовалъ рельефными чертами этотъ образъ, опредѣлилъ задачу и объемъ политической экономіи, какъ науки о *производствѣ, распредѣленіи и потребленіи богатства*. Богатство, по ученію Сэ, производится при посредствѣ трехъ главныхъ отраслей человѣческаго труда—земледѣлія, промышленности и торговли. Природа, трудъ и капиталъ суть три главныя орудія производства, сбереженіе и накопленіе создаетъ капиталы, собственность обезпечиваетъ свободное пользованіе двумя другими орудіями. Трудъ человѣка, комбинирован-

ный съ силами природы и машинами, даетъ жизнь всей совокупности этихъ источниковъ, изъ которыхъ рождается богатство, составляющее главную основу общественнаго благосостоянія *).

Начертаніемъ общей задачи и объема науки о производствѣ, распредѣленіи и потребленіи богатства, на основаніи общихъ принциповъ, возвѣщенныхъ Ад. Смитомъ, опредѣляется и выдающееся историческое значеніе трудовъ Ж.-Б. Сэ, заслужившаго почетное имя старѣйшаго учителя политической экономіи на континентѣ. Къ Сэ примыкаетъ цѣлый рядъ талантливыхъ писателей и ученыхъ — Бланки, авторъ „знаменитой“ исторіи политической экономіи, Дюнойе, авторъ трактата о свободѣ труда, Ж. Гарнье, Росси, Мишель-Шевалье, извѣстный своими изслѣдованіями о деньгахъ и путяхъ сообщенія, Курсель-Сенель, авторъ руководства къ практическому изученію предпріятій промышленныхъ, торговыхъ и земледѣльческихъ, Поль-Леруа Болье, еще не давно издавшій свое сочиненіе о распредѣленіи богатствъ; старѣйшимъ изъ этихъ писателей былъ современникъ Сэ, Симондъ де-Сисмонди, занимающій по своей оригинальности особое мѣсто среди писателей ранней французской школы **). Наконецъ, къ нимъ примыкаетъ и Фр. Бастіа, даровитый приверженецъ идей свободной торговли и неутомимый боецъ и популяризаторъ экономической свободы, которую онъ съ необычайною горячностью отстаивалъ во Франціи отъ нападокъ правительствъ, такъ быстро смѣнявшихъ другъ друга послѣ реставра-

*) См. Бланки, тамъ-же.

***) См. тѣ-же лекціи проф. Чупрова.

ціи 1815 г. и тщетно созидавшихъ общественное благостояніе на началахъ протекціонизма, монополии и всяческихъ стѣсненій. Съ другой стороны, значительная часть блестящихъ памфлетовъ Бастіа были внушены тѣмъ новымъ революціоннымъ движеніемъ, которое въ 1848 г. охватило собою всю Францію, и направлена противъ многочисленныхъ проектовъ тогдашнихъ соціалистовъ и коммунистовъ по переустройству общества на новыхъ началахъ. Въ этомъ отношеніи Бастіа былъ истымъ французомъ своего вѣка и тогдашнимъ экономическимъ положеніемъ его отечества исчерпывается все содержаніе его высоко талантливыхъ полемическихъ очерковъ.

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ Ж.-Б. Сэ.

Ж.-Б. Сэ родился въ Лионѣ 5 января 1767 г. Семейство его было родомъ изъ Нима, протестантскаго вѣроисповѣданія. Еще въ концѣ XVII столѣтія предки его должны были, вслѣдствіе отмѣны нантскаго едикта, выѣхать изъ этого города и поселились въ Женевѣ. Ж.-Э. Сэ, отецъ экономиста, занимался въ Лионѣ торговлею, и несмотря на свою практическую дѣловитость, заботился о томъ, чтобы дать сыну широкое общее образованіе. Но нѣкоторыя семейныя неудачи прервали это воспитаніе: молодой Сэ, не окончивъ своего образованія, долженъ былъ послѣдовать за отцемъ въ Парижъ и тамъ, посвятивъ себя работѣ въ коммерческой конторѣ, долго боролся съ нуждою. Къ счастью, для него явилась возможность уѣхать съ братомъ въ Англію, гдѣ онъ и окончилъ свое образованіе. Кипучая дѣятельность промышленная и торговая, которой молодой Сэ былъ живымъ свидѣтелемъ въ этой странѣ, имѣла на него очень сильное вліяніе. По возвращеніи во Францію, Сэ не оставлялъ, согласно желаніямъ отца, своихъ торговыхъ занятій; но преимущественное вниманіе свое отдалъ все-таки изученію экономическихъ вопросовъ. Знаменитое „Ислѣдованіе“ Ад. Смита о богатствѣ народовъ, напечатанное еще въ 1776 г.,

имѣло рѣшающее значеніе въ жизни французскаго экономиста: получивъ изъ Лондона экземпляръ этого творенія, Сэ сдѣлалъ его предметомъ своего спеціальнаго изученія и цѣлый годъ проводилъ надъ тѣмъ, чтобы комментировать и дополнять новыми фактами и доказательствами ученіе шотландскаго философа. Съ тѣхъ поръ основные принципы свободы труда, промышленности и торговли стали завѣтными принципами всей его жизни.

Когда разразилась революція 1789 г., двадцатидухлѣтій Сэ горячо примкнулъ къ возвѣщеннымъ ею общимъ началамъ и къ патриотическому движенію 1792 г. Но тутъ пришлось ему на время оставить свои любимыя занятія, онъ поступилъ въ военную службу и волонтеромъ сдѣлалъ походъ въ Шампаньи. Въ 1793 г., въ самый разгаръ террора, онъ вернулся въ Парижъ и тамъ женился на дочери адвоката, г-жѣ Делошъ. Семейное счастье его на первыхъ-же порахъ подверглось тяжкому испытанію — онъ потерялъ почти все и безъ того очень небольшое состояніе вслѣдствіе всеобщаго обезцѣненія бумажныхъ денегъ; онъ извѣдалъ тутъ на своемъ горькомъ опытѣ, къ какимъ прискорбнымъ послѣдствіямъ могутъ привести иногда экономическія мѣропріятія правительства, не основанныя на разумныхъ началахъ науки. Сдѣланныя имъ въ то время обширныя связи съ выдающимися дѣятелями литературы и журналистики доставили ему выгодныя занятія въ качествѣ главнаго редактора изданія *Décade philosophique, littéraire et politique*, около котораго собрался „кружокъ республиканцевъ“. Нѣсколько лѣтъ кряду работалъ онъ въ этомъ изданіи, напечаталъ много статей

экономическаго содержанія и цѣлый рядъ очерковъ изъ области общественныхъ нравовъ. Этими трудами онъ настолько обратилъ на себя вниманіе и общества и правительства, что въ 1799 г. былъ назначенъ на должность члена суда и прикомандированъ къ комитету финансовъ. Но образъ мыслей Ж. - Б. Сэ, всегда независимаго и твердаго въ своихъ убѣжденіяхъ и воззрѣніяхъ на общія начала финансоваго управленія, не могъ понравиться тогдашнему правительству: находясь въ твердыхъ рукахъ великаго полководца, окружившаго Францію славою небывалыхъ воинскихъ подвиговъ, оно уже въ то время давало понять, какою дорогою цѣной былъ купленъ возстановленный имъ на время порядокъ и какія испытанія готовило оно народу въ ближайшемъ будущемъ. Расточительность, съ одной стороны, и чрезмѣрная тягость налоговъ, съ другой, дошли тогда до крайней степени напряженія. „Не сокращать расходы до размѣра неотложной въ нихъ надобности, писалъ Сэ, но какъ можно больше усиливать тягость обложенія“ — таково было правило, которымъ руководствовалось финансовое управленіе и которое нашло въ Сэ самаго упорнаго противника *).

Между тѣмъ ученныя занятія Сэ шли своимъ чередомъ, и въ 1803 г. явился его „Трактатъ политической экономіи“ **), обратившій на себя всеобщее вниманіе и замѣченный даже полновластнымъ, не терпѣвшимъ возраженій правителемъ государства, оцѣнившимъ его по достоинству. Знаменитый кон-

*) См. ниже ст. объ общественномъ потребленіи.

***) *Traité d'économie politique.*

сулъ пригласилъ Сэ къ себѣ обѣдать и въ Мальмезанѣ, гуляя съ нимъ по темнымъ аллеямъ парка, долго излагалъ ему свои планы о возрожденіи французской промышленности, торговли и финансовъ. При этомъ онъ старался доказать автору „Трактата“, что ученныя сочиненія могутъ быть особенно полезны, когда публика находитъ въ нихъ оправданіе мѣрамъ, вызываемымъ требованіями времени. Намекъ былъ сдѣланъ слишкомъ прозрачно, чтобы Сэ могъ не понять его внутренняго смысла. Но согласиться съ такимъ воззрѣніемъ значило для него отречься отъ самого себя, значило передѣлать свое сочиненіе въ самомъ основаніи и, принявъ за руководство противныя наукѣ воззрѣнія будущаго властителя Франціи, ограничиться примѣненіемъ „Трактата“ къ условіямъ практической жизни. Сэ, вѣрный своимъ принципамъ, не могъ принять такого предложенія. Последствія его отказа не заставили себя долго ждать: Сэ былъ исключенъ изъ комитета финансовъ и, какъ-бы въ вознагражденіе за потерю мѣста, ему была предложена должность управляющаго налогами (*directeur des droits réunis*). Велико было искушеніе для отца четверыхъ дѣтей, неимѣвшаго никакихъ средствъ. Но онъ устоялъ передъ этимъ искушеніемъ и отказался принять участіе въ примѣненіи такой системы, которую считалъ пагубною для Франціи. Въ то же время поразилъ Сэ и другой еще болѣе тяжелый ударъ— по распоряженію правительства ему было воспрещено переиздать уже приготовленный къ печати „Трактатъ политической экономіи“. Такимъ образомъ, лишенный должности и возможности приоб-

рѣсть какія-нибудь средства учено-литературнымъ трудомъ, Сэ оказался въ положеніи, почти отчаянномъ...

Что оставалось дѣлать въ такомъ положеніи? Сэ не потерялъ спокойствія и присутствія духа: оставивъ на время литературное поприще, онъ рѣшился заняться какимъ-нибудь промышленнымъ или торговымъ дѣломъ. Болѣе выгоднымъ представлялось ему хлопчато - бумажное производство, которому, вслѣдствіе важныхъ изобрѣтеній въ механикѣ, открывалось тогда широкое поле успѣховъ. Не долго думалъ Сэ: съ своимъ десятилѣтнимъ сыномъ, Орасомъ, онъ пошелъ въ простые рабочіе — учиться практическимъ приѣмамъ новаго производства на машинахъ, выписанныхъ тогда изъ Англіи и поставленныхъ въ консерваторіи, на выставкѣ, въ Парижѣ. Изумительная настойчивость преодолѣла важнѣйшія затрудненія и вскорѣ въ Оши, въ Па-де-кале была открыта новая мануфактура, на которой Сэ былъ въ одно время и механикомъ, и инженеромъ, и архитекторомъ и не отступалъ ни передъ какими трудностями. Подъ личнымъ, умѣлымъ руководствомъ экономиста, прядильня пошла въ ходъ: въ короткое время она стала давать заработокъ до 500 мѣстныхъ жителей; скоро благосостояніе развилось во всей округѣ, отличавшейся прежде бѣдностью своего населенія. Когда, черезъ восемь лѣтъ послѣ того, разногласія съ товарищемъ по управленію мануфактурой заставили Сэ покинуть это дѣло и вернуться съ семействомъ въ Парижъ, то рѣшеніе это было принято мѣстнымъ обществомъ съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія, о чемъ было засвидѣтельствовано

черезъ 30 л. послѣ того (1853) на праздникѣ, на которомъ чествовалось имя основателя мануфактуры.

Сэ вернулся въ Парижъ въ 1813 г. Время, проведенное имъ въ занятіяхъ промышленностью, не прошли даромъ и для его ученыхъ трудовъ. Непосредственное управленіе мануфактурой и постоянныя личныя сношенія какъ съ рабочими, такъ и съ массою потребителей ея продуктовъ, обогатили наблюдательнаго экономиста запасомъ практическихъ данныхъ и опытности, которыми онъ воспользовался въ своихъ послѣдующихъ трудахъ по политической экономіи. Въ теченіе восьми лѣтъ, проведенныхъ имъ въ Оши, онъ былъ безпрестаннымъ свидѣтелемъ многочисленныхъ и крупныхъ ошибокъ имперіи и ея ложной экономической системы постоянного вмѣшательства въ частныя дѣла промышленности и торговли; пріобрѣтенныя имъ за это время практическія данныя сослужили ему свою службу и еще болѣе утвердили его въ его общихъ принципахъ — что лишь одна свобода и полное невмѣшательство администраціи въ частную дѣятельность могутъ обеспечить благосостояніе народа.

Вернувшись въ Парижъ, Сэ располагалъ уже скромнымъ капиталомъ, давшимъ ему возможность не заботиться о настоятельныхъ нуждахъ завтрашняго дня. Наступившая тогда эпоха реставраціи дала ему возможность напечатать второе изданіе запрещеннаго до тѣхъ поръ „Трактата политической экономіи“. Этого мало. Тогдашнее правительство, болѣе благопріятное для либеральнаго направленія, возложило на Сэ важное порученіе—

предпринять поѣздку въ Англію для изученія ея въ промышленномъ отношеніи. Знаніе англійскаго языка, извѣстность его, какъ автора „Трактата“ и гостепріимство такихъ авторитетныхъ людей какъ Рикардо, Бентамъ и др. многихъ профессоровъ и ученыхъ открыли французскому экономисту двери въ салоны лучшихъ представителей науки и литературы и дали ему возможность успѣшно окончить данное ему порученіе. Книга Сэ— „Объ Англіи и англичанахъ“ *), 3-е изд. 1816, много обязана этому путешествію, которое оставило въ немъ одно изъ лучшихъ воспоминаній: рассказывая потомъ своимъ парижскимъ слушателямъ объ этомъ путешествіи и о вынесенныхъ имъ впечатлѣніяхъ, онъ съ гордостью упоминалъ, какъ предлагали ему въ то время занять въ Глазговѣ кафедру, прославленную Ад. Смитомъ.

Въ 1815 г. Сэ открылъ въ Парижѣ курсъ политической экономіи; аудиторія его была всегда переполнена слушателями; лекціи его имѣли блестящій успѣхъ, который и побудилъ его потомъ изложить въ краткой формѣ общіе принципы прочитаннаго имъ курса, подъ заглавіемъ— „Катехизисъ политической экономіи“ **) (1817).

Въ эти годы Сэ проявилъ особенно сильную дѣятельность. Одновременно съ политической экономіей онъ останавливался и на вопросахъ нравственности: „Маленькій томъ, содержащій въ себѣ нѣсколько взглядовъ на людей и общество“ (1818) служить тому доказательствомъ. Къ тому-же вре-

---

*) De l'Angleterre et des Anglais.

**) Catéchisme d'économie politique.

мени относится и его этюдъ о судоходныхъ каналахъ. Но какъ бы ни были разнообразны эти занятія, а „Трактатъ“ составлялъ все-таки самый капитальный трудъ, къ которому онъ опять вернулся: такъ-какъ второе изданіе его быстро разошлось, то автору пришлось вновь переработать и дополнить это сочиненіе на основаніи новыхъ богатыхъ данныхъ, которыя дала ему преобразившаяся экономическая жизнь Франціи. Но и это третье изданіе скоро было исчерпано и въ 1819 г. понадобилось уже четвертое изданіе, а въ 1826 г. — пятое и послѣднее, вышедшее еще при жизни автора. вмѣстѣ съ тѣмъ Сэ ведетъ дѣятельную переписку и полемику съ Мальтусомъ, издавшимъ въ то время свои „Начала политической экономіи“ (напечатаны были отдѣльно въ 1820), съ Рикардо и Сисмонди по многимъ основнымъ вопросамъ науки.

Любопытно, что въ это именно время возникли во Франціи первыя серьезныя предположенія объ учрежденіи особыхъ кафедръ политической экономіи — одной въ юридической школѣ, другой въ консерваторіи (Conservatoire de arts et métiers). Первая осталась пока въ проектѣ, вторая же была открыта, но подъ особымъ названіемъ — кафедры *промышленной* (industrielle) экономіи, потому что названіе *политической* экономіи страшило тогдашнее правительство. Эту послѣднюю кафедру занялъ тогда Сэ. Только въ 1830 г. кафедра политической экономіи была учреждена, уже подъ своимъ настоящимъ названіемъ, въ Collège de France. Первымъ профессоромъ ея былъ опять Сэ; но онъ читалъ очень недолго и преемникомъ его былъ извѣстный экономистъ Росси, такъ трагически окончившій свою жизнь въ Италіи.

Къ послѣднимъ годамъ жизни Ж.-Б. Сэ относится другое крупное сочиненіе его — „Полный курсъ политической экономіи“ (1828—1830), въ которомъ дано авторомъ болѣе широкое мѣсто изложенію практическихъ выводовъ изъ общихъ принциповъ науки и многочисленныхъ примѣненій ихъ къ разнымъ вопросамъ общественной важности.

Но плодотворная жизнь Сэ приходила къ концу. Продолжительная и настойчивая работа развила въ немъ сильныя нервныя страданія, которыя особенно усилились послѣ смерти жены его въ 1830 г. Съ тѣхъ поръ здоровье его быстро разрушалось и никакія развлеченія, поѣздки и под. не помогали; Сэ черезъ силу продолжалъ еще читать св о курсъ въ Коллежѣ, пока 15 ноября 1832 г. нервный ударъ не прекратилъ его жизни, въ возрастѣ 66 л.

Научное значеніе Ж. - Б. Сэ состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что составленный имъ еще въ 1803 г. „Трактатъ политической экономіи“ былъ первымъ по времени сочиненіемъ, въ которомъ въ строгой систематической формѣ были провѣрены и изложены начала, возвѣщенные въ великомъ твореніи Ад. Смита, и прибавимъ — которое при каждомъ новомъ изданіи перерабатывалось и дополнялось новыми данными изъ экономической жизни Европы. Великаго автора „Ислѣдованія о богатствѣ народовъ“ справедливо упрекали въ отсутствіи порядка и цѣльности плана изложенія, въ излишествѣ частныхъ и обширныхъ отступленій и повторовъ, прерывающихъ главную нить его изслѣдованій. Никакого полного изложенія науки это великое твореніе не представляетъ;

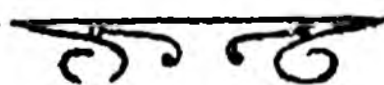
самое названіе политической экономіи встрѣчается въ видѣ исключенія. „Трактатъ“ Ж.-Б. Сэ былъ однимъ изъ первыхъ сочиненій, познакомившихъ Европу съ полною системою науки, задачей которой онъ поставилъ *производство, распредѣленіе и потребленіе богатствъ*. Полное заглавіе этого сочиненія таково: *Traité d'économie politique, ou simple exposition de la maniere dont se forment, se distribuent et se consomment les richesses*— „Трактатъ политической экономіи, или простое изложеніе того, какъ производятся, распредѣляются и потребляются богатства“. „Трактатъ“ послужилъ потомъ главною основою, канвою, по которой составлялись потомъ многочисленные „курсы“ французскихъ экономистовъ, смотрѣвшихъ на Сэ всегда какъ на своего учителя. Давая отзывъ о значеніи этого сочиненія, Бланки въ своей „Исторіи политической экономіи“ выдвигаетъ на первый планъ, какъ одну изъ крупныхъ научныхъ заслугъ Сэ, его *теорію сбыта* *), „которая основывается на тщательномъ изученіи фактовъ и доказала, что націи платятъ за чужіе продукты только продуктами собственнаго производства и что всѣ законы, воспреещающіе покупать, препятствуютъ въ то-же время продажѣ. Всякое бѣдствіе, поражающее на одномъ мѣстѣ, непременно отзывается на другомъ; если урожай недостаточенъ на одномъ пунктѣ, то мануфактурная промышленность чувствуетъ его вліяніе на другомъ; если какая-нибудь страна благоденствуетъ, то всѣ сосѣди ея принимаютъ въ немъ участіе, частью вслѣдствіе усиленнаго сѣроса ея на ихъ

---

*) См. ниже ст. V.

товары, частью вслѣдствіе дешевизны продуктовъ, являющейся результатомъ ихъ обилія. Націи солидарны какъ въ удачѣ, такъ и въ неудачѣ; войны-же — безразсудство, отъ котораго страдаютъ сами побѣдители, и общій интересъ всѣхъ людей состоитъ въ томъ, чтобы помогать, а не вредить другъ другу, какъ этого требовала до сихъ поръ близорукая политика правительствъ“.

Задача другого капитальнаго сочиненія Сэ — „Курса политической экономіи“, состоитъ въ томъ, чтобы, какъ сказано въ распространенномъ заглавіи его, „объяснить людямъ государственнымъ, землевладѣльцамъ и капиталистамъ, ученымъ, земледѣльцамъ, мануфактуристамъ, купцамъ и вообще всѣмъ гражданамъ, въ чемъ состоитъ общественная экономія“ (*L'économie des sociétés*). Этотъ курсъ отличается, въ сравненіи съ „Трактатомъ“, лишь болѣе практическимъ направленіемъ.

ТРАКТАТЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

I.

Польза политической экономіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ общественной жизни есть много недостатковъ, которые связаны съ самою природою вещей и отъ которыхъ невозможно совершенно освободиться; но есть много и такихъ, которые не только возможно, но и легко устранить. Въ этомъ можно убѣдиться, ознакомившись съ содержаніемъ этой книги. Я могъ-бы даже прибавить, что почти у всѣхъ народовъ многія злоупотребленія могли-бы быть совершенно устранены безъ малѣйшей жертвы со стороны привилегированныхъ лицъ, дѣйствительно извлекающихъ изъ нихъ пользу или только воображающихъ, что извлекаютъ ее. Скажу болѣе: есть такія измѣненія общественныхъ условій, которыя могутъ быть сдѣланы въ общихъ интересахъ, безъ всякой опасности для кого-бы то ни было, и которыя отвергаются только вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ экономіей обществъ. Въ большинствѣ случаевъ люди не понимаютъ всѣхъ тѣхъ выгодъ, которыя они могли-бы извлечь изъ того, что на всѣхъ безъ исключенія членовъ общества были-бы распространены преимущества, которыми пользуются теперь только немногіе. Такое непониманіе происходитъ отъ не-

довѣрія къ книгамъ, потому что, къ сожалѣнію, дурныхъ книгъ всегда больше, чѣмъ хорошихъ, а книги, дающія пустыя разсужденія, вмѣсто изображенія дѣйствительныхъ фактовъ, ведутъ только къ сомнительнымъ результатамъ; и потому, наконецъ, что нѣкоторыя книги написаны скорѣе изъ-за личныхъ соображеній, а не внушены любовью къ истинѣ и желаніемъ добра.

Долго держалось мнѣніе, что знаніе политической экономіи должно составлять достояніе лишь небольшого круга людей, призванныхъ къ управленію государственными дѣлами. Я знаю, что очень важно, чтобы люди, стоящіе у власти, были болѣе вооружены знаніемъ, чѣмъ остальные; знаю также, что ошибки частныхъ лицъ въ большинствѣ случаевъ могутъ разорить только нѣсколько семействъ, тогда какъ ошибки государей и ихъ министровъ распространяютъ разореніе на всю страну. Но могутъ-ли государи и ихъ министры быть образованными въ то время, когда простые смертные лишены всякаго просвѣщенія? Вопросъ этотъ стоитъ того, чтобы его поставить. Въ среднемъ классѣ общества, вдали отъ опьяненія властью, съ одной стороны, и отъ тяжелаго труда бѣдняковъ, съ другой;—въ томъ классѣ общества, въ которомъ состоянія нажиты честнымъ трудомъ, въ которомъ досугъ не исключаетъ привычки къ труду и въ средѣ котораго всего чаще встрѣчается дружеское общеніе людей, любовь къ чтенію и возможность развивать свой умъ путешествіями, — именно въ этомъ классѣ общества, говорю я, и рождается просвѣщеніе. Отсюда оно распространяется, какъ на сильныхъ міра сего, такъ и на простой на-

родъ, потому что и сильные міра, и простой народъ не имѣютъ времени для умственного труда: они усвоиваютъ себѣ только тѣ истины, которыя доходятъ до нихъ въ формѣ непреложныхъ правилъ, а слѣдовательно не нуждаются въ доказательствахъ.

Если-бы монархъ и его главные министры даже были основательно знакомы съ принципами, на которыхъ основывается благосостояніе народовъ, то какую, спрашивается, пользу они могли-бы извлечь изъ своихъ знаній, если-бы не нашли на всѣхъ ступеняхъ управленія поддержки въ людяхъ, способныхъ понять ихъ, войти въ ихъ соображенія, привести въ исполненіе ихъ планы? Известно, что благосостояніе города или провинціи часто вполне зависитъ отъ дѣятельности мѣстной администраціи, и нерѣдко бываетъ, что человѣкъ, стоящій во главѣ самаго незначительнаго административнаго центра, проводя въ жизнь какую-нибудь серьезную мѣру, имѣетъ больше вліянія, чѣмъ самъ законодатель.

Въ странѣ, пользующейся представительнымъ правленіемъ, каждый гражданинъ обязанъ изучать политическую экономію уже потому, что тамъ каждый призванъ къ участию въ обсужденіи государственныхъ дѣлъ.

Предположимъ, наконецъ, что всѣ лица, принимающія участіе въ управленіи на всѣхъ ступеняхъ администраціи, будутъ образованы въ то время, какъ народъ погруженъ еще въ невѣжество (что, впрочемъ совершенно невѣроятно), — на какое противодѣйствіе натолкнутся-бы эти просвѣщенные правители при исполненіи своихъ лучшихъ начер-

таній? Какія препятствія встрѣтили-бы они въ предразсудкахъ тѣхъ, которымъ эти мѣропріятія и должны-бы были принести наибольшую пользу.

Итакъ, чтобы какой-нибудь народъ могъ воспользоваться преимуществами хорошей экономической системы, еще недостаточно, чтобы правители его были способны усвоить себѣ наилучшіе планы, — необходимо еще, чтобы самъ народъ былъ въ состояніи воспринять ихъ.

Во всѣхъ предположенныхъ нами случаяхъ общественное благо требуетъ, чтобы частные люди были такъ-же хорошо знакомы съ принципами политической экономіи, какъ и государственные дѣятели. Имъ слѣдуетъ изучать ее не только въ интересахъ общественнаго блага, но и ради своихъ собственныхъ выгодъ. Истинное пониманіе сущности цѣнностей и ихъ движенія доставляетъ и имъ огромныя средства для того, чтобы составить себѣ правильный взглядъ на предпріятія, въ которыхъ они заинтересованы; хотя-бы какъ акціонеры; оно даетъ имъ возможность предвидѣть нужды этихъ предпріятій и ихъ результаты, изыскивать средства для ихъ процвѣтанія, умѣло пользоваться своими правами, находить наиболее солидное помѣщеніе для капиталовъ, предвидѣть исходъ займовъ и другихъ мѣръ, своевременно заботиться объ улучшеніи своихъ земель, сохранять равновѣсіе между затратами на предпріятіе и ожидаемыми отъ него доходами, понимать общія нужды общества, распознавать признаки его процвѣтанія или упадка и т. п.

Мнѣніе, что знакомство съ политической экономіей должно составлять достояніе только людей, управляющихъ государствомъ, помимо уже своей

неосновательности, было причиной того, что почти всѣ экономисты, до Смита, считали своимъ главнымъ призваніемъ—давать совѣты власти. Но такъ какъ они далеко не всегда были согласны между собою и такъ какъ факты общественной жизни, ихъ взаимная связь и вытекающія изъ нихъ слѣдствія были имъ самимъ мало извѣстны и совершенно неизвѣстны толпѣ, то на нихъ, естественно, и смотрѣли какъ на мечтателей. Отсюда—презрѣніе, которое должностныя лица питали ко всему, что только походило на какой-нибудь принципъ.

Но съ тѣхъ поръ, какъ политическая экономія сдѣлалась простымъ изложеніемъ законовъ, управляющихъ экономіей человѣческихъ обществъ, истинные государственные люди поняли, что изученіе ея не можетъ быть для нихъ безразлично. И вотъ, чтобы предвидѣть результаты принимаемой мѣры, они принуждены сообразоваться съ принципами этой науки, точно также какъ приходится руководствоваться законами динамики или гидравлики тому, кто хочетъ прочно построить мостъ или плотину. Когда администрація принимаетъ неправильныя мѣры, то естественно оказывается въ очень шаткомъ положеніи: ей по-неволѣ приходится отступать, когда она встрѣчаетъ на пути непреодолимыя препятствія, которыхъ не съумѣла предвидѣть раньше.

Очень можетъ быть, что именно этой причинѣ слѣдуетъ приписать превратности, терзавшія Францію, въ продолженіи послѣднихъ двухъ столѣтій, т. е. какъ разъ въ то время, когда явилась для нея возможность достигнуть высшей степени благосостоянія, на которую даютъ ей право ея почва, поло-

женіе и геній народа. Подобно кораблю, плывущему безъ компаса и ландкарты, по волѣ вѣтра и прихоти лоцмановъ, неизвѣстно откуда и куда, Франція двигалась впередъ наудачу, потому что у народа не было никакого опредѣленнаго представленія о причинахъ, способствующихъ общественному благосостоянію. А знаніе этихъ причинъ, если-бы оно существовало, распространилось-бы послѣдовательно на многихъ ея правителей, которые, если-бы они даже и не были расположены дѣйствовать въ ихъ пользу, то по крайней мѣрѣ, не оказывали-бы имъ такого явнаго противодѣйствія, и тогда корабль, именуемый Франціей, не подвергался-бы такимъ крутымъ измѣненіямъ курса, отъ которыхъ ему приходилось такъ жестоко страдать.

Всякое шатаніе вызываетъ такія гибельныя послѣдствія, что даже переходъ отъ дурной системы къ хорошей не обходится часто безъ важныхъ затрудненій. Нѣтъ сомнѣнія, что покровительственная и запретительная система сильно вредитъ успѣхамъ промышленности и развитію народнаго богатства, а между тѣмъ невозможно, не причинивъ большаго зла, сразу уничтожить учрежденія, ею порожденныя. Здѣсь требуются постепенныя мѣры, чрезвычайная сноровка, чтобы перейти безъ серіозныхъ затрудненій къ болѣе благопріятному порядку вещей, — точно также какъ путешественники, проѣзжая сѣверныя страны и отморозивши себѣ нѣкоторые члены, только постепенно отогрѣвая ихъ, могутъ возвратить имъ жизнь и здоровье.

Самые лучшіе принципы не всегда могутъ быть примѣнимы на практикѣ. Безусловно необходимо

прежде узнать ихъ, чтобы потомъ извлечь изъ нихъ все, что нужно. Не подлежитъ сомнѣнію, что даже молодой народъ, который, кажется могъ-бы воспользоваться этими принципами въ полномъ объемѣ, никогда не достигаетъ сразу очень большихъ успѣховъ; но все-таки нѣкоторая степень благосостоянія доступна для всякаго народа, если-бы онъ даже иногда и нарушалъ эти принципы. Могущественное дѣйствіе жизненной силы способствуетъ росту и благоденствію человѣческаго организма, несмотря даже на излишества юности, несчастные случаи и даже на раны, отъ которыхъ ему приходилось страдать. Въ дѣйствительности нѣтъ абсолютнаго совершенства, внѣ котораго все было-бы дурно и все вело-бы только ко злу: зло вездѣ перемѣшано съ добромъ. Когда беретъ верхъ первое, общество клонится къ упадку; когда-же беретъ верхъ второе, общество идетъ болѣе или менѣе быстрыми шагами къ благосостоянію, и тогда ничто не должно ослаблять его усилій къ познанію и распространенію добрыхъ принциповъ. Даже самый ничтожный шагъ, который общество сдѣлаетъ въ этомъ направленіи, есть уже самъ по себѣ благо и принесетъ обильные плоды.

Тутъ не слѣдуетъ унывать, въ особенности потому, что въ политической экономіи, какъ и во всякой наукѣ, на практикѣ дѣйствуютъ сильнѣе всего элементарныя свѣдѣнія. Теоріи теплоты, рычага, наклонной плоскости отдали всю природу въ распоряженіе человѣка. Точно также теорія обмѣна и сбыта измѣнитъ всю политику міра. Поэтому мы должны поступать такъ, чтобы заботиться больше о распространеніи уже доказанныхъ положеній,

чѣмъ преслѣдовать ихъ конечные выводы, чтобы заботиться не столько объ увѣнчаніи зданія науки, сколько о расширеніи его основанія. Но какъ еще велика эта задача и какъ еще невѣжественны и грубы, такъ-называемые цивилизованные, народы! Проѣзжайте по всѣмъ областямъ Европы, столь гордой своимъ знаніемъ; допросите сотни, тысячи, десятки тысячъ народа и вы натолкнетесь развѣ на одного, много двухъ человекъ, усвоившихъ себѣ знанія, которыми такъ кичится наше время. Вы не встрѣтите при этомъ знакомства, не говорю уже съ высокими истинами науки—въ этомъ не было-бы ничего удивительнаго,—но даже и съ самыми простыми элементарными свѣдѣніями, наиболее примѣнимыми къ жизни каждаго отдѣльнаго человека. А на сколько еще рѣже встрѣчаются условия, необходимыя для того, чтобы учиться. Какъ мало еще людей, способныхъ наблюдать то, что ежедневно происходитъ передъ ихъ глазами, и умѣющихъ сомнѣваться въ томъ, чего не знаютъ!

Какъ-бы то ни было, а надо выждать время. Какъ теплота только постепенно проникаетъ въ массу значительныхъ тѣлъ, послѣдовательно захватывая всѣ ея отдѣльныя частицы, такъ и просвѣщеніе постепенно распространяется между людьми, пока не охватитъ всей массы, которая зовется народомъ. Ничто не можетъ замѣнить дѣйствія времени — вліяніе его всегда непреложно. Если намъ кажется, что оно дѣйствуетъ медленно, то потому только, что жизнь наша сравнительно слишкомъ коротка; но оно дѣйствуетъ очень быстро, если смотрѣть на жизнь народовъ.

Физика Ньютона, единодушно отвергнутая во

Франціи не болѣе 50 лѣтъ тому назадъ, теперь преподается во всѣхъ нашихъ школахъ. Придетъ, наконецъ, время, когда увидятъ, что есть науки еще болѣе важныя чѣмъ физика, если измѣрятъ степень этой важности тѣмъ непосредственнымъ вліяніемъ, какое онѣ имѣютъ на судьбу людей.

Въ настоящее время политическая экономія преподается вездѣ, гдѣ хоть сколько-нибудь понимается важность знанія. Она и прежде читалась въ германскихъ, шотландскихъ и итальянскихъ университетахъ, но при новыхъ условіяхъ изученіе ея пойдетъ еще успѣшнѣе и она станетъ на ряду съ самыми положительными науками. Въ то время какъ оксфордскій университетъ еще упорно держится своихъ старыхъ заблужденій, въ Лондонѣ открываютъ новый университетъ *), въ которомъ однако, будутъ преподаваться только обычныя науки, какъ-бы для того, чтобы выставить всю несообразность учрежденій, въ которыхъ, въ эпоху самыхъ поразительныхъ успѣховъ человеческого разума, преподается то-же, что преподавалось еще три вѣка тому назадъ. Частные курсы политической экономіи читаются во многихъ городахъ, въ томъ числѣ въ Женевѣ. Французское правительство, къ чести своей, постановило учредить кафедру политической экономіи въ юридической школѣ въ Парижѣ, а что особенно важно — наши молодые публицисты стремятся завершить свое образованіе изученіемъ наукъ, раскрывающихъ имъ механизмъ человѣческихъ обществъ. Нельзя не удивляться ихъ успѣхамъ, когда сравнишь боль-

---

*) Это написано въ 1826 году.

шинство періодическихъ изданій нашего времени, а также отдѣльныя сочиненія по политикѣ, исторіи, философіи, торговлѣ и искусствамъ съ тѣмъ, что было писано по этой части не болѣе 10 лѣтъ тому назадъ. Тѣ изъ этихъ сочиненій, которыя обнаруживаютъ полное незнаніе ихъ авторами основныхъ началъ политической экономіи, ни на минуту не останавливаются на себѣ вниманія публики. Когда молодые люди, сидящіе теперь на школьной скамьѣ, разойдутся по всѣмъ классамъ общества и достигнутъ высокихъ должностей въ управленіи, общественныя дѣла пойдутъ гораздо лучше, чѣмъ они шли до сихъ поръ. Какъ правители, такъ и управляемые будутъ руководствоваться одинаковыми принципами, что поведетъ, конечно, къ ослабленію притѣсненій, съ одной стороны, и къ большому довѣрію, съ другой. Но что всего болѣе способствовало успѣхамъ политической экономіи, это — важныя условія, въ которыхъ цивилизованный міръ оказался въ послѣдніе 40 лѣтъ. Расходы правительствъ возрасли до неимовѣрныхъ размѣровъ; призывы, съ которыми правительства принуждены были обращаться къ своимъ подданнымъ, за удовлетвореніемъ своихъ потребностей, обнаружили всю серьезность положенія; почти вездѣ требовалось, если не постановлялось, содѣйствіе всего общества или, по крайней мѣрѣ, нѣчто въ этомъ родѣ. Когда громадныя налоги, взимаемые съ населенія подъ болѣе или менѣе благовидными предлогами, оказались недостаточными, пришлось обратиться къ кредиту, а для этого необходимо было раскрыть передъ обществомъ какъ нужды, такъ и наличныя средства государства. Публичность отчетности, необходимость разъяснять

публикѣ распоряженія администраціи, произвели въ политикѣ такую нравственную революцію, которую уже нельзя остановить.

Въ то-же время великіе общественные перевороты, великія бѣдствія явили собою и великія испытанія. Злоупотребленія бумажными деньгами, торговья запрещенія и пр. дали возможность познать послѣднія слѣдствія почти всѣхъ крайностей. Внезапное разрушеніе самыхъ солидныхъ устоевъ, колоссальныя вторженія непріятеля, крушеніе однихъ правительствъ и образованіе другихъ, возникновеніе на другомъ полушаріи новыхъ государствъ, освобожденіе колоній, извѣстный общій подъемъ духа, столь благопріятный для развитія всѣхъ человѣческихъ способностей, свѣтлыя надежды и великія разочарованія, — все это значительно расширило кругъ нашихъ идей сначала въ людяхъ умѣющихъ и наблюдать и разсуждать, а потомъ и во всѣхъ остальныхъ.

Вотъ какъ надежды идутъ рука объ руку съ встрѣчающимися препятствіями; — вотъ какъ толчокъ, получаемый человечествомъ въ его стремленіи къ лучшему будущему, никогда не остается безъ результатовъ.

II.

Что такое производство.

Люди пользуются известными благами, которые природа доставляет им даромъ, какъ напр., воздухомъ, водой, свѣтомъ солнца; но это не тѣ блага, которые обыкновенно принято называть *богатствомъ*. Это названіе дается только тѣмъ предметамъ, которые имѣютъ собственную, имъ присущую цѣнность и которые сдѣлались исключительной собственностью своихъ владѣльцевъ, какъ напр. земли, металлы, монеты, хлѣбъ, ткани и вообще товары всякаго рода. Если-же это названіе дается также процентнымъ бумагамъ, векселямъ и т. п., то это, очевидно, лишь потому, что они представляютъ собою обязательства, по которымъ владѣльцы ихъ могутъ получить вещи, имѣющія цѣнность сами по себѣ. Богатство всегда пропорціонально этой цѣнности: оно велико, если велика сумма составляющихъ его цѣнностей; оно мало, если мала сумма входящихъ въ его составъ цѣнностей.

По общепринятому пониманію, богатыми людьми называютъ тѣхъ, кто обладаетъ большимъ количествомъ этихъ благъ, имѣющихъ определенную цѣнность. Но когда дѣло идетъ о томъ, чтобы изучить, какъ образуются, распределяются и потребляются богатства, то этимъ-же именемъ называются всѣ

предметы, заслуживающіе его, независимо отъ того, много-ли ихъ, или мало, точно также, какъ зерномъ называется какъ отдѣльное зерно, такъ и шѣльмъ мѣшокъ этого товара.

Цѣнность каждаго предмета, пока она не установлена, совершенно произвольна и неопредѣленна. Владѣлецъ его можетъ цѣнить ее очень высоко, но отъ этого онъ не будетъ богаче. Но съ того момента, какъ другія лица, желающія пріобрѣсти данный предметъ, соглашаются дать за него въ обмѣнъ другіе предметы, въ свою очередь имѣющіе цѣнность, количество этихъ послѣднихъ предметовъ, предлагаемыхъ въ обмѣнъ, является мѣриломъ цѣнности даннаго предмета, такъ какъ за него могутъ дать тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе онъ стоить самъ по себѣ.

Къ числу предметовъ, которые могутъ быть отдаваемы въ обмѣнъ на предметъ, который желаютъ пріобрѣсти, относится *монета*. Количество монеты, которое владѣлецъ ея соглашается дать въ обмѣнъ за пріобрѣтаемый предметъ, называется его *цѣною*: это—его *рыночная цѣна* въ данномъ мѣстѣ и въ данное время, если владѣлецъ предмета увѣренъ, что получить ее въ случаѣ, если захочетъ отдѣлаться отъ этого предмета.

Знаніе истинной природы богатства, какъ оно сейчасъ объяснено, знаніе всѣхъ трудностей, которыя приходится преодолевать для его пріобрѣтенія, знаніе того, какъ оно распределяется въ обществѣ, какъ можно пользоваться имъ, а также всѣхъ послѣдствій этихъ разнообразныхъ факторовъ,—составляетъ науку, которую принято теперь называть *политической экономіей*.

Цѣнность, которую человекъ придаетъ какому-нибудь предмету, имѣетъ свое первое основаніе въ томъ употребленіи, какое онъ можетъ изъ него сдѣлать. Одни предметы служатъ намъ пищей, другіе — одеждой, третьи защищаютъ насъ отъ суровыхъ вліяній климата, какъ напр. наши дома, четвертые, какъ напр. украшенія, обстановка этихъ домовъ, удовлетворяютъ вкусу, составляющему также своего рода потребность. Всегда-же несомнѣнно то, что, если люди признаютъ за предметомъ опредѣленную цѣнность, то лишь въ отношеніи его употребленія: что ни на что не годится, тому и не даютъ никакой цѣны.

Эта способность извѣстныхъ предметовъ удовлетворять разнымъ потребностямъ человека я позволю себѣ назвать *полезностью* (потребительной цѣнностью).

Я скажу такъ: производить предметы, имѣющіе какую-нибудь полезность, значитъ — производить богатство, такъ какъ полезность предметовъ составляетъ первое основаніе ихъ цѣнности, а цѣнность есть богатство.

Но создавать предметы нельзя: масса матеріаловъ, изъ которыхъ состоитъ міръ, не можетъ быть ни уменьшена, ни увеличена. Все, что мы можемъ сдѣлать, это — воспроизводить эти матеріалы въ той формѣ, въ которой они становятся пригодны для нашего употребленія и которой они раньше не имѣли, или въ той формѣ, въ которой можетъ увеличиться ихъ полезность. Слѣдовательно, тутъ есть созданіе, но не матеріи, а полезности, и такъ какъ эта полезность сообщаетъ предметамъ цѣнность, то является *производство богатства*.

Вотъ въ какомъ смыслѣ надо понимать слово *производство* въ политической экономіи, и въ какомъ оно будетъ употребляться въ этомъ сочиненіи. Производство не создаетъ матеріи, но создаетъ полезность. Оно не можетъ быть измѣряемо ни въ длину, ни въ объемѣ, ни въ вѣсѣ продукта, но только соотвѣтственно полезности, сообщенной предмету.

Но изъ того, что цѣна предмета есть мѣрило его цѣнности, а цѣнность есть мѣрило его полезности, не слѣдуетъ выводить того нелѣпаго заключенія, будто искусственнымъ возвышеніемъ цѣны предметовъ можно увеличить ихъ полезность. Мѣновая цѣнность, или цѣна предмета, служитъ только вѣрнымъ указателемъ полезности, которую люди признаютъ въ предметѣ, если только происходящій между ними обмѣнъ предметовъ не нарушается никакимъ для ихъ полезности стороннимъ вліяніемъ, подобно тому, какъ барометръ показываетъ давленіе атмосферы лишь по стольку, по скольку никакое стороннее вліяніе не нарушаетъ производимаго на него вліянія атмосферы.

III.

Операціи, общія всѣмъ отраслямъ промышленности.

Наблюдая разнообразныя отрасли человѣческой промышленности, мы видимъ, что каковы-бы ни были предметы, къ которымъ онѣ относятся, всѣ онѣ состоятъ изъ трехъ различныхъ операцій.

Чтобы получить какой-нибудь продуктъ, прежде всего необходимо изучить движеніе и законы природы, относящіяся къ этому продукту. Какъ-бы мы сработали какой-нибудь замокъ, если-бы сначала не познакомились со свойствами желѣза и со средствами, какими могли-бы извлечь его изъ рудника, очистить, размягчить и дать ему ту или другую форму?

Потомъ пришлось-бы приложить эти знанія къ полезному дѣлу, подумать надъ тѣмъ, какъ, обрабатывая извѣстнымъ образомъ желѣзо, получить такой предметъ, который имѣлъ-бы извѣстную цѣнность.

Наконецъ, пришлось-бы употребить тотъ ручной трудъ, который указанъ двумя предыдущими операціями, т. е. выковать и спаять различныя части, изъ которыхъ состоитъ замокъ.

Рѣдко бываетъ, чтобы всѣ эти три операціи исполнялись однимъ и тѣмъ-же лицомъ.

Чаще-же всего одинъ изучаетъ движеніе и законы природы. Это—*ученый*.

Другой, пользуясь его знаніями, создаетъ полезные продукты. Это — земледѣлецъ, мануфактуристъ или торговецъ, или, чтобы всѣхъ такихъ лицъ назвать однимъ именемъ, это — *предприниматель*, т. е. лицо, которое берется на свой счетъ и рискъ и въ свою пользу произвести какой-нибудь продуктъ.

Третій, наконецъ, работаетъ по указанію двухъ первыхъ. Это — *рабочій*.

Разсмотрите послѣдовательно всѣ продукты и вы увидите, что всѣ они не могли-бы существовать иначе какъ вслѣдствіе этихъ трехъ названныхъ операций.

Вотъ идетъ дѣло о мѣшкѣ хлѣба или бочкѣ вина. Прежде всего необходимо было, чтобы натуралистъ или агрономъ знали напередъ путь, которому слѣдуетъ природа въ производствѣ хлѣба или винограда, время и почву, благопріятныя для посѣва или посадки этихъ растений, а также какія заботы надо употребить на то, чтобы они благополучно созрѣли. Фермеръ или землевладѣлецъ приложили эти знанія каждый въ своемъ частномъ дѣлѣ, употребили всѣ способы къ тому, чтобы вышелъ изъ земли полезный продуктъ, и устранили всѣ препятствія, какія могли встрѣтиться имъ. Наконецъ, рабочій вспахалъ землю, засѣялъ ее, подрѣзалъ и подвязалъ виноградныя лозы. Эти три рода операций были необходимы для того, чтобы окончательно произвести хлѣбъ или вино.

А вотъ примѣръ изъ внѣшней торговли. Возьмемъ индиго. Географъ, путешественникъ, астрономъ, благодаря своимъ знаніямъ, указываютъ намъ страну, въ которой добывается этотъ продуктъ, и

научаютъ насъ какъ переплыть моря. Коммерсантъ снаряжаетъ суда и отправляетъ ихъ за товаромъ. Матросъ, возчикъ, работаютъ механически при этомъ производствѣ.

Если разсматривать индиго только какъ сырой матеріаль для другого продукта, на примѣръ, для синяго сукна, то увидимъ, что химикъ раскрылъ свойство этой краски, способы какъ распускать ее, закрѣплять на шерстяной ткани; мануфактуристъ употребилъ въ дѣло всѣ средства, чтобы произвести эту окраску, а рабочій работалъ, повинаясь ихъ указаніямъ.

Повсюду промышленность состоитъ изъ теоріи, ея примѣненія и исполненія. Только нація, отличающаяся въ этихъ троякаго рода операціяхъ, можетъ быть названа вполне промышленною націей. Если она не искусна въ той или другой изъ этихъ операцій, то она не можетъ произвести продуктовъ, являющихся результатомъ всѣхъ трехъ операцій. Уже изъ этого одного можно видѣть пользу наукъ, которыя на первый взглядъ, какъ будто удовлетворяютъ только праздному любопытству.

Негры на африканскомъ побережьѣ отличаются большою ловкостью: они очень искусны во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ и ручномъ трудѣ, но они представляются мало способными въ двухъ первыхъ операціяхъ промышленности. А потому имъ поневолѣ приходится покупать у европейцевъ ткани, оружіе, украшенія, въ которыхъ нуждаются. Страна ихъ такъ мало производительна, несмотря на свое естественное плодородіе, что суда, ходившія къ нимъ за покупкой невольниковъ, не находили тамъ даже достаточно припасовъ, чтобы прокормиться.

во время пути и принуждены были запасаться ими вранѣе.

Современные народы, болѣе чѣмъ древніе, и европейцы, болѣе чѣмъ остальные обитатели земного шара, обладали свойствами, благопріятными для промышленности. Самый ничтожный обыватель любого изъ нашихъ городовъ пользуется множествомъ такихъ жизненныхъ удобствъ, въ которыхъ принужденъ отказывать себѣ повелитель дикарей. Достаточно назвать только стекло, которое, пропускающая свѣтъ въ жилище и въ то же время защищая его отъ измѣнчивостей климата, — одно ужъ стекло представляетъ собою удивительный результатъ наблюденій, знаній и усовершенствованій въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Надо было узнать прежде, какой сортъ песка способенъ превращаться въ тягучее, крѣпкое и прозрачное вещество; при помощи какихъ смѣсей и при какой степени жара можно выдѣлать этотъ предметъ. Надо было узнать также, какую наилучшую форму придать плавильнымъ горнамъ. Одна рама, къ которой прикрѣпляется стекло, есть результатъ тщательнаго изученія крѣпости дерева и способовъ употребленія его на это дѣло.

Но однихъ знаній было недостаточно. Они могли существовать только въ памяти нѣсколькихъ лицъ или въ книгахъ. Требовалось, чтобы явилось лицо, вооруженное способами приложить ихъ къ дѣлу. Такой мануфактуристъ началъ съ того, что сталъ изучать все, что было извѣстно по этой отрасли промышленности, онъ собралъ капиталы, созвалъ строителей, рабочихъ и каждому изъ нихъ отвелъ особое дѣло.

Наконецъ, искусство рабочихъ, изъ которыхъ одни построили зданіе и плавильни, другіе поддерживали огонь, составляли смѣси, выдували стекло, рѣзали его, распиливали, прилаживали, вставляли и т. д., — это искусство, говорю я, довершило работу. И вотъ получился продуктъ, польза и красота котораго превосходятъ все, что только могли себѣ представить люди, незнакомые еще съ этимъ удивительнымъ даромъ человѣческой промышленности.

Благодаря промышленности, самыя негодныя вещества сдѣлались въ высшей степени полезными. Тряпки, ни на что непригодные отбросы хозяйства превратились въ легкіе, бѣлые листы, переносящіе на край свѣта заказы торговли и знакомство съ приемами искусства. Являясь носителями изобрѣтеній человѣческаго генія, эти листы передаютъ намъ опыты вѣковъ. Они хранятъ наши права на собственность; мы ввѣряемъ имъ самыя благородныя и самыя нѣжныя движенія нашего сердца и, благодаря имъ, пробуждаемъ такія-же чувства и въ душѣ намъ подобныхъ. Бумага, облегчая намъ до невѣроятной степени сношенія между людьми, можетъ быть отнесена къ числу такихъ продуктовъ, которые наиболѣе улучшили судьбу человѣчества. А насколько счастливѣе была бы эта судьба, если бы такое могущественное средство просвѣщенія не становилось иногда проводникомъ лжи и орудіемъ тиранніи.

Необходимо замѣтить, что знанія ученаго, столь необходимыя для развитія промышленности, довольно легко передаются отъ одного народа къ другому. Ученые сами заинтересованы въ ихъ ра-

спространеніи: они увеличиваютъ ихъ личное благосостояніе и упрочиваютъ ихъ репутацію, которая для нихъ бываетъ дороже богатства. Слѣдовательно, народъ, въ которомъ науки еще мало развиты, можетъ однако дать широкое развитіе своей промышленности, пользуясь свѣтомъ науки отъ другихъ народовъ. Не такъ бываетъ съ умѣньемъ прилагать знанія къ потребностямъ человека и таланты къ практикѣ. Эти способности бываютъ полезны только тѣмъ, которые ими обладаютъ; поэтому страна, гдѣ много купцовъ, мануфактуристовъ и опытныхъ земледѣльцевъ, имѣетъ болѣе средствъ къ благосостоянію, чѣмъ другая страна, отличающаяся преимущественно развитіемъ умственной дѣятельности. Въ эпоху возрожденія въ Италіи науки были въ Болоньѣ, а богатства—во Флоренціи, Генуѣ и Венеціи.

Современная Англія обязана своими несмѣтными богатствами не столько своимъ ученымъ, хотя она насчитываетъ у себя многихъ весьма выдающихся дѣятелей этого рода, сколько замѣчательному таланту своихъ предпринимателей въ практическомъ дѣлѣ производства и рабочихъ, умѣющихъ хорошо и быстро исполнять работу. Національная гордость, въ которой упрекаютъ англичанъ, не мѣшаетъ имъ быть самой укладистой націей, когда надо приладиться къ потребностямъ потребителей: они снабжаютъ шляпами и сѣверъ и югъ, потому что умѣютъ дѣлать ихъ легкими для юга и теплыми для сѣвера. Нація-же, умѣющая изготовлять шляпы только по одному образцу, продаетъ ихъ только дома.

Англійскій рабочій восполняетъ предпринимателя;

вообще онъ трудолюбивъ и терпѣливъ, онъ не любитъ выпускать изъ рукъ предметъ своего труда, до тѣхъ поръ пока не придастъ ему со всею точностью того совершенства, какое требуется. Онъ не употребляетъ на это больше времени, но онъ прилагаетъ гораздо больше вниманія, заботливости, прилежанія, чѣмъ большинство рабочихъ въ другихъ странахъ.

Впрочемъ, нѣтъ ни одного народа, который долженъ-бы отчаяваться, что не можетъ пріобрѣсть способностей, необходимыхъ для того, чтобы сдѣлаться вполне промышленнымъ народомъ. Не болѣе полутора ста лѣтъ тому назадъ сама Англія была еще такъ мало развита въ промышленномъ отношеніи, что получала изъ Бельгіи почти всѣ свои ткани, и не прошло еще восьмидесяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Германія снабжала мелкими металлическими издѣліями страну, которая теперь снабжаетъ ими весь міръ.

Я сказалъ, что земледѣлецъ, мануфактуристъ и купецъ пользуются пріобрѣтенными знаніями и примѣняютъ ихъ къ потребностямъ людей; но чтобы съ успѣхомъ дѣйствовать на этомъ поприщѣ, имъ необходимы еще другія знанія, которыя они могутъ пріобрѣсть только на практикѣ производства и которыя можно назвать положительными знаніями ихъ профессій. Если-бы самый свѣдущій натуралистъ вздумалъ самъ заняться удобреніемъ своихъ полей, то имѣлъ-бы, вѣроятно, меньше успѣха, чѣмъ его фермеръ, хотя и понимаетъ это дѣло гораздо лучше его. Самый опытный механикъ, хорошо знакомый съ механизмомъ прядильныхъ машинъ, вытянулъ-бы, вѣроятно, очень плохую нитку, если-бы не нау-

чился хорошенько этому дѣлу на практикѣ. Въ искусствахъ есть всегда извѣстная степень совершенства, которая достигается опытомъ и послѣдовательнымъ рядомъ попытокъ, изъ которыхъ однѣ удаются, а другія нѣтъ. Итакъ, однихъ знаній не достаточно для успѣха искусствъ: тутъ необходимъ еще опытъ, болѣе или менѣе рискованный, успѣхъ котораго не всегда окупаетъ то, чего онъ стоитъ. Если такой опытъ удастся, то конкуренція не замедлитъ умалить барыши предпринимателя, а общество сдѣлается обладателемъ новаго продукта, или—что тоже самое, воспользуется пониженіемъ цѣны прежняго продукта.

Въ сельскомъ хозяйствѣ, опыты, кромѣ труда и капиталовъ, на нихъ посвящаемыхъ, стоятъ обыкновенно еще и поземельной ренты въ теченіе одного или болѣе лѣтъ, когда они производятся.

Въ мануфактурной промышленности производство опытовъ основывается на болѣе вѣрныхъ расчетахъ, не такъ долго занимаетъ капиталы и, въ случаѣ удачи, доставляетъ предпринимателю болѣе продолжительное и исключительное пользованіе добытымъ успѣхомъ, такъ какъ употребленные ими при этомъ пріемы бывають менѣе замѣтны, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ промышленности. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ право исключительнаго пользованія новымъ изобрѣтеніемъ гарантируется особыми привилегіями. Во всякомъ случаѣ успѣхи въ мануфактурной промышленности совершаются вообще гораздо быстрѣе и бывають гораздо разнообразнѣе, чѣмъ въ земледѣліи.

Въ торговой промышленности, еще болѣе чѣмъ въ другихъ, опыты бывають очень рискованными,

если необходимые для этого расходы не имѣли въ тоже время какого-нибудь другого назначенія. Если негоціантъ дѣлаетъ опытъ перевезти какой-нибудь продуктъ, извѣстный въ одной странѣ, въ другую, гдѣ онъ былъ неизвѣстенъ, то лишь тогда, когда коммерческое предпріятіе его стоитъ на твердомъ основаніи. Такъ голландцы, когда вели торговлю съ Китаемъ, около половины семнадцатаго столѣтія сдѣлали попытку, не рассчитывая на большой успѣхъ, — привезти оттуда новый продуктъ, въ видѣ мелкихъ высушенныхъ листьевъ, изъ которыхъ китайцы дѣлали напитокъ, бывшій у нихъ въ большомъ употребленіи. И вотъ возникла торговля чаемъ, котораго ежегодно ввозится въ Европу болѣе 45 милліоновъ фунтовъ, продающихся болѣе, чѣмъ на 300 милл. *).

Помимо совершенно исключительныхъ случаевъ благоразуміе требуетъ, можетъ быть, чтобы на производство промышленныхъ опытовъ употреблялись не капиталы, назначенные на вполне прочное производство, а только доходы, которые каждый можетъ, безъ ущерба своему благосостоянію, тратить, какъ ему вздумается. Такія прихоти, направляющія къ полезной цѣли и доходы, и досугъ, которыми такъ много людей пользуются для своихъ удовольствій, а иногда и для чего-нибудь хуже — во всякомъ случаѣ похвальны. Я не думаю, чтобы можно было найти болѣе благородное употребленіе богатства и личныхъ талантовъ. Какой-нибудь богачъ и филантропъ можетъ этимъ обогатить

---

*) Эти цифры не имѣютъ теперь, конечно, никакого серьезнаго значенія.

классъ промышленниковъ и потребителей, т. е. весь міръ, такими продуктами, которые во много разъ превосходятъ цѣнность того, что онъ даетъ, и даже цѣнность всего его богатства, какъ-бы оно ни было велико. Попробуйте, если это возможно, подсчитать, чего стоилъ человѣчеству неизвѣстный изобрѣтатель плуга!

IV.

Употребленіе машинъ.

Съ какой точки зрѣнія мы должны смотрѣть на машины, начиная съ самаго простаго орудія и кончая самымъ сложнымъ, начиная съ подпилка и кончая самымъ обширнымъ аппаратомъ? Орудія суть только простыя машины, а машины—только сложныя орудія, которыми мы пользуемся для увеличенія силы нашихъ рукъ; и тѣ, и другія во многихъ отношеніяхъ являются лишь средствами для того, чтобы воспользоваться естественными силами природы. Результатъ ихъ, очевидно, долженъ состоять въ томъ, чтобы съ меньшимъ трудомъ получить тоже количество полезностей или, — что то-же самое — получить больше полезностей при томъ-же количествѣ труда. Орудія и машины расширяютъ власть человѣка; они заставляютъ физическія тѣла и силы служить человѣческому разуму; въ употребленіи ихъ заключается наибольшій прогрессъ промышленности.

Но введеніе чего-бы то ни было новаго, даже самаго драгоценнаго, всегда сопровождается какими-нибудь неудобствами; всегда чьи-нибудь интересы связаны съ сохраненіемъ прежнихъ, худшихъ пріемовъ и нарушаются введеніемъ новыхъ,

болѣе усовершенствованныхъ приемовъ. Всякій разъ, какъ новая машина или, вообще, какой-нибудь новый приемъ замѣняютъ собою дѣйствовавшій до тѣхъ поръ человѣческій трудъ, часть рабочихъ вытѣсняется и на время остается безъ работы. Изъ этого выводили довольно важныя доказательства противъ употребленія машинъ, а во многихъ мѣстахъ введеніе ихъ было приостанавливалось яростью толпы и даже распоряженіями администраціи. Тѣмъ не менѣе было-бы безуміемъ отталкивать отъ себя такія усовершенствованія, которыя навсегда могутъ быть благодѣтельны для человѣчества, изъ-за того только, что они на первыхъ порахъ представляютъ какія-нибудь неудобства. Притомъ эти неудобства обыкновенно смягчаются еще разными обстоятельствами, которыя всегда надо принимать въ соображеніе.

1. Введеніе и распространеніе новыхъ машинъ совершается вообще очень медленно, такъ что рабочіе, интересы которыхъ могутъ пострадать при этомъ, всегда имѣютъ достаточно времени принять свои мѣры предосторожности, а администрація — подготовить средства къ устраненію этихъ невыгодъ.

2. Нельзя ввести никакихъ машинъ безъ того, чтобы не употребить много предварительнаго труда, который можетъ доставить занятіе людямъ трудолюбивымъ и лишившимся временно, благодаря машинамъ, работы. Когда вводится, на примѣръ, гидравлическая машина, вытѣсняющая собою въ большомъ городѣ трудъ водолазовъ, то приходится, хотя-бы на нѣкоторое время, дать работу такимъ рабочимъ, какъ плотники, каменщики, кузнецы, земле-

копы для постройки зданій, прокладки трубъ, побочныхъ вѣтвей и т. п.

3. Положеніе потребителей, а слѣдовательно и рабочаго класса, который страдаетъ, улучшается вслѣдствіе удешевленія того самаго продукта, надъ которымъ онъ работаетъ.

Сверхъ того, всякое стараніе воспрепятствовать введенію машины, въ виду могущихъ оказаться при ея изобрѣтеніи временныхъ неудобствъ, было-бы совершенно напраснымъ. Если машина выгодна, то она все равно гдѣ-нибудь да будетъ введена, продукты ея будутъ дешевле тѣхъ продуктовъ, которые ваши рабочіе будутъ производить самымъ трудолюбивымъ образомъ, и рано или поздно дешевизна этихъ продуктовъ отобьетъ отъ рабочихъ и потребителей и работу.

Если-бы ручные прядильщики хлопка, которые въ 1789 г. разбили прядильныя машины, введенныя-было въ Нормандіи, продолжали дѣйствовать въ томъ-же направленіи, то намъ пришлось-бы совсѣмъ отказаться отъ хлопчато-бумажнаго производства; всѣ хлопчато-бумажные товары привозились-бы къ намъ изъ-за границы, или были-бы замѣнены другими. Тогда нормандскіе прядильщики, которые все-таки кончили тѣмъ, что поступили большею частью на крупныя мануфактуры, еще сильнѣе пострадали-бы отъ недостатка работы.

Вотъ каковы бывають ближайшіе результаты введенія новыхъ машинъ. Что-же касается до послѣдствій болѣе отдаленныхъ, то они всѣ — въ пользу машинъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если человекъ при помощи машинъ завоевываетъ природу и заставляетъ рабо-

тать на себя ея естественныя силы и разные естественныя факторы, то выгода здѣсь очевидна: тутъ всегда оказывается или увеличеніе продукта или уменьшеніе издержекъ производства. Если продажная цѣна продукта не падаетъ, то это завоеваніе приходится въ пользу производителя и въ то-же время ничего не стоить потребителю. Если цѣна понизится, то потребитель получаетъ выгоду на всю сумму этого пониженія, причемъ производитель не несетъ никакого убытка.

Обыкновенно умноженіе продукта вызываетъ паденіе цѣны на него: дешевизна способствуетъ большому распространенію его, и производство его, хотя и стало гораздо быстрѣе, не замедлитъ занять большее число рабочихъ чѣмъ прежде. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что хлопчато-бумажное производство занимаетъ теперь въ Англіи, во Франціи и Германіи гораздо больше рукъ, чѣмъ до введенія машинъ, такъ значительно сократившихъ и улучшившихъ этотъ трудъ.

Довольно поразительный примѣръ того-же рода представляетъ машина, служащая къ быстрому снятію копій съ одной и той-же рукописи—я говорю о книгопечатаніи.

Оставляя здѣсь въ сторонѣ вліяніе, какое вообще имѣло книгопечатаніе на усовершенствованіе человѣческихъ знаній и цивилизацію, я посмотрю на него просто какъ на мануфактуру и на ея значеніе въ экономическомъ отношеніи. Въ моментъ введенія книгопечатанія множество переписчиковъ остались безъ работы, ибо можно съ увѣренностью сказать, что одинъ наборщикъ типографіи замѣнилъ собою двѣсти переписчиковъ. Слѣдова-

тельно, можно утверждать, что сто девяносто девять рабочихъ изъ двухсотъ остались безъ работы. И что-же? Легкость, съ которою печатныя книги читаются въ сравненіи съ рукописями, дешевизна, до которой дошли печатныя книги, несравненно большее число сочиненій, которыя стали издавать писатели вслѣдствіе толчка, даннаго этимъ изобрѣтеніемъ—всѣ эти причины повели къ тому, что по прошествіи очень короткаго времени рабочихъ-типографщиковъ оказалось гораздо болѣе, чѣмъ сколько было прежде переписчиковъ. И если-бы теперь можно было точно высчитать не только число рабочихъ въ типографіяхъ, но и число всѣхъ лицъ, которымъ они даютъ работу, граверовъ, рѣшниковъ, литейщиковъ, возчиковъ, бумажныхъ фабрикантовъ, корректоровъ, переплетчиковъ, книгопродавцевъ, то оказалось-бы, можетъ быть, что число лицъ, занятыхъ теперь фабрикаціей книгъ, въ сто разъ больше того числа, которое было занято до изобрѣтенія книгопечатанія.

Да позволено мнѣ будетъ прибавить здѣсь, что если сравнивать вообще употребленіе рабочихъ рукъ съ употребленіемъ машинъ и при этомъ сдѣлать крайнее предположеніе—что когда нибудь машины замѣнятъ собою почти весь ручной трудъ, то увидишь, что число людей не уменьшится, потому что не уменьшится и сумма производствъ. Кромѣ того на землѣ будетъ, можетъ быть, меньше страданій въ средѣ нуждающагося рабочаго класса, потому что тогда при тѣхъ потрясеніяхъ, которыя по временамъ придется переносить разнымъ отраслямъ промышленности, будутъ оставаться безъ работы не люди, а главнымъ образомъ машины,

т. е. капиталы; машины-же не умрут съ голоду—они только перестанутъ приносить доходъ своимъ предпринимателямъ, которые вообще стоятъ отъ нужды дальше, чѣмъ простые рабочіе.

Но какъ-бы ни были велики выгоды, которыя въ концѣ-концовъ приносятъ употребленіе всякой новой машины не только одному классу предпринимателей, но и рабочимъ, а самую большую выгоду извлекаютъ изъ нея все-таки потребители. Они составляютъ всегда самый важный классъ общества, потому что онъ—самый многочисленный, потому что въ составъ его входятъ производители всякаго рода и потому что благополучіе этого класса составляетъ и общее благосостояніе, процвѣтаніе всей страны *). Я говорю, что главную выгоду извлекаютъ изъ машинъ потребители: если изобрѣтатели исключительно пользуются, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, плодами своего открытія, то въ этомъ нѣтъ ничего несправедливаго; съ другой стороны, не было примѣра, чтобы долго хранилась какая-нибудь тайна изобрѣтенія. Въ концѣ-концовъ все становится извѣстнымъ, въ особенности-же то, что старается раскрыть личный интересъ человѣка и что ввѣрено скромности многихъ

---

*) Можетъ показаться парадоксальнымъ, но тѣмъ не менѣе вѣрно, что рабочій классъ больше всѣхъ другихъ заинтересованъ въ техническомъ успѣхѣ производства, сберегающемъ ручной трудъ, ибо именно этотъ классъ, наиболѣе нуждающійся, извлекать наибольшую пользу изъ дешевизны товаровъ и наиболѣе страдаетъ отъ дороговизны. Если-бы до сихъ поръ не умѣли превращать зерна въ муку иначе какъ ручнымъ трудомъ, то рабочему было-бы гораздо труднѣе приобрѣтать хлѣбъ по доступной ему цѣнѣ, а если-бы не были изобрѣтены вязальныя машины, то онъ не носилъ-бы чулокъ.

лицъ, строившихъ машину и пользующихся ея услугами. Кромѣ того, какъ только раскрыта тайна изобрѣтенія, является конкуренція, которая понижаетъ цѣнность продукта на всю сумму сэкономленныхъ издержекъ производства, и съ этого-то момента начинается выгода потребителя. Размоль хлѣба, вѣроятно, не доставляетъ теперь мельникамъ больше дохода, чѣмъ въ прежнее время, но онъ обходится гораздо дешевле потребителямъ.

Дешевизна не составляетъ однако единственной выгоды, которую введеніе улучшенныхъ приѣмовъ производства доставляетъ потребителямъ: они выигрываютъ вообще и въ болѣе совершенной обработкѣ продуктовъ. Правда, художники могли-бы отъ руки исполнять рисунки, украшающіе наши набивныя матеріи, наши обои, но печатныя доски и валики, которые употребляются для этого, сообщаютъ рисунку такую правильность, а краскамъ такую ровность, которыхъ не могъ-бы достигнуть самый искусный художникъ.

Если постепенно разсмотрѣть всѣ промышленныя искусства, то увидишь, что большая часть машинъ не ограничиваются только тѣмъ, что просто помогаютъ человѣческому труду, а создаютъ какъ-бы совершенно новые продукты тѣмъ, что совершенствуютъ ихъ. Коромысло, плющильная машина производятъ такіе продукты, которыхъ искусство и старанія самаго искуснаго рабочаго никогда не могли-бы произвести безъ этихъ машинъ.

Наконецъ, машины дѣлаютъ еще больше: онѣ увеличиваютъ количество даже такихъ предметовъ, въ производствѣ которыхъ сами не участвуютъ. Не повѣрять, можетъ быть, если не вдуматься хоро-

шенько въ дѣло, что соха, борона и подобныя орудія, происхожденіе которыхъ теряется во мракѣ времени, могущественно содѣйствовали пріобрѣтенію человѣкомъ многихъ предметовъ не только жизненной необходимости, но и такихъ предметовъ прихоти, которыми онъ теперь пользуется и о которыхъ, безъ этихъ орудій, онъ не имѣлъ-бы, вѣроятно, ни малѣйшаго представленія. Однако, если-бы для разныхъ способовъ обработки почвы пришлось пользоваться однимъ только заступомъ, мотыкою и другими столь-же малосовершенными орудіями; если-бы нельзя было пользоваться для этихъ работъ животными, которыя, съ точки зрѣнія политической экономіи, представляются своего рода машинами, то пришлось-бы, вѣроятно, для полученія сѣстныхъ припасовъ, сохраняющихъ жизнь теперешняго населенія, употребить въ дѣло безъ исключенія всѣ рабочія руки, которыя теперь заняты въ разныхъ отрасляхъ промышленности. Итакъ, плугъ далъ возможность извѣстному числу рабочихъ посвятить себя другимъ, хотя-бы самымъ ничтожнымъ занятіямъ, а что еще важнѣе — развитію умственныхъ способностей.

Древніе не знали мельницъ: въ ихъ время люди собственными руками растирали зерно, изъ котораго приготовлялся хлѣбъ. Говорятъ, что сила паденія воды, приводящей въ движеніе мельницу, равна силѣ ста-пятидесяти человѣкъ. Стало-быть, сто-пятьдесятъ человѣкъ, которыхъ древніе принуждены были употреблять больше чѣмъ мы, вза-мѣнъ только одной изъ такихъ мельницъ, могутъ свободно существовать въ наши дни, какъ они существовали и прежде, потому что мельница не

уменьшила количества предметовъ, обращающихся въ обществѣ, а въ тоже время промышленность, въ которой они работаютъ, можетъ производить еще другіе продукты, которые мѣняются на продукты мельницы, а тѣмъ самымъ умножается народное богатство.

V.

Т е о р і я с б ы т а .

Предприниматели въ разныхъ отрасляхъ промышленности говорятъ обыкновенно, что не трудно произвести, а трудно продать, что можно всегда произвести достаточное количество товаровъ, если легко найти имъ вѣрный сбытъ. Когда продажа ихъ продуктовъ идетъ медленно, туго и не даетъ выгодъ, то они говорятъ — *денегъ мало*; все желаніе такихъ людей состоитъ въ томъ, чтобы потребленіе было дѣятельнѣе, чтобы оно умножало продажи и поддерживало цѣны. А если спросить ихъ — какія обстоятельства, какія причины благоприятствуютъ размѣщенію ихъ продуктовъ, то окажется, что эти люди имѣютъ обыкновенно весьма смутное представленіе объ этомъ предметѣ, что они дурно наблюдаютъ факты и еще хуже объясняютъ ихъ, что они принимаютъ за вѣрное то, что подлежитъ еще большому сомнѣнію, желаютъ того, что прямо противно ихъ интересамъ, и стараются отъ власти получить покровительство, ведущее обыкновенно къ плохимъ результатамъ.

Чтобы составить себѣ болѣе вѣрное и примѣнимое къ практикѣ понятіе о томъ, что мѣста сбыта открываютъ продуктамъ промышленности,

разсмотримъ здѣсь всѣмъ извѣстные и постоянно повторяющіеся факты; сопоставимъ ихъ съ тѣмъ, что уже выяснено нами тѣмъ-же путемъ, — можетъ быть мы откроемъ тогда истины новыя, важныя и способныя освѣтить желанія промышленниковъ и стремленія правительства, такъ горячо принимающаго ихъ подъ свое покровительство.

Человѣкъ въ промышленности старается сообщить цѣнность своимъ продуктамъ, создавая для нихъ какое нибудь полезное употребленіе, и можетъ надѣяться, что его товаръ будетъ оцѣненъ и проданъ только тамъ, гдѣ есть люди, имѣющіе средства купить его. Изъ чего состоятъ эти средства? Изъ другихъ цѣнностей, изъ другихъ продуктовъ, плодовъ промышленности, изъ ихъ капиталовъ, земель. А изъ этого слѣдуетъ, хотя на первый взглядъ это можетъ показаться парадоксомъ, что сбытъ для продуктовъ создается самимъ производствомъ.

Если какой нибудь продавецъ матерій скажетъ: „въ сбмѣнѣ на мои продукты я требую не продуктовъ, а денегъ“, то ему не трудно было-бы доказать, что покупатель его товара можетъ заплатить ему деньгами, полученными за товары, которые онъ продаетъ въ свою очередь. Ему можно было-бы отвѣтить такъ: такой-то фермеръ купить ваши матеріи, если у него будетъ хорошій урожай, и онъ купить у васъ ихъ тѣмъ больше, чѣмъ обильнѣе будетъ его жатва. Но онъ ничего не купить, если самъ ничего не произведетъ.

Да и вы сами купите у него хлѣба и шерсти лишь настолько, насколько сработали матеріи. Вы утверждаете, что вамъ нужны не продукты, а деньги,

а я вамъ говорю, что вамъ нужны продукты. Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ вамъ деньги? Не правда-ли—затѣмъ, чтобы купить на нихъ сырыхъ матеріаловъ для вашей промышленности, или съѣстныхъ припасовъ для васъ самихъ? *) Изъ этого вы сами видите, что вамъ нужны не деньги, а продукты. Деньги, за которыя вы продадите ваши продукты и на которыя купите другіе продукты, будутъ служить для той-же цѣли двумъ другимъ сторонамъ, а потомъ опять въ другой и въ третій разъ, и такъ безъ конца, подобно тому какъ повозка, которая, перевезя продукты, вами проданные, повезетъ потомъ другіе, третьи и т. д. Когда вамъ полезно бываетъ продать ваши продукты, то развѣ вы ссылаетесь на то, что у покупателей нѣтъ повозокъ, чтобы перевезти ихъ? Тоже самое и деньги, онѣ—тѣ же повозки, перевозящія цѣнность продуктовъ. Все назначеніе ихъ въ томъ, чтобы перевезти къ вамъ цѣнность продуктовъ, которые покупатель продалъ, чтобы купить у васъ ваши продукты; точно также деньги повезутъ къ тому, у кого вы купили, цѣнность продуктовъ, которые вы продали другимъ.

Слѣдовательно, если весь міръ покупаетъ предметы, въ которыхъ всѣ нуждаются, то не иначе какъ на цѣнность продуктовъ, только на время превратившихся въ опредѣленную сумму денегъ,

---

*) Даже и въ томъ случаѣ, когда деньги копятъ только ради того, чтобы копить ихъ, назначеніе ихъ въ концѣ-концовъ состоитъ все-таки въ томъ, чтобы купить на нихъ что нибудь. Если покупаетъ на нихъ даже и не тотъ, кто накопилъ ихъ, то покупаетъ его наслѣдникъ, или кто нибудь другой, въ чьи руки случайно они попадаютъ, ибо деньги, какъ деньги, никакого другого употребленія имѣть не могутъ.

которую вы покупаете. Иначе какимъ-же образомъ могло-бы быть, что теперь во Франціи въ одинъ годъ покупается въ шесть и въ восемь разъ больше предметовъ, чѣмъ сколько покупали въ несчастное царствованіе Карла VI? Это происходитъ, очевидно, оттого, что теперь производится также въ шесть или восемь разъ больше продуктовъ, чѣмъ прежде и потому что они продаются въ обмѣнъ одни на другіе“.

Говорятъ и такъ: *нельзя продать, потому что мало денегъ*. Но здѣсь средство принимается за причину. Ошибка, которую при этомъ дѣлаютъ, происходитъ отъ того, что почти всѣ продукты обыкновенно превращаются въ деньги прежде, чѣмъ они обмѣнены на другіе продукты, и отъ того, что товаръ, появляющійся такъ часто, получаетъ въ глазахъ толпы значеніе товара по преимуществу, является конечною цѣлью всѣхъ торговыхъ сношеній, тогда какъ на самомъ дѣлѣ онъ служитъ не болѣе какъ посредникомъ въ этихъ сдѣлкахъ. Нельзя, слѣдовательно, говорить: *нельзя продать, потому что мало денегъ*, а надо сказать такъ: *нельзя продать, потому что мало другихъ продуктовъ*. Денегъ всегда довольно, чтобы служить обращенію и взаимному обмѣну другихъ цѣнностей, если только эти цѣнности дѣйствительно существуютъ. Когда-же ощущается недостатокъ денегъ въ массѣ совершающихся сдѣлокъ, то его легко пополнить, и самая надобность въ пополненіи служитъ указателемъ на благопріятное положеніе дѣлъ. А именно: она указываетъ на то, что есть, значитъ, большое количество произведенныхъ цѣнностей, на которыя желаютъ пріобрѣсть большое количество другихъ

цѣнностей. Въ такихъ случаяхъ товаръ, служащій посредникомъ и облегчающій заключеніе сдѣлокъ, т.-е. деньги, легко замѣняется другими извѣстными въ торговомъ морѣ способами, а вскорѣ затѣмъ опять притекають деньги, такъ какъ монета есть товаръ, а всякій товаръ направляется туда, гдѣ въ немъ чувствуется потребность. Стало-быть, это—хорошій знакъ, коли не хватаетъ денегъ въ торговлѣ, точно также—хорошій знакъ, коли въ магазинахъ не хватаетъ товаровъ.

Когда какого-нибудь товара очень много и онъ не находитъ себѣ покупателей, то причина этого вовсе не въ томъ, что недостатокъ денегъ останавливаетъ продажу. Продавцы его были-бы очень довольны получить цѣнность своего товара такими продуктами, которые нужны имъ для ихъ потребленія, по курсу настоящаго дня; они совсѣмъ не ищутъ денегъ и не имѣютъ въ нихъ надобности, а если и желаютъ имѣть ихъ, то лишь для того, чтобы превратить ихъ въ предметы своего потребленія.

Производитель, который думалъ-бы, что его потребители состоятъ не только изъ тѣхъ, которые сами производятъ, но также и изъ многихъ другихъ классовъ, которые матеріально сами ничего не производятъ, какъ, напримѣръ, чиновники, врачи, юристы, духовенство и пр., и вывелъ-бы изъ этого то заключеніе, что есть еще другіе рынки кромѣ тѣхъ, которые представляютъ лица, сами производящія что-нибудь,—производитель, разсуждающій такимъ образомъ, доказалъ-бы только, что онъ судитъ по одной внѣшности и не умѣетъ проникнуть въ сущность дѣла. Въ самомъ дѣлѣ, вотъ

священникъ, который идетъ къ торговцу, чтобъ купить себѣ эпитрахиль или стихарь; цѣнность, которую онъ несетъ въ лавку, это — сумма денегъ. Откуда онъ взялъ ее? Отъ сборщика податей, который получилъ ее отъ плательщика ихъ. Откуда-же взялъ ее плательщикъ налога? Она произведена имъ самимъ. Эта самая цѣнность, произведенная плательщикомъ налога и промѣненная на деньги, а потомъ переданная священнику, и дала ему возможность сдѣлать свою покупку. Священникъ сталъ на мѣсто производителя, а производитель могъ-бы и самъ, на цѣнность своего продукта, купить если не эпитрахиль или стихарь, то какой-нибудь другой болѣе полезный для себя продуктъ. Потребленіе продукта, называемаго стихаремъ, совершилось на счетъ какого-нибудь другого потребленія. Но какъ-бы то ни было, а покупка всякаго продукта не можетъ совершиться иначе, какъ на цѣнность другого продукта.

Первый выводъ, который можно сдѣлать изъ этой важной истины, состоитъ въ томъ, что чѣмъ больше въ каждомъ государствѣ производителей и чѣмъ многочисленнѣе производства, тѣмъ легче, разнообразнѣе и обширнѣе сбытъ продуктовъ.

Въ мѣстахъ, которыя много производятъ, создается то, на что только и можно купить — *цѣнность*. Деньги исполняютъ лишь временную роль въ процессѣ обмѣна; какъ только состоялись сдѣлки, всегда оказывается, что за продукты заплачено только продуктами.

Полезно замѣтить здѣсь, что каждый продуктъ, съ того самаго момента, какъ онъ произведенъ, открываетъ собою сбытъ для другихъ продуктовъ

на полную сумму своей цѣнности. И точно, лишь только послѣдній производитель окончилъ свой продуктъ, ничего онъ такъ сильно не желаетъ, какъ продать его, дабы цѣнность этого продукта не осталась праздною у него на рукахъ. Но не меньше спѣшить онъ отдѣлаться и отъ денегъ, которыя доставила ему продажа этого продукта, дабы также не осталась у него на рукахъ и цѣнность вырученныхъ денегъ. Но сбыть деньги можно только покупкою какого-нибудь продукта. Изъ этого видно, что одинъ только фактъ производства товара, въ тотъ самый моментъ какъ онъ произведенъ, открываетъ сбытъ для другихъ продуктовъ.

Вотъ почему хорошій урожай выгоденъ не только земледѣльцамъ, но и торговцамъ всѣми другими продуктами, а не однимъ хлѣбомъ. Покупаютъ всегда больше тогда, когда собираютъ больше. На-оборотъ, дурной урожай вредитъ всѣмъ продавцамъ. То-же самое можно сказать и объ урожаяхъ въ области мастерства и торговли. Та отрасль торговли, которая процвѣтаетъ, даетъ средства купить, а слѣдовательно доставляетъ возможность и продать по всѣмъ другимъ отраслямъ торговли. На-оборотъ, если какая-нибудь отрасль промышленности или торговли идетъ вяло, страдаютъ и всѣ остальные.

Если это такъ, то откуда берется, спросятъ меня, такое большое количество товаровъ, которые иногда загромождаютъ обращеніе, потому что не находятъ себѣ покупателей? Почему-же эти товары не покупаются одни на другіе?

На это я отвѣчу, что если товары не продаются, или продаются съ убыткомъ, то они, зна-

чить, превышаютъ сумму потребностей въ нихъ, или потому, что ихъ было произведено слишкомъ много, или еще болѣе потому, что другія производства дали товаровъ меньше чѣмъ нужно. Извѣстныхъ продуктовъ слишкомъ много, потому что не достаетъ другихъ.

Выражаясь проще — многіе меньше купили, потому что сами меньше выработали, а выработали они меньше потому, что встрѣтили затрудненія въ примѣненіи способовъ своего производства, или-же потому, что у нихъ не достало этихъ средствъ.

Можно замѣтить также, что въ одно и то-же время одни товары продаются туго, а другіе, наоборотъ, дорожаютъ до непомерно высокихъ цѣнъ. Такъ какъ поднявшіяся цѣны должны-бы представлять достаточныя причины къ усиленію производства, то тутъ дѣйствуютъ, значить, какія-нибудь исключительной важности обстоятельства или насильственные мѣры, въ родѣ естественныхъ или политическихъ бѣдствій, алчности или неспособности правительствъ, которыя, искусственно поддерживая эту скудость, причиняютъ такое гибельное скопленіе. Если такая причина политической болѣзни минуетъ, то средства производства направляются туда, гдѣ оно отстало: постепенно развиваясь, оно благопріятствуетъ развитію и всѣхъ другихъ производствъ. Одно производство рѣдко опережало бы другія, а продукты его рѣдко обезцѣнивались бы, если-бы все было предоставлено собственному движенію.

Второй выводъ изъ того-же принципа состоитъ въ томъ, что каждый заинтересованъ въ благопо-

лучіи всѣхъ и что процвѣтаніе одной отрасли промышленности всегда благопріятно процвѣтанію всѣхъ прочихъ. Въ самомъ дѣлѣ, какую-бы промышленность ни взяли мы для примѣра, личные таланты находятъ въ ней тѣмъ лучшее примѣненіе и извлекаютъ для себя тѣмъ болѣе выгодъ, чѣмъ больше вокругъ нихъ людей, которые сами зарабатываютъ что-нибудь. Человѣкъ талантливый, печально прозябающій въ какой-нибудь странѣ, клонящейся къ упадку, нашель-бы множество занятій для своихъ способностей въ странѣ производительной, гдѣ онѣ могли-бы принести пользу и получать вознагражденіе. Купецъ въ какомъ-нибудь промышленномъ и богатомъ городѣ продаетъ на гораздо большія суммы, чѣмъ торговецъ, живущій въ бѣдномъ округѣ, гдѣ господствуетъ безпечность и лѣнь. Что могъ-бы сдѣлать энергическій мануфактуристъ или ловкій купецъ въ городѣ мало населенномъ и необразованномъ, въ какомъ-нибудь уголкѣ Испаніи или Польши? Хотя-бы онѣ и не встрѣтилъ тамъ никакого конкуррента, однако онѣ продавалъ-бы все-таки очень мало, потому что тамъ и производятъ мало, тогда какъ въ Парижѣ, Амстердамѣ, Лондонѣ онѣ дѣлалъ-бы огромныя дѣла, не смотря на конкурренцію сотенъ такихъ-же какъ онѣ купцовъ. Причина этого проста: здѣсь онѣ окруженъ людьми, которые производятъ много продуктовъ всѣхъ родовъ и дѣлаютъ закупки на то, что они произвели, т. е. на деньги, полученные отъ продажи того, что они произвели.

Въ этомъ заключается источникъ прибылей, получаемыхъ жителями городовъ съ людей деревенскихъ и получаемыхъ послѣдними съ первыхъ: и

тѣ и другіе покупаютъ другъ у друга тѣмъ больше, чѣмъ больше сами производятъ. Городъ, окруженный богатыми деревнями, находитъ тамъ многихъ и богатыхъ покупателей, точно также вблизи богатаго города деревенскіе продукты получаютъ большую цѣнность. Нѣтъ ничего несправильнѣе, какъ дѣлить народы на земледѣльческіе, промышленные и торговые. Если народъ преуспѣваетъ въ земледѣліи, то поэтому самому преуспѣваетъ и его мануфактурная промышленность и его торговля, а если процвѣтаетъ его мануфактурная промышленность и торговля, то развивается и земледѣліе.

Каждый народъ, въ отношеніи къ сосѣднему народу, находится въ такомъ-же положеніи, какъ всякая провинція въ отношеніи къ другой провинціи, какъ всякій городъ въ отношеніи къ окружающимъ его деревнямъ: всѣ онѣ заинтересованы въ его процвѣтаніи и въ томъ, чтобы онъ могъ увѣренно пользоваться своимъ благосостояніемъ. Слѣдовательно, Соединенные Штаты совершенно разумно старались всегда распространять промышленную дѣятельность среди дикихъ племенъ, которыми они окружены; они хотѣли, чтобы эти племена владѣли чѣмъ-нибудь, дабы могли дать что-нибудь въ обмѣнъ на то, что имъ нужно, ибо ничего нельзя извлечь изъ народовъ, которымъ нечего дать въ обмѣнъ. Для человѣчества чрезвычайно важно, чтобы народъ, среди своихъ сосѣдей, руководствовался въ каждомъ данномъ случаѣ принципами свободы. Блестящіе результаты, которые онъ получитъ при такомъ руководствѣ, докажутъ ему, что *пустыя системы, гибельныя теоріи* составляютъ исключительныя пра-

вила, ревниво охраняемая только въ старыхъ государствахъ Европы, которыя громко провозглашаютъ ихъ *практическими истинами*, потому только что эти системы и теоріи, къ сожалѣнію, приводятся ими въ исполненіе на практикѣ. Съверо-Американскому Союзу принадлежитъ въ будущемъ слава доказать на личномъ опытѣ, что самая высокая политика всегда находится въ согласіи съ умѣренностью и гуманностью.

Третій выводъ изъ того-же благотворнаго принципа заключается въ томъ, что ввозъ иностранныхъ продуктовъ благоприятенъ продажѣ внутреннихъ продуктовъ, потому что мы не можемъ купить иностранные товары иначе, какъ за продукты нашей промышленности, нашихъ земель и нашихъ капиталовъ, которымъ, слѣдовательно, торговля доставляетъ сбытъ. „Но мы, возразятъ мнѣ, платимъ за иностранные товары деньгами!“ Да, это такъ, но если наша земля не производитъ денегъ, то эти деньги приходится покупать на продукты нашей промышленности, а слѣдовательно на что-бы мы ни покупали заграничные товары— на собственные-ли продукты или на деньги, но эти покупки доставляютъ сбытъ національной промышленности.

Четвертый выводъ изъ того-же принципа заключается въ томъ, что потребленіе чистое и простое, имѣющее своимъ предметомъ—только вызвать новые продукты, ни въ чемъ не содѣйствуетъ богатству страны. Оно разрушаетъ, съ одной стороны, то, что вызываетъ съ другой. Чтобы потребленіе было благоприятно, нужно только, чтобы оно исполняло свою существенную задачу—удовлетво-

рять потребностямъ. Когда Наполеонъ требовалъ, чтобы придворные его являлись ко двору въ расшитыхъ кафтанахъ, то причинялъ этимъ лицамъ уронъ, который по меньшей мѣрѣ равнялся заработку, какой получали ихъ вышивальщицы. Онъ дѣлалъ еще хуже, когда онъ разрѣшалъ особыми распоряженіями тайную торговлю съ Англіей, требовалъ, чтобы вывозилась французскими товарами такая-же цѣнность, какую предполагалось ввезти. Купцы, пользовавшіеся этими разрѣшеніями, грузили на свои суда товары, которые, за невозможностью продать по ту сторону пролива, сваливали въ море тотчасъ-же по выходѣ изъ порта. Правительство, ничего не разумѣвшее въ политической экономіи, громко одобряло такой маневръ, признавало, что онъ очень выгоденъ для нашихъ мануфактуръ. Но каково-же было его дѣйствительное вліяніе? Купецъ, принужденный потерять всю цѣнность французскихъ товаровъ, которые онъ вывозилъ, продавалъ потомъ сахаръ и кофе, вывезенные изъ Англіи, а французскій потребитель оплачивалъ ему за нихъ сполна и всю цѣну товаровъ, которыми онъ не пользовался. Это — все равно, какъ если-бы, ради поощренія фабрикъ, закупили, за счетъ плательщиковъ, мануфактурные товары и побросали ихъ въ море *).

---

*) Англичанамъ важно было только сбывать во Францію по хорошей цѣнѣ свои колониальные товары. Слѣдовало, не смотря на войну, не мѣшать этому. Тогда французы, вмѣсто того, чтобы тратить 50 милл. на сахаръ, тратили-бы на него только 25 милл., а другіе 25 милл. оставались-бы у нихъ ежегодно для покупки своихъ продуктовъ, которые бросались въ море. Производство отъ этого не уменьшилось бы, но тогда не было-бы по крайней мѣрѣ ни для кого никакой потери.

Чтобы поощрять промышленность — для этого недостаточно одного чистаго и простаго потребленія, тутъ надо еще способствовать развитію вкуса и потребностей, которыя вызываютъ въ населеніи желаніе потреблять; точно также, какъ для поощренія торговли необходимо помочь потребителямъ получать большіе заработки, на которые они могли-бы покупать. Только общія и постоянныя потребности въ народѣ понуждаютъ его производить, дабы получить возможность покупать и тѣмъ самымъ пробуждаютъ постоянно возобновляющееся потребленіе, благопріятное для благосостоянія семействъ.

Усвоивъ себѣ то положеніе, что спросъ на продукты вообще бываетъ тѣмъ живѣе, чѣмъ дѣятельнѣе производство, — непреложная истина, хотя и выраженная нѣсколько парадоксально — нечего особенно заботиться о томъ, на какую именно отрасль промышленности желательно направить это производство. Созданные продукты вызываютъ различный спросъ, опредѣляемый нравами, потребностями, состояніемъ капиталовъ и промышленности, а также естественными агентами страны; самый большой спросъ бываетъ на такіе товары, которые, вслѣдствіе усиленнаго требованія на нихъ, представляютъ наибольшія выгоды для капиталовъ, на нихъ затраченныхъ, наибольшія выгоды для предпринимателей, наибольшій заработокъ для рабочихъ. Такіе-то именно товары и производятся въ большемъ количествѣ, чѣмъ другіе.

Можетъ быть, спросятъ: гдѣ-же предѣль все возрастающаго производства и гдѣ продукты, ежедневно все увеличивающіеся, могли-бы постоянно

мѣняться другъ на друга? Вѣдь безконечныя прогрессіи существуютъ только въ области отвлеченныхъ количествъ, на практикѣ-же самой природою вещей положенъ предѣлъ всякимъ излишествами, стало-быть, тутъ дѣло идетъ уже о примѣненіи политической экономіи къ практикѣ.

На практикѣ еще не было никогда такого примѣра, чтобы какая-нибудь нація была совершенно лишена продуктовъ, которые-бы она могла производить и потреблять. Но мы можемъ мысленно распространить послѣдовательно на всѣ продукты то, что наблюдали надъ нѣкоторыми изъ нихъ. За извѣстными предѣлами трудности, которыя сопровождаютъ каждое производство и обыкновенно преодолеваются производителями, возрастаютъ въ такой быстро увеличивающейся пропорціи, что превосходятъ удовлетвореніе, доставляемое пользованіемъ такого продукта. И тогда можно произвести какую-нибудь полезную вещь, но ея полезность не будетъ стоить того, во что она обошлась, и не будетъ удовлетворять существенному условію всякаго продукта — чтобы цѣнность его по крайней мѣрѣ равнялась издержкамъ его производства. Если съ извѣстнаго пространства земли собрано все количество съѣстныхъ припасовъ, какое только можно было получить съ него, и если сверхъ того выписаны издалика еще новые запасы этихъ припасовъ, то производство ихъ можетъ оказаться настолько дорогимъ, что полученный продуктъ не будетъ стоить того, что на него израсходовано. Если трудъ тридцати дней можетъ прокормить работавшихъ только въ теченіе двадцати дней, то невозможно продолжать такое производство: оно не побуждало-бы въ дѣятельности

новыхъ лицъ, которыя, вслѣдствіе этого, не увеличивали-бы спроса на новую одежду, на новыя жилища и т. д.

Число потребителей опредѣляется, правда, количествомъ съѣстныхъ припасовъ, но всѣ другія потребности ихъ, кромѣ питанія, могутъ возрастать до безконечности; въ такой-же степени могутъ увеличиваться и мѣняться другъ на друга и продукты, способные удовлетворять этимъ потребностямъ. Но они могутъ увеличиваться также и въ видахъ накопленія капиталовъ. Но если потребности становятся все менѣе настоятельны, то естественно, что потребители будутъ дѣлать все меньше усилій для ихъ удовлетворенія; то-есть другими словами—будетъ все труднѣе находить въ цѣнѣ продуктовъ справедливое вознагражденіе за издержки ихъ производства. Остается всегда вѣрнымъ то положеніе, что продукты продаются тѣмъ сильнѣе, чѣмъ развитѣе потребности народа и чѣмъ больше предметовъ онъ можетъ представить для обмена, то-есть—чѣмъ болѣе онъ цивилизованъ.

VI.

Свойство и употребленіе денегъ.

Во всякомъ, мало-мальски цивилизованномъ обществѣ никто не можетъ самъ производить все, что ему нужно, рѣдко бываетъ даже, чтобы одно и тоже лицо произвело какой-нибудь предметъ весь сполна. Но если каждый производитель и совершаетъ только то, что, по его силамъ, необходимо для полнаго производства продукта, то потребности его все-таки не ограничиваются какимъ-нибудь предметомъ — онѣ чрезвычайно разнообразны. А слѣдовательно, всякому производителю приходится еще заботиться о всѣхъ другихъ предметахъ своего потребленія посредствомъ обмѣна того, что онъ произвелъ самъ для удовлетворенія своихъ личныхъ потребностей, на другіе продукты, которые ему нужны.

Здѣсь мимоходомъ можно замѣтить, что, такъ какъ всякій сохраняетъ для своего потребленія только самую малую часть того, что онъ производитъ, какъ напримѣръ, огородникъ — самую малую часть разводимыхъ имъ овощей, хлѣбникъ — самую малую часть хлѣба, который печетъ, сапожникъ — самую малую часть обуви, которую тачаетъ и т. д., то наибольшая часть продуктовъ, можно сказать даже почти всѣ продукты общества, потребляются только благодаря обмѣну.

Изъ этого положенія выводили то ошибочное заключеніе, что обмѣнъ служитъ самою главною основою производства богатствъ, тогда какъ онъ играетъ въ этомъ настолько второстепенную роль, что если-бы каждое семейство само производило (примѣры этого встрѣчаются въ западныхъ областяхъ Соединенныхъ Штатовъ) всѣ предметы, необходимыя для его потребленія, то общество все-таки могло-бы существовать, хотя тутъ и не совершалось-бы никакого обмѣна.

Впрочемъ, я сдѣлалъ это замѣчаніе лишь для того, чтобы вернуть вопросъ къ его справедливымъ принципамъ. Я вполне понимаю, на сколько обмѣнъ полезенъ для развитія производства, и началъ доказывать, что онъ безусловно необходимъ въ развитомъ состояніи обществъ.

Установивъ необходимость обмѣна, остановимся на минуту и посмотримъ, какъ трудно было-бы разнымъ лицамъ, образующимъ наше общество и представляющимъ собою чаще всего производителей какого-нибудь, одного продукта или по крайней мѣрѣ очень малаго числа нѣсколькихъ разныхъ продуктовъ, — какъ трудно было-бы этимъ лицамъ, оставаясь потребителями, и притомъ самыми нуждающимися въ самыхъ разнообразныхъ продуктахъ, обмѣнивать то, что они производятъ сами, на то, что имъ нужно для себя, если-бы этотъ обмѣнъ производился натурою, т.-е. продуктъ на продуктъ.

Ножевщику пришлось-бы идти къ хлѣбнику и, чтобы получить у него хлѣбъ, онъ сталъ-бы предлагать ему ножи; но хлѣбнику нужны не ножи, а платье. Чтобы получить это платье, хлѣбникъ охотно

даль-бы хлѣбъ портному; но портному нуженъ не хлѣбъ, а мясо, и такъ далѣе до безконечности.

Чтобы избѣжать этихъ затрудненій, ножевщикъ, не имѣя возможности навязать хлѣбнику товаръ, который ему вовсе не нуженъ, будетъ покрайней мѣрѣ стараться найти такой товаръ, который хлѣбникъ могъ-бы, въ свою очередь, легко обмѣнять на другіе необходимые ему продукты. Если есть въ обществѣ такой *товаръ*, который всякій желаетъ пріобрѣсти, не въ силу той пользы, какую онъ могъ-бы доставлять самъ по себѣ, а въ силу той легкости, съ какою онъ могъ-бы мѣняться на предметы, необходимые для потребленія, — товаръ, количество котораго легко соразмѣрить съ цѣнностью того, что хотятъ пріобрѣсти, то именно этотъ самый товаръ и сталъ-бы искать ножевщикъ въ обмѣнъ на свои ножи, потому что опытъ научилъ его, что на него онъ легко получитъ, посредствомъ другого обмѣна, и хлѣбъ и всякій другой необходимый ему продуктъ.

Этотъ товаръ и есть *деньги* *).

Есть два свойства, одинаково •важныя, вслѣдствіе которыхъ вообще предпочитаютъ монету, имѣющую обращеніе въ странѣ, всякому другому товару. Вотъ эти свойства:

1. Монета, какъ освященный обычаемъ и разрѣшенный закономъ посредникъ въ обмѣнѣ продуктовъ, годится всякому, кому надо произвести

---

*) Въ другомъ мѣстѣ Ж.-Б. Сэ доказываетъ, что деньги не суть только простой знакъ, но что онѣ должны имѣть свою внутреннюю (*intrinsèque*) цѣнность, равную тому, что покупается на нихъ, и выводитъ отсюда, что монета должна быть сдѣлана изъ драгоцѣннаго металла.—

Прим. франц. издат.

обмѣнъ или купить что-нибудь для своего потребленія, то-есть годится всѣмъ. Всякій, хорошо знаетъ, что, предлагая монету, онъ предлагаетъ такой товаръ, который годится всякому, и увѣренъ поэтому, что онъ и самъ можетъ пріобрѣсть на нее, посредствомъ операціи, называемой *куплей*, всѣ предметы, какіе ему могутъ понадобиться. Тогда какъ если-бы онъ запасся какимъ-нибудь другимъ продуктомъ, то онъ не былъ-бы увѣренъ, что онъ дѣйствительно годится владѣльцу того продукта, какой ему хочется пріобрѣсть. Для этого онъ долженъ совершить два обмѣна—сначала *куплю*, а потомъ *продажу*, предполагая при этомъ, что цѣнность обмѣниваемыхъ продуктовъ совершенно одинакова.

2. Второе свойство, дающее предпочтеніе монетѣ, состоитъ въ ея способности дробиться на такія части, изъ которыхъ каждая равна какъ-разъ цѣнности покупаемаго предмета, такъ что ее принимаетъ всякій, кому надо купить, какова-бы ни была цѣнность покупаемаго предмета. Вотъ почему стараются обыкновенно обмѣнять продуктъ, оказывающійся излишнимъ (а такими продуктами всегда бываютъ остающіеся отъ собственнаго производства) именно на монету, потому что, кромѣ приведеннаго сейчасъ мотива, дѣйствуетъ здѣсь еще и увѣренность всякаго въ томъ, что можно всегда пріобрѣсть на цѣнность проданнаго продукта какой-нибудь другой продуктъ, цѣнность котораго будетъ равняться только части проданнаго, или въ нѣсколько разъ превышать цѣнность его, и что на деньги можно, по желанію, покупать въ нѣсколько пріемовъ или въ разныхъ мѣстахъ пред-

меты, какіе желательно получить въ обмѣнъ на продаваемые.

Въ обществѣ очень развитомъ, въ которомъ частныя потребности очень разнообразны и многочисленны, и производительная дѣятельность распространяется между большимъ числомъ рукъ, необходимость въ обмѣнѣ бываетъ еще настоятельнѣе. Обмѣнъ все болѣе усложняется, а вслѣдствіе этого становится все труднѣе мѣнять товары непосредственно одинъ на другой. Если, на примѣръ, ножевщикъ, вмѣсто того, чтобы дѣлать ножи всѣ сполна, работаетъ однѣ только ручки къ нимъ, — какъ это бываетъ обыкновенно въ городахъ, гдѣ ножевое дѣло ведется въ большихъ размѣрахъ — то онъ, собственно говоря, не дѣлаетъ ничего, что могло-бы быть непосредственно полезно ему, ибо на что пригодна ему одна ручка ножа безъ лезвія? Очевидно, что онъ не можетъ потребить непосредственно даже самой малой части того, что онъ произвелъ, и вотъ ему приходится обмѣнять всѣ надѣланныя имъ ручки на такіе предметы, которые ему нужны, на примѣръ — на хлѣбъ, мясо, холстъ и пр. Но ни хлѣбнику, ни мяснику, ни ткачу совсѣмъ не нуженъ такой продуктъ, который годится одному только фабриканту ножей, а этотъ послѣдній, въ свою очередь, не можетъ дать въ обмѣнъ на ручки ни мяса, ни хлѣба, ибо онъ не производитъ ихъ. Слѣдовательно, ему остается только одно — дать ножевщику такой товаръ, который, по обычаю страны, можно было-бы всегда легко промѣнять на всякій другой.

Такимъ образомъ деньги становятся тѣмъ необходимымъ, чѣмъ образованнѣе страна и чѣмъ раз-

витѣ въ ней раздѣленіе труда. А между тѣмъ исторія представляетъ намъ примѣры, что бывали довольно значительныя страны, въ которыхъ употребленіе товара-денегъ было неизвѣстно. Такова Мексика. Еще въ эпоху покоренія ея испанскими авантюристами, только-что стали употребляться тамъ, въ частныхъ торговыхъ сдѣлкахъ, вмѣсто денегъ — зерна какао.

Я сказалъ, что если какой-нибудь товаръ становится *деньгами* скорѣе чѣмъ другой, то это есть дѣло народнаго обычая, а не правительственной власти, ибо если начинаютъ чеканить металлъ въ видѣ монеты, то правительство (по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ уважается собственность) никого не принуждаетъ отдавать свой товаръ за куски драгоценныхъ металловъ. Если, совершая торговую сдѣлку, соглашаются принять монету въ обмѣнъ на товаръ, то совсѣмъ не потому, что на ней отчеканено правительственное клеймо. Монету отдаютъ и принимаютъ также свободно, какъ и всякій другой товаръ и, смотря потому, что выгоднѣе, мѣняютъ товаръ или прямо на товаръ, или на кусокъ золота и серебра, хотя-бы онъ и не былъ отчеканенъ, въ формѣ монеты. Слѣдовательно, монету принимаютъ въ обмѣнъ предпочтительно передъ всякимъ другимъ товаромъ только потому, что по опыту знаютъ, что она свободно принимается владѣльцами товаровъ, въ которыхъ можетъ оказаться надобность. Это свободное ничѣмъ не стѣсняемое преимущество представляетъ единственную силу, которая сообщаетъ кускамъ металла значеніе денегъ. Если-бы было основаніе вѣрить, что въ обмѣнъ на какой-нибудь другой товаръ, на примѣръ на

хлѣбъ, можно было-бы купить гораздо легче, чѣмъ на монету, предметы, въ которыхъ имѣется надобность, то никто не сталъ-бы отдавать свой товаръ на куски металла, а требовалъ-бы въ обмѣнъ только хлѣба *).

Такъ какъ всякій свободенъ отдавать или не отдавать свой товаръ въ обмѣнъ на монету—не говорю здѣсь о насильственномъ похищеніи или воровствѣ,—то изъ этого выходитъ, что цѣнность монеты не можетъ быть установлена закономъ, а опредѣляется взаимнымъ соглашеніемъ продавца и покупателя. Цѣнность ея бываетъ выше, когда покупатель согласенъ отдать большее количество какого-нибудь товара за то-же количество монеты, или получить меньшее количество ея за то-же количество товара. Она бываетъ ниже въ обратномъ случаѣ. Но помимо мотивовъ, по которымъ монета принимается и получаетъ соответствующую цѣнность, законъ опредѣляетъ еще извѣстные случаи, въ которыхъ обязываетъ разсчитываться

---

*) „Когда негры съ береговъ Гамбіи стали вести торговлю съ европейцами, дороже всего цѣнилось у нихъ желѣзо, потому что оно служило имъ для приготовленія орудія и земледѣльческихъ орудій. Желѣзо сдѣлалось у нихъ цѣнностью, съ которою они сравнивали всѣ другія цѣнности. Но вскорѣ оно стало участвовать во всѣхъ сдѣлкахъ только по имени: въ этихъ областяхъ обмѣнивали, на примѣръ, *пукъ* табаку, въ двадцать или тридцать листовъ, на *боченокъ* рому, въ четыре или пять пинтъ, смотря по тому, много или мало этого товара. Въ этой странѣ всѣ товары играютъ роль монеты, одни относительно другихъ. Но это не избавляетъ ни отъ одного изъ неудобствъ обмѣна натурою, состоящихъ главнымъ образомъ въ томъ, что нѣтъ такого товара, который всегда легко было-бы раздробить и соразмѣрить по количеству и по цѣнности съ цѣнностью всѣхъ другихъ предметовъ“ (См. Voyage de Mungo Park en Afrique. Т. I. Гл. II).

монетою, а именно—при уплатѣ государственныхъ повинностей.

Вотъ на чемъ основывается употребленіе монеты. Не слѣдуетъ думать, что эти соображенія представляютъ собою лишь болѣе или менѣе любопытныя разсужденія: всякое разсужденіе, всякій законъ, всякое правило хороши только тогда, когда они истекаютъ изъ существа дѣла, къ которому относятся. Такова, по моему мнѣнію, и сущность денегъ.

VI.

Прибыль съ капитала и заработная плата.

Прибыль предпринимателей. — Такъ какъ невозможно вести никакое промышленное предпріятіе, не употребивъ на него какого-нибудь капитала, то прибыль предпринимателя состоитъ обыкновенно изъ двухъ частей: изъ прибыли собственно отъ промышленности и изъ прибыли съ капитала. Часть этого капитала почти всегда составляетъ собственность предпринимателя, другая-же часть очень часто берется имъ въ долгъ. Во всѣхъ случаяхъ, будетъ-ли капиталъ занятъ или нѣтъ, прибыль, получаемая съ дѣла, поступаетъ въ пользу предпринимателя, потому что онъ принимаетъ на свою отвѣтственность всѣ шансы успѣха или не успѣха производства. Въ этомъ отдѣлѣ я буду говорить только о той части этихъ прибылей предпринимателя, которая поступаетъ какъ-бы въ вознагражденіе за его промышленныя способности, за его таланты, дѣятельность, духъ порядка и руководство. Послѣ мы увидимъ, какая часть этихъ прибылей можетъ быть отнесена на счетъ производительныхъ услугъ капитала.

Хотя это разграниченіе очень тонко, однако

оно имѣетъ реальное значеніе, потому что въ предпріятіяхъ, въ которыхъ заинтересованы многія лица, одни своимъ трудомъ, другія своимъ капиталомъ, для каждаго изъ нихъ должна быть опредѣлена доля участія въ предпріятіи. Люди, хотя они и не разбираютъ своихъ правъ въ подробности, умѣютъ однако очень хорошо требовать ихъ себѣ во всемъ ихъ объемѣ.

Тутъ надо вспомнить, что дѣятельность предпринимателя имѣетъ отношеніе ко второму рода операціямъ, которыя мы признали необходимыми въ каждой отрасли промышленности, — къ операціи, которая заключается въ примѣненіи пріобрѣтенныхъ знаній къ производству какого-нибудь продукта, годнаго для нашего употребленія. Не надо забывать, что это примѣненіе одинаково необходимо какъ въ земледѣльческой и въ мануфактурной, такъ и въ торговой промышленности, и что именно въ этомъ и состоитъ трудъ фермера или земледѣльца, мануфактуриста и купца. Разсмотримъ-же, въ чемъ состоятъ прибыли этихъ трехъ разрядовъ предпринимателей.

Стоимость ихъ труда опредѣляется отношеніемъ между *требуемымъ количествомъ* этого рода труда съ одной стороны, и количествомъ, какое употреблено въ дѣло, *предложеннымъ количествомъ*, съ другой.

Тремя главными причинами опредѣляется это послѣднее количество и поддерживается на высокомъ уровнѣ цѣна этого рода труда.

Обыкновенно предприниматель промышленнаго дѣла старается достать средства, въ которыхъ оно нуждается. Я не дѣлаю изъ этого того вывода, что

предприниматель долженъ быть непременно богатъ, потому что онъ можетъ завести свое дѣло и на заемныя средства. Но во всякомъ случаѣ необходимо, чтобы предприниматель былъ человѣкомъ состоятельнымъ, извѣстнымъ своимъ умомъ, благо-разуміемъ, любовью къ порядку, честностью и чтобы въ силу этихъ свойствъ онъ могъ получить капиталы, которыхъ самъ не имѣетъ.

Въ силу этихъ условій многіе не могутъ вступить въ число его соперниковъ.

Далѣе, этотъ родъ труда требуетъ такихъ нравственныхъ качествъ, которыя не часто соединяются въ одномъ лицѣ: тутъ требуется здравый умъ, постоянство, знаніе людей и пониманіе окружающихъ обстоятельствъ, умѣнье вѣрно оцѣнить важность продукта, потребность, которой онъ долженъ будетъ удовлетворить, средства производства; часто тутъ потребуются еще привлечь къ дѣлу очень большое число людей, закупить самому или поручить закупить сырые матеріалы, собрать рабочихъ, привлечь потребителей, обнаружить стремленіе къ порядку и бережливости, однимъ словомъ—обладать талантомъ управленія. Кромѣ того, предприниматель долженъ вѣрно сводить свои счета и вычислить издержки производства сравнительно съ цѣнностью; какую будетъ имѣть продуктъ его въ продажѣ. Во время самаго производства придется предолѣвать много препятствій, переживать много безпокойствъ, исправлять много неудачъ, изобрѣтать новые приемы производства и пр. Если люди, начиная свои предпріятія, не обладаютъ всѣми этими качествами, то обыкновенно имѣютъ мало успѣха: такія предпріятія держатся не долго и трудъ ихъ

скоро вытѣсняется изъ обращенія. Остаются-же только такія предпріятія, которыя могутъ продолжаться съ успѣхомъ, то-есть такія, которыя ведутся умѣло. Такимъ образомъ умѣлость ограничиваетъ число людей, предлагающихъ свой трудъ въ качествѣ предпринимателей.

Но это не все. Промышленныя предпріятія всегда соединяются съ извѣстнымъ рискомъ: какъ-бы хорошо они ни были поставлены, по мнѣнію предпринимателя, они могутъ разстроиться, и послѣдній можетъ, безъ всякой вины съ своей стороны, пошатнуть свое состояніе и даже до нѣкоторой степени повредить своей чести—въ этомъ заключается еще новая причина, по которой обыкновенно число предпріятій сокращается или становится нѣсколько дороже.

Не всѣ предпріятія требуютъ отъ принимаемыхъ одинаковыхъ способностей и знаній. Для фермера, занимающагося сельскимъ хозяйствомъ, нѣтъ надобности имѣть такія познанія, которыя безусловно необходимы купцу, ведущему торговлю съ отдаленными странами. Если фермеръ знакомъ съ рутинными приѣмами какихъ-нибудь двухъ-трехъ видовъ земельной культуры, дающихъ доходъ его фермѣ, то онъ можетъ еще справиться съ дѣломъ. Знанія-же, необходимыя для того, чтобы вести торговлю съ отдаленными странами, гораздо выше и сложнѣе. Тутъ требуется не только знать свойство товаровъ, которыми ведется торговля, но и умѣть составить себѣ понятіе о размѣрѣ потребностей и объемѣ сбыта въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ предполагается продать эти товары. Слѣдовательно, тутъ требуется отъ купца, чтобы онъ всегда хорошо

зналъ цѣны на каждый изъ этихъ товаровъ въ самыхъ разнообразныхъ частяхъ свѣта. А чтобы имѣть всегда вѣрное свѣдѣніе объ этихъ цѣнахъ, надо быть знакомымъ съ разными монетами и ихъ относительною цѣнностью, съ тѣмъ, что называется *вексельнымъ курсомъ*. Надо знать способы перевозки товаровъ, мѣру риска, связаннаго съ ней, количество требуемыхъ на это расходовъ, — надо знать обычаи и законы, управляющіе народами, съ которыми производится торговля. Наконецъ, надо хорошо знать людей, дабы не обмануться, оказывая имъ свое довѣріе, возлагая на нихъ извѣстныя порученія и вообще поддерживая съ ними какія-бы то ни было отношенія. Если способности и знанія, необходимыя для хорошаго фермера, встрѣчаются гороздо чаще, нежели способности и знанія, необходимыя для хорошаго купца, то можно-ли удивляться тому, что трудъ перваго оплачивается дешевле, чѣмъ трудъ послѣдняго?

Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы торговля во всѣхъ своихъ отрасляхъ требовала непременно болѣе рѣдкихъ способностей, чѣмъ земледѣльческая промышленность. Есть такіе различные торговцы, которые, какъ и большая часть фермеровъ, работаютъ по рутинѣ, слѣдуя простому общему теченію дѣлъ этого рода, и, наоборотъ, есть такіе роды земледѣльческой культуры, которые требуютъ особой заботливости и быстраго соображенія, не часто встрѣчающихся. Читатель самъ пойметъ, какъ все это можетъ примѣняться на практикѣ. Мое дѣло — установить только общіе принципы; изъ нихъ можно потомъ вывести массу такихъ болѣе или менѣе измѣняющихся, смотря по обстоя-

тельствамъ, заключеній, которыя сами вытекаютъ изъ другихъ принциповъ, объясненныхъ въ другихъ частяхъ этого сочиненія. Точь-въ-точь какъ въ астрноміи: вамъ говорятъ, что всѣ планеты описываютъ равные круги въ теченіе одинаковаго времени; но кто изъ васъ захотѣлъ-бы имѣть болѣе точное представленіе объ этомъ частномъ явленіи, тотъ долженъ-бы былъ принять во вниманіе нарушенія, происходящія отъ сосѣдства другихъ планетъ, притягательная сила которыхъ обуславливается другимъ, общимъ закономъ физики. Дѣло же лица, желающаго примѣнить общіе законы къ какому-нибудь частному случаю—принять въ соображеніе вліяніе каждаго изъ тѣхъ законовъ, которые установлены.

Говоря о заработкѣ рабочаго, мы увидимъ, какое преимущество имѣетъ передъ нимъ глава предпріятія, вслѣдствіе разницы въ положеніи того и другого; но здѣсь не бесполезно замѣтить еще и другія преимущества, которыя можетъ извлечь предприниматель, если онъ обладаетъ ловкостью. Онъ — посредникъ между всѣми классами производителей, а также между производителями и потребителями. Онъ правитъ дѣломъ производства; онъ — центръ всевозможныхъ отношеній; онъ извлекаетъ выгоду изъ того, что знаютъ другіе и чего они не знаютъ, изъ всѣхъ случайныхъ условій производства. Вотъ почему въ этомъ классѣ производителей, когда обстоятельства благопріятствуютъ ихъ ловкости, и образуются почти всѣ большія состоянія.

Заработная плата рабочихъ. — Простыя и грубыя работы могутъ быть исполнены всякимъ человѣкомъ, лишь-бы онъ былъ живъ и здоровъ; поддержаніе жизни и здоровья составляетъ единственное условіе, чтобы эти работы исполнялись. Поэтому плата за такія работы обыкновенно нигдѣ не подымается выше того, что нужно для поддержанія жизни, а число лицъ, предлагающихъ свой трудъ, достигаетъ уровня существующаго на нихъ спроса, и очень часто превышаетъ его, потому что не трудно родиться на свѣтъ, а трудно существовать. Если нужно только существовать для того, чтобы исполнять ту или другую работу, и если ея достаточно для того, чтобы существовать, то всегда будетъ на лицо и человѣкъ способный на такую работу.

Здѣсь слѣдуетъ однако сдѣлать одно замѣчаніе. Человѣкъ не рождается съ тѣми способностями и силами, которыя были-бы достаточны для исполненія даже самой легкой работы. Эти способности и силы, достигающія своего развитія въ возрастѣ 15—20 лѣтъ, могутъ быть рассматриваемы какъ капиталъ, который образовался лишь ежегоднымъ *накопленіемъ* *) и послѣдовательнымъ увеличеніемъ расходовъ на его воспитаніе. Кѣмъ-же были накоплены эти суммы? Обыкновенно родственниками рабочаго, лицами того промысла, къ которому онъ готовится себя, или какого-нибудь другого. Слѣдовательно, нужно, чтобы въ такомъ промыслѣ ра-

---

*) Я говорю *накопленіемъ*, хотя суммы, употребленныя на воспитаніе рабочаго, были потрачены; но онѣ истрачены производительно, потому что произвели человѣка, представляющаго собою накопленный капиталъ.

бочіе получали заработную плату нѣсколько выше той, какая требуется для простого существованія, т.-е. получали неменѣе того, сколько нужно, чтобы содержать себя и воспитывать дѣтей.

Если-бы самая грубая работа не давала рабочимъ такого заработка, чтобы они могли содержать свои семейства и воспитывать дѣтей, то число такихъ рабочихъ оказывалось-бы недостаточно. Спросъ на ихъ трудъ превышалъ-бы то количество рабочихъ, какое предлагалось-бы на рынкѣ, и заработная плата поднялась-бы тогда до того размѣра, при которомъ эти рабочіе могли-бы воспитывать своихъ дѣтей въ количествѣ достаточномъ для того, чтобы удовлетворить существующему спросу на этотъ трудъ.

Такое равновѣсіе получилось-бы и въ томъ случаѣ, если-бы многіе рабочіе остались не женатыми. Рабочій, не имѣющій ни жены, ни дѣтей, можетъ отдавать свой трудъ дешевле, чѣмъ рабочій, имѣющій жену и дѣтей. Но если-бы увеличилось число неженатыхъ среди рабочаго класса, то они не только не содѣйствовали-бы его пополненію, но помѣшали-бы и другимъ пополнить его. Временное пониженіе заработной платы, въ зависимости отъ того, что неженатые рабочіе могутъ работать за болѣе дешевое вознагражденіе, повлекло-бы за собою потомъ болѣе сильное возвышеніе ея вслѣдствіе того, что уменьшилось число рабочихъ. Поэтому, хотя главнымъ распорядителямъ предпріятій и незачѣмъ было-бы употреблять женатыхъ рабочихъ, какъ болѣе дорогихъ, однако имъ все-таки выгоднѣе было-бы поступать такъ, потому что, заплативъ имъ немного дороже, они избѣгли-бы потомъ большихъ расхо-

довъ на заработную плату вслѣдствіе сокращенія рабочаго населенія.

Это не значитъ, чтобы каждый промыселъ, взятый въ отдѣльности, правильно пополнялся дѣтьми, рожденными именно въ этомъ промыслѣ. Дѣти переходятъ отъ одного занятія къ другому, въ особенности отъ занятій деревенскихъ къ подобнымъ же занятіямъ въ городахъ, потому что вообще воспитаніе дѣтей стѣитъ дешевле въ деревнѣ. Я хотѣлъ только сказать, что классъ самыхъ простыхъ рабочихъ получаетъ изъ продуктовъ, въ производствѣ которыхъ участвуетъ своимъ трудомъ, достаточную долю вознагражденія не только для того, чтобы существовать, но и для того, чтобы пополняться *).

Когда страна клонится къ упадку, когда уменьшаются въ ней средства производства, падаетъ просвѣщеніе, сокращаются производительная дѣятельность и капиталы, то постепенно уменьшается и спросъ на простую грубую работу. Тогда и заработная плата падаетъ ниже того размѣра, какой необходимъ для поддержанія класса чернорабочихъ; число ихъ уменьшается и дѣти другихъ разрядовъ рабочихъ, спросъ на которые также пропорціо-нально уменьшился, переходятъ въ классъ непо-

---

*) По свѣдѣніямъ, собраннымъ комиссіей при палатѣ общинъ въ Англіи въ 1815 г., высокая цѣна сѣстныхъ припасовъ не только не повысила заработную плату, но даже понизила ее. Я самъ наблюдалъ такое явленіе во время голода во Франціи въ 1811 и 1817 годахъ. Трудность жить заставила многихъ работать, а другихъ принятыя за большій или болѣе тяжелый трудъ; отсюда—избытокъ товара, называемаго *трудомъ*. Но въ то-же время рабочій классъ долженъ былъ много страдать въ эту пору, а слѣдовательно и сократиться въ числѣ.

средственно низшаго разряда. Когда-же, наоборотъ, благосостояніе увеличивается, то низшіе классы не только легко пополняются сами изъ себя, но снабжаютъ своими подростками непосредственно слѣдующіе за ними высшіе классы. При этомъ нѣкоторые изъ этихъ подростковъ, болѣе счастливые и одаренные лучшими способностями, поднимаются еще выше и часто достигаютъ высокихъ степеней въ обществѣ.

Заработная плата тѣхъ, кто не живетъ единственно своимъ трудомъ, бываетъ дешевле заработной платы спеціальныхъ рабочихъ: они сыты и цѣна на ихъ трудъ не зависитъ настолько отъ необходимости жить. Въ деревняхъ бываютъ прядильщицы, работающія по избамъ, которыя не зарабатываютъ и половины того, что имъ нужно для прожитка, хотя онъ и очень скромный; это обыкновенно — матери, дочери, сестры, тетки, тещи рабочихъ, которымъ пришлось-бы кормить ихъ, если-бы онѣ даже и ничего не зарабатывали сами. Если-бы такой женщинѣ пришлось жить только на свой трудъ, то ей, очевидно, нужно было-бы или зарабатывать вдвое болѣе, или умереть съ голоду; другими словами — такой трудъ или оплачивался-бы вдвое дороже, или онъ не существовалъ-бы совсѣмъ.

Сейчасъ сказанное примѣняется ко всѣмъ работамъ женщинъ. Вообще, онѣ оплачиваются очень дурно, потому что большинство ихъ живетъ не на свой только личный трудъ и можетъ выбирать родъ занятій, болѣе подходящій къ ихъ вкусамъ и способностямъ, не стѣсняясь размѣрами вознагражденія, опредѣляемыми объемомъ ихъ потребностей.

То-же самое можно сказать о трудѣ монаховъ и

монахинь. Въ странахъ, гдѣ они существуютъ, настоящіе рабочіе должны только радоваться, что въ монастыряхъ занимаются самыми пустыми работами: если-бы тамъ существовали работы обыкновенной промышленности, то рабочіе того-же рода, принужденные содержать свои семейства, не могли-бы отдавать свой трудъ такъ дешево, не рискуя погибнуть отъ нужды.

Заработная плата фабричныхъ рабочихъ часто бываетъ выше чѣмъ сельскихъ рабочихъ; зато она подвергается превратностямъ весьма печальнаго свойства. Какая-нибудь война, какой-нибудь новый таможенный законъ внезапно сокращаютъ спросъ на рабочія руки, и вотъ рабочіе, занимавшіеся своимъ дѣломъ, впадаютъ въ большую нужду. Часто простая перемѣна моды имѣетъ гибельное вліяніе на цѣлые классы рабочихъ: одна замѣна шнурковъ пряжками на обуви разорила такіе города, какъ Шеффилдъ и Бирмингэмъ.

Малѣйшія пониженія заработной платы за самый распространенный трудъ всегда признавались весьма справедливо за большія несчастія. Въ самомъ дѣлѣ, если въ нѣсколько высшемъ классѣ общества, пользующемся благосостояніемъ и талантами (а это — своего рода богатство) нѣкоторое пониженіе доходовъ или заставляетъ сокращать расходы или ведетъ за собою расточеніе части капиталовъ, которыми обыкновенно располагаютъ такіе классы, то въ средѣ рабочихъ, доходы которыхъ не превышаютъ иногда уровня самыхъ обыкновенныхъ потребностей, пониженіе заработной платы бываетъ равносильно смертному приговору, если не для самихъ рабочихъ, то по крайней мѣрѣ для части ихъ семействъ.

Вотъ почему всѣ заботливыя правительства приходили на помощь неимущимъ классамъ всякій разъ, когда вслѣдствіе какого-нибудь неожиданнаго событія заработанная плата за самый обыкновенный трудъ временно падала ниже размѣра, необходимаго для содержанія рабочихъ. Но очень часто эта помощь по своимъ послѣдствіямъ не отвѣчала благимъ намѣреніямъ правительствъ, вслѣдствіе неумѣнья ихъ выбрать способы для этой помощи. Если хотятъ, чтобы она была дѣйствительна, то необходимо начать съ того, чтобы выяснитъ самую причину паденія заработной платы. Если эта причина сама по себѣ дѣйствуетъ продолжительно, то никакія денежныя и временныя пособія не приведутъ ни къ чему — они только отсрочатъ время наступленія бѣдствія. Открытіе какого-нибудь новаго приѣма въ производствѣ, новый ввозъ товаровъ или переселеніе извѣстнаго числа потребителей и пр. принадлежатъ къ числу такихъ причинъ. Въ такихъ случаяхъ надо заботиться о томъ, чтобы доставить рабочимъ, оставшимся безъ работы, какія-нибудь продолжительныя занятія, вызвать новыя отрасли промышленности, организовать предпріятія въ отдаленныхъ странахъ, основать колоніи и т. д.

Если же паденіе заработной платы не грозитъ продолжительностью, если оно, на примѣръ, вызвано хорошимъ или дурнымъ урожаемъ, то достаточно, можетъ быть, ограничиться просто выдачею пособій несчастнымъ, пострадавшимъ отъ такихъ колебаній.

Правительство и частныя благотворители могутъ легкомысленно поставить себя въ необходимость

сожалѣть о томъ, что ихъ благодѣянія оказываются не соотвѣтствующими своей цѣли. вмѣсто всякихъ разсужденій я постараюсь пояснить это слѣдующимъ примѣромъ.

Предположимъ, что въ какой-нибудь странѣ, занимающейся винодѣліемъ, оказывается такое обиліе бочекъ, что ихъ употребить не на что. Предположимъ также, что война или какой-нибудь законъ, неблагопріятный для производства вина, заставили многихъ владѣльцевъ виноградниковъ измѣнить культуры своихъ земель. Такова постоянно дѣйствующая причина, вызвавшая избытокъ труда въ бочарномъ промыслѣ. Но эта причина не принимается во вниманіе, и рабочимъ-бочарамъ приходится на помощь тѣмъ, что или закупаютъ безъ всякой надобности заготовленные ими бочки, или раздаютъ пособія въ размѣрѣ тѣхъ заработковъ, какіе обыкновенно получались отъ этого промысла. Но ни закупки ненужныхъ бочекъ, ни раздача пособій не могутъ-же продолжаться долго, и вотъ лишь только онѣ прекратятся, рабочіе окажутся точно въ такомъ-же бѣдственномъ положеніи, въ какомъ они были прежде. слѣдовательно, было принесено много жертвъ, сдѣланы большіе расходы и притомъ безъ всякой пользы, если не считать нѣкотораго временнаго облегченія въ положеніи этихъ бѣдныхъ людей.

Предположимъ, наоборотъ, что причина, вызвавшая избытокъ бочекъ, — скоропроходящая, какъ на примѣръ плохой урожай. Если вмѣсто раздачи бочарамъ временныхъ пособій, стали-бы переводить ихъ въ другія мѣста, гдѣ они нужны, или приспособлять ихъ къ какой-нибудь другой отрас-

ли промышленности, то на слѣдующій годъ, урожайный для вина, оказался-бы недостатокъ въ бочкахъ; цѣна ихъ была-бы чрезмѣрно высока и онѣ сдѣлались-бы предметомъ вредной спекуляціи и ажіотажа. А такъ какъ ни алчность, ни ажіотажъ не могутъ произвести бочекъ, когда уничтожены способы производства этого товара, то часть заготовленнаго вина можетъ погибнуть за недостаткомъ бочекъ. Только послѣ новыхъ потрясеній и тревоженій производство ихъ опять достигнетъ тѣхъ размѣровъ, которые соотвѣтствовали-бы существующей потребности.

Слѣдовательно, надо мѣнять лѣкарство соотвѣтственно причинѣ, вызвавшей болѣзнь, и распознать эту причину прежде, чѣмъ выбирать лѣкарство.

Выше я сказалъ, что мѣриломъ заработной платы за трудъ самый простой и грубый, служитъ то, что требуется рабочимъ для того, чтобы жить. Но это мѣрило очень измѣнчиво, ибо привычки людей имѣютъ большое вліяніе на объемъ ихъ потребностей. Мнѣ кажется, что въ нѣкоторыхъ округахъ Франціи рабочіе врядъ-ли могутъ обходиться безъ стакана вина. Точно также въ Лондонѣ они не обходятся безъ кружки пива; тамъ этотъ напитокъ составляетъ предметъ такой настоятельной необходимости, что нищіе выпрашиваютъ милостыню на кружку пива, точно также какъ во Франціи—на кусокъ хлѣба. Можетъ быть, такая просьба нищаго, совершенно естественная въ нашихъ глазахъ, покажется дерзкимъ поступкомъ какому-нибудь иностранцу, въ первый разъ пріѣхавшему къ намъ изъ страны, гдѣ немущій классъ можетъ питаться какимъ-нибудь

растеніемъ, маниокой, или другими еще болѣе грубыми продуктами.

Стало-быть, мѣра того, что нужно для того, чтобы жить, зависитъ частью отъ самихъ жителей страны, гдѣ трудится рабочій. Чѣмъ меньше его потребленіе, тѣмъ ниже можетъ быть установлена обычная величина его заработной платы и тѣмъ дешевле могутъ продаваться продукты, въ производствѣ которыхъ онъ участвуетъ. Если онъ захочетъ улучшить свое положеніе и поднять свою заработную плату, то или вздорожаютъ продукты, которые онъ производитъ, или уменьшится доля другихъ участниковъ въ производствѣ.

Нечего опасаться, что потребленіе рабочаго класса, при его настоящемъ неблагоприятномъ положеніи, разовьется слишкомъ широко. Въ интересахъ человѣчества хотѣлось-бы видѣть, чтобы рабочіе и ихъ семейства были одѣты соответственно климату и временамъ года; чтобы жилища ихъ давали достаточно простора, воздуха и тепла, необходимыхъ для ихъ здоровья; чтобы пища ихъ была здорова, довольно обильна и разнообразна и давала-бы имъ возможность выбора. Но найдется мало такихъ странъ, въ которыхъ даже такія умеренныя потребности не считались-бы выходящими за предѣлы первой необходимости и гдѣ, слѣдовательно, онѣ могли-бы удовлетворяться обыкновенною заработной платою, получаемою послѣднимъ разрядомъ рабочихъ.

Размѣръ потребностей первой необходимости измѣняется не только въ зависимости отъ болѣе или менѣе сноснаго образа жизни рабочихъ и ихъ семействъ, но и отъ совокупности всѣхъ расхо-

довъ, считающихся для нихъ необходимыми въ странѣ, гдѣ они живутъ. Къ числу такихъ необходимыхъ расходовъ мы отнесли сейчасъ и расходы на воспитаніе дѣтей; но есть у рабочихъ и другія нужды, по существу своему, правда, менѣе настоятельныя, но удовлетвореніе которыхъ въ такой-же степени подсказывается нравственнымъ чувствомъ, это—забота о старикахъ. Эта забота въ рабочемъ классѣ находится въ полномъ пренебреженіи. Природа, ради продолженія человѣческаго рода, поставила людей въ зависимость отъ потребности кормиться и отъ заботливости со стороны родительской любви, стариковъ-же, въ которыхъ не оказывается болѣе надобности, она предоставила признательности потомства послѣ того, какъ сдѣлала ихъ жертвами малой предусмотрительности ихъ въ молодые годы. Если-бы въ силу народныхъ нравовъ каждое семейство было признано безусловно обязаннымъ припасать что-нибудь въ пользу старости, какъ это дѣлается вообще по отношенію къ дѣтскому возрасту, то потребности первой необходимости стали-бы шире, а естественный размѣръ самой низкой заработной платы долженъ-бы былъ подняться. Филантропу показалось-бы ужаснымъ, что это не всегда такъ бываетъ; онъ содрогается при видѣ того, какъ рабочій не только не заботится объ обезпеченіи старости, но и не предусматриваетъ даже возможности несчастій, болѣзней, неспособности къ труду. Вотъ почему нельзя не отнестись съ сочувствіемъ и не поддержать рабочихъ ассоціацій, въ которыхъ рабочіе ежедневно откладываютъ самое ничтожное сбереженіе, чтобы припасти себѣ нѣкоторую сум-

му на тотъ случай, когда неожиданная болѣзнь или неспособность къ труду могутъ лишить ихъ возможности работать. Но чтобы такіе союзы могли имѣть успѣхъ, необходимо, чтобы рабочіе смотрѣли на эту предусмотрительность, какъ на безусловную необходимость, чтобы свою обязанность снести свои сбереженія въ кассу союза онъ считалъ такою-же неотложною, какъ и обязанность заплатить за квартиру или внести налогъ. Изъ этого ясно, что обычный размѣръ заработной платы долженъ быть нѣсколько повышенъ, дабы его доставало на образованіе такихъ сбереженій, а это уже само по себѣ было-бы благомъ для рабочихъ.

Къ сожалѣнію, законы, которые должны-бы были покровительствовать такимъ сбереженіямъ, часто противодѣйствуютъ имъ, какъ, напримѣръ, въ тѣхъ случаяхъ, когда включаютъ лотереи въ число обыкновенныхъ ресурсовъ казны и открываютъ на всѣхъ улицахъ конторы, которыя предлагаютъ весьма соблазнительныя, но обманчивыя помѣщенія для самыхъ ничтожныхъ суммъ и привлекаютъ къ казнѣ, т.-е. обрекаютъ на разрушеніе милліоны, которые могли-бы накопиться и распространить среди рабочихъ довольство и утѣшеніе на случай старости.

Не менѣе вредна для благосостоянія рабочихъ политика, которая, чтобы усыпить ихъ на счетъ ихъ собственнаго положенія, побуждаетъ ихъ сносить въ кабаки то, что они могли-бы отложить для улучшенія своего положенія. Если пустыя и дорогія удовольствія богачей не всегда могутъ быть оправданы разумомъ, то во сколько разъ губельнѣе безумная расточительность бѣдняковъ?

Радости ихъ всегда подправлены слезами, и оргіи черни являются днями скорби для философа.

Независимо отъ того, что объяснено выше—почему прибыль предпринимателя, если даже онъ и не получаетъ ее въ качествѣ капиталиста, бываетъ обыкновенно выше заработка простого рабочаго, есть еще другія причины, правда менѣе законныя въ своемъ основаніи, но вліяніе которыхъ все-таки отрицать нельзя.

Заработная плата рабочаго устанавливается взаимнымъ соглашеніемъ между нимъ и предпринимателемъ: одинъ старается, какъ можно больше получить, другой—какъ можно меньше дать. Но въ этомъ спорѣ на сторонѣ хозяина есть одно преимущество, независимо отъ тѣхъ выгодъ, которыя вытекаютъ изъ самого положенія его. Хозяинъ и рабочій одинаково нуждаются одинъ въ другомъ, такъ какъ первый не можетъ получить никакой прибыли безъ помощи другого; но нужда хозяина не бываетъ такъ непосредственна и настоятельна, какъ рабочаго. Мало найдется такихъ предпринимателей, которые не могли-бы прожить нѣсколькихъ мѣсяцевъ и даже нѣсколькихъ лѣтъ, не пользуясь трудомъ ни одного рабочаго; тогда какъ мало найдется такихъ рабочихъ, которые могли-бы, не рискуя дойти до послѣдней крайности, прожить и нѣсколькихъ недѣль безъ работы. Трудно представить себѣ, чтобы эта разница въ положеніяхъ не имѣла никакого вліянія на установленіе величины заработной платы.

Де-Сисмонди предлагаетъ нѣсколько законодательныхъ мѣръ для улучшенія рабочаго класса *).

---

*) См. Nouveaux principes d'économie politique, кн. VII гл. IX.

Онъ отправляется отъ того положенія, что низкая заработная плата рабочихъ обращается въ пользу предпринимателей, на которыхъ они работаютъ, и отсюда онъ дѣлаетъ выводъ, что въ такомъ случаѣ о нуждахъ рабочихъ должно заботиться не общество, а предприниматели, пользующіеся ихъ трудомъ. Онъ настаиваетъ на томъ, чтобы заставить землевладѣльцевъ и крупныхъ фермеровъ содержать сельскихъ рабочихъ во всякое время, а мануфактуристовъ—содержать тѣхъ, которые работаютъ въ ихъ мастерскихъ. Въ то-же время, чтобы рабочіе чрезмѣрно не размножались, вслѣдствіе увѣренности ихъ, что они сами и ихъ семейства обезпечены въ постоянномъ содержаніи, онъ предоставляетъ предпринимателямъ, на которыхъ лежало-бы бремя ихъ содержанія, право разрѣшать или запрещать вступленіе въ бракъ.

Эти предложенія, внушенныя самымъ похвальнымъ чувствомъ челоуѣколюбія, не могутъ, мнѣ кажется, быть примѣнены на практикѣ. Обременять одинъ классъ общества содержаніемъ другого класса и заставлять платить заработную плату, которой не могъ-бы окупить никакой продуктъ, значило-бы отказаться отъ всякаго уваженія къ праву частной собственности. Еще большимъ нарушеніемъ этого права было-бы предоставленіе кому-бы то ни было права на личность другого, составляющую самую священную изъ всѣхъ собственности. Запрещая болѣе или менѣе произвольно заключеніе однихъ браковъ, мы способствовали-бы большей плодовитости другихъ. Сверхъ того, не вѣрно у Сисмонди и то положеніе, что если кто извлекаетъ выгоду изъ низкой заработной платы,

то именно предприниматели. Низкая заработная плата, вслѣдствіе конкуренціи, понижаетъ цѣну продуктовъ, надъ которыми трудятся рабочіе, а слѣдовательно выгоду изъ этой дешевой цѣны извлекаютъ потребители продуктовъ, т.-е. все общество. А потому, если вслѣдствіе низкихъ цѣнъ, неимущіе рабочіе ложатся бременемъ на общество, то оно вознаграждается меньшими расходами на предметы своего потребленія.

Есть такія бѣдствія, которыя прямо истекаютъ изъ природы человѣка и вещей. Одно изъ такихъ бѣдствій заключается въ излишкѣ народонаселенія, превосходящемъ средства существованія. Это бѣдствіе, при всѣхъ равныхъ условіяхъ, одинаково важно какъ въ развитомъ обществѣ, такъ и среди дикихъ племенъ. Обвинять въ немъ общественное устройство было-бы несправедливо. Льстить себя надеждой, что можно освободиться отъ него, было-бы иллюзіей; работать, чтобы ослабить его, было-бы благороднымъ подвигомъ, но не слѣдуетъ хвататься за лѣкарства, которыя ничему не помогли-бы или привели-бы къ послѣдствіямъ еще худшимъ, чѣмъ самое зло, которое хотятъ устранить.

Нѣтъ сомнѣнія, что правительство, — если только оно можетъ сдѣлать это, не вызывая никакого безпорядка и не нарушая свободы сдѣлокъ, — обязано оказать покровительство интересамъ рабочихъ, которые меньше, чѣмъ интересы ихъ хозяевъ, защищены самою природою вещей. Но съ другой стороны, правительство, если оно просвѣщенно, должно стараться какъ можно меньше вмѣшиваться въ дѣла частныхъ лицъ, чтобы бѣдствій естественныхъ не усилить еще болѣе бѣдствіями, происходящими отъ администраціи.

Не менѣе заботливо оно должно оберегать рабочихъ отъ злоупотребленій хозяевъ, какъ и этихъ послѣднихъ отъ заговоровъ рабочихъ. Число предпринимателей меньше, а потому и взаимныя сношенія ихъ легче. Наоборотъ, рабочіе не могутъ стовориться между собою безъ того, чтобы ихъ стоворы не были приняты за возмущеніе, которые всегда спѣшатъ подавить полиція. Система, полагающая главныя выгоды страны въ вывозѣ ея продуктовъ, дошла даже до того, что считаетъ всякіе союзы рабочихъ гибельными для благосостоянія государства, потому будто-бы, что они ведутъ къ возвышенію цѣнъ на предметы вывоза, а это, въ свою очередь, мѣшаетъ достигнуть преобладанія на иностранныхъ рынкахъ. Но что-же это за благосостояніе государства, когда многочисленный классъ народа держится въ самомъ бѣдственномъ состояніи ради того только, чтобы дешевле снабжать своими товарами иностранцевъ, пользующихся выгодами отъ тѣхъ лишеній, на которыя страна сама обрекаетъ себя!

Встрѣчаются такіе предприниматели, которые держатся того мнѣнія, что если платить рабочему дороже, то онъ будетъ хуже работать, и что полезно, чтобы нужда заставляла его работать. Смитъ, который много видѣлъ и много зналъ, не раздѣляетъ этого мнѣнія. Вотъ, что говоритъ онъ по этому поводу:

„Какъ щедрое вознагражденіе за трудъ поощряетъ народъ къ размноженію, точно также оно усиливаетъ трудолюбіе низшихъ классовъ. Хорошая заработная плата служитъ поощреніемъ трудолюбія, а трудолюбіе, какъ и всякое свойство человѣка, совершенствуется

соотвѣственно поощренію, какое оно получаетъ. Обильныя средства существованія увеличиваютъ физическія силы человѣка, основная надежда улучшить свое положеніе и окончить свои дни, можетъ быть, въ мирѣ и довольствѣ, побуждаетъ рабочаго къ тому, чтобы извлечь изъ своихъ силъ все, что только можно извлечь изъ нихъ. Вотъ почему болѣе дѣятельные, прилежные и смысленные рабочіе, встрѣчаются всегда тамъ, гдѣ заработная плата высока, а не тамъ, гдѣ она низка; въ Англии, на примѣръ, болѣе чѣмъ въ Шотландіи, въ окрестностяхъ большихъ городовъ болѣе, чѣмъ въ глухихъ деревняхъ. Есть, конечно, и такіе рабочіе, которымъ если удастся заработать въ четыре дня столько, что они могутъ просуществовать недѣлю, то остальные три дня они проводятъ въ праздности; но, разумѣется, не они составляютъ большинство. Напротивъ того, часто встрѣчаются между ними такіе, которые, при оплатѣ за работу поштучно, надрываютъ себя, разстраиваютъ свое здоровье и въ нѣсколько лѣтъ разрушаютъ свой организмъ“ *).

*) *Ад. Смитъ*: „Исслѣдованіе о богатствѣ народовъ“. Кн. I. Гл. VIII. „Заработная плата“.—См. „Ад. Смитъ“, въ наш. изд. гл. VII.; стр. 98.—
Въ перев. П. А. Бибикова, стр. 225.

VIII.

Частное потребленіе.

Частное потребленіе, въ противоположность потребленію общественному, состоитъ въ томъ, чтобы удовлетворять потребностямъ частныхъ лицъ и ихъ семействъ. Эти потребности относятся главнымъ образомъ къ пищѣ, одеждѣ, жилищу и удовольствіямъ. Доходы каждаго частнаго лица, получаются-ли они съ промышленныхъ талантовъ, съ капиталовъ или съ земель, употребляются на различные предметы потребленія, которыхъ требуетъ удовлетвореніе потребностей. Богатство семьи возрастаетъ, падаетъ или остается неподвижнымъ, смотря потому, отстаютъ-ли потребленіе отъ ея доходовъ, превышаетъ-ли оно ихъ, или идетъ съ ними вровень. Совокупность всѣхъ частныхъ потребленій, вмѣстѣ съ потребленіемъ правительства, совершаемымъ въ интересахъ государства, образуетъ общее потребленіе всей націи.

Но изъ того, что всякая семья, какъ и всякій народъ въ совокупности, можетъ, не бѣднѣя, потреблять всѣ свои доходы, еще не слѣдуетъ, что она должна такъ поступать. Предусмотрительность требуетъ, чтобы принимались въ соображеніе всякія обстоятельства. Кто поручится, что онъ всегда сохранитъ въ цѣлости все свое состояніе? Чье состояніе вполне обезпечено отъ несправедливости, обмана, или насилія? Развѣ не бывало конфискаціи земель? Развѣ корабли не подвергались крушеніямъ? А кто поручится, что ни-

когда не будетъ имѣть процесса, или что онъ всегда будетъ выигранъ? Развѣ богатые купцы не бывали жертвами банкротства или какой-нибудь невѣрной спекуляціи? Если ежегодно тратитъ весь свой доходъ, то запасъ средствъ можетъ постепенно уменьшаться — онъ даже, по всей вѣроятности, непременно уменьшится.

Но если онъ долженъ оставаться всегда въ одномъ размѣрѣ, то стоитъ-ли поддерживать его? Можетъ-ли состояніе, какъ-бы оно значительно ни было, оставаться столь-же значительнымъ, когда приходится раздѣлить его между многими дѣтьми? Но если даже и не настоятъ надобности дѣлить его, то почему-же и не приумножить его, если употребляются при этомъ честныя средства? Развѣ стремленіе частныхъ лицъ увеличить свое благосостояніе не способствуетъ, посредствомъ сбереженій, умноженію капиталовъ, что, въ свою очередь, благопріятствуетъ промышленности и дѣлаетъ націи богатыми и цивилизованными? Если-же наши отцы не имѣли такого стремленія; то мы остались-бы дикарями. Мы еще въ точности не знаемъ, какой степени цивилизаціи можно достигнуть, съ помощью возрастанія богатства. Мнѣ представляется далеко недоказаннымъ, чтобы девять-десятыхъ жителей въ большей части Европы должны непременно коснѣть въ состояніи, близкомъ къ варварству, какъ это дѣйствительно наблюдается еще въ настоящее время.

Частная экономія учитъ насъ правильнымъ образомъ направлять потребленіе семьи, то-есть въ каждомъ данномъ случаѣ вѣрно соразмѣрять потребляемую цѣнность съ удовлетвореніемъ, какое

получаетъ при этомъ семья. Каждый человѣкъ въ отдѣльности лучше всего самъ можетъ правильно взвѣсить какъ то, такъ и другое, потому что все это зависитъ отъ размѣра его состоянія, отъ занимаемаго имъ въ обществѣ положенія, отъ его личныхъ потребностей и потребностей его семьи, и даже отъ его личныхъ вкусовъ. Слишкомъ сдержанное потребленіе лишаетъ его тѣхъ удовольствій, которыми онъ могъ-бы пользоваться по своему состоянію, а беспорядочное потребленіе лишаетъ его тѣхъ средствъ, которыя благоразуміе совѣтуетъ ему беречь.

Потребленіе частныхъ лицъ всегда находится въ связи съ характеромъ и страстями людей. Самыя благородныя и самыя дурныя побужденія поочередно вліяютъ на него. Они вызываются то любовью къ чувственнымъ наслажденіямъ, то тщеславіемъ, то великодушіемъ, то мстительностью, то даже алчностью. Съ другой стороны, оно подавляется предусмотрительностью, воображаемыми опасеніями, мнительностью, эгоизмомъ. То одни, то другія изъ этихъ разнообразныхъ побужденій берутъ верхъ и руководятъ людьми въ пользованіи ихъ богатствами. Слѣдовать пути, указываемому благоразуміемъ, здѣсь какъ и во всякомъ другомъ дѣлѣ, труднѣе всего. Человѣкъ-же по своей слабости отклоняется то въ ту, то въ другую сторону и слишкомъ часто ударяется въ крайности.

Крайностями въ потребленіи являются расточительность и скупость. И та и другая сторона лишаютъ человѣка выгодъ, которыя доставляетъ ему богатство: расточительность тѣмъ, что истощаетъ его средства, скупость тѣмъ, что мѣшаетъ ему

пользоваться ими. Но расточительность все-таки симпатичнѣе скупости и соединяется со многими общественными достоинствами. Ее скорѣе оправдаютъ, потому что она привлекаетъ другихъ къ участию въ своихъ удовольствіяхъ; тѣмъ не менѣе для общества она вреднѣе скупости: она расточаетъ, отымаетъ у промышленности капиталы, которыми она держится; уничтожая одинъ изъ могущественныхъ агентовъ производства, она не даетъ возможности развиваться другимъ. Кто говоритъ, что деньги для того и существуютъ, чтобы ихъ тратить, и что продукты для того и произведены, чтобы ихъ потреблять, очень ошибается, если при этомъ предполагаетъ, что расходы и потребление назначены для того, чтобы доставлять намъ удовольствія. Деньги нужны намъ еще и для того, чтобы употреблять ихъ производительнымъ образомъ, а производительное употребленіе ихъ ведетъ всегда къ большому благу, и всякій разъ, какъ расточается какой-нибудь запасъ производительныхъ средствъ, въ какомъ-нибудь уголкѣ міра, непременно погасаетъ соответствующая часть промышленности. Расточитель, поѣдающій часть своихъ личныхъ запасовъ, въ тоже время непременно лишаетъ промышленнаго человѣка его прибылей.

Скряга, не пускающій въ оборотъ своихъ сокровищъ, отъ страха потерять ихъ, правда, не приноситъ никакой выгоды промышленности, но онъ, по крайней мѣрѣ, не отымаетъ у нея ни одного изъ ея средствъ. Эти сокровища накоплены имъ въ ущербъ его собственнымъ наслажденіямъ, но не на счетъ общества, какъ обыкновенно думаютъ: они не были отвлечены ни отъ какого про-

изводительнаго употребленія и, по смерти скряги найдутъ себѣ, по крайней мѣрѣ, полезное помѣщеніе и оживятъ промышленность, если не будутъ расточены его наслѣдниками, или не будутъ запрятаны такъ далеко, что нельзя будетъ достать ихъ.

Люди расточительные напрасно величаются своимъ мотовствомъ—оно также недостойно благородства человѣческой природы, какъ и скарредство скупца. Нѣтъ никакой заслуги въ томъ, чтобы расточить все, что имѣешь, и потомъ легко обходиться безъ того, чего не имѣешь. Такъ поступаютъ только животныя, да и то болѣе развитыя изъ нихъ бываютъ и болѣе предусмотрительны. Чтò отличаетъ поступки всякаго существа, одареннаго предусмотрительностью и разумомъ, это—ни при какомъ случаѣ ничего не потреблять безъ разумной цѣли впереди. Таковъ по крайней мѣрѣ совѣтъ экономіи.

Экономія есть сужденіе въ примѣненіи къ потребленію. Она знаетъ свои средства и знаетъ, на что лучше всего употребить ихъ. У экономіи нѣтъ никакихъ абсолютныхъ принциповъ, она всегда сообразуется съ состояніемъ, положеніемъ и потребностями потребителя. Расходъ, рекомендуемый благоразумной экономіей для хозяйства средней руки, былъ-бы скарредствомъ для богатаго и расточительностью для нуждающагося хозяйства. Во время болѣзни приходится пользоваться такими удобствами, отъ которыхъ отказываешь себѣ, когда бываешь здоровъ. Благодѣяніе, дѣлаемое въ ущербъ личнымъ наслажденіямъ благотворителя, достойно всякой похвалы, если-же оно дѣлается въ ущербъ содержанию собственныхъ дѣтей, заслуживаетъ порицанія.

Здравая экономія одинаково чуждается какъ скупости, такъ и расточительности. Скупость копить не для того, чтобы потреблять, или воспроизводить новые продукты, а для того, чтобы копить; это — инстинктъ, потребность машинальная и постыдная. Экономія — дочь благоразумія и просвѣщеннаго разума; она умѣетъ отказывать себѣ въ излишнемъ, чтобы обезпечить себѣ необходимое, тогда какъ скупость отказываетъ себѣ въ необходимомъ, чтобы доставить себѣ излишнее въ будущемъ, которое никогда не наступитъ. Экономію можно внести въ устройство самаго роскошнаго пиршества, и она даетъ средство сдѣлать его еще болѣе роскошнымъ; скупость-же только портитъ вездѣ, куда ни покажется. Человѣкъ хозяйственный соразмѣряетъ свои средства съ настоящими и будущими потребностями, со всѣмъ, чего требуютъ отъ него его семья, друзья, человѣчество. У скупого нѣтъ семьи, нѣтъ друзей; онъ едва имѣетъ кое-какія потребности, а человѣчество для него не существуетъ. Экономія не потребляетъ ничего даромъ; скупость не хочетъ потреблять ничего. Первая является слѣдствіемъ похвальнаго разсчета, который одинъ даетъ средство исполнить свои обязанности и быть великодушнымъ, не нарушая справедливости. Скупость — низкая страсть, потому что она имѣетъ въ виду только себя и все приноситъ въ жертву себѣ.

Экономія признается добродѣтелью и не безъ основанія. Она предполагаетъ силу и власть надъ собою, какъ и другія добродѣтели, и болѣе чѣмъ какая-нибудь изъ нихъ ведетъ къ благопріятнымъ послѣдствіямъ. Благодаря ей, семейства могутъ да-

вать хорошее физическое и нравственное воспитаніе дѣтямъ, а также заботиться о старикахъ; она сообщаетъ человѣку въ зрѣломъ возрастѣ ту ясность духа, которая необходима, чтобы владѣть собою, ту независимость, которая ставитъ человека выше всякихъ низкихъ поступковъ. Только экономія даетъ возможность оказывать другимъ щедрую помощь, и притомъ помощь продолжительную и плодотворную. Щедрый только по расточительности даетъ безъ разбора какъ тѣмъ, кто заслуживаетъ его помощи, такъ и тѣмъ, которые ея не заслуживаютъ, даетъ и тѣмъ, кому совсѣмъ не слѣдуетъ давать, въ ущербъ тѣмъ, кому давать необходимо. Часто бываетъ, что расточитель принужденъ взывать о помощи къ тѣмъ, которыхъ самъ осыпалъ своими щедротами; выходитъ—какъ будто онъ давалъ лишь подъ условіемъ возврата имъ дарованнаго; тогда какъ экономный человѣкъ даетъ всегда безъ возврата, потому что онъ отдаетъ то, чѣмъ можетъ располагать, ни въ чемъ не стѣсняя себя самого. Онъ бываетъ богатъ, располагая умереннымъ состояніемъ, тогда какъ скупой и расточительный человѣкъ—всегда бѣденъ съ большими состояніями.

Безпорядокъ исключаетъ экономію. Беспорядочный человѣкъ идегъ на-угадъ, съ завязанными глазами, среди окружающихъ его богатствъ; иногда у него оказывается подъ рукою то, чего онъ болѣе всего желаетъ, а онъ проходитъ мимо, ничего не замѣчая, и тогда-же онъ набрасывается и пожираетъ то, что ему было-бы необходимо сохранить. Онъ вѣчно находится во власти случайныхъ обстоятельствъ: то онъ не замѣчаетъ ихъ, а то не

имѣетъ силъ освободиться отъ нихъ. Онъ никогда не знаетъ, ни гдѣ онъ, ни въ какую сторону долженъ идти.

Домъ, въ которомъ нѣтъ порядка, становится добычей всѣхъ и cadaго; онъ разоряется даже и при вѣрныхъ слугахъ; онъ разоряется даже и при мелочной бережливости. Онъ постоянно доступенъ множеству самыхъ мелкихъ потерь, которыя возобновляются безпрестанно во всевозможныхъ видахъ и по самымъ ничтожнымъ причинамъ.

Къ числу причинъ, всего болѣе вліяющихъ на частное потребленіе, принадлежитъ роскошь, которая доставляла такъ много матеріала для всевозможной декламации, о которой я могъ-бы и не говорить здѣсь, если-бы всѣ согласились дѣлать правильное практическое примѣненіе принциповъ, изложенныхъ въ этомъ сочиненіи, и если-бы не было всегда полезно приводить доказательства, вмѣсто праздныхъ разглагольствованій.

Говорили, что роскошь есть *употребленіе излишняго* *). Признаюсь—я не понимаю разницы между *излишнимъ* и *необходимымъ*. Подобно цвѣтамъ радуги, эти понятія переливаются одно въ другое и смѣшиваются въ неуловимыхъ оттѣнкахъ. Вкусы, воспитаніе, темпераменты, здоровье устанавливаютъ безконечное разнообразіе между всѣми степенями полезнаго и необходимаго, такъ что невозможно, въ смыслѣ абсолютномъ, пользоваться этими двумя словами, имѣющими всегда только относителное значеніе.

---

*) См. Стьюартъ: „Политическая экономія“. Тотъ-же авторъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что *излишніе предметы*—тѣ, которые абсолютно не необходимы для жизни.

Понятіе о необходимомъ и излишнемъ мѣняется смотря по различному состоянію самого общества. Такъ, хотя человѣкъ и могъ жить, питаясь одними кореньями, одѣваясь только въ звѣриныя шкуры и укрываясь въ простомъ шалашѣ; однако теперь, при современномъ состояніи нашихъ обществъ, невозможно считать въ нашемъ климатѣ излишествомъ употребленіе хлѣба и мяса, шерстяной одежды и жилищъ въ домахъ. Точно также понятія о необходимомъ и излишнемъ мѣняются смотря по состоянію частныхъ лицъ: что необходимо въ городѣ, при извѣстномъ занятіи, то бываетъ излишне въ деревнѣ, при иномъ положеніи. Слѣдовательно, никакъ нельзя провести раздѣльной линіи между необходимымъ и излишнимъ. Смитъ, который отодвинулъ эту линію дальше, чѣмъ Стьюартъ, потому что онъ называетъ предметами необходимыми (necessities) не только все то, что требуется самою природою, но и то, что сдѣлалось необходимымъ даже для низшихъ классовъ народа въ силу установившихся правилъ приличія и благопристойности, — Смитъ, говорю я, былъ не правъ въ этомъ отношеніи. Эта раздѣльная линія измѣнчива по самому существу своему.

Можно сказать вообще, что роскошь есть употребленіе предметовъ дорогихъ; это слово — *дорогой*, смыслъ котораго относителенъ, достаточно подходитъ для опредѣленія слова, имѣющаго также относительный смыслъ. На французскомъ языкѣ слово *luxe* (роскошь) возбуждаетъ въ одно и тоже время скорѣе понятіе о тщеславіи, чѣмъ о сластолюбіи: *роскошь въ одеждѣ* значитъ не то, что эта одежда болѣе удобна для тѣхъ, кто ее носитъ, а то, что

она сшита, чтобы поразить глаза тѣхъ, кто смотритъ на нее. *Роскошь стола* возбуждаетъ понятіе скорѣе о пышности пиршества, чѣмъ о тонкости кушаньевъ эпикурейца.

Съ этой точки зрѣнія роскошь имѣетъ своею главною цѣлью возбудить удивленіе рѣдкостью, дороговизною, великолѣпіемъ предметовъ, которыми блещетъ, а предметы роскоши употребляются не ради ихъ дѣйствительной полезности, ни ради доставляемаго ими удобства или удовольствія, но ради только того, чтобы ослѣпить глаза и подѣйствовать на мнѣніе другихъ людей. Роскошь родственна *тщеславію*; но тщеславіе распространяется на всѣ преимущества, которыми хотятъ украсить себя—можно быть добродѣтельнымъ изъ тщеславія, но нельзя быть добродѣтельнымъ изъ роскоши. Роскошь предполагаетъ расходы, и если говорятъ—*роскошь ума*, то дѣлаютъ натяжку, предполагая, что тратится умъ, когда расточаются его силы, которыя слѣдовало бы поберечь.

Хотя то, что мы называемъ роскошью, основывается главнымъ образомъ на тщеславіи, однако тождественными съ нею можно признать утонченныя проявленія сластолюбія. Въ этомъ отождествленіи—лучшее объясненіе послѣднихъ, да и результаты ихъ получаютъ тѣ-же—значительное потребление, способное удовлетворить большимъ потребностямъ и посвященное суетному самоуслажденію. Но я не назвалъ-бы предметомъ роскоши того, что просвѣщенный и умный человѣкъ, живущій въ развитой странѣ, желалъ-бы имѣть для своего стола, хотя-бы у него и не было гостей, для своего дома и костюма, хотя-бы ему и не было на-

добности выставлять себя на показъ. Это—удовольствіе, это—удобство, осмысленное и соответствующее его состоянію, но не роскошь.

Опредѣливъ роскошь въ такомъ смыслѣ, можно теперь выяснитъ, какое вліяніе она имѣетъ на экономію народовъ.

Непроизводительное потребленіе можетъ охватывать и удовлетвореніе потребностей весьма реальныхъ. Въ этомъ отношеніи оно еще можетъ представить нѣкоторый противовѣсъ вреду, который происходитъ всегда отъ уничтоженія цѣнностей. Но чѣмъ можно вознаградить этотъ вредъ, когда потребленіе не имѣетъ своимъ предметомъ удовлетворенія какой-нибудь дѣйствительной потребности, когда расходъ дѣлается только ради расхода, уничтоженіе цѣнности ради самого уничтоженія?

Вы скажете, можетъ быть, что такое потребленіе доставляетъ выгоду производителямъ потребленныхъ продуктовъ.

Но вѣдь расходы, производимые не ради безполезнаго потребленія, дѣлаются всегда потому, что деньги, которыхъ не хотятъ расточать на предметы роскоши, не бросаются-же въ рѣку. Они идутъ или на боѣе благоразумное потребленіе, или на новое производство. Во всякомъ случаѣ весь доходъ, если только онъ не запрятывается куда-нибудь, идетъ на потребленіе; во всякомъ случаѣ поощреніе, получаемое производителями отъ потребленія, равняется всей суммѣ доходовъ. А изъ этого слѣдуетъ:

1. Что поощреніе, получаемое тѣмъ или другимъ производствомъ отъ расходовъ на предметы

роскоши, непременно отнимается отъ какого-нибудь другого производства.

2. Что поощреніе, проистекающее изъ такихъ расходовъ, можетъ возрасти только въ томъ случаѣ, если увеличивается доходъ потребителя, а извѣстно, что онъ увеличивается не отъ расходовъ на предметы роскоши, а отъ расходовъ на производство новыхъ продуктовъ.

Въ какую ошибку впадали тѣ, которые, видя вообще, что производство всегда равняется потребленію (ибо необходимо, чтобы все потребленное было прежде произведено), принимали дѣйствіе за причину и ставили принципомъ, что только непроизводительное потребленіе вызываетъ воспроизводство, что сбереженіе прямо противно обществу, и что самый полезный гражданинъ—тотъ, который расходуетъ больше всѣхъ!

Сторонники двухъ противоположныхъ системъ—экономической и торговаго баланса, создали изъ этого положенія главное основаніе для своихъ ученій. Мануфактуристы и купцы, заботившіеся только о томъ, чтобы продать свой продуктъ, не помышляя о причинахъ, на основаніи которыхъ они могли-бы продать больше, поддерживали это положеніе, повидимому столь подходившее къ ихъ интересамъ; поэты, всегда немного увлекающіеся внѣшностью и не считающіе себя обязанными знать больше, чѣмъ государственные люди, воспѣвали роскошь на всѣ лады, люди же богатые поспѣшили одобрить эту систему, которая возводила ихъ тщеславіе въ добродѣтель, а ихъ наслажденія — въ благодѣяніе.

Но политическая экономія, успѣвшая раскрыть истинные источники богатства, выяснить средства производства и результаты потребленія, на всегда разрушить этотъ предрасудокъ. Суетность можетъ величаться бесполезными расходами—она только возбудитъ къ себѣ презрѣніе всякаго разумнаго человѣка послѣдствіями своей расточительности, какъ прежде возбуждала принципами, которыми руководствовалась.

Что доказывается разсужденіемъ, то подтверждается и опытомъ. Нищета идетъ всегда вслѣдъ за роскошью. Пышный богачъ употребляетъ на дорогія бездѣлушки, роскошные пиры, великолѣпные дворцы, на собакъ, лошадей, любовницъ массу цѣнностей, которыя могли-бы быть употреблены производительнымъ образомъ и доставить теплое платье, здоровую пищу, удобную мебель огромному числу трудящихся людей, обреченныхъ по его милости на праздность и нищету. И вотъ богачъ ходитъ въ золотыхъ пряжкахъ, а бѣднякъ сидитъ безъ сапогъ; богачъ одѣтъ въ бархатъ, а у бѣдняка нѣтъ рубашки.

Такова ужъ сила вещей — сколько-бы роскошь ни гнала нищету съ своихъ глазъ, а нищета упорно идетъ за ней по пятамъ, какъ-бы въ укоръ за ея излишества. Вотъ что наблюдалось въ Версали, въ Римѣ, въ Мадридѣ, при всѣхъ дворахъ; печальный примѣръ такого состоянія представила намъ, наконецъ, Франція, какъ послѣдствіе расточительной и пышной администраціи, какъ будто требовалось, чтобы такіе неопровержимые принципы нуждались въ такомъ ужасномъ подтвержденіи.

Люди, не привыкшіе распознавать дѣйствительность подъ ея внѣшнею оболочкою, иногда соблазняются блескомъ и громомъ блестящей роскоши. Они видятъ благосостояніе тамъ, гдѣ дѣлаются большіе расходы. Но они глубоко ошибаются въ этомъ: страна, которая падаетъ, обыкновенно въ теченіе нѣкотораго времени являетъ подобіе богатства, какъ домъ мота, который разоряется. Но этотъ обманчивый блескъ непродолжителенъ: такъ какъ онъ иссушаетъ самые источники производства, то за нимъ неизбѣжно слѣдуетъ стѣсненность, общее истощеніе, стѣ которыхъ можно вылѣчиться только постепенно и средствами, прямо противоположными тѣмъ, которыя привели къ такому упадку.

Прискорбно, что общественныя нравы, гибельныя привычки страны, съ которою человекъ связанъ своимъ рожденіемъ, состояніемъ, привязанностями, подчиняютъ своему вліянію даже самыхъ развитыхъ, наиболѣе способныхъ предусматривать опасность и уразумѣвать ея печальныя послѣдствія. Лишь очень немногіе люди, довольно твердые въ своихъ убѣжденіяхъ и независимые по своему матеріальному положенію, дѣйствуютъ только по своимъ принципамъ и руководствуются только своими убѣжденіями. Большинство-же слѣдуетъ, вопреки своимъ желаніямъ, за безразсудной толпой, которая, ни надъ чѣмъ не задумываясь, не замѣчаетъ, что, если удовлетворены заурядныя потребности жизни, счастье заключается не въ праздныхъ наслажденіяхъ роскоши, а въ размѣренномъ пользованіи своими физическими и нравственными способностями.

Стало-быть, лица, которыя, пользуясь большою властью или большими талантами, стараются распространить вкусъ къ роскоши, дѣйствуютъ во время благополучію народа. Если какая-нибудь привычка еще заслуживаетъ поощренія какъ въ монархіяхъ, такъ и въ республикахъ, какъ въ большихъ, такъ и въ малыхъ государствахъ, то это только — экономія. Но нуждается-ли она въ поощреніи? Не достаточно-ли для этого уважать неприкосновенность всѣхъ сбереженій и ихъ употребленій, т. е. признать цѣльное развитіе всякой промышленности, если только она не преступна? Когда не развращаютъ націй дурными примѣрами и дурными учрежденіями, когда не мѣшаютъ имъ самимъ имѣть свое правильное сужденіе о своихъ истинныхъ интересахъ, то онѣ всегда ведутъ себя хорошо. Всякія вредныя крайности—дѣло отдѣльныхъ лицъ.

Говорятъ, что, возбуждая людей къ тратамъ, тѣмъ самымъ возбуждаютъ ихъ къ производству—надо-же, чтобы они вырабатывали что-нибудь, для того, чтобы дѣлать расходы. Чтобы дойти до такого разсужденія, надо прежде начать съ предположенія — что отъ людей самихъ зависитъ какъ производить и потреблять и что также легко увеличивать свои доходы, какъ и проѣдать ихъ. Но если-бы это и было такъ, если-бы дѣйствительно потребность бросать деньги развивала любовь къ труду, что вовсе не подтверждается опытомъ, то все-таки производство могло-бы возрасти не иначе, какъ съ помощью умножающихся капиталовъ, которые составляютъ всегда одинъ изъ необходимыхъ элементовъ всякаго производства, а

капиталы умножаются только сбереженіемъ. А какихъ сбереженій можно ожидать отъ тѣхъ, кто побуждается къ производству однимъ только желаніемъ хорошо пожить?

Сверхъ того, если любовь къ роскоши внушаетъ стремленіе къ приобрѣтенію, то достаточно-ли медленныхъ и ограниченныхъ средствъ дѣйствительнаго производства для утоленія жажды широкаго потребленія? Не рассчитываетъ-ли эта любовь къ роскоши скорѣе на быстрые и постыдные барыши отъ интриги и разорительной для народа промышленности, на то, чтобы, ничего не производя, принять участіе въ раздѣлѣ продуктовъ, произведенныхъ чужимъ трудомъ? Въ такихъ случаяхъ мошенникъ развиваетъ всѣ силы своего презрѣннаго генія, сутяга спекулируетъ на неясности законовъ, человекъ, у власти стоящій, продаетъ людской глупости и нечестности покровительство, которое онъ обязанъ даромъ оказывать достоинству и справедливости. „Я видѣлъ за ужиномъ, рассказываетъ Плиній, Паулину въ костюмѣ, затканномъ жемчугомъ и изумрудами и стоимшемъ 40 милл. сестерцій, что можно было-бы подтвердить, какъ она говорила, ея домашними счетами; этимъ костюмомъ она была обязана грабительству своихъ предковъ. Чтобы внучка могла появиться, прибавляетъ римскій писатель, на пиру въ драгоценныхъ камняхъ, дѣдъ ея Лоллій согласился раззорить нѣсколько провинцій, покрыть себя позоромъ на всемъ Востокѣ, потерять дружбу сына Августа и въ концѣ всего умереть отъ яда“.

Вотъ какова промышленность, вселяющая вкусъ къ безумной расточительности!

Могут доказывать, что система, поощряющая расточительность и благопріятствующая только богатымъ, имѣетъ покрайней мѣрѣ то хорошее дѣйствіе, что умаляетъ неравенство состояній. Но мнѣ нетрудно было-бы доказать, что расточительность богачей заражаетъ средніе и бѣдные классы населенія, и что именно эти классы скорѣе всего исчерпываютъ свои небольшіе доходы, такъ что всеобщая расточительность скорѣе усиливаетъ, чѣмъ сглаживаетъ разницу состояній. Скажу болѣе— расточительность богачей всегда предшествуетъ расточительности правительства или слѣдуетъ за ней, а эта послѣдняя расточительность почерпаетъ свои средства только изъ налоговъ, которые всегда тяжеле для мелкихъ, чѣмъ для крупныхъ доходовъ.

По временамъ пытались законами противъ роскоши обуздать надменную суетность и разорительную расточительность. Но эти законы рѣдко достигали своей цѣли. Когда нравы испорчены, то легко избѣжать этихъ законовъ, при хорошихъ нравахъ они бесполезны, но всегда являются посягательствомъ на частную собственность. Ошибки частныхъ лицъ носятъ въ себѣ свое наказаніе, и было-бы безуміемъ пытаться достигать законами того, что непремѣнно достигается въ силу вещей.

Послѣ неудачной защиты роскоши, старались иногда выступать на защиту нищеты. Говорили, что если-бы бѣдняковъ не преслѣдовала нужда, то они не стали-бы работать, а это лишило-бы богатыхъ, да и все общество промышленности бѣднаго населенія.

Но это положеніе, къ счастью, также ложно по су-

ществу, какъ и безчеловѣчно по своимъ послѣдствіямъ. Если нищета служила побужденіемъ къ трудолюбію, то самымъ трудолюбивымъ изъ людей былъ бы дикарь, потому что онъ самый бѣдный человѣкъ. Тѣмъ не менѣе мы знаемъ, какъ онъ нерадивъ, знаемъ, что дикари умирали отъ огорченія, когда ихъ хотѣли занять работой. У насъ, въ Европѣ, самые лѣнныя рабочіе — тѣ, которые по своимъ привычкамъ болѣе всего подходятъ къ дикарямъ; количество работы, исполненной грубымъ трудомъ въ какомъ-нибудь бѣднѣйшемъ округѣ, не можетъ сравниться съ количествомъ работы, исполненной порядочнымъ рабочимъ въ Парижѣ или въ Лондонѣ. Потребности расширяются по мѣрѣ ихъ удовлетворенія. Человѣкъ, одѣтый въ простую куртку, хочетъ имѣть платье, а у кого есть платье, хочетъ имѣть черный сюртукъ. Рабочій, живущій въ одной комнатѣ, хочетъ жить въ двухъ комнатахъ; у кого только двѣ рубашки, хочетъ имѣть ихъ дюжину, чтобы можно было чаще мѣнять бѣлье, а кто никогда не зналъ никакой рубашки, тотъ и не думаетъ о пріобрѣтеніи ея. Человѣкъ никогда не отказывается пріобрѣсть больше, потому что онъ имѣетъ что-нибудь.

Довольство низшихъ классовъ вовсе не несовмѣстимо, какъ часто говорили, съ существованіемъ общественнаго организма. Сапожникъ можетъ тащить сапоги также хорошо въ теплой комнатѣ, хорошо одѣтый, когда онъ самъ сытъ и сыты его дѣти, какъ и цѣпенѣя отъ холода, въ лавчонкѣ, на углу какой-нибудь глухой улицы. Люди не работаютъ ни хуже, ни гораздо хуже отъ того, что они пользуются разумными удобствами жизни.

Пушкой богачи бросают свое дѣтское опасеніе, что имъ будетъ хуже жить, если бѣдняки достигнутъ благосостоянія. Опытъ, какъ и простое соображеніе, доказываютъ, напротивъ, что вообще въ странахъ, наиболѣе богатыхъ, всего легче найти удовлетвореніе своимъ наиболѣе развитымъ потребностямъ.

IX.

Потребленіе общественное.

Кромѣ тѣхъ потребностей частныхъ лицъ и ихъ семействъ, удовлетвореніе которыхъ образуетъ собою частное потребленіе, есть еще такія особыя потребности, которыя ощущаются союзомъ частныхъ лицъ, называемымъ обществомъ, и удовлетвореніе которыхъ составляетъ потребленіе общественное. Общество покупаетъ и потребляетъ услуги администраціи, оберегающей его интересы, войска, ограждающаго страну отъ внѣшняго нападенія, суда гражданскаго и уголовнаго, охраняющаго каждое частное лицо отъ посягательства другихъ. Всѣ эти разнообразныя услуги приносятъ свою пользу, и если они размножаются сверхъ существующей въ нихъ потребности, если они оплачиваются дороже своей цѣнности, то лишь вслѣдствіе недостатковъ общественной организаціи, разсмотрѣніе которыхъ выходитъ изъ предѣловъ настоящаго сочиненія.

Въ слѣдующихъ главахъ мы увидимъ, гдѣ общество находитъ цѣнности, на которыя покупаетъ или услуги своихъ агентовъ, или предметы, необходимые для удовлетворенія ихъ потребностей. Въ этой-же главѣ мы рассмотримъ только—какъ производится общественное потребленіе и къ какимъ оно приводитъ результатамъ.

Если начало этой книги хорошо понято, то читатель легко уразумѣетъ, что общественное потребление, имѣющее въ виду общую пользу, по существу своему совершенно то же, что и удовлетвореніе потребностей частныхъ лицъ и ихъ семействъ. Какъ то, такъ и другое есть всегда разрушеніе цѣнностей, разрушеніе части богатствъ, хотя-бы при этомъ и не выходило ни одной копейки изъ предѣловъ страны.

Чтобы еще больше убѣдиться въ этомъ, прослѣдимъ движеніе цѣнности, потребленной ради общественной пользы.

Правительство требуетъ отъ плательщика уплаты деньгами какого-нибудь налога. Чтобы удовлетворить сборщика налога, плательщикъ мѣняетъ на деньги продукты, которыми онъ располагаетъ, и эти деньги вручаетъ правительственному чиновнику. Другіе агенты покупаютъ на эти деньги сукно и съѣстные припасы для войска. Здѣсь еще никакая цѣнность ни потреблена, ни потеряна, а есть только цѣнность, которая добровольно передана плательщикомъ и обмѣнена на другія цѣнности. Она продолжаетъ существовать въ формѣ съѣстныхъ припасовъ и сукна въ складахъ арміи. Но вотъ, наконецъ, эта цѣнность потребляется, съ этого именно момента часть богатства, вышедшая изъ рукъ плательщика налога, уничтожается, разрушается.

Но здѣсь сумма денегъ не разрушена — она только перешла изъ однѣхъ рукъ въ другія, отчасти безвозмездно, когда плательщикъ вручилъ ее сборщику налога, отчасти посредствомъ обмѣна, когда она была передана правительственнымъ чи-

новникомъ поставщику арміи, у котораго были закуплены съѣстные припасы и сукно. Не смотря на всѣ передачи, цѣнность денегъ сохранилась, и если бы она перешла въ третьи, четвертыя и десятыя руки, она все продолжала бы существовать, не испытывая никакого чувствительнаго измѣненія, а разрушилась бы при этихъ переходахъ цѣнность сукна и припасовъ, которая перестала существовать. Совершенно такой же результатъ получился бы, если бы плательщикъ налога на тѣ же деньги купилъ съѣстныхъ припасовъ и сукна и самъ потребилъ бы ихъ. Вся разница только въ томъ, что удовлетвореніе отъ этого потребленія получилъ не плательщикъ налога, а государство.

Все это не трудно примѣнить и ко всякому роду общественнаго потребленія. Когда деньги плательщика идутъ на выдачу содержанія какому-нибудь должностному лицу, то послѣднее, значить, продаетъ свое время, свои способности, свой трудъ, которые потребляются на пользу общественную, и, въ свою очередь, потребляетъ, вмѣсто плательщика налога, цѣнность, полученную имъ въ обмѣнъ на свои услуги, точно также какъ это сдѣлалъ бы какой-нибудь прикащикъ, или всякое другое лицо, нанятое плательщикомъ налога для соблюденія его частныхъ интересовъ.

Почти всегда думали, что цѣнность, платимая обществомъ за общественныя услуги, возвращается ему въ другой формѣ, и доказывали это, между прочимъ, тѣмъ, что все, что получаетъ правительство и его агенты, они возстановляютъ тѣмъ, что сами расходуютъ. Но это — ошибка и ошибка тѣмъ болѣе вредная по своимъ послѣдствіямъ, что

повлекла за собою страшныя расхищенія, совершенныя безъ всякаго угрызенія совѣсти. Цѣнность, доставленная плательщикомъ налога, передана имъ даромъ; правительство воспользовалось ею, чтобы купить трудъ, предметы потребленія, продукты, однимъ словомъ — то, что имѣетъ такую-же цѣнность. Покупка не есть возстановленіе цѣнности.

Съ какой-бы стороны ни разсматривалась эта операція и какъ-бы она ни была усложнена въ практическомъ исполненіи, она всегда путемъ анализа приведетъ къ тому общему положенію, какое сейчасъ высказано. Потребленный продуктъ всегда будетъ потерянною цѣнностью, кто-бы ни былъ потребителемъ ея, и притомъ она будетъ потеряна безъ вознагражденія того, кто не получилъ ничего въ обмѣнъ на нее. Но въ данномъ случаѣ надо считать возмѣщеніемъ ту выгоду, которую плательщикъ налога получаетъ отъ службы должностнаго лица, или отъ потребленія, сдѣланнаго на общую пользу.

Если общественные расходы дѣйствуютъ на сумму богатствъ совершенно также, какъ и частные расходы, то тѣ-же самые принципы экономіи должны руководить какъ тѣми, такъ и другими. Нѣтъ двухъ родовъ экономіи, какъ нѣтъ двухъ родовъ честности или двухъ родовъ нравственности. Если правительство, какъ и частное лицо, совершаетъ потребленіе, въ результатъ котораго получается больше цѣнностей, чѣмъ сколько ихъ потреблено, то, значитъ, дѣятельность ихъ производительна. Если-же отъ потребленной цѣнности не осталось никакого продукта, то она, значитъ, совершенно потеряна какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ; но она

можетъ, исчезая, оказать услугу, которую отъ нея ожидали. Всякіе военные запасы вещей и провіанта, точно также какъ время и работа гражданскихъ и военныхъ чиновъ, служившихъ на защиту государства, перестали существовать, хотя и могли быть употреблены съ большею пользою: тутъ произошло тоже самое, что съ предметами и услугами, которые непосредственно употребило на себя какое-нибудь семейство. Тутъ не оказалось никакой другой выгоды, кромѣ удовлетворенія потребности; но если потребность была дѣйствительная, если она была удовлетворена при возможно наилучшихъ условіяхъ, то такого возмѣщенія совершенно достаточно, чтобы уровновѣсить, часто даже съ большою выгодною, то, чего стоило такое удовлетвореніе. Если-же потребности не существовало, то и потребленіе семьи и защита ея интересовъ оказываются только зломъ, ничѣмъ не вознаградимымъ. То-же самое представляетъ и потребленіе государства: потреблять только для того, чтобы потреблять, расходовать только для того, чтобы расходовать, требовать услугъ отъ кого-нибудь ради того, чтобы давать ему жалованье, уничтожить предметъ для того, чтобы имѣть случай заплатить за него, это—такое-же безразсудство со стороны правительства, какъ и со стороны частного лица въ его частномъ потребленіи, и также непростительно для правителя государствомъ, какъ и для всякаго человѣка, стоящаго во главѣ какого-нибудь частного предпріятія. Расточительное правительство даже виновнѣе частного лица: это послѣднее потребляетъ то, что принадлежитъ ему, тогда какъ правительство само ничего не имѣетъ

и является только распорядителемъ общественнаго достоянія *).

Что-же можно думать о тѣхъ писателяхъ, а ихъ не мало, которые хотѣли установить то положеніе, что богатство частное и богатство общественное суть два совершенно различныя понятія; что богатство частнаго лица умножается дѣйствительно сбереженіемъ, а богатство общественное, напротивъ, умножается отъ усиленія потребленія, и которые вывели изъ этого положенія такое опасное и ложное заключеніе, что правила, которыми руководствуется управленіе частнымъ богатствомъ, и правила, которыми должно руководствоваться управленіе общественнымъ достояніемъ, не только совершенно различны, но часто даже просто противоположны другъ другу?

Если-бы такіе принципы высказывались только въ книгахъ и никогда не дѣйствовали на практикѣ, то еще можно было-бы оставаться спокойнымъ и равнодушно смотрѣть на нихъ, какъ на множество другихъ являющихся въ печати заблужденій. Но какъ не скорбѣть о судьбахъ человѣчества, когда видишь, что подобныя принципы исповѣдуются людьми, отличающимися своими достоинствами, талантами и образованіемъ, когда видишь, что ими руководствуются на практикѣ люди, которыеoble-

---

*.) Всякое правительство, считающее себя собственникомъ богатства частныхъ лицъ, или дѣйствующее на правахъ такого собственника, является узурпаторомъ, а узурпація есть фактъ, а не право. Иначе всякій воръ, достаточно ловкій или достаточно сильный, чтобы завладѣть чужимъ достояніемъ, будучи пойманъ, долженъ быть признанъ законнымъ собственникомъ того, что своровалъ, а не обязаннымъ возвратить украденное.

чены властью и могутъ поддержать такія заблужденія и безсмыслицы силою штыковъ и пушекъ *).

Госпожа де-Ментенонъ рассказываетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ кардиналу Ноалю, что когда ей пришлось однажды упрашивать короля усилить раздачу милостыни бѣднымъ, то Людовикъ XIV отвѣтилъ ей такъ: *король подаетъ милостыню тогда, когда тратитъ много*. Какія драгоценныя и страшныя слова, доказывающія, какъ разореніе можетъ быть возведено даже въ принципъ. Дурныя принципы бывають хуже самой развращенности, потому что ими руководствуются даже въ противность своимъ плохо понимаемымъ интересамъ, и вдобавокъ еще въ теченіе очень продолжительнаго времени, безъ всякаго зазрѣнія совѣсти и безъ всякой пощады. Если-бы Людовикъ XIV думалъ, что своею пышностью и расточительностью онъ удовлетворяетъ только своему тщеславію, а завоеваніями—своему честолюбію, то онъ былъ-бы честнымъ человекомъ; онъ могъ-бы раскаяться въ своемъ заблужденіи и положить ему конецъ, онъ могъ-бы по крайней мѣрѣ остановиться ради собственнаго интереса. Но, къ несчастію, онъ былъ увѣренъ въ томъ, что онъ своею расточительностью приноситъ пользу своимъ государствамъ, а слѣдовательно и самому себѣ, и не остановился до тѣхъ поръ, пока не дошелъ до нищеты и униженія.

Здравыя идеи политической экономіи были еще

---

*) Легко замѣтить, что это мѣсто, какъ и нѣкоторыя другія, были написаны въ господство военнаго режима, который присвоилъ себѣ право истощать всѣ источники народнаго благосостоянія и увѣрять націю, не допуская для страны никакихъ возраженій, что все это такъ и быть должно.—Прим. автора.

настолько чужды лучшимъ людямъ даже XVIII стол., что король прусскій, Фридрихъ II, человекъ, такъ страстно искавшій истины, столь способный понять ее и столь достойный, чтобъ взять ее подъ свое покровительство, такъ писалъ д'Аламберу, въ оправданіе веденныхъ имъ войнъ: „мои многочисленныя войска способствуютъ обращенію денегъ и равномерно распредѣляютъ въ провинціяхъ то, что народы доставляютъ правительству“. Нѣтъ, еще разъ нѣтъ; все что получаетъ правительство съ провинцій, не возвращается имъ обратно. Уплачиваются-ли налоги деньгами или натурой, они превращаются въ воинскіе запасы и въ этой формѣ потребляются, уничтожаются людьми, которые не возстановляютъ ихъ, потому что не производятъ никакой цѣнности *). Счастьемъ для Пруссіи были то, что дѣятельность Фридриха II не всегда соответствовала его принципамъ: онъ

---

*) Для снабженіе войска въ рукахъ правительства или его агентовъ имѣются цѣнности двоякаго рода: 1) цѣнность того, что платится подданными; 2) цѣнность воинскихъ запасовъ, доставляемыхъ поставщиками. Кто доставляетъ цѣнности перваго рода (плательщики), ничего не получаютъ въ возмѣщеніе ихъ, кто доставляетъ цѣнность второго рода (поставщики), получаютъ взамѣнъ въ видѣ платы другія цѣнности.—Но существованіе этихъ послѣднихъ цѣнностей не даетъ никакого права утверждать, что правительство возвращаетъ одной рукой то, что беретъ другою, что тутъ происходитъ только обращеніе цѣнностей и что націи отъ этого ничего не терпятъ. Что получило съ плательщиковъ правительство, равно 2, а что она возмѣстила имъ за это, равно 1. Потеря этой недостающей 1 падаетъ всецѣло на плательщиковъ, и такъ какъ частныя богатства плательщиковъ въ совокупности образуютъ богатство народа, то, значить, народное богатство уменьлось на всю сумму цѣнностей, потребленныхъ правительствомъ, за исключеніемъ изъ нея того, что произведено правительствомъ, благодаря общественнымъ учрежденіямъ.

принесъ странѣ больше пользы своею экономіей въ управленіи, чѣмъ сколько принесъ ей вреда своими войнами.

Если потребленіе народа или его правительства причиняетъ потерю цѣнностей, а слѣдовательно и богатства, то оно можетъ быть оправдано лишь по столько, по сколько народъ получаетъ отъ него выгоды, равныя тѣмъ жертвамъ, которыхъ оно стоило ему. Стало-быть, все искусство администраціи заключается въ постоянномъ и справедли-вомъ сопоставленіи размѣра приносимыхъ народомъ жертвъ съ выгодами, извлекаемыми изъ нихъ государствомъ, и я не обинуясь скажу, что несораз-мѣрность приносимыхъ жертвъ съ полученными выгодами есть глупость или преступленіе администраціи.

Что произошло-бы, въ самомъ дѣлѣ, если-бы безумные расходы дурного правительства не ограничивались однимъ расточеніемъ народнаго благо-состоянія и если-бы потребленіе государства не только не доставляло народу никакого равно-цѣннаго возмѣщенія, а, наоборотъ, подготовляло ему безчисленное множество всякихъ бѣдствій; если-бы послѣдствіемъ самыхъ произвольныхъ по-боровъ были сумасбродныя и преступныя предпрі-ятія; если-бы, наконецъ, народъ почти всегда оплачивалъ своею кровью право платить деньги изъ своего кармана?

Какъ прискорбно было-бы называть пустымъ фразерствомъ истины, которыя здравому смыслу такъ часто приходится разъяснять потому только, что глупость и страсти упорно отказываются при-знавать ихъ!

Обычное потребленіе правительства составляет важную часть общаго потребленія народа, потому что доходить иногда до шестой, пятой и четвертой части общаго потребленія и даже болѣе, а отсюда слѣдуетъ, что экономическая система правительства имѣетъ огромное вліяніе на возвышеніе или упадокъ народа. Если частный человекъ вообразить себѣ, что на треть усилить свои средства, расточая ихъ, и что расточительностью дѣлаетъ себѣ большую честь; если онъ не умѣетъ устоять передъ соблазномъ пустого удовольствія или передъ внушеніемъ даже справедливаго, но поздняго раскаянія, то онъ разорится и своимъ крушеніемъ подѣйствуетъ лишь на небольшое число людей. Что-же касается правительства, то нѣтъ такой ошибки его, которая не сдѣлала-бы нѣсколькихъ милліоновъ людей несчастными и не могла-бы вызвать упадка цѣлой націи. Если желательно, чтобы граждане хорошо понимали собственные интересы, то во сколько разъ желательнѣе это по отношенію къ правительству? Если порядокъ и экономія считаются добродѣтелями въ частной жизни, то какимъ прекраснымъ именемъ, справедливо было-бы назвать эти свойства въ людяхъ, руководящихъ судьбами государствъ и могущихъ устроить благоденствіе цѣлаго народа?

Частный человекъ вполне понимаетъ цѣнность предмета имъ потребленнаго; часто это — плодъ его тяжелыхъ трудовъ, продолжительныхъ заботъ, настойчивыхъ сбереженій. Онъ легко взвѣшиваетъ выгоды, какія можетъ получить отъ своего потребленія, и лишенія, какія онъ долженъ испытать. Правительство не заинтересовано такъ непосред-

ственно въ порядкѣ и экономіи; оно не можетъ такъ живо и такъ скоро почувствовать неудобство отъ ихъ отсутствія. Прибавьте къ этому, что частный человѣкъ побуждается къ бережливости не только личнымъ интересомъ, но еще и вліяніемъ сердца; экономія обезпечиваетъ средство для дорогихъ ему существъ, а бережливое правительство берегаетъ для гражданъ, которыхъ оно непосредственно почти не знаетъ, и плоды его бережливости сослужать свою службу, можетъ быть, только его преемникамъ.

Ошибочно было-бы думать, что наследственная власть предохраняетъ отъ такихъ неудобствъ. Соображенія, дѣйствующія на частнаго человѣка, не касаются правителя страны. Онъ смотритъ на состояніе своихъ наследниковъ, какъ на совершенно обезпеченное, по скольку это зависитъ отъ наследованія. Да и не онъ лично постановляетъ рѣшенія по большей части расходовъ и не онъ заправляетъ дѣлами купли и продажи. Это дѣлаютъ его министры, его генералы. Но, наконецъ, постоянный опытъ доказываетъ, что самыя бережливыя правительства не суть ни монархіи, ни демократическія правительства, а преимущественно аристократическія республики.

Еще менѣе надо думать, что духъ экономіи и порядка въ общественномъ потребленіи несовмѣстимъ съ геніемъ, предпринимающимъ и совершающимъ великіе подвиги. Карль Великій—одинъ изъ самыхъ славныхъ государей; онъ завоевалъ Италію, Венгрію и Австрію, отразилъ сарациновъ и разсѣялъ саксовъ; онъ стяжалъ блестящій титулъ императора и тѣмъ не менѣе заслужилъ отъ

Монтескьё такую похвалу: „Отецъ семейства могъ-бы поучиться въ законахъ Карла Великаго, какъ надо управлять своимъ домомъ. Онъ ввелъ удивительное правило въ своихъ расходахъ и управлялъ своими владѣніями съ мудростью. Въ его „Капитуляріяхъ“ можно найти тотъ чистый и священный источникъ, изъ котораго онъ извлекалъ свои богатства. Довольно указать хоть на слѣдующее: онъ приказывалъ продавать ящца съ птичьихъ дворовъ своихъ владѣній и сорныя травы съ своихъ садовъ“.

Принцъ Евгенийъ Савойскій, котораго неправильно было-бы считать только великимъ полководцемъ, потому что онъ обнаружилъ также высокія способности какъ въ управленіи, такъ и въ дипломатіи по дѣламъ, которыя на него возлагались, совѣтывалъ императору Карлу VI слѣдовать въ управленіи финансами совѣтамъ негціантовъ.

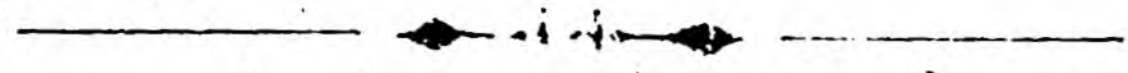
Великій герцогъ тосканскій Леопольдъ показалъ, въ концѣ XVIII столѣтія, что можетъ сдѣлать государь даже въ государствѣ очень небольшомъ, тѣмъ, что онъ введетъ въ управленіе самую строгую экономію частнаго хозяйства: при немъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, Тоскана сдѣлалась одною изъ самыхъ цвѣтущихъ странъ въ Европѣ.

Тѣмъ-же принципомъ руководствовались министры, съ наибольшимъ успѣхомъ управлявшіе финансами Франціи: с.-денискій аббатъ Сугерій, кардиналъ Амбуазъ, Сюлли, Кольберъ, Неккеръ. Всѣ они находили въ строгой экономіи простаго частнаго человѣка средства для исполненія самыхъ крупныхъ предпріятій. Аббатъ с.-денискій доставилъ обильныя средства для второго кресто-

ваго похода — предпріятія, котораго я лично далеко не одобряю, но которое требовало громад-ныхъ расходовъ; Амбуазъ подготовилъ завоеваніе Милана Людовикомъ XII; Сюлли—паденіе австрійскаго дома, Кольберъ—блестящіе успѣхи Людовика XIV, а Неккеръ доставилъ средства вести самую счастливую войну, какую только совершила Франція въ XVIII столѣтіи.

Вообще-же исторія показываетъ намъ, что правительства всегда страдали отъ недостатка денегъ и принуждены были, подобно частнымъ лицамъ, прибѣгать, чтобы выпутываться изъ затрудненій, къ разорительнымъ, а иногда и позорнымъ средствамъ. Такъ было, на примѣръ, при Карлѣ Лысомъ, при которомъ никто не достигалъ почестей и не пользовался безопасностью иначе какъ за деньги;—при Карлѣ II, королѣ австрійскомъ, продавшемъ Дюнкирхень французскому королю и получившемъ въ Голландіи два съ четвертью милліона за то, чтобы отсрочить отплытіе флота, который былъ снаряженъ въ Англіи въ 1680 г. и долженъ былъ идти въ Индію защищать англичанъ, раздавленныхъ батавцами. Таковы были, наконецъ, всѣ правительства, которыя дѣлались несостоятельными или вслѣдствіе порчи звонкой монеты или вслѣдствіе неисполненія принятыхъ ими на себя обязательствъ. Людовикъ XIV, совершенно истощившій къ концу своего царствованія всѣ средства своего прекраснаго королевства, создавалъ и продавалъ должности, изъ коихъ одна была смѣшнѣе другой. Создавались тогда должности королевскихъ совѣтниковъ, смотрѣвшихъ за кладкою дровъ, должности брадобрѣевъ-цирульниковъ.

контролеровъ-досмотрщиковъ сѣжаго масла, пробовальщиковъ соленого масла и т. д. Но всѣ эти способы пріобрѣтенія средствъ, столько-же жалкіе по суммамъ, какія они доставляли, сколько и вредные по своему вліянію, лишь на короткое время отсрочивали катастрофу, которая должна была наступить какъ неизбежное послѣдствіе правительственной расточительности. „Когда не хотятъ слушаться разума“, сказалъ Франклинъ, „онъ никогда не замедлитъ дать себя почувствовать“.

ФРЕДЕРИКЪ БАСТІА.

БИБЛИОТЕКА ЭКОНОМИСТОВЪ.

РЕДАКЦІЯ: *М. Щепкинъ. — И. Вернеръ.*

ВЫШЛИ:

Адамъ Смитъ.

Давидъ Рикардо.

Томасъ Мальтусъ.

Джонъ Стюартъ Милль.

Давидъ Юмъ.

Геремія Бентамъ.

Франсуа Кенэ.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Ж. Тюрго и физиократы.

Ф. Леплэ.

Симондъ де-Сисмонди.

Преподукъ Тасмид.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Жизнь и труды Бастіа	I—XIII
Библиографія	XIV—XVI
Кобденъ и Лига.	
Введеніе	I
Экономическіе софизмы, памфлеты и апологіи.	
I. Прошеніе фабрикантовъ свѣчь и др.	29
II. Взаимность	37
III. Предостереженіе	40
IV. Мнимая желѣзная дорога	46
V. Два топора	48
VI. Китайская сказка	53
VII. Сборщикъ податей	58
VIII. Правая и лѣвая рука	66
IX. Законъ	72
X. Мѣшокъ хлѣба	74
XI. Домъ	79
XII. Рубанокъ	81
Государство.	86
Что видно и чего не видать, или политическая экономія въ одномъ урокъ.	
Вступительное объясненіе	103
Разбитое стекло	105
Налогъ	109
Общественныя работы	115
Посредники	119
Ограниченіе	129
Машины	137
Кредитъ	146

Экономическія Гармоніи.

Стр.

Обращеніе къ французскому юношеству	151
I. Естественная искусственная организація	177
II.*) Капиталь	203
III.*) Два девиза	230

---

*) Въ текстѣ по ошибкѣ помѣщены цифры III и IV.

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ БАСТІА.

„Легко могло быть, говорить А. де-Фовилль, начиная біографію Бастіа, что онъ сошелъ-бы въ могилу, почти никому невѣдомый: онъ родился 11-го мессидора IX года, т.-е. 30 іюня 1801 г. (*); первая книга его явилась въ свѣтъ только въ 1845 г., а черезъ пять лѣтъ послѣ того, 24 декабря 1850 г., его уже не стало“. Тѣмъ не менѣе „Полное Собраніе“ его сочиненій, изд. Гильоменомъ, состоитъ изъ VII томовъ. Правда, при такой спѣшной работѣ не все одинаково зрѣло и продумано; нѣкоторыя сочиненія устарѣли, за-то другія не потеряли ни своего колорита, ни вкуса, ни даже интереса современности.

Въ этомъ изданіи собраны образцы, могущіе познакомить читателей съ блестящимъ стилемъ и важнѣйшими принципами, которыми руководствовался этотъ неутомимый боецъ и проповѣдникъ экономической свободы.

Клодъ-Фредерикъ Бастіа родился въ Байоннѣ и былъ единственнымъ сыномъ именитаго купца, который велъ торговлю съ Испаніей; девяти лѣтъ

---

*) Большинство біографовъ полагаютъ, что Бастіа родился 19 іюня 1801 г.; другіе—29 іюня. Мы исправили эту ошибку на основаніи записей гражданского состоянія (l'état civil).—Прим. Фовилля.

онъ остался сиротою. Изъ ближайшихъ родственниковъ отца были въ живыхъ: его родной дѣдъ, бывшій потомъ его опекуномъ, родной дядя и тет-ка, Жюстина Бастіа, которая своими ласками и материнскою любовью съумѣла вселить въ племянника сыновнюю нѣжность къ себѣ. Пробывъ одинъ годъ въ школѣ С.-Севера, мальчикъ былъ отправленъ въ началѣ 1815 г. учиться въ Сорезъ, гдѣ и остался до 1819 г. Старинные отчеты по раздачѣ школьныхъ наградъ, заботливо сохраненные доминиканцами, свидѣтельствуютъ, что въ будущемъ авторъ „Софизмовъ“ и „Экономическихъ Гармоній“ рано сказалось влеченіе къ литературѣ. Кромѣ англійской преміи, полученной Бастіа въ 1817 г., ему были присуждены еще двѣ награды — за эклогу и басню въ 1818 г. и за стихи въ 1819 г. нераздѣльно съ другомъ его, Викторомъ Кальметомъ. Стихи обоихъ юношей не дошли до насъ; но трогательное воспоминаніе связано съ этою совмѣстною работою двухъ товарищей: награда состояла изъ золотой медали, которую подѣлить между ними было нельзя. „Возьми ее себѣ, сказалъ Бастіа своему другу, у тебя есть отецъ и мать и потому награда принадлежитъ тебѣ по праву“. Эта деликатность чувства не оставляла Бастіа въ теченіе всей его жизни.

Но вотъ молодымъ людямъ приходилось покинуть школу и изъ міра идеаловъ окунуться въ практическую жизнь — вдохновенный поэтъ дѣлается служащимъ въ торговой конторѣ. Дядя Бастіа помѣстилъ его при своемъ дѣлѣ, въ Байоннѣ; тутъ пришлось отложить въ сторону и эклогу, и басню, *дебетъ и кредитъ* — таковъ былъ девизъ

торговаго дома. Но Фредерикъ Бастіа былъ, кажется, неособенно податливъ на прелести счетоводства по двойной бухгалтеріи. Онъ любилъ веселиться, какъ и всѣ молодые люди; но среди разныхъ удовольствій и развлеченій его не покидала жажда знаній; ему хотѣлось научиться всему—знать религію, философію, исторію, географію, ботанику, химію, механику, алгебру, музыку и сверхъ того четыре-пять иностранныхъ языковъ: англійскій, итальянскій, испанскій и мѣстное нарѣчіе басковъ. Ж.-Б. Сэ своимъ „Трактатомъ“, пользовавшимся въ то время заслуженнымъ авторитетомъ, пробудилъ сильный интересъ къ политической экономіи. Смерть дѣда въ 1825 г. имѣла рѣшительное значеніе въ судьбѣ молодого Бастіа, который оставилъ торговую контору и уѣхалъ въ свое наслѣдственное помѣстье въ Мюгронъ, темномъ мѣстечкѣ округа С.-Севера, и тамъ занялся сельскимъ хозяйствомъ. Но ему не посчастливилось на этомъ поприщѣ: не смотря на свои выдающіяся способности, онъ никогда не могъ сдѣлаться дѣльцемъ, практикомъ—ему не доставало просто умѣнья вести хозяйственные счета, и вотъ онъ забросилъ свое родовое помѣстье, о которомъ очень жалѣлъ потомъ (*).

Можетъ быть, онъ былъ-бы менѣе легкомысленъ въ своихъ дѣлахъ, если-бы имѣлъ семью, о

---

*) Въ 1846 г. онъ писалъ Кобдену: „если-бы вмѣсто того, чтобы бѣгать по уши въ грязи, отъ одного барина къ другому и, повидавшись съ однимъ и другимъ, не получить отъ нихъ за цѣлый день ничего кромѣ увлончивыхъ и неопредѣленныхъ отвѣтовъ, какъ-бы хорошо было со-брать этихъ господъ у себя за столомъ, въ богатой гостинной—сколько разрѣшилось-бы тогда затрудненій!“.

которой пришлось-бы заботиться. Но въ этомъ отношеніи судьба повернулась къ нему спиной. Многие и не подозрѣвали, что онъ былъ женатъ, тогда какъ онъ имѣлъ жену и даже тещу; но онъ такъ быстро забылъ самъ объ этомъ несчастномъ случаѣ въ своей жизни, что біографамъ его было простительно пройти его молчаніемъ.

Въ Мюгронѣ онъ нашелъ то, чѣмъ дорожилъ болѣе всего—друга по уму и сердцу. Феликсъ Кудруа былъ для Бастіа не только человѣкомъ, которому онъ повѣрялъ свое горе и радости жизни, но и постояннымъ сотрудникомъ, такъ-сказать умственнымъ товарищемъ, въ продолженіи долгихъ лѣтъ, что они жили одинъ возлѣ другого. У нихъ были одни вкусы, часто однѣ и тѣ-же мысли, различны были способы разсужденія и чувства, и это различіе какъ нельзя болѣе оживляло и такъ-сказать оплодотворяло ихъ совмѣстную работу. Сочиненія Ад. Смита, Франклина, Ж.-Б. Сэ, Дестюта де-Траси и др. служили главнымъ предметомъ размышленія, долгихъ бесѣдъ и споровъ двухъ неразлучныхъ друзей; когда-же, бывало, они договаривались до чего-нибудь определеннаго по интересовавшимъ ихъ вопросамъ, то собирали вокругъ себя, въ качествѣ прозелитовъ или своихъ противниковъ, кое-кого изъ ихъ деревенскихъ сосѣдей, такъ что въ Мюгронѣ самъ собою образовался кружокъ людей, умѣвшихъ вести веселыя и серьезныя бесѣды по научнымъ и общественнымъ вопросамъ (*).

---

*) Надо вспомнить по этому поводу о бельгійскомъ клубѣ въ Морланвельцѣ (пров. Гайно), принявшемъ имя Фридерика Бастіа. Еже-

Бастіа съ юношескою горячностью привѣтствовалъ іюльскую революцію и первымъ сочиненіемъ его былъ манифестъ, 1830 г., обращенный „къ избирателямъ департамента ландовъ“. Хотя этотъ манифестъ оказался гласомъ вопіющаго въ пустынь, однако изложеннымъ въ немъ воззрѣніямъ онъ обязанъ былъ своимъ выборомъ въ мировые судьи мюгронскаго округа. Бастіа не былъ юристомъ и не слѣдовалъ общепринятымъ приемамъ присяжныхъ судей. По словамъ Фр. Пасси, онъ пользовался такимъ оригинальнымъ способомъ творить судъ и расправу: „стругая кусокъ дерева или выбивая тактъ разрѣзнымъ ножомъ, а иногда вырисовывая на бумагѣ разныхъ старичковъ, онъ предоставлялъ каждой сторонѣ объясняться, какъ она находила нужнымъ. Въ концѣ-же всего, выслушавши обѣ стороны и подумавъ немного, онъ подымалъ голову и произносилъ свое краткое рѣшеніе, не заботясь ни о какихъ юридическихъ данныхъ, на которыхъ оно могло-бы быть основано. Никто не спрашивалъ—на основаніи какой статьи онъ произнесъ свой приговоръ: онъ судилъ по здравому смыслу и справедливости, и этого было достаточно“.

Занятія въ этой скромной должности мѣстнаго судьи должны были утвердить въ Бастіа убѣжденіе, до какой степени личный интересъ вообще способенъ къ заблужденіямъ. Для него, какъ человека

дѣльные вечера этого клуба, начавшіеся въ 1886 г., подъ предсѣдательствомъ инженера Вейлера, безъ перерыва продолжается до настоящихъ дней. Чтеніе вслухъ „Софизмовъ“ Бастіа послужило предметомъ обсужденій и „кружокъ экономическихъ чтеній“, присоединившійся къ этому клубу, много способствуетъ теперь распространенію въ средѣ рабочихъ этого промышленнаго округа здравыхъ экономическихъ понятій.

въ высшей степени безкорыстнаго, такое убѣжденіе было особенно полезно потому, что открывало ему глаза на то, что обыкновенно люди, когда дѣло коснется ихъ кошелька, теряютъ вѣрное понятіе о справедливомъ и несправедливомъ и доводятъ свои претензіи часто до чудовищныхъ размѣровъ. Автору „Софизмовъ“ приходилось не разъ вспоминать о томъ, какъ онъ, сидя на креслѣ мюгронскаго судьи, учился на ландскихъ обывателяхъ, обращающихся къ его разбирательству.

Бастіа могъ совсѣмъ погрязнуть въ этомъ узкомъ существованіи, если-бы счастливый случай не вывелъ его на свѣтъ Божій, въ 1834 г. Въ этомъ году онъ былъ назначенъ генеральнымъ совѣтникомъ своего департамента и началъ дѣйствовать смѣлѣе. Онъ мечталъ уже о томъ, какъ-бы въ Бордо, или въ Байоннѣ основать кафедру политической экономіи. Когда-же Дюшатель, въ то время министръ торговли, позволилъ выдвинуть вопросъ о пользѣ таможенныхъ стѣсненій, который имперія оставила въ наслѣдство реставраціи, а реставрація бережно передала іюльской монархіи Бастіа взялся за перо и не безъ внутренней силы ринулся въ борьбу. Въ напечатанныхъ тогда „Размышленіяхъ о ходатайствахъ Бордо, Гаэра и Ліона относительно таможенъ“ (апрѣль 1834 г.) высказаны имъ въ первый разъ главные основанія его теоріи о цѣнности, развитыя потомъ въ „Экономическихъ Гармоніяхъ“. Цѣлые семь лѣтъ молчанія прошли послѣ этого перваго выхода Бастіа въ борьбу. Напечатанныя послѣ того статьи— „Казна и виноградники“ (январь 1841 г.), „Мемуаръ о винодѣліи“ (январь 1843), „Распредѣленіе поземель-

наго налога въ ландахъ“ (1844) были написаны просто въ защиту мѣстныхъ интересовъ и не имѣли никакого общаго значенія.

Между тѣмъ приближался часъ, когда Бастіа долженъ былъ выйти на подвигъ проповѣдника свободной торговли. Свѣтъ озарилъ его съ сѣвера. Въ кружкѣ Мюгрона были тогда приверженцы, и противники, даже клеветники Англии. Ссора съ однимъ изъ этихъ послѣднихъ побудила Бастіа подписаться на англійскій журналъ—*The Globe and Traveller*, и вотъ совершенно случайно раскрылась передъ нимъ дѣятельность знаменитой манчестерской Лиги отъ начала ея до конца. Въ то время Франція и не подозрѣвала даже о ея существованіи. Побѣда Лиги была поразительна: старинные хлѣбные законы, представлявшіе собою краеугольный камень британскаго протекціонизма и считавшіеся долгое время его несокрушимыми основами, разсыпались въ прахъ подъ смѣлыми ударами Кобдена, Брайта, Томпсона, Мура, Фокса... „Вотъ что можетъ; думаль. Бастіа, совершить вѣра, когда умѣло возьмешь за дѣло. Она двигаетъ горами и даже опрокидываетъ ихъ... И такъ, мужайтесь!“ Спустя нѣсколько недѣль послѣ того редація *Журнала Экономистовъ*, извѣстнаго въ теченіи почти 50 лѣтъ своими солидными и честными услугами наукѣ, а въ то время, въ 1844 г., только-что начинавшаго свою карьеру, получила изъ глубины ландовъ рукопись подъ заглавіемъ: „О вліяніи французскаго и англійскаго тарифовъ на будущность обоихъ народовъ“. Эта рукопись, можетъ быть и до сихъ поръ, покоилась-бы въ папкѣ, въ которую была положена ея авторомъ, если-бы глав-

ному редактору этого журнала, Дюссару, и его издателю Гильомену не пришла мысль извлечь ее оттуда. Статья появилась в печати в октябре 1844 г. и произвела сильное впечатление. За ней скоро появилась и первая книга Бастиа — „Кобденъ и Лига“, напечатанная в 1845 г. Бастиа самъ повезъ свою рукопись в Парижъ къ тому-же Гильомену. „Тамъ, рассказываетъ Молинали про это появленіе Бастиа в столицѣ Франціи, онъ не имѣлъ времени даже на то, чтобы заказать платье у портного или купить какую-нибудь шляпу, да онъ и не думалъ объ этомъ. Своими длинными волосами и маленькой шляпой на головѣ, въ широчайшемъ сюртукѣ и съ огромнымъ зонтикомъ въ рукахъ, онъ былъ похожъ скорѣе на захоластнаго крестьянина, прѣхавшаго осматривать достопримѣчательности города“. Своимъ оригинальнымъ чисто-деревенскимъ видомъ онъ обращалъ на себя общее вниманіе на парижскихъ бульварахъ, не привыкшихъ къ такимъ своеобразнымъ фигурамъ. Скромному деревенскому жителю было сначала не по себѣ пребываніе въ такомъ шумномъ, громадномъ Вавилонѣ. „Въ Мюгронѣ, говаривалъ онъ, уже въ 9 часовъ утра мы знали все, что дѣлается съ нашими друзьями“, а здѣсь! Въ письмахъ домой Бастиа жаловался иногда на тоску по родинѣ — ему не доставало тетюшки Жюстины, вѣрнаго друга Кудруа, не доставало и стариннаго дома, въ которомъ онъ жилъ и который манилъ его къ себѣ. Но эти чувства не мѣшали Бастиа дѣлать свое дѣло въ Парижѣ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, замѣчаетъ его біографъ, „въ которыхъ священный огонь, разъ вспыхнувши, уже не

погасаетъ“. „Шпага вынута изъ ноженъ, писалъ онъ въ это время Кобдену, и не будетъ опять вложена въ нихъ; монополія и я—кто изъ насъ раньше отправится на кладбище!“ Слишкомъ дерзкая увѣренность, которая не могла осуществиться, но которая должна была найти свое оправданіе въ горячности вѣры Бастіа въ торжество справедливости. Въ Парижѣ Бастіа быстро преобразился изъ мирнаго деревенскаго обывателя въ жестокаго борца за свои завѣтныя идеи, не идущаго ни на какія сдѣлки. Равнодушіе французскаго общества къ тому, что совершалось въ это время на Сѣверѣ, откуда долженъ былъ возсіять свѣтъ правды и облагодѣтельствовать челоуѣчество, оскорбляло его патриотическое чувство, которое съ необычайною горячностью вылилось у него въ предисловіи къ книгѣ „Кобденъ и Лига“. „Мужайтесь! Впередъ!“ Вотъ лозунгъ, далѣе котораго онъ ничего не хотѣлъ знать. Для исполненія своей мечты онъ, подобно Кобдену, не вѣдаетъ покоя и отдыха: вербуетъ купцовъ, журналистовъ, теребитъ депутатовъ, осаждаеть министровъ. И вотъ дѣло какъ будто пошло на ладъ: первая ассоціація за свободу обмена учреждена въ началѣ 1846 г., а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ такая-же ассоціація—въ самомъ Парижѣ. Въ гостинной Монтеस्कьё составлялись шумныя собранія, въ которыхъ принимали участіе всѣ выдающіеся экономисты Франціи; на нихъ долженъ былъ присутствовать и самъ Кобденъ. Но душою этого общества былъ главный секретарь его—самъ Бастіа. Дѣятельность его была изумительна: онъ велъ обширную переписку, разсылалъ политическія статьи въ разныя газеты, не прерывая однако

своихъ постоянныхъ работъ для *Журнала Экономистовъ*, а потомъ заправлялъ спеціальнымъ органомъ этого общества—*Свободнымъ Обмѣномъ*. Словомъ, въ короткое время Бастіа сдѣлался центромъ цѣлаго круга ученыхъ, публицистовъ, журналистовъ. Но въ результатѣ всей этой неустанной борьбы получились слѣдующія исполненныя горечи строки изъ предисловія къ „Кобдену и Лигѣ“: „новотъ прошло 20 лѣтъ (послѣ трудовъ Ж.-Б. Сэ) и политическая экономія не только не приобрѣла ни пяди земли, но можно сказать почти съ увѣренностью, что она даже потеряла то, чѣмъ владела; можно даже утвердительно сказать, что у нея не осталось ровно ничего, если не считать того ничтожнаго пространства, на которомъ возвышается зданіе академіи нравственныхъ наукъ... Интересъ общественный преданъ расхищенію и, наконецъ, не существуетъ болѣе экономической школы—она перешла, такъ-сказать, въ область исторіи“...

Особенно тяжелъ для Бастіа былъ 1848 г., когда, вслѣдствіе февральской революціи, совершился потрясающій кризисъ во Франціи—страну бросало изъ одной крайности въ другую; возбуждавшая всеобщія жалобы стѣсненность выборовъ въ парламентъ сразу превратилась въ общую подачу голосовъ;—власть изъ рукъ буржуазіи перешла къ народу, который могъ воскликнуть уже отъ своего лица: „государство, это—я“;—вмѣсто безчисленныхъ, разорявшихъ народъ монополій и исключительныхъ привилегій—цѣлый потокъ социальныхъ проектовъ и реформъ, долженствовавшихъ облагодѣтельствовать страну и положить конецъ

внутренней глубокой распрѣ между большинствомъ эксплуатируемаго народа и меньшинствомъ эксплуатирующихъ классовъ. Тутъ уже не могло быть и рѣчи о той мирной борьбѣ, „безъ волненій, не проливая капли крови, только силою общественнаго мнѣнія“, которую съ такимъ блестящимъ успѣхомъ выдержала въ Англии манчестерская Лига, — о той борьбѣ справедливости и здраваго смысла противъ царившаго въ то время хищенія, о которой простодушный Бастіа мечталъ для своего отечества.

Послѣдніе три года 1848, 1849 и 1850 были самыми плодотворными въ жизни Бастіа: не смотря на сильныя страданія, которыя терпѣливо переносилъ онъ вслѣдствіе пораженія дыхательныхъ органовъ, онъ продолжалъ неустанно работать, и къ этому времени относятся самыя выдающіяся изъ его сочиненій, направленные съ одной стороны противъ господствовавшей въ жизни Франціи системы „законнаго хищенія“, а съ другой противъ социалистическихъ и коммунистическихъ теорій и проектовъ общественнаго преобразованія. „Экономическіе Софизмы“, „Экономическія Гармоніи“, „Что видно и чего не видать“ были написаны именно въ эти послѣдніе годы жизни Бастіа, не считая многихъ отдѣльныхъ статей, брошюръ и писемъ („О даровомъ кредитѣ“, переписка съ Прудономъ) занимаютъ большую часть „Полнаго Собранія“ его сочиненій. Не малымъ утѣшеніемъ для Бастіа было избраніе его отъ ландовъ въ члены учредительнаго собранія въ 1848 г. Въ 1849 г. онъ былъ избранъ въ законодательное собраніе. Но дѣятельность его на этомъ поприщѣ не озна-

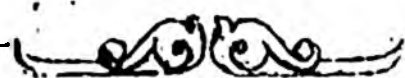
меновалась никакимъ выдающимся успѣхомъ — скромность Бастіа, лишеннаго вдобавокъ ораторскаго искусства, терялась въ слишкомъ шумныхъ собраніяхъ, хотя онъ и подымалъ тамъ свой симпатическій голосъ въ пользу рабочаго класса, подоходнаго налога и противъ расточительности правительства, ложившейся слишкомъ тяжелымъ бременемъ на благосостояніе народа.

Это были послѣднія вспышки полуразрушеннаго организма. Болѣзнь Бастіа подтачивала его послѣднія силы—подъ конецъ всего ему приходилось сознаться въ своемъ безсиліи продолжать борьбу и признать себя побѣжденнымъ. Состояніе его здоровья не позволяло ему оставаться въ Парижѣ—его отправили на вѣрную смерть въ Италію. По дорогѣ въ Римъ онъ проѣздомъ остановился въ Низѣ и здѣсь прочелъ о себѣ въ газетахъ такое извѣщеніе: „славный Бастіа, знаменитый писатель...“ Это извѣщеніе слишкомъ рано возвѣстило о наступавшей развязкѣ съ жизнью и, къ горькому сознанію самого Бастіа, дало ему понять, какъ мало оставалось ему надежды на исцѣленіе. Въ Римѣ положеніе его было безнадежно. Бастіа никогда не былъ набожнымъ, но всегда глубоко религіознымъ человекомъ и *вѣрилъ*, что законы Божественнаго Промысла, положенные въ основу созданія, несокрушимы и что никакая рука человѣская не въ силахъ поколебать ихъ *). Онъ хотѣлъ умереть и умеръ не только христіаниномъ, но и

---

*) Это начало проходитъ красною нитью черезъ всѣ сочиненія Бастіа и съ особенною вышуклостью выразилась въ его „Гармоніяхъ“. См. ниже эти очерки.

вѣрнымъ католикомъ на рукахъ своего двоюроднаго брата, аббата Монклара, и друга и сотрудника своего Пальоте, 24 декабря 1850 г. Последнимъ словомъ, слетѣвшимъ у него съ языка, было — „истина“... Черезъ 11 лѣтъ послѣ кончины Бастіа, 23 апрѣля 1878 г., въ Мюгронѣ поставленъ ему памятникъ въ формѣ бюста и аллегорической фигуры, записывающей на камнѣ заглавіе важнѣйшихъ сочиненій французскаго экономиста. Этотъ скромный памятникъ сооруженъ трудами Леона Сэ, внука Ж.-Б. Сэ, котораго Бастіа былъ ближайшимъ послѣдователемъ и продолжателемъ въ пропагандѣ науки.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Вотъ общій переченьъ сочиненій Фр. Бастіа, изданныхъ въ VII томахъ фирмою Гильомена.

Томъ I.—Предисловіе.—Біографическая замѣтка.—Переписка съ разными лицами.—Первыя сочиненія: Aux électeurs du département des Landes „Къ избирателямъ департамента Ландовъ“. 1830.—Réflexions sur les pétitions de Bordeaux, etc.—„Размышленія о ходатайствахъ Бордо“ и др. 1834. Въ этихъ двухъ сочиненіяхъ высказаны общія положенія автора, развитыя имъ подробно въ „Софизмахъ“ и „Гармоніяхъ“.—Le fisc et la vigne—„Казна и виноградникъ“. 1841.—Mémoire sur la question vinicole—„Мемуаръ по вопросу о винодѣліи. 1843.—Mémoire sur la répartition de l'impôt foncier dans les Landes—„Мемуаръ о распредѣленіи земельного налога въ Ландахъ“. 1847 г.—Оба мемуара имѣютъ болѣе мѣстное значеніе.—Разныя сочиненія: De l'influence des tarifs français et anglais sur l'avenir des deux peuples—„О вліяніи французскаго и англійскаго тарифовъ на будущиость обоихъ народовъ. 1844.—De l'avenir du commerce des vins entre la France et la Grande Bretagne—„О будущности торговли виномъ между Франціей и Великобританіей“. 1845. Это первые опыты изложенія теоріи свободной торговли.—Мелкія сочиненія и письма.

Томъ II. — Свободная торговля. — Сюда вошли статьи изъ еженедѣльнаго журнала: *Свободный Обмѣнъ*, въ 1846, 1847 и 1848 г., а также рѣчи, произнесенныя Бастіа въ Бордо, Парижѣ, Ліонѣ и Марселѣ.

Томъ III. — Cobden et la Ligue, ou l'agitation anglaise pour la liberté des échanges — „Кобденъ и Лига, или англійское движеніе въ пользу свободы торговли“. 1845. Извлеченіе изъ предисловія къ этой книгѣ, которымъ начинается этотъ выпускъ нашей „Библіотеки“, даетъ понятіе о самомъ сочиненіи Бастіа.

Томъ IV и V. — Sophismes Economiques — Экономическіе Софизмы“. 1847. — Petits pamphlets — „Маленькіе памфлеты“. Первая серія „Софизмовъ“ состоитъ изъ 22 главъ, а вторая серія — изъ 17 главъ; это — безпощадная критика господствовавшей во Франціи покровительственной и запретительной системы, такъ упорно поддерживавшейся тогдашнимъ правительствомъ. Изъ этихъ 39 очерковъ въ настоящемъ выпускѣ приведены слѣдующіе болѣе рельефныя 12 очерковъ: Pétition des fabricants de chandelles etc., Réciprocité, Remontrance, Un chemin de fer negatif, Les deux haches, Conte chinois, Le percepteur, La main droite et la main gauche, La Loi, Le sac de blé, La maison, Le rabet. — Изъ памфлетовъ наибольшаго вниманія заслуживаетъ: L'état, 1849 г., который и переведенъ подъ заглавіемъ „Государство“. — Въ тѣхъ-же двухъ томахъ нашла себѣ мѣсто переписка Бастіа съ Прудонъ — Gratuité du crédit — „Даровой кредитъ“. 1850, въ которой изложенъ ихъ споръ о законности и необходимости процента. Достоинно вниманія, что эта пере-

писка, въ которой оба противника были достойны другъ друга, была напечатана въ журналѣ *Le Peuple*, издававшемся самимъ Прудономъ, признавшимъ превосходство своего противника. — Тутъ-же нашло себѣ мѣсто одно изъ самыхъ оригинальныхъ сочиненій автора, доставившее ему въ свое время громкую извѣстность, подъ заглавіемъ: *Ce que l'on voit et ce que l'on ne voit pas, ou l'économie politique en une leçon* — „Что видно и чего не видать, или политическая экономія въ одномъ урокѣ“. 1850. Задача этихъ талантливыхъ очерковъ объяснена въ предисловіи къ нимъ. Въ настоящемъ выпускѣ изъ 12 очерковъ помѣщены слѣдующіе 7: *La vitre cassée, L'impôt, Travaux publics, Les intermediaires, Restrictions, Les machines* и *Le credit*.

Томъ VI. — *Harmonies économiques* — „Экономическія Гармоніи“. 1850. Это сочиненіе, пользовавшееся очень большою репутацией, представляетъ собою болѣе полное изложеніе общихъ началъ политической экономіи. Задача его — доказать, что экономическіе законы гармоничны между собою, что общее направленіе ихъ состоитъ въ прогрессивномъ совершенствованіи человѣческой жизни и что достиженіе этой цѣли возможно лишь при одномъ условіи — уваженіи къ свободѣ и собственности чьей-бы то ни было. Изъ этого сочиненія переведены здѣсь слѣдующія статьи: *A la jeunesse française*, въ видѣ предисловія; *Organisation naturelle* — *Organisation artificielle*; *Capital* и *Les deux devises*.

Томъ VII. — Разныя статьи и письма.

Кобденъ и Лига.

ВВЕДЕНІЕ *).

„Жребій брошень, воскликнулъ Кеплеръ; я пишу свою книгу; прочтутъ-ли ее теперь или когда-нибудь въ будущемъ—что мнѣ до этого? Она можетъ ждать своего читателя“. Я—не Кеплеръ, я не исторгъ у природы ни одной изъ ея тайнъ а все-таки осмѣливаюсь повторить слова великаго человѣка: „моя книга можетъ ждать, рано или поздно она найдетъ себѣ читателя“. Правда, моя родина будетъ еще нѣкоторое время спокойно поживать сномъ добровольнаго невѣдѣнія на-счетъ той громадной революціи, которая сотрясаетъ теперь всю почву Британіи; но настанетъ день, когда она остолбенѣетъ отъ изумленія при видѣ того вулканическаго огня... нѣтъ, при видѣ этого благотворнаго свѣта, который возсіяетъ съ Сѣвера. Настанетъ день, и этотъ день не за горами, когда она вдругъ, безъ всякаго предупрежденія узнаетъ великую новость: Англія открыла всѣ свои порты; она уничтожила всѣ преграды, отдѣ-

---

*) Введеніе къ статьѣ „Кобденъ и Лига, или англійское движеніе въ пользу свободы торговли“, въ полномъ собраніи сочиненій Бастіа занимаетъ 80 страницъ; мы сдѣлали въ немъ большія сокращенія. —
Прим. А. де-Фовилля.

лявшія ея отъ другихъ народовъ; у нея было 50 колоній, а теперь осталась только одна—вселенная; она торгуетъ со всѣми, кто только хочетъ торговать съ нею; она покупаетъ, не требуя продажи; она входитъ во всевозможныя сношенія, не требуя ни одного изъ нихъ; она вызываетъ наплывъ къ себѣ вашихъ французскихъ продуктовъ; Англія освободила трудъ и торговлю. Тогда-то, можетъ быть, захотятъ узнать, какъ, кѣмъ, съ какихъ поръ приготавлилась эта революція; въ какомъ недоступномъ для взора подземельѣ, въ какихъ никому невѣдомыхъ катакомбахъ она была задумана; какое таинственное франмасонство завязало тамъ первыя нити? И тогда-то эта книга дастъ такой отвѣтъ на этотъ вопросъ: „ахъ, Господи, да все это совершилось при полномъ свѣтѣ солнца или, по крайней мѣрѣ, въ-открытую, на глазахъ всѣхъ и cadaго (говорятъ-же, что въ Англіи нѣтъ солнца). Все это совершено гласно, публичнымъ обсужденіемъ, которое продолжалось цѣлыхъ десять лѣтъ и сразу велось на всѣхъ пунктахъ страны. Это движеніе вызвало къ жизни много англійскихъ газетъ и увеличило размѣры прежде существовавшихъ; оно породило тысячи тоннъ брошюръ и памфлетовъ; за ходомъ этого движенія съ беспокойствомъ слѣдили въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Китаѣ и даже въ дикихъ ордахъ чернокожихъ африканцевъ. Только вы одни, французы, ничего не подозрѣвали. А почему? Я могъ-бы сказать почему, но будетъ-ли это благо-разумно съ моей стороны? Впрочемъ, куда ни шло, правда требуетъ, и я выскажу ея. Потому, что среди насъ работаютъ два великихъ лиходѣя,

подкупомъ дѣйствующихъ на гласность. Одинъ, это—*Монополія*, а другой—*Духъ партіи*. Первый сказалъ: мнѣ нужно, чтобы ненависть стояла между Франціей и другими странами, ибо если народы перестанутъ ненавидѣть другъ друга, то кончатъ тѣмъ, что поймутъ одинъ другого, сдружатся, слюбятся и, можетъ быть,—страшно даже подумать!—станутъ *мѣняться* продуктами своей промышленности. Второй сказалъ: мнѣ нужны національныя распри, ибо я жажду власти и овладѣю ею, если только мнѣ удастся окружить себя популярностью, которую я вырву изъ рукъ моихъ противниковъ;—если мнѣ удастся выставить ихъ измѣнниками, продавшими родину иностранцу, готовому завоевать насъ, а себя представить спасителемъ отечества. Тогда-то былъ заключенъ союзъ между Монополіей и Духомъ партіи, которые и порѣшили, что всякая гласность относительно всего, что происходитъ за предѣлами страны, должна выразиться въ слѣдующихъ двухъ словахъ: *скрывать* и *искажать*. Вотъ какими способами систематически держали Францію въ невѣдѣніи насчетъ того, что хочетъ раскрыть эта книга. Но какъ могли совершить это журналы и газеты? Васъ это удивляетъ? И меня также. Но успѣхъ ихъ неоспоримъ.

Однако, такъ какъ я сейчасъ введу читателя (если только у меня есть какой-нибудь читатель), въ совершенно новый для него міръ, то да позволено мнѣ будетъ предпослать нѣсколько общихъ соображеній объ экономическомъ устройствѣ Великобританіи, о причинахъ, породившихъ Лигу, о духѣ и важности этой ассоціаци съ точки зрѣнія соціальной, нравственной и политической. 1*

Не разъ говорили и часто повторяли, что экономическая школа, которая предоставляет интересы разных общественных классов ихъ естественному течению, возникла въ Англии, а изъ этого положенія съ поразительнымъ легкомысліемъ поспѣшили вывести то заключеніе, что ужасающій контрастъ крайней роскоши и нищеты, отличающій Великобританію, есть результатъ ученія, такъ авторитетно возвѣщеннаго Адамомъ Смитомъ и такъ систематично изложеннаго Ж.-Б. Сэ. Какъ будто вѣрятъ тому, что по ту сторону Ламанша властно господствуетъ свобода и что именно она непосредственно вызываетъ неравномѣрное распределеніе богатства...

Здѣсь необходимо установить, что хотя экономическое устройство Великобританіи и покоится на принципѣ свободы, хотя богатство и распределяется тамъ согласно естественнымъ законамъ и хотя, наконецъ, по мѣткому выраженію Ламартина, каждая промышленность ея дѣйствуетъ въ силу свободы и въ ней находитъ свое оправданіе, котораго не можетъ дать ей никакая система произвола, однако нѣтъ такой другой страны въ свѣтѣ, за исключеніемъ развѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ еще уцѣлѣло рабство, въ которой теорія Смита, ученіе о невмѣшательствѣ—*laissez faire, laissez passer*—примѣнялось-бы меньше, чѣмъ въ Англии, и въ которой человѣкъ служилъ-бы для другого предметомъ болѣе систематической эксплоатаціи...

Англійская аристократія, какъ извѣстно, одна является владѣтельницей всей земли въ странѣ, и одна держитъ въ рукахъ своихъ законодательную

власть. А потому надо узнать прежде всего, какъ пользовалась она этою властью — въ интересахъ-ли цѣлаго общества, или только ради одной собственной выгоды?

„Если-бы нашъ сводъ финансовыхъ постановлений, говорилъ Кобденъ въ парламентѣ, обращаясь къ самой аристократіи, если-бы нашъ statute-book очутился на лунѣ, одинъ безъ всякихъ историческихъ объясненій къ нему, то этого было-бы достаточно для ея обитателей, чтобы понять, что онъ есть твореніе Собранія Господъ, владѣющихъ землею (landlords)“.

Когда аристократія въ одно и тоже время имѣетъ и право издавать законы и власть навязывать ихъ народу, то, къ несчастью, она всегда пользуется ими въ свою пользу. Вѣдь это — горькая истина. Она огорчитъ, я знаю, тѣхъ добродушныхъ людей, которые мечтаютъ, что злоупотребленія уничтожаются обыкновенно не реакціей эксплуатируемыхъ, а свободною и братскою инициативой эксплуатирующихъ. Но пусть укажутъ намъ въ исторіи такой примѣръ самоотреченія — мы очень желали-бы этого. По крайней мѣрѣ никогда не являли намъ такого примѣра ни господствовавшія касты въ Индіи, ни спартанцы, ни аѳиняне, ни римляне, которыми постоянно рекомендуютъ намъ восторгаться, ни феодалыные господа среднихъ вѣковъ, ни антильскіе плантаторы, и даже весьма сомнительно, чтобы эти притѣснители челоѳчества считали когда-нибудь свою власть несправедливою и незаконною...

Англійская аристократія имѣла передъ собой и подъ собою самое трудолюбивое, самое дѣятель-

ное, самое настойчивое, самое энергическое и въ то-же время самое послушное населеніе на земномъ шарѣ; еѣ-то она методически и эксплуатировала.

Эта эксплуатация была задумана какъ нельзя лучше и исполнена самымъ энергическимъ образомъ. Обладаніе землей отдало въ руки англійской олигархіи законодательную власть, а съ помощью ея она систематически отобрала богатство у промышленности. Это богатство употребила она на осуществленіе той системы захватовъ, которая отдала въ руки Великобританіи 45 колоній, а эти колоніи, въ свою очередь, служили ей предлогомъ къ тому, чтобы на-счетъ промышленности и на пользу младшихъ членовъ аристократическихъ семействъ собирать тяжелые налоги, содержать большія арміи и могущественный военный флотъ.

Надо отдать справедливость англійской олигархіи: она въ своей двойной политикѣ внутренняго и внѣшняго хищенія обнаружила удивительную ловкость. Двухъ словъ, скрывающихъ въ себѣ два предразсудка, было достаточно для нея, чтобы склонить на свою сторону даже тѣ классы общества, которые несутъ на себѣ всю тягость положенія: она прозвала монополію *покровительствомъ*, а колоніи — *мѣстами сбыта*.

Такимъ образомъ британская олигархія или, по крайней мѣрѣ, ея законодательная власть не только составляетъ язву для самой Англій, но и грозитъ постоянною опасностью Европѣ.

А если это такъ, то какъ-же Франція не обращаетъ никакого вниманія на эту разыгрывающуюся передъ ея глазами гигантскую борьбу цивилизации съ феодализмомъ? Какъ-же она не

знаетъ даже именъ такихъ достойныхъ благословенія челоѳчества, людей, какъ Кобденъ, Брайтъ, Муръ, Виллье, Томпсонъ, Фоксъ, Вильсонъ и многихъ другихъ, которые имѣли смѣлость начать борьбу и ведутъ ее съ такимъ изумительнымъ талантомъ, мужествомъ, самоотверженіемъ и энергіей?

„Но это—вопросъ только торговой свободы“, скажутъ мнѣ. Но какъ-же не видятъ, что эта свобода торговли должна вырвать у олигархіи самыя источники внутренняго хищенія — монополіи, и хищенія внѣшняго — колоніи, потому что и монополіи, и колоніи совершенно несовмѣстимы со свободою торга, представляя собой ни что иное, какъ произвольную грань этой свободы!

Но что я говорю! Если Франція имѣетъ хотя смутное понятіе объ этой борьбѣ на смерть, которая надолго рѣшитъ судьбу челоѳческой свободы, то симпатіи ея, кажется, не въ пользу побѣды этой свободы. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Францію такъ напугали словами: свобода, конкуренція, перепроизводство; — ей такъ много твердили, что подъ этими словами кроется бѣдность, пауперизмъ, вырожденіе рабочихъ классовъ; — ей такъ часто повторяли, что есть-моль английская политическая экономія, обратившая свободу въ орудіе макиавелизма и притѣсненія, а что французская политическая экономія, подъ словами — филантропія, социализмъ, организація труда, возстановитъ равенство на землѣ; — ей такъ много твердили обо всемъ этомъ, что она возненавидѣла ученіе, которое однако основывается прежде всего на справедливости и здоровомъ смыслѣ, и выражает-

ся въ слѣдующей аксіомѣ: „пускай люди свободно, кто какъ хочетъ, мѣняются плодами своихъ трудовъ“. Если-бы этотъ крестовый походъ противъ свободы велся только мечтателями, которые хотѣли-бы во что-бы то ни стало формулировать науку, не будучи подготовлены къ этому предварительнымъ изученіемъ, то зло было-бы еще не такъ велико. Но развѣ не прискорбно видѣть, какъ настоящіе экономисты, руководимые, безъ сомнѣнія, стремленіемъ къ пустой популярности, убѣждаются такими фальшивыми взываніями и дѣлаютъ видъ, что вѣрятъ въ то, во что сами навѣрно не вѣрятъ, а именно: что пауперизмъ, пролетаріатъ, страданія низшихъ классовъ общества порождены такъ-называемой чрезмѣрной конкуренціей, перепроизводствомъ?

Не поразительно-ли, въ самомъ дѣлѣ, что бѣдность, лишенія, недостатокъ продуктовъ происходятъ.... какъ вы думаете, отчего? Отъ избытка этихъ продуктовъ! Не странно-ли, что когда говорятъ, что людямъ ѣсть нечего, то это потому, что на землѣ слишкомъ много средствъ пропитанія? Если не во что одѣться, то потому, что машины выбрасываютъ слишкомъ много одежды на рынки? Несомнѣнно, что пауперизмъ въ Англіи фактъ неоспоримый, что неравномѣрность богатства въ этой странѣ поразительна. Но зачѣмъ-же искать для этихъ явленій такой невѣроятной причины, когда они объясняются такъ просто—систематическимъ ограбленіемъ рабочихъ праздными людьми?

Здѣсь умѣстно будетъ описать экономическое устройство Великобританіи, какъ оно было въ послѣдніе года, предшествовавшіе частичнымъ пре-

образованіямъ, до нѣкоторой степени фальшивымъ и навязаннымъ въ 1842 г. парламенту настоящимъ кабинетомъ...

Здѣсь авторъ посвящаетъ этому описанію до 12 страницъ и затѣмъ сводитъ его къ слѣдующимъ 8-ми пунктамъ:

1) Старшія линіи англійской аристократіи вла- дѣютъ всею поверхностью территоріи.

2) Поземельный налогъ оставался безъ измѣне- нія въ теченіе 150 лѣтъ, тогда какъ рента уве- личилась въ 7 разъ. Онъ составляетъ только 25-ю часть общихъ доходовъ государства.

3) Недвижимая собственность свободно перехо- дитъ по наслѣдству безъ платежа пошлинъ, тогда какъ личная собственность оплачиваетъ ихъ.

4) Косвенные налоги поражаютъ гораздо легче предметы высшихъ достоинствъ, которыми поль- зуются богачи, чѣмъ такіе-же предметы низшаго достоинства, которыми пользуется народъ.

5) Въ силу хлѣбныхъ законовъ тѣ-же старшіе члены аристократическихъ семействъ берутъ въ свою пользу съ пропитанія народа налогъ, сум- ма котораго опредѣляется лучшими авторитетами въ миллиардъ франковъ.

6) Колоніальная система, практикуемая въ очень широкихъ размѣрахъ, требуетъ тяжелыхъ налоговъ, а эти налоги, уплачиваемые почти полностью ра- бочими классами, составляютъ также почти пол- ностью наслѣдство младшихъ отраслей праздныхъ классовъ.

7) Мѣстные налоги, какъ напримѣръ десятины (tithes), поступаютъ также въ пользу этихъ млад- шихъ линій при посредствѣ господствующей церкви.

8) Если колониальная система требует большего напряженія силъ, то и поддержаніе этихъ силъ, въ свою очередь, нуждается въ колониальномъ устройствѣ, а колониальное устройство вызываетъ монополіи. Только по тремъ предметамъ торговли англійскій народъ несетъ чистый убытокъ въ 124 милліона.

Мнѣ кажется, что эти факты таковы, что способны разсѣять много ошибокъ, много предразсудковъ, много слѣпыхъ предубѣжденій. На сколько вполне ясныхъ и притомъ неожиданныхъ рѣшеній наводятъ они какъ экономистовъ, такъ и политиковъ!

Но прежде всего, какъ могли эти новомодныя школы, поставившія своею задачей вовлечь Францію въ систему взаимныхъ хищеній, припугнувъ ее конкуренціей, какъ могли, говорю я, эти школы такъ упорно поддерживать то положеніе, что пауперизмъ въ Англии порожденъ именно свободой? Скажите вѣрнѣе, что онъ есть порожденіе организованнаго, систематическаго, настойчиваго, безжалостнаго хищенія. Не въ этомъ-ли заключается самое простое, самое вѣрное и самое удовлетворительное объясненіе?

Какъ! Свобода порождаетъ пауперизмъ! Конкуренція, свобода сдѣлокъ, право мѣнять принадлежащее мнѣ на правахъ полной собственности имущество на другое, ведутъ къ несправедливому распределенію богатства? Да неужели законъ Провидѣнія ужь такъ несправедливъ? Надо-моль скорѣй замѣнить его другимъ закономъ—человѣческимъ, да еще какимъ! Все ограничивающимъ и всевоспреещающимъ. Вмѣсто *laissez faire*, вмѣсто свободы дѣйствій—мѣшать дѣлать; вмѣсто *laissez passer*, свободы двигаться,

мѣшать всякому движенію; вмѣсто свободы мѣняться—мѣшать всякому обмѣну; вмѣсто того, чтобы вознагражденіе за трудъ предоставить тому, кто совершилъ его, отдать его тому, кто не совершалъ никакого труда! Только при такомъ условіи можно, видите-ли, избѣгнуть неравенства состояній среди людей! „Да, скажете вы, опытъ сдѣланъ; но свобода и пауперизмъ совмѣстно существуютъ въ Англіи“. Но вѣдь больше этого вы ничего и сказать не можете. Хотя вы и приводите свободу и нищету во взаимную связь, какъ причину и слѣдствіе, однако одной изъ нихъ—свободы даже не существуетъ тамъ совсѣмъ. Тамъ всякій можетъ свободно работать, но не всякій можетъ пользоваться плодами своего труда. Если что дѣйствительно совмѣстно существуетъ въ Англіи, такъ это небольшое число хищниковъ и громадное число обираемыхъ ими, и не надо быть великимъ экономистомъ, чтобы сдѣлать изъ этого заключеніе о богатствѣ однихъ и нищетѣ другихъ.

Затѣмъ, какъ-бы ни былъ поверхностенъ взглядъ нашъ на общее состояніе Великобританіи, какъ оно нами представлено, и на духъ феодализма, управляющей тамъ экономическими учрежденіями, нельзя не убѣдиться, что совершающаяся въ этой странѣ финансовая и таможенная реформа есть вопросъ столько-же общеввропейскій и гуманитарный, какъ и чисто-англійскій. Дѣло идетъ здѣсь не только объ измѣненіи порядка распредѣленія богатства внутри соединеннаго королевства, но и о глубокомъ измѣненіи того вліянія, какое оно оказываетъ на другія страны. Очевидно, что вмѣстѣ съ несправедливыми привилегіями

великобританской аристократіи падутъ и политика, въ которой такъ упрекали Англію, и ея колоніальная система, и ея узурпація, и ея армія, и флотъ, и ея дипломатія во всемъ, что содержится въ нихъ притѣснительнаго и опаснаго для человѣчества.

Вотъ о какой славной побѣдѣ помышляетъ Лига, провозглашая „полное, немедленное и безусловное уничтоженіе всѣхъ монополій, всѣхъ какихъ-бы то ни было покровительственныхъ пошлинъ въ пользу-ли земледѣлія, промышленности, или торговли и навигаціи, — провозглашая, однимъ словомъ, абсолютную свободу торговли“.

Среди бѣдствій, распространившихъ на рабочіе классы тягость описаннаго нами порядка вещей, семь человѣкъ собрались въ октябрѣ мѣсяцѣ 1838 года въ Манчестерѣ и, съ свойственной англосаксонскому племени мужественной рѣшимостью, порѣшили опрокинуть законнымъ порядкомъ всѣ монополіи, но опрокинуть ихъ безъ волненій, не проливая капли крови, только силой общественнаго мнѣнія, и совершить глубокую революцію, можетъ-быть болѣе глубокую, чѣмъ какую совершили наши отцы въ 1789 г.

Да, какимъ надо обладать особымъ мужествомъ, чтобы рѣшиться на такое предпріятіе? Противники, съ которыми имъ приходилось бороться, имѣли на своей сторонѣ богатство, вліяніе, законодательство, церковь, государство, казну, земли, служебное положеніе, монополіи и кромѣ того уваженіе, почетъ, которыми они пользовались по преданію.

Гдѣ-же было найти точку опоры противъ такихъ внушительныхъ силъ? Въ промышленныхъ клас-

сахъ? Но, увы, въ Англии, какъ и во Франціи, каждая промышленность считаетъ свое существованіе связаннымъ съ какой-нибудь жалкой монополіей: протекціонизмъ незамѣтно наложилъ на все свою тяжелую руку. Чѣмъ убѣдить общество—предпочесть отдаленные и на первый взглядъ подлежащіе еще большому сомнѣнію интересы непосредственнымъ и положительнымъ выгодамъ? Какъ разсѣять столько предразсудковъ и софизмовъ, которые, благодаря времени и эгоизму, такъ глубоко врѣзались въ людскіе умы? Если-бы даже и удалось просвѣтить ихъ на всѣхъ ступеняхъ и во всѣхъ классахъ общества, что составляетъ уже само по себѣ тяжелую задачу, то какъ вселить въ нихъ столько энергіи, настойчивости и обдуманности въ своихъ дѣйствіяхъ, чтобы посредствомъ выборовъ овладѣть законодательною властью?

Но эти трудности не испугали основателей Лиги: они взглянули имъ прямо въ глаза, взвѣсили ихъ и сочли себя достаточно сильными, чтобы преодолѣть ихъ. Рѣшено было дѣйствовать...

Манчестеръ сдѣлался колыбелью этого великаго движенія. Весьма понятно, что оно зародилось именно на сѣверѣ Англии среди промышленнаго народа, какъ понятно и то, что настанетъ день, когда оно зародится и среди земледѣльческаго населенія южной Франціи. И точно, въ обѣихъ странахъ тѣ самыя отрасли промышленности, которыя даютъ продукты, годные для взаимнаго обмѣна, болѣе всего и страдаютъ отъ запрещеній, и очевидно, что если-бы обмѣнъ былъ свободенъ, то англичане доставляли-бы намъ уголь, машины, мануфактурный товаръ, однимъ словомъ—продукты

своихъ рудниковъ и фабрикъ, а мы платили-бы за нихъ своимъ хлѣбомъ, шелкомъ, винами, масломъ, фруктами, то-есть произведеніями нашего земледѣлія.

Это до извѣстной степени объясняетъ нѣсколько странное, повидимому, имя, принятое ассоціаціей: Anti-corn-law-League („Лига противъ хлѣбнаго закона“). Такъ какъ это несоотвѣтствующее содержанію движенія имя, безъ сомнѣнія, не мало повліяло на то, что Европа не остановила своего вниманія на важномъ значеніи *агитации*, то необходимо, мнѣ кажется, привести здѣсь мотивы, заставившіе Лигу принять именно это, а не другое названіе.

Рѣдко французская печать говорила о Лигѣ; когда-же ей поневолѣ приходилось заговаривать о ней, то она старалась перетолковать ея названіе Anti-corn-law и убѣдить общество въ томъ, будто дѣло шло здѣсь о вопросѣ, совершенно специальномъ—о простомъ измѣненіи закона, опредѣляющаго въ Англіи условія ввоза хлѣба.

Но не такова была задача Лиги. Она помышляла о полномъ и коренномъ уничтоженіи всѣхъ привилегій и всѣхъ монополій, о безусловной свободѣ торговли, о безграничной конкуренціи, что должно было повести за собою паденіе аристократическаго господства, всего, что было въ немъ несправедливаго; расторженіе колоніальныхъ путъ, вредныхъ своею исключительностью, т. е. она стремилась къ полнѣйшей революціи во внутренней и внѣшней политикѣ Великобританіи.

Легко понять, почему *фритредеры* съ перваго же раза направили всѣ свои силы противъ только одной монополіи—въ хлѣбной торговлѣ: она

составляла для нихъ краеугольный камень всей системы. Она, эта монополія, была привилегіей аристократіи, главнымъ выигрышемъ, который оставили за собою законодатели. Отымите у нихъ эту монополію, и они легко поступятся остальными выгодами.

Къ тому-же эта монополія есть самое тяжелое бремя для народа, — бремя, несправедливость котораго легче всего доказать: налогъ на хлѣбъ, на пищу, на жизнь! Какой въ самомъ дѣлѣ удивительный лозунгъ, способный пробудить къ себѣ самыя горячія симпатіи народныхъ массъ.

Какое великое и прекрасное зрѣлище являетъ собою эта маленькая кучка людей, старающихся своимъ трудомъ, настойчивостью и энергіей сокрушить такое наиболѣе гнетущее и крѣпко сплоченное устройство, которое когда-либо, послѣ рабства, тяготѣло надъ великимъ народомъ, надъ человѣчествомъ; и все это совершаютъ эти люди, не прибѣгая къ грубой силѣ, не пробуя даже вызвать малѣйшее общественное негодованіе, но лишь освѣщая живымъ свѣтомъ всѣ изгибы этой системы, опровергая всѣ софизмы, на которыхъ она построена и вселяя въ массы народа знаніе и нравственныя понятія, которыя одни могутъ освободить народъ отъ ярма, его подавляющаго.

Но это зрѣлище становится еще внушительнѣе, когда видишь, какъ постепенно день ото дня все расширяется необозримое поле битвы, вслѣдствіе нарождающихся одинъ за другимъ все новыхъ и новыхъ вопросовъ и интересовъ...

Сначала аристократія держитъ себя гордо и не вступаетъ въ споръ. Чувствуя себя обладательни-

цей политической силы, благодаря обладанію землей;—матеріальной силы, благодаря арміи и флоту;—нравственной силы, благодаря церкви;—законодательной силы, благодаря парламенту и, наконецъ, чувствуя себя обладательницей самой высшей силы—общественнаго мнѣнія, благодаря тому ложному чувству національнаго величія, которое льститъ народу и кажется неразрывно связаннымъ съ учрежденіями, на которыя кто-то осмѣливается нападать; созерцая высоту, толщину и прочность укрѣпленій, за которыми она укрылась; сравнивая свое могущество съ силами нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ, направившихъ ихъ противъ нея, она, аристократія, полагаетъ, что можетъ пока предаться молчанію и презрѣнію.

А между тѣмъ Лига дѣлаетъ свое дѣло. Если аристократія имѣетъ на своей сторонѣ господствующую церковь, то Лига зоветъ къ себѣ на помощь всѣ дессидентскія церкви. Онѣ не связаны съ монополіей никакой десятиной, а существуютъ на добровольныя даянія, т. е. крѣпки общественнымъ къ себѣ довѣріемъ. Онѣ скоро поняли, что эксплуатація челоуѣка челоуѣкомъ, зовется-ли она рабствомъ или протекціонизмомъ, противна христіанскому милосердію. Тысяча шестьсотъ дессидентскихъ священниковъ откликаются на призывъ Лиги, а семьсотъ челоуѣкъ изъ нихъ спѣшатъ со всѣхъ концовъ королевства въ Манчестеръ. Здѣсь они совѣщаются и рѣшаютъ идти проповѣдывать по всей Англіи свободу торговли, какъ согласную съ высшими законами Провидѣнія, которые они обязаны распространять въ силу своего призванія.

Если аристократія имѣетъ за себя поземельную собственность и земледѣльческіе классы, то Лига опирается на собственность рукъ, талантовъ и разума. Ничто не сравнится съ тою горячностью, съ какою промышленные классы поспѣшили на встрѣчу великому дѣлу. Добровольная подписка доставила Лигѣ фондъ въ 200.000 фр. — въ 1841 г., 600.000 — въ 1842 г., миллионъ — въ 1843 г., 2 миллиона — въ 1844 г. Благодаря этимъ обильнымъ средствамъ, Лига излагаетъ свое ученіе въ самыхъ разнообразныхъ и наиболѣе ясныхъ формахъ, распространяетъ его среди народа въ брошюрахъ, памфлетахъ, объявленіяхъ и безчисленныхъ газетахъ; она раздѣляетъ Англію на 12 отдѣловъ и въ каждомъ изъ нихъ назначаетъ своего профессора политической экономіи. Она сама, подобно передвижному университету, открываетъ публичныя засѣданія во всѣхъ городахъ и графствахъ Великобританіи. Къ тому-же Тотъ, Кто правитъ людскими дѣлами, какъ будто поберегъ для Лиги неожиданные способы для успѣха. *Почтовая реформа* даетъ ей возможность вести съ избирательными комитетами, основанными ею по всей странѣ, корреспонденцію въ количествѣ болѣе 300.000 депешъ ежегодно; желѣзныя дороги сообщаютъ ей невѣроятную подвижность, — пространства какъ будто не существуетъ для нея: можно видѣть однихъ и тѣхъ-же лицъ, дѣйствующихъ утромъ въ Ливерпуль, вечеромъ въ Эдинбургъ и Глазговъ; наконецъ, *избирательная реформа* открываетъ среднему классу двери парламента, и основатели Лиги, Кобденъ, Брайтъ, Жибсонъ, Виллье получили возможность поражать монополію передъ лицомъ са-

михъ монополистовъ и въ той самой средѣ, гдѣ она была учреждена. Они вступаютъ въ палату общинъ и основываютъ тамъ, помимо виговъ и торіевъ, новую партію, если только можно назвать ее этимъ именемъ, которой никогда не бывало въ лѣтописяхъ конституціонныхъ странъ и которая рѣшила никогда не жертвовать абсолютною правдой, абсолютною справедливостію, абсолютными принципами вопросамъ и комбинаціямъ личнаго свойства, приемамъ министерствъ и оппозицій.

Но недостаточно было только собрать во-едино общественные классы, надъ которыми непосредственно тяготѣетъ монополія, надо было еще открыть глаза тѣмъ изъ нихъ, которые искренне вѣрили, что ихъ благосостояніе и даже самая жизнь связаны съ протекціонизмомъ. Кобденъ беретъ на себя эту трудную и опасную задачу. Въ какіе-нибудь два мѣсяца онъ созываетъ 40 митинговъ въ центрахъ земледѣльческаго населенія. Тамъ, окруженный часто тысячами рабочихъ и фермеровъ, въ среду которыхъ проскользнуло, конечно, не мало тайныхъ агентовъ, привлеченныхъ опасностью, грозившей ихъ интересамъ, онъ выказалъ такое мужество, такое хладнокровіе, ловкость и краснорѣчіе, которыя если не вызвали симпатіи, то возбудили удивленіе къ нему въ его самыхъ ожесточенныхъ противникахъ. Онъ находился въ такомъ-же положеніи, въ какомъ оказался-бы французъ, если-бы онъ пошелъ проповѣдывать свободу торговли въ кузницахъ Деказевиля или анзенскимъ рудокопамъ. Тутъ не знаешь, чему больше удивляться въ этомъ превосходномъ человѣ-

къ, — онъ въ одно и то-же время экономистъ, трибунъ, государственный человѣкъ, тактикъ, теоретикъ; къ нему, мнѣ кажется, какъ нельзя лучше можно примѣнить то, что было сказано о Дестютъ де-Граси: „Силою здраваго смысла онъ приближается къ гению“. Его труды были вознаграждены по заслугамъ, и аристократія съ грустью увидѣла, какъ быстро принципъ свободы охватилъ народонаселеніе, преданное земледѣлію.

Миновало время, когда она могла драпироваться въ мантию гордаго презрѣнія: она вышла, наконецъ, изъ своего бездѣйствія. Она силится перейти въ наступленіе и первымъ дѣломъ ея было клеветать на Лигу и ея основателей. Она во рошить ихъ общественную и частную жизнь, но скоро принуждена покинуть поле битвы личныхъ разсчетовъ, на которомъ могла-бы оставить больше убитыми и ранеными, чѣмъ Лига, и прибѣгаетъ къ помощи цѣлой массы софизмовъ, которые во всѣ времена и во всѣхъ странахъ служили опорой монополіи. „Покровительство земледѣлію, наплывъ иностранныхъ продуктовъ, пониженіе заработной платы, какъ результатъ изобилія припасовъ, національная независимость, исчезновеніе звонкой монеты, обезпеченіе колониальныхъ рынковъ, политическое преобладаніе, господство на моряхъ“ — вотъ вопросы, которые обсуждаются не только учеными и въ школахъ, но передъ лицомъ всего народа демократіей и аристократіей.

На дѣлѣ оказалось, однако, что члены Лиги — не только мужественные агитаторы, но и глубокіе экономисты. Ни одинъ изъ этихъ многочисленныхъ софиз-

мовъ не устоялъ передъ силой публичнаго обсужденія, а вызванныя Лигой парламентскія изслѣдованія доказали несостоятельность этихъ софизмовъ.

Тогда аристократія прибѣгаетъ къ другому средству. Нищета въ народѣ—громадная, глубокая, ужасная и причина ея, очевидно, въ возмутительномъ неравенствѣ распредѣленія общественнаго богатства. Противъ знамени Лиги, на которомъ стоитъ: „Справедливость“ аристократія ставитъ другое знамя, на которомъ написано: „Милосердіе“. Она уже не отрицаетъ народныхъ страданій, но рассчитываетъ на могущественное дѣйствіе милостыни. „Ты страдаешь, говоритъ она народу, потому что слишкомъ размножился, и вотъ я приготовлю тебѣ обширную систему выселенія. Ты умираешь отъ истощенія и я надѣлю каждую семью огородомъ и коровой. Ты изнемогаешь отъ утомленія, ибо требуютъ отъ тебя слишкомъ много работы, и я сокращу ее“. Потомъ идутъ подписки для доставленія бѣднымъ классамъ даровыхъ бань, развлеченій, воспитательныхъ заведеній и под. Все—однѣ подачки, все—одни палліативы; но о причинѣ, вызывающей эти бѣдствія, о монополіи, о фальшивомъ и несправедливомъ распредѣленіи богатства никто не обмолвился ни однимъ словомъ.

Лигѣ приходится здѣсь защищаться противъ наступательной системы, которая настолько вѣроломна, что готова признать за своими противниками, кромѣ другихъ монополій, еще и монополию чловѣколюбія и поставить ее въ границы, указываемыя точною и холодною справедливостью, которая не только менѣе способна, чѣмъ милосер-

діе, но и безсильна, даже слишкомъ лицемѣрна для того, чтобы возбудить необдуманную благодарность со стороны тѣхъ, кто страдаетъ.

Я не стану воспроизводить здѣсь возраженія, сдѣланныя Лигой противъ всѣхъ этихъ проектовъ, такъ-называемыхъ, благотворительныхъ учрежденій. Достаточно сказать, что она примкнула ко всему, что было неоспоримо полезнаго въ этихъ предпріятіяхъ. Такъ, на примѣръ, среди манчестерскихъ фритредеровъ было собрано около милліона, чтобы расширить кварталы, въ которыхъ живутъ рабочіе классы, дать имъ больше воздуха и свѣта. Такая-же сумма, собранная добровольною подпискою, была назначена на сооруженіе въ этомъ городѣ школьныхъ зданій. Но въ то-же время Лига не переставала доказывать, какая опасная западня кроется подъ этой пышной вывѣской филантропіи: „Когда англичане умираютъ съ голоду, говорила она, то нельзя утѣшать ихъ только словами: *мы перенесемъ васъ въ Америку, гдѣ такъ много припасовъ*, а надо доставить имъ эти припасы. Недостаточно только надѣлать рабочія семьи огородами для разведенія картофеля, а не надо лишать ихъ тѣхъ выгодъ, которыя они могли-бы получить, употребляя болѣе существенную и здоровую пищу. Недостаточно только сократить чрезмѣрную работу, на которую обрекаетъ ихъ хищеніе, а надо прекратить самое хищеніе, дабы 10-ти часовой трудъ стоилъ 12-ти часового. Недостаточно еще дать имъ воздухъ и воду, надо дать имъ хлѣба, или по крайней мѣрѣ возможность купить его. Не филантропію, а свободу надо противопоставить притѣсненію; не бла-

готворительность, а только справедливость может излѣчить бѣдствія несправедливости, милостыня-же имѣетъ и можетъ имѣть лишь недостаточное, временное и притомъ непрочное и часто растлѣвающее вліяніе“.

За этими софизмами, увертками и оговорками для аристократіи оставалось только одно средство для борьбы— *большинство голосовъ*. И вотъ, послѣдній актъ агитаціи долженъ былъ совершиться въ средѣ избирательныхъ коллегій. Распространивъ въ народѣ здравыя экономическія понятія, Лигѣ оставалось дать практическое направленіе личнымъ силамъ своихъ безчисленныхъ приверженцевъ. Измѣнить въ корнѣ избирательныя учрежденія королевства, подорвать вліяніе аристократіи, подчинить подкуиъ карательной силѣ закона и общественнаго мнѣнія— такова была новая фаза, въ которую вступила *агитація* съ энергіей, постоянно возрастающей по мѣрѣ пріобрѣтенныхъ ею успѣховъ. *Vires acquirit eundo*. По призыву Кобдена, Брайта и ихъ друзей, тысячи фритредеровъ занесли свои имена въ избирательные списки, а тысячи монополистовъ были вычеркнуты изъ нихъ, и это движеніе было такъ быстро, что можно было предвидѣть день, когда сенатъ явится представителемъ не отдѣльнаго класса, а цѣлаго общества.

Здѣсь авторъ излагаетъ финансовую программу Роберта Пилля: таможенныя реформы, подоходный налогъ и т. д.

Я старался какъ можно яснѣе поставить вопросъ, взволновавшій Англію. Я описалъ и поле битвы, и важность столкнувшихся на немъ инте-

ресовъ, и послѣдствія одержанной побѣды. Я доказалъ, мнѣ кажется, что хотя жаръ разгоравшейся борьбы сосредоточивался на вопросахъ о налогахъ, таможахъ, хлѣбѣ, сахарѣ, однако, въ дѣйствительности дѣло шло о монополии и свободѣ, объ аристократіи и демократіи, о равномерномъ и неравномерномъ распредѣленіи благосостоянія. Все дѣло шло о томъ, останется ли законодательная власть и политическое вліяніе въ рукахъ хищниковъ, или перейдутъ они къ людямъ труда, т. е. будутъ-ли они по прежнему плодить въ мірѣ смуты и раздоры, или-же будутъ сѣять сѣмена согласія, единенія, справедливости и мира.

Когда видишь, какъ великій народъ, вліяніе котораго въ мірѣ неоспоримо, проникается ученіями справедливости и правды; — когда видишь, какъ отвергаетъ онъ ложныя идеи первенства, которыя долгое время дѣлали его опаснымъ для другихъ націй; — когда видишь, какъ онъ готовится вырвать политическую силу изъ рукъ алчной и наглой олигархіи, поневолѣ вѣришь даже въ ту минуту, когда первые удары были направлены только на экономическіе вопросы, что въ этой борьбѣ подняты самые важные и самые благородные интересы. Если несмотря на многіе уроки несправедливости, на многіе примѣры вѣроломства въ международныхъ сношеніяхъ, Англія, едва замѣтная часть земного шара, породила на своей почвѣ такъ много великихъ и полезныхъ идей; если она была колыбелью свободной печати, суда присяжныхъ, представительной системы, отмѣны рабства, вопреки сопротивленію могущественной и безжалостной олигархіи, то чего только міръ не будетъ

въ правѣ ожидать отъ этой самой Англии, когда все ея нравственное, социальное и политическое могущество перейдетъ въ руки демократіи, посредствомъ медленной и тяжелой революціи, мирно совершившейся въ умахъ ея гражданъ, подъ руководствомъ ассоціаціи, считающей въ средѣ своей столько людей, которые своими высокими талантами и испытанною нравственностью озарили такимъ яркимъ свѣтомъ свою страну и свой вѣкъ. Такая революція не есть просто событіе, случайность, катастрофа, совершенная несокрушимымъ, но скоропреходящимъ энтузіазмомъ; нѣтъ, это—медленный социальный переворотъ, измѣняющій всѣ условія существованія общества, самую среду, въ которой оно жило и дышало... Это — сама справедливость, самый здравый смыслъ, овладѣвшіе властью. Это—общее благо, благо народа, благо большихъ и малыхъ, сильныхъ и слабыхъ, сдѣлавшееся правиломъ жизни, передъ которымъ привилегія, насиліе, каста, исчезаютъ со сцены, но не вслѣдствіе дворцовой революціи или уличнаго бунта, а вслѣдствіе прогрессивнаго и общаго признанія правъ и обязанностей человѣка. Однимъ словомъ, это — торжество человѣческой свободы, это — смерть монополіи, смерть Протѣя въ самыхъ разнообразныхъ видахъ его, то побѣдителя, то рабовладѣльца, то церковника, то феодала, то промышленника и финансиста и даже филантропа.. Въ какой-бы костюмъ онъ ни облачился теперь, ему не уйти отъ взоровъ общественнаго мнѣнія: оно привыкло узнавать его и въ красномъ мундирѣ, и въ черномъ платьѣ, и въ курткѣ плантатора, какъ и въ расшитомъ зо-

лотомъ кафтанъ благороднаго пера. Свобода для всѣхъ! Каждому справедливое и должное вознагражденіе по его трудамъ! Для каждого справедливое и естественное участіе въ равенствѣ, соответственно его трудамъ, способностямъ, предусмотрительности и нравственности! Свободный обменъ со всей вселенной! Миръ со всѣмъ міромъ! Нѣтъ болѣе порабощенія колоній, нѣтъ болѣе арміи, флота, развѣ только для защиты національной независимости! Коренное различіе между тѣмъ, что составляетъ и что не должно составлять задачи правительства и закона! Политическая ассоціація имѣетъ лишь одно призваніе—защищать для каждого его свободу и безопасность противъ всякаго несправедливаго нападенія на нее какъ внутри, такъ и внѣ государства; равномерный налогъ для того, чтобы прилично вознаградить тѣхъ, кто занимается его собираніемъ, а не для того, чтобы подъ названіемъ *мѣста сбыта* служить маскою внѣшней узурпаціи, а подъ именемъ *протекціонизма* служить взаимному ограбленію гражданъ.

Вотъ, за что борются теперь въ Англии, хотя поле битвы повидимому ограничено узкими предѣлами таможеннаго вопроса. Но этотъ вопросъ включаетъ въ себѣ и вопросъ о рабствѣ въ его новой формѣ, какъ вѣрно сказалъ въ парламентѣ одинъ членъ Лиги, Жибсонъ: „Овладейте людьми, чтобы заставить ихъ работать на себя, или овладѣть плодами ихъ труда—это тоже рабство; разница только въ степени“.

Взирая на революцію, не скажу подготовляющуюся только, но уже совершающуюся, въ сосѣдней странѣ, революцію, исходомъ которой интересуется

весь міръ;—взирая на то, какъ проявленія этого гуманнаго дѣла уже ясно сказываются даже въ дипломатическихъ и парламентскихъ сферахъ тѣмъ, что въ теченіе четырехъ лѣтъ вырывается у аристократіи рядъ послѣдовательныхъ реформъ;—взирая на эту могущественную агитацію, болѣе могущественную и болѣе важную по своимъ результатамъ чѣмъ ирландская агитація, потому что она стремится, между прочимъ, преобразовать взаимныя отношенія народовъ, измѣнить условія ихъ промышленнаго существованія и водрузить принципъ братства на мѣсто раздѣлявшей ихъ вражды;—взирая на все это, нельзя не подивиться тому глубокому, всеобщему и систематическому молчанію, которое сама наложила на себя французская печать. Изъ всѣхъ общественныхъ явленій, которыя мнѣ приходилось наблюдать, это молчаніе и въ особенности то вліяніе, которое оно производитъ, повергаетъ меня въ величайшее изумленіе. Если мелкому германскому князю, благодаря его неусыпной бдительности, удалось въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ отклонить отъ своихъ владѣній гулъ французской революціи, то это еще можно понять; но чтобы въ средѣ великой націи, которая кичится свободой печати и публичнаго слова, газеты съумѣли въ теченіи цѣлыхъ 7 лѣтъ скрывать отъ общественнаго вниманія самое крупное въ наше время соціальное движеніе и факты, которые помимо своего общечеловѣческаго значенія должны подѣйствовать и уже непреодолимо дѣйствуютъ на весь нашъ промышленный строй,—это дѣйствительно чудо стратегіи, которому не повѣрить потомство....

Я надѣюсь, что это сочиненіе пробудитъ нѣкоторыя надежды въ школѣ экономистовъ. Было время, когда она имѣла вполнѣ основательныя причины провидѣть въ недалекомъ будущемъ торжество своего принципа. Хотя масса простого народа жила еще подъ властью предрасудковъ, однако образованные люди, изучавшіе нравственныя и политическія науки, были почти свободны отъ этихъ предрасудковъ. Бывали еще разногласія о своевременности рѣшенія вопросовъ, но по существу ученій авторитетъ Смита и Сэ былъ неоспоримъ.

Но вотъ прошло 20 лѣтъ, и политическая экономія не только не приобрѣла ни пяди земли, но можно сказать почти съ увѣренностью, что она даже потеряла то, чѣмъ владѣла; можно даже утвердительно сказать, что у нея не осталось ровно ничего, если не считать того ничтожнаго пространства, на которомъ возвышается зданіе академіи нравственныхъ наукъ. Въ теоріи самыя странныя нелѣпости, какія-то апокалипсическія видѣнія, самыя причудливыя утопіи овладѣли слѣдующимъ за нами поколѣніемъ. А на практикѣ монополія одерживала одну побѣду за другою. Колоніальная система расширилась въ своихъ основаніяхъ; протекціонизмъ создалъ совсѣмъ ложное вознагражденіе за трудъ, а интересъ общественный преданъ расхищенію, и, наконецъ, не существуетъ болѣе экономической школы — она перешла, такъ-сказать въ область исторіи.

Впрочемъ, небольшое число людей осталось вѣрно принципу свободы. Они останутся вѣрны ему даже и тогда, когда окажутся въ полнѣйшемъ

одиночествѣ, потому что истина экономическая съ такой-же силой овладѣваетъ душою человѣка, какъ и истина математическая. Но, не теряя вѣры въ окончательное торжество истины, эти люди не могутъ не чувствовать глубокаго унынія, при видѣ теперь умственнаго состоянія и попятнаго движенія ученія.

При такихъ печальныхъ обстоятельствахъ, я не могу не выразить надежды, что эта книга, не смотря на свои недостатки, доставитъ немало утѣшенія, пробудитъ много надеждъ, оживитъ энергію и преданность въ сердцахъ моихъ политическихъ друзей и покажетъ имъ, что если свѣточъ истины померкъ въ одномъ мѣстѣ, то неотразимый блескъ кидаеть онъ на другомъ; что человечество не пятится назадъ, а двигается впередъ гигантскими шагами и что недалеко то время, когда союзъ и благосостояніе народовъ утвердятся на непоколебимой основѣ: свободный и братскій союзъ между людьми всѣхъ странъ, всѣхъ климатовъ и всѣхъ племенъ.

Экономическіе софизмы, памфлеты и апологіи.

I.

Прошеніе фабрикантовъ салныхъ и стеариновыхъ свѣчъ, лампъ, подсвѣчниковъ, рефлекторовъ, щипцовъ, гасильниковъ и производителей сала, масла, камеди, алькоголя и вообще всего, что касается освѣщенія.

„Гг. членамъ палаты депутатовъ.“

Милостивые государи!

„Вы стоите на хорошей дорогѣ. Вы отвергаете отвлеченныя теоріи; изобиліе продуктовъ, дешевизна васъ мало занимаютъ. Вы особенно заняты судьбой производителя. Вы хотите освободить его отъ внѣшней конкуренціи, хотите сохранить *національный рынокъ для національнаго труда.*

„Мы хотимъ доставить вамъ прекрасный способъ приложить вашу... какъ-бы это выразиться? вашу теорію? Но нѣтъ ничего обманчивѣе, какъ теорія. Ваше ученіе? Вашу систему? Вашъ принципъ? Но вы не любите ученій, вы имѣете отвращеніе къ системамъ, а что касается принциповъ—объявляете, что ихъ совсѣмъ нѣтъ въ соціальной экономіи. А потому просто скажемъ такъ:

вашу практику, не знающую ни теории, ни принципа.

„Мы терпимъ отъ нестерпимой конкуренціи со стороны иностраннаго соперника, который поставленъ, кажется, настолько благопріятнѣ насъ въ производствѣ свѣта, что *наводняетъ* имъ нашъ *національный рынокъ* по цѣнамъ баснословно дешевымъ: какъ только является онъ на рынокъ, наша продажа прекращается, потому что всѣ потребители бросаютъ насъ и обращаются къ нему, и вотъ одна изъ отраслей французской промышленности, имѣющая безчисленное множество развѣтвленій, внезапно поражается полнымъ застоємъ. Этотъ соперникъ никто иной, какъ солнце. Оно открываетъ противъ насъ такую ожесточенную борьбу, что мы заподозриваемъ въ подстрекательствѣ его противъ насъ, вѣроломный Альбіонъ (хорошая дипломатія по теперешнимъ временамъ!) тѣмъ болѣе, что онъ оказываетъ этому горделивому острову нѣкоторыя льготы, въ которыхъ отказываетъ намъ.

„Мы покорнѣйше просимъ васъ издать законъ, который предписалъ-бы запереть всѣ окна, слуховыя окна, абажуры, ставни, затворы, сторы, форточки, словомъ, заткнуть всѣ отверстія, дыры, щели и трещины, черезъ которыя солнечный свѣтъ обыкновенно проникаетъ въ дома въ ущербъ тѣмъ прекраснымъ продуктамъ промышленности, которыми мы гордимся, что надѣлили ими страну: не захочетъ-же она отвѣчать намъ неблагодарностью и покинуть насъ въ такой неравной борьбѣ.

„Не примите, господа депутаты, нашу просьбу за насмѣшку, и по крайней мѣрѣ не отталкивайте

ее отъ себя, пока не выслушаете причинъ, по которымъ мы просимъ вашей защиты.

„Прежде всего, если вы преградите, насколько возможно, доступъ естественному свѣту, если вы такимъ образомъ создадите потребность въ искусственномъ освѣщеніи, то какая только промышленность во Франціи не получитъ тогда благотворнаго поощренія?

„Если будетъ потребляться больше сала, то потребуется больше быковъ и барановъ, а слѣдовательно умножится число искусственныхъ луговъ, количество мяса, шерсти, кожъ и въ особенности удобренія, этой главной основы земледѣльческаго богатства.

„Если будетъ потребляться больше масла, то расширится культура мака, оливы и полевой рѣпы. Эти богатая и истощающія почву растенія какъ разъ кстати дадутъ возможность воспользоваться усиленнымъ плодородіемъ, которое доставитъ нашимъ землямъ разведеніе скота.

Наши безплодныя ланды покроются смолистыми деревьями. Многочисленные рои пчель будутъ собирать на нашихъ холмахъ благоухающія сокровища, которыя теперь испаряются безъ всякой пользы, какъ и цвѣты, съ которыхъ они собираются. Нѣтъ, стало-быть, ни одной отрасли земледѣлія, которая не получила-бы широкаго развитія.

„Тоже самое и навигація. Тысячи судовъ пойдутъ на ловлю китовъ, и въ короткое время мы приобрѣтемъ флотъ, способный поддержать честь Франціи и достойный патріотическаго чувства нижеподписавшихся просителей, продавцевъ свѣчъ и т. д.

„Но что сказать о предметахъ парижскаго про-

изводства (articles de Paris)? Вы сами увидите, какъ золото, бронза, хрусталь въ подсвѣчникахъ, лампахъ, люстрахъ, канделябрахъ, заблестятъ тогда въ обширныхъ магазинахъ, въ сравненіи съ которыми теперешніе магазины покажутся жалкими лавчонками.

„До бѣдняка, собирающаго камедь на вершинѣ своей дюны, или до несчастнаго рудокопа, копающагося въ глубинѣ темныхъ подземныхъ галерей, у каждаго возвысится заработная плата, а слѣдовательно поднимется и его благосостояніе.

„Соблаговолите подумать надъ этимъ, господа, и вы сами убѣдитесь, что, можетъ быть, не найдется ни одного француза, начиная съ богача акціонера въ Анзенѣ и кончая жалкимъ продавцемъ спичекъ, положеніе котораго, вслѣдствіе исполненія нашего ходатайства, не измѣнилось-бы къ лучшему.

„Мы напередъ знаемъ ваши возраженія, господа; но вы не сдѣлаете ни одного изъ нихъ, которое не было-бы взято изъ растрепанныхъ книгъ приверженцевъ свободной торговли. Мы заранѣе позволяемъ себѣ увѣрить васъ, что каждое слово, которое вы произнесете противъ насъ, тотчасъ-же обратится противъ васъ самихъ и противъ принципа, управляющаго всей вашей политикой.

„Скажете-ли вы намъ, что если мы выиграемъ отъ этого покровительства, то Франція ничего не выиграетъ, потому что расходы упадутъ на потребителя?

„На это мы отвѣтимъ вамъ:

„Вы не имѣете болѣе права ссылаться на интересы потребителя. Когда только выгоды его сталкивались съ выгодами производителя, вы все-

гда отдавали его въ жертву послѣднему. Вы поступали такъ ради *поощренія труда*, ради *расширенія области труда*. По тому-же самому побужденію вы и теперь должны поступить точно также.

„Вы сами напросились на возраженіе. Когда говорили вамъ: потребитель нуждается въ свободномъ ввозѣ желѣза, каменнаго угля, кунжута, пшеницы, тканей, то вы отвѣчали тогда: да, но производитель заинтересованъ тѣмъ, чтобы ввозъ ихъ не былъ допущенъ. Стало-быть, если потребители заботятся о доставленіи имъ естественнаго свѣта, то производители требуютъ его запрещенія.

„Но производитель и потребитель, говорили вы также, составляютъ одно. Если фабрикантъ выгадываетъ, благодаря покровительству, то онъ доставляетъ выгоду и земледѣльцу. Если земледѣліе процвѣтаетъ, то оно открываетъ новые рынки фабрикамъ. И такъ, если вы пожалуете намъ монополію на освѣщеніе въ продолженіе дня, то прежде всего мы накупимъ много сала, угля, масла, смолы, воску, алкоголя, серебра, желѣза, бронзы, хрусталя, чтобы обезпечить ими наше производство, а кромѣ того мы и наши многочисленные поставщики, сдѣлавшись богачами, расширимъ наше потребленіе и такимъ образомъ распространимъ довольство во всѣхъ отрасляхъ народнаго труда.

„Скажете-ли вы, что свѣтъ солнца есть даръ природы и что отталкивать такой даръ—все равно, что отказываться отъ самого богатства подъ предлогомъ поощренія способовъ къ его приобрѣтенію.

„Но берегитесь, не нанесите смертельнаго уда-

ра въ самое сердце вашей-же политикѣ; берегитесь—до сихъ поръ вы всегда запрещали ввозъ иностраннаго продукта, *потому что* онъ приближается къ дару природы и *тѣмъ болѣе* потому, что онъ приближается къ этому дару. Чтобы удовлетворить требованіямъ другихъ монополистовъ вы руководствовались только *полумотивомъ*, а для исполненія нашей просьбы вы имѣете въ своемъ распоряженіи *цѣлый мотивъ*, и отказывать намъ въ нашей просьбѣ, *основываясь* именно на томъ, что мы гораздо *правѣе* другихъ, это—то-же, что построить такое уравненіе: плюсъ, помноженный на плюсъ, равенъ минусу; другими словами это значило-бы городить *нелѣпность* на *нелѣпности*.

„Трудъ и природа участвуютъ въ производствѣ продукта въ различной степени, смотря по мѣсту и климату. Доля участія природы всегда даровая и только участіе труда сообщаетъ продукту его цѣнность и должно быть оплачено.

„Если лиссабонскій апельсинъ продается вдвое дешевле парижскаго, то потому, что естественное, а слѣдовательно даровое тепло сообщаетъ одному апельсину то, чѣмъ другой обязанъ искусственному, а слѣдовательно и дорого оплачиваемому теплу.

„Слѣдовательно, когда апельсинъ привозится къ намъ изъ Португаліи, то можно сказать, что онъ пришелся намъ наполовину даромъ, или другими словами—за *политыны* противъ парижскаго апельсина.

„И вотъ, на основаніи этой *полударовщины* (простите намъ это выраженіе) вы настаиваете на его запрещеніи. Вы говорите: какъ можетъ на-

ціональний трудъ выдержать конкуренцію иностраннаго труда, когда первому приходится исполнить всю работу, а послѣднему только половину ея, потому что остальное додѣлываетъ солнце? Но если изъ-за *полударовщины* вы рѣшаете отвергнуть конкуренцію, то какимъ-же образомъ полная *даровщина* можетъ побудить васъ признать эту конкуренцію? Или вы плохо знакомы съ логикой, или, отвергая *полударовщину*, какъ вредную для нашего національнаго труда, вы должны тѣмъ паче отвергнуть, съ гораздо большею энергіей, и полную *даровщину*.

„Еще разъ, если какой-нибудь продуктъ, каменный уголь, желѣзо, пшеница или ткани приходятъ къ намъ изъ-за границы, и если мы имѣемъ возможность пріобрѣсть ихъ съ меньшей затратой труда, чѣмъ если-бы сами стали добывать ихъ, то вся разница заключается здѣсь въ томъ *дарѣ* природы, который жалуются намъ. Этотъ даръ бываетъ больше или меньше, смотря по тому, какъ велика или мала эта разница. Онъ составляетъ четверть, половину, три четверти цѣнности продукта, если иностранецъ запроситъ съ насъ только три четверти, половину или четверть всей оплаты. Но мы получимъ его полностью, если даритель, подобно солнцу, дающему даромъ свой свѣтъ, ничего не потребуетъ съ насъ за него. Вопросъ—мы категорически ставимъ его здѣсь—заключается въ томъ, чего хотите вы для Франціи—благъ дароваго потребленія или мнимыхъ выгодъ тяжелаго производства? Выбирайте то или другое, но будьте послѣдовательны, потому что если вы отвергнете, какъ это обыкновенно дѣ-

дается у васъ, каменный уголь, желѣзо, пшени-
ницу, иностранныя ткани, соотвѣтственно тому,
насколько цѣна ихъ приближается къ *нулю*, то
какъ-же непослѣдовательно будетъ съ вашей сто-
роны допускать свѣтъ солнца, цѣна котораго въ
теченіе цѣлаго дня равна *нулю*?”

II.

В з а и м н о с т ь .

.... Есть люди (правда, ихъ немного, но они все-таки есть), которые начинаютъ понимать, что препятствія, хотя-бы и искусственныя, все-таки препятствія, и что наше благосостояніе выиграетъ скорѣе отъ свободы, чѣмъ отъ покровительства, на томъ-же самомъ основаніи, по которому каналъ для него выгоднѣе, чѣмъ „гористая, песчаная и неудобная дорога“.

Но, необходимо, говорятъ они, чтобы эта свобода была обоюдная. Если мы уничтожимъ наши заставы передъ Испаніей, а Испанія не уничтожитъ своихъ передъ нами, то мы, очевидно, сдѣлаемъ глупость, а потому заключимъ лучше *торговые договоры*, сдѣлаемъ, на основаніи принципа взаимной справедливости, уступки съ тѣмъ, чтобы и намъ сдѣлали ихъ, поступимся правомъ купить, чтобы получить больше выгоды отъ продажи.

Людямъ, разсуждающимъ такимъ образомъ я долженъ, къ сожалѣнію, сказать, что они—извѣстно это имъ, или нѣтъ—руководствуются принципомъ протекціонизма, только они менѣе послѣдовательны, чѣмъ настоящіе протекціонисты, точно также какъ эти послѣдніе еще непослѣдовательнѣе, чѣмъ сторонники безусловныхъ запрещеній.

Я докажу это слѣдующей басней:

Стульта и Пуэра.

Были гдѣ-то два города, *Стульта* и *Пуэра*. Съ большими издержками построили они дорогу, соединившую ихъ другъ съ другомъ. Когда она была построена, *Стульта* подумала: вотъ *Пуэра* стала наводнять меня своими продуктами, надо подумать объ этомъ. Вслѣдствіе этого, она создала и устроила на жалованьѣ отрядъ *тормазилщиковъ*, названныхъ такъ потому, что они обязаны были воздвигать препятствія обозамъ, которые шли изъ *Пуэры*. Не много времени спустя *Пуэра* также завела своихъ *тормазилщиковъ*.

Прошло нѣсколько столѣтій, наука сдѣлала большіе успѣхи, расширился и умственный кругозоръ *Пуэры*, и она поняла, что взаимныя преграды ничего не приносятъ обоимъ городамъ, кромѣ взаимнаго вреда, и вотъ она послала въ *Стульту* дипломата, который съ обычнымъ въ такихъ случаяхъ краснорѣчіемъ говорилъ въ такомъ смыслѣ: „Мы построили дорогу, а теперь мы-же сами загораживаемъ ее. Это нелѣпо. Ужъ лучше было-бы оставить все въ прежнемъ положеніи, тогда по крайней мѣрѣ намъ не зачѣмъ было-бы тратиться на содержаніе дороги, да еще на разныя преграды. Отъ имени *Пуэры* я пришелъ предложить вамъ, конечно, не отказываться сразу отъ взаимныхъ преградъ, потому что это значило-бы дѣйствовать по принципу, а мы, также какъ и вы, ненавидимъ всякіе принципы, но нѣсколько ослабить эти преграды, взвѣсивъ напередъ со всею справедливостью наши взаимныя уступки“.

Такъ говорилъ дипломатъ. *Стульта* просила времени на размышленіе. Поочередно совѣтывалась она съ своими фабрикантами и земледѣльцами, а по прошествіи нѣскольکو лѣтъ объявила, что прекращаетъ всякія переговоры.

Узнавъ объ этомъ, держали совѣтъ и жители *Пуэры*. На совѣтѣ одинъ старикъ, котораго заподозрили, что онъ тайно подкупленъ *Стультой*, всталъ и сказалъ: „Преграды, созданныя *Стультой*, вредятъ нашей продажѣ, это — несчастье; преграды-же, нами созданныя, вредятъ нашей куплѣ, это — другое несчастье. Мы ничего не можемъ сдѣлать съ первымъ изъ этихъ несчастій, но второе зависитъ отъ насъ: освободимъ-же себя, по крайней мѣрѣ, отъ одного несчастія, коли не можемъ отдѣлаться отъ обоихъ. Уничтожимъ нашихъ *тормазилщиковъ*, не требуя того-же самаго отъ *Стульты*: придетъ, безъ сомнѣнія, время, когда она научится вѣрнѣе понимать свои выгоды“.

Другой совѣтникъ, человекъ практики и фактовъ, а не принципа, воспитанный опытомъ своихъ предковъ, возразилъ: „Нечего слушать этого мечтателя, теоретика, новатора, утописта, экономиста, этого *стультомана*. Мы всѣ пропадемъ, если дорожныя преграды между *Стультой* и *Пуэрой* не будутъ хорошо уравнены, уравновѣшены и вѣрно рассчитаны. Иначе явится больше затрудненія для того, чтобы *идти*, чѣмъ для того, чтобы *прийти*, т. е. для того, чтобы *вывозить*, чѣмъ для того, чтобы *ввозить*. Мы окажемся относительно *Стульты* въ такомъ-же точно подчиненіи, въ какомъ Гавръ, Нантъ, Бордо, Лиссабонъ, Лондонъ, Гамбургъ, Новый-Орлеанъ находятся къ городамъ,

расположеннымъ при истокахъ Сены, Луары, Гаронны, Тайо, Темзы, Эльбы и Миссиссипи, потому что гораздо труднѣе плыть вверхъ по теченію рѣки, чѣмъ внизъ. — Голосъ: „города при устьяхъ рѣкъ процвѣтали больше, чѣмъ лежащіе при истокахъ“. — Это невозможно. Тотъ же голосъ: „Однако это такъ“. — Значить, они процвѣтали *вопреки правиламъ!* Такое рѣшительное разсужденіе пошатнуло все собраніе. Ораторъ окончательно убѣдилъ его своими рѣчами о національной независимости, національной чести, національномъ достоинствѣ, національномъ трудѣ, о наплывѣ чужихъ продуктовъ, о пошлинахъ, и убійственной конкуренціи, короче — онъ отстаивалъ сохраненіе взаимныхъ преградъ.

Если вамъ интересно, я могу сводить васъ въ одну страну, гдѣ вы увидите собственными глазами дорожныхъ сторожей и тормазильщиковъ, которые съ лучшими въ мірѣ способностями, по распоряженію того-же законодательнаго собранія, работаютъ за счетъ однихъ и тѣхъ-же плательщиковъ, — одни надъ тѣмъ, чтобы облегчать движеніе по дорогѣ, другіе — надъ тѣмъ, чтобы затруднить это движеніе.

III.

Предостереженіе.

Ошъ, 30 августа 1847 г.

Когда вслѣдствіе усталости или задержки лошадей мнѣ приходится сидѣть въ какомъ-нибудь городѣ, то я поступаю обыкновенно такъ, какъ и всякій добросовѣстный путешественникъ — осматриваю памятники, церкви, публичныя гулянья и музеи.

Сегодня я ходилъ смотрѣть статую, воздвигнутую въ честь г. д'Этиньи, бывшаго интенданта ошскаго округа, благодарными и просвѣщенными жителями этой мѣстности. Этотъ великій правитель, скажу даже — великій человекъ, искрестилъ ввѣренную его заботамъ провинцію великолѣпными дорогами. Тамъ до сихъ поръ благословляютъ память о немъ, но не такъ относились къ нему при его жизни: ему пришлось выдержать сильную оппозицію, выразившуюся не въ однихъ только устныхъ и письменныхъ жалобахъ. Рассказываютъ, что въ мастерскихъ ему часто приходилось пускать въ ходъ необыкновенную силу, которой одарила его природа. Онъ говаривалъ деревенскимъ жителямъ: „вы прокли-

наете меня, а дѣти ваши будутъ благословлять меня“. За нѣсколько дней передъ смертью онъ писалъ генеральному контролеру слѣдующія строки, напоминающія намъ божественныя слова Основателя христіанства: „Я нажилъ себѣ много враговъ; но, по милости Божіей, я простилъ ихъ, — вѣдь, они еще не понимаютъ чистоты моихъ намѣреній“.

Г. д'Этиньи изображенъ со сверткомъ бумаги въ правой рукѣ и съ другимъ сверткомъ подъ мышкой лѣвой руки. Можно думать, что одинъ изъ этихъ свертковъ есть планъ той самой сѣти дорогъ, которою онъ надѣлилъ страну. Но что же означаетъ второй свертокъ? Протерѣвъ глаза и бинокль, я прочелъ на немъ одно слово: *Предостереженіе*. Думая, что художникъ хотѣлъ со-строить, или дать людямъ спасительный урокъ, увѣковѣчивъ воспоминаніе объ оппозиціи, оказанной жителями этой страны сооруженію дороги, я поспѣшилъ въ архивъ и нашелъ тамъ документъ, на который, безъ сомнѣнія, намекалъ художникъ. Онъ написанъ на мѣстномъ нарѣччіи. Привожу его здѣсь въ точномъ переводѣ въ назиданіе *Промышленному Вѣстнику* и протекціонному комитету. Увы! Они не изобрѣли ничего новаго: доктрины ихъ господствовали здѣсь около ста лѣтъ тому назадъ.

„Милостивый государь!

„Горожане и поселяне ошскаго округа прослышали о задуманномъ вами проектѣ — открыть по всѣмъ направленіямъ пути сообщенія. Мы пришли со слезами на глазахъ просить васъ хорошенько разсмотрѣть печальное положеніе, въ которое вы насъ повергаете.

„Подумали ли вы объ этомъ, милостивый государь? Вы хотите связать ошскій округъ съ окрестными мѣстами! Но этимъ вы готовите намъ вѣрную гибель — насъ завалятъ всевозможными товарами. Что станется съ нашимъ *національнымъ трудомъ*, когда съ открытiемъ вашихъ дорогъ *наводнятъ* насъ иностранные товары? Теперь ограждаютъ насъ горы и непроходимые овраги и подъ ихъ *покровительствомъ* развился нашъ трудъ. Правда, мы почти ничего не вывозимъ, но мы имѣемъ по крайней мѣрѣ вѣрный и обеспеченный рынокъ. А вы хотите предать его алчному чужеземцу? Не говорите намъ, милостивый государь, о нашей дѣятельности, о нашей энергiи, о нашей смѣливости, о плодородiи нашихъ земель, потому что мы во всемъ, во всѣхъ отношенiяхъ находимся въ отчаянномъ приниженiи. Въ самомъ дѣлѣ, замѣтьте себѣ, что хотя природа и наградила насъ такой землей и такимъ климатомъ, которые допускаютъ самое большое разнообразiе продуктовъ, однако нѣтъ у насъ ни одного такого продукта, относительно котораго сосѣднiе округа не находились-бы въ болѣе счастливыхъ условiяхъ. Можемъ-ли мы въ культурѣ хлѣба бороться съ равнинами Гаронны? въ культурѣ вина — съ Борделэ? въ скотоводствѣ — съ Пиренеями? въ производствѣ шерсти съ ландами Гаскони, гдѣ земля не имѣетъ цѣнности? И такъ, вы видите сами, что если откроете сообщенiе съ разными мѣстностями, то намъ придется страдать отъ наплыва къ намъ чужого вина, хлѣба, мяса и шерсти. Всѣ эти предметы составляютъ, конечно, не малое богатство, но лишь при условiи, чтобы они были продуктами національна-

го труда; если-же они будутъ продуктами чужого труда, то погибнетъ національный трудъ, а съ нимъ и наше богатство.

„Милостивый государь, не будемъ умнѣе нашихъ отцовъ. Они не только не создавали новыхъ путей для обращенія товаровъ, но весьма благо-разумно заграждали даже существовавшія дороги. Они старались разставить таможенныхъ досмотрщиковъ по нашимъ границамъ, чтобы отразить отъ нихъ конкуренцію вѣроломныхъ иностранцевъ. Какъ-же непослѣдовательно было-бы теперь покровительствовать этой конкуренціи!

„Не будемъ мудрѣе природы. Она помѣстила горы и овраги между разными обществами людей, дабы каждое могло мирно трудиться, подъ защитою ихъ отъ всякаго внѣшняго соперничества. Срыть горы, засыпать овраги, значило-бы сдѣлать такое-же зло, какъ уничтожить таможни. Кто знаетъ, не заронить-ли когда-нибудь вашъ теперешній проектъ такой пагубной мысли въ голову какого-нибудь теоретика! Берегитесь, милостивый государь, логика безжалостна. Если вы однажды признаете, что легкость сообщеній хороша сама по себѣ и что если она въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и мѣшаетъ людямъ, то во всякомъ случаѣ доставляетъ имъ въ общемъ скорѣе выгоды, чѣмъ неудобства, — если вы признаете это, то настанетъ конецъ прекрасной системѣ Кольбера. Тогда мы возьмемся доказать вамъ, что ваши проекты о дорогахъ основаны на чемъ-то другомъ, а не на этомъ безразсудномъ предположеніи.

„Милостивый государь, мы совсѣмъ не теоретики, не люди принципа, мы не претендуемъ на

геніальность, а говоримъ просто языкомъ здраваго смысла. Если вы откроете нашу страну вліянію всѣхъ внѣшнихъ соперничествъ, если вы дадите свободный доступъ на наши рынки хлѣбу съ Гаронны, Бордоскому вину, Беарнскому льну, шерсти съ ландовъ, пиренейскимъ воламъ, то будетъ ясно, какъ Божій день, — какъ станетъ вывозиться наша монета за границу, какъ падетъ нашъ трудъ, какъ изсякнетъ самый источникъ заработной платы, какъ обезцѣнитъ наша собственность. Что же касается до выгодъ, которыя вы намъ сулите, то позвольте сказать вамъ, что онѣ очень сомнительны; надо прежде переломать себѣ голову, чтобы замѣтить ихъ.

„И такъ, мы смѣемъ надѣяться, что вы сохраните ошскій округъ въ томъ счастливомъ разобщеніи, въ какомъ онъ теперь находится. Если мы падемъ въ этой борьбѣ съ фантазерами, мечтающими облегчить торговлю, то предвидимъ, что нашимъ дѣтямъ придется выдержать еще другую борьбу, противъ другихъ фантазеровъ, которые захотятъ, пожалуй, завести у насъ и свободу торговли“.

IV.

Мнимая желѣзная дорога.

Я уже говорилъ, что когда, къ несчастью, становились на сторону выгодъ производителя, то непременно сталкивались съ интересомъ цѣлаго общества, потому что производитель, по самому положенію своему, требуетъ всегда только лишнихъ усилій, заботъ и всякихъ препонъ.

Замѣчательный примѣръ этого я нашелъ въ одной бордоской газетѣ. Г. Симіо задается въ ней слѣдующимъ вопросомъ:

Должна-ли желѣзная дорога, идущая изъ Парижа въ Испанію, прерываться въ Бордо?

Онъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ утвердительно и приводитъ множество доводовъ въ пользу этого рѣшенія. Не стану разбирать ихъ всѣ, но остановлюсь только на слѣдующемъ:

Желѣзная дорога, идущая изъ Парижа въ Байонну, должна прерваться въ Бордо для того, чтобы товары и проѣзжіе, поневолѣ останавливающіеся въ этомъ городѣ, доставили заработокъ лодочникамъ, носильщикамъ, комиссіонерамъ, содержателямъ гостинницъ и т. д.

Ясно, что здѣсь выгодамъ посредниковъ труда дано предпочтеніе передъ выгодами потребителей.

Но если Бордо долженъ воспользоваться этимъ перерывомъ желѣзной дороги и если эта выгода его совпадаетъ съ общимъ интересомъ, то Ангулемъ, Пуатье, Туръ, Орлеанъ, еще болѣе всѣ промежуточные пункты, Руффекъ, Шательро и пр., должны также требовать для себя перерывовъ и притомъ во имя общаго интереса, во имя интереса національнаго труда, потому что чѣмъ болѣе увеличатся эти перерывы, тѣмъ болѣе умножатся случаи сохраненія товаровъ въ складахъ, уплаты комиссіонныхъ денегъ, перегрузокъ на всѣхъ пунктахъ желѣзно-дорожной линіи. Слѣдуя такой системѣ, придешь къ мысли о постройкѣ такой желѣзной дороги, которая состояла-бы изъ цѣлаго ряда послѣдовательныхъ перерывовъ, т.-е. такой желѣзной дороги, которая въ дѣйствительности не существовала-бы.

Какъ будетъ угодно господамъ протекціонистамъ, но несомнѣнно, что *принципъ запрещеній*—тотъ-же, что и *принципъ перерывовъ*: принести потребителя въ жертву производителю, средству пожертвовать цѣлью.

V.

Д в а т о п о р а .

*Прошение плотника Жака Бонола министру
торговли г. Кюненъ-Гридену.*

Милостивый государь г. фабрикантъ-министръ!
Я такой-же плотникъ, какъ Іисусъ Христосъ, вла-
дѣю топоромъ и тесломъ и готовъ всегда къ
вашимъ услугамъ.

Рубя и обтесывая съ ранней зари и до позд-
ней ночи во владѣніяхъ нашего короля, мнѣ при-
шло на умъ, что мой трудъ также *націоналенъ*
какъ и вашъ.

И вотъ я думаю: почему-бы *покровительству* не
посѣтитъ и моей мастерской, какъ посѣщаетъ оно
вашу мастерскую.

Ибо если вы работаете сукна, то я строю кры-
ши—оба мы, только различными способами, укры-
ваемъ нашихъ кліентовъ отъ холода и дождя.

А между тѣмъ я ищу заказовъ, тогда какъ за-
казы ищутъ васъ. Вы съумѣли заpastись ими, за-
претивъ обращаться за сукномъ къ кому-нибудь
другому кромѣ васъ, тогда какъ въ моемъ дѣлѣ
заказчики обращаются къ кому имъ вздумается.

Что-же тутъ удивительнаго? Г. Кюненъ, сдѣ-
лавшись министромъ, вспомнилъ о Кюненѣ сукон-
щикѣ. Это такъ натурально.

И такъ, взгляните на мое положеніе. Я зарабатываю по 30 су въ день, не считая воскресныхъ и прогульныхъ дней; если-же я явлюсь къ вамъ вмѣстѣ съ какимъ-нибудь фламандскимъ плотникомъ, то вы, ради одной уступленной имъ вамъ копейки, отдадите предпочтеніе ему, а не мнѣ.

Если-же я захочу одѣться и какой-нибудь бельгійскій суконщикъ предложитъ мнѣ свое сукно рядомъ съ вашимъ, то вы прогоните изъ страны и его и его сукно.

Такимъ образомъ, по-неволѣ отправляясь за покупками въ вашу лавку, притомъ самую дорогую, мои несчастные 30 су на дѣлѣ обращаются въ 28 су. Что я говорю? Они не стоятъ и 26 су, ибо вы, вмѣсто того, чтобы просто выгнать бельгійскаго суконщика за свой собственный счетъ, заставляете меня еще платить за содержаніе сыщиковъ, которые служатъ вашимъ интересамъ.

А такъ какъ большинство вашихъ товарищей-законодателей, съ которыми вы отлично понимаете другъ друга, берутъ съ меня одно или два су каждый подъ предлогомъ покровительства то желѣзу, то каменному углю, то маслу и хлѣбу, то въ концѣ-концовъ не спасти мнѣ отъ грабежа и 15 су изъ 30, которыя я зарабатываю.

Вы, безъ сомнѣнія, возразите мнѣ, что эти гроши, такъ просто перекладываемые изъ моего кармана въ вашъ карманъ, даютъ возможность жить людямъ около вашего замка, а вамъ въ тоже время даютъ возможность вести широкую жизнь. На это я замѣтилъ-бы вамъ, что если вы оставите эти гроши въ моемъ карманѣ, то они также дадутъ возможность людямъ жить около меня.

— Какъ-бы то ни было, г. министр-фабрикантъ, но я, зная, что дурно буду принятъ вами, не иду къ вамъ прямо требовать (на что имѣю однако полное право) уничтоженія тѣхъ стѣсненій, которыя вы навязываете вашимъ кліентамъ; а предпочитаю идти по общей проторенной дорогѣ, и покорнѣйше просить васъ оказать и мнѣ какое-нибудь покровительство.

— Но здѣсь явится у васъ такое затрудненіе: „другъ мой, скажете вы мнѣ, я-бы охотно оказалъ покровительство тебѣ и твоимъ товарищамъ; но скажи, какъ приладить таможенные льготы къ работѣ плотниковъ. Запретить что-ли входъ въ дома какъ съ суши, такъ и съ моря?“

— Да, это было-бы довольно смѣшно; но, не оставляя своей мечты, я нашелъ другой способъ оказать покровительство дѣтямъ Св. Іосифа, и вы, я надѣюсь, тѣмъ охотнѣе примете его, что онъ ничѣмъ не отличается отъ пріема, составляющаго привилегію, которую вы ежегодно устанавливаете сами для себя.

— Это удивительное средство заключается въ запрещеніи употреблять во Франціи острые топоры. Я утверждаю, что такое запрещеніе ни болѣе нелогично ни болѣе произвольно, какъ и то, которому вы подвергаете насъ относительно вашего сукна.

— За что вы гоняете бельгійцевъ? За то, что они продаютъ дешевле васъ. А почему продаютъ они дешевле вашего? Потому, что они, какъ ткачи, имѣютъ какое-нибудь преимущество передъ вами.

— Между вами и какимъ-нибудь бельгійцемъ та-

же разница, какая существуетъ между тупымъ и острымъ топоромъ.

А какъ-же это вы заставляете меня, плотника, покупать у васъ продукты тупого топора?

Взгляните на Францію, какъ на работника, который своимъ трудомъ хочетъ добыть себѣ всякіе предметы, между прочимъ и сукно.

Для этого есть у него два способа:

Во-первыхъ, самому прясть и ткать шерсть;

Во-вторыхъ, сработать, ну, хоть, стѣнные часы, обои, или вино и промѣнять ихъ потомъ бельгійцамъ на сукно.

Самый вѣрный изъ этихъ двухъ способовъ, дающій наилучшій результатъ, можетъ представлять собою острый топоръ, а другой способъ — тупой топоръ.

Вѣдь вы-же не отрицаете, что въ настоящее время во Франціи гораздо труднѣе получить штуку сукна изъ-подъ ткацкаго станка (это — тупой топоръ), чѣмъ виноградную лозу (это — острый топоръ). Вы настолько не отрицаете этого, что, ради именно этого *излишка труда* (въ чемъ собственно и полагаете вы богатство), вы и рекомендуете, даже больше — *навязываете* намъ самый дурной изъ двухъ топоровъ.

Но будьте-же послѣдовательны, будьте безпристрастны, если ужъ не хотите быть справедливы, и поступайте съ бѣдными плотниками точно такъ, какъ вы поступаете сами съ собой.

Издайте законъ, въ которомъ было-бы сказано:

„Никто не можетъ пользоваться другими брусьями и бревнами, какъ только нарубленными тупыми топорами“.

Вотъ что произойдетъ тогда:

Если теперь дѣлаемъ мы 100 ударовъ топоромъ, то мы будемъ дѣлать ихъ 300. То, что мы дѣлаемъ въ часъ времени, потребуеть 3-хъ часовъ. Какое могущественное поощреніе для труда! Ученики, подмастерья и хозяева не въ состояніи будутъ удовлетворить всѣмъ заказамъ. Насъ забросаютъ заказами, а слѣдовательно увеличится и наша заработная плата. Кому понадобится крыша, долженъ будетъ подчиниться нашимъ требованіямъ точно также, какъ теперь всякій желающій пріобрѣсть сукно принужденъ подчиняться вашимъ требованіямъ.

VI.

К и т а й с к а я с к а з к а .

Было въ Китаѣ два большихъ города, *Чинъ* и *Чанъ*. Великолѣпный каналъ соединялъ ихъ. Императоръ нашель нужнымъ уничтожить его и велѣлъ завалить его громадными обломками скалъ.

Видя это, Куангъ, первый мандаринъ, сказалъ ему:

„Сынъ неба, вы ошибаетесь“.

На это императоръ отвѣчалъ:

— Куангъ, ты говоришь глупости.

Само собой разумѣется, что я привожу здѣсь только сущность этого разговора.

Черезъ три мѣсяца небесный императоръ призывалъ къ себѣ мандарина и сказалъ ему:

— Куангъ, смотри!

И Куангъ, открывши глаза, посмотрѣлъ.

Онъ увидѣлъ, какъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ канала работало множество народа. Одни скапывали землю, другіе насыпали ее, третьи равняли, четвертые мостили и пр., и вотъ мандаринъ — онъ былъ очень ученъ — подумалъ: это — строятъ дорогу.

Еще черезъ три мѣсяца императоръ опять зоветъ къ себѣ Куанга и говоритъ ему:

— Смотри!

И Куангъ посмотрѣлъ.

Онъ увидѣлъ, что по дорогѣ на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга построились гостинницы. Масса пѣшеходовъ, повозокъ и паланкиновъ двигались взадъ и впередъ и безчисленное множество китайцевъ, еле-передвигавшихъ ноги отъ усталости, таскали большія тяжести изъ Чина въ Чанъ и изъ Чана въ Чинъ. И Куангъ подумалъ: вѣдь это уничтоженіе канала дало столько работы бѣднымъ людямъ! Но ему тогда и въ голову не пришло, что этотъ трудъ былъ отвлеченъ отъ другихъ занятій.

Прошло еще три мѣсяца, и императоръ опять сказалъ Куангу:

— Смотри!

И Куангъ увидѣлъ, что гостинницы были переполнены путешественниками, и такъ какъ они хотѣли ѣсть, то кругомъ открылись мясныя лавки, пекарни, колбасни и продажа ласточкиныхъ гнѣздъ, а такъ какъ этотъ честный ремесленный народъ не могъ же ходить раздѣтымъ, то завелись портные, сапожники, продавцы зонтовъ и вѣровъ; и такъ какъ обыкновенно не спятъ же подъ открытымъ небомъ даже и въ небесной имперіи, то набѣжали плотники, каменщики и кровельщики. За ними явились: полиція, мировые судьи, факіры, однимъ словомъ — кругомъ каждой гостинницы образовался цѣлый городъ съ своими предметами.

И императоръ сказалъ Куангу: — какъ тебѣ это нравится?

И Куангъ отвѣчалъ: „я никогда не повѣрилъ-бы, что уничтоженіе канала можетъ создать для народа столько работы“. Но ему тогда и въ голову не

пришло, что это — трудъ не виновъ созданный, а отвлеченный отъ другихъ занятій, что путешественники ѣли и пили и прежде, когда ѣздили по каналу, точно также какъ должны ѣсть и пить теперь, когда ихъ заставили ѣздить по дорогѣ. Но вотъ къ великому удивленію китайцевъ императоръ скончался и этотъ сынъ неба былъ преданъ землѣ.

Преемникъ его позвалъ къ себѣ Куанга и сказалъ ему: — велите расчистить каналъ.

И Куангъ сказалъ новому императору:

„Сынъ неба, вы ошибаетесь“.

И императоръ отвѣчалъ:

— Куангъ, ты говоришь глупости.

Но Куангъ, настаивая на своемъ, сказалъ: „ваше величество, какая ваша цѣль?“

— Моя цѣль, сказалъ императоръ, — облегчить сообщеніе между жителями Чина и Чана и удешевить провозъ товаровъ, дабы народъ могъ имѣть дешевый чай и дешевую одежду.

Но Куангъ напередъ зналъ, что отвѣчать. Наканунѣ получилъ онъ нѣсколько нумеровъ китайской газеты *Промышленнаго Вѣстника*. Вытвердивъ свой урокъ, онъ просилъ позволенія отвѣчать и, получивъ его, ударился девять разъ лбомъ о паркетъ и сказалъ: „Вы желаете, ваше величество, посредствомъ облегченія провоза сбавить цѣну на предметы потребленія и сдѣлать ихъ доступными для народа и ради этого вы начинаете съ того, что уничтожаете весь трудъ, вызванный закрытіемъ канала. Ваше величество! Въ политической экономіи абсолютная дешевизна...“ — Но императоръ перебилъ.

его:—Мнѣ кажется, что ты говоришь заученный урокъ. Куангъ: „Да, это правда; для меня было-бы удобнѣе прочесть то, что я хочу сказать“. И, развернувъ „Общественный Духъ“ (Esprit public), онъ прочелъ: „Въ политической экономіи абсолютная дешевизна предметовъ потребленія есть второстепенный вопросъ. Вся задача заключается въ равновѣсіи между цѣною труда и цѣнами на предметы первой необходимости. Обиліе труда составляетъ богатство народовъ, и наилучшая экономическая система—та, которая доставляетъ наибольшее количество всевозможной работы. Не спрашивайте, лучше-ли заплатить за чашку чая 4 или 8 кашей, заплатить за рубашку 5 или 10 таэль; все это — ребячество, не достойное серьезнаго человѣка. Никто не оспариваетъ вашего предложенія. Но вопросъ заключается въ томъ, лучше-ли платить за предметы потребленія дороже и, благодаря обилію работъ и высокой цѣнѣ на трудъ, имѣть болѣе средствъ къ ихъ пріобрѣтенію, чѣмъ исчерпать источники труда, уменьшить массу народонаселенія, перевезти съ помощью дорогъ предметы потребленія въ другое мѣсто, правда за болѣе дешевую цѣну, но въ то-же время отнять у нѣкоторыхъ нашихъ рабочихъ возможность купить ихъ даже за эту уменьшенную цѣну“.

Эти доводы не убѣдили императора, и Куангъ сказалъ ему: „Государь, соизвольте подождать; я долженъ прочесть еще замѣтку изъ *Промышленнаго Вѣстника*“.

Но императоръ сказалъ:

— Я не нуждаюсь въ вашихъ китайскихъ газетахъ, я и безъ нихъ понимаю, что создавать

препятствія значить вызывать трудъ въ этомъ направленіи. Но ни въ этомъ мое призваніе. Ступайте, расчистите каналъ, а потомъ мы преобразуемъ и нашу таможду.

И Куангъ пошелъ, рвалъ себѣ бороду и восклицалъ: „О Фо-о-о! О Пе-е-е! О Ли-и-и!“ Вывалъ онъ ко всѣмъ богамъ Китая: „сжальтесь надъ своимъ народомъ; къ намъ пришелъ императоръ *англійской школы*, и я предвижу, что мы скоро лишимся всего, потому что намъ придется больше ничего не дѣлать.

VI.

Сборщикъ податей.

Жакъ Бономъ, винодѣль.

Лясушъ, сборщикъ податей.

Лясушъ. Вы собрали 20 бочекъ вина?

Жакъ Бономъ. — Да, благодаря своимъ заботамъ и трудамъ.

„Потрудитесь отдать мнѣ 6 и притомъ самыхъ лучшихъ бочекъ“.

— Какъ? 6 бочекъ изъ 20! Боже мой! Вы хотите разорить меня. А позвольте узнать, для чего вамъ нужны эти бочки?

„Первую отдадутъ государственнымъ кредиторамъ. Когда имѣешь долги, то меньше всего приходится думать о процентахъ“.

— Но куда ушелъ капиталъ?

„Это слишкомъ долго рассказывать. Часть его пошла на приготовленіе зарядовъ, которые надымили-таки на славу. Другая пошла на жалованье тѣмъ, кто давалъ себя калѣчить въ чужой странѣ, прежде чѣмъ опустошили ее. А потомъ, когда эти расходы привлекли къ намъ нашихъ друзей-враговъ, они не захотѣли покидать страну, не забравши денегъ, которыя и пришлось занять“.

— Ну, а какую-же имѣю я теперь выгоду отъ этого?

„Возможность сказать себѣ:

Какъ я горжусь тѣмъ, что я французъ.

Когда гляжу на эту колонну“.

— И чувствовать униженіе, что оставляешь своимъ наследникамъ землю, обремененную вѣчнымъ долгомъ. Ну, что же дѣлать? Приходится платить свои долги, какъ-бы безразсудно ни растратили ихъ. Хорошо, отложимъ одну бочку. Но куда-же пойдутъ остальные пять?

„Еще одна бочка нужна на вознагражденіе государственныхъ чиновниковъ, на покрытіе расходовъ главы государства, на содержаніе судей, возстановляющихъ ваше право на земли, которыя хочеть присвоить себѣ сосѣдь вашъ; — жандармовъ, которые охотятся за ворами и разбойниками въ то время, когда вы спокойно почиваете; — сторожей, оберегающихъ дороги, ведущія въ городъ; — священниковъ, которые крестятъ вашихъ дѣтей; — наставниковъ, которые ихъ учатъ и воспитываютъ, и наконецъ, вашего покорнаго слуги, потому что и онъ не станетъ-же даромъ работать“.

— И такъ, услуга за услугу! На это нечего возразить. Положимъ, что я лучше-бы самъ сговорился со священникомъ и школьнымъ учителемъ, но не стану настаивать на этомъ. Отложимъ и другую бочку. Но до шести бочекъ еще далеко.

„Не думаете-ли вы, что двухъ бочекъ много за ваше участіе въ расходахъ по содержанію арміи и флота?“

— Увы! Этого пожалуй и немного въ сравненіи съ тѣмъ, чего они стоили мнѣ, отнявъ у меня двоихъ нѣжно любимыхъ сыновей.

„Но вѣдь надо-же поддержать равновѣсіе европейскихъ силъ“.

— Эхъ, Боже мой! Равновѣсіе осталось-бы то-же, если бы вездѣ и уменьшили эти силы на половину или на три четверти. Но тогда мы сохранили-бы нашихъ дѣтей и наши доходы. Для этого нужно только столкнуться.

„Да, но что-же дѣлать, если никакъ не столкнутся“.

— Но это-то и изумляетъ меня, вѣдь всѣ страдаютъ отъ этого.

„Ты самъ хотѣлъ этого, Жакъ Бономъ“.

— Вы шутите, господинъ сборщикъ; развѣ я имѣю голосъ въ собраніи?

„А кого избрали вы вашимъ депутатомъ?“

— Храбраго генерала, который скоро будетъ маршаломъ, если Богу угодно будетъ продлить его жизнь?

„А на чей счетъ живетъ этотъ храбрый генераль?“

— На счетъ моихъ бочекъ, какъ мнѣ кажется.

„А что случилось-бы съ нимъ, если-бы онъ подалъ голосъ за сокращеніе арміи и вашего участія въ ея содержаніи?“

— Вмѣсто того, чтобы сдѣлаться маршаломъ, онъ получилъ-бы отставку.

„Понимаете-ли вы теперь, что вы сами...“

— Перейдемте, пожалуйста, къ пятой бочкѣ.

„Эта бочка отправится въ Алжиръ!“

— Въ Алжиръ? А еще увѣряютъ, что всѣ мусульмане отличаются трезвостью, варвары эдакіе! Я не разъ самъ задавалъ себѣ такой вопросъ: потому-ли они не знаютъ медака, что они басур-

мане, или, что еще вѣроятнѣе, потому они и басурмане, что не знаютъ медака? Но какую-же услугу оказываютъ они мнѣ взаменъ этой амброзии, стоившей мнѣ такихъ большихъ трудовъ?

„Никакой; къ тому-же ваша бочка предназначена не столько мусульманамъ, сколько истиннымъ христіанамъ, которые постоянно живутъ въ Берберіи“.

— Но что-же они тамъ дѣлаютъ, что могло бы быть полезно мнѣ?

„Совершаютъ набѣги и въ свою очередь страдаютъ отъ нихъ; убиваютъ другихъ и даютъ убивать себя; наживаютъ дизентеріи и возвращаются домой лѣчиться; устраиваютъ пристани, прокладываютъ дороги; строятъ деревни и заселяютъ ихъ мальтійцами, итальянцами, испанцами и швейцарцами, живущими на счетъ вашей и многихъ другихъ бочекъ, за которыми я еще приду къ вамъ“.

— Помилосердитесь! Ужь это слишкомъ! Я наотрѣзъ отказываюсь отдать вамъ эту бочку. Всякаго винодѣла, дѣлающаго такія глупости, въ пору было бы отправить въ Бисетръ, въ тюрьму. О, Боже! Прокладывать дороги въ Атласъ, когда я не могу отсюда тронуться съ мѣста! Строить гавани въ Берберіи, когда Гаронна день ото дня все больше мелѣетъ! Отнять у меня моихъ любимыхъ дѣтей для того, чтобы мучить кабилловъ! Заставить меня платить за дома, посѣвы, лошадей, которыхъ отдаютъ грекамъ и мальтійцамъ, когда вокругъ насъ столько бѣдняковъ!

„Бѣдняковъ? Да отъ нихъ-то, отъ этихъ лишнихъ людей и стараются освободить страну“.

— Благодарю покорно! Выпроваживать ихъ

въ Алжиръ на капиталъ, который даль-бы имъ возможность жить и здѣсь.

„Кромѣ того, вы закладываете тамъ фундаментъ великой имперіи, водворяете цивилизацію въ Африкѣ и покрываете безсмертной славой ваше отечество“.

— Вы—поэтъ, господинъ сборщикъ, а я простой винодѣль и отказываю вамъ въ этой бочкѣ.

„Подумайте хорошенько о томъ, что черезъ нѣсколько тысячъ лѣтъ вы вернете ваши затраты сторицей. Такъ говорятъ всѣ, кто руководитъ этимъ дѣломъ“.

— А пока они берутъ на покрытие издержекъ сначала одну бочку вина, затѣмъ двѣ, три и вотъ концѣ-концовъ я обложенъ налогомъ въ одну тонну! Я настаиваю на своемъ отказѣ.

„Теперь ужь поздно упрямитесь: вашъ довѣренный установилъ для васъ сборъ въ одну тонну, или въ четыре полныхъ бочки“.

— Да, что правда, то правда! Проклятая слабость! Мнѣ самому казалось, что я поступалъ неблагоразумно, когда ввѣрялъ ему свои полномочія, ибо что могло быть общаго между военнымъ генераломъ и бѣднымъ винодѣломъ?

„Но общее между вами, это, какъ вы сами видите—вино, потому что вы добываете его, а онъ распоряжается имъ отъ вашего имени.“

— Смѣйтесь надо мною, милостивый государь, я заслуживаю этого. Но все-таки будьте разсудительны и оставьте мнѣ, по крайней мѣрѣ, эту 6-ю бочку. Вѣдь проценты по государственному долгу уплачены, расходы на содержаніе главы государства покрыты, содержаніе государственныхъ чи-

новниковъ обезпечено, война съ Африкой можетъ вестись безъ конца. Чего-же вамъ еще надо?

„Со мной не торгуются. Вамъ слѣдовало раньше сообщить генералу о вашихъ намѣреніяхъ. Теперь-же онъ ужь распорядился вашимъ сборомъ винограда“.

— Проклятый ворчунъ! Но что-же, наконецъ, вы хотите сдѣлать съ моей бѣдной бочкой вина, украшеніемъ моего подвала? Попробуйте-ка это вино: какъ оно мягко, вкусно, густо, бархатисто!..

„Да, прекрасно! Восхитительно! Какъ оно пригодится г. Д..., фабриканту суконъ“.

— Г. Д... фабриканту? Что вы этимъ хотите сказать?

„То, что онъ извлечетъ изъ него большую выгоду“.

— Какъ? Что такое? Чортъ побери, если я что-нибудь понимаю!

„Развѣ вы не знаете, что г. Д... основалъ превосходное предпріятіе, весьма полезное для страны, но которое въ итогѣ ежегодно приноситъ только значительный убытокъ?“

— Отъ всего сердца я жалѣю о немъ! Но я-то тутъ при чемъ?

„Палата поняла, что если это новое дѣло будетъ такъ продолжаться, то г. Д... принужденъ будетъ или лучше работать, или закрыть свое заведеніе“.

— Да что-же общаго между невѣрными спекуляціями г. Д... и моею бочкой?

„Палата рѣшила, что если она дастъ г-ну Д... немного вина, взятаго у васъ въ подвалѣ, нѣ-

сколько гектолитровъ хлѣба у вашихъ сосѣдей, нѣсколько су изъ жалованья рабочихъ, то его убытки превратятся въ доходы“.

— Разсчетъ вашъ такъ-же вѣренъ, какъ и остроумень. Но, чортъ возьми, онъ страшно несправедливъ. Какъ! г. Д... покроетъ свои убытки на счетъ моего вина?

„Нѣтъ, не на счетъ вина собственно, а на счетъ его цѣны. Это—то, что называется преміей поощренія. Но вы совсѣмъ изумлены! Развѣ вы не видите, какую важную услугу оказываете отечеству?“

— Вы хотите сказать—г-ну Д...?

„Нѣтъ, именно отечеству. Г. Д... увѣряетъ, что его промышленность процвѣтетъ, благодаря этому соглашенію, а слѣдовательно и страна стала-бы богаче. Это самое онъ повторялъ въ послѣдніе дни въ палатѣ, въ которой состоитъ депутатомъ“.

— Какой ловкій обманъ! Какъ! Какой-нибудь дуралей затѣетъ глупое предвріятіе, растратитъ свои капиталы и выудитъ у меня достаточное количество вина и хлѣба, чтобы покрыть свои убытки, и въ этомъ видятъ общую выгоду!

„Вашъ уполномоченный разсудилъ такъ; вамъ не остается теперь ничего другого, какъ выдать мнѣ 6 бочекъ вина и продать какъ можно выгоднѣе остальные четырнадцать“.

— Ну, это—мое дѣло.

„Да, но будетъ очень обидно, если вы не продадите ихъ за высокую цѣну“.

— Я самъ позабочусь объ этомъ.

„Вѣдь найдется еще много нуждъ, на которыя понадобятся эти деньги“.

— Знаю, знаю это, милостивый государь!

„Во-первыхъ, если вы купите желѣзо для починки вашихъ заступовъ и сохъ, то по закону заплатите за него кузнецу вдвое противъ того, чего оно стоитъ“.

— А! Да это какой-то вертепъ мошенниковъ!..

„Потомъ, если вамъ нужно купить масло, мясо, полотно, каменный уголь, шерсть, сахаръ, то каждый продавецъ, на основаніи того-же закона, поставитъ вамъ ихъ въ счетъ вдвое дороже“.

— Но вѣдь это гадко, ужасно, отвратительно!

„Къ чему эти жалобы? Вы сами черезъ вашего уполномоченнаго. .“

— Да оставьте меня въ покоѣ съ моимъ полномочіемъ. Я дурно воспользовался имъ, это правда. Но въ другой разъ не поймать меня въ эту ловушку: я выберу въ свои уполномоченные простого и честнаго крестьянина.

„О, нѣтъ, вы опять выберете храбраго генерала“.

— Какъ! Я опять выберу генерала, чтобы роздали мое вино какимъ-то африканцамъ и фабрикантамъ?

„Да, вы опять выберете его, я говорю вамъ это“.

— Ну, ужъ это слишкомъ. Я не выберу его, если не захочу.

„Но вы захотите и непременно выберете“.

— Пускай попробуетъ, онъ увидитъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло.

„Посмотримъ. А пока прощайте. Я увожу ваши 6 бочекъ и распредѣлю ихъ, какъ назначилъ вашъ генераль“.

VIII.

Правая и лѣвая рука.

Докладъ королю.

Государь! Когда видишь, какъ эти приверженцы свободной торговли дерзко распространяютъ свое ученіе, какъ они доказываютъ, что право купить и продать истекаетъ изъ права собственности, поневолѣ серьезно тревожишься насчетъ положенія нашего *національнаго труда*. Въ самомъ дѣлѣ, что дѣлать французамъ съ своими руками и способностями, когда они будутъ свободны?

Администраціи, которую вы удостоили своимъ довѣріемъ, придется призадуматься надъ такимъ тревожнымъ положеніемъ и поискать въ своей мудрости какого-нибудь новаго *покровительства*, вза-мѣнъ прежняго столь скомпрометированнаго. Она предлагаетъ вамъ: *запретить* вашимъ вѣрнымъ подданнымъ *употреблять правую руку*.

Государь, не обижайте насъ и не подумайте, будто мы легкомысленно рѣшились на новую мѣру, которая на первый взглядъ можетъ показаться слишкомъ странной. Глубокое изученіе *покровительственной системы* раскрыло намъ слѣдующій силлогизмъ, на которомъ она всецѣло основывается.

Чѣмъ больше работаешь, тѣмъ дѣлаешься все богаче.

Чѣмъ больше препятствій, тѣмъ сильнѣе работаешь.

Слѣдовательно, чѣмъ больше препятствій, тѣмъ становишься все богаче.

Что-же такое на самомъ дѣлѣ этотъ *протекционизмъ*, какъ ни остроумное примѣненіе этого силлогизма?

Позволимъ себѣ такое предположеніе. Представимъ себѣ страну въ видѣ какого-нибудь сложнаго существа, состоящаго изъ 30 милліоновъ ртовъ, а стало-быть изъ 60 милліоновъ рукъ. Положимъ, что оно работаетъ надъ стѣнными часами, рассчитывая промѣнять ихъ потомъ въ Бельгій на десять квинталовъ желѣза. А мы говоримъ ему: „Само приготовь это желѣзо“. — Я не могу, отвѣчаютъ намъ, это отыметъ у меня слишкомъ много времени. Я не приготовлю и пяти квинталовъ за то время, какъ сработаю часы. „Утопистъ! возразимъ мы, потому-то мы и запрещаемъ тебѣ дѣлать часы и приказываемъ приняться за желѣзо. Развѣ ты не видишь, что мы создаемъ тебѣ работу?“

Государь, отъ вашей проницательности не ускользнетъ, конечно, что такое требованіе было-бы равносильно тому, какъ если-бы мы сказали: *работай одной только твоей рукой, а не правой.*

Создавать препятствія, чтобы дать возможность расширить свой трудъ—вѣдь таковъ принципъ отживающей теперь системы запрещеній. Но таковъ же и принципъ нарождающагося теперь новаго *запрещенія*. Государь, вводитъ такую регламентацію не значитъ вводить что нибудь новое, а значитъ просто быть послѣдовательнымъ.

Что-же касается до дѣйствительности этой мѣры, то она неоспорима. Правда, очень трудно, гораздо труднѣе чѣмъ думаютъ — работать одною лѣвой рукой все, что привыкли дѣлать правою. Вы убѣдитесь въ этомъ, государь, если соблаговолите провѣрить нашу систему на какомъ-нибудь, знакомомъ для васъ дѣлѣ, ну, хоть на тасованіи картъ. И такъ, мы можемъ считать себя счастливыми, что открыли для труда новое безграничное поприще.

Когда рабочіе всякаго рода будутъ принуждены работать одной лѣвой рукой, то представьте себѣ, государь, какое огромное число ихъ потребуется для того, чтобы удовлетворить совокупности всѣхъ существующихъ потребностей, предположивъ, что онѣ не измѣнятся (такъ всегда поступаемъ мы, когда сравниваемъ двѣ противоположныя системы производства). Такой поразительный спросъ на ручной трудъ непременно вызоветъ значительное возвышеніе заработной платы, и тогда пауперизмъ, какъ по волшебству, исчезнетъ изъ страны.

Ваше отеческое сердце, государь, возрадуется при мысли, что благотворное вліяніе новаго закона распространится и на ту интересную часть великой семьи, судьба которой составляетъ предметъ вашей усиленной заботливости. Въ самомъ дѣлѣ, какова теперь судьба женщинъ во Франціи? Дерзкій и огрубѣлый въ тяжелыхъ работахъ полъ незамѣтно вытѣсняетъ ихъ изъ всякой дѣятельности.

Въ прежнее время онѣ еще получали кое-какія средства въ конторахъ для продажи лотерейныхъ билетовъ. Но безжалостная филантропія за-

крыла эти конторы, а подь какимъ предлогомъ? „Чтобы сберечь, доказывала она, гроши бѣдняковъ“. Но развѣ когда-нибудь бѣдняки получали на эти гроши такія тихія и невинныя радости, какія скрывала для нихъ таинственная урна фортуны? Когда бѣднякъ, лишенный всѣхъ радостей жизни, откладываетъ каждыя двѣ недѣли свой дневной заработокъ, чтобы поставить его на счастливый выигрышъ въ лотереѣ, — сколько прекрасныхъ часовъ счастья доставлялъ онъ своему семейству! Надежда никогда не покидала домашняго очага. Мансарды преисполнялись иллюзіями: жена мечтала затмить своихъ сосѣдокъ блескомъ своего туалета, сынъ грезилъ видѣть себя тамбуръ-мажоромъ, а дочь чувствовала, какъ идетъ она къ алтарю подь руку съ своимъ суженымъ. А вѣдь стѣитъ чего нибудь и забыться въ сладкомъ снѣ!

О! Лотерея составляла поэзію бѣдняка, а мы вырвали ее изъ его рукъ!

Лотерея закрыта, но чѣмъ-же замѣнить ее для нашихъ бѣдняковъ? Табакомъ и почтой?

Табакъ, слава Богу, процвѣтаетъ, благодаря утонченнымъ, привычкамъ, которыя, по примѣру августѣйшихъ особъ, такъ искусно восторжествовали среди нашей элегантнои молодежи.

А почта!... Мы ничего не скажемъ о ней — она составитъ предметъ особаго доклада.

И такъ, что-же еще, за исключеніемъ табаку, остается для вашихъ подданныхъ? Ничего, кромѣ вышиванія, вязанія и шитья, — печальныя средства, которыя все болѣе вытѣсняются варварскои наукой, называемои механикой.

Но лишь только появится вашъ указъ, лишь только правыя руки будутъ отрублены, или связаны, все сразу измѣнится. Въ двадцать, въ тридцать разъ бѣльшаго числа вышивальницъ, прачекъ, гладильщицъ, портнихъ и рубашницъ не достанетъ для удовлетворенія всѣхъ потребностей (Nonni soit qui mal у pense!) королевства, предполагая, что потребление, согласно нашему способу разсужденія, не измѣнится.

Правда, холодные теоретики будутъ оспаривать это предположеніе, потому что платья и сорочки станутъ дороже. Но этотъ аргументъ ничего не доказываетъ ни противъ *работы одной лѣвой рукой*, ни противъ *протекціонизма*, потому что самая эта дороговизна есть результатъ и признакъ того излишняго напряженія силъ и труда, на которомъ въ томъ и другомъ случаѣ мы предполагаемъ основывать благоденствіе рабочаго класса.

Да, мы рисуемъ себѣ трогательную картину будущаго процвѣтанія швейной промышленности. Сколько движенія! Сколько дѣятельности! Сколько жизни! На каждое платье понадобится 100 пальцевъ вмѣсто 10. Вы не увидите тогда ни одной праздно дѣвушки, и намъ, при свойственной вамъ, государь, проницательности, нечего объяснять, къ какимъ нравственнымъ послѣдствіямъ поведетъ эта великая революція. Не только увеличится число занятыхъ дѣломъ дѣвушекъ, но каждая изъ нихъ и выручитъ больше, потому что ихъ будетъ все-таки меньше, чѣмъ сколько потребуется, а если опять появится конкуренція, то уже не между дѣвушками, работающими платья, а между прекрасными дамами, которыя ихъ носятъ.

И такъ вы видите, государь, что наше предложеніе не только согласно съ экономическими преданіями правительства, но и само по себѣ нравственно и демократично.

Чтобы оцѣнить его послѣдствія, предположимъ, что преобразование уже совершилось, и перенесемъ мыслію къ будущему; представимъ себѣ, что оно дѣйствуетъ уже 20 лѣтъ. Праздность изгнана изъ страны, довольство и согласіе, радости жизни и нравственность вмѣстѣ съ трудомъ проникли во всѣ семьи, нѣтъ больше нищеты, нѣтъ больше проституціи. Только потому, что одна лѣвая рука не удобна для работы, явилось много новаго труда, а съ нимъ и достаточное вознагражденіе. Все уладилось какъ нельзя лучше, и мастерскія переполнились рабочими. Не правда-ли, государь, что если-бы тогда утописты вдругъ потребовали свободы для правой руки, то вызвали-бы тревогу во всей странѣ? Не правда-ли, что такая реформа перевернула-бы все вверхъ дномъ? Значитъ, наша система хороша, коли ее нельзя было-бы уничтожить безъ страданій народа.

IX.

З а к о н ъ.

Бросьте взглядъ на земной шаръ. Когда народы бываютъ самыми счастливыми, самыми нравственными, самыми миролюбивыми? Когда законъ рѣже всего вмѣшивается въ частную, личную дѣятельность; — когда правительство меньше даетъ себя чувствовать; — когда личность имѣетъ наибольшую силу, а общественное мнѣніе наибольшее вліяніе; — когда не такъ многочисленъ его составъ управленія и не такъ сложно его устройство; — когда легче, равномернѣе налоги; — когда народное недовольство не такъ жгуче и рѣже находитъ себѣ оправданіе; — когда дѣятельнѣе проявляется отвѣтственность отдѣльныхъ лицъ или цѣлыхъ классовъ общества и когда, слѣдовательно, нравы, если они не безупречны, неуклонно стремятся къ исправленію; — когда взаимныя сношенія, договоры, ассоціаціи встрѣчаютъ наименѣе препятствій и преградъ всякаго рода; — когда трудъ, капиталъ, народонаселеніе подвергаются наименьшимъ искусственнымъ перемѣщеніямъ; — когда люди наиболѣе руководствуются собственными склонностями; — когда Промыселъ Божій наиболѣе правитъ людскими дѣлами; — однимъ словомъ, тогда, когда на-

роды наиболее приближаются къ такому рѣшенію: „въ предѣлахъ права все по свободной и способной къ совершенствованію самодѣятельной волѣ чловѣка; ничего посредствомъ закона и на- силія, а все на основаніи всеобщей справедливости“.

Надо сказать, что въ мірѣ слишкомъ много великихъ людей, слишкомъ много законодателей, организаторовъ, основателей обществъ, вожаковъ народовъ, отцовъ націй и пр., и пр. Очень ужъ много людей, которые становятся выше чловѣчества, чтобы заправлять его судьбами, слишкомъ много людей, считающихъ своимъ непрошеннымъ призваніемъ пещись о его благополучіи.

Но мнѣ скажутъ на это: какъ-же вы говорите это, когда сами такъ много заботитесь о немъ. Да, это правда. Но согласитесь, что я забочусь совсѣмъ въ другомъ смыслѣ и съ другой точки зрѣнія, и если я вмѣшиваюсь въ толпу реформаторовъ, то лишь съ одною цѣлью—заставить ихъ отказаться отъ своихъ посползновеній.

Я забочусь о чловѣчествѣ не такъ, какъ Вокансонъ о своемъ автоматѣ, но какъ фізіологъ поступаетъ съ чловѣческимъ организмомъ—чтобы изучать его и удивляться ему.

Я занимаюсь имъ въ смыслѣ того знаменитаго путешественника, который попалъ однажды въ среду дикаго племени. Въ то время тамъ родился ребенокъ, и вотъ цѣлая толпа колдуновъ, знахарей и гадальщиковъ, вооруженныхъ кольцами, крючьями и цѣпями, окружила новорожденнаго. Одинъ говорилъ: этотъ ребенокъ никогда не будетъ обонять запаха трубки мира, если я не расширю ноздрей его. Другой: онъ будетъ лишенъ слуха, если я

не оттяну ушей его до самых плечъ. Третій: онъ никогда не увидитъ свѣта солнца, если я не скошу ему глазъ. Четвертый: онъ никогда не будетъ держаться прямо, если я не согну его ногъ. Пятый: онъ не будетъ думать, если я не сдавлю ему мозга. „Прочь! воскликнулъ путешественникъ. Богъ Самъ вѣдаетъ, что творить; не старайтесь знать больше Его, и если Богъ даровалъ органы этому хрупкому созданію, то не мѣшайте имъ развиваться, крѣпнуть упражненіемъ, опытомъ и свободой.

Точно такъ-же Богъ даровалъ человѣчеству все, что нужно, дабы оно могло исполнить свое назначеніе. Какъ есть частная фізіологія человѣка, такъ есть и фізіологія соціальная, — и та, и другая отъ Промысла Божія.

Соціальные органы также имѣютъ свое устройство, чтобы гармонически развиваться на вольномъ просторѣ свободы. И такъ, прочь эмпирики и организаторы! Долой ихъ кольца, цѣпи, крючья, клещи! Долой ихъ искусственные приемы! Долой ихъ общественныя мастерскія, фаланстеры, правительственная опека, централизація, тарифы, государственная религія, даровые и монопольные банки, всѣ ихъ стѣсненія, преграды, улучшеніе нравовъ и уравненіе всѣхъ посредствомъ налога! Напрасно навязывали общественному организму такъ много разныхъ системъ, теперь пора кончить тѣмъ, съ чего слѣдовало начать — пора отбросить въ сторону эти системы и испробовать, наконецъ, дѣйствіе свободы, которая есть дѣло вѣры въ Бога и Его созданіе.

Х.

М ѣ ш о к ъ х л ѣ б а. *)

Матюрень былъ бѣдень, какъ Іовъ, работалъ изо дня въ день для своего пропитанія, но владелъ кускомъ невоздѣланной земли, не знаю какъ доставшимся ему по наслѣдству. Онъ страстно желалъ обработать его. Но, увы, думалъ онъ про себя, рыть канавы, строить ограды, пахать землю, очищать ее отъ корней и камней, разрыхлять и обсѣменять ее—все это, правда, прокормитъ меня черезъ годъ или два, но никакъ не сегодня и не завтра. Чтобы приняться за обработку, я долженъ напередъ припасти что нибудь такое, что дало-бы мнѣ возможность просуществовать до будущей жатвы, и я по опыту знаю, что безусловно нуженъ *предшествующій* трудъ для того, чтобы сдѣлать производительнымъ трудъ *настоящій*. Добрякъ Матюрень не остановился на однихъ размышленіяхъ, а сейчасъ-же принялся за работу и сталъ откладывать кое-что изъ своего заработка, чтобы купить заступъ и *мѣшокъ хлѣба*, безъ которыхъ приходится отказываться отъ самыхъ пре-

---

*) Этотъ очеркъ, какъ и два послѣдующіе, взяты изъ памфлета: „Капиталъ и рента“.

красныхъ земледѣльческихъ проектовъ. Онъ повелъ себя такъ хорошо, былъ такъ дѣятеленъ и воздерженъ, что въ концѣ-концовъ сталъ владѣльцемъ желаннаго *мѣшка хлѣба*. Я отнесу его на мельницу, сказалъ онъ, и, благодаря ему, проживу какъ-нибудь, пока поле мое не покроется богатой жатвой. Но только-что собрался онъ идти, какъ приходитъ къ нему Жеромъ, и проситъ одолжить ему его сокровище. „Если ты одолжишь мнѣ этотъ мѣшокъ, упрашивалъ Жеромъ, то окажешь мнѣ большую *услугу*: я имѣю въ виду очень выгодную работу, но не могу приняться за нее, потому что у меня нѣтъ запасовъ, на которые я могъ-бы прожить до ея окончанія“. — Я находился точно въ такомъ-же положеніи, какъ и ты, отвѣтилъ Матюрень, и если теперь мнѣ навѣрно хватить на нѣсколько мѣсяцевъ хлѣба, то благодаря лишь тому, что я не щадилъ своихъ силъ и голодалъ. Во силу какой-же справедливости этотъ *мѣшокъ хлѣба* долженъ пойти теперь на исполненіе твоего, а не моего предпріятія?

Можно было думать, что они долго торговались, но вышло не такъ; они скоро покончили на слѣдующемъ:

Во-первыхъ, Жеромъ обѣщался вернуть черезъ годъ точно такой-же *мѣшокъ хлѣба* того-же качества, того-же вѣса, зерно въ зерно. „Эта первая статья вполне справедлива, говорилъ онъ, иначе выходило-бы, что Матюрень не займы далъ-бы мнѣ этотъ мѣшокъ, а просто подарилъ-бы мнѣ его.“

Во-вторыхъ, онъ обязался дать сверхъ гектолитра еще 5 литровъ хлѣба. „Эта вторая статья

также справедлива, какъ и первая, подумалъ онъ, иначе Матюрень оказалъ-бы мнѣ услугу безвозмездно: онъ обрекъ-бы себя на лишенія, отказался-бы отъ своего дорогого ему предпріятія, и далъ-бы мнѣ возможность исполнить мое дѣло, далъ-бы мнѣ право въ теченіе цѣлаго года пользоваться его сбереженіями—и все это даромъ. Такъ какъ онъ отсрочиваетъ обработку своей земли и даетъ мнѣ возможность исполнить выгодную работу, то весьма натурально, что и я, въ свою очередь, долженъ сдѣлать его въ какой-нибудь долѣ участникомъ въ тѣхъ выгодахъ, которыми я обязанъ только его пожертвованію“.

Съ другой стороны, Матюрень, какъ человекъ развитой и умѣлый, рассуждалъ такъ: „по первой статьѣ нашего соглашенія *мѣшокъ хлѣба* вернется ко мнѣ только черезъ годъ, тогда я могу опять отдать его взаймы; онъ вернется ко мнѣ опять черезъ годъ, и я опять отдамъ его и т. д. до безконечности. Въ то-же время я не могу отрицать, что онъ давнымъ-давно будетъ съѣденъ. А вотъ что дѣйствительно странно: я буду вѣчно оставаться владѣльцемъ *мѣшка хлѣба*, тогда какъ мѣшокъ, который я далъ взаймы, давно ужъ пересталъ существовать. Но это объясняется тѣмъ, что онъ былъ уничтоженъ еще въ то время, когда находился въ пользованіи Жерома, я-же дамъ Жеромау возможность выработать бѣольшую *цѣнность*, и слѣдовательно онъ можетъ вернуть мнѣ *мѣшокъ хлѣба*, или его *цѣнность*, и не только не понесетъ отъ этого никакого убытка, но даже получить выгоду. Что-же касается меня, то эта *цѣнность*

должна оставаться моею собственностью до тѣхъ поръ, пока я самъ не уничтожу ея, употребивъ ее въ свою пользу. Если-бы я употребилъ ее на обработку моей земли, то вернулъ-бы ее себѣ въ видѣ хорошаго урожая. Теперь-же я даю ее займа другому и долженъ получить ее обратно въ томъ-же видѣ.

Изъ второй статьи договора я вывожу еще такое поученіе. По прошествіи года я получу еще 5 литровъ хлѣба сверхъ ста литровъ, которые я далъ займа. Слѣдовательно, если я буду продолжать работать и сберегать изъ того, что получу, также какъ дѣлалъ это раньше, то черезъ нѣсколько времени я буду въ силахъ давать займа два, три, четыре мѣшка хлѣба; когда-же у меня наберется ихъ такое количество, что я изъ 5 добавочныхъ литровъ на каждый мѣшокъ, скоплю достаточную сумму для своего прожитка, то мнѣ можно будетъ и отдохнуть подъ старость. Но развѣ я въ такомъ случаѣ не буду жить на счетъ ближняго? Конечно, нѣтъ; вѣдь сейчасъ-же было доказано, что, давая займа, я оказываю услугу, улучшаю и расширяю трудъ моихъ должниковъ и выговариваю себѣ только самую маленькую часть того *излишка* производства, который получится, благодаря моей ссудѣ и моимъ сбереженіямъ. Чудно въ самомъ дѣлѣ, какъ человѣкъ можетъ достигнуть покоя и *досуа*, который никому не повредитъ и не возбудитъ ничьей справедливой зависти.

ХІ.

Д о м ъ.

У Мондора былъ домъ; на постройку его онъ ничего, ни у кого не бралъ. Онъ былъ обязанъ имъ только своему личному труду, или, что то-же самое, былъ обязанъ своему труду, справедливо вознагражденному. Первымъ дѣломъ его было войти въ соглашеніе съ архитекторомъ, который за 100 экую въ годъ взялся поддерживать домъ всегда въ должномъ порядкѣ. Мондоръ предвкушалъ уже, какіе счастливые дни будетъ онъ проводить въ этомъ убѣжищѣ, которое признается нашею конституціей неприкосновеннымъ. Но вдругъ Валерій захотѣлъ поселиться въ немъ. „Да, подумали-ли вы о томъ, что говорите? сказалъ Мондоръ. Это я построилъ его, онъ стоилъ мнѣ 10 лѣтъ тяжелыхъ трудовъ, а вы хотите пользоваться имъ!“ Порѣшили обратиться къ судьямъ—глубокомысленныхъ экономистовъ не искали, потому что ихъ не было въ странѣ. Выбрали людей справедливыхъ, здравосмыслящихъ, что то-же самое: политическая экономія, справедливость, здравый смыслъ — одно и то же. И вотъ что постановили судьи. Если Валерій хочетъ въ теченіе года занимать домъ Мондора, то долженъ исполнить три условія: первое — черезъ годъ очистить домъ и сдать его въ пол-

номъ порядкѣ владѣльцу, — поврежденія отъ времени въ домѣ всегда неизбѣжны; второе — уплатить Мондору 300 франковъ, которые онъ ежегодно уплачиваетъ архитектору за исправленіе такихъ поврежденій отъ времени, которыя непременно окажутся, пока въ домѣ будетъ жить Валерій; а потому онъ и долженъ по всей справедливости заплатить за нихъ; третье — оказать Мондору такую же услугу, какую онъ оказалъ ему. Но объ этой услугѣ Мондоръ и Валерій должны свободно договориться между собою.

ХІІ.

Р у б а н о к ъ .

Это было давно, очень давно. Въ одной бѣдной деревушкѣ жилъ столяръ-философъ, вѣдь всѣ мои дѣйствующія лица немного философы. Жакъ работалъ съ утра до вечера, не покладая своихъ сильныхъ рукъ, но и голова его въ то-же время также усиленно работала. Онъ любилъ давать себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ, разсуждать о ихъ причинахъ и послѣдствіяхъ. Не разъ размышлялъ онъ такъ: топоромъ, пилою и молоткомъ я могу дѣлать только грубую мебель и за нее будутъ платить мнѣ то, что слѣдуетъ. Но если-бы у меня былъ еще рубанокъ, я не только угодилъ-бы своимъ давальцамъ, но и самъ заработалъ - бы больше. Безусловно вѣрно, что я могу разсчитывать на услуги другихъ только пропорціонально тому, что самъ оказываю имъ. И такъ, рѣшено, я сдѣлаю себѣ рубанокъ.

Только-что собрался онъ приняться за дѣло, какъ пришла ему въ голову такая мысль: я работаю на своихъ покупателей 300 дней въ году; если я употреблю 10 дней на изготовленіе рубанка и если онъ, положимъ, прослужитъ годъ, то мнѣ останется только 290 дней на заготовку мебели. Слѣдовательно, чтобы не дать маху, я дол-

женъ своимъ рубанкомъ выработать въ 290 дней столько, сколько я вырабатываю теперь въ 300 и даже больше, иначе не стоить и затѣвать это. Жакъ пустился въ расчеты. Онъ высчиталъ, что продасть новую улучшенную мебель за такую цѣну, которая вполнѣ вознаградитъ его за 10 дней, потраченныхъ на приготовленіе рубанка. Увѣрившись въ этомъ, онъ принялся за работу.

Черезъ 10 дней Жакъ уже обладалъ прекраснымъ рубанкомъ и утѣшался еще болѣе тѣмъ, что онъ самъ сработалъ его. Онъ подпрыгнулъ отъ радости, подобно доброй Перреттѣ, потому что вѣрно вычислилъ выгоду, которую долженъ получить отъ этого хитраго инструмента, и былъ счастливѣе ея, потому что ему не пришлось восклицать потомъ: „Прощай мой теленокъ, прощай моя корова, свинья и насѣдка!“

Неожиданный приходъ его товарища Гильома, столяра изъ сосѣдней деревни, прервалъ его воздушные замки. Гильомъ, любуясь его рубанкомъ, былъ пораженъ тѣми выгодами, которыя можно получить отъ него. И вотъ онъ сказалъ Жаку:

„Ты долженъ оказать мнѣ *услугу*“.

— Какую?

„Одолжи мнѣ этотъ рубанокъ на одинъ годъ“.

Понятно, что при такомъ предложеніи Жакъ не могъ не воскликнуть:

— Да подумаль-ли ты, что говоришь, Гильомъ? Если я окажу тебѣ эту *услугу*, чѣмъ отплатишь ты мнѣ за нее?

„Ничѣмъ! Развѣ не ты знаешь, что заемъ долженъ быть даровой? Развѣ тебѣ неизвѣстно, что капиталъ самъ по себѣ непродуцирующъ? Развѣ

ты не слыхалъ, что провозглашено общее братство? Если ты окажешь мнѣ *услугу* только съ тѣмъ, чтобы, въ свою очередь, получить и съ меня что-нибудь, то въ чемъ-же будетъ твоя заслуга?

— Гильомъ, другъ мой, братство не значитъ еще, чтобы всѣ пожертвованія приходились только на одну сторону, тогда почему-бы и мнѣ не требовать ихъ отъ тебя. Я не знаю, должна-ли быть ссуда даровая или нѣтъ, но, знаю, что если отдамъ тебѣ мой рубанокъ даромъ на цѣлый годъ, то значитъ—я просто подарилъ-бы его тебѣ. По совѣсти-же—я не для этого сработалъ его.

„Ну, такъ вотъ что: оставимъ новыя истины всеобщаго братства, изобрѣтенныя господами социалистами. Я прошу тебя сдѣлать мнѣ услугу—какую-же услугу хочешь ты получить съ меня за нее?“

— Во-первыхъ, черезъ годъ мой рубанокъ не будетъ никуда годенъ, и его придется бросить. Стало-быть справедливо, чтобы ты или вернулъ мнѣ точно такой-же другой рубанокъ, или далъ мнѣ денегъ на поправку моего рубанка, или-же отработалъ мнѣ 10 дней, которые я долженъ буду потратить на приготовленіе новаго инструмента. Такъ, или иначе, а я долженъ получить рубанокъ обратно въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ его отдалъ.

Да, это вполне справедливо, и я подчиняюсь этому условію. Я обязуюсь возвратить тебѣ или тотъ-же самый рубанокъ, или другой подобный ему, или цѣнность его, т. е. то, чего онъ стоитъ. Доволенъ-ли ты этимъ? Чего-же тебѣ еще требовать съ меня.

— Совсѣмъ напротивъ. Я сработалъ этотъ рубанокъ для себя, а не для тебя. Я ждалъ отъ него

большей выгоды, лучшей работы, большей платы за нее, а следовательно вообще улучшения моего положенія. Какъ-же я уступлю тебѣ все это даромъ, и почему именно я долженъ сработать рубанокъ, а ты будешь пользоваться имъ? Ужъ лучше я самъ потребую у тебя пилу и топоръ. Какое въ самомъ дѣлѣ смѣшеніе понятій! Не прощели, если каждый сохранить то, что сдѣлалъ своими руками, какъ сохраняетъ теперь самыя руки? Пользоваться даромъ руками другого, называется *рабствомъ*; пользоваться даромъ рубанкомъ другого—развѣ это можетъ назваться братствомъ?

„Да, если мы порѣшимъ, что я черезъ годъ возвращу тебѣ твой рубанокъ такимъ-же чистымъ и острымъ, какъ онъ теперь“.

— Но дѣло идетъ не о будущемъ, а о настоящемъ годѣ. Я сработалъ этотъ рубанокъ, чтобы улучшить свой трудъ и свое положеніе; если ты вернешь его мнѣ черезъ годъ, то значитъ—не я, а ты въ теченіе цѣлаго года будешь пользоваться его выгодами. Вотъ почему я вовсе не намеренъ оказывать тебѣ такую *услугу*, не получая отъ тебя ничего взаменъ ея. И такъ, если ты хочешь имѣть мой рубанокъ, то кромѣ возвращенія его мнѣ въ цѣлости, какъ мы уже условились съ тобою, ты долженъ оказать мнѣ еще *услугу*, о которой и будемъ теперь толковать: ты долженъ вознаградить меня за мою услугу.

И вотъ порѣшили они такъ: Гильомъ обязался въ концѣ года принести Жаку совсѣмъ новый рубанокъ и, сверхъ того, еще одну доску, въ вознагражденіе за тѣ выгоды, которыхъ онъ лишился, уступивъ ихъ своему товарищу.

Не найдется такого человека, сколько-нибудь знакомаго съ дѣлами этого рода, который усмотрѣлъ-бы въ этой сдѣлкѣ малѣйшую несправедливость, или притѣсненіе.

Удивительно-же было только слѣдующее: когда черезъ годъ рубанокъ былъ возвращенъ Жаку, то онъ опять отдалъ его взаймы, опять получилъ его обратно и опять отдалъ его въ третій и четвертый разъ. Теперь-же этотъ инструментъ находится въ рукахъ его сына, который до сихъ поръ все отдаетъ его взаймы. Бѣдный рубанокъ! Сколько разъ мѣняли въ немъ то ножъ, то ручку! Это уже не прежній рубанокъ, но это все та-же *цѣнность*, по крайней мѣрѣ для потомства Жака!

Государство.

Я-бы очень желалъ, чтобъ установили премію не въ 500, а въ миллионъ франковъ, съ награжденіемъ еще крестами и лентами для выдачи ихъ тому, кто далъ-бы хорошее, простое и вразумительное опредѣленіе слова: *Государство*.

Какую громадную услугу оказалъ-бы онъ обществу!

Государство! Что это такое? Гдѣ оно? Что оно дѣлаетъ? Что должно дѣлать?

То, что мы знаемъ теперь про него, это—какая-то таинственная личность, которая навѣрно болѣе всѣхъ на свѣтѣ хлопочетъ, болѣе всѣхъ тормошится, болѣе всѣхъ завалена работой, съ которою болѣе всѣхъ совѣтуются, которую болѣе всѣхъ обвиняютъ, къ которой чаще всѣхъ обращаются и къ которой чаще всѣхъ взываютъ о помощи.

Я не имѣю чести знать васъ, милостивый государь, но готовъ держать какое хотите пари,—одинъ противъ десяти, что вы въ теченіе уже 6 мѣсяцевъ занимаетесь составленіемъ утопій, а если это такъ, то бьюсь объ закладъ,—одинъ противъ десяти, что исполненіе вашихъ утопій вы возлагаете на *Государство*. А вы, милостивая госуда-

рыня, я увѣренъ въ томъ, отъ всего сердца желаю излѣчить всѣ страданія бѣднаго человѣчества и были-бы очень рады, если-бъ *Государство* пришло вамъ на помощь.

Но, увы, несчастное *Государство*, подобно Фигаро, не знаетъ кого слушать, въ какую сторону повернуться. Сто тысячъ голосовъ изъ печати и съ трибуны кричатъ ему всѣ разомъ:

„Организуйте трудъ и рабочихъ.

„Искорените эгоизмъ.

„подавите нахальство и тиранію капитала.

„Сдѣлайте опыты съ навозомъ и яйцами.

„Избороздите страну желѣзными дорогами.

„Оросите равнины.

„Облѣсите горы.

„Устройте образцовыя фермы.

„Учредите благоустроенныя мастерскія.

„Населите Алжиръ.

„Выкормите дѣтей.

„Обучите юношество.

„Поддержите старость.

„Разошлите жителей городовъ по деревнямъ.

„Уравновѣсьте выгоды всѣхъ промышленностей.

„Давайте займы деньги безъ процентовъ всякому, кто желаетъ получить.

„Освободите Италію, Польшу и Венгрію.

„Воспитайте и усовершенствуйте верховую лошадь.

„Поощряйте искусство, дайте намъ музыкантовъ и танцовщицъ.

„Запретите торговлю и за-одно создайте намъ торговый флотъ.

„Откройте истину и зароните въ наши головы сѣмена разума. Назначеніе *Государства* — просвѣщать, развивать, расширять, укрѣплять, одухотворять и освящать душу народовъ“ *).

„Но, господа, минуту терпѣнія, жалостливо отвѣчаетъ *Государство*. Я постараюсь удовлетворить васъ, но для этого мнѣ необходимы нѣкоторыя средства. Я заготовила проекты 5-ти или 6-ти налоговъ, совсѣмъ новыхъ и самыхъ благословенныхъ въ мірѣ. Вы увидите сами, съ какимъ удовольствіемъ будутъ платить ихъ“.

Но тутъ поднялся страшный крикъ: „У! У! Нечего сказать — не велика заслуга сдѣлать что-нибудь на такія средства! Къ чему-же тогда и называться *Государствомъ*. Нѣтъ, вы бросьте ваши новые налоги, мы-же требуемъ еще отмѣны старыхъ налоговъ. Уничтожьте:

„Налогъ на соль.

„Налогъ на напитки.

„Налогъ на литературу.

„Октруа.

„Патенты.

„Поборы“.

Среди этого гвалта, послѣ того какъ страна два или три раза мѣняла свое *Государство* за то, что оно не удовлетворяло всѣхъ ея требованій, я хотѣлъ-бы замѣтить, что она страдаетъ противорѣчіемъ. Но, Боже мой, на что я отваживаюсь! Лучше было-бы сохранить мнѣ это замѣчаніе про себя самого.

---

*) Эта послѣдняя фраза принадлежитъ Ламартину.

И вотъ я навсегда скомпрометированъ, теперь всѣ считаютъ меня человѣкомъ *безъ сердца, безъ души*, сухимъ философомъ, индивидуалистомъ, буржуа, однимъ словомъ — экономистомъ англійской или американской школы.

О, простите меня, великіе писатели, которые ни передъ чѣмъ не останавливаетесь, даже передъ противорѣчіями. Я, конечно, не правъ и охотно отступаю. Я ничего такъ не желаю, будьте увѣрены въ этомъ, какъ если-бы вы дѣйствительно открыли внѣ насъ существующее благотворительное и неистощимое въ своихъ благодѣяніяхъ существо, называемое *Государствомъ*, которое имѣло-бы наготовѣ хлѣбъ для всѣхъ ртовъ, работу для всѣхъ рукъ, капиталы для всѣхъ предприятий, кредитъ для исправленія всѣхъ проектовъ, масло для всѣхъ ранъ, цѣлебный бальзамъ для всѣхъ страданій, совѣты на случай всякихъ затрудненій, рѣшенія по всѣмъ сомнѣніямъ, истину для всѣхъ умовъ, развлеченія отъ всякой скуки, молоко для дѣтей, вино для старцевъ, — которое предусматривало-бы всѣ наши нужды, предупреждало-бы всѣ наши желанія, удовлетворяло-бы нашу любознательность, исправляло-бы всѣ наши промахи, всѣ наши ошибки и избавляло-бы насъ отъ всякой предусмотрительности, осторожности, проницательности, опытности, порядка, экономіи, воздержанія и всякаго труда.

И почему-же мнѣ не желать этого? Ей-Богу, чѣмъ больше я размышляю объ этомъ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, какъ это было-бы удобно для всѣхъ, мнѣ-же самому хочется поскорѣе воспользоваться этимъ неисчерпаемымъ источникомъ бо-

гатства и свѣта, этимъ универсальнымъ цѣлителемъ, этой неисчерпаемой сокровищницей, этимъ непогрѣшимымъ совѣтникомъ, котораго вы зовете *Государствомъ*.

Вотъ почему я и прошу, чтобы мнѣ показали, опредѣлили его, и вотъ почему я предлагаю учредить премію для того, кто первый откроетъ этого феникса. Согласитесь-же со мною, что этого драгоценнаго открытія еще не сдѣлано, потому что до сихъ поръ все, что являлось подъ именемъ *Государства*, народъ тотчасъ-же опрокидывалъ, именно за то, что оно не выполняло нѣсколько противорѣчивыхъ требованій программы.

Говорить-ли? Я боюсь, чтобы въ этомъ отношеніи мы не сдѣлались игрушкой самой странной иллюзіи, которая когда-либо овладѣвала умомъ человека.

Человѣку свойственно имѣть отвращеніе къ труду и страданіямъ, а между тѣмъ онъ обреченъ самой природой страдать отъ лишеній, если не возьметъ на свои плечи всю тягость труда, — ему остается только выбирать одно изъ этихъ двухъ золъ. Но что надо сдѣлать, чтобы избѣгнуть и того, и другого? До сихъ поръ онъ находилъ для этого только одно средство, и никогда не найдетъ другого — *пользоваться трудомъ своего ближняго*: надо сдѣлать такъ, чтобы трудъ и удовольствія не распредѣлялись между всѣми въ естественной пропорціи, но чтобы весь трудъ падалъ на долю однихъ, а всѣ удовольствія жизни приходились на долю другихъ. Отсюда рабство и хищеніе, въ какомъ-бы видѣ оно ни проявлялось: въ видѣ-ли войнъ, лицемѣрія, насилій, стѣсненій, обмановъ и т. д.,

чудовищныхъ злоупотребленій, вполне согласныхъ съ породившею ихъ мыслию. Должно ненавидѣть и бороться съ притѣснителями, но все-таки нельзя упрекнуть ихъ въ томъ, что они непослѣдовательны.

Рабство, благодаря Бога, отживаетъ свой вѣкъ. Съ другой стороны, хотя существующая теперь возможность для cadaго защищать свое добро затрудняетъ всякое прямое и открытое хищеніе, однако сохраняется еще несчастная первоначальная склонность, присущая всѣмъ людямъ—дѣлить сложные дары жизни на двѣ части, на однихъ валить всю тяжесть труда и страданій, а для себя самихъ сохранить только удовольствія этой жизни. Посмотримъ, въ какой новой формѣ проявляется это печальное направленіе.

Притѣснитель не давитъ теперь притѣсняемаго прямо собственными руками—наша совѣсть стала къ этому слишкомъ чувствительна. Тиранъ и его жертва еще существуютъ, но между ними помѣстился посредникъ *Государство*, т. е. самъ законъ. Чѣмъ, спрашивается, лучше всего можно заглушить укоры совѣсти, а что еще дороже—преодолѣть сопротивленіе? И вотъ всѣ мы, по тому или другому праву, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, обращаемся къ—*Государству*. Мы говоримъ ему: „Я нахожу, что соотношеніе между моими радостями жизни и трудомъ не удовлетворяетъ меня и я хотѣлъ-бы для возстановленія желаемого равновѣсія между ними, попользоваться чѣмъ-нибудь отъ благъ моего ближняго. Но это не безопасно для меня. Не можете-ли вы помочь мнѣ въ этомъ? Не можете-ли вы дать мнѣ хорошее мѣсто? Или побольше стѣснить промышленность моихъ конкур-

рентовъ? Или даромъ ссудить меня капиталами, которые вы отобрали у ихъ владѣльцевъ? Или воспитать дѣтей моихъ на казенный счетъ? Или выдать мнѣ премію въ видѣ поощренія? Или обезпечить меня, когда мнѣ исполнится 50 лѣтъ? Тогда съ спокойной совѣстію я достигну своей цѣли, потому что за меня будетъ дѣйствовать самъ законъ, а я буду пользоваться всѣми выгодами хищенія, ничѣмъ не рискуя и не возбуждая ничьего негодованія!

Такъ какъ, съ одной стороны, очевидно, что всѣ мы обращаемся къ *Государству* съ подобными требованіями, а съ другой стороны, доказано, что *Государство* не можетъ удовлетворить однихъ, не усиливъ тягостей другихъ, то, въ ожиданіи иного опредѣленія *Государства*, я позволю себѣ привести здѣсь мое мнѣніе—почемъ знать, можетъ быть, оно и удостоится преміи? Вотъ оно:

Государство, это—громадная фикція, посредствомъ которой всѣ стараются жить на счетъ всѣхъ.

Въ наше время, какъ и прежде, каждый въ большей или меньшей степени хочетъ пользоваться трудами ближняго. Никто не позволяетъ себѣ явно выражать это чувство и всякій скрываетъ его даже отъ самого себя; но какъ-же поступаютъ тогда? Выдумываютъ посредника и обращаются къ *Государству*, которому каждый классъ общества по-очереди говорить такъ: „Вы, которые законно и честно можете брать, берите у общества, а мы ужъ подѣлимъ“. Увы! *Государство* всегда слишкомъ склонно слѣдовать такому адскому совѣту, такъ какъ оно состоитъ изъ министровъ, чиновниковъ и вообще людей, сердцу которыхъ никогда

не чуждо желаніе и которые готовы всегда, какъ можно скорѣе ухватиться за него, умножить свои богатства и усилить свое вліяніе. *Государство* быстро соображаетъ, какую выгоду оно можетъ извлечь изъ возложенной на него обществомъ роли. Оно станетъ господиномъ, распорядителемъ судьбы всѣхъ и каждаго; оно будетъ много брать, но за-то ему и самому много останется; оно умножитъ число своихъ агентовъ, расширитъ область своихъ правъ и преимуществъ и дѣло кончится тѣмъ, что оно доростетъ до подавляющихъ размѣровъ.

Но что слѣдуетъ хорошенько замѣтить себѣ, это—поразительное ослѣпленіе общества на этотъ счетъ. Когда солдаты побѣдоносно и радостно обращали въ рабство побѣжденныхъ, они были, правда, варварами, но не были непослѣдовательны. Цѣль ихъ, какъ и наша, состояла въ томъ, чтобы жить насчетъ другихъ; но они ни въ чемъ не противорѣчили ей. А что мы должны думать о народѣ, который и не подозреваетъ, что *взаимный грабежъ* есть все-таки грабежъ, хотя онъ и взаимный; что онъ не сталъ менѣе преступенъ потому, что совершается законно и въ порядкѣ; что онъ ничего не прибавляетъ къ общему благосостоянію, а напротивъ, еще умаляетъ его на всю ту сумму, которой стѣдитъ ему разорительный посредникъ, называемый *Государствомъ*.

И эту великую химеру мы начертали, въ назиданіе народу, на фронтонѣ нашей конституціи. Вотъ первыя слова, которыми начинается ея вступленіе:

„Франція учредила республику для того, чтобы...

поднять всѣхъ гражданъ на все возвышающуюся степень нравственности, свѣта и благосостоянія“.

Слѣдовательно, по этимъ словамъ, Франція, т.-е. *понятіе отвлеченное*, призываетъ французовъ, т. е. *дѣйствительно существующихъ людей* къ нравственности, благосостоянію и т. д.

Не значить-ли это, по смыслу этой странной иллюзіи, ожидать всякаго блага не отъ себя самихъ, а отъ чьей-то сторонней энергіи? Не указываетъ-ли это на то, что рядомъ и независимо отъ французовъ существуетъ еще какое-то добродѣтельное, просвѣщенное и богатое существо, которое можетъ и должно изливать на нихъ свои благодѣянія? Не даетъ-ли это право предполагать, и притомъ безъ всякой надобности, что между Франціей и французами, т. е. между простымъ, сокращеннымъ и отвлеченнымъ понятіемъ о всѣхъ личностяхъ въ совокупности, и между этими самыми личностями существуютъ еще какія-то отношенія отца къ сыну, опекуна къ опекаемому, учителя къ ученику? Кто не знаетъ, что иногда выражаются метафорически и отечество называютъ нѣжной матерью. Но чтобы доказать во-очію всю бессодержательность приведеннаго положенія нашей конституціи достаточно показать, что оно не только легко, но даже съ выгодною для здраваго смысла можетъ быть выражено въ обратной формѣ. Такъ, пострадала-ли-бы точность выраженія, еслибъ во вступленіи было сказано:

„Французы устроились въ республику, чтобы призвать Францію на все возрастающую степень нравственности, свѣта и благосостоянія“.

...Какое-же значеніе имѣетъ аксіома, въ которой

подлежащее и дополненіе могутъ свободно переставляться безъ ущерба смыслу? Всякій понимаетъ, когда говорятъ: мать выкормить ребенка; но странно было-бы сказать: ребенокъ выкормить мать.

Американцы иначе понимали отношенія гражданъ къ *Государству*, когда въ заголовкѣ своей конституціи начертали слѣдующія простые слова:

„Мы, народъ Соединенныхъ Штатовъ, желая образовать болѣе совершенный союзъ, установить справедливость, обезпечить внутреннее спокойствіе, оградить, умножить общее благосостояніе и обезпечить блага свободы себѣ и нашему потомству, постановляемъ и проч.“

Тутъ нѣтъ ничего химерическаго, нѣтъ никакой *абстракціи*, отъ которой граждане требовали-бы себѣ всего. Они надѣются только на себя, на свою собственную энергію.

Если я позволилъ себѣ критически отнестись къ первымъ словамъ нашей конституціи, то не изъ-за метафизической тонкости, какъ это можно подумать, а просто потому, что, по моему убѣжденію, это *олицетвореніе Государства* служило въ прошломъ и послужитъ въ будущемъ обильнымъ источникомъ для всякихъ бѣдствій и революцій.

И точно, общество съ одной стороны, *Государство* съ другой стоятъ какъ два различныя существа; послѣднее должно изливать на первое цѣлый потокъ человѣческихъ радостей, а первое имѣетъ право въ изобиліи требовать ихъ отъ послѣдняго. Что должно произойти при этомъ?

Вѣдь *Государство* не обѣ одной рукѣ и не можетъ быть таковымъ. У него двѣ руки — одной

брать, а другою раздавать или, иначе — одна тяжелая, а другая — легкая рука. Дѣятельность второй по необходимости подчинена дѣятельности первой. Строго говоря, *Государство* можетъ брать и не отдавать, что и случалось иногда. Это объясняется пористымъ и липкимъ свойствомъ обѣихъ рукъ, въ которыхъ всегда удерживается какая-нибудь часть, а иногда и все сполна, до чего только онѣ прикасаются. Но чего никогда не видали, чего никогда никто не увидитъ и чего даже предположить нельзя — чтобы *Государство* возвращало обществу болѣе, чѣмъ сколько оно получило съ него. Совершенно безразсудно съ нашей стороны то, что мы становимся къ нему въ положеніе какихъ-то смиренныхъ нищихъ. Для государства безусловно невозможно предоставлять частныя выгоды нѣкоторымъ лицамъ, безъ того, чтобы не нанести большаго вреда цѣлому обществу.

Очевидно, стало-быть, что *Государство* оказывается, вслѣдствіе нашихъ обращаемыхъ къ нему требованій, въ заколдованномъ кругу.

Если оно отказывается сдѣлать добро, которое отъ него требуютъ, то его обвиняютъ въ слабости, нежеланіи, неспособности. Если оно хочетъ исполнить это требованіе, то принуждено давить народъ двойными налогами, т. е. сдѣлать больше зла, чѣмъ добра, и навлечь на себя общее не-расположеніе съ другого конца.

Такимъ образомъ у общества двѣ надежды, у правительства два обѣщанія: *много благъ и никакихъ налоговъ*. Такъ какъ надежды и обѣщанія противорѣчатъ другъ друга, то онѣ никогда и не осуществляются.

Не въ этомъ-ли причина всѣхъ нашихъ революцій? Между *Государствомъ*, расточающимъ неисполнимыя обѣщанія, и обществомъ, преисполненнымъ неосуществимыхъ надеждъ, становятся два класса людей: честолюбцы и утописты. Роль ихъ вполне опредѣляется ихъ положеніемъ. Достаточно этимъ искателямъ популярности крикнуть народу: „Правительство обманываетъ тебя; если-бы мы были на его мѣстѣ, то осыпали-бы тебя благодѣянiami и освободили-бы отъ налоговъ“!

И вотъ народъ вѣритъ, народъ надѣется, народъ дѣлаетъ революцію.

И лишь только друзья его заберутъ власть въ свои руки, какъ ихъ уже заваливаютъ безчисленными требованіями объ уступкахъ. „Дайте-же мнѣ работы, хлѣба, пособія, денегъ, образованія, колоній, кричитъ народъ, и освободите меня, какъ вы обѣщали мнѣ, изъ когтей казны“.

Новое *Государство* смущается не менѣе прежняго, потому что въ отношеніи невозможнаго очень легко давать обѣщанія, но нелегко исполнять ихъ. Оно старается выгадать время, которое нужно ему, чтобы вырѣли его широкіе проекты. Сначала оно робко дѣлаетъ опыты: съ одной стороны слегка расширяетъ начальное обученіе, съ другой—слегка измѣняетъ питейный акцизъ (1830). Но роковое противорѣчіе всегда стоитъ передъ нимъ лицомъ къ лицу: коли оно хочетъ быть филантропомъ, то поневолѣ заботится о пополненіи казны, а если отказывается отъ нея, то поневолѣ отказывается и отъ филантропіи.

Эти два обѣщанія всегда и неизбежно сталкиваются одно съ другимъ. Прибѣгать къ кредиту,

т. е. пожирать будущее, составляет теперь единственное, дѣйствительное средство помирить эти общанія, и вотъ стараются сдѣлать немного добра въ настоящемъ на-счетъ большого зла въ будущемъ. Но такой пріемъ вызываетъ призракъ банкротства, которое губить кредитъ. Что-же остается дѣлать? Новое *Государство* отважно берется за дѣло: собираетъ силы вокругъ себя, душитъ общественное мнѣніе, обращается къ произволу, надсмѣивается надъ своими-же прежними принципами, объявляетъ во-всеуслышаніе, что управлять возможно только при условіи быть непопулярнымъ, короче сказать—оно объявляетъ себя *всеуправляющимъ*.

Здѣсь-то и ждутъ его другіе искатели популярности: они эксплуатируютъ ту-же иллюзію, идутъ тѣмъ-же протореннымъ путемъ, достигаютъ тѣхъ-же успѣховъ и вскорѣ затѣмъ поглощаются тою же пропастью...

Прочитайте послѣдній манифестъ монтаньяровъ, выпущенный ими по поводу выбора президента. Онъ, правда, длинноватъ, но въ общемъ можетъ быть выраженъ въ такихъ словахъ: *Государство должно давать гражданамъ много и брать съ нихъ мало*. Это—все та-же тактика, или, если хотите, то-же заблужденіе.

Государство обязано даромъ „обучать и воспитывать всѣхъ гражданъ“.

Оно обязано:

„Давать общее и профессиональное образованіе, приоровленное по возможности къ нуждамъ, призванію и способностямъ гражданина“.

Оно обязано:

„Вселить въ него сознаніе о его обязанностяхъ къ Богу, къ людямъ и къ самому себѣ; развитіе его чувства, склонности и способности, наконецъ, научить его знать свое собственное дѣло, понимать свои интересы и знать свои права“.

Оно обязано:

„Сдѣлать для всѣхъ доступными науку и искусство, продукты мысли, сокровища ума, всѣ умственные наслажденія, возвышающія и укрѣпляющія душу“.

Оно обязано:

„Исправлять всякій вредъ, претерпѣваемый гражданами отъ пожара, наводненія“ и проч.

Оно обязано:

„Быть посредникомъ между капиталомъ и трудомъ и регуляторомъ кредита“.

Оно обязано:

„Оказывать серьезное поощреніе и дѣйствительное покровительство земледѣлію“.

Оно обязано:

„Выкупать желѣзныя дороги, каналы, рудники“ и, безъ сомнѣнія, управлять ими съ тою промышленною способностью, которою оно отличается.

Оно обязано:

„Вызывать великодушныя начинанія, поощрять ихъ и всѣми зависящими средствами содѣйствовать ихъ исполненію. Какъ регуляторъ кредита, оно будетъ въ широкихъ размѣрахъ заправлять промышленными и земледѣльческими ассоціаціями ради обезпеченія ихъ успѣховъ.“

Все это *Государство* должно исполнить, однако безъ ущерба тѣмъ обязанностямъ, которыя теперь лежатъ на немъ. Такъ, на примѣръ, оно должно

всегда сохранять угрожающій видъ передъ иностранцами, потому что „мы, говорятъ подписавшіеся подъ этой программой, связанные этой святою солидарностью и прошлымъ республиканской Франціи, мы несемъ наши обѣты и наши надежды за преграды, воздвигаемыя деспотизмомъ между народами: правъ-же, которыхъ мы желаемъ для себя, желаемъ мы и для всѣхъ, кто страдаетъ подъ гнетомъ тирановъ; мы хотимъ, чтобы наша славная армія была въ случаѣ надобности также и арміей свободы.

Вы видите, что мягкая рука *Государства*, эта добрая рука, всѣмъ дающая и все распредѣляющая, будетъ слишкомъ занята во время управленія монтаньяровъ. Вы, думаете, можетъ быть, что столько-же работы будетъ и для жесткой руки, которая просовывается въ наши карманы и опорожняетъ ихъ?

Разочаруйтесь. Искатели популярности дурно знали-бы свое дѣло, еслибъ не умѣли выставять на показъ только мягкую руку и прятать другую — жесткую. Управление ихъ будетъ сплошнымъ праздникомъ для всѣхъ плательщиковъ.

„Налогъ, говорятъ эти люди, долженъ падать только на излишекъ, а не на предметы необходимости“.

Развѣ не настанетъ чудное время, когда казна для того, чтобы осыпать насъ своими благодѣянiями, будетъ довольствоваться тѣмъ, что сократитъ наши избытки?

Но это еще не все. Монтаньяры помышляютъ еще и о томъ, чтобы „налогъ потерялъ свой притѣснительный характеръ и былъ только дѣломъ братства“.

Силы небесныя! Я зналъ, что теперь въ модѣ всюду совать *братство*, но я и не подозрѣвалъ, что его можно поставить въ заголовкѣ окладного листа сборщика податей.

Росписывая подробности дѣла, подписавшіеся подъ программой возвращаютъ:

„Мы хотимъ немедленнаго уничтоженія налоговъ на предметы первой необходимости, какъ-то: на соль, напитки и пр.

„Преобразованія поземельнаго налога, октруа, патентнаго сбора.

„Дароваго правосудія, т. е. упрощенія формы и сокращенія расходовъ“ (здѣсь подразумѣваются, вѣроятно, гербовыя пошлины).

Итакъ, поземельный налогъ, октруа, патентный сборъ, гербовыя пошлины, соль, напитки, почта, тутъ ничего не позабыто. Эти господа открыли секретъ—какъ дать *горячую работу одной мягкой рукой Государства* и парализовать его *жесткую руку*.

Къ вамъ обращаюсь я теперь, мой безпристрастный читатель, съ такимъ вопросомъ: развѣ все это не ребячество, да еще опасное ребячество? Какъ-же народу не дѣлать революцій на революціяхъ, когда уже рѣшено не останавливаться до тѣхъ поръ, пока не осуществится это противорѣчіе — „ничего не давать *Государству*, но получать отъ него какъ можно больше!“

Не думаютъ-ли, пожалуй, что монтаньяры, достигнувъ власти, не сдѣлаются жертвами тѣхъ-же самыхъ способовъ, которые они употребляютъ, чтобы овладѣть ею?

Граждане! Во всѣ времена были извѣстны двѣ

политическія системы и обѣ онѣ опираются на уважительныя основанія. По одной системѣ *Государство* должно много дѣлать, но оно должно и много брать. По другой—эта двойственная дѣятельность ея должна давать себя чувствовать. Приходится выбирать одну изъ этихъ двухъ системъ. Что-же касается до третьей системы, состоящей въ томъ, чтобы требовать всего отъ *Государства*, но ничего не давать ему, то согласитесь, что это—химера, нелѣпость, ребячество, опасное противорѣчіе. Тѣ, кто прикрывается этой системой, чтобы доставить себѣ удовольствіе обвинять всѣ правительства въ безсиліи и такимъ образомъ поставить ихъ прямо подъ ваши удары, только льстятъ и обманываютъ васъ, или на худой конецъ обманываютъ самихъ себя.

Что касается до насъ, то мы думаемъ, что *Государство* есть ни что иное, да и не должно быть ничѣмъ инымъ, какъ *общественная сила*, установленная не для того, чтобы служить гражданамъ орудіемъ притѣсненія и взаимнаго грабежа, а, напротивъ, для того, чтобы облегчить каждому свое и способствовать царству справедливости и безопасности.

ЧТО ВИДНО И ЧЕГО НЕ ВИДАТЬ.

Въ области экономическихъ явленій всякое дѣйствіе, привычка, постановленіе, законъ порождаютъ не только какое-нибудь одно слѣдствіе, но цѣлый родъ послѣдствій. Изъ нихъ только одно первое непосредственно обнаруживается въ одно время съ причиной, его вызвавшей, — *его видно*. Остальныя открываются послѣдовательно одно за другимъ — *ихъ не видать*, и хорошо еще, если можно *предвидѣть* ихъ.

Вся разница между плохимъ и хорошимъ экономистомъ въ слѣдующемъ: одинъ придерживается только слѣдствія, которое *видно*, а другой принимаетъ въ расчетъ и то, что *видно*, и всѣ тѣ слѣдствія, которыя надо *предвидѣть*.

Это различіе громадно, потому что почти всегда случается, что ближайшій результатъ бываетъ благопріятенъ, а дальнѣйшія слѣдствія пагубны, и на-оборотъ. Отсюда слѣдуетъ, что плохой экономистъ преслѣдуетъ маленькое благо въ настоящемъ, за которымъ слѣдуетъ великое зло въ будущемъ, тогда какъ истинный экономистъ имѣетъ въ виду великое благо въ будущемъ, рискуя маленькимъ зломъ въ настоящемъ.

То-же происходитъ въ области гигіены и нравственности. Часто, чѣмъ слаще первый плодъ какой-нибудь привычки, тѣмъ горше остальные. Объ

этомъ свидѣтельствуя: развратъ, лѣнь, расточительность. Слѣдовательно, когда человѣкъ, пораженный слѣдствіемъ, которое *видно*, не научился еще различать того, *чего не видать*, предается пагубнымъ привычкамъ не только по склонности, но и по расчету.

Это объясняетъ эволюцію человѣчества, фатально связанную со страданіями для него. Невѣжество съ колыбели сопровождаетъ человѣка и въ поступкахъ его опредѣляется ихъ ближайшими послѣдствіями, единственными, которыя онъ можетъ видѣть при своемъ рожденіи. Требуется не мало времени для того, чтобы онъ привыкъ принимать во вниманіе еще и другія послѣдствія. Этому научаютъ его два разныхъ учителя: опытъ и предусмотрительность. Опытъ заправляетъ имъ сильно, но слишкомъ грубо. Онъ научаетъ насъ познавать всѣ послѣдствія нашихъ поступковъ, заставляя перечувствовать ихъ на себѣ самихъ, и мы непременно, въ концѣ-концовъ, узнаемъ, что огонь жжется лишь потому, что сами обожглись. На мѣсто такого суроваго учителя я хотѣлъ-бы, по возможности, поставить другого, болѣе мягкаго—предусмотрительность. Вотъ почему я разсмотрю послѣдствія нѣкоторыхъ экономическихъ явленій, противопоставляя тому, *что видно*, то, *чего не видать*.

Разбитое стекло.

Были-ли вы когда-нибудь свидѣтелемъ гнѣва добродушнаго буржуа Жака Бонома, когда его ужасный сынъ разбилъ оконное стекло? Если вы присутствовали при этомъ зрѣлищѣ, то, навѣрно такъ-же, какъ и всѣ присутствующіе, хотя-бы ихъ было тридцать и болѣе человѣкъ, словно сговорившись, спѣшили утѣшить несчастнаго хозяина слѣдующими общими фразами: „Нѣтъ худа безъ добра. Подобными случаями держится промышленность. Каждый хочетъ жить. Что случилось-бы со стекольщиками, если-бы никогда не били стекло?“

Въ этомъ утѣшеніи кроется цѣлая теорія, которую не худо выяснить на этомъ совсѣмъ простомъ случаѣ, потому что это — та-же самая теорія, которою, къ несчастью, руководствуются обыкновенно наши экономическія учрежденія.

Если предположить, что надо истратить 6 фр. для починки стекла и что этимъ хотятъ сказать, что, благодаря этому случаю, стекольная промышленность получила 6 фр. и что на эти 6 фр. ей оказано поощреніе, то я буду вполне согласенъ съ этимъ разсужденіемъ, не буду даже оспаривать его, ибо оно совершенно правильно. Придетъ стекольщикъ, исполнитъ свое дѣло, возьметъ 6 фр., потретъ руки отъ удовольствія и въ сердцѣ своемъ благословитъ ужаснаго ребенка. Это — то, что видно.

Но, если путемъ разсужденія, придуть, какъ это часто случается, къ тому заключенію, что хорошо, коли бьютъ стекла, потому что это усиливаетъ обращеніе денегъ, а слѣдовательно служить поощреніемъ промышленности вообще, то я воскликну: Стойте! Ваша теорія не идетъ дальше того, *что видно*, и не хочетъ знать того, *чего не видать*.

А *не видать* того, что если нашъ буржуа истратилъ 6 фр. на какую-нибудь вещь, то онъ не можетъ истратить ихъ на другую. *Не видать* того, что, если-бы ему не пришлось вставлять новое стекло, взамѣнъ разбитаго, то онъ могъ-бы, напримѣръ, купить себѣ новые сапоги вмѣсто стоптанныхъ, или книгу для своей библіотеки. Короче сказать—онъ употребилъ-бы эти 6 фр. на что-нибудь такое, на что теперь употребить ихъ не можетъ.

Подведемъ-же счетъ промышленности вообще.

Стекло разбито, и стекольная промышленность обогатилась на 6 фр. *Это видно*.

Если-бы стекло не было разбито, то эти 6 фр. пошли-бы въ пользу сапожнаго, или какого-нибудь другого мастерства. *Этого не видать*.

И такъ, если-бы приняли въ соображеніе то, *чего не видать*, какъ фактъ отрицательный, и то, *что видно*, какъ фактъ положительный, то поняли-бы, что для промышленности вообще, или для *національнаго труда* нѣтъ никакой выгоды отъ того, будутъ-ли стекла биться или не будутъ биться.

Теперь подведемъ счетъ Жака Бонома.

При первомъ предположеніи—что стекло разбито, онъ тратитъ 6 фр. и пользуется такимъ-же,

не больше и не меньше, стекломъ какъ прежде.

При второмъ предположеніи — что стекло не было разбито, онъ истратилъ-бы 6 фр. на обувь и пользовался-бы въ одно и то-же время и парой сапогъ и стекломъ.

Слѣдовательно, такъ какъ Жакъ Бономъ составляетъ часть общества, то, принявъ общество въ его совокупности и сведя балансъ его совокупнымъ трудамъ и наслажденіямъ, придется заключить, что оно потеряло цѣнность стекла, то, чего стоило стекло.

Продолжая эти обобщенія, мы придемъ къ тому неожиданному выводу, что „общество теряетъ цѣнность всѣхъ предметовъ безъ пользы уничтоженныхъ“, и къ тому афоризму, отъ котораго волосы станутъ дыбомъ на головахъ протекціонистовъ — что „ломать, бить, уничтожать не значить поощрять національный трудъ“, или короче — что „разрушеніе не выгодно“.

Но надо, чтобы читатель хорошенько понялъ, что въ этой маленькой драмѣ, какую я предложилъ его вниманію, участвуютъ не два, а три лица. Одно лицо — Жакъ Бономъ, представляетъ собой потребителя, который вслѣдствіе уничтоженнаго стекла принужденъ имѣть одно наслажденіе вмѣсто двухъ. Другое лицо, стекольщикъ, изображаетъ собой производителя, промыселъ котораго получилъ поощреніе благодаря этому случаю. Третье лицо сапожникъ, или всякій другой мастеровой, трудъ котораго настолько-же пострадалъ отъ той же причины. Это-то третье лицо, которое держать всегда въ тѣни, олицетворяетъ собой то, *чего не видать*, и является необходимымъ

элементомъ задачи. Оно-то и научаетъ насъ понимать, какъ нелѣпо находить выгоду въ разрушеніи. Это самое лицо научить насъ скоро и тому, что не менѣе нелѣпо находить выгоду въ запрещеніи, которое представляетъ собою ни болѣе, ни менѣе, какъ частное разрушеніе. Разберите хорошенько всѣ доказательства, приводимые въ пользу этой системы запрещенія и вы не найдете ничего, кромѣ переиначенной фразы: *что стало-бы со стеклянникомъ, если-бы никогда не были стекло.*

Н а л о г ъ .

Не случилось-ли вамъ слышать такое мнѣніе: „Налогъ есть лучшее помѣщеніе; это животворная роса? Посмотрите, сколько семействъ живутъ благодаря ему и прослѣдите мысленно, какъ онъ отражается на промышленности; да это безконечное благо, это—сама жизнь!“

Чтобы опровергнуть это ученіе, я долженъ привести опять то-же возраженіе. Политическая экономія хорошо знаетъ, что ея аргументы не настолько забавны, чтобы можно было сказать: „Повтореніе нравится“ (Repetita placent). Поэтому она передѣлала это выраженіе на свой ладъ, вполне увѣренная, что въ ея устахъ—„Повтореніе научаетъ“ (Repetita docent).

Выгоды, получаемыя чиновниками, это—то, *что видно*. Благо, получаемое отсюда ихъ поставщиками, это опять—то, *что видно*. Все это бросается въ глаза.

Но ущербъ, который несутъ при расплатѣ плательщики, это—то, *чего не видать*, и убытокъ, который терпятъ отъ того ихъ поставщики, это то, *чего тѣмъ болѣе не видать*, хотя оно и должно бы броситься въ глаза разуму.

Когда чиновникъ тратитъ на себя 100 су больше прежняго, то это значитъ, что плательщикъ налога сталъ тратить на себя на 100 су меньше.

По расходы чиновника *видны*, потому что онъ дѣлаются на глазахъ всѣхъ, тогда какъ расходоватьщика *не видать*, потому что, увы, ему не даютъ сдѣлать ихъ.

Вы сравниваете націю съ отвердѣвшей отъ засухи почвой, а налогъ — съ живительнымъ дождемъ. Пусть будетъ такъ. Но вы должны-бы были также спросить себя: гдѣ источники этого дождя и не налогъ-ли самъ вытягиваетъ всю влагу изъ почвы и иссушаетъ ее?

Вы должны были-бы задать себѣ еще одинъ вопросъ — возможно-ли, чтобы почва восполняла этимъ дождемъ точно такое-же количество драгоценной влаги, какое она теряетъ испареніями?

Положительно-же вѣрно то, что Жакъ Бономъ отсчитываетъ 100 су сборщику податей и взамѣнъ ихъ ничего не получаетъ. А если потомъ чиновникъ, издержавъ свои 100 су, и возвращаетъ ихъ Жаку Боному, то не иначе какъ въ уплату за какое-нибудь соотвѣтствующее количество хлѣба или работы. Слѣдовательно, въ окончательномъ выводѣ Жакъ Бономъ прямо теряетъ 5 фр.

Вполнѣ справедливо, что часто, даже очень часто, если хотите, чиновникъ оплачиваетъ Жаку Боному равносильной услугой. Въ такихъ случаяхъ обѣ стороны ничего не теряютъ и тутъ происходитъ простой обмѣнъ услугъ. Точно также моя аргументація не имѣетъ никакого отношенія къ полезнымъ должностямъ. Я говорю такъ: если вы хотите создать какую-нибудь должность, то докажите прежде, что она полезна. Докажите напередъ, что она, получая съ Жака Бонома свою часть, вознаграждаетъ его вполнѣ за то, чего она

ему стоитъ. Но помимо этой внутренней полезности должности не выставляйте, въ видѣ доказательства приносимой ею пользы, тѣхъ выгодъ, которыя получаетъ чиновникъ, его семейство и его поставщики, не увѣряйте, что она поощряетъ трудъ.

Если Жакъ Бономъ даетъ 100 су чиновнику за оказываемую ему дѣйствительно полезную услугу, то это совершенно тоже самое, какъ если-бы онъ заплатилъ эти 100 су сапожнику за пару сапогъ. Тутъ—услуга за услугу и обѣ стороны квиты. Но если Жакъ Бономъ отдаетъ 100 су чиновнику и не только не получаетъ за это никакой услуги, но даже встрѣчаетъ притѣсненія себѣ, то это все равно, какъ еслибы онъ отдалъ эти деньги вору. Тутъ ужъ никакъ нельзя было-бы сказать, что чиновникъ тратитъ эти 100 су къ великой пользѣ *національнаго труда*; то-же сдѣлалъ-бы всякій мошенникъ, то-же сдѣлалъ-бы и Жакъ Бономъ, если-бы не встрѣтилъ на своемъ пути легальнаго или нелегальнаго паразита.

Будемъ-же судить о вещахъ не только потому, что видно, но и потому еще, чего не видать.

Въ прошломъ году я состоялъ членомъ финансоваго комитета; тогда членовъ оппозиціи систематически еще не исключали изъ всѣхъ комиссій и въ этомъ отношеніи учредительное собраніе поступало очень умно. Тогда намъ довелось слышать, какъ Тьеръ говорилъ слѣдующее: „Я всю жизнь боролся съ партіей легитимистовъ и клерикаловъ. Когда-же пришлось намъ сблизиться въ виду общей опасности и откровенно объясниться, когда я коротко узналъ ихъ, то увидѣлъ, что они совсѣмъ не такія чудовища, какими я представлялъ ихъ себѣ раньше“.

Да, недовѣріе всегда преувеличиваетъ и взаимная ненависть возгорается между партіями, которыя сторонятся другъ отъ друга, а если-бы большинство допустило проникнуть въ среду комиссіи нѣсколькимъ членамъ изъ меньшинства, то съ обѣихъ сторонъ признали-бы, что ихъ идеи совсѣмъ не такъ не схожи между собою и въ особенности намѣренія ихъ совсѣмъ не такъ превратны, какъ предполагали прежде.

Какъ-бы тамъ ни было, но въ прошломъ году я состоялъ членомъ финансоваго комитета. Всякій разъ, когда кто-нибудь изъ нашихъ товарищей доказывалъ, что надо назначить болѣе умѣренное содержаніе президенту республики, министрамъ и посланникамъ, то ему отвѣчали такъ:

„Ради пользы самой службы, приходится обстав-лять нѣкоторыя должности особою пышностью и почетомъ. Только такимъ способомъ можно привлечь къ нимъ людей достойныхъ. Безчисленное множество нуждающихся обращаются къ президенту республики, и какъ-же ставить его въ такое трудное положеніе — всегда, во всемъ, всѣмъ отказывать. Нѣкоторая представительность министерскихъ и дипломатическихъ салоновъ составляетъ одинъ изъ рычаговъ конституціонныхъ правительствъ, и т. д.“

Хотя не трудно опровергнуть подобныя аргументы, однако они, безъ сомнѣнія, заслуживаютъ серьезнаго разсмотрѣнія. Всѣ они опираются на общее благо; хорошо, или дурно понято это благо — другой вопросъ; что-же касается меня, то я придаю ему больше значенія, чѣмъ многіе изъ нашихъ Катонъ, руководимыхъ въ своихъ дѣйствіяхъ скаредностью или завистью.

Болѣе-же всего возмущаетъ мою совѣсть, какъ экономиста, и заставляетъ меня краснѣть за умственную репутацию моей родины, это то, что приходятъ (что всегда и случается) къ слѣдующей нелѣпой пошлости, которая однако всегда благоклонно принимается:

„Роскошь важныхъ чиновниковъ поощряетъ искусство, промышленность, трудъ. Когда глава государства и его министры задаютъ праздники и вечера, то всегда содѣйствуютъ движенію жизни во всѣхъ артеріяхъ и венахъ соціального организма. Сократить имъ содержаніе, значитъ обречь на голодовку парижскую, а слѣдовательно и всю народную промышленность“.

Ради Бога, господа, пощадите хоть ариѳметику и не доказывайте во всеуслышаніе передъ національнымъ собраніемъ всей Франціи изъ страха— какъ-бы она къ стыду своему не одобрила васъ, что отъ сложенія получаются разныя суммы, смотря потому, складываются-ли они сверху или снизу.

Какъ! Я иду нанять землекопа, чтобы онъ за 100 су провелъ канавку на моемъ полѣ, и въ тотъ самый моментъ какъ мы договариваемся, приходитъ сборщикъ податей, отбираетъ у меня эти 100 су и передаетъ ихъ министру внутреннихъ дѣлъ; мой договоръ съ землекопомъ перерывается, а министръ прибавляетъ новое блюдо къ своему обѣду. Какъ-же, на какомъ основаніи позволяете вы себѣ доказывать, что этотъ офиціаль- ный расходъ составляетъ прибавку къ народной промышленности? Да развѣ вы не понимаете, что это—простая *перестановка* труда и пользованія благами жизни? Правда, министръ держитъ теперь

лучшій столъ чѣмъ прежде, но правда также и то, что у земледѣльца земля хуже осушена. Что парижскій трактирщикъ нажилъ 100 су, я согласенъ съ этимъ; но согласитесь и вы со мной, что землекопъ, пришедшій изъ провинціи, лишился возможности заработать 5 фр. Тутъ можно сказать только одно—что официальное блюдо за обѣдомъ министра и довольный трактирщикъ составляютъ то, *что видно*, а залитое водою поле и оставшійся безъ работы землекопъ—то, *чего не видать*.

Боже мой! Какъ трудно доказывать въ политической экономіи, что дважды два четыре; если-же вамъ удастся доказать это, то всѣ закричатъ: „да это такъ ясно, что скучно становится“. А потомъ рѣшаютъ вопросъ, какъ будто вы ничего не доказывали.

Общественныя работы.

Когда нація убѣждается, что какое-нибудь большое предпріятіе полезно для общества, то приводитъ его въ исполненіе на общія средства, это — вполне естественно. Но, признаюсь, я начинаю горячиться, когда въ подкрѣпленіе такого рѣшенія приводятъ слѣдующую экономическую ошибку: „Къ тому-же это — средство создать работу для рабочихъ“.

Государство открываетъ дорогу, строитъ дворець, исправляетъ улицу, роетъ каналъ; этими предпріями оно доставляетъ работу нѣкоторымъ рабочимъ—это видно; но, съ другой стороны, оно отымаетъ работу у нѣкоторыхъ другихъ рабочихъ, это—то, чего не видать.

Положимъ, что началась постройка дороги. Тысячи рабочихъ приходятъ каждое утро на работу, и каждый вечеръ уходятъ домой, унося съ собою свой заработокъ—это ясно какъ день. Если-бы не было рѣшено строить дорогу и не были назначены на нее необходимыя средства, то весь этотъ народъ не нашель-бы себѣ здѣсь работы и ничего не заработокъ-бы,—это также ясно какъ день.

Но достаточно-ли этого? Не обнимаетъ-ли собою это предпріятіе въ общей совокупности, еще чегонибудь другого? Въ ту самую минуту, когда г. Дюпенъ торжественно произноситъ: „Собраніе по-

становило“, спускаются-ли миллионы, какъ по волшебству, въ сундуки гг. Фульда и Бино? Чтобы эволюція, какъ выражаются теперь, совершилась вполне, не должно-ли государство вѣрно рассчитать какъ свои средства, такъ и необходимый расходъ предпріятія, пустить въ ходъ своихъ сборщиковъ податей и привлечь плательщиковъ къ обложенію?

Вглядитесь-же въ этотъ вопросъ съ обѣихъ сторонъ. Соглашаясь на то, чтобы дать этимъ миллионамъ именно такое, а не другое назначеніе, не забудьте также подумать и о томъ, какое назначеніе плательщики дали-бы, а теперь не могутъ дать этимъ самымъ миллионамъ. Тогда вы поймете, что всякое общественное предпріятіе имѣетъ и обратную сторону медали. На одной сторонѣ ея изображены: занятый дѣломъ рабочій, съ девизомъ—*что видно*; на другой—рабочій безъ работы, съ девизомъ—*чего не видать*.

Опровергаемый мною въ этой статьѣ софизмъ тѣмъ болѣе опасенъ, что въ примѣненіи къ общественнымъ работамъ, онъ служитъ оправданіемъ самыхъ безразсудныхъ предпріятій и расточительности. Когда желѣзная дорога или мостъ дѣйствительно полезны, то достаточно сослаться на эту пользу. Если-же этого сдѣлать не могутъ, то какъ поступаютъ тогда? Прибѣгаютъ къ такой мистификаціи: „Надо доставить работу рабочимъ“.

Сказано—сдѣлано: отдають приказъ срывать и насыпать насыпи на Марсовомъ Полѣ. Извѣстно, что великій Наполеонъ полагалъ, что онъ дѣлалъ доброе дѣло, когда заставлялъ то рыть, то насыпать канавы. Онъ говорилъ тоже самое: „Какое

мнѣ дѣло до результатовъ? Нужно имѣть передъ глазами только одно — распространение богатства среди рабочихъ классовъ“.

Но пойдёмъ дальше, вникнемъ въ дѣло, ибо деньги слѣпятъ намъ глаза. Просить у гражданъ помощи на общественное дѣло въ видѣ денегъ, на самомъ дѣлѣ — тоже, что просить у нихъ помощи натурой, потому что каждый изъ нихъ добываетъ трудомъ ту сумму, которою онъ обложенъ. Итакъ, если собрать всѣхъ гражданъ и заставить ихъ натурою совершить какое-нибудь для всѣхъ полезное дѣло, — это было-бы понятно: они нашли-бы свое вознаграждение въ результатахъ исполненнаго ими дѣла. Но, когда ихъ собираютъ, чтобы строить дороги, по которымъ никто не будетъ ѣздить, сооружать дворцы, въ которыхъ никто не будетъ жить, и все это подъ предломъ доставить имъ-же работу — вотъ гдѣ нелѣпость, на которую они вполне основательно могутъ возразить такъ: зачѣмъ намъ такая работа, ужь лучше будемъ мы работать за свой собственный счетъ.

Способъ привлеченія къ дѣлу гражданъ платежемъ денегъ, а не личнымъ трудомъ ихъ, натурою, ни въ чемъ не измѣняетъ этихъ общихъ результатовъ. Разница здѣсь только въ томъ, что при послѣднемъ способѣ привлеченія потеря распределится между всѣми одинаково, а при первомъ способѣ ея избѣгнуть рабочіе, которымъ государство дало работу, и свалятъ эту потерю на своихъ соотечественниковъ, которымъ и безъ того придется расплачиваться.

Есть такая статья въ нашей конституціи:

„Общество покровительствуетъ и поощряетъ развитіе труда... учрежденіемъ, при помощи государства, департаментовъ и общинъ, общественныхъ работъ, способныхъ занять свободныя руки“.

Какъ временная мѣра въ какую-нибудь критическую пору, въ продолженіе, на примѣръ, суровой зимы, такое вмѣшательство плательщиковъ еще можетъ принести свою пользу. Оно дѣйствуетъ точно такъ-же, какъ страхованіе: оно ничего не прибавляетъ ни къ труду, ни къ заработной платѣ, но оно беретъ что-нибудь отъ труда и отъ заработной платы въ обыкновенное время для того, чтобы вознаграждать ихъ, правда, съ потерей, въ послѣдствіи, когда наступитъ тяжелое время.

Но какъ мѣра постоянная, общая, систематическая, это—не болѣе, какъ разорительная мистификація; это—невозможность, противорѣчіе, изъ-за которыхъ слегка показываютъ частичку труда, получающаго поощреніе, это—то, *что видно*, и прячутъ много заторможеннаго труда, это—то, *чего не видать*.

Посредники.

Общество представляет собою совокупность услугъ, которыя люди добровольно, или по принужденію, оказываютъ другъ другу, т. е. совокупность *услугъ общественныхъ* или *частныхъ*.

Первыя, предписываемыя и регламентируемыя закономъ, который однако, мимоходомъ сказать, не всегда удобно измѣнять, даже когда это нужно сдѣлать, могутъ надолго вмѣстѣ съ нимъ пережить пользу, какую они прежде приносили, и все-таки сохранять за собою названіе *услугъ общественныхъ*, даже тогда, когда онѣ превратились просто въ общественныя притѣсенія. Вторыя услуги являются дѣломъ доброй воли и личной отвѣтственности. Каждый даетъ и получаетъ, что хочетъ и что можетъ, по взаимному соглашенію. Онѣ всегда предполагаютъ дѣйствительную пользу ими приносимую, точно опредѣленную взаимнымъ сравненіемъ ихъ между собою.

Вотъ почему первыя такъ часто страдаютъ неподвижностью, въ то время, какъ послѣднія развиваются по закону прогресса.

Довольно странно, что въ то время, какъ увеличенное развитіе общественныхъ услугъ способствуетъ утверженію въ обществѣ пагубнаго паразитства, многія новомодныя ученія, сообщая такой-же характеръ свободнымъ и частнымъ услу-

гамъ, стараются преобразовать частныя профессіи въ постоянныя должности.

Эти ученія усиленно возстають противъ тѣхъ, кого онѣ называютъ *посредниками*. Они охотно уничтожили-бы капиталиста, банкира, спекулятора, предпринимателя, торговца и негоціанта, обвиняя всѣхъ ихъ въ томъ, что они становятся помѣхою между производствомъ и потребленіемъ, вымогая деньги у той и другой стороны и не доставляя имъ взаимѣнъ ровно ничего. Или, еще лучше, они хотѣли-бы возложить на государство дѣло, исполняемое этими лицами, потому что тогда это дѣло не могло-бы быть уничтожено.

Софизмъ соціалистовъ въ этомъ отношеніи состоитъ въ томъ, чтобы доказать обществу, что оно платитъ *посредникамъ* за оказываемыя ими услуги, и скрыть отъ него, что ему пришлось-бы платить за то-же государству. Это — опять все та-же борьба между тѣмъ, что бросается въ глаза, и тѣмъ, что познается только умомъ, т. е. между тѣмъ, что видно и чего не видать.

Такъ было въ особенности въ 1847 г. по случаю голода, когда соціалистическимъ школамъ удалось популяризировать свою пагубную теорію. Онѣ хорошо понимали, что самая нелѣпая пропаганда всегда имѣетъ нѣкоторый успѣхъ среди людей, обреченныхъ на страданія — *malesuado fa-tes*, т.-е. „голодъ — плохой совѣтникъ“.

И вотъ при помощи громкихъ фразъ: *эксплоатация челоуѣка челоуѣкомъ, спекуляция голодомъ, барышничество*, они начали поносить торговлю и утаивать ея благотворное вліяніе.

„Зачѣмъ, твердили они, предоставлять негоці-

антамъ заботу о доставкѣ средствъ пропитанія изъ Соединенныхъ Штатовъ и изъ Россіи? Почему государство, департаменты, общины не организуютъ особое учрежденіе для снабженія страны провіантомъ и не заведутъ запасныхъ магазиновъ? Эти учрежденія продавали-бы припасы по своей цѣнѣ, и бѣдный народъ былъ-бы освобожденъ отъ той дани, которую онъ теперь платитъ вольной, т. е. эгоистической, индивидуальной и анархической торговлѣ“.

Это—дань, которую народъ платитъ торговлѣ, это—то, *что видно*. А дань, которую народъ платилъ-бы государству и его агентамъ, при социалистической системѣ, это—то, *чего не видать*.

Но въ чемъ состоитъ эта предполагаемая дань, платимая народомъ торговлѣ? А вотъ въ чемъ: въ томъ, что два лица мѣняются взаимными услугами вполнѣ свободно, подъ вліяніемъ одной только конкуренціи и по свободно условленной между ними цѣнѣ.

Когда желудокъ голодаетъ и обрѣтается въ Парижѣ, а хлѣбъ, могущій напитать его,—въ Одессѣ, то страданіе не прекратится, пока хлѣбъ не приблизится къ желудку. Есть три способа, чтобы это совершилось: 1) голодные могутъ сами идти разыскивать себѣ хлѣбъ; 2) они могутъ поручить розыскать его тѣмъ, кто занимается этимъ дѣломъ; 3) они могутъ сложиться и возложить эту операцію на государственныхъ чиновниковъ.

Который изъ этихъ трехъ способовъ — самый выгодный?

Во всѣ времена и во всѣхъ странахъ и въ особенности, чѣмъ свободнѣе, просвѣщеннѣе, и опыт-

нѣе люди, тѣмъ скорѣе они *добровольно* выбрали второй способъ и, признаюсь, въ моихъ глазахъ этого достаточно, чтобы отдать преимущество именно этому способу. Мой умъ отказывается допустить, что челоѳчество въ общей совокупности ошибалось въ такомъ дѣлѣ, которое стоитъ къ нему ближе всего.

Но разсмотримъ его подробнѣе.

Чтобы 36 милліоновъ гражданъ отиравились въ Одессу за хлѣбомъ, въ которомъ они нуждаются, — это, очевидно, невозможно. Первый способъ, стало-быть, никуда негоденъ. Потребители не могутъ не посредственно дѣйствовать сами, имъ по-неволѣ приходится прибѣгнуть къ *посредникамъ*, чиновникамъ или негодантамъ.

Замѣтимъ однако, что первый способъ могъ-бы быть самымъ естественнымъ. Въ сущности тотъ, кто голоденъ, и долженъ-бы самъ идти искать хлѣба. Это — *трудъ*, касающійся его лично, это — *услуга*, которую онъ долженъ оказать самому себѣ. Если же кто-нибудь другой, подъ какимъ-бы то ни было ярлыкомъ, оказываетъ ему эту *услугу* и беретъ на себя трудъ за него, то этотъ другой имѣетъ право на вознагражденіе. Все это я говорю здѣсь въ подтвержденіе того, что услуги посредниковъ заключаютъ сами въ себѣ принципъ вознагражденія.

Какъ-бы тамъ ни было, но разъ приходится прибѣгать, какъ называютъ социалисты, къ паразитамъ, то спрашивается: который изъ этихъ паразитовъ менѣе требователенъ, негодантъ или чиновникъ?

Торговлѣ (я предполагаю, что она свободна, а иначе какъ-же могъ-бы я разсуждать?) ради ея

собственного интереса приходится изучать времена года, слѣдить изо дня въ день за состояніемъ урожаяевъ, получать свѣдѣнія со всѣхъ концовъ свѣта, предусматривать существующія потребности и всегда быть на-готовѣ. Она имѣетъ всегда на-готовѣ суда, держитъ повсюду своихъ корреспондентовъ, и непосредственный интересъ ея состоитъ въ томъ, чтобы купить, какъ можно дешевле, сбережь деньги на всѣхъ подробностяхъ этой операціи и достигнуть наилучшихъ результатовъ съ наименьшими усиліями. Вѣдь не одни только французскіе негоціанты, но и негоціанты всего міра заняты снабженіемъ Франціи хлѣбомъ въ тотъ день, когда она нуждается въ немъ; и если ихъ собственный интересъ требуетъ отъ нихъ неуклоннаго исполненія этой задачи съ наименьшими издержками, то существующая между ними конкуренція также неуклонно заставляетъ ихъ дать возможность и потребителямъ воспользоваться всей достигнутой ими экономіей. Лишь только хлѣбъ привезенъ, то въ интересахъ торговли—продать его какъ можно скорѣй, чтобы покрыть свои издержки, возстановить затраченные въ дѣло капиталы и при благопріятныхъ обстоятельствахъ снова начать ту-же операцію. Руководствуясь сравнительными цѣнами на хлѣбъ, торговля распредѣляетъ его по всей поверхности страны, начиная всегда съ самаго дорогого мѣста, гдѣ чувствуется наибольшая потребность въ немъ. Нельзя представить себѣ вѣрнѣе рассчитанную *организацию* этого дѣла въ интересахъ тѣхъ, кто чувствуетъ голодь, и лучшая сторона этой организаціи, не замѣченная социалистами, является именно результатомъ того, что

она свободна. Правда, потребитель принужденъ уплатить торговлѣ ея расходъ за перевозку, храненіе въ складахъ, комиссію и т. д; но при какой-же системѣ не требуется, чтобы тотъ, кто ѣсть хлѣбъ, вознаграждалъ за издержки по его доставкѣ? Ему приходится платить вознагражденіе за *оказанную ему услугу*. Что-же касается до размѣра этого вознагражденія, то благодаря конкуренціи оно доведено до возможнаго *минимума*, относительно-же его справедливости было-бы странно, если-бы мастерские Парижа не стали работать на негоціантовъ Марсея, когда негоціанты Марсея работаютъ на мастерскихъ Парижа.

Но пускай, согласно измышленію соціалистовъ, государство заступитъ мѣсто торговли — что произойдетъ тогда? Я прошу указать мнѣ, гдѣ въ этомъ случаѣ искать экономіи для общества. Ужь не въ покупной-ли цѣнѣ? Пускай представятъ себѣ, что въ Одессу вдругъ наѣхали въ одинъ день и притомъ въ день общей нужды уполномоченные отъ 40.000 общинъ—какое дѣйствіе произвело-бы это на цѣнность? Не получится-ли экономія отъ сокращенія расходовъ? Но развѣ при этомъ потребуется меньше судовъ, меньше экипажа на нихъ, меньше перегрузки, меньше складовъ, или, можетъ быть, не придется никому ничего платить за все это? Не получится-ли экономія на счетъ прибыли негоціантовъ? Но развѣ ваши уполномоченные и чиновники поѣдутъ въ Одессу даромъ? Но можетъ статься—они будутъ кататься и работать во имя братства? Вѣдь имъ тоже надо жить. Развѣ ихъ время не должно быть оплачено? Не думаете-ли ли вы, что этотъ расходъ не превзой-

детъ въ тысячу разъ 2% и 3%, зарабатываемыхъ теперь торговцемъ, — размѣръ барыша, на который онъ всегда охотно согласится?

Но подумайте еще хорошенько о трудности взиманія столькихъ налоговъ и распредѣленія такого количества хлѣба. Подумайте о несправедливостяхъ, о злоупотребленіяхъ, неизбѣжныхъ при такомъ предпріятіи. Подумайте, наконецъ, объ отвѣтственности, какая лежала-бы на правительствѣ.

Соціалисты, придумавшіе эти глупости и въ дни общаго несчастья внѣдряющіе ихъ въ умы народныхъ массъ, сами-же съ легкою развязностью награждаютъ себя прозваньемъ *передовыхъ людей*, а привычка—безъ разбора распорядиться словами, не безъ нѣкоторой опасности, признаетъ за ними это прозваніе и заключающееся въ немъ понятіе. *Передовые люди!* Подъ этими словами разумѣютъ, что эти господа видятъ дальше, чѣмъ простые смертные; что единственная вина ихъ въ томъ, что они слишкомъ опередили всѣхъ и если еще не наступило время уничтожить нѣкоторыя свободныя услуги, признаваемые за паразитовъ, то лишь по милости общества, которое отстало отъ соціализма. По совѣсти я нахожу, что вѣрно совершенно противоположное положеніе и не знаю, къ какому вѣку варварства слѣдовало-бы обратиться въ этомъ отношеніи, чтобы найти ученіе, стоящее въ уровень съ соціализмомъ.

Новомодныя ученія безпрестанно противопоставляютъ ассоціацію настоящему обществу, и при этомъ они не соображаютъ того, что общество-то, при свободномъ устройствѣ, и есть настоящая ассоціація, стоящая гораздо выше всѣхъ союзовъ,

изображаемыхъ ихъ плодовитымъ воображеніемъ.

Поясню это примѣромъ.

Для того, чтобы человекъ, вставая, имѣлъ во что одѣться, необходимо, чтобы кусокъ земли былъ огороженъ, расчищенъ, осушенъ, обработанъ и засѣянъ какимъ-нибудь растеніемъ; необходимо, чтобы стада кормились на этомъ кускѣ, чтобы они дали шерсть; необходимо, чтобы изъ этой шерсти было спрядено, соткано и выдѣлано сукно, чтобы это сукно было выкрашено, а изъ него скроено и сшито платье. Но этотъ длинный рядъ операций предполагаетъ еще массу другихъ: употребленіе земледѣльческихъ орудій, овчаренъ, мастерскихъ, фабрикъ и заводовъ, каменнаго угля, машинъ, повозокъ и т. д.

Если-бы общество не было вполнѣ реальной ассоціаціей, то желающій имѣть одежду былъ-бы поставленъ въ необходимость работать одинъ самъ на себя, т.-е. самъ исполнять всѣ безчисленныя операціи этого рода, начиная съ перваго удара заступомъ и кончая послѣднимъ стежкомъ швейной иглки.

Благодаря общительности, составляющей отличительную особенность людского рода, эти операціи распредѣлились теперь между множествомъ работниковъ и, ради общаго блага, все болѣе и болѣе подраздѣляются, такъ что по мѣрѣ того, какъ потребленіе становится все сильнѣе и дѣятельнѣе, специальное дѣло можетъ вскормить новую промышленность. За этимъ слѣдуетъ распределеніе полученнаго продукта, соотвѣтственно той долѣ участія, какую каждый внесъ въ общее дѣло. Если это не ассоціація, то я желалъ-бы знать, что-же это такое?

Замѣтьте, что ни одинъ изъ этихъ работниковъ не получилъ изъ ничего ни малѣйшаго атома необходимаго ему матеріала, всѣ они принуждены оказывать другъ другу взаимныя услуги и взаимную помощь ради общей цѣли, и потому всѣ они по отношенію одинъ къ другому могутъ быть разсматриваемы какъ *посредники*. Если, напримѣръ, во время производства какой-нибудь операціи перевозка является настолько важнымъ дѣломъ, что требуетъ особаго лица, пряденіе — другого лица, а тканье — третьяго, то почему-же первое будетъ считаться *паразитомъ* больше, чѣмъ второе и третье? Развѣ перевозка не нужна? А кто занимается ею развѣ не тратитъ на нее свое время и трудъ, и развѣ не берегаетъ онъ ихъ къ выгодѣ своихъ товарищей? А развѣ эти послѣдніе работаютъ болѣе его, или дѣлаютъ что-нибудь другое чѣмъ онъ? Развѣ всѣ они не одинаково подчинены въ отношеніи вознагражденія, т.-е. въ отношеніи раздѣла продукта, закону, устанавливающему цѣны на него? Не вполнѣ-ли свободно совершается и установилось это распределеніе труда ради общаго блага? Зачѣмъ-же понадобилось, чтобы пришелъ какой-то социалистъ и, подъ предлогомъ какой-то организаціи, деспотически разрушилъ наше добровольное соглашеніе, остановилъ раздѣленіе труда, поставилъ разрозненныя усилія отдѣльныхъ лицъ на мѣсто совокупныхъ усилій цѣлаго общества и отодвинулъ назадъ цивилизацію?

Развѣ ассоціація, которую я описываю здѣсь, — менѣе ассоціація потому, что каждый свободно вступаетъ въ нее и выступаетъ изъ нея, свободно выбираетъ себѣ мѣсто въ ней, обсуждаетъ и раз-

считываетъ самъ за себя, подъ своею личною отвѣтственностью, и вноситъ въ ассоціацію энергію и гарантію личнаго интереса? Для того, чтобы она была достойна этого имени, развѣ необходимо, чтобы отъявился непрощенный реформаторъ и навязалъ намъ свою формулу и свою волю и, такъ-сказать, олицетворилъ въ себѣ все человѣчество?

Чѣмъ болѣе разсматриваешь эти *передовыя школы*, тѣмъ болѣе убѣждаешься, что въ основѣ ихъ лежитъ только одно: невѣжество, провозглашающее себя непогрѣшимымъ и во имя этой непогрѣшности взывающее къ деспотизму.

Да проститъ мнѣ читатель это отступленіе. Можетъ быть, оно и не бесполезно въ настоящую минуту, когда трескучія обвиненія противъ *посредниковъ*, взятыхъ изъ книги с.-симонистовъ, фаланстерцевъ и икарійцевъ, наводняютъ собой журналистику и трибуну и серьезно угрожаютъ свободѣ труда и взаимнымъ сношеніямъ.

О г р а н и ч е н і е .

Г. Прогибанъ (не я его такъ назвалъ, а г. Шарль Дюпенъ, который съ тѣхъ поръ...) посвящалъ все свое время и капиталы на обработку желѣзной руды, въ своихъ имѣніяхъ. Такъ какъ природа была щедрѣе къ бельгійцамъ, то они и продавали желѣзо французамъ дешевле, чѣмъ г. Прогибанъ, а это значило, что всѣ французы, или вся Франція, могли имѣть данное количество желѣза *съ меньшей затратой труда*, покупая его у честныхъ фламандцевъ. Руководствуясь собственнымъ интересомъ, они не сдѣлали ошибки и каждый день можно было видѣть, какое множество гвоздарей, кузнецовъ, колесниковъ, механиковъ, и земледѣльцевъ, или сами отправлялись, или посылали своихъ довѣренныхъ за желѣзомъ въ Бельгію. Это очень не нравилось г. Прогибану.

И вотъ ему пришло въ голову остановить это *злоупотребленіе* собственными силами. Это было бы еще наименьшимъ изъ золъ, такъ какъ онъ одинъ страдалъ отъ этого. Я возьму ружье, говоритъ онъ, заткну за поясъ 4 пистолета, наполню патронташъ, опояшусь шпагой и въ такомъ вооруженіи пойду на границу. Перваго кузнеца, гвоздаря, механика или слесаря, который появится тамъ—обдѣлывать свои, а не мои дѣла, я тотчасъ же убью—пускай знаетъ, какъ надо жить.

Передъ самымъ отходомъ г. Прогибанъ задумалъ

мался, что нѣсколько охладило его воинственный жаръ. И онъ сказалъ себѣ: прежде всего, еще далеко неизвѣстно, какъ отнесутся къ моему нападению покупщики желѣза, мои соотечественники и враги: какъ-бы они прежде не убили меня самого. Потомъ, если-бы я забралъ съ собою даже всѣхъ своихъ служителей, то и тогда мы не могли-бы выстеречь всѣхъ проходовъ. Наконецъ, вся эта затѣя обойдется мнѣ очень дорого, гораздо дороже того, что она дастъ мнѣ.

Г. Прогибанъ съ грустью рѣшилъ-было покориться своей участи и оставаться, какъ и всѣ, свободнымъ, какъ вдругъ блестящая мысль озарила его.

Онъ вспомнилъ, что въ Парижѣ существуетъ громадная фабрика, выдѣлывающая законы. Что такое законъ, спросилъ онъ себя? Это — такая мѣра, которой, если она разъ принята, будь она хороша или дурна — все равно, каждый обязанъ подчиниться. Для ея исполненія организуютъ общественную силу, а для учрежденія этой общественной силы обращаются къ народу и берутъ у него людей и деньги.

Еслибъ мнѣ удалось заполучить на этой великой парижской фабрикѣ совсѣмъ маленькій законъ, который-бы гласилъ, что „бельгійское желѣзо запрещено“, я достигъ-бы слѣдующихъ результатовъ: правительство замѣнило-бы тѣхъ немногихъ служителей, которыхъ я хотѣлъ послать на границу, двадцатью тысячами человѣкъ, все сыновей моихъ упрямыхъ ковачей, слесарей, гвоздарей, кузнецовъ, ремесленниковъ, механиковъ и земледѣльцевъ. Потомъ, чтобы поддерживать здоровье и

доброе настроеніе этихъ 20 тысячъ таможниковъ, оно роздало-бы имъ 25 милліоновъ франковъ, которыя были-бы взяты у тѣхъ-же ковачей, гвоздарей, ремесленниковъ и земледѣльцевъ. Надзоръ былъ-бы устроенъ гораздо лучше и не стоилъ-бы мнѣ ровно ничего, а я, сверхъ того, былъ-бы огражденъ и отъ грубости перекупщиковъ; я сталъ-бы продавать желѣзо по той цѣнѣ, по какой-бы мнѣ хотѣлось, и, наслаждаясь сладкимъ покоемъ, радовался-бы, что нашъ великій народъ сдѣлался жертвой позорной мистификаціи. Это отучило-бы его лѣзть впередъ и провозглашать себя предвѣстникомъ и двигателемъ прогресса въ Европѣ. Да, это было-бы довольно пикантно; стоило-бы похлопотать объ этомъ.

И вотъ г. Прогибанъ пошелъ на фабрику законовъ. Въ другой разъ я, можетъ быть, расскажу исторію его темныхъ продѣлокъ, а теперь буду говорить только о томъ, что онъ открыто дѣлалъ. Прежде всего онъ подалъ господамъ законодателямъ слѣдующую записку:

„Бельгійское желѣзо продается во Франціи по 10 фр., что заставляетъ и меня продавать мое желѣзо по той-же цѣнѣ. Я желалъ-бы продавать его по 15 фр., но не могу этого сдѣлать по милости проклятаго бельгійскаго желѣза. Сочините законъ, который гласилъ-бы такъ: *отнынѣ ввозъ бельгійскаго желѣза во Францію запрещенъ*. Тогда я тотчасъ-же подыму цѣну на 5 фр. и вотъ какія будутъ отъ этого послѣдствія:

„За каждый квинталъ желѣза, который я буду отпускать, я буду получать не 10, а 15 фр.; тогда я разбогатѣю наискорѣйшимъ образомъ, рас-

ширю свое производство и доставлю работу большому числу рабочихъ. Я и мои рабочіе будемъ больше тратить къ большей выгодѣ нашихъ многочисленныхъ поставщиковъ. А эти послѣдніе, располагая бѣльшимъ сбытомъ, усилятъ свои заказы и такимъ образомъ мало по малу усиленная дѣятельность охватитъ всю страну. Эта благодѣтельная монета въ 100 су, которую вы доставите моему карману, будетъ подобна камню, который, будучи брошенъ въ озеро, оставитъ по себѣ на немъ на далекое пространство безконечное число концентрическихъ крутовъ“.

Фабриканты законовъ, восхищенные этою рѣчью, и оставшись въ восторгѣ, что узнали, какъ легко поднять на законномъ основаніи благосостояніе народа, постановили ввести *ограниченіе*. Къ чему эти праздные разговоры о трудѣ и экономіи? говорили они. Къ чему всѣ эти тягостныя средства умножить народное богатство, когда достаточно для этого одного декрета? И дѣйствительно, законъ имѣлъ всѣ тѣ послѣдствія, какія предрекалъ г. Прогибанъ; но сверхъ того онъ имѣлъ еще и другія послѣдствія. Надо отдать полную справедливость г. Прогибану: разсужденіе его не было *ошибочно*, но оно было не полно. Испрашивая себѣ привилегію, онъ указалъ только на то, *что видно*, но оставилъ въ тѣни то, *чего не видать*. Онъ указалъ только на двухъ дѣйствующихъ лицъ, тогда какъ на сценѣ ихъ было трое. Постараемся исправить эту невольную или умышленную забывчивость.

Да, монета, законнымъ порядкомъ водворенная въ карманъ г. Прогибана, составляетъ выгоду для

него самого и для тѣхъ, труду которыхъ онъ долженъ оказать поощреніе. Если-бы эта монета въ силу новаго закона упала съ луны, то ея добрыя послѣдствія не уравнивались-бы никакими послѣдствіями вредными. Къ несчастію, эта таинственная монета въ 100 су не съ луны падаетъ, а выходитъ изъ кармановъ желѣзника, гвоздаря, колесника, кузнеца, земледѣльца, строителя, словомъ изъ кармана Жака Бонома, который, заплативъ ее сегодня, не получаетъ взаменъ ея ни на единый миллиграмъ болѣе желѣза, чѣмъ когда платилъ за него 10 фр. Съ перваго взгляда каждый замѣчаетъ, что это обстоятельство совершенно измѣняетъ вопросъ, ибо очевидно, что барышъ г. Прогибана состоитъ изъ убытка Жака Бонома и все, что г. Прогибанъ можетъ сдѣлать на эту монету въ пользу народнаго труда, могъ-бы сдѣлать и Жакъ Бономъ. Камень былъ брошенъ на одну изъ точекъ поверхности озера только потому, что на законномъ основаніи не было дозволено бросить его на другую точку.

Слѣдовательно, то, *чего не видать*, восполняетъ то, *что видно*, и въ результатъ подобной операціи является несправедливость, и притомъ, что особенно плачевно, несправедливость, установленная закономъ.

Но это не все. Я сказалъ, что въ приведенномъ разсужденіи оставлено въ тѣни третье лицо. Я долженъ разоблачить здѣсь это лицо, и оно раскроетъ намъ вторую потерю въ 5 фр. Только тогда получится полный результатъ этой эволюціи.

Жакъ Бономъ владѣетъ 15 фр., добытыми тяжелымъ трудомъ. Мы беремъ здѣсь еще то вре-

мя, когда онъ былъ свободенъ, т. е. время до изданія новаго закона. Что дѣлалъ онъ тогда съ этими 15 фр.? На 10 фр. онъ покупалъ какой-нибудь новый товаръ и этою новинкой оплачивалъ квинталъ бельгійскаго желѣза, если за него не дѣлалъ этого посредникъ. Но у Жака Бонома оставалось еще 5 фр. Онъ не бросалъ ихъ въ рѣку (это—то, *чего не видать*), но отдавалъ ихъ какому-нибудь промышленнику въ обмѣнъ на доставленное имъ удовольствіе, ну, хотъ на примѣръ, на покупку въ книжной лавкѣ „Рѣчи Боссюета о всеобщей исторіи“.

Такимъ образомъ въ пользу народнаго труда поступало 15 франковъ, а именно:

10 фр. за новинку парижской промышленности;
5 фр. торговцу книгами.

Что же касается до Жака Бонома, то онъ за свои 15 фр. получаетъ 2 предмета:

Одинъ квинталъ желѣза;

Одну книгу.

Но является новый законъ.

Въ какомъ положеніи оказывается Жакъ Бономъ? Въ какомъ положеніи оказывается народный трудъ?

Жакъ Бономъ, уплачивая до послѣдняго сантима свои 15 ф. г. Прогибану за квинталъ желѣза, долженъ довольствоваться только однимъ этимъ квинталомъ желѣза и теряетъ удовольствіе имѣть еще книгу, или какой-нибудь другой предметъ. Значитъ — онъ теряетъ 5 фр. Вѣдь съ этимъ нельзя не согласиться, точно такъ-же, какъ нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что если запрещеніе подымаетъ цѣну на товары, то потребитель теряетъ разницу.

Но, возразятъ мнѣ, ее выигрываетъ *національ-
ный трудъ*.

Нѣтъ, онъ ея не выигрываетъ, потому что съ изданіемъ новаго закона онъ, какъ и прежде, получаетъ тѣ-же 15 фр. Разница здѣсь только въ томъ, что послѣ изданія закона эти 15 фр., принадлежавшіе Жаку Боному, идутъ теперь на металлургію, а прежде, до изданія закона, они дѣлились между галантерейнымъ и книжнымъ магазинами.

Насиліе, совершаемое на границѣ непосредственно самимъ г. Прогибаномъ, или при посредствѣ закона, можетъ быть разсматриваемо различно съ нравственной точки зрѣнія. Есть люди, которые думаютъ, что всякое хищеніе перестаетъ быть безнравственнымъ, если только оно не противорѣчитъ закону. Я-же не могу придумать другого болѣе увеличивающаго вину обстоятельства. Какъ-бы тамъ ни было, но несомнѣнно только одно, — что экономическіе результаты совершенно одинаковы какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ.

Поверните дѣло какъ хотите, но сохраните только проницательность взора и вы увидите, что ничего хорошаго не выходитъ ни изъ законнаго, ни изъ незаконнаго хищенія. Мы не отрицаемъ, что для г. Прогибана, или его производства, пожалуй, даже для народнаго труда получается выгода въ 5 фр. Но мы утверждаемъ, что получаютъ также и два убытка: одинъ для Жака Бонома, который принужденъ платить 15 фр. за то, что стоило ему прежде 10 фр., а другой для народнаго труда, теряющаго разницу между двухъ цѣнъ. Выбирайте какую хотите изъ этихъ двухъ потерь для

восполненія признанной нами выгоды, но одна изъ нихъ всегда составитъ *чистый убытокъ*.

А вотъ мораль этого дѣла: насиловать не значитъ производить, а значитъ разрушать. О, если-бы насиловать значило производить, то во сколько разъ наша Франція была-бы богаче того, что она есть!

Машины.

„Проклятіе машинамъ! Съ каждымъ годомъ ихъ усиливающееся могущество повергаетъ въ жертву пауперизма милліоны рабочихъ, лишая ихъ труда, съ трудомъ заработной платы, а съ заработной платой и хлѣба! Проклятіе машинамъ!“

Вотъ какой крикъ несется отъ общаго предразсудка и эхо его раздается въ журналахъ.

Но проклинать машины, значитъ проклинать умъ человѣческій!

Смущаетъ-же меня больше всего то—какъ можетъ найтись хоть одинъ человѣкъ, который мирился-бы съ такимъ ученіемъ!

Если оно справедливо, то къ какому ведетъ оно непреложному послѣдствію? Къ тому, что дѣятельность, довольство, богатство, всевозможное счастье составляютъ удѣль только тупыхъ народовъ, умственно пораженныхъ народовъ, которымъ Богъ не даровалъ пагубной способности думать, наблюдать, рассуждать, изобрѣтать, достигать съ наименьшими средствами наибольшихъ результатовъ. Наоборотъ, лохмотья, жалкія лачужки, нищета, истощеніе—неизбѣжный удѣль каждой націи, которая ищетъ и находитъ въ желѣзѣ, огнѣ, вѣтрѣ, электричествѣ, магнетизмѣ, въ законахъ химіи и механики, однимъ словомъ — въ силахъ природы дополненіе къ своимъ собственнымъ си-

ламъ. Здѣсь какъ разъ у мѣста вспомнить слова Руссо: „Всякій человѣкъ, который мыслить, есть развращенное животное“.

Но это не все. Если это учение справедливо, то такъ какъ всѣ люди думаютъ и изобрѣтаютъ, такъ какъ дѣйствительно всѣ, отъ перваго до послѣдняго, въ каждую минуту своего существованія стараются призвать къ содѣйствию естественныя силы природы, сдѣлать больше съ меньшими усилиями, достигнуть наибольшаго удовлетворенія съ наименьшимъ трудомъ, — то приходится заключить, что все человѣчество какъ-бы охвачено общимъ стремленіемъ къ своему разрушенію, благодаря именно этому умственному тяготѣнію къ прогрессу, волнующему cadaго изъ его членовъ.

Если это такъ, то статистика должна-бы доказать, что жители Ланкастера, покидая изъ-за машинъ свою родину, идутъ искать работы въ Ирландію, гдѣ эти машины неизвѣстны, а исторія должна-бы засвидѣтельствовать, что варварство омрачаетъ эпоху цивилизаціи, а цивилизація царитъ во времена невѣжества и варварства.

Очевидно, что въ этой грудѣ противорѣчій есть что-то такое, что отталкиваетъ насъ и даетъ знать, что въ поставленной задачѣ скрывается что-то недостаточно выясненное.

Вся тайна заключается въ слѣдующемъ: за тѣмъ, что видно, скрывается то, чего не видать. Постараюсь выяснить эту тайну. Доказательства мои будутъ повтореніемъ предыдущихъ, потому что дѣло идетъ объ одной и той-же задачѣ.

Всѣмъ людямъ свойственна естественная склонность всегда стремиться къ тому, что дешево,

если только не мѣшаетъ ему никакое насиліе, т. е. стремиться къ тому, что при одинаковомъ удовлетвореніи потребностей, требуетъ отъ нихъ меньшаго труда, все равно, откуда-бы ни происходила эта дешевизна: отъ искуснаго *иностраннаго производителя*, или отъ искуснаго *производителя механическаго*.

Теоретическое возраженіе, выставляемое противъ этой естественной склонности одинаково въ обоихъ случаяхъ. И въ томъ и другомъ случаѣ ее упрекаютъ въ томъ, что будто-бы трудъ обрекается ею на бездѣятельность. Не бездѣйствующій, а свободный трудъ, — вотъ что собственно опредѣляетъ ее.

И вотъ почему въ обоихъ случаяхъ этому стремленію противопоставляютъ на практикѣ одно и тоже препятствіе — насиліе. Законодатель ставитъ преграды иностранной конкуренціи и воспрещаетъ конкуренцію машинную. Какимъ-же другимъ способомъ можно остановить естественную склонность всѣхъ людей, кромѣ лишенія ихъ свободы?

Правда, во многихъ странахъ законодатель поражаетъ одну изъ этихъ двухъ конкуренцій, не рѣшаясь коснуться другой. Это доказываетъ только одно — что законодатель этой страны непослѣдователенъ.

Тутъ особенно нечему удивляться. Стоя на ложномъ пути, всегда бываешь непослѣдователенъ, иначе все человѣчество было-бы побито. Никто никогда еще не видалъ, да и не увидитъ, чтобы какой-бы то ни было ложный принципъ былъ доведенъ до конца. Мнѣ приходилось уже говорить, что непослѣдовательность есть предѣлъ нелѣпости.

Къ этому я могъ-бы прибавить, что она въ то-же время служить и ея доказательствомъ.

Но вернемся къ нашему объясненію, оно не будетъ продолжительно.

Жакъ Бономъ имѣлъ 2 фр., которые платилъ прежде за работу двумъ рабочимъ.

Но вотъ онъ съ помощью веревокъ и гирь выдумываетъ такое приспособленіе, которое сокращаетъ его трудъ на половину.

Благодаря этому изобрѣтенію, онъ достигаетъ той-же цѣли—сберегаетъ 1 фр. и отпускаетъ одного рабочаго.

Онъ рассчитываетъ одного рабочаго, *это—то, что видно.*

Обыкновенно, ничего не видя кромѣ этого, говорятъ: „Вотъ какъ бѣдность слѣдуетъ за цивилизаціей, вотъ какъ свобода пагубна для равенства. Умъ человѣческой сдѣлалъ завоеваніе и тотчасъ-же рабочій навсегда упалъ въ бездну пауперизма. Можетъ случиться, что Жакъ Бономъ оставитъ у себя работать обоихъ рабочихъ, но тогда онъ не дастъ каждому изъ нихъ больше какъ по 10 су, потому что они будутъ конкурировать другъ съ другомъ и согласятся на сбавку. Вотъ какимъ образомъ богатые становятся все богаче, а бѣдные все бѣднѣе. Надо передѣлать общество“.

Прекрасное заключеніе, достойное своего начала!

Къ счастью, и заключеніе, и начало одинаково ложны, потому что за первую половиною явленія, за тѣмъ, *что видно*, скрывается другая половина—*то, чего не видать.*

Не видать-же того франка, который сберегъ

Жакъ Бономъ, не видать необходимыхъ послѣдствій этого сбереженія.

Такъ какъ Жакъ Бономъ, вслѣдствіе своего изобрѣтенія, не тратитъ теперь на заработную плату болѣе одного франка, то у него остается другой франкъ въ запасѣ.

Слѣдовательно, если оказывается въ мірѣ рабочій, предлагающій свои свободныя руки, то оказывается въ мірѣ и капиталистъ, предлагающій свой свободный франкъ. Эти два элемента встрѣчаются и взаимно дополняютъ другъ друга.

Ясно какъ день, что отношеніе между спросомъ и предложеніемъ труда, между спросомъ и предложеніемъ заработной платы, ни въ чемъ не измѣнилось.

Благодаря изобрѣтенію, одинъ рабочій, за плату въ одинъ франкъ исполняетъ теперь тоже самое дѣло, какое прежде исполняли двое рабочихъ.

Второй-же рабочій, за плату второго франка, исполняетъ уже какое-нибудь новое дѣло.

Что-же тутъ измѣнилось въ мірѣ? Для народа получилось однимъ новымъ удовлетвореніемъ больше, или другими словами—изобрѣтеніе составляетъ, такъ-сказать, даровое завоеваніе, даровую прибыль для человѣчества.

Изъ той формы доказательства, которую я привелъ, пожалуй, выведутъ такое заключеніе:

„Если кто извлекаетъ выгоды изъ изобрѣтенія машинъ, то одинъ только капиталистъ. А рабочій классъ не только временно пострадаетъ, но и никогда не воспользуется выгодами этого изобрѣтенія, потому что по вашему-же объясненію, машины только *перемѣщаютъ* часть народнаго тру-

да, правда, *не уменьшая* его, но за-то *несколько и не увеличивая* его“.

Составляя этот очеркъ, я не задавался мыслию разрѣшить *всѣ* возраженія. Единственная цѣль моя состояла въ томъ, чтобы разбить общій предразсудокъ, весьма опасный и притомъ весьма распространенный. Я хотѣлъ доказать, что если новая машина и лишаетъ временно известное количество рукъ работы, то въ то-же время непременно создаетъ свободный фондъ вознагражденія. Эти руки и этот фондъ комбинируются, чтобы произвести то, что невозможно было произвести до изобрѣтенія, а изъ этого слѣдуетъ, что *въ окончательномъ результатѣ, благодаря этому изобрѣтенію, при одинаковомъ трудѣ, увеличивается сумма получаемыхъ удовлетвореній?*

Кто пользуется этимъ излишкомъ удовлетворенія?

Кто? Во-первыхъ, капиталистъ, изобрѣтатель; онъ первый извлекаетъ пользу изъ машины, и въ этомъ состоитъ его вознагражденіе за его изобрѣтательность и рѣшимость. Въ этомъ случаѣ, какъ мы видимъ, онъ дѣлаетъ на издержкахъ производства сбереженіе, которое, на что-бы оно ни было употреблено (а на что-нибудь оно будетъ употреблено непременно), дастъ работу какъ разъ тому количеству рукъ, какое машина оставила безъ работы.

Но скоро наступаетъ конкуренція, которая заставляетъ его понизить продажную цѣну своего продукта соразмѣрно этому самому сбереженію.

Тогда уже не изобрѣтатель пользуется выгодой отъ своего изобрѣтенія, а покупатель его продук-

товъ, потребитель, общество, а въ томъ числѣ и рабочіе, однимъ словомъ — человѣчество.

Здѣсь *не видать* того, что сбереженіе, оказавшееся въ распоряженіи всѣхъ потребителей, составляетъ фондъ, изъ котораго почерпается заработная плата для вознагражденія рабочихъ, оставшихся вслѣдствіе введенія машинъ безъ работы.

Возвращаясь къ нашему примѣру, мы видимъ, что Жакъ Бономъ производилъ свой продуктъ, расходуя 2 франка на заработную плату.

Теперь, благодаря его изобрѣтенію, заработная плата обходится ему только въ 1 франкъ.

Пока онъ продаетъ свой продуктъ по прежней цѣнѣ, одинъ рабочій оказывается лишнимъ для пригготвленія этого спеціальнаго продукта, *это — то, что видно*; но тутъ является другой рабочій, который получаетъ работу, на одинъ франкъ, сбереженный Жакомъ Бономомъ, *это — то, чего не видать*.

Когда, въ силу естественнаго хода вещей, Жакъ Бономъ принужденъ будетъ понизить на 1 франкъ цѣну своего продукта, онъ не сдѣлаетъ никакого сбереженія; тогда онъ не будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи одного франка, на который онъ могъ бы сдѣлать новый заказъ національному труду. Но въ этомъ случаѣ мѣсто его займетъ потребитель его продукта, а этотъ потребитель есть все человѣчество. Кто купитъ этотъ продуктъ, заплатитъ за него однимъ франкомъ дешевле, т. е. сбережетъ одинъ франкъ, который непременно поступитъ въ фондъ для выдачи заработной платы; *это опять — то, чего не видать*.

Этой задачѣ о машинахъ давали еще и другое рѣшеніе, основанное на фактахъ.

Говорили такъ: машина уменьшаетъ издержки производства и понижаетъ цѣну продукта. Вслѣдствіе пониженія цѣны продукта, усиливается потребление, которое, въ свою очередь, вызываетъ расширение производства, и въ концѣ-концовъ даетъ послѣ изобрѣтенія работу тому-же, если не большому числу рабочихъ, чѣмъ сколько требовалось ихъ до этого изобрѣтенія. Въ подтвержденіе этого мнѣнія ссылаются на типографское дѣло, прядильни, печать и т. д.

Это доказательство не имѣетъ научнаго значенія.

Изъ приведеннаго положенія слѣдовало-бы заключить, что, если-бы потребление спеціальнаго продукта, о которомъ идетъ рѣчь, осталось безъ измѣненія, или почти безъ измѣненія, то машина нанесла-бы вредъ труду. Но это не такъ.

Предположимъ, что въ какой-нибудь странѣ всѣ мужчины носятъ шляпы. Если-бы благодаря машинѣ цѣна на нихъ понизилась на половину, то отсюда еще не слѣдуетъ непременно, что стали-бы носить вдвое больше шляпъ.

Скажутъ-ли, что въ данномъ случаѣ часть народнаго труда осталась безъ дѣла? Да, это такъ по обыкновенному пониманію; но это не такъ по моему пониманію. Хотя въ такой странѣ и не было-бы куплено ни одной шляпой больше, однако, весь фондъ, сбереженный на заработную плату, остался-бы неприкосновеннымъ. То, чего пошло-бы менѣе на приготовленіе шляпъ, осталось-бы въ экономіи у всѣхъ потребителей, и было-бы употреблено на вознагражденіе рабочихъ, оставшихся, вслѣдствіе введенія машинъ, безъ работы,

и такимъ образомъ вызвало-бы усиленное развитіе другихъ отраслей промышленности.

Таковъ общій порядокъ вещей. Я видѣлъ журналы, стоившіе 80 фр.; теперь-же они стоятъ 48, а это составляетъ для подписчиковъ экономію въ 32 фр. Неизвѣстно, пойдутъ-ли эти 32 фр. на журнальное дѣло, да въ этомъ и нѣтъ никакой надобности, но вотъ что достовѣрно извѣстно и что дѣйствительно необходимо — если они не примутъ именно этого направленія, то непременно примутъ какое-нибудь другое. Одинъ воспользуется ими, чтобы выписывать больше журналовъ, другой — чтобы лучше ѣсть и пить, третій — чтобы лучше одѣваться, четвертый — чтобы имѣть лучшую обстановку.

Итакъ, всѣ производства солидарны между собою. Онѣ образуютъ одно обширное цѣлое, всѣ части котораго соединяются между собою невидимыми каналами. Чтò сэкономлено въ одномъ производствѣ, идетъ на пользу всѣхъ остальныхъ. Тутъ особенно важно — понять, что никогда, безусловно никогда, сэкономленія не дѣйствуютъ во вредъ труду и заработной платѣ.

К р е д и т ъ.

Во всѣ времена и особенно въ послѣдніе годы мечтали о томъ, чтобы сдѣлать богатство всеобщимъ посредствомъ всеобщаго кредита.

Я думаю, что безъ преувеличенія можно сказать, что съ февральской революціи парижская печать выбросила въ общество болѣе 10 тысячъ брошюръ, предлагавшихъ такое рѣшеніе *соціальной задачи*.

Но это рѣшеніе, увы, основывается на чистѣйшемъ оптическомъ обманѣ, если только оптический обманъ можетъ служить основаніемъ.

Обыкновенно начинаютъ съ того, что смѣшиваютъ деньги съ продуктами, потомъ смѣшиваютъ бумажныя деньги со звонкою монетою, и изъ этихъ-то двухъ смѣшеній стараются вывести дѣйствительный фактъ.

При рѣшеніи этого вопроса надо безусловно забыть о деньгахъ, о монетахъ, о процентныхъ бумагахъ и о другихъ орудіяхъ, при помощи которыхъ продукты переходятъ изъ рукъ въ руки, а надо имѣть передъ глазами только самые продукты, составляющіе дѣйствительный предметъ займа.

Когда земледѣлецъ занимаетъ 50 фр., чтобы купить себѣ плугъ, то на самомъ дѣлѣ ему даютъ займы не эти 50 фр., а плугъ.

Когда торговецъ занимаетъ 20.000 фр. для

покушки дома, то долгъ его составляютъ не 20.000 фр., а домъ.

Деньги являются здѣсь только для того, чтобы облегчить сдѣлку между нѣсколькими сторонами.

Пьеръ, можетъ быть, не хочетъ давать займы своего плуга, а Жакъ готовъ, можетъ быть, дать займы свои деньги. Что дѣлаетъ тогда Гильомъ? Онъ занимаетъ деньги у Жака и на нихъ покупаетъ плугъ у Пьера.

На самомъ-же дѣлѣ никто ни у кого не занимаетъ денегъ ради денегъ. Деньги занимаютъ для того, чтобы съ помощью ихъ пріобрѣсть извѣстные продукты.

Слѣдовательно, ни въ одной странѣ не можетъ быть передано изъ рукъ въ руки больше продуктовъ, чѣмъ сколько ихъ есть на самомъ дѣлѣ.

Сколько-бы ни было въ обращеніи наличной монеты и бумажныхъ денегъ, всѣ кредитующіеся взятые вмѣстѣ не могутъ получить больше плуговъ, домовъ, инструментовъ, сѣстныхъ припасовъ, матеріаловъ, чѣмъ сколько кредиторы могутъ снабдить ими.

Тутъ надо твердо помнить, что каждый заемщикъ имѣетъ своего заимодавца, что каждый заемъ предполагаетъ ссуду. А если это такъ, то какую пользу могутъ принести кредитныя учрежденія? А ту пользу, что они облегчаютъ сношенія между должниками и кредиторами, даютъ имъ возможность сойтись между собою, столкнуться. Но все-таки они никакъ не могутъ вдругъ увеличить количество предметовъ, занятыхъ и розданныхъ займы.

А между тѣмъ для достиженія цѣли нашихъ реформаторовъ требуется именно такое значеніе; по-

тому что они помышляютъ ни болѣе, ни менѣе какъ о томъ, чтобы доставить плуги, дома, орудія, съѣстные припасы, сырые матеріалы всѣмъ, кто ихъ желаетъ имѣть.

Что-же придумали они для этого? Чтобы займы были обезпечены государствомъ.

Вникнемъ глубже въ этотъ вопросъ, потому что здѣсь, есть что-то такое, *что видно*, и что-то такое, *чего не видать*. Постараемся разглядѣть и то и другое.

Предположите прежде всего, что во всемъ мірѣ существуетъ только одинъ плугъ, а желаютъ имѣть его два земледѣльца.

Пьеръ единственный владѣлецъ плуга во всей Франціи. Жанъ и Жакъ оба хотятъ занять его. Жанъ своею честностью, состоятельностью, хорошою репутаціей вполне обезпечиваетъ этотъ заемъ. Ему *вѣрятъ*, у него есть *кредитъ*. Жакъ не внушаетъ довѣрія къ себѣ, или внушаетъ его менѣе Жана. Понятно, что Пьеръ отдастъ свой плугъ займа Жану.

Но вотъ, подъ внушеніями соціалистовъ, въ это дѣло вмѣшивается государство и говоритъ Пьеру: „Отдайте свой плугъ Жаку, я ручаюсь за уплату, а моя гарантія вѣрнѣе, чѣмъ гарантія Жана, потому что онъ одинъ отвѣчаетъ за свой долгъ, тогда какъ я, государство, хотя, правда, и не имѣю ничего, но за-то располагаю достояніемъ всѣхъ плательщиковъ; въ случаѣ надобности, я заплачу тебѣ ихъ-же деньгами и капиталъ, и проценты“.

Вслѣдствіе этого, Пьеръ отдаетъ свой плугъ Жаку; *это — то, что видно*.

А соціалисты, потирая руки, говорятъ: „Посмот-

рите какъ удался нашъ планъ! Благодаря вмѣшательству государства, бѣдный Жакъ имѣетъ плугъ; ему не зачѣмъ теперь руками копать землю, и вотъ онъ на пути къ благосостоянію. Это — благо для него и выгода для всей націи вообще“.

— Но нѣтъ! господа, тутъ нѣтъ никакой выгоды для всей націи, потому что вотъ *чего не видать*.

Не видать того, что плугъ достался Жаку только потому, что онъ не достался Жану.

Не видать того, что если теперь Жакъ пашетъ вмѣсто того, чтобы копать землю заступомъ, то Жанъ принужденъ будетъ копать ее вмѣсто того, чтобы пахать.

А слѣдовательно, *увеличеніе* займа, котораго хотѣли социалисты, оказывается простымъ *перемѣщеніемъ* его.

Кромѣ того, *не видать того*, что это перемѣщеніе заключаетъ въ себѣ двѣ глубокія несправедливости.

Несправедливость по отношенію къ Жану, который заслужилъ *кредитъ* своей честностью и трудолюбіемъ, но оказывается лишеннымъ его.

Несправедливость по отношенію къ плательщикамъ, принужденнымъ платить долгъ, который ихъ вовсе не касается.

Но, можетъ статься, скажутъ, что государство доставляетъ Жану ту-же легкость пользованія кредитомъ, какъ и Жаку? Но, вѣдь, на свѣтѣ только одинъ свободный плугъ, и никакъ нельзя дать займы двухъ плуговъ. И вотъ остается здѣсь все тотъ-же аргументъ, а именно — что, благодаря вмѣшательству государства, будетъ заключено займовъ больше

чѣмъ выдано ссудъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ плугъ представляетъ собою совокупность всѣхъ свободныхъ капиталовъ въ странѣ.

Правда, я свелъ всю эту операцію къ ея простѣйшей формѣ. Но приложите тотъ-же аргументъ ко всѣмъ правительственнымъ кредитнымъ учрежденіямъ, какъ-бы они ни были сложны, и вы убѣдитесь, что всѣ они приводятъ только къ одному результату: къ *перемѣщенію* кредита, но не *увеличенію* его. Въ данной странѣ и въ данное время существуетъ всегда только извѣстное количество свободныхъ капиталовъ; и всѣ онѣ находятъ себѣ помѣщеніе. Принимая на себя гарантію за несостоятельныхъ должниковъ, государство можетъ сильно увеличить число заемщиковъ и поднять этимъ размѣръ процентовъ (всегда въ ущербъ плательщикамъ); но чего оно не можетъ сдѣлать, это — увеличить число заимодавцевъ и общую сумму ссудъ. Но я не желалъ-бы, чтобы навязали мнѣ заключенія, отъ котораго Богъ да сохранить меня. Я говорю, что законъ не долженъ искусственно благопріятствовать займамъ; но я не говорю, что законъ долженъ искусственно препятствовать имъ. Если въ нашей ипотечной, или какой-нибудь другой системѣ замѣчаются препятствія къ расширенію или правильному примѣненію кредита, то пускай устраняютъ ихъ, — ничего не можетъ быть лучше и справедливѣе этого. Но въ этомъ — все, чего, во имя свободы, могутъ требовать у закона реформаторы, достойные этого имени.

ЭКОНОМИЧЕСКІЯ ГАРМОНИИ.

Обращеніе къ французскому юношеству.

Любовь къ наукѣ, потребность вѣровать, умъ, свободный отъ закоренѣлыхъ предразсудковъ, сердце, не вѣдающее ненависти, стремленіе къ пропагандѣ, горячность чувствъ и симпатій, безкорыстіе, преданность, добросовѣстность, энтузіазмъ ко всему доброму, прекрасному, простому, великому, честному, религіозному—таковы драгоцѣнныя свойства юношества. Вотъ почему я и посвящаю ему эту книгу. Это—сѣмя, не имѣющее въ себѣ залога жизни, если оно не проростетъ на благодарной почвѣ, которой я его ввѣряю.

Я хотѣлъ дать вамъ цѣлую картину, а даю только краткій очеркъ; въ этомъ прошу простить меня. Впрочемъ, кто-же въ наше время можетъ закончить сочиненіе, имѣющее какую-нибудь важность? Вотъ мой эскизъ. Если-бы, при видѣ его кто-нибудь изъ васъ могъ воскликнуть, подобно великому художнику: *Anch'io son pittore!* и, схвативъ кисть, могъ сообщить этому безформенному полотну цвѣтъ и тѣло, тѣнь и свѣтъ, чувство и жизнь!

Молодые люди, вы найдете заглавіе этой книги очень высокопарнымъ: „Экономическія гармоніи“! Ужъ не думаю-ли я раскрыть божественныя за-

мысли Провидѣнія въ устройствѣ соціальнаго порядка и внутренній механизмъ всѣхъ силъ, которыми оно надѣлило человечество для осуществленія прогресса.

Конечно нѣтъ; но я хотѣлъ-бы навести васъ на путь такой истины: *всѣ законные интересы гармоничны*. Въ этомъ—главная мысль моего сочиненія, и нельзя не признать ея важности.

Было когда-то въ модѣ смѣяться надъ тѣмъ, что называется *соціальной задачей* и, надо признаться, что нѣкоторыя изъ предлагавшихся рѣшеній ея вполне заслуживали насмѣшки. Что-же касается до сущности этой задачи, то она не представляетъ въ себѣ ничего смѣшного; это—тѣнь Банко на пиру Макбета, но тѣнь не безгласная, а грознымъ голосомъ взывающая къ испуганному обществу: рѣшеніе или смерть!

Слѣдовательно, вы легко поймете, что рѣшеніе этой задачи должно быть различно, смотря потому, гармоничны-ли между собою, или враждебны другъ другу самые интересы.

Въ первомъ случаѣ, рѣшенія надо искать въ свободѣ; во второмъ—въ принужденіи. Въ первомъ не надо только мѣшать, во второмъ надо мѣшать непременно.

Но свобода имѣетъ только одну форму. Всякій, кто убѣжденъ, что каждая частица, входящая въ составъ жидкости, содержитъ въ себѣ самой силу, устанавливающую общій уровень, придетъ къ заключенію, что самое простое и самое вѣрное средство достигнуть такого уровня—не мѣшать. Слѣдовательно, всякій, кто признаетъ, что эта точка отправленія, т.-е. что *интересы гармоничны*, вѣр-

на, согласится и съ практическимъ рѣшеніемъ соціальной задачи: воздерживаться отъ вмѣшательства и не перемѣщать интересовъ.

Принужденіе, наоборотъ, можетъ обнаруживаться, смотря по различнымъ точкамъ зрѣнія, въ безчисленныхъ формахъ. Школы, исходной точкой которыхъ служитъ то положеніе, что *интересы враждебны другъ другу*, еще ничто не сдѣлали для рѣшенія задачи—онѣ только исключили изъ нея свободу. Имъ еще приходится отыскать среди безконечныхъ формъ принужденія, наиболее подходящую форму, если только она можетъ быть найдена. А потомъ имъ придется преодолѣть послѣднее затрудненіе—заставить всѣхъ, т.-е. людей свободныхъ, признать эту предпочтительную форму принужденія.

Но если при этой гипотезѣ человѣческіе интересы по самой природѣ своей стремятся къ пагубному столкновенію, которое можетъ быть устранено только случайнымъ вмѣшательствомъ искусственнаго соціального порядка, то судьба человечества была-бы очень сомнительна, и тогда съ ужасомъ спросишь себя:

1. Найдется-ли человѣкъ, который изобрѣлъ-бы удовлетворительную форму принужденія?

2. Убѣдитъ-ли этотъ человѣкъ въ вѣрности своей идеи безчисленныя школы, которыя изобрѣли-бы свои различныя формы?

3. Согласится-ли человечество подчиниться этой формѣ, которая, согласно гипотезѣ, противорѣчила-бы всѣмъ частнымъ интересамъ?

4. Предположимъ даже, что человечество дало-бы закутаться въ такое одѣяніе, но что произошло-бы, если-бы явился новый изобрѣтатель

съ болѣе совершенной одеждой? Должно-ли оно настаивать на сохраненіи дурной организаціи, зная, что она дѣйствительно дурна, или оно рѣшится ежедневно перемѣнять организацію, смотря по прихотямъ моды и изобрѣтательности организаторовъ?

5. Всѣ изобрѣтатели, проекты которыхъ были-бы отвергнуты, не соединятся-ли они, чтобы дѣйствовать вмѣстѣ противъ принятой системы, и притомъ тѣмъ съ большимъ вѣроятіемъ взбаламутить общество, чѣмъ болѣе эта система по своему характеру и цѣли нарушаетъ общіе интересы?

6. И, наконецъ, есть-ли такая человѣческая сила, которая была-бы способна преодолѣть антагонизмъ, составляющій будто-бы самое существо человѣческихъ силъ вообще?

Я могъ-бы безъ конца увеличить число этихъ вопросовъ, но обращаю вниманіе хоть на слѣдующее затрудненіе:

Если частный интересъ противоположенъ интересу общему, то гдѣ найдетъ себѣ мѣсто принципъ принужденія? Гдѣ будетъ находиться его точка опоры? Не внѣ-ли человѣчества? Если вы ввѣряете людямъ произволь, то докажите, что эти люди сдѣланы изъ другого тѣста, чѣмъ мы, что они не будутъ руководствоваться пагубнымъ принципомъ личнаго интереса и что умъ ихъ, поставленный въ положеніе исключашее всякую мысль о какой-нибудь сдержкѣ, о какомъ-нибудь дѣйствительномъ сопротивленіи, былъ-бы свободенъ отъ ошибокъ, руки—отъ хищенія, а сердце—отъ алчности.

Что кореннымъ образомъ раздѣляетъ различныя соціалистическія школы (я разумѣю здѣсь вообще тѣ школы, которыя полагаютъ въ искусственной

организации рѣшеніе соціальной задачи) отъ экономической школы, это—не тотъ или другой взглядъ ихъ на какую-нибудь подробность, не та или другая правительственная комбинація, а самая точка ихъ отправленія, слѣдующій коренной и главный вопросъ: находятся-ли человѣческіе интересы, предоставленныя самими себѣ въ гармоніи между собою, или они прямо противоположны другъ другу?

Ясно, что если социалисты искали какой-нибудь искусственной организации, то потому только, что признавали, что естественная организация дурна и неудовлетворительна; а считали они ее дурною и неудовлетворительною только потому, что признавали интересы человѣческіе въ корнѣ враждебными другъ другу, иначе они не обратились-бы къ принужденію. Какая-же была-бы надобность насильственно устанавливать гармонію тамъ, гдѣ все гармонично само по себѣ.

И вотъ они видѣли антагонизмъ повсюду:

Между собственникомъ и пролетаріемъ.

Между капиталомъ и трудомъ.

Между народомъ и буржуазіей.

Между земледѣліемъ и фабрикой.

Между поселяниномъ и горожаниномъ.

Между уроженцемъ и иностранцемъ.

Между производителемъ и потребителемъ.

Между цивилизаціей и организаціей.

Чтобы сказать короче—между свободой и гармоніей.

И этимъ объясняется, какимъ образомъ въ ихъ сердцахъ живетъ еще какая-то сентиментальная филантропія, тогда какъ изъ устъ истекаетъ ненависть. Каждый изъ нихъ бережетъ всю свою

любовь для общества, но такого общества, которое создаетъ въ своемъ воображеніи, а что касается до общества, дѣйствительно существующаго, въ которомъ намъ приходится жить, то чѣмъ скорѣе рухнетъ оно къ ихъ удовольствію, тѣмъ лучше, потому что на развалинахъ его создастся новый Іерусалимъ.

Я сказалъ, что экономическая школа, отираясь отъ естественной гармоніи интересовъ, пришла къ свободѣ.

Впрочемъ, должно признаться, что хотя экономисты вообще и пришли къ свободѣ, однако, къ несчастью, нельзя утверждать, чтобы они прочно установили свою точку отправленія — гармонію интересовъ.

Прежде чѣмъ идти дальше, я долженъ предостеречь васъ противъ заключеній, которыя непременно сдѣлаютъ изъ этого признанія, и сказать нѣсколько словъ о взаимномъ положеніи социализма и политической экономіи.

Безразсудно было-бы съ моей стороны утверждать, что социализмъ никогда не встрѣчался съ истиной, а политическая экономія никогда не впадала въ ошибку.

Что глубоко разъединяетъ обѣ школы, это — разница въ приемахъ. Одна, подобно астрологіи и алхиміи, дѣйствуетъ по воображенію; другая, подобно астрономіи и химіи, дѣйствуетъ на основаніи наблюденія.

Два астронома, наблюдающіе одно и тоже явленіе, могутъ и не придти къ одному результату.

Но не смотря на это временное разногласіе, они чувствуютъ все-таки, что связаны общимъ

приемомъ, который рано или поздно прекратитъ это разногласіе. Они признаютъ себя людьми одинаковаго исповѣданія. Но между астрономомъ, который наблюдаетъ, и астрологомъ, который воображаетъ, — непроходимая пропасть, хотя случайно они и могутъ иногда встрѣтиться. Тоже самое политическая экономія и социализмъ.

Экономисты наблюдаютъ челоуѣка, законы его организаціи и социальныя отношенія, вытекающія изъ этихъ законовъ. Соціалисты строятъ въ своемъ воображеніи фантастическое общество и потомъ подбираютъ подходящее къ этому обществу челоуѣческое сердце.

Но если наука не ошибается, то ученые ошибаются. Я не отрицаю того, чтобы экономисты не могли дѣлать неправильныхъ наблюденій, но даже утверждаю, что они непременно должны были начать съ нихъ.

Но вотъ что происходитъ. Если интересы находятся въ гармоніи между собою, то всякое неправильно сдѣланное наблюденіе логически приводитъ къ антагонизму. Въ чемъ-же состоитъ тактика соціалистовъ? Въ томъ, чтобы подобрать въ сочиненіяхъ экономистовъ нѣкоторыя невѣрно сдѣланныя наблюденія, выяснитъ всѣ послѣдствія изъ нихъ вытекающія и доказать, какъ они пагубны. Здѣсь они въ своемъ правѣ. Потомъ они возстаютъ противъ наблюдателя, котораго, зовутъ, положимъ, Мальтусомъ и Рикардо; тутъ они опять правы. Но на этомъ они не останавливаются: они набрасываются на науку, обвиняютъ ее въ жестокости и въ желаніи дѣлать зло. Здѣсь они уже попираютъ разумъ и справедливость, такъ

какъ наука не можетъ отвѣчать за неправильно сдѣланное наблюденіе. Наконецъ, они идутъ еще дальше. Они направляютъ свои удары на самое общество, грозятъ ему тѣмъ, что разрушатъ его, чтобы потомъ заново перестроить. А почему? Потому, говорятъ они, что наукой доказано, что современное общество стоитъ на краю пропасти. Тутъ они оскорбляютъ уже здравый смыслъ, потому что или наука не ошибается, и тогда за что нападать на нее? Или она ошибается, и въ такомъ случаѣ, они должны оставить въ покоѣ общество, потому что она ничѣмъ не угрожаетъ ему.

Эта тактика при всей своей нелогичности еще и очень вредна для экономической науки, въ особенности если тѣ, которые занимаются ею, къ несчастью, вслѣдствіе весьма понятнаго благороднаго положенія, руководствовались мыслию быть солидарными между собой и съ своими предшественниками. Наука — царица; приемы ея должны быть свободны и откровенны. Атмосфера партійности убиваетъ ее.

Невозможно, какъ я уже говорилъ, чтобы въ политической экономіи всякое ошибочное предложеніе въ концѣ-концовъ не приводило къ антагонизму. Съ другой стороны, невозможно, чтобы въ многочисленныхъ сочиненіяхъ экономистовъ, даже наиболѣе выдающихся, не нашлось какого-нибудь ошибочнаго положенія. Наше дѣло — указать и исправить ихъ въ интересахъ науки и общества. Упорно поддерживать, ради достоинства корпорации, такія положенія, значило-бы подвергать не только себя, что было-бы еще не такъ важно, но и саму истину, что гораздо важнѣе, ударамъ социализма.

Итакъ, еще разъ повторю и скажу такъ: послѣднее слово экономистовъ—свобода. Но чтобы это послѣднее слово пріобрѣло сочувствіе людей разума и привлекло къ себѣ общую любовь, необходимо, чтобы оно твердо опиралось на слѣдующей посылкѣ: интересы, предоставленные самимъ себѣ, стремятся къ гармоническимъ сочетаніямъ, къ прогрессивному преобладанію общаго блага.

Но многіе люди, пользующіеся авторитетомъ, высказали такія положенія, которыя, переходя отъ одного заключенія къ другому, логически привели къ *безусловному злу*, къ несправедливости, къ пагубному и все усиливающемуся неравенству, къ неизбѣжному пауперизму и т. п.

Мнѣ извѣстны очень немногіе изъ нихъ, кто не придавалъ-бы *цѣнности* естественнымъ дѣятелямъ природы, тѣмъ даровымъ благамъ, которыми Богъ щедро одарилъ человѣка. Слово *цѣнность* необходимо предполагаетъ, что мы не уступимъ даромъ, безъ вознагражденія, того, что обладаетъ ею. А вотъ существуютъ люди и особенно землевладѣльцы, которые продаютъ цѣною дѣйствительнаго труда дары Бога и получаютъ вознагражденіе за такіе предметы, въ производствѣ которыхъ трудъ ихъ не принималъ никакого участія. „Очевидная, но неизбѣжная несправедливость“, говорятъ эти писатели.

Является потомъ знаменитая теорія Рикардо, сущность которой состоитъ въ слѣдующемъ: цѣна средствъ пропитанія опредѣляется трудомъ, необходимымъ для ихъ производства на самой тощей изъ воздѣлываемыхъ почвъ. Увеличеніе-же наро-

донаселенія вынуждаетъ обращаться все къ болѣе и болѣе неблагодарнымъ почвамъ. Слѣдовательно, все человѣчество (кромѣ собственниковъ земли) поневолѣ должно давать все болѣе и болѣе труда за одинаковое количество средствъ пропитанія; или, что то-же самое, получать все меньшее количество этихъ средствъ за одинаковое количество труда; тогда какъ рента землевладѣльцевъ не возрастаетъ съ каждымъ переходомъ къ обработкѣ почвъ низшаго достоинства. Заключение: все увеличивающееся обогащеніе праздныхъ людей, — все увеличивающееся обѣдненіе людей труда, — слѣдовательно пагубное неравенство.

Является, наконецъ, еще болѣе знаменитая теорія Мальтуса. Народонаселеніе стремится къ размноженію сильнѣе, чѣмъ увеличиваются средства пропитанія, и это происходитъ въ каждый данный моментъ жизни человѣчества. Стало-быть, люди не могутъ жить счастливо и спокойно, если имъ нечѣмъ кормиться. Есть два препятствія противъ такого излишка, все угрожающаго народонаселенію: уменьшеніе рожденій и увеличеніе смертности, со всѣми ужасающими формами, въ которыхъ она выражается. Нравственное воздержаніе, чтобы имѣть дѣйствительное вліяніе, должно быть всеобщимъ, но никто на это не рассчитываетъ. И вотъ остается только одно препятствіе — репрессивное: порокъ, нищета, война, эпидемія, голодъ и смертность, т. е. неизбѣжный пауперизмъ.

Я не стану говорить о другихъ, менѣе широкихъ, системахъ, которыя предвѣщаютъ такое-же безвыходное положеніе. Напримѣръ, Токвиль и многіе другіе, слѣдуя за нимъ, говорятъ: если

допустить право первородства, то придешь къ самой сильной концентрированной аристократіи. Если не допустить его, то придешь къ крайнему измельчанію и непроизводительности земли.

Но что́ очень замѣчательно—эти четыре безотрадные системы ни въ чемъ не противорѣчатъ другъ другу. Если-бы онѣ сталкивались между собою, то мы могли-бы утѣшиться, подумавъ, что онѣ всѣ ложны, ибо уничтожаютъ одна другую. Но нѣтъ, онѣ согласны между собой, составляя часть одной общей теоріи, которая, опираясь на многочисленные и правдоподобные факты, какъ-бы раскрываетъ конвульсивное состояніе современнаго общества и, основываясь на многихъ авторитетахъ науки, выступаетъ передъ подавленнымъ и смущеннымъ умомъ съ ужасающею силою.

Остается понять, какимъ образомъ составители этой печальной теоріи могли поставить своимъ принципомъ—гармонію интересовъ и въ заключеніе всего — свободу.

Конечно, если человѣчество роковымъ образомъ побуждается законами цѣнности къ несправедливости,—законами ренты къ неравенству, — законами народонаселенія къ нищетѣ, и законами наследственности къ безплодію, то не слѣдуетъ говорить, что Богъ сдѣлалъ изъ соціальнаго міра, подобно міру матеріальному, гармоничное твореніе, а придется сознаться, поникнувъ головою, что Богу угодно было основать его на возмутительномъ и непоправимомъ диссонансѣ.

Не слѣдуетъ думать, молодые люди, что социалисты опровергли и отбросили, что я назову, не желая никого оскорбить, теоріей диссонансовъ.

Нѣтъ, что́-бы они ни говорили, а все-таки они признали ее истинною, и именно потому, что они считают ее истинной, они и предлагают замѣнить свободу принужденіемъ, естественную организацію—искусственной, дѣло божеское дѣломъ собственнаго изобрѣтенія. Они говорятъ своимъ противникамъ (и въ этомъ они, пожалуй, послѣдовательнѣе ихъ): Если человѣческіе интересы, какъ вы утверждали, предоставленные самимъ себѣ, стремятся къ гармоническому сочетанію, то намъ не оставалось-бы ничего лучше сдѣлать, какъ признать и вмѣстѣ съ вами прославлять свободу. Но вы сами неопровержимо доказали, что интересы, будучи предоставлены свободному развитію, влекутъ человѣчество къ несправедливости, неравенству, пауперизму и безплодію. И вотъ мы противодѣйствуемъ вашей теоріи именно потому, что она вѣрна; мы хотимъ разрушить современное общество именно потому, что оно подчиняется роковымъ законамъ, вами раскрытымъ; мы хотимъ испытать свои собственныя силы; потому что всемогущество Божіе оказалось неудачнымъ.

Вотъ въ какомъ видѣ послѣдовало соглашеніе относительно точки отправленія, разногласіе — только въ выводѣ. Экономисты, о которыхъ я упоминалъ, говорятъ: *великіе законы Провидѣнія толкаютъ общество ко злу*; но надо остерегаться и не возмущать ихъ дѣйствій, такъ какъ они, по счастью, встрѣчаютъ противодѣйствіе въ другихъ второстепенныхъ законахъ, которые замедляютъ конечную катастрофу; всякое произвольное вмѣшательство только расшатаетъ плотину, но не остановитъ рокового напора волны. Соціалисты го-

ворятъ: *великіе законы Провидѣнія толкаютъ общество ко злу*; ихъ надо уничтожить и выбрать новые законы въ нашемъ неистощимомъ арсеналѣ.

Католики говорятъ: *великіе законы Провидѣнія толкаютъ общество ко злу*; надо уклониться отъ нихъ, отказаться отъ человѣческихъ интересовъ, замкнуться въ отреченіи, самопожертвованіи, аскетизмѣ и покорности Провидѣнію.

И среди этого гвалта, этихъ криковъ отчаянія и скорби, среди этихъ призывовъ къ разрушенію или безропотной покорности, я пытаюсь сказать слово, передъ которымъ, если оно справедливо, должно исчезнуть всякое разногласіе: *неправда, великіе законы Провидѣнія не толкаютъ общества ко злу*.

Такимъ образомъ всѣ школы разбиваются и опровергають одна другую и относительно выводовъ, которые приходится сдѣлать изъ ихъ общей первой посылки. Я-же отвергаю эту самую посылку. Не этимъ-ли способомъ можно прекратить расколъ и борьбу?

Главная мысль этого сочиненія, — гармонія интересовъ, сама по себѣ проста. Простота-же не составляетъ-ли краеугольного камня истины? Законы свѣта, звука, движенія кажутся намъ тѣмъ непреложнѣе, чѣмъ они проще; почему-же не можетъ быть того-же съ закономъ интересовъ?

Онъ *умиротворяющъ*. Что можетъ быть болѣе примиряющаго, какъ не законъ, устанавлиющій согласіе между промышленностями, отдѣльными классами, народами и даже ученіями?

Онъ *утѣшителенъ*, потому что онъ выясняетъ, что есть ложнаго въ системахъ, приходящихъ своими выводами къ прогрессивному злу.

Онъ *религіозенъ*, потому что говоритъ намъ, что не одинъ только небесный механизмъ, но и механизмъ соціальный раскрываетъ намъ божественную мудрость и славословить Бога.

Онъ *практиченъ*, ибо что болѣе практично, какъ не слѣдующее положеніе. Пусть люди трудятся, мѣняются продуктами своего труда, учатся, сдружаются, взаимно дѣйствуютъ другъ на друга, потому что по вѣчнымъ законамъ Провидѣнія изъ разумной самодѣятельности ихъ могутъ возродиться только порядокъ, гармонія, прогрессъ, благо, все большее и большее совершенствованіе, совершенствованіе безъ конца.

„Вотъ гдѣ оптимизмъ-то экономистовъ“, скажете вы! „Они до такой степени рабы своихъ собственныхъ системъ, что закрываютъ глаза передъ фактами изъ страха увидѣть ихъ. Передъ лицомъ всѣхъ несчастій, всѣхъ несправедливостей, всѣхъ угнетеній, сокрушающихъ челоуѣчество, они невозмутимо отрицаютъ зло. Запахъ пороха во время возстаній не достигаетъ ихъ притупившагося чувства; улицы, загроможденныя барикадами, ничего не говорятъ ихъ разуму и, если-бы даже рушилось общество, они не переставали-бы повторять: „все къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ“.

Нѣтъ, мы и не думаемъ, что все къ лучшему.

Я глубоко вѣрую въ мудрость божественныхъ законовъ и по этому самому вѣрю въ свободу.

Весь вопросъ только въ томъ, чтобы узнать, есть-ли у насъ свобода.

Весь вопросъ въ томъ, чтобы узнать, дѣйствуютъ-ли эти законы во всей полнотѣ и дѣйствіе

ихъ не нарушено-ли въ своемъ основаніи противоположнымъ дѣйствіемъ учрежденийъ человѣческихъ.

Да кто-же станетъ отрицать зло! Отрицать страданія! Тогда пришлось-бы забыть, что рѣчь идетъ о человѣкѣ, пришлось бы забыть, что и самъ—также человѣкъ. Чтобы вѣчные законы Провидѣнія признавались *гармоническими*, для этого нѣтъ необходимости, чтобы они исключали зло. Для этого достаточно, чтобы оно имѣло свое объясненіе и свое назначеніе, чтобы оно само служило себѣ границей, чтобы оно само уничтожало себя собственнымъ дѣйствіемъ и чтобы каждое страданіе предупреждало другое, еще большее страданіе, подавляя причину его породившую.

Общество состоитъ изъ людей, а каждый человѣкъ представляетъ собою *свободную* силу. Такъ какъ человѣкъ свободенъ, то онъ имѣетъ право выбора, а такъ какъ онъ имѣетъ право выбора, то можетъ ошибаться, а такъ какъ онъ можетъ ошибаться, то можетъ и страдать.

Скажу болѣе—онъ долженъ ошибаться и страдать, потому что его точка отправленія есть невѣжество, а передъ невѣжествомъ открываются безконечные и невѣдомые пути, изъ коихъ всѣ, кромѣ одного, ведутъ къ ошибкѣ.

Далѣе, каждая ошибка порождаетъ страданіе. Это страданіе или поражаетъ того, кто заблудился, и тогда выступаетъ впередъ личная отвѣтственность, или оно поражаетъ невинныхъ въ этой ошибкѣ, и въ такомъ случаѣ заставляетъ дѣйствовать чудный аппаратъ солидарности интересовъ.

Дѣйствіе этихъ законовъ, вмѣстѣ съ дарованною намъ способностью приводить въ связь при-

чины и слѣдствія, должно вывести насъ силою самого страданія на путь добра и истины.

Слѣдовательно, мы не только не отрицаемъ зла, но признаемъ за нимъ особое назначеніе, какъ въ мірѣ соціальномъ, такъ и въ мірѣ матеріальномъ.

Но чтобы зло могло исполнить свое назначеніе, не слѣдуетъ искусственно растягивать эту солидарность до того, чтобы подавить личную отвѣтственность; другими словами—надо уважать свободу.

Когда человѣческія учрежденія являются мѣшать дѣйствіямъ божественныхъ законовъ, то зло, какъ и всегда, слѣдуетъ за ошибкой, но только перемѣщается и поражаетъ того, кого оно не должно-бы поражать; тогда оно перестаетъ предупреждать и не научаетъ. Тогда оно уже не полагаетъ границы самому себѣ и не разрушаетъ само себя собственнымъ дѣйствіемъ; оно упирается, усиливается, какъ это произошло-бы въ фізіологическомъ мірѣ, если-бы неразуміе и излишество, совершаемыя людьми одного полушарія, не отзывались своими печальными послѣдствіями только на людяхъ противоположнаго полушарія.

Такимъ именно вмѣшательствомъ и отличается не только большинство нашихъ правительственныхыхъ учрежденій, но еще болѣе тѣхъ учрежденій, которыя хотятъ ввести его, какъ лѣкарство, могущее исцѣлить насъ отъ постигающихъ насъ золъ. Развивая среди людей, подъ предлогомъ человѣколюбія, искусственную солидарность, тѣмъ самымъ поражаютъ личную отвѣтственность, которая становится все меньше и меньше дѣятельною и дѣйствительною. Неумѣстнымъ вмѣшательствомъ

правительственной власти искажаютъ отношеніе труда и его вознагражденія, мутятъ законы промышленности и обмѣна, насилуютъ естественное развитіе народнаго образованія, сбиваютъ капиталы и рабочія руки съ ихъ естественнаго пути извращаютъ мысли, распалаютъ нелѣпныя притязанія, разсвѣчиваютъ передъ народными очами самыя несбыточныя надежды, вызываютъ неслыханную потерю человѣческихъ силъ, передвигаютъ центры народонаселенія, парализуютъ дѣйствія преобрѣтеннаго опыта, короче сказать — сообщаютъ всѣмъ интересамъ искусственныя основы, стравливаютъ ихъ и потомъ восклицаютъ: „видите — интересы враждебны другъ другу. Все зло отъ свободы. Проклянемъ-же и задушимъ эту свободу“.

Но такъ какъ это святое слово все еще заставляетъ биться сердца, то ее лишаютъ ея обаянія, лишаютъ ее ея имени, и вотъ ведутъ несчастную на костеръ уже подъ именемъ *конкуренции* при рукоплесканіяхъ толпы, простирающей свои руки къ цѣпямъ рабства.

Слѣдовательно, недостаточно было только выставить естественные законы соціальнаго строя, въ ихъ величественной гармоніи, надо было еще выяснитъ причины, имъ противодѣйствующія. Все это я старался изложить во второй части этого сочиненія.

Я старался избѣжать преній. Правда, это значило потерять возможность сообщить принципамъ, которые я хотѣлъ сдѣлать господствующими, ту устойчивость, какая бываетъ слѣдствіемъ всесторонняго обсужденія. Но вниманіе, сосредоточенное на подробностяхъ, могло быть отвлечено отъ

сущности дѣла. Если я описываю зданіе въ томъ водѣ, какъ оно существуетъ, то какое дѣло до того, какимъ видѣли его другіе, хотя-бы они и познакомили меня съ нимъ?

А теперь я обращаюсь съ довѣріемъ къ людямъ всѣхъ школъ, считающихъ справедливость, общее благо, истину выше всякихъ системъ.

Экономисты! Я, какъ и вы, примыкаю къ свободѣ, а если и колеблю нѣкоторыя изъ ея послылокъ, огорчающія ваши великодушныя сердца, то въ этомъ вы найдете, можетъ быть, новый поводъ любить наше святое дѣло и служить ему.

Соціалисты! Вы вѣрите въ ассоціацію. Я умоляю васъ сказать мнѣ, когда прочтете это сочиненіе, — развѣ современное общество, не смотря на свои заблужденія и препятствія, т. е. при господствѣ свободы, не представляетъ собою самой прекрасной, совершенной, прочной, всемірной и справедливой изъ всѣхъ ассоціацій.

Вы, сторонники равенства, допускаете только одинъ принципъ — взаимность услугъ. Пускай взаимныя сношенія людей будутъ свободны, и я утверждаю, что онѣ и не могутъ быть ничѣмъ другимъ, какъ взаимнымъ обмѣномъ услугъ, все понижающихся въ *цѣнности* и все возрастающихъ въ *полезности* *).

---

*) Въ V-мъ очеркѣ *Экономическихъ Гармоній* — „О цѣнности“ Бастиа такъ опредѣляетъ эти термины: „*полезность*“ (способность каждаго предмета съ удобствомъ служить нашимъ потребностямъ) состоитъ изъ двухъ частей: одна часть есть результатъ дѣйствія природы; другая — результатъ дѣйствія человѣка. Чѣмъ болѣе въ данномъ предметѣ совершила природа, тѣмъ меньше остается сдѣлать человѣку. Участіе природы въ производствѣ предмета — *даровое* (gratuit); участіе чело-

Коммунисты! Вы хотите, чтобы люди, сдѣлавшись братьями, пользовались нераздѣльно благами, дарованными имъ Провидѣніемъ. Я хочу доказать, что современному обществу остается только завоевать себѣ свободу, чтобы осуществить и даже превзойти ваши упованія и надежды, потому что при свободѣ все принадлежитъ всѣмъ при единственномъ только условіи, чтобы каждый не отказывался отъ труда приобрѣсть дары Божіи, что само по себѣ вполне естественно, — или чтобы каждый свободно могъ возложить этотъ трудъ на того, кто добровольно согласенъ принять его на себя, что то-же вполне справедливо.

Христиане всѣхъ исповѣданій! Если вы не будете единственными, сомнѣвающимися въ боже-

---

вѣка, умственное или матеріальное, было-ли оно обмѣнено или нѣтъ, работалъ-ли онъ въ сообществѣ съ другими или въ-одиночку, по существу своему *тягостно* (opéieux; въ томъ смыслѣ, что оно не даровое и требовало напряженіе труда), какъ показываетъ это и самое слово — effort, усиліе. Все даровое не имѣетъ *цѣнности*, потому что идея *цѣнности* предполагаетъ приобрѣтеніе путемъ *усилій*. Слѣдовательно, понятіе о цѣнности должно быть ограничено исключительно областью усилій труда, употребляемаго человекомъ для удовлетворенія его потребностей. Другимъ элементомъ въ понятіе о цѣнности входитъ то, что эти усилія должны быть обмѣнены, одни на другія. „Обмѣнъ не только констатируетъ и измѣряетъ цѣнности, но даетъ имъ существованіе... Когда два лица взаимно уступаютъ другъ другу свои настоящія усилія, или результаты своихъ предшествовавшихъ усилій, то они *служатъ* другъ другу, взаимно оказываютъ одно другому *услугу*. Слѣдовательно, *цѣнность есть отношеніе между двумя обмѣненными услугами*. Понятіе о цѣнности впервые явилось тогда, когда человекъ сказалъ своему ближнему: сдѣлай это для меня, а я сдѣлаю вотъ это для тебя. Тогда-то они согласились между собою и тогда-то можно было сказать, что двѣ обмѣненные услуги *стоятъ* одна другой“.

ственной премудрости, явленной въ прекраснѣйшемъ изъ его твореній, какое только раскрыто нашему познанію, то не найдете въ этомъ сочиненіи ни одного выраженія, которое-бы оскорбляло вашу самую строгую мораль, или ваши самые таинственные догматы.

Собственники! Какъ-бы ни были обширны ваши владѣнія, но если я докажу, что ваше право, которое теперь оспариваютъ у васъ, ограничивается, какъ и право самаго простого рабочаго, полученіемъ *услугъ* за *услуги*, дѣйствительно оказанныя вами или вашими предками, то это ваше право будетъ покоиться отнынѣ на самомъ незыблемомъ основаніи.

Пролетаріи! Я ручаюсь, что докажу вамъ, что вы собираете плоды съ земли, которая вамъ не принадлежитъ, и употребляете на нее меньше силъ и труда, чѣмъ сколько вамъ пришлось-бы употребить ихъ на полученіе этихъ плодовъ вашимъ непосредственнымъ трудомъ, если-бы это самое поле было отдано вамъ въ томъ дѣвственномъ видѣ, въ какомъ оно находилось, прежде чѣмъ трудомъ человека было приготовлено къ производству.

Капиталисты и рабочіе! Я считаю возможнымъ установить слѣдующій законъ: „По мѣрѣ того какъ умножаются капиталы, безусловная доля, принадлежащая имъ въ общемъ результатѣ производства, возрастаетъ, а доля *относительная* понижается; *относительная-же* доля труда постоянно возрастаетъ, а тѣмъ болѣе возрастаетъ и его доля *безусловная*“. Изъ такого закона ясно вытекаетъ гармонія интересовъ рабочихъ и тѣхъ, кто ихъ нанимаетъ.

Ученики Мальтуса! Вы—искренніе и оклеветанные филантропы; единственная вина ваша въ томъ, что вы хотѣли предостеречь человѣчество отъ закона, который считали роковымъ; я-же предложу вамъ другой болѣе утѣшительный законъ: „при всѣхъ другихъ равныхъ условіяхъ все увеличивающаяся плотности населенія соотвѣтствуетъ все возрастающая легкость производства“. А если это такъ, то, конечно, не вамъ печалиться, что упадаетъ терновый вѣнецъ съ головы нашей обожжаемой науки.

Вы, люди хищенія, которые насиліемъ или хитростію, нарушеніемъ законовъ, или при содѣйствіи законовъ, достигли того, что жирѣете на счетъ народовъ;—вы, которые живете заблужденіями воли, распространяемыми невѣжествомъ, поддерживаемымъ войнами, вами-же возбуждаемыми, всякими препонами, которыя воздвигаете взаимнымъ сношеніямъ людей;—вы, которые облагаете налогомъ трудъ, предварительно обезплодивъ его и заставивъ его растерять больше сноповъ чѣмъ сколько вырвали у него колосьевъ;—вы, которые заставляете платить вамъ за то, что создаете препятствія, дабы потомъ имѣть случай опять заставить заплатить себѣ за то, что устраните нѣкоторыя изъ этихъ препятствій;—вы, живое олицетвореніе эгоизма въ его самомъ дурномъ смыслѣ, паразиты, наросты на лживой политикѣ, готовьте ѣдкія чернила для вашей критики; только къ вамъ однимъ я не могу обратиться съ своимъ призывомъ, потому что эта книга имѣетъ цѣлью пожертвовать вами, или скорѣй—принести въ жертву ваши несправедливыя притязанія. Какъ хорошо любить

примиреніе, но никакъ нельзя примирить двухъ принциповъ: *свободу и принужденіе*.

Если божественные законы гармоничны, то лишь тогда, когда они дѣйствуютъ свободно, а безъ этого они, сами по себѣ, не будутъ гармоничны. Когда замѣчаешь какую-нибудь ошибку въ гармоніи міра, то ей непременно соотвѣтствуетъ ошибка по отношенію къ свободѣ, къ забытой справедливости. Притѣснители, грабители, люди, презирающіе справедливость, вы не можете вѣрить во всеобщую гармонію, потому что сами нарушаете ее.

Но значить-ли это, что моя книга можетъ по-дѣйствовать на ослабленіе власти, пошатнуть ея устойчивость и умалить ея авторитетъ? Я имѣю ввиду совсѣмъ противоположную цѣль. Но сговоримся прежде.

Политическая наука имѣетъ своею задачей различать то, что должно входить въ прерогативы государства, отъ того, что не должно входить въ нихъ, а чтобы правильно установить это важное различіе, не слѣдуетъ терять изъ вида, что государство всегда дѣйствуетъ посредствомъ силы. Оно въ одно и то-же время опредѣляетъ и услуги, какія само дѣлаетъ, и услуги, которыхъ, въ замѣнъ оказанныхъ, требуетъ, подъ именемъ обложенія налогами. Стало быть, вопросъ состоитъ въ слѣдующемъ: что именно люди имѣютъ право силою налагать другъ на друга? Въ этомъ случаѣ я допускаю только одно — *справедливость*. Я не имѣю права никого *заставить*, кто-бы онъ ни былъ, быть религіознымъ, милосерднымъ, образованнымъ, трудолюбивымъ; но я имѣю право *заставить* всякаго быть *справедливымъ*, это есть дѣло законной обороны.

Собранію отдѣльныхъ личностей не можетъ принадлежать ни одного права, которое первоначально не было-бы вложено въ природу самихъ личностей. Стало-быть, если употребленіе индивидуальной силы оправдывается только требованіемъ законной обороны, а правительственная власть всегда обнаруживается силою, то надо заключить изъ этого, что дѣйствіе ея ограничивается возстановленіемъ порядка, безопасности и справедливости.

Всякое правительственное дѣйствіе внѣ этихъ предѣловъ есть посягательство на совѣсть, разумъ, трудъ, однимъ словомъ—на человѣческую свободу.

Установивъ такое положеніе, мы должны стремиться неустанно и безъ пощады къ тому, чтобы освободить отъ посягательствъ власти всю область частной дѣятельности; только при этомъ условіи мы завоюемъ себѣ свободу, или свободное дѣйствіе гармоническихъ законовъ, уготованныхъ Богомъ для развитія и прогресса человѣчества.

Поведетъ-ли это къ ослабленію власти? Потеряетъ-ли она что-нибудь въ своей устойчивости оттого, что сократится область ея проявленія? Умалится-ли ея авторитетность, оттого, что она лишится нѣкоторыхъ извѣстныхъ атрибутовъ? Будетъ-ли она привлекать къ себѣ меньше уваженія потому, что будетъ возбуждать менѣе жалобъ. Не сдѣлается-ли она еще болѣе игрушкой партій, когда сократятся ея обширные бюджеты и притягательная сила власти, составляющіе приманку партій? Опаснѣе-ли будетъ ея положеніе, когда уменьшится ея отвѣтственность?

Мнѣ представляется, напротивъ, очевиднымъ, что ввести общественную власть въ предѣлы ея един-

ственного, но существеннаго, неоспоримаго, благодѣтельнаго, всѣми желаемаго и признаннаго назначенія значить—обеспечить за ней общее уваженіе и сочувствіе. Я не понимаю, изъ-за чего тогда могутъ возникнуть систематическая оппозиція, парламентская борьба, уличныя возстанія, революціи, быстрыя перемѣны, заговоры, иллюзіи, притязанія всѣхъ на управленіе подѣ всевозможными формами, системы столько-же опасныя, какъ и нелѣпыя, старающіяся внушить народу ожидать всего отъ правительства, эта предосудительная дипломатія, эти вѣчныя войны впереди или не менѣе пагубныя вооруженные миры, эти удручающіе налоги, не поддающіеся справедливому распределенію, это всепоглощающее и неестественное вмѣшательство политики во всевозможныя дѣла, эти великія искусственныя перемѣщенія капитала и труда—источникъ бесполезныхъ столкновеній, колебаній, кризисовъ, убытковъ. Всѣ эти причины и тысячи другихъ, поражающія только смятенія, волненія, взаимную непріязнь, алчность и безпорядокъ, теряютъ смыслъ, и представители власти не будутъ болѣе колебать ее, а станутъ содѣйствовать всемірной гармоніи. Гармонія не исключаетъ зла, но все болѣе суживаетъ область, отведенную ему нашимъ невѣжествомъ и испорченностью слабой человѣческой природы; назначеніе ея—въ томъ, чтобы предупреждать зло или карать его.

Молодые люди! Въ наше время, когда болѣзненный скептицизмъ является какъ-бы послѣдствіемъ и наказаніемъ за путаницу идей, я считалъ-бы себя счастливымъ, если-бы чтеніе этой

книги вызвало на ваши уста, въ порядкѣ затро- гиваемыхъ ею идей, одно слово, столь умиротво- ряющее, полное особой прелести, — слово, кото- рое само по себѣ есть сила, потому что сказано про него, что оно двигаетъ горами, — слово, этотъ свѣтлый символъ христіанина: *я вѣрую*. „Я вѣ- рую, но не покорной и слѣпой вѣрой, такъ какъ дѣло идетъ не о таинственной области Открове- нія, а вѣрой въ науку и разумъ, какъ и подоба- етъ, когда идетъ рѣчь о предметахъ, доступныхъ изслѣдованію человѣка. — Я вѣрую, что Тотъ, Кто создалъ міръ матеріальный, не хотѣлъ остаться равнодушнымъ устроенію и міра соціального. — Я вѣрую, что Онъ сумѣлъ сочетать и привести въ гармоническое движеніе свободныхъ и живыхъ агентовъ, такъ-же какъ и неподвижныя частицы вещества. — Я вѣрую, что Провидѣніе сіяетъ на- столько-же, если не больше, въ законахъ, кото- рымъ оно подчинило интересы и волю человѣка, какъ и въ законахъ тяготѣнія и движенія. — Я вѣ- рую, что все въ обществѣ является причиной, вызывающей его совершенствованіе и прогрессъ, даже то, что вредитъ ему. — Я вѣрую, что зло ве- детъ къ добру и вызываетъ его, тогда какъ доб- ро не можетъ вести ко злу, а изъ этого слѣду- етъ, что въ концѣ-концовъ добро восторжеству- етъ. — Я вѣрую, что непреоборимое соціальное стрем- леніе выражается въ постоянномъ приближеніи лю- дей къ общему физическому, умственному и нрав- ственному уровню, который въ то-же время про- грессивно и бесконечно возвышается. — Я вѣрую, что для постепеннаго и мирнаго развитія человѣ- чества достаточно того, чтобы оно не встрѣчало

нарушеній въ своихъ стремленіяхъ и чтобы эти стремленія, однажды нарушенныя, пріобрѣли опять свободу дѣйствій.—Я вѣрую во все это не потому, что желаю, чтобы это было такъ, и что оно удовлетворяетъ потребности моего сердца, но потому, что мой разумъ, привыкшій размышлять, одобряетъ все это“.

Ахъ! Если вы когда-нибудь произнесете это слово: *я вѣрую*, то сдѣлаетесь горячими проповѣдниками его, и тогда социальная задача скоро нашла-бы свое разрѣшеніе, потому что она, чтобы тамъ ни говорили, легко разрѣшается. Интересы—гармоничны, а слѣдовательно рѣшеніе всецѣло лежитъ въ словѣ—*свобода*.

I.

Естественная организація. — Искусственная организація.

Вполнѣ-ли вѣрно, что соціальный механизмъ, какъ и механизмъ небесный, и механизмъ тѣла человеческого, подчиняется общимъ законамъ? Вполнѣ-ли вѣрно, что это — одно гармонически *организованное* цѣлое? Что-же особенно замѣтно здѣсь, неправда-ли, это — отсутствіе всякой *организаціи*? Но не есть-ли это именно та организація, которой домогаются теперь люди сердца и будущаго, всѣ выдающіеся публицисты, всѣ піонеры мысли? Не представляемъ-ли мы собою только совокупность людей, дѣйствующихъ внѣ всякой связи другъ съ другомъ и предоставленныхъ движеніямъ анархической свободы? Безчисленныя массы людей, съ трудомъ перепробовавъ одинъ за другимъ всѣ роды свободы, не ждуть-ли онѣ, чтобы какой-нибудь великій геній сочеталъ ихъ въ одно гармоническое цѣлое? Разрушивъ старое, не слѣдуетъ-ли создать что-нибудь новое?

Если-бы эти вопросы не имѣли другого значенія, кромѣ слѣдующаго: можетъ-ли общество обойтись безъ писанныхъ законовъ, безъ правилъ, репрессивныхъ мѣръ? — можетъ-ли всякій безгранично пользоваться своими способностями даже тогда, когда посягаетъ на свободу ближняго, или нано-

силь вредъ цѣлой общинѣ?—однимъ словомъ, должно-ли смотрѣть на принципъ: laissez faire, laissez passer, какъ на абсолютную формулу политической экономіи;—если-бы въ этомъ, говорю я, заключался вопросъ, то рѣшеніе его было-бы ясно для всякаго. Экономисты не говорятъ, что человѣкъ можетъ убивать, грабить, поджигать, а обществу остается только позволять дѣлать это; напротивъ, они говорятъ, что сопротивленіе подобнымъ дѣйствіямъ со стороны общества обнаружится фактически, даже при отсутствіи всякаго свода законовъ, и что, слѣдовательно, это сопротивленіе есть общій законъ человѣчества; они говорятъ, что гражданскіе и уголовные законы должны регулировать, а не противодѣйствовать этимъ *признаваемымъ ими* общимъ законамъ. Отъ общественной организаціи, основанной на общихъ законахъ человѣчества, еще далеко до искусственной организаціи, вымышленной воображеніемъ, несообразующейся съ этими законами, отрицающей или презирающей ихъ, словомъ—такой, какую хотятъ навязать многія современные школы.

Если существуютъ общіе законы, дѣйствующіе независимо отъ писанныхъ законовъ, которые должны только регулировать дѣйствіе первыхъ, то должно изучать эти *общіе законы*; они могутъ быть предметомъ науки, и такая наука существуетъ, это—политическая экономія. Если-же, наоборотъ, общество есть человѣческое измышленіе, если люди представляютъ собою только косную матерію, и, по словамъ Руссо, требуется великій геній, чтобы сообщить имъ чувство и волю, движеніе и жизнь, тогда нѣтъ политической эконо-

ми, а есть только безконечное число возможных и случайныхъ соглашеній, и тогда судьба народовъ зависитъ отъ *основателя*, которому случай ввѣрять ихъ жизнь.

Чтобы доказать, что общество подчинено общимъ законамъ, я не буду пускаться въ пространныя объясненія, а ограничусь только указаніемъ на нѣкоторые факты, которые, какъ они ни избиты, сохраняютъ однако свою вѣрность.

Руссо сказалъ: „Требуется много философіи, чтобы наблюдать факты, стоящіе къ намъ слишкомъ близко“.

Таковы общественныя явленія, среди которыхъ мы живемъ и дѣйствуемъ. Вслѣдствіе привычки, мы до такой степени свыклись съ этими явленіями, что не обращаемъ на нихъ никакого вниманія, пока не произойдетъ чего-нибудь внезапнаго и аномальнаго, что заставитъ насъ подвергнуть ихъ нашему наблюденію.

Возьмемъ для примѣра человѣка, принадлежащаго къ скромному классу общества, — ну хоть деревенскаго столяра, и рассмотримъ всѣ тѣ услуги, какія онъ оказываетъ обществу, и тѣ, которыми онъ, въ свою очередь, пользуется отъ него; насъ тотчасъ-же поразитъ громадная несоразмѣрность ихъ.

Этотъ человѣкъ проводитъ весь свой день въ томъ, что строгаеть доски, работаетъ столы и ящики; онъ жалуется на свое положеніе, а между тѣмъ, что на самомъ дѣлѣ получаетъ онъ отъ общества въ обмѣнъ на свой трудъ?

Прежде всего, ежедневно вставая, онъ одѣвается, причемъ самъ собственноручно не сдѣлалъ ни одного изъ многочисленныхъ предметовъ своей одежды.

Какъ сама по себѣ ни проста его одежда, но чтобы она оказалась въ его распоряженіи, необходимо было затратить громадное количество предварительнаго труда въ разныхъ производствахъ, въ перевозкѣ и остроумныхъ изобрѣтеніяхъ. Американцы должны были произвести хлопокъ, индійцы—индиго, французы—шерсть и ленъ, бразильцы—кожу; весь этотъ матеріаль надо было перевезти въ разные города, и тамъ обработать, спрясть, соткать, окрасить и т. д.

Но вотъ онъ завтракаетъ. Чтобы каждый день имѣть хлѣбъ, который ему надо ѣсть, необходимо расчистить, огородить, вспахать, удобрить и засеять поля; заботливо охранить жатву отъ грабежа, а это возможно только при существованіи нѣкоторой безопасности среди громаднаго количества народа;—необходимо, чтобы пшеница была собрана, смолота, замѣсена и приготовлено изъ нея тѣсто; чтобы желѣзо, сталь, дерево, камень, съ помощью труда, были обращены въ рабочіе инструменты; чтобы одни люди воспользовались домашними животными, а другіе тяжестью падающей воды и т. д. Все это — такіе предметы, изъ которыхъ каждый въ отдѣльности предполагаетъ неисчислимую массу труда, совершеннаго не только въ пространствѣ, но и во времени.

Не пройдетъ дня, чтобы тому-же столяру не понадобилось хоть немного сахара, масла, чтобы не понадобились ему какая-нибудь утварь или хозяйственные принадлежности.

Онъ посылаетъ своего сына въ школу учиться; хотя это ученье и очень элементарно, однако на него пошло такъ много предварительнаго изученія, изысканій, знаній, что и вообразить трудно.

Вотъ онъ выходитъ изъ дому и передъ нимъ вымощенная и освѣщенная улица.

Противъ него открываетъ кто-нибудь искъ, ему приходится искать адвоката для защиты своихъ правъ, судей для ихъ подтвержденія, судебныхъ приставовъ для исполненія состоявшихся постановленій; все это предполагаетъ много предварительныхъ познаній, а слѣдовательно образованія и средствъ къ существованію.

Онъ идетъ въ церковь, это—удивительный памятникъ, а книга, которую онъ взялъ съ собою, можетъ быть, еще болѣе удивительный памятникъ разума человѣческаго. Его учатъ нравственности, развиваютъ его умъ, возвышаютъ душу, а чтобы все это было возможно, необходимо, чтобы другой человѣкъ могъ посѣщать библіотеки, училища, почерпать знанія изъ всѣхъ источниковъ человѣческаго развитія для того, чтобы первый могъ жить, не заботясь исключительно о своихъ матеріальныхъ нуждахъ.

Если нашъ столяръ предприметъ какуюнибудь поѣздку, то онъ увидитъ, что для того, чтобы сберечь ему время и трудъ, другіе люди сравняли и сгладили путь, заполнили рвы, срыли горы, перебросили мосты черезъ рѣки, поставили колесныя экипажи на желѣзныя рельсы, укротили лошадей, овладѣли паромъ и т. д.

Нельзя не поразиться той несоразмѣрностью, по-истинѣ неисчислимой, между тѣмъ, что этотъ человѣкъ получаетъ отъ общества для удовлетворенія своихъ потребностей, и тѣмъ, что онъ могъ бы самъ получить, если-бы былъ предоставленъ своимъ собственнымъ силамъ. Я позволю себѣ

сказать, что въ одинъ день онъ потребляетъ такое количество предметовъ, которыхъ самъ не могъ-бы произвести и въ 10 столѣтій.

А еще страннѣе то, что всѣ другіе люди находятся точно въ такомъ-же положеніи, какъ и онъ. Всѣ лица, составляющія общество, поглощаютъ, каждое въ отдѣльности, въ милліонъ разъ больше того, что они могутъ произвести, и въ то-же время они взаимно не обираютъ другъ друга. Если же ближе взглядѣться въ дѣло, то замѣтишь, что нашъ столяръ заплатилъ обществу своими услугами за всѣ тѣ услуги, которыя самъ получилъ отъ него. Если-бы онъ велъ свои счета съ строгою точностью, то убѣдился-бы, что онъ ничего не получилъ отъ общества, за что не уплатилъ-бы изъ доходовъ съ своего скромнаго промысла, и что кто-бы ни былъ употребленъ во времени и пространствахъ на то, чтобы оказать ему услуги, онъ получилъ или еще получить свое вознагражденіе.

Какъ-же замысловато и умно должно быть устройство общественнаго механизма, если оно даетъ тотъ удивительный результатъ, что каждый человекъ, не исключая и того, котораго судьба поставила въ самое приниженное положеніе, получаетъ въ одинъ день столько удовольренія, сколько самъ не въ состояніи произвести въ нѣсколько вѣковъ.

Но это еще не все: этотъ общественный механизмъ покажется еще замысловатѣе, если читатель соблаговолитъ обернуться на самого себя.

Предположимъ, что онъ простой студентъ. Что онъ дѣлаетъ въ Парижѣ? Какъ онъ живетъ въ немъ? Нельзя отрицать, что общество предоставляетъ въ его распоряженіе пищу, одежду, жили-

лице, развлеченія, книги, средства къ образова-
нію, наконецъ, массу разныхъ предметовъ; какъ
много времени потребовалось-бы для того, чтобы
только объяснить, какъ произведены эти предме-
ты, не говорю уже о томъ, сколько потребова-
лось-бы времени для того, чтобы дѣйствительно
произвести ихъ. А какія, спрашивается, услуги
оказываетъ этотъ студентъ обществу взамѣнъ всѣхъ
этихъ предметовъ, потребовавшихъ столько труда,
усилій, усталости, физическаго и умственнаго на-
пряженія, передвиженія, изобрѣтательности и пр.?
Никакихъ—онъ только готовится отплатить ихъ
ему. Какъ-же объяснить, что эти милліоны людей,
отдавшихся положительному, дѣйствительному и
производительному труду, предоставили ему вос-
пользоваться плодами ихъ труда? А вотъ объ-
ясненіе: отецъ этого студента, бывшій адвокатъ,
врачъ или торговецъ, когда-то оказалъ свои услу-
ги, можетъ быть, даже китайскому обществу, но
вмѣсто непосредственныхъ услугъ, получилъ тог-
да только *право* на услуги, которое могъ-бы предъ-
явить со временемъ, гдѣ-бы ни было и въ какой-
бы то ни было формѣ. За эти-то отдаленныя и
прошлыя услуги и рассчитывается теперь обще-
ство и, — удивительное дѣло!—если мысленно про-
слѣдить весь ходъ безконечныхъ сношеній, сдѣ-
ланныхъ для того, чтобы достигнуть извѣстнаго
результата, то увидишь, что каждый получилъ
вознагражденіе за свой трудъ; что эти права пе-
реходили изъ рукъ въ руки, то раздробляясь, то
группируясь вмѣстѣ, пока потребленіе этого сту-
дента не привело дѣло къ равновѣсію. Какое въ
самомъ дѣлѣ, странное явленіе?

Отказаться, не признавать того, что общество не может представить такихъ сложныхъ комбинацій, въ которыхъ гражданскіе и уголовные законы принимаютъ такъ мало участія, не подчиняясь дѣйствию этого чуднаго механизма, значить отвращать глаза отъ свѣта, истины. Этотъ механизмъ и есть предметъ изученія *политической экономіи*.

Тутъ надо отмѣтить еще то достойное вниманія, что въ этомъ несчетномъ числѣ взаимныхъ сдѣлокъ, дающихъ возможность студенту прожить одинъ день, нѣтъ, можетъ быть и миллионной доли такихъ, которыя были-бы заключены непосредственно. Предметы, которыми студентъ пользуется сегодня, — а ихъ безконечное множество, — являются дѣломъ людей, большинство которыхъ давнымъ-давно исчезли съ лица земли. Тѣмъ не менѣе всѣ они получили вознагражденіе, на которое рассчитывали, хотя тотъ, кто пользуется теперь продуктомъ ихъ труда, собственно ничего не сдѣлалъ для нихъ. Онъ и не зналъ ихъ и никогда не узнаетъ. Кто читаетъ эту страницу, въ тотъ самый моментъ, въ которой ее читаетъ, можетъ хотя, пожалуй и не сознаетъ этого, привести въ движеніе людей всѣхъ странъ, всѣхъ племенъ, скажу даже, — всѣхъ временъ, людей, бѣлыхъ, черныхъ, красныхъ, желтыхъ; онъ можетъ призвать къ содѣйствию, къ удовлетворенію своимъ теперешнимъ потребностямъ поколѣнія, давно сошедшія въ могилу, поколѣнія еще не народившіяся, и этою чрезвычайною силой онъ обязанъ тому, что отецъ его когда-то въ давно-былое время оказалъ услуги другимъ людямъ, которые повидимому не имѣютъ ни-

чего общаго съ тѣми, которые теперь дѣйствуютъ своимъ трудомъ. А между тѣмъ между отдѣльными лицами и цѣлыми поколѣніями установилось, безъ отношенія ко времени и пространству, такое равновѣсіе, что каждый получилъ свое вознагражденіе, получилъ то, что онъ рассчитывалъ получить.

Въ самомъ дѣлѣ, могло-ли произойти все это, могли-ли совершиться такія чрезвычайныя явленія, если-бы не существовало въ обществѣ естественной и мудрой *организціи*, дѣйствующей, такъ-сказать, безъ нашего вѣдома?

Въ наши дни много говорятъ объ изобрѣтеніи какой-то новой *организціи*. Но можно-ли вѣрить, чтобы какой-нибудь мыслитель, какъ-бы онъ ни былъ геніаленъ и какой-бы авторитетъ ни признавали за нимъ, могъ дѣйствительно выдумать и ввести какую-нибудь организацію, болѣе совершенную, чѣмъ та естественная организація, которую я только-что набросалъ?

Посмотримъ, въ чемъ состоятъ колеса, внутреннія пружины и двигатели того новаго механизма.

Эти колеса—люди, т. е. существа, способныя учиться, размышлять, рассуждать, ошибаться, исправлять свои ошибки, а слѣдовательно и дѣйствовать на улучшеніе или поврежденіе самого механизма. Они способны испытывать радости и печали и въ этомъ отношеніи они являются не только колесами, но и внутренними пружинами механизма. Но они являются и его основными двигателями, потому что въ нихъ содержится самый принципъ дѣятельности. Но этого мало: они

являются сами объектомъ и цѣлью этой дѣятельности, потому что въ концѣ-концовъ все опредѣляется личными удовлетвореніями и страданіями.

Новые изобрѣтатели, конечно, замѣтили это и къ несчастью, не трудно было замѣтить, что при дѣйстви дальнѣйшемъ развитія, и даже прогрессѣ (кто допускаетъ его) могущественнаго естественнаго механизма, многія колеса неизбежно дѣйствиемъ рока разсыпались; что для очень большаго числа человѣческихъ существъ сумма незаслуженныхъ страданій значительно превосходитъ сумму ихъ радостей.

При видѣ такого явленія многіе искренніе люди съ умомъ и великодушнымъ сердцемъ усомнились въ состоятельности самого механизма. Они прямо отвергли его, не захотѣвши хорошенько изучить его, напали и подчасъ жестоко на тѣхъ, кто открылъ и изложилъ законы этого механизма; они возстали противъ самой природы вещей и въ концѣ всего предложили *организовать* общество по новому плану, въ которомъ не найдется мѣста несправедливости, страданіямъ и заблужденіямъ.

Да сохранить меня Богъ отъ того, чтобы возставать противъ замысловъ, завѣдомо филантропическихъ и чистыхъ! Но я-бы отказался отъ своихъ убѣжденій, отступилъ-бы передъ голосомъ своей совѣсти, если-бы я не сказалъ, что эти люди, по моему мнѣнію, идутъ по ложному пути.

Прежде всего они, по существу своей пропаганды, принуждены печальною необходимостью не признавать блага, которое доставляетъ общество, отрицать его успѣхи, винить его за всѣ бѣдствія, разыскивать ихъ съ какою-то алчною заботливостью и при этомъ черезъ мѣру преувеливать ихъ.

Когда они увѣрились, что открыли новую общественную организацію, совершенно отличную отъ той, которая является результатомъ естественныхъ стремленій человѣчества, то поневолѣ должны, чтобы доставить побѣду своему изобрѣтенію, изобразить въ самыхъ мрачныхъ краскахъ послѣдствія той организаціи, которую хотятъ уничтожить. Публицисты, которыхъ я разумѣю, провозгласивъ, съ энтузіазмомъ, можетъ быть, нѣсколько приподнятымъ, принципъ совершенствованія человѣка, впадаютъ въ странное противорѣчіе, когда говорятъ, что общество портится все больше и больше. Послушать ихъ, — выходитъ, что люди стали въ тысячу разъ несчастнѣе, чѣмъ были въ старинныя времена, при господствѣ феодальнаго права и рабства; что міръ сталъ какимъ-то адомъ. Если-бы возможно было оживить Парижъ X вѣка, я увѣренъ, что подобное положеніе упало-бы само-собою.

Потомъ они принимаются осуждать самый принципъ людскихъ дѣяній, я хочу сказать *личныи интересъ*, за то, что онъ привелъ общество къ такому положенію. Замѣтимъ, что человѣкъ устроенъ такъ, что всегда ищетъ пріятнаго и избѣгаетъ страданія; я согласенъ, что отсюда родятся всѣ общественныя бѣдствія, — война, рабство, монополія, привилегія; но отсюда-же идетъ и всякое благо, такъ какъ удовлетвореніе потребностей и отвращеніе отъ страданія суть главные двигатели человѣка. Слѣдовательно, вопросъ — въ томъ, чтобы узнать, не составляетъ-ли этотъ двигатель, который, по своей универсальности, изъ индивидуальнаго сдѣлался социальнымъ, самого принципа прогресса.

Во всякомъ сручаѣ, развѣ не замѣчаютъ изобрѣтатели новыхъ организацій, что этотъ принципъ, врожденный человѣку, послѣдуетъ за ними въ ихъ организаціяхъ, и что тамъ онъ надѣлаетъ имъ больше бѣдъ, чѣмъ въ нашей естественной организаціи, гдѣ несправедливыя притязанія и личный интересъ каждаго, по крайней мѣрѣ, сдерживаются сопротивленіемъ всѣхъ? Эти предметы предполагаютъ всегда два несообразныя положенія: одно — что такое общество, какъ они его задумали, будетъ управляться людьми непогрѣшимыми и свободными отъ этого двигателя, т. е. личнаго интереса; другое — что народныя массы непременно дадутъ этимъ людямъ право управлять собою.

Наконецъ, организаторы, повидимому, совсѣмъ не заботятся о средствахъ для осуществленія своихъ проектовъ. Какимъ способомъ они доставятъ торжество своимъ системамъ? Какимъ способомъ они заставятъ всѣхъ людей заразъ отказаться отъ этого принципа, который приводитъ ихъ въ движеніе, т. е. отъ стремленія къ удовлетворенію потребностей и отвращенія къ страданіямъ? Тогда придется, какъ сказалъ Руссо, *измѣнить нравственное и физическое устройство человѣка?*

Чтобы заставить всѣхъ людей заразъ сбросить съ себя, какъ неудобное платье, теперешній общественный порядокъ, въ которомъ однако человечество жило и развивалось съ самаго начала и до нашихъ дней, принять новую организацію, придуманную людьми, и сдѣлаться послушнымъ орудіемъ другого механизма, — для этого, есть, какъ мнѣ кажется, только два средства: сила и всеобщее согласіе.

Необходимо одно изъ двухъ: или чтобы организаторъ располагалъ такой силой, которою онъ могъ-бы преодолѣть всѣ сопротивленія, такъ что человечество представляло-бы собою въ его рукахъ мягкій воскъ, изъ котораго онъ могъ-бы по своей фантазіи лѣпить все, что угодно, или чтобы онъ могъ посредствомъ убѣжденія добиться такого полнаго исключительнаго и слѣпago согласія, которое устраняло-бы всякую надобность въ употребленіи внѣшней силы.

Я сомнѣваюсь, чтобы нашлось третье средство, съ помощью котораго могла-бы восторжествовать и войти въ жизнь фаланстерія, или всякая другая искусственная организація обществъ.

А если дѣйствительно нѣтъ другихъ средствъ, кромѣ этихъ двухъ, и если новые организаторы докажутъ, что оба они одинаково непрактичны, то тѣмъ самымъ докажутъ только, что сами понапрасну теряютъ время и трудъ.

Что касается до внѣшней матеріальной силы, которая могла-бы подчинить имъ всѣхъ царей и всѣ живущіе на землѣ народы, то объ этомъ даже сами мечтатели, какъ-бы ни было сильно ихъ воображеніе, никогда не думали. Король Альфонсъ въ порывѣ гордости могъ сказать: „Если-бы при мірозданіи я былъ призванъ на совѣтъ Бога, то звѣздный міръ былъ-бы лучше устроенъ“. Но если онъ и ставилъ собственный разумъ выше премудрости Творца, то все-таки, не былъ настолько безумцемъ, чтобы вступать въ борьбу съ Божіимъ всемогуществомъ, и въ исторіи не говорится о томъ, что онъ старался заставить звѣзды двигаться по законамъ собственнаго измышленія. Декартъ так-

же составилъ маленькій міръ изъ костяныхъ шариковъ и нитокъ, но хорошо сознавалъ, что онъ не настолько силенъ, чтобы двигать вселенной. Одинъ только Ксерксъ, въ опьяненіи своего могущества, дерзнулъ сказать морскимъ волнамъ: „Вы не пойдете далѣе этого“. Но не волны отступили передъ Ксерксомъ, а Ксерксъ отступилъ передъ волнами, и не явись это оскорбительное для него, но мудрое предостереженіе, онъ поглотили-бы горделиваго царя.

Итакъ, организаторамъ не достаетъ силы подвергнуть человѣчество своимъ эспериментамъ. Если-бы имъ даже удалось склонить къ своему дѣлу симпатіи персидскаго шаха, татарскаго хана и всѣхъ повелителей народовъ, властно распоряжающихся своими подданными, то и тогда они не могли-бы еще располагать такой силой, чтобы размѣстить людей по группамъ и серіямъ и уничтожить общіе законы собственности, обмѣна, наследственности и семейства, потому что даже въ Персіи и Тартаріи приходится болѣе или менѣе считаться съ людьми. Если-бъ кто нибудь изъ этихъ владыкъ и захотѣлъ измѣнить нравственный и физическій строй своихъ подданныхъ, то, весьма вѣроятно, что ему скоро нашелся-бы наследникъ, который не рискнулъ-бы продолжать начатой опытъ.

Такъ какъ сила находится совершенно внѣ распоряженія нашихъ многочисленныхъ организаторовъ, то имъ и не остается никакого другого средства, какъ заручиться *всеобщимъ* согласіемъ на ихъ преобразованія.

Для этого существуетъ два способа: убѣжденіе и клевета:

Убѣжденіе! Но никогда не было видано, чтобы два умныхъ человѣка были вполне согласны по всѣмъ пунктамъ какой-нибудь одной науки. Какимъ-же образомъ всѣ люди разныхъ племенъ, языковъ и нравовъ, разсѣянные на поверхности земного шара, изъ которыхъ большинство не умѣетъ даже читать и умереть никогда ничего не слыхавши ни о какомъ *реформаторѣ*, единогласно примутъ всемірную науку?

Но въ чемъ дѣло? Въ томъ, чтобы измѣнить характеръ труда, торговли, домашнихъ, гражданскихъ и религіозныхъ отношеній, однимъ словомъ— измѣнить физическій и нравственный строй человѣка!—И надѣяться убѣжденіемъ соединить въ одно все человѣчество!

Какая черезчуръ тяжелая задача!

Когда говорятъ своимъ ближнимъ:

„Уже 5.000 лѣтъ существуетъ недоразумѣніе между Богомъ и человѣчествомъ.

„Съ Адама и до нашихъ дней родъ человѣчскій идетъ по ложному пути; если онъ повѣритъ мнѣ, то я выведу его на истинный путь.

„Богъ хотѣлъ, чтобы человѣчество шло инымъ путемъ, но оно само не захотѣло этого, и вотъ почему зло водворилось въ мірѣ. Пускай человѣчество все разомъ откликнется на мой призывъ и пойдетъ въ обратномъ направленіи, и тогда всеобщее счастье озаритъ всѣхъ“.

Когда, говорю я, начинаютъ такимъ образомъ, то хорошо если увѣрять въ нихъ пять-шесть сторонниковъ; но стсюда до миллиарда людей еще далеко, очень далеко, такъ далеко, какъ неизмѣримо самое разстояніе между ними.

Подумайте еще и о томъ, что число соціальныхъ изобрѣтеній такъ-же безгранично, какъ и область воображенія; что нѣтъ ни одного публициста, который-бы, уединившись на нѣсколько часовъ въ своемъ кабинетѣ, не могъ-бы выдти изъ него съ какимъ-нибудь планомъ искусственной организаціи въ рукахъ; что изобрѣтенія Фурье, С.-Симона, Овена, Кабета, Блана и другихъ совсѣмъ не походятъ другъ на друга; что не проходитъ дня безъ того, чтобы не появились какіе-нибудь планы; что человѣчество по истинѣ до нѣкоторой степени право, если хочетъ собраться съ мыслями и пораздумать прежде, чѣмъ отбросить данную ему Богомъ соціальную организацію и сдѣлать рѣшительный и безповоротный выборъ изъ такого множества соціальныхъ изобрѣтеній. И въ самомъ дѣлѣ, что произошло-бы, если-бъ общество выбрало себѣ одинъ изъ этихъ плановъ, а потомъ представился ей другой, лучшій? Можетъ-ли оно каждый день устанавливать все разныя основанія для собственности, семьи, труда, торговли? Должно-ли оно быть готово каждое утро мѣнять свою организацію?

„Итакъ, говоритъ Руссо, законодатель, не имѣя возможности употребить ни силу, ни убѣжденіе, по необходимости прибѣгаетъ къ авторитету иного порядка, который-бы могъ увлечь безъ насилія и убѣдить безъ принужденія“.

Что-же это за авторитетъ?

Обольщеніе Руссо не смѣетъ произнести это слово, но, слѣдуя своему всегдашнему обыкновенію въ подобныхъ случаяхъ, онъ ставитъ его сзади прозрачной завѣсы такой краснорѣчивой тирады:

„Вотъ что во всѣ времена, говоритъ онъ, заставляло вождей народовъ прибѣгать къ помощи неба и дѣлать боговъ причастными собственной мудрости, дабы народы, подчиняясь законамъ государства такъ-же, какъ и законамъ *природы*, и признавая одну и ту-же силу въ образованіи какъ чело-вѣка, такъ и общества, повиновались *свободно*, безъ принужденія и покорно несли ярмо общественнаго благополучія. Рѣшенія этого *высшаго* разума, возвышающаго этихъ вождей надъ обычнымъ уровнемъ людей, законодатель влагаетъ въ уста бессмертныхъ, чтобы увлечь силою божественнаго авторитета тѣхъ, которыхъ нельзя взять силою чело-вѣческаго убѣжденія. Но не всякій чело-вѣкъ можетъ заставить говорить боговъ, и т. д.“

Я не обвиняю современныхъ *вождей народовъ* въ томъ, что они прибѣгаютъ къ такому недостойному плутовству, однако не слѣдуетъ скрывать отъ себя и того, что, если стать на ихъ точку зрѣнія, то будетъ понятно, что они такъ легко увлекаются, вслѣдствіе своего желанія добиться успѣха. Когда искренній чело-вѣкъ, преисполненный чело-вѣко-любія, вполне убѣжденъ, что обладаетъ соціаль-ной тайной, при помощи которой всѣ ближніе его могли-бы пользоваться безграничнымъ счастьемъ въ этомъ мірѣ; когда онъ ясно видитъ, что не можетъ доставить торжества своей идеѣ ни силой, ни убѣжденіемъ, и что плутовство даетъ ему единственное къ тому средство, то онъ долженъ испыты-вать сильное искушеніе. Извѣстно, что даже служители церкви, которые должны-бы чувствовать сильнѣйшее отвращеніе отъ лжи, и тѣ не отсту-пали отъ *благочестивыхъ обмановъ*; и можно ви-

дѣтъ на примѣрѣ такого строгаго писателя, какъ Руссо, поставившаго въ заголовкѣ всѣхъ своихъ сочиненій: *Vitam impendere vero* (жизнь посвятить правдѣ), что гордая философія сама поддается соблазнительному дѣйствию правила — *цѣль оправдываетъ средства*. Что-же удивительнаго, что современные организаторы мечтаютъ также *сдѣлать боговъ участниками собственной мудрости, вложить свои рѣшенія въ уста безсмертныхъ, увлечь народы безъ насилія и убѣдить ихъ безъ принужденія?*

Извѣстно, что у Фурье, по примѣру Моисея, книга Бытія предшествовала Второзаконію. С.-Симонъ и его ученики въ своихъ проповѣдническихъ стремленіяхъ пошли еще дальше. Другіе, болѣе отважные, связываютъ себя съ самой распространенной религіей, которую, подъ именемъ новаго христіанства, видоизмѣняютъ согласно своимъ воззрѣніямъ, и не найдется никого, кто-бы не былъ пораженъ тѣмъ напыщенно-мистическимъ тономъ, съ которымъ современные реформаторы обращаются въ своихъ проповѣдяхъ.

Но всѣ усилія, употреблявшіяся въ этомъ смыслѣ, доказали справедливость только одного, правда, имѣющаго свое значеніе положенія, — что въ наши дни не можетъ быть пророкомъ всякій, кто хочетъ имъ быть. Сколько ни провозглашай себя Богомъ, никто не повѣритъ тебѣ, ни общество, ни твои доброжелатели, да и самъ себѣ не повѣришь.

Такъ какъ я уже говорилъ о Руссо, то позволю себѣ привести здѣсь нѣсколько размышленій объ этомъ *организаторѣ*, тѣмъ болѣе, что они помогутъ разъясненію разницы между искусственной и естественной организаціей. Къ тому-же это от-

ступленіе не будетъ совсѣмъ неумѣстно, такъ какъ съ нѣкотораго времени на „Соціальный Договоръ“ (Contrat social) смотрятъ, какъ на оракуль будущаго.

Руссо былъ убѣжденъ, что одиночество есть естественное состояніе человѣка и что, слѣдовательно, общество выдуманно людьми. „Соціальный порядокъ, говоритъ онъ, въ самомъ началѣ, идетъ не отъ природы и основывается стало-быть на договорахъ“.

Кромѣ того, хотя этотъ философъ страстно любилъ свободу, однако имѣлъ печальное мнѣніе о людяхъ. Онъ считалъ ихъ совсѣмъ неспособными дать себѣ хорошее устройство. А потому было безусловно необходимо вмѣшательство какого-нибудь основателя, законодателя, вождя народовъ.

„Народъ, подчиняясь законамъ, говоритъ онъ, самъ долженъ быть ихъ творцемъ. Установить условія для существованія общества должны тѣ, которые соединяются въ общество, но какъ они установятъ ихъ? Совершится-ли это по взаимному соглашенію, вдругъ, по внезапному внушенію? Какимъ образомъ слѣпая масса, которая часто сама не знаетъ, чего хочетъ, потому что она рѣдко знаетъ, въ чемъ ея благо, исполнить сама такое большое и трудное дѣло, какъ законодательная система?.. Частные люди видятъ благо, которое отвергаютъ, общество хочетъ блага, котораго не видитъ; для всѣхъ одинаково нужны руководители... Вотъ откуда возникаетъ надобность въ законодателѣ“.

Этотъ законодатель, какъ мы видѣли, „не можетъ дѣйствовать ни силою, ни убѣжденіемъ и

по необходимости прибѣгаетъ къ авторитету другого порядка“, т. е., выражаясь точнѣе, прибѣгаетъ къ плутовству.

Нельзя представить себѣ, на какую недосягаемую высоту сравнительно съ другими людьми ставить Руссо своего законодателя:

„Нужны боги, чтобы давать законы людямъ... Кто отваживается заняться устройствомъ народа, долженъ чувствовать себя въ состояніи измѣнить, такъ-сказать, человѣческую природу... Передѣлать организмъ человѣка, чтобы сдѣлать его болѣе сильнымъ... Надо отнять у человѣка его собственныя силы, чтобы замѣнить ихъ надѣлить его другими чуждыми ему... Во всемъ этомъ законодатель является чрезвычайнымъ человѣкомъ въ государствѣ, назначеніе его совершенно особенное, высшее, не имѣющее ничего общаго съ дарованною человѣку властью... Если справедливо, что великій правитель—рѣдкость, то что-же сказать о великомъ законодателѣ? Первому приходится только слѣдовать по образцу, представленному послѣднимъ. Одинъ является механикомъ, изобрѣтающимъ машину, а другой простымъ рабочимъ, который собираетъ ее и пускаетъ въ ходъ“.

Что-же такое человѣчество во всемъ этомъ?

Презрѣнная матерія, изъ которой составлена эта машина.

Въ самомъ дѣлѣ, развѣ это не гордость, доведенная до безумія? Люди образуютъ собою только матеріаль машины, которую правитель заставляетъ двигаться по модели, предложенной законодателемъ; а философъ руководитъ законодателемъ, становясь такимъ образомъ на неизмѣримое разстояніе отъ

народа, правителя и самого законодателя; онъ, такъ-сказать, паритъ надъ человѣчествомъ, приводитъ его въ движеніе, передѣлываетъ, такъ-сказать, заквашиваетъ его, или скорѣй научаетъ вождей народовъ—какъ надо браться за дѣло.

Однако устроитель народа долженъ-же имѣть какую-нибудь цѣль передъ глазами. Хотя это только матерія, съ которою онъ имѣетъ дѣло, но надо-же направить ее къ какому-нибудь концу. Такъ какъ люди лишены инициативы и все зависитъ отъ законодателя, то онъ одинъ рѣшаетъ, долженъ-ли народъ заниматься торговлей, земледѣліемъ, или оставаться въ варварскомъ состояніи, ихтіофагомъ и т. д.; но при этомъ желательно, чтобы законодатель не ошибся и не очень насилуесть природу вещей.

Люди, *словорившись* соединиться вмѣстѣ, или вѣрнѣе—соединяясь въ общество по волѣ законодателя, имѣютъ весьма опредѣленную цѣль. „Въ силу этого, говоритъ Руссо, евреи и въ новое время арабы сдѣлали своимъ главнымъ предметомъ религію; аѳиняне — словесность; Карфагенъ и Тиръ—торговлю; Родосъ—мореходство; Спарта—войну и Римъ—воинскую доблесть“.

Что-же именно заставитъ насъ, французовъ, выдти изъ нашего одиночества или изъ *естественнаго состоянія*, чтобы образовать общество?

Или скорѣе (вѣдь мы—просто косная матерія, служимъ только матеріаломъ для машины) къ какой цѣли направить насъ великій *устроитель*?

По идеямъ Руссо тутъ не можетъ быть ни науки, ни торговли, ни мореходства. Война цѣль болѣе благородная, а добродѣтель еще благороднѣе.

Но есть еще одна цѣль, выше всѣхъ другихъ: что должно быть завершеніемъ всякой законодательной системы, это — *свобода и равенство*.

Но надо знать, что разумѣетъ Руссо подъ именемъ — свобода. Пользоваться свободой по его мнѣнію, не значитъ быть свободнымъ, а значитъ — *подать свой голосъ* даже въ томъ случаѣ, когда „будешь принужденъ къ этому безъ насилія и уговоренъ противъ своего убѣжденія“, ибо тогда, „повинуешься свободно, безъ принужденія и покорно несешь ярмо общественнаго благополучія“.

„Въ Греціи, говоритъ онъ, народъ дѣлалъ самъ все, что нужно было ему; онъ постоянно собирався на площади, жилъ въ мягкомъ климатѣ, не былъ жаденъ, рабы исполняли за него всѣ работы, его-же великимъ дѣломъ была свобода“.

„Англійскій народъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, думаетъ, что онъ свободенъ; онъ сильно ошибается; онъ бываетъ свободенъ только во время выборовъ членовъ парламента; но лишь только они избраны, онъ — рабъ, онъ — ничто“.

Слѣдовательно, народъ, если онъ хочетъ быть свободнымъ, долженъ дѣлать самъ все, что касается до общественныхъ обязанностей, такъ какъ въ этомъ только и состоитъ свобода. Онъ долженъ постоянно избирать, всегда находиться на площади, и горе ему, если онъ вздумаетъ работать для того, чтобъ жить.

Лишь только кто-нибудь изъ гражданъ отважится заняться собственными дѣлами, тотчасъ-же (любимое выраженіе Руссо) все пропадаетъ.

Да, затрудненіе не малое. Какъ быть, въ самомъ дѣлѣ? Чтобы упражняться въ добродѣтели,

даже изловчиться въ свободѣ, надо прежде всего существовать чѣмъ-нибудь.

Сейчасъ видно было, за какой оболочкой краснорѣчія скрылъ Руссо слово *плутовство*. Теперь же видно будетъ, какимъ потокомъ краснорѣчія воспользовался онъ, чтобы придти къ общему выводу своей книги—къ *рабству*.

„Ваши суровые климаты создаютъ ваши нужды, въ теченіе шести мѣсяцевъ въ году площадь остается пуста; ваши глухіе голоса не могутъ быть слышны на открытомъ воздухѣ, и вы меньше боитесь рабства чѣмъ нищеты.

„Вы хорошо видите, что не можете быть свободны.—Какъ! Свобода можетъ сохраняться, только опираясь на рабства? Можетъ быть“.

Если-бы Руссо остановился на этомъ странномъ словѣ, читатель возмутился-бы. И вотъ онъ прибѣгаетъ къ внушительной декламации у Руссо нѣтъ никогда недостатка въ ней.

„Все, что не въ природѣ (говорится объ обществѣ), имѣетъ свои неудобства, а гражданское общество—болѣе чѣмъ что-нибудь другое. Бываютъ такія несчастныя положенія, при которыхъ нельзя сохранить свою свободу иначе, какъ на счетъ своего ближняго, и при которыхъ гражданинъ не можетъ быть вполне свободенъ безъ того, чтобы рабъ не сдѣлался еще болѣе рабомъ. Вы, современные народы, у васъ нѣтъ рабовъ, но вы сами рабы; вы собой оплачиваете ихъ свободу... Какъ вы ни хвастаетесь этимъ преимуществомъ, но я нахожу въ немъ болѣе низкаго малодушія, чѣмъ челолюбія“.

Хотѣлъ-бы я знать, не надо-ли понимать эту

рацею такъ: „современные народы, вы сдѣлали-бы лучше если-бы сами перестали быть рабами, а сдѣлали рабами другихъ“.

Да извинить меня читатель за это длинное отступление; я думалъ, что оно не бесполезно. Съ нѣкоторыхъ поръ намъ представляютъ Руссо и послѣдователей его „Соціальнаго Договора“ апостолами братства. Люди—какъ бездушный матеріаль, правитель—какъ механикъ, вожди народовъ—какъ изобрѣтатели машины, философъ—какъ нѣчто стоящее выше всѣхъ, плутовство—какъ средство, рабство—какъ результатъ всего,—и вотъ въ чемъ состоитъ братство, которое намъ обѣщаютъ?

Мнѣ казалось также, что изученіе „Соціального Договора“ можетъ показать, что именно содержится характернаго въ искусственныхъ соціальныхъ организаціяхъ. Отправляться отъ той мысли, что общество противно природѣ вещей; искать всякихъ комбинацій, въ которыя можно было-бы уложить человѣчество; терять изъ виду, что оно само содержитъ въ себѣ двигающую его силу; смотрѣть на людей, какъ на бездушный матеріаль; заботиться о томъ, чтобы сообщить имъ движеніе и волю, чувство и жизнь, и такимъ образомъ поставить себя неизмѣримо выше всего человѣчества—вотъ черты, общія всѣмъ изобрѣтателямъ общественныхъ организацій. Системы ихъ различны между собой, но сами изобрѣтатели похожи другъ на друга.

Въ числѣ новыхъ устройствъ, къ которымъ приглашаются слабые смертные, есть одно, изображаемое въ такихъ выраженіяхъ, которыя дѣлаютъ его достойнымъ вниманія. Формула эта такова: *прогрессивная и добровольная ассоціація.*

Но политическая экономія и основывается на томъ именно положеніи, что общество есть ничто иное, какъ ассоціація, ассоціація несовершенная сначала, потому что самъ человѣкъ несовершененъ, но совершенствующаяся вмѣстѣ съ нимъ, т. е. *прогрессивная*. Понимаютъ-ли ее въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, какъ союзъ между трудомъ, капиталомъ и талантомъ, союзъ, результатомъ котораго должно получиться для членовъ человѣческой семьи большее количество благъ и лучшее ихъ распредѣленіе? Если эти ассоціаціи *добровольны*, если никакая сила и принужденіе не вмѣшиваются въ нихъ, если члены такого союза не обнаруживаютъ притязаній на то, чтобы расходы, связанные съ его устройствомъ, возложить на тѣхъ, кто отказывается вступить въ ихъ среду, въ чемъ-же такая ассоціація была-бы противна политической экономіи? Развѣ политическая экономія, какъ наука, не занимается изученіемъ различныхъ формъ, въ которыхъ люди соединяются вмѣстѣ, чтобы распредѣлить между собой занятія, ради бѣльшаго благосостоянія и его наилучшаго распредѣленія? Развѣ торговля не представляетъ намъ то и дѣло примѣровъ, какъ двое, трое, четверо составляютъ между собой ассоціаціи? Развѣ половничество не есть въ своемъ родѣ простая, если хотите, форма ассоціаціи капитала и труда? Развѣ мы не видали, какъ въ послѣднее время составлялись компаніи на акціяхъ, при которыхъ самый ничтожный капиталъ получаетъ возможность участвовать въ самыхъ обширныхъ предпріятіяхъ? Развѣ въ нашей странѣ не найдется нѣсколькихъ фабрикъ, въ которыхъ стараются сдѣлать всѣхъ работающихъ на нихъ участниками

въ результатахъ производства? Развѣ политическая экономія осуждаетъ такія попытки людей—извлечь наибольшую выгоду изъ своихъ силъ? Развѣ она утверждала когда-нибудь, что человѣчество сказало свое послѣднее слово? Совсѣмъ наоборотъ, и я увѣренъ, что никакая другая наука не доказывала такъ ясно, что общество находится еще въ младенчествѣ.

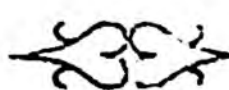
Но какія-бы надежды ни возлагали на будущее, какія-бы представленія ни составляли о формахъ, въ которыхъ человѣчество могло-бы достигнуть наилучшаго устройства своихъ отношеній, всеобщаго распространенія благоденствія, знаній и нравственности, а надо все-таки признать, что общество представляетъ собою такую организацію, основаніемъ которой служитъ разумное нравственное существо, одаренное свободою, волей и способное къ совершенствованію. Если вы отымете у него свободу, то общество превратится въ печальный и грубый механизмъ.

Свободу! Какъ будто ея не хотятъ больше въ наши дни. Во Франціи, въ этомъ привилегированномъ царствѣ моды, свобода какъ будто вышла изъ употребленія. А я говорю: кто отвергаетъ свободу, тотъ не вѣритъ въ человѣчество. Нѣкоторые-же утверждаютъ, что недавно сдѣлано прискорбное открытіе — будто свобода роковымъ образомъ ведетъ къ монополіи. Нѣтъ, такого чудовищнаго, противъестественнаго сочетанія не существуетъ; это—воображаемый результатъ заблужденія, которое тотчасъ-же разсѣвается при свѣтѣ политической экономіи. Свобода порождаетъ монополію! Притѣсненіе—естественное порожденіе

свободы! Но будемъ осторожны: утверждать это, значить—утверждать, что стремленія челоѳчества дурны въ самомъ корнѣ, дурны сами въ себѣ, дурны по самому существу своему;—значить доказывать, что челоѳкъ по самой природѣ своей стремится къ ухудшенію, а разумъ его неудержимо идетъ къ заблужденію. Къ чему-же ведутъ тогда наши школы, наше ученье, наши изслѣдованія, наши обсужденія, какъ не къ тому, чтобы дать намъ сильнѣйшій толчекъ къ низверженію по этой роковой наклонной плоскости, ибо научиться выбирать наилучшее значило-бы для челоѳчества научиться самоистребленію? Если стремленія челоѳчества по существу своему нечестивы, то въ чемъ-же наши организаторы, желающіе измѣнить ихъ, будутъ искать точки опоры? Согласно ихъ посылкамъ, эта точка опоры должна находиться внѣ челоѳчества. Найдутъ-ли они ее въ самихъ себѣ, въ своемъ разумѣ, въ своемъ сердцѣ? Но, вѣдь, они еще не боги; они тоже люди, а слѣдовательно, тоже стремятся со всѣмъ челоѳчествомъ къ роковой пропасти, Но, можетъ быть, будутъ взывать къ вмѣшательству государства? Но и государство состоитъ изъ людей, пришлось-бы доказывать, что они составляютъ какой-то особый классъ людей, и что не для нихъ существуютъ общіе социальныя законы, если на нихъ возлагаютъ трудъ создать эти законы. Безъ такого доказательства трудность рѣшенія вопроса ни сколько не устраняется.

Не будемъ обрекать на смерть челоѳчество, пока не изучимъ законовъ, силъ, энергій и стремленій его. Ньютонъ, съ тѣхъ поръ какъ открылъ законъ тяготѣнія, произносилъ всегда имя Божіе

съ непокрытой головой. На сколько разумъ выше матеріи, настолько и соціальный міръ выше того матеріальнаго міра, которымъ такъ восхищался Ньютонъ, такъ какъ небесный механизмъ повинуется законамъ, не сознавая ихъ. Во сколько разъ больше оснований имѣемъ мы преклониться передъ Вѣчною Мудростью, созерцая соціальный механизмъ, въ которомъ также живетъ вѣчная идея,—разумъ править матеріей (*mens agitat molem*), раскрывающая имъ, что этотъ механизмъ представляетъ собою чрезвычайное явленіе потому, что каждый атомъ его есть существо живое, мыслящее, одаренное тою изумительною энергіей, тѣмъ принципомъ нравственности, личнаго достоинства и прогресса, которые составляютъ исключительную принадлежность человѣка—*Свободой!*

III.

Капиталь.

Экономическіе законы дѣйствуютъ по одному и тому-же принципу, идетъ-ли дѣло о многочисленномъ сообществѣ людей, о двухъ отдѣльныхъ лицахъ или даже объ одномъ человѣкѣ, обреченномъ судьбою жить въ одиночествѣ.

Каждый человѣкъ, если-бы онъ могъ нѣкоторое время прожить одинъ, представлялъ-бы собою и капиталиста, и предпринимателя, и рабочаго, и производителя и потребителя. Въ немъ совершилась-бы вся экономическая эволюція. Наблюдая каждый изъ входящихъ въ составъ его элементовъ: потребность, усиліе, удовлетвореніе, даровую и трудовую полезность человѣка, получишь понятіе обо всемъ механизмѣ, хотя и въ его простѣйшей формѣ.

Если есть что-нибудь вполне очевидное на свѣтѣ, это — то, что *даровое* никогда не смѣшается съ тѣмъ, что требуетъ *усилій*. Человѣкъ всегда хорошо знаетъ, когда силы или матерія даются ему даромъ природой, безъ всякаго участія его труда, даже и въ томъ случаѣ, когда они вмѣшиваются, чтобы сдѣлать его болѣе производительнымъ.

Человѣкъ, живущій въ одиночествѣ, никогда не подумаетъ потребовать отъ своего труда того,

что можетъ непосредственно даромъ получить отъ природы. Онъ не пойдетъ искать воду куда-нибудь за версту, если есть источникъ у самой хижины его. По той-же причинѣ всякій разъ, какъ придется ему обращаться къ своему труду, онъ будетъ оставаться замѣнить его, насколько возможно, содѣйствіемъ силъ природы.

Вотъ почему, сооружая лодку, онъ сдѣлаетъ ее изъ самага легкаго дерева, чтобы воспользоваться вѣсомъ воды. Онъ постарается приладить къ ней парусъ, дабы вѣтеръ освободилъ его отъ труда грести веслами, и т. д.

Чтобы такимъ образомъ призвать къ содѣйствію естественныя силы природы, необходимы орудія, инструменты.

Здѣсь уже ясно, что человѣку, живущему въ одиночествѣ, непременно придется хорошенько разсчитать.

Онъ непременно задастся такимъ вопросомъ: теперь я получаю удовлетвореніе при извѣстномъ усилии съ своей стороны; когда-же я буду располагать какимъ-нибудь орудіемъ, то получу-ли я тоже удовлетвореніе при меньшемъ усилии, но прибавляя къ усилю, которое мнѣ придется сдѣлать, еще и трудъ, необходимый для приготовленія самага орудія?

Никто не станетъ тратить свои силы ради только одного удовольствія тратить ихъ. Робинзонъ только тогда примется за приготовленіе какого-нибудь орудія, когда онъ наконецъ убѣдится, что сбережетъ свои силы при одинаковомъ удовлетвореніи потребностей, или получитъ большее удовлетвореніе при тѣхъ-же усиліяхъ.

Одно обстоятельство имѣетъ большое вліяніе на расчетъ, это — число и повторяемость продуктовъ, производству которыхъ должно содѣйствовать орудіе во все время, пока оно дѣйствуетъ. Здѣсь на первомъ планѣ сравненія — Робинзонъ: всякій разъ, когда онъ хочетъ доставить себѣ, безъ всякой сторонней помощи, непосредственное удовлетвореніе, то прибѣгаетъ непременно къ помощи труда.

Онъ взвѣшиваетъ тогда, сколько труда сохранить ему орудіе въ каждомъ изъ подобныхъ случаевъ; но чтобы сдѣлать орудіе, надо еще потрудиться и эту работу онъ мысленно распредѣляетъ на общее число всѣхъ случаевъ, когда онъ будетъ имъ пользоваться. Чѣмъ больше это число случаевъ, тѣмъ убѣдительнѣе мотивъ, по которому онъ рѣшается прибѣгнуть къ такому средству. — Въ этомъ-то распредѣленіи *аванса* на совокупность всѣхъ продуктовъ и заключается сущность *процента* и его право на существованіе.

Рѣшившись приготовить себѣ какое-нибудь орудіе, Робинзонъ видитъ, что тутъ одной доброй воли и выгоды отъ него еще недостаточно. Нужны другія орудія, чтобы сдѣлать это новое орудіе; нужно желѣзо, чтобы ковать желѣзо и т. д.; восходя отъ одной трудности къ другой, онъ доходитъ до первоначальной трудности, которая кажется неразрѣшимой. Это даетъ намъ понятіе о той чрезвычайной медленности, съ какой составлялись капиталы въ самомъ началѣ, и какое громадное напряженіе силъ долженъ былъ дѣлать человѣкъ, чтобы достигнуть удовлетворенія своихъ потребностей.

Это еще не все. Если надо сдѣлать рабочіе

инструменты, то хотя и были-бы наготовѣ необходимыя для этого орудія, однако нуженъ еще *матеріалъ* для нихъ. Если этотъ матеріалъ и дается даромъ природою, какъ напримѣръ камень, то приходится все-таки собрать его въ одно мѣсто, а для этого нужно извѣстное напряженіе силъ.

Но обладаніе этими матеріалами почти всегда предполагаетъ какой-нибудь предшествующій трудъ, продолжительный и сложный, какой требуется, на-примѣръ, для выдѣлки шерсти, льна, желѣза, олова и т. д.

Но и это еще не все. Пока человѣкъ работаетъ съ единственною цѣлью облегчить себѣ будущій трудъ, ему некогда работать для удовлетворенія своихъ настоящихъ потребностей. Но это — такой порядокъ явленій, въ которомъ природа не захотѣла допустить никакихъ перерывовъ: каждый день приходится кормиться, одѣваться, имѣть кровъ, гдѣ укрыться. И вотъ Робинзонъ видитъ, что онъ не можетъ ничего предпринять, чтобы призвать къ содѣйствію себѣ естественныя силы природы, пока не соберетъ предварительно нужныхъ ему *запасовъ*. Каждый день онъ долженъ усиленно охотиться, чтобы отложить про запасъ часть дичи, отъ многого отказываться, чтобы выиграть время, необходимое для приготовленія задуманнаго имъ рабочаго инструмента. При такихъ обстоятельствахъ болѣе чѣмъ вѣроятно, что приготовленное имъ орудіе окажется грубо, несовершенно, т. е. будетъ мало пригодно къ дѣлу.

Съ теченіемъ времени способности Робинзона все совершенствуются. Постояннымъ мышленіемъ и опытностью нашъ островитянинъ научается лучше

работать; первое сработанное имъ орудіе даетъ ему возможность сработать другія орудія и скорѣе накопить необходимые запасы.

Орудія, матеріалы, запасы—вотъ что Робинзонъ, безъ сомнѣнія, назоветъ своимъ капиталомъ и охотно признаетъ, что чѣмъ больше будетъ капиталъ, тѣмъ лучше онъ приспособитъ себѣ естественныя силы природы, тѣмъ лучше и больше онѣ будутъ помогать ему въ его трудѣ и, наконецъ, тѣмъ больше его усилія будутъ соответствовать удовлетворенію его потребностей.

Станемъ теперь въ центръ общественнаго устройства. Капиталъ и здѣсь также состоитъ изъ рабочихъ инструментовъ, матеріаловъ и припасовъ, безъ которыхъ никто, ни въ одиночествѣ, ни въ обществѣ, не могъ-бы предпринять никакой продолжительной работы. Если кто достаточно снабженъ этимъ капиталомъ, то потому только, что создалъ его своими усиліями или лишеніями, и никто не сталъ-бы дѣлать этихъ усилій, совершенно чуждыхъ удовлетворенію настоящихъ потребностей, никто не сталъ-бы подвергать себя этимъ лишеніямъ, если-бы не имѣлъ въ виду какихъ-нибудь выгодъ въ будущемъ, если-бы не имѣлъ въ виду призвать къ содѣйствию себѣ наибольшее число естественныхъ силъ природы. Для обладателей такого капитала уступить его, значитъ лишитъ себя желаемой выгоды, значитъ—уступить ее другому, т. е. оказать ему *услугу*. А потому, или надо не имѣть никакого самаго элементарнаго представленія о справедливости и отказаться отъ голоса разума, или надо признать, что эти люди будутъ въ полномъ правѣ

дѣлать такую услугу только въ обмѣнъ на какую-нибудь другую услугу, установленную по свободному и добровольному соглашенію. Я не думаю, чтобы нашелся хоть одинъ человѣкъ на свѣтѣ, который сталь-бы оспаривать принципъ *взаимности услугъ*, потому что *взаимность услугъ*, другими словами, есть сама справедливость. Скажутъ, пожалуй, что такое соглашеніе не можетъ быть установлено *свободно* потому, что тотъ, кто владѣетъ капиталомъ, можетъ наследственно навязать свои требованія тому, кто не имѣетъ его. Но какъ же можетъ состояться такое соглашеніе? Какъ установить эту *соразмѣрность услугъ*, если не добровольнымъ соглашеніемъ той и другой стороны? Къ тому-же развѣ не видно того, что заемщикъ, свободный въ своемъ выборѣ, откажется отъ соглашенія, если оно невыгодно, и что заемъ никогда не можетъ содѣйствовать ухудшенію его положенія? Ясно, что вопросъ, которымъ онъ задается, будетъ состоять въ слѣдующемъ: доставитъ-ли мнѣ употребленіе этого капитала такія выгоды, которыя болѣе чѣмъ уравновѣсятъ условія, мнѣ предлагаемыя? Или: трудъ, который я принужденъ теперь употребить для полученія даннаго удовлетворенія, превышаетъ-ли онъ, или нѣтъ, тѣ усилія, которыя я долженъ буду сдѣлать вслѣдствіе займа, сначала для того, чтобы вернуть *услуги*, которыхъ съ меня требуютъ, а потомъ, чтобы достигнуть желаемаго удовлетворенія при помощи занятаго капитала? Прежде всего, всякій долженъ взвѣсить все это и сообразить, и если найдетъ, что никакой выгоды отъ этого соглашенія ему не окажется, то онъ и не станетъ зани-

мать и останется въ прежнемъ положеніи, и какой-же, спрашивается, вредъ произойдетъ для него? Но онъ можетъ ошибиться, возразятъ мнѣ. Безъ сомнѣнія. Ошибиться можно при всевозможныхъ комбинаціяхъ. Но слѣдуетъ-ли изъ этого, что здѣсь не можетъ свободно состояться никакое соглашеніе? Если-же это такъ, то пусть намъ скажутъ, чѣмъ должно замѣнить эту свободную волю, это свободное соглашеніе. Ужь не принужденіемъ-ли, такъ какъ внѣ свободы я ничего другого не знаю, кромѣ принужденія. Нѣтъ, отвѣтятъ мнѣ, рѣшеніемъ третьяго лица. Я вполне согласенъ на это, но лишь при соблюденіи трехъ условій. Первое — чтобы рѣшеніе этого лица, какъ-бы оно ни называлось, было свободно и поставлено внѣ всякаго принужденія. Второе — чтобы это лицо было непогрѣшимо, потому что не стоитъ труда одну погрѣшимость замѣнить другой, я-же предпочитаю въ этомъ случаѣ погрѣшимость заинтересованнаго лица. Наконецъ, третье условіе чтобы это третье лицо не получало за это никакой платы. Въ самомъ дѣлѣ ни странно-ли было-бы выражать свою симпатію къ заемщику тѣмъ, чтобы сначала отнять у него его свободу, а потомъ взвалить ему на плечи лишнюю тяготу, въ видѣ вознагражденія за эту филантропическую услугу. Но оставимъ вопросъ о правѣ и перейдемъ къ политической экономіи.

Капиталь, состоитъ-ли онъ изъ матеріаловъ, припасовъ или орудій, заключаетъ въ себѣ двѣ стороны: *полезность* и *цѣнность*. Я-бы очень неясно изложилъ теорію цѣнности, если-бъ читатель не понималъ, что тотъ, кто уступаетъ свой капиталъ,

требуетъ себѣ въ уплату за него только *цѣнность*, т. е. услугу, оказанную имъ въ свое время, вмѣстѣ съ трудомъ, который вы сэкономили заемщику. Въ дѣйствительности капиталъ—такой-же продуктъ, какъ и всякій другой, и получаетъ свое особое названіе только отъ своего будущаго назначенія. Очень было-бы ошибочно думать, что капиталъ существуетъ самъ по себѣ. Мѣшокъ хлѣба есть только мѣшокъ хлѣба, хотя-бы одинъ продавалъ его, какъ свой доходъ, а другой покупалъ, какъ капиталъ. Взаимный обмѣнъ совершается по слѣдующему неизмѣнному принципу: цѣнность за цѣнность, услуга за услугу; а все, что представляетъ собою даровую полезность, стоитъ внѣ торга, потому что даровой продуктъ не имѣетъ цѣнности, а предметомъ мѣновыхъ сдѣлокъ бываетъ только цѣнность. Въ этомъ отношеніи сдѣлки капиталами ничѣмъ не отличаются отъ всякихъ другихъ сдѣлокъ.

Отсюда въ соціальномъ устройствѣ происходятъ удивительныя явленія, на которыя я могу указать здѣсь только вскользь. Человѣкъ, живущій въ одиночествѣ, владѣетъ капиталомъ только тогда, когда онъ собралъ матеріалы, припасы и орудія. Совсѣмъ другое бываетъ съ человѣкомъ, живущимъ въ обществѣ. Если онъ оказалъ какія-нибудь услуги, то этого достаточно, чтобы онъ имѣлъ право, въ свою очередь, получить съ общества при помощи всего механизма обмѣна соответственную услугу. Подъ механизмомъ обмѣна я разумѣю монету, векселя, банковые билеты и даже банкировъ. Всякій, кто оказалъ какую-нибудь *услугу* и не получилъ еще соответствующаго ей *удовлетворенія*, стано-

вится предъявителемъ документа, или имѣющаго какую-нибудь цѣнность, какъ монета, или такого, на который можно получить ее, какъ банковый билетъ, — документа, дающаго предъявителю его право на полученіе съ общества, когда онъ захочетъ, гдѣ онъ захочетъ и въ какой захочетъ онъ формѣ, равную по цѣнности *услугу*. И такое явленіе рѣшительно ни въ чемъ не нарушаетъ, ни въ принципѣ, ни въ слѣдствіяхъ, ни въ отношеніи юридическаго права, великаго закона, который я стараюсь выяснитъ, а именно, что *услуги обмѣниваются на услуги*. Это все тотъ-же обмѣнъ, какимъ онъ былъ въ своемъ зародышѣ, только развившійся, выросшій, осложнившійся, но не переставшій быть самимъ собой.

Слѣдовательно, предъявитель такого документа можетъ получить съ общества, по своему усмотрѣнію, или немедленное удовлетвореніе, или такой предметъ, который, съ его точки зрѣнія, имѣетъ характеръ капитала; но до этого нѣтъ никакого дѣла тому, кто уступилъ свой капиталъ. Тутъ ужъ только одно — *соразмѣрность услугъ*.

Онъ можетъ также уступить свое право другому, а этотъ другой можетъ воспользоваться имъ какъ хочетъ, но съ соблюденіемъ лишь двухъ условій: возвращенія полученнаго и оказанія *услуги* въ различное время. Если взглянуть глубже въ существо дѣла, то окажется, что въ этомъ случаѣ уступающій *лишаетъ себя* въ пользу того, кому уступаетъ, или непосредственнаго удовлетворенія, отдавая его на нѣсколько лѣтъ, или орудія своего труда, которое увеличило-бы его силы, дало-бы ему возможность воспользоваться содѣй-

ствіемъ естественныхъ силъ природы и увеличило-бы въ его пользу отношеніе полученныхъ удовольствореній къ усиліямъ, которыя онъ сдѣлалъ. Онъ лишаетъ себя этихъ выгодъ и предоставляетъ ихъ другому. Это, безъ сомнѣнія, значитъ оказать *услугу* и невозможно допустить, по строгой справедливости, чтобы за эту услугу онъ не имѣлъ права на взаимность, т. е. на полученіе соотвѣтствующей услуги. Одно простое возвращеніе полученнаго въ концѣ года не можетъ быть разсматриваемо, какъ вознагражденіе за эту спеціальную услугу. Люди, думающіе иначе, не понимаютъ, что здѣсь дѣло идетъ не о простой продажѣ, при которой вознагражденіе выдается тотчасъ-же, какъ полученъ купленный предметъ. Здѣсь дѣло идетъ объ отсрочкѣ, а отсрочка, сама по себѣ, составляетъ особую услугу, такъ какъ она предполагаетъ жертву со стороны оказывающаго ее и доставляетъ выгоду тому, кто въ ней нуждается. Слѣдовательно, тутъ есть мѣсто особому вознагражденію, иначе пришлось-бы отказаться отъ высшаго общественнаго закона: *услуга за услугу*. Это - то вознагражденіе принимаетъ, смотря по обстоятельствамъ, различныя наименованія: *найма, аренды, ренты*, но генерическое имя его — *процентъ*.

Такимъ образомъ, благодаря удивительному механизму обмѣна, всякая *услуга* есть капиталъ, или можетъ сдѣлаться капиталомъ. Если рабочіе должны будутъ черезъ десять лѣтъ приступить къ постройкѣ желѣзной дороги, то вѣдь мы не можемъ съ нынѣшняго-же дня начать откладывать въ натурѣ: хлѣбъ, которымъ они будутъ питаться, холстъ, въ

который они будутъ одѣваться, и тачки, необходимы для этой продолжительной работы. Но мы можемъ отложить и передать имъ *цѣнность* всѣхъ этихъ предметовъ. Для этого достаточно оказать обществу въ настоящую минуту *услуги* и заручиться за нихъ правомъ на полученіе черезъ 10 лѣтъ хлѣба, холста. Тутъ нѣтъ даже необходимости оставлять это право безъ осуществленія въ промежуткѣ этого времени. Въ обществѣ есть торговцы, банкиры, есть такіе посредники, которые за наши услуги отвѣтятъ своей услугой и за насъ возьмутъ на себя эти лишенія. Болѣе-же всего удивительно здѣсь то, что мы можемъ совершить обратное дѣйствіе, какъ это ни кажется невозможнымъ съ перваго взгляда. Мы можемъ обратить въ рабочіе инструменты, въ желѣзныя дороги, въ дома капиталъ, который еще не народился, и, такимъ образомъ, утилизировать *услуги*, которыя будутъ оказаны только въ XX вѣкѣ. На это есть банкиры, которые выдадутъ капиталъ впередъ, на вѣру—что уплату его примутъ на себя рабочіе и путешественники въ третьемъ и четвертомъ поколѣніи, и выданные такими банкирами особые документы *на будущее* будутъ переходить изъ рукъ въ руки, никогда не дѣлаясь непроизводительными. Признаюсь—я не думаю, чтобы изобрѣтатели искусственныхъ обществъ какъ-бы они многочисленны ни были, могли когда-нибудь выдумать что-нибудь простѣе и въ тоже время сложнѣе этого, что нибудь болѣе остроумное и справедливое. Они, конечно, отказались-бы отъ своихъ дряблыхъ и тяжелыхъ утопій, если-бы только были знакомы съ чудными гармоніями соціальнаго механизма, уста-

новленнаго самимъ Богомъ. Арагонскій король также думалъ о томъ, какое подалъ-бы онъ мнѣніе о небесномъ механизмѣ, если-бъ Провидѣніе призвало его на совѣтъ. И, конечно, не Ньютону было за- даваться такою нечестивою мыслію.

Но надо сказать, что всѣ передачи услугъ, совершающіяся въ пространствѣ и во времени, основываются на томъ принципѣ, что *дать отсрочку значитъ оказать услугу*, другими словами—основываются на законности процента. Когда въ наше время одинъ социалистъ захотѣлъ уничтожить процентъ, то онъ не понялъ, что низводилъ обмѣнъ къ тому зачаточному состоянію его, къ тому простому немедленному обмѣну, который не имѣетъ ни будущаго, ни прошедшаго. Онъ не понялъ, что, считая себя самымъ передовымъ человѣкомъ, онъ оказался, напротивъ, самымъ отсталымъ изъ всѣхъ, потому что перестраивалъ общество по его самому примитивному образцу. Я хочу, говорилъ онъ, *взаимности услугъ*, а началъ съ того, что отнял характеръ *услугъ* именно у того разряда ихъ, который связываетъ, соединяетъ и объединяетъ всѣ пространства и всѣ времена. Впрочемъ, этотъ человѣкъ изъ всѣхъ социалистовъ, не смотря на все удалъство своихъ афоризмовъ въ примѣненіи къ дѣйствительности, понялъ лучше другихъ и отнесся съ наибольшимъ уваженіемъ къ настоящему устройству общества. Всѣ его планы сводятся лишь къ одной реформѣ, да и та должна быть отвергнута. Она состоитъ въ томъ, чтобы уничтожить въ общественномъ механизмѣ самое могущественное и самое удивительное изъ его колесъ.

Я уже объяснялъ законность и непрерывность

процента. Здѣсь достаточно напомнить о слѣдующемъ:

1. Законность процента основывается на слѣдующемъ положеніи: *всякій, кто соглашается дать капиталъ на извѣстный срокъ, оказываетъ услугу. Стало-быть процентъ законенъ въ силу принципа — услуга за услугу.*

2. Непрерывность процента основывается на положеніи: *берущій займы долженъ сполна вернуть занятое въ извѣстный срокъ. Слѣдовательно, если предметъ или его цѣнность возвращены его собственнику, то онъ можетъ опять дать ее займы. Когда она будетъ возвращена ему во второй разъ, онъ можетъ отдать ее займы въ третій разъ и т. д. до безконечности. Кто-же изъ этихъ послѣдовательныхъ и добровольныхъ заемщиковъ можетъ жаловаться?*

Такъ какъ въ послѣднее время законность процента достаточно оспаривалась, чтобы запугать капиталъ и заставить его спрятаться, бѣжать куда-нибудь, то да-будетъ мнѣ позволено показать, насколько безразсуденъ этотъ странный походъ противъ законности процента.

Прежде всего, не будетъ-ли такъ-же нелѣпо, какъ и несправедливо, если вознагражденіе останется одинаковымъ, не взирая на то, будетъ-ли заемщикъ пользоваться годовой, двухлѣтней, десятилѣтней отсрочкой, или-же не будетъ совсѣмъ требовать ея? Если-бы, къ несчастью, въ нашемъ сводѣ законовъ подъ вліяніемъ ученія о равенствѣ, было постановлено что-нибудь подобное, то мгновенно прекратился-бы цѣлый разрядъ человѣческихъ сношеній. Осталась-бы простая мѣна, про-

даже наличная, но не было-бы *продажи на срокъ*, ни *займовъ*; проповѣдники равенства освободили-бы заемщиковъ отъ тягости процента—это правда; но они лишили-бы ихъ совсѣмъ возможности занимать. На такомъ-же точно основаніи можно освободить людей отъ неудобной обязанности ихъ платить за то, что они покупаютъ. Для этого достаточно было-бы только запретить покупать, или, что то-же самое, постановить закономъ, что *цѣны* незаконны.

Принципъ равенства заключаетъ въ себѣ дѣйствительно нѣчто все уравнивающее. Такъ, прежде всего онъ не даль-бы капиталу возможности образоваться, ибо кто-же сталъ-бы дѣлать сбереженія, если изъ нихъ нельзя извлечь никакой пользы? Потомъ онъ довелъ-бы заработанную плату до нуля, потому что, гдѣ нѣтъ капитала (орудій, матеріаловъ и припасовъ), тамъ не можетъ быть ни труда въ будущемъ, ни заработной платы. Дѣйствительно, тогда мы скоро дошли-бы до полнѣйшаго равенства, т. е. до *ничего*.

Но кто-же настолько слѣпъ, чтобы не понять, что отсрочка, по существу своему, есть обстоятельство *тягостное*, а слѣдовательно подлежащее *вознагражденію*? Кто-же даже внѣ займа не заботится о сокращеніи сроковъ, составляющемъ предметъ нашихъ постоянныхъ заботъ. Каждый предприниматель придаетъ очень большое значеніе тому, когда, въ какое именно время онъ покроетъ свои расходы. Онъ продаетъ дороже или дешевле, смотря потому, близко или далеко это время. Чтобы оставаться совсѣмъ равнодушнымъ къ этому вопросу, надо просто отвергнуть, что капиталъ есть сила, потому что, если кто дѣйствительно признаетъ это,

тотъ естественно желаетъ, чтобы поскорѣе закончилось дѣло, въ которое онъ затратилъ капиталъ, дабы употребить его опять на какое нибудь новое дѣло.

Весьма жалки тѣ экономисты, которые думаютъ, что мы платимъ проценты на капиталъ только тогда, когда беремъ его займы.

Общее правило, основанное на справедливости, состоитъ въ томъ, что всякій, кто достигаетъ удовлетворенія, долженъ нести всю тягость производства, *разумѣя тутъ и отсрочку*, все равно— доставляетъ-ли онъ услугу самъ себѣ, или возлагаетъ ее на другого. Человѣкъ, живущій въ одиночествѣ и не имѣющій никакихъ сношеній съ людьми, счелъ-бы для себя *тягостнымъ* всякое обстоятельство, вслѣдствіе котораго онъ лишился-бы возможности дѣйствовать въ теченіе цѣлаго года. Почему-же подобное обстоятельство не должно считаться *тягостнымъ* въ сферѣ общественной? Если кто-нибудь добровольно подчиняется этому обстоятельству, чтобы доставить выгоду другому, добровольно соглашающемуся на вознагражденіе, то почему такое вознагражденіе будетъ незаконнымъ?

Никакое дѣло не шло-бы на свѣтъ, никакое предпріятіе, требующее предварительныхъ затратъ, не могло-бы состояться, никто не сталъ-бы ни сажать, ни сѣять, ни обрабатывать землю, если-бы отсрочка, *сама по себѣ*, не разсматривалась, какъ *тягостное* обстоятельство, и какъ таковая не требовала вознагражденія. По этому пункту установилось такое всеобщее единогласное мнѣніе, что не существуетъ въ дѣйствительности такого обмѣна, въ которомъ-бы не преобладалъ этотъ принципъ.

Отсрочка, опозданіе входятъ въ оцѣнку *услугъ*, а слѣдовательно и въ составъ понятія о *цѣнности*.

Такимъ образомъ проповѣдники равенства въ своемъ крестовомъ походѣ противъ процента попираютъ ногами не только самыя элементарныя понятія справедливости, не только свой собственный принципъ—*услуга за услугу*, но и авторитетъ человѣческаго разума и всемірный опытъ. Какъ позволяютъ они себѣ выдвигать передъ всенародными очами свою безграничную гордость, скрывающуюся въ подобномъ притязаніи? И не правда-ли, что очень странно и вмѣстѣ очень печально, что сектанты принимаютъ такой скрытый, а часто даже и прямо выраженный девизъ. Съ начала міра всѣ ошибаются, кромѣ меня? *Omnes, ego non — всѣ, но не я.*

Да простятъ мнѣ читатели, что я такъ долго отстаивалъ законность процента, основанную на слѣдующей истинѣ: *такъ какъ отсрочка стоитъ чего-нибудь, то она должна быть оплачена*; *стоитъ и платитъ*—два соотносительныя понятія. Ошибка—въ направленіи нашего времени. Поневолѣ приходится обращаться къ непреложнымъ истинамъ жизни, признаннымъ человѣчествомъ, но расшатаннымъ нѣкоторыми фанатическими новаторами. Для писателя, который стремится объяснить гармоническую связь между явленіями, повѣрьте—очень неприятно на каждомъ шагѣ дѣлать перерывы для того, чтобы разяснить самыя элементарныя понятія. Могъ-ли-бы Лапласъ изложить свою планетную систему во всей ея простотѣ, если-бы читателямъ его не были извѣстны общія и всѣми признанныя понятія; если-бы для доказательства—что

земля вращается, ему пришлось-бы предварительно учить ихъ нумераціи? Не таково положеніе экономиста въ наше время. Если онъ не выяснитъ самыхъ элементарныхъ понятій, то не будетъ понять, а если онъ станетъ выяснять ихъ, то цѣлый потокъ всякихъ подробностей заслонитъ собою простоту и красоту цѣлаго.

И точно, счастье для человѣчества, что *процентъ* законенъ.

Въ противномъ случаѣ человѣчеству пришлось-бы остановиться передъ такой альтернативой: погибнуть, оставаясь справедливымъ, или прогрессировать съ помощью несправедливости.

Всякая промышленность представляетъ собою совокупность усилій. Но эти усилія существенно различны между собою. Одни имѣютъ дѣло съ услугами, которыя должны быть оказаны теперь-же, другія-же относятся къ безконечному ряду такихъ-же услугъ въ будущемъ. Объяснюсь.

Трудъ, который ежедневно предпринимаетъ водовозъ, долженъ быть оплаченъ тѣми, кто пользуется имъ; но трудъ, который онъ затратилъ на свою телѣжку и бочку, долженъ быть разложенъ, въ отношеніи вознагражденія за него, на неопредѣленное число потребителей.

Точно также, посѣвъ, полотье, пахота, жатва, молотьба касаются только нынѣшней уборки; но огорожа, расчистка, осушка, постройки, удобреніе касаются и облегчаютъ неопредѣленное количество будущихъ сборовъ.

По общему закону *услуга за услугу*, тѣ, которые получили удовлетвореніе, должны возстановить потраченные на нихъ усилія. Что касается до

усилій перваго рода—туть нѣтъ никакихъ затрудненій; они взвѣшены и *оцѣнены* по взаимному соглашенію тѣмъ, кто совершалъ ихъ, и тѣмъ, кто ими пользовался. Но какъ *оцѣнить* услуги втораго рода? Какъ справедливо распредѣлить постоянныя предварительно сдѣланныя затраты, общіе расходы, постоянный капиталъ, какъ выражаются экономисты? Будетъ-ли все это распредѣлено между всѣмъ рядомъ удовлетвореній, для которыхъ оно было предназначено, или нѣтъ? Какимъ способомъ можно разложить, по всей справедливости, эту тяготу на всѣхъ потребителей воды, пока телѣжка водовоза будетъ служить ему;—на всѣхъ потребителей хлѣба, пока земля будетъ доставлять его?

Я не знаю, какъ разрѣшили-бы эту задачу въ Икаріи и въ фаланстеріяхъ. Но позволительно думать, что гг. устроители обществъ, столь плодовитые въ искусственныхъ организаціяхъ и смѣлые въ навязываніи ихъ посредствомъ закона, т. е. принужденія, не взирая на то, примѣнимы или непримѣнимы эти организаціи, не выдумаютъ другого болѣе остроумнаго рѣшенія, какъ то, которое вполне естественно, само собою придумали люди (какая смѣлость!) съ самаго начала міра, и которое теперь хотятъ воспретить имъ. Вотъ это рѣшеніе: оно вытекаетъ изъ закона о *процентѣ*.

Положимъ, что затрачено 1.000 фр. на улучшение земли; что размѣръ процента составляетъ 5 со 100, а средній урожай составляетъ 50 гектолитровъ. На основаніи этихъ данныхъ, цѣна каждаго гектолитра должна быть опредѣлена въ 1 фр.

Этотъ франкъ составляетъ, очевидно, законное вознагражденіе за дѣйствительную услугу, оказан-

ную земледѣльцемъ его безразлично можно назвать и рабочимъ) какъ тому, кто получить этотъ гектолитръ хлѣба черезъ 10 лѣтъ, такъ и тому, кто купить его теперь-же. Стало - быть, законъ строгой справедливости соблюденъ.

Если срокъ дѣйствія улучшеній земли, или тележки и бочки водовоза можетъ быть приблизительно определенъ и оцѣненъ, то къ проценту надо будетъ прибавить еще погашеніе, иначе собственникъ ошибется въ своихъ расчетахъ и не въ состояніи будетъ начать вновь своего дѣла. Тутъ дѣйствуетъ все тотъ-же законъ справедливости.

Я изобразилъ явленіе въ его самой простой формѣ, чтобы можно было ясно понять сущность его. Но въ жизни не всегда происходитъ такъ.

Собственникъ не самъ производитъ это распределеніе, не онъ рѣшаетъ, что каждый гектолитръ хлѣба будетъ оцѣненъ въ 1 франкъ, болѣе или менѣе. Все это онъ находитъ уже готовымъ въ мірѣ — какъ среднюю цѣну на хлѣбъ, такъ и размѣръ процента. На основаніи этихъ-то данныхъ, онъ и рѣшаетъ, какое дать назначеніе своему капиталу. Онъ употребитъ его на улучшеніе земли, если по его расчету окажется, что цѣна хлѣба дастъ ему возможность получить нормальный процентъ. Въ противномъ случаѣ онъ обратитъ свой капиталъ на болѣе выгодную промышленность, которая, именно вслѣдствіе этого, получаетъ, въ интересъ цѣлаго общества, наибольшую притягательную силу для капиталовъ. Этотъ путь, какъ истинный, приводитъ къ тому-же результату и являетъ собою еще большую гармонію взаимныхъ интересовъ.

Читатель пойметъ, что если я остановился на этомъ спеціальному вопросу, то потому, что хотѣлъ выяснитъ общій законъ, которому подчинены всѣ роды занятій.

Адвокатъ, на примѣръ, не можетъ заставить перваго подвернувшася ему подъ руку кліента вернуть ему всѣ расходы, сдѣланные на его воспитаніе, на пригтовленіе къ своему дѣлу, на первое обзаведеніе, ну хоть въ 20 т. фр. Это было-бы не только несправедливо, но и неисполнимо: такого кліента, конечно, не оказалось-бы, и нашему адвокату пришлось-бы послѣдовать тому хозяину дома, который, видя, что никто не явился на его первый балъ, сказалъ: „въ слѣдующемъ году я начну со второго“.

То-же бываетъ и съ торговцемъ, и съ врачомъ, и съ судохозяиномъ, и съ артистомъ. На всѣхъ поприщахъ дѣятельности встрѣчаются двоякаго рода усилія; изъ нихъ второй родъ непременно требуетъ распредѣленія на неопредѣленное число заинтересованныхъ лицъ, и я сомнѣваюсь, чтобы можно было придумать такое распредѣленіе безъ участія *процента*.

Прогрессъ человѣчества идетъ рука объ руку съ быстрымъ накопленіемъ капиталовъ; ибо — зать, что образуются новые капиталы, значитъ — сказать другими словами, что препятствія, которыя когда-то тягостно преодолевались трудомъ, теперь преодолеваются безъ участія человѣческаго труда, самою природой, и не въ пользу капиталистовъ, а въ пользу, замѣтьте это хорошенько, цѣлаго общества.

Если это такъ, то главный интересъ всѣхъ лю-

дей (конечно, съ точки зрѣнія экономической) въ томъ, чтобы содѣйствовать быстрому образованію капиталовъ. Но капиталъ растетъ, такъ - сказать, самъ собою подъ тройнымъ вліяніемъ—дѣятельности, воздержанія и безопасности. Мы не можемъ, конечно, оказывать прямого вліянія на дѣятельность и воздержность нашихъ братьевъ иначе, какъ при посредствѣ общественнаго мнѣнія и разумнаго обращенія къ нимъ нашихъ антипатій и симпатій. Но мы можемъ многое сдѣлать по отношенію къ безопасности, безъ которой капиталы не только не могутъ накопляться, но и прячутся, бѣгутъ въ другое мѣсто, уничтожаются, а изъ этого видно, что кроется что-то похожее на убійство въ той горячности, съ какою рабочій классъ нарушаетъ иногда общественный миръ. Пускай-же онъ сознаетъ, что капиталъ съ самаго начала работаетъ въ пользу освобожденія людей отъ ига невѣжества, нужды и деспотизма. Запугивать капиталъ, значитъ—заклепывать тройную цѣпь на рукахъ челоуѣчества.

Vires acquirit eundo—„силы растутъ на ходу“, какъ нельзя точнѣе примѣняется къ капиталу и его благодѣтельному вліянію. Всякій накопляющійся капиталъ непременно вызываетъ и трудъ и припасаетъ вознагражденіе за этотъ трудъ. Онъ заключаетъ въ самомъ себѣ залогъ прогресса. Дѣйствительно, въ немъ есть что-то похожее на законъ скорости.

Капиталъ основывается на трехъ присущихъ челоуѣку способностяхъ—предвидѣть, разумѣть и воздерживаться. Прежде чѣмъ рѣшиться составлять капиталъ, надо, дѣйствительно, предвидѣть

будущее, принести ему въ жертву настоящее, располагать благородною властью надъ самимъ собой и своими потребностями, противустоятъ не только соблазну настоящихъ удовольствій жизни, но и внушеніямъ суетности и капризамъ общественнаго мнѣнія, всегда слишкомъ пристрастнаго къ людямъ легкомысленнымъ и расточительнымъ. Надо еще умѣть связать дѣйствія съ причинами, надо знать — какими приемами, какими орудіями можно побѣдить природу и приспособить ее къ производству. Въ особенности надо исполниться духомъ семейной любви, чтобы не отступить передъ пожертвованіями, плодами которыхъ будутъ пользоваться дорогія существа, нами оставленныя.

Составлять капиталъ, значитъ — готовить припасы, кровь, приютъ, досугъ, образованіе, независимость, достоинство для будущихъ поколѣній. Все это можетъ быть исполнено только тогда, когда дѣйствуютъ наиболее соціальныя добродѣтели, мало того, когда онѣ вошли въ народныя привычки.

Не смотря на это, очень распространено мнѣніе, приписывающее капиталу зловредное вліяніе; говорятъ, будто-бы онъ порождаетъ эгоизмъ, жесткость, макіавелизмъ въ сердцахъ тѣхъ, кто стремится къ пріобрѣтенію капитала, или уже владеетъ имъ.

Но нѣтъ-ли тутъ какого-нибудь смѣшенія понятій? Правда, есть страны, въ которыхъ трудъ не даетъ многого, ибо то немногое, что зарабатывается имъ, дѣлится съ казной. Чтобы отнять у васъ плоды вашихъ тяжелыхъ трудовъ, такъ-называемое государство опутываетъ васъ всевозможными препятствіями. Оно вмѣшивается во всѣ

ваши дѣла, во всѣ сношенія, заправляетъ вашимъ разумомъ и вѣрой; перемѣщаетъ всѣ интересы и ставитъ каждого въ искусственное и непрочное положеніе; парализуетъ личную дѣятельность и энергію, овладѣвая общимъ напавленіемъ дѣлъ; возлагаетъ отвѣтственность за совершаемыя дѣйствія на тѣхъ, кто въ нихъ вовсе не повиненъ, — такъ что мало по малу утрачивается понятіе о справедливомъ и несправедливомъ; вовлекаетъ націю своей дипломатіей во всевозможныя распри и потомъ выдвигаетъ армію и флотъ; насколько доступно ему пониманіе народныхъ массъ, оно извращаетъ экономическіе вопросы, потому что ему нужно заставить ихъ вѣрить, что его безумные расходы, несправедливыя нападенія, его завоеванія, колоніи, составляютъ источникъ народнаго богатства. Въ такихъ странахъ капиталу очень трудно образоваться естественнымъ путемъ. Къ чему же въ особенности стремятся, это — зытянуть его силою или хитростью у тѣхъ, кто создалъ его. Въ такихъ странахъ люди обогащаются войною, общественными должностями, игрой, казенными поставками, ажіотажемъ, торговыми обманами, спекуляціями, общественными рынками и т. д. Средства, необходимыя для того, чтобы вырвать капиталъ изъ рукъ тѣхъ, кто его составляетъ, какъ разъ противоположны тѣмъ, которыя требуются для его образованія. Неудивительно поэтому, что въ такихъ странахъ устанавливается особая связь между этими двумя понятіями: *капиталъ* и *эгоизмъ*, и эта связь становится неразрывной, если всѣ нравственныя понятія страны почерпаются изъ древней исторіи и среднихъ вѣковъ.

Но если направить мысль не на уничтоженіе капитала, а на его образованіе съ помощью разумной дѣятельности, предусмотрительности и воздержанія, нельзя будетъ не признать, что социальная и морализующая добродѣтель связана именно съ его приобрѣтеніемъ.

Если образованію капитала присуща социальная мораль, то она сама-собою выражается и въ самыхъ дѣйствіяхъ его. Прямое назначеніе его заключается въ томъ, чтобы заставить природу содѣйствовать труду, освободить человѣка отъ всего, что есть наиболѣе матеріальнаго, мускульнаго, грубаго въ дѣлѣ производства; все болѣе и болѣе обезпечить господство разумной дѣятельности; расширить область, не скажу праздности, а досуга; легкостью удовлетворить потребностей, постепенно заглушить голосъ грубыхъ инстинктовъ и замѣнить ихъ болѣе возвышенными, деликатными, чистыми, художественными, умственными наслажденіями.

И такъ, съ какой-бы точки зрѣнія ни разсматривать капиталъ въ его отношеніяхъ къ нашимъ потребностямъ, которыя онъ облагораживаетъ; къ нашему труду который облегчаетъ; къ удовлетворенію нашихъ потребностей, которыя очищаетъ, къ природѣ, которую онъ подчиняетъ нашей власти; къ нравственности, которую обращаетъ въ привычку; къ духу общности, который развиваетъ; къ равенству, которое вызываетъ; къ свободѣ, которою живетъ; къ справедливости, которую водворяетъ своими самыми остроумными приемами вездѣ и всегда и лишь при условіи, чтобы онъ накоплялся и дѣйствовалъ при такомъ - строе

общества, при которомъ оно не отклонялось-бы
отъ своего естественнаго пути, — мы и признаемъ
за нимъ то, что несетъ на себѣ печать всѣхъ
великихъ законовъ Провидѣнія — *Гармоніи*.

IV.

Два девиза.

Современные моралисты, противопологающие аксіому: *Каждый для всѣхъ, всѣ для каждаго*, древнему изреченію: *Каждый для себя, каждый у себя*, имѣютъ объ обществѣ весьма неполное, а потому неправильное, я даже прибавлю къ ихъ крайнему удивленію, и весьма печальное представленіе.

Исключимъ сначала изъ этихъ двухъ знаменитыхъ девизовъ все лишнее. *Всѣ для каждаго* есть вставка, приведенная здѣсь изъ любви къ противоположеніямъ, она и безъ того разумѣется въ выраженіи *каждый для всѣхъ*. Что-же касается до *Каждый у себя*, то эта мысль не имѣетъ никакого прямого отношенія къ тремъ остальнымъ, но такъ какъ она имѣетъ очень важное значеніе, въ политической экономіи, то мы постараемся потомъ раскрыть смыслъ, который она заключаетъ въ себѣ.

Остается, стало бытъ, противоположеніе двухъ выраженій — *Каждый для всѣхъ* и *Каждый для себя*. Одно, говорятъ, выражаетъ собою принципъ симпатіи, другое — принципъ индивидуалистическій. Первое соединяетъ, второе разъединяетъ.

Если говорить только о побужденіи, опредѣляющемъ усиліе, то это противоположеніе неоспоримо. Но я утверждаю, что это не такъ, если разсмат-

ривать совокупность человеческихъ усилій въ ихъ результатахъ. Разсмотрите общество въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ, подчиняясь, въ вопросѣ о вознагражденіи услугъ, индивидуалистическому принципу, и вы убѣдитесь, что всякій, работая для себя, работаетъ и для всѣхъ. Въ дѣйствительности это неоспоримо. Если читающій эти строки занимается какимъ-нибудь промысломъ или ремесломъ, то я прошу его хоть на мгновение бросить взглядъ на самого себя. Развѣ, спрошу я, всѣ его труды не направлены на то, чтобы служить удовлетвореніемъ ближняго, съ другой стороны, развѣ не труду своего ближняго онъ обязанъ всѣми своими удовлетвореніями?

Очевидно, что люди, доказывающіе, что *Каждый для себя и Каждый для всѣхъ*, взаимно исключаютъ другъ друга, думаютъ, что ассоціація несовмѣстима съ индивидуализмомъ. Они думаютъ, что *Каждый для себя* предполагаетъ обособленіе, одиночество или стремленіе къ одиночеству; что личный интересъ разъединяетъ людей вмѣсто того, чтобы соединять ихъ, и въ концѣ-концовъ получаетъ свое полное выраженіе въ *Каждый у себя*. т. е. внѣ всякихъ социальныхъ отношеній.

Эти люди, говорю я, имѣютъ неполное, а потому совершенно ложное представленіе объ обществѣ. Даже и тогда, когда люди руководствуются только личнымъ интересомъ, — они стараются сблизиться, комбинировать свои усилія, соединить ихъ, работать другъ для друга, оказывать другъ другу взаимныя услуги, соединиться въ общество. Говорить, что они дѣйствуютъ такъ вопреки личному интересу, было-бы невѣрно, напротивъ, они

поступаютъ такъ именно въ силу личнаго интереса. Они соединяются, потому что имъ это удобно и выгодно; если-бы это было имъ неудобно или невыгодно, то они не соединялись-бы вмѣстѣ. Индивидуализмъ совершаетъ здѣсь дѣло, которое сентименталисты нашего времени хотѣли-бы ввѣрить братству, самоотреченію, или какому хотите другому принципу, противоположному любви къ самому себѣ.

А это доказываетъ, — заключеніе, къ которому мы всегда приходимъ, — что Провидѣніе позаботилось объ общественности гораздо лучше тѣхъ, кто называетъ себя его пророками. — Одно изъ двухъ: или союзъ вредитъ индивидуальности, или онъ выгоденъ ей. — Если онъ вреденъ, то какъ возьмутся за дѣло гг. социалисты, и какіе могутъ они предъявить разумные мотивы для осуществленія того, что оскорбляетъ всѣхъ? Если, на оборотъ, союзъ выгоденъ, то онъ совершится въ силу личнаго интереса, самаго могущественнаго, постояннаго, единообразнаго, всеобщаго принципа. чтобы тамъ ни говорили его противники.

И просмотрите, какъ это происходитъ на свѣтѣ. Какой-нибудь поселенецъ Сѣверной Америки отправляется на дальній Западъ обрабатывать землю. Не проходитъ дня, чтобы онъ не чувствовалъ, сколько затрудненій создаетъ ему его одиночество. Но вотъ вскорѣ второй поселенецъ также направляется въ эту пустынную степь. Гдѣ раскинетъ онъ тамъ свою палатку? Отойдетъ-ли онъ подальше отъ перваго поселенца? Конечно, нѣтъ, а естественно расположится поближе къ нему. А почему? Потому что онъ очень хорошо знаетъ,

какія выгоды извлекають люди при одинаковыхъ условіяхъ, изъ одной только близости другъ къ другу. Онъ знаетъ, что среди безчисленнаго множества всевозможныхъ обстоятельствъ, они могутъ помочь другъ другу земледѣльческими орудіями, соединиться вмѣстѣ въ общей дѣятельности, преодолѣть затрудненія, непреоборимыя для личныхъ разрозненныхъ силъ, создать себѣ мѣста сбыта, мѣняться мыслями и взглядами, содѣйствовать взаимной защитѣ. Третій, четвертый, пятый поселенецъ проникаетъ въ ту-же степь, и каждаго изъ нихъ непременно тянетъ къ жилью первыхъ двухъ поселенцевъ. Слѣдующіе за ними поселенцы могутъ явиться уже съ готовыми, болѣе значительными капиталами, ибо знаютъ, что они найдутъ тамъ готовыя руки, которыя дадутъ имъ дѣло. Такъ постепенно образуется колонія. Тогда можно нѣсколько и разнообразить культуру, провести проселокъ къ большой дорогѣ, гдѣ ходитъ почтовая карета, привозить къ себѣ и вывозить разные товары, подумать о сооруженіи церкви, школы и т. д. Однимъ словомъ — вслѣдствіе одного только сближенія, могущество колонистовъ возрастаетъ до того, что превосходитъ въ неизмѣримо большей пропорціи совокупность ихъ разрозненныхъ силъ. Таковъ мотивъ, по которому они естественно стремятся другъ къ другу.

Но, возразятъ мнѣ, *Каждый для себя* — какое грустное, холодное правило. Никакія разсужденія и парадоксы міра не въ состояніи потушить нашего отвращенія отъ этого правила, которое такъ сильно отзывается эгоизмомъ, а эгоизмъ не есть-ли величайшее зло, не есть-ли источникъ всевозможныхъ золъ для общества?

Но рассмотрим прежде сущность дѣла. Если аксіому *Каждый для себя* понимать въ томъ смыслѣ, что она должна заправлять всѣми нашими мыслями, всѣми нашими поступками, всѣми нашими отношеніями, что она лежитъ въ основѣ всѣхъ привязанностей, отца, сына, брата, супруговъ, друзей, гражданъ, или скорѣй — что она должна заглушить въ насъ всѣ эти привязанности, о! тогда эта аксіома дѣйствительно была-бы ужасна, отвратительна, и я не думаю, чтобы нашелся на свѣтѣ хоть одинъ человѣкъ, который сдѣлалъ-бы ее правиломъ собственной жизни и рѣшился-бы положить ее въ основу теоріи.

Но неужели социалисты будутъ упорно отказываться, вопреки очевидности всемірныхъ фактовъ, признать, что есть два рода человѣческихъ отношеній: одни подчинены принципу симпатіи, и мы оставляемъ ихъ въ области морали, другія возникаютъ изъ личнаго интереса, существуютъ между людьми, даже незнающими другъ друга, но обязанными только взаимною справедливостью, и опредѣляются добровольно и свободно установившимся соглашеніемъ? Эти-то соглашенія послѣдняго рода и составляютъ область политической экономіи. Основать эти отношенія на принципѣ симпатіи также невозможно, какъ невозможно было-бы положить принципъ личнаго интереса въ основу семейныхъ и дружескихъ отношеній. Я всегда буду твердить социалистамъ одно и то же: вы хотите смѣшать то, что не можетъ быть смѣшано. Если же вы такъ безразсудны, то все-таки вы недостаточно сильны, чтобы это исполнить. Этотъ кузнецъ, этотъ плотникъ, — этотъ земледѣлецъ надрывали

себя на тяжелыхъ работахъ, могутъ быть прекрасными отцами, образцовыми сыновьями, могутъ обладать очень развитымъ нравственнымъ чувствомъ и нести въ своей груди самое экспансивное сердце, а вамъ, не смотря на это, никогда не удастся заставить ихъ работать съ утра до вечера, надрывать свои силы и подвергаться тяжелымъ лишеніямъ на основаніи вашего принципа самоотверженія. Ваши сентиментальныя проповѣди будутъ всегда безсильны. Если-же, къ несчастью, онѣ и совратятъ кого-нибудь изъ такихъ труженниковъ, то развѣ только обманомъ. Если какой-нибудь торговецъ начнетъ продавать на основаніи принципа братства, то не пройдетъ мѣсяца, какъ онъ увидитъ своихъ дѣтей нищими.

Слѣдовательно, Провидѣніе сдѣлало большое благо, что дало обществу другія гарантіи. Если человѣкъ сотворенъ такъ, что чувства его неотдѣлимы отъ его личности, то невозможно ни надѣяться, ни желать, ни думать, чтобы когда-нибудь личный интересъ могъ быть вообще уничтоженъ. А между тѣмъ, это должно было-бы совершиться ради справедливаго равновѣсія человѣческихъ отношеній; потому что, если вы не порвете этой пружины въ нѣкоторыхъ избранныхъ существахъ, то составятся два разряда людей — злыхъ людей вы обратите въ палачей, а добрыхъ обречете служить имъ вѣчными жертвами. Такъ какъ въ вопросѣ труда и обмѣна, принципъ *Каждый для себя* долженъ неизбежно преобладать какъ главный двигатель, то нельзя не изумляться тому; что Творецъ міра воспользовался этимъ принципомъ, чтобы осуществить въ устройствѣ социаль-

наго порядка братскую аксіому — *Каждый для всѣхъ*; всемогущая десница Его обратила препятствіе въ орудіе прогресса и ввѣрила общій интересъ интересу личному, такъ что первый сталъ неотвратимъ потому только, что нельзя разрушить второго. Мнѣ кажется, что ввиду этихъ результатовъ коммунисты и другіе изобрѣтатели искусственныхъ организацій могутъ сознаться безъ особаго для себя униженія, что въ дѣлѣ общественнаго устроенія у нихъ есть высшій соперникъ, который гораздо сильнѣе ихъ.

И замѣтьте хорошенько, что при естественномъ порядкѣ обществъ принципъ *Каждый для всѣхъ*, возымѣвшій свое начало отъ принципа *Каждый для себя*, гораздо полнѣе, гораздо абсолютнѣе, гораздо симпатичнѣе того-же принципа, какъ его возвѣщаютъ коммунисты или социалисты. Мы не только работаемъ для всѣхъ, но и не можемъ даже достигнуть какого-бы то ни было прогресса, если не сдѣлаемъ его достояніемъ цѣлаго общества. Оно такъ чудно устроено, что выдумаетъ-ли человѣкъ какой-нибудь новый пріемъ въ производствѣ, откроетъ-ли новое даровое благо природы, новую производительность земли, новую форму дѣйствій въ какомъ-нибудь изъ физическихъ законовъ, онъ лично пользуется непосредственною выгодой такихъ открытій только на короткое время, какъ это собственно и справедливо въ видѣ вознагражденія, и полезно въ видѣ частнаго поощренія. Но затѣмъ эта выгода, какъ-бы мы ни старались удержать ее, выскальзаетъ изъ нашихъ рукъ: изъ индивидуальной она становится соціальною и навсегда дѣлается достояніемъ цѣлаго общества. И въ то время, какъ

мы дѣлимся съ человѣчествомъ своими успѣхами, сами пользуемся успѣхами, которыхъ достигаютъ другіе.

Наконецъ, благодаря принципу *Каждый для себя*, всѣ усилія напряженнаго индивидуализма дѣйствуютъ въ смыслѣ принципа *Каждый для всѣхъ*, и каждый частный прогрессъ доставляетъ обществу, въ видѣ даровыхъ полезностей, въ миллионъ разъ больше того, чѣмъ сколько онъ доставилъ выгоды изобрѣтателю.

А можетъ быть, скажутъ: зачѣмъ-же отвергать аксіому социалистовъ? Чѣмъ она можетъ повредить? Правда, ей не провести принципа самоотверженія ни въ мастерскія, ни въ торговыя конторы и магазины, и не восторжествовать ему на рынкахъ и ярмаркахъ; но если, наконецъ, она и не приведетъ ни къ чему, то и тогда вамъ нечего беспокоиться, ибо она все-таки смягчитъ нѣкоторую жесткость эгоистическаго принципа, который, будучи чуждъ всякаго чувства, не имѣетъ права и на нашу симпатію.

Съ принципомъ *Каждый для всѣхъ* никто не станетъ работать даже и *для себя*. Кто-же захочетъ удвоить свой трудъ, чтобы получить какую-нибудь одну тридцати-милліонную часть своего заработка?

Что ложно, то всегда опасно. Всегда опасно представлять, какъ достойный осужденія и проклятія всемірный вѣчный принципъ, который установленъ самимъ Богомъ для сохраненія и совершенствованія человѣчества, — принципъ, который по столько, по сколько онъ дѣлается стимуломъ нашей дѣятельности, правда, ничего не говоритъ нашему сердцу, зато своими результа-

тами поражаетъ и удовлетворяетъ нашъ разумъ;— принципъ, который къ тому-же оставляетъ вполнѣ свободнымъ поле для дѣятельности другихъ высшихъ стимуловъ, вложенныхъ Богомъ въ человѣческое сердце.

Но знаете-ли вы, что происходитъ на самомъ дѣлѣ? То, что публика принимаетъ отъ социалистовъ только половину ихъ аксіомы, ея послѣднюю часть—*Всѣ для каждого*. Всѣ продолжаютъ по-прежнему работать, каждый *для себя*, но требуютъ, сверхъ того, чтобы и всѣ также работали на него.

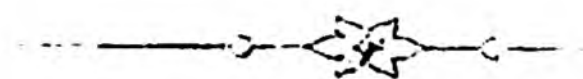
Такъ и должно было быть: когда мечтатели захотѣли переменить главную пружину человѣческой дѣятельности, чтобы поставить братство на мѣсто индивидуализма—что они придумали тогда? Противъчіе, усиленное лицемеріемъ. Они стали взывать къ народу такъ: „заглушите въ вашемъ сердцѣ личный интересъ и послѣдуйте за нами; вы будете вознаграждены всѣми благами, всѣми наслажденіями въ мірѣ“. Если они пародируютъ Евангеліе, то должны подобно ему и выводить свои заключенія. Но само отреченіе предлагаемое братствомъ, предполагаетъ жертву и печали. „Жертвуйте собой“; это значитъ:—„займите послѣднее мѣсто, будьте бѣдны и страдайте добровольно“. Но подъ предлогомъ отреченія обѣщаютъ наслажденія, подъ видомъ жертвы прельщаютъ довольствомъ и богатствомъ; желая подавить страсть, которую клеймятъ прозваніемъ эгоизма, обращаясь къ ея самымъ грубымъ проявленіямъ,—это значитъ не только признать несокрушимую жизненность принципа, который хотятъ уничтожить, но, возставая на него, довести его до высшей степени напряженія,

это значитъ—удвоить силы противника, котораго хотятъ побѣдить, на мѣсто законнаго индивидуализма поставить недостойное вождельнiе, и, не смотря на чрезвычайное искусство какого-то особаго таинственнаго жаргона, пробудить самый грубый сенсуализмъ. Только алчность должна была откликнуться на этотъ призывъ.

И развѣ это не такъ? Какой общій возгласъ раздается теперь во всѣхъ рядахъ, во всѣхъ классахъ общества? *Всѣ для каждаго*.—А произнося слово *каждый*, они думаютъ только о себѣ и ничего такъ сильно не желаютъ, какъ заполучить незаслуженную ими часть изъ общаго труда.—Другими словами—это есть хищенiе, возводимое въ систему. Правда, наивное и слишкомъ прозрачное вождельнiе такъ несправедливо, что отталкиваетъ насъ отъ себя; но, благодаря правилу *Всѣ для каждаго*, мы стараемся заглушить въ себѣ укоры своей совѣсти. Мы возлагаемъ на другихъ *обязанность* работать на насъ, себѣ-же представляемъ право пользоваться трудомъ другихъ; мы взываемъ къ государству, къ закону—чтобы они дѣйствительно возложили на другихъ эту *обязанность* и облегчили намъ пользованiе этимъ правомъ и, наконецъ, приходимъ къ тому безумному результату, что обираемъ другъ друга во имя братства. Мы живемъ на счетъ своихъ ближнихъ и, на основанiи этого права, именуемъ себя героями самопожертвованiя. Что за причудливость ума человѣческаго! Что за изворотливость человѣческой алчности! Намъ еще мало того, что каждый изъ насъ старается увеличить свою порцію на счетъ ближнихъ; намъ еще мало того, что каждый хочетъ воспользоваться

трудомъ, котораго онъ не совершалъ, мы еще хотимъ убѣдить себя въ томъ, что являемся въ жизни высокими образцами самопожертвованія; немного еще недостаетъ для того, чтобы поставить себя рядомъ съ Іисусомъ Христомъ! И мы до того ослѣпляемся, что не видимъ, что мы сами и не приносили жертвъ, заставляющихъ насъ проливать слезы умиленія при созерцаніи собственныхъ достоинствъ, а только требуемъ этихъ жертвъ отъ другихъ.

БИБЛИОТЕКА ЭКОНОМИСТОВЪ.

ДАВИДЪ ЮМЪ.

ОПЫТЫ.

ІЕРЕМІЯ БЕНТАМЪ.

Принципы законодательства — О вліяніи условій
времени и мѣста на законодательства. — Руковод-
ство по политической экономіи.

Переводъ М. О. Гершензона.

Изданіе К. Т. Солдатенкова.

Цѣна 1 рубль.

В ы п у с к ъ V.

МОСКВА.

Типо-Литографія О. М. Лашкевичъ и К^о. Тверская, д. Саввинскаго подвѣрья.

1896.

ДАВИДЪ ЮМЪ.

БИБЛІОТЕКА ЭКОНОМИСТОВЪ .

РЕДАКЦІЯ: *М. Щепкинъ.—И. Вернеръ.*

ВЫШЛИ:

Адамъ Смитъ.

Давидъ Рикардо.

Томасъ Мальтусъ.

Джонъ Стюартъ Милль.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

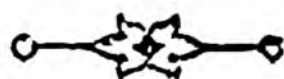
Франсуа Кенэ.

Жанъ-Батистъ Сэ.

Фредерикъ Бастіа.

Ж. Тюрго и фізіократы.

Ф. Ле-Плэ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Автобіографія	I
Юмъ, какъ экономистъ. Очеркъ Леона Сэ	XII
Библиографія	XXVII

Опыты:

О торговлѣ	1
О деньгахъ	20
О процентѣ	36
О торговомъ балансѣ	53
Письмо Давида Юма къ Джеймсу Освальду по поводу опыта о торговомъ балансѣ	75
О зависти въ торговлѣ	80
О налогахъ	86
Изъ переписки Юма съ Тюрго по вопросу о налогахъ:	
Письмо Юма	93
Отвѣтъ Тюрго	95
О государственномъ кредитѣ	100

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

„Опыты“ Юма, составляющіе первую часть этого выпуска, переведены непосредственно съ оригинала *) и, за исключеніемъ нѣкоторыхъ примѣчаній, не подверглись никакимъ сокращеніямъ. Отрывки писемъ, приведенные нами въ текстъ, взяты изъ соотвѣтствующаго выпуска *Petite bibliothèque économique* Гильомена (D. Hume, *Oeuvre économique*, подъ ред. Леона Сэ). Большая часть писемъ, которыя Сэ даетъ въ приложеніи къ своей книжкѣ, имѣетъ мало общаго съ экономической теоріей Юма; мы предпочли извлечь изъ нихъ только тѣ, которыя могутъ служить для поясненія текста, и помѣстить ихъ тотчасъ послѣ соотвѣтствующихъ „Опытовъ“. — Избранныя главы изъ „Принциповъ законодательства“ и „Руководства по политической экономіи“ Бентама, вошедшія во вторую часть выпуска, составляютъ переводъ другой книжки той-же *Petite bibliothèque—Bentham*, подъ редакціей С. Раффаловича; въ виду того, что въ основу послѣдней легла, главнымъ образомъ, обработка Дюмона **), обращеніе къ англійскому подлиннику представлялось излишнимъ. — Обѣвступительныя статьи взяты изъ изданій Сэ и Раффаловича.

М. Г.

2 ноября 1895 г.

---

*) По изданію: *Essays literary, moral and political by David Hume, Esq., the historian. London. Ward, Lock & Co., Warwick house* (годъ не обозначенъ).

***) См. ниже, *Н. I. Бентамъ*, „Библиографію“.

Давидъ Хурв.

АВТОБІОГРАФІЯ.

Человѣку, который долго говоритъ о себѣ, трудно избѣгнуть тщеславія; поэтому я буду кратокъ. Можно видѣть признакъ тщеславія уже въ самомъ замыслѣ—описать свою жизнь, но этотъ рассказъ не будетъ содержать ничего другого, кромѣ исторіи моихъ сочиненій, потому что, дѣйствительно, почти вся моя жизнь была посвящена литературнымъ трудамъ и занятіямъ. Первый успѣхъ бѣльшей части моихъ сочиненій вовсе не былъ способенъ возбудить во мнѣ тщеславіе.

Я родился 26 апрѣля 1711 года по старому стилю, въ Единбургѣ, въ хорошей семьѣ, отъ моего отца и моей матери. Семья моего отца составляетъ вѣтвь графовъ *Hume* или *Hume*, и мои предки въ теченіе многихъ поколѣній владѣли тѣмъ помѣстьемъ, которое теперь принадлежитъ моему брату. Моя мать была дочерью сэра Давида Фальконера, президента судейской коллегіи; титулъ лорда *Halkerton* перешелъ по наслѣдству къ его брату.

Несмотря на это, моя семья не была богата, и такъ какъ я былъ младшимъ братомъ, то моя доля въ наслѣдствѣ была, по обычаю моей страны, очень мала. Мой отецъ, считавшійся даровитымъ человѣкомъ, умеръ еще во время моего дѣтства, оставивъ меня, вмѣстѣ со старшимъ братомъ и сестрою, на попеченіи нашей матери, женщины рѣдкихъ достоинствъ, которая, несмотря на свою молодость и красоту, всецѣло посвятила себя воспитанію и образованію своихъ дѣтей. Я

съ успѣхомъ прошелъ элементарный курсъ наукъ и очень рано почувствовалъ влеченіе къ литературѣ, которое было господствующей страстью моею жизни и главнымъ источникомъ моихъ наслажденій. Мои способности, трудолюбіе и серьезность внушили моему семейству мысль, что мое призваніе — адвокатура; но я чувствовалъ глубокое отвращеніе ко всякому другому занятію, кромѣ изученія философіи и общихъ знаній, и въ то время, какъ мои родные думали, что я увлекаюсь Вѣтомъ и Винніемъ, я тайнѣ пожиралъ Вергилія и Цицерона.

Однако, скудость моихъ средствъ, совсѣмъ не согласовавшихся съ этимъ планомъ жизни, и слабость моего здоровья, разстроеннаго чрезмѣрнымъ прилежаніемъ, заставили меня попытать счастья на другомъ, болѣе практическомъ поприщѣ. Въ 1734 году я пріѣхалъ въ Бристоль, снабженный рекомендаціями къ крупнымъ коммерсантамъ, но уже спустя немного мѣсяцевъ увидѣлъ, что совершенно непригоденъ для этого рода дѣятельности. Я отправился во Францію съ цѣлью продолжать свои занятія въ уединеніи провинціи, и тамъ составилъ себѣ планъ жизни, который позже осуществлялъ неуклонно и съ успѣхомъ. Я рѣшился возмѣстить скудость моихъ средствъ самой строгой экономіей, оберегать мою независимость и не обращать вниманія ни на что другое, кромѣ усовершенствованія моего литературнаго таланта.

Во время моего пребыванія во Франціи (сначала въ Реймсѣ, а потомъ, главнымъ образомъ, въ Ла-Флешѣ, въ Анжу), я написалъ мой *Трактатъ о человѣческой природѣ*. Проведя въ этой странѣ три пріятныхъ года, я въ 1737 году вернулся въ Лондонъ. Въ концѣ 1738 г. я издалъ свой *Трактатъ* и тотчасъ отправился къ

моей матери и брату, который жилъ въ деревнѣ и съ большимъ благоразуміемъ и успѣхомъ старался улучшить свое матеріальное положеніе.

Едва-ли чей-нибудь литературный дебютъ былъ менѣе удаченъ, чѣмъ мой *Трактатъ о человеческой природѣ*. Онъ вышелъ изъ печати мертворожденнымъ, не удостоившись даже чести возбудить ропотъ среди фанатиковъ. Но отличаясь отъ природы веселымъ и пылкимъ темпераментомъ, я очень скоро оправился отъ этого удара и съ большимъ усердіемъ продолжалъ мои занятія въ деревнѣ. Въ 1742 г. я напечаталъ въ Единбургѣ первую часть моихъ *Опытовъ (Essays)*; книга встрѣтила радушный пріемъ, который вскорѣ заставилъ меня совершенно забыть мою первую неудачу. Я по прежнему жилъ съ матерью и братомъ въ деревнѣ, и въ теченіе этого времени возобновилъ свое знакомство съ греческимъ языкомъ, которымъ слишкомъ пренебрегалъ въ годы молодости.

Въ 1745 г. я получилъ письмо отъ маркиза Аннадэля, приглашавшаго меня пріѣхать къ нему въ Англію; вмѣстѣ съ тѣмъ я узналъ, что друзья и родственники молодого маркиза хотятъ поручить его моему попеченію и руководству, такъ какъ состояніе его духа и здоровья дѣлало это необходимымъ. Я прожилъ съ нимъ годъ. Жалованье, полученное мною за это время, значительно увеличило мое маленькое состояніе. Вслѣдъ за тѣмъ я получилъ приглашеніе отъ генерала Сень-Клэра сопровождать его въ званіи секретаря въ его экспедиціи, которая сначала была предположена противъ Канады, но кончилась набѣгомъ на берега Франціи. Въ слѣдующемъ, т.-е. 1747 году, генераль, назначенный военнымъ посланникомъ въ Вѣну и Туринъ, снова просилъ меня слѣдовать за нимъ въ прежнемъ званіи. Я

надѣлъ офицерскій мундиръ и былъ представленъ этимъ двумъ дворамъ въ качествѣ адъютанта генерала, какъ и сэръ Гарри Эрскинъ и капитанъ Грантъ, теперь генераль. Въ теченіе всей моей жизни эти два года представляютъ почти единственный перерывъ въ моихъ занятіяхъ; я провелъ ихъ пріятно и въ хорошемъ обществѣ, а состояніе мое, благодаря значительному жалованью и моей бережливости, увеличилось настолько, что я считалъ себя уже вполнѣ обеспеченнымъ, хотя мои друзья улыбались, когда я говорилъ это: словомъ, я имѣлъ тогда около тысячи фунтовъ.

Я всегда думалъ, что неуспѣхъ моего *Трактата о челоѣческой природѣ* объясняется скорѣе характеромъ его формы, нежели содержаніемъ, и что я сдѣлалъ очень обыкновенную ошибку, слишкомъ рано обратившись къ печати. Поэтому я заново передѣлалъ первую часть этого сочиненія въ *Измѣдованіяхъ о челоѣческомъ разумѣ*, вышедшихъ въ свѣтъ во время моего пребыванія въ Туринѣ. Но въ началѣ этотъ трудъ встрѣтилъ не лучшій пріемъ, чѣмъ *Трактатъ о челоѣческой природѣ*. Вернувшись изъ Италіи, я могъ съ огорченіемъ видѣть, какъ вся Англія волнуется по поводу *свободнаго измѣдованія* д-ра Миддльтона, тогда какъ мое сочиненіе совершенно забыто. Такой-же пріемъ встрѣтило и второе изданіе моихъ моральныхъ и политическихъ опытовъ, вышедшее въ Лондонѣ.

Но такова сила врожденнаго темперамента, что всѣ эти неудачи мало или совсѣмъ не повліяли на меня. Въ 1749 г. я вернулся къ брату и провелъ съ нимъ два года въ деревнѣ, потому что моей матери уже не было въ живыхъ. Тамъ написалъ я вторую часть моихъ *Опытовъ*, которые назвалъ *Политическими бестѣдами*, и *Измѣдованія объ основахъ морали*, составляющія переработку второй части моего *Трактата*.

Между тѣмъ мой издатель, А. Милляръ, извѣщалъ меня, что мои книги (всѣ, за исключеніемъ несчастнаго Трактата) начинаютъ привлекать къ себѣ вниманіе: о нихъ говорятъ, ихъ все болѣе покупаютъ и уже требуютъ новыхъ изданій. Въ теченіе года появилось два-три отвѣта со стороны духовныхъ лицъ, подчасъ весьма высокопоставленныхъ, и ругань д-ра Уорбэртона показала мнѣ, что мои сочиненія начинаютъ цѣниться въ хорошемъ обществѣ. Но я принялъ рѣшеніе, котораго позже неизмѣнно держался, — не отвѣчать ни на какія нападки, и, не будучи вспыльчивымъ отъ природы, я легко воздерживался отъ всякаго литературнаго спора. Эти симптомы нарождающейся извѣстности придали мнѣ бодрости, потому что я всегда былъ склоненъ видѣть скорѣе пріятную, чѣмъ непріятную сторону вещей — способность, которая вѣрнѣе можетъ сдѣлать человека счастливымъ, чѣмъ обладаніе со дня рожденія ежегоднымъ доходомъ въ десять тысячъ фунтовъ.

Въ 1751 г. я переселился изъ деревни въ городъ, настоящую арену дѣятельности для всякаго литератора. Въ 1752 г. вышли въ Эдинбургѣ, гдѣ я жилъ тогда, мои *Политическія Бесѣды*, единственное изъ моихъ произведеній, имѣвшее успѣхъ съ первой минуты: оно было хорошо принято и за границей, и на моей родинѣ. Въ томъ-же году вышли въ Лондонѣ мои *Исслѣдованія объ основахъ морали*; по моему мнѣнію (хотя мнѣ не слѣдовало-бы выступать судьей въ этомъ дѣлѣ) — лучшее изъ всѣхъ моихъ сочиненій историческихъ, философскихъ или литературныхъ. Оно не было замѣчено.

Въ 1752 г. общество юристовъ избрало меня своимъ бібліотекаремъ; эта должность не приносила мнѣ почти никакихъ доходовъ, но давало мнѣ возможность пользоваться обширною бібліотекой. Въ это время я принялъ

рѣшеніе написать *Исторію Англіи*; но не чувствуя въ себѣ достаточно мужества для изображенія историческаго періода продолжительностью въ семь вѣковъ, я началъ съ воцаренія дома Стюартовъ, такъ какъ мнѣ казалось, что именно съ этой эпохи духъ партій наиболѣе искажилъ освѣщеніе историческихъ фактовъ. Признаюсь, я былъ почти увѣренъ въ успѣхъ этого сочиненія. Мнѣ казалось, что я буду единственнымъ историкомъ, презрѣвшимъ одновременно и власть, выгоду, авторитетъ, и голосъ народныхъ предрасудковъ, — и я ожидалъ рукоплесканій, соотвѣтствующихъ моимъ усиліямъ. И какое ужасное разочарованіе! Я былъ встрѣченъ крикомъ неудовольствія, негодованія, почти ненависти; англичане, шотландцы и ирландцы, виги и тори, духовные и сектанты, свободномыслящіе и ханжи, патріоты и придворные — всѣ соединились въ ярости противъ человѣка, который осмѣлился оплакать судьбу Карла I и графа Страффорда; и, что было обиднѣе всего, — послѣ первой вспышки бѣшенства, книга была, казалось, совсѣмъ забыта. Г. Милляръ говорилъ мнѣ, что онъ продалъ въ теченіе года не болѣе сорока пяти экземпляровъ. Дѣйствительно, во всѣхъ трехъ королевствахъ едва-ли былъ хоть одинъ человѣкъ, пользовавшійся нѣкоторой извѣстностью въ обществѣ или литературѣ, который относился-бы къ моей книгѣ снисходительно. Я долженъ, впрочемъ, указать на примаса Англіи, д-ра Герринга, и примаса Ирландіи, д-ра Стона, какъ на два любопытныхъ исключенія; эти почтенные прелаты прислали мнѣ по ободрительному письму.

Между тѣмъ, признаюсь, я былъ обезкураженъ; если-бы не война, вспыхнувшая въ это время между Франціей и Англіей, я вѣроятно удалился-бы въ какой-нибудь провинціальный городъ Франціи, перемѣнилъ-бы фами-

лю и никогда не вернулся-бы на свою родину. Но такъ какъ этотъ планъ былъ въ ту минуту неисполнимъ и второй томъ уже значительно подвинулся впередъ, то я рѣшилъ собраться съ духомъ и продолжать.

Въ теченіе этого промежутка я издалъ въ Лондонѣ мою *Естественную исторію религии*, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими небольшими статьями; она прошла незамѣченной, если не считать памфлета, которымъ отвѣтилъ мнѣ д-ръ Гёрдъ, — пламеннаго, высокоумнаго и грубаго, какъ все, что выходило изъ школы Уорбэртона. Этотъ памфлетъ нѣсколько утѣшилъ меня въ общемъ равнодушіи, которымъ была встрѣчена эта книга.

Въ 1756 г., черезъ два года послѣ провала перваго тома, вышелъ въ свѣтъ второй томъ моей *Исторіи*, обнимающій періодъ времени отъ смерти Карла I до Революціи. Этотъ томъ возбудилъ въ виггахъ менѣе неудовольствій и былъ лучше принятъ, и онъ не только возвышался самъ, но помогалъ пробиться и своему несчастному брату.

Однако, хотя опытъ показалъ мнѣ, что въ рукахъ вигговъ находится власть раздавать всѣ мѣста какъ въ государствѣ, такъ и въ литературѣ, — я былъ такъ мало расположенъ уступать ихъ неразумнымъ требованіямъ, что почти всѣ измѣненія, числомъ около ста, которыя чтеніе, размышленіе и новыя изслѣдованія заставили меня внести въ исторію первыхъ двухъ Стюартовъ, благопріятны для торійской партіи. Смѣшно разсматривать англійскую конституцію до этого періода, какъ полное воплощеніе свободы.

Въ 1759 году я издалъ мою *Исторію дома Тюдоровъ*. Это сочиненіе вызвало противъ себя почти такую же бурю, какъ и *Исторія первыхъ двухъ Стюартовъ*. Особенно были недовольны изображеніемъ царствованія

Елизаветы. Но на этотъ разъ я былъ неуязвимъ для яростныхъ нападокъ публики и продолжалъ мирно и пріятно работать въ моемъ уединеніи, въ Единбургѣ, надъ послѣдними двумя томами первой части моей *Исторіи Англій*; я издалъ ихъ въ 1761 г. съ очень удовлетворительнымъ успѣхомъ.

Но какъ ни была измѣнчива судьба моихъ сочиненій, они имѣли такой успѣхъ, что плата съ каждаго экземпляра, которую я получалъ отъ моихъ издателей, далеко превосходила обычный до того въ Англій размѣръ вознагражденія; я сдѣлался не только обеспеченнымъ, но и богатымъ человѣкомъ. Я вернулся на свою родину, въ Шотландію, съ твердымъ намѣреніемъ болѣе не покидать ее, и пріятнымъ сознаніемъ того, что ни разу не прибѣгалъ къ помощи сильныхъ міра сего и даже не искалъ ихъ дружбы. Такъ какъ мнѣ было уже за пятьдесятъ, то я надѣялся сохранить эту философскую свободу до конца моей жизни. Но въ 1763 году я получилъ отъ незнакомаго мнѣ графа Гертфорда, назначеннаго посломъ въ Парижъ, приглашеніе послѣдовать за нимъ туда, съ тѣмъ, чтобы въ скоромъ времени получить постъ секретаря посольства, а до тѣхъ поръ исполнять обязанности послѣдняго. Какъ ни было заманчиво это предложеніе, но вначалѣ я отклонилъ его, отчасти изъ нежеланія завязывать сношенія съ вельможами, отчасти изъ страха, что утонченныя манеры и разсѣянный образъ жизни парижскаго общества уже не придутся по вкусу человѣку, моихъ лѣтъ и наклонностей; но когда графъ повторилъ свое предложеніе, я далъ согласіе. Какъ со стороны удовольствія, такъ и съ точки зрѣнія матеріальной выгоды, я имѣю всѣ основанія считать счастіемъ для себя свои сношенія съ этимъ благороднымъ человѣкомъ и, позже, съ его братомъ, генераломъ Конвэй.

Тотъ, кто не знаетъ силы моды и разнообразія ея проявленій, едва-ли можетъ представить себѣ пріемъ, оказанный мнѣ въ Парижѣ мущинами и женщинами всякаго званія и положенія. Чѣмъ болѣе я отбивался отъ ихъ чрезмѣрныхъ любезностей, тѣмъ болѣе меня осаждали ими. Но жизнь въ Парижѣ представляетъ истинное наслажденіе, благодаря большому количеству умныхъ, образованныхъ и вѣжливыхъ людей, какихъ въ этомъ городѣ больше, чѣмъ гдѣ-бы то ни было въ мірѣ. Была минута, когда я думалъ поселиться здѣсь на всю жизнь.

Я былъ назначенъ секретаремъ посольства; лѣтомъ 1765 года я разстался съ лордомъ Гертфордомъ, который получилъ постъ лордъ-лейтенанта Ирландіи. Я исполнялъ обязанности *chargé d'affaires* до конца года, когда прибылъ герцогъ Ричмондскій. Въ началѣ 1766 года я покинулъ Парижъ, а лѣтомъ отправился въ Единбургъ, чтобы тамъ по прежнему уйти въ мое философское уединеніе. Благодаря дружбѣ лорда Гертфорда, я вернулся въ этотъ городъ хотя и не богаче, но съ бѣльшимъ количествомъ денегъ и болѣе значительнымъ доходомъ, чѣмъ оставилъ его. Въ 1767 г. м-ръ Конвэй просилъ меня принять постъ помощника государственнаго секретаря; личные свойства генерала и мои отношенія къ лорду Гертфорду не позволили мнѣ отказаться отъ этого предложенія. Въ 1769 г. я вернулся въ Единбургъ богатымъ (я обладалъ годовымъ доходомъ въ 1.000 фунтовъ), здоровымъ и, хотя нѣсколько обремененнымъ годами, но съ надеждой еще долго наслаждаться покоемъ и быть свидѣтелемъ распространенія моей извѣстности.

Весной 1775 г. у меня обнаружили признаки внутренней болѣзни, которая въ началѣ не внушала мнѣ никакихъ опасеній, но съ тѣхъ поръ сдѣлалась, ка-

жется, неизлѣчимой и смертельной. Теперь я жду скорой смерти. Я очень мало страдалъ отъ этой болѣзни и, что еще любопытно,—не смотря на сильное истощеніе организма, моя веселость ни на минуту не измѣнила мнѣ, и если-бы мнѣ надо было указать какой-нибудь періодъ моей жизни, который я хотѣлъ-бы пережить снова, то я указалъ-бы на послѣдній. Я сохранилъ ту-же страсть къ наукѣ, ту-же живость въ обществѣ, какъ и прежде. Впрочемъ, я думаю, что человѣкъ 65 лѣтъ, умирая, не теряетъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ лѣтъ недомоганія; и хотя, по многимъ признакамъ, приближается время новаго и болѣе яркаго расцвѣта моей литературной извѣстности,—я знаю, что могъ-бы наслаждаться имъ лишь немного лѣтъ. Трудно быть менѣе привязаннымъ къ жизни, чѣмъ я теперь.

Чтобы закончить изображеніе моего характера, скажу еще, что я отличаюсь или, вѣрнѣе, отличался (потому что, говоря о самомъ себѣ, я долженъ употреблять теперь прошедшее время, что даетъ мнѣ еще болѣе смѣлости высказать мое мнѣніе)—я отличался, повторяю, мягкостью натуры, самообладаніемъ, открытымъ, общительнымъ и веселымъ нравомъ, способностью привязываться, неумѣніемъ питать вражду и большою умѣренностью во всѣхъ страстяхъ. Даже моя любовь къ литературной славѣ—моя господствующая страсть—никогда не ожесточала моего характера, не смотря на мои частыя неудачи. Мое общество было пріятно какъ для молодыхъ и беззаботныхъ людей, такъ и для ученыхъ и литераторовъ; и находя особенное удовольствіе въ обществѣ скромныхъ женщинъ, я не имѣлъ основанія быть недовольнымъ пріемомъ, который встрѣчалъ съ ихъ стороны. Однимъ словомъ, въ противоположность большинству выдающихся людей, пользующихся нѣко-

торою извѣстностью, жало клеветы никогда не касалось меня, и хотя я самъ необдуманно навлекалъ на себя ярость политическихъ и религіозныхъ партій, — онѣ какъ-бы сдерживали по отношенію ко мнѣ свой обычный фанатизмъ. Мои друзья никогда не имѣли случая защищать отъ нападокъ какую-нибудь черту моего характера или поведенія: не то, чтобы ханжамъ ни разу не посчастливилось придумать и распространить обо мнѣ какую-нибудь клевету, но они не придумали ни одной, которая имъ самимъ казалась-бы правдоподобной. Я не могу отрицать тщеславія въ мысли посвятить самому себѣ надгробное слово, но надѣюсь, что оно не будетъ неумѣстно, — что было-бы не трудно доказать.

18 апрѣля 1776 года.

Д. Юмъ скончался 25 августа того-же года.

ЮМЪ, КАКЪ ЭКОНОМИСТЪ.

Тюрго писалъ однажды Дюпонъ-де-Немуру: „Зачѣмъ вы заключаете себя всегда въ одинъ и тотъ-же заколдованный кругъ и хотите быть только экономистомъ, когда вы можете трактовать обо всѣхъ вопросахъ, касающихся политики, счастья людей, морали и законодательства?“

Давидъ Юмъ былъ того-же мнѣнія: онъ требовалъ, чтобы экономическіе вопросы разсматривались во всей ихъ сложности, чтобы ихъ изучали послѣдовательно со всѣхъ точекъ зрѣнія, не опасаясь трудности такого изслѣдованія. Тѣхъ писателей, которые упрощаютъ политическіе вопросы, онъ считалъ поверхностными, потому что простота несвойственна общественной жизни и потому что раскрыть причины явленій можно только посредствомъ всесторонняго изслѣдованія условій, разнообразныхъ до безконечности. Онъ говорилъ, что его умъ способенъ работать съ увѣренностью только въ области внутренней политики народовъ, имѣющей предметомъ общественное благо и зависящей отъ тысячи причинъ, которыя надо умѣть распутать. Никакое изслѣдованіе объ искусствѣ управленія не можетъ быть, по его мнѣнію, ни слишкомъ подробнымъ, ни даже слишкомъ утонченнымъ. Ему казалось, что въ самомъ сложномъ анализѣ надо умѣть найти главный смыслъ явленій; и тѣ причины, которыя произвели счастливыя или пагубныя послѣдствія. Онъ находилъ, что въ области внѣшней политики труднѣе слѣдить за логиче-

скимъ развитіемъ идей, труднѣе, такъ сказать, проникать до ихъ глубочайшихъ основаній, чѣмъ въ области внутренней политики, потому что, въ виду малочисленности лицъ, руководящихъ политикой чужихъ народовъ, случай, счастье и произволь ежеминутно могутъ разрушить всякое теоретическое построеніе.

Дѣлая такое различіе, Д. Юмъ стоитъ на англійской точкѣ зрѣнія, потому что свободное парламентское правительство англичанъ имѣетъ сношенія съ личными или абсолютными правительствами; естественно, что онъ могъ находить разницу между побудительными причинами, направляющими дѣятельность государственныхъ людей въ области внутренняго управленія, и тѣми, которыми они руководятся во внѣшней политикѣ. Но хотя это различіе можно признать нѣсколько преувеличеннымъ, тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что нація можетъ гораздо лучше регулировать свою внутреннюю политику, чѣмъ внѣшнюю, и что въ первомъ случаѣ она заслуживаетъ за свои ошибки болѣе строгаго осужденія, чѣмъ во второмъ.

Юмъ не отдѣлялъ политической экономіи отъ другихъ моральныхъ и политическихъ наукъ и, рассматривая вопросы, представляющіеся намъ теперь простыми вопросами политической экономіи, послѣдовательно съ самыхъ разнообразныхъ философскихъ, этическихъ и историческихъ точекъ зрѣнія, приходилъ къ поразительнымъ выводамъ. Вопросъ о налогахъ имѣетъ для него политическое значеніе въ самомъ широкомъ смыслѣ слова; чтобы извлечь всѣ послѣдствія изъ теоріи развитія богатствъ, ее надо рассматривать, по его мнѣнію, какъ съ точки зрѣнія государства, имѣющаго свои спеціальныя права, такъ и съ точки зрѣнія частныхъ лицъ, права которыхъ не совпадаютъ съ правами государства.

Развѣ, на примѣръ, количество денегъ, находящееся въ странѣ, не представляетъ собою запаса, полезнаго не только во время промышленныхъ кризисовъ, но и во время тѣхъ великихъ кризисовъ иностранной политики, которыя требуютъ огромныхъ затратъ и усилій въ видѣ субсидій, экспедицій и войнъ?

Любопытный примѣръ соединенія экономической и политической точекъ зрѣнія представляетъ то мѣсто его *Опыта о налогахъ*, гдѣ онъ говоритъ о физиократахъ. Онъ всегда былъ убѣжденнымъ сторонникомъ налога на предметы потребленія и упорнымъ, рѣшительнымъ противникомъ ученія физиократовъ. Онъ имѣетъ совершенно определенное представленіе о законѣ паденія и одинъ изъ первыхъ замѣтилъ, что плательщики находятся въ постоянной борьбѣ между собою, стараясь свалить другъ на друга бремя податей, которыми они обложены. Но онъ не думаетъ, что землевладѣльцы безоружны въ этой борьбѣ и слѣдовательно должны постоянно терпѣть пораженіе. Онъ признаетъ, что купцы охотно набросились-бы на землевладѣльцевъ и фермеровъ, чтобы пожрать ихъ какъ добычу; но думаетъ, что послѣдніе способны защищаться, потому что доходъ купцовъ и рабочихъ допускаетъ извѣстное сокращеніе, и та часть его, которая поддается вычету, такъ-же легко можетъ сдѣлаться добычей налога, какъ и сельско-хозяйственныя прибыли. Но, осуждая теорію Кенэ и Тюрго, Юмъ былъ-бы не прочь доставить ей торжество въ Англіи, чтобы принудить землевладѣльцевъ, захватившихъ въ свои руки почти всю законодательную власть, относиться нѣсколько внимательнѣе къ нуждамъ тѣснимой ими торговли и промышленности. Подобно Адаму Смиту, онъ считаетъ худшимъ изъ налоговъ — произвольный налогъ, и въ концѣ своихъ раз-

сужденій приходитъ къ тому философскому выводу, что исторія налоговъ представляетъ новый примѣръ столь обычнаго въ исторіи политическихъ учрежденій противорѣчія: „послѣдствія оказываются діаметрально противоположными тому, что ожидалось вначалѣ“.

Въ *Опытъ о деньгахъ* онъ считаетъ умѣстнымъ изслѣдовать сравнительную выгоду для государства простоты и утонченности нравовъ; рѣшая вопросъ въ пользу послѣдней, по крайней мѣрѣ съ политической точки зрѣнія, онъ видитъ въ этомъ обстоятельстве новый аргументъ въ пользу необходимости поощренія торговли и мануфактуръ.

Онъ никогда не забываетъ государства; онъ всюду чувствуетъ его присутствіе и сознаетъ его значеніе; его политическая экономія никогда не впадаетъ въ абсолютный индивидуализмъ, этотъ подводный камень, о который разбились теоріи многихъ новѣйшихъ экономистовъ.

Въ виду нападокъ, которымъ часто подвергается политическая экономія, и съ цѣлью доказать, что она — наука, въ наше время не разъ пытались ограничить ея область съ математической точностью. Юмъ, какъ и Тюрго, не задавался такою цѣлью, и ни того, ни другого нельзя упрекать за это. Физика и химія не утратили своего научнаго характера вслѣдствіе постоянного смѣшенія физическихъ явленій съ химическими. Можно съ точностью опредѣлять причины экономическихъ явленій и выяснять законы послѣднихъ, не прибѣгая къ предположенію, что эти законы дѣйствуютъ въ исторіи, такъ сказать, исключительно, безъ помощи или содѣйствія другихъ моральныхъ законовъ. Давидъ Юмъ всегда опасался, чтобы философы-экономисты не сѣзвили своей мысли, сѣзвивъ поле своихъ наблюденій.

Но главнымъ образомъ его слава, какъ экономиста, основана на его теоріи денегъ, обращенія, процентовъ и торговаго баланса.

Адамъ Смитъ сказалъ объ этихъ экономическихъ очеркахъ: „Локкъ, Ло и Монтескьё, подобно многимъ другимъ писателямъ, считали, повидимому, истинной причиной пониженія высоты процентовъ въ большей части Европы—увеличеніе количества золота и серебра, послѣдовавшее за открытіемъ Америки. Такъ какъ, говорили они, цѣнность этихъ металловъ сама собою понизилась, то уменьшилась и стоимость пользованія извѣстною частью этихъ металловъ, и слѣдовательно цѣна, которую надо было уплатить за право такого пользованія, должна была также упасть. Эту теорію, которая на первый взглядъ представляется вполнѣ вѣроятной, Юмъ подвергъ такому глубокому анализу, что теперь, пожалуй, излишне останавливаться на ней“.

Ж.-Б. Сэ считалъ Юма настоящимъ учителемъ Адама Смита. „Идеи послѣдняго“, говоритъ онъ, „созрѣли вслѣдствіе его сношеній съ Юмомъ“.

Юмъ дѣйствительно побуждалъ Смита проводить свои идеи чрезъ горнило спора, упрекалъ его за чрезмѣрно уединенный образъ жизни, который Смитъ велъ во время работы надъ своимъ произведеніемъ, и часто приглашалъ къ себѣ для обмѣна мыслей. „Я не приму отъ васъ никакихъ оправданій и ссылокъ на разстроенное здоровье; въ моихъ глазахъ это только предлогъ, подсказанный лѣностью и любовью къ уединенію.“ Въ другой разъ онъ пишетъ: „Итакъ, предлагаю вамъ пріѣхать сюда и провести со мною нѣсколько дней въ этой пустынѣ. Я долженъ знать, что вы сдѣлали, и намѣренъ потребовать отъ васъ строгаго отчета—какъ вы пользовались временемъ въ вашемъ уединеніи. Я убѣжденъ,

что вы ошибаетесь во множествѣ случаевъ, особенно въ тѣхъ, гдѣ имѣете несчастіе не соглашаться со мною“.

Появленіе „Исслѣдованія о природѣ и причинахъ богатства народовъ“ Юмъ привѣтствовалъ восторженнымъ письмомъ, въ которомъ, между прочимъ, писалъ Смигу: „Ваше сочиненіе доставило мнѣ самое большое удовольствіе, и я, читая его, вышелъ изъ тягостнаго состоянія духа. Это сочиненіе держало въ такомъ тяжеломъ недоумѣніи и васъ самихъ, и вашихъ друзей, и публику, что я трепеталъ за него при его появленіи. Но, наконецъ, мнѣ стало легко на душѣ“.

Однако у нихъ есть еще и о чемъ поспорить. Ссылаясь на составныя части цѣны товаровъ, Смитъ говоритъ (*): „Съ того самаго момента, какъ земля въ какой-нибудь странѣ сдѣлалась предметомъ частной собственности, владѣльцы ея, какъ вообще свойственно людямъ, охотно стали собирать тамъ, гдѣ они не сѣяли, и требовать себѣ ренты (аренды) даже за естественныя произведенія земли. И вотъ устанавливается добавочная цѣна за дрова въ лѣсу, за траву на лугахъ и за всѣ естественныя произведенія земли, которыя прежде, при общемъ владѣніи ею, не стоили рабочему ничего, кромѣ простого усилія собрать ихъ, но которыя теперь стоятъ дорого. Такъ какъ теперь онъ долженъ по-неволѣ заплатить за позволеніе собрать эти произведенія, то и принужденъ уступить землевладѣльцу какую-нибудь часть того, что онъ собралъ или произвелъ своимъ трудомъ. Эта именно часть, или, что то-же самое, цѣна этой части и есть земельная рента (rent of land), составляющая третью составную часть цѣны большей части товаровъ.“

(*) Кн. I, гл. 6, рус. пер. М. П. Щейкина (въ этомъ-же изданіи, вып. 1), стр. 64.

„Если-бы вы были теперь у меня“, писалъ ему Юмъ, „мы обсудили-бы нѣкоторые изъ вашихъ принциповъ. Я не могу согласиться съ тѣмъ, что земельная рента составляетъ часть цѣны товаровъ; я думаю, что послѣдняя опредѣляется вмѣстѣ и количествомъ, и спросомъ“.

Ученіе о металлическихъ деньгахъ составляетъ самую замѣчательную часть экономической теоріи Юма. Онъ первый доказалъ неопровержимыми доводами, что богатство націй зависитъ отъ ихъ промышленности, отъ количества населенія, отъ величины капиталовъ, представленныхъ полезными вещами, и что количество драгоцѣннаго металла, исполняющаго роль денегъ, не имѣетъ того значенія, какое ему приписывали. Онъ опровергъ теорію торговаго баланса и подорвалъ кредитъ тѣхъ публицистовъ, которые любили время отъ времени наводить страхъ на публику своими предсказаніями о неминуемомъ исчезновеніи драгоцѣнныхъ металловъ, въ случаѣ если государство не урегулируетъ денежнаго вопроса посредствомъ запрещенія вывоза денегъ и ввоза товаровъ.

Но соглашаясь со взглядами Юма на вліяніе увеличенія находящагося въ обращеніи количества денегъ, на обусловливаемое этимъ увеличеніемъ измѣненіе цѣны товаровъ, современные экономисты не всегда слѣдуютъ ему въ нѣкоторыхъ вопросахъ, представляющихъ крупный интересъ, какъ въ вопросѣ о вліяніи на промышленность *внезапности* увеличенія количества денегъ. Между тѣмъ событія не опровергли его ученія, и нѣкоторыя изъ его забытыхъ или отвергнутыхъ теорій, вѣроятно, восторжествовали-бы снова, если-бы кто-нибудь провѣрилъ ихъ, приложивъ къ изученію экономическихъ фактовъ второй половины XIX вѣка.

Прежде, чѣмъ перейти къ этому вопросу, отмѣтимъ одно изъ разногласій между Юмомъ и Ж.-Б. Сэ, касающееся, впрочемъ, предмета второстепенной важности. Дѣло идетъ о причинахъ передвиженія мануфактуръ и промышленности изъ одной страны въ другую. Вотъ что говоритъ Ж.-Б. Сэ въ 9-ой главѣ второй части своего курса политической экономіи.

„Д. Юмъ, соотечественникъ и другъ Адама Смита, полагаетъ, что мануфактуры постепенно мѣняютъ свое мѣстопробываніе, потому что онѣ обогащаютъ тѣ мѣста, въ которыхъ находятся, и поднимаютъ цѣны съѣстныхъ припасовъ. Съ этой минуты всѣ новыя предпріятія принуждены искать такихъ мѣстъ, въ которыхъ жизнь обходится дешевле, гдѣ, слѣдовательно, заработная плата ниже; обогативъ новыя мѣста, онѣ вслѣдствіе тѣхъ-же причинъ должны двигаться дальше. Это—чистое предположеніе, не оправдываемое ни природою вещей, ни опытомъ. Я воздерживаюсь отъ опроверженія этой мысли Юма, потому что, будучи признана вѣрною, она охладила-бы тотъ пылъ, который должно внушать намъ усовершенствованіе искусствъ. Мы должны были-бы считать всѣ націи осужденными слѣдовать за движеніями какого-то колеса фортуны, зависящаго не отъ нихъ самихъ, не отъ ихъ талантовъ, образа жизни или учрежденій, а отъ рока.“

Правда, Д. Юмъ старался доказать, что накопленіе богатствъ создаетъ для націи спеціальныя затрудненія, но онъ не говорилъ, будто каждая нація неминуемо должна терять свое положеніе въ мірѣ, послѣ того какъ она въ теченіе ряда лѣтъ пользовалась благосостояніемъ. Онъ утверждаетъ только, что она можетъ сохранить свое положеніе лишь посредствомъ непрерывныхъ усилій и должна быть готова къ борьбѣ противъ тѣхъ

факторовъ ухудшенія, которыя естественно обнаруживаются послѣ длиннаго промежутка благосостоянія.

Вотъ страница Юма, которую опровергаетъ Ж.-Б. Сэ: „Въ человѣческихъ дѣлахъ существуетъ, повидимому, такое счастливое степеніе обстоятельствъ, которое сдерживаетъ развитіе торговли и богатствъ и мѣшаетъ имъ ограничиваться предѣлами одного государства, какъ можно было-бы опасаться въ виду прибыльности всякой установившейся торговли. Когда одна нація въ области торговли опередила другую, то послѣдней бываетъ трудно вернуть потерянное — вслѣдствіе большаго трудолюбія и большаго ловкости первой, а также вслѣдствіе того, что ея купцы обладаютъ большими капиталами и, слѣдовательно, могутъ довольствоваться сравнительно-меньшимъ барышемъ. Но эти преимущества до известной степени уравниваются дешевизной труда у всякой націи, не обладающей ни обширной торговлей, ни большимъ количествомъ золота и серебра. Вслѣдствіе этого, мануфактуры мало-по-малу мѣняютъ свое мѣстопробываніе; онѣ покидаютъ страны и области, уже обогащенные ими, и переселяются туда, куда ихъ привлекаетъ дешевизна жизненныхъ припасовъ и труда; обогативъ и эти мѣста, онѣ по тѣмъ-же причинамъ снова переселяются. И вообще можно замѣтить, что дороговизна всякаго рода товаровъ, обусловленная изобиліемъ денегъ, есть вредное послѣдствіе установившейся торговли и во всѣхъ странахъ останавливаетъ ея развитіе, давая возможность болѣе бѣднымъ государствамъ продавать свои товары на всѣхъ иностранныхъ рынкахъ дешевле, чѣмъ могутъ продавать богатые“.

Но въ другомъ мѣстѣ, показавъ недѣйствительность или даже дурное вліяніе законовъ, основанныхъ на теоріи торговаго баланса, Юмъ говоритъ, что нація можетъ

сохранить свое положеніе въ свѣтъ, заботясь о томъ, чтобы количество населенія не уменьшилось и промышленность не пришла въ упадокъ, — взглядъ, очень далекій отъ фатализма.

„Вообще“, говоритъ онъ, „каждое правительство имѣетъ всѣскія основанія заботиться о сохраненіи своего народонаселенія и своихъ мануфактуръ. А относительно денегъ оно можетъ спокойно, безъ страха и зависти, положиться на обычный ходъ человѣческихъ дѣлъ, или, если оно обращаетъ какое-нибудь вниманіе на этотъ предметъ, то должно дѣлать это лишь настолько, насколько онъ вліяетъ на населеніе и производство“.

Перейдемъ къ болѣе важному разногласію.

Въ своемъ ученіи о процентахъ Юмъ самъ указываетъ границы созданной имъ теоріи и выясняетъ одно изъ тѣхъ противорѣчій, которыя такъ часто обнаруживаются между теоріей и дѣйствительностью.

Юмъ доказалъ, что процентъ есть продуктъ не денегъ, не драгоцѣннаго металла, а накопленной цѣнности, капитала; этотъ взглядъ не вызываетъ возраженій — напротивъ, всѣ экономисты согласны съ нимъ и болѣе или менѣе удачно воспроизводятъ блестящую аргументацію Юма. Но вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдній утверждаетъ, что усиленіе притока драгоцѣнныхъ металловъ имѣетъ сильное вліяніе на торговлю и промышленность: „въ каждомъ государствѣ, куда деньги начинаютъ стекаться обильнѣе, чѣмъ прежде, все принимаетъ новый видъ: трудъ и промышленность оживляются, купецъ становится предприимчивѣе, мануфактуристъ — дѣятельнѣе и искуснѣе, и даже фермеръ идетъ за своимъ плугомъ съ большей охотой и вниманіемъ“.

Между тѣмъ, измѣнилось-ли общее богатство государства? Капиталь страны не увеличился отъ того, что въ

ней явилось больше денегъ. Отношеніе между количествомъ предметовъ и количествомъ монеты и выраженіе этого отношенія, т. е. цѣна, измѣнились, но цѣна не имѣетъ реального значенія, потому что цѣнность товаровъ, обусловленная ихъ абсолютнымъ количествомъ или относительной полезностью, не подверглась никакому измѣненію.

„Деньги“, говоритъ Ж.-Б. Сэ¹⁾, „даже когда онѣ представляютъ капиталъ, въ своей матеріальной формѣ не составляютъ части того капитала, который находится въ распоряженіи общества; онѣ не ищутъ себѣ примѣненія; вся роль ихъ сводится къ облегченію обмена. Исполнивъ эту роль въ одномъ мѣстѣ, онѣ переходятъ для той-же цѣли въ другое мѣсто, и болѣе не имѣютъ никакого отношенія ни къ кредитору, ни къ должнику, которые раньше воспользовались ими“.

Если и Юмъ, подобно Ж.-Б. Сэ, убѣжденъ, что увеличеніе количества монеты не обозначаетъ увеличенія національнаго богатства, то онъ все-таки приписываетъ первому извѣстное вліяніе на взаимное положеніе заимодавца и должника, вліяніе, впрочемъ, не безусловное, а ограниченное извѣстнымъ промежуткомъ времени и опредѣленными обстоятельствами. Чтобы доказать это вліяніе, онъ изучаетъ различные фазисы притока драгоценныхъ металловъ изъ страны, въ которой открыты новыя залежи, въ страну, лишенную рудниковъ.

Прежде, чѣмъ начался этотъ приливъ, между количествомъ денегъ и количествомъ предметовъ потребленія установилось извѣстное отношеніе, результатомъ котораго была извѣстная серія цѣнъ для всякаго рода товаровъ. Послѣ увеличенія количества денегъ это отношеніе

¹⁾ Traité d'économie politique, кн. II, гл. VIII, примѣч.

оказывается нарушеннымъ: денегъ явилось больше, тогда какъ количество товаровъ осталось безъ измѣненія. Отношеніе между этими двумя количествами, изъ которыхъ одно подверглось измѣненію, другое осталось неизмѣннымъ, выражается серіей разнообразныхъ цѣнъ. Всѣ экономисты описываютъ это явленіе почти въ одинаковыхъ выраженіяхъ и совершенно сходятся во взглядахъ на него.

Но есть промежуточный фазисъ, и это впервые было доказано Юмомъ. Въ теченіе извѣстнаго времени въ страну приливаютъ золото и серебро: прежнее положеніе вещей уже нарушено, новое еще не успѣло установиться. Отношеніе между деньгами и товарами колеблется, серія цѣнъ еще не опредѣлилась. Уровень еще мѣняется, и каждое его измѣненіе выражается не опредѣленной цѣной, а непрерывнымъ повышеніемъ.

Всѣ товары быстро поднимаются въ цѣнѣ. Въ то-же время распредѣленіе денегъ совершается чрезвычайно неравномѣрно; отношеніе между количествомъ денегъ и числомъ лицъ, владѣющихъ ими, подвергается такому-же глубокому измѣненію, какъ отношеніе между количествомъ денегъ и количествомъ продуктовъ. Безпрерывный приливъ денегъ сосредоточиваетъ ихъ въ немногихъ рукахъ; тамъ и сямъ скопляются огромныя массы денегъ, тогда какъ раньше деньги были раздроблены на мелкія суммы и свободно обращались, не задерживаясь въ однихъ рукахъ дольше, чѣмъ въ другихъ, чрезвычайно рѣдко скопляясь въ большомъ количествѣ у одного и того-же лица, или въ одномъ какомъ-нибудь мѣстѣ.

Естественно, что при скопленіи денегъ въ немногихъ рукахъ количество заимодавцевъ должно быть очень велико, потому что эти лица не живутъ со своихъ ка-

питаловъ и могутъ извлекать изъ нихъ выгоду лишь двумя способами: или посредствомъ покупки продуктовъ съ цѣлью промышленной переработки ихъ или путемъ выдачи ссудъ подъ залогъ лицамъ, нуждающимся въ капиталахъ. Итакъ, измѣненіе величины процента, т.-е. цѣны капитала, какъ и измѣненіе цѣны всякаго другого товара, является результатомъ перемѣны въ отношеніи количества покупающихъ къ количеству продающихъ, т.-е. въ настоящемъ случаѣ — количества нуждающихся въ займѣ къ количеству заимодавцевъ. Когда вновь ввезенныя въ страну деньги находятся въ немногихъ рукахъ, онѣ обращаются въ матеріаль для ссудъ, и владѣльцы этого матеріала гонятся за заемщиками; несообразность спроса съ предложениемъ и вызываетъ пониженіе таксы процентовъ.

Юмъ предполагаетъ, что всѣ англичане чудеснымъ образомъ пріобрѣли въ одну ночь, сверхъ тѣхъ денегъ, которыми владѣли наканунѣ, по фунту стерлинговъ, и показываетъ, какъ пріятно они были-бы удивлены, замѣтивъ, что могутъ изстратить немного больше, но что въ концѣ-концовъ ихъ прежніе капиталы ничуть не увеличились. Въ теченіе короткаго времени покупателей будетъ болѣе, чѣмъ прежде, но число заимодавцевъ не возрастетъ; разбогатѣвъ, сравнительно съ предыдущимъ днемъ, на одинъ фунтъ стерлинговъ, никто не сдѣлается ради этого заимодавцемъ; банкиръ или капиталистъ не пріобрѣтетъ большаго вліянія на курсъ общественныхъ фондовъ и другихъ цѣнностей.

Надо признаться, что теорія промежуточнаго періода, въ теченіе котораго вновь ввезенныя деньги играютъ роль свободнаго капитала, нѣсколько разъ подтверждалась во второй половинѣ XIX вѣка; всякій помнитъ то оживленіе, которое произошло въ промышленности, въ

биржевыхъ и банковыхъ дѣлахъ вслѣдъ за притокомъ золота изъ Калифорніи.

Въ случаѣ отлива денегъ изъ страны, въ періодъ отлива произошло-бы обратное явленіе. Трудно не замѣтить того совпаденія, которое обнаруживается въ послѣдніе годы между общимъ пониженіемъ цѣнъ и трудностью разбогатѣть отъ какого-нибудь торговаго или промышленнаго дѣла. Изучая эпоху съ 1880 г., можно придти къ заключенію, что деньги идутъ на повышеніе, или, по крайней мѣрѣ, что все имѣетъ такой видъ, какъ если-бы деньги шли на повышеніе. Опираясь на теорію Юма, мы ожидаемъ, что это отразится на таксѣ процентовъ, — что она поднимется; между тѣмъ она остается неизмѣнной. Юмъ замѣчаетъ, что всякая задержка въ развитіи промышленности ведетъ къ пониженію размѣра процентовъ, потому что въ этомъ случаѣ извѣстное количество капиталовъ остается безъ употребленія и, слѣдовательно, поступаетъ на рынокъ; экономическая исторія послѣдняго десятилѣтія вполне подтвердила эту теорію. Такимъ образомъ, фактъ неповышенія таксы процентовъ еще не даетъ права отрицать, что увеличеніе денежной валюты является если не единственной, то реальной причиной паденія цѣнъ на предметы потребленія. Это явленіе не ослабляетъ теоріи Юма о фазисахъ увеличенія и уменьшенія количества денегъ.

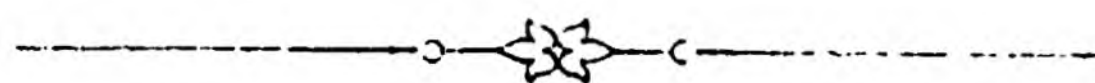
Возможно, что Европа, получившая въ теченіе долгаго времени (съ 1850 года) огромное количество драгоценныхъ металловъ, въ настоящее время вышла изъ того промежуточнаго періода, который такъ хорошо описалъ Юмъ, — изъ періода, когда все дѣлается съ увлеченіемъ, когда даже пахарь идетъ за плугомъ съ большей охотой. Жизнь, вѣроятно, вошла въ свою колею; можетъ быть даже ея направленіе измѣнилось и

послѣ цѣлыхъ вѣковъ непрерывнаго паденія цѣнности денегъ наступаетъ періодъ непрерывнаго роста денежной валюты.

Что наиболее поражаетъ при чтеніи произведеній Юма, это—широта его взглядовъ, его способность разсматривать самые сложные вопросы, не страшась ихъ сложности, и изучать вещи со всѣхъ сторонъ, не теряясь въ лабиринтъ разсужденій, наконецъ его боязнь увлечься простой идеей, какъ выразительницей цѣлой группы сложныхъ явленій. Каждое простое рѣшеніе внушаетъ ему недоувѣріе. Но выше всего онъ ставитъ разсужденіе; онъ довелъ искусство разсужденія до высшаго совершенства и предавался ему съ наслажденіемъ. Выясняя противорѣчіе между двумя своими теоріями—между ученіемъ о промежуточномъ періодѣ, въ теченіе котораго количество денегъ вліяетъ на высоту процента, и ученіемъ о томъ, что изобиліе или малочисленность денегъ не имѣетъ никакого вліянія на высоту процента,—онъ наслаждается логическимъ теченіемъ своихъ мыслей, и въ самой работѣ своего ума находитъ, кажется, такое-же большое удовлетвореніе, какъ если-бы ему удалось примирить двухъ противниковъ или разрѣшить трудную задачу. „Помимо того“, говоритъ онъ, „это изслѣдованіе интересно, оно часто приноситъ пользу въ политическихъ дѣлахъ. Надо, по крайней мѣрѣ, признать, что ничто не можетъ быть болѣе полезно, чѣмъ исправленіе путемъ опыта методовъ изслѣдованія этихъ вопросовъ, которые важнѣе всѣхъ другихъ, хотя ихъ обыкновенно и трактуютъ наиболее небрежно и необдуманно“.

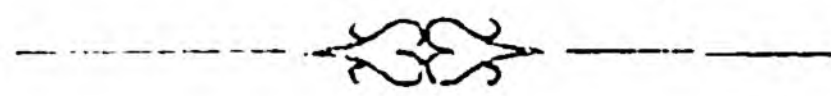
Леонъ Сэ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Политико-экономическіе очерки Юма появились впервые въ его „Essays moral, political and literary“ Edinb. 1742 и „Political discourses“, London 1752, и позже вошли въ полныя собранія его сочиненій (Эдинбургъ 1827 и 1836, Лондонъ. 1856 и 1870), а также въ изданія его Essays подъ ред. Green'a и Grosse, 2 т., Лондонъ. 1875 и 1882. На нѣмец. яз. они были переведены нѣсколько разъ, въ послѣдній разъ Niedermüller'омъ, Лейпцигъ. 1877; на франц. — M-lle Le Vasseur и M-lle de La Chauх, біографію которой разсказалъ Дидро въ „Ceci n'est pas un conte“, — и др. Автобіографія Юма была издана послѣ его смерти Адамомъ Смитомъ (въ 1777 г.). Для біографіи и оцѣнки Ю. важны: „Private correspondance of D. Hume with several distinguished persons in the years 1761 to 1776“. Colbourn, London. 1820.—Burton: „Life and correspondence of H.“, 2 т. Лондонъ. 1846; Jodl—„Leben und Philosophie D. H.'s“. Halle. 1872; Feuerlein — „H.'s Leben und Werke“ въ журналѣ „Der Gedanke“, т. IV и V, Berlin. 1863 — 1864. Cucheval - Clarigny „D. Hume, sa vie et ses écrits“, Revue d. d. Mondes 1-er nov. 1856.—G. Compayre „La philosophie de D. Hume, avec une introduction sur sa vie et ses oeuvres“. Paris. 1873. — По-русски: „Гюмъ Давидъ. Наука къ познанію роскоши, сочиненная на англійскомъ языкѣ, а съ оригинала французскаго перевелъ на русскій языкъ Фуріевъ и Ѳедоръ Левченковъ“. Спб. 1776.—„Жизнь

Давида Гумма, описанная имъ самимъ“, пер. съ англ. Ив. Марковъ, 1781. — „Гюммъ. О населенности древнихъ народовъ, каковою она является изъ писаній историковъ, мудрецовъ и стихотворцевъ тѣхъ временъ. Переложилъ съ англ. съ нѣкоторыми примѣчаніями Н. Муравьевъ“, Спб. 1806. Для оцѣнки политико-эконом. взглядовъ Юма—Б. Чичеринъ „Исторія политическихъ ученій“, т. III, стр. 195 — 231 (Москва. 1874); И. Янжуръ — „Англійская свободная торговля“, Москва. 1876—82 и всѣ руководства по полит. экономіи. Ср. М. В. Сабанина — „Давидъ Юмъ. Его жизнь и философская дѣятельность“, Спб. 1893 г. (въ „Биографической библіотекѣ“ Ф. Павленкова).

О торговлѣ.

Большую часть людей можно раздѣлить на два класса: на *поверхностныхъ* мыслителей, не достигающихъ истины, и на мыслителей *отвлеченныхъ*, идущихъ дальше ея. Послѣдніе встрѣчаются несравненно рѣже и, надо прибавить, гораздо болѣе полезны и драгоцѣнны, чѣмъ первые. Они, по крайней мѣрѣ, внушаютъ мысли и поднимаютъ вопросы, рѣшеніе которыхъ имъ самимъ, можетъ быть, не по силамъ, но которые въ рукахъ людей, обладающихъ болѣе правильными приемами разсужденія, могутъ привести къ прекраснымъ открытіямъ. То, что высказываютъ эти мыслители, по крайней мѣрѣ не банально, и если требуется извѣстное усиліе, чтобы понять ихъ, то трудъ читателя вознаграждается уже самой новизной ихъ идей. Авторъ, разсужденія котораго ничѣмъ не отличаются отъ того, что можно услышать въ любомъ кафѣ, конечно не заслуживаетъ большаго вниманія.

Мыслящіе *поверхностно* любятъ называть даже тѣхъ людей, чье сужденіе *основательно*, „отвлеченными“ мыслителями, метафизиками, людьми утопической мысли; они никогда не признаютъ справедливости въ томъ, что превосходитъ ихъ слабое пониманіе. Правда, есть случаи, гдѣ непомерная утонченность мысли создаетъ сильное предубѣжденіе противъ ея правильности, и гдѣ слѣ-

дуетъ довѣрять только тому, что естественно и непри-
нужденно. Когда человекъ размышляетъ о томъ, какъ
ему слѣдуетъ поступить въ томъ или другомъ *част-*
номъ случаѣ, когда онъ составляетъ какой-нибудь про-
ектъ относительно политики, торговли, экономіи или
извѣстнаго житейскаго дѣла, онъ никогда не долженъ
доводить свои соображенія до излишней тонкости или
связывать съ ними слишкомъ длинный рядъ послѣд-
ствій. Непремѣнно случится что-нибудь такое, что раз-
строитъ его планъ и приведетъ къ иному результату,
чѣмъ онъ ожидалъ. Но когда мы мыслимъ объ *общихъ*
предметахъ, — тогда можно съ увѣренностью сказать,
что наши соображенія, по скольку они правильны, не
могутъ быть слишкомъ утонченны, и что разница между
обыкновеннымъ человекомъ и гениемъ зависитъ, глав-
нымъ образомъ, отъ большей или меньшей глубины
принциповъ, на которые они опираются. Общія раз-
сужденія кажутся сильными только вслѣдствіе своей
общности; большая часть людей не въ силахъ разли-
чить среди массы частныхъ ту общую черту, относи-
тельно которой они всѣ согласны, или выдѣлить ее
въ чистомъ и безпримѣсномъ видѣ изъ другихъ, по-
бочныхъ обстоятельствъ. Каждое ихъ сужденіе и
каждый выводъ носить частный характеръ. Ихъ
взоръ не въ состояніи проникнуть до тѣхъ универсаль-
ныхъ положеній, которыя охватываютъ неизмѣримое
количество индивидуумовъ и въ одной теоремѣ содер-
жатъ цѣлую науку. Ихъ зрѣніе ослабѣваетъ въ этой
далекой перспективѣ, и слѣдствія, вытекающія изъ
этихъ теоремъ, даже будучи выражены въ ясной фор-
мѣ, кажутся имъ запутанными и неясными. Но какъ-бы
запутаны они ни казались, несомнѣнно, что общіе прин-
ципы, разъ они вѣрны и основательны, всегда должны

одерживать верхъ въ общемъ ходѣ явленій, хотя-бы въ частныхъ случаяхъ они оказывались несостоятельными; поэтому главная задача философовъ состоитъ въ изученіи общаго хода явленій. Прибавлю, что то-же самое является главной задачей и для государственныхъ людей, особенно въ области внутренней политики, гдѣ общественное благо, къ которому они стремятся или должны стремиться, зависитъ отъ совмѣстнаго дѣйствія многихъ причинъ, а не отъ счастья, случайностей или капризовъ немногихъ лицъ, какъ во внѣшней политикѣ. Такова разница между *частнымъ* соображеніемъ и *общимъ* размышленіемъ, и вотъ почему утонченность и искусственность болѣе пригодны для послѣдняго, чѣмъ для перваго.

Я считалъ необходимымъ предпослать это введеніе слѣдующимъ далѣе очеркамъ о *торговлѣ, деньгахъ, процентѣ, торговомъ балансѣ* и т. д., потому что читатель, можетъ быть, встрѣтитъ въ нихъ нѣсколько не совсѣмъ обычныхъ принциповъ, которые могутъ показаться ему слишкомъ искусственными и утонченными для такихъ простыхъ предметовъ. Если они ложны, пусть онъ отвергнетъ ихъ, но пусть не считаетъ ихъ заранѣе неправильными только потому, что они необычны и новы.

Могущество государства и благосостояніе подданныхъ, — какъ ни мало зависятъ они другъ отъ друга въ извѣстныхъ отношеніяхъ, — съ точки зрѣнія торговли обыкновенно считаются нераздѣльными; какъ частный человекъ, благодаря могуществу государства, приобретаетъ большую обеспеченность въ обладаніи своей торговлей и богатствами, такъ и государство становится болѣе могущественнымъ соразмѣрно съ обогащеніемъ частныхъ лицъ и расширеніемъ ихъ торговли. Это пра-

вило въ общемъ вѣрно; однако мнѣ кажется, что оно допускаетъ исключенія и что мы часто принимаемъ его въ слишкомъ безусловной формѣ и даемъ ему слишкомъ широкія границы. При извѣстныхъ обстоятельствахъ торговля, богатство и роскошь отдѣльныхъ лицъ не только не увеличиваютъ силу государства, но приводятъ къ уменьшенію его арміи и къ ослабленію его престижа между сосѣдними націями. Человѣкъ—существо чрезвычайно непостоянное, подчиняющееся множеству разнообразныхъ мнѣній, принциповъ и правилъ поведенія. То, что вѣрно при одномъ способѣ мышленія, можетъ оказаться ложнымъ, когда человѣкъ усвоитъ противоположные нравы и воззрѣнія.

Въ каждомъ государствѣ народъ можно раздѣлить на *земледѣльцевъ* и *мастеровыхъ*. Первые занимаются обработкой земли; вторые выдѣлываютъ изъ матеріаловъ, доставляемыхъ первыми, всѣ товары, необходимые для поддержки или украшенія человѣческой жизни. Лишь только люди покидаютъ дикій образъ жизни, въ которомъ они поддерживаютъ свое существованіе, главнымъ образомъ, продуктами охоты и рыболовства,—они неизбежно должны раздѣлиться на эти два класса, хотя *въ началѣ* земледѣльческій трудъ занимаетъ наибольшую часть общества. Благодаря времени и опыту этотъ трудъ настолько совершенствуется, что земля становится способной прокармливать гораздо большее число людей, чѣмъ число хлѣбопашцевъ, непосредственно занятыхъ ея обработкой, или чѣмъ число промышленныхъ рабочихъ, доставляющихъ имъ наиболѣе необходимые товары.

Если эти лишнія руки сами собою примѣняются къ болѣе изысканнымъ производствамъ, называемымъ обыкновенно производствами роскоши, то онѣ увеличиваютъ

благосостояніе государства, давая возможность многимъ гражданамъ доставлять себѣ такія удовольствія, какихъ они иначе не знали-бы. Но нельзя-ли употребить эти лишнія руки на что-нибудь другое? Развѣ государь не можетъ потребовать ихъ для себя и дать имъ работу во флотѣ и въ арміи, чтобы раздвинуть границы государства и распространить его вліяніе между отдаленными народами? Несомнѣнно, что чѣмъ меньше желаній и потребностей у землевладѣльцевъ и хлѣбопашцевъ, тѣмъ меньше имъ нужно рабочихъ рукъ, и слѣдовательно излишекъ земледѣльческихъ продуктовъ, вмѣсто того, чтобы обогащать купцовъ и ремесленниковъ, можетъ служить для содержанія гораздо болѣе значительнаго флота и арміи, чѣмъ когда требуется большое число промысловъ для удовлетворенія роскоши частныхъ лицъ. Здѣсь могущество государства и благосостояніе подданныхъ оказываются какъ-бы въ оппозиціи. Государство тогда достигаетъ наибольшаго могущества, когда всѣ лишнія руки находятся въ его распоряженіи; между тѣмъ удобства и комфортъ частныхъ лицъ требуютъ, чтобы эти руки служили удовлетворенію ихъ нуждъ. Слѣдовательно, государство можетъ быть удовлетворено только въ ущербъ частнымъ лицамъ, и наоборотъ. Какъ честолюбіе государя ограничиваетъ роскошь частныхъ лицъ, такъ роскошь частныхъ лицъ уменьшаетъ могущество государя и сдерживаетъ его честолюбіе.

Это разсужденіе—не простая химера; оно основано на исторіи и опытѣ. Спартанская республика была несомнѣнно гораздо болѣе могущественна, чѣмъ всякое современное государство, обладающее такимъ-же количествомъ населенія: этимъ превосходствомъ она была всецѣло обязана отсутствію торговли и роскоши. Илоты

были земледѣльцами, спартиаты—солдатами или господами. Очевидно, что трудъ илотовъ не могъ-бы содержать такого большого числа спартиатовъ, если-бы послѣдніе вели удобный и изнѣженный образъ жизни и давали работу большому числу торговыхъ и промышленныхъ предпріятій. То-же самое можно замѣтить и въ исторіи Рима. И вообще, во всей древней исторіи замѣчательно то, что самыя маленькія республики создали и содержали болѣе значительныя арміи, чѣмъ въ настоящее время могутъ содержать государства съ втрое болѣе большимъ количествомъ народонаселенія. Считаютъ, что во всѣхъ государствахъ Европы отношеніе количества солдатъ къ населенію не превышаетъ одного процента. А между тѣмъ мы читаемъ, что одинъ городъ Римъ со своей крошечной территоріей въ первыя времена республики выставилъ противъ латиновъ и содержалъ десять легіоновъ. Аѳины, всѣ владѣнія которыхъ едва-ли занимали больше пространства, чѣмъ Йоркширъ, отправили въ Сицилію экспедицію почти въ сорокъ тысячъ человѣкъ. Діонисій Старшій содержалъ, по преданію, постоянную армію изъ ста тысячъ пѣхотинцевъ и десяти тысячъ всадниковъ, да сверхъ того значительный флотъ въ четыреста кораблей; между тѣмъ его владѣнія ограничивались городомъ Сиракузами, приблизительно третьей частью Сициліи и нѣсколькими портами и крѣпостями по берегамъ Италіи и Иллиріи. Правда, во время войны древнія арміи жили большею частью грабежомъ; но развѣ врагъ не грабилъ въ свою очередь? А это былъ наиболѣе разорительный способъ взиманія налоговъ, какой только можно придумать. Итакъ, единственная вѣроятная причина превосходства древнихъ государствъ надъ современными въ смыслѣ могущества есть отсутствіе въ первыхъ торговли и роскоши. Трудъ земледѣль-

цевъ содержалъ небольшое число рабочихъ, слѣдовательно онъ могъ прокормить бѣльшее количество солдатъ. Ливій говоритъ, что въ его время Римъ только съ большими усиліями могъ-бы выставить такую крупную армію, какія онъ въ первое время своего существованія высылалъ противъ галловъ и латинянъ. Солдаты, которые во времена Камилла боролись за свободу и господство, въ царствованіе Августа замѣнили музыканты, художники, повара, актеры и портные; и если-бы земля обрабатывалась одинаково хорошо въ обѣ эпохи, то она очевидно могла-бы содержать такое-же количество солдатъ, сколько содержала людей, занятыхъ этими профессіями. Эти профессіи въ послѣдній періодъ ничего не прибавили къ предметамъ безусловно необходимымъ для жизни, сравнительно съ первымъ.

Здѣсь естественно спросить себя, не могутъ-ли государи вернуться къ принципамъ древней политики и заботиться въ этомъ отношеніи больше о своей собственной выгодѣ, чѣмъ о благосостояніи своихъ подданныхъ? Я отвѣчу, что это кажется мнѣ почти невозможнымъ, потому что древняя политика была насильственна и противорѣчила естественному и обычному ходу вещей. Извѣстно, какими своеобразными законами управлялась Спарта; извѣстно, что всѣ тѣ, кто изучалъ проявленія человѣческой природы въ другихъ странахъ и въ другія времена, справедливо смотрѣли на эту республику, какъ на чудо. Если-бы свидѣтельство исторіи было менѣе положительно и твердо, такой образъ правленія казался-бы намъ чистой выдумкой или философской фантазіей, совершенно неосуществимой на практикѣ. Хотя римская республика и другія древнія государства были основаны на нѣсколько болѣе естественныхъ принципахъ, тѣмъ не менѣе нужно было необычайное стече-

ніе обстоятельствъ, чтобы онѣ могли взять на себя такое тяжелое бремя. Эти государства были свободны, ихъ территорія была мала; то была эпоха непрерывныхъ войнъ, и всѣ ихъ сосѣди никогда не слагали съ себя оружія. Свобода естественно создаетъ пламенный патріотизмъ, въ особенности въ небольшихъ государствахъ, и этотъ патріотизмъ, этотъ *amor patriae*, долженъ усиливаться въ такую эпоху, когда государство живетъ въ постоянной тревогѣ и граждане принуждены для его защиты ежеминутно подвергать себя величайшимъ опасностямъ. Рядъ непрерывныхъ войнъ дѣлаетъ изъ каждаго гражданина солдата; онъ въ свой чередъ вступаетъ въ войско, и во время своей службы почти всецѣло содержитъ себя самъ. Эта служба безъ сомнѣнія равна тяжелому налогу, но такой налогъ не обременителенъ для народа, который преданъ оружію, который сражается болѣе ради славы и мести, чѣмъ для платы, и такъ же мало знакомъ съ удовольствіями, какъ съ барышемъ и трудолюбіемъ. Я не говорю уже о большомъ равенствѣ имуществъ, какое господствовало въ древнихъ республикахъ, гдѣ каждое поле, принадлежавшее отдѣльному собственнику, могло прокормить цѣлую семью, гдѣ, слѣдовательно, количество гражданъ могло быть очень велико даже при отсутствіи торговли и промышленности.

Однако, хотя у свободнаго и очень воинственнаго народа отсутствіе торговли и промышленности можетъ *иногда* имѣть своимъ единственнымъ послѣдствіемъ увеличеніе могущества государства, — при обыкновенномъ теченіи человѣческихъ дѣлъ оно приводитъ къ противоположному результату. Государь долженъ брать людей, каковы они есть, и не можетъ стремиться къ насильственному преобразованію ихъ принциповъ и пріемовъ.

мышленія. Нуженъ длинный періодъ времени, нужны извѣстные обстоятельства и событія, чтобы произвести эти великія революціи, такъ глубоко измѣняющія характеръ человѣческой дѣятельности. Мало того: чѣмъ менѣе естественны тѣ принципы, на которые опирается данное общество, тѣмъ труднѣе будетъ законодателю повысить культурный уровень этого общества. Онъ будетъ поступать наиболѣе цѣлесообразно, если, подчинившись господствующей склонности общества, станетъ производить всѣ тѣ улучшения, которыя оно способно принять. А при естественномъ ходѣ вещей промышленность, искусства и торговля увеличиваютъ какъ могущество государя, такъ и благосостояніе подданныхъ, и политика, которая усиливаетъ государство, обездоливая частныхъ лицъ, есть политика насилія. Нѣсколько новыхъ соображеній, выясняющихъ послѣдствія лѣни и невѣжества, лучше всего могутъ доказать это.

Въ странѣ, гдѣ нѣтъ ни мануфактуръ, ни механическихъ производствъ, бóльшая часть людей естественно должна заниматься земледѣліемъ, и если ихъ ловкость и трудолюбіе увеличиваются, то ихъ трудъ долженъ давать значительный излишекъ сверхъ того, что необходимо для ихъ собственнаго пропитанія. Ясно, что у нихъ нѣтъ никакого искушенія увеличивать свое трудолюбіе и ловкость, потому что они не имѣютъ возможности обмѣнивать свой излишекъ на предметы, способные доставлять имъ удовольствія или удовлетворять ихъ тщеславіе. Тогда ими естественно овладѣваетъ безпечность; большая часть земли остается невоздѣланной, а то, что обработано, вслѣдствіе лѣни и нерадивости земледѣльцевъ далеко не даетъ максимума своихъ продуктовъ. Если вдругъ явится необходимость привлечь большое число лицъ на службу государства, то трудъ

народа не дастъ такого излишка, какой будетъ необходимъ для пропитанія этихъ лицъ. Земледѣлецъ не можетъ сразу увеличить свое прилежаніе и свою ловкость. Необработанныя поля могутъ быть воздѣланы не ранѣе, какъ по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Въ продолженіе этого времени армія должна или дѣлать насильственные и неожиданные захваты, или разбѣжаться вслѣдствіе недостатка въ собственныхъ припасахъ. Отъ такого народа нельзя ожидать ни правильной атаки, ни правильной защиты: его солдаты такъ-же невѣжественны и неискусны, какъ его крестьяне и ремесленники.

Все на свѣтѣ приобрѣтается посредствомъ труда, и наши желанія суть единственная причина труда. Когда нація имѣетъ излишекъ въ мануфактурахъ и механическихъ искусствахъ, то и землевладѣльцы, и фермеры изучаютъ земледѣліе, какъ науку, и удваиваютъ свое трудолюбіе и вниманіе. Излишекъ, получающійся отъ ихъ труда, не пропадаетъ; онъ вымѣнивается на тѣ мануфактурные продукты, которыхъ тогда начинаетъ требовать роскошь жизни. Такимъ образомъ земля доставляетъ гораздо большее количество предметовъ, необходимыхъ для жизни, чѣмъ сколько нужно для удовлетворенія потребностей самихъ земледѣльцевъ. Въ мирное время этотъ излишекъ идетъ на содержаніе мануфактуристовъ и тѣхъ, кто занимается свободными искусствами. Но государство легко можетъ обратить извѣстное число этихъ промышленныхъ рабочихъ въ солдатъ и употребить на ихъ содержаніе тотъ излишекъ, который получается отъ труда фермеровъ. Такой порядокъ мы и наблюдаемъ во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ. Что происходитъ, когда государь набираетъ армію? Онъ налагаетъ новую подать; эта подать принуждаетъ населеніе отказаться отъ всего, что не безусловно необ-

ходимо для существованія. Тѣ рабочіе, которые были заняты производствомъ менѣе необходимыхъ товаровъ, должны или вступать въ войско, или обращаться къ земледѣлію; въ послѣднемъ случаѣ они заставляютъ известное число земледѣльцевъ за недостаткомъ работы сдѣлаться солдатами. И разсматривая вопросъ съ отвлеченной точки зрѣнія, приходится сказать, что промышленные рабочіе увеличиваютъ могущество государства лишь постольку, поскольку они накапливаютъ известное количество труда, притомъ такого труда, которымъ государство можетъ воспользоваться, никого не лишая предметовъ первой необходимости. Слѣдовательно, чѣмъ значительнѣе излишекъ труда сверхъ того, что безусловно необходимо для существованія, тѣмъ могущественнѣе государство, потому что лица, занятые этимъ трудомъ, легко могутъ быть привлечены на общественную службу. Государство, лишенное мануфактуръ, можетъ содержать въ себѣ такое-же количество рабочихъ рукъ, но количество и характеръ производимаго въ немъ труда будутъ иные; въ этомъ случаѣ весь трудъ будетъ обращенъ на производство предметовъ первой необходимости, которое совершенно или почти не допускаетъ сокращенія.

Такимъ образомъ могущество государя и благосостояніе общества, съ точки зрѣнія торговли и мануфактуры, въ общихъ чертахъ солидарны. Обязывать земледѣльца истощать свои силы съ цѣлью извлечь изъ земли больше, чѣмъ необходимо для его семьи и для него самого, это — насильственная и въ большинствѣ случаевъ неисполнимая система. Дайте ему продукты мануфактуры, и онъ самъ начнетъ работать болѣе. Тогда вамъ легко будетъ взять у него часть его излишней работы и употребить ее на нужды государства, не вознаграждая его обычной

платой. Вслѣдствіе привычки къ усиленному труду, это покажется ему менѣе обременительнымъ, чѣмъ если-бы вы безъ всякаго вознагражденія принудили его внезапно увеличить количество работы. То-же самое можно сказать и объ остальныхъ членахъ государства. Чѣмъ значительнѣе капиталъ труда во всѣхъ его видахъ, тѣмъ значительнѣе та часть его, которую можно вычесть изъ общей суммы, не произведя этимъ чувствительной перемѣны.

Общественный хлѣбный магазинъ, суконный и оружейный складъ — вотъ въ чемъ состоитъ дѣйствительное богатство и сила государства. Торговля и промышленность представляютъ въ сущности ничто иное, какъ капиталъ труда, который въ мирное время служитъ для удовлетворенія нуждъ и желаній отдѣльныхъ лицъ, а въ минуту государственной нужды можетъ быть частью употребленъ на общественныя нужды. Если-бы мы могли превратить каждый городъ въ укрѣпленный лагерь и въ каждую грудь вдохнуть столько воинственности и патриотизма, чтобы каждый гражданинъ былъ готовъ перенести ради государства самыя суровыя лишенія, — одни эти чувства и теперь, какъ въ древнія времена, въ достаточной степени поощряли-бы трудолюбіе и поддерживали-бы общество. Тогда было-бы выгодно изгнать, какъ въ лагерьъ, роскошь и изнѣженность жизни, и путемъ ограниченій въ пищѣ и одеждѣ достигнуть того, чтобы съѣстныхъ припасовъ и провіанта хватало на болѣе продолжительное время, чѣмъ если-бы армию безъ пользы обременяло большое число наемниковъ. Но такъ какъ эти принципы слишкомъ идутъ въ разрѣзъ съ частной выгодой и такъ какъ ихъ слишкомъ трудно поддерживать, то дѣятельность людей приходится направлять при помощи другихъ страстей, — приходится воодушевлять ихъ духомъ алчности и стяжанія, роскоши

и довольства. Въ этомъ случаѣ лагерь наполненъ множествомъ ненужныхъ людей, но за то и припасы стекаются въ него въ пропорціонально бѣльшемъ количествѣ. Слѣдовательно въ цѣломъ соразмѣрность постоянно соблюдена, и такъ какъ естественныя склонности человеческого духа получаютъ болѣе полное удовлетвореніе, то какъ отдѣльныя лица, такъ и государство находятъ выгоднымъ для себя придерживаться этихъ принциповъ.

Тотъ-же методъ разсужденія дастъ намъ возможность доказать выгоду *внѣшней* торговли въ смыслѣ увеличенія могущества государства, а равно и богатствъ и благосостоянія подданныхъ. Она умножаетъ капиталъ народнаго труда, и государь можетъ извѣстную часть этого капитала, какую сочтетъ нужной, употребить на потребности государства. При помощи ввоза внѣшняя торговля доставляетъ матеріалы для новыхъ мануфактуръ, а при помощи вывоза питаетъ производство извѣстныхъ товаровъ, которые не могутъ быть цѣликомъ употреблены внутри страны. Однимъ словомъ, страна съ развитымъ ввозомъ и вывозомъ должна обладать бѣльшимъ количествомъ промысловъ — притомъ направленныхъ на изготовленіе предметовъ роскоши и изящества, — чѣмъ государство, которое довольствуется своими туземными продуктами; слѣдовательно первое могущественнѣе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, богаче и счастливѣе второго. Отдѣльныя лица испытываютъ благодѣтельные послѣдствія этого торговаго оборота, насколько онъ даетъ имъ возможность удовлетворять свои склонности и желанія. Государство также получаетъ отъ него выгоду, потому что въ странѣ накапливается бѣльшій капиталъ труда, который въ случаѣ надобности можетъ быть употребленъ на общественныя нужды, другими словами потому, что въ странѣ находится бѣль-

шее количество рабочихъ рукъ, которыя можно перевести отъ ихъ занятій на службу государства, никого не лишая при этомъ ни первыхъ предметовъ необходимости, ни даже главныхъ удовольствій жизни.

Если мы обратимся къ исторіи, то увидимъ, что у большей части народовъ внѣшняя торговля предшествовала всякому улучшенію туземныхъ производствъ и создавала роскошь. Мы болѣе склонны пользоваться иностранными товарами, которые тотчасъ могутъ быть употреблены въ дѣло и совершенно новы для насъ, чѣмъ дѣлать улучшенія въ туземныхъ производствахъ, что всегда требуетъ продолжительнаго времени и никогда не возбуждаетъ интереса новизны. Точно такъ же очень выгодно — все то, что излишне для страны и не имѣетъ въ ней цѣнности, вывозить въ чужія страны, почва или климатъ которыхъ не благопріятствуютъ этого рода производству. Такимъ образомъ люди знакомятся съ удовольствіями роскоши и выгодами торговли, а утонченность вкуса и трудолюбіе; будучи разъ пробуждены, уже безпрестанно поощряютъ ихъ къ новымъ усовершенствованіямъ во всѣхъ отрасляхъ внутренней и внѣшней торговли. И это есть, быть можетъ, главная выгода, какую доставляетъ торговля съ иностранцами. Она пробуждаетъ людей отъ лѣни и, доставляя наиболѣе состоятельной и жизнерадостной части населенія предметы роскоши, о которыхъ люди раньше никогда не думали, вызываетъ въ нихъ стремленіе къ болѣе утонченному образу жизни, чѣмъ какой вели ихъ предки. Въ то-же время тѣ немногіе купцы, которые владѣютъ тайной ввоза и вывоза, получаютъ значительные барыши, и дѣлаясь по богатству соперниками древней знати, заставляютъ другихъ отважныхъ людей въ свою очередь вступать въ соперничество съ ними въ обла-

сти торговли. Благодаря подражанію, это искусство быстро распространяется, между тѣмъ какъ національныя мануфактуры стараются сравняться въ своихъ улучшеніяхъ съ иностранными и довести всякій туземный продуктъ до наивысшей степени совершенства, какая возможна. Въ ихъ искусныхъ рукахъ сталь и желѣзо становятся равны золоту и рубинамъ Индіи.

Когда дѣятельность общества дошла до такого развитія, нація можетъ потерять даже значительную часть своей внѣшней торговли, и все-таки она останется великой и могущественной націей. Если иностранцы перестали покупать одинъ изъ нашихъ товаровъ, мы должны перестать затрачивать на него свой трудъ. Тѣ же руки сами собой обратятся къ улучшеніямъ въ какой-нибудь другой области производства, продуктовъ которой, можетъ быть, недостаетъ намъ самимъ. Они всегда будутъ находить матеріалъ для обработки, пока каждый богатый человѣкъ въ странѣ не будетъ владѣть такимъ большимъ количествомъ туземныхъ продуктовъ и притомъ столь совершенныхъ, какъ онъ желалъ-бы, — а этого навѣрное никогда не случится.

Надѣюсь, что не сочтутъ излишнимъ отступленіемъ, если я замѣчу, что насколько выгодна многочисленность механическихъ искусствъ, настолько-же важно, чтобы продукты этихъ искусствъ распредѣлялись между наибольшимъ количествомъ лицъ. Существованіе слишкомъ большого неравенства между гражданами ослабляетъ государство. Всякій человѣкъ долженъ быть вознагражденъ за свой трудъ, по возможности, полнымъ обладаніемъ всѣхъ первыхъ предметовъ необходимости и извѣстнаго количества удовольствій. Никто не будетъ сомнѣваться, что подобное равенство вполне соответствуетъ природѣ человѣка и гораздо меньше умаляетъ счастье

богатаго, чѣмъ увеличиваетъ счастье бѣдняка. Оно увеличиваетъ также могущество государства и заставляетъ гражданъ охотнѣе платить чрезвычайныя подати и налоги. Когда богатства сосредоточены въ рукахъ немногихъ лицъ, то эта небольшая группа должна вносить очень крупныя суммы на общественныя потребности, но когда богатства раздроблены между большимъ количествомъ людей, то на каждое плечо ложится легкое бремя и подати не производятъ чувствительныхъ измѣненій въ образѣ жизни каждаго отдѣльнаго человѣка.

Прибавимъ, что если богатства находятся въ немногихъ рукахъ, то собственники присвоиваютъ себѣ всю власть въ странѣ и безъ труда могутъ сговориться возложить все бремя на бѣдныхъ, а это новое притѣсненіе окончательно отниметъ у послѣднихъ всякую охоту къ труду.

Въ этомъ и состоитъ великое преимущество Англии какъ передъ всѣми современными націями міра, такъ и передъ тѣми, о которыхъ упоминаетъ исторія. Правда, во внѣшней торговлѣ англичанамъ причиняетъ извѣстный ущербъ дороговизна труда, которая является результатомъ отчасти богатства рабочихъ, отчасти денежнаго изобилія. Но такъ какъ внѣшняя торговля — не важнѣйшая сторона народной жизни, то ее невозможно сравнивать со счастьемъ столькихъ милліоновъ людей. И если-бы англичане не имѣли никакого другого основанія любить то своеобразное государство, въ которомъ они живутъ, то было-бы достаточно одной этой причины. Нищета простого народа — естественное, пожалуй даже неизбежное послѣдствіе абсолютной монархіи; но съ другой стороны, я сомнѣваюсь, чтобы богатство народа было неизбежнымъ послѣдствіемъ свободы. Чтобы привести къ этому результату, свобода должна найти

поддержку въ извѣстныхъ событіяхъ и въ извѣстномъ образѣ мыслей. Лордъ Бэконъ приписываетъ великія выгоды, которыя англичане извлекли изъ своихъ войнъ съ Франціей, главнымъ образомъ большому благосостоянію и довольству простого народа въ Англіи; между тѣмъ образъ правленія въ обоихъ государствахъ былъ въ эту эпоху почти одинаковъ. Когда земледѣльцы и промышленные рабочіе привыкли работать за малую плату и сохранять для себя лишь ничтожную часть продуктовъ своего труда, то имъ даже въ свободномъ государствѣ трудно улучшить свое положеніе или сговориться насчетъ увеличенія платы. Но даже когда они привыкли къ болѣе достаточному образу жизни, богатые въ самодержавномъ государствѣ могутъ безъ труда сплотиться противъ нихъ и наложить на ихъ плечи все податное бремя.

Можетъ быть покажется страннымъ, если я скажу, что нищета простого народа во Франціи, Италіи и Испаніи обязана своимъ существованіемъ, въ извѣстной степени, природному богатству этихъ странъ и ихъ благодатному климату; между тѣмъ не трудно доказать правильность этого парадокса. Въ странѣ, обладающей такой превосходной почвой, какою обладаютъ южныя государства, земледѣліе не представляетъ большихъ трудностей, и одинъ человѣкъ можетъ тамъ съ парой жалкихъ клячь обработать за лѣто столько земли, сколько ему нужно для уплаты собственнику довольно высокой аренды. Все искусство фермера состоитъ въ томъ, чтобы, когда почва истощена, оставлять землю на годъ подъ паромъ; солнечная теплота и температура воздуха возвращаютъ ей плодородіе. Итакъ, эти бѣдные крестьяне въ награду за свой трудъ не требуютъ ничего другого, кромѣ того, что необходимо для ихъ суще-

ствованія. У нихъ нѣтъ ни капитала, ни богатствъ, которыя побуждали-бы ихъ желать бóльшаго, и въ то же время они постоянно находятся въ зависимости отъ собственника, который не даетъ имъ контрактовъ на землю и не боится истощить ее дурными приемами обработки. Въ Англіи почва богата, но груба; ее приходится воздѣлывать съ большими издержками, и она даетъ ничтожный урожай, если не обработана старательно и такимъ способомъ, который приноситъ полный барышъ только по истеченіи многихъ лѣтъ. Слѣдовательно, въ Англіи фермеръ долженъ обладать значительнымъ капиталомъ и брать аренду на продолжительное время, что даетъ ему и соотвѣтственную прибыль. Прекрасные виноградники Шампани и Бургундіи, которые часто приносятъ собственнику почти пять фунтовъ съ акра, обрабатываются крестьянами, едва добывающими свой хлѣбъ; все дѣло въ томъ, что эти крестьяне не нуждаются ни въ какомъ другомъ капиталѣ, кромѣ своихъ рукъ и рабочихъ орудій, которыя они могутъ купить за двадцать шиллинговъ. Положеніе фермеровъ въ этихъ провинціяхъ въ общемъ лучше, но изъ всѣхъ лицъ, занимающихся земледѣльческимъ трудомъ, лучше всего живется скотоводамъ. Причина здѣсь та-же. Прибыль человека должна быть пропорціональна его издержкамъ и риску. Когда такое большое число бѣдныхъ труженниковъ, какое составляютъ крестьяне и фермеры, находится въ очень жалкомъ положеніи, то вся остальная часть общества должна принимать участіе въ ихъ нищетѣ, каковъ-бы ни былъ образъ правленія въ государствѣ—монархическій или республиканскій.

То-же самое можно сказать и относительно общей исторіи человѣчества. Почему ни одинъ изъ народовъ, обитающихъ между тропиками, никогда не сѣумѣлъ

создать никакого искусства, никакой техники, ни даже достигнуть благоустройства въ управленіи или дисциплины въ арміи, тогда какъ лишь немногіе изъ народовъ умѣреннаго пояса совершенно лишены этихъ преимуществъ? Одна изъ причинъ этого явленія заключается, безъ сомнѣнія, въ зноѣ и однообразіи температуры жаркаго пояса, которые дѣлаютъ одежду и жилище менѣе нужными для человѣка и такимъ образомъ отчасти устраняютъ необходимость, этотъ великій стимуль трудолюбія и изобрѣтенія. *Curis aciens mortalia corda.* Я не говорю уже о томъ, что чѣмъ меньше у націи товаровъ и имущества этого рода, тѣмъ менѣе у него поводовъ къ внутреннимъ раздорамъ, и слѣдовательно, тѣмъ менѣе онъ нуждается въ благоустроенной полиціи или регулярной власти для своей защиты и обороны противъ внѣшнихъ или внутреннихъ враговъ.

О деньгахъ.

Деньги не составляютъ предмета торговли въ собственномъ смыслѣ слова; онѣ суть только орудіе, которое люди, по общему соглашенію, употребляютъ для того, чтобы облегчить обмѣнъ одного товара на другой. Это—не одно изъ колесъ торговли, а масло, благодаря которому движеніе колесъ становится болѣе плавнымъ и свободнымъ. Разсматривая какое-нибудь государство въ немъ самомъ, мы замѣтимъ, что большее или меньшее количество денегъ, находящихся въ немъ, не имѣетъ никакого значенія, потому что цѣна товаровъ всегда пропорціональна количеству денегъ и крона во времена Генриха VII имѣла такое-же значеніе, какое теперь имѣетъ фунтъ стерлинговъ. Нѣкоторую выгоду изъ изобилія денегъ извлекаетъ только государство, да и то лишь во время войны и переговоровъ съ другими державами. Именно поэтому всѣ богатые и торговые государства, начиная съ Карфагена до Великобританіи и Голландіи, пользовались наемными арміями, которыя они нанимали у своихъ менѣе богатыхъ сосѣдей. Если бы они употребляли для войнъ своихъ собственныхъ подданныхъ, то получали-бы меньше прибыли отъ своихъ значительныхъ богатствъ и большого изобилія золота и серебра, потому что вознагражденіе лицъ, служащихъ государству, должно повышаться соотвѣтственно

богатству общества. Наша небольшая армія, состоящая изъ двадцати тысячъ человѣкъ, требуетъ такихъ-же большихъ расходовъ, какъ французская армія вдвое болѣе многочисленная. Во время послѣдней войны содержаніе англійскаго флота обошлось такъ-же дорого, какъ въ теченіе всего императорскаго періода содержаніе римскихъ легионовъ, державшихъ весь міръ въ подчиненіи своей власти.

Большее количество народонаселенія и его большая производительность выгодны для государства во всѣхъ отношеніяхъ — съ точки зрѣнія внутренней и внѣшней политики, частныхъ и государственныхъ интересовъ. Но изобиліе денегъ приноситъ лишь незначительную пользу, а иногда можетъ даже причинять вредъ націи въ ея торговлѣ съ иностранцами.

Къ счастью, въ человѣческихъ дѣлахъ существуетъ, повидимому, такое стеченіе обстоятельствъ, которое сдерживаетъ развитіе торговли и богатствъ и мѣшаетъ имъ ограничиваться предѣлами одного государства, какъ можно было-бы опасаться въ виду прибыльности всякой установившейся торговли. Когда одна нація въ области торговли опередила другую, то послѣдней бываетъ трудно вернуть потерянное — вслѣдствіе большаго трудолюбія и большаго ловкости первой, а также вслѣдствіе того, что ея купцы обладаютъ большими капиталами и слѣдовательно могутъ довольствоваться соразмѣрно-меньшимъ барышемъ. Но эти преимущества до известной степени уравниваются дешевизной труда у всякой націи, не обладающей ни обширной торговлей, ни большимъ количествомъ золота и серебра. Вслѣдствіе этого мануфактуры мало-по-малу мѣняютъ свое мѣсто-пребываніе: онѣ покидаютъ страны и области, уже обогащенныя ими, и переселяются туда, куда ихъ привле-

каетъ дешевизна жизненныхъ припасовъ и труда; обогативъ и эти мѣста, онѣ по тѣмъ-же причинамъ снова переселяются. И вообще можно замѣтить, что дороговизна всякаго рода товаровъ, обусловленная изобиліемъ денегъ, есть вредное послѣдствіе установившейся торговли и во всѣхъ странахъ останавливаетъ ея развитіе, давая возможность болѣе бѣднымъ государствамъ продавать свои товары на всѣхъ иностранныхъ рынкахъ дешевле, чѣмъ могутъ продавать богатые.

Это обстоятельство и заставило меня усумниться въ пользѣ банковъ и бумажнаго кредита, которые обыкновенно считаются безусловно выгодными для всякой націи. Дороговизна провизіи и труда, обусловленная ростомъ торговли и увеличеніемъ количества денегъ, неудобна во многихъ отношеніяхъ; но это неудобство неизбежно, и вмѣстѣ съ тѣмъ оно является послѣдствіемъ того богатства и благосостоянія общества, которыя составляютъ цѣль всѣхъ нашихъ стремленій. Оно вознаграждается тѣми выгодами, которыя мы извлекаемъ изъ обладанія драгоценными металлами, и тѣмъ преимуществомъ, которое это обладаніе даетъ націи во всѣхъ войнахъ и сношеніяхъ съ иностранцами. Но повидимому нѣтъ никакой надобности увеличивать это неудобство при помощи поддѣльной монеты, которой иностранцы не берутъ ни въ какихъ платежахъ и которую всякая крупная смута въ государствѣ совершенно лишаетъ цѣнности. Правда, въ каждомъ богатомъ государствѣ есть много людей, которые владѣютъ большими суммами денегъ и предпочитаютъ звонкой монетѣ хорошо гарантированныя бумаги, потому что послѣднія легче перевозить и храненіе ихъ безопаснѣе. Если государство не устраиваетъ банка, то частные банкиры извлекаютъ пользу изъ этого обстоятельства, какъ нѣкогда

дѣлали лондонскіе банкиры и какъ дѣлаютъ теперь дублинскіе. Поэтому надо думать, что было-бы лучше предоставить какому-нибудь обществу выгоды бумажнаго кредита, который всегда будетъ существовать во всякомъ богатомъ государствѣ. Но искусственное увеличеніе этого вида кредита никогда не можетъ быть выгодно для торговой націи; напротивъ, оно приноситъ ей вредъ, ведя къ увеличенію количества денегъ сверхъ ихъ естественной соразмѣрности съ трудомъ и товарами, а слѣдовательно и къ повышенію цѣнъ въ ущербъ купцу и мануфактуристу. Съ этой точки зрѣнія надо признать, что самымъ полезнымъ банкомъ былъ-бы тотъ, который запираетъ-бы въ кассу все получаемыя имъ деньги и никогда не увеличивалъ-бы количества денегъ, находящихся въ обращеніи, какъ дѣлаютъ банки, вкладывающіе известную часть своихъ капиталовъ въ торговлю. Дѣйствуя такимъ образомъ, государственный банкъ сильно ограничилъ-бы дѣятельность частныхъ банкировъ и ажіотеровъ, и хотя государство въ этомъ случаѣ должно было-бы нести на себѣ бремя вознагражденія директоровъ и счетчиковъ банка (потому что при такой организаціи послѣдній не получалъ-бы никакой прибыли отъ своихъ операцій), но выгода, которую извлекала-бы нація изъ низкой цѣны труда и изъ уничтоженія бумажнаго кредита, съ избыткомъ возмѣстила-бы этотъ расходъ. Едва-ли надо прибавлять, что такая крупная наличная сумма, какая накопится въ кассахъ банка, будетъ очень полезна въ минуты большихъ общественныхъ опасностей и бѣдствій, и что истраченное въ такихъ случаяхъ можно будетъ легко вернуть, когда возстанутся миръ и спокойствіе.

Ниже мы вернемся къ вопросу о бумажномъ кредитѣ и рассмотримъ его болѣе обстоятельно. Я хочу

закончить этот очеркъ о деньгахъ двумя замѣчаніями, которыя, можетъ быть, займутъ вниманіе нашихъ отвлеченныхъ политиковъ.

I. Скиѡ Анахарсисъ, который на своей родинѣ никогда не видѣлъ денегъ, остроумно замѣтилъ, что, по его мнѣнію, золото и серебро не приносятъ грекамъ никакой пользы, развѣ только ту, что облегчаютъ имъ счетъ и исчисленіе. Въ самомъ дѣлѣ, очевидно, что деньги суть ничто иное, какъ представители труда и товаровъ, и что они являются только средствомъ вычисленія и оцѣнки послѣднихъ. Такъ какъ при изобиліи денегъ требуется бѣльшее количество ихъ для представленія того-же количества товаровъ, то для націи, взятой въ ней самой, это изобиліе не можетъ быть ни полезно, ни вредно, — все равно какъ ничего не измѣнилось-бы въ торговыхъ книгахъ, если-бы вмѣсто арабскихъ цифръ, которыя требуютъ небольшого числа знаковъ, стали употреблять римскія, состоящія изъ большого количества знаковъ. Мало того: изобиліе денегъ, подобно римскимъ цифрамъ, даже стѣснительно и неудобно, такъ какъ затрудняетъ перевозку и храненіе денегъ. Но несмотря на этотъ выводъ, правильность котораго невозможно отрицать, несомнѣнно, что со времени открытія американскихъ рудниковъ промышленность развилась у всѣхъ народовъ Европы, исключая самихъ владѣтелей этихъ рудниковъ, что, между другими причинами, съ полнымъ правомъ можно приписать увеличенію количества золота и серебра. Дѣйствительно, легко замѣтить, что въ каждомъ государствѣ, куда деньги начинаютъ стекаться обильнѣе, чѣмъ прежде, все принимаетъ новый видъ: трудъ и промышленность оживляются, купецъ становится предприимчивѣе, мануфактуристъ — дѣятельнѣе и искуснѣе, и даже фермеръ

идеть за своимъ плугомъ съ бѣльшей охотой и вниманіемъ. Это трудно объяснить однимъ только вліяніемъ бѣльшаго обилія денегъ въ самой странѣ, т.-е. повышеніемъ цѣны товаровъ и необходимостью платить за всякій предметъ бѣльшее количество этихъ маленькихъ бѣльыхъ или желтыхъ кружковъ. А что касается внѣшней торговли, то бѣльшее обиліе денегъ скорѣе вредитъ ей, поднимая цѣну всякаго рода труда.

Чтобы объяснить это явленіе, слѣдуетъ замѣтить, что, хотя повышение цѣны товаровъ является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ увеличенія количества золота и серебра, однако оно не слѣдуетъ непосредственно за этимъ увеличеніемъ; деньги должны извѣстное время циркулировать въ странѣ и дать почувствовать свое значеніе всѣмъ классамъ общества. Въ началѣ не замѣчается никакой перемѣны; постепенно цѣны возрастаютъ, сначала въ одной отрасли торговли, потомъ въ другой, пока онѣ наконецъ не достигнутъ точнаго соответствія съ новымъ количествомъ скопившейся въ странѣ звонкой монеты. По моему мнѣнію, только въ теченіи этого промежутка между увеличеніемъ количества денегъ и повышеніемъ цѣны увеличеніе количества золота и серебра благопріятно для промышленности. Когда въ страну ввезено извѣстное количество денегъ, онѣ сначала не распределены между большимъ числомъ рукъ, а помѣщаются въ кассахъ немногихъ лицъ, которыя тотчасъ стараются употребить ихъ выгоднымъ образомъ. Предположимъ, что нѣсколько фабрикантовъ или купцовъ въ обмѣнъ на товары, вывезенные ими въ Кадиксъ, получили золото и серебро. Это даетъ имъ возможность употреблять больше рабочихъ, чѣмъ прежде, и этимъ рабочимъ не приходится въ голову требовать болѣе высокой платы — они до-

вольны уже тѣмъ, что получаютъ такое хорошее вознагражденіе. Если оказывается недостатокъ въ рабочихъ, то фабрикантъ повышаетъ плату, но въ началѣ требуетъ за то и бѣльшаго количества труда, и рабочій охотно соглашается на это, имѣя возможность цѣною увеличенія своего труда и усталости улучшить свое питаніе. Онъ несетъ свой заработокъ на рынокъ, гдѣ получаетъ всѣ товары по прежнимъ цѣнамъ, и приноситъ своей семьѣ больше припасовъ и лучшаго качества. Фермеръ и садовникъ, видя что всѣ ихъ товары раскупаются, въ свою очередь стараются увеличить свое производство; въ то-же время они получаютъ возможность покупать у своихъ поставщиковъ больше платя и лучшаго качества по той-же цѣнѣ, какъ и прежде, и подъ вліяніемъ этой новой выгоды ихъ прилежаніе еще болѣе возрастаетъ. Не трудно было-бы прослѣдить движеніе звонкой монеты чрезъ все государство; и тогда пришлось бы признать, что прежде, чѣмъ увеличить цѣны на трудъ, она сначала возбуждаетъ прилежаніе каждаго отдѣльнаго лица.

Что количество денегъ можетъ значительно возрасти, прежде чѣмъ наступитъ вызванное ими вздорожаніе труда, доказываютъ между прочимъ многочисленныя операціи, которыя производили съ звонкой монетой французскіе короли; при этомъ всегда замѣчали, что увеличеніе денежной валюты не вызывало соответственнаго повышенія цѣнъ, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ извѣстнаго времени. Въ послѣдній годъ царствованія Людовика XIV денежная валюта возросла на $\frac{3}{7}$, между тѣмъ какъ цѣны повысились всего на $\frac{1}{7}$. Въ настоящее время за хлѣбъ во Франціи платятъ ту-же цѣну или такое-же число ливровъ, какъ и въ 1683 году,

хотя марка *) серебра стоила тогда 30 ливровъ, а теперь стоитъ 50. Я не говорю уже о томъ, какъ сильно должно было возрасти количество золота и серебра въ этой странѣ со времени перваго періода.

Всѣ эти соображенія даютъ намъ право сказать, что, съ точки зрѣнія внутренняго благосостоянія государства, большее или меньшее количество звонкой монеты, обращающейся въ странѣ, не имѣетъ значенія. Правильная государственная политика состоитъ исключительно въ томъ, чтобы по возможности поддерживать непрерывный ростъ народнаго капитала, потому что это даетъ ей средство держать въ напряженіи трудолюбіе населенія и увеличивать запасъ труда, въ которомъ состоитъ все могущество, все истинное богатство страны. Нація, у которой количество звонкой монеты идетъ на убыль, въ каждую данную минуту слабѣе и несчастнѣе, чѣмъ другая нація, въ которой не больше денегъ, но ихъ количество непрерывно возрастаетъ. Это не трудно понять, если обратить вниманіе на то, что колебаніе количества звонкой монеты въ сторону увеличенія или уменьшенія не тотчасъ вызываетъ соответственныя измѣненія въ цѣнѣ товаровъ. Пока жизнь приоровится къ новымъ условіямъ, должно пройти извѣстное время, и въ случаѣ уменьшенія количества золота и серебра этотъ промежутокъ такъ-же вреденъ для промышленности, какъ онъ благоприятенъ для нея въ случаѣ увеличенія количества этихъ металловъ. Рабочему труднѣе найти занятіе у мануфактуриста или купца, хотя на рынкѣ онъ платитъ тѣ-же цѣны, что и прежде. Фермеръ не можетъ распродать весь свой хлѣбъ и скоть, а между тѣмъ онъ долженъ платить собствен-

---

*) 8 унцій.

нику ту-же арендную плату. Не трудно видѣть, какая бѣдность, нищета и лѣнь вытекаютъ изъ такого положенія вещей.

II. Второе замѣчаніе, которое я хотѣлъ сдѣлать по поводу денежнаго обращенія, можно формулировать слѣдующимъ образомъ. Въ нѣкоторыхъ государствахъ и во многихъ областяхъ Европы (нѣкогда въ этомъ положеніи были всѣ страны) звонкой монеты такъ мало, что собственникъ совершенно не получаетъ денегъ отъ своихъ арендаторовъ: онъ принужденъ взимать арендную плату натурой и потреблять ее самъ или перевозить туда, гдѣ есть рынокъ. Въ этихъ странахъ государь, кромѣ натуральной подати, не можетъ взимать никакого другого налога или только ничтожный, и такъ какъ подобная подать даетъ ему чрезвычайно скудную прибыль, то очевидно, что сила его государства, даже внутри страны, совершенно ничтожна; онъ не въ состояніи поддерживать армію и флотъ на такомъ уровнѣ, какъ если-бы во всѣхъ его областяхъ былъ избытокъ золота и серебра. Могущество Германіи безъ сомнѣнія гораздо болѣе возросло за послѣдніе три вѣка, чѣмъ ея производительность, населеніе и мануфактура. Австрійскія области имперіи въ общемъ хорошо населены, хорошо обработаны и весьма обширны; между тѣмъ онѣ имѣютъ сравнительно ничтожное значеніе въ европейскомъ балансѣ, что обыкновенно приписываютъ недостатку въ нихъ денегъ. Но какъ примирить всѣ эти факты съ тѣмъ безусловнымъ принципомъ, что количество золота и серебра само по себѣ безразлично? Согласно этому принципу всякій государь, который владѣетъ большимъ количествомъ подданныхъ, имѣющихъ въ избыткѣ товаровъ, долженъ быть великъ и могущественъ, а его подданные — богаты и счастливы, независимо отъ

большаго или меньшаго количества драгоцѣнныхъ металловъ. Эти металлы можно дѣлать и подраздѣлять самымъ разнообразнымъ образомъ, и если-бы монеты сдѣлались настолько малы, что ихъ легко было-бы терять, то безъ труда можно было-бы примѣшивать къ золоту или серебру какой-нибудь менѣе драгоцѣнный металлъ, какъ это и дѣлаютъ въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ, и такимъ образомъ придать монетамъ болѣе значительные и удобные размѣры: онѣ и тогда удовлетворяли-бы тѣмъ-же потребностямъ обмена, каковы-бы ни были ихъ число или цвѣтъ.

На эти возраженія я отвѣчу, что вліяніе, которое приписываютъ малочисленности звонкой монеты, въ дѣйствительности есть результатъ привычекъ и свойствъ населенія, и что мы, какъ очень часто случается, по ошибкѣ принимаемъ побочное послѣдствіе за причину. Противорѣчіе здѣсь — только кажущееся, но требуется извѣстная сообразительность и сила мысли, чтобы открыть тѣ принципы, которые дали-бы намъ возможность примирить *разумъ съ опытомъ*.

Кажется почти очевиднымъ, что цѣна всякой вещи зависитъ отъ отношенія товаровъ къ звонкой монетѣ, и что значительное измѣненіе въ той или другой области должно производить одно и то-же дѣйствіе, именно — или поднимать, или понижать цѣны. Увеличьте количество товаровъ, — они подешевѣютъ, увеличьте количество звонкой монеты, — ихъ валюта поднимется. И наоборотъ, уменьшеніе количества товаровъ и звонкой монеты приведетъ къ противоположному результату.

Не менѣе очевидно и то, что цѣны гораздо менѣе зависятъ отъ абсолютнаго количества находящихся въ странѣ товаровъ и звонкой монеты, чѣмъ отъ количества товаровъ, которые вывезены или могутъ быть вы-

везены на рынокъ, и количества денегъ, которое находится въ обращеніи. Если деньги лежатъ въ кассахъ, то съ точки зрѣнія цѣнъ онѣ производятъ такое-же дѣйствіе, какъ если-бы ихъ вовсе не было; если товары сложены для храненія въ склады и амбары, то они какъ-бы не существуютъ. Такъ какъ въ этомъ случаѣ деньги и товары никогда не встрѣчаются, то они не могутъ вліять другъ на друга. Если-бы мы въ извѣстную эпоху захотѣли опредѣлить приблизительную стоимость продуктовъ, то мы отнюдь не должны были-бы принимать въ расчетъ того количества хлѣба, которое фермеръ долженъ сохранить на сѣмена и для пропитанія своей семьи и себя самого. Только излишекъ, по сравненію съ спросомъ, опредѣляетъ цѣну.

Чтобы примѣнить эти принципы, надо принять во вниманіе, что въ первобытныя и менѣе культурныя времена, когда еще потребности воображенія не смѣшались съ естественными потребностями, люди довольствуются продуктами своихъ полей или тѣми грубыми улучшеніями, которыя они сами могутъ производить въ этихъ продуктахъ, и поэтому имѣютъ мало поводовъ къ обмѣну — по крайней мѣрѣ къ обмѣну на деньги, которыя, по общему соглашенію, составляютъ обычную мѣру обмѣна. Шерсти, собранной фермеромъ съ собственнаго стада, выпряденной въ его собственномъ домѣ и выдѣланной сосѣднимъ ткачемъ, который получаетъ плату въ видѣ хлѣба или шерсти, хватаетъ и для домашнихъ потребностей, и на одежду. Плотникъ, кузнецъ, каменщикъ, портной получаютъ вознагражденіе въ такой-же формѣ, и даже собственникъ, живущій по сосѣдству, охотно беретъ въ уплату за аренду продукты, собранные фермеромъ. Большую часть ихъ онъ, при своемъ деревенскомъ гостепріимствѣ, потребляетъ самъ; остатокъ онъ,

можетъ быть, продаетъ въ сосѣдномъ городѣ за деньги, которыя и покрываютъ его небольшіе расходы и траты на роскошь.

Но когда удовольствія начинаютъ становиться болѣе утонченными, когда люди перестаютъ жить безвыходно дома и довольствоваться тѣмъ, что можно пріобрѣсти по сосѣдству, тогда начинаютъ развиваться обмѣнъ и всякаго рода торговля, и для производства обмѣна требуется больше денегъ. Купцы не соглашаются получать плату въ видѣ хлѣба, потому что у нихъ есть и другія потребности, кромѣ ѣды. Фермеръ переступаетъ границу своего прихода, чтобы закупить нужные ему товары, и уже не можетъ всегда давать въ обмѣнъ купцу свои продукты. Землевладѣлецъ живетъ въ столицѣ или за границей, и требуетъ, чтобы за аренду ему платили деньгами, которыя легко можно переслать ему. Въ каждомъ производствѣ являюся крупныя предприятия, мануфактуристы и купцы, которые могутъ вести свои дѣла только при помощи денегъ. Слѣдовательно при этомъ новомъ состояніи общества звонкая монета принимаетъ участіе въ гораздо большемъ количествѣ сдѣлокъ и употребляется гораздо чаще, чѣмъ въ предшествовавшую эпоху.

Теперь понятно, что въ эпоху оживленной дѣятельности и утонченности всякая вещь должна стоить гораздо дешевле, чѣмъ въ грубыя, нецивилизованныя времена, если только количество денегъ въ странѣ не увеличивается. Цѣны опредѣляются отношеніемъ количества находящихся въ обращеніи денегъ къ количеству вывезенныхъ на рынокъ товаровъ. Товары, которые потребляются дома или въ сосѣдствѣ вымѣниваются на другіе товары, никогда не поступаютъ на рынокъ; они нисколько не вліяютъ на количество монеты, находя-

щейся въ обращеніи; съ этой точки зрѣнія они какъ-бы совсѣмъ не существуютъ, и, слѣдовательно, такой способъ употребленія продуктовъ уменьшаетъ пропорцію со стороны товаровъ и повышаетъ ихъ цѣну. Но когда деньги участвуютъ во всѣхъ сдѣлкахъ и повсюду являются мѣрой обмѣна, тогда то-же количество денегъ, которое составляетъ національный фондъ, имѣетъ гораздо больше работы; тогда всѣ товары поступають на рынокъ, обращеніе принимаетъ болѣе широкіе размѣры; получается такое положеніе, какъ будто та-же сумма должна удовлетворять потребности болѣе обширнаго государства; и такъ какъ поэтому пропорція падаетъ со стороны денегъ, то всѣ товары должны дешеветъ и цѣны постепенно падать.

Произведя точныя вычисленія по всей Европѣ и сдѣлавъ небольшую скидку въ виду перемѣнъ, которыя произошли въ цѣнности или наименованіи денежныхъ знаковъ, ученые пришли къ заключенію, что цѣны товаровъ со времени открытія Америки возросли не болѣе, какъ въ три или максимумъ въ четыре раза. Между тѣмъ кто рѣшится утверждать, что въ настоящее время количество звонкой монеты въ Европѣ превышаетъ ея количество въ пятнадцатомъ столѣтіи и въ предшествующіе вѣка не болѣе, какъ въ четыре раза? Испанцы и португальцы—благодаря своимъ рудникамъ, англичане, французы и голландцы—благодаря своей торговлѣ съ Африкой и американской контрабандѣ—ввозятъ ежегодно около шести милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, изъ которыхъ въ Восточную Индію уходитъ едва одна треть. Одна эта сумма въ теченіе десяти лѣтъ могла-бы вѣроятно удвоить прежнее количество звонкой монеты въ Европѣ. И если цѣны не возросли до столь-же непомерной высоты, то это можно объяснить только измѣненіемъ привычекъ

и нравовъ. Не говоря уже о томъ, что ростъ промышленнаго производства увеличиваетъ количество товаровъ, — тѣ же товары вывозятся на рынокъ въ большемъ количествѣ, когда люди начинаютъ отказываться отъ своихъ старыхъ, простыхъ привычекъ. И хотя это увеличеніе количества предлагаемыхъ товаровъ не было такъ велико, какъ умноженіе звонкой монеты, тѣмъ не менѣе оно было очень значительно, и оно-то удержало отношеніе между звонкой монетой и товарами почти на прежнемъ уровнѣ.

Если-бы кто-нибудь спросилъ, какой изъ этихъ двухъ образовъ жизни выгоднѣе для государства или общества — простой, или утонченный, я не колеблясь отвѣтилъ-бы, что, по крайней мѣрѣ съ политической точки зрѣнія, болѣе выгоденъ послѣдній, и выставилъ-бы это обстоятельство, какъ новый доводъ въ пользу поощренія торговли и мануфактуръ.

Пока люди придерживаются старыхъ, простыхъ привычекъ и добываютъ все, что имъ необходимо, отчасти при помощи домашняго производства, отчасти у сосѣдей, — государь не можетъ получать денежной подати отъ большого числа своихъ подданныхъ; и если онъ хочетъ наложить на нихъ какую-нибудь подать, то принужденъ собирать ее въ видѣ товаровъ, потому что только они существуютъ въ изобиліи; неудобства такой системы настолько очевидны и значительны, что нѣтъ надобности ихъ доказывать. Деньги государь съумѣетъ получать только изъ главныхъ городовъ, потому что только въ нихъ онѣ и употребляются; и города, конечно, не могутъ доставить ему столько денегъ, сколько могло-бы доставить все государство, если-бы золото и серебро обращались повсюду. Но независимо отъ очевиднаго уменьшенія количества дохо-

довъ, такое положеніе дѣлъ является еще и въ другомъ отношеніи причиной бѣдности государства. Государь не только получаетъ меньше денегъ, но и изъ тѣхъ-же денегъ онъ можетъ извлечь меньше пользы, чѣмъ во времена оживленной дѣятельности и общей торговли. При одинаковомъ количествѣ золотой и серебряной монеты, всякая вещь стоитъ тогда дороже, потому что на рынокъ вывозится меньше товаровъ и все количество денегъ находится въ большей пропорціи къ количеству товаровъ, которые покупаются за нихъ; между тѣмъ только эта пропорція устанавливаетъ и опредѣляетъ цѣну товаровъ.

Теперь мы можемъ понять, какъ невѣрно мнѣніе, которое часто можно встрѣтить у историковъ и даже въ обыкновенномъ разговорѣ, — мнѣніе, что всякое отдѣльное государство, какъ-бы оно ни было плодородно, густо населено и хорошо обработано, всегда бываетъ слабо, если въ немъ мало денегъ. Малочисленность звонкой монеты сама по себѣ, конечно, никогда не можетъ ослаблять государства, потому что дѣйствительную силу всякаго общества составляютъ люди и товары. Здѣсь вредить государству простота жизни, которая сосредоточиваетъ золото и серебро въ немногихъ рукахъ и мѣшаетъ этимъ металламъ быстро обращаться и разсѣваться по всему государству. Напротивъ, оживленная дѣятельность и всякаго рода усовершенствованія распределяютъ деньги, какъ-бы мало ихъ ни было, по всему государству; они какъ-бы вводятъ деньги въ каждую артерію, вносятъ ихъ въ каждую сдѣлку, въ каждый договоръ. Много или мало, но деньги есть у каждаго, и такъ какъ, благодаря этому, всѣ цѣны падаютъ, то государь имѣетъ двойную выгоду: онъ можетъ при помощи налоговъ собирать деньги со всѣхъ частей государства, и то, что онъ соберетъ, можетъ быть употреблено на каждую покупку или уплату.

Изъ сравненія цѣнъ мы можемъ заключить, что въ Китаѣ теперь не больше денегъ, чѣмъ сколько было въ Европѣ три вѣка назадъ; между тѣмъ, какъ велико могущество этого государства. судя по тому количеству солдатъ и гражданскихъ чиновниковъ, которое оно содержитъ! Полибій говоритъ, что въ его время съѣстные припасы были въ Италиі такъ дешевы, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ обѣдъ на одного человѣка стоилъ въ трактирѣ *semis*, т.-е. немногимъ болѣе фартинга; и все-таки въ это время Римъ подчинилъ своей власти весь извѣстный тогда міръ. Приблизительно за сто лѣтъ до этого карфагенскій посланникъ сказалъ въ насмѣшку, что ни въ одной странѣ нѣтъ такихъ братскихъ отношеній между людьми, какъ у Римлянъ, потому что на всѣхъ пиршествахъ, на которыя онъ былъ приглашенъ, какъ иноземный посолъ, онъ видѣлъ одну и ту-же серебряную посуду. Абсолютное количество драгоценныхъ металловъ не играетъ никакой роли. Здѣсь имѣютъ значеніе только два условія: во-первыхъ, постепенное увеличеніе количества денегъ, во-вторыхъ, полное поглощеніе ихъ и распространеніе по всему государству. Вліяніе этихъ двухъ условій было выше показано.

Въ слѣдующемъ очеркѣ мы увидимъ примѣръ другого, подобнаго-же софизма, въ которомъ побочное дѣйствіе принимается за причину, и послѣдствіе, вытекающее изъ переменъ нравовъ и привычекъ населенія, приписывается изобилію звонкой монеты.

О процентѣ.

Самымъ вѣрнымъ признакомъ цвѣтущаго состоянія государства обыкновенно считаютъ низкую норму процента. И это справедливо, хотя, по моему мнѣнію, истинная причина не совсѣмъ соотвѣтствуетъ такому представленію. Низкій размѣръ процента обыкновенно приписываютъ изобилію денегъ. Но какъ-бы ни было велико это изобиліе, — *разъ оно упрочилось*, его единственнымъ послѣдствіемъ является повышение цѣны труда. Серебро — болѣе обычный металлъ, чѣмъ золото, и, слѣдовательно, за то-же количество товаровъ вы получите бѣльшее количество перваго металла, чѣмъ второго. Но развѣ вы за серебро платите меньше процентовъ, чѣмъ за золото? Въ Батавіи и на Ямаикѣ процентъ равенъ 10 на 100, въ Португаліи — 6; между тѣмъ въ этихъ странахъ, какъ можно видѣть по цѣнѣ товаровъ, больше золота и серебра, чѣмъ въ Лондонѣ или Амстердамѣ.

Если-бы въ Англіи сразу исчезло все золото и каждую гинею замѣнили 21 шиллингомъ, увеличилось-ли бы количество находящейся въ обращеніи звонкой монеты, или уменьшился-ли бы размѣръ процента? Конечно нѣтъ; мы только стали-бы употреблять серебро вмѣсто золота. Если-бы золото сдѣлалось такимъ-же обычнымъ металломъ, какъ серебро, и серебро, какъ

мѣдъ, увеличилось-ли бы количество денегъ или уменьшился-ли бы размѣръ процента? На этотъ вопросъ можно съ увѣренностью дать тотъ-же отвѣтъ. Тогда шиллинги были-бы желтаго цвѣта, а полупенсы бѣлаго, и вовсе не было-бы гиней. Другой разницы нельзя было-бы замѣтить; если не придавать значенія цвѣту металла, то ничто не измѣнилось-бы ни въ торговлѣ, ни въ мануфактурахъ, ни въ мореплаваніи, ни въ таксѣ процентовъ.

То-же самое, что наблюдается при крупныхъ колебаніяхъ количества драгоцѣнныхъ металловъ, должно происходить при всѣхъ мелкихъ переменнахъ. Если увеличеніе количества золота и серебра въ пятнадцать разъ остается безъ всякихъ послѣдствій, то тѣмъ меньше измѣненій можетъ произвести его увеличеніе въ два или три раза. Единственнымъ результатомъ всякаго увеличенія является повышеніе цѣны труда и товаровъ, да и эта переменна касается больше имени. Въ то время, когда совершаются эти измѣненія, увеличеніе количества денегъ можетъ играть извѣстную роль, какъ стимулъ къ усиленію дѣятельности; но его роль кончается, какъ только цѣны приходятъ въ соотвѣтствіе съ новымъ количествомъ золота и серебра.

Дѣйствіе всегда остается соразмѣрнымъ съ своей причиной. Со времени открытія Индіи цѣны возросли почти въ четыре раза, а количество золота и серебра увеличилось вѣроятно гораздо болѣе; между тѣмъ размѣръ процента понизился не болѣе какъ на половину. Слѣдовательно высота процента не обуславливается количествомъ драгоцѣнныхъ металловъ.

Такъ какъ цѣнность денегъ есть величина совершенно фиктивная, то для націи въ ней самой большее или меньшее количество денегъ не имѣетъ значенія, и изо-

биліе звонкой монеты, разъ оно сдѣлалось постояннымъ, нисколько не увеличиваетъ удобствъ жизни; единственнымъ результатомъ его будетъ то, что каждый долженъ будетъ платить за одежду, утварь и экипажъ большее количество этихъ блестящихъ металлическихъ кружковъ. Занявъ деньги для постройки дома, человѣкъ получитъ ихъ гораздо больше по вѣсу, потому что камень, дерево, свинець, стекло и т. д., вмѣстѣ съ трудомъ каменщиковъ и плотниковъ, будутъ представлены бѣльшимъ количествомъ золота и серебра. Но такъ какъ эти металлы суть не болѣе, какъ символы, то ихъ объемъ или количество, ихъ вѣсъ или цвѣтъ не могутъ произвести никакой перемѣны ни въ ихъ дѣйствительной цѣнности, ни въ размѣрахъ приносимаго ими процента. Тотъ-же процентъ остается во всѣхъ случаяхъ въ томъ-же отношеніи къ величинѣ денежной суммы. Если вы ссужаете мнѣ извѣстное количество труда и товаровъ, то, получая 5%, вы всегда получаете соответственное количество труда и товаровъ, все равно, представлены-ли они желтой или бѣлой монетой, ливромъ или унціей. Поэтому мы напрасно стали-бы искать причину пониженія или повышенія таксы процентовъ въ бѣльшемъ или меньшемъ количествѣ золота и серебра, разъ это количество сдѣлалось постояннымъ въ странѣ.

Высокая такса процентовъ обусловливается тремя причинами: бѣльшимъ спросомъ на ссуды, недостаткомъ богатствъ для удовлетворенія этого спроса и бѣльшой прибыльностью торговли, и эти причины свидѣтельствуютъ не о рѣдкости золота и серебра, а о маломъ развитіи торговли и промышленности. Съ другой стороны, низкая такса процентовъ происходитъ отъ трехъ противоположныхъ причинъ: слабаго спроса на ссуды, бѣль-

шихъ богатствъ, лежащихъ наготовѣ для удовлетворенія этого спроса, и малой прибыльности торговли. Всѣ эти причины тѣсно связаны между собою и обуславливаются расширеніемъ торговли и промышленности, а не увеличеніемъ количества золота и серебра. Я постараюсь доказать эти положенія и начну съ выясненія причинъ и послѣдствій большого или малаго спроса на ссуды.

Какъ только народъ начинаетъ выходить изъ дикаго состоянія и становится болѣе многочисленнымъ, чѣмъ въ началѣ, тотчасъ является неравенство имуществъ: одни владѣютъ большими участками земли, другіе—малыми, третьи, наконецъ, не имѣютъ никакой земельной собственности. Тѣ, которые имѣютъ больше земли, чѣмъ могутъ воздѣлать, отдають ее въ обработку безземельнымъ подѣ такимъ условіемъ, что будутъ получать отъ послѣднихъ извѣстную часть урожая. Такимъ образомъ тотчасъ возникаетъ *поземельный* процентъ; какъ-бы первобытно ни было государство, —если только оно организовано, въ немъ непременно устанавливается такой порядокъ. Но собственники разнятся по характеру, и это тотчасъ обнаруживается: одинъ хочетъ сберечь часть продуктовъ своей земли про запасъ на будущее, другой—сразу истратить то, чего хватило-бы ему на много лѣтъ. Но такъ какъ тратить обезпеченный доходъ не есть занятіе, а люди всегда стремятся имѣть какое-нибудь опредѣленное дѣло, то бóльшая часть собственниковъ постоянно будетъ искать какихъ-бы то ни было наслажденій и число расточителей между ними всегда будетъ превышать число скупыхъ. Такъ какъ, слѣдовательно, въ государствѣ, гдѣ существуетъ только земельный процентъ, бережливыхъ людей не много, то займодавцы будутъ очень многочисленны и такса про-

центовъ — соотвѣтственно высока. Разница зависитъ не отъ количества денегъ, но отъ господствующихъ привычекъ и нравовъ; только отъ нихъ зависитъ повышение или пониженіе спроса на займы. Если-бы денегъ было такъ много, что яйцо стоило-бы сикспенсъ, но въ государствѣ существовали-бы только земельная аристократія и крестьянство, то ростовщиковъ было-бы очень много и такса процентовъ была-бы высока. Правда, рента той-же фермы была-бы выше; но та-же праздность собственника, при высокой цѣнѣ товаровъ, заставила-бы его истратить арендные деньги въ тотъ-же промежутокъ времени и вызвала-бы ту-же нужду въ ссудахъ, тотъ-же спросъ на нихъ.

То-же самое можно сказать относительно второй причины, которую мы должны разсмотрѣть, именно относительно изобилія или недостатка богатствъ, необходимыхъ для удовлетворенія этого спроса. Это условіе точно такъ-же зависитъ не отъ количества золота и серебра, а отъ привычекъ и образа жизни населенія. Чтобы въ государствѣ существовало большое число заимодавцевъ, для этого недостаточно и неважно имѣть избытокъ въ драгоцѣнныхъ металлахъ. Важно только то, чтобы этотъ капиталъ или право распоряжаться имъ, — все равно, великъ - ли онъ или ничтоженъ, — находились въ частныхъ рукахъ, такъ чтобы могли образоваться значительныя суммы и большой денежный процентъ. Только это условіе въ состояніи увеличить число заимодавцевъ и понизить таксу процентовъ, и я рѣшаюсь утверждать, что оно зависитъ не отъ количества звонкой монеты, а отъ частныхъ нравовъ и привычекъ, которыя приводятъ къ скопленію денегъ въ крупныя суммы.

Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, что въ одну ночь въ

карманъ каждаго гражданина Великобританіи какимъ-нибудь чудомъ опущено по пяти фунтовъ стерлинговъ; это болѣе чѣмъ удвоило-бы количество денегъ, которое въ настоящее время обращается въ государствѣ. Между тѣмъ ни на другой день, ни въ послѣдующіе дни число заимодавцевъ не увеличится и такса процентовъ не измѣнится; и если-бы государство состояло только изъ землевладѣльцевъ и крестьянъ, то эти деньги, какъ-бы много ихъ ни было, никогда не могли-бы скопиться въ крупныя суммы, и единственнымъ послѣдствіемъ перемѣны было-бы увеличеніе цѣнъ всѣхъ товаровъ. Расточительный землевладѣлецъ истратитъ свои деньги такъ-же скоро, какъ получилъ ихъ, а жалкій крестьянинъ не имѣетъ ни возможности, ни желанія, ни честолюбія пріобрѣсти что-нибудь сверхъ того, что необходимо для поддержки его существованія. Такъ какъ, слѣдовательно, число нуждающихся въ займѣ будетъ на столько-же превышать число заимодавцевъ, какъ и прежде, то такса процентовъ нисколько не уменьшится. Это уменьшеніе подчиняется другому закону и обусловливается развитіемъ трудолюбія и бережливости, искусствъ и торговли.

Все, что полезно для жизни человѣка, рождается изъ земли, но лишь немногіе предметы являются въ такомъ видѣ, чтобы можно было тотчасъ воспользоваться ими. Поэтому, кромѣ крестьянъ и землевладѣльцевъ, долженъ существовать классъ людей, которые, получая отъ крестьянина сырые продукты, придаютъ имъ удобную форму и часть ихъ сохраняютъ для своихъ собственныхъ надобностей. При началѣ существованія общества эти отношенія между ремесленниками и крестьянами и между одной группой ремесленниковъ и другой обыкновенно прямо устанавливаются заинтересованными лицами, которыя, будучи сосѣдями, хорошо знаютъ свои

взаимныя потребности и могутъ оказывать другъ другу поддержку для удовлетворенія этихъ потребностей. Но когда производительность людей увеличивается и кругозоръ расширяется, тогда замѣчаютъ, что наиболее отдаленныя части государства могутъ такъ-же хорошо помогать другъ другу, какъ и самыя близкія, и что этотъ обмѣнъ услугъ можетъ производиться въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и при самыхъ сложныхъ обстоятельствахъ. Такимъ образомъ появляется одинъ изъ самыхъ полезныхъ классовъ человѣчества—купцы, служащіе посредниками между такими частями государства, которыя совершенно не знаютъ другъ друга и не имѣютъ понятія о своихъ взаимныхъ потребностяхъ. Положимъ, что въ городѣ есть пятьдесятъ человѣкъ, занимающихся выдѣлкой полотна и шелковыхъ матерій, и тысяча покупателей; эти двѣ группы людей, столь необходимыя другъ для друга, могутъ удобно вступать въ сношенія одна съ другой только въ томъ случаѣ, если кто-нибудь откроетъ лавку, куда могли-бы приходить и мастера, и покупатели. Въ одной провинціи много сѣна и населеніе имѣетъ въ изобиліи сыръ, масло и скоть, но терпитъ недостатокъ въ хлѣбѣ, котораго въ сосѣдней провинціи гораздо болѣе, чѣмъ необходимо для ея обитателей. Кто-нибудь обращаетъ вниманіе на это обстоятельство. Онъ вывозитъ хлѣбъ изъ провинціи, гдѣ хлѣбъ въ избыткѣ, и возвращается туда съ партией скота; удовлетворяя потребности обѣихъ провинцій, онъ становится ихъ общимъ благодѣтелемъ. По мѣрѣ того, какъ возрастаетъ количество и дѣятельность населенія, трудность сношеній увеличивается; дѣла посредника или купца становятся болѣе сложными; они дѣлятся, дробятся и сочетаются въ самыхъ разнообразныхъ формахъ. При всѣхъ этихъ сдѣлкахъ извѣстная часть то-

варовъ и труда естественно и по необходимости должна дѣлаться собственностью купца, которому мы въ значительной степени обязаны ими. Иногда онъ удерживаетъ эти товары натурой, но чаще обмѣниваетъ ихъ на деньги, которыя являются ихъ обычнымъ представителемъ. Если въ государствѣ, одновременно съ расширеніемъ производства, увеличивается и количество золота и серебра, то для обозначенія большой массы товаровъ и труда нужно большое количество этихъ металловъ. Если-же увеличилось только производство, то цѣна всѣхъ товаровъ понизится, и для обозначенія ихъ будетъ достаточно небольшого количества звонкой монеты.

Самой постоянной и ненасытной потребностью человеческого духа является примѣненіе и упражненіе его способностей, и эта жажда служитъ, повидимому, основой бóльшей части нашихъ стремленій и страстей. Лишите человѣка занятія, оставьте его безъ всякаго серьезнаго дѣла, — онъ будетъ безъ отдыха спѣшить отъ одного удовольствія къ другому; и такъ велики тяжесть и гнетъ бездѣлія, что онъ не будетъ замѣчать разоренія, которымъ грозятъ ему его непомѣрные расходы. Дайте ему средство занять свой духъ или тѣло менѣе вреднымъ образомъ, — онъ удовлетворится и не будетъ болѣе испытывать этой неуголимой жажды удовольствій. Но если занятіе, которое вы доставили ему, даетъ прибыль, и въ особенности если она слѣдуетъ за каждымъ отдѣльнымъ проявленіемъ дѣятельности, то онъ такъ часто будетъ замѣчать свою выгоду, что мало-по-малу пристрастится къ ней, и наибольшимъ его удовольствіемъ сдѣлается, въ концѣ концовъ, видѣть, какъ изо дня въ день увеличивается его богатство. Вотъ почему торговля развиваетъ бережливость; вотъ почему коли-

чество скрягъ среди купцовъ настолько-же превышаетъ количество мотовъ, насколько среди землевладѣльцевъ число мотовъ превышаетъ число скупыхъ.

Торговля усиливаетъ дѣятельность, быстро перенося ее отъ одного члена государства къ другому и ни одному члену не давая погибнуть или сдѣлаться бесполезнымъ. Она увеличиваетъ бережливость, давая занятіе людямъ и привлекая ихъ къ прибыльнымъ профессіямъ, которыя вскорѣ захватываютъ ихъ и уничтожаютъ всякую склонность къ наслажденіямъ и расточительности. Всѣ производительныя профессіи неминуемо ведутъ къ бережливости и побѣдѣ стѣжательности надъ жаждою удовольствій. Между юристами и врачами, имѣющими практику, гораздо болѣе такихъ, которые расходуютъ только часть своихъ расходовъ, чѣмъ такихъ, которые расходуютъ больше, чѣмъ получаютъ, или даже только весь доходъ. Между тѣмъ юристы и врачи ничего не производятъ и пріобрѣтаютъ свои богатства даже въ ущербъ другимъ, такъ что, увеличивая свое состояніе, они неизмѣнно уменьшаютъ состояніе кого-нибудь изъ своихъ согражданъ. Напротивъ, купцы принимаютъ участіе въ производствѣ, являясь какъ-бы каналами, по которымъ оно расходится во всѣ углы государства; въ то-же время, благодаря своей бережливости, они пріобрѣтаютъ огромное вліяніе на это производство и скопляютъ значительныя богатства въ видѣ труда и товаровъ, главными орудіями производства которыхъ являются они-же сами. Поэтому изъ всѣхъ профессій одна только торговля способна увеличить прибыльность капитала; другими словами, только она усиливаетъ промышленную дѣятельность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, развивая бережливость, даетъ возможность отдѣльнымъ членамъ общества пріобрѣтать большое вліяніе на промышленность.

При отсутствіи торговли государство состоитъ главнымъ образомъ изъ землевладѣльцевъ, расточительность которыхъ создаетъ постоянный спросъ на ссуды, и изъ крестьянъ, которые не имѣютъ денегъ, необходимыхъ для удовлетворенія этого спроса. Въ этомъ случаѣ деньги никогда не скопляются въ крупныя суммы, которыя можно было-бы отдавать въ долгъ подъ проценты; онѣ дробятся между безчисленнымъ количествомъ лицъ, которыя или тратятъ ихъ на предметы роскоши и удовлетвореніе пустого тщеславія, или употребляютъ на покупку первыхъ предметовъ необходимости. Одна только торговля скопляетъ деньги въ крупныя суммы и достигаетъ этого результата исключительно тѣмъ, что развиваетъ производительность и бережливость, независимо отъ количества драгоцѣнныхъ металловъ, находящихся въ обращеніи въ государствѣ.

Такимъ образомъ, ростъ торговли неизбежно влечетъ за собою увеличеніе количества заимодавцевъ и, слѣдовательно, пониженіе таксы процентовъ. Теперь мы должны разсмотрѣть, насколько развитіе торговли уменьшаетъ прибыльность этой профессіи, что и является третьимъ необходимымъ условіемъ пониженія таксы процентовъ.

Здѣсь будетъ умѣстно замѣтить, что низкій процентъ и малый торговый барышъ представляютъ собою два явленія, взаимно поощряющія другъ друга, и что какъ тотъ, такъ и другой обусловливаются развитіемъ торговли, которое обогащаетъ купцовъ и увеличиваетъ прибыльность капитала. Тамъ, гдѣ купцы владѣютъ большими капиталами, — все равно, состоятъ-ли послѣдніе изъ бѣльшаго или меньшаго количества монетъ, — тамъ очень часто должно случаться, что — вслѣдствіе ли ихъ собственной усталости, заставляющей ихъ поки-

дать торговлю, или вслѣдствіе неспособности или нежеланія ихъ наслѣдниковъ продолжать ихъ дѣло, — большое количество этихъ богатствъ ищетъ такого приложенія, которое обезпечивало-бы собственнику вѣрный годичный доходъ. Избытокъ понижаетъ цѣну и заставляетъ заимодавцевъ брать невысокій процентъ. Это соображеніе принуждаетъ многихъ оставлять свои капиталы въ торговлѣ и предпочитать малый барышъ отдачѣ денегъ въ долгъ подъ низкій процентъ. Съ другой стороны, когда торговля обширна и владѣетъ большими капиталами, между купцами возникаетъ конкуренція, которая понижаетъ торговую прибыль, расширяя вмѣстѣ съ тѣмъ самую торговлю. Это обстоятельство заставляетъ купцовъ охотно брать низкій процентъ, когда они покидаютъ дѣла, чтобы жить въ покоѣ и довольствѣ. Итакъ, бесполезно разбирать, какое изъ этихъ обстоятельствъ, т.-е. низкій процентъ или малая торговая прибыль, является причиной и какое — слѣдствіемъ. Оба они обусловливаются расширеніемъ торговли и взаимно содѣйствуютъ другъ другу. Никто не сталъ-бы довольствоваться малой прибылью, если-бы могъ получать высокій процентъ, и, точно такъ-же, никто не сталъ-бы брать малаго процента, если-бы могъ получать крупную прибыль. Обширная торговля, способствуя образованію большихъ капиталовъ, уменьшаетъ одновременно и процентъ, и прибыль, причемъ въ пониженіи перваго ей всегда помогаетъ соотвѣтственное пониженіе послѣдней, и наоборотъ. Прибавлю, что пониженіе прибыли, обусловленное расширеніемъ торговли и промышленной дѣятельности, въ свою очередь способствуетъ ихъ росту, потому что оно понижаетъ цѣны товаровъ, увеличиваетъ потребленіе и усиливаетъ производство. Такимъ образомъ, разсмотрѣвъ взаимную связь всѣхъ причинъ

и послѣдствій, мы придемъ къ заключенію, что процентъ есть барометръ государства, и что низкая норма его почти безошибочно свидѣтельствуешь о цвѣтущемъ состояніи націи. Она доказываетъ почти съ математической точностью, что производство возросло и быстро циркулируетъ въ государствѣ. И хотя, быть можетъ, внезапный и значительный упадокъ торговли способенъ произвести на короткое время такое-же дѣйствіе, удаливъ изъ оборота большое количество денегъ, но онъ обыкновенно сопровождается такой нищетой въ народѣ и такой безработицей, что, и помимо его непродолжительности, этотъ случай невозможно смѣшать съ тѣмъ, который мы выше описали.

Тѣ, которые утверждали, что низкая такса процентовъ является послѣдствіемъ изобилія денегъ, повидимому принимали побочное слѣдствіе за причину, потому что то-же развитіе промышленной дѣятельности, которое понижаетъ таксу процентовъ, обыкновенно создаетъ и большое обиліе драгоценныхъ металловъ. Разнообразіе тонкихъ мануфактуръ, въ рукахъ дѣятельнаго и предприимчиваго купечества, скоро привлечетъ въ государство деньги съ всѣхъ концовъ міра, гдѣ ихъ только можно найти. Та-же причина, увеличивая удобства жизни и способствуя развитію промышленной дѣятельности, ведетъ къ скопленію большихъ богатствъ въ рукахъ частныхъ лицъ, не владѣющихъ землею, и такимъ образомъ создаетъ низкую таксу процентовъ. Но хотя оба эти явленія—обиліе денегъ и низкая такса процентовъ—составляютъ естественныя послѣдствія торговли и промышленной дѣятельности, тѣмъ не менѣе они нисколько не зависятъ другъ отъ друга. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ какую-нибудь націю, затерянную на островѣ Тихаго океана, лишенную внѣшней торговли и совершен-

но незнакомую съ мореплаваніемъ. Предположимъ, что эта нація постоянно владѣетъ однимъ и тѣмъ-же количествомъ звонкой монеты, но что количество населенія и его производительность непрерывно возрастаютъ: очевидно, что цѣны товаровъ въ этомъ государствѣ будутъ постепенно падать, потому что отношеніе денегъ къ товарамъ опредѣляетъ ихъ взаимную стоимость, и потому что, согласно нашему предположенію, предметовъ комфорта будетъ становиться съ каждымъ днемъ больше, тогда какъ количество денегъ будетъ оставаться неизмѣннымъ. Слѣдовательно, въ этомъ государствѣ человѣку нужно будетъ, въ эпоху развитой промышленной дѣятельности, меньше денегъ, чтобы быть богатымъ, чѣмъ сколько ихъ нужно было-бы для этого во времена невѣжества и лѣни. Меньше денегъ нужно будетъ, чтобы построить домъ, выдать дочь замужъ, купить имѣніе, содержать мануфактуру, семью или хозяйство. Именно для удовлетворенія такихъ потребностей люди и занимаютъ деньги; слѣдовательно бѣльшее или меньшее количество денегъ въ государствѣ не имѣетъ никакого вліянія на величину процента. А бѣльшее или меньшее количество накопленнаго труда и товаровъ должно, очевидно, сильно вліять на него, потому что, занимая деньги подъ проценты, мы въ сущности занимаемъ только трудъ и товары. Правда, когда торговля распространена по всему земному шару, то наиболѣе производительныя націи всегда имѣютъ наибольшее количество драгоценныхъ металловъ, такъ что низкая такса процентовъ и изобиліе денегъ въ дѣйствительности почти неразлучны. Но, каково-бы ни было явленіе, всегда важно знать его основную причину, и всегда слѣдуетъ отличать причину отъ побочнаго слѣдствія. Помимо того, что такое изслѣдованіе интересно, оно часто приноситъ

пользу въ политическихъ дѣлахъ. Надо, по крайней мѣрѣ, признать, что ничто не можетъ быть болѣе полезно, чѣмъ исправленіе путемъ опыта методовъ изслѣдованія этихъ вопросовъ, которые суть важнѣйшіе изъ всѣхъ, хотя ихъ обыкновенно и трактуютъ наиболѣе небрежно и необдуманно.

Другой причиной общаго заблужденія насчетъ происхожденія низкой таксы процентовъ является, повидимому, примѣръ нѣкоторыхъ націй, показывающій, что послѣ того, какъ, вслѣдствіе какого-нибудь внѣшняго завоеванія, количество денегъ или драгоцѣнныхъ металловъ въ государствѣ внезапно увеличилось, — норма процентовъ падаетъ не только въ этомъ государствѣ, но и во всѣхъ сосѣднихъ, лишь только деньги разсѣялись и проникли во всѣ закоулки. Такъ, Гаркилассо де-ла-Вега сообщаетъ, что тотчасъ послѣ открытія Америки такса процентовъ въ Испаніи понизилась почти вдвое, и съ тѣхъ поръ она постепенно падала во всѣхъ государствахъ Европы. Въ Римѣ, по словамъ Діона, процентъ упалъ послѣ завоеванія Египта съ 6 до 4 на сто.

Пониженіе таксы процентовъ, слѣдующее за такими событіями, повидимому вызывается въ той странѣ, которая совершила завоеваніе, и въ сосѣднихъ государствахъ не одинаковыми причинами, но ни въ одной изъ нихъ нельзя приписать это явленіе исключительно увеличенію количества золота и серебра.

Нетрудно понять, что въ той странѣ, которая совершила завоеваніе, новый излишекъ звонкой монеты попадаетъ въ руки немногихъ лицъ и образуетъ крупные капиталы, отъ которыхъ собственники стараются получать обезпеченный доходъ — путемъ-ли покупки земли, или отдачи денегъ подъ проценты. Такимъ образомъ, на короткое время получается такой-же результатъ,

какъ если-бы торговля и промышленная дѣятельность значительно увеличились. Такъ какъ заимодавцевъ больше, чѣмъ нуждающихся въ займѣ, то такса процентовъ падаетъ, и притомъ тѣмъ быстрее, что владѣльцы этихъ большихъ капиталовъ не находятъ въ своей странѣ никакого торговаго или промышленнаго занятія и не могутъ иначе эксплуатировать свои деньги, какъ путемъ отдачи ихъ подъ проценты. Но когда нація переваритъ эту новую массу золота и серебра, и деньги обойдутъ все государство, тогда тотчасъ возстановится прежнее положеніе вещей, потому что и землевладѣльцы, и новые капиталисты, ведя праздный образъ жизни, тратятъ больше, чѣмъ получаютъ доходовъ, и первые съ каждымъ днемъ входятъ все въ большіе долги, а вторые расходуютъ свой капиталъ до тѣхъ поръ, пока не исчерпаютъ его совершенно. Въ странѣ можетъ еще находиться все прежнее количество денегъ, и оно можетъ обнаруживать свое дѣйствіе въ повышеніи цѣнъ, но такъ какъ крупныхъ капиталовъ уже не существуетъ, то возстановится прежнее несоотвѣтствіе между количествомъ заимодавцевъ и числомъ лицъ, нуждающихся въ займѣ, и слѣдовательно норма процентовъ снова начнетъ возрастать.

Такъ, мы дѣйствительно замѣчаемъ, что въ Римѣ процентъ уже въ эпоху Тиберія снова повышается до 6 на 100, хотя за это время не произошло никакого событія, которое лишило-бы имперію ея звонкой монеты. Во время Траяна ипотечная ссуда въ Италиі давала 6⁰/₀, а въ Виѣннѣ ссуда подъ обычное обезпеченіе приносила 12⁰/₀. И если въ Испаніи такса процентовъ не поднялась снова до своей прежней высоты, то это надо приписать исключительно тому, что причина, вызвавшая ея пониженіе, еще продолжала дѣйствовать, т.-е.

тому, что въ Америкѣ непрерывно накапливались большіе капиталы, которые время отъ времени перевозились въ Испанію и давали возможность удовлетворять спросъ на займы. Благодаря этой случайной и посторонней причинѣ, въ Испаніи есть больше денегъ для отдачи подъ проценты, другими словами, въ ней собрано въ крупныя суммы больше денегъ, чѣмъ обыкновенно бываетъ въ государствѣ, въ которомъ торговля и промышленная дѣятельность ничтожны.

Что касается пониженія таксы процентовъ въ Англіи, во Франціи и въ другихъ государствахъ Европы, которыя не имѣютъ рудниковъ, то оно совершалось постепенно и было обусловлено не непосредственно увеличеніемъ количества звонкой монеты, а развитіемъ промышленной дѣятельности, которая является естественнымъ послѣдствіемъ этого увеличенія въ тотъ промежутокъ времени, когда оно еще не успѣло повысить цѣну труда и жизненныхъ припасовъ. Въ самомъ дѣлѣ, возвращаясь къ нашему прежнему предположенію, не произошли-ли бы тѣ-же самыя явленія, которыя мы теперь наблюдаемъ, также и въ томъ случаѣ, если-бы производительность Англіи возрасла въ такой-же степени вслѣдствіе какихъ-нибудь другихъ причинъ? (И она легко могла-бы возрасти, хотя-бы количество звонкой монеты не увеличилось.) И тогда въ государствѣ было-бы то-же народонаселеніе, то-же количество товаровъ, та-же производительность, промышленность и торговля, а слѣдовательно и то-же количество купцовъ съ тѣми-же капиталами, т.-е. съ тѣмъ-же вліяніемъ на трудъ и товары, и вся разница была-бы лишь въ томъ, что послѣдніе представлялись-бы меньшимъ количествомъ желтыхъ или бѣлыхъ кружковъ, — разница ничтожная, имѣющая значеніе только для извозчиковъ, насильщи-

ковъ и тѣхъ, кто дѣлаетъ сундуки. Такъ какъ роскошь, мануфактуры, искусства, производительность и бережливость были-бы въ такомъ-же цвѣтушемъ состояніи, какъ и теперь, то очевидно, что такса процентовъ была-бы такъ-же низка, потому что низкій размѣръ процента есть естественное послѣдствіе всѣхъ этихъ условій, поскольку они въ каждомъ государствѣ опредѣляютъ величину торговой прибыли и отношеніе числа займодавцевъ къ числу нуждающихся въ займѣ.

О торговомъ балансѣ.

Націи, незнакомыя съ природой торговли, обыкновенно воспрещаютъ вывозъ товаровъ и стараются сохранить для самихъ себя все то, что онѣ считаютъ полезнымъ и цѣннымъ. Онѣ не замѣчаютъ, что, поступая такимъ образомъ, дѣлаютъ какъ разъ противное тому, чего добиваются, и что чѣмъ болѣе вывозится какого-нибудь товара, тѣмъ значительнѣе становится его производство, причемъ онъ раньше всего предлагается имъ-же самимъ.

Ученые знаютъ, что древніе законы Аѳинъ вмѣняли въ преступленіе вывозъ винной ягоды, потому что этотъ плодъ считался въ Атикѣ очень изысканнымъ и Аѳиняне думали, что онъ будетъ слишкомъ нѣженъ для нѣба чужеземца. И какъ серьезно относились они къ этому смѣшному запрещенію, видно изъ того, что обвинители носили у нихъ имя *сикофантовъ*—отъ двухъ греческихъ словъ, обозначающихъ *винную ягуду* и *доносчика*. Во многихъ старыхъ парламентскихъ актахъ, особенно въ тѣхъ, которые относятся къ царствованію Эдуарда III, можно найти слѣды такого-же невѣжества въ отношеніи торговли. Во Франціи вывозъ хлѣба былъ почти постоянно воспрещенъ вплоть до нынѣшняго дня, — какъ говорятъ, съ цѣлью предупрежденія голода; между тѣмъ очевидно, что это запрещеніе есть главная причина тѣхъ частыхъ голодовокъ, которымъ подвержена эта плодородная страна.

Тѣмъ-же завистливымъ страхомъ руководились различныя націи и въ вопросѣ о деньгахъ, и только подкрѣпляя выводы ума данными опыта, можно убѣдить націю въ томъ, что единственнымъ результатомъ подобныхъ запрещеній является усиленіе обмѣна ей-же во вредъ и значительное увеличеніе вывоза.

Такого рода заблужденія, конечно, очень грубы и очевидны; но еще и до сихъ поръ, даже въ странахъ, хорошо знакомыхъ съ торговлей, господствуютъ, по отношенію къ торговому балансу, сильная зависть и страхъ, что все золото и серебро уйдутъ изъ страны. Этотъ страхъ кажется мнѣ почти во всѣхъ случаяхъ неосновательнымъ, и я столько же боюсь того, что населенная и дѣятельная страна останется безъ денегъ, какъ и того, что всѣ наши источники и рѣки изсякнутъ. Сохранимъ выгоды, которыя доставляютъ намъ густота и трудолюбіе населенія, и намъ нечего будетъ опасаться потери нашего денежнаго богатства.

Не трудно видѣть, что всѣ вычисленія, касающіяся торговаго баланса, основаны на крайне ненадежныхъ фактахъ и предположеніяхъ. Несомнѣнно, что таможенныя книги представляютъ слишкомъ шаткія основанія для выводовъ; такъ-же неточенъ будетъ расчетъ, основанный на наблюденіи денежнаго курса, если только не принять во вниманіе его положенія во всѣхъ государствахъ и не ознакомиться съ величиной различныхъ скидокъ, какія дѣлаются за границей, что, разумѣется, неисполнимо. Всякій, кто писалъ объ этомъ предметѣ, неизмѣнно подтверждалъ правильность своей теоріи, какова-бы она ни была, при помощи фактовъ и выкладокъ и путемъ перечисленія всѣхъ товаровъ, которые вывозятся въ чужія страны.

Сочиненія м-ра Gee вызвали у насъ всеобщую панику,

такъ какъ по его наблюденіямъ, подтвержденнымъ множествомъ частныхъ справокъ, сумма убытка націи въ торговомъ балансѣ оказывалась настолько значительной, что по прошествіи пяти или шести лѣтъ у насъ не должно было-бы остаться ни одного шиллинга. Между тѣмъ съ тѣхъ поръ прошло двадцать лѣтъ, мы перенесли дорого-стоившую войну, и тѣмъ не менѣе, можно, къ счастью, съ увѣренностью сказать, что денегъ у насъ теперь гораздо больше, чѣмъ въ какой-бы то ни было предшествовавшій періодъ.

Едва-ли можно найти по этому вопросу что-нибудь болѣе забавное, чѣмъ то, что написалъ докторъ Свифтъ, авторъ, такъ быстро замѣчавшій ошибки и глупости другихъ. Въ своемъ „Краткомъ обзорѣ состоянія Ирландіи“ онъ говоритъ, что все денежное имущество этого королевства не превышало въ то время 500,000 фунтовъ, что изъ этой суммы ирландцы ежегодно отправляли въ Англію милліонъ и что у нихъ едва-ли былъ какой-нибудь другой источникъ дохода и вовсе не было внешней торговли, за исключеніемъ ввоза французскихъ винъ, за которыя они платили наличными деньгами. Благодаря такому положенію вещей, которое слѣдуетъ признать весьма печальнымъ, количество денегъ въ Ирландіи въ теченіе трехъ лѣтъ упало съ 500,000 фунтовъ до 200,000. Я думаю, что теперь, по прошествіи тридцати лѣтъ, отъ нихъ не осталось и слѣда. Какъ-же держится и даже все болѣе распространяется то мнѣніе, которое возбуждало такое негодованіе въ докторѣ Свифтѣ, — мнѣніе о постоянномъ ростѣ богатства Ирландіи?

Однимъ словомъ, это представленіе о дурномъ состояніи торговаго баланса имѣетъ, кажется, то свойство, что оно возникаетъ у всѣхъ, кто не ладитъ съ министер-

ствомъ или вообще находится въ дурномъ настроеніи, и такъ какъ его невозможно опровергнуть подробнымъ перечисленіемъ всѣхъ видовъ вывоза, уравновѣшивающихъ ввозъ, то здѣсь, можетъ быть, будетъ умѣстно установить общее положеніе, которое покажетъ, что пока нація сохраняетъ свое населеніе и свою промышленную дѣятельность, ей нечего бояться потери своего богатства.

Предположимъ, что въ одну ночь исчезли четыре пятыхъ всѣхъ денегъ Великобританіи и нація, съ точки зрѣнія денегъ, очутилась въ такомъ-же положеніи, въ какомъ она находилась во времена Генриховъ и Эдуардовъ; какія послѣдствія будетъ имѣть это происшествіе? Не должны-ли будутъ пропорціонально понизиться цѣны труда и товаровъ и всякая вещь сдѣлаться столь-же дешевой, какъ и въ ту эпоху? Какая нація будетъ тогда въ состояніи конкурировать съ нами на иностранныхъ рынкахъ, или брать за перевозку товаровъ и за самые товары такія цѣны, которыя для насъ будутъ все-таки достаточно выгодны? И такъ, не вернемъ-ли мы этимъ путемъ въ короткое время всѣхъ денегъ, которыя мы потеряли, и не достигнемъ-ли такого-же изобилія въ деньгахъ, какое существуетъ у сосѣдей? Но какъ только это произойдетъ, мы тотчасъ-же потеряемъ тѣ выгоды, которыя доставляла намъ дешевизна труда и товаровъ; вслѣдствіе изобилія денегъ у насъ, ихъ притокъ къ намъ прекратится.

Предположимъ, напротивъ, что въ теченіе одной ночи количество денегъ въ Великобританіи упятерится; не произойдутъ-ли отсюда противоположныя послѣдствія? Не поднимутся-ли цѣны на трудъ и товары до такой высоты, что ни одна изъ сосѣднихъ націй не будетъ въ состояніи покупать у насъ что-либо, между

тѣмъ какъ, наоборотъ, ихъ товары сдѣлаются сравнительно настолько дешевыми, что, несмотря на всевозможные запретительные законы, они наводнятъ нашъ рынокъ и наши деньги будутъ уходить изъ страны, пока мы не сравнимся съ сосѣдями въ отношеніи денегъ и не утратимъ этого чрезмѣрнаго богатства, которое поставило насъ въ такое невыгодное положеніе?

Очевидно, что тѣ-же причины, которыя урегулировали-бы эти крайнія неравенства, если-бы послѣднія вслѣдствіе какого-нибудь чуда могли возникнуть, не позволяютъ имъ возникнуть при обычномъ ходѣ вещей и постоянно поддерживаютъ количество денегъ у всѣхъ сосѣднихъ націй на такой высотѣ, какая соотвѣтствуетъ искусству и производительности каждой изъ нихъ. Вода, куда-бы она ни проникла, вездѣ стоитъ на одномъ уровнѣ. Спросите у физиковъ причину этого явленія; они отвѣтятъ вамъ, что если-бы вода въ какомъ-нибудь мѣстѣ поднялась, то увеличившаяся тяжесть воды въ этомъ мѣстѣ, не будучи ничѣмъ уравновѣшена, должна была-бы понизить ея уровень настолько, пока установилось-бы равновѣсіе, и что та-же причина, которая устранила-бы неравенство, если-бы оно возникло, должна постоянно предупреждать его, если только не вмѣшивается какой-нибудь внѣшній насильственный факторъ.

Можно-ли представить себѣ, что путемъ законодательныхъ мѣръ или даже какихъ-нибудь успѣховъ въ искусствѣ и производительности націи когда-нибудь было возможно удержать въ Испаніи все то количество денегъ, которое было привезено туда изъ Америки? или что если-бы всѣ товары продавались во Франціи въ десять разъ дешевле, чѣмъ по ту сторону Пиринеевъ, они на нашли-бы способа перейти горы и перетя-

нуть во Францію часть этихъ огромныхъ богатствъ? И чѣмъ иначе можно объяснить выгоды, извлекаемыя всѣми націями изъ ихъ торговли съ Испаніей и Португаліей, какъ не тѣмъ, что деньги, подобно всякой жидкости, невозможно удержать на высотѣ, превышающей ихъ естественный уровень? Государи этихъ странъ доказали, что у нихъ не было недостатка въ желаніи сохранить свое золото и серебро для самихъ себя, если-бы только это было возможно.

Но какъ одна часть воды, будучи отрѣзана отъ сообщенія со всею остальною жидкостью, можетъ подняться выше ея уровня, такъ и въ отношеніи денегъ прекращеніе сообщенія вслѣдствіе какого-нибудь физическаго или матеріальнаго препятствія (потому что одного законодательства недостаточно) можетъ вызвать большое неравенство въ количествахъ денегъ, которыми владѣютъ различныя націи. Такъ, напримѣръ, огромная отдаленность Китая, вмѣстѣ съ монополіями нашихъ индійскихъ компаній, затрудняя сообщеніе, поддерживаютъ въ Европѣ гораздо большее изобиліе золота и серебра, особенно послѣдняго, чѣмъ какое существуетъ въ Китаѣ. Но, несмотря на эти большія препятствія, дѣйствіе упомянутыхъ причинъ очевидно. Въ общемъ европейцы, вѣроятно, далеко превосходятъ китайцевъ искусствомъ и изобрѣтательностью въ ручныхъ производствахъ и мануфактурахъ; и тѣмъ не менѣе торговля съ ними всегда приноситъ намъ большіе убытки. Если-бы не постоянная поддержка, которую оказываетъ намъ Америка, количество денегъ въ Европѣ скоро уменьшилось-бы, а въ Китаѣ увеличилось, пока оно не достигло-бы одного уровня въ обѣихъ странахъ. Ни одинъ разумный человѣкъ не будетъ сомнѣваться, что если-бы эта дѣятельная нація была такъ-же близка къ

намъ, какъ Польша или Берберія, она скоро отняла-бы у насъ нашъ излишекъ въ деньгахъ и привлекла-бы къ себѣ большую часть американскихъ богатствъ. Чтобы объяснить неизбежность этого явленія, намъ нѣтъ надобности прибѣгать къ физическому закону тяготѣнія. Существуетъ нравственный законъ тяготѣнія, основанный на интересахъ и страстяхъ людей, не менѣе могущественный и непогрѣшимый.

Что поддерживаетъ балансъ между различными провинціями одного и того-же королевства, какъ не дѣйствіе этого принципа, который не позволяетъ деньгамъ уклоняться отъ ихъ естественнаго уровня, подниматься выше ихъ пропорціи съ трудомъ и товарами, находящимися въ каждой провинціи, или падать ниже этой пропорціи? Если-бы долгій опытъ не успокоивалъ людей въ этомъ отношеніи, — къ какимъ печальнымъ выводамъ долженъ былъ-бы придти какой-нибудь преданный меланхолическій житель Йоркшира, высчитавъ и сложивъ суммы, которыя Лондонъ извлекаетъ изъ его графства въ видѣ податей, налоговъ на прѣвзжихъ и на товары, и замѣтивъ, что соответствующій доходъ его графства несравненно ниже? Если-бы Англія все еще состояла изъ семи королевствъ, то правительство cadaго изъ нихъ безъ сомнѣнія находилось-бы въ постоянной тревогѣ вслѣдствіе невыгодности баланса; и такъ какъ взаимная ненависть этихъ государствъ, при ихъ близкомъ соеѣдствѣ, была-бы вѣроятно очень сильна, то они совершенно затормозили-бы всякую торговлю своей завистливой и бесполезной осторожностью. Съ тѣхъ поръ, какъ соединеніе Шотландіи съ Англіей уничтожило всѣ преграды между ними, которая изъ двухъ націй извлекаетъ больше выгодъ изъ свободы торговли? И если богатство Шотландіи увеличилось, можно-ли разумно объяснять это явленіе чѣмъ-

нибудь другимъ, какъ не развитіемъ искусства и трудолюбія шотландцевъ? По словамъ аббата дю-Буа, передъ соединеніемъ въ Англіи господствовалъ всеобщій страхъ, что съ установленіемъ свободы торговли Шотландія въ короткое время привлечетъ къ себѣ всѣ богатства страны; а на другомъ берегу Твида опасались какъ-разъ противнаго. Время показало, насколько основательны были эти опасенія съ той и другой стороны.

То, что справедливо относительно малыхъ частей человѣчества, должно быть вѣрно и по отношенію къ большимъ. Провинціи римской имперіи, безъ сомнѣнія, такъ-же хорошо поддерживали свой балансъ между собою и съ Италіей безъ помощи законодательства, какъ и различныя графства Великобританіи или отдѣльные приходы каждаго графства. Всякій, кто путешествуетъ теперь по Европѣ, можетъ по цѣнамъ товаровъ убѣдиться въ томъ, что, вопреки нелѣпой ревности государей и правительствъ, деньги сами собой пришли почти въ полное равновѣсіе, и разница въ этомъ отношеніи между однимъ государствомъ и другимъ—не больше той, какая часто бываетъ между различными провинціями одного и того-же государства. Наибольшія массы людей естественно скопляются въ большихъ городахъ, приморскихъ портахъ и по теченію судоходныхъ рѣкъ. Здѣсь можно найти больше людей, больше дѣятельности, больше товаровъ и, слѣдовательно, больше денегъ; но послѣдняя разница всегда соотвѣтствуетъ первой, и равновѣсіе не нарушается.

Наша зависть и ненависть къ Франціи не имѣютъ границъ, и по крайней мѣрѣ первое изъ этихъ чувствъ слѣдуетъ признать разумнымъ и основательнымъ. Эти страсти создали неисчислимыя затрудненія и преграды въ области торговли, и насъ обвиняютъ въ томъ, что

въ большинствѣ случаевъ мы были зачинщиками. Но что мы выиграли? Мы потеряли французскій рынокъ для нашихъ шерстяныхъ издѣлій и, перенеся торговлю винами въ Испанію и Португалію, платимъ за худшіе напитки болѣе высокія цѣны. Немногіе англичане не считали-бы своего отечества совершенно разореннымъ, если-бы французскія вина продавались въ Англіи такъ дешево и въ такомъ изобиліи, что могли-бы до извѣстной степени вытѣснить нашъ эль и другіе напитки туземнаго приготовленія; между тѣмъ, если оставить въ сторонѣ всякіе предрасудки, то не трудно будетъ убѣдиться, что это не только не принесло-бы намъ вреда, но даже было-бы для насъ очень выгодно. Всякій новый акръ земли, засаженный виноградникомъ во Франціи для снабженія виномъ Англіи, заставилъ-бы французовъ взять у насъ заемъ, для поддержки своего существованія, продукты акра земли, засѣяннаго у насъ пшеницей или рожью, и очевидно, что выгода была-бы на нашей сторонѣ, такъ какъ нашъ товаръ прибыльнѣе и важнѣе.

Французскіе короли не разъ путемъ указовъ запрещали разводить новые виноградники и приказывали уничтожать тѣ, которые были недавно разведены: такъ хорошо сознаютъ въ этой странѣ, насколько зерновые продукты важнѣе всѣхъ другихъ.

Маршалъ Вобанъ часто и не безъ основанія жалуется на нелѣпые поборы, которыми облагаются вина Лангедока, Гиени и другихъ южныхъ провинцій при ввозѣ въ Бретань и Нормандію. Онъ не сомнѣвается въ томъ, что послѣднія провинці сѣмѣютъ поддержать свой балансъ, несмотря на свободу торговли, которую онъ рекомендуетъ. Ясно, что нѣсколько лишнихъ миль, которыя пришлось-бы проплыть до Англіи, ничего не измѣнили-бы,

или, если-бы существовало какое-нибудь различіе, оно одинаково вліяло-бы на товары обоихъ королевствъ.

Есть, правда, средство, при помощи котораго можно поднять количество денегъ въ странѣ выше его нормальнаго уровня, какъ есть и средство для пониженія его ниже этого уровня; но изслѣдуя оба эти случая, мы увидимъ, что они содержатся въ нашей общей теоріи и представляютъ лишнее доказательство ея правильности.

Единственный способъ, которымъ можетъ быть достигнуто пониженіе количества денегъ ниже естественнаго уровня, состоитъ, насколько мнѣ извѣстно, въ учрежденіи банковъ, фондовъ и бумажнаго кредита, столь распространенныхъ въ нашей странѣ. Благодаря этимъ средствамъ бумажныя деньги уравниваются въ цѣнѣ съ звонкой монетой, распространяются по всему государству и, вытѣсняя изъ обращенія золото и серебро, соотвѣтственно повышаютъ цѣны труда и товаровъ; въ результатѣ изъ страны уходитъ большое количество драгоценныхъ металловъ или, по крайней мѣрѣ, ихъ наличное количество перестаетъ увеличиваться. Можно-ли обнаруживать бѣльшую близорукость, чѣмъ обнаруживаемъ мы въ своихъ разсужденіяхъ по этому вопросу? Такъ какъ отдѣльный гражданинъ сдѣлался-бы гораздо болѣе богатымъ, если-бы его денежный капиталъ увеличился вдвое, то мы думаемъ, что такія-же счастливыя послѣдствія повлечетъ за собою увеличеніе капитала всѣхъ гражданъ, и при этомъ забываемъ, что подобная перемена приведетъ и къ соотвѣтственному повышенію цѣнъ, такъ что съ теченіемъ времени между деньгами и цѣнами возстановится то-же отношеніе, какое существовало раньше. Большое количество денегъ выгодно только въ переговорахъ и сдѣлкахъ съ иностранцами, и такъ какъ для послѣднихъ наша бумага не имѣетъ никакой

цѣны, то, благодаря ей, мы испытываемъ всѣ неудобства большого изобилія денегъ, не получая ни одной изъ его выгодъ.

Предположимъ, что въ государствѣ обращается въ качествѣ денегъ 12 милліоновъ фунтовъ бумагой (потому что мы не должны представлять себѣ, что все огромное количество нашихъ денегъ можетъ быть обращено въ бумагу), и предположимъ, что дѣйствительный капиталъ страны состоитъ изъ 18 милліоновъ: вотъ мы на практикѣ нашли государство, которое способно владѣть капиталомъ въ 30 милліоновъ. Я говорю, что если оно способно содержать въ себѣ такой капиталъ, то непременно приобрѣло-бы его въ видѣ золота и серебра, если-бы мы не остановили прилива этихъ металловъ изобрѣтеніемъ бумажныхъ денегъ. Откуда оно добыло-бы эту сумму? Изъ всѣхъ странъ міра. Но почему? Потому что, если исключить 12 милліоновъ въ бумагѣ, количество денегъ въ государствѣ стоитъ ниже нормы сравнительно съ нашими сосѣдями и мы должны непосредственно притягивать къ себѣ деньги отъ каждаго изъ нихъ, пока не наступитъ, такъ сказать, моментъ насыщенія, когда мы не будемъ въ состояніи удержать у себя больше денегъ. Наша теперешняя политика такъ усердно старается завалить націю банковыми билетами и чеками, точно опасается, что мы будемъ обременены излишкомъ золота и серебра.

Нѣтъ сомнѣнія, что изобиліе драгоценныхъ металловъ во Франціи объясняется, главнымъ образомъ, отсутствіемъ бумажнаго кредита въ этой странѣ. Французы не имѣютъ банковъ; векселя не циркулируютъ у нихъ такъ, какъ у насъ; ростовщичество, или отдача денегъ въ ростъ, не разрѣшено безусловно. Вслѣдствіе этого многія лица владѣютъ крупными капиталами, въ частныхъ

домахъ употребляется большое количество серебряной утвари и всѣ церкви полны ею. Благодаря такому положенію вещей, съѣстные припасы и трудъ въ этой странѣ гораздо дешевле, чѣмъ въ другихъ странахъ, вдвое менѣе богатыхъ золотомъ и серебромъ. Выгоды такого положенія съ точки зрѣнія торговли и крупныхъ политическихъ осложненій слишкомъ очевидны, чтобы ихъ можно было оспаривать.

Нѣсколько лѣтъ назадъ въ Женевѣ господствовала та-же мода, которая еще и до сихъ поръ держится въ Англии и Голландіи, — мода на употребленіе фарфоровой посуды вмѣсто серебряной; но сенатъ, предвидя послѣдствія этой моды, до извѣстной степени ограничилъ употребленіе этого хрупкаго товара, между тѣмъ какъ право пользоваться серебряной посудой совершенно не было ограничено. И я думаю, что во время несчастій, которыя недавно постигли женевцевъ, они оцѣнили благія послѣдствія этого закона. Съ этой точки зрѣнія нашъ налогъ на издѣлія изъ серебра, можетъ быть, не совсѣмъ разуменъ.

Прежде, чѣмъ были введены въ обращеніе ассигнаціи, наши колоніи владѣли такимъ количествомъ золота и серебра, какого было достаточно для удовлетворенія ихъ потребностей. Со времени введенія бумажныхъ денегъ драгоцѣнные металлы совершенно исчезли изъ колоній, и это было еще самымъ ничтожнымъ изъ неудобствъ, которыя повлекла за собою эта реформа. Можно-ли сомнѣваться, что послѣ отмѣны бумажныхъ денегъ снова появятся драгоцѣнные металлы, такъ какъ колоніи обладаютъ мануфактурными товарами и естественными продуктами, т.-е. единственными предметами, которые имѣютъ цѣну въ торговлѣ и ради которыхъ люди хотятъ имѣть деньги?

Какъ жаль, что Ликургъ, желая изгнать изъ Спарты серебро и золото, не подумалъ о бумажномъ кредитѣ! Этимъ путемъ онъ гораздо лучше достигъ-бы своей цѣли, чѣмъ при помощи тѣхъ кусковъ желѣза, которые онъ пустилъ въ обращеніе въ качествѣ денегъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ гораздо вѣрнѣе сдѣлалъ-бы невозможной всякую торговлю съ иностранцами, такъ какъ дѣйствительная и существенная цѣнность бумаги далеко ниже.

Между тѣмъ слѣдуетъ признать, что, при крайней сложности всѣхъ этихъ вопросовъ о торговлѣ и деньгахъ, существуютъ для изученія ихъ другія точки зрѣнія, на основаніи которыхъ можно придти къ заключенію, что выгоды, доставляемыя бумажнымъ кредитомъ и банками, превосходятъ вытекающія изъ нихъ неудобства. Несомнѣнно вѣрно, что, благодаря имъ, изъ страны исчезаетъ вся звонкая монета и всѣ драгоцѣнные металлы, и тотъ, чей взоръ не проникаетъ далѣе этого послѣдствія, имѣетъ полное основаніе осуждать ихъ. Но монета и металлы не настолько важны, чтобы нельзя было признать достаточнымъ или даже выгоднымъ вознагражденіемъ за нихъ увеличеніе дѣятельности и кредита, которому можетъ значительно способствовать разумное примѣненіе бумажныхъ денегъ. Извѣстно, какъ важно для купца имѣть возможность въ случаѣ нужды учесть свои векселя; все, что облегчаетъ эту операцію, выгодно вообще для торговли страны. Этотъ кредитъ могутъ оказывать частные банкиры благодаря тому кредиту, который имъ самимъ обезпечивается денежными вкладами въ ихъ кассы; Англійскій банкъ можетъ дѣлать то-же самое вслѣдствіе того, что ему даровано право употреблять для всѣхъ платежей свои бланки. Къ аналогичному средству прибѣгли нѣсколько лѣтъ назадъ эдинбургскіе банки, и такъ какъ это одна изъ самыхъ остро-

умныхъ идей, какія нашли себѣ примѣненіе въ торговлѣ, то ее признали полезнымъ примѣнить во всей Шотландіи. Это — такъ называемые кредитные банки; они организованы слѣдующимъ образомъ. Данное лицо является въ банкъ и представляетъ залогъ на сумму, положимъ, въ тысячу фунтовъ стерлинговъ; онъ имѣетъ право получить эту сумму всю или по частямъ, когда пожелаетъ, и платитъ обычный процентъ только въ томъ случаѣ, если деньги у него на рукахъ. Выплачивать долгъ онъ можетъ даже небольшими суммами, на примѣръ въ двадцать фунтовъ, и проценты учитываются съ того самого дня, когда онъ дѣлаетъ взносъ. Эта комбинація представляетъ большія выгоды. Такъ какъ заемщикъ можетъ представить въ залогъ свое имущество почти по его полной стоимости и бумаги банка идутъ за наличныя деньги, то этимъ путемъ купецъ можетъ, такъ сказать, обратить въ деньги свои дома, утварь, товары, лежащіе въ его складѣ, долги, которые онъ имѣетъ за границей, свои корабли, находящіеся на морѣ; онъ имѣетъ возможность, въ случаѣ надобности, воспользоваться ими для своихъ платежей — все равно, какъ если-бы это была ходячая монета государства. Когда человѣкъ занимаетъ тысячу фунтовъ у частнаго лица, то — не говоря уже о томъ, что не всегда можно достать деньги въ ту самую минуту, когда онѣ нужны, — онъ платитъ проценты за полученную сумму безразлично, пользуется-ли онъ ею, или она лежитъ безъ дѣла: банковый кредитъ не стоитъ ничего, за исключеніемъ того момента, когда имъ дѣйствительно пользуются, и это для заемщика такъ-же выгодно, какъ если-бы онъ получалъ ссуду подъ гораздо меньшій процентъ. Кромѣ того, такая организація значительно облегчаетъ купцамъ взаимную поддержку ихъ кредита, что представляетъ

большую гарантию противъ банкротствъ. Исчерпавъ свой собственный кредитъ въ банкѣ, каждый изъ нихъ можетъ отправиться къ кому-нибудь изъ своихъ товарищей, кредитъ котораго еще не исчерпанъ, и такимъ образомъ получить деньги, которыя онъ вернетъ, когда представится возможность.

Эта система уже нѣсколько лѣтъ практиковалась въ Единбургѣ, когда нѣкоторыя торговыя компаніи въ Глазговѣ рѣшились сдѣлать еще шагъ впередъ. Они сами основали нѣсколько банковъ и выпустили билеты въ десять шиллинговъ, которые и стали употреблять для оплаты товаровъ, мануфактуръ и всякаго рода коммерческаго труда; благодаря широкому кредиту, которымъ пользовались компаніи, эти билеты разошлись по всей странѣ, и во всѣхъ платежахъ ихъ брали какъ наличныя деньги. Благодаря этому, капиталъ въ пять тысячъ фунтовъ давалъ возможность совершать также обороты, какъ если-бы онъ былъ въ пять или въ шесть разъ больше; купцы могли вести торговлю въ болѣе широкихъ размѣрахъ и довольствоваться при каждой сдѣлкѣ меньшимъ барышемъ. Но каковы-бы ни были остальные выгоды, вытекающія изъ этихъ нововведеній, надо признать, что они не только слишкомъ облегчаютъ кредитъ, что опасно, но и ведутъ къ исчезновенію драгоцѣнныхъ металловъ; и ничто не можетъ доказать этого лучше, чѣмъ сравненіе съ этой точки зрѣнія прежняго и теперешняго положенія Шотландіи. Извѣстно, что во время перечековки, произведенной послѣ соединенія королевствъ, количество денегъ въ этой странѣ равнялось одному милліону; между тѣмъ, несмотря на большое развитіе богатствъ, торговли и всякаго рода мануфактуръ, количество денегъ въ настоящее время вѣроятно не превышаетъ одной трети милліона даже

въ тѣхъ мѣстахъ, откуда Англія не извлекла большихъ суммъ.

Но какъ выпускъ бумажныхъ денегъ есть почти единственный способъ, при помощи котораго мы можемъ свести количество денегъ ниже естественнаго уровня, точно такъ-же поднять его выше нормы можно, какъ мнѣ кажется, только при помощи средства, которое мы всѣ должны признать пагубнымъ и разорительнымъ; оно состоитъ въ томъ, чтобы накоплять большія суммы въ государственной казнѣ, держать ихъ тамъ подъ ключемъ и такимъ образомъ не давать ни одной копѣйкѣ поступать въ обращеніе. Этимъ способомъ вода, не сообщаящаяся съ окружающей массой жидкости, можетъ быть поднята до всякой высоты, какой мы пожелаемъ-бы. Чтобы доказать это, намъ стоить только вернуться къ нашей первой гипотезѣ объ исчезновеніи половины или какой-нибудь другой части нашего денежнаго богатства; мы видѣли, что непосредственнымъ результатомъ этого событія было-бы привлеченіе такой-же суммы изъ всѣхъ сосѣднихъ государствъ. Природа вещей повидимому не ставитъ никакихъ твердыхъ границъ скопленію богатствъ. Слѣдуя этой политикѣ въ теченіе вѣковъ, небольшой городъ, въ родѣ Женевы, могъ-бы скопить девять десятыхъ всѣхъ денегъ Европы. Непреодолимое препятствіе для такого безпредѣльнаго скопленія богатствъ кроется, повидимому, въ природѣ чловѣка. Слабое государство, владѣющее значительной казной, тотчасъ сдѣлается жертвой своихъ менѣе богатыхъ, но болѣе могущественныхъ сосѣдей. Если государство велико, то оно истратитъ свое богатство на осуществленіе опасныхъ и безразсудныхъ проектовъ и, вмѣстѣ съ деньгами, утратитъ, вѣроятно, нѣчто еще болѣе цѣнное—свое трудолюбіе, чистоту нравовъ и часть населенія. Въ этомъ

случаѣ водяной столбъ, поднявшійся слишкомъ высоко, производитъ взрывъ, разрушаетъ сосудъ, въ которомъ онъ содержится, и смѣшавшись съ окружающей жидкостью, ниспадаетъ до своего естественнаго уровня.

Мы такъ мало знакомы съ этимъ принципомъ, что хотя всѣ историки безъ исключенія сообщаютъ о столь недавнемъ событіи, какъ скопленіе Генрихомъ VII огромной денежной суммы (они опредѣляютъ ее въ 2,700,000 фунтовъ), тѣмъ не менѣе мы предпочитаемъ отвергать это единогласное свидѣтельство, чѣмъ признать фактъ, который не согласуется съ нашими закоренѣлыми предразсудками. Дѣйствительно, эта сумма представляла собою вѣроятно три четверти всей массы денегъ, находившихся въ Англіи. Но развѣ трудно понять, что хитрый, жадный, бережливый и почти неограниченный государь въ теченіе двадцати лѣтъ могъ собрать подобную сумму? Едва-ли также уменьшеніе количества денегъ, находящихся въ обращеніи, было замѣчено народомъ или причинило ему какой-нибудь вредъ. Удешевленіе всѣхъ товаровъ должно было въ короткое время пополнить эту убыль, давая Англіи преимущество въ ея торговыхъ сношеніяхъ съ сосѣдними странами.

Не представляетъ-ли такого примѣра и маленькая аѳинская республика со своими союзниками? Менѣе чѣмъ въ пятьдесятъ лѣтъ, въ періодъ отъ Персидскихъ войнъ до Пелопонесской, Аѳины скопили капиталъ, не многимъ уступавшій казнѣ Генриха VII; всѣ греческіе историки и ораторы единогласно свидѣтельствуютъ, что Аѳиняне собрали въ своей крѣпости болѣе 10,000 талантовъ, которые потомъ къ своей собственной гибели истратили въ опрометчивыхъ и безразсудныхъ предпріятіяхъ. Но когда эти деньги перешли въ обращеніе и

начали сливаться съ окружающею массою денегъ — что произошло тогда? Остались-ли онѣ въ странѣ? Нѣтъ; знаменитая перепись, о которой упоминаютъ Демосѳенъ и Полибій, показываетъ, что спустя приблизительно пятьдесятъ лѣтъ все богатство республики, включая помѣстья, дома, товары, рабовъ и звонкую монету, не достигало и 6,000 талантовъ.

Какъ велики должны были быть честолюбіе и страстность этой націи, скопившей и сохранявшей для завоеваній богатство, которое граждане каждую минуту большинствомъ одного голоса могли раздѣлить между собою, что почти утроило-бы состояніе cadaго изъ нихъ! Потому что надо замѣтить, что въ началѣ Пелопоннесской войны, по свидѣтельству древнихъ писателей, ни число аѳинскихъ гражданъ, ни ихъ частныя богатства не были больше, чѣмъ въ началѣ войны съ Македоніей.

Во времена Филиппа и Персея въ Греціи было не больше денегъ, чѣмъ въ Англіи при Генрихѣ VII; однако эти два государя въ теченіе тридцати лѣтъ скопили въ небольшомъ македонскомъ государствѣ бѣольшую сумму, чѣмъ та, которою владѣлъ Генрихъ VII. Эмилиѣ Павелъ доставилъ въ Римъ около 1,700,000 фунтовъ стерлинговъ, а по словамъ Плинія, даже 2,400,000. И это была только часть македонской казны; осталъная часть погибла во время сопротивленія и бѣгства Персея.

Стэнлианъ сообщаетъ, что Бернскій кантонъ отдавалъ подъ проценты 300,000 фунтовъ, а въ его казнѣ лежала еще въ шесть разъ большая сумма. И такъ, вотъ капиталъ въ 1,800,000 фунтовъ, по крайней мѣрѣ въ четыре раза превышающій тотъ, который нормально долженъ былъ-бы находиться въ обращеніи въ такой

небольшой странѣ. Между тѣмъ, путешествуя по округу Во или по какой-нибудь другой области этого кантона, вы не замѣтите бѣльшей нужды въ деньгахъ, чѣмъ какой слѣдуетъ ожидать при размѣрахъ, свойствахъ почвы и положеніи этой страны. Напротивъ, во Франціи или Германіи едва-ли найдется теперь какая-нибудь внутренняя провинція, жители которой были-бы такъ-же богаты, какъ населеніе этого кантона, хотя его казна значительно увеличилась съ 1714 г., когда Стэніанъ писалъ свое превосходное сочиненіе о Швейцаріи.

Показаніе Аппіана о сокровищахъ Птолемея такъ чудовищно, что ему трудно вѣрить, тѣмъ болѣе, что, по словамъ этого историка, остальные преемники Александра были столь-же бережливы и многіе изъ нихъ владѣли почти такими-же громадными капиталами; согласно нашей теоріи, бережливость сосѣднихъ государствъ непременно должна была положить предѣлъ накопленію богатствъ въ рукахъ египетскихъ царей. Сумма, о которой говоритъ Аппіанъ, равна 740,000 талантовъ, что, по вычисленію доктора Арбэтнота, составляетъ 191,166,166 фунтовъ, 13 шиллинговъ и 4 пенса. Между тѣмъ Аппіанъ утверждаетъ, что извлекъ эти цифры изъ государственнаго архива, и самъ онъ былъ родомъ изъ Александріи.

Исходя изъ принциповъ, изложенныхъ въ этомъ очеркѣ, мы можемъ составить себѣ опредѣленное мнѣніе о тѣхъ безчисленныхъ преградахъ, затрудненіяхъ и налогахъ, которые во всѣхъ странахъ Европы, а въ Англіи— больше, чѣмъ въ какой-нибудь другой странѣ, тормозятъ правильное развитіе торговли, будучи вызваны или чрезмѣрной страстью къ накопленію денегъ, которыя, разъ они находятся въ обращеніи, никогда не превысятъ нормы, или неосновательнымъ страхомъ по-

терять свое денежное богатство, которое никогда не может упасть ниже этого нормального уровня. Если что-нибудь может уничтожить наши богатства, то это именно—примѣненіе столь неразумныхъ средствъ. Этотъ общій дурной результатъ происходитъ отъ того, что подобныя мѣропріятія отнимаютъ у сосѣдствующихъ націй ту свободу обмѣна и сообщенія, которую имѣлъ въ виду Творецъ, надѣляя ихъ столь различными землями, климатами и характерами.

Наши теперешніе политики руководствуются той системой, которая одна только ведетъ къ исчезновенію денегъ,—т.-е. системой бумажнаго кредита,—совершенно пренебрегаютъ единственнымъ средствомъ увеличить ихъ количество, т.-е. накопленіемъ денегъ въ казнѣ, и изобрѣтаютъ сотни различныхъ комбинацій, которыя имѣютъ только то послѣдствіе, что стѣсняютъ трудолюбіе и лишаютъ какъ насъ, такъ и нашихъ сосѣдей, благъ, доставляемыхъ всѣмъ людямъ искусствомъ и природой.

Между тѣмъ не слѣдуетъ думать, что всѣ налоги на иностранные товары вредны или бесполезны; я говорю только о тѣхъ налогахъ, которые вызваны упомянутой выше завистью. Налогъ на нѣмецкія полотна поощряетъ наши мануфактуры и содѣйствуетъ росту нашего населенія и нашей производительности. Налогъ на водку усиливаетъ сбытъ рома и оказываетъ поддержку нашимъ южнымъ колоніямъ. И такъ какъ налоги необходимы для удовлетворенія нуждъ правительства, то, повидимому, удобнѣе налагать ихъ на иностранные товары, которые легко можно застигнуть въ гавани, чтобы подвергнуть обложенію. Однако не слѣдуетъ забывать изреченія доктора Свифта, что по правиламъ таможенной ариѳметики два и два не всегда составляетъ четыре, а ча-

сто только единицу. Нѣтъ сомнѣнія, что если-бы пошлина на вино была уменьшена на треть, она приносила-бы правительству гораздо бóльшій доходъ, чѣмъ приноситъ теперь; при этомъ нашъ народъ могъ-бы употреблять болѣе здоровый и полезный напитокъ, а нашъ торговый балансъ, которымъ мы такъ дорожимъ, не понесъ-бы никакого ущерба. Производство эля внѣ земледѣлія очень незначительно и занимаетъ мало рукъ. Перевозка вина и хлѣба давала-бы не многимъ менѣе.

Но развѣ мы не видимъ,—спросить, пожалуй, кто-нибудь—примѣровъ того, какъ многія государства, которыя раньше были богаты, теперь обѣднѣли и ввали въ нищету? Развѣ деньги, которыми они прежде изобиловали, не покинули ихъ?—Я отвѣчу: если страна теряетъ свою торговлю, трудолюбіе и населеніе, то она не можетъ надѣяться удержать свое золото и серебро, потому что количество драгоцѣнныхъ металловъ всегда пропорціонально этимъ условіямъ. Когда Лиссабонъ и Амстердамъ отняли у Венеціи и Женевы остъ-индскую торговлю, то къ первымъ двумъ городамъ перешли и выгоды и деньги, которыя доставляла эта торговля. Когда правительственный центръ перемѣщается, когда приходится содержать въ отдаленіи дорого стоящія арміи, когда иностранцы пріобрѣтаютъ большіе капиталы, то въ результатъ естественно получается уменьшеніе количества денегъ. Но это, очевидно, насильственные средства къ вывозу звонкой монеты, и обыкновенно они сопровождаются одновременнымъ отливомъ населенія и дѣятельности. Но гдѣ послѣднія остаются и отливъ денегъ не продолжается, туда деньги вернутся сотней дорогъ, которыхъ мы не знаемъ и не подозреваемъ. Какія громадныя суммы были истрачены столькими націями во Фландріи со времени революціи,

въ продолженіи трехъ долгихъ войнъ! Можетъ быть болѣе половины всѣхъ денегъ, которыя теперь обращаются въ Европѣ. Но что сдѣлалось съ этими деньгами? Остались-ли они въ той небольшой области, которую занимаютъ австрійскіе Нидерланды? Конечно нѣтъ. Большая часть ихъ вернулась въ тѣ страны, откуда пришла; ихъ унесло назадъ то-же самое движеніе населенія и дѣятельности, которое и раньше увлекло ихъ за собою. Деньги Европы болѣе тысячи лѣтъ явнымъ и видимымъ потокомъ текли въ Римъ, но вытекли обратно по невидимымъ и тайнымъ каналамъ, и въ настоящее время отсутствіе трудолюбія и торговли дѣлаетъ папскія земли бѣднѣйшей областью Италіи.

Однимъ словомъ, каждое правительство имѣетъ всѣ основанія заботиться о сохраненіи своего населенія и своихъ мануфактуръ. А относительно денегъ оно можетъ спокойно, безъ страха и зависти, положиться на обычный ходъ человѣческихъ дѣлъ, или, если оно обращаетъ какое-нибудь вниманіе на этотъ предметъ, то должно дѣлать это лишь настолько, насколько онъ вліяетъ на населеніе и трудолюбіе.

Письмо Давида Юма къ Джемсу Освальду по поводу опыта
о торговомъ балансѣ.

Ninewelles, 1-го Ноября 1750 года.

„Милостивый Государь,

„Признаюсь, я былъ нѣсколько огорченъ, видя, что Вы такъ долго забываете обо мнѣ. Но Вы вознаграждаете меня съ избыткомъ. Я нахожу нашу переписку полезной для обоихъ: для меня—въ виду тѣхъ новыхъ свѣдѣній, которыя вы сообщаете мнѣ; для Васъ — потому что она даетъ Вамъ случай съ бѣльшимъ вниманіемъ изслѣдовать обсуждаемые вопросы. Я хочу сообщить Вамъ мой взглядъ на Вашу теорію съ той откровенностью, которой Вы желаете.

„Я никогда не думалъ сказать, что деньги непременно должны стоять на одномъ уровнѣ во всѣхъ странахъ, которыя находятся въ сношеніяхъ между собою; я хотѣлъ сказать: на уровнѣ, пропорціональномъ ихъ населенію, трудолюбію и производительности. Напримеръ, тамъ, гдѣ населеніе вдвое болѣе многочисленно, и т. д., тамъ и количество денегъ будетъ вдвое больше, и т. п. Я прибавилъ, что единственное средство сохранить или увеличить количество денегъ состоитъ въ томъ, чтобы сохранить и увеличить народонаселеніе и промышленную дѣятельность, а не въ запрещеніи вывоза денегъ или обложеніи пошлинами привозныхъ товаровъ,—приемы, къ которымъ обыкновенно прибѣгаютъ.

„Я думаю, что въ этомъ отношеніи наши взгляды не расходятся. Вы признаете, что если-бы количество денегъ, находящихся теперь въ Англіи, за ночь увеличилось въ четыре раза, то произошло-бы внезапное повышение цѣнъ. Но ввозъ иностранныхъ товаровъ, говорите Вы, тотчасъ понизилъ-бы цѣны. Здѣсь-то и начинается вывозъ денегъ.

„Вы говорите далѣе: небольшой части денежной суммы было-бы достаточно для пріобрѣтенія иностранныхъ товаровъ и пониженія цѣнъ. Я согласенъ — на одинъ годъ, пока ввезенные продукты не были-бы истреблены. Но не можетъ-ли повториться та-же операція и на слѣдующій годъ? Нѣтъ, отвѣчаете Вы: увеличеніе количества денегъ можетъ во время промежутка настолько увеличить народонаселеніе и промышленную дѣятельность, что страна съумѣетъ удержать добавочное количество денегъ. Въ этомъ случаѣ Ваше разсужденіе восхищаетъ меня. Я согласенъ съ Вами, что увеличеніе количества денегъ, если оно произошло не слишкомъ внезапно, естественно увеличитъ количество населенія и промышленную дѣятельность, и что, вслѣдствіе этого, окажется возможнымъ сохранить новый излишекъ денегъ; но если народонаселеніе и промышленность не возрастутъ, то ничѣмъ нельзя будетъ удержать денегъ, развѣ только накопленіемъ ихъ въ казнѣ.

„Предположите, что мы пріобрѣли отъ Шотландіи тридцать милліоновъ; предположите, что, вслѣдствіе какой-нибудь несчастной случайности, мы не воспользовались ими для увеличенія нашей промышленности и населенія; сколько останется у насъ отъ этихъ тридцати милліоновъ по прошествіи четверти вѣка? Ни шиллингомъ больше, чѣмъ мы имѣемъ теперь. Выраженія, которыя я употребилъ въ моемъ Опытѣ, слѣдуетъ ис-

правильно, потому что они были причиною Вашей ошибки *).

„Ваше перечисленіе торговыхъ преимуществъ богатыхъ странъ сравнительно съ бѣдными совершенно вѣрно и очень любопытно; но я не могу согласиться съ Вами, что, если исключить дурную политику и случайности, болѣе богатая страна всегда будутъ стоять выше тѣхъ, которыя бѣднѣе. Богатая страна привлечетъ къ себѣ и сохранитъ всѣ мануфактуры, требующія большихъ капиталовъ или большой ловкости; но бѣдная страна отниметъ у нея всѣ тѣ производства, которыя проще и требуютъ больше ручного труда. Мануфактурные продукты Лондона, какъ Вы знаете, — сталь, кружева, шелкъ, книги, кареты, часы, мебель, наряды; но производство полотна и шерсти сосредоточивается въ провинціяхъ.

„Отдаленность Китая есть физическое препятствіе для сношеній и сводитъ нашу взаимную торговлю на

---

*) Въ послѣднемъ изданіи, чтобы удовлетворить м—ра Освальда, Давидъ Юмъ прибавилъ слѣдующее примѣчаніе:

„Не слѣдуетъ забывать, что во всемъ этомъ разсужденіи, каждый разъ, когда я говорю объ уровнѣ денегъ, я имѣю въ виду нѣтъ уровень въ отношеніи къ производству, труду, прилежанію и ловкости въ различныхъ государствахъ. И я утверждаю, что если эти факторы въ два, въ три или въ четыре раза больше, чѣмъ въ сосѣднихъ государствахъ, то и количество денегъ будетъ неизбѣжно въ два, въ три или въ четыре раза больше.

„Единственное обстоятельство, которое можетъ нарушить точность этихъ пропорцій, — расходы по перевозкѣ продуктовъ съ одного мѣста на другое, и эти расходы не всегда равны. Такъ, хлѣбъ, скотъ, сыръ и масло графства Дерби привлекаютъ изъ Лондона столько-же денегъ, сколько мануфактурные продукты Лондона привлекаютъ изъ графства Дерби. Но это возраженіе — только формальное, потому что если фрахтъ высокъ, то это значить, что сообщеніе между обоими центрами затруднительно и несовершенно“.

небольшое число продуктовъ. Длина пути, монополии и пошлины повышаютъ цѣну товаровъ. Китаецъ довольствуется поденной платой въ три полупенса и чрезвычайно трудолюбивъ. Если-бы Китай былъ такъ-же близокъ къ намъ, какъ Франція или Испанія, то мы получали-бы всѣ наши товары изъ Китая, пока деньги и товары не достигли-бы своего естественнаго уровня въ соотвѣтствіи съ количествомъ населенія, трудолюбіемъ и производствомъ обѣихъ странъ

„Часть нашихъ общественныхъ фондовъ исполняетъ роль денегъ, потому что наши купцы, и еще болѣе—наши банкиры, держатъ въ своихъ кассахъ меньше денегъ, имѣя возможность при помощи бумагъ покрывать самыя неожиданныя требованія.

„Не такъ обстоитъ дѣло съ французскими фондами. Акцій городской думы нельзя переводить; большое количество ихъ лежитъ безъ движенія въ качествѣ наследственныхъ имуществъ. Впрочемъ, я признаю, что между этими фондами и акціями Остъ-Индской компаніи есть большая разница.

„Что промышленная дѣятельность и народонаселеніе Испаніи со времени открытія Америки возрасли въ болѣе пропорціи, чѣмъ обыкновенно думаютъ, это очень любопытный фактъ. Не сомнѣваюсь, что Вы утверждаете это на основаніи хорошаго источника, но я ни у одного писателя не встрѣтилъ извѣстія объ этомъ.

„Не говоря о вредныхъ послѣдствіяхъ введенія бумажнаго кредита въ нашихъ колоніяхъ, которое было въ сущности обманомъ, надо прибавить, что оно привело также къ исчезновенію золота и серебра, мѣсто которыхъ заняла бумага. Въ общемъ, цѣль моего Опыта состоитъ въ томъ, чтобы разсѣять страхъ, овладѣвающій обществомъ каждый разъ, когда, на основаніи

фантастическихъ вычисленій, въ немъ возникаетъ мысль о грозящей ему будто-бы потерѣ его денежнаго капитала, тогда какъ невозможно доказать, чтобы количество населенія и промышленная дѣятельность въ это время уменьшились. Я хотѣлъ также показать, какъ нелѣпо думать, что существуетъ какое-нибудь иное средство для сохраненія денегъ, кромѣ заботы о народонаселеніи и промышленности, объ ихъ сохраненіи и увеличеніи.

„Запрещать вывозъ денегъ и ввозъ иностранныхъ продуктовъ—это ошибочная политика, и я радъ видѣть, что Вы согласны со мною. Прошу Васъ принять мой привѣтъ, и пр.“

О зависти въ торговлѣ.

Сдѣлавъ выше попытку доказать нелѣпость одного вида зависти, такъ сильно распространеннаго среди торговыхъ націй, мы считаемъ не лишнимъ коснуться и другого вида, который представляется намъ столь-же лишеннымъ основанія. Государства, сдѣлавшія нѣкоторые успѣхи въ торговлѣ, почти всегда смотрятъ съ безпокойствомъ на успѣхи своихъ сосѣдей, считаютъ всѣ торговыя государства своими соперниками и думаютъ, что ни одно изъ нихъ не можетъ достигнуть процвѣтанія иначе, какъ въ ущербъ имъ самимъ. Въ противоположность этому узкому и недоброжелательному мнѣнію, я рѣшаюсь утверждать, что увеличеніе богатствъ и торговли какой-нибудь одной націи не только не вредитъ, но обыкновенно способствуетъ развитію богатствъ и торговли всѣхъ его сосѣдей, и что государство почти никогда не можетъ довести свою торговлю и промышленность до высокой степени процвѣтанія, если всѣ окружающія государства погружены въ невѣжество, лѣнь и грубость.

Само собою ясно, что внутренней торговлѣ націи не можетъ повредить даже наибольшее благосостояніе сосѣдей, и такъ какъ въ обширномъ государствѣ эта отрасль торговли несомнѣнно — важнѣйшая, то мы имѣемъ тѣмъ менѣе основаній для зависти. Но я иду даль-

ше и утверждаю, что если между націями существуют свободныя сношенія, то внутренняя промышленность каждой изъ нихъ не можетъ не развиваться вслѣдствіе прогресса остальныхъ. Сравните современное положеніе Великобританіи съ ея положеніемъ за два вѣка назадъ. Всѣ приемы, какъ въ земледѣліи, такъ и въ фабричномъ производствѣ, были крайне примитивны и несовершенны. Всѣ улучшения, которыя мы ввели съ тѣхъ поръ, были результатомъ подражанія иностранцамъ, и съ этой точки зрѣнія мы должны считать особымъ счастіемъ ихъ предварительные успѣхи въ искусствахъ и изобрѣтеніяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, развитіе международныхъ сношеній чрезвычайно выгодно для насъ, потому что, несмотря на высокую степень развитія нашей промышленности, мы ежедневно, во всѣхъ искусствахъ, перенимаемъ изобрѣтенія и усовершенствованія, сдѣланныя нашими сосѣдями. Сначала изъ-заграницы ввозятся товары, и это возбуждаетъ въ насъ сильное неудовольствіе, потому что мы боимся, чтобы результатомъ ввоза не оказалась убыль денегъ въ странѣ; затѣмъ, къ нашей явной выгодѣ, ввозится и самое искусство. Между тѣмъ мы все еще безпрестанно жалуемся на то, что наши сосѣди владѣютъ всѣми искусствами, производствами и изобрѣтеніями, — забывая, что, если-бы они не передали намъ этихъ знаній, мы были-бы теперь варварами, и что если-бы они не продолжали обучать насъ, то искусства впали-бы въ состояніе вялости, лишенное соревнованія и новизны, которыя такъ много содѣйствуютъ ихъ преуспѣванію.

Развитіе туземной промышленности есть основа внѣшней торговли. Когда для внутренняго рынка производится большое количество товаровъ и они совершен-

ствуются, то всегда найдется излишекъ, который можно съ выгодой вывезти за границу. Но если наши сосѣди не имѣютъ ни искусствъ, ни культуры, то они ничего не могутъ покупать у насъ, потому что ничего не могутъ дать намъ взамѣнъ. Въ этомъ отношеніи государства находятся въ такомъ-же положеніи, какъ и отдѣльныя лица: одинъ человѣкъ не можетъ быть трудолюбивымъ, когда всѣ его сограждане живутъ праздно. Богатства различныхъ членовъ общества способствуютъ увеличенію моихъ богатствъ, какимъ-бы дѣломъ я ни занимался. Они потребляютъ продуктъ моего производства и взамѣнъ снабжаютъ меня продуктами своихъ производствъ.

Ни одно государство не должно бояться того, что его сосѣди настолько усовершенствуются во всѣхъ искусствахъ и мануфактурахъ, что ничего не станутъ покупать у него. Давъ каждому народу другой геній, другой климатъ и другую почву, природа обеспечила взаимныя сношенія и взаимную торговлю націй на всѣ времена, пока онѣ будутъ оставаться производительными и цивилизованными. Чѣмъ болѣе развиваются искусства въ какой-нибудь странѣ, тѣмъ болѣе спросъ предъявляетъ она къ своимъ сосѣдямъ. Ея обитатели, сдѣлавшись богатыми и искусными, хотятъ имѣть всѣ товары въ наиболѣе совершенномъ видѣ, и такъ какъ они могутъ предложить въ обмѣнъ большое количество продуктовъ, то вызываютъ огромный ввозъ изъ каждой сосѣдней страны. Это поощряетъ промышленность тѣхъ государствъ, откуда они ввозятъ, а ихъ собственная промышленность развивается благодаря сбыту продуктовъ, предлагаемыхъ ими въ обмѣнъ.

Но что происходитъ въ томъ случаѣ, когда нація обладаетъ какимъ-нибудь специальнымъ производствомъ,

какимъ является. на примѣръ, производство суконъ въ Англіи? Не повредитъ-ли намъ вмѣшательство сосѣдей въ эту отрасль промышленности? Я отвѣчу, что если какой-нибудь продуктъ считается спеціальностью страны, то послѣдняя, несомнѣнно, обладаетъ какими нибудь особенными естественными преимуществами для производства этого товара; и если она, несмотря на эти преимущества, теряетъ свою мануфактуру, то должна обвинять въ этомъ свою собственную лѣнь или недостатки своего государственнаго устройства, но не промышленность своихъ сосѣдей. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду, что развитіе промышленной дѣятельности въ сосѣднихъ странахъ усиливаетъ потребление каждаго отдѣльнаго вида товаровъ, и что, слѣдовательно, спросъ на спеціальный продуктъ можетъ постоянно держаться на томъ-же уровнѣ или даже усиливаться, несмотря на конкуренцію иностранной промышленности. Но если-бы онъ и уменьшился, слѣдуетъ-ли считать это событіе столь пагубнымъ? Если трудолюбіе сохранилось, его легко перенести изъ одной отрасли промышленности въ другую; на примѣръ, суконщики будутъ вырабатывать полотно, шелкъ, железо или какой-нибудь другой товаръ, на который будетъ существовать спросъ. Нечего опасаться, что всѣ отрасли человѣческой дѣятельности будутъ исчерпаны, и что нашимъ мануфактуристамъ, пока они останутся на одномъ уровнѣ съ мануфактуристами сосѣднихъ странъ, будетъ грозить опасность остаться безъ работы. Конкуренція между соперничающими націями служитъ скорѣе къ поддержкѣ ихъ промышленной дѣятельности. Для народа выгоднѣе производить различные продукты, чѣмъ имѣть одну большую мануфактуру, которая занимаетъ всѣ руки. Въ первомъ случаѣ

его положеніе менѣе шатко, и онъ менѣе страдаетъ отъ переворотовъ и случайностей, которымъ подвержена каждая отдѣльная отрасль торговли.

Единственное торговое государство, которое должно бояться успѣховъ и развитія промышленности своихъ сосѣдей, есть Голландія: владѣя ничтожной территоріей, не имѣя туземныхъ продуктовъ, голландцы обязаны своимъ благосостояніемъ исключительно тому, что сдѣлались маклерами, коммиссіонерами и перевозчиками другихъ націй. Подобная страна естественно должна опасаться, что въ ту минуту, когда сосѣднія государства сознаютъ свои интересы, они захотятъ сами взять въ руки управленіе своими дѣлами и лишатъ своихъ иностранныхъ маклеровъ тѣхъ выгодъ, которыя послѣдніе раньше извлекали изъ своей посреднической роли. Но хотя естественно можно опасаться этого послѣдствія, тѣмъ не менѣе пройдетъ еще не мало времени, прежде чѣмъ оно осуществится; при помощи искусства и трудолюбія его можно отсрочить на много поколѣній, если не совершенно предотвратить. Большіе капиталы и развитыя сношенія представляютъ такія крупныя выгоды, надъ которыми нелегко одержать верхъ, и такъ какъ развитіе промышленности въ сосѣднихъ странахъ усложняетъ всѣ торговыя операціи, то народъ, торговля котораго опирается на такія шаткія основанія, можетъ до времени извлекать огромныя выгоды изъ цвѣтущаго состоянія сосѣднихъ государствъ. Отдавъ въ залогъ всѣ свои доходы, голландцы теперь уже не играютъ въ европейской политикѣ той роли, которую играли раньше, но ихъ торговля удержалась на томъ же уровнѣ, на какомъ находилась въ половинѣ прошлаго вѣка, когда Голландія считалась одной изъ великихъ державъ Европы.

Чтобы наша узкая и дурная политика могла восторжествовать, мы должны были-бы свести всѣ сосѣднія націи къ тому-же состоянію лѣни и невѣжества, въ какомъ находятся Марокко и Берберскій берегъ. Какое-бы былъ-бы результатъ? Сосѣди не могли-бы болѣе снабжать насъ товарами и не могли-бы покупать у насъ. Наша внутренняя торговля зачахла-бы, благодаря отсутствію соревнованія, примѣровъ и обученія, и мы сами скоро впади-бы въ то-же жалкое состояніе, въ которое привели сосѣдей. Поэтому я рѣшаюсь думать, что поступаю не только какъ человекъ, но и какъ британскій подданный, когда желаю процвѣтанія торговлѣ Германіи, Испаніи, Италіи и даже самой Франціи. По крайней мѣрѣ я увѣренъ, что Великобританія, какъ и всѣ эти страны, находилась-бы въ болѣе цвѣтущемъ состояніи, если-бы ея государи и министры прониклись чувствами широкаго доброжелательства по отношенію къ другимъ народамъ.

О налогахъ.

Нѣкоторые мыслители твердо держатся того убѣжденія, что всякій новый налогъ создаетъ въ тѣхъ, кто имъ обложенъ, новую способность нести его, и всякое увеличеніе общественныхъ тягостей пропорціонально усиливаетъ промышленную дѣятельность народа. Эта теорія по своей природѣ легко можетъ быть обращена во зло и тѣмъ болѣе опасна, что нельзя безусловно отрицать ея правильности: напротивъ, надо признать, что, будучи заключена въ разумныя границы, она до извѣстной степени оправдывается и разумомъ, и опытомъ.

Когда обложены налогомъ предметы, потребляемые всѣмъ народомъ, то неизбежно происходитъ одно изъ двухъ: или бѣдные должны въ какомъ-нибудь отношеніи ограничить свои жизненныя потребности, или они должны потребовать увеличенія получаемой ими платы. такъ что все бремя налога ляжетъ исключительно на богатыхъ. Но установленіе налога можетъ привести и къ третьему результату, именно къ тому, что бѣдные усиливаютъ свое прилежаніе, исполняютъ большее количество работы и живутъ такъ-же хорошо, какъ и прежде, не требуя увеличенія платы. Когда налоги умѣренны, вводятся постепенно и не касаются первыхъ предметовъ необходимости, они естественно приводятъ къ этому третьему послѣдствію: и несомнѣнно, что подобныя затрудненія часто содѣйствуютъ подъему промышленной дѣятельности націи и дѣлаютъ послѣднюю богаче и трудо-

любивѣе другихъ народовъ, хотя-бы она находилась въ менѣе выгодныхъ условіяхъ. Какъ на аналогичный примѣръ, можно указать на то, что націи, обладавшія наиболѣе развитой торговлей, далеко не всегда занимали наибольшія пространства плодородной земли, а, напротивъ, принуждены были бороться со многочисленными естественными затрудненіями Тиръ, Аѳины, Карфагенъ, Родосъ, Генуя, Венеція. Голландія представляютъ въ этомъ отношеніи разительные примѣры. Во всей исторіи можно найти только три случая, когда обширныя и плодородныя государства владѣли значительной торговлей: Нидерланды, Англія и Франція. Первые два обязаны этимъ, повидимому, своему выгодному приморскому положенію и необходимости, въ какую они были поставлены, посѣщать иностранные порты для закупки тѣхъ продуктовъ, въ которыхъ отказывалъ имъ ихъ собственный климатъ. Что касается Франціи, то въ ней торговля развилась поздно и была, повидимому, слѣдствіемъ размышленій и наблюденій этого способнаго и предприимчиваго народа, который замѣчалъ, какъ обогащаются его сосѣди благодаря мореплаванію и торговлѣ.

Во времена Цицерона, по его собственнымъ словамъ, наиболѣе развитой торговлей обладали Александрія, Колхида, Тиръ, Сидонъ, Андросъ, Кипръ, Памфилія, Ликія, Родосъ, Хиосъ, Византія, Лесбосъ, Смирна, Милеть и Коосъ. Всѣ эти государства, за исключеніемъ Александріи, были или небольшими островами, или ничтожными территоріями; Александрія была обязана своей торговлей счастливому географическому положенію.

Итакъ, если нѣкоторыя естественныя неудобства и затрудненія слѣдуетъ признать благопріятными для человѣческой дѣятельности, то почему-же и искусствен-

нымъ тягостямъ не имѣтъ тѣхъ-же послѣдствій? Въ самомъ дѣлѣ, сэръ Уильямъ Темплъ приписываетъ трудолюбіе голландцевъ исключительно необходимости, вытекавшей изъ неудобства ихъ естественнаго положенія: свое мнѣніе онъ подтверждаетъ мѣткимъ сравненіемъ Голландіи съ Ирландіей: „Въ Ирландіи“, говоритъ онъ, „первые предметы необходимости, вслѣдствіе обширности страны, плодородія почвы и малочисленности населенія, настолько дешевы, что трудолюбивый человѣкъ можетъ двухдневной работой обезпечить себѣ пропитаніе на всѣ остальные дни недѣли, и это обстоятельство я считаю истинной причиной лѣни, въ которой упрекаютъ этотъ народъ. Люди естественно предпочитаютъ покой труду и не любятъ мучить себя работой, когда могутъ жить праздно. Но разъ будучи приучены къ труду нуждою, они уже не могутъ отказаться отъ него, потому что привычка обращаетъ его въ необходимое условіе ихъ здоровья и даже пріятнаго время-препровожденія. Переходъ отъ постояннаго труда къ покою едва-ли менѣе тяжелъ, чѣмъ переходъ отъ постояннаго покоя къ труду“. Далѣе авторъ, въ подтвержденіе своей мысли, перечисляетъ упомянутыя выше древнія и современные государства, въ которыхъ наиболѣе процвѣтала торговля и которыя бóльшею частью владѣли столь незначительными территоріями, что трудолюбіе должно было обратиться у ихъ жителей въ необходимость:

Лучшіе налоги тѣ, которые налагаются на предметы потребленія и преимущественно на предметы роскоши, потому что эти налоги наименѣе чувствительны для населенія. Они кажутся до извѣстной степени добровольными, потому что каждый можетъ пользоваться обложеннымъ товаромъ въ такихъ размѣрахъ, какъ ему угодно; они уплачиваются постепенно и незамѣтно; если

они распределены разумно, то ихъ естественнымъ послѣдствіемъ бываетъ умѣренность и бережливость, и такъ какъ они сливаются съ обычной цѣной товара, то потребитель почти не замѣчаетъ ихъ. Ихъ единственное неудобство состоитъ въ томъ, что ихъ сборъ обходится дорого.

Поземельные налоги взимаются безъ расходовъ, но зато они сопряжены со всѣми остальными неудобствами. Между тѣмъ большая часть государствъ принуждена прибѣгать къ нимъ въ виду недостаточности другихъ налоговъ.

Но изъ всѣхъ налоговъ наиболее вредны тѣ, которые произвольны. Способъ ихъ примѣненія обращаетъ ихъ обыкновенно въ наказаніе за трудолюбіе, а неизбежная неравномѣрность ихъ раскладки дѣлаетъ ихъ еще болѣе тяжелыми, чѣмъ каковы они въ дѣйствительности. Поэтому надо удивляться, какъ могутъ вводить ихъ у себя цивилизованные народы.

Вообще всѣ поголовныя подати—даже когда онѣ не произвольны, какъ случается большею частію—слѣдуетъ считать опасными, потому что государь легко можетъ прибавлять къ испрошенной суммѣ еще и еще немного, такъ что въ концѣ-концовъ эти налоги могутъ сдѣлаться насильственными и невыносимыми. Напротивъ, налоги на предметы потребленія умѣряются сами собою; государь скоро замѣтитъ, что повышение налога не увеличиваетъ его доходовъ. Поэтому при помощи подобныхъ налоговъ трудно разорить народъ.

Историки сообщаютъ, что одной изъ главныхъ причинъ паденія римской имперіи была финансовая реформа, произведенная Константиномъ, который, вмѣсто десятины, таможенныхъ и акцизныхъ сборовъ, составлявшихъ до тѣхъ поръ доходъ имперіи, ввелъ общую по-

головную подать. Сборщики податей до такой степени угнетали и терзали народъ во всѣхъ провинціяхъ, что онъ съ радостью бросался въ объятія завоевателей-варваровъ, которые имѣли меньше потребностей и не знали роскоши, и господство которыхъ онъ, поэтому, предпочиталъ утонченной тиранніи римлянъ.

Нѣкоторые политическіе писатели утверждали, что всѣ налоги падаютъ въ концѣ-концовъ на землю, и что вслѣдствіе этого ихъ съ самаго начала слѣдовало-бы возложить на нее. Отмѣнивъ всѣ налоги на предметы потребленія. Но невозможно согласиться съ тѣмъ, что всѣ налоги въ концѣ-концовъ падаютъ на землю. Если налогъ падаетъ на предметъ, потребляемый ремесленникомъ, то послѣдній имѣетъ два вѣрныхъ способа уплатить его: онъ можетъ или сократить свои расходы, или увеличить свой трудъ. Оба эти средства легче и естественнѣе, нежели требованіе увеличенія платы. Въ бѣдственные годы ткачъ или меньше расходуетъ, или больше работаетъ, или пользуется обоими этими средствами, т. е. и берсжливостью, и прилежаніемъ, чтобы протянуть до конца года. Справедливость требуетъ, чтобы онъ подчинялся тѣмъ-же лишеніямъ—если они заслуживаютъ этого имени—и для блага государства, которое защищаетъ его. Какимъ способомъ можетъ онъ повысить цѣну своего труда? Мануфактуристъ, на котораго онъ работаетъ, не дастъ, да и не можетъ дать ему больше, потому-что купецъ, который вывозитъ сукно за границу, не можетъ поднять цѣны, будучи связанъ цѣною, установившейся на иностранныхъ рынкахъ. Какъ дѣйствительный человѣкъ, разумѣется, старается сбросить съ себя бремя подати, которою онъ обложенъ, и возложить его на другихъ; но такъ какъ всѣ одинаково стремятся къ этому и держатся на-сторожѣ, то надо предположить

что въ этой борьбѣ ни одинъ классъ не одержитъ полной побѣды надъ остальными. И я не могу понять, почему землевладѣлецъ сдѣлается жертвой всѣхъ, — почему и онъ не сѣумѣетъ защитить себя подобно остальнымъ. Правда, всѣ купцы охотно бросились-бы на него и подѣлили-бы его между собою, если-бы имѣли возможность; но они всегда готовы это сдѣлать, даже тогда, когда нѣтъ никакого налога; и тѣ-же самыя средства, при помощи которыхъ онъ до обложенія защищается противъ насилія со стороны купцовъ, будутъ служить ему и позже и помогутъ ему возложить бремя налога на нихъ. Налоги должны быть, дѣйствительно, очень тяжелы и раскладка ихъ крайне несправедлива, чтобы мастеровой не сѣумѣлъ перенести ихъ собственными силами, при помощи увеличенія своей бережливости и трудолюбія и безъ увеличенія заработной платы.

Прежде, чѣмъ кончить этотъ очеркъ, я хочу еще замѣтить, что налоги представляютъ хорошій примѣръ того, что такъ часто случается съ политическими учрежденіями: послѣдствія оказываются діаметрально противоположными тому, чего можно ожидать на первый взглядъ. Одна изъ основныхъ чертъ государственнаго устройства Турціи состоитъ въ томъ, что султанъ не властенъ наложить новую подать, хотя онъ и господствуетъ неограниченно надъ жизнью и имуществомъ подданныхъ; и каждый оттоманскій государь, который сдѣлалъ подобную попытку, или былъ принужденъ отступить, или испыталъ роковыя послѣдствія своего упорства. Можно было-бы думать, что этотъ предразсудокъ или установившійся взглядъ является самымъ прочнымъ оплотомъ противъ притѣсненія, какой только можно себѣ представить; между тѣмъ несомнѣнно, что результатъ оказывается совершенно противоположнымъ. Будучи ли-

шенъ законнаго средства къ увеличенію своего дохода, султанъ принужденъ допускать со стороны своихъ пашей и правителей всякаго рода злоупотребленія и насилія надъ подданными; потомъ, когда они возвращаются изъ провинцій, онъ отнимаетъ у нихъ награбленное. Между тѣмъ если-бы онъ, подобно европейскимъ государямъ, могъ налагать новыя подати, — его интересы были-бы настолько связаны съ интересами народа, что онъ тотчасъ-же замѣтилъ-бы вредныя послѣдствія этихъ беспорядочныхъ поборовъ и понялъ-бы, что фунтъ, взятый въ силу общаго обложенія, причиняетъ меньше зла, чѣмъ шиллингъ, отнятый такимъ неравномѣрнымъ и произвольнымъ способомъ.

Изъ переписки Юма съ Тюрго по вопросу о налогахъ
(1766—1767 гг.).

Изъ письма Юма.

„.... Хотя чтение моего письма, вѣроятно, уже утомило васъ, я не могу устоять противъ желанія сказать нѣсколько словъ о томъ политическомъ вопросѣ, который такъ часто бывалъ предметомъ нашихъ бесѣдъ: что слѣдуетъ-ли облагать налогомъ — поземельную собственность или предметы потребленія? Вы признаете, что, такъ какъ государственные доходы употребляются на защиту *всей* націи, то справедливость требуетъ, чтобы они взимались со всѣхъ; но, по вашимъ словамъ, это неисполнимо: въ концѣ-концовъ всѣ налоги ложатся на землю, поэтому лучше возложить ихъ на нее непосредственно. Вы предполагаете, очевидно, что рабочій будетъ постоянно возвышать плату за свой трудъ въ соответствии съ налогами; но это противорѣчитъ опыту. Въ Невшательскомъ кантонѣ и другихъ областяхъ Швейцаріи, гдѣ не существуетъ никакихъ налоговъ, заработная плата выше, чѣмъ въ сосѣднихъ провинціяхъ Франціи, гдѣ ихъ много. Въ англійскихъ колоніяхъ почти нѣтъ налоговъ, между тѣмъ заработная плата тамъ въ три раза больше той, которую вы встрѣтите въ любомъ европейскомъ государствѣ. Въ Голландіи существуютъ чрезвычайно высокіе налоги на предметы потребленія, а республика не обладаетъ такими землями, на которыя могли-бы ложиться эти налоги.

„Заработная плата всегда будет зависеть отъ размѣровъ предложенія труда и размѣровъ спроса на него, а не отъ величины налоговъ. Мануфактуристы, выдѣлывающіе матеріи для вывоза, не могутъ повысить заработной платы, потому что это настолько подняло-бы цѣну матеріи, что послѣднія не нашли бы сбыта на иностранныхъ рынкахъ; а мануфактуристы, выдѣлывающіе ткани для внутренняго потребленія, не могутъ повысить цѣны, потому что на одинъ и тотъ же родъ труда не можетъ быть двухъ цѣнъ. Это относится ко всѣмъ товарамъ, часть которыхъ вывозится за границу т.-е. почти ко всѣмъ. Если-бы даже существовали такіе товары, которыхъ совсѣмъ не вывозили-бы, то плата за трудъ, нужный для ихъ выдѣлки, не могла-бы увеличиваться, потому что повышение цѣны привлекло-бы къ данному производству столько рукъ, что цѣна тотчасъ должна была-бы упасть. Мнѣ кажется, что налогъ на предметы потребленія неизбѣжно ведетъ къ тому, что рабочій или меньше тратитъ, или больше работаетъ. Нѣтъ рабочаго, у котораго не хватило-бы настолько трудолюбія, чтобы прибавить нѣсколько лишнихъ часовъ къ своей недѣльной работѣ, и нѣтъ человека, который былъ-бы такъ бѣденъ, что не могъ-бы въ какомъ-нибудь отношеніи уменьшить свои расходы. Какое послѣдствіе имѣетъ вздорожаніе хлѣба? Не то-ли, что бѣдные хуже живутъ и больше работаютъ? Такое-же дѣйствіе производитъ и налогъ.

„Прошу васъ также замѣтить, что, кромѣ землевладельцевъ и бѣдныхъ рабочихъ, въ каждой культурной странѣ существуетъ очень значительный и богатый классъ людей, вкладывающихъ свои капиталы въ торговлю, дающихъ работу бѣднѣйшему классу и получающихъ, благодаря этому, крупный доходъ. Я убѣжденъ,

что во Франціи и Англіи эти доходы далеко превышают доходы съ земли, потому что, помимо купцовъ въ точномъ смыслѣ, я причисляю къ этому классу и всѣхъ лавочниковъ и крупныхъ негоціантовъ всякаго рода. Справедливость требуетъ, чтобы они платили на содержаніе государства, а этого можно достигнуть только путемъ обложенія предметовъ потребленія. Мысль, что эта категорія плательщиковъ принуждена сваливать свои налоги на землевладѣльцевъ, кажется мнѣ лишенной всякаго основанія, потому что ихъ барыши и доходы несомнѣнно способны перенести извѣстный вычетъ“.

Отвѣтъ Тюрго.

„.... Я очень хотѣлъ-бы войти въ нѣкоторыя подробности по вопросу о налогахъ; но для того, чтобы отвѣтить на ваши возраженія, пришлось-бы написать цѣлую книгу. Изложу вамъ только принципъ, изъ котораго я исхожу и который считаю неоспоримымъ. Единственный доходъ, какой можетъ получать государство, состоитъ въ суммѣ годовыхъ продуктовъ земли. Вся совокупность продуктовъ дѣлится на двѣ части; одна предназначена на покрытіе расходовъ по производству слѣдующаго года и содержитъ въ себѣ не только тѣ продукты, которые земледѣлецъ потребляетъ въ натурѣ, но и тѣ, которыми онъ оплачиваетъ трудъ всякаго рода нужныхъ ему работниковъ: кузнецовъ, каретниковъ, шорниковъ, ткачей, портныхъ и проч., а также и его прибыль, и проценты на затраченный имъ капиталъ. Другую часть составляетъ *чистый продуктъ* который фермеръ уплачиваетъ помѣщику, когда земледѣлецъ и собственникъ земли — два различныхъ лица, что не всегда бываетъ; *чистымъ продуктомъ* собствен-

никъ пользуется для оплаты труда тѣхъ людей, которые работаютъ на него. Въ виду этихъ обстоятельствъ всякій налогъ, не падающій прямо на собственника, ложится или на тѣхъ рабочихъ, которые получаютъ вознагражденіе изъ чистаго продукта, или на тѣхъ, трудъ которыхъ оплачивается изъ доли фермера. Если заработная плата, благодаря конкуренціи, достигла своего законнаго уровня, — она должна подняться, и такъ какъ она можетъ подняться только на счетъ тѣхъ, кто ее платитъ, то одна часть ляжетъ на собственника за тотъ трудъ, который онъ оплачиваетъ изъ своего чистаго продукта, другая увеличитъ расходы фермера и принудитъ его меньше платить собственнику. Слѣдовательно, во всѣхъ случаяхъ налогъ падаетъ на собственника.

„Вы говорите, что я считаю налоги причиною повышения заработной платы и что опытъ доказываетъ ложность этого взгляда; и вы справедливо указываете на то, что заработная плата опредѣляется не величиной налоговъ, а исключительно отношеніемъ предложенія къ спросу.

„Безъ сомнѣнія, этотъ принципъ неопровержимъ: онъ одинъ способенъ непосредственно установить стоимость всякой вещи, имѣющей цѣнность въ торговлѣ. Но слѣдуетъ различать двѣ цѣны: рыночную или текущую цѣну, которая опредѣляется отношеніемъ предложенія къ спросу, и основную, которая для товара равна тому, во что онъ обошелся рабочему. Для труда рабочаго основная цѣна равна стоимости его существованія. Каждый налогъ, падающій на рабочаго, неизбѣжно увеличиваетъ стоимость его существованія, потому что къ его прежнимъ расходамъ присоединяется новый — на уплату налога. Итакъ, основная цѣна труда повышается. Между тѣмъ, основная цѣна, хотя и не опредѣляетъ прямо рыночной стоимости труда, является все-таки

тѣмъ минимумомъ, ниже котораго послѣдняя не можетъ упасть. Если купецъ терпитъ убытокъ на товарѣ, онъ перестаетъ продавать или фабриковать; если рабочій не можетъ жить со своего заработка, онъ становится нищимъ или эмигрируетъ. И это не все: рабочій долженъ получать извѣстную прибыль, которая давала бы ему возможность переносить болѣзни и бѣдствія и воспитывать дѣтей. Въ странѣ, гдѣ торговля и промышленность свободны и оживленны, конкуренція сводитъ эту прибыль до самаго низкаго размѣра, какой возможенъ. Устанавливается извѣстнаго рода равновѣсіе между цѣнностью всѣхъ земледѣльческихъ продуктовъ, потребленіемъ различныхъ припасовъ, различными видами труда, количествомъ людей, занятыхъ въ каждой отрасли производства, и ихъ заработной платой.

„Только благодаря этому равновѣсію и благодаря вліянію, которое имѣютъ другъ на друга всѣ части общества, всѣ отрасли промышленности и торговли, заработная плата приобретаетъ прочность и можетъ оставаться постоянно на одномъ опредѣленномъ уровнѣ. Поэтому, какъ только мы увеличимъ одну изъ тяжестей, во всей машинѣ неизбежно должно произойти движеніе, направленное къ возстановленію прежняго равновѣсія. Отношеніе рыночной цѣны труда къ его основной стоимости опредѣляется законами этого равновѣсія и комбинаціей всѣхъ условій, въ которыхъ находятся всѣ части общества.

„Когда вы увеличите основную стоимость, то тѣ обстоятельства, которыя раньше опредѣлили отношеніе рыночной стоимости къ основной, поднимутъ рыночную цѣну настолько, что прежнее отношеніе возстановится. Я хорошо знаю, что этотъ результатъ не произойдетъ

внезапно и что во всякой сложной машинѣ существуетъ треніе, которое замедляетъ наступленіе дѣйствія, какъ-бы точно неизбѣжность послѣдняго ни была доказана теоріей. Даже уровень совершенно однородной жидкости возстановляется только съ теченіемъ времени, но онъ всегда возстановляется съ теченіемъ времени. То-же самое происходитъ и съ равновѣсіемъ цѣнностей, о которомъ идетъ рѣчь. Рабочій, какъ вы говорите, умудряется или больше работать, или меньше потреблять. Безъ сомнѣнія, ни одинъ человѣкъ не работаетъ столько, сколько могъ-бы работать. Но и неестественно было-бы, если-бы люди работали столько, сколько могли-бы, какъ неестественно, чтобы струна была натянута такъ туго, какъ она могла-бы быть натянута. Во всякой машинѣ непременно должна существовать извѣстная степень ослабленія, иначе она ежеминутно рисковала-бы лопнуть. Для труда эта степень ослабленія установлена тысячью причинъ, которыхъ налогъ не устраняетъ; слѣдовательно, если первое усиліе и увеличить напряженіе, то послѣ короткаго промежутка возстановится естественный порядокъ вещей.

„То, что я сказалъ объ увеличеніи количества труда, касается и сокращенія размѣровъ потребленія. Человѣкъ имѣетъ всегда однѣ и тѣ-же потребности. Тотъ излишекъ, которымъ человѣкъ, при величайшей бережливости, можетъ ограничиться, все-таки составляетъ необходимый элементъ обычнаго существованія рабочаго и его семьи. У Мольера скупой говоритъ, что тамъ, гдѣ могутъ пообѣдать пять человѣкъ, хватитъ и для шестого; но сдѣлайте еще шагъ въ этомъ направленіи, и вы тотчасъ впадете въ нелѣзность. Прибавлю, что уменьшеніе потребленія имѣетъ для собственника еще другое вредное послѣдствіе: понижая цѣну съѣстныхъ

припасовъ и земледѣльческихъ продуктовъ, оно уменьшаетъ его доходы.

„Я не останавливаюсь подробно на вашемъ возраженіи по поводу внѣшней торговли, которой я не придаю большого значенія въ жизни народа, развѣ только въ томъ отношеніи, что она способствуетъ увеличенію поземельнаго дохода и что, во всякомъ случаѣ, каждый налогъ на нее ведетъ къ ея сокращенію. Но у меня мало времени, и я принужденъ кончить, хотя могъ-бы еще многое сказать о неудобствахъ налога на потребителей, сборъ котораго представляетъ непрерывный рядъ покушеній на свободу гражданъ: ихъ обыскиваютъ въ таможенныхъ, въ ихъ дома вторгаются для полученія пошлинъ и акциза, не говоря уже объ ужасахъ контрабанды и о человѣческихъ жизняхъ, приносимыхъ въ жертву денежному интересу казны: прекрасная проповѣдь, которую законодательство читаетъ разбойникамъ большой дороги“.

О государственномъ кредитѣ.

Въ древности, повидимому, всѣ народы имѣли обыкновеніе въ мирное время запасаться всѣмъ, что необходимо для войны, и заблаговременно накоплять богатства, нужныя для завоеваній или обороны, не разчитывая на чрезвычайные налоги, а еще менѣе на займы въ эпохи смуть и неурядиць. Не говоря уже о несмѣтныхъ богатствахъ, собранныхъ аѳинянами, Птоломеями и другими преемниками Александра, большія сокровища накопили также, по словамъ Платона, бережливые лакедемоняне, а Арріанъ и Плутархъ упоминаютъ о богатствахъ, которыми завладѣлъ Александръ при завоеваніи Сузь и Экбатаны и которыя частью сохранились еще со временъ Кира. Если не ошибаюсь, Св. Писаніе также упоминаетъ о сокровищахъ Езекии и другихъ еврейскихъ государей, какъ свѣтская исторія передаетъ о богатствѣ македонскихъ царей Филиппа и Персея. Древнія галльскія республики обыкновенно имѣли въ запасѣ большія суммы. Всякій знаетъ, какими богатствами овладѣлъ въ Римѣ Юлій Цезарь во время гражданскихъ войнъ, и позже мы видимъ, что наиболее мудрые изъ императоровъ — Августъ, Тиберій, Веспасіанъ, Северъ и др.—всегда съ благоразумной предусмотрительностью дѣлали значительныя сбереженія на случай какихъ-нибудь государственныхъ нуждъ.

Напротивъ, у насъ, въ новѣйшее время, сдѣлалось почти всеобщимъ обыкновеніемъ закладывать государ-

ственные доходы и предоставлять потомкамъ уплачивать долги, сдѣланные ихъ предками; это потомство, имѣя передъ глазами такой хорошій примѣръ своихъ мудрыхъ родителей, возлагаетъ такое-же благоразумное упованіе на свое собственное потомство. а послѣднее, въ свою очередь, скорѣе по необходимости, чѣмъ по свободному выбору принуждено возложить ту-же надежду на слѣдующее поколѣніе. Впрочемъ, нѣтъ надобности тратить время на порицаніе обычая, вредъ котораго стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія; достаточно ясно, кажется, что древніе порядки были въ этомъ отношеніи гораздо мудрѣе современныхъ, хотя-бы послѣдніе были заключены въ разумныя границы и всегда, при всякихъ обстоятельствахъ, сопровождались такой бережливостью въ мирное время, которая давала-бы возможность уплачивать долги, вызванные разорительною войною. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ государство настолько разнится отъ индивидуума, чтобы для того и другого приходилось устанавливать различныя правила поведенія? Если государство располагаетъ болѣе крупными суммами, то и его необходимые расходы пропорціонально значительные; если его доходы больше, — они все-таки не безграничны, и такъ какъ организація государства рассчитана на болѣе продолжительный срокъ, чѣмъ сколько способенъ просуществовать отдѣльный человѣкъ или даже цѣлая фамилія, то оно должно руководиться широкой и дальновидной политикой, соотвѣтствующей предполагаемой продолжительности его существованія. Правда, роковое стеченіе обстоятельствъ часто заставляетъ человѣка рассчитывать на случайныя или временныя средства; но тотъ, кто добровольно полагается на подобные источники, долженъ обвинять въ несчастіяхъ, которыя могутъ его постигнуть, не судьбу, а свое собственное безразсудство.

Если чрезмѣрное накопленіе богатствъ опасно въ томъ отношеніи, что оно можетъ толкнуть государство на необдуманная предпріятія или заставить его, въ надеждѣ на свое богатство, пренебречь военной дисциплиной, то система заклада государственныхъ доходовъ есть зло болѣе положительное и неизбѣжное: она ведетъ къ обнищанію государства, его ослабленію и подчиненію чужеземной власти.

При современныхъ политическихъ порядкахъ война влечетъ за собою всякаго рода гибельныя послѣдствія: потерю людей, увеличеніе налоговъ, упадокъ торговли, огромныя денежныя траты, грабежи и опустошенія на сушѣ и на морѣ. При условіяхъ древней политики открытіе общественной казны, производя необычайный приливъ золота и серебра, вызывало временное оживленіе промышленной дѣятельности, что до извѣстной степени вознаграждало страну за неизбѣжныя бѣдствія войны.

Для всякаго министра чрезвычайно соблазнительно пользоваться такимъ средствомъ, благодаря которому онъ можетъ играть видную роль въ періодъ своего правленія, не отягощая народъ податями и не возбуждая ропота лично противъ себя. Поэтому каждое правительство должно почти неизбѣжно злоупотреблять системой долговъ. Открыть расточительному сыну кредитъ во всѣхъ банкахъ Лондона было-бы не болѣе безразсудно, чѣмъ предоставить государственному человѣку право выдавать векселя на потомство.

Итакъ, что-же намъ сказать о новомъ парадоксѣ, по которому государственные долги полезны сами по себѣ, независимо отъ вызывающей ихъ необходимости, и по которому у государства, даже если внѣшній врагъ не принуждаетъ его къ этому, нѣтъ лучшаго средства содѣйствовать росту торговли и богатствъ, какъ не-

ограниченное пользование системой фондовъ долговъ и налоговъ? Подобныя разсужденія легко можно было-бы принять за плоды ораторскаго остроумія, подобно восхваленію сумасшествія и лихорадки, Бузириса и Нерона, если-бы мы не видѣли, что эту нелѣпую теорію защищаютъ великіе министры и даже цѣлая партія въ нашемъ отечествѣ.

Разсмотримъ вліяніе государственныхъ долговъ—въ нашей внутренней политикѣ—на торговлю и промышленность, въ нашихъ отношеніяхъ къ иностранцамъ—на войны и переговоры.

Государственныя цѣнности сдѣлались у насъ какъ-бы однимъ изъ сортовъ монеты и такъ-же легко переходятъ изъ рукъ въ руки по текущему курсу, какъ золото или серебро. Какъ только представляется случай устроить выгодное предпріятіе, то, какихъ-бы большихъ суммъ оно ни требовало, въ охотникахъ никогда не бываетъ недостатка; и купецъ, помѣстившій свой капиталъ въ государственныя бумаги, можетъ безъ опасеній предпринять самое обширное дѣло, потому что фонды, которыми онъ владѣетъ, даютъ ему возможность немедленно выполнять самыя неожиданныя требованія. Ни одинъ купецъ не считаетъ нужнымъ держать при себѣ большія суммы. Акціи банка или остъ-индской компаніи, особенно послѣднія, исполняютъ ту-же роль, потому что онъ можетъ воспользоваться ими непосредственно или въ четверть часа заложить у любого банкира; и въ то-же время онѣ не лежатъ безъ пользы даже тогда, когда хранятся въ его столѣ, потому что приносятъ ему опредѣленный процентъ. Однимъ словомъ, наши національные долги доставляютъ купцамъ родъ денегъ, которыя безпрестанно умножаются въ ихъ рукахъ и сверхъ торговаго барыша приносятъ имъ еще извѣстный доходъ. Это

позволяетъ имъ торговать съ меньшей прибылью, а пониженіе торговой прибыли удешевляетъ товары, расширяетъ потребленіе, оживляетъ трудъ простого народа и содѣйствуетъ распространенію искусствъ и промышленности по всему государству.

Далѣе, можно замѣтить, что въ Англии и во всѣхъ странахъ, имѣющихъ какъ торговлю, такъ и государственные долги, существуетъ цѣлый классъ людей, полукупцовъ и полу-рантье, которые вѣроятно готовы довольствоваться малымъ барышемъ въ торговлѣ, потому что ихъ доходы съ государственныхъ бумагъ вполне обеспечиваютъ какъ ихъ самихъ, такъ и ихъ семейства, и, слѣдовательно, торговля не составляетъ ихъ главной или единственной поддержки. Если-бы не существовало фондовъ, то у крупныхъ коммерсантовъ не было бы другого средства реализовать или примѣнить часть своей прибыли, кромѣ покупки земли; между тѣмъ земля представляетъ большія неудобства сравнительно съ фондами. Требуя бóльшаго ухода и надзора, она отнимаетъ время у купца и отвлекаетъ его вниманіе; въ случаѣ какого-нибудь соблазнительнаго предложенія или экстраординарнаго происшествія въ торговлѣ, ее не такъ легко обратить въ деньги, и такъ какъ она чрезвычайно привлекаетъ къ себѣ тѣми естественными удовольствіями и тѣмъ вліаніемъ, которыя она доставляетъ, то она въ короткое время обращаетъ городского жителя въ помѣщика. Слѣдовательно, тамъ, гдѣ существуютъ государственные долги, торговлею должно заниматься, очевидно, бóльшее число лицъ, владѣющихъ крупными капиталами и доходами, а это обстоятельство слѣдуетъ признать весьма полезнымъ для торговли, потому что оно понижаетъ торговую прибыль, усиливаетъ обращеніе и содѣйствуетъ развитію промышленной дѣятельности.

Но если мы этимъ двумъ выгодамъ, можетъ быть не очень значительнымъ, противопоставимъ тотъ многообразный вредъ, который вытекаетъ изъ существованія государственныхъ долговъ для всей *внутренней* экономіи страны, то мы увидимъ, что между ихъ хорошими и дурными послѣдствіями не можетъ быть никакого сравненія.

Во-первыхъ. Несомнѣнно, что національные долги обусловливаютъ значительное скопленіе людей и богатствъ въ столицѣ, въ виду тѣхъ крупныхъ суммъ, которыя взимаются съ провинцій для уплаты процентовъ, а можетъ быть также вслѣдствіе перечисленныхъ выше торговыхъ преимуществъ, которыя эти долги даютъ столичнымъ купцамъ надъ провинціальными. Вопросъ въ томъ, — если взять Англію — въ интересахъ-ли государства допускать такое большое развитіе льготъ и привилегій Лондона, который уже достигъ до колоссальныхъ размѣровъ и повидимому еще непрерывно растетъ? Многіе страшатся послѣдствій этого явленія. Что касается меня, то въ виду необыкновенно счастливаго положенія этого города, я долженъ признать его исключительный ростъ, сдѣлавшій изъ него, правда, слишкомъ большую голову для такого тѣла, менѣе опаснымъ и вреднымъ, чѣмъ существованіе хотя-бы меньшаго города въ другомъ, хотя-бы и болѣе обширномъ государствѣ. Между цѣнами на съѣстные припасы въ Парижѣ и Лангедокѣ бóльшая разница, чѣмъ между тѣми-же цѣнами въ Лондонѣ и Йоркширѣ. Правда, огромные размѣры Лондона, при режимѣ, не допускающемъ произвола со стороны властей, развиваютъ въ населеніи своеволіе, непокорность, склонность къ бунтамъ, иногда даже къ мятежамъ. Но, съ другой стороны, въ тѣхъ-же національныхъ долгахъ заключается и лѣ-

карство противъ этого зла. Первый явный взрывъ или даже только близость общественной смуты вызываетъ сильную тревогу среди рантье, потому что ихъ имущество наименѣе обезпечено отъ случайностей, и заставляетъ ихъ спѣшить на помощь правительству, которому грозитъ опасность со стороны неистовства якобинцевъ или безумія демократовъ.

Во-вторыхъ. Государственные фонды, будучи однимъ изъ видовъ бумажнаго кредита, влекутъ за собою весь вредъ, связанный съ послѣднимъ. Они изгоняютъ золото и серебро изъ самыхъ крупныхъ отраслей торговли въ государствѣ, ограничиваютъ ихъ роль только обычнымъ обращеніемъ, и такимъ образомъ ведутъ къ ненормальному повышенію цѣнъ на всѣ припасы и трудъ.

Въ-третьихъ. Налоги, которые взимаются для уплаты процентовъ за эти долги, или способствуютъ повышенію цѣны труда, или изнуряютъ бѣднѣйшіе классы.

Въ-четвертыхъ. Такъ какъ иностранцы владѣютъ значительной частью нашихъ національныхъ фондовъ, то они дѣлаютъ государство, до известной степени, своимъ данникомъ, что съ теченіемъ времени можетъ вызвать отливъ населенія и промышленной дѣятельности изъ нашей страны.

Въ-пятыхъ. Большая часть государственныхъ бумагъ находится всегда въ рукахъ людей праздныхъ, которые живутъ своими доходами; съ этой точки зрѣнія наши фонды поощряютъ бозполезный и непродуцительный образъ жизни.

Между тѣмъ, хотя вредъ, причиняемый нашими государственными долгами торговлѣ и промышленности, оказывается въ итогѣ далеко не маловажнымъ, — онъ ничтоженъ въ сравненіи съ тѣмъ ущербомъ, который они причиняютъ государству, какъ политическому тѣлу,

которое должно собственными силами поддерживать себя въ обществѣ народовъ и вступать въ разнообразныя военныя и мирныя сдѣлки съ другими государствами. Въ этомъ отношеніи зло системы государственныхъ долговъ цѣльно и безусловно; оно не вознаграждается ни однимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ и по своей природѣ важнѣе и значительнѣе всякаго другого зла.

Правда, насъ хотятъ убѣдить въ томъ, что долги не ослабляютъ государства, потому что они большею частью лежатъ на насъ самихъ и, слѣдовательно, столько же даютъ однимъ, сколько отнимаютъ у другихъ, все равно, какъ, переложивъ деньги изъ правой руки въ лѣвую, человекъ не становится отъ этого ни богаче, ни бѣднѣе, чѣмъ былъ прежде. Такіе слабые доводы и поверхностныя сравненія убѣдительно лишь до тѣхъ поръ, пока мы не основываемъ своего разсужденія на принципахъ. Я спрашиваю: даетъ-ли природа вещей возможность обременять народъ налогами, хотя-бы верховная власть находилась въ его рукахъ? Самое сомнѣніе кажется нелѣпымъ, потому что въ каждомъ обществѣ необходимо соблюдать извѣстную пропорцію между праздною и рабочей частью населенія. Но если всѣ наши сборы заложены, не должны-ли мы изобресть новыхъ? И не можетъ-ли эта система принять такіе размѣры, которые грозятъ гибелью и разореніемъ?

Въ каждой странѣ всегда существуютъ извѣстные способы взиманія денегъ, болѣе легкіе, чѣмъ всѣ остальные, сообразно съ образомъ жизни населенія и съ свойствами товаровъ, которые онъ употребляетъ. Въ Великобританіи акцизъ съ солода и пива даетъ крупный доходъ, потому что обработка солода и пивовареніе занимаютъ много времени и не могутъ быть скрыты; кромѣ того, эти два продукта далеко не столь необхо-

димы для жизни, чтобы повышеніе ихъ цѣнъ могло тяжело отражаться на бѣднѣйшихъ классахъ. Разъ всѣ эти поборы заложены, какъ трудно изобрѣсть новые! Какъ тяжелы и разорительны будутъ они для бѣдныхъ!

Налоги на предметы потребленія болѣе справедливы и менѣе обременительны, чѣмъ налоги на собственность. Какъ вредно для государства, что первые исчерпаны и что мы принуждены прибѣгать къ самымъ тягостнымъ способамъ сбора податей!

Если-бы всѣ землевладѣльцы были не болѣе, какъ приказчиками государства, не принудила-ли бы ихъ необходимость примѣнять всѣ тѣ насильственные средства, которыми пользуются приказчики, когда отсутствіе или нерадѣніе хозяина снимаетъ съ нихъ страхъ отвѣтственности?

Едва-ли кто-нибудь рѣшится утверждать, что національныхъ долговъ не слѣдуетъ ограничивать и что государство не будетъ слабѣе, если заложить поземельный налогъ, т.-е. 12 или 15 шиллинговъ съ фунта, а также всѣ таможенные и акцизные сборы, какіе теперь существуютъ. Значитъ въ этомъ случаѣ происходитъ нѣчто большее, чѣмъ простой переходъ собственности изъ одной руки въ другую. Въ теченіе пятисотъ лѣтъ потомки тѣхъ, кто теперь сидитъ въ каретѣ, и тѣхъ, кто сидитъ на козлахъ, вѣроятно обмѣнялись-бы мѣстами, и государство нисколько не пострадало-бы отъ этихъ перемѣнъ.

Предположимъ, что государство благополучно достигло того состоянія, къ которому оно стремится съ такой удивительной быстротой; предположимъ, что земля обложена податью въ 18 или 19 шиллинговъ съ фунта, потому что всѣхъ 20 шиллинговъ она не могла-бы вынести; предположимъ, что всѣ таможенные и

акцизные сборы достигли высшаго предѣла, который нація способна перенести, не теряя окончательно своей торговли и промышленности; предположимъ, наконецъ, что всѣ эти доходы заложены на вѣчныя времена и что изобрѣтательность и остроуміе всѣхъ нашихъ прожектеровъ не въ состояніи открыть никакого новаго налога, который могъ-бы послужить основаніемъ для новаго займа; и теперь изслѣдуемъ неизбѣжныя послѣдствія этого положенія. Хотя несовершенство нашихъ политическихъ знаній и ограниченность человѣческихъ способностей лишаютъ насъ возможности предсказать послѣдствія мѣры, еще не испытанной на дѣлѣ, но въ этомъ случаѣ сѣмена разоренія были-бы разсѣяны въ такомъ изобиліи, что не могли-бы ускользнуть отъ взоровъ самаго поверхностнаго наблюдателя.

При такомъ противоестественномъ состояніи общества единственный классъ людей, имѣющихъ какой-нибудь доходъ сверхъ того, что даетъ имъ непосредственно ихъ профессиональная дѣятельность, это—рантье, которые владѣютъ почти всею земельной рентою и домами, и сверхъ того всѣмъ таможеннымъ и акцизнымъ сборомъ. Эти люди ничѣмъ не связаны съ государствомъ; они могутъ пользоваться своими доходами, живя въ любой части свѣта, гдѣ имъ вздумается поселиться; большею частью они добровольно зарываются въ столицѣ или большихъ городахъ и живутъ, погруженные въ летаргію безсмысленной и изнѣженной роскоши, не зная ни увлеченія, ни чистолюбія, ни наслажденій. Дворянство, буржуазія, фамилія исчезаютъ безъ слѣда. Фонды могутъ быть перенесены въ одну минуту, и благодаря этой подвижности они рѣдко переходятъ отъ отца къ сыну даже въ теченіе трехъ поколѣній, а если и остаются такъ долго въ одной семьѣ, то все-таки

не доставляютъ своему владѣльцу ни наслѣдственнаго вліянія, ни власти. Такимъ образомъ совершенно исчезаетъ различіе ранговъ, которое создаетъ въ государствѣ родъ независимой магистратуры, образованной рукою природы. Всякій, кто облеченъ властью, обязанъ своимъ авторитетомъ исключительно порученію государя. Не остается никакого средства для предупрежденія или подавленія мятежей, кромѣ наемныхъ армій; нѣтъ никакой силы, которая могла-бы противодѣйствовать тиранніи. Взятничество и подкупъ одни управляютъ выборами, и съ устраненіемъ посредствующей силы между государемъ и народомъ неизбежно воцаряется самый жестокій деспотизмъ. Землевладѣльцы, презираемые вслѣдствіе своей бѣдности и ненавидимые за притѣсненія, совершенно неспособны сопротивляться ему.

Даже если-бы законодательнымъ путемъ было принято рѣшеніе никогда не налагать поборовъ, которые вредятъ торговлѣ и тормозятъ промышленность, — о такихъ тонкихъ и сложныхъ вопросахъ люди не въ состояніи разсуждать такъ правильно, чтобы никогда не ошибаться, или, подъ гнетомъ столь тяжелыхъ затрудненій, не уклониться отъ своего рѣшенія. Постоянныя колебанія торговли требуютъ постоянныхъ видоизмѣненій въ характерѣ налоговъ, такъ что законодательству ежеминутно грозитъ опасность впасть въ ошибку, одновременно и вольную, и невольную. А каждый сильный ударъ, нанесенный торговлѣ неразумнымъ налогомъ или какимъ-нибудь другимъ обстоятельствомъ, приводитъ въ разстройство всю правительственную систему.

Но предположивъ даже, что торговля продолжаетъ находится въ цвѣтущемъ состояніи, — къ какому средству можетъ тогда прибѣгнуть государство, чтобы поддержать свои войны и внѣшнія предпріятія, чтобы защитить

свою честь и свои интересы, или честь и интересы своих союзников? Я не спрашиваю, какъ съумѣетъ государство развить такое замѣчательное могущество, какое оно обнаружило во время нашихъ послѣднихъ войнъ, когда мы далеко превзошли не только нашу собственную естественную силу, но даже силы величайшихъ государствъ. На это напряженіе у насъ жалуются, считая его источникомъ всѣхъ опасностей, которыми мы теперь окружены. Между тѣмъ, такъ какъ, по нашему предположенію, обширная торговля и достатокъ сохранились въ государствѣ даже послѣ заклада всѣхъ доходовъ, то для защиты этихъ богатствъ необходима соответствующая сила; гдѣ-же возьметъ государство тѣ средства, которыя необходимы для ея содержанія? Ясно, что оно должно будетъ обложить постояннымъ налогомъ всѣхъ, кто имѣетъ опредѣленный пожизненный доходъ, или, что то-же самое, закладывать, каждый разъ когда представится надобность, извѣстную часть ихъ дохода, заставляя ихъ, такимъ образомъ, нести бремя защиты себя и всей націи. Но неудобства этой политической системы тотчасъ обнаружатся, все равно, приметъ-ли королевская власть, какъ мы предположили, характеръ абсолютизма, или она все еще будетъ находиться подъ контролемъ національныхъ собраній, въ которыхъ преобладающая роль по необходимости будетъ принадлежать самимъ рантье.

Если государь сдѣлался неограниченнымъ, какъ этого естественно слѣдуетъ ожидать при такомъ порядкѣ вещей, то ему будетъ такъ легко увеличивать свои поборы съ рантье, — такъ какъ эти поборы состоятъ только въ томъ, что онъ удерживаетъ деньги въ своихъ собственныхъ рукахъ, — что этотъ родъ собственности вскорѣ потеряетъ всякое значеніе и доходъ cadaго подданнаго

будетъ всецѣло во власти государя: степень деспотизма, какой не достигала еще ни одна восточная монархія. Если, напротивъ, для каждаго обложенія требуется согласіе рантѣе, то ихъ никогда нельзя будетъ убѣдить давать субсидіи, достаточныя хотя-бы только для покрытія обычныхъ расходовъ правительства. Правда, уменьшеніе ихъ дохода будетъ въ этомъ случаѣ весьма чувствительно, налогъ невозможно будетъ скрыть подъ видомъ таможеннаго или акцизнаго сбора и ни одинъ изъ остальныхъ классовъ общества не будетъ помогать имъ нести бремя, потому что всѣ они, по нашему предположенію, уже обложены высшей мѣрой налога. Были примѣры въ нѣкоторыхъ республикахъ, что на содержаніе правительства взималось каждое сотое, а иногда даже каждое пятидесятое пенни; но такая мѣра всегда была исключительнымъ проявленіемъ власти и никогда не можетъ сдѣлаться постояннымъ основаніемъ національной защиты. Мы всегда находили, что государство, заложившее всѣ свои доходы, неизбѣжно впадаетъ въ состояніе вялости, бездѣйствія и безсилія.

Таковы неудобства, естественно вытекающія изъ того положенія дѣлъ, къ которому явно стремится Великобританія. Я уже не говорю о безчисленныхъ неудобствахъ, которыхъ невозможно предвидѣть и которыя должны произойти отъ такого чудовищнаго порядка вещей, гдѣ государство является не только главнымъ или даже единственнымъ землевладѣльцемъ, но и собственникомъ всѣхъ таможенныхъ и акцизныхъ сборовъ, какіе въ состояніи была создать изобрѣтательная фантазія министровъ и прожекторовъ.

Я долженъ признаться, что вслѣдствіе долгой привычки во всѣхъ классахъ общества господствуетъ странное равнодушіе по отношенію къ національнымъ долгамъ,

весьма сходное съ тѣмъ религіознымъ индифферентизмомъ, на который такъ горько жалуются богословы. Мы всѣ понимаемъ, что при самомъ оптимистическомъ взглядѣ на вещи нельзя надѣяться на то, что теперешнее или какое-нибудь будущее министерство будетъ руководствоваться столь строгой и непоколебимой бережливостью, чтобы дѣло уплаты долговъ могло сколько-нибудь подвинуться впередъ, или даже только на то, что состояніе внѣшнихъ отношеній надолго обезпечить имъ досугъ и спокойствіе, необходимые для подобнаго предпріятія. *Итакъ, что-же будетъ съ нами?* Даже если-бы мы навсегда остались такими-же добрыми христіанами и сохранили ту-же покорность Провидѣнію, это все-таки былъ-бы, какъ мнѣ кажется, любопытный вопросъ, хотя-бы только съ теоретической точки зрѣнія; и можетъ быть не совсѣмъ невозможно найти для него какое-нибудь гипотетическое рѣшеніе. Въ этомъ случаѣ событія будутъ мало зависѣть отъ случайностей войнъ, отъ переговоровъ, интригъ и политики партій. Существуетъ, повидимому, нѣкоторый естественный прогрессъ явлений, который можетъ послужить намъ руководителемъ при нашихъ разсужденіяхъ. Какъ въ то время, когда мы только начали практиковать систему заклада государственныхъ доходовъ, нужно было не много мудрости, чтобы на основаніи естественныхъ свойствъ людей и министровъ предсказать, что эта система неизбежно приметъ такіе широкіе размѣры, какіе мы видимъ, такъ и теперь, когда она наконецъ достигла этого пункта, не трудно предвидѣть ея послѣдствія. Въ самомъ дѣлѣ, должно случиться одно изъ двухъ: или нація погубитъ общественный кредитъ, или общественный кредитъ погубитъ націю. Существовать совмѣстно, въ томъ видѣ, какъ это до сихъ поръ практиковалось и

у насъ, и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, они не могутъ.

Правда лѣтъ тридцать назадъ одинъ превосходный гражданинъ, м—ръ Гетчинсонъ, предложилъ проектъ уплаты нашихъ долговъ, и этотъ проектъ заслужилъ полное одобреніе нѣкоторыхъ разсудительныхъ людей, но, кажется, никогда не имѣлъ надежды на осуществленіе. М—ръ Гетчинсонъ утверждалъ, что ошибочно думать, будто долгъ лежитъ на государствѣ, потому что въ дѣйствительности на каждомъ индивидуумѣ лежитъ соотвѣтствующая доля этого долга и каждый своей податью уплачиваетъ соотвѣтствующую долю процентовъ, включая и расходы по сбору податей. Не лучше-ли было-бы, говорилъ онъ, если-бы мы распредѣлили долгъ между собою и каждый внесъ извѣстную сумму, сообразно со своимъ состояніемъ, что дало-бы намъ возможность одновременно погасить и всѣ наши фонды, и заклады? Онъ, очевидно, не принялъ въ соображеніе, что бѣднякъ-рабочій уплачиваетъ значительную часть податей своимъ годичнымъ потребленіемъ, между тѣмъ какъ сразу внести соотвѣтствующую часть необходимой суммы онъ, конечно, не могъ-бы. Не говоря уже о томъ, что денежные капиталы и капиталы, вложенные въ торговлю, легко было-бы скрыть, такъ что, въ концѣ-концовъ, за все должна была-бы отвѣчать видимая собственность, т. е. земля и дома: отсюда неравенство и притѣсненіе, которому люди никогда не подчинились-бы. Но хотя этотъ проектъ вѣроятно никогда не будетъ осуществленъ, очень вѣроятно, что когда общественные долги опротивѣютъ націи и она будетъ жестоко страдать отъ нихъ, какой-нибудь смѣлый прожектеръ выступитъ съ фантастическими планами ихъ погашенія. И такъ какъ государственный кредитъ въ это время начнетъ колебаться,

то самого легкаго удара будетъ достаточно, чтобы разрушить его окончательно, какъ это случилось во Франціи во время регенства, и онъ, такимъ образомъ, *умретъ благодаря своему врачу.*

Но болѣе вѣроятно, что національное банкротство будетъ естественнымъ результатомъ войнъ, поражений, неудачъ и общественныхъ бѣдствій, можетъ быть даже — побѣдъ и завоеваній. Признаюсь, когда я вижу, какъ государи и государства дерутся и ссорятся среди своихъ долговъ, фондовъ и заложенныхъ доходовъ, мнѣ всегда невольно приходитъ въ голову сравненіе съ палочной дракой въ посудной лавкѣ. Какъ можно ожидать, что государи будутъ щадить такой родъ собственности, который вреденъ и для нихъ самихъ, и для государства, если они такъ мало жалѣютъ людей и имущества, полезные для обоихъ? Пусть наступитъ время (и оно несомнѣнно наступитъ), когда новые займы, нужные для покрытія годовыхъ расходовъ, не будутъ находить подписчиковъ и не дадутъ ожидаемой суммы. Предположимъ, что денежный капиталъ націи истощился, или что довѣріе къ намъ, столь твердое до сихъ поръ, начало ослабѣвать. Предположимъ, что среди этой нужды государству грозитъ иноземное нашествіе; внутри готовится или уже вспыхнуло возстаніе; снарядить флотъ невозможно вслѣдствіе недостатка въ деньгахъ, припасахъ или необходимыхъ снарядахъ; невозможно даже получить субсидію отъ какой-нибудь сосѣдней державы. Что долженъ сдѣлать государь или министръ въ этомъ случаѣ? Право самохраненія есть законная принадлежность всякаго человѣка, тѣмъ болѣе общества. И безуміе тѣхъ, которые оказывали или еще продолжаютъ оказывать довѣріе правительству, если эти государственные люди, имѣя въ рукахъ средства къ спасенію,

не пользуются ими. Созданные и заложенные фонды будутъ въ это время приносить крупный годичный доходъ, котораго будетъ достаточно для защиты и обезпеченія націи; можетъ быть въ казначействѣ лежатъ на-готовѣ деньги для уплаты трехмѣсячныхъ процентовъ. Нужда вопіетъ, страхъ подстрекаетъ, разумъ совѣтуетъ, возражаетъ одно состраданіе: деньги сейчасъ будутъ захвачены для удовлетворенія текущихъ потребностей, вѣроятно, при торжественныхъ увѣреніяхъ, что онѣ будутъ тотчасъ возвращены. Болѣе ничего не требуется. Все зданіе, уже ранѣе пошатнувшееся, обрушивается и погребаетъ подъ своими развалинами тысячи людей. Это можно назвать, я думаю, *естественной смертью* общественнаго кредита, потому что онъ стремится къ этому концу такъ-же естественно, какъ животный организмъ къ своему разложенію.

Большинство людей такъ легко провести, что несмотря на тяжкій ударъ, который нанесло-бы общественному кредиту Англіи добровольное банкротство государства, прошло-бы, вѣроятно, не много времени, и онъ снова былъ-бы въ такомъ-же цвѣтущемъ состояніи, какъ и раньше. Во время послѣдней войны теперешній король Франціи занималъ деньги подъ болѣе низкій процентъ, чѣмъ какой когда-либо платилъ его дѣдъ, и подъ столь-же низкій, какой платитъ британскій парламентъ, принимая въ расчетъ естественный размѣръ процента въ обоихъ королевствахъ. И хотя дѣятельность людей обыкновенно направляется скорѣе тѣмъ, что они видѣли, нежели тѣмъ, что они предвидятъ хотя-бы и съ большой ясностью, но обѣщанія, увѣренія, ловкіе приемы, вмѣстѣ съ соблазномъ немедленной прибыли, имѣютъ такое могущественное вліяніе, что только немногіе способны устоять противъ нихъ.

Люди во всѣ времена попадаютъ на однѣ и тѣ-же приманки: на нихъ все еще дѣйствуютъ тѣ уловки, которыми они столько разъ были обмануты. Высшая степень популярности и патриотизма все еще составляетъ избитую дорогу къ власти и тиранніи, лесть—къ предательству, постоянныя арміи—къ самовластію правительствъ, и слава Господу Богу—къ временной выгодѣ духовенства. Страхъ безвозвратной потери кредита, если даже признать ее бѣдствіемъ, есть бесполезное пугало. Правда, благоразумный человѣкъ скорѣе ссудитъ государству деньги тотчасъ послѣ того, какъ мы откажемся отъ всѣхъ своихъ долговъ, чѣмъ теперь, какъ выгоднѣе имѣть должникомъ богатаго мошенника, даже если его нельзя принудить къ уплатѣ, чѣмъ честнаго банкрота. Первый, чтобы имѣть возможность продолжать свое дѣло, можетъ быть, найдетъ выгоднымъ для себя уплатить свои долги, если они не очень велики, —второй, если-бы и хотѣлъ, не имѣетъ возможности это сдѣлать. Государство есть должникъ, котораго ни одинъ человѣкъ не можетъ принудить къ уплатѣ. Единственное обезпеченіе его кредиторовъ заключается въ той выгодѣ, которую представляетъ для государства сохраненіе своего кредита, даже когда его считаютъ на вѣки утраченнымъ, и эта выгода легко можетъ перевѣсить и большіе долги, и чрезвычайныя затрудненія, не говоря уже о томъ, что настойчивая необходимость часто заставляеть государства прибѣгать къ мѣрамъ, которыя въ сущности противорѣчатъ ихъ интересамъ.

Изложенные два случая пагубны, но есть еще и болѣе пагубные. Здѣсь тысячи людей приносятся въ жертву безопасности милліоновъ. Но нельзя ручаться, что не произойдетъ обратное, т.-е. милліоны будутъ навсегда принесены въ жертву временной безопасности

тысячъ. При нашемъ народномъ образѣ правленія для министра будетъ трудно или опасно прибѣгнуть къ такому отчаянному средству, какъ добровольное банкротство. Хотя палата лордовъ состоитъ исключительно изъ землевладѣльцевъ, а палата общинъ — главнымъ образомъ изъ нихъ и, слѣдовательно, ни та, ни другая не имѣетъ большихъ капиталовъ въ общественныхъ фондахъ, но связь, существующая между членами обѣихъ палатъ и владѣльцами фондовъ, можетъ быть такъ велика, что парламентъ будетъ упорнѣе защищать общественный кредитъ, чѣмъ требуютъ мудрость, политическія соображенія и, строго говоря, даже справедливость. Можетъ быть и наши внѣшніе враги съумѣютъ понять, что наша безопасность заключается въ отчаяніи, и поэтому не раньше покажутъ намъ опасность открыто, лицомъ къ лицу, какъ въ ту минуту, когда ее уже нельзя будетъ предотвратить. Наши дѣды, наши отцы и мы сами полагали, что равновѣсіе европейскихъ силъ слишкомъ неравномерно, чтобы оно могло держаться безъ нашего надзора и поддержки. Но наши дѣти, уставши отъ борьбы и опутанные затрудненіями, могутъ сидѣть сложа руки и спокойно смотрѣть, какъ тѣснятъ и покоряютъ ихъ сосѣдей, пока, наконецъ, и они сами, вмѣстѣ со своими кредиторами, покорятся власти завоевателя. Это можно назвать, выражаясь точно, *насильственной смертью* нашего общественнаго кредита.

Таковы, повидимому, явленія, которыя должны произойти въ недалекомъ будущемъ и которыя разумъ предвидитъ такъ ясно, какъ только онъ можетъ предвидѣть вещи, скрытыя въ нѣдрахъ времени. И хотя древніе утверждали, что для того, чтобы обладать да-

ромъ прорицанія, нужна извѣстная доля божественнаго бѣшенства или безумія, — можно съ увѣренностью сказать, что для такихъ пророчествъ, какъ это, нужно только владѣть своимъ разсудкомъ и быть свободнымъ отъ безумія и ослѣпленія толпы.

ІЕРЕМІЯ БЕНТАМЪ.

РЕДАКЦІЯ: М. Щепкинъ.—И. Вернеръ.

ВЫШЛИ:

Адамъ Смитъ.

Давидъ Рикардо.

Гомасъ Мальтусъ.

Джонъ Стюартъ Милль.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Франсуа Кенэ.

Жанъ-Батистъ Сэ.

Фредерикъ Бастіа.

Ж. Тюрго и физиократы.

Ф. Ле-Плэ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Жизнь и дѣятельность Бентама. Очеркъ С. Раффаловича	I
Библиографія	XLII
 Принципы законодательства:	
Глава I. Принципъ пользы	1
Глава II. Принципъ аскетизма	7
Глава III. Произвольный принципъ, или принципъ симпатіи и антипатіи	10
Глава IV. Дѣйствіе этихъ принциповъ въ области законодат.	16
Глава V. Дальнѣйшее разъясненіе.—Наиболѣе сильныя возраженія противъ принципа пользы	20
Глава VI. Различные виды удовольствій и страданій	26
Отдѣлъ I. Простыя удовольствія	27
Отдѣлъ II. Простыя страданія	30
Глава VII. Страданія и удовольствія въ качествѣ санкцій	34
Глава X. Анализъ политическихъ благъ и золъ	37
Глава XII. О границахъ, отдѣляющихъ мораль отъ законодательства	43
Глава XIII. Примѣры ложныхъ приѣмовъ разсужденія въ области законодательства.	52
 О вліяніи условій времени и мѣста на законодательство:	
Введеніе	77
Глава II. Объ осмотрительности, съ которою должно относиться къ существующимъ учрежденіямъ	78
Глава III. Правила для перенесенія законовъ	82
Глава IV. О томъ, что пересадка законовъ лучше обнаруживаетъ ихъ недостатки	86
Глава V. Вліяніе времени	94
Отдѣлъ I. Ретроспективный взглядъ: наилучшіе законы настоящаго времени были-ли-бы наилучшими въ прошедшее время?	96

ГД	. Проспективный взгляд: законы, наиболее совершенные в настоящее время, будут-ли наиболее совершенными и в будущее время? . . .	102
----	---	-----

Руководство по политической экономии:

Глава I.	Предварительныя замѣчанія	108
Глава II.	Наиболѣе выгодное употребленіе капиталовъ . . .	111
Глава III.	Денежныя ссуды	115
Глава V.	Преміи за производство	118
Глава VII.	Преміи за вывозъ	
Глава VIII.	Запрещеніе соперничающихъ производствъ . .	
Глава XIV.	Отмѣна таксы процентовъ съ капитала въ промышленныхъ предпріятіяхъ	129

Генералъ Бенгальскій.

ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ БЕНТАМА.

I.

Бентамъ былъ однимъ изъ лучшихъ учениковъ вестминстерской школы. Его раннее умственное развитіе позволило ему уже тринадцати лѣтъ вступить въ оксфордскій университетъ. Тамъ не привыкли видѣть студентовъ такихъ лѣтъ, и его считали карликомъ, тѣмъ болѣе, что онъ былъ тогда малаго роста и слабъ здоровьемъ. Тѣмъ не менѣе онъ шестнадцати лѣтъ сдалъ свой первый экзамень (bachelor of arts), двадцати лѣтъ — второй (master of arts) и оставилъ университетъ въ такомъ возрастѣ, когда обыкновенно только вступаютъ въ него.

Оксфордъ далъ ему мало пріятныхъ впечатлѣній; особенно съ однимъ случаемъ, о которомъ онъ позже съ горечью разсказалъ въ своей книгѣ *Church of Englandism*, было у него связано тяжелое воспоминаіе. По установленному обычаю, каждый студентъ былъ обязанъ засвидѣтельствовать свою принадлежность къ англиканской церкви, причемъ долженъ былъ подписать 39 параграфовъ. Большинство студентовъ смотрѣло на этотъ актъ, какъ на простую формальность, но Бентамъ отнесся къ нему серьезно, изслѣдовалъ положенія, для которыхъ отъ него требовали вѣры, и пришелъ къ заключенію, что они лишены смысла, или противорѣчатъ разуму и Священному Писанію. О своихъ сомнѣніяхъ онъ сообщилъ одному изъ лицъ, стоявшихъ во главѣ

его колледжа, но тотъ отвѣтилъ ему рѣзкими упреками за духъ неповиновенія и дерзость, съ которою онъ противопоставляетъ собственное сужденіе мнѣнію столь мудрыхъ людей. Бентаму было пятнадцать лѣтъ, и онъ подписалъ; но въ немъ навсегда осталось глубокое отвращеніе къ клятвамъ, вынужденнымъ у совѣсти.

Оставивъ Оксфордъ, онъ принялся за изученіе права, согласно желанію своего отца, стряпчаго, разбогатѣвшаго благодаря удачнымъ земельнымъ спекуляціямъ. Это былъ дѣятельный и образованный человѣкъ; онъ изучилъ латинскій и греческій языки, чтобы быть въ состояніи преподавать ихъ сыну, и на его колѣняхъ четырехлѣтній Іеремія началъ учиться греческому языку. Отецъ по праву гордился быстрымъ развитіемъ сына и его успѣхами въ школѣ и университетѣ; онъ видѣлъ въ нихъ предзнаменованіе блестящей и быстрой карьеры, потому что его нѣсколько грубый умъ былъ способенъ оцѣнить только непосредственныя и осязательныя послѣдствія. Онъ былъ женатъ во второй разъ на вдовѣ, и сынъ его второй жены, Чарльзъ Эбботъ, былъ сверстникомъ Іереміи и готовился къ той-же карьерѣ. Бентамъ былъ увѣренъ, что въ дружественномъ соперничествѣ обоихъ молодыхъ людей его сынъ одержитъ верхъ; но въ то время, какъ Чарльзъ Эбботъ всѣми силами добивался успѣховъ въ своей профессіи и въ области политики и въ концѣ-концовъ достигъ званія спикера въ Палатѣ Общинъ, а позже и члена Верхней Палаты, Іеремія Бентамъ совершенно не оправдалъ надеждъ своего отца. Его не только не соблазнила мысль сдѣлаться однимъ изъ корифеевъ англійской адвокатуры, но глубоко возмущала несправедливость англійскаго законодательства. Первые кліенты, которые обратились къ нему, слышали языкъ, къ какому, въ-

роятно, не привыкли. Молодой адвокат совѣтовалъ имъ отказаться отъ возбужденія процесса, и когда ему удавалось уладить дѣло миромъ, онъ былъ счастливъ. „При моемъ вступленіи на поприще юриста“, говоритъ онъ, „мнѣ было предложено два или три дѣла. Первою моею заботой было—прекратить ихъ, и мои усилія не остались безуспѣшными“.

Онъ видѣлъ въ законодательствѣ столько несправедливостей, что не могъ рѣшиться, наравнѣ съ другими, извлекать выгоду изъ этихъ недостатковъ и предпочелъ отказаться отъ адвокатуры. Онъ самъ рассказываетъ о томъ, что возбудило въ немъ сомнѣнія относительно совершенства англійскихъ законовъ, которое въ то время считалось неоспоримымъ.

„Великому канцлеру подчинено извѣстное число судей, исполняющихъ роль докладчиковъ. Дѣло идетъ объ очищеніи какого-нибудь счета; порядокъ—слѣдующій. Оба прокурора, той и другой стороны, должны явиться къ судѣ (maître). Первый вызовъ—никто не является; второй вызовъ—никого; по третьему вызову они являются и дѣло получаетъ законный ходъ. Все это—формальности, но при каждомъ вызовѣ плата возобновляется.“ И вся остальная судебная система основывалась на томъ-же принципѣ—эксплуатаціи тяжущихся, и законовѣды придумали, для оправданія этихъ порядковъ, весьма остроумные доводы, которые однако не имѣли ничего общаго съ правилами обычной морали.

Составляли-ли эти обстоятельства тайну?

„Нѣтъ“, говоритъ Милль. „О нихъ знали всѣ адвокаты, всѣ судьи; но и до, и послѣ этой эпохи они нисколько не тревожили совѣсти этихъ ученыхъ господъ и не мѣшали имъ повторять при всякомъ удобномъ

случаѣ, что англійское законодательство есть самое совершенное произведеніе человѣческаго разума. Въ теченіе длиннаго ряда поколѣній тысячи молодыхъ людей занимали то-же положеніе, какъ и Бентамъ, но только у Бентама оказалось достаточно нравственной чувствительности и независимости духа, чтобы сказать, что дѣйствовать такимъ образомъ—значить совершать обманъ, и что между этими вещами и имъ лежитъ пропасть. Этому рѣдкому соединенію духовной самостоятельности и нравственной высоты мы обязаны всѣмъ, что сдѣлалъ Бентамъ“.

Разъ рѣшеніе было принято, Бентама не могли поколебать ни матеріальныя затрудненія—хотя онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ жилъ въ крайне стѣсненныхъ обстоятельствахъ, граничившихъ съ нуждой—ни упреки отца, которые должны были причинять ему тѣмъ большія страданія, что онъ понималъ, какъ велико было разочарованіе отца. Впослѣдствіи онъ помѣстилъ *страданіе обманутаго ожиданія* въ число наиболѣе сильныхъ страданій, которыя человѣкъ долженъ всѣми силами стараться не причинять другимъ.

Въ эти годы одинокихъ размышленій онъ выработалъ систему нравственной и политической философіи, которая должна была разрушить сооруженіе, съ такимъ искусствомъ возведенное англійскими законовѣдами, въ особенности Блэкстономъ, и на развалинахъ многочисленныхъ предразсудковъ основать новую науку.

Зародышъ этихъ знаменитыхъ произведеній можно найти въ его запискахъ, куда онъ въ теченіе этихъ лѣтъ заносилъ мысли, казавшіяся ему любопытными, или возникавшія въ немъ самомъ подъ вліяніемъ чтенія. Онъ составилъ однажды планъ вопросовъ, которыми хотѣлъ заняться, и въ эту рамку можно вставить большую часть

работъ, исполненныхъ имъ въ теченіе долгой и полной труда жизни.

„1769 годъ былъ для меня“, писалъ онъ позже, „однимъ изъ самыхъ занимательныхъ. Я начиналъ предвидѣть практическую философію. Монтескьё, Баррингтонъ, Беккариа, Гельвецій — особенно Гельвецій — навели меня на путь принципа пользы. Однажды я набросалъ нѣсколько общихъ замѣтокъ по этому предмету, и моя работа доставила мнѣ величайшее удовольствіе. Помню, я спрашивалъ себя, взялъ-ли бы я 500 фунтовъ въ обмѣнъ на этотъ листокъ бумаги, и, какъ я ни былъ бѣденъ, я сказалъ себѣ: нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ“.

Но отецъ находилъ, что работа не подвигается, и часто навѣщалъ своего *filis Jeremy*, какъ онъ называлъ его (онъ любилъ пересыпать свою рѣчь французскими словами), чтобы поторопить его, не подозрѣвая, какія страданія причиняли сыну его благонамѣренныя увѣщанія.

„Бѣдный *filis Jeremy*“, писалъ Бентамъ много лѣтъ спустя, „какъ я терзался! По мнѣнію отца, я подвигался впередъ слишкомъ медленно. Я искалъ свою дорогу, мало-по-малу освобождаясь отъ предрасудковъ, дѣлая небольшія открытія то здѣсь, то тамъ, занятый болѣе всего примиреніемъ моихъ новыхъ знаній съ прежними“.

Наконецъ, въ 1777 году онъ издалъ безъ подписи свой трудъ: *Отрывокъ объ управленіи, философская критика принциповъ управленія, изложенныхъ Блэкстономъ въ его Комментаріяхъ*. Оригинальность и смѣлость мыслей, красота слога привлекли общее вниманіе. Бентамъ слушалъ въ Оксфордѣ (въ 1763 г.) курсъ Блэкстона и, несмотря на свою молодость, не могъ не замѣтить, въ какія ошибки впадалъ профессоръ по вопросу

объ естественномъ правѣ. Книга Бентама нанесла смертельный ударъ доктринамъ, господствовавшимъ въ области юриспруденціи и философіи. „Это была первая книга, которая призывала людей свергнуть тираннію авторитета и мудрости предковъ въ области закона“. Авторомъ такой проницательной критики не могло быть неизвѣстное лицо. Джонсонъ приписывалъ ее Деннингу, который пользовался большою извѣстностью въ качествѣ легиста; называли Бёрка, лорда Кэмдена, лорда Мэнсфильда.

Этотъ успѣхъ былъ великой радостью для отца Бентама, и онъ не могъ устоять противъ искушенія открыть тайну. Какъ только сдѣлалось извѣстнымъ, что *Отрывокъ* принадлежитъ перу молодого человѣка, который потерпѣлъ неудачу на юридическомъ поприщѣ, — продажа, которая въ началѣ была довольно значительна, сразу остановилась.

II.

Но Бентамъ не потерялъ бодрости. Онъ не искалъ славы. У него не было ни личнаго, ни даже литературнаго самолюбія. Единственное самолюбіе, которое было ему знакомо, состояло въ томъ, чтобы дѣлать полезное дѣло, и онъ поставилъ себѣ такую высокую цѣль, что понадобились многіе годы труда, пока онъ достигъ ея. Онъ собиралъ матеріалы, продолжалъ свои работы, изслѣдовалъ границы законодательства, его недостатки и способы ихъ устраненія. Такимъ образомъ онъ начерталъ колоссальный планъ, исполненію котораго посвятилъ всю дальнѣйшую жизнь.

Исходная точка и основное ученіе Бентама изложены съ большою ясностью въ *Принципахъ законодательства*. Это капитальное сочиненіе содержитъ пре-

восходное резюме принципа пользы и вытекающихъ изъ него послѣдствій.

„Понятіе *пользы* выражаетъ свойство или способность какого-нибудь предмета предохранить отъ какого-нибудь зла или доставить какое-нибудь благо. Зло есть боль, страданіе или причина страданія. Благо есть удовольствіе или причина удовольствія. Все, что соотвѣтствуетъ пользѣ или интересу индивидуума, способно увеличить общую сумму его благосостоянія. Все, что соотвѣтствуетъ пользѣ или интересу общества, увеличиваетъ общую сумму благосостоянія индивидуумовъ, изъ которыхъ оно состоитъ.

„Природа подчинила человѣка власти удовольствія и страданія. Имъ мы обязаны всѣми нашими идеями, ими обусловлены всѣ наши сужденія, всѣ наши рѣшенія въ жизни... Принципъ пользы подчиняетъ все этимъ двумъ двигателямъ.

„Не въ юридическихъ книгахъ, говоритъ Бентамъ, нашель я указанія и образцы метода, но въ сочиненіяхъ по метафизикѣ, физикѣ, естественной исторіи и медицинѣ. Читая нѣкоторыя новѣйшія изслѣдованія по этимъ наукамъ, я былъ пораженъ классификаціей болѣзней и лѣкарствъ. Нельзя-ли было-бы перенести это дѣленіе и въ законодательство? Не можетъ-ли и политическій организмъ имѣть свою анатомію, свою физиологію, свою медицину? У Трибоніана, Кокцея, Блэкстона, Ваттеля, Потье и Домà я нашель не много; Юмъ, Гельвецій, Линней, Бергманъ и Кюлленъ были для меня гораздо полезнѣе“.

„Сначала надо было найти“, говоритъ Дюмонъ, „общій принципъ, къ которому можно было-бы, какъ къ неподвижной точкѣ, прикрѣпить всю цѣпь разсужденій. Эту неподвижную точку онъ называетъ *принципомъ*

пользы. Но этого было мало: каждый человекъ называетъ пользою то, что ему нравится, и никогда никто ничего не сдѣлалъ и не задумалъ, не имѣя въ виду какой-нибудь дѣйствительной или воображаемой пользы. Надо было точно опредѣлить это слово, и это была новая задача.

„Затѣмъ авторъ отдѣлилъ этотъ истинный принципъ отъ двухъ ложныхъ принциповъ, которые соперничаютъ съ нимъ и лежатъ въ основаніи всѣхъ неправильныхъ системъ морали и законодательства. Благодаря одному этому различію, которое легко можетъ быть усвоено, онъ получилъ возможность опредѣлить заблужденіе и истину съ такою степенью достовѣрности, какой до него никто не достигалъ.

„Чтобы получить точное представленіе о принципѣ пользы, онъ долженъ былъ составить *таблицу всѣхъ удовольствій и всѣхъ страданій*. Въ ней заключаются первые элементы, — такъ сказать, цифры моральныхъ вычисленій. Какъ въ ариѳметикѣ мы производимъ дѣйствія надъ числами, которыя должны быть намъ извѣстны, такъ въ законодательствѣ мы имѣемъ дѣло съ удовольствіями и страданіями, и, слѣдовательно, намъ прежде всего необходимо имѣть точный списокъ послѣднихъ.

„Затѣмъ надо было найти средство для *оцѣнки* извѣстной доли удовольствій и страданій, потому что безъ этого ихъ невозможно сравнивать. Здѣсь малѣйшая ошибка имѣла-бы самыя важныя послѣдствія. Этотъ счетъ сводился къ первымъ правиламъ ариѳметики: сдѣлать оцѣнку того или другого дѣйствія—значить сложить почленно всѣ полезныя и вредныя послѣдствія его и, вычтя сумму удовольствій изъ суммы страданій или наоборотъ, опредѣлить остатокъ.

„Но чувствительность людей не одинакова; тотъ-же предметъ производитъ на людей болѣе или менѣе сильное вліяніе или даже вліяетъ на нихъ различнымъ образомъ; это значительно усложняетъ вычисленіе.

„Возрастъ, воспитаніе, общественное положеніе, матеріальное состояніе, религія, климатъ, полъ и множество другихъ обстоятельствъ имѣютъ замѣтное и, такъ сказать, постоянное вліяніе. Надо было составить точный списокъ этихъ условій, вліяющихъ на чувствительность, чтобы, по возможности, приноровить средства законодательства къ разнообразію впечатлѣній, получаемыхъ людьми.

„При помощи списка полезныхъ и вредныхъ дѣйствій было не трудно опредѣлить истинный характеръ *преступленія*; но надо было еще научиться опредѣлять *важность* каждаго преступленія. Этого авторъ достигаетъ, изучая движеніе и передачу вреда, другими словами, наблюдая, какимъ образомъ онъ переходитъ съ перваго пострадавшаго на другія лица, какимъ образомъ въ извѣстныхъ случаяхъ дробится и уменьшается, въ другихъ суммируется и возрастаетъ.

„Едва-ли можно найти систему менѣе догматическую и безусловную, чѣмъ система Бентама. Онъ открылъ правила моральной ариѳметики, которая обнимаетъ всѣ страданія, всѣ удовольствія, всѣ условія, вліяющія на чувствительность; онъ не допускаетъ ни одного закона, основаній котораго не можетъ ясно установить; онъ отвергаетъ всѣ софизмы, на основаніи которыхъ такъ часто приносятъ въ жертву настоятельные индивидуальныя интересы интересамъ отдаленнымъ и абстрактнымъ. Онъ такъ далекъ отъ догматизма, на столько убѣжденъ въ томъ, что невозможно все предвидѣть, что даже тѣхъ законовъ, которые считаетъ наилучшими и несомнѣнно по-

лезными, онъ не согласился-бы объявить неизмѣнными на какой-нибудь опредѣленный срокъ, потому что это значило-бы злоупотреблять правами потомства“.

Этотъ принципъ пользы, принципъ наибольшаго счастья наибольшаго количества людей, составляющій базисъ ученія Бентама и лежащій въ основѣ всѣхъ его произведеній, былъ открытъ не имъ, и онъ любилъ вспоминать о тѣхъ, кто заронилъ въ его умъ эту идею.

„Если не Беккариа, то Пристли былъ первымъ, который научилъ мои уста произносить эту священную истину: наибольшее счастье для наибольшаго числа людей есть основа морали и законодательства“. Но самое сильное вліяніе на него имѣла, по его собственному признанію, книга Гельвеція „О духѣ“: въ ней почерпнулъ онъ долю того пылкаго увлеченія, съ которымъ потомъ защищалъ эту идею; она научила его мужеству и настойчивости *).

III.

Счастье наибольшаго числа людей, составляющее цѣль и содержаніе системы Бентама, вдохновляло его и въ работахъ болѣе положительнаго, практическаго характера.

Этой мыслью обусловлены его стремленія, направленные къ осуществленію тюремной реформы. Вопросомъ объ исправительныхъ учрежденіяхъ онъ впервые занялся въ 1786 г., живя въ Россіи у брата своего Самуила, который и подалъ ему мысль объ устройствѣ образцо-

*) „Зависимость законовъ другъ отъ друга“, говоритъ Гельвецій, „опредѣляетъ ихъ достоинство. Но чтобы достигнуть ея, необходимо всѣ законы привести въ согласіе съ однимъ простымъ принципомъ: таковъ принципъ пользы общества, т. е. наибольшаго числа людей, подчиненныхъ одному и тому-же образу правленія, — принципъ безграничный и универсальный, заключающій въ себѣ всю мораль и все законодательство“ (L'Esprit, стр. 159).

вой тюрьмы *). Бентамъ работалъ надъ этимъ вопросомъ въ теченіе многихъ лѣтъ, посвятилъ ему нѣсколько объемистыхъ сочиненій, множество брошюръ и писемъ **). Въ 1789 г. онъ издалъ брошюру подъ названіемъ *View of the Hard labour bill*, за которой послѣдовали *Panoptique*, или *Домъ призрѣнія*, и *Panoptique versus New South Wales*. Въ *Уголовномъ Правѣ* Бентамъ излагаетъ результаты своихъ продолжительныхъ изслѣдованій по вопросу о тюрьмахъ; тамъ можно найти основныя черты большинства современныхъ реформъ, касающихся содержанія преступниковъ. Англійскія тюрьмы того времени представляли печальное зрѣлище, и, изучая условія ссылки въ Новый Южный Валлисъ, Бентамъ нашелъ въ нихъ столько несправедливости и жестокости, что негодованіе придадо новую энергію его пропагандѣ. Его проектъ соединяетъ въ себѣ болѣе гуманное отношеніе къ преступникамъ съ болѣею экономіей для государственной казны. Предложенная имъ организація во многомъ напоминаетъ различныя исправительныя учрежденія, основанныя съ тѣхъ поръ въ Америкѣ и Европѣ. Бентамъ не только намѣтилъ свою реформу въ главныхъ чертахъ, но взялъ на себя трудъ разработать ее въ деталяхъ, до послѣднихъ мелочей. Различные планы и проекты, осуществленные опытными архитекторами, напоминали внѣшнимъ видомъ построекъ и расположеніемъ помѣщеній „образцовую тюрьму“ Бентама.

Идеи Бентама обратили на себя вниманіе Питта, и

*) Самуиль Бентамъ былъ приглашенъ Потемкинымъ для насажденія промышленности въ Бѣлоруссіи; позже онъ служилъ въ русскомъ флотѣ и отличился въ турецкой войнѣ. См. ниже Дополненіе.

***) Бентамъ оставилъ также нѣсколько рукописей по этому вопросу, никогда не появлявшихся въ печати.

первый министр обнаружилъ желаніе примѣнить ихъ на практикѣ. Бентамъ былъ такъ увѣренъ въ успѣхѣ своей системы, что предложилъ свои услуги для завѣдыванія образцовой тюрьмой, не требуя за это никакого вознагражденія, единственно ради удовольствія быть полезнымъ. У него на минуту явилась надежда, что ему удастся осуществить свои идеи. Онъ убѣдилъ перваго министра и добился позволенія пріобрѣсти участокъ земли для тюрьмы, которая должна была вмѣщать тысячу заключенныхъ.

Незадолго предъ тѣмъ умеръ отецъ Бентама, оставивъ сыну ежегодную ренту въ 600 фунтовъ стерлинговъ (1792). Бентамъ воспользовался этими деньгами для покупки участка земли и для предварительныхъ расходовъ. Его проектъ контракта былъ принятъ парламентомъ (1794), но этимъ не кончились его затрудненія. На каждомъ шагу онъ наталкивался на нерасположеніе и рутину въ административныхъ сферахъ. Дѣло затягивалось. Терпѣніе Бентама подвергалось тяжелому испытанію. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ проволочки слѣдовали одна за другой, притомъ по самымъ ничтожнымъ поводамъ. Послѣ многочисленныхъ отсрочекъ, проектъ Бентама былъ окончательно отвергнутъ комитетомъ парламента (1811), и въ 1813 г. Бентаму были возвращены значительныя суммы, израсходованныя имъ (23.000 ливровъ). Былъ моментъ, когда всѣ его деньги были поглощены предпріятіемъ, и оставшись безъ всякихъ средствъ, онъ принужденъ былъ покинуть свой домъ и поселиться съ братомъ, который жилъ тогда въ Англии. Впрочемъ, возвращеніе денегъ не утѣшило Бентама, и ему всегда было тяжело вспоминать о Паноптикѣ. „Я не люблю смотрѣть на Паноптикъ“, говорилъ онъ своимъ друзьямъ. „Это производитъ на меня такое-же впечатлѣ-

тлѣніе, какъ если-бы я открылъ ящикъ, въ которомъ спрятаны черти. Первую мысль о планѣ моей тюрьмы подалъ мнѣ братъ; онъ заимствовалъ его отъ жилищъ русскихъ крестьянъ. Въ этомъ зданіи надзоръ за заключенными былъ-бы простъ, легокъ, безпрерывенъ; какъ жаль, что эта мысль не осуществилась!“

Свою неудачу Бентамъ приписывалъ личной неприязни къ нему Георга III. Между ханжей-королемъ и наиболѣе смѣлымъ новаторомъ его времени во всякомъ случаѣ не могло быть большой симпатіи, но одно частное обстоятельство навлекло на Бентама ненависть короля.

Въ 1789 г. великобританское правительство хотѣло порвать союзъ Даніи съ Россіей; послѣднюю упрекали въ томъ, что она удержала за собой Очаковъ, отнятый ею у турокъ. Это было покушеніемъ на политическое равновѣсіе Европы. Георгъ III посылалъ подъ псевдонимомъ статьи въ *Лейденскую Газету*, въ которыхъ совѣтовалъ датскому королю отказаться отъ союза съ Россіей, и — что выдало инкогнито короля — въ то-же самое время поручилъ англійскому послу вести въ томъ-же духѣ переговоры съ копенгагенскимъ дворомъ.

Бентамъ помѣстилъ въ *Public Advertiser* цѣлую серію писемъ за подписью *Anti-Machiavel*, доказывая въ нихъ нелѣпость политики, которая рискуетъ вовлечь Англію въ войну только ради того, чтобы избѣжать воображаемой опасности. Георгъ III снова взялся за перо и подъ псевдонимомъ *Partizan* выступилъ на защиту англійской политики. Но силы противниковъ были слишкомъ неравны: разбирая одинъ за другимъ доводы короля, Бентамъ разоблачилъ ихъ нелѣпость, и разбилъ своего противника по всѣмъ пунктамъ. На этотъ разъ его голосъ былъ услышанъ, и англійскій кабинетъ отказался отъ своихъ проектовъ, но Георгъ III узналъ,

кто былъ Anti-Machiavel. „Можете себѣ представить“, говоритъ Бентамъ, „какъ онъ возненавидѣлъ меня. Его месть обошлась въ милліоны. Онъ уничтожилъ контрактъ, который адмиралтейство заключило съ моимъ братомъ. Заставивъ меня ожидать дольше, чѣмъ сколько продолжалась троянская война, онъ побудилъ затѣмъ парламентъ отказаться отъ обѣщанія, которое было дано мнѣ. Если-бы онъ не помѣшалъ, всѣ бѣдныя нашей страны и всѣ были-бы въ моихъ рукахъ, и я ввелъ-бы въ судопроизводство составленное мною уложеніе о наказаніяхъ“.

Дѣйствительно, Бентамъ занимался и вопросомъ о пауперизмѣ. Онъ составилъ подробный планъ реформы, который изложенъ въ его сочиненіи о положеніи нищихъ *). Высказанные имъ принципы были осуществлены въ 1834 г., когда реформа закона о нищихъ положила конецъ невыносимому положенію вещей. Съ удивительною проницательностью Бентамъ указываетъ какъ неудобства этой системы — и послѣдствія, какъ извѣстно, оправдали его пророчество, — такъ и средства къ ихъ устраненію. Онъ требуетъ примѣненія „рабочаго свидѣтельства“ Labour test, и уничтоженія закона о Settlement. Онъ выступаетъ противъ безразсудныхъ проектовъ, поддерживаемыхъ государственными дѣятелями. Такъ, на примѣръ, Питтъ внесъ въ парламентъ билль о снабженіи коровами всѣхъ *почтенныхъ нищихъ* (respectable paupers). Противникъ всякой мѣры, способствующей поощренію нищенства, Бентамъ возстаетъ противъ безчеловѣчности режима, который слабосильныхъ, помѣшанныхъ, слѣпыхъ приводитъ въ соприкосновеніе съ другими paupers, образующими подонки населенія, и оставляетъ этихъ несчастныхъ безъ всякаго ухода, какой необходимъ

---

*) Situation et Relief of the Poor, 1797.

при ихъ положеніи; онъ требуетъ, чтобы дѣти были отдѣлены отъ остальныхъ нищихъ и извлечены изъ порочной среды. Съ большимъ умомъ онъ изображаетъ воспитаніе, которое необходимо дать этимъ дѣтямъ, и реформа закона о нищихъ (1834) представляетъ осуществленіе большей части требованій Бентама. Бентамъ не упустилъ изъ виду ни одной подробности. Онъ даетъ даже указанія относительно устройства кроватей для нищихъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ его проектъ граничитъ съ утопіей; но, повторяемъ, въ наиболѣе важныхъ пунктахъ реформа пошла по пути, указанному Бентамомъ. Въ этомъ изслѣдованіи Бентамъ набросалъ планъ устройства сберегательныхъ кассъ (*Frugality banks*), и главныя черты этого проекта были восприняты англійскимъ законодательствомъ. Какъ мало это сочиненіе Бентама извѣстно даже въ самой Англии, видно изъ того, что первую мысль о сберегательныхъ кассахъ приписываютъ обыкновенно *Smith's de Wendover, Предложенія* котораго появились спустя два года послѣ выхода въ свѣтъ книги Бентама о положеніи нищихъ.

Бентамъ живо интересовался ирландскимъ вопросомъ; онъ былъ горячимъ поборникомъ эманципаціи католиковъ. Въ яркихъ краскахъ изобразилъ онъ гибельныя послѣдствія тѣхъ исключительныхъ мѣръ, которыя примѣнялись къ ирландскимъ католикамъ, и съ истинно-пророческою проницательностью намѣтилъ, въ видѣ предположенія, все то, что впослѣдствіи совершилось въ Ирландіи.

„Представимъ себѣ народъ, который законодательство лишило права публично исповѣдывать его религію и въ то-же время обязало нести расходы другой церкви, которую онъ считаетъ враждебною своей. Это было бы двойнымъ нарушеніемъ свободы. Этотъ народъ посте-

пенно проникся-бы непримиримой ненавистью къ своему правительству, въ немъ выработалась-бы отчаянная отвага и глубокая скрытность. Народъ, лишенный всѣхъ преимуществъ признанной государствомъ религіи, лишенный руководителей и священно-служителей, пользующихся его довѣріемъ, былъ-бы отданъ въ руки невѣжественныхъ и фанатическихъ начальниковъ, и такъ какъ поддержаніе этого культа вызывало-бы постоянные заговоры въ народѣ, то клятва, вмѣсто того чтобы служить къ охранѣ государства, терроризировала бы его: вмѣсто того, чтобы привязывать гражданъ къ правительству, она объединяла-бы ихъ противъ него. Такимъ образомъ этотъ народъ внушалъ-бы страхъ столько-же своими добродѣтелями, сколько и пороками“. Развѣ въ этихъ словахъ не заключается предсказаніе феніанизма и всѣхъ смуть, которая безпрестанно волновали бѣдный Эринъ?

Другой вопросъ, привлекавшій вниманіе Бентама, касался экономіи въ государственныхъ расходахъ, которую онъ проповѣдывалъ какъ въ своихъ крупныхъ произведеніяхъ, такъ и въ мелкихъ статьяхъ. Эта реформа нашла энергическую поддержку въ *Westminster Review*. Этотъ журналъ, основанный Бентамомъ, защищалъ тѣ преобразованія, которыя онъ считалъ необходимыми: реформу законодательства, реформу парламента, равноправіе для католиковъ, диссидентовъ, евреевъ, свободную торговлю, уменьшеніе государственныхъ расходовъ; послѣднее, повторяемъ, было однимъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые Бентамъ ближе всего принималъ къ сердцу. Онъ изобрѣлъ даже энергическую формулу для выраженія конечной цѣли, къ которой нужно стремиться: *развивать (максимизировать) способности и уменьшать (минимизировать) расходы*. Не одна страница въ его

сочиненіяхъ продиктована ему этимъ стремленіемъ къ экономіи; онъ не пренебрегалъ даже практическими указаніями. Вотъ, на примѣръ, способъ, который онъ предлагалъ для уменьшенія вознагражденія архитекторовъ— способъ, которымъ можно было-бы воспользоваться еще и въ настоящее время.

„Заключая контрактъ съ архитекторами, имъ обыкновенно обезпечиваютъ извѣстный процентъ съ общей суммы расходовъ. Подобный способъ расплаты, кажущійся столь естественнымъ, открываетъ путь къ расхищенію государственной казны,—къ тому наиболее опасному роду хищенія, когда малѣйшая выгода спекулятора влечетъ за собою крупныя потери для работодателя. Особенно велика эта опасность въ области общественныхъ работъ, гдѣ никто не имѣетъ надобности сдерживать расточительность и, напротивъ, многіе находятъ выгоду въ томъ, чтобы потакать ей.

„Одно изъ средствъ противъ этого зла состоитъ въ томъ, чтобы, согласно сдѣланной смѣтѣ, опредѣлить, извѣстную сумму и сказать подрядчику: пока расходы не превысятъ этой суммы, вы получаете такой-то процентъ; со всего, что будетъ израсходовано свыше ея, вы не получите ничего. Если расходы окажутся ниже смѣты, вы все-таки получите проценты со всей суммы“.

Этотъ принципъ бережливости проходитъ красною нитью чрезъ все ученіе Бентама о компетенціи государства и ея границахъ. По его мнѣнію, обязанность государства состоитъ въ томъ, чтобы обезпечивать *безопасность*, свободу дѣйствій, всѣмъ своимъ подданнымъ и ничего не щадить для достиженія этой цѣли. „Свобода труда и его продукта—вотъ въ чемъ заключается благодѣтельное и неоцѣнимое дѣйствіе закона“.

Полная свобода въ экономической области, устрани-

ніе всѣхъ препятствій, которыя могутъ стѣснять личную инициативу. Принципъ свободы лучше всего обеспечиваетъ развитіе промышленности и торговли и ростъ народнаго благосостоянія. Не дѣло государства регулировать отношенія между рабочими и хозяевами или условія обученія ремеслу. Пусть обѣ заинтересованныя стороны устраиваются такъ, какъ находятъ выгоднымъ для себя.

„Большая часть правительствъ не придерживается этой системы свободы. Они стремятся внести во всѣ отрасли производства то, что они называютъ *порядкомъ*, другими словами—замѣнить естественную организацію искусственной, чтобы доставить себѣ удовольствіе регулировать то, что урегулировалось-бы само собою. При этомъ, вмѣшиваясь въ дѣла, имъ совершенно не знакомы, они обыкновенно руководятся идеей однообразія въ вещахъ совершенно различнаго характера.

„Эта манія регламентаціи прикрывается банальнымъ предлогомъ. Правительство хочетъ усовершенствовать искусства, сдѣлать такъ, чтобы не было дурныхъ работниковъ, обеспечить національнымъ мануфактурамъ кредитъ и почетную извѣстность. Но для достиженія этой цѣли есть простое и естественное средство—предоставить каждому руководиться собственнымъ сужденіемъ, отвергать дурное, избирать хорошее, измѣрять свои преимущества по успѣху, и, такимъ образомъ, возбудить соревнованіе при помощи свободы конкуренціи“.

Заботу о поощреніи искусствъ Бентамъ хотѣлъ-бы предоставить частнымъ лицамъ и считаетъ достаточными для этого добровольныя приношенія. Онъ не презиралъ искусствъ, какъ его несправедливо упрекали. Напротивъ, вотъ что онъ говорилъ объ общепринятомъ раздѣленіи между *пріятными* и *полезными* искусствами:

„не слѣдуетъ думать, что первыя бесполезны; нѣтъ искусства, польза котораго была-бы болѣе несомнѣнна. Въ самомъ дѣлѣ, есть-ли что-нибудь полезнѣе того, что доставляетъ удовольствіе? Пріятныя искусства и знанія, какъ невинныя средства наполнять досугъ, приносятъ нравственную пользу, которая лишь нѣсколько менѣе замѣтна, но отъ того не менѣе реальна и важна.

„Однако, прежде чѣмъ тратить деньги на украшенія, надо позаботиться обо всемъ существенномъ. Артистами, художниками, архитекторами можно заняться лишь тогда, когда будутъ вознаграждены всѣ, потерпѣвшіе отъ войнъ, преступленій и физическихъ бѣдствій, когда будетъ обезпечено существованіе неимущихъ; но оказывать предпочтеніе этимъ блестящимъ аксессуарамъ передъ предметами первой необходимости, было-бы непростительно“.

При расходованіи сдѣланныхъ сбереженій слѣдуетъ руководиться правиломъ, которое предписывается одинаково и справедливостью, и благоразуміемъ, и чело-вѣчностью, и безъ котораго „всякая реформа приноситъ больше вреда, чѣмъ то, что должно быть исправлено ею“, — правила *давать полное вознагражденіе всѣмъ тѣмъ, которые теряютъ часть своихъ доходовъ или лишаются должности*. Единственный законный способъ такого вознагражденія есть обращеніе постояннаго дохода въ пожизненную пенсію.

„Говорятъ, что интересы отдѣльныхъ лицъ должны отступать на задній планъ передъ интересами общества. Что значать эти слова? Не составляетъ-ли каждое лицо такой-же части общества, какъ и всякое другое? Интересы отдѣльныхъ лицъ суть единственные реальные интересы. Заботьтесь объ отдѣльныхъ личностяхъ. Не притѣсняйте ихъ, не позволяйте другимъ притѣснять ихъ, и вы достаточно сдѣлали для общества.“ б*

Но на совѣты Бентама уменьшить государственные расходы не обращали вниманія. „Въ Англии“, сказалъ онъ однажды Боурингу, „всегда предпочитаютъ самый разорительный проектъ—во-первыхъ потому, что бережливость подала-бы дурной примѣръ, во-вторыхъ—потому, что невѣжество не имѣетъ другого критерія для сужденія, кромѣ величины расходовъ“.

Съ тѣхъ поръ это зло только усилилось, и экономисты безпрестанно указываютъ на вытекающую отсюда опасность. Но не въ одномъ этомъ пунктѣ современная экономическая наука подтверждаетъ выводы Бентама. Онъ много занимался политической экономіей, и экономистъ-Бентамъ былъ-бы болѣе извѣстенъ и цѣнимъ, если-бы ему не вредилъ Бентамъ-философъ и легистъ.

Политическая экономія стоитъ въ полномъ согласіи съ утилитарной теоріей. „Наблюдая естественную игру человѣческихъ интересовъ“, говоритъ Молинали, „изучая законы, управляющіе ростомъ и распредѣленіемъ богатства, мы неминуемо придемъ къ убѣжденію, что всякое нарушеніе права или справедливости влечетъ за собою потерю, ущербъ; поэтому всякое экономическое учрежденіе, нарушающее принципъ справедливости, должно быть осуждено съ точки зрѣнія пользы. Такимъ образомъ, изслѣдованіе законовъ природы приводитъ экономистовъ къ тому-же выводу, къ которому пришелъ Бентамъ на основаніи спеціальнаго изученія человѣческихъ законовъ“.

Но, повторяемъ, Бентамъ занимался и политической экономіей, и плодомъ этихъ занятій было его *Руководство по политической экономіи*. Это—одна изъ самыхъ замѣчательныхъ его работъ. Она естественно приближается къ теоріямъ, изложеннымъ въ *Изслѣдованіи*

о богатствѣ народовъ и въ *Элементахъ политической экономіи* Джемса Милля, но Бентамъ указываетъ на извѣстныя ошибки Смита, между прочимъ—по вопросу о кредитѣ, о мнимомъ превосходствѣ внутренней торговли надъ внѣшней, и т. ц., и съ другой стороны, облекаетъ свои положенія въ менѣе абстрактную форму, чѣмъ Милль, и избѣгаетъ обычныхъ ошибокъ англійскихъ экономистовъ. При чтеніи этой книги особенно поражаетъ то, какъ мало она пострадала отъ времени. Несмотря на нѣкоторыя устарѣвшія выраженія и пробѣлы, она представляетъ ясное и простое изложеніе многихъ основныхъ фактовъ политической экономіи.

Что надо дѣлать и, въ особенности, то, *чего не слѣдуетъ дѣлать*, для того, чтобы нація достигла высшей степени процвѣтанія, — вотъ предметъ этой книги

Бентамъ проливаетъ новый свѣтъ на величайшіе принципы общественнаго порядка — на безопасность, на свободу промышленности, на вліяніе выгоды и награды, побуждающихъ свободнаго человѣка къ труду, на сравнительную слабость принужденія, способнаго создать лишь вялый трудъ раба. Онъ приводитъ новые доводы въ доказательство того, какъ губельны зависть между націями, честолюбивое стремленіе къ основанію грандіозныхъ предпріятій и другіе подобныя предразсудки. Что должно дѣлать государство для увеличенія народнаго богатства? Очень мало, и скорѣе ничего, чѣмъ много. Что должно оно дѣлать для увеличенія народонаселенія? Ничего. Лучшимъ средствомъ для увеличенія богатства была-бы, въ большей части государствъ, отмѣна законовъ и постановленій, при помощи которыхъ именно и стараются достигнуть этой цѣли,— конечно, отмѣна постепенная и осторожная.

Безопасность, свобода — вотъ все, что нужно для

процвѣтанія промышленности. Земледѣліе, торговля и мануфактуры предъявляютъ къ правительству такое-же скромное и разумное требованіе, съ какимъ Діогенъ обратился къ Александру: *не заслоняй мнѣ солнца*. Намъ не нужно льготъ, — намъ нужна лишь свободная и безопасная дорога. Бентамъ доказываетъ въ этомъ сочиненіи, что въ обществѣ существуетъ больше солидарныхъ, чѣмъ противоположныхъ интересовъ, что людей раздѣляетъ только невѣжество, что чѣмъ болѣе они просвѣщаются, тѣмъ болѣе сближаются, и что человечество замѣтно движется впередъ по пути къ добру, хотя этотъ прогрессъ неравномѣренъ и даже по временамъ прерывается попятнымъ движеніемъ.

Бентамъ не требуетъ отъ государства ничего другого, кромѣ предоставленія всѣмъ полной свободы дѣйствій, и энергично отстаиваетъ принципъ невмѣшательства. — Въ этомъ отношеніи онъ приближается къ французскимъ экономистамъ XVIII вѣка *).

Въ *Письмахъ о ростовщичествѣ* Бентамъ пытается рѣшить задачу, которою двадцать лѣтъ до него занимался Тюрго. Дюмонъ помѣстилъ изслѣдованіе послѣдняго рядомъ съ работой Бентама, такъ какъ, по его мнѣнію, „эти два сочиненія содержатъ въ себѣ все, что до сихъ поръ было высказано вѣрнаго и убѣдительнаго по вопросу о ростовщичествѣ“. Дѣйствительно, они дополняютъ другъ друга и, повидимому, окончательно рѣшаютъ этотъ вопросъ съ теоретической точки зрѣнія.

Бентамъ писалъ свои *Письма о ростовщичествѣ* въ 1787 г., во время своего пребыванія въ Россіи.

---

*) Бентамъ взялъ эпиграфомъ для своихъ *Замѣтокъ о системѣ запрещеній въ торговлѣ* слова: *leave us alone*, а въ *Руководствѣ по политической экономіи* рекомендуетъ правительству „оставаться спокойнымъ“: *be quiet*.

Не имѣя подъ рукою книгъ и документовъ, необходимыхъ ему для продолженія его работъ по теоріи законодательства, онъ занялся вопросомъ, который давно обдумалъ и относительно котораго ему оставалось только изложить свои мысли.

Въ этомъ изслѣдованіи Бентамъ отводитъ принципу свободы второстепенную роль, пользуясь имъ лишь какъ литературнымъ приемомъ. Выяснивъ нелѣпость всѣхъ доводовъ, какіе могутъ быть приведены въ пользу законодательнаго ограниченія ростовщичества, доказавъ, что эти законы не только не приносятъ ожидаемой пользы, но способны причинить лишь вредъ, онъ на этомъ основаніи требуетъ ихъ отмѣны. Эта аргументація отличается той-же тонкостью анализа, тою-же точностью, которыя составляютъ отличительныя черты всего, что вышло изъ-подъ его пера.

„Результатъ моихъ мыслей объ этомъ вопросѣ“, говоритъ Бентамъ, „сводится для меня къ слѣдующему положенію: ни одному человѣку, достигшему зрѣлаго возраста, обладающему здравымъ смысломъ, дѣйствующему свободно и сознательно, не слѣдуетъ запрещать—хотя-бы по соображеніямъ, основаннымъ на его собственной пользѣ—вступать въ сдѣлки, направленные къ добыванію денегъ, каковы-бы ни были эти сдѣлки, и слѣдовательно никому не слѣдуетъ запрещать давать ему то, чего онъ проситъ, на такихъ условіяхъ, какія онъ сочтетъ удобнымъ принять“.

Онъ защищаетъ свой взглядъ съ такимъ жаромъ, съ такою тонкою ироніей, что его трактатъ о ростовщичествѣ приходится отнести къ числу самыхъ увлекательныхъ книгъ, какія существуютъ. Въ этомъ трактатѣ есть, между прочимъ, глава о Блэкстонѣ, въ которой Бентамъ сравниваетъ торговлю лошадьми съ торговлей

серебромъ; она проникнута здравымъ смысломъ и юморомъ, доходящими до совершенства. Вообще, это одно изъ лучшихъ сочиненій Бентама со стороны формы. Въ послѣднемъ письмѣ онъ беретъ подъ свою защиту прожекторовъ, которыхъ такъ рѣзко осудилъ въ своемъ *Богатствѣ народовъ* Адамъ Смитъ. Послѣдній созналъ справедливость этихъ замѣчаній и велѣлъ передать Бентаму, что принимаетъ его точку зрѣнія. Вмѣстѣ съ извѣстіемъ о его смерти Бентамъ получилъ экземпляръ его сочиненій, который Смитъ переслалъ ему въ знакъ своего уваженія.

Какое разнообразіе во всѣхъ этихъ работахъ Бентама! Между тѣмъ, мы рассмотрѣли еще далеко не все: его главныя работы по философіи и по теоріи законодательства, его болѣе спеціальныя изслѣдованія, касавшіяся самой Англии, еще оставляли ему свободное время. Онъ интересовался всѣмъ, что происходило за границей.

Въ ту минуту, когда вспыхнула французская революція, онъ былъ уже въ дружескихъ сношеніяхъ съ Морелле и Бриссо; съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ онъ за событіями, совершавшимися во Франціи, и чтобы придти на помощь этой странѣ, написалъ трактатъ: *О тактикѣ совѣщательныхъ собраній*. Онъ взялъ за образецъ англійскій парламентъ, устранивъ изъ его практики все то, что казалось ему неподходящимъ для современныхъ учреждений этого рода.

„Мысль написать этотъ трактатъ“, говоритъ Дюмонъ, „была внушена ему чтеніемъ протоколовъ провинціальныхъ собраній. Видя, какое множество вопросовъ возникаетъ въ этихъ собраніяхъ относительно ихъ внутренняго устройства, какая путаница господствуетъ въ ихъ преніяхъ и постановленіяхъ, онъ рѣшилъ изложить основные принципы ихъ организаціи. Онъ началъ

свою работу въ то время, когда засѣдало второе собраніе нотаблей, и надѣялся окончить ее до открытія генеральныхъ штатовъ, которымъ хотѣлъ ее представить.

„Я съ отвращеніемъ отвергъ-бы названіе патріота“, говоритъ Бентамъ въ проектѣ предисловія, „если-бы для того, чтобы быть другомъ своей родины, надо было сдѣлаться врагомъ челоѳчества. Вѣчные, неизмѣнные интересы всѣхъ народовъ одинаковы. Способствуя выработкѣ болѣе свободной и благодѣтельной конституціи для Франціи, я приношу пользу моему отечеству“.

Генеральные штаты собрались раньше, чѣмъ Бентамъ успѣлъ окончить свое сочиненіе, но если-бы оно и было готово, то едва-ли одержало-бы верхъ надъ національными предразсудками. Дюмонъ рассказываетъ о неудачѣ, постигшей памятную записку, которую онъ черезъ Мирабо представилъ національному собранію. Это было простое описаніе порядковъ, принятыхъ въ англійскомъ парламентѣ; одинъ изъ депутатовъ отвѣтилъ Мирабо: „Мы ничего не хотимъ брать у англичанъ, мы никому не должны подражать“.

Другой трудъ Бентама, стоящій въ связи съ парламентскими преніями,—его *Трактатъ о политическихъ софизмахъ*.

Это одна изъ наиболѣе выдающихся работъ Бентама. Мысли, изложенныя въ ней, представляютъ вѣчныя истины, одинаково вѣрныя для всѣхъ временъ и всѣхъ странъ, въ такой-же степени примѣнимыя къ современнымъ событіямъ, какъ и къ обстоятельствамъ, среди которыхъ жилъ Бентамъ. Нигдѣ способности Бентама не развернулись лучше, чѣмъ въ этой борьбѣ съ отжившими предразсудками, которые маскируются столькими вымыслами. Съ поразительною пронизательностью онъ разоблачаетъ тѣ безчисленные софизмы, которые

выставляютъ люди съ цѣлью оправдать дурной поступокъ, онъ перечисляетъ ихъ, классифицируетъ, не упуская изъ виду ни одного, и по мѣрѣ того, какъ вы углубляетесь въ чтеніе этой книги, вы слышите какъ-бы отзвукъ всего того, что говорится, что печатается и повторяется всякій разъ, когда хотятъ оправдать укоренившіяся злоупотребленія, возстановить общественное мнѣніе противъ полезной реформы и скрыть истинные мотивы, которые руководятъ этими защитниками предрассудковъ и рутины, этими противниками всякой реформы. Къ какимъ только софизмамъ не прибѣгали въ парламентскихъ преніяхъ, предшествовавшихъ повышенію тарифовъ, чтобы провести эти законопроекты, идущіе въ разрѣзъ съ прогрессомъ и наукой, — законопроекты, которые могутъ защищать лишь софисты! И сколько разъ еще придется выслушивать ихъ при этихъ и при многихъ другихъ обстоятельствахъ!

Въ 1792 г., по предложенію Бриссо, національное собраніе даровало Бентаму званіе французскаго гражданина. Въ своемъ отвѣтѣ, который онъ прислалъ собранію, онъ, послѣ выраженій признательности за оказанную ему честь, воспользовался случаемъ выступить въ защиту эмигрантовъ.

Онъ обратился къ Конвенту съ брошюрой — *Эманципируйте ваши колоніи*. Онъ былъ твердо убѣжденъ въ необходимости этой мѣры, и не разъ высказывалъ это относительно Англіи и ея колоній, но его совѣтъ былъ такъ-же мало услышанъ во Франціи, какъ и въ его отечествѣ.

Онъ подвергъ также критическому разбору „Декларацию человѣческихъ правъ“, причемъ выставилъ на видъ допущенныя въ ней ошибки. Дюмонъ перевелъ эту критику и издалъ подъ заглавіемъ: *Анархическіе софизмы*.

Но, строго осуждая заблужденія и крайности, Бентамъ не терялъ хладнокровія и не поддавался безумной реакціи, которая увлекла его соотечественниковъ. Онъ былъ почти единственный человѣкъ въ Англии, сохранившій здравый смыслъ при обсужденіи событій и не осуждавшій цѣлую націю за преступленія немногихъ людей. Онъ ни разу не забываетъ своего званія французскаго гражданина, какъ и своей симпатіи къ Франціи. Его переписка представляетъ не мало доказательствъ этой симпатіи. Боурингъ, между прочимъ, приводитъ письма Бентама къ Лафайету, свидѣтельствующія о сердечной дружбѣ, которой они были связаны, а однимъ изъ послѣднихъ произведеній Бентама было *Письмо къ французскому народу*, написанное послѣ революціи 1830 г. и полное совѣтовъ и ободренія.

Случайныя произведенія Бентама показываютъ, съ какимъ участіемъ онъ относился ко всякимъ покушеніямъ на свободу. Его *Письма къ Испаніи* объ испанской конституціи (1820) представляютъ образецъ здравого мысля и ироніи. Никто не умѣлъ такъ хорошо указать недостатки законодательства, какъ онъ, всю жизнь занимавшійся этимъ вопросомъ.

Въ послѣдніе годы своей жизни Бентамъ не довольствовался уже установленіемъ принциповъ законодательства и критикой существующихъ кодексовъ; онъ хотѣлъ дать возможность народу воспользоваться плодами своихъ многолѣтнихъ трудовъ. Встрѣчая мало сочувствія въ Англии, онъ обратился къ иностранцамъ. Онъ предложилъ президенту Соединенныхъ Штатовъ и русскому императору составить полный сводъ законовъ, не требуя за это никакого вознагражденія. Отвѣтъ президента Соединенныхъ Штатовъ дошелъ до Бентама только черезъ нѣсколько лѣтъ, и содержаніе его было неутѣ-

шительно. Императоръ отвѣтилъ ему очень любезнымъ иисьмомъ; онъ принималъ предложеніе Бентама, но ставилъ ему одно условіе, которое дѣлало выполненіе его невозможнымъ. Бентамъ долженъ былъ войти въ соглашеніе съ русской комиссіей, на которую возложена была реформа законодательства, и которая состояла изъ людей, враждебно относившихся къ идеямъ Бентама. Онъ обратился въ Польшу, но не съ большимъ успѣхомъ; та-же участь постигла его предложеніе и въ различныхъ штатахъ американской республики.

Это желаніе видѣть свои доктрины осуществленными сдѣлалось у него какъ-бы маніей, и Бентамъ развилъ цѣлую теорію для доказательства своей способности быть всемірнымъ кодификаторомъ. Составленіе кодекса нужно поручить, по его мнѣнію, иностранцу, который стоялъ-бы выше партійныхъ вопросовъ, предразсудковъ и предубѣжденій; это дѣло нужно возложить на одного человѣка — только такимъ образомъ можно сохранить единство взгляда, необходимое для такого рода произведенія, и этотъ человѣкъ — Бентамъ. И онъ самодовольно перечислялъ свои права на это званіе и съ нетерпѣніемъ, въ которомъ было что-то патетическое, прибавлялъ, что въ виду своихъ преклонныхъ лѣтъ ему нельзя терять времени. Безъ сомнѣнія, въ этомъ было немного ребячества, да и во многихъ другихъ отношеніяхъ Бентамъ всю жизнь оставался ребенкомъ. Отличаясь самъ искренностью, онъ до послѣднихъ дней считалъ и другихъ столь-же чистосердечными.

IV.

Оригинальность Бентама заключается не только въ его теоріи пользы, но и въ способѣ примѣненія этой

теоріи. „Онъ былъ скорѣе великимъ реформаторомъ философіи, чѣмъ великимъ философомъ“, говоритъ Милль. Онъ былъ для политики и морали тѣмъ, чѣмъ былъ Бэконъ для естественныхъ наукъ, и въ этой области положилъ конецъ тѣмъ безконечнымъ и празднымъ словопреніямъ, которыя ни къ чему не приводили, такъ какъ были лишены твердаго научнаго метода.

„Бентамъ ввелъ въ нравственную философію детальный методъ и сдѣлалъ правиломъ — не рассуждать о сущности цѣлаго, не разложивъ его на части, или объ абстракціяхъ, не переведя ихъ на языкъ реальныхъ понятій. Примѣненіе этого метода и составляетъ великую оригинальность Бентама; оно-то сдѣлало его великимъ реформаторомъ морали и политики.

„Всѣ великіе мыслители сознавали, что источникъ ошибокъ и заблужденій заключается въ общихъ положеніяхъ, но до Бентама никто не примѣнялъ этой истины съ такимъ постоянствомъ, какъ онъ. Умъ человѣка неспособенъ сразу объять какое-нибудь цѣлое во всей его сложности“. Отсюда — безчисленные подраздѣленія Бентама, его стремленіе тщательно и подробно-обосновывать даже самыя неоспоримыя истины. Эта черта не разъ навлекла на него насмѣшки; но онъ говорилъ, что нѣкоторыя обще-признанныя истины необходимо доказывать, потому что онѣ ведутъ къ признанію другихъ истинъ, которыя вытекаютъ изъ нихъ

Бентамъ съ успѣхомъ примѣнилъ этотъ методъ въ своей критикѣ англійскаго законодательства. Можно было-бы подумать, что указывая на то, что было не-лѣпаго въ англійской конституціи, и возставая противъ слѣпого почтенія, съ которымъ его соотечественники относились къ ней, онъ дѣлалъ легкое дѣло. „Но онъ началъ борьбу юношей“, говоритъ Милль, „и только

въ старости добился вниманія. Потомство едва-ли повѣритъ, какимъ упорствомъ обладали предразсудки, которые до тѣхъ поръ дѣлали англійское законодательство недоступнымъ для критики“.

„Честь побѣды всецѣло принадлежитъ Бентаму; чтобы одержать ее, нужны были его замѣчательныя дарованія: его неутомимая настойчивость, его энергія, его практической умъ, его способность къ синтезу и, прежде всего, его методъ“. Но еще лучше, чѣмъ разрушать, онъ умѣлъ созидать новое. Онъ показалъ, какъ надо браться за дѣло, чтобы замѣнить новыми учрежденіями тѣ, которыя перестали удовлетворять потребностямъ страны. „Онъ нашель философію законодательства въ хаотическомъ состояніи и сдѣлалъ изъ нея науку.“

Знаменитый англійскій юристъ, Джемсъ Стефенъ, сказалъ о Бентамѣ, что онъ имѣлъ такое-же глубокое вліяніе на законодательство своего отечества и многихъ другихъ государствъ, какое имѣлъ Адамъ Смитъ на торговлю.

Какъ велико было практическое вліяніе сочиненій Бентама, можно видѣть изъ списка реформъ и улучшеній, совершенныхъ согласно его указаніямъ; этотъ списокъ, помѣщенный сэромъ Джономъ Гилль Бертономъ во введеніи къ полному собранію сочиненій Бентама, былъ составленъ чрезъ десять лѣтъ послѣ смерти Бентама, и все-таки онъ очень великъ: реформы въ организаціи парламента и муниципальныхъ учрежденій, смягченіе уголовнаго законодательства, отмѣна ссылки, введеніе исправительной системы, основанной на законахъ морали и экономіи, усовершенствованіе суда присяжныхъ, уничтоженіе пошлинъ въ судебныхъ палатахъ, уничтоженіе извѣстныхъ поводовъ къ отводу свидѣтельскихъ показаній, отмѣна исключительныхъ законовъ для католиковъ, уменьшеніе налога на образованіе (taxes

on knowledge), реформа законодательства о бѣдныхъ, учрежденіе почтовыхъ сберегательныхъ кассъ и обществъ взаимной помощи, дешевыя марки (timbres à bon marché) и введеніе пересылки денегъ по почтѣ (mandat-post), полной и однообразной регистратуры рожденій, погребеній и браковъ, періодической переписи населенія, уничтоженіе стѣснительныхъ законовъ о патентахъ, и т. д.

Изъ реформъ, осуществленныхъ позже, Гилль Бёршонъ отмѣчаетъ свободу торговли, систему національнаго воспитанія, тайную подачу голосовъ (ballot).

Другія реформы, къ сожалѣнію, еще очень далеки отъ осуществленія. И Бентамъ лелѣялъ мысль о всеобщемъ мирѣ. Наканунѣ французской революціи онъ излагалъ выгоды всеобщаго разоруженія и приглашалъ Францію и Англію подать примѣръ въ этомъ дѣлѣ; въ своемъ неоконченномъ трактатѣ о международномъ правѣ онъ указалъ цѣль, къ которой долженъ стремиться въ области внѣшней политики всякій безкорыстный законодатель—наибольшее благосостояніе всѣхъ націй въ ихъ цѣломъ.

Эта новая концепція внѣшней политики нашла въ Англіи краснорѣчивыхъ защитниковъ, и результаты, достигнутые Кобденомъ и Брайтомъ, должны были-бы побудить всѣ націи усвоить принципы Бентама.

Въ послѣдніе годы своей жизни Бентамъ былъ окруженъ небольшою группою учениковъ, во главѣ которыхъ стоялъ Стюартъ Милль. Милль былъ воспитанъ своимъ отцомъ на идеяхъ Бентама, съ дѣтства привыкъ примѣнять его критерій наибольшаго счастія, но не прочиталъ еще ни одной изъ его книгъ, когда отецъ впервые далъ ему въ руки *Трактатъ о законодательствѣ* Дюмона. Эта книга была для него откровеніемъ.

„Когда я закрылъ послѣдній томъ Трактата, я былъ другимъ человѣкомъ. Принципъ пользы, понятый такъ, какъ понималъ его Бентамъ, внесъ единство въ мои взгляды. Съ этой минуты я имѣлъ убѣжденія, вѣру, теорію, философію, и, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, — религію, защиту и пропаганду которой я могъ сдѣлать главной задачей моей жизни. Передо мной былъ грандіозный планъ реформъ, которыя должны быть произведены во всѣхъ областяхъ жизни при помощи этого ученія“.

Вмѣстѣ съ небольшимъ числомъ молодыхъ людей, въ которыхъ Милль вдохнулъ свой энтузіазмъ, онъ основалъ кружокъ, получившій названіе *Утилитарнаго общества*. „Я не изобрѣлъ этого имени“, говоритъ Милль, — „я нашелъ его въ одной повѣсти Гальта, въ *Приходскихъ лѣтописяхъ*, гдѣ шотландскій священникъ убѣждаетъ своихъ прихожанъ не покидать Евангелія для *утилитарной* жизни. Съ любовью ребенка къ названію и знамени, я ухватился за это слово и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ употреблялъ его, какъ имя секты, примѣняя къ себѣ и другимъ; иногда имъ пользовались и постороннія лица, державшіяся тѣхъ-же взглядовъ, какъ и я. По мѣрѣ того, какъ ученіе Бентама пріобрѣтало извѣстность, это имя употреблялось все чаще посторонними лицами и противниками и, наконецъ, вошло во всеобщее употребленіе, приблизительно въ то время, когда тѣ, которые впервые воспользовались имъ, отказались отъ него, какъ и отъ всего прочаго, что придавало имъ видъ секты. Общество, носившее это имя, состояло въ началѣ только изъ трехъ человѣкъ, изъ которыхъ одинъ былъ секретаремъ Бентама; благодаря ему, мы получили разрѣшеніе собираться въ квартирѣ Бентама. Число членовъ никогда не достигало десяти;

общество распалось въ 1826 г., просуществовавъ три года съ половиною.

„Отъ фанатизма секты излѣчила меня *Жизнь Тюрю Кондорсэ*“, говоритъ Милль, и съ той строгостью, которая характеризуетъ его сужденіе о самомъ себѣ, продолжаетъ: „Этотъ фанатизмъ дѣйствительно былъ во мнѣ и я освободился отъ него уже гораздо позже и лишь постепенно“. Но онъ освободился отъ него совершенно, и въ превосходномъ этюдѣ, который онъ посвятилъ Бентаму, уже нѣтъ и слѣда этого слѣпого поклоненія. Онъ воздастъ должное Бентаму, перечисляетъ его заслуги, изображаетъ его благородство и величіе, глубину и силу его ума, колоссальный трудъ, который онъ предпринялъ, и героическое мужество, съ которымъ онъ довелъ свой трудъ до конца. Онъ защищаетъ Бентама противъ несправедливыхъ упрековъ; но это уже не восторженный ученикъ, а безпристрастный судья: онъ безъ стѣсненія указываетъ слабые пункты въ системѣ Бентама. Но онъ не отрекся ни отъ Бентама, ни отъ его ученія.

Напротивъ, онъ считаетъ это ученіе въ высшей степени драгоцѣннымъ и въ основныхъ вопросахъ соглашается съ нимъ. „Вся положительная часть философіи Бентама вѣрна“. Однако, въ ученіи Бентама есть пробѣлы, и Милль отмѣчаетъ ихъ. Эти пробѣлы объясняются извѣстнымъ недостаткомъ воображенія. Бентамъ не могъ представить себѣ чловѣка, который, узнавъ теорію пользы, не принялъ-бы ея и не подчинился-бы принципу счастья наибольшаго числа людей. Сводя всѣ явленія къ этому критерию, Бентамъ судилъ обо всемъ съ точки зрѣнія моралиста. То-же похвальное, но преувеличенное чувство заставляло его негодовать каждый разъ, когда при немъ говорили о *хорошемъ* и *дурномъ* вкусѣ: онъ требовалъ, чтобы эти эпитеты, содержащіе

похвалу и порицаніе, примѣнялись только къ хорошимъ и дурнымъ поступкамъ. Такимъ образомъ, онъ впалъ въ ошибку, свойственную большей части моралистовъ по профессіи и, по странному совпаденію, подобно Платону, котораго не любилъ, осуждалъ поэзію, потому что видѣлъ въ ней *естественнаго врага истины*“.

Но вернемся къ сужденію Милля. „Мы вполне согласны съ Бентамомъ относительно достоинствъ его ученія“, говоритъ онъ, „но не можемъ согласиться съ нимъ, что для рѣшенія нравственныхъ вопросовъ необходимо открытое признаніе принципа пользы“. Дѣйствительно, подъ конецъ Бентамъ придавалъ слишкомъ большое значеніе той формулѣ, которая оказала ему такія важныя услуги, и все, что лежало внѣ этой формулы, считалъ ложнымъ. Поэтому онъ осуждалъ оглуломъ всѣхъ, кто исходилъ изъ другой точки зрѣнія, а его сужденіе о древнихъ философахъ очень далеко отъ философіи, чтобы не сказать болѣе. Но эта односторонность была, можетъ быть, необходима, чтобы исполнить дѣло, совершенное Бентамомъ. „Мы относимся съ большою терпимостью къ людямъ, которые видятъ только одну сторону вещей“, говоритъ Милль; „возможно, что, если-бы они видѣли болѣе, то не изслѣдовали-бы съ такимъ увлеченіемъ того, что видятъ. Все, что есть оригинальнаго и сильнаго въ области мышленія, было открыто мыслителями, системы которыхъ оказались неполными. Неблагодарный трудъ—упрекать великаго благодѣтеля человѣчества за то, что онъ не былъ еще болѣе великъ, настаивать на ошибкахъ человѣка, который открылъ столько новыхъ истинъ, далъ міру столько практическихъ уроковъ, сколько, за немногими славными исключеніями, не далъ никто“.

Но Милля не даромъ называютъ самымъ искреннимъ

изъ мыслителей: онъ, не колеблясь, указываетъ недостатки системы Бентама, хотя и сходится съ нею во многихъ пунктахъ.

Бентамъ слишкомъ великъ, чтобы бояться истины. Лучшій способъ почтить его память, это—говорить объ его созданіи съ полной откровенностью, какъ дѣлалъ Милль; этого не понимали тѣ фанатики, которые порицали Милля за его искренность, называя ее измѣной. Написавъ, несмотря на свое отвращеніе къ сектантству, трактатъ объ *Утилитаріанизмъ*, Милль далъ убѣдительное доказательство того, что не отрекся отъ ученія Бентама. Онъ принялъ теорію пользы въ томъ видѣ, какъ ее понималъ Бентамъ, разъяснилъ ее, отвѣтилъ на возраженія, которыя то и дѣло выставлялись противъ нея, и въ то-же время настолько расширилъ ее, что въ ней нашли мѣсто самыя высокія чувства: герой или мученикъ можетъ хорошо оправдать свое самопожертвованіе, сославшись на принципъ пользы, или, какъ понималъ его Милль, на принципъ счастья наибольшаго числа людей. Въ этомъ отношеніи Милль былъ настоящимъ ученикомъ и продолжателемъ Бентама. Не слѣдуетъ забывать, что Бентамъ посвятилъ всю свою жизнь благу человѣчества и, превративъ инстинктивное чувство эгоизма въ чувство всеобъемлющаго благоволенія, достигъ высшей степени самоотреченія.

С. Раффаловичъ.

ДОПОЛНЕНИЕ.

Къ очерку дѣятельности и ученыхъ трудовъ Бентама прибавимъ здѣсь лишь нѣкоторые факты изъ его жизни и отношеній его къ Россіи. Онъ родился 15 февраля 1748 г. въ Лондонѣ и съ дѣтства обнаружилъ рѣдкія дарованія: 8 лѣтъ онъ уже писалъ латинскіе стихи, а 10 л. — письма на греческомъ языкѣ; 13-лѣтнимъ мальчикомъ, какъ упомянуто въ ст. г. Раффаловича, Бентамъ былъ записанъ въ списки королевской коллегии въ Оксфордѣ; въ 1763 г. поступилъ въ линкольнскій интернатъ и къ 20-лѣтнему возрасту былъ уже *magister artium* и барристеръ (адвокатъ). Изъ послѣдующей жизни его можно отмѣтить здѣсь слѣдующіе факты. Еще до французской революціи онъ совершилъ три путешествія съ цѣлью изученія разныхъ народовъ и странъ. Самое значительное изъ нихъ относится къ 1784 г., когда онъ черезъ Францію, Геную и Флоренцію отправился на Востокъ, въ Смирну и Константинополь, а оттуда въ Россію. Цѣлью этой послѣдней поѣздки было свиданіе съ братомъ Самуиломъ, который въ 1774 г. избранъ былъ Потемкинымъ въ качествѣ корабельнаго строителя и техника для насажденія разнаго рода производствъ въ Бѣлоруссіи. Въ 1786 г. Бентамъ былъ проѣздомъ въ Кременчугъ, гдѣ обѣдалъ у губернатора, причемъ былъ пораженъ неопрятностью обывателей и страстью ихъ къ картежной игрѣ. Вскорѣ онъ прибылъ въ Кричевъ, мѣстечко на югѣ отъ Мстиславля, въ Могилевской провинціи; въ окрестностяхъ было расположено образцовое имѣніе Потемкина, которымъ управлялъ братъ Бентама и которое назначеніемъ своимъ имѣло пересадить бри-

танскую цивилизацію въ Бѣлоруссію. Почти все время пребыванія своего у брата Бентамъ провелъ въ этомъ имѣніи, и здѣсь написалъ свои знаменитыя письма о ростовщичествѣ и работалъ надъ „Паноптикономъ“, для котораго онъ воспользовался мыслию своего брата. Дѣло въ томъ, что послѣдній исполнялъ въ Кричевѣ планы Потемкина — ввести въ Россіи различныя мануфактурныя производства и ремесла, придумалъ выстроить небольшое зданіе, въ родѣ фабричной или ремесленной фаланстеры. Дѣло это не состоялось, но Бентамъ примѣнилъ мысль брата къ своей тюремной системѣ. Въ Кричевѣ онъ прожилъ до октября или ноября 1787 года и черезъ Польшу, Пруссію и Голландію возвратился въ Лондонъ. Еще нѣсколько разъ Бентамъ путешествовалъ по континенту; въ 1802 г. послѣ Аміенскаго мира, когда онъ въ Парижѣ избранъ былъ членомъ института нравственныхъ и политическихъ наукъ, а затѣмъ въ 1825 г.

Одно время Россія возбуждала въ Бентамѣ сильныя надежды на осуществленіе его идей. Вступленіе на престолъ Александра I открыло собою какъ-бы новую эру для Россіи. Самъ Императоръ и его ближайшіе друзья и совѣтники, В. П. Кочубей, Новосильцевъ, П. А. Строгановъ, кн. Адамъ Чарторыжскій, стали во главѣ броженія, вѣрнѣе были главными двигателями этого броженія. Преобразователи стремились поднять уровень русскихъ учрежденій и образованности до тѣхъ образцовъ, какіе представлялись имъ въ Европѣ. Между прочимъ, одною изъ главныхъ работъ правительства было составленіе кодекса гражданскихъ и уголовныхъ законовъ. Къ содѣйствію въ этомъ важномъ дѣлѣ Императоръ находилъ нужнымъ пригласить иностранныхъ юристовъ. Въ 1800 г. Чарторыжскій по его приказа-

нію, составилъ проектъ письма къ иностраннымъ юристамъ; но совѣтники Александра убѣдились, что пока трудно было приступить къ составленію окончательнаго кодекса, такъ какъ предполагались большія перемѣны во всемъ касающемся гражданскаго права. Чарторыжскій полагалъ, что сначала „слѣдуетъ ограничиться собраніемъ всѣхъ существующихъ у насъ законовъ“, для чего необходимо было образовать особую „коммиссію составленія законовъ“. Императоръ повидимому согласился, но тѣмъ не менѣе считалъ нужнымъ обратиться за совѣтомъ къ знаменитѣйшимъ европейскимъ юристамъ. Отъ нихъ хотѣли собственно получить теоретическую программу, указанія о методѣ труда и конспекта для распредѣленія матеріала. Въ это-то именно время (1802) вышло первое значительное собраніе сочиненій Бентама во французской обработкѣ Дюмона. Это изданіе впервые познакомило европейскую публику съ идеями англійскаго публициста; черезъ него-же познакомилась съ Бентамомъ и образованная часть русскаго общества, въ которой идеи его имѣли самый рѣшительный успѣхъ. Онѣ нашли себѣ почитателей среди наиболѣе вліятельныхъ людей того времени: Кочубей, гр. Салтыковъ, Чарторыжскій, Сперанскій принадлежали къ ихъ числу, но самымъ ревностнымъ изъ нихъ былъ извѣстный адмиралъ Н. С. Мордвиновъ. Нѣкоторые изъ нихъ лично познакомились съ Бентамомъ и состояли съ нимъ въ перепискѣ. Для ббльшаго распространенія идей Бентама въ Россіи Дюмонъ уже въ 1802 г. отправился въ Петербургъ, гдѣ встрѣтилъ самый благосклонный пріемъ въ высшемъ обществѣ. Подъ его непосредственнымъ руководствомъ и отчасти подъ наблюденіемъ самого Бентама сочиненія англійскаго публициста переводились на русскій языкъ. Въ это-то

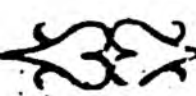
именно время и были изданы на русскомъ языкѣ сочиненія Бентама, поименованныя ниже въ „библіографіи“.

Но внѣшняя политика надолго отвлекла Императора Александра отъ внутреннихъ реформъ. По паденіи Наполеона наступившій миръ давалъ надежду на возможность осуществленія прежнихъ стремленій. Въ это-то время Бентамъ, который зналъ, что русское правительство обращалось ко многимъ иностраннымъ юристамъ за содѣйствіемъ къ составленію новаго кодекса законовъ, и видѣлъ, что идеи его находили много сочувствія въ русскихъ правительственныхъ сферахъ, рѣшилъ, что наступилъ удобный моментъ для исполненія его завѣтныхъ стремленій. Въ январѣ 1804 г. Бентамъ препроводилъ Мордвинову письмо на имя Государя, предоставляя Мордвинову окончательную редакцію его. Въ маѣ письмо было представлено государю. Въ этомъ письмѣ Бентамъ указывалъ на то, что онъ уже 50 лѣтъ занимается вопросами законодательства, что заслуги его въ этой области признаны были въ предисловіи къ французскому кодексу и въ баварскомъ кодексѣ и предлагаетъ свои услуги для составленія новаго кодекса для Россіи. Въ отвѣтъ на эти предложенія Бентамъ получилъ собственноручное письмо Александра I, писанное на французскомъ языкѣ въ Вѣнѣ, 10 апрѣля 1815 г. Императоръ выразилъ полную готовность воспользоваться знаніями и опытностью Бентама и приказалъ, что онъ предпишетъ комиссіи, на которую возложено составленіе кодекса законовъ, „прибѣгать къ его содѣйствію и обращаться къ нему съ вопросами“. Въ іюль того же 1815 г. Бентамъ написалъ Императору свое второе и послѣднее письмо. Въ этомъ письмѣ онъ на-отрѣзъ отказывается отъ образа веденія дѣла, предложеннаго Императоромъ; онъ выражаетъ увѣрен-

ность, что коммиссія, во главѣ которой стоитъ такой человекъ, какъ тогдашній ея представитель баронъ Розенкампфъ, къ нему съ вопросами не обратится, а если и обратится, то лишь съ цѣлью одного формальнаго исполненія императорскаго предписанія. Да и въ лучшемъ случаѣ его отвѣты на отдѣльные, разрозненные вопросы не могутъ принести никакой пользы. Въ своемъ длинномъ письмѣ, напоминающемъ трактатъ, Бентамъ настаиваетъ на необходимости открытаго образа дѣйствій, на необходимость главнаго обсужденія законодательныхъ вопросовъ, нетерпящихъ канцелярской тайны... Но въ то время уже обнаруживался поворотъ въ направленіи внутренней политики Императора Александра и уже близко было время полного торжества Аракчеева, и въ законодательныхъ планахъ, идеи Розенкампфа замѣнили проекты Сперанскаго. Но этимъ окончились сношенія Бентама съ русскимъ правительствомъ. — Бентамъ скончался 6 іюня 1836 г. на 85 г. жизни, работая надъ 3 томомъ своего конституціоннаго кодекса. Согласно его желанію, тѣло его было вскрыто и набальзамировано и до сихъ поръ находится въ университетской коллегіи въ Лондонѣ.

Ред.

(Изъ очерка, напечатаннаго въ „Энциклопедическомъ Словарѣ“, пр. В. Е. Андреевскаго. См. слово: Бентамъ).

БИБЛІОГРАФІЯ.

По способу опубликованія, сочиненія Бентама распадаются на три группы: одни (меньшая часть) были изданы имъ самимъ, другія — его друзьями уже послѣ его смерти, наконецъ, многіе изъ его трудовъ вышли — отчасти еще до появленія англійскихъ оригиналовъ — во французскомъ переводѣ, или вѣрнѣе, переработкѣ Дюмона, и послѣдніе, — по словамъ одного изъ лучшихъ знатоковъ Бентама, Роберта Моля, — по ясности, систематичности и сжатости далеко превосходятъ подлинникъ, такъ что имъ, главнымъ образомъ, Бентамъ и обязанъ своей извѣстностью.

Собраній сочиненій Бентама существуетъ два: французское — Дюмона, вышедшее въ 1829—1834 г. въ Брюсселѣ, въ четырехъ томахъ, и англійское — Боуринга, подъ заглавіемъ: *The Works of J. Bentham, publ. under the superintendance of his executor, John Bowring I—XI, Edinburgh. 1843.* Среди обширной иностранной литературы о Б. первое мѣсто занимаетъ изслѣдованіе знаменитаго Роберта Моля въ III томѣ его „*Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften*“, Erlangen. 1858 (XVIII. *Jeremias Bentham und seine Bedeutung für die Staatswissenschaften*). Далѣе: Hepp—*Grundsätze der Criminalpolitik*, Tübingen. 1839; его-же *Ueber Bentham's Grundsätze der Criminalpolitik*, въ *Kritische Zeitschrift für Rechtswissenschaft des Auslandes*, Bd. XI, S. 399 ff.—Benecke: *Grundsätze der Civil-und Criminalgesetzgebung*, Berlin. 1830.—Vorländer: *Geschichte*

der philosophischen Moral, Rechts: und Staatslehre, Marburg. 1855.—Jouffroy: Cours du droit naturel, т. I. Изъ новѣйшихъ: „Автобіографія“ и „Утилитаріанизмъ“ Д. С. Милля (оба и по-русски) и Birks—Modern Utilitarianism, or the systems of Paley, Bentham and Mill. London 1874.

Русская литература о Бентамѣ довольно обширна. Въ 1804 г. въ официальномъ органѣ министерства внутреннихъ дѣлъ — „С.-Петербургскомъ Журналѣ“ — былъ напечатанъ переводъ нѣсколькихъ статей Бентама—о распространеніи познанія законовъ, о пользѣ просвѣщенія, о безопасности и др. Въ слѣдующемъ году, по высочайшему повелѣнію, приступлено было къ изданію полнаго перевода Дюмоновыхъ *Traité de législation civile et penal*, подъ руководствомъ самого Дюмона и при участіи Сперанскаго. Это изданіе, состоящее изъ трехъ томовъ (1805, 1806 и 1811 г.), носитъ слѣд. названіе: „Разсужденіе о гражданскомъ и уголовномъ Законоположеніи съ предварительнымъ изложеніемъ началъ Законоположенія и всеобщаго начертанія полной книги законовъ, и съ присовокупленіемъ опыта о вліяніи времени и мѣста относительно законовъ. Соч. Англійскаго Юрисконсульты Іеремія Бентама, изданное въ свѣтъ на французскомъ языкѣ Степ. Дюмономъ по рукописямъ, отъ автора ему доставленнымъ. Переведенное Михайломъ Михайловымъ, съ прибавленіемъ дополненій отъ г-на Дюмона сообщенныхъ. По Высочайшему повелѣнію“. Въ I т. вошли: Общія начала законоположенія и Общій планъ полной книги законовъ; во II-й—Начала уложенія гражданского и Начала уложенія уголовного; въ III-й—Продолженія началъ уголовного уложенія, О Паноптикѣ или домѣ центрального надзираія, О распространеніи знанія законовъ, О ра-

спространеніи знанія причинъ законовъ. О вліяніи времени и мѣста въ законодательствѣ. — Позже вышли слѣд. переводы: „О судоустройствѣ“. Соч. Бентама. По франц. изданію Дюмона, изл. А. Квиримъ. С.-Петербургъ. 1860.—„Избранныя сочиненія Іереміи Бентама, томъ первый.—Введеніе въ основанія нравственности и законодательства. Основныя начала гражданского кодекса. Основныя начала уголовного кодекса.—Переводъ (по англійскому изданію Боуринга и французскому, Дюмона), А. Н. Пыпина и А. Н. Невѣдомскаго, съ предисловіемъ Ю. Г. Жуковскаго“. Изд.: „Русской Книжной Торговли“, С.-Петербургъ, 1867 (образцовый переводъ, остановившійся, къ сожалѣнію, на I томѣ; первая и третья часть переведены Пыпинымъ, вторая — Невѣдомскимъ).—„О судебныхъ доказательствахъ“. Трактатъ Іереміи Бентама по изданію Дюмона. Перев. съ франц. И. Гороновичемъ. Кіевъ. 1876. — Изъ русск. изслѣдованій о Б. отмѣтимъ: Б. Чичеринъ — „Исторія политическихъ ученій“, т. III, стр 256 — 321 (Москва. 1874). — А. Червяковъ: „Должно-ли преслѣдовать лихву закономъ? Популярное изложеніе ученія Бентама и Тюрго о лихвѣ“. Спб. 1865, и К. Н. Ярошъ—„Іеремія Бентамъ. Его отношеніе къ ученію о естественномъ правѣ“. Харьковъ. 1886. О русскихъ отношеніяхъ Бентама см. ст. А. Н. Пыпина: „Русскія отношенія Бентама“ (Вѣстникъ Европы, 1869 г., №№ 2 и 4) и В. Иконниковъ „Графъ Н. С. Мордвиновъ“, Спб. 1873. Срав. также статью о Б. въ 5 полутомѣ „Энциклопедическаго Словаря“ подъ ред. И. Е. Андреевскаго, изд. Брокгауза и Ефрона, Спб. 1891, и П. Я. Левенсонъ. „Беккариа и Бентамъ ихъ жизнь и общественная дѣятельность“, Спб. 1893 (въ „Біографической библіотекѣ“ Ф. Павленкова).

ПРИНЦИПЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА *).

ГЛАВА I.

Принципъ пользы,

Предметомъ законодательства должно быть общественное благо: *общая польза* должна быть основой всякаго разсужденія въ области законодательства. Наука состоитъ въ томъ, чтобы знать, въ чемъ заключается благо даннаго общества, искусство въ томъ, чтобы найти средства для осуществленія этого блага.

Будучи выраженъ въ общей и неопредѣленной формѣ, принципъ пользы рѣдко оспаривается: на него смотрятъ даже, какъ на нѣкотораго рода общее мѣсто морали и политики. Но это единодушное согласіе — только кажущееся. Съ этимъ принципомъ не всегда связываютъ одинаковыя идеи; ему не всегда придаютъ одно

---

*) „Принципы законодательства“ были извлечены Дюмономъ изъ трактата Бентама „Введеніе въ принципы морали и законодательства“, помѣщеннаго въ началѣ перваго тома англійскаго изданія Боуринга. Читающіе по-французски могутъ найти всѣ важнѣйшія произведенія Бентама въ прекрасномъ трехъ-томномъ изданіи Дюмона (Bruxelles, Nauman et C-іe, 1840). Англійское изданіе Боуринга состоитъ изъ 11 большихъ томовъ и, конечно, полнѣе; оно содержитъ множество статей, написанныхъ по какому-нибудь случаю, но не потерявшихъ значенія, и рядъ изслѣдованій по вопросамъ, которые казались Дюмону слишкомъ спеціальными, а между тѣмъ

и то-же значеніе; онъ не служитъ источникомъ опредѣленной системы разсужденія—послѣдовательной и однообразной.

Чтобы дать ему всю ту силу, которую онъ долженъ имѣть, другими словами—чтобы сдѣлать изъ него основу общей теоріи, надо выполнить три условія.

Первое условіе состоитъ въ томъ, чтобы связать съ этимъ словомъ „польза“ понятія ясныя и точныя, которыя могли-бы оставаться совершенно одинаковыми у всѣхъ, кто имъ пользуется.

Второе состоитъ въ томъ, чтобы установить единство и независимость этого принципа, строго выдѣливъ все, что ему чуждо. Для этого надо только принять его въ его общей формѣ; не слѣдуетъ допускать никакихъ исключеній.

Третье условіе состоитъ въ томъ, чтобы найти методъ *моральной ариѳметики*, при помощи которой можно было-бы придти къ однообразнымъ результатамъ.

Причины разногласія могутъ быть сведены къ двумъ ложнымъ принципамъ, которые вліяютъ на сужденія

представляютъ значительный интересъ. Боурингъ не имѣлъ возможности издать все, что написалъ Бентамъ; по словамъ автора превосходной замѣтки въ *Dictionnaire biographique*, изд. Лесли Стефена, въ библиотекѣ University College хранится 80 небольшихъ деревянныхъ ящиковъ, наполненныхъ рукописями Бентама. Тамъ есть тысячи страницъ, которыя никогда не были напечатаны. „Глядя на эти манускрипты“, говоритъ авторъ упомянутой замѣтки, „удивляешься полнотѣ и разносторонности изслѣдованій Бентама. Одинъ ящикъ наполненъ дополнительными рукописями къ „Катехизису реформъ“ и содержитъ, между другими бумагами, письмо отъ 19 Мая 1817 года, въ которомъ Бентамъ опровергаетъ переданное ему черезъ Милля мнѣніе Бругэма, что демократія имѣетъ свойство приводить къ несправедливымъ войнамъ“. Другіе ящики полны матеріалами, относящимися къ различнымъ вопросамъ законодательства.

людей то открыто, то тайно. Если удастся опредѣлить и выдѣлить ихъ, то истинный принципъ останется одинъ, во всей своей чистотѣ и силѣ.

Эти три принципа подобны тремъ дорогамъ, которыя часто скрещиваются, но изъ которыхъ только одна ведетъ къ цѣли. Нѣтъ путника, который не сворачивалъ-бы часто съ одной на другую и не истратилъ-бы на эти уклоненія большей половины своего времени и своихъ силъ. Между тѣмъ правильная дорога есть и самая легкая; на ней стоятъ верстовые камни, которыхъ невозможно перемѣстить, на ней есть неизгладимыя надписи на всемирномъ языкѣ, тогда какъ обѣ ложныя дороги представляютъ лишь противорѣчивыя примѣты и загадочные знаки. Однако, не злоупотребляя языкомъ аллегоріи, попытаемся установить ясныя понятія о нашемъ принципѣ и обоихъ его соперникахъ.

Кромѣ изданія Боуринга, существуютъ и другія изданія сочиненій Бентама, сдѣланныя въ разное время. Перечисленіе ихъ занимаетъ цѣлую страницу въ англійскомъ біографическомъ словарѣ. Сочиненія Бентама переводились на испанскій, португальскій и русскій языки. Трактатъ о ростовщичествѣ былъ напечатанъ въ собраніи „Важнѣйшихъ экономистовъ“ (томъ XV, изд. Гильомена), съ предисловіемъ Молинали, въ которомъ послѣдній остроумно опровергаетъ возраженія Рейбо противъ принципа пользы. Главныя англійскія сочиненія, содержащія свѣдѣнія о жизни Бентама, — „Біографія“ Боуринга, очерки Бэна о Джемсѣ Миллѣ и Джонѣ Стюартѣ Миллѣ, „Автобіографія“ Д. С. Милля, „Воспоминанія“ сэра Самуэля Ромилли и „Біографія“ Грота. Нѣкоторыя подробности о Бентамѣ можно найти въ статьѣ Маріона о Джемсѣ Миллѣ въ *Revue philosophique*, 1883, декабрь. Наконецъ, слѣдуетъ еще упомянуть о „Benthamiana“ Джона Гиля Бэртона, который, исполняя желаніе Милля, сдѣлалъ прекрасную книгу изъ избранныхъ мѣстъ Бентама; онъ присоединилъ къ нимъ также краткую біографію и отличный очеркъ воззрѣній Бентама по главнымъ вопросамъ, рассмотрѣннымъ въ его сочиненіяхъ.

Природа подчинила человека власти удовольствия и страдания. Имъ мы обязаны всѣми нашими идеями, ими обусловлены всѣ наши сужденія, всѣ наши рѣшенія въ жизни. Тотъ, кто утверждаетъ, что онъ свободенъ отъ этой зависимости, тотъ не знаетъ, что говоритъ: стремиться къ удовольствію и избѣгать страданія составляетъ его единственную задачу даже въ ту минуту, когда онъ отказывается отъ величайшихъ удовольствій или беретъ на себя самыя сильныя страданія. Эти вѣчныя и непреодолимые чувства должны быть главнымъ предметомъ изслѣдованія какъ для моралиста, такъ и для законодателя. Принципъ пользы подчиняетъ все этимъ двумъ двигателямъ.

Польза есть понятіе отвлеченное. Оно выражаетъ свойство или способность какого-нибудь предмета предохранить отъ какого-нибудь зла или доставить какое-нибудь благо. Зло есть боль, страданіе или причина страданія. Благо есть удовольствіе или причина удовольствія. Все, что соотвѣтствуетъ пользѣ или интересу индивидуума, способно увеличить общую сумму его благосостоянія. Все, что соотвѣтствуетъ пользѣ или интересу общества, увеличиваетъ общую сумму благосостоянія индивидуумовъ, изъ которыхъ оно состоитъ.

Принципомъ называется основная идея, служащая началомъ или базисомъ для какого-нибудь разсужденія. Говоря образно, это—неподвижная точка, къ которой прикрѣпляется первое кольцо цѣпи. Принципъ долженъ быть очевиденъ; чтобы сдѣлать его понятнымъ, достаточно лишь освѣтить или пояснить его. Онъ подобенъ аксіомамъ математики: ихъ не доказываютъ прямо, а доказываютъ, что ихъ невозможно отвергнуть, не впадая въ нелѣпость. *Логика пользы* состоитъ въ томъ, чтобы посредствомъ вычисленія или сравненія открыть

элементъ страданія или удовольствія во всѣхъ умственныхъ операціяхъ, не вводя въ нихъ никакого другого понятія.

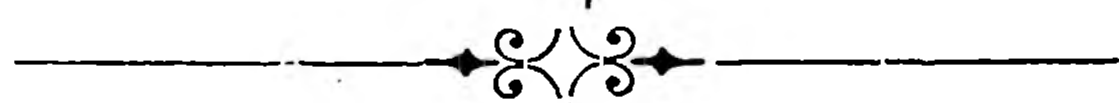
Я сторонникъ принципа пользы, если я соразмѣрю свое одобреніе или неодобреніе какого-нибудь частнаго или общественнаго поступка съ его способностью производить страданія и удовольствія; если я употребляю слова „справедливый“, „несправедливый“, „нравственный“, „безнравственный“, „хорошій“, „дурной“, какъ собирательныя выраженія, содержащія въ себѣ идеи извѣстныхъ страданій и удовольствій, и не придаю имъ никакого иного смысла. Само собою разумѣется, что эти слова— „страданіе“ и „удовольствіе“—я долженъ употреблять въ ихъ обычномъ значеніи, не придумывая произвольныхъ опредѣленій, которыя выключали-бы тѣ или другія удовольствія или отрицали-бы существованіе тѣхъ или другихъ страданій. Никакихъ хитросплетеній, никакой метафизики; нѣтъ надобности прибѣгать ни къ Платону, ни къ Аристотелю. Страданіе и удовольствіе всякій ощущаетъ какъ таковыя, крестьянинъ наравнѣ съ принцемъ и невѣжда наравнѣ съ философомъ.

Для сторонника принципа пользы добродѣтель является благомъ только въ виду удовольствій, которыя изъ нея истекаютъ; порокъ есть зло только вслѣдствіе страданій, которыя сопровождаютъ его. Нравственное благо есть благо только вслѣдствіе своей способности производить физическія блага; нравственное зло есть зло только по своей способности производить зло физическое. Но говоря о физическомъ благѣ и злѣ, я разумѣю столько же страданія и удовольствія души, какъ и чувствъ; я имѣю въ виду дѣйствительную организацію человѣка.

Если сторонникъ принципа пользы найдетъ въ обще-

принятомъ списокѣ добродѣтелей такой поступокъ, который влечетъ за собою больше страданій, чѣмъ удовольствій, онъ не поколеблется назвать эту мнимую добродѣтель порокомъ и не приметъ ея изъ покорности общему заблужденію. Онъ ни на минуту не повѣритъ, что слѣдуетъ исполнять ложныя добродѣтели, чтобы поддержать истинныя.

Точно такъ-же, если-бы въ общепринятомъ списокѣ проступковъ оказалось какое-нибудь безразличное дѣяніе или безвредное удовольствіе, онъ не колебался-бы перенести это мнимое преступленіе въ категорію законныхъ поступковъ; его состраданіе было-бы на сторонѣ мнимыхъ преступниковъ, а свое негодованіе онъ приберегъ-бы для тѣхъ мнимыхъ праведниковъ, которые преслѣдуютъ ихъ.

ГЛАВА II.

П р и н ц и п ъ а с к е т и з м а .

Этотъ принципъ соперничаетъ съ тѣмъ, который мы сейчасъ изложили, и представляетъ его прямую противоположность. Его послѣдователи страшатся удовольствій. Все, что ласкаетъ чувства, кажется имъ ненавистнымъ или преступнымъ. Они основываютъ мораль на лишеніяхъ, добродѣтель—на самоотреченіи. Однимъ словомъ, въ противоположность сторонникамъ пользы, они одобряютъ все, что способно уменьшать наслажденія, и порицаютъ все, что способно ихъ увеличивать.

Этому принципу слѣдовали, болѣе или менѣе строго, два класса людей, которые, впрочемъ, нисколько не походятъ другъ на друга и показываютъ даже видъ, что взаимно другъ друга презираютъ. Одни изъ нихъ— философы, другіе—святоши. Аскеты-философы, воодушевленные надеждой на рукоплесканія, надѣялись презрѣніемъ обычныхъ удовольствій придать себѣ видъ людей, стоящихъ выше челоѣчества. Въ извѣстности и славѣ они хотятъ найти награду за всѣ жертвы, которыя они, повидимому, приносятъ своимъ суровымъ убѣжденіямъ. Аскеты-святоши—ни что иное, какъ помѣшанные, терзаемые ложными ужасами. Человѣкъ въ ихъ глазахъ—существо выродившееся, которое

должно безпрестанно казнить себя за грѣхъ своего рожденія и никогда не отвлекать своей мысли отъ этой вѣчно зіяющей у его ногъ бездны зла. Между тѣмъ мученики этихъ безумныхъ убѣжденій также имѣютъ свой запасъ надеждъ. Не говоря уже о мірскихъ удовольствіяхъ, связанныхъ съ репутаціей святости, эти благочестивые меланхолики ласкаютъ себя надеждой, что всякое мгновеніе добровольнаго страданія на землѣ доставитъ имъ въ другой жизни цѣлый вѣкъ блаженства. Такимъ образомъ, принципъ аскетизма основывается на извращенной идеѣ пользы. Онъ пріобрѣтаетъ власть только цѣною ошибки.

Святоши провели идею аскетизма дальше, чѣмъ философы. Философская школа ограничилась осужденіемъ удовольствій; религіозныя секты сдѣлали обязательнымъ добровольное наложеніе на себя страданій. Стоики сказали, что страданіе не есть горе; янсенисты пошли дальше и заявили, что оно есть благо. Философская школа никогда не отвергала огуломъ всѣхъ удовольствій, а лишь тѣ изъ нихъ, которыя она называла грубыми и чувственными, тогда какъ удовольствія духовныя она ставила очень высоко и восхваляла: это было скорѣе предпочтеніе однихъ удовольствій, чѣмъ полное исключеніе другихъ. Всегда презираемое или унижаемое подъ своимъ собственнымъ именемъ, удовольствіе было принято и одобрено подъ именами честности, славы, извѣстности, самоуваженія и благопристойности. Чтобы меня не могли обвинить въ преднамѣренномъ преувеличеніи нецѣпости аскетизма, я покажу наименѣе безразсудное начало, къ которому можно свести эту систему. Очень рано было замѣчено, что притягательная сила удовольствій можетъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ сдѣлаться источникомъ соблазна, то-есть привести къ поступкамъ вред-

нымъ, хорошія послѣдствія которыхъ не равносильны дурнымъ. Запрещать эти удовольствія, въ виду ихъ дурныхъ послѣдствій, есть задача здоровой морали и правительнаго законодательства; аскеты-же впали въ ошибку: они напали на самое удовольствіе, осудили его огуломъ, наложили на него безусловное запрещеніе, объявили его признакомъ существа осужденнаго, и только во вниманіе къ человѣческой слабости снисходительно допустили нѣсколько частныхъ исключеній.

ГЛАВА Ш.

Произвольный принципъ или принципъ симпатіи и антипатіи.

Этотъ принципъ состоитъ въ томъ, чтобы одобрять или осуждать что-либо на основаніи непосредственнаго чувства, не руководясь при сужденіи никакой другой причиной, кромѣ самаго сужденія. Я люблю, я ненавижу — вотъ стержень, на которомъ держится этотъ принципъ. Дѣяніе признается хорошимъ или дурнымъ не потому, что оно соотвѣтствуетъ или противорѣчитъ интересамъ тѣхъ лицъ, которыхъ оно касается, а потому, что оно нравится или не нравится произносящему сужденіе. Онъ произноситъ свой приговоръ полновластно, не допускаетъ никакихъ возраженій и не считаетъ себя обязаннымъ оправдать свое чувство какими-нибудь соображеніями, относящимися къ благу общества. „Это мое внутреннее убѣжденіе; это мое искреннее сознаніе; я чувствую; чувство ни у кого не спрашиваетъ совѣта: горе тому, кто думаетъ иначе! Онъ не человѣкъ, а чудовище въ образѣ человѣка“. Таковъ деспотическій тонъ его разсужденій.

Но, возразятъ мнѣ, развѣ существуютъ настолько безразсудные люди, которые предписывали-бы другимъ свои личныя чувства, какъ законы, и присвоивали-бы себѣ привилегію непогрѣшимости? То, что вы называете прин-

ципомъ симпатіи и антипатіи, не есть принципъ разсужденія: это скорѣе отрицаніе, уничтоженіе всякаго принципа. Изъ него вытекаетъ настоящая анархія идей, потому что въ такомъ случаѣ не было-бы никакой общей мѣрки, никакого всеобщаго трибунала, къ которому можно было-бы апеллировать, такъ какъ каждый человѣкъ имѣетъ такое-же право признавать свое чувство мѣриломъ чувствъ всѣхъ людей, какъ и всякій другой.

Безъ сомнѣнія, нелѣпость этого принципа очевидна. Поэтому и не одинъ человѣкъ не рѣшается сказать откровенно: „Я хочу, чтобы вы думали, какъ я, не заставляя меня разсуждать, какъ вы разсуждаете“. Такое сумасбродное притязаніе возмутило-бы всякаго; обыкновенно прибѣгаютъ къ различнымъ выдумкамъ, чтобы замаскировать его, и какой-нибудь остроумной фразой прикрываютъ этотъ деспотизмъ. Это доказываетъ большая часть этическихъ системъ.

Одинъ говоритъ вамъ, что въ немъ есть нѣчто, данное ему для того, чтобы онъ могъ узнавать, что есть благо и что зло, и это нѣчто называется или *совѣстью*, или *нравственнымъ чувствомъ*; затѣмъ, руководясь этимъ нѣчто, онъ опредѣляетъ, что такая-то вещь есть благо, такая-то зло; почему? „потому что такъ говоритъ мое нравственное чувство, потому что моя совѣсть одобряетъ это или не одобряетъ“.

Приходитъ другой съ иной фразой: его научаетъ добру и злу уже не нравственное чувство, а *здравый смыслъ*; эта способность, говоритъ онъ, присуща всему человѣчеству—тѣхъ, которые чувствуютъ не такъ, какъ онъ, онъ, разумѣется, въ счетъ не ставитъ.

Другой скажетъ вамъ, что и это нравственное чувство, и этотъ здравый смыслъ—простыя выдумки, а способность опредѣлять добро и зло даетъ только *разумъ*.

Его разумъ предписываетъ ему то или другое; а всѣ хорошіе и мудрые люди имѣютъ совершенно такой-же разумъ, какъ и онъ. Что-же касается тѣхъ, которые думаютъ иначе, то тѣмъ хуже для нихъ; это доказываетъ, что ихъ разумъ уродливъ или извращенъ.

Придетъ еще одинъ и скажетъ вамъ, что существуетъ *вѣчный и непреложный законъ права*; что этотъ законъ предписываетъ то-то; послѣ этого онъ изложитъ вамъ свои личныя чувства, которыя вы обязаны принять, какъ такое-же количество параграфовъ вѣчнаго закона права.

Вы встрѣтите толпу профессоровъ, юристовъ, чиновниковъ и философовъ, которые оглушаютъ васъ криками о *естественномъ законѣ*; всѣ они, правда, спорятъ о каждомъ пунктѣ своей системы, но это ничего не значитъ: всякій изъ нихъ выступаетъ впередъ съ той-же отвагой самоувѣренности и предлагаетъ вамъ свои взгляды, какъ такое-же количество главъ естественнаго закона. Иногда фраза мѣняется; говорятъ также: *естественное право, естественная справедливость, права челоѣка* и проч.

Одинъ философъ рѣшился положить въ основаніе своей системы морали то, что онъ называлъ *истиной*: по его мнѣнію, единственное зло, которое существуетъ въ этомъ мірѣ, — сказать неправду. Если вы убьете своего отца, вы совершите преступленіе, потому что это будетъ выраженное особеннымъ способомъ отрицаніе того, что онъ былъ вашимъ отцомъ. Все, чего этотъ философъ не любитъ, онъ осуждаетъ подъ предлогомъ, что это есть видъ лжи. Это все равно, какъ если сказать, что не слѣдуетъ дѣлать того, чего не слѣдуетъ дѣлать.

Наиболѣе откровенные изъ этихъ деспотовъ — тѣ, ко-

торые чистосердечно говорятъ: „Я принадлежу къ числу избранныхъ, а Богъ научаетъ своихъ избранниковъ тому, что есть благо и что — зло. Онъ самъ открывается мнѣ и Онъ-же говоритъ моими устами. Поэтому всѣ вы, сомнѣвающіеся, придите ко мнѣ: я сообщу вамъ волю самого Господа“.

Всѣ эти системы и многія другія представляютъ, въ сущности, ничто иное, какъ произвольный принципъ или принципъ симпатіи и антипатіи, замаскированный различными оборотами рѣчи. Человѣкъ хочетъ доставить господство своимъ чувствамъ, не сравнивая ихъ съ чувствами другихъ: эти мнимые принципы служатъ прикрытіемъ и пищей для деспотизма, по крайней мѣрѣ для деспотизма въ намѣреніи, который, впрочемъ, имѣетъ большую склонность осуществляться на практикѣ, когда это можно сдѣлать безнаказанно. Въ результатъ человѣкъ, при самыхъ чистыхъ намѣреніяхъ, терзаетъ самого себя и становится бичемъ своихъ ближнихъ. Если онъ меланхоликъ по природѣ, то впадаетъ въ безмолвную грусть и горько оплакиваетъ безуміе и испорченность людей. Если онъ вспыльчивъ, то съ яростью громитъ всѣхъ, кто думаетъ иначе, чѣмъ онъ. Это одинъ изъ тѣхъ пылкихъ гонителей, которые дѣлаютъ зло, какъ святое дѣло, которые раздуваютъ огонь фанатизма съ тѣмъ гибельнымъ усердіемъ, какое внушаетъ человѣку сознаніе долга, и клеймятъ упрекомъ въ испорченности и маловѣрїи всѣхъ, кто отказывается слѣпо принимать ихъ священныя мнѣнія.

Между тѣмъ, слѣдуетъ замѣтить, что принципъ симпатіи и антипатіи часто долженъ совпадать съ принципомъ пользы. Питаетъ привязанность къ тому, что намъ полезно, и отвращеніе къ тому, что намъ вредно, есть всеобщая склонность человѣческаго сердца. Поэтому мы

на всемъ протяженіи земного шара встрѣчаемъ одни и тѣ-же чувства одобренія или неодобренія для поступковъ благодѣтельныхъ или вредныхъ. Руководимыя этимъ видомъ инстинкта, мораль и законовѣдніе очень часто достигали великой цѣли пользы, не имѣя о ней никакого яснаго представленія. Но симпатіи и антипатіи не могутъ служить надежными и неизмѣнными путеводителями. Человѣкъ, который все добро и зло своей жизни сводитъ къ призрачной причинѣ, становится рабомъ страстей и ненависти, не имѣющихъ основаній. Суевѣріе, шарлатанство, сектанство и партійность опираются почти исключительно на слѣпыя симпатіи и антипатіи.

Иногда антипатія встрѣчается въ связи съ принципомъ пользы; но и тогда она не можетъ служить хорошимъ основаніемъ для дѣйствій. Положимъ, что кто-нибудь изъ злобы обвиняетъ вора передъ судомъ: поступокъ, разумѣется, хорошъ, но побудительная причина опасна; если она иногда приводитъ къ полезнымъ поступкамъ, то гораздо чаще—къ погубнымъ. Единственное основаніе дѣятельности, всегда правильное и всегда надежное, есть соображеніе о пользѣ. Часто, можетъ быть, дѣлаютъ добро и по другимъ побужденіямъ, но постоянно дѣлать добро можно только придерживаясь этого принципа. Антипатія и симпатія должны подчиниться ему, чтобы не сдѣлаться вредными; онъ-же самъ регулируетъ свою собственную дѣятельность; онъ не допускаетъ никакого другого руководителя, и самые широкіе предѣлы не будутъ для него слишкомъ велики.

Подведемъ итогъ. Принципъ аскетизма находится въ смертельной враждѣ съ принципомъ пользы. Принципъ симпатіи не отвергаетъ и не допускаетъ послѣдняго, онъ вообще не считается съ нимъ, а идетъ на-угадъ между

добромъ и зломъ. Аскетизмъ до такой степени безразсуденъ, что самые сумасбродные изъ его послѣдователей никогда не рѣшались слѣдовать ему до конца. Принципъ симпатіи и антипатіи не мѣшаетъ своимъ сторонникамъ прибѣгать къ принципу пользы. Только этотъ послѣдній, одинъ изъ всѣхъ, не требуетъ и не терпитъ никакихъ исключеній. *Qui non sub me, contra me*—вотъ его девизъ. Сообразно этому принципу законодательство есть результатъ наблюденія и разсчета, согласно аскетизму оно есть дѣло фанатизма, согласно принципу симпатіи и антипатіи—дѣло настроенія, воображенія и вкуса. Первый принципъ долженъ нравиться философамъ, второй—монахамъ, третій—народу, острякамъ, моралистамъ и свѣтскимъ людямъ.

ГЛАВА IV.

Дѣйствіе этихъ принциповъ въ области законодательства.

Принципъ пользы никогда не былъ ни правильно выясненъ, ни правильно примѣненъ ни однимъ законодателемъ; но, какъ мы уже сказали, онъ проникъ въ законы благодаря своей случайной связи съ принципомъ симпатіи и антипатіи.

Общія понятія порока и добродѣтели, основанныя на сбивчивыхъ представленіяхъ о добрѣ и злѣ, по существу были все-таки довольно однообразны.

Руководясь этими общепринятыми идеями, законодатели составили первые законы, безъ которыхъ не могло существовать никакое общество.

Принципъ аскетизма, какъ ни усердно примѣнялся онъ своими сторонниками въ ихъ частной жизни, никогда не имѣлъ сильнаго непосредственнаго вліянія на дѣятельность правительствъ. Напротивъ, всякое правительство ставило себѣ цѣлью добиться могущества и благосостоянія и систематически работало въ этомъ направленіи. Зло, причиненное правителями, было результатомъ ихъ ложныхъ взглядовъ на величіе и могущество, или ихъ личныхъ страстей, послѣдствіемъ, но не цѣлью которыхъ были общественныя бѣдствія.

Режимъ Спарты, которую такъ мѣтко назвали военнымъ монастыремъ, соотвѣтствовалъ положенію этого государства, былъ необходимъ для его сохраненія, или, по крайней мѣрѣ, признанъ за таковой его законодатель, и съ этой точки зрѣнія согласовался съ принципомъ пользы. Христіанскія государства допустили установленіе монашескихъ обѣтовъ, но обѣты были признаны добровольными. Самоистязаніе было похвальнымъ дѣломъ, насильственное истязаніе другого — преступленіемъ; Людовикъ Святой носилъ власяницу, но не принуждалъ къ тому-же своихъ подданныхъ.

Изъ всѣхъ принциповъ наибольшее вліяніе на правительства имѣлъ принципъ симпатіи и антипатіи. Въ самомъ дѣлѣ, къ этому принципу надо отнести все то, что проводится, хотя и подъ весьма благообразными именами, но не ради счастья, какъ единственной и безусловной цѣли: добрые нравы, равенство, свободу, справедливость, могущество, обходительность и даже религію: вещи почтенныя, которыя законодатель долженъ имѣть въ виду, но которыя слишкомъ часто вводятъ его въ заблужденіе, такъ какъ онъ разсматриваетъ ихъ не какъ средства, а какъ цѣль. Онъ замѣняетъ ими исканіе счастья, вмѣсто того, чтобы подчинить ихъ ему.

Такъ, въ области политической экономіи, правительство, будучи всецѣло занято заботами о торговлѣ и богатствахъ, смотритъ на общество только какъ на мастерскую, на людей — какъ на орудія производства, и, довольствуясь тѣмъ, что обогащаетъ ихъ, мало заботится о томъ, что причиняетъ имъ страданія. Тамбжни, банки, государственныя бумаги поглощаютъ все его вниманіе. Оно остается равнодушнымъ къ массѣ бѣдствій, которыя оно могло-бы исцѣлить. Оно добивается только того, чтобы производилось какъ

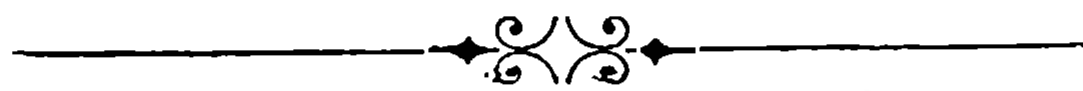
можно больше средствъ и орудій наслажденія, и въ то-же время безпрестанно ставить все новыя затрудненія самой возможности наслаждаться.

Другіе видятъ высшее благополучіе государства въ могуществѣ и славѣ. Относясь съ презрѣніемъ къ тѣмъ государствамъ, которыя вкушаютъ счастье въ мирной неизвѣстности, они жаждутъ интригъ, переговоровъ, войнъ, завоеваній. Они не обращаютъ вниманія на то, изъ какихъ бѣдствій складывается эта слава и какимъ количествомъ жертвъ подготавливаются ихъ кровавые триумфы. Громъ побѣды, завоеваніе какой-нибудь области скрываютъ отъ нихъ разореніе ихъ собственной страны и заставляютъ забыть объ истинной задачѣ правителя.

Многіе не обращаютъ вниманія на то, хорошо-ли управляется государство, охраняютъ-ли законы имущество и личность, наконецъ, счастливъ-ли народъ. Для нихъ важнѣе всего политическая свобода, т. - е. наиболѣе равномерное распредѣленіе политической власти, какое только можно себѣ представить. Повсюду, гдѣ они не находятъ своей любимой формы правленія, они видятъ лишь рабовъ; и если эти рабы довольны своимъ положеніемъ и не обнаруживаютъ желанія измѣнить его, поклонники политической свободы презираютъ и поносятъ ихъ. Въ своемъ фанатизмѣ они всегда готовы поставить на карту въ гражданской войнѣ все благосостояніе націи, чтобы передать власть въ руки тѣхъ, которые, вслѣдствіе своего глубокаго невѣжества, могутъ сдѣлать изъ нея только орудіе своей собственной гибели.

Вотъ нѣсколько примѣровъ тѣхъ фантазій, которыми замѣняютъ въ политикѣ истинное исканіе счастья. Это происходитъ не вслѣдствіе вражды къ самому счастью, а вслѣдствіе недомыслія и заблужденія. Нашупавъ одинъ

уголь великаго плана полезности, люди крѣико и исключительно держатся за этотъ уголь, работаютъ на перерѣзъ счастья, преслѣдуя какую-нибудь отдѣльную отрасль общественнаго блага, и совершенно не думаютъ о томъ, что всѣ эти предметы имѣютъ лишь относительное значеніе, а дѣйствительную цѣнность имѣетъ одно только счастье.

ГЛАВА V.

Дальнѣйшее разъясненіе.—Наиболѣе сильныя возраженія противъ принципа пользы.

Принципъ пользы можетъ возбудить нѣкоторыя легкія сомнѣнія или вызвать небольшія словесныя затрудненія; но противъ него нельзя привести ни одного положительнаго и яснаго возраженія. Въ самомъ дѣлѣ, можно-ли оспаривать его иначе, какъ посредствомъ доводовъ, извлеченныхъ изъ этого-же самаго принципа? Сказать, что онъ опасенъ, значитъ сказать, что сообразоваться съ пользой можетъ быть противно пользѣ.

Въ этомъ случаѣ затрудненіе происходитъ отъ нѣкоторой запутанности формъ рѣчи. Обыкновенно добродѣтели изображаютъ какъ нѣчто противоположное пользѣ, говоря, что добродѣтель есть принесеніе въ жертву нашихъ интересовъ нашимъ обязанностямъ. Но если ясно выражать свои мысли, то придется сказать, что интересы бываютъ разнаго порядка, и что различные интересы при извѣстныхъ обстоятельствахъ несовмѣстимы. Добродѣтель есть принесеніе въ жертву меньшаго интереса большому, минутнаго — продолжительному, сомнительнаго — обезпеченному. Всякая идея добродѣтели, не основанная на этомъ понятіи, будетъ въ такой же мѣрѣ неясна, какъ ненадежны ея основанія.

Тѣ, которые ради компромисса отличаютъ политику отъ морали и принципомъ первой признають пользу, а принципомъ второй—справедливость, только запутываютъ дѣло своими сбивчивыми понятіями. Вся разница между политикой и моралью состоитъ въ томъ, что первая направляетъ дѣятельность правительствъ, вторая—поведеніе отдѣльныхъ лицъ; но ихъ общій предметъ есть счастье. То, что хорошо въ политикѣ, не можетъ быть дурно въ морали, какъ ариѳметическія правила, вѣрныя въ приложеніи къ большимъ числамъ, не могутъ быть невѣрны въ приложеніи къ малымъ.

Человѣкъ можетъ дѣлать зло въ полной увѣренности, что слѣдуетъ принципу пользы. Слабый и ограниченный умъ можетъ впасть въ заблужденіе, принявъ въ расчетъ только малую часть добра и зла. Страстный человѣкъ можетъ сдѣлать ошибку, преувеличивъ значеніе какого-нибудь блага, которое скрываетъ отъ него всѣ неудобства. Отличительная черта дурного человѣка—привычка къ удовольствіямъ, которыя вредятъ другимъ, а это уже само по себѣ предполагаетъ отсутствіе многихъ видовъ удовольствія. Но не слѣдуетъ сваливать на принципъ тѣ ошибки, которыя ему противоположны и которыя только онъ одинъ можетъ исправить. Когда человѣкъ невѣрно дѣлаетъ вычисленіе, въ этомъ виновата не ариѳметика, а онъ самъ. Если упреки, которые дѣлають Маккіавели, основательны, то его ошибки происходятъ не отъ того, что онъ сообразовался съ принципомъ пользы, а отъ того, что онъ невѣрно примѣняль его. Авторъ „Анти-Маккіавели“ хорошо чувствовалъ это. Онъ опровергаетъ „Государя“, доказывая, что выраженные въ немъ положенія пагубны и что дурная вѣра есть и дурная политика.

Тѣ, которые, на основаніи «Обязанностей» Цицерона

и сочиненій моралистовъ платоновской школы, составили себѣ неясное представленіе о полезномъ, какъ противоположномъ честному, часто приводятъ въ доказательство слова Аристиды о томъ предложеніиThemistocles, которое послѣдній согласился сообщить только ему одному. „ПредложеніеThemistocles очень выгодно“, сказалъ Аристидъ въ народномъ собраніи, „но оно и очень несправедливо“. Въ этихъ словахъ видятъ рѣшительное противопоставленіе полезнаго справедливому; но это не вѣрно: въ нихъ заключается простое сравненіе блага и зла. Несправедливость есть терминъ, обозначающій совокупность всего зла, которое вытекаетъ изъ такого положенія, когда люди болѣе не могутъ довѣрять другъ другу. Аристидъ могъ-бы сказать: „ПроектъThemistocles принесетъ минутную пользу и многолѣтній вредъ; то, что онъ намъ дастъ, ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ у насъ отниметъ“.

Пожалуй, скажутъ, что принципъ пользы есть ни что иное, какъ возрожденное эпикурейство; а эта доктрина, какъ извѣстно, принесла большой вредъ общественнымъ нравамъ; ею всегда руководились люди наиболѣе испорченные и развратные.

Дѣйствительно, Эпикуръ, единственный изъ всѣхъ философовъ древности, открылъ истинный источникъ морали, и въ этомъ его заслуга; но предполагать, что его доктрина оправдываетъ тѣ выводы, которые ей приписываютъ, значитъ предполагать, что счастье можетъ быть врагомъ самого же счастья.

Sic praesentibus utaris voluptatibus, ut futuris non poses. Здѣсь Сенека сходится съ Эпикуромъ; и чего можно еще желать въ смыслѣ нравственности, какъ не уничтоженія всѣхъ удовольствій, вредныхъ для самого

человѣка или для другихъ? И не есть-ли это тотъ-же принципъ пользы?

„Но“, скажутъ мнѣ далѣе, „каждый самъ судить о томъ, что для него полезно; слѣдовательно, всѣ обязанности, въ которыхъ человѣкъ не будетъ находить выгоды для себя, должны будутъ исчезнуть“.

Каждый самъ судить о томъ, что для него полезно; это несомнѣнно, и такъ должно быть—иначе человѣкъ не могъ-бы дѣйствовать сознательно; тотъ, кто не умѣетъ судить о томъ, что для него выгодно, стоитъ ниже ребенка—онъ идиотъ. Сознаніе долга, привязывающее человѣка къ его обязательствамъ, есть ни что иное, какъ сознаніе высшаго интереса, который одерживаетъ въ немъ верхъ надъ интересомъ низшаго порядка. Человѣка связываетъ не исключительно та частная польза, которую можетъ принести ему то или другое обязательство; но въ тѣхъ случаяхъ, когда обязательство начинаетъ тяготить одну изъ сторонъ, ихъ связываетъ еще общая польза обязательствъ, довѣріе, которое каждый просвѣщенный человѣкъ стремится внушать своимъ словомъ, чтобы имѣть право считаться честнымъ человѣкомъ и пользоваться выгодами, какія доставляютъ честность и уваженіе. Не обязательство само по себѣ составляетъ долгъ, потому что существуютъ обязательства недѣйствительныя, какъ существуютъ и незаконныя,—почему? потому что ихъ считаютъ вредными. Итакъ, силу договора составляетъ только его полезность.

Все значеніе самой возвышенной добродѣтели можно легко свести на исчисленіе ея добрыхъ и дурныхъ послѣдствій. Представивъ ее, какъ актъ разума, объяснивъ ее понятно и просто, мы ее не унижимъ и не ослабимъ.

Посмотрите, въ какомъ заколдованномъ кругѣ находится человѣкъ, который не хочетъ признать принципа пользы. Я долженъ исполнить мое обѣщаніе. Почему? Потому что этого требуетъ моя совѣсть. Какъ вы узнаете, что ваша совѣсть требуетъ этого? Я чувствую это въ глубинѣ души. Почему вы должны повиноваться вашей совѣсти? Потому, что Богъ создалъ меня и, повинуюсь моей совѣсти, я повинуюсь Богу. Почему вы должны повиноваться Богу? Потому, что это моя главная обязанность. Какъ вы узнаете это? Это говоритъ мнѣ моя совѣсть, и т. д. Вотъ вѣчный кругъ, изъ котораго невозможно выбраться; вотъ источникъ упорства и непреодолимыхъ заблужденій. Если обо всемъ судить на основаніи чувства, то нѣтъ никакого средства отличить предписанія слѣпой совѣсти отъ предписаній совѣсти просвѣщенной. Всѣ гонители имѣютъ одно и то-же оправданіе. Всѣ фанатики имѣютъ одинаковыя права.

Если вы хотите отвергнуть принципъ пользы, потому что изъ него можно сдѣлать дурное примѣненіе, то что-же вы поставите на его мѣсто? Нашли-ли вы какое-нибудь правило, которымъ нельзя было-бы злоупотреблять? Гдѣ этотъ непогрѣшимый компасъ?

Замѣните-ли вы его какимъ-нибудь политическимъ принципомъ, который предписываетъ людямъ дѣйствовать такъ или иначе безъ всякой разумной причины—исключительно ради повиновенія?

Или вы замѣните его какимъ-нибудь анархическимъ и произвольнымъ принципомъ, основаннымъ исключительно на вашихъ личныхъ внутреннихъ чувствахъ?

Но какіе доводы вы въ этомъ случаѣ представите людямъ, чтобы заставить ихъ слѣдовать за вами? Бу-

дуть-ли эти доводы независимы отъ ихъ интересовъ? Если люди не согласятся съ вами, какимъ образомъ вы будете убѣждать ихъ, какъ вынудите у нихъ согласіе? Куда вы привлечете всѣ эти секты, всѣ эти разномыслія и противорѣчія, которыми полонъ міръ, какъ не къ судилищу общественной пользы?

ГЛАВА VI.

Различные виды удовольствій и страданій.

Мы безпрестанно испытываемъ различныя ощущенія, которыя насъ не интересуютъ, которыя, такъ-сказать, скользятъ по насъ, не останавливая на себѣ нашего вниманія. Такъ, большая часть предметовъ нашего обихода не производитъ на насъ столь сильнаго впечатлѣнія, чтобы мы могли испытывать изъ-за нихъ страданіе или радость. Это свойство принадлежитъ лишь нашимъ внутреннимъ воспріятіямъ, именно тѣмъ, которыя выдѣляются изъ массы другихъ и заставляютъ насъ желать ихъ продолженія или прекращенія. Эти интересующія насъ воспріятія бываютъ простыя или сложныя; они просты, когда ихъ невозможно разложить на многія, и сложны, когда состоятъ изъ многихъ простыхъ удовольствій, или изъ многихъ простыхъ страданій, или даже изъ удовольствій и страданій вмѣстѣ. Разсматривать извѣстное количество удовольствій, какъ одно сложное удовольствіе, а не какъ совокупность многихъ простыхъ удовольствій, заставляеть насъ обыкновенно характеръ причины, которая ихъ вызываетъ. Всѣ удовольствія, вызванныя дѣйствіемъ одной и той-же при-

чины, мы можем разсматривать какъ одно удовольствіе. Такъ, на примѣръ, театральное представленіе, которое одновременно улаждаетъ многія изъ нашихъ чувствъ—посредствомъ красоты декораций, посредствомъ музыки, общества, убранства, игры актеровъ,—составляетъ одно сложное удовольствіе.

Нужна была большая аналитическая работа, чтобы составить полный списокъ простыхъ удовольствій и страданій, и самый списокъ до такой степени сухъ, что пожалуй устрашитъ читателей; но это не произведеніе романиста, который хочетъ нравиться и волновать,—это точный счетъ, инвентарь нашихъ ощущеній.

ОТДѢЛЪ I.

Простыя удовольствія.

1. Удовольствія чувствъ—именно тѣ, которыя непосредственно связаны съ нашими органами чувствъ и не зависятъ ни отъ какихъ ассоціаций: удовольствія вкуса, обонянія, зрѣнія, слуха, осязанія; затѣмъ, пріятное чувство здоровья, то счастливое состояніе духа, то ощущение легкости и пріятности существованія, которое связано не съ какимъ-нибудь отдѣльнымъ чувствомъ, а со всѣми жизненными функціями; наконецъ, удовольствія новизны, которыя мы испытываемъ при встрѣчѣ съ новыми предметами. Они не составляютъ отдѣльнаго класса, но играютъ такую значительную роль, что ихъ приходится точно оговорить.

2. Удовольствія богатства. Подъ ними слѣдуетъ разумѣть такого рода удовольствія, которыя доставля-

ются человѣку обладаніемъ вещи, служащей ему орудіемъ наслажденія или безопасности; это удовольствіе бываетъ наиболѣе сильно въ минуту пріобрѣтенія.

3. Удовольствія ловкости — тѣ, которыя бываютъ слѣдствіемъ побѣды надъ какимъ-нибудь затрудненіемъ или извѣстнаго усовершенствованія въ примѣненіи и пользованіи какими-нибудь орудіями наслажденія или пользы.

4. Удовольствія дружбы — тѣ, которыя вытекаютъ изъ увѣренности человѣка въ томъ, что онъ владѣетъ расположеніемъ извѣстнаго лица.

5. Удовольствія добраго имени.

6. Удовольствія власти.

7. Удовольствія благочестія — тѣ, которыя сопровождаютъ увѣренность человѣка въ томъ, что онъ пріобрѣтаетъ или уже пріобрѣлъ благоволеніе Бога.

8. Удовольствія доброжелательности — тѣ, которыя мы способны испытывать при видѣ счастья любимыхъ нами существъ. Ихъ можно назвать также удовольствіями симпатіи или удовольствіями соціальныхъ чувствъ. Ихъ сила болѣе или менѣе растяжима; они могутъ сосредоточиваться въ тѣсномъ кружкѣ или распространяться на все человѣчество.

9. Удовольствія недоброжелательства — тѣ, которыя доставляются зрѣлищемъ страданій или мыслью о страданіяхъ существъ, нелюбимыхъ нами. Ихъ можно назвать удовольствіями гнѣвныхъ чувствъ, антипатіи или чувствъ антисоціальныхъ.

10. Когда мы употребляемъ наши духовныя способности для пріобрѣтенія новыхъ идей и открываемъ, или, по крайней мѣрѣ, думаемъ, что открыли, какія-нибудь важныя истины въ области нравственныхъ или физическихъ наукъ, — удовольствіе, которое мы испытываемъ

благодаря этому, можетъ быть названо удовольствіемъ мышленія.

11. Испытавъ какое-нибудь удовольствіе, а въ извѣстныхъ случаяхъ даже перенеся какое-нибудь страданіе, мы любимъ припоминать ихъ въ точномъ порядкѣ событій, не измѣняя ихъ обстановки; это есть удовольствіе памяти.

12. Но иногда, вспомнивъ какія-нибудь удовольствія, мы располагаемъ ихъ въ иномъ порядкѣ и окружаемъ иными, наиболее пріятными обстоятельствами, какія когда-либо поразили насъ — въ нашей-ли жизни, или въ жизни кого-нибудь другого; тогда мы испытываемъ удовольствіе воображенія.

13. Мысль о какомъ-нибудь будущемъ удовольствіи, сопровождаемая вѣрою въ ея осуществленіе, составляетъ удовольствіе надежды.

14. Удовольствія ассоціаціи (сочетанія) — когда предметъ, который самъ по себѣ не способенъ доставить никакого удовольствія, сочетается въ нашемъ умѣ съ какимъ-нибудь пріятнымъ предметомъ и способствуетъ этой пріятности.

15. Наконецъ, существуютъ удовольствія, основанныя на страданіяхъ. Когда человекъ въ теченіе извѣстнаго времени страдалъ, то прекращеніе или уменьшеніе страданія доставляетъ ему удовольствіе, иногда даже очень сильное. Ихъ можно назвать удовольствіями облегченія или освобожденія.

Таковъ составъ всѣхъ нашихъ наслажденій. Они соединяются, комбинируются, видоизмѣняются на тысячу ладовъ, и нуженъ лишь небольшой навыкъ и немного вниманія, чтобы въ сложномъ удовольствіи различить всѣ тѣ простыя удовольствія, изъ которыхъ оно состоитъ.

ОТДѢЛЪ II.

Простыя страданія.

1. Страданія лишенія. Они соотвѣтствуютъ всѣмъ родамъ удовольствія, потому что отсутствіе какого-нибудь удовольствія вызываетъ чувство огорченія. Эти страданія дѣлятся на три главныя группы: 1. Когда человѣкъ желаетъ какого-нибудь удовольствія, но страхъ неудачи превышаетъ въ немъ надежду на успѣхъ, то страданіе, проистекающее отсюда, называется страданіемъ желанія или неудовлетвореннаго желанія; 2. Когда человѣкъ твердо надѣялся достигнуть удовольствія, и эта надежда внезапно рушится, тогда получается страданіе обманутой надежды или, короче, разочарованія; 3. Если человѣкъ, наслаждавшійся какимъ-нибудь благомъ, лишился его, или, что то-же, если онъ твердо разсчитывалъ на достиженіе какого-нибудь блага, но не достигъ, такое чувство называется сожалѣніемъ. Что касается того томленія духа, которое носитъ имя скуки, то оно также принадлежитъ къ страданіямъ лишенія, но не стоитъ въ связи съ какимъ-нибудь опредѣленнымъ предметомъ, а происходитъ отъ отсутствія всѣхъ вообще пріятныхъ чувствъ.

2. Страданія чувствъ. Они бываютъ девяти видовъ: страданія голода и жажды; страданія вкуса, обонянія и осязанія, производимыя прикосновеніемъ или близостью предметовъ, которые вызываютъ непріятныя ощущенія; страданія слуха и зрѣнія; всякаго рода болѣзни; наконецъ, умственное или физическое утомленіе.

3. Страданія неловкости.

4. Странія вражды.

5. Странія дурного имени.

6. Странія благочестія, — когда человѣкомъ овладѣваетъ страхъ, что онъ оскорбилъ Верховное Существо. Если такой страхъ считаютъ основательнымъ, его называютъ религіознымъ страхомъ; если его считаютъ неосновательнымъ, то называютъ суевѣрнымъ страхомъ.

7. Странія доброжелательности, вызываемыя зрѣлищемъ страній или мыслью о страніяхъ какого-нибудь человѣка или животнаго. Чувство состранія заставляетъ насъ оплакивать чужое горе, какъ наше собственное. Эти странія можно назвать также страніями симпатіи или соціальныхъ чувствъ.

8. Странія недоброжелательства, или странія антипатіи, странія антисоціальныхъ чувствъ.

9. 10. 11. Странія памяти, воображенія, страха; онѣ составляютъ обратныя стороны и противоположность соотвѣтственныхъ удовольствій.

Сухость этихъ двухъ списковъ вознаграждается ихъ великой пользой. Всякая система морали, всякая система законодательства опирается исключительно на это знаніе страній и удовольствій. Оно составляетъ основное начало всѣхъ ясныхъ идей. Когда говорятъ о порокахъ и добродѣтеляхъ, о безвредныхъ или преступныхъ дѣяніяхъ, о системѣ наградъ или наказаній, — о чемъ въ сущности идетъ рѣчь? исключительно о страніяхъ и удовольствіяхъ, и ни о чемъ другомъ. Всякое разсужденіе въ области морали или законодательства, которое не можетъ быть переведено этими простыми словами — страніе и удовольствіе, — есть сбивчивое и софистическое разсужденіе, не дающее никакого результата.

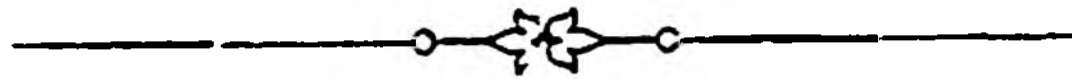
Вы хотите, напимѣрь, изслѣдовать сущность преступленій, этотъ великій сюжетъ, господствующій надъ всѣмъ законодательствомъ. Такое изслѣдованіе въ своей основѣ будетъ ничто иное, какъ сравненіе, счетъ страданій и удовольствій. Вы рассмотрите преступность или вредъ извѣстныхъ дѣяній, иначе говоря—тѣ страданія, которыя изъ нихъ вытекаютъ для извѣстныхъ личностей; побудительную причину или мотивъ преступника, т. - е. привлекательность извѣстнаго удовольствія, побудившую его совершить преступленіе; выгоду или прибыль преступленія, т.-е. приобрѣтеніе какого-нибудь удовольствія, сдѣлавшееся возможнымъ благодаря преступленію; законную кару за преступленіе, т.-е. то изъ вышеупомянутыхъ страданій, которому слѣдуетъ подвергнуть преступника. Эта теорія страданій и удовольствій есть основа всякой науки.

Чѣмъ болѣе мы станемъ присматриваться къ этимъ спискамъ, тѣмъ болѣе будемъ убѣждаться, что въ нихъ заключается главный предметъ мышленія.

Прежде всего я замѣчаю, что всѣ удовольствія и страданія можно раздѣлить на два класса: на удовольствія и страданія, имѣющія отношеніе къ другимъ, и на удовольствія и страданія исключительно личныя. Къ первому классу принадлежатъ тѣ изъ нихъ, которыя происходятъ отъ доброжелательности и недоброжелательства; всѣ остальные относятся ко второму классу.

Я замѣчаю, во вторыхъ, что существуетъ множество удовольствій, которымъ не соотвѣтствуютъ никакія страданія, напимѣрь, удовольствія новизны: встрѣча съ новыми предметами есть источникъ удовольствій, тогда какъ простое отсутствіе новыхъ предметовъ не даетъ себя чувствовать въ видѣ страданія. То-же самое относится къ удовольствіямъ любви, удовольствіямъ богат-

ства и приобрѣтенія, удовольствіямъ власти. Обладаніе этими предметами есть благо, но ихъ простое отсутствіе не есть зло; оно даетъ себя чувствовать какъ зло лишь вслѣдствіе какихъ-нибудь особенныхъ обстоятельствъ, на примѣръ, при утратѣ или разочарованіи.

ГЛАВА VII.

Страданія и удовольствія въ качествѣ санкцій.

На волю можно вліять исключительно посредствомъ мотивовъ, а мотивъ есть то-же, что страданіе или удовольствіе.

Страданіе или удовольствіе, привлеченныя къ изслѣдованію какого-нибудь закона, составляютъ то, что можно назвать санкціей этого закона.

Всѣ виды благъ и золь можно раздѣлить на четыре класса:

- 1) физическія,
- 2) моральныя,
- 3) политическія,
- 4) религіозныя.

Слѣдовательно, можно различать и четыре санкціи, рассматривая всѣ эти виды благъ и золь съ точки зрѣнія кары или награды, какія влечетъ за собою то или другое правило поведенія.

1. Страданія и удовольствія, которыя человѣкъ испытываетъ или можетъ ожидать при естественномъ ходѣ вещей и которыя дѣйствуютъ самостоятельно, безъ вмѣшательства со стороны людей, составляютъ физическую или естественную санкцію.

2. Страданія или удовольствія, которыя человекъ получаетъ или можетъ ожидать отъ другихъ людей вслѣдствіе ихъ дружбы или ненависти, уваженія или презрѣнія къ нему, составляютъ нравственную санкцію. Ихъ можно назвать также популярной санкціей, санкціей общественнаго мнѣнія, санкціей почета, санкціей страданій и удовольствій симпатіи.

3. Страданія или удовольствія, которыя человекъ можетъ испытать со стороны должностныхъ лицъ (судей въ силу закона, составляютъ политическую санкцію. Ихъ можно назвать также законной санкціей.

4. Страданія и удовольствія, которыя человекъ можетъ испытать вслѣдствіе угрозъ и обѣщаній религіи, составляютъ религіозную санкцію.

Изъ этихъ четырехъ санкцій одна только естественная санкція дѣйствуетъ постоянно, только она дѣйствуетъ самостоятельно, только она всегда остается въ своихъ главныхъ чертахъ неизмѣнной; она незамѣтно сводитъ къ себѣ всѣ остальные и исправляетъ ихъ ошибки, наконецъ, она—источникъ всего, что есть однообразнаго въ человѣческихъ чувствахъ и сужденіяхъ.

Нравственная и религіозная санкціи болѣе подвижны, болѣе измѣнчивы, болѣе зависятъ отъ прихотей человѣческаго духа. Вліяніе нравственной санкціи болѣе равномернo, непрерывно и скрытно и стоитъ въ болѣе постоянной связи съ принципомъ пользы. Вліяніе религіозной санкціи менѣе однообразно, болѣе измѣнчиво въ зависимости отъ обстоятельствъ времени и свойствъ индивидуума, болѣе подвержено опаснымъ уклоненіямъ. Оно ослабѣваетъ въ покойномъ состояніи и усиливается при противодѣйствіи.

Политическая санкція въ извѣстномъ смыслѣ превосходитъ религіозную; ея вліяніе на людей болѣе равно-

мѣрно, ея предписанія болѣе ясны и опредѣленны; ея дѣйствіе болѣе вѣрно и образцово; наконецъ, она способна совершенствоваться. Каждый успѣхъ въ ея развитіи непосредственно вліяетъ на развитіе двухъ другихъ, но она обнимаетъ только одну опредѣленную категорію поступковъ; она не въ состояніи захватить власть надъ частной жизнью людей; она нуждается въ доказательствахъ, которыя часто бываетъ невозможно добыть. Такимъ образомъ, съ какой-бы точки зрѣнія мы ни смотрѣли на эти различныя санкціи—съ точки-ли зрѣнія того, что имъ доступно, или того, что имъ недоступно, во всякомъ случаѣ мы неминуемо придемъ къ заключенію, что ни одной изъ нихъ нельзя отвергнуть, что необходимо пользоваться всѣми четырьмя, направляя ихъ къ одной и той-же цѣли.

Каждая изъ этихъ санкцій подвержена ошибкамъ, т.-е. изъ каждой можетъ быть сдѣлано употребленіе, противное принципу пользы; слѣдую сейчасъ изложенной номенклатурѣ, можно безъ труда, однимъ словомъ, указать источникъ зла. Такъ, на примѣръ, позоръ, который кладетъ на невинное семейство кара, постигшая преступника, есть ошибка нравственной санкціи. Преступленіе ростовщичества, т.-е. прибыли, превышающей законную мѣру, есть ошибка политической санкціи. Ересь и магія суть ошибки религіозной санкціи. Извѣстныя симпатіи и антипатіи суть ошибки естественной санкціи *).

---

*) Въ двухъ слѣдующихъ главахъ (VIII и IX) Бентамъ изучаетъ тѣ условія, которыя вліяютъ на *цѣнность* страданій и удовольствій и на чувствительность.

ГЛАВА X.

Анализъ политическихъ благъ и золь.

Всякое правительство подобно врачу; все дѣло его заключается въ выборѣ зла; всякій законъ есть зло, потому что всякій законъ есть нарушение свободы; но, повторяю, задача правительства заключается только въ выборѣ зла. Какъ-же долженъ дѣйствовать законодатель при этомъ выборѣ? Онъ долженъ убѣдиться: 1) въ томъ, что каждый случай, который онъ старается предупредить, есть дѣйствительно зло, при какихъ-бы обстоятельствахъ онъ ни произошелъ; и 2) что это зло болѣе значительно, чѣмъ то, которымъ онъ хочетъ воспользоваться для его предупрежденія.

Такимъ образомъ, надо принять во вниманіе двѣ вещи: зло преступленія и зло закона—вредъ болѣзни и вредъ лѣкарства.

Зло рѣдко приходитъ одно. Постигнувъ одного человека, вредъ обыкновенно распространяется отъ него, какъ изъ центра. Въ этомъ распространеніи онъ принимаетъ различныя формы: мы часто видимъ, какъ вредъ одного рода рождается отъ вреда другого рода и даже какъ польза рождаетъ вредъ и вредъ—пользу. Всѣ эти перемѣны необходимо различать; можно даже сказать, что

именно въ этомъ и заключается сущность законодательства. Къ счастью, подобныя видоизмѣненія вреда немногочислены и различія между ними отмѣчены рѣзкими чертами. Трехъ основныхъ группъ и двухъ второстепенныхъ подраздѣленій для насъ будетъ совершенно достаточно, чтобы имѣть возможность разрѣшать самыя трудныя проблемы.

Вредъ перваго порядка.

Вредъ второго порядка.

Вредъ третьяго порядка.

Вредъ первоначальный.—Вредъ вторичный.

Вредъ непосредственный.—Вредъ производный.

Вредъ множественный.—Вредъ дробный.

Вредъ постоянный.—Вредъ преходящій.

Вотъ тѣ немногіе новые термины, которые понадобятся намъ для опредѣленія всѣхъ разнообразныхъ формъ, какія способно принимать зло.

Вредъ, вытекающій изъ дурного поступка, можетъ быть раздѣленъ на двѣ главныя части: 1) ту часть, которая непосредственно падаетъ на тѣхъ или другихъ людей, личность которыхъ можетъ быть установлена, я называю вредомъ перваго порядка; 2) ту, которая вытекаетъ изъ первой и распространяется на все общество, или на неопредѣленное число индивидуумовъ, личность которыхъ не можетъ быть установлена, я называю вредомъ второго порядка.

Вредъ перваго порядка распадается на два вида: 1) первоначальный вредъ, который падаетъ прямо на обиженнаго, на того, кто первый пострадалъ, напимѣръ, на побитаго или ограбленнаго человѣка; 2) вредъ вторичный—та доля вреда, которая, вслѣдствіе вреда, постигшаго первое лицо, падаетъ на другихъ опредѣленныхъ лицъ, благодаря связи, существующей между нимъ и ими, будь то личный интересъ или симпатія.

Вредъ второго порядка можно точно такъ-же раздѣлить на два вида: 1) тревога; 2) опасность. Тревога есть положительное страданіе, страданіе страха—страха испытать то самое зло, примѣръ котораго вы видите въ эту минуту.

Примѣнимъ эту теорію на дѣлѣ. Васъ ударили, ранили, оскорбили, ограбили. Вся совокупность вашихъ личныхъ страданій, рассматриваемая исключительно по отношенію къ вамъ самимъ, составляетъ первоначальный вредъ. Но у васъ есть друзья; сочувствіе заставляетъ ихъ принимать участіе въ вашихъ страданіяхъ. У васъ есть жена, дѣти, родители; тотъ позоръ, которымъ покрыло васъ перенесенное вами оскорбленіе, отражается и на нихъ. У васъ есть кредиторы; ущербъ, который вы понесли, заставляетъ васъ отсрочить платежи. Всѣ эти лица терпятъ болѣе или менѣе значительный вредъ, происшедшій отъ вреда, который постигъ васъ; и обѣ эти доли вреда—та, которую терпите вы и которую терпятъ они,—вмѣстѣ составляютъ вредъ перваго порядка.

Но это еще не все. Извѣстіе объ этомъ грабежѣ со всѣми подробностями переходитъ изъ устъ въ уста. Возникаетъ мысль объ опасности и, слѣдовательно, тревога. Эта тревога болѣе или менѣе сильна, смотря по тому, что слышалъ тотъ или другой о характерѣ грабителей, о дурныхъ поступкахъ или жестокостяхъ, которыя они сдѣлали, смотря по тому, какъ близко живетъ тотъ или другой къ мѣсту происшествія, и т. д. Опасность и эта тревога составляютъ вредъ второго порядка.

Если вредъ, который вамъ причинили, по своему характеру распространяется и на другихъ, на примѣръ, если вы обезчещены обвиненіемъ, которое обнимаетъ цѣлую группу людей, болѣе или менѣе многочисленную, тогда дѣло идетъ уже не о частномъ вредѣ, а о вредѣ мно-

жественномъ. Онъ увеличивается сообразно съ количествомъ затронутыхъ имъ лицъ.

Если ограбленные у васъ деньги принадлежали не вамъ, а какому-нибудь товариществу или всему государству, то ихъ утрата составитъ вредъ дробный или дѣлимый. Здѣсь, въ противность предыдущему случаю, вредъ уменьшается соотвѣтственно количеству затронутыхъ имъ лицъ.

Если, вслѣдствіе полученной вами раны, постигнетъ васъ какой-нибудь вредъ, совершенно отличный отъ перваго, — на примѣръ, вы будете принуждены отказаться отъ прибыльнаго занятія, отъ брака или выгодной должности, — такой вредъ можно будетъ назвать производнымъ.

Постоянный вредъ есть такой вредъ, который, будучи разъ сдѣланъ, болѣе не можетъ быть устраненъ: неизгладимое личное оскорбленіе, ампутація, смерть и т. п. Преходящимъ называется такой вредъ, который способенъ совершенно исчезнуть, какъ, на примѣръ, излѣчимая болѣзнь или убытокъ, который можетъ быть цѣликомъ восполненъ.

Такое дѣленіе отчасти ново, но не слѣдуетъ думать, что оно заключаетъ въ себѣ излишнія и бесполезныя тонкости. Только оно и даетъ намъ возможность опредѣлять степень зловредности различныхъ преступленій и регулировать соразмѣрность наказаній.

Этотъ анализъ даетъ намъ *нравственный критерій*, т.-е. средство разлагать поступки, какъ химикъ разлагаетъ металлы, чтобы узнать ихъ дѣйствительную цѣнность и вѣсъ лигатуры.

Продолжая наше изслѣдованіе, мы откроемъ другой вредъ, который можетъ произойти отъ преступленія. Когда тревога достигаетъ извѣстной силы, когда она держится въ теченіе продолжительнаго времени, ея вліяніе не ограничивается пассивными способностями человѣка, а

переходить на его активныя способности и ослабляетъ ихъ. Такъ, когда грабежи становятся обычными, то крестьянинъ падаетъ духомъ и начинаетъ работать лишь настолько, чтобы не умереть съ голоду; въ одной только лѣни онъ ищетъ награды за свои страданія; земледѣліе падаетъ вмѣстѣ съ его надеждами, и самыя плодоносныя нивы заростають кустарникомъ. Этотъ видъ вреда можно назвать вредомъ третьяго порядка.

Къ счастью, не одинъ только вредъ имѣетъ способность распространяться. Тѣмъ-же свойствомъ обладаетъ и польза. Прослѣдите всю аналогію, и вы увидите, что всякій добрый поступокъ производитъ пользу перваго порядка, которую также можно раздѣлить на первоначальную и вторичную, и пользу второго порядка, слѣдствіемъ которой является извѣстная степень довѣрія и безопасности.

Польза третьяго порядка обнаруживается въ той энергіи, въ томъ радостномъ настроеніи, въ томъ рвеніи, какія вызываетъ въ человѣкѣ мысль о наградѣ. Одушевленный этимъ радостнымъ чувствомъ, человѣкъ находитъ въ себѣ силы, которыхъ раньше не подозрѣвалъ въ себѣ.

Распространеніе пользы совершается менѣе быстро и менѣе даетъ себя чувствовать, чѣмъ распространеніе вреда. Одно зерно пользы, если можно такъ выразиться, производитъ меньше надеждъ, чѣмъ одно зерно вреда производитъ тревоги. Но эта разница вознаграждается съ избыткомъ, потому что польза есть неизбѣжное послѣдствіе естественныхъ причинъ, которыя всегда будутъ дѣйствовать, тогда какъ вредъ является лишь случайно и съ промежутками.

Организація общества такова, что каждый изъ насъ, работая надъ своимъ личнымъ счастьемъ, работаетъ для

общаго счастія. Человѣкъ не можетъ увеличивать своихъ собственныхъ средствъ наслажденія, не увеличивая вмѣстѣ съ тѣмъ средствъ наслажденія другихъ. Два народа, какъ и два отдѣльныхъ лица, обогащаютъ другъ друга своими взаимными торговыми сношеніями, и всякій обмѣнъ основанъ на обоюдной выгодѣ.

Къ счастію также, послѣдствіемъ вреда не всегда бываетъ вредъ. Часто онъ переходитъ въ свою противоположность. Такъ, на примѣръ, наказанія, налагаемые судомъ за проступки, производятъ вредъ перваго порядка; но общество уже не смотритъ на нихъ, какъ на вредъ, потому что они производятъ пользу второго порядка. Слѣдствіемъ ихъ бываетъ также тревога и опасность, но для кого? лишь для извѣстной группы вредныхъ людей, которые сами склонны къ подобнымъ проступкамъ; а такъ какъ акты наказанія стремятся удержать ихъ отъ этого, то тревога и опасность должны исчезнуть.

Намъ никогда не удалось-бы даже отчасти покорить это обширное царство зла, если-бы мы не научились пользоваться одними видами зла, какъ оружіемъ противъ другихъ. Совершенно такъ-же въ искусствѣ исцѣленія другого ряда золь—въ медицинѣ—опредѣленные дозы ядовъ сдѣлались лѣкарствами *).

---

*) Въ слѣдующей главѣ (XI) Бентамъ изслѣдуетъ основанія для признанія извѣстныхъ поступковъ преступленіями.

Г Л А В А XII.

О границахъ, отдѣляющихъ мораль отъ законодательства.

Мораль есть вообще искусство направлять дѣйствія людей такимъ образомъ, чтобы въ результатъ получилось наибольшее возможное количество счастья. Точно таковъ-же долженъ быть и предметъ законодательства.

Но хотя эти два искусства или эти двѣ науки имѣютъ одну и ту-же цѣль, онѣ сильно разнятся по объему. Всѣ поступки людей, какъ общественные, такъ и частные, подлежатъ вѣдѣнію морали. Она—проводникъ, который указываетъ правильный путь человѣку во всѣхъ обстоятельствахъ его жизни, во всѣхъ его отношеніяхъ къ его ближнимъ. Мораль предписываетъ каждому человѣку дѣлать то, что выгодно для общества, включая сюда и его личную выгоду; но существуетъ множество дѣяній, выгодныхъ для общества, которыхъ однако законодательство не имѣетъ права предписывать людямъ. Точно такъ-же есть много вредныхъ поступковъ, которыхъ оно не можетъ запрещать, между тѣмъ какъ мораль это дѣлаетъ. Однимъ словомъ, центръ законодательства и морали одинъ и тотъ-же, но ихъ окружности не совпадаютъ.

Это различіе имѣетъ двойкое основаніе. 1. Законодательство можетъ непосредственно вліять на поведеніе людей исключительно при помощи наказаній, а каждое наказаніе есть вредъ, который можетъ быть оправданъ только въ томъ случаѣ, если изъ него вытекаетъ бѣльшее количество пользы. Но если-бы мы захотѣли каждое предписаніе морали подкрѣпить наказаніемъ, то во многихъ случаяхъ вредъ наказанія оказалса-бы болѣе значительнымъ, чѣмъ вредъ проступка: для исполненія закона пришлось-бы прибѣгнуть къ такимъ средствамъ, которыя распространили-бы въ обществѣ извѣстную степень тревоги, болѣе вредную, чѣмъ зло, предупреждаемое этимъ закономъ.

2. Неудобство законодательства заключается въ томъ, что, желая наказать виновнаго, оно часто рискуетъ наказать невиннаго. Откуда происходитъ эта опасность? отъ трудности опредѣлить преступленіе, ясно и точно установить его сущность. Такъ напримѣръ, жестокость, вѣроломство и другіе пороки, караемые нравственной санкціей, не могутъ подпасть подъ власть закона, вслѣдствіе невозможности опредѣлить ихъ съ тою-же точностью, съ какою мы опредѣляемъ кражу, убійство, клятвенное преступленіе и т. п.

Но чтобы еще точнѣе установить истинныя границы морали и законодательства, надо вспомнить обычную и общепринятую классификацію нравственныхъ обязанностей.

Частная мораль завѣдуетъ всѣми дѣйствіями человека, какъ въ той части его поведенія, въ которой заинтересованъ только онъ самъ, такъ и въ той, которая затрагиваетъ интересы другихъ лицъ. Тотъ классъ поступковъ, въ которыхъ онъ одинъ заинтересованъ, называютъ обыкновенно (хотя, можетъ быть, не совсѣмъ точно)

обязанностями по отношенію къ самому себѣ; качество, которое человѣкъ обнаруживаетъ исполненіемъ этихъ обязанностей, носитъ названіе благоразумія. Та часть поведенія, которая затрогиваетъ и другихъ, составляетъ классъ поступковъ, извѣстный подъ именемъ обязанностей по отношенію къ ближнему. Но есть два способа принимать въ соображеніе счастье другихъ: отрицательный—когда мы воздерживаемся отъ его уменьшенія, и положительный—когда мы работаемъ для его увеличенія: первый способъ называется честностью, второй благотворительностью. Въ этихъ трехъ областяхъ помощь закона необходима для морали, но не въ одинаковой степени и не въ одинаковой формѣ.

I. Правила благоразумія почти всегда могутъ обойтись безъ посторонней помощи. Если человѣкъ нарушаетъ свои собственные интересы, то это есть ошибка не его воли, а его разума; человѣкъ можетъ дѣлать зло самому себѣ только вслѣдствіе заблужденія. Страхъ повредить себѣ есть достаточно крѣпкая узда; было-бы бесполезно прибавлять къ нему еще страхъ какого-нибудь искусственнаго наказанія.

Но дѣйствительность, пожалуй возражать мнѣ, доказываетъ противоположное: неумѣренность въ игрѣ, въ пьянствѣ, въ физическихъ наслажденіяхъ ясно свидѣтельствуешь о томъ, что у людей не всегда хватаетъ благоразумія, чтобы воздержаться отъ того, что имъ вредитъ.

Не касаясь подробностей, я замѣчу, во-первыхъ, что въ большинствѣ такихъ случаевъ наказаніе, отъ котораго притомъ легко было-бы уклониться, не достигало-бы цѣли; во-вторыхъ, что вредъ, произведенный наказаніемъ, далеко превышалъ-бы вредъ проступка. Предположите, на примѣръ, что какой-нибудь законодатель счелъ-бы

себя въ правѣ приступить къ искорененію пьянства путемъ прямыхъ законовъ. Пришлось-бы, прежде всего, издать большое количество узаконеній: запутанность законовъ—таково было-бы первое большое неудобство. Чѣмъ легче такіе пороки могутъ быть скрыты, тѣмъ суровѣе должны быть наказанія, чтобы устрашающее вліяніе примѣровъ могло уравновѣсить вѣчно-возрождающуюся надежду на безнаказанность: чрезмѣрная строгость законовъ — вотъ второе, не менѣе значительное неудобство. Собирать необходимыя улики было-бы такъ трудно, что пришлось-бы поощрять доносы и содержать цѣлую армію надсмотрщиковъ: необходимость шпіонства—вотъ третье неудобство, худшее изъ всѣхъ. Теперь сравните полезныя и вредныя послѣдствія. Подобныя преступленія—если можно такъ назвать неблагоразумныя поступки—не вызываютъ никакой тревоги, а мнимое лѣкарство распространить всеобщій ужасъ; невинный и преступникъ — каждый будетъ опасаться за себя и за своихъ близкихъ; подозрѣніе, доносы сдѣлаютъ опаснымъ всякое общеніе между людьми; люди станутъ избѣгать другъ друга, сдѣлаются скрытными, будутъ остерегаться всякаго откровеннаго слова. вмѣсто того, чтобы искоренить какой-нибудь порокъ, законъ создастъ новые и болѣе опасные пороки.

Какъ разъ въ этой области законодатели вообще хозяйничали слишкомъ усердно. вмѣсто того, чтобы просто полагаться на человѣческое благоразуміе, они обращались съ людьми, какъ съ младенцами. Они увлекались тою-же страстью, подъ вліяніемъ которой основатели религіозныхъ орденовъ, чтобы сильнѣе выставить свой авторитетъ и вслѣдствіе мелочности своей души, ставили своихъ подчиненныхъ въ самую унижительную зависимость отъ себя и предписывали имъ — день за

днемъ, минута за минутой—всѣ ихъ занятія, пищу, сонъ, бодрствованіе и всѣ подробности поведенія. Есть знаменитые кодексы, въ которыхъ можно найти множество подобныхъ путей: вы встрѣтите здѣсь и бесполезныя стѣсненія относительно вступленія въ бракъ, и наказанія за безбрачіе, и законы противъ роскоши, устанавливающіе форму платья или максимумъ издержекъ на пиршество, и безконечныя подробности относительно дозволенныхъ и запрещенныхъ яствъ, о всякаго рода омовеніяхъ, и тысячи другихъ подобныхъ-же пустяковъ, которые, кромѣ неудобствъ бесполезнаго гнета, приносятъ еще тотъ вредъ, что понижаютъ умственный уровень націи, одѣвая всѣ эти нелѣпости покровомъ таинственности, чтобы скрыть ихъ комичность.

Но еще несчастнѣе тѣ государства, въ которыхъ существуютъ карательные законы, имѣющіе цѣлью установить единообразіе религіозныхъ убѣжденій. Выборъ религіи составляетъ дѣло исключительно благоразумія. Если человѣкъ убѣжденъ, что его вѣчное блаженство зависитъ отъ такого-то культа, такого-то вѣрованія, то что можетъ противопоставить законодатель столь великой выгодѣ? Мнѣ нѣтъ надобности настаивать на этой истинѣ: она признается всѣми; но проводя границы законодательства, я не могъ не указать на ту черту, которую оно болѣе всего должно остерегаться переступить.

Вотъ общее правило: предоставляйте людямъ наибольшую возможную свободу дѣйствія во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они не могутъ повредить никому, кромѣ самихъ себя, потому что они сами — лучшіе цѣнители своихъ интересовъ. Если они ошибутся, то, надо думать, съ той минуты, какъ они замѣтятъ свою ошибку, они перестанутъ упорствовать въ ней. Пользуйтесь могуществомъ закона только для того, чтобы не давать

имъ вредить другъ другу. Только здѣсь необходимъ законъ; только здѣсь наказаніе дѣйствительно полезно, потому что жестокость по отношенію къ одному человѣку создаетъ безопасность всѣхъ.

II. Между благоразуміемъ и честностью несомнѣнно существуетъ естественная связь, другими словами, нашъ интересъ, если правильно понять его, никогда не оставитъ насъ безъ мотива, который побудилъ-бы насъ воздержаться отъ причиненія вреда нашимъ ближнимъ.

Остановимся здѣсь на минуту. Я говорю, что, независимо отъ религіи и законовъ, мы всегда имѣемъ нѣкоторые естественные, т.-е. основанные на нашемъ собственномъ интересѣ, мотивы принимать въ соображеніе счастье ближняго: 1) мотивъ чистой доброжелательности, спокойное и пріятное чувство, которое мы любимъ испытывать и которое внушаетъ намъ отвращеніе къ причиненію страданій; 2) мотивъ личной привязанности, который господствуетъ въ семейной жизни и въ предѣлахъ нашихъ личныхъ отношеній и связей; 3) стремленіе къ приобрѣтенію добраго имени и страхъ осужденія. Это есть своего рода расчетъ или торговля: платить, чтобы имѣть кредитъ, быть правдивымъ, чтобы пользоваться довѣріемъ, услуживать, чтобы получать услуги. Именно въ этомъ смыслѣ одинъ остроумный человѣкъ сказалъ, что если-бы честности не существовало, ее слѣдовало-бы выдумать, какъ вѣрное средство составить себѣ положеніе.

Человѣкъ, сознавшій свой интересъ, не позволитъ себѣ совершить даже тайнаго проступка. Все, что онъ могъ-бы приобрѣсти цѣною своей безопасности, не стоило-бы ея, и если уваженіе людей ему дорого, то ничто не можетъ гарантировать ему это уваженіе лучше, чѣмъ его собственное уваженіе къ самому себѣ.

Но для того, чтобы человекъ могъ сознавать эту связь между своимъ собственнымъ и чужимъ интересомъ, онъ долженъ обладать просвѣщеннымъ умомъ. Большая часть людей слишкомъ мало образована, одарена слишкомъ незначительной твердостью духа и нравственной чувствительностью, чтобы ихъ честность могла обходиться безъ помощи законовъ. Законодатель долженъ усиливать этотъ слабый естественный интересъ, присоединяя къ нему какой-нибудь искусственный интересъ, болѣе чувствительный и болѣе постоянный.

Мало того: въ нѣкоторыхъ случаяхъ понятіе о нравственности опредѣляется закономъ, т.-е. чтобы рѣшить, хорошо-ли извѣстное дѣйствіе въ нравственномъ смыслѣ или дурно, надо знать, дозволено-ли оно закономъ, или запрещено; таковы, напримѣръ, всѣ поступки, касающіеся собственности. Извѣстная форма купли-продажи, безчестная въ одной странѣ, въ другой можетъ считаться безукоризненной. Точно такъ-же обстоитъ дѣло съ преступленіями, направленными противъ государства. Государство существуетъ только въ видѣ законодательства; поэтому невозможно устанавливать кодексъ нравственныхъ обязанностей, не зная существующихъ законовъ. Напримѣръ, есть страна, гдѣ поступить на службу къ иностранному правительству значить совершить преступленіе, и, напротивъ, есть другая страна, гдѣ такая служба считается дозволенной и почетной.

III. Что касается до благотворительности, то здѣсь существуютъ различія. Въ главныхъ областяхъ, какъ напр. въ заботѣ о бѣдныхъ, законъ можетъ идти довольно далеко, но относительно подробностей онъ долженъ сообразоваться съ частной нравственностью. Въ благотворительности есть особая тайнства, и нерѣдко ей приходится имѣть дѣло съ такими неподви-

дѣнными и скрытыми бѣдствіями, до которыхъ законъ не могъ-бы добратся. Впрочемъ, благотворительность обязана своей интенсивностью исключительно свободной волѣ индивидуума: если-бы тѣ-же дѣйствія были предписаны, они перестали-бы быть благодѣяніями, они утратили-бы и свою привлекательность, и свою сущность. Въ этомъ случаѣ мораль, и особенно религія, составляютъ необходимое дополненіе законодательства и тѣ нѣжныя узы, которыя связываютъ все человѣчество.

Между тѣмъ, законодатели, вмѣсто того, чтобы сдѣлать слишкомъ много въ этомъ отношеніи, сдѣлали слишкомъ мало. Они должны были-бы признать преступленіемъ всякое попущеніе и всякій отказъ отъ человѣколюбиваго поступка, когда послѣдній можно сдѣлать безъ вреда самому себѣ и когда этотъ отказъ влечетъ за собою какое-нибудь несчастіе: если, напри- мѣръ, кто-нибудь оставляетъ раненаго на пустынной дорогѣ, не подавъ ему помощи, или не предостерегаетъ человѣка, который держитъ въ рукѣ ядъ, или не протягиваетъ руки человѣку, упавшему въ ровъ, откуда онъ не можетъ выбраться собственными силами. Можно-ли было-бы упрекать законодателя, который для этихъ и подобныхъ имъ случаевъ установилъ-бы наказаніе, ограничивающееся тѣмъ, чтобы подвергнуть виновнаго известной степени стыда или заставить его своимъ имуществомъ возмѣстить тотъ ущербъ, который онъ могъ-бы предупредить?

Замѣчу также, что законодательство могло-бы раздвинуть свои границы нѣсколько далѣе, чѣмъ дѣлало до сихъ поръ, по отношенію къ интересамъ низшихъ животныхъ. Я не стою въ этомъ отношеніи на точкѣ зрѣнія индусскаго закона. Есть много вѣскихъ причинъ, дающихъ человѣку право пользоваться животными для

своего прокормленія и истреблять тѣхъ изъ нихъ, которыя ему вредятъ. Но чѣмъ можно оправдать тѣ безполезныя страданія, которымъ подвергаютъ ихъ люди? Изъ всѣхъ доводовъ, которые можно было-бы привести въ пользу признанія преступленіемъ всякой безпричинной жестокости надъ животными, я приведу только одинъ, имѣющій прямое отношеніе къ предмету моего разсужденія: это узаконеніе было-бы хорошимъ средствомъ развить въ людяхъ чувство доброжелательности вообще, сдѣлать ихъ мягче, или, по крайней мѣрѣ, предупредить ту звѣрскую развращенность, которая, поигравъ съ животными, потомъ усиливается и требуетъ себѣ въ пищу человѣческихъ страданій.

ГЛАВА XIII.

Примѣры ложныхъ приѣмовъ разсужденія въ области законодательства.

Предшествующія главы имѣли цѣлью дать ясное понятіе о принципѣ пользы и о томъ, какъ слѣдуетъ разсуждать, придерживаясь этого принципа. Отсюда вытекаетъ логика законодательства, которую можно выразить въ немногихъ словахъ.

Что значитъ правильно разсуждать о законѣ? Это значитъ представить все то благо и все то зло, которыя долженъ повлечь за собою законъ: чѣмъ больше благъ, тѣмъ больше доводовъ въ его пользу; чѣмъ больше золъ, тѣмъ больше доводовъ противъ него. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что благо и зло—ничто иное, какъ удовольствія и страданія.

Что значитъ разсуждать неправильно? Это значитъ представлять въ защиту или въ опроверженіе закона не его хорошія или дурныя послѣдствія, а что-нибудь другое.

Это правило такъ-же ново, какъ и просто. Новъ не принципъ пользы; напротивъ, онъ по необходимости такъ-же старъ, какъ и человѣчество. Все, чтò есть истиннаго въ морали, все, чтò есть хорошаго въ зако-

нахъ, составляетъ послѣдствіе этого принципа; но большею частью ему слѣдовали по инстинкту, оспаривая его разсудкомъ. Если онъ кое-гдѣ въ трактатахъ о законодательствѣ и зажигаетъ отдѣльныя искры, онѣ гаснутъ въ томъ дымѣ, который ихъ окружаетъ. Исключеніе составляетъ одинъ только Беккарія, но и въ его книгѣ встрѣчаются разсужденія, основанныя на ложныхъ началахъ.

Почти двѣ тысячи лѣтъ назадъ Аристотель задумалъ составить, подъ именемъ „Софизмовъ“, полный списокъ различныхъ ложныхъ приемовъ разсужденія. Здѣсь было-бы и умѣстно, и полезно привести этотъ списокъ, исправивъ его при помощи тѣхъ знаній, которыя должны были накопиться за такой долгій промежутокъ времени; но эта работа завела-бы насъ слишкомъ далеко *). Я укажу только на главныя ошибки, касающіяся законодательства: это будетъ чѣмъ-то вродѣ уменьшенной карты ложныхъ дорогъ, по которымъ ходятъ чаще всего. Такой контрастъ долженъ особенно ярко освѣтить принципъ пользы.

1. Древность закона не есть доводъ. — Древность закона можетъ внушить предрасположеніе въ его пользу, но сама по себѣ она не есть доказательство. Если данный законъ содѣйствовалъ общественному благу, то чѣмъ старше онъ, тѣмъ легче констатировать его благія послѣдствія и прямымъ путемъ доказать его пользу.

2. Религіозный авторитетъ не есть доводъ. — Этотъ способъ разсужденія въ наши дни встрѣчается рѣдко, но въ теченіе долгаго времени онъ былъ господствующимъ.

---

*) Бентамъ сдѣлалъ это въ своемъ сочиненіи о политическихъ софизмахъ.

щимъ. Сочиненіе Альджернона Сиднея наполнено цита-
тами изъ Ветхаго Завѣта, въ которомъ онъ нашель
достаточно данныхъ для построенія демократической
системы, какъ Боссюэтъ нашель тамъ-же основы аб-
солютной власти. Сидней хотѣль бороться съ привер-
женцами божественнаго права и пассивнаго повинове-
нія—ихъ собственнымъ оружіемъ.

3. Упрекъ въ новшествѣ не есть доводъ.—Отвер-
гать всякое нововведеніе значитъ отвергать прогрессъ:
въ какомъ положеніи были-бы мы теперь, если-бы люди
до сихъ поръ слѣдовали этому принципу? Вѣдь все,
что существуетъ, когда-нибудь начало существовать;
всякое учрежденіе было въ свое время нововведеніемъ.
Тѣ, которые теперь восхваляютъ законъ за его древ-
ность, раньше осуждали-бы его за новизну.

4. Произвольное опредѣленіе не есть доводъ.—Са-
мый обычный пріемъ юристовъ и политическихъ писа-
телей состоитъ въ томъ, что свои разсужденія и даже
большіе ученые трактаты они основываютъ на совер-
шенно произвольныхъ опредѣленіяхъ. Все искусство
здѣсь состоитъ въ томъ, чтобы придать слову какое-
нибудь особенное значеніе, далекое отъ его обыкновен-
наго смысла, употребить это слово такъ, какъ его ни-
когда не употребляли, и нѣкоторымъ подобіемъ глубины
и таинственности сбить съ толку читателей.

Въ эту ошибку разсужденія впалъ даже самъ Мон-
тескье въ началѣ своего сочиненія. Желая опредѣлить
сущность закона, онъ переходитъ отъ метафоры къ ме-
тафорѣ: онъ сближаетъ вещи наименѣе сходныя между
собою—божество и матеріальный міръ, высшій разумъ,
животное и человѣка. Наконецъ вы узнаете, что законъ
есть отношеніе, и притомъ вѣчное. Опредѣленіе оказы-
вается еще болѣе темнымъ, чѣмъ опредѣляемый тер-

минь. Слово „законъ“, въ своемъ собственномъ смыслѣ, вызываетъ въ умѣ cadaго человека довольно ясное представленіе; слово „отношеніе“ — не вызываетъ никакого. Слово „законъ“ въ переносномъ значеніи даетъ поводъ къ двусмысленностямъ, и Монтескьё, вмѣсто того, чтобы разсѣять этотъ мракъ, усиливаетъ его.

Отличительная черта ложнаго опредѣленія та, что его невозможно употреблять постоянно одинаковымъ образомъ. Немного ниже (въ 3-й главѣ) авторъ опредѣляетъ законъ уже иначе: „законъ“, говоритъ онъ, „есть вообще человѣческій разумъ, поскольку послѣдній управляетъ всѣми народами міра“. Здѣсь выраженія проще, но болѣе яснаго представленія они все-таки не даютъ. Слѣдуетъ-ли отсюда, что всѣ эти противорѣчивые, жестокіе или нелѣпые законы, безпрестанно подвергающіеся измѣненіямъ, всегда тождественны съ человѣческимъ разумомъ? Мнѣ кажется, что разумъ не только не есть законъ, но часто стоитъ въ оппозиціи къ нему.

Эта первая глава книги Монтескьё породила не мало нелѣпостей; люди ломали себѣ головы, стараясь найти метафизическія тайны тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ. Самого Беккариа ввелъ въ заблужденіе этотъ неясный намекъ на отношенія. Подвергать человека допросу съ тѣмъ, чтобы узнать, виновенъ-ли онъ или невиненъ, значитъ, по его словамъ, принуждать человека къ самообвиненію. Эта процедура шокируетъ автора, — а почему? потому что это есть, по его мнѣнію, *смѣшеніе всѣхъ отношеній*. Что значать эти слова? Наслаждаться, страдать, доставлять наслажденіе, причинять страданіе — вотъ слова, смыслъ которыхъ я знаю; но слѣдовать отношеніямъ и смѣшивать отношенія — этихъ словъ я совершенно не понимаю. Эти отвлеченныя выраженія

не вызываютъ во мнѣ никакой мысли, не пробуждаютъ никакого чувства. Они оставляютъ меня абсолютно равнодушнымъ; удовольствія и страданія — вотъ что меня интересуетъ.

Руссо не удовлетворился опредѣленіемъ Монтескьё; онъ придумалъ свое, которое и провозглашаетъ, какъ великое открытіе. „Законъ“, говоритъ онъ, „есть выраженіе общей воли“. Въ такомъ случаѣ тамъ, гдѣ въ обсужденіи законовъ не принимаетъ участія цѣликомъ весь народъ, — не существуетъ законовъ; законы возможны только въ абсолютной демократіи. Этимъ верховнымъ указомъ Руссо отмѣняетъ всѣ существующіе законы и заранее признаетъ недѣйствительными всѣ тѣ, которые когда-либо будутъ приняты въ какомъ-бы то ни было государствѣ земного шара, исключая развѣ республики Санъ-Марино.

5. Метафора не есть доводъ. — Я имѣю въ виду здѣсь какъ метафору въ собственномъ смыслѣ слова, такъ и аллегорію, которая, будучи употреблена для уясненія или украшенія рѣчи, незамѣтно становится исходной точкой разсужденія.

Блэкстонъ, который былъ до такой степени предрасположенъ противъ всякой реформы, что осуждалъ даже введеніе англійскаго языка въ судопроизводство, употреблялъ всѣ усилія, чтобы внушить своимъ читателямъ этотъ предразсудокъ. Онъ изображаетъ законъ въ видѣ замка или крѣпости, въ которыхъ ничего нельзя измѣнить, не ослабляя ихъ. Правда, онъ не выдаетъ этой метафоры за доказательство, но для чего-же онъ употребляетъ ее? Для того, чтобы овладѣть воображеніемъ читателей, чтобы предрасположить ихъ противъ всякой мысли о реформѣ, чтобы вселить въ нихъ инстинктивный ужасъ предъ всякимъ нововведеніемъ въ области

закона. Въ ихъ умѣ остается ложное представленіе, которое производитъ такое-же дѣйствіе, какъ ложное доказательство. Онъ долженъ былъ-бы, по крайней мѣрѣ, подумать, что эту аллегорію можно обратить противъ него самого. Развѣ, изобразивъ законъ въ видѣ замка, онъ не даетъ повода разорившемуся истцу представлять себѣ этотъ замокъ населеннымъ гарпіями?

Домъ человѣка, говорятъ англичане, есть его замокъ. Поэтическій образъ—не доказательство, потому что, если домъ человѣка есть его замокъ въ продолженіе ночи, почему ему не быть тѣмъ-же въ теченіе дня? Если онъ представляетъ собою неприкосновенное убѣжище для собственника, почему не быть ему тѣмъ-же для всякаго другого человѣка, котораго собственникъ сочтетъ нужнымъ принять въ свой домъ? Это ребяческое понятіе о свободѣ довольно часто затрудняетъ судопроизводство въ Англіи; для удовольствія охотниковъ преступники какъ-бы должны имѣть свои норы, подобно лисицамъ.

Выраженіе „торговый балансъ“ создало множество разсужденій, основанныхъ на метафорѣ. Людямъ казалось, что народы поднимаются и опускаются въ своей взаимной торговлѣ, какъ чашки вѣсовъ, нагруженныя неравными тяжестями; все, что казалось нарушеніемъ равновѣсія, вызывало безпокойство; думали, что если одна нація теряетъ, то другая должна выиграть, какъ съ одной чашки вѣсовъ снимаютъ часть груза, чтобы прибавить его къ другой.

Выраженіе „мать-отчизна“ создало большое число предразсудковъ и ложныхъ теорій во всѣхъ вопросахъ, касающихся отношеній колоній къ ихъ метрополіямъ. На колоніи налагали обязанности, ихъ обвиняли въ проступкахъ, основываясь исключительно на метафорѣ объ ихъ дочерней зависимости.

6. Фикція не есть доводъ.—Подъ фикціей я разумѣю завѣдомо ложное положеніе, на которомъ кто-нибудь строить свое доказательство, какъ на истинномъ.

Знаменитый Кокцей, редакторъ Code Frédéric, даетъ хорошій примѣръ такого рода аргументаціи въ статьѣ о завѣщаніяхъ. Послѣ долгихъ разглагольствованій о естественномъ правѣ, онъ высказывается за то, чтобы законодатель предоставилъ каждому право завѣщанія. Почему? Потому что „наслѣдникъ и умершій составляютъ одно и то-же лицо, и слѣдовательно наслѣдникъ долженъ продолжать пользоваться правомъ собственности, принадлежавшимъ умершему“. (Cod. Frédéric., part. II, 1,110, p. 156). Правда, въ другомъ мѣстѣ онъ приводитъ нѣсколько доводовъ, которые отчасти основываются на принципѣ пользы; но онъ дѣлаетъ это въ предисловіи, которое есть не болѣе, какъ прелюдія или предувѣдомленіе. Серьезнымъ и рѣшающимъ доказательствомъ является только тождество живого лица съ умершимъ.

Англійскіе юристы, желая оправдать конфискацію имущества въ извѣстныхъ случаяхъ, воспользовались доводомъ, довольно близко напоминающимъ аргументацію канцлера Фридриха Великаго. Они придумали какую-то „наслѣдственную испорченность“, которая прерываетъ процессъ законнаго наслѣдованія: если отецъ былъ казненъ за государственную измѣну, то невинный сынъ не только теряетъ отцовское имущество, но не имѣетъ права наслѣдовать даже дѣду, „потому что каналъ, по которому переходитъ къ нему имущество, былъ загрязненъ“. Эта фикція своеобразнаго политическаго грѣха служитъ основой для всей этой области права.

Въ седьмой главѣ первой книги Блэкстонъ, говоря объ авторитетѣ короля, впадаетъ во всѣ нелѣпости, какія создаетъ фикція. Король имѣетъ свои атрибуты, онъ вездѣсущъ, совершененъ, безсмертенъ.

Эти смѣшныя парадоксы, плоды рабскаго духа, конечно нисколько не даютъ болѣе правильнаго понятія о прерогативахъ королевской власти; напротивъ—они только затемняютъ дѣло, сбиваютъ съ пути и самой дѣйствительности придаютъ видъ сказки и чуда. Это не просто остроумныя выраженія — авторъ дѣлаетъ ихъ основой многочисленныхъ умозаключеній. Онъ пользуется ими для выясненія королевскихъ прерогативъ, которыя могутъ быть подтверждены очень вѣскими доводами, и забываетъ при этомъ, что можно повредить лучшему дѣлу, подкрѣпляя его пустыми доказательствами.—Судья, говоритъ онъ также, есть зеркало, въ которомъ отражается образъ короля. Какая нелѣпость! Не обращаетъ ли онъ въ посмѣшище то самое, что хотѣлъ облечь наиболѣе яркимъ сіяніемъ?

Но есть фикціи болѣе смѣлыя и болѣе значительныя, которыя играли великую роль въ политикѣ и легли въ основу знаменитыхъ произведеній: это—договоры.

„Левіаѳанъ“ Гоббса, сочиненіе теперь мало извѣстное и презираемое изъ предубѣжденія, какъ кодексъ деспотизма, выводитъ всякое политическое сообщество изъ какого-то мнимаго договора между народомъ и государемъ. По этому договору народъ отказался отъ своей естественной свободы, которая способна породить только зло, и передалъ всю свою власть государю. Всѣ противорѣчивыя воли слились, или вѣрнѣе исчезли, въ его волѣ. То, чего онъ *хочетъ*, считается волею всѣхъ его подданныхъ. Лишая жизни Урія, Давидъ дѣйствовалъ съ согласія Урія; Урій далъ свое согласіе на все, что Давидъ могъ приказать относительно его. По этой системѣ государь можетъ согрѣшить противъ Бога, но не можетъ согрѣшить противъ людей, потому что все, что онъ дѣлаетъ, основано на общемъ согласіи. Ни-

кому не можетъ придти въ голову мысль о сопротивленіи ему, потому что эта мысль содержитъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе, какъ мысль о сопротивленіи самому себѣ.

Локкъ, имя котораго столь же дорого для приверженцевъ свободы, какъ имя Гоббса имъ ненавистно, точно такъ-же кладетъ въ основаніе всякаго правительства договоръ. Онъ утверждаетъ, что существуетъ договоръ между государемъ и народомъ, что государь беретъ на себя обязательство управлять согласно законамъ для общаго блага, и что народъ, съ своей стороны, беретъ на себя обязательство повиноваться, пока государь будетъ оставаться вѣренъ тѣмъ условіямъ, подъ которыми получилъ власть.

Руссо съ негодованіемъ отвергъ мысль объ этомъ обоюдномъ договорѣ между государемъ и народомъ. Онъ придумалъ *Общественный договоръ*, по которому всѣ берутъ на себя обязательство по отношенію ко всѣмъ и который составляетъ единственную законную основу правительствъ. Только этимъ свободнымъ соглашеніемъ участвующихъ и создается общество.

Общая черта этихъ трехъ другъ-другу діаметрально противоположныхъ системъ состоитъ въ томъ, что каждая изъ нихъ начинаетъ свою политическую теорію съ фикціи, — потому что всѣ три договора одинаково фиктивны. Они существуютъ только въ воображеніи своихъ авторовъ. Исторія не только не представляетъ никакихъ слѣдовъ такого порядка, но на каждомъ шагу свидѣтельствуетъ о противномъ.

Договоръ Гоббса есть очевидная ложь. Деспотизмъ былъ всюду послѣдствіемъ насилія и неправильныхъ религіозныхъ представленій. Если и существуетъ народъ, который общественнымъ актомъ передалъ верховную

власть одному лицу, то невѣроятно, чтобы этотъ народъ выразилъ согласіе подчиняться каждому жестокому или своевольному желанію государя.

Общественный договоръ Руссо судили не такъ строго, потому что люди не предъявляютъ большихъ требованій къ логикѣ системы, устанавливающей то, что они любятъ больше всего, — свободу и равенство. Но гдѣ состоялось это всеобщее соглашеніе? Каковы статьи этого договора? На какомъ языкѣ былъ онъ составленъ? Почему онъ во всѣ времена до сихъ поръ оставался неизвѣстнымъ? Тогда-ли, когда люди вышли изъ лѣсовъ и отказались отъ дикой жизни, явились у нихъ эти великія идеи морали и политики, которыя они положили въ основу первоначальнаго соглашенія?

Договоръ Локка болѣе правдоподобенъ, потому что дѣйствительно существуютъ монархіи, въ которыхъ государь, при своемъ вступленіи на престолъ, беретъ на себя извѣстныя обязательства и подтверждаетъ условія, поставленныя націей, которою онъ призванъ управлять.

Однако и этотъ договоръ есть не болѣе, какъ фикція. Сущность договора состоитъ въ свободномъ согласіи заинтересованныхъ сторонъ. Предполагается, что всѣ предметы обязательства точно названы и извѣстны. Но если государь, вступая на престолъ, властенъ принять его или отвергнуть, свободенъ-ли также и народъ? Нѣсколько неопредѣленныхъ криковъ составляютъ-ли актъ индивидуальнаго и общаго согласія? Въ силахъ-ли такой договоръ связать всю эту массу людей, которые никогда не слышали о немъ, не были призваны подтвердить его и не могли отказать въ своемъ согласіи, не рискуя своимъ имуществомъ и жизнью? — Впрочемъ, въ большей части монархій этотъ мнимый договоръ не имѣетъ даже такого слабаго подобія дѣйствительности.

Тамъ нѣтъ и тѣни взаимнаго обязательства между государемъ и народомъ.

Не слѣдуетъ счастье человечества ставить въ зависимость отъ фикціи. Не слѣдуетъ возводить социальную пирамиду на фундаментъ изъ песку или на глину, которая обсыпается. Эти игрушки надо оставить дѣтямъ: взрослые люди должны говорить языкомъ истины и разума.

Истинное политическое благо заключается въ той неизмѣримой выгодѣ, которую доставляетъ людямъ существованіе правительства и которая заставляетъ ихъ поддерживать его. Безъ правительства нѣтъ безопасности, нѣтъ собственности, нѣтъ промышленности. Именно здѣсь надо искать основу и смыслъ всѣхъ правительствъ, каковы-бы ни были ихъ происхожденіе и форма; только сравненіе правительствъ съ ихъ цѣлью даетъ возможность основательно рассуждать объ ихъ обязанностяхъ, не прибѣгая къ вымышленнымъ договорамъ, которые не могутъ привести ни къ чему другому, кромѣ нескончаемыхъ словопреній.

7. Фантастическій доводъ не есть доводъ. — Нѣтъ ничего проще, какъ сказать: разумъ требуетъ, вѣчный разумъ предписываетъ и т. п.; но что такое этотъ разумъ? Если это не есть отчетливое представленіе о какомъ-нибудь благѣ или злѣ, то это — фантазія, деспотизмъ, содержаніемъ котораго служить исключительно лишь внутреннее убѣжденіе говорящаго.

Посмотримъ, на чемъ одинъ знаменитый юристъ хотѣлъ построить теорію отцовскаго авторитета. Человѣкъ, просто обладающій здравымъ смысломъ, не увидѣлъ-бы въ этомъ вопросѣ никакой трудности, но ученый долженъ во всѣмъ находить что-нибудь таинственное.

„Право отца надъ дѣтьми“, говоритъ Кокцей, „осно-

вано на разумѣ, ибо, во 1-хъ, отецъ есть господинъ того дома, въ которомъ дѣти были зачаты, во 2-хъ, отецъ есть глава того дома, въ которомъ они родились“. Вотъ доводы, на основаніи которыхъ авторъ, между прочимъ, заключаетъ, что сорокалѣтній человѣкъ, желая вступить въ бракъ, долженъ испрашивать согласіе у впавшаго въ дѣтство старика. Общая черта этихъ двухъ доводовъ та, что ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ никакого отношенія къ интересамъ обѣихъ сторонъ: авторъ не принимаетъ въ соображеніе ни пользы отцовъ, ни пользы дѣтей.

Прежде всего, право отца—выраженіе невѣрное: дѣло идетъ не о неограниченномъ и недѣлимомъ правѣ; есть различныя права, которыя въ частныхъ случаяхъ можно признавать и не признавать за отцомъ.

Первый доводъ автора основанъ на фактѣ, зависящемъ отъ случайности. Положимъ, что у путешественника есть дѣти, родившіяся въ гостинницѣ, или на кораблѣ, или въ домѣ какого-нибудь друга: перваго основанія отцовскаго авторитета у такого отца не будетъ. Дѣти лакея или солдата должны были-бы признавать надъ собою власть не отца, а того, въ чьемъ домѣ они родились.

Второй доводъ вовсе не имѣетъ опредѣленнаго смысла или составляетъ не болѣе, какъ повтореніе перваго. Если человѣкъ живетъ въ домѣ своего отца, или старшаго брата, или покровителя, — родилось-ли его дитя въ домѣ, главой котораго состоитъ его отецъ?

Отмѣтимъ здѣсь основную разницу между ложнымъ принципомъ и истиннымъ. Принципъ пользы, который связанъ только съ интересами сторонъ, можно приладить ко всякой обстановкѣ и ко всякимъ потребностямъ. Ложные принципы, основанія которыхъ не имѣютъ ничего общаго съ интересами отдѣльныхъ лицъ,

должны оставаться неизмѣнными, если хотятъ быть послѣдовательны. Такова сущность и мнимаго права, основаннаго на фактѣ рожденія. Сынъ естественно принадлежитъ отцу: дѣлаетъ-ли отецъ его несчастнымъ— это не важно; его право невозможно уничтожить, потому что невозможно сдѣлать, чтобы его сынъ не былъ его сыномъ. — Хлѣбъ, который создалъ ваше тѣло, ска- залъ мнѣ однажды на полѣ: развѣ ты можешь не быть моимъ рабомъ?

8. Антипатіи и симпатіи не суть доводы. — Ложныя аргументаціи при помощи антипатіи чаще всего встрѣчаются въ уголовномъ правѣ: антипатіи противъ поступковъ, которые считаютъ преступленіями; антипатіи противъ лицъ, которыхъ считаютъ преступниками; антипатіи противъ того или другого наказанія. Этотъ ложный принципъ тираннически господствовалъ во всей этой обширной области законодательства; Беккариа первый рѣшился напасть на него лицомъ къ лицу съ хорошо отточеннымъ и закаленнымъ оружіемъ; но если онъ много сдѣлалъ для ниспроверженія узурпатора, то слишкомъ мало— для его замѣщенія.

Принципъ антипатіи заставляетъ говорить о преступленіи, какъ о *заслуживающемъ* наказанія; соответствующій принципъ симпатіи заставляетъ говорить объ извѣстныхъ поступкахъ, какъ о *заслуживающихъ* награды; это слово *заслуга* можетъ породить только увлеченія и ошибки. Единственное, на что должно быть обращено вниманіе, это—хорошія или дурныя послѣдствія.

Но когда я говорю, что антипатіи и симпатіи не суть доводы, я имѣю въ виду только антипатіи и симпатіи законодателя, потому что антипатіи и симпатіи народовъ могутъ быть доводами, и даже весьма могу-

щественными. Какъ-бы странны или пагубны ни были вѣрованія, законы, нравы, — это не имѣетъ значенія: важно то, привязанъ-ли къ нимъ народъ. Сила его предразсудка есть мѣра осторожности, съ которою слѣдуетъ относиться къ этимъ вѣрованіямъ, законамъ и нравамъ. Отнять у кого-нибудь самое химерическое удовольствіе значитъ сдѣлать такое-же зло, какъ если отнять реальную радость или надежду. Страданіе одного индивидуума становится тогда по симпатіи страданіемъ всѣхъ. И въ результатѣ — масса зла: антипатія противъ закона, оскорбляющаго общій предразсудокъ; антипатія противъ законодательства, часть котораго составляетъ этотъ законъ; антипатія противъ власти, приводящей въ исполненіе законы; расположеніе не содѣйствовать ихъ исполненію; расположеніе оказывать имъ тайное противодѣйствіе; расположеніе оказывать имъ открытое и насильственное противодѣйствіе; расположеніе отнять власть у тѣхъ, кто дѣйствуетъ на перекоръ волѣ народа, — масса зла, влекущаго за собой преступленія, совокупность которыхъ образуетъ печальное явленіе, извѣстное подъ именемъ мятежа, гражданской войны, — зла, влекущаго за собою зло наказаній, къ которымъ прибѣгаютъ для возстановленія порядка. Такова цѣпь бѣдствій, всегда готовыхъ разразиться вслѣдствіе противодѣйствія причудѣ. Поэтому законодатель долженъ уступать силѣ потока, который способенъ унести всѣ преграды. Между тѣмъ, не надо забывать, что побудительной причиной для законодателя являются въ подобныхъ случаяхъ не эти причуды, а тѣ бѣдствія, которыми грозитъ борьба съ ними. Но долженъ-ли законодатель рабски подчиняться причудамъ тѣхъ людей, которыми онъ управляетъ? Нѣтъ. Между неразумнымъ противодѣйствіемъ и рабской угодливостью есть почетная и

надежная середина: бороться съ этими причудами тѣмъ оружіемъ, которое одно только можетъ привести къ побѣдѣ надъ ними, — примѣромъ и образованіемъ; надо просвѣщать, надо обращаться къ общественному разуму, надо медленно и постепенно разоблачать заблужденіе. Истинные доводы, если они ясно изложены, должны по необходимости дѣйствовать сильнѣе, чѣмъ ложные. Но личность законодателя не должна слишкомъ рѣзко выступать въ его наставленіяхъ. Косвенныя средства будутъ лучше соотвѣтствовать его задачѣ.

Впрочемъ, излишняя снисходительность къ предразсудкамъ есть ошибка болѣе обычная, чѣмъ противоположная крайность. Лучшіе законодательные проекты разбиваются объ это банальное возраженіе: „это будетъ идти на перекоръ предразсудку; мы оскорбили-бы толпу“. Но откуда это извѣстно? Какъ узнали общественное мнѣніе? Гдѣ его органъ рѣчи? Неужели весь народъ мыслить по одному шаблону? Неужели всѣ люди имѣютъ одно и то-же чувство, включая сюда и тѣ девятнадцать двадцатыхъ, которые никогда не слышали о немъ? А если народъ и ошибается, неужели онъ осужденъ вѣчно оставаться въ своемъ заблужденіи? Неужели призраки, рожденные мракомъ, не разсѣются при свѣтѣ дня? Можно-ли требовать отъ толпы того здраваго смысла, котораго не имѣютъ ни законодатели, ни мудрые земли? Развѣ мы не видимъ другихъ націй, которые вышли изъ такого-же невѣжества и одержали верхъ надъ тѣми-же препятствіями?

Впрочемъ, народные предразсудки служатъ рѣже причиною, чѣмъ предлогомъ. Это удобный паспортъ для глупостей государственныхъ людей. Невѣжество народа есть излюбленный предлогъ для ихъ трусости и лѣни, тогда какъ истинные мотивы кроются въ тѣхъ пред-

разсудкахъ, отъ которыхъ они сами не съумѣли освободиться. Имя народа есть поддѣльная подпись, долженствующая оправдать его правителей.

9. *Petitio principii* не есть доводъ. — *Petitio principii* — одинъ изъ софизмовъ, примѣты которыхъ были описаны Аристотелемъ; но этотъ софизмъ, какъ Протей, умѣетъ являться въ разныхъ видахъ и искусно скрывается.

Petitio principii или, вѣрнѣе, узурпація принципа состоитъ въ томъ, что разсужденіе основывается на самомъ тезисѣ, какъ будто онъ уже доказанъ.

Этотъ ложный приѣмъ разсужденія часто проникаетъ въ мораль и законодательство, прикрываясь чувствительными или страстными выраженіями.

Чувствительными или страстными я называю тѣ слова, которыя, кромѣ своего главнаго значенія, содержатъ въ себѣ еще побочную идею одобренія или осужденія. Безразличными можно назвать тѣ слова, которыя просто выражаютъ то или другое понятіе, безъ всякаго предрасположенія или предубѣжденія, не внося никакой посторонней идеи осужденія или одобренія.

Надо замѣтить, что страстное выраженіе содержитъ или скрываетъ въ себѣ не высказываемое, а подразумеваемое положеніе, которое всегда сопровождаетъ употребленіе слова, хотя и безъ вѣдома говорящаго: это подразумеваемое положеніе и есть смутное и неопредѣленное положеніе хвалы или порицанія.

Имѣю-ли я надобность связывать идею пользы съ выраженіемъ, которое обыкновенно содержитъ въ себѣ побочную идею осужденія? Мои слова имѣли-бы видъ парадокса—я впалъ-бы въ противорѣчіе съ самимъ собою.

Скажу-ли я, на примѣръ, что такой-то предметъ роскоши хорошъ? Такое предложеніе удивитъ тѣхъ, ко-

торые привыкли связывать съ этимъ словомъ чувство неодобренія. Что-же долженъ я сдѣлать, чтобы обсудить этотъ частный случай, не возбуждая въ умѣ читателя опасной ассоціаціи идей? Я долженъ прибѣгнуть къ безразличному слову; я скажу, на примѣръ: такой-то способъ проживать свой доходъ хорошъ, и т. п. Этотъ оборотъ не натолкнется ни на какой предразсудокъ и сдѣлаетъ возможнымъ безпристрастное обсужденіе даннаго предмета.

Когда Гельвецій выступилъ съ утвержденіемъ, что причиной всѣхъ дѣйствій является интересъ, всѣ возстали противъ него, не желая даже выслушать его. Почему? Потому что слово „интересъ“ имѣло ненавистный, пошлый смыслъ, который, казалось, исключалъ всякое побужденіе привязанности и доброжелательности.

Сколько аргументацій въ области политики основано на однихъ только страстныхъ выраженіяхъ! Иной человекъ думаетъ, что привелъ доводъ въ пользу закона, сказавъ, что этотъ законъ соотвѣтствуетъ принципу монархіи или демократіи; но вѣдь это не имѣетъ никакого значенія. Если у однихъ съ этими словами соединены побочныя идеи одобренія, то другіе связываютъ съ ними противоположныя идеи. Если обѣ стороны вступятъ въ споръ, послѣднему положить конецъ только утомленіе спорящихъ, — потому что истинное изслѣдованіе станетъ возможнымъ только тогда, когда мы откажемся отъ этихъ страстныхъ выраженій и начнемъ вычислять полезныя и вредныя послѣдствія даннаго закона.

Блэкстонъ восхищается тѣмъ, что въ англійской конституціи соединяются три формы правленія, и заключаетъ отсюда, что она должна содержать въ себѣ одновременно всѣ достоинства монархіи, аристократіи и демократіи. Какъ могъ онъ не замѣтить, что, ничего

не измѣняя въ его разсужденіи, изъ него можно было вывести заключеніе діаметрально противоположное и совершенно законное, именно, что британская конституція должна соединять въ себѣ всѣ недостатки, свойственные демократіи, аристократіи и монархіи?

Слово „независимость“ связано съ побочными идеями достоинства и доблести; со словомъ „зависимость“ связаны побочныя идеи низости и испорченности. Сообразно съ этимъ, панегиристы британской конституціи восхваляютъ независимость трехъ властей, составляющихъ законодательный корпусъ; въ ихъ глазахъ она—образецъ политическаго искусства, самая прекрасная черта государственнаго строя Англіи. Съ другой стороны, хулители той-же конституціи настойчиво доказываютъ зависимость той или другой политической силы. И эта похвала, и это осужденіе одинаково лишены доказательствъ.

Вмѣсто того, чтобы обсуждать слово, вводящее въ обманъ, разсмотримъ послѣдствія. Взаимная зависимость этихъ трехъ властей заставляетъ ихъ подчиняться неизмѣннымъ законамъ, сообщаетъ имъ систематическое и выдержанное направленіе. Отсюда необходимость уважать другъ друга, соблюдать осторожность, щадить другъ друга, не выступать изъ своихъ границъ, входить въ соглашенія. Если-бы эти власти были абсолютно независимы, между ними безпрестанно происходили-бы столкновенія, и приходилось-бы часто призывать на помощь силу.

Не могу удержаться, чтобы не привести еще одного примѣра подобной ошибки въ разсужденіи, основанной на пользованіи незаконными выраженіями. Этотъ послѣдній примѣръ я беру изъ договоровъ, т. е. изъ тѣхъ разнообразныхъ политическихъ фикцій, которыя носятъ

имя договоровъ. Я уже осудилъ ихъ какъ фѣкціи, теперь я осужу ихъ еще какъ *petitio principii*.

Когда Локкъ или Руссо разсуждаютъ объ этомъ мнимомъ договорѣ; когда они утверждаютъ, что общественный или политическій договоръ содержитъ такую-то статью, — могутъ-ли они доказать это иначе, какъ сославшись на общую пользу, которая, по предположенію, должна быть результатомъ договора? Допустимъ, что этотъ договоръ, который даже не написанъ, находится въ полной силѣ. Отъ чего зависитъ все его могущество? Не отъ пользы-ли, которую онъ приноситъ? Почему мы должны исполнять взятыя нами на себя обязательства? Потому, что вѣрность обѣщанію есть основа общества. Общая выгода требуетъ, чтобы каждый индивидуумъ считалъ свое обѣщаніе священнымъ. Если-бы обязательства потеряли свою принудительную силу, то исчезли-бы всякая обезпеченность, всѣ сношенія между людьми. всякое довѣріе — надо было-бы вернуться въ лѣса. То-же самое произошло-бы и съ политическими договорами. Ихъ силу составляетъ вытекающая изъ нихъ польза; сдѣлавшись вредными, они потеряли-бы свою силу. Если-бы государь взялъ на себя обязательство сдѣлать свой народъ несчастнымъ, — было-ли бы это обязательство дѣйствительнымъ? Если-бы народъ обязался покориться всему, что-бы ни случилось, — позволили-ли бы онъ какому-нибудь Нерону или Калигулѣ истреблять себя, а не нарушили-ли бы скорѣе свое обѣщаніе? Если-бы договоръ имѣлъ исключительно вредныя для всѣхъ послѣдствія, то какая надобность была-бы народу поддерживать его? Итакъ, невозможно отрицать, что дѣйствительность договора есть по существу вопросъ его полезности, отчасти скрытый, отчасти замаскированный и потому болѣе подверженный ложнымъ толкованіямъ.

10. Воображаемый законъ не есть доводъ. — Естественный законъ, естественное право—это не болѣе, какъ двѣ фикціи или двѣ метафоры, но они играютъ такую важную роль въ книгахъ, трактующихъ о законодательствѣ, что заслуживаютъ отдѣльнаго изслѣдованія.

Первоначальный смыслъ слова „законъ“ — тотъ, въ которомъ оно обыкновенно употребляется, именно: воля законодателя. „Законъ природы“ есть образное выраженіе; мы представляемъ себѣ природу въ видѣ живого существа и приписываемъ ему то или другое намѣреніе, которое и называемъ образно закономъ. Въ этомъ-же смыслѣ законами природы называютъ всѣ общія склонности людей, которыя повидимому не стоятъ въ зависимости отъ общенія между людьми и должны были предшествовать установленію политическихъ и гражданскихъ законовъ. Вотъ истинный смыслъ слова. Но его понимаютъ иначе. Писатели вообразили, что это слово имѣетъ какой-то особенный смыслъ и что существуетъ нѣкій кодексъ естественныхъ законовъ; они апшелируютъ къ этимъ законамъ, цитируютъ ихъ, слово за словомъ противопоставляютъ ихъ законамъ законодателей и не замѣчаютъ того, что эти естественные законы составляютъ плодъ ихъ воображенія, что въ своихъ показаніяхъ объ этомъ мнимомъ кодексѣ всѣ они противорѣчатъ другъ другу, что они принуждены только утверждать, ничего не доказывая, что сколько есть писателей, столько есть и системъ, и что, рассуждая такимъ образомъ, приходится каждый разъ начинать съ начала, потому что о воображаемыхъ законахъ всякій можетъ говорить, что ему угодно, и потому что такіе споры нескончаемы.

Чувства страданія или радости, вообще склонности

составляютъ естественную принадлежность человѣка; но называть эти чувства и склонности законами, значитъ вносить ложную и опасную идею, значитъ ставить языкъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, потому что законы надо создавать именно для того, чтобы подавлять эти склонности. Вмѣсто того, чтобы послѣднія считать законами, надо ихъ подчинять законамъ. Какъ разъ противъ наиболѣе сильныхъ естественныхъ склонностей должны быть направлены наиболѣе суровые законы. Если-бы существовалъ такой естественный законъ, который направлялъ-бы людей къ ихъ общему благу, — законы были-бы бесполезны. Это значило-бы подпирать тростникомъ дубъ или зажигать свѣчу, чтобы усилить свѣтъ солнца.

Блэкстонъ, говоря объ обязанности родителей заботиться о пропитаніи ихъ дѣтей, замѣчаетъ: „это есть принципъ естественнаго закона, долгъ, налагаемый самой природой... И Монтескьё“, прибавляетъ онъ, „правильно замѣтилъ, что естественная обязанность отца кормить своихъ дѣтей была причиной установленія брака, такъ какъ бракъ обнаруживаетъ того, кто долженъ исполнять эту обязанность“.

Родители *расположены* воспитывать своихъ дѣтей, и родители *обязаны* воспитывать своихъ дѣтей—это два различныхъ положенія. Первое не предполагаетъ второго, второе не предполагаетъ перваго. Безъ сомнѣнія, существуютъ очень основательныя причины налагать на родителей обязанность воспитывать дѣтей. Почему Блэкстонъ и Монтескьё не привели этихъ причинъ? Почему они предпочли такъ называемый ими законъ природы? Что такое этотъ законъ природы, нуждающійся въ помощи другого закона, созданнаго другимъ законодателемъ? Если-бы, какъ утверждаетъ Монтескьё, эта естественная обязанность дѣйствительно существовала, то

она не только не могла-бы привести къ установленію брака, но доказала-бы его бесполезность, по крайней мѣрѣ для той цѣли, которую указываетъ авторъ. Одна изъ задачъ брака состоитъ именно въ томъ, чтобы пособить недостаточности естественной привязанности. Его назначеніе обращать въ долгъ эту склонность родителей, которая, можетъ быть, не всегда оказалась-бы достаточно сильной, чтобы преодолѣть огорченія и трудности воспитанія.

Люди очень склонны заботиться о своемъ собственномъ пропитаніи—никто и не издаетъ законовъ для принужденія ихъ къ этому. Если-бы склонность родителей заботиться о пропитаніи своихъ дѣтей была неизмѣнно и повсюду столь-же сильна, законодателямъ никогда не пришло-бы въ голову обращать ее въ обязанность.

Выбрасываніе дѣтей, нѣкогда столь обычное у грековъ, въ Китаѣ практикуется и до настоящаго времени. Чтобы уничтожить этотъ обычай, не умѣстнѣе-ли было-бы привести другіе доводы, чѣмъ этотъ мнимый и явно недостаточный законъ природы?

Слово *право*, какъ и слово *законъ*, имѣетъ два значенія: собственное и метафорическое. „Право“ въ собственномъ смыслѣ есть плодъ „закона“ въ собственномъ смыслѣ: реальные законы порождаютъ реальныя права. Естественное право есть плодъ естественнаго закона: это метафора, происшедшая отъ другой метафоры.

Естественны въ человѣкѣ его способности и дарованія; но называть эти способности и дарованія естественными правами, значитъ опять-таки ставить языкъ въ противорѣчіе съ самимъ собою, потому что права установлены именно для того, чтобы обезпечить проявленіе этихъ способностей и дарованій. Право есть гарантія, способность—то, что гарантируется. Можно-ли понимать

людей, которые подъ однимъ и тѣмъ-же словомъ разумѣютъ двѣ столь различныя вещи? Что сдѣлается съ номенклатурой искусствъ, если мы начнемъ называть орудіе, при помощи котораго создается произведеніе, тѣмъ-же именемъ, какъ и самое произведеніе?

Выраженіе „реальное право“ всегда употребляется въ законномъ смыслѣ, выраженіе „естественное право“ часто употребляется въ противозаконномъ смыслѣ. Когда человѣкъ говоритъ, на примѣръ, что законъ не въ силахъ бороться съ естественнымъ правомъ, онъ употребляетъ слово „право“ въ болѣе высокомъ смыслѣ, чѣмъ слово „законъ“; онъ признаетъ существованіе какого-то права, которое нападаетъ на законъ, ниспровергаетъ и уничтожаетъ его.

Въ этомъ противозаконномъ смыслѣ слово „право“ является величайшимъ врагомъ разума и самой страшной разлагающей силой въ государствѣ.

Невозможно разумно спорить съ фанатиками, вооруженными естественнымъ правомъ, которое каждый понимаетъ, какъ ему нравится, и примѣняетъ, какъ ему удобно, отъ котораго онъ ничего не можетъ уступить или убавить, которое такъ-же неизмѣнно, какъ и непонятно, которое для него свято, какъ догматъ, и отъ котораго онъ не можетъ уклониться, не совершая этимъ преступленія. вмѣсто того, чтобы изслѣдовать законы съ точки зрѣнія ихъ послѣдствій, вмѣсто того, чтобы судить о томъ, хороши-ли они или дурны, онъ разсматриваетъ законы съ точки зрѣнія ихъ соотвѣтствія этому мнимому естественному праву, т. е. рассуждаетъ не на основаніи опыта, а на основаніи прихотей собственнаго воображенія. Это не безвредная ошибка: она изъ области умозрѣній проникаетъ въ практику.

Чтобы избѣгнуть обвиненія въ томъ, что я безъ всякаго основанія приписываю этимъ своеобразнымъ полити-

ческимъ пророкамъ положенія, ведущія къ мятежу, я приведу одно мѣсто изъ Блэкстона; беру Блэкстона, какъ писателя, обнаруживающаго наиболѣе глубокое уваженіе къ авторитету правительствъ (I, Comm., p. 42). Говоря о мнимыхъ законахъ природы и о законахъ Откровенія, онъ замѣчаетъ: „Не слѣдуетъ терпѣть, чтобы человѣческіе законы противорѣчили этимъ законамъ: если человѣческій законъ предписываетъ намъ что-нибудь запрещенное естественными или божескими законами, мы имѣемъ право преступить этотъ человѣческій законъ“, и т. д.

Не значить-ли это дать въ руки всѣмъ фанатикамъ оружіе противъ всѣхъ правительствъ? Въ безконечномъ разнообразіи толкованій естественнаго и божественнаго закона не найдетъ-ли каждый какой-нибудь доводъ, который дастъ ему право сопротивляться всѣмъ человѣческимъ законамъ? Найдется-ли правительство, которое могло-бы просуществовать хотя одинъ день, если-бы каждый счелъ себя въ правѣ сопротивляться всякому человѣческому закону, разъ послѣдній не соотвѣтствуетъ его личнымъ понятіямъ о естественномъ законѣ и о законѣ Откровенія? Какъ опасно было-бы жить среди толкователей кодекса естественныхъ законовъ, среди приверженцевъ религіозныхъ сектъ!

„Исканіе счастья есть естественное право“. Исканіе счастья есть несомнѣнно естественная склонность; но можно-ли провозглашать его правомъ? Это зависитъ отъ способа исканія. Разбойникъ добивается своего счастья посредствомъ убійства; имѣетъ-ли онъ право на это? Если нѣтъ, зачѣмъ объявлять, что имѣетъ? Способно-ли провозглашеніе этого принципа сдѣлать людей болѣе счастливыми и благоразумными?

Примѣняемая часто не такъ, какъ слѣдуетъ, пони-

маемая въ узкомъ смыслѣ, прикрывая иногда своимъ именемъ преступленія, польза была признана противоположною вѣчной справедливости; она была унижена, получила репутацію продажной, и нужно было много мужества, чтобы возстановить ея честь и раскрыть смыслъ ея истинныхъ основаній.

Я предлагаю средство примириться съ сторонниками естественнаго права. Если природа установила тотъ или другой законъ, то тѣ, которые съ такой увѣренностью цитируютъ его и съ такой скромностью берутъ на себя роль его истолкователей, должны, конечно, понимать, что она имѣла какія-нибудь основанія установить этотъ законъ. Не было-ли бы вѣрнѣе, убѣдительнѣе и короче сообщить намъ прямо эти основанія, вмѣсто того, чтобы выставлять волю неизвѣстнаго законодателя, какъ абсолютный авторитетъ?

Я кончу общимъ замѣчаніемъ. Языкъ заблужденія всегда темень, нетвердъ и измѣнчивъ. Скудость и ложность идей прикрываются цѣлой тучей словъ. Чѣмъ больше мѣняютъ слова и ихъ смыслъ, тѣмъ легче ввести въ обманъ читателя. Языкъ истины однообразенъ и простъ: всегда тѣ-же идеи и всегда тѣ-же слова. Все связано съ удовольствіями и страданіями. Надо избѣгать всего, что можетъ замаскировать или затруднить это несложное соображеніе: то или другое дѣйствіе производитъ такое-то впечатлѣніе страданія или радости. Вѣрьте не мнѣ—вѣрьте опыту, и особенно вашему собственному опыту. *Хотите-ли изъ двухъ противоположныхъ способовъ дѣйствія выбрать тотъ, который дѣйствительно заслуживаетъ предпочтенія? Разочтите хорошія и дурныя послѣдствія того и другого, и выбирайте тотъ, который обѣщаетъ наибольшее количество счастья.*

О ВЛІЯНІИ УСЛОВІЙ ВРЕМЕНИ И МѢСТА НА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО *).

Я хочу изслѣдовать тѣ различія въ законахъ, которыя являются слѣдствіемъ вліянія мѣста и времени, или рѣшить слѣдующую задачу: „даны наилучшіе законы; какъ долженъ измѣнить ихъ законодатель, принимая въ соображеніе условія времени и мѣста?“

Я не скрываю отъ себя ни важности, ни трудности этого вопроса; было-бы даже нелѣпо отыскивать отдѣльное рѣшеніе для каждаго народа. Но вполнѣ возможно указать основныя начала, которыми слѣдуетъ руководиться въ дѣлѣ приноровленія законовъ къ мѣстнымъ особенностямъ.

Здѣсь можетъ быть рѣчь только объ общемъ очеркѣ — точности и опредѣленности невозможно требовать. Если предлагаемые мною приемы правильны, то ихъ легко будетъ примѣнить ко всякимъ законамъ и всякимъ обстоятельствамъ. Подробности безчислены, но принципы могутъ быть сведены къ небольшому количеству **).

---

*) Это изслѣдованіе помѣщено въ первомъ томѣ англійскаго изданія и слѣдуетъ почти непосредственно за „Введеніемъ въ принципы морали и законодательства“.

**.) Въ первой главѣ Бентамъ излагаетъ „Принципы, которыми слѣдуетъ руководиться при заимствованіи законовъ у другой, различной

ГЛАВА II.

Объ осмотрительности, съ которою должно относиться къ существующимъ учрежденіямъ.

Условія, въ зависимости отъ которыхъ должны измѣняться законы, бываютъ двухъ родовъ: одни основаны на чисто физическихъ причинахъ и, слѣдовательно, непреодолимы; другія зависятъ отъ моральныхъ причинъ и могутъ быть измѣняемы. Климатъ, почва, географическое положеніе обусловливаютъ необходимыя и постоянныя различія; образъ правленія, религія, нравы также обусловливаютъ собою различія, но менѣе принудительныя и постоянныя.

Мнѣ возразятъ пожалуй, что физическія условія вліяютъ на условія моральныя, и что пока мы не научимся измѣнять первыя, мы не съумѣемъ вполне подчинить себѣ вторыя. Такъ, на примѣръ, климатъ можетъ оказаться непреодолимымъ препятствіемъ для того или другого вида законодательства.

націи". Надо ознакомиться съ климатомъ страны, съ нравами и вѣрованіями. Мы опускаемъ эту главу, такъ какъ Бентамъ возвращается къ тому-же предмету во второй главѣ, которую мы и приводимъ. Здѣсь Бентамъ обсуждаетъ условія, въ пренебреженіи которыхъ его часто упрекали. Дѣйствительно, его обвиняли въ томъ, что онъ недостаточно принимаетъ во вниманіе различія расы, идей; это было невѣрно, какъ читатель сейчасъ убѣдится.

Вліяніе физическихъ условій несомнѣнно, но всегда-ли оно непремѣнно вредно?

Не подчиняется-ли оно искусству законодателя? Не доказываетъ ли вся исторія, что нѣтъ такого климата или почвы, которые ставили-бы неодолимыя преграды счастію людей, и что повсюду, гдѣ могутъ жить люди, можно создать правленіе, религію и нравы, которые сдѣлаютъ ихъ счастливыми? До сихъ поръ міръ представлялъ собою лишь зрѣлище безпрестанныхъ измѣненій. Если Египеть не поклоняется болѣе богинѣ Изидѣ, то индеецъ можетъ перестать вѣрить въ божественность Брамы. Если Италія взростила наиболѣе воинственные народы, то изнѣженность современныхъ итальянцевъ не есть необходимое послѣдствіе климата.

Но есть болѣе тонкіе и болѣе важные вопросы — именно тѣ, которые касаются измѣненій въ законодательствѣ и приѣмовъ ихъ проведенія.

Сравните государственный строй, который вы хотите упорядочить, съ тѣмъ, который вы избрали себѣ какъ образецъ. Исходя изъ извѣстной точки зрѣнія, вы найдете его или равнымъ, или превосходящимъ, или уступающимъ этому образцу. Если онъ выше послѣдняго, то ваше предположеніе оказывается невѣрнымъ. Но если вы найдете, что онъ въ этомъ опредѣленномъ отношеніи уступаетъ образцу, вы должны будете произвести новое изслѣдованіе. Какое зло больше: то-ли, которое вытекаетъ изъ сравнительнаго несовершенства вашихъ законовъ, или то, которое повлекутъ за собою мѣропріятія, необходимыя для измѣненія этихъ законовъ? Что больше: вредъ болѣзни или вредъ лѣкарства? Что хуже: оставить дѣло въ его настоящемъ состояніи, или дѣлать усилія и попытки, чтобы исправить его?

Этотъ вопросъ очень сложенъ; онъ содержитъ въ себѣ цѣлый рядъ вопросовъ.

Не будетъ-ли вредъ лѣкарства только временнымъ, тогда какъ вредъ болѣзни постояненъ? Какую долю существующаго благоденствія можно принести въ жертву вѣроятности будущаго благосостоянія? Измѣривъ эти двѣ вещи: величину приносимой жертвы и величину ожидаемаго блага, надобно еще взвѣсить, на сколько времени стоить пожертвовать этой долей существующаго благоденствія для достиженія такого-то количества благоденствія въ будущемъ.

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ такое изслѣдованіе не представляетъ большихъ затрудненій. Зло такъ чувствительно, выгода переменъ такъ велика, что достаточно сопоставить то и другое, чтобы цѣлесообразность измѣненія сдѣлалась очевидной. Но существуетъ много весьма существенныхъ обстоятельствъ, по отношенію къ которымъ доводы „за“ и „противъ“ оказываются до такой степени сложными, что человѣкъ невольно колеблется и не въ состояніи придти къ опредѣленному результату. Однако, даже въ этихъ случаяхъ полезно опредѣлить, въ чемъ состоитъ затрудненіе, — хотя-бы оно было неустранимо, и выяснить всѣ условія, какія необходимы для рѣшенія данной проблемы, — хотя-бы ее никогда не удалось разрѣшить вполне. Задача останется въ томъ-же состояніи неопредѣленности, за то у васъ поубавится рѣшительности и самоувѣренности: вы уже не будете слѣпо довѣрять неосновательнымъ доводамъ, у васъ будутъ руководящія начала для разоблаченія софизмовъ и для посрамленія гордости витій. Насколько предпочтительнѣе благоразуміе и осторожность, сопровождающія это благотворное колебаніе, чѣмъ безразсудство, которое все понимаетъ, не считая

нужнымъ разсчитать послѣдствія! Правда, философъ, рекомендующій людямъ сомнѣніе, не долженъ ожидать отъ нихъ большой благодарности. Сомнѣніе ничуть не заманчиво для самолюбія и убиваетъ дѣятельныя и кипучія страсти. Толпа не умѣетъ сомнѣваться; народъ всегда дѣйствуетъ вопреки всякой вѣроятности успѣха. На этомъ и основывается вліяніе фразеровъ, которые хорошо знаютъ, что людей легче убѣдить энергіей выраженій, чѣмъ правильностью идей. На этомъ-же основана и сила шарлатановъ, предлагающихъ всегда не иначе, какъ безошибочныя средства, и пріобрѣтающихъ довѣріе толпы своимъ самонадѣяннымъ и рѣшительнымъ тономъ, который возбуждаетъ такое презрѣніе во всякомъ благоразумномъ человѣкѣ.

Не трудно понять, что существуетъ множество вещей, безразличныхъ для формы правленія; то-же самое можно сказать и относительно религіи и, особенно, нравовъ. По отношенію къ этимъ условіямъ то, что существуетъ, лучше того, что можно было-бы поставить на его мѣсто.

Иногда не слѣдуетъ законъ, полезный въ одной странѣ, переносить въ другую, гдѣ подъ вліяніемъ обстановки онъ можетъ имѣть противоположныя послѣдствія. Точно такъ-же обстоитъ дѣло и съ различными сторонами религіи, разсматриваемой съ политической точки зрѣнія, и со многими повседневными привычками, составляющими то, что мы называемъ нравами.

ГЛАВА III.

Правила для перенесенія законовъ.

1. Никакой законъ не долженъ быть измѣненъ, никакой обычай уничтоженъ безъ какой-нибудь специальной причины.

Законодатель долженъ быть въ состояніи указать какую-нибудь положительную выгоду, которая явится результатомъ измѣненія.

2. Измѣненіе обычая, противорѣчащаго нашимъ нравамъ и чувствамъ, безъ всякаго другого основанія, кромѣ этого противорѣчія, не должно считаться благотѣльнымъ.

Здѣсь удовлетвореніе получаетъ одинъ или небольшое число людей, вредъ—всѣ или большое количество: вотъ первый доводъ, котораго одного было-бы достаточно. А затѣмъ—есть-ли предѣль переменамъ, основаннымъ на капризахъ? Если моя склонность сама-по-себѣ—доказательство для меня, то противоположная склонность будетъ такимъ-же доводомъ для другого *).

---

*) Докторъ Гунтеръ рассказываетъ объ одномъ хирургѣ, который, производя операцію надъ переломленной рукой, вслѣдъ за четырьмя изувѣченными пальцами, отрѣзалъ и пятый, ничуть не поврежденный. Когда Гунтеръ спросилъ, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, тотъ отвѣчалъ: „Потому что этотъ мизинецъ, оставшись одинъ, былъ-бы безобразенъ“. Этотъ анекдотъ могъ-бы послужить нравоученіемъ для многихъ хирурговъ законодательства.

3. Во всѣхъ безразличныхъ вещахъ политическая санкція должна оставаться нейтральной: предоставьте дѣйствовать авторитету моральной санкціи.

Единственное затрудненіе состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить, что безразлично и что небезразлично. Вотъ гдѣ обнаруживается великая польза полного списка страданій и удовольствій: онъ одинъ представляетъ тѣ данныя, при помощи которыхъ можно разрѣшить это затрудненіе. Если изъ какого-нибудь дѣйствія не вытекаетъ ни вредъ перваго порядка, ни вредъ второго порядка, то оно принадлежитъ къ классу безразличныхъ.

4. Наболѣе легко то нововведеніе, которое можно осуществить при помощи простого отнятія санкціи закона у обычая, стѣсняющаго свободу гражданъ.

Въ странахъ, гдѣ господствуетъ католическая вѣра, — чтобы уничтожить ограниченіе свободы, создаваемое монашествомъ, было-бы достаточно отнять у монашескихъ обѣтовъ санкцію закона.

5. Чистая выгода закона будетъ равна его отвлеченной выгодѣ за вычетомъ неудовольствій, которыя онъ можетъ возбудить, и затрудненій, какія могутъ быть вызваны этими неудовольствіями.

Преобразователи, ослѣпленные своими идеями, видятъ только отвлеченную выгоду. Недовольство они не ставятъ ни во что. Ихъ нетерпѣливое желаніе добиться цѣли есть главное препятствіе успѣха. Въ этомъ заключалась великая ошибка Іосифа II. Бóльшая часть преобразованій, которыя онъ хотѣлъ провести, были абстрактно хороши. Но такъ какъ онъ совершенно не принималъ въ расчетъ расположенія народовъ, то благодаря этому неблагоразумію потерпѣли крушеніе его лучшіе замыслы.

Какъ легко люди даютъ одурачить себя словами!

Развѣ общественное благосостояніе не то-же самое, что общественное довольство?

6. Сила неудовольствій естественно слагается изъ четырехъ вещей:

- а. Число недовольныхъ.
- б. Степень ихъ могущества.
- в. Напряженность неудовольствія въ каждомъ изъ нихъ.
- г. Продолжительность этого неудовольствія.

Вотъ основанія для правильнаго и успѣшнаго расчета. Чѣмъ сравнительно меньше число недовольныхъ, тѣмъ вѣроятнѣе успѣхъ. Но это не даетъ права относиться къ нимъ съ меньшей человѣчностью. Если преобразование сдѣлаетъ несчастнымъ хотя одного человека, онъ заслуживаетъ вниманія со стороны законодателя. Операція не должна, по крайней мѣрѣ, носить характеръ оскорбленія и презрѣнія; надо внушать надежды, принимать всѣхъ, кто изъявляетъ покорность, давать амнистіи.

Противъ всякаго вида неудовольствія можно найти соотвѣтствующее лѣкарство. Денежный ущербъ требуетъ денежнаго вознагражденія. Ущербъ во власти можетъ быть вознагражденъ или деньгами или почетомъ.

7. Желая предотвратить неудовольствіе, надо предпочесть косвенное законодательство прямому. Кроткія средства лучше насильственныхъ. Примѣръ, наставленіе, увѣщаніе должны предшествовать или сопутствовать закону и даже, если возможно, замѣнять его.

Слѣдовало-ли бы распространять оспопрививаніе путемъ прямого закона? Конечно нѣтъ; еслибы даже эта мѣра была возможна, она была-бы пагубна, потому что внесла-бы ужасъ во множество семействъ. Оспопрививаніе сдѣлалось повсемѣстнымъ въ Англіи исключитель-

но благодаря дѣйствию примѣра и публичнаго обсуждения его пользы.

8. Если вамъ приходится вводить много законовъ, начните съ того, установленіе котораго облегчитъ введеніе слѣдующихъ.

9. Медленность операціи соразмѣрно понижаетъ цѣнность мѣропріятія. Но если эта медленность является средствомъ для предотвращенія недовольства, то она заслуживаетъ предпочтенія передъ болѣе быстрымъ движеніемъ.

Если предразсудки народа свирѣпы и упорны, законодатель легко можетъ впасть въ крайность; одна крайность состоитъ въ томъ, что онъ возмущается этими предразсудками и стремится искоренить ихъ, не взвѣсивъ на вѣсахъ пользы хорошихъ и дурныхъ послѣдствій своего мѣропріятія; другая крайность состоитъ въ томъ, что законодатель прикрываетъ этими предразсудками свою нерадивость и малодушіе и оставляетъ больного безъ лѣкарства.

Вредные предразсудки и пагубные догматы всегда содержатъ въ себѣ какой-нибудь коррективъ. Долгъ законодателя—найти его и воспользоваться имъ.

Но если онъ не въ силахъ развязать этотъ гордіевъ узелъ, онъ долженъ разрубить его. Не слѣдуетъ счастье огромнаго числа людей приносить въ жертву упорству немногихъ, и счастье вѣковъ—покою одного дня. Предразсудки, которые на первый взглядъ кажутся несокрушимыми, могутъ быть побѣждены при нѣкоторой ловкости и осмотрительности.

ГЛАВА IV.

О томъ, что пересадка законовъ лучше обнаруживаетъ ихъ недостатки.

Изобразивъ опасность, которую можетъ повлечь за собою введеніе новой системы законовъ, по предположенію наилучшихъ, какіе могутъ существовать, мы уже не имѣемъ надобности доказывать, что эта опасность будетъ еще гораздо больше при введеніи несовершенныхъ законовъ. Но что дѣйствительно заслуживаетъ упоминанія, это то, что въ странѣ, куда эти законы будутъ перенесены, они окажутся еще гораздо болѣе несовершенными, чѣмъ на мѣстѣ своего возникновенія. Это обстоятельство должны принять во вниманіе особенно тѣ государства, которыя стараются вводить въ странѣ побѣжденныхъ законы побѣдителей.

Источникъ терпимости народовъ къ своимъ собственнымъ, туземнымъ заблужденіямъ и ихъ нетерпимости по отношенію къ иноземнымъ законамъ кроется въ неизбѣжномъ соединеніи невѣжества и предрасудковъ.

Люди охотно переносятъ неудобства, къ которымъ они привыкли, но не хотятъ терпѣть новыхъ. Пристрастіе набрасываетъ покровъ на предрасудки, въ которыхъ мы выросли, но иноземные предрасудки не стоятъ подъ покровительствомъ національнаго тщеславія и отвергаются съ презрѣніемъ.

Попробуйте перенести несовершенные законы изъ страны завоевателей въ страну побѣжденныхъ, и вы увидите, что сужденія обѣихъ націй будутъ діаметрально противоположны: одна будетъ цѣнить ихъ гораздо выше ихъ достоинства, другая проникнется къ нимъ преувеличеннымъ презрѣніемъ.

Конституціонная часть англійскаго законодательства во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ удивленія. Организація законодательныхъ учрежденій является почти образцомъ совершенства. Таково было, по крайней мѣрѣ, мнѣніе многихъ здравомыслящихъ и безпристрастныхъ людей, и справедливость этого мнѣнія будетъ тѣмъ очевиднѣе, чѣмъ больше мы станемъ изучать эту конституцію въ ея отношеніи къ положенію страны и условіямъ жизни народа, который пользуется такимъ неопредѣленнымъ преимуществомъ. Другая часть законодательства, тѣсно связанная съ первой и также заслуживающая большой похвалы по нѣкоторымъ ея основнымъ началамъ, это — организація судовъ, гласность судопроизводства, присяжный судъ въ политическихъ дѣлахъ, свобода печати, *habeas corpus* (неприкосновенность личности), право собраній и петицій и нѣкоторые другіе законы, охраняющіе общественную и частную свободу. Эта превосходная основа законодательства является, безъ сомнѣнія, наиболее важною частью въ немъ, но въ сравненіи со всей массой законовъ она не составляетъ и сотой доли. Между тѣмъ легко понять, что уваженіе, котораго заслуживаетъ конституціонная часть, естественно распространяется и на всѣ остальные путемъ простого и нетруднаго акта воображенія и, особенно, благодаря привязанности. Благо служитъ охраной зла. Людямъ даже не приходитъ въ голову, что рядомъ съ такими превосходными законами могли удержаться и дурные.

Такъ образуется естественное предубѣжденіе въ пользу цѣлаго: почтеніе не уживается съ презрѣніемъ, и высокое представленіе объ одной части законодательства является помѣхой для всякаго изслѣдованія, которое можетъ унижить другую. Въ самомъ дѣлѣ, можно-ли повѣрить, что гражданскіе и уголовные законы народа, конституція котораго настолько превосходитъ всѣ другія, представляютъ собою ничто иное, какъ груды фикцій, противорѣчій и непослѣдовательностей? Можно-ли допустить, что въ одномъ и томъ-же кодексѣ слились вліянія вѣрнаго и ложнаго принциповъ? Разногласія не поражаютъ толпу, которая любитъ сама налагать на себя догматъ безусловнаго удивленія. Уже самая необъятность этихъ законовъ, составляющихъ цѣлую бібліотеку, которую и прилежный человѣкъ едва-ли успѣлъ-бы перечитать въ десять лѣтъ, образуетъ мрачную оболочку, защищающую ихъ противъ всякаго рода нападеній. Попробуйте потягаться съ какимъ-нибудь атлетомъ законовѣдѣнія; дерзните высказать самое скромное осужденіе. Онъ тотчасъ сокрушитъ васъ двойной тяжестью своего собственнаго и вашего невѣжества. «Изучили-ли вы это законодательство?» спроситъ онъ васъ съ побѣдоноснымъ видомъ. «Уловили-ли вы въ немъ общій смыслъ цѣлаго?» — Нѣтъ. «Въ такомъ случаѣ, знайте, что вы не можете составить себѣ вѣрнаго представленія и объ отдѣльныхъ его частяхъ. Все основано на этой доктринѣ, и отнявъ одно кольцо, вы рискуете разрушить всю цѣпь».

Англійское право, какъ и всякая другая законодательная система, образовавшаяся постепенно путемъ накопленія и безъ всякаго плана, дѣлится на двѣ части: на узаконенія и обычное право или обычаи (custom). Въ узаконеніяхъ, т. е. актахъ законодательнаго

учрежденія, составленныхъ съ величайшимъ вниманіемъ ко всѣмъ условіямъ и интересамъ Англій, не могли быть приняты въ расчетъ потребности тѣхъ странъ, самое пріобрѣтеніе которыхъ нельзя было даже предвидѣть. Обычное, т. е. неписанное право, сложившееся изъ обычаевъ, содержитъ, на ряду съ немногими драгоценными принципами, множество несвязностей, ухищреній, нелѣпостей и совершенно произвольныхъ постановленій.

Чего нельзя было-бы сказать о многочисленныхъ недостаткахъ уголовной части этого законодательства, о полномъ отсутствіи въ ней порядка и соразмѣрности, объ отсутствіи спеціальныхъ названій для многихъ важнѣйшихъ преступленій, объ отсутствіи опредѣленій для небольшого числа проступковъ, имѣющихъ спеціальное названіе? Чего нельзя было-бы сказать о безнаказанности многихъ вредныхъ привычекъ и о незаслуженныхъ наказаніяхъ, опредѣленныхъ за многіе поступки, вредъ которыхъ почти незамѣтенъ, — о полномъ пренебреженіи къ уравниванію наказаній и преступленій, — о дурномъ выборѣ наказаній, характеръ которыхъ совершенно не соотвѣтствуетъ сущности проступковъ, — о злоупотребленіи или вѣрнѣе расточительности въ примѣненіи этого безвозвратнаго, неравномѣрнаго, невыгоднаго, непопулярнаго, непростительнаго наказанія — смертной казни, — о полномъ отсутствіи порядка и справедливости въ этой крайне несовершенной оцѣнкѣ различныхъ обстоятельствъ, на которыхъ основывается оправданіе и усиленіе кары, снисхожденіе или изъятіе, — о недостаткѣ въ твердыхъ принципахъ и положительныхъ правилахъ для опредѣленія качества и количества вознагражденій, какія должны быть даны за тѣ или другія правонарушенія?

„Чѣмъ тяжеле преступленіе, тѣмъ труднѣе вознагра-
дить пострадавшаго“. Спросите у законовѣда его мнѣ-
ніе объ этомъ изреченіи, и онъ безъ сомнѣнія отвѣ-
титъ вамъ, что оно невѣрно и нелѣпо, что оно при-
годно лишь для народа, состоящаго изъ идіотовъ, или
для того страннаго и смѣшнаго міра, который изобра-
жаютъ на дѣтскихъ картинкахъ, гдѣ свинья жаритъ на
вертелѣ повара и воръ вздергиваетъ на висѣлицу судью.
А между тѣмъ англійское обычное право во многихъ
случаяхъ слѣдуетъ этому правилу съ величайшей акку-
ратностью. Если кто-нибудь подбилъ вамъ глазъ, вы може-
те заставить его заплатить вамъ за это; но если онъ выко-
летъ вамъ оба глаза, вы не получите удовлетворенія; все,
что будетъ отнято у преступника, номинально сдѣлает-
ся собственностью короля, а фактически перейдетъ къ
шерифу. Если у васъ убьютъ коня, вы получите
его стоимость; если убьютъ вашего ребенка, вы не по-
лучите ничего. Если будетъ произведена конфискація,
то все конфискованное имущество перейдетъ, какъ и
въ предыдущемъ случаѣ, не къ вамъ, а къ посторон-
нему лицу. Если кто-нибудь подожжетъ вашъ домъ по
несчастной случайности, вы будете вознаграждены;
если онъ сдѣлаетъ это изъ злобы, вы ничего не полу-
чите, а конфискованное имущество (если у преступника
есть имущество) достанется, за здорово живешь, посторо-
ннему лицу, которое нисколько не пострадало. Нѣ-
которые юристы утверждаютъ, что это выходитъ на
одно: „Разъ дано удовлетвореніе, говорятъ они, —право-
судіе исполнило свой долгъ, все равно къ кому-бы ни
перешло имущество“. Въ награду такимъ болтунамъ
слѣдовало-бы постановить, чтобы ихъ кліенты вноси-
ли гонораръ, который должны имъ уплатить, въ госу-
дарственное казначейство.

Что касается разнообразія процедуры въ различныхъ судахъ, волокиты, формальностей, огромныхъ издержекъ, требуемыхъ ею, — то это опять другая статья, которую даже невозможно изложить въ подробностяхъ. Неподкупность англійскихъ судей стоитъ внѣ всякаго упрека и подозрѣнія; но судопроизводство далеко не отличается той простотой, ясностью, краткостью, дешевизной, какихъ можно ожидать въ этой части законодательства.

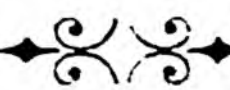
Вы — отецъ семейства; вы являетесь ко мнѣ съ такимъ запросомъ: „Двое изъ моихъ дѣтей поспорили изъ-за игрушки; старшій завладѣлъ ею и утверждаетъ, что братъ далъ ее ему; младшій категорически отрицаетъ это. Что я долженъ сдѣлать, чтобы примирить ихъ и обнаружить истину?“. „Дѣло серьезное, отвѣчаю я вамъ; оно содержитъ въ себѣ составъ двухъ преступленій: незаконнаго присвоенія и лжи. Совѣтую вамъ поглубже вникнуть въ этотъ споръ и не отнестись къ нему поверхностно. Вы сдѣлаете большую ошибку, если призовете къ себѣ обоихъ сыновей, подвергнете допросу каждого изъ нихъ въ присутствіи другого, затѣмъ тотчасъ призовете свидѣтелей, если они есть, и такимъ образомъ ускорите рѣшеніе. Вы должны поступить слѣдующимъ образомъ. Не говоря ни слова ни тому, ни другому, и, въ свою очередь, не слушая ихъ, заставьте вашего младшаго сына изложить свою жалобу письменно, причемъ онъ долженъ будетъ предложить своему брату всѣ вопросы, какіе сочтетъ нужными; затѣмъ назначьте старшему разумный срокъ для отвѣта: сначала шесть недѣль, затѣмъ мѣсяць, потомъ еще три недѣли, потомъ еще пятнадцать дней. Если его отвѣты будутъ уклончивы, повторите снова то-же самое — дайте ему новую отсрочку, въ продолженіе которой младшій успѣ-

еть поставить нѣсколько вопросовъ, пропущенныхъ имъ въ первый разъ, или рядъ новыхъ вопросовъ, вызванныхъ первыми отвѣтами старшаго. Для отвѣта на нихъ вы назначите новый срокъ. Между тѣмъ старшій, можетъ быть, въ свою очередь пожелаетъ рассказать свою исторію и съ своей стороны захочетъ предложить нѣкоторые вопросы. Это удвоить продолжительность слѣдствія. Когда послѣднее будетъ закончено, вы можете или сами прочесть ихъ письменныя показанія, или попросить кого-нибудь изъ постороннихъ собрать въ вашемъ семействѣ всѣ необходимыя справки касательно даннаго происшествія, причемъ онъ опять-таки ни подъ какимъ видомъ не долженъ вступать въ объясненія съ самими дѣтьми. Когда это лицо сообщитъ вамъ все, что оно узнало, тогда вы можете приступить къ рѣшенію. Правда, стоимость игрушки будетъ за это время израсходована на перья и бумагу; случай, вызвавшій споръ, будетъ забытъ; ваши дѣти пріобрѣтутъ отличный навыкъ въ лукавствѣ и сутяжничествѣ; вы и ваши близкіе потеряете много времени; весь вашъ домъ раздѣлится на сторонниковъ того или другого, и обѣ стороны проникнутся другъ къ другу глубокой враждой. Но за то вы этимъ путемъ обнаружите истину, вы покажете, какое высокое значеніе имѣетъ въ вашихъ глазахъ жалоба, и между вашими дѣтьми возстановится миръ“.

Покажется ли это ученое разсужденіе отцу, который пришелъ ко мнѣ за совѣтомъ, бредомъ сумасшедшаго, —этого я не знаю, но знаю, что я изобразилъ безъ всякихъ искаженій порядокъ судопроизводства въ судебной палатѣ, причемъ не упомянулъ еще ни о массѣ обстоятельствъ, усложняющихъ эту процедуру, ни о техническихъ терминахъ, дѣлающихъ изъ нея настоящее таинство для всѣхъ непосвященныхъ. Я

хорошо знаю, что государство больше семьи; но пусть сторонники этого судопроизводства покажут, почему тѣ средства, которыми цѣль правосудія достигается въ одномъ случаѣ, непригодны въ другомъ. Не будучи поклонникомъ сокращеннаго судопроизводства турецкихъ кади, можно все-таки сказать, что оно болѣе приближается къ характеру отцовскаго суда, чѣмъ то, которое мы только-что описали.

Кто повѣритъ, что вся эта масса несообразностей есть плодъ не древняго варварства, а утонченности новѣйшихъ временъ? Въ исторіи еще можно найти слѣды того времени, когда англійскій судья имѣлъ право рѣшать дѣла скоро. Каждая сторона тутъ-же, въ присутствіи судьи, объясняла и давала отвѣты, спрашивала и подвергалась допросу. Тогда было мало адвокатовъ, всѣмъ не было прокуроровъ, и никто не тратилъ ни копѣйки на издержки, пока не рѣшался вопросъ о томъ, кто обязанъ ихъ платить. Зачѣмъ оставлены эти простые и хорошіе порядки?

ГЛАВА V.

Вліяніє времени.

Предположимъ, что для данной страны и для даннаго времени найдены наилучшіе законы; спрашивается, останутся-ли тѣ-же законы столь-же совершенными и въ будущемъ? Съ перваго взгляда ясно, что этотъ вопросъ имѣетъ чисто умозрительное значеніе, такъ какъ эпохи, о которыхъ идетъ рѣчь, стоятъ внѣ нашей власти; но такъ какъ установленіе здраваго взгляда на этотъ предметъ можетъ предохранить насъ отъ извѣстныхъ ошибокъ на практикѣ, то изслѣдованіе этого вопроса будетъ полезно.

Время, само по себѣ, — ничто; его вліяніе есть совокупность вліяній физическихъ и моральныхъ факторовъ. Что касается до чисто-физическихъ условій, то ихъ измѣненія никогда не могутъ имѣть сколько-нибудь выдающагося значенія. Земная поверхность можетъ нѣсколько измѣниться подъ вліяніемъ воды, огня или человѣческой дѣятельности: высыхаютъ болота, другія мѣста затопляются, полуострова отдѣляются отъ материковъ, вершины горъ осѣдаютъ отъ собственной тяжести, въ устьяхъ рѣкъ или вслѣдствіе вулканическихъ изверженій образуются острова; океанъ можетъ своими

наступательными или попятными движеніями нѣсколько измѣнить природу береговой полосы, — но всѣ эти колебанія не могутъ ни измѣнить общій характеръ законодательства, ни создать новыхъ видовъ преступленій; единственное, что они могутъ вызвать, это изданіе нѣсколькихъ новыхъ постановленій, которыя приноравливали-бы законодательство къ этимъ новымъ обстоятельствамъ.

То-же самое можно сказать и о климатѣ и объ явленіяхъ животной или растительной жизни.

Иначе обстоитъ дѣло съ моральными факторами. Наиболее цивилизованные и просвѣщенные народы были въ началѣ грубы и невѣжественны. Ихъ нравы были дики и жестоки; ихъ религія, всегда мрачная и страшная, сводилась къ нѣсколькимъ фокусамъ; сношеній между народами вовсе не существовало, связь между отдѣльными лицами была ничтожна. Законодательство соответствовало успѣхамъ въ другихъ областяхъ соціальной жизни. Самыя прославленные законодательства древности очень далеки отъ того, что мы теперь считаемъ образцомъ совершенства.

Но не такіе-ли именно законы нужны были грубымъ народамъ? Могли-ли бы эти народы перенести болѣе совершенное законодательство? Или, сводя всѣ вопросы къ одному, — были-ли бы и тогда наилучшими тѣ законы, которые вполнѣ совершенны въ настоящее время?

ОТДѢЛЪ I.

Ретроспективный взглядъ: наилучшіе законы настоящаго времени были-ли бы наилучшими въ прошедшее время?

Существуетъ два класса людей, дающихъ отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Къ первому принадлежатъ тѣ, которые, вслѣдствіе безпечности, робости или какихъ-нибудь другихъ, менѣе извинительныхъ причинъ, разъ навсегда высказались противъ всякой мысли о реформѣ и улучшеніяхъ. Ничто не доставляетъ имъ такого удовольствія, ничто не укрѣпляетъ ихъ настолько въ ихъ косности, какъ если имъ удастся при помощи самыхъ достоинствъ какой-нибудь законодательной системы доказать ея полную непригодность и торжественно провозгласить ея автора утопистомъ, опаснымъ безумцемъ. Правда, ихъ мнимое доказательство, если вникнуть въ него поглубже, оказывается простымъ противорѣчіемъ въ терминахъ; но много-ли есть людей, которые способны разсмотрѣть самую сущность нелѣпости, изрекаемой тономъ поученія! Поэтому, для пріученія умовъ къ ошибкѣ полезно прилагать эту ложную аргументацію къ законамъ минувшаго времени, чтобы потомъ перенести ее на существующіе законы. Это не единственный случай, гдѣ софизмъ помѣщаютъ, такъ сказать, за двѣ тысячи лѣтъ назадъ, чтобы тѣмъ легче овладѣть умами.

Второй классъ состоитъ изъ людей, считающихъ своимъ долгомъ защищать тѣ ложныя и нелѣпыя вѣрованія, съ которыми связаны нѣкоторыя детали законодательства.

Какой-нибудь мусульманинъ, способный размышлять и просвѣщаться, проведя нѣсколько лѣтъ въ Англіи,

быль-бы пораженъ результатами ея государственнаго устройства. Онъ проникся-бы удивленіемъ и къ свободѣ вѣроисповѣданій, и къ свободѣ личности, и къ прогрессу въ области наукъ и промышленности; онъ не могъ-бы не признать въ этихъ гуманныхъ законахъ мудрости, далеко превосходящей мудрость установленій Магомета, которыя послѣдній приписываетъ самому Богу: недостатки этого божественнаго законодательства настолько ощутительны и очевидны, что невозможно скрыть ихъ отъ себя. Но предположимъ, что въ немъ еще сильны предрасудки дѣтства: какъ выйдетъ онъ изъ этого затрудненія? Чѣмъ обольститъ онъ свой разумъ? Какъ примиритъ онъ этотъ наборъ нелѣпостей и вздора съ мнимымъ наитіемъ пророка? Вотъ что онъ сдѣлаетъ: онъ сниметъ вину съ законодателя и обвинитъ народъ. „Этотъ народъ“ скажетъ онъ, „быль безтолковъ, грубъ, упрямъ и склоненъ къ идолопоклонству, съ нимъ надо было обращаться сурово, какъ съ непослушнымъ животнымъ“. Очистивъ такимъ образомъ свою совѣсть, онъ охотно согласится, что въ извѣстномъ смыслѣ эти законы были плохи, но будетъ настаивать на томъ, что въ другомъ смыслѣ они были наилучшими. „Они были дурны въ теоріи“, скажетъ онъ вамъ, „но хороши на практикѣ, хороши для этого человѣка, хотя, можетъ быть, дурны для другого. Они были только по видимому дурны, а въ дѣйствительности превосходны“.

Если принять въ соображеніе только главныя положенія этой аргументаціи, то ее можно признать довольно основательной; но перейдя къ подробностямъ и раскрывъ ея содержаніе, вы поставите вашего мусульманина въ крайне неловкое положеніе: его иллюзія не устоитъ. Въ самомъ дѣлѣ, допустимъ, что мы имѣемъ дѣло съ самымъ суевѣрнымъ и невѣжественнымъ наро-

домъ: какая польза въ томъ, чтобы оставлять въ этой странѣ тяжелыя преступленія безнаказанными и, наоборотъ, налагать тяжкія наказанія за вымышленныя проступки, совершенно игнорировать въ частныхъ случаяхъ всѣ обстоятельства, которыя обусловливаютъ увеличеніе или уменьшеніе кары, оправданіе или изъятіе, оставлять все судопроизводство на полный произволь судей, стѣснять народъ мелочными ограниченіями, налагать на него нелѣпыя и вздорныя обязанности, обрекать его на невѣжество и политическое рабство, преграждать ему всѣ пути къ развитію, объявляя всѣ эти законы и обычаи божественными установленіями, такъ что всякая попытка усовершенствовать ихъ является преступленіемъ противъ самого Бога? Вашъ народъ, говорите вы, былъ невѣжественъ и суевѣренъ, но зачѣмъ-же Магометъ далъ вамъ законы, способные только увеличить, но не уменьшить эти недостатки? Возможно, что онъ былъ вынужденъ назначать немного болѣе строгія наказанія, потому что въ полуварварскомъ обществѣ люди меньше вліяютъ другъ на друга своимъ мнѣніемъ, общественной санкціей, и менѣе привыкли повиноваться законамъ, признавать авторитетъ правительства: но если болѣе строгія наказанія и были, можетъ быть, необходимы для нецивилизованнаго народа, не долженъ-ли онъ былъ, предвидя будущую цивилизацію, предоставить ему возможность смягчать наказанія? Кромѣ того, развѣ это даетъ основаніе наказывать людей за то, за что совсѣмъ и никогда не слѣдуетъ наказывать? Развѣ это даетъ основаніе наказывать безъ разбора и мѣры? Развѣ невѣжество народа даетъ основаніе не опредѣлять никакихъ правъ, не ограничивать предѣловъ власти и оставлять гражданское право въ такомъ-же несовершенномъ видѣ, какъ и уголовное?

Магометанинъ пожалуй возразить вамъ, что эти опредѣленія и ограниченія предполагаютъ такую степень образованности, какой не было, и что мотивы законодателя не были-бы поняты. Но и эта увертка не много поможетъ ему, потому что словъ и идей самого корана совершенно достаточно, чтобы создать кодексъ, содержащій во сто разъ больше полезныхъ вещей, чѣмъ содержитъ коранъ, и безъ единой изъ его нелѣпостей.

Магометанинъ скажетъ вамъ затѣмъ, что если-бы народъ и могъ понять болѣе совершенное уложеніе, то не хотѣлъ-бы его принять, что Магометъ потворствовалъ страстямъ и предразсудкамъ своихъ послѣдователей и что, вступивъ въ борьбу съ ними, онъ погубилъ-бы свое предпріятіе. Но развѣ Магометъ, несмотря на все невѣжество и упрямство этого народа, не сдѣлалъ смѣлой атаки на самые закоренѣлыя его привычки и предразсудки? Развѣ онъ не опредѣлилъ самыхъ суровыхъ наказаній какъ разъ за тѣ склонности, къ которымъ этотъ народъ былъ наиболѣе привязанъ? И затѣмъ, если этотъ народъ не былъ въ состояніи переносить самыя необходимыя ограниченія, зачѣмъ онъ наложилъ на него такое множество ограниченій ненужныхъ и произвольныхъ? Здѣсь можно скорѣе удивляться покорности учениковъ, чѣмъ повѣрять въ робость учителя. Въ чемъ обнаружались его слабость и страхъ? Въ какомъ отношеніи пощадилъ онъ господствующіе взгляды? Когда является человѣкъ, обладающій той неустрашимостью и величіемъ духа, которые дѣлаютъ его главой народа, его законодателемъ и пророкомъ, тогда царство прошлаго рушится—онъ повелѣваетъ будущему. Энтузіаста создаютъ активное мужество и пламенное воображеніе. Робкій человѣкъ, эгоистъ никогда не будетъ основателемъ новаго ученія. *Nemo unquam vir magnus sine*

aliquo afflatu divino fuit. Слѣдовательно, несовершенство законовъ Магомета нельзя приписывать соображеніямъ личной осторожности. Онъ дерзнулъ на все, на что указалъ ему его геній; онъ не отсталъ отъ самого себя. Ошибки его законодательства—ничто иное, какъ ошибки его ума. Если-бы онъ лучше понималъ, то и сдѣлалъ-бы лучше. Правда, этотъ выводъ разрушаетъ всѣ основанія мусульманской вѣры; потому и стараются обойти его всѣми средствами, и всеобщее невѣжество турокъ служить для законодателя щитомъ, которымъ онъ скрываетъ отъ нихъ свое лицемѣріе.

По преданію, Солонъ сказалъ однажды, что его законы были не наилучшими сами по себѣ, а наилучшими изъ тѣхъ, какіе аѳиняне могли-бы принять. Сторонники консерватизма въ законодательствѣ придавали этому свидѣтельству большое значеніе.

Какъ-бы ни выдавался Солонъ образованностью среди аѳинянъ, позволительно сомнѣваться, чтобы онъ былъ способенъ создать наилучшіе законы, какіе возможны. Ни у одного изъ греческихъ философовъ нельзя замѣтить знакомства съ истинными принципами законодательства.

Между тѣмъ, въ извѣстномъ смыслѣ изреченіе Солона могло быть правильно—именно въ отношеніи конституціонной части законодательства. Принципы организаціи правительствъ гораздо болѣе произвольны, чѣмъ принципы уголовного и гражданского права. Они зависятъ отъ привычекъ народа, отъ направленія, которое приняли его надежды и опасенія. Очень вѣроятно, что аѳиняне, привыкшіе къ своеволію и завистливости демократическаго строя, не могли быть счастливы при такомъ образѣ правленія, какой существовалъ у спартанцевъ и въ другихъ республикахъ Италіи и Греціи.

Но тѣ-же самыя конституціонныя формы допускають различныя видоизмѣненія, нисколько не умаляющія ихъ пригодности для пользы общества. Впрочемъ, что это доказываетъ? Что у полуварварскаго народа, какимъ были въ то время аѳиняне, наилучшіе законы исполнялись-бы не такъ хорошо и не имѣли-бы такихъ благихъ послѣдствій, какъ у цивилизованной націи; но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что несовершенные законы будутъ лучше исполняться и произведутъ лучшее дѣйствіе, чѣмъ совершенные. Возможно, что аѳиняне, введенные въ заблужденіе своими предразсудками, отвергли-бы превосходное законодательство, но не можетъ быть, чтобы дурное законодательство было для нихъ болѣе пригодно, болѣе соотвѣтствовало ихъ благу. Такимъ образомъ, слова Солона указываютъ на сожалѣніе, а не на выборъ, и содержатъ не общее правило, а самооправданіе.

ОТДѢЛЪ II.

Перспективный взглядъ : законы, наиболѣе совершенные въ настоящее время, будутъ-ли наиболѣе совершенными и въ будущее время?

Можно-ли думать, что мы въ перспективѣ достигли неизмѣннаго совершенства, идеала законодательства? Возможенъ-ли для человѣческаго ума безпредѣльный прогрессъ? Законы, которые мы теперь считаемъ совершенными, не будутъ-ли въ глазахъ нашихъ болѣе просвѣщенныхъ потомковъ столь-же несовершенными, какъ древнія законодательства—въ нашихъ глазахъ?

Авторъ трактата объ «Общественномъ благоденствіи» утверждаетъ, что съ начала міра и до нашихъ дней положеніе человѣка непрерывно улучшалось, или, по крайней мѣрѣ, въ каждую данную эпоху оно было лучше, чѣмъ въ предшествующую, и что оно несомнѣнно будетъ улучшаться и впредь. Въ своихъ восторженныхъ мечтахъ докторъ Пристли предвидѣлъ наступленіе такого благополучія, которое въ настоящее время превосходитъ наше пониманіе. Развитіе просвѣщенія, усовершенствованіе нравовъ и законовъ откроютъ новые источники счастья и мало-по-малу заставятъ исчезнуть съ лица земли все существующее зло.

Этотъ оптимизмъ насчетъ будущаго, если понять его буквально, кажется, не меньше относится къ области поэзіи, чѣмъ золотой вѣкъ минувшихъ временъ. Воображеніе любитъ помѣщать счастье впереди и охотнѣе внушаетъ намъ надежды, которыя ободряютъ насъ, чѣмъ сожалѣнія, которыя приводятъ въ уныніе; но когда рѣчь идетъ о вопросахъ такой большой важности, тогда не слѣдуетъ помрачать разумъ смѣсью химеръ.

На какіе разумные доводы опирается мыслитель, говорящій намъ о такомъ усовершенствованіи, котораго мы въ настоящее время даже неспособны понять? Всѣ слова вопроса намъ хорошо извѣстны: въ нихъ нѣтъ ничего таинственнаго. Люди, на которыхъ онъ возлагаетъ такія пылкія надежды, будутъ обладать тѣми-же природными свойствами, какъ и мы, будутъ жить въ той-же странѣ, будутъ одарены тѣми-же органами чувствъ, источники ихъ страданій будутъ тѣ-же. Слѣдовательно намъ знакомы самыя сильныя страданія и наслажденія, на какія способенъ человѣкъ. Дайте ему какой-нибудь новый органъ чувствъ, и наше возраженіе теряетъ силу; но тогда это будетъ уже не то существо, о которомъ поставленъ вопросъ. Вы говорите уже не о человѣкѣ, а о сверхъестественномъ существѣ. Философъ, который хочетъ обосновать свое мнѣніе о безконечномъ совершенствованіи, долженъ былъ-бы показать, какимъ образомъ просвѣщеніе народовъ и усовершенствованіе законовъ могутъ вызвать въ человѣкѣ новыя способности.

Только тогда можно будетъ сказать, что законы доведены до максимума совершенства и люди—до максимума счастья, поскольку послѣднее зависитъ отъ законовъ, когда великія преступленія будутъ извѣстны только по законамъ, которые ихъ запрещаютъ; когда въ списокъ запрещенныхъ дѣяній болѣе не будетъ проступковъ, вредъ которыхъ только воображаемый; когда права и обязанности различныхъ классовъ людей будутъ такъ хорошо опредѣлены гражданскимъ уложеніемъ, что болѣе не будетъ процессовъ по существу права; когда судопроизводство будетъ настолько упрощено, что всякаго рода споры и тяжбы можно будетъ разрѣшать въ кратчайшій срокъ и лишь съ самы-

ми необходимыми издержками; когда зданія судебныхныхъ учрежденій будутъ всегда открыты и рѣдко полны; когда народы, сложивъ оружіе и распустивъ свои арміи на основаніи договоровъ, а не вслѣдствіе взаимнаго безсилія, будутъ платить только самые необременительные налоги; когда торговля будетъ настолько свободна, что тѣ производства, которыя доступны многимъ, не будутъ составлять монополіи небольшого числа людей, и стѣснительныя пошлины, запрещенія, и льготы не будутъ задерживать ея естественнаго развитія; когда, вслѣдствіе усовершенствованія конституціонныхъ законовъ, права и обязанности чиновниковъ будутъ такъ хорошо разграничены и наклонности народа къ повиновенію и сопротивленію такъ хорошо урегулированы, что счастью, вытекающему изъ всѣхъ этихъ условій, не будетъ грозить опасность насильственныхъ переворотовъ; наконецъ, когда законъ—это мѣрило человѣческихъ дѣйствій—будетъ кратокъ, понятенъ, недвусмысленъ и доступенъ каждому. Но чего достигаетъ это благополучіе? Оно сводится къ отсутствію извѣстнаго количества зла, къ отсутствію одной части разнообразныхъ бѣдствій, которымъ подверженъ человѣкъ. Проистекающее отсюда счастье, безъ сомнѣнія, достаточно велико для того, чтобы побудить всѣхъ добродѣтельныхъ людей къ усердной дѣятельности на томъ поприщѣ совершенствованія, которое открыто для насъ; но въ немъ нѣтъ ничего неизвѣстнаго и таинственнаго, ничего такого, что не было-бы вполнѣ доступно для человѣческаго пониманія.

Все, что выходитъ за эти предѣлы, принадлежитъ къ области химеръ. Совершенное счастье существуетъ только въ фантастическихъ странахъ философіи, какъ и лѣкарство противъ всѣхъ болѣзней и превращеніе ме-

талловъ. Въ эту эпоху наивысшаго совершенства огонь будетъ производить пожары, вѣтеръ—кораблекрушенія, человѣкъ по прежнему будетъ подверженъ немощамъ, случайностямъ, дряхлости и, наконецъ, смерти. Можно уменьшить, но невозможно искоренить въ людяхъ мрачныя и пагубныя страсти; неравенство даровъ природы и судьбы будетъ всегда вызывать въ людяхъ горькое чувство зависти; всегда будетъ существовать противоположность интересовъ, а, слѣдовательно, и соперничество, и ненависть; удовольствія всегда будутъ покупаться цѣною страданій, наслажденія—цѣною лишеній. Тяжелый трудъ, ежедневное порабощеніе, состояніе близкое къ нищетѣ будутъ всегда участію большинства людей. Въ высшихъ, какъ и въ низшихъ классахъ общества, единственное, что будетъ обще всѣмъ,—это невозможность удовлетворять свои желанія, необходимость преодолѣвать свои наклонности; потому что только тогда можетъ существовать безопасность между людьми, когда каждый принужденъ отказываться отъ всего, что можетъ нарушить законныя права другихъ. Поэтому, какъ-бы разумны ни были законы, ихъ основой всегда является принужденіе, а всякое принужденіе, даже то, которое въ своихъ отдаленныхъ послѣдствіяхъ наиболѣе спасительно, — въ своемъ непосредственномъ дѣйствіи есть всегда зло, всегда—страданіе.

Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ предѣлы совершенствованія могутъ казаться не столь опредѣленными: невозможно точно указать, до чего дойдетъ человѣческій умъ въ области поэзіи, въ различныхъ отдѣлахъ литературы, въ искусствахъ, на примѣръ въ живописи, музыкѣ и пр.

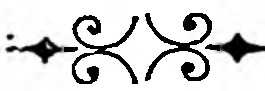
Однако, весьма вѣроятно, что источники новизны будутъ исчерпаны и что по мѣрѣ того, какъ средства

наслажденія будутъ дѣлаться все болѣе изысканными, вкусъ будетъ соотвѣтственно становиться болѣе строгимъ.

Эта картина, вѣрная копія дѣйствительности, имѣетъ больше цѣны, чѣмъ обманчивое преувеличеніе, которое на минуту возбуждаетъ надежды, а потомъ повергаетъ насъ въ уныніе, какъ будто не давъ обѣщаннаго счастья. Надо стремиться только къ возможному. Это поприще достаточно обширно для генія, достаточно трудно для самаго сильнаго духа. Мы никогда не обратимъ этотъ міръ въ обитель совершеннаго счастья. Когда онъ станетъ тѣмъ, чѣмъ только возможно ему сдѣлаться, этотъ рай все-таки будетъ, согласно азіатскому преданію, не болѣе, какъ садомъ; но этотъ садъ будетъ восхитительнымъ мѣстопребываніемъ въ сравненіи съ тѣмъ дикимъ лѣсомъ, въ которомъ люди такъ долго блуждали.

Это разсужденіе было необходимо для того, чтобы показать, что отнынѣ есть возможность составить себѣ правильныя понятія о совершенствѣ въ области управленія. До тѣхъ поръ, пока не была доказана очевидность великаго принципа пользы; пока онъ не былъ отдѣленъ отъ тѣхъ двухъ ложныхъ принциповъ, съ которыми сго безпрестанно смѣшивали; пока не узнали, при помощи этого принципа, цѣли, къ которой надо стремиться, и средствъ, которыя надо употреблять; пока не были сдѣланы, такъ сказать, всѣ законодательныя приготовленія и не были приведены въ порядокъ всѣ основныя начала, — до тѣхъ поръ невозможно было составить себѣ точнаго понятія о совершенной системѣ законодательства. Но теперь, когда всѣ эти разнообразныя условія, наконецъ, исполнены сообразно требованію философовъ, идея совершенства — уже не химера; она, такъ сказать,

отдалась человѣку, который способенъ мыслить. Теперь можно обзрѣть весь горизонтъ, и хотя-бы ни одному современному человѣку не было суждено вступить въ эту обѣтованную землю, — тотъ, кто видитъ ея обширность и красоту, можетъ утѣшиться, какъ утѣшился Моисей, когда на границѣ пустыни передъ нимъ съ вершины горы открылась безпредѣльная ширь и великолѣпные страны, въ которую онъ открылъ путь своему народу.

РУКОВОДСТВО ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ *).

ГЛАВА I.

Предварительныя замѣчанія.

Подъ словомъ *богатство* понимаютъ вообще всякую вещь, которая можетъ быть предметомъ желанія для человѣка, способна войти въ кругъ его владѣнія, и по своимъ естественнымъ свойствамъ пригодна для пользованія или можетъ сдѣлаться таковою.

Богатство общества есть совокупность отдѣльныхъ долей того, что составляетъ сущность богатства, принадлежащихъ различнымъ индивидуумамъ, изъ которыхъ это общество состоитъ.

Пользованіе богатствомъ удовлетворяетъ четыремъ задачамъ: 1) существованіе, 2) наслажденіе, 3) безопасность или защита, 4) размноженіе.

Такъ какъ ни для одной изъ этихъ задачъ матерія богатства не можетъ быть употреблена иначе, какъ

---

*) „Руководство къ политической экономіи“ находится въ 3-мъ томѣ полнаго собранія сочиненій Бентама (изданіе Боуринга), вслѣдъ за „Трактатомъ о ростовщичествѣ“. Дюмонъ перевелъ его съ нѣкоторыми измѣненіями и помѣстилъ въ 4-й книгѣ „Теоріи вознагражденій“ подъ заглавіемъ: О поощреніи въ области промышленности и торговли.

путемъ расходованія, то та сумма ея, которая существуетъ въ данную эпоху, будетъ непрерывно уменьшаться, если люди не будутъ безпрестанно заботиться объ ея увеличеніи.

Человѣкъ, который въ какой-бы то ни было формѣ отдаетъ свой трудъ на увеличеніе богатства, долженъ имѣть: 1) матеріаль для работы, 2) орудія труда, 3) мѣсто для работы, 4) необходимыя средства къ существованію. Совокупность этихъ предметовъ носитъ названіе *капитала*.

Общее богатство увеличивается:

1. Вслѣдствіе увеличенія числа людей, поскольку послѣдніе являются работниками.

2. Вслѣдствіе увеличенія массы капиталовъ.

3. Вслѣдствіе болѣе выгоднаго употребленія капиталовъ.

4. Вслѣдствіе увеличенія производительности труда.

5. Вслѣдствіе выгоды торговли.

Во всякомъ сколько-нибудь развитомъ обществѣ существуетъ классъ людей, служащихъ посредниками между производителями и потребителями.

Всю совокупность операціи производства и сбыта можно обозначить общимъ именемъ промышленности и торговли.

Свободныя дѣйствія людей на поприщѣ промышленности и торговли зависятъ отъ трехъ условій: отъ *наклонности, знанія и силы*.

Склонность къ увеличенію богатства путемъ труда и бережливости можетъ отсутствовать у того или другого индивидуума, но она составляетъ господствующую черту человѣческаго рода и не требуетъ никакого иного поощренія, кромѣ законнаго обезпеченія продуктовъ производства. Знаніе есть результатъ склонности, кото-

рая естественно побуждаетъ людей, каждаго въ своей области, изучать способы сохраненія и увеличенія своего богатства. Сила, состоящая въ денежномъ капиталѣ, пропорціональна этому капиталу и не можетъ превышать его.

По отношенію къ склонности государство ничего не можетъ сдѣлать, какъ не можетъ усилить жажду и голодъ.

Что касается знанія, то оно можетъ способствовать его распространенію, и не только при помощи общихъ средствъ просвѣщенія, но также путемъ положительныхъ изслѣдованій о той или другой вещи, о той или иной отрасли торговли и промышленности, о томъ или другомъ новомъ открытіи. Періодическое обнародованіе собранныхъ свѣдѣній будетъ одновременно оповѣщать всѣхъ заинтересованныхъ лицъ.

Что касается силы, то, по скольку она состоитъ въ денежномъ капиталѣ, государство не въ состояніи создать ее: все, что оно даетъ одному лицу, оно должно отнять у другого. Но существуетъ другой видъ силы, состоящій въ свободѣ дѣятельности, и ее государство можетъ дать безъ издержекъ; для этого достаточно отмѣнить ограничительные законы, устранить препятствія, однимъ словомъ—laissez faire.

ГЛАВА II.

Наиболѣе выгодное употребленіе капиталовъ.

Ни одинъ сколько-нибудь важный промышленный трудъ невозможенъ безъ капитала; отсюда слѣдуетъ, что количество труда, которое можетъ быть примѣнено къ какому-бы то ни было производству, ограничено количествомъ вложеннаго въ это дѣло капитала.

Если я имѣю капиталъ въ десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ и мнѣ предлагаютъ два дѣла, приносящихъ каждое 20% прибыли, то ясно, что, взявъ одно изъ нихъ, я дѣйствительно буду получать эту прибыль, но что, взявъ одно, я не могу взять и другого, если-же раздѣлю свою силу между обоими, то уже не буду получать 20 на 100, а рискую получать меньше и даже промѣнять барышъ на убытокъ. Если этотъ законъ вѣренъ для одного человѣка, то онъ вѣренъ для всѣхъ лицъ, входящихъ въ составъ націи. Итакъ, производство ограничено капиталомъ.

Это положеніе отличается такой ясностью и, можно сказать, очевидностью, что повидимому не требуетъ никакихъ доказательствъ; между тѣмъ сплошь и рядомъ случается, что люди разсуждаютъ о торговлѣ и промышленности, какъ если-бы вѣрно было противополож-

ное этому закону, какъ если-бы предпріятіямъ не было никакого дѣла до капиталовъ; это касается скорѣе государства, чѣмъ отдѣльныхъ лицъ. Безпрестанно являются проекты новыхъ промышленныхъ заведеній и предпріятій, точно эта область не имѣетъ границъ. Предлагають поощрять ту или другую отрасль торговли не потому, что она выгоднѣе другихъ, а потому, что ихъ все еще кажется мало. Однимъ словомъ, надо покровительствовать торговлѣ вообще. Какъ будто каждая отрасль торговли не носитъ въ самой себѣ своей награды, какъ будто неприбыльная отрасль торговли стоить поощренія, а выгодная нуждается въ немъ, — какъ будто, наконецъ, при всѣхъ этихъ предпріятіяхъ капиталы не переносятся просто изъ одной отрасли торговли въ другую!

Заинтересованныя лица лучше всякаго другого могутъ судить о томъ, какое употребленіе капиталовъ наиболѣе выгодно. Если взять ростъ богатства въ теченіе извѣстнаго періода, то количество капитала будетъ пропорціонально прибыльности его употребленія.

Способъ распоряженія капиталомъ зависитъ отъ двухъ условій: 1. отъ выбора предпріятія, 2. отъ выбора средствъ къ его веденію.

Шансы наилучшаго выбора въ томъ и другомъ отношеніи будутъ пропорціональны степени заинтересованности предпринимателя въ доброкачественности производства и количеству относящихся къ данному предпріятію знаній, которыя ему удалось пріобрѣсти.

Но самое знаніе зависитъ главнымъ образомъ отъ степени заинтересованности въ пріобрѣтеніи знаній; кто наиболѣе заинтересованъ, тотъ съ наибольшимъ вниманіемъ и усердіемъ отыскиваетъ всѣ средства къ преуспѣянію.

Къ чужимъ дѣламъ человекъ никогда не относится съ такимъ большимъ интересомъ, какъ къ своимъ собственнымъ.

Разсмотрите все, что необходимо для наилучшаго выбора предпріятія и средствъ къ его веденію, и вы неминуемо придете къ тому выводу, что государственный человекъ, столь расположенный вмѣшиваться во всѣ подробности производства и торговли, ничѣмъ не превосходитъ людей, которыми онъ хочетъ управлять, и непременно во многихъ отношеніяхъ уступаетъ имъ.

Первый министръ не имѣлъ столько случаевъ пріобрѣсти свѣдѣнія объ арендной платѣ, сколько имѣлъ фермеръ, о перегонкѣ жидкостей, сколько винокуръ, о кораблестроеніи, сколько корабельный мастеръ, о сбытѣ продуктовъ, сколько тѣ, которые занимались этимъ всю жизнь.

Невѣроятно, чтобы онъ посвящалъ свое вниманіе этимъ производствамъ такъ-же долго или съ такимъ-же усердіемъ, какъ тѣ лица, которыхъ заставляетъ изучать ихъ настоятельная необходимость. Поэтому можно съ увѣренностью сказать, что въ области знаній, относящихся къ этимъ профессіямъ, онъ уступаетъ тѣмъ, кто ими занимается.

Итакъ, государственные люди, имѣя меньше поводовъ пріобрѣсти знанія, меньше интереса къ дѣлу и меньше практическихъ свѣдѣній, не могутъ обладать болѣе правильными представленіями, чѣмъ сами заинтересованныя лица, ни о выборѣ предпріятій, ни о выборѣ средствъ къ ихъ веденію.

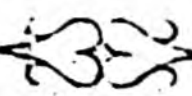
Если-бы администраторъ случайно узналъ о какомъ-нибудь обстоятельстве, которое доказывало-бы, что та или другая отрасль производства, тотъ или

другой технической приемъ представляютъ огромную выгоду, это все-таки не давало-бы права вводить такое производство или такой приемъ силою правительственнаго авторитета. Для этого достаточно одной гласности; чѣмъ вѣрнѣе выгода, тѣмъ излишнѣе будетъ въ этомъ случаѣ примѣненіе власти.

Чтобы оправдать правительственную регламентацію въ области торговли, надо принять одинъ изъ слѣдующихъ двухъ тезисовъ: что правительственный чиновникъ лучше понимаетъ интересы отдѣльныхъ лицъ, чѣмъ сами послѣднія, и что — вслѣдствіе-ли безпредѣльности капитала въ каждой націи, или потому, что новыя отрасли производства не требуютъ никакого капитала, — все богатство, созданное вновь-субсидируемой отраслью производства, будетъ чистой прибылью въ сравненіи съ тѣмъ, что произошло-бы при отказѣ этому производству въ субсидіи.

Такъ какъ эти два тезиса противорѣчатъ истинѣ, то теорію правительственнаго вмѣшательства надо признать ложной, а регламентацію скорѣе тормазомъ, чѣмъ рычагомъ.

Она вредна и въ другомъ отношеніи. Стѣсняя дѣятельность людей, она вызываетъ въ нихъ чувство досады; она ограничиваетъ свободу и, слѣдовательно, уменьшаетъ счастье.

ГЛАВА III.

Денежныя ссуды.

Изъ всѣхъ средствъ, при помощи которыхъ государь можетъ направить промышленность въ извѣстную сторону, меньше всего можетъ вызвать противъ себя возраженій выдача частнымъ лицамъ денежной ссуды для употребленія ея на какое-нибудь специальное производство.

Однако такая политика не должна нарушать требованій справедливости и благоразумія. Изъ чего образуется государственная казна, какъ не изъ налоговъ, и притомъ уплаченныхъ по принужденію? Отнимать у однихъ, чтобы ссудать другимъ, уменьшать имущество, которымъ подданные пользуются въ настоящую минуту, или ту долю его, которую они отложили на будущее, — значитъ причинять вѣрный вредъ, значитъ жертвовать безопасностью надеждъ на увеличеніе избытка.

Если-бы подобныя ссуды всегда уплачивались обратно, то вредъ этой мѣры ограничивался-бы извѣстнымъ промежуткомъ времени.

Но капиталы, выдаваемые для такихъ цѣлей, имѣютъ естественную склонность быть дурно употребленными, истраченными на пустяки или раскраденными.

Государи и министры обыкновенно такъ-же ошибаются относительно выгоды того или другого вида торговли, какъ и въ выборѣ того или другого лица. Тотъ, кто имѣетъ у нихъ успѣхъ, несомнѣнно доказываетъ этимъ, что обладаетъ даромъ убѣжденія или ловкостью царедворца, — но это не тотъ талантъ, который доставляетъ торжество своему дѣлу.

Такимъ образомъ, вслѣдъ за первымъ несправедливымъ налогомъ, изъ котораго образуется ссужаемый капиталъ, будутъ нужны другіе налоги для покрытія кражъ и растратъ, которыя большею частью бываютъ послѣдствіемъ ссуды.

Прибавьте къ этому, что ссуженный капиталъ будетъ употребленъ, по всей вѣроятности, на отрасли производства гораздо менѣе прибыльныя, чѣмъ тѣ, куда капиталъ естественно направился-бы самъ собою. Какіе доводы приводитъ заемщикъ? Онъ доказываетъ, что дѣло, за которое онъ берется, ново, или что надо поддержать уже начатое дѣло. Но почему должно вмѣшаться сюда государство? Не потому-ли, что частныя лица, разсчитавшія свою выгоду, не хотятъ вступать въ это дѣло? Слѣдовательно, вѣроятность — противъ предпріятія.

Но допустимъ, что предпріятіе, на которое выдана ссуда, оказалось въ высшей степени прибыльнымъ: это было рискованное дѣло, и ссуда не оправдана; она не была необходима. Чтобы помѣстить свои капиталы наиболѣе выгоднымъ образомъ, надо только знать, куда помѣстить ихъ. Если ихъ помѣщаютъ хуже, значитъ ихъ не умѣютъ помѣстить лучше. Недостаетъ только знанія; слѣдовательно, надо наставлять, а не выдавать ссуды. Если правительство не можетъ сказать, какой способъ употребленія капиталовъ наиболѣе выгоденъ,

то оно тѣмъ менѣе можетъ само употребить ихъ такимъ образомъ; а если можетъ сказать, то оно только это и должно сдѣлать. Если-бы въ данную отрасль торговли не направились деньги правительства, туда направились-бы деньги частныхъ людей, — стоило только научить послѣднихъ и предоставить имъ свободу *).

---

*) Въ IV главѣ авторъ доказываетъ неудобство денежныхъ дареній, еще болѣе вредныхъ, чѣмъ ссуды.

ГЛАВА V.

Преміи за производство.

Этотъ видъ поощренія еще гораздо бо́лье приближается къ нелѣпости, чѣмъ первые два (денежныя ссуды и даренія). Въ самомъ дѣлѣ, въ двухъ предыдущихъ случаяхъ мы имѣли дѣло съ тратой или рискомъ безъ разумнаго основанія рассчитывать на успѣхъ и безъ разумнаго основанія даже въ случаѣ успѣха. Но премія есть расходъ, сдѣланный въ увѣренности, что предположенная цѣль не будетъ достигнута, и даже именно потому, что ея навѣрное нельзя достигнуть.

Здѣсь нелѣпа не только цѣль, но и средство; отличительная черта послѣдняго состоитъ въ томъ, что оно ничуть не способствуетъ достиженію цѣли.

Извѣстное производство приходится поддерживать деньгами единственно потому, что оно невыгодно, такъ какъ, если-бы оно было выгодно, то само съумѣло-бы поддержать себя. Когда фабрикантъ не можетъ получить отъ покупателя за свой товаръ цѣны, дающей обычную прибыль, то правительство выдаетъ ему премію, которая должна покрыть недочетъ.

Выгодно-ли данное производство, или нѣтъ, премія ни въ какомъ случаѣ не можетъ увеличить силы про-

изводителя. Такъ какъ она послѣдовала за производствомъ, т.-е. была выдана уже послѣ того, какъ вещь была изготовлена, то очевидно, что производитель имѣлъ какія-нибудь средства, чтобы изготовить вещь. Премія могла повліять на его склонность, но не могла увеличить его силы.

Преміи выдавались за различныя производства по всевозможнымъ причинамъ: въ виду древности производства, и въ виду его новизны; потому что оно было въ цвѣтущемъ состояніи, или потому что находилось въ упадкѣ; потому что оно было прибыльно, или потому что было убыточно; потому что оно внушало опасенія, которыя слѣдовало разсѣять, — такъ что нѣтъ ни одного производства, которое не могло-бы по одной изъ этихъ причинъ требовать подобнаго поощренія во всѣ періоды своего существованія.

Какъ разъ по отношенію къ старымъ производствамъ вредъ этой мѣры наиболѣе значителенъ. Давно установившееся производство обыкновенно бываетъ очень обширно: эта обширность — излюбленный доводъ лицъ, добивающихся субсидій для поддержки даннаго производства; притомъ послѣднее приходится изображать въ одно и то-же время и прибыльнымъ, и убыточнымъ: прибыльнымъ — чтобы расположить къ его сохраненію, убыточнымъ — чтобы расположить къ оказанію ему поддержки.

Безполезность преміи для новой отрасли торговли или промышленности очевидна. Въ этомъ случаѣ невозможны, конечно, ни восхваленіе даннаго дѣла, прикрывающееся его мнимой необходимостью, ни пышное описаніе его обширности. Единственнымъ доводомъ здѣсь можетъ быть то, что будучи разъ установлено, оно будетъ и обширно, и прибыльно, но что прежде всего его надо

установить. Что-же дѣлаютъ для того, чтобы установить его? Принимаютъ мѣры, которыя могутъ обнаружить свое дѣйствіе только тогда, когда дѣло уже будетъ установлено. Положимъ, что данное предпріятіе, установившись, будетъ приносить 50 на 100; но чтобы пустить его въ ходъ, нужны предварительно крупныя суммы — настолько крупныя, что капиталисты, въ виду рискованности всякаго новаго дѣла, не рѣшатся дать ихъ. Что сдѣлаетъ правительство? Дастъ-ли оно капиталъ? Нѣтъ, — это было-бы безуміемъ. Дастъ-ли оно сумму заимообразно? Нѣтъ, — это было-бы слишкомъ рисковано. Оно дастъ премію за вещь, когда она будетъ изготовлена...

Почему предпочитаютъ давать преміи, чѣмъ предварительно ссужать капиталъ? Изъ страха быть обманутымъ въ послѣднемъ случаѣ. Если мы сразу дадимъ 10,000 фунтовъ стерлинговъ раньше, чѣмъ вещь будетъ изготовлена, то она, можетъ быть, вовсе не будетъ изготовлена. Какъ же избѣгаютъ опасности? Когда вещь изготовлена, даютъ ежегодно по 10,000 фунтовъ, которые никогда не возвращаются обратно.

Вмѣсто того, чтобы оказаться благодареніемъ, расходъ государства становится все болѣе тягостнымъ по мѣрѣ того, какъ данная отрасль торговли расширяется. Разъ поощреніе оказано, оно продолжается по противоположной причинѣ; сначала оно было вызвано желаніемъ основать предпріятіе, потомъ оно поддерживается страхомъ погубить его. Расходъ, который пришлось сдѣлать въ началѣ, для установленія дѣла, — былъ ничтоженъ, но то, что приходится платить потомъ, чтобы поддержать его, — не имѣетъ границъ.

Капиталъ, выдаваемый въ видѣ опыта какой-нибудь новой отрасли промышленности, всегда сравнительно

невеликъ; но сумма, уплачиваемая въ качествѣ преміи, всегда значительна, или, по крайней мѣрѣ, на это всегда надѣются; потому что, если производство и сбытъ даннаго товара не принимаютъ обширныхъ размѣровъ, если, слѣдовательно, не уплачиваются большія суммы въ видѣ премій за его производство и сбытъ, то дѣло считается неудавшимся: тогда говорятъ, что премія не оправдала ожиданій.

Если данный товаръ—такого рода, что безъ преміи его не стали-бы выработывать, то каждая уплаченная копѣйка есть чистый убытокъ; а если онъ таковъ, что фабриканты и безъ преміи имѣли-бы интересъ изготовлять его, то потеряна будетъ только часть преміи. Значительно увеличивая обычную прибыль этой отрасли торговли, она привлечетъ къ послѣдней большое число людей; благодаря ихъ конкуренціи, цѣна товара понизится соразмѣрно съ самой преміей. На первый взглядъ можетъ показаться, что при такомъ положеніи вещей премія не приноситъ ни вреда, ни пользы, такъ какъ граждане столько-же выигрываютъ благодаря пониженію цѣнъ, сколько теряютъ вслѣдствіе налога, являющагося прямой причиной этого пониженія.

Это было-бы вѣрно, если-бы теряли въ одномъ и выигрывали въ другомъ случаѣ одни и тѣ-же лица, если-бы величина прибыли была точно равна величинѣ налога, и если-бы трудъ, потраченный на всѣ эти операціи, не стоилъ ничего; но эти предположенія совершенно противорѣчатъ дѣйствительности.

Послѣ всего сказаннаго ясно, что премія за производство, въ концѣ концовъ, никогда не будетъ въ состояніи расширить данное производство, къ какому-бы пониженію цѣнъ она не привела. Прибыль производителя не будетъ больше прежней; вся разница въ томъ,

что онъ будетъ получать ее изъ другого источника, — не непосредственно отъ отдѣльныхъ лицъ, а отъ правительства. Если нѣтъ преміи, то уплачивается за вещь тотъ, кто будетъ пользоваться ею; если есть премія, то онъ платитъ прямо только часть цѣны, а остальную часть уплачиваетъ государство, т.-е. болѣе или менѣе значительное число людей, не извлекающихъ изъ этой вещи никакой пользы.

ГЛАВА VII, *)

Преміи за вывозъ.

Что касается премій за вывозъ, то здѣсь ошибка не такъ очевидна, какъ при выдачѣ премій за производство, но вредъ значительнѣе. Въ обоихъ случаяхъ деньги одинаково будутъ потеряны; разница только въ лицахъ, къ которымъ онѣ перейдутъ. Деньгами, которыя вы уплатите за производство, воспользуются люди, живущіе въ вашей странѣ; платя за вывозъ, вы отдаете свои деньги чужеземцамъ. Это есть остроумное средство заставить чужую націю, незамѣтно для нея самой, получать съ васъ дань, подобно тому, какъ одинъ ирландецъ, хотѣвшій сбыть маловѣсную гиней, ловко втеръ ее между двумя полу-су. Въ самомъ дѣлѣ, нація, которая платитъ эти преміи, не получаетъ отъ нихъ никакой пользы; эти деньги потеряны, какъ если-бы ихъ бросили въ море или, по меньшей мѣрѣ, отдали иностранцамъ. Товаръ и безъ преміи былъ-бы вывезенъ или не былъ-бы вывезенъ. Онъ былъ-бы вывезенъ, если-бы иностранцы согласились дать за него цѣну, которая покрыла-бы издержки производства съ

---

*) Въ VI главѣ Бентамъ возстаетъ противъ освобожденія производства отъ налоговъ, которое является скрытой преміей.

прибавкой обычнаго торговаго барыша, и остался-бы не вывезеннымъ, если-бы они не предложили достаточной цѣны. Въ первомъ случаѣ они приобрѣли-бы товаръ, уплативъ его стоимость; во второмъ случаѣ не состоялась-бы убыточная сдѣлка.

Хотя премія и не сдѣлаетъ этого производства болѣе цвѣтущимъ, чѣмъ оно было-бы безъ нея, но она не сдѣлаетъ его и менѣе цвѣтущимъ; однако, чѣмъ болѣе цвѣтущимъ будетъ становиться производство, тѣмъ болѣе убытокъ будетъ оно причинять націи.

Часто говорятъ о невыгодности той или другой отрасли торговли, и беспокоятся по этому поводу. Совершенно напрасно: не можетъ быть, чтобы какое-нибудь торговое дѣло, будучи предоставлено самому себѣ, сдѣлалось невыгоднымъ для націи; это можетъ случиться только тогда, когда государство вмѣшается со своими преміями и льготами, потому что въ ту минуту, когда купецъ перестаетъ получать прибыль отъ своей торговли, онъ закрываетъ ее; а если нація платитъ ему за то, чтобы онъ продолжалъ дѣло, то величина преміи есть точная мѣра убытка, который терпитъ общество.

ГЛАВА VIII.

Запрещеніе соперничающихъ производствъ.

Этотъ видъ мнимаго поощренія никогда не можетъ приносить пользы, но можетъ причинять вредъ: онъ вреденъ или излишенъ—такова альтернатива.

I. Я говорю *излишенъ*: эта привилегія принадлежитъ къ тѣмъ дурнымъ мѣрамъ, которыя въ извѣстныхъ случаяхъ могутъ быть примѣняемы безо всякаго вреда; такое дѣйствіе производитъ эта привилегія въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ запрещаемое производство не было-бы дозволено и безъ запрещенія. Если иностранные товары, обремененные стоимостью перевозки, не будутъ ни доброкачественнѣе, ни дешевле тѣхъ-же товаровъ туземнаго производства, то ихъ не станутъ ввозить; здѣсь запрещеніе вытекаетъ изъ самой природы вещей.

II. *Вредъ*. Путемъ запрещенія конкурирующихъ производствъ вы хотите обезпечить успѣхъ поощряемаго производства, и прежде всего создаете всѣ вредныя послѣдствія монополіи. Вы даете монополистамъ возможность брать болѣе высокія цѣны, и этимъ уменьшаете

возможность пользованія даннымъ предметомъ. Вы дае-те имъ странную привилегію работать хуже, оставаться неподвижными въ ихъ производствахъ, или, по край-ней мѣрѣ, значительно ослабляете принципъ соревно-ванія, который основывается исключительно на конкур-ренціи. Наконецъ, вы поощряете обогащеніе небольшого числа людей въ ущербъ всѣмъ тѣмъ, которые могли-бы принять участіе въ ихъ прибыли. Вы насыщаете до отвала десять дурныхъ производителей, вмѣсто того, чтобы накормить десять тысячъ хорошихъ, и оскор-бляете чувства народа той несправедливостью, тѣмъ на-силіемъ, которыя вытекаютъ изъ пристрастія этой мѣры.

Не слѣдуетъ забывать и того побочнаго вреда, ко-торый влечетъ за собою эта система запрещеній. Она ведетъ къ лишнимъ тратамъ, притѣсненіямъ и проступ-камъ.

Наиболѣе очевидна бесполезность тратъ на содержа-ніе таможенныхъ чиновниковъ, инспекторовъ, береговой стражи; но болѣе дѣйствительный убытокъ—потеря или бесплодность труда тѣхъ, кто занимается контра-бандой, и тѣхъ, кто занятъ, или дѣлаетъ видъ, что за-нять, ея предупрежденіемъ.

Уничтожить внѣшнюю торговлю, удовлетворять свои потребности собственными средствами, все продавать и ничего не покупать — вотъ то безуміе, которое го-сударственные люди считали глубокою политической мудростью.

То-же самое можно сказать и о международныхъ отношеніяхъ: одна нація готова даже съ большими из-держками поддерживать невыгодныя производства, лишь-бы не покупать у другой націи, своей соперницы. Ме-жду отдѣльными лицами не бываетъ такихъ сумасброд-ныхъ отношеній. Если-бы такъ велъ себя какой-ни-

Будь купецъ, -- люди говорили-бы, что онъ хочетъ разорить себя; но онъ не будетъ поступать подобнымъ образомъ: его интересъ слишкомъ вѣрно руководить имъ. Одни только администраторы способны на эту ошибку, да и то лишь тогда, когда дѣйствуютъ на чужой счетъ.

Жадность стремится захватить больше, чѣмъ можетъ удержать. Недоброжелательство предпочитаетъ само пострадать, чѣмъ допустить благо врага.

Глаза больше брюха: эта поговорка нянекъ, вѣрная относительно дѣтей, всегда можетъ быть приложена къ народамъ. Въ частномъ человѣкѣ этотъ недостатокъ исправляется опытомъ; политическій человѣкъ, разъ усвоивъ его, никогда отъ него не освобождается. Если ребенокъ не хочетъ принять лѣкарства, мать и нянька иной разъ могутъ склонить его къ этому, пригрозивъ, что отдадутъ лѣкарство кошкѣ или собакѣ. Какъ часто великіе государственные люди съ упрямствомъ неисправимыхъ дѣтей поддерживаютъ какое-нибудь убыточное производство только для того, чтобы избѣгнуть обидной необходимости предоставить его соперничающей націи!

Государственный человѣкъ, который вѣритъ въ возможность безпредѣльнаго расширенія торговли, не замѣчая, что она ограничена капиталомъ, есть ребенокъ, глаза котораго больше желудка.

Государственный человѣкъ, который старается спасти отъ паденія невыгодную отрасль торговли изъ опасенія, чтобы ею не завладѣла другая нація, есть ребенокъ, который проглатываетъ горькую пилюлю изъ страха, что ее отдадутъ кошкѣ.

Эти сравненія не совсѣмъ приличны, но они вѣрны; и когда заблужденія прикрываются маской величія, тогда

является искушение освѣтить ихъ такимъ свѣтомъ, который унижилъ-бы ихъ.*)

*) Въ слѣдующихъ главахъ Бентамъ трактуетъ объ установленіи цѣнъ на сѣстные припасы, о налогахъ, о ростѣ населенія, объ эмиграціи, о колоніяхъ и о способахъ увеличенія богатства. По всѣмъ этимъ вопросамъ онъ высказываетъ много вѣрнаго, и взгляды его, если исключить нѣкоторую неловкость выраженій, близко сходятся съ современными экономическими доктринами. Въ вопросѣ о населеніи Бентамъ предупредилъ Мальтуса. Эта глава Бентама, написанная за много лѣтъ до сочиненія Мальтуса, была переведена Дюмономъ, который издалъ ее въ 1798 году въ 7 томѣ Британской Библіотеки. Для рѣшенія этой задачи Бентамъ предлагаетъ то-же средство, что и во всѣхъ другихъ случаяхъ—свободу: „Не слишкомъ много управлять, давать возможность людямъ жить такъ, какъ имъ хочется, съ единственнымъ условіемъ, чтобы они не вредили другъ другу. Точно такъ-же и относительно увеличенія богатства,—лучшее, что можетъ сдѣлать государство, это не дѣлать ничего, т.-е. ничего въ смыслѣ активнаго поощренія, потому что сколько-бы оно ни заботилось объ устраненіи препятствій и затрудненій при переходѣ недвижимыхъ имуществъ, сколько-бы ни поощряло переходъ общественныхъ имуществъ въ частную собственность, оно никогда не сдѣлаетъ слишкомъ много“. Къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста заставляетъ насъ опустить эту любопытную часть работы Бентама. Читающіе по-французски могутъ найти „Руководство по политической экономіи“ во второмъ томѣ у Дюмона, гдѣ оно составляетъ часть „Теоріи вознагражденій“ — одного изъ самыхъ интересныхъ сочиненій Бентама. Тотъ, кто пожелаетъ сравнить переводъ съ англійскимъ текстомъ, найдетъ подлинникъ въ III томѣ изданія Боуринга. Это одинъ изъ немногихъ случаевъ, гдѣ измѣненія Дюмона оказываются не вполне удачными. Онъ измѣнилъ порядокъ главъ, и въ оригиналѣ онѣ расположены лучше. Но это касается подробностей, въ общемъ-же сочиненіе не пострадало. Мы закончимъ нашу книгу главой объ отмѣнѣ таксы процентовъ съ капитала. Тотъ-же сюжетъ Бентамъ съ замѣчательнымъ блескомъ и глубиной обработалъ въ своемъ „Трактатѣ о ростовщичествѣ“. Въ этой главѣ онъ излагаетъ тѣ-же мысли болѣе кратко, причемъ однако разсматриваетъ вопросъ съ болѣе широкой точки зрѣнія; желающіе ближе ознакомиться съ предметомъ должны все-таки обратиться къ „Трактату о ростовщичествѣ“. Мѣсто не позволяетъ намъ, къ сожалѣнію, привести цѣликомъ и этотъ трактатъ.

ГЛАВА XIV.

Отмѣна таксы процентовъ съ капитала въ промышленныхъ предпріятіяхъ.

Если законодатели находятъ нужнымъ поощрять новоизобрѣтенныя производства при помощи искусственныхъ вознагражденій, то тѣмъ менѣе основанийъ имѣютъ они ставить преграды вліянію вознагражденій естественныхъ.

Естественное вознагражденіе есть та прибыль, которую изобрѣтатель можетъ извлекать изъ своего открытія путемъ производства. Но каждое производство требуетъ капитала. Если самъ изобрѣтатель не имѣетъ капитала, онъ долженъ искать его въ другомъ мѣстѣ; и всякій законъ, стѣсняющій возможность займа, является тормазомъ промышленности.

Можетъ-ли онъ надѣяться найти займодавца, который ссудилъ-бы ему капиталъ по обычной таксѣ процентовъ? Нѣтъ. Новое предпріятіе всегда сопряжено съ рискомъ; поэтому онъ долженъ предоставить займодавцу прибыль, пропорціональную вѣроятной степени его риска. Для этого существуютъ два средства, и оба запрещены англійскими законами.

Первое средство состоитъ въ томъ, чтобы предоста-
вить заимодавцу опредѣленный барышъ, превышающій
норму; но законы запрещаютъ это, устанавливая непо-
движную таксу процентовъ. Такая фиксація отчасти не-
дѣйствительна, отчасти вредна; но объ этомъ мы гово-
римъ въ другомъ мѣстѣ.

Второе средство состоитъ въ томъ, чтобы предоста-
вить заимодавцу переменный процентъ, пропорціональ-
ный доходности предпріятія *).

Существуютъ прирожденные враги всякихъ заслугъ.
Каждое завоеваніе промышленности для нихъ ущербъ,
каждое открытіе — обида. Посредственные люди имѣ-
ютъ одинъ общій интересъ, который они отлично
понимаютъ, — именно, чтобы все было такъ-же по-
средственно, какъ они сами. Какъ жаль, что писатель,
обладающій великимъ авторитетомъ, способный побѣдо-
носно бороться со всякими предразсудками, пришелъ на
помощь низменному предразсудку противъ генія! Я мно-
го выигралъ-бы, если-бы могъ бороться съ нимъ, не
называя его, потому что его доводы въ этомъ случаѣ
кажутся мнѣ очень слабыми, но его имя сильно.

„Если-бы установлена была высокая такса процен-
товъ“, говоритъ этотъ писатель, „напримѣръ въ размѣрѣ
8 или 10 на 100, то бóльшая часть капиталовъ, кото-
рые могутъ быть отданы займы, ссужались-бы мотамъ
и прожектерамъ, потому что только они и согласились-
бы платить такой высокій процентъ. Благоразумые лю-
ди, желающіе за право пользованія капиталомъ отда-

---

*) Въ Англии капиталистъ, помѣщающій какую-нибудь сумму въ тор-
говое дѣло, дѣлается фактически купцомъ и отвѣчаетъ всѣмъ своимъ
состояніемъ; спеціального закона не существуетъ. Уже послѣ Бентама
англичане усвоили принципъ ограниченной отвѣтственности (limited
liability); это законъ обычнаго права.

вать только часть барыша, который надѣются извлечь изъ него, никогда не станутъ подвергать себя опасностямъ такой конкуренціи. Такимъ образомъ, большая часть народнаго капитала будетъ отнята у тѣхъ, которые, по всей вѣроятности, сдѣлали-бы изъ нея полезное употребленіе, и брошена въ такія руки, гдѣ она несомнѣнно будетъ промотана и уничтожена. Напротивъ, если законная такса процентовъ будетъ опредѣлена только немногимъ выше обычной таксы, то всякій предпочтетъ имѣть должникомъ благоразумнаго человѣка, а не мота или прожектера. Отъ перваго заимодавецъ получить почти такую-же прибыль, какую онъ рѣшился-бы взять съ послѣднихъ, а между тѣмъ его деньги будутъ гораздо лучше обезпечены“ *).

Не только въ этомъ мѣстѣ Смитъ нападаетъ на прожектеровъ, но здѣсь онъ нападаетъ на нихъ прямо. Что касается до мотовъ, то легко доказать, что не имъ ссужаютъ деньги подъ проценты, превышающіе норму: людямъ, которые не имѣютъ никакого торговаго или промышленнаго дѣла, ссужаютъ деньги не иначе, какъ подъ залогъ обезпеченнаго имущества. А когда у человѣка есть имущество, которое онъ можетъ заложить, то ему не придется платить болѣе высокій процентъ только на томъ основаніи, что онъ мотъ. Деньги ссужаютъ подъ обезпеченіе имущества, а не характера. Но этотъ вопросъ я разсматриваю въ другомъ мѣстѣ. Ограничимся тѣмъ, что относится къ прожектерамъ.

Противъ идеи, которая всю свою силу почерпаетъ въ авторитетѣ того, кто ее высказываетъ, можно успѣшнѣе всего бороться при помощи этого самого авторитета.

1. Благосостояніе Англіи развивалось непрерыв-

*) „О богатствѣ народовъ“, кн. II, гл. IV.

но и даже ускоренно въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ духъ прожектерства и предприимчивости сталъ обнаруживаться съ наибольшей смѣлостью; 2. Число бережливыхъ людей всегда было больше числа небережливыхъ; 3. Въ области торговли каждый частный чело-вѣкъ лучше знаетъ свои интересы, чѣмъ правительство, которое ничего не понимаетъ въ частныхъ дѣлахъ; 4. Обще законы еще менѣе способны руководить торговлей, чѣмъ правительство, потому что государственные люди могутъ соображаться съ обстоятельствами, а обще законы не примѣняются къ отдѣльнымъ случаямъ.

Вотъ основныя идеи Смита, драгоцѣнныя и плодотворныя истины, для установленія которыхъ никто не потрудился такъ много и съ такимъ успѣхомъ, какъ этотъ знаменитый публицистъ. Но если разсуждать послѣдовательно на основаніи этихъ принциповъ, то нельзя издавать законовъ, которые стѣсняли-бы прожектеровъ и затрудняли ихъ въ пріисканіи нужныхъ имъ капиталовъ.

Ограниченіе, наложенное на нихъ, ляжетъ въ сущности на каждое новое производство; это будетъ походъ противъ всякаго усовершенствованія въ области искусствъ и знаній. Все, что теперь *рутина*, было при своемъ началѣ *проектомъ*; все, что существуетъ, было нововведеніемъ.

Кто скажетъ, что прежніе проекты были полезны, а будущіе не будутъ полезны? Это будетъ странное утвержденіе, тѣмъ болѣе нуждающееся въ доказательствахъ, что оно противорѣчитъ вѣроятности; опытъ во всякомъ дѣлѣ чего-нибудь да стоитъ.

Если-бы было доказано, что всѣ прожектеры неминуемо разоряются, то отсюда все-таки нельзя было-бы заключать, что слѣдуетъ отбивать у людей охоту дѣ-

латъ открытія. Такойъ человѣкъ, разоряя себя, открываетъ новый путь, который тысячу другихъ людей приведетъ къ обогащенію.

Я могъ-бы далѣе возразить Смиту его собственными словами, цитируя тѣ мѣста, гдѣ онъ доказываетъ не-дѣйствительность законодательной таксировки процентовъ въ виду существованія множества средствъ для обхода подобныхъ законовъ.

Если-бы эти законы дѣйствительно не имѣли никакого вліянія, я не останавливался-бы такъ долго на ихъ обсужденіи; но мнѣ кажется, что они имѣютъ вредное вліяніе на промышленность.

Они закрываютъ дорогу полезнымъ прожектерамъ; я не говорю—всѣмъ, потому что въ такомъ случаѣ та степень благоденствія, на которой мы находимся, была-бы невозможна; но они закрываютъ путь извѣстной части ихъ, и, къ сожалѣнію, невозможно опредѣлить ни качества, ни размѣровъ этой части. Способность воздѣйствовать на матерію и способность воздѣйствовать на умы людей—двѣ различныя вещи. Способность мыслить въ своемъ кабинетѣ не имѣтъ ничего общаго съ способностью доставлять своимъ открытіямъ торжество въ свѣтѣ. Шансы успѣха на поприщѣ изобрѣтенія пропорціональны духовной силѣ человѣка; шансы пріобрѣсти довѣріе тѣхъ, кто можетъ дать займы деньги, пропорціональны умѣнію убѣждать; а это умѣніе не только не стоитъ въ прямомъ отношеніи съ духовной силой, но скорѣе обратно пропорціонально ей. Чѣмъ далѣе человѣкъ держится отъ общества, чѣмъ болѣе онъ сторонится людей, тѣмъ менѣе у него развязности въ обращеніи съ ними, тѣмъ менѣе онъ владѣетъ своими способностями, когда ему приходится выступать на поприще разговора.

Объяснивъ смыслъ своего проекта, изобрѣтатель, чтобы добиться успѣха, долженъ еще склонить капиталиста принять участіе въ этомъ дѣлѣ; здѣсь-то и обнаруживается вредное дѣйствіе запретительнаго закона. Какъ предложить обычный процентъ? Его можно получать безъ риска. Какъ предложить процентъ, превышающій норму, если такой договоръ грозитъ покровителю карой закона? Вы скажете, что ростовщичество существуетъ, несмотря на законы противъ ростовщичества? Да, какъ существуютъ кражи, несмотря на законы противъ воровства; слѣдуетъ-ли отсюда, что эти законы не производятъ никакого дѣйствія и что кражи представляютъ такое-же общее явленіе, какос онѣ представляли-бы при отсутствіи этихъ законовъ? Насколько такіе запретительные законы неблагоприятны для истинныхъ заслугъ, настолько они выгодны для мошенниковъ, хотя-бы уже тѣмъ, что устраняютъ конкуренцію со стороны лучшихъ проектовъ. Главное — умѣніе убѣждать. Этимъ талантомъ чаще владѣетъ поверхностный человѣкъ, наполовину энтузіастъ, наполовину плуть, хорошо знающій людей, чѣмъ труженникъ, знающій только тотъ отвлеченный предметъ, которымъ онъ занимается. Могло-бы казаться, что естественная сила истины есть уже сама-по-себѣ достаточно твердая опора и что она даетъ большое преимущество истинно-талантливому человѣку; но эта внутренняя сила истины обнаруживается только въ такихъ вещахъ, которыя доступны пониманію большинства. Когда дѣло идетъ о предпріятіяхъ, удаляющихся отъ избитыхъ дорогъ подъ руководствомъ воображенія, то опытъ не имѣетъ никакого значенія. Какіе обманщики имѣли наибольшій успѣхъ? Тѣ, которые давали наиболѣе сумасбродныя обѣщанія. Наглые попрошайки, продававшіе философскій камень, встрѣ-

чали въ извѣстную эпоху больше довѣрія со стороны жадныхъ и легковѣрныхъ невѣждъ, чѣмъ изобрѣтатели несомнѣнно - полезныхъ проектовъ. Но преимущество истины передъ ложью состоитъ въ томъ, что на ея сторонѣ время; обманъ исчезаетъ, истина остается. Въ эту ложь перестали вѣрить; этотъ источникъ заблужденій закрылся—и такъ будетъ почти со всякимъ другимъ. По отношенію къ будущему есть больше основаній надѣяться, чѣмъ опасаться.

Чѣмъ болѣе вникаешь въ причины, заставляющія Смита относиться въ прожектерамъ враждебно, тѣмъ болѣе удивляешься тому, какъ далеко онъ уклоняется отъ своихъ принциповъ. Повидимому его мысль была предубѣждена воспоминаніемъ о нѣсколькихъ безразсудныхъ или безчестныхъ прожектерахъ, которыхъ ему случилось наблюдать, и онъ перенесъ на весь классъ свойства этихъ единичныхъ личностей. Остерегаться слишкомъ широкихъ и поспѣшныхъ обобщеній, излагать какой-нибудь тезисъ не ранѣе, какъ сокративъ его до размѣровъ точной истины — таковъ былъ донинѣ крайній предѣлъ и идеаль челоѳческой мудрости.

Для тѣхъ, кто пускается въ полную опасностей область изобрѣтенія, былъ-бы въ высшей степени полезенъ какой-нибудь хорошій трактатъ о проектахъ вообще; онъ могъ-бы занять мѣсто на ряду съ превосходнымъ сочиненіемъ Кондильяка о системахъ. Переходя отъ одной области знанія къ другой, слѣдовало-бы отмѣтить то, что каждая изъ нихъ представляетъ наиболѣе замѣчательнаго въ этомъ родѣ. Химія имѣетъ свой философскій камень, медицина свою панацею, механика свой перпетуумъ мобиле, финансовая наука—свой способъ ликвидировать національные долги безъ издержекъ и несправедливости. По отношенію къ каждой круп-

ной ошибкѣ слѣдовало-бы доказать изъ самаго существа дѣла причину невозможности успѣха; слѣдовало-бы указать на тѣ заблужденія, которыя скрываютъ отъ людей эти непреодолимыя препятствія и внушаютъ имъ ложныя надежды.

Но составляя списокъ неудачныхъ проектовъ, надо избѣгать того злобнаго тона, который какъ-бы торжествуетъ по поводу неудачи генія и старается выставить полезный проектъ въ презрѣнномъ и смѣшномъ видѣ, чего заслуживаетъ только обманъ. Эта ошибка составляетъ отличительную черту сочиненій остроумнаго и желчнаго Свифта. Подъ предлогомъ осмѣянія прожектеровъ, онъ старается сдѣлать посмѣшищемъ для невѣждъ самую науку. Онъ дѣйствительно имѣли въ его глазахъ два большихъ недостатка: во-первыхъ тотъ, что были ему незнакомы; во-вторыхъ тотъ, что онъ составляютъ самое благородное произведеніе человѣческаго рода, который онъ презиралъ. Надо разоблачать прожектеровъ, которые обманываютъ другихъ; надо просвѣщать прожектеровъ, которые обманываютъ самихъ себя; но интересы знанія и справедливости требуютъ, чтобы мы отличали первыхъ отъ послѣднихъ.

Я закончу этотъ бѣглый очеркъ тѣмъ-же замѣчаніемъ, которымъ началъ его, именно, что на политическую экономію надо смотрѣть скорѣе какъ на науку, чѣмъ какъ на искусство. Въ ней можно многое узнать, но мало сдѣлать.

Пчелы дѣлаютъ медъ по инстинкту; для нихъ достаточно покойнаго улья, полей и лѣсовъ, гдѣ онѣ могли-бы собирать свою добычу; но такъ какъ намъ нужна часть ихъ меда, то мы должны изучать ихъ природныя свойства и экономію этого маленькаго народа, чтобы не вредить развитію его производства.